ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ L

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ L

1892

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1892

ВИЛЬЯМЪ ЭВАРТЪ ГЛАДСТОНЪ

Дозв. ценз. Спб., 22 сентября 1892 г.

КЛУБЪ КОЗИЦКАГО ДВОРЯНСТВА.

I.

ОЗИХА была мрачная и грязная, настоящая московская улица, собственно даже и не улица, а цѣлая сѣть маленькихъ, узенькихъ, кривыхъ переулковъ, натыкавшихся другъ на друга и пересѣкавшихся по всѣмъ направленіямъ.

Теперь эта часть города пріобрѣла иной характеръ, но въ то время, къ которому относится мой разсказъ, она была преимущественно населена учащеюся молодежью. Это было въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда надъ прежними дѣятелями прогресса уже былъ справленъ обычный поминальный кругъ, когда имена ихъ сначала просто стали упоминаться рѣже, а потомъ хоть и упоминались, но какъ нѣчто весьма далекое и не довольно знакомое.

Молодежь отдавала имъ справедливость, однако учителями ихъ уже не считала, но за неимѣніемъ ничего болѣе опредѣленнаго продолжала пока дѣйствовать въ духѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ одномъ изъ переулковъ Козихи, между двумя большими каменными грязно-бѣлыми домами, пріютился двухъ-этажный деревянный некрашенный домъ, казавшійся совершенно маленькимъ подлѣ своихъ сосѣдей. Нижній этажъ этого дома былъ занятъ колоніальнымъ магазиномъ, мелочной лавкой и ссудной кассой, а въ верхнемъ помѣщались номера, носившіе названіе «Русь», чтò можно было усмотрѣть на прибитой между первымъ и вторымъ этажами

четыреугольной голубой доскѣ съ надписью, сдѣланной красными славянскими буквами: «Меблированныя комнаты Русь». Въ нихъ вела съ улицы грязная каменная лѣстница, до того узкая, что съ непривычки казалось, что разойтись на ней невозможно и что встрѣтившись придется или самому сойти опять внизъ, или заставить подняться наверхъ того, кого встрѣтилъ. Но это только казалось. На самомъ же дѣлѣ всегда случалось такъ, что одинъ близко прижимался къ стѣнѣ, а другой какъ-то ловко проскальзывалъ мимо него. Лѣстница упиралась въ площадку величиной съ квадратную сажень. Съ лѣвой стороны она освѣщалась окномъ, глядѣвшимъ черезъ заборъ на однообразный и унылый брандмауеръ сосѣдняго дома. Справа одностворчатая, обитая порыжѣвшимъ и мѣстами разорванымъ зеленымъ сукномъ, дверь вела въ коридоръ, дѣлившій этажъ на двѣ половины: налѣво всѣ номера выходили на улицу, направо—на тѣсный, застроенный полуразрушенными плохими службами и заваленный кучами мусора, съ грязными, никогда не просыхавшими, вонючими лужами дворикъ. Прямо противъ лѣстницы висѣла черная доска, на которой мѣломъ писались фамиліи проживающихъ. Впрочемъ только новичку могла прійти въ голову наивная мысль искать на этой доскѣ знакомую фамилію. Дѣло въ томъ, что каждый изъ жильцовъ почиталъ своей священной обязанностью стирать, проходя мимо, нѣсколько буквъ и слоговъ, оставляя такимъ образомъ ужъ не фамиліи, а надписи, содержаніе которыхъ зависѣло отъ остроумія автора и большею частію было нецензурно. Дамы, обитавшія въ меблированныхъ комнатахъ «Русь», ужъ и не глядѣли на эту доску, а кавалеры только посмѣивались.

Вообще номера эти имѣли очень подозрительный видъ и не внушали довѣрія, но населены они были исключительно студентами и курсистками, къ великому огорченію и недоумѣнію содержателя ихъ, толстаго, краснаго и потнаго мѣщанина, хозяина мелочной лавки въ нижнемъ этажѣ, рѣшившагося попробовать «эту коммерцію» для своей «душеньки», «чтобы и имъ при собственномъ дѣлѣ состоять», какъ объяснялъ онъ. Но «душенька» при дѣлѣ состоять не пожелала и очень скоро и самого лавочника промѣняла на болѣе щедраго и болѣе презентабельнаго кавалера, а номера поступили въ вѣдѣніе правой руки лавочника, старшаго приказчика. Но и въ началѣ его правленія номера долго пустовали, «потому какъ настоящаго жильца не находится»,—вздыхалъ приказчикъ, докладывая о своихъ неудачахъ хозяину, и пустовали они до тѣхъ поръ, пока по капризной волѣ судебъ не превратились въ настоящіе студенческіе номера. Правда, съ этихъ поръ они перестали быть бременемъ для кармана лавочника и ужъ никакъ не пустовали, напротивъ къ нимъ очень удачно можно было примѣнить извѣстное выраженіе географическихъ учебниковъ: «плотность народонаселенія превышаетъ нормальную», но зато именно

съ этихъ поръ они сдѣлались предметомъ постоянныхъ заботъ и тревогъ своего содержателя и лишили его, по его собственному увѣренію, «всякаго сна и спокоя», такъ какъ у жильцовъ вѣчно были какія-то неудовольствія и пререканія съ полицейскими властями. Чаще всего они возникали изъ-за того, что паспорта были не въ порядкѣ, но случались и болѣе крупныя недоразумѣнія: двухъ студентовъ совершенно неожиданно забрали ночью жандармы и увезли, не сказавъ куда, «къ самому чорту», какъ догадывался хозяинъ въ разговорѣ съ своими домашними; производились и не разъ повальные обыски, и послѣ одного изъ нихъ самъ лавочникъ принужденъ былъ по предложенію предержащей власти взять на поруки свою жиличку, хорошенькую курсистку Тулаеву, за ея несовершеннолѣтіемъ и полной неопытностью въ житейскихъ дѣлахъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ у лавочника, какъ выражался онъ, «мозгъ замиралъ и все нутро трепыхалось», хотя по наружности его трудно было судить о степени его волненія: онъ только отдувался да обливался потомъ. Мало-по-малу онъ примирился съ обстоятельствами и даже находилъ утѣшеніе въ томъ, что студенты и курсистки народъ нетребовательный. Вся эта молодежь жила здѣсь скученно и безпорядочно, потоварищески, т. е. не считаясь и не стѣсняясь другъ передъ другомъ. Впрочемъ, коренной московской молодежи тутъ не было. Здѣшніе обитатели были все провинціалы, совершенно неопытные, незнакомые съ столичной жизнью, сразу попавшіе въ эту обстановку, застрявшіе въ ней, да и вообразившіе, что это-то и есть настоящая столичная жизнь. Номера эти они называли «норой». Нора пріобрѣла особенную извѣстность, хотя рядомъ было нѣсколько такихъ же домовъ, наполненныхъ студентами и студентками.

Нора первенствовала и, такъ сказать, не столько благодаря формѣ, сколько содержанію. Въ ней жили выдающіеся люди, крикуны, горланы, женщины съ широкимъ взглядомъ на жизнь—«элементы», «квинтъ-эссенція», «соль земли», по терминологіи туземцевъ. Мало того, въ норѣ имѣла постоянное пребываніе главная кучка, извѣстная подъ кличкой «Клуба Козицкаго дворянства» и находившаяся подъ предсѣдательствомъ особаго «губернатора». Въ число членовъ клуба можно было попасть только пьющимъ, а губернаторъ былъ выбранъ почетнымъ избраніемъ послѣ того, какъ всѣ убѣдились, что его перепить невозможно. Эта компанія придавала норѣ веселый характеръ. Въ ней собиралось общество; доступъ въ клубъ возможенъ былъ и просто посѣтителямъ, по вечерамъ здѣсь пили, пѣли, кричали, вели «принципіальные разговоры», создавали «грандіозные» проекты, предлагали «государственныя» реформы, а подъ шумокъ объяснялись въ любви и назначали свиданія. Словомъ, все было въ порядкѣ, какъ и во всякомъ другомъ обществѣ.

Часовъ съ десяти утра до четырехъ дня нора безмолствовала.

Обитатели ея расходились въ разныя стороны съ дѣловымъ, озабоченнымъ видомъ. Одни спѣшили на лекціи, другіе на уроки и занятія, третьи по дѣламъ. Дѣлами называлось все то, что не входило въ первыя двѣ категоріи, но составляло насущную потребность: заложить шубу весной и выкупить лѣтнее пальто, достать у товарищей въ займы болѣе или менѣе значительный капиталъ подъ «честное слово благороднаго человѣка», навѣстить больнаго пріятеля да кстати взять у него на подержаніе пару платья, въ которой онъ въ настоящее время за болѣзнію не нуждается, пріобрѣсти рѣдкое изданіе какого нибудь запрещеннаго въ Россіи сочиненія, которое обыкновенно иныхъ достоинствъ, кромѣ запрещенія, и не имѣло...

Утро въ норѣ проходило тихо, въ сборахъ. Говорили мало. Встрѣчаясь, обмѣнивались короткими, самыми необходимыми замѣчаніями. Двери въ коридоръ пребывали закрытыми. Физіономіи торопливо уходившихъ людей тоже казались закрытыми и какъ будто говорили: проходите, не до васъ теперь. Наконецъ всѣ уходили. Даже тѣ, которые почему нибудь не шли изъ норы, не могли выносить ея безмолвія и, пошатавшись по коридору, рѣшались уйти, куда глаза глядятъ. Нора окончательно пустѣла. Она принимала унылый видъ разореннаго и покинутаго жилища. Въ ея безмолвіи было что-то томительное и ужасное. Кажется, если бы кто нибудь изъ ея обитателей случайно вернулся раньше другихъ, то не остался бы въ ней ни за что и на улицѣ сталъ бы ожидать возвращенія товарищей. Но они обыкновенно возвращались гурьбой. Приходили сразу человѣкъ десять, и нора вдругъ мѣняла физіономію. Начиналось небывалое, странное оживленіе. Двери стояли настежь. Жильцы переговаривались по всѣмъ направленіямъ изъ комнаты въ комнату. Половицы коридора дрожали и скрипѣли подъ давленіемъ пробѣгавшихъ ногъ. Единственный лакей, существо до сихъ поръ невидимое, вдругъ появлялся изъ крохотной угловой темной комнатки, называвшейся буфетной, съ тяжелымъ нечищеннымъ самоваромъ и вносилъ его къ одному изъ запѣвалъ или запивалъ: корни двухъ этихъ словъ здѣсь давно утратили различіе.

Чаще всего самоваръ появлялся на столѣ во второмъ номерѣ, гдѣ обыкновенно присутствовали студенты Ермиловъ и Софіанскій, неразрывные друзья, не смотря на наружное несходство. Ермиловъ высокій, широкоплечій, съ грудью колесомъ, черноволосый парень. Въ своей красной рубахѣ-косовороткѣ и высокихъ сапогахъ онъ очень похожъ на кучера. Этому впечатлѣнію не мало способствуютъ его жирный красный затылокъ и густая, довольно внушительная по своимъ размѣрамъ, курчавая, черная, блестящая борода. Софіанскій тоже высокій, но тщедушный и бѣлокурый молодой человѣкъ, съ бѣлобрысымъ, безбородымъ, безусымъ и даже безбровымъ некрасивымъ лицомъ, съ краснымъ припухлымъ носомъ пуговицей и моргающими сѣро-голубыми добрыми глазами. Ермиловъ гово-

ритъ густымъ басомъ. Впрочемъ, говоритъ онъ мало, а чаще произноситъ гм!.. гумкаетъ и при этомъ всегда хранитъ въ лицѣ нѣчто значительное. Онъ пользуется репутаціей «головы», «мыслителя». Софіанскій говоритъ много и въ разговорѣ горячится, отчего пришепетываетъ и мѣшаетъ буквы *р* и *л*. Голосъ у него жидкій, надтреснутый, неровный, и въ физіономіи проглядываетъ что-то легкомысленное. Его слушаютъ съ улыбкой снисхожденія и любятъ его. Между своими онъ извѣстенъ за человѣка, «преданнаго дѣлу», за человѣка, готоваго умереть «со знаменемъ въ рукѣ», за «беззавѣтнаго». Все это титулы почетные и которыми Софіанскій справедливо гордится, не смотря на всю свою скромность.

Второй номеръ представляетъ довольно просторную комнату въ два окна съ деревянными некрашенными, какъ и во всѣхъ остальныхъ комнатахъ, полами, съ такъ называемой ординарной желѣзной кроватью въ углу и большимъ четырехугольнымъ столомъ, накрытымъ грязною пестрою скатертью. Собственно говоря, жилицей этого номера числилась студентка Бегрова. Она же и платитъ за него. Ермиловъ же и Софіанскій занимаютъ вдвоемъ маленькій въ одно окно номеръ. Но какъ-то ужъ такъ повелось, что оба друга постоянно обрѣтаются въ помѣщеніи Бегровой. Здѣсь же они обыкновенно и ночуютъ, укладываясь спать на полу и оставляя въ полномъ пренебреженіи кровать, которая такъ и остается незанятой, такъ какъ Бегрова въ этихъ случаяхъ отправляется на ночовку къ которой нибудь изъ товарокъ. Но днемъ она любитъ находиться въ своемъ собственномъ помѣщеніи, куда понемногу собирается вся нора.

Какъ только самоваръ водворялся на столѣ, начиналось чаепитіе въ складчину, которая собиралась сама собою.

— Чортъ возьми! У меня нѣтъ чаю!

— Максимова, давайте чаю!

— Сейча-асъ!

— А сахаръ? Кто пойдетъ за сахаромъ?

— Я могу пойти, если денегъ дадите.

— Почемъ фунтъ сахару, господа?

— А чортъ его знаетъ! Соберите на всякій случай полтинникъ, остальное пойдетъ на влагу жизни.

— Bene. Идите, Гуляевъ.

— Господа, а ѣсть никто не хочетъ?

— Пошлите за хлѣбомъ и колбасой.

— Лучше за селедкой бы...

— Вы только о себѣ думаете, Ермиловъ!

— А вы, Бегрова, лучше бы сходили въ качествѣ женщины за съѣстными припасами, чѣмъ такъ околачиваться.

— Дуракъ!

— Гм!..

Наконецъ, когда самоваръ успѣвалъ уже заглохнуть, садились пить чай, жидкій, какъ воду, подливая въ него водку и пиво. Пили помногу, не столько потому, что ужъ такъ хотѣлось, сколько потому, что въ пылу разговора сами не замѣчали, что дѣлали. Шумѣли страшно. Сначала передавали впечатлѣнія дня, восхищались однимъ профессоромъ, негодовали на другаго, изображали ихъ обоихъ въ лицахъ, сочиняли тутъ же на ихъ счетъ анекдоты юмористическаго свойства, хохотали, какъ безумные. Затѣмъ разговоры начинали принимать другое направленіе, серьезное. Почти всегда объ этомъ хлопотала женская партія. Женщины вообще были исполнены глубокаго сознанія собственнаго достоинства и значенія того, чему онѣ служатъ. Мужчины школьничали, пока женщины позволяли это, но наконецъ подчинялись призыву къ серьезу, и тогда самые отчаянные шалуны принимали сосредоточенный и нахмуренный, довольно смѣшной со стороны, видъ, и, ероша волосы, начинали говорить отрывистыя, многозначительныя фразы. Иные просто испускали членораздѣльные звуки. Были ораторы, были слушатели, были партіи. Но это только въ началѣ. Потомъ все какъ-то странно мѣшалось и обращалось въ хаосъ. Лица присутствующихъ краснѣли, глаза суживались, голоса становились хриплыми. Бутылки на столѣ появлялись и исчезали съ замѣчательной быстротой, комната наполнялась запахомъ водки, пива и табачнаго дыма, являлись новые посѣтители и посѣтительницы.

Разговоры лились, но разобрать, о чемъ идетъ рѣчь, было трудно, почти невозможно. Тамъ и сямъ раздавался смѣхъ, время отъ времени прорывалась залихватская пѣсня, гдѣ нибудь въ углу тренькала гитара заунывную, излюбленную студентами-малороссами «Украйну» и громче всѣхъ, надрывая груди, щебетали и кричали молодые женскіе голоса. Непривычный человѣкъ, случайно попавшій сюда съ улицы, подумалъ бы, что судьба занесла его въ жидовскій кагалъ, или подозрительный, бойко торгующій по вечерамъ трактирчикъ, и, конечно, ошибся бы. Это была просто студенческая вечеринка.

Сидѣли долго, далеко за полночь и, расходясь, продолжали говорить у дверей, уходили наконецъ, возвращались назадъ и опять говорили. Наружная дверь на блокѣ въ послѣдній разъ захлопывалась съ жалобнымъ скрипомъ, какъ бы говоря до свиданія, и нора вновь погружалась въ мракъ и тишину. Только въ номерѣ Бегровой, гдѣ происходила вечеринка, оставались губернаторъ Козицкаго дворянства Ермиловъ и вице-губернаторъ Софіанскій и, сидя другъ передъ другомъ въ мрачномъ молчаніи, доканчивали остатки влаги жизни. Они были совершенно готовы, но не сдавались. Завтра лучъ солнца, заглянувъ въ ихъ безпорядочное жилище, застанетъ ихъ подъ столомъ, гдѣ они будутъ покоиться крѣпкимъ

сномъ героевъ побѣдителей, а, проснувшись, они исполнятся нѣжнымъ чувствомъ другъ къ другу, и узы ихъ многолѣтней дружбы сдѣлаются еще крѣпче послѣ вчерашней попойки, а товарищи будутъ съ уваженіемъ взирать на ихъ скомканныя, заспанныя и носящія признаки великой борьбы лица.

— Виватъ, губернаторы!

— Качай губернаторовъ!

Въ пьяномъ снѣ герои предчувствуютъ свое торжество и блаженно улыбаются. Храпъ ихъ разносится по коридору и достигаетъ слуха Бегровой, которая на этотъ разъ ночуетъ въ номерѣ Максимовой. Максимова, нѣжная, тоненькая и очень юная блондинка, крѣпко спитъ, разметавшись на постели. На ея обыкновенно блѣдныхъ и бѣлыхъ, какъ фарфоръ, щечкахъ ярко горятъ два красныхъ пятна отъ выпитаго вина и пива. Бегрова, сильная брюнетка, съ крупными и грубыми чертами лица, въ бѣлой ночной кофтѣ сидитъ у маленькаго столика передъ зажженной сальной свѣчей и, уткнувъ указательный палецъ въ лобъ и прищуривъ глаза, съ глубокомысленнымъ видомъ зубритъ лекцію по физіологіи:

— «Функціи головнаго мозга въ зависимости отъ»...—силится припомнить она, и въ досадѣ на себя за то, что лекція не дается, вдругъ обращается къ своей товаркѣ: — Максимова, вы не спите?

Не получивъ отвѣта, она поворачивается къ ней:

— И эта дрыхнетъ.

Она дуетъ на свѣчку, бросается, не раздѣваясь, на убогій, крохотный диванчикъ и засыпаетъ, какъ убитая.

Нора продолжаетъ до утра безмолвствовать.

II.

На станціи Грушевка Донецкой желѣзной дороги мать прощалась съ дочерью. Дѣвушка стояла въ окнѣ вагона третьяго класса, наклонивъ голову внизъ, и что-то говорила матери смущеннымъ и робкимъ шепотомъ, точно боялась или стѣснялась чего-то. Она была средняго роста, худенькая и блѣдненькая, съ большими черными нѣсколько на выкатѣ, смотрѣвшими подѣтски, глазами. Узенькій лобъ ея пересѣкала заботливая морщинка, на губахъ мелькала печальная улыбка. Она и радовалась чему-то, и жутко ей было. Ей всего восемнадцать лѣтъ, а по виду и того меньше, а она уѣзжаетъ изъ роднаго гнѣзда далеко, въ большой, невѣдомый ей городъ, который и привлекаетъ, и пугаетъ ее.

Мать, пожилая, сохранившая остатки красоты женщина (дочь очень похожа на нее), въ старенькомъ пальто и бѣломъ чепцѣ съ синими лентами пристально вглядывается въ лицо дочери, какъ бы стараясь навсегда запечатлѣть въ своей памяти это милое, доро-

гое лицо и спѣшитъ наговориться съ ней. Ей такъ много нужно сказать, и вотъ, какъ нарочно, слова съ языка нейдутъ. Не то забываетъ она, не то не знаетъ, какъ выразить свою мысль, а мысль эта волнуетъ и тревожитъ ея материнское сердце, и такъ и не успѣетъ она высказать ее. Сейчасъ второй звонокъ. Времени такъ немного, а между тѣмъ обѣ онѣ замолчали, хотя обѣ знаютъ, что молчать не надо, и у той и другой сердце сжимается тоскливо и больно.

— Пиши, Шурочка!—шепчетъ старушка.

— Буду писать, мама.

— Здоровье береги, не простудись, смотри, въ дорогѣ-то. Деньги-то гдѣ у тебя?

Дѣвушка показываетъ на грудь.

— Ну, то-то же. Не потеряй, смотри. Шутка ли, двѣсти рублей... насилу сколотила. Береги деньги-то.

— Хорошо, мама.

— Можетъ, нужно что будетъ, напиши: случай какой, или болѣзнь, еще вышлю.

— Спасибо, мама.

— А то осталась бы дома, Шурочка? А?

Дѣвушка испуганно взглядываетъ на мать.

— Что вы это, мама?

— Ну, хорошо, хорошо. Это я такъ, мой дружокъ. Отпускать-то вѣдь жалко. Учись хорошенько, въ люди выйдешь.

Дѣвушка улыбается.

— Для чего же я ѣду, мама?

— Охъ! Всѣ вы за однимъ ѣдете, да пользы-то изъ вашего ученья мало. Вотъ и Олюшка...

Старушка тяжело вздыхаетъ. На ея увядшихъ щекахъ морщинки становятся еще мельче, и изъ тусклыхъ глазъ ея скатывается робкая слезинка.

— Не плачьте, мама! Оля вѣдь кончаетъ курсъ, скоро пріѣдетъ. А потомъ и я вернусь.

— Когда еще вернешься! Ты думаешь, легко мнѣ: выходила, вынянчила... Одна не успѣла выскочить изъ гимназіи—«прощайте, мамаша!». Какъ я тогда просила Олюшку! Не послушалась. «Скучно, мамаша! Съ тоски умру». А ты вотъ и гимназіи не кончила, тоже за сестрой. Оставили вы меня одну одинешеньку.

Старушка теперь ужъ не удерживалась и громко всхлипывала. Раздался второй звонокъ.

Дѣвушка тоскливо оглядывалась по сторонамъ.

— Будетъ вамъ, мама! — почти съ досадой проговорила она — точно хороните.

— Ну, не буду, голубчикъ! Какъ-то ты въ чужомъ городѣ

устроишься? Какъ пріѣдешь, къ Олюшкѣ сейчасъ съ желѣзной дороги поѣзжай. Одна не вздумай жить.

— Да нѣтъ, мама.

— Молода ты очень, Шурочка! Будь благоразумнѣй, милая. Мужчинъ остерегайся,—шепотомъ прибавляетъ она.

Дѣвушка вспыхнула.

— Ахъ, мама! Какія глупости!

— Всѣ-то вы такъ. И Олюшка тоже, бывало, разсердится, какъ объ этомъ заговоришь, а теперь нако поди, съ мужчиной безъ вѣнца живетъ, говорятъ. Развѣ не горько?

— Ахъ, мама! Вѣдь Ольга не писала вамъ объ этомъ, значитъ и нѣтъ ничего. А вы всякимъ глупымъ слухамъ вѣрите.

— Слухомъ земля полнится, Шурочка. Что-жъ хорошаго, какъ дурно-то говорятъ?

— Да будетъ вамъ, мама! Говорите о чемъ нибудь другомъ. А я какъ пріѣду, напишу вамъ, и увидите, что все неправда.

— Напиши, напиши, милая! Успокой меня,—обрадовалась старушка.

Раздался третій звонокъ.

— Господа, потрудитесь отойти отъ вагоновъ! — прокричалъ кондукторъ.

— Прощай, прощай, Шурочка... доню моя!—лепетала, рыдая, старушка.

— Прощай, мамочка!—со слезами говорила дочь.

— Отойдите, сударыня, нельзя-съ,—произнесъ жандармъ, загораживая своимъ синимъ мундиромъ окно, у котораго стояла Шурочка.

Поѣздъ тронулся. Жандармъ подвинулся назадъ. Красные шнуры его мундира въ послѣдній разъ мелькнули въ глазахъ Шурочки.

А вотъ и она, ея синія ленты, и сморщенное печальное лице, и желтая, худая рука, издали посылающая ей благословеніе, между тѣмъ какъ губы ея, шевелясь, шепчутъ не то молитву, не то слова любви и прощанья.

Но вотъ и она пропала изъ глазъ. Пронеслась мимо красная будка сторожа, баба, держащая флагъ, пестрый шлагбаумъ, пересѣкающій проселочную дорогу, и въ однообразной пестротѣ замелькали желтыя полосы сжатой пшеницы и черныя полосы вспаханной земли.

Ровно и пусто кругомъ.

Страшно становится Шурочкѣ, и она съ тоскливой надеждой спѣшитъ заглянуть впередъ, но и впереди все та же однообразная равнина, безбрежно раскинувшаяся по сторонамъ и сливающаяся на горизонтѣ съ блѣдно-голубымъ куполомъ неба.

III.

Вечерній пассажирскій поѣздъ, пыхтя, подошелъ къ платформѣ Рязанскаго вокзала.

— Москва!—пропѣлъ кондукторъ, пробѣгая по вагону.

Шурочка быстро вскочила и направилась къ выходу, захвативъ подъ мышку подушку въ пестрой ситцевой наволочкѣ и крѣпко держа въ рукѣ небольшой чемоданъ. Не безъ труда выбралась она изъ вагона среди столпившихся въ дверяхъ пассажировъ и лѣзшихъ имъ навстрѣчу съ предложеніемъ услугъ артельщиковъ. Едва ступила она на платформу, какъ ощущеніе усталости и сонливости, преслѣдовавшее ее во все время пути, внезапно уступило чувству страннаго и пріятнаго возбужденія. Волны ослѣпительно-яркаго газоваго свѣта струились ей навстрѣчу и точно согрѣвали и живили все ея существо. Волненіе этой суетившейся, толкавшейся и спѣшившей толпы невольно сообщилось и ей, и она бодро шла вдоль платформы, уносимая живымъ и шумнымъ людскимъ потокомъ, стремившимся въ вокзалъ. Очутившись въ залѣ I и II классовъ, она присѣла на первый попавшійся стулъ и оглянулась по сторонамъ. Взглядъ ея случайно упалъ на большіе круглые часы надъ буфетомъ. Они показывали безъ четверти одиннадцать.

— Господи, какъ поздно!—мелькнуло у нея въ головѣ, но она тутъ же успокоила себя тѣмъ, что вѣдь она въ Москвѣ, а не въ провинціи. Всетаки, ей слѣдуетъ поскорѣй ѣхать къ сестрѣ. Дорожное утомленіе опять стало сказываться. Ей вдругъ захотѣлось прислониться головой къ спинкѣ стула и закрыть глаза. Испуганная, она вскочила и, торопливо вынувъ изъ хорошенькаго перламутроваго портмонэ багажную квитанцію, остановила проходившаго мимо артельщика и попросила его получить ея багажъ, состоявшій изъ небольшой дорожной корзины.

— Вамъ на извозчика что ли? — освѣдомился артельщикъ: — куда нанимать-то?

— Да, да, — обрадовалась Шурочка: — ужъ вы, пожалуйста, и извозчика мнѣ наймите, а то я здѣсь ничего не знаю...

Артельщикъ добродушно усмѣхнулся.

— Куда нанимать-то?—повторилъ онъ.

— Козицкій переулокъ, гостинница «Русь».

Артельщикъ ушелъ, а Шурочка опять сѣла на свое мѣсто и задремала.

— Пожалуйте! Пятьдесятъ копѣекъ—извозчикъ.

Шурочка машинально послѣдовала за артельщикомъ, уносившимъ ея чемоданъ и подушку, на крыльце, машинально сѣла на указаннаго ей извозчика и равнодушно выслушала увѣренія артельщика, что всѣ вещи уложены какъ слѣдуетъ.

— Корзину-то я ему въ ноги поставилъ,— говорилъ онъ, указывая на извозчика:—подушку вамъ за спину положилъ, а чемоданчикъ-то подъ ноги вамъ. Все цѣло будетъ.

— На чай ему нужно дать!—вспомнила Шурочка.

Она пошарила въ портмонэ. Ей попался пятіалтынный, но она не рѣшилась предложить ему такъ мало за услуги и достала еще монету. Это былъ опять пятіалтынный. Тогда она сунула обѣ монеты ему въ руку и смущенно проговорила:

— Благодарю васъ.

Артельщикъ встряхнулъ серебро на ладони, снялъ картузъ, поблагодарилъ и пожелалъ благополучнаго пути.

Пролетка застучала по неровной мостовой. Шурочка съ любопытствомъ смотрѣла по сторонамъ. Послѣ ярко-освѣщеннаго и щеголеватаго вокзала, улицы показались ей темными и грязными. Поразило ее обиліе трактировъ, портерныхъ и номеровъ для пріѣзжающихъ. Послѣдніе видомъ своимъ не внушали ей никакого довѣрія, и она говорила себѣ при взглядѣ на ихъ обитые полосатымъ тикомъ подъѣзды и разноцвѣтныя вывѣски, что ни за что не рѣшилась бы остановиться ни въ одной изъ этихъ гостинницъ.

— А вѣдь Ольга тоже живетъ въ гостинницѣ, — сообразила она и подумала: — не можетъ быть, чтобъ и «Русь» походила на эти. Та вѣрно совсѣмъ въ другомъ родѣ: что нибудь очень скромное, недорогое, но тихое и приличное.

— Ты знаешь «Русь»?—обратилась она къ извозчику.

— Нумера-то?

— Да, гостинницу «Русь»?

— Я-то знаю. Мы тамъ чай пьемъ.

— Какъ!?—почти съ ужасомъ воскликнула Шурочка.

— А такъ. Я тутошній. Мы на Бронной тамъ лошадей кормимъ. Близко отъ нашего-то трактира, рукой подать.

— Что это хорошая гостинница?

— Обнаковенно нумера, не другое что. Дешевая.

— Дешевая?

— Извѣстно не Лоскутная. Такъ себѣ нумерочки... десятый сортъ. Бываетъ и хуже.

Шурочка попробовала было представить себѣ нумерочки, но воображенію ея эта задача оказалась не по силамъ. Мысли ея приняли другое направленіе. Она вспомнила свое прощанье съ матерью, ея слезы, ея просьбы писать... Милая, добрая мамочка! Что-то она дѣлаетъ теперь тамъ далеко, далеко, въ ихъ бѣдномъ, затерявшемся въ степной глуши домикѣ? Спитъ, должно быть... А, можетъ быть, и не спитъ, а стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ, освѣщеннымъ лампадкой, и горько плачетъ, и горячо молится за нее, за Ольгу... А что-то Ольга? Вѣдь она не видала ея два года съ лишнимъ. Какъ-то онѣ встрѣтятся? Ольга была всегда такая

гордая, замкнутая, и относилась къ ней всегда свысока. Еще бы! она старшая. Но Ольга умная и добрая. А какая она красивая! Какая у нея роскошная, густая, темная коса! Теперь она стала еще красивѣе. Онѣ вѣрно полюбятъ другъ друга. Шурочка по крайней мѣрѣ чувствуетъ, что готова полюбить старшую сестру отъ всего сердца. Жаль только, что она не предупредила ее, когда пріѣдетъ. Вдругъ Ольги нѣтъ дома...

— Пріѣхали,—сказалъ извозчикъ, останавливая лошадь.—Ишь конецъ-то какой! гривенникъ прибавить надо.

— Туда ли ты меня привезъ?—усомнилась Шурочка.

— А какъ же не туда! Вонъ вывѣска-то.

Шурочка подняла голову и при тускломъ свѣтѣ далеко стоящаго фонаря убѣдилась, что на вывѣскѣ стояло: «Меблированныя комнаты Русь».

Она стала нерѣшительно выходить изъ пролетки.

— Вы вотъ что, барышня,—сказалъ извозчикъ, соскакивая съ козелъ:—подушечку да ѳемоданчикъ-то съ собой прихватите, а я корзину-то вашу на загорбки себѣ взвалю да и внесу вамъ, чѣмъ ждать-то.

Шурочка послушно взяла свои вещи и робко поднялась по лѣстницѣ. На площадкѣ она остановилась. Извозчикъ внесъ ея корзину и поставилъ.

— Услужающаго-то нѣтъ,— сказалъ онъ.

Шурочка продолжала стоять, какъ вкопанная, не рѣшаясь идти дальше. Сквозь растворенную на площадку дверь неслись изъ корридора шумные голоса, треньканье гитары и громкая пѣсня. Въ клубѣ Козицкаго дворянства давался вечеръ.

— Ишь нѣтъ никого,—сказалъ извозчикъ:—тоже порядокъ.

Онъ вступилъ въ корридоръ и позвалъ:

— Услужающій! а, услужающій! Швицаръ!

Проходившая черезъ корридоръ молодая особа отворила дверь въ буфетную и сказала:

— Петръ! подите сюда. Кажется, этотъ гражданинъ васъ спрашиваетъ.

Эта фраза была привѣтствована громкимъ и сочувственнымъ хохотомъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, столпившихся въ дверяхъ одного изъ номеровъ. Изъ буфетной показался человѣкъ съ сердитымъ и заспаннымъ лицомъ и вышелъ на площадку.

— Ну, чего еще тамъ?— недовольно было началъ онъ, но въ этотъ моментъ взглядъ его упалъ на извозчика и дорожную корзину, и лицо его внезапно приняло довольно привѣтливое и любезное выраженіе.

— Пріѣзжіе-съ? Нумерочекъ вамъ-съ?—услужливо освѣдомился онъ и тутъ же съ озабоченнымъ видомъ прибавилъ:— заняты у

насъ всѣ, да для васъ ежеминутно ослобонить можно-съ. Пожалуйте-съ.

— Да меня ждутъ,—сказала Шурочка, отдавая деньги извозчику.

— Еще бы прибавить надо, барышня, ждалъ-то сколько времени,—сказалъ тотъ:—ужъ прибавьте пятачокъ.

Шурочка дала ему пятачокъ, и онъ съ довольнымъ видомъ пожелалъ ей счастливо оставаться.

— Вѣдь Ховренко здѣсь живетъ?—спросила Шурочка, между тѣмъ какъ Петръ тащилъ ея корзину въ корридоръ.

— А онъ какой изъ себя?

— Не онъ, а она. Ольга Александровна Ховренко, моя сестра. Я къ сестрѣ.

— Здѣсь, здѣсь,—вспомнилъ человѣкъ.—Такъ вы къ нимъ, значитъ. Только ужъ не знаю, какъ вамъ... Впрочемъ это не наше дѣло.

— Она дома?

— Чай дома. Вонъ ихъ спросить можно.

Онъ указалъ на кучку молодыхъ людей и, обращаясь къ нимъ, прибавилъ:

— Вонъ Ховренку спрашиваютъ. Сестра, говорятъ.

Отъ кучки отдѣлился молодой человѣкъ въ синей рабочей блузѣ, невысокаго роста, худой, рыжеватый, съ некрасивымъ веснушчатымъ лицомъ, протянулъ Шурочкѣ руку и сердитымъ, какъ ей показалось, голосомъ произнесъ.

— Гуляевъ. Идите сюда.

Шурочка смущенно вступила за нимъ во второй номеръ.

— Ховренко! Сестра къ вамъ!—закричалъ ея проводникъ и хорошо сдѣлалъ, что закричалъ, иначе за шумомъ его никто бы не услыхалъ.

На противоположномъ концѣ комнаты изъ-за стола поднялась высокая, видная брюнетка, съ коротко-остриженными темными кудрявыми волосами, большими блестящими и влажными глазами, съ ярко горѣвшими румянцемъ щеками и пунцовыми пухлыми губами. Она стремительно бросилась къ Шурочкѣ, схватила ее бѣлыми и сильными руками за плечи и, цѣлуя ее въ обѣ щеки и хохоча, какъ безумная, произнесла низкимъ, груднымъ голосомъ:

— Шурка, поросенокъ ты этакой! Да какіе дьяволы тебя сюда занесли?

— Ольга! Зачѣмъ же ты обрѣзала свою чудесную косу?—неожиданно для самой себя, въ горестномъ недоумѣніи воскликнула Шурочка.

— Слышите, господа? Ха-ха-ха! Sancta simplicitas!

И, все хохоча прямо въ лице смущенной Шурочкѣ, она громко продолжала:

— Господа! Рекомендую: сестра моя Шурка Ховренко. Пріѣхала просвѣщаться на курсахъ и дебютируетъ сентиментальными благоглупостями. Изъ сего вы можете заключить, сколь мы наивны въ дѣлѣ просвѣщенія.

И, обращаясь къ Шурочкѣ, она сказала:

— Глупышъ! Мы и твою косюльку повыщиплемъ. На курсахъ, матушка, времени мало и на то, чтобы учиться, а расчесывать локоны некогда.

Шурочка тяжело вздохнула и недоумѣлымъ и утомленнымъ взглядомъ обвела все общество. Сердце ея вдругъ тихо заныло, и какое-то тоскливое, тяжелое, ей самой непонятное, смѣшанное чувство переполнило ея грудь. И устала-то она, и хотѣлось ей спать, и рада была, что видитъ сестру, и вмѣстѣ ей больно и мучительно стыдно чего-то, а главное кругомъ все такъ чуждо, именно чуждо. Ей стало ужасно жаль матери и захотѣлось вернуться къ ней скорѣй, скорѣй... Слезы показались у нея на глазахъ, ноги подкосились, и она безсильно опустилась на освободившійся около нея стулъ. Она чувствовала себя больной и разбитой. Пальто рѣзало ей плечи, шапочка давила голову. Она догадалась, наконецъ, снять ее и упавшимъ голосомъ проговорила:

— Я очень устала.

Кто-то изъ мужчинъ близко подошелъ къ ней, чья-то голова наклонилась надъ ней, чьи-то руки поспѣшно разстегнули на ней пальто и стащили его съ ея плечъ. Она сразу почувствовала облегченіе и съ благодарностью взглянула на единственнаго сжалившагося надъ ней человѣка. Онъ былъ высокъ, плотенъ и широкоплечъ. Большая, но стройная голова его была покрыта бѣлокурыми волосами, которые немного кудрявились. Лице у него было некрасивое, но умное, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и добрыми голубыми глазами.

— Удивляюсь я вамъ, право, что вы за люди,— добродушно-ворчливымъ тономъ говорилъ онъ: — дѣвочка не успѣла пріѣхать, ногъ подъ собой не слышитъ, а вы ей даже отдохнуть не даете и ужъ начинаете ее пичкать своей либеральной галиматьей.

— Вы вѣчно съ моралью, Благовѣщенскій!—съ досадой возразила Ольга Александровна:—пальто-то она и безъ васъ могла снять.

— Благовѣщенскій отличается своими ретроспективными взглядами,—раздался язвительный женскій голосъ:—Ховренко младшая должна была раздѣться сама, если ей это нужно. Всякій индивидуумъ долженъ самъ умѣть заботиться о себѣ по стольку, по скольку это для него необходимо.

— Вы, Бегрова, должно быть, новую умную книжку прочли?— насмѣшливо освѣдомился Благовѣщенскій.

— У меня и своя голова на плечахъ есть,—пренебрежительно отрѣзала та.

Шурочка съ изумленіемъ разсматривала ее.

Низенькая, коренастая, плотная, съ остриженной подъ гребенку черноволосой головой и блѣднымъ, съ большимъ прямымъ носомъ и густыми черными бровями, лицемъ, она походила на мужчину. Костюмъ ея состоялъ изъ черной короткой юбки, изъ-подъ которой были видны большія ноги въ кожаныхъ грубыхъ полусапожкахъ, и кумачной рубахи-косоворотки, перетянутой желтымъ кожанымъ поясомъ. На шеѣ, на черной ленточкѣ, болталось пэнснэ. Она не переставая курила толстыя папиросы, изъ тѣхъ, что̀ въ продажѣ извѣстны подъ названіемъ «пушекъ». Время отъ времени она сильно затягивалась и, перекативъ папиросу изъ одного угла рта въ другой, сплевывала, или, какъ говорится, цыкала въ сторону, издавая рѣзкій свистящій звукъ и очевидно щеголяя этимъ маневромъ. Шурочкѣ она очень не понравилась.

— Максимова, какая же вы хозяйка?—обратился Благовѣщенскій къ Максимовой, сидѣвшей у самовара:—налейте гостьѣ чаю.

— Правда, Шурка, выпей-ка чайку,—ласково сказала сестра, вглядываясь въ блѣдное, усталое лицо Шурочки:—какая ты слабенькая! Я не думала, что ты такъ устанешь.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы раскисли, Ховренко младшая!—снисходительно обратилась къ ней Бегрова:—вы совсѣмъ не подготовлены къ борьбѣ за жизнь вообще и за эмансипацію женщины въ особенности.

Изъ угла вышелъ молодой человѣкъ съ гитарой, налилъ себѣ рюмку водки, выпилъ, закусилъ колбасой и, пристально глядя на Шурочку, предложилъ:

— Дайте ей лучше водки, господа! Пусть ее выпьетъ!

— Ваша мысль мнѣ нравится, Базилевскій! — поддержала его Бегрова:—выпейте водки, Ховренко младшая! Это васъ встряхнетъ.

Шурочка растерянно поглядѣла на нее и тихо сказала:

— Я никогда не пила.

— Безсмысленное возраженіе!—отрѣзала Бегрова.

— Да оставьте вы ее въ покоѣ!—вступился Благовѣщенскій и передалъ ей налитую для нея чашку чая.

Бегрова съ неудовольствіемъ посмотрѣла на него, сильно затянулась, сплюнула и вызывающимъ тономъ произнесла:

— Русская женщина, надо полагать, еще долго будетъ нести рабскія цѣпи, благодаря тому, что всегда найдутся мужчины, предлагающіе себя въ покровители и готовые помѣшать женщинѣ думать и дѣйствовать самостоятельно.

— Все это вздоръ!—отвѣтилъ Благовѣщенскій:—всегда сильные должны были поддерживать слабыхъ, а женщина всегда была слабѣе мужчины.

— Ахъ, поздравляю васъ! Это прелестно! Вѣдь и человѣкъ слабѣе слона.

— Слонъ не только сильнѣе, онъ еще и глупѣе человѣка,— усмѣхнулся Благовѣщенскій.

— Слышите, господа! Великолѣпно! Значитъ, по-вашему женщина не только слабѣе, но и глупѣе мужчины?

— Смотря по тому, какой мужчина и какая женщина. Если, напримѣръ, взять меня и васъ, то я буду поумнѣе, ну, а если меня и Ольгу Ховренко, то, пожалуй, она умнѣе меня.

— Вы обскурантъ, Благовѣщенскій!—презрительно сжавъ губы, заговорила Бегрова:—вы удивительно отстали отъ вѣка. Если-бъ вы изучили Дарвина, вы знали бы, что жизнь есть борьба за существованіе. Сильнѣйшіе индивиды завоевываютъ себѣ право на существованіе, слабѣйшіе гибнутъ. И было бы неразумно поддерживать ихъ, такъ какъ это только помѣшало бы прогрессу. Пусть околѣваютъ, если не умѣютъ постоять за себя!

Она съ торжествомъ умолкла.

— Браво! браво! Вы настоящая передовая женщина, Бегрова!— прокричалъ визгливый голосъ, проглатывая букву *р*, и въ комнату вошелъ новый гость.

— Здравствуйте, Швигерзонъ!—привѣтствовала его Бегрова.

Въ вошедшемъ сразу можно было узнать еврея, хотя ничего рѣзко-еврейскаго въ немъ не было. Онъ былъ невысокаго роста и тщедушенъ, и съ перваго взгляда его можно было принять за мальчика-подростка, чему не мало способствовала надѣтая на немъ сѣрая гимназическая куртка. При ближайшемъ знакомствѣ онъ производилъ впечатлѣніе, какъ разъ обратное. Его близко поставленные узкіе, осѣненные изсиня-блѣдными вѣками, глаза глядѣли устало. Въ выраженіи его блѣднаго, покрытаго дряблой кожей, лишеннаго бороды и усовъ, лица и вообще во всей его фигурѣ сказывалось что-то старческое, безсильное, немощное. Маленькая, яйцевидная голова его была прикрыта рѣдкими, гладко-причесанными на косой приборъ темными волосами, которые совсѣмъ не закрывали его большаго, неумнаго, сжатаго въ вискахъ лба. Тонкій, съ широкими блѣдными ноздрями, носъ напоминалъ клювъ хищной птицы. Тонкія и длинныя, безцвѣтныя губы обнаруживали рядъ желтыхъ, неровныхъ зубовъ. Онъ безпрестанно улыбался, и въ этой улыбкѣ было что-то наглое и вмѣстѣ трусливое и заискивающее.

— Почтеніе превосходительствамъ! — шутовскимъ тономъ произнесъ Швигерзонъ, низко кланяясь Ермилову и Софіанскому, которые вмѣстѣ съ гитаристомъ Базилевскимъ составили свою компанію и, усердно осушая пивныя бутылки, почти не вмѣшивались въ общій разговоръ.

— Что новенькаго, іерусалимскій космополитъ?—спросилъ Софіанскій.

— А что же можетъ быть новаго въ Россіи, гдѣ царствуютъ произволъ и застой? Ничего. Nihil.

— Или гиль,—сострила Ольга Ховренко.

— А это-жъ правда, — обрадовался Швигерзонъ. — Ахъ, Боже мой! Что же это за отсталая страна, я удивляюсь. Русскій мужикъ, напримѣръ, совсѣмъ баранъ, настоящій баранъ. На Западѣ каждая страна пережила разныя конституціи, революціи, а у насъ простой народъ даже не понимаетъ, что это значитъ.

— У насъ мало преданныхъ людей,—мрачно нахмуривъ брови, вмѣшалась Бегрова:—мы все любимъ сидѣть да ждать у моря погоды. Глупо думать, что революція сама къ намъ пожалуетъ. Надо сдѣлать революцію.

— Вы, однако, потише, господа,—предложилъ Софіанскій.

— Я же думаю, среди насъ нѣтъ шпіоновъ,—безпокойно оглядываясь по сторонамъ, сказалъ Швигерзонъ.

— А что же ваша жена не пришла, Швигерзонъ? — спросила Максимова.

— Какая жена? Я же не женатъ.

— Ну, все равно. Я спрашиваю, отчего не пришла Лейбова?

— А я же ея больше не вижу. Я теперь ужъ на другой жениться хочу, какъ слѣдуетъ.

— То-есть какъ это, какъ слѣдуетъ? Вѣнчаться будете?—высокомѣрно освѣдомилась Бегрова.

— Да, и вѣнчаться.

— Съ какой же это стати? Я не думала, что вы—такой ретроградъ.

— Невѣста хочетъ.

— Значитъ, ваша невѣста совсѣмъ неразвитая женщина!—продолжала недоумѣвать Бегрова.

— Нѣтъ, она развитая. Только не очень.

— На комъ же вы женитесь? на еврейкѣ?—полюбопытствовалъ Благовѣщенскій.

— Зачѣмъ же на еврейкѣ? Я хочу жениться на русской.

— Ну?—удивился Благовѣщенскій.—Значитъ, и креститься будете?

— Что же! и креститься буду,—самодовольно подтвердилъ Швигерзонъ.

— Когда же вы будете креститься? Хотите взять меня въ крестные отцы?

— Благодарю, у меня ужъ есть очень хорошій крестный отецъ, богатый купецъ, а крещусь я наднях.

— Что же вы искренно мѣняете религію? Это не противно вашему нравственному чувству?

— Какія вы глупости говорите, Благовѣщенскій!—возмутилась Бегрова.—Въ васъ такъ и сидитъ попъ. Что это за архаизмы: религія, нравственное чувство? Это все придумали тираны и попы, чтобъ держать людей, какъ собакъ, на цѣпи.

— Ну, и живите съ вашими взглядами, а я спать хочу и ухожу домой. До свиданія, свободные граждане. Прощайте, барышня!

Послѣднія слова относились къ Шурочкѣ, которой на прощанье онъ протянулъ руку. Она подала ему свою и пожалѣла, что онъ уходитъ. Онъ показался ей такимъ симпатичнымъ и добрымъ.

— Господа, вниманіе!—крикнула Бегрова, какъ только Благовѣщенскій удалился: — предупреждаю васъ, что Благовѣщенскій для насъ опасенъ. Онъ ренегатъ. Вы согласны, Швигерзонъ?

— Да, кажется, опасенъ. Онъ не сочувствуетъ общему дѣлу.

— Ну, что за вздоръ!—сказалъ Ермиловъ:—онъ хорошій товарищъ.

— Онъ не можетъ быть хорошимъ товарищемъ, если онъ не сочувствуетъ,—настаивалъ Швигерзонъ.

— Разумѣется,—горячилась Бегрова:—намъ нужны люди преданные, а не такіе, которые во время рѣшительнаго сраженія перейдутъ на сторону враговъ.

— Ну, какое еще тамъ... сраженіе? — протянулъ Ермиловъ, и все лице его скривилось лукавой и лѣнивой усмѣшкой:—это вѣдь не сейчасъ, гм...

И, обернувшись къ сидѣвшему рядомъ Базилевскому, онъ подмигнулъ ему на гитару и хриплымъ съ перепоя голосомъ запѣлъ:

«И пить будемъ, и гулять будемъ,
«А смерть прійдетъ, помирать будемъ».

Базилевскій, ловко перебирая струны, аккомпанировалъ ему.

«Ходи лавка, ходи печь!
«Ермилову негдѣ лечь!»

продолжалъ распѣвать Ермиловъ.

— Ну, ужъ это, братъ, изъ другой оперы, — захохоталъ Базилевскій.

— Удивляюсь вамъ, Ермиловъ,—внушительно произнесла Бегрова:—васъ предупреждаютъ объ опасности, грозящей цѣлому обществу, а вы поете дикія пѣсни дикаго народа.

— Молчать!—заревѣлъ Ермиловъ: — не хочу... канитель разводить!... Я... пьянъ!... Гуляй душа!...

Шурочка, успѣвшая нѣсколько отдохнуть, или вѣрнѣе перемочь сонъ и утомленіе, давно уже съ любопытствомъ присматривалась къ окружающимъ. Послѣднія слова Ермилова были для нея откровеніемъ. Она вдругъ догадалась, что всѣ они, если не прямо пьяны, то навеселѣ, и сильно навеселѣ. Почти у всѣхъ женщинъ какъ-то странно блестѣли глаза и ярко горѣли щеки. У одной только Бегровой лице оставалось блѣднымъ, но видимо она была сильно возбуждена. Софіанскій сдѣлался мраченъ и угрюмо уединился въ уголъ, не забывъ захватить съ собой стаканъ съ пивомъ.

Ермиловъ раскутился и все приставалъ къ Базилевскому съ «барыней».

— Ты играй, а я попляшу,—бормоталъ онъ.

— Отстань, — возражалъ Базилевскій, тоже готовый и вслѣдствіе того вдругъ получившій склонность къ нѣжнымъ романсамъ.—«Поймешь ли ты души моей волненье»,—тянулъ онъ прочувствованнымъ тономъ, подыгрывая себѣ на гитарѣ.

— Ну, Спирю дерни, — не унимался Ермиловъ: — гм... будь другъ. Спиря, Спиря, Спиридонъ, донъ, донъ!— старался онъ разлакомить Базилевскаго.

— Отстань,—съ досадой повторялъ тотъ:

«Минувшихъ дней минувшую печаль»...

Гуляевъ подсѣлъ къ Максимовой и маленькой, скромной Тулаевой и, сдѣлавшись гораздо развязнѣе и разговорчивѣе, нашептывалъ имъ любезности.

— Я блондинокъ... очень... цѣню... полненькихъ,—признавался онъ, поглядывая на бѣлокурую косу Максимовой:—но и брюнетка, это тоже... ничего хорошо, — не желая обидѣть черноволосую Тулаеву, прибавлялъ онъ.

Обѣ дѣвицы хихихали глупымъ и страннымъ смѣшкомъ.

Расходившійся Ермиловъ, убѣдившись, что всѣ его мольбы не могутъ сломить упрямства Базилевскаго, увлекшагося своимъ романическимъ настроеніемъ, на зло ему сталъ предлагать пѣть хоромъ.

— Что онъ ноетъ, господа! — кричалъ онъ. — Давайте пѣсни орать, а то стекло разобью, ей-Богу, разобью. Гражданки, пойте!

— Давайте и правда пѣть,—убѣждалъ своихъ дамъ Гуляевъ:— Базилевскій, запѣвай!

— Всѣ хотятъ пѣть?—спросилъ Базилевскій.

— Всѣ! всѣ!

— Ну, ладно. Пой, ребята.

«Возлѣ рѣчки, возлѣ моста—ахъ (2)!

Всѣ подхватили пѣсню съ одушевленіемъ, не заботясь объ исполненіи и только стараясь перекричать другъ друга:

«Школа земская стояла, да упала (2).
«Какъ во томъ же во селеньѣ (2)
«Питейное заведенье процвѣтало.
«Много лѣтъ оно стояло—не погнулось.
«Разобьется стекло въ школѣ,
«Самъ учитель его вставитъ поневолѣ.
«Въ кабакѣ коль что сломаютъ,
«То деревня цѣлымъ міромъ поправляетъ.
«Въ кабакѣ коль дверь сорвется,
«Человѣкъ сорокъ народу соберется:
«Выпьютъ водочки по чаркѣ,
«Все поправятъ, все починятъ безъ побранки».

Ермиловъ, тяжело переваливаясь и натыкаясь на предметы, съ довольнымъ видомъ расхаживалъ по комнатѣ.

— А вы что-жъ не поете? — остановился онъ вдругъ передъ Шурочкой, тупо уставивъ на нее свои посоловѣлые глаза:—и вы пойте.

Шурочка молчала. Она, трезвая, начинала себя чувствовать очень неловко въ этой компаніи пьяныхъ людей.

Ермилова, повидимому, осѣнила новая мысль. Онъ подошелъ къ столу, вылилъ изъ бутылки пиво въ большую стеклянную кружку и поднесъ ее Шурочкѣ.

— Я не хочу,—сказала она.

— Нельзя,—возразилъ онъ:—пейте.

— Нѣтъ, я не стану,—рѣшительно отказалась Шурочка.

— Пейте, пейте! — раздалось кругомъ. — Нельзя отказываться, когда губернаторъ предлагаетъ. Пейте.

— Господа!—заступилась за сестру Ольга,—на первый разъ ее можно освободить. Оставьте ее.

— Это не порядокъ! Нельзя! Отчего же не выпить? — посыпались со всѣхъ сторонъ недовольныя возраженія.

— Ховренко младшая!—строго сказала Бегрова: — у насъ правило: не отказываться отъ пива, если его предлагаетъ губернаторъ въ количествѣ двухъ бутылокъ. Отъ водки вы можете отказаться.

— Одну бутылку я, можетъ быть, еще какъ нибудь и выпила бы, — возразила взволнованнымъ голосомъ Шурочка, чувствуя себя глубоко обиженной такимъ насиліемъ,—но двухъ я не могу...

— Двухъ вамъ и не предлагаютъ, но и двѣ выпить ничего не стоитъ, — убѣждала Бегрова, — пейте же, Ховренко младшая, не капризничайте.

— Пейте, пейте! Губернаторъ самъ предлагаетъ, отказываться нельзя,—шумѣли всѣ, окруживъ Шурочку.

— Пейте! — нетвердо стоя на ногахъ и расплескивая кружку, повторялъ Ермиловъ.

Шурочка почувствовала, какъ горло ея до боли сдавила судорога. Нѣсколько мгновеній она сидѣла молча, не будучи въ силахъ произнести ни слова. Потомъ она вдругъ вскочила, съ силой оттолкнула отъ себя ненавистную кружку, отчего пиво частію попало на Ермилова, а частію вылилось на полъ, и, крикнувъ не своимъ голосомъ: — Не смѣйте! Какъ вы смѣете! — рыдая, упала опять на стулъ.

Всѣ были поражены чрезвычайно.

— Слабая тряпичная натура!—высказала свое мнѣніе Бегрова и презрительно посмотрѣла на бившуюся въ истерикѣ Шурочку.

Всѣ остальные отнеслись къ ней съ участіемъ. Максимова и Тулаева нашли гдѣ-то холодной воды и склянку одеколона и съ помощью Ольги Александровны принялись успокоивать и утѣшать дѣвушку.

— Пойдемъ-ка, Шурочка, ко мнѣ въ номеръ,—сказала Ольга:— тебѣ надо лечь, бѣдная!

Шурочка съ радостью послѣдовала за ней. Номеръ Ольги Александровны былъ маленькій, но въ немъ стояли кровать и большой мягкій диванъ, на которомъ, къ удивленію Шурочки, уже была приготовлена постель. Она замѣтила также, что бѣлье было несвѣжее, но не придала этому обстоятельству большаго значенія, только спросила у сестры:

— Мнѣ на диванѣ?

— Да, да. Ложись, пожалуйста! Ужъ свѣтаетъ.

Шурочка поспѣшно раздѣлась и съ наслажденіемъ вытянулась на диванѣ. Она не спала, но молчала. Ей просто не хотѣлось говорить, не хотѣлось нарушать тишину. Ольга Александровна тоже молчала. Наконецъ, Шурочка начала дремать. Вдругъ осторожный стукъ въ дверь заставилъ ее вздрогнуть. Она прислушалась. Стукъ повторился, и вслѣдъ затѣмъ мужской голосъ яснымъ шепотомъ произнесъ:

— Ольга, ты спишь?

Шурочка затаила дыханіе. Она слышала, какъ сестра вскочила съ постели и босикомъ на цыпочкахъ подошла къ двери.

— Вячеславъ, это ты?

— Я. Отвори скорѣе.

— Ко мнѣ нельзя. У меня сестра. Сегодня пріѣхала.

— А, чортъ! Развѣ нельзя ее было положить у кого нибудь? Гдѣ же мнѣ спать?

— Не сердись, Вячеславъ. Поди въ номеръ къ Ермилову. Тамъ вѣрно никого нѣтъ.

— Ольга!—сказала Шурочка, когда сестра вернулась на свою постель,—это кто приходилъ?

— Вальцевичъ,—недовольно отвѣтила та.

— Развѣ... онъ здѣсь спитъ?

— Да.

— Значитъ, это правда... что...

— Что такое?

— Что ты...

— Какъ это глупо! — съ раздраженіемъ вскричала Ольга Александровна:—зачѣмъ ты притворилась, что ты спишь?

Но ей стало совѣстно, что она такъ разсердилась на Шурочку, и она кротко сказала:

— Спи, сестренка. Не сердись на меня, голубчикъ. Ты еще молода и не знаешь, что такое жизнь. Спи себѣ.

Шурочкѣ захотѣлось подбѣжать къ сестрѣ и крѣпко обнять ее и расцѣловать, но она не рѣшилась и только, вздохнувъ, сказала:

— Прощай, Ольга, милая! Я люблю тебя.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА [1].

I.

Зарожденіе нашей малой прессы.—Моя мысль издавать дешевый еженедѣльный, политико-литературный журналъ. — Переговоры съ В. А. Прохоровымъ о пріобрѣтеніи отъ него «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній». — Намѣреніе мое возобновить «Сынъ Отечества». — Исторія этого журнала до перехода его ко мнѣ.—Фурманъ и Демидовъ.—Моя переписка съ Масальскимъ.

НАША такъ называемая малая пресса народилась въ 1856 году, съ превращеніемъ стараго «Сына Отечества» въ еженедѣльную газету. Съ этого времени мы имѣемъ возможность описать ея развитіе и подробно выяснить, какое она имѣла значеніе для нашего общества, какой переворотъ произвела въ нашей журналистикѣ вообще, какую выгоду принесла почтовому вѣдомству, и какъ, наконецъ, стала вырождаться, гаснуть и сдѣлалась исключительно коммерческимъ дѣломъ... лишившись своего первоначальнаго характера и значенія.

При обозрѣніи нашей малой прессы, которой представителемъ служитъ «Сынъ Отечества», за такой длинный рядъ годовъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы въ изложеніи ея развитія можно было слѣдовать шагъ за шагомъ отъ одного явленія къ другому,—я имѣю собственно въ виду обращать вни-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLI, стр. 507—550.

маніе читателя лишь на лица и моменты, наиболѣе содѣйствовавшіе ея успѣху, и на обстоятельства, дававшія сильный толчекъ этому дѣлу.

Я намѣренъ говорить здѣсь лишь о томъ, что не было извѣстно обществу въ свое время, или что теперь забыто, или вовсе неизвѣстно современному поколѣнію.

Наша дешевая журналистика и малая газетная пресса зародилась случайно, и не вслѣдствіе подражанія иностранной дешевой или малой прессѣ, которой съ такимъ характеромъ, съ какимъ она появилась у насъ съ 1856 года, еще не было тогда въ Европѣ.

Будучи соредакторомъ О. И. Сенковскаго по журналу «Библіотека для Чтенія» съ декабря 1848 года, я уже въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ сталъ помышлять о новомъ дешевомъ изданіи, изданіи популярномъ и съ образовательною цѣлью; но дѣло все не клеилось и останавливалось за матеріальными средствами; наконецъ, въ началѣ 1855 года, дѣло это чуть было не осуществилось. Новыхъ журналовъ тогда не разрѣшали, слѣдовательно приходилось подумать о возобновленіи или о возрожденіи чего нибудь прежняго.

Послѣ долгихъ соображеній я остановился на мысли о пріобрѣтеніи отъ занимавшагося тогда литографическими работами, учителя морскаго корпуса, В. А. Прохорова, «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній», едва влачившаго свое жалкое существованіе и почти уже прекращавшагося. Редакторъ и издатели этого журнала, В. А. Прохоровъ, А. П. Милюковъ и А. А. Чумиковъ вовсе не уяснили себѣ цѣли своего изданія; оно не пошло, а ковыляло, не смотря на то, что Прохоровъ прилагалъ къ нему всевозможныя литографіи, не идущія къ дѣлу.

«Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній» былъ основанъ еще въ тридцатыхъ годахъ извѣстнымъ своими неудачными предпріятіями, Тарасенко-Отрѣшковымъ, затѣявшимъ это изданіе, какъ членъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества, и получавшимъ, кажется, отъ общества нѣкоторую субсидію на это изданіе, которое, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ безъ особеннаго успѣха, погасло и перешло къ В. А. Прохорову, въ рукахъ котораго, какъ сказано выше, оно окончательно пало.

Въ началѣ 1855 года, я обратился къ В. П. Печаткину съ предложеніемъ, неугодно ли ему войти со мною въ это изданіе. Заручившись его согласіемъ сдѣлаться издателемъ «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній» подъ моей редакціей, я предложилъ г. Прохорову продать мнѣ свое изданіе. Прохоровъ сначала охотно соглашался передать намъ «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній» за 1.000 рублей серебромъ, но потомъ вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе и потребовалъ отъ насъ 1,500 рублей серебромъ. Такая выходка г. Прохорова намъ не понравилась, и мы оставили эту мысль, тѣмъ болѣе, что въ это время послѣдовала кончина императора Николая

и тогда, вслѣдствіе нашихъ неудачъ въ Крымскую войну, было не до новыхъ затѣй. Такъ прошелъ до конца 1855 годъ, и я охладѣлъ къ своей мечтѣ предпринять дешевое періодическое изданіе.

Съ наступленіемъ 1856 года, когда Крымская война была уже на исходѣ, прежняя моя идея опять начала сильно подмывать меня, чему не мало содѣйствовали получаемые мною тогда для редакціи «Библіотеки для Чтенія» французскіе журналы: «Journal pour tous»» и «Voleur», пользовавшіеся громаднымъ успѣхомъ во Франціи. При полученіи этихъ еженедѣльныхъ журнальчиковъ у меня постоянно возобновлялась мысль о предпринятіи чего либо подобнаго въ Россіи. Но въ иностранныхъ журналахъ играли важную роль ихъ форматъ, популярное изложеніе, живость выбираемыхъ для популяризаціи предметовъ и баснословно низкая цѣна. Программа задумываемой мною газеты-журнала была совсѣмъ иная, обширная, и лишь отчасти литературная, главное же—это должна была быть дешевая политико-литературная газетка.

Когда мысль эта бродила въ моей головѣ и не давала мнѣ покоя ни днемъ ни ночью, я въ одно утро, разбирая свой книжный хламъ, отыскивая что-то, случайно наткнулся на старые номера «Сына Отечества», издававшагося въ двадцатыхъ годахъ еженедѣльными выпусками въ два печатныхъ листа Н. И. Гречемъ, потомъ, въ сороковыхъ годахъ, К. П. Масальскимъ, наконецъ превратившагося въ толстый, ежемѣсячный, безсодержательный журналъ подъ редакціею П. Р. Фурмана, который и убилъ его окончательно.

Мнѣ вздумалось превратить этотъ старый журналъ въ дешевое еженедѣльное изданіе. Но «Сынъ Отечества» былъ прекращенъ оффиціально, на основаніи закона, говорившаго, что журналъ, не издававшійся цѣлый годъ, считается изданіемъ прекращеннымъ, и возобновить его можно не иначе, какъ испросивъ на то высочайшее разрѣшеніе чрезъ министра народнаго просвѣщенія.

Желаніе добиться права на возобновленіе «Сына Отечества» охватило все мое существо...

Въ 1856 году я жилъ на Петербургской сторонѣ, на Большой Зелениной улицѣ, въ домѣ Аверина—старика, выдумавшаго такъ называемую Аверинскую травку противъ золотухи, распространенную по всей Россіи и доставлявшую ему порядочный доходъ, а потомъ и его наслѣдницамъ, двумъ дочерямъ. Это былъ тогда единственный красивый домъ на этой улицѣ, и, по смерти старика Аверина, я былъ первый жилецъ, занявшій его квартиру. Здѣсь-то и задумано было возрожденіе «Сына Отечества», и послѣдовало его осуществленіе.

Въ одинъ январьскій морозный день, отправляясь въ городъ по дѣламъ редакціи «Библіотеки для Чтенія», я рѣшился собрать справки, кому послѣднему принадлежало право изданія «Сына

Отечества». Въ городѣ мнѣ прежде всего надо было завернуть въ Телячій переулокъ, въ домъ де-Роберти [1]), гдѣ находилась типографія О. Д. Дмитріева, въ которой печатались тогда послѣдніе томы редактируемаго и издаваемаго мною «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря». На дорогѣ я вспомнилъ, что Дмитріевъ, знакомый и имѣвшій дѣла съ бумажнымъ фабрикантомъ К. Жернаковымъ, можетъ доставить всѣ нужнѣйшія для меня свѣдѣнія по «Сыну Отечества», такъ какъ Жернаковъ былъ одно время собственникомъ и издателемъ этого журнала.

И дѣйствительно я узналъ отъ Дмитріева все, что мнѣ было нужно, и могъ приступить къ задуманному мною дѣлу.

Передавъ Дмитріеву подписанные мною къ печати листы «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», я завелъ разговоръ о «Сынѣ Отечествѣ», кому онъ принадлежалъ въ послѣднее время и какое къ нему имѣлъ отношеніе К. И. Жернаковъ. Дмитріевъ, ничего не подозрѣвая, разсказалъ мнѣ исторію перехода «Сына Отечества» изъ однѣхъ рукъ въ другія за послѣднія шесть лѣтъ. Онъ объяснилъ, что К. П. Масальскій передалъ «Сынъ Отечества» Жернакову на извѣстныхъ условіяхъ, вторымъ же редакторомъ, по просьбѣ Масальскаго, былъ утвержденъ Петръ Романовичъ Фурманъ (извѣстный въ свое время быстрѣйшій переводчикъ съ французскаго и нѣмецкаго, затѣмъ секретарь Анатолія Демидова, кончившій редакціей «Полицейскихъ Вѣдомостей»).

Привожу не безъинтересные документы по этому дѣлу, полученные мною впослѣдствіи отъ самого Масальскаго:

«3-го декабря 1853 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ К. П. Масальскій заключилъ договоръ съ почетнымъ гражданиномъ, с.-петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ, Константиномъ Ивановичемъ Жернаковымъ, въ томъ: 1) что положили они кончить миромъ тяжебное дѣло ихъ, начавшееся въ с.-петербургскомъ городскомъ магистратѣ по иску Масальскаго по контракту, заключенному между ними 11-го сентября 1849 года о продажѣ Масальскимъ Жернакову права на изданіе журнала «Сынъ Отечества», и подать вслѣдъ за симъ общую просьбу о прекращеніи Масальскимъ тяжбы; 2) всѣ пункты контракта 1849 года сохраняютъ прежнюю силу въ пользу ихъ обоихъ, съ тѣмъ, по общему ихъ согласію, измѣненіемъ, что Масальскій отказался отъ полученія условленной имъ отъ Жернакова платы по 100 рублей сер. по

---

[1]) Домъ де-Роберти замѣчателенъ тѣмъ, что во время первой холеры въ Петербургѣ тамъ былъ холерный лазаретъ, и съ него началось избіеніе докторовъ и бунтъ на Сѣнной, усмиренный Николаемъ Павловичемъ. Потомъ въ этомъ помѣщеніи никто не жилъ, а впослѣдствіи здѣсь помѣщалась типографія Дмитріева, остатки бывшей типографіи К. Жернакова, гдѣ печатался «Справочный Энциклопедическій Словарь», и куда я заглядывалъ довольно часто.

выходѣ каждой книжки; 3) въ вознагражденіе за всѣ свои убытки Масальскій получилъ отъ Жернакова при заключеніи этого договора заемное письмо на сумму въ 700 рублей сер. срокомъ по 3-е іюня 1854 года и наличными деньгами 800 рублей сер.; 4) затѣмъ, такъ какъ относительно права на изданіе «Сына Отечества» Масальскій вошелъ въ особыя сношенія съ Фурманомъ и Раппопортомъ, съ которыми вмѣстѣ съ симъ сдѣланъ особый актъ, то всѣ его, Масальскаго, претензіи на Жернакова по изданію «Сына Отечества» и претензіи Жернакова на Масальскаго прекратились».

Въ этотъ же день 3-го декабря 1853 года заключенъ былъ договоръ К. Масальскимъ съ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей», свободнымъ художникомъ П. Р. Фурманомъ, и коллежскимъ секретаремъ Маврикіемъ Якимовичемъ Раппопортомъ въ томъ, что: 1) Фурманъ и Раппопортъ, пріобрѣвъ отъ К. Жернакова право на вѣчное и потомственное владѣніе журналомъ «Сынъ Отечества», обязались платить Масальскому во время выхода журнала «Сынъ Отечества» пожизненно съ 1-го января 1854 года по 30 рублей сер. перваго числа каждаго мѣсяца, если въ с.-петербургской газетной экспедиціи число подписчиковъ на «Сынъ Отечества» будетъ менѣе 500, если же ихъ будетъ 500, то платить Масальскому 50 рублей сер., а при 600 подписчиковъ 60 рублей сер. съ 1-го числа каждаго мѣсяца и т. д., ограничивая этотъ платежъ 150 рублями сер. въ мѣсяцъ, если въ газетной экспедиціи будетъ болѣе 1.500 подписчиковъ; 2) Фурманъ и Раппопортъ обязались заплатить Масальскому по три рубля сер. неустойки за каждую недѣлю промедленія въ платежѣ; 3) въ случаѣ продажи или передачи журнала другому лицу, выговоренныя Масальскимъ условія остаются въ полной силѣ; 4) если Масальскій доставитъ для напечатанія въ «Сынъ Отечества» свои оригинальныя или переводныя статьи, то онѣ должны быть напечатаны, но не болѣе какъ въ количествѣ 4-хъ печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, съ платою по 40 рублей сер. за листъ оригинальнаго его сочиненія и по 15 рублей сер. за переводный, съ уплатой по выходѣ номера черезъ семь дней, а въ противномъ случаѣ подвергаются платежу неустойки по 3 рубля сер. за каждую просроченную недѣлю.

22-го марта 1854 года К. П. Масальскій, какъ оффиціально утвержденный и остававшійся постоянно редакторомъ журнала «Сынъ Отечества», получилъ въ отвѣтъ на его прошеніе отъ 23-го и 26-го ноября 1853 года изъ цензурнаго комитета слѣдующее сообщеніе, за № 295:

«Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 18-го марта за № 482 изъясняетъ, что главное управленіе цензуры, выслушавъ дѣло объ изданіи журнала «Сынъ

Отечества», съ текущаго 1854 года опредѣлило, за неизданіемъ сего журнала втеченіе 1853 года и за объясненіемъ вашего превосходительства о необходимомъ для васъ отъѣздѣ изъ столицы, причемъ вы извѣщаете о передачѣ всѣхъ своихъ правъ и обязанностей, по званію редактора, второму редактору Фурману, на каковую передачу вы права не имѣли,—«Сынъ Отечества» признать изданіемъ прекращеннымъ».

У Фурмана «Сынъ Отечества» не пошелъ по тремъ причинамъ: Фурманъ превратилъ его изъ еженедѣльнаго журнала въ толстый ежемѣсячный, но Фурманъ не располагалъ знаніями, необходимыми для редактора толстаго журнала, не задалъ себѣ вопроса, чему этотъ журналъ долженъ былъ служить, и въ особенности при существовавшихъ тогда въ Петербургѣ трехъ толстыхъ журналахъ. Затѣмъ Фурманъ не имѣлъ литературныхъ связей, въ особенности съ дѣятелями, которые могли бы вынести новый журналъ на своихъ плечахъ; онъ не могъ образовать своего литературнаго кружка, и въ заключеніе тогдашнія временныя цензурныя постановленія вовсе не благопріятствовали печати вообще, а тѣмъ болѣе журналистикѣ. При томъ же, Фурманъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ въ самомъ началѣ, приступая къ изданію толстаго журнала.

У Фурмана не было никакихъ средствъ; бумагой онъ могъ кредитоваться у бумажнаго фабриканта К. Жернакова, который былъ собственникомъ журнала, печатать онъ могъ тоже у Жернакова, но дѣла послѣдняго были не въ блистательномъ положеніи, и потому надо было откуда нибудь добыть денегъ, чтобы пустить дѣло въ ходъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ Жернаковъ, такъ и Фурманъ, вступая въ это дѣло, расчитывали на чужой и довольно большой карманъ, но расчетъ ихъ оборвался и дѣло прогорѣло.

Я сказалъ, что Фурманъ былъ домашнимъ секретаремъ у Анатолія Демидова и пользовался его расположеніемъ. Улучивъ однажды удобную минуту, онъ сообщилъ своему патрону, что имѣетъ страшное желаніе издавать толстый журналъ «Сынъ Отечества», но для этого нужны средства, что со стороны типографіи и бумаги онъ уже обезпеченъ, то-есть ему открытъ кредитъ, но на сотрудниковъ нужны деньги. А. Демидовъ, вообще имѣвшій зубъ противъ русской журналистики, которая его постоянно травила и вовсе не благосклонно относилась къ его литературнымъ и ученымъ предпріятіямъ, быстро составилъ себѣ планъ, что хорошо бы имѣть свой собственный органъ, независимый и могущій стать на стражѣ его интересовъ,—органъ, который отражалъ бы нападки на него прессы, а потому отвѣтилъ Фурману, что охотно будетъ ему помогать и что онъ можетъ на него расчитывать. Фурману этого только и нужно было. Онъ сообщилъ

о томъ Жернакову, и они рѣшились широко воспользоваться обѣщаніемъ Демидова. Фурманъ принялся за составленіе первой книжки: дѣло горѣло, и по истеченіи мѣсяца онъ представилъ, то-есть поднесъ, Демидову первую книжку «Сына Отечества». Демидовъ благосклонно принялъ журналъ, вѣроятно, въ тотъ же день удосужился просмотрѣть его и оцѣнилъ по достоинству, потому что, когда на другой день Фурманъ явился къ нему и напомнилъ объ обѣщанной субсидіи, Демидовъ, вынувъ изъ своей конторки тридцать полуимперіаловъ, вручилъ ихъ Фурману. Увидя такой даръ, Фурманъ поблѣднѣлъ и остолбенѣлъ, и тутъ же объяснилъ Демидову, что этотъ даръ весьма ничтоженъ, что книжка ему обошлась болѣе чѣмъ въ 1.000 рублей сер., и что онъ расчитывалъ исключительно на субсидію Демидова. Послѣдній положительно объявилъ Фурману, что онъ на эту сумму, то-есть 30 полуимперіаловъ, можетъ расчитывать ежемѣсячно; но что болѣе этого онъ не дастъ ни гроша... Оставалось расчитывать на собственныя силы и средства. Фурманъ былъ человѣкъ оборотливый и хотѣлъ взять съ Демидова если не мытьемъ, то катаньемъ, и, вѣроятно, при его содѣйствіи, получилъ мѣсто редактора «Полицейскихъ Вѣдомостей». Новыя связи и новые люди, заискивавшіе въ редакторѣ полицейской газеты, доставили Фурману средства тянуть «Сынъ Отечества» на буксирѣ «Полицейскихъ Вѣдомостей», но дѣло сильно хромало: Фурманъ попалъ въ такой круговоротъ, въ которомъ ему было не до «Сына Отечества», жалкимъ образомъ влачившаго свое существованіе. Наконецъ, приходилось съ нимъ покончить. Тутъ подвернулся начинавшій тогда театральный рецензентъ Мавр. Яким. Раппопортъ, человѣкъ молодой, познакомившійся съ Фурманомъ, сблизившійся съ нимъ и вполнѣ вѣровавшій въ него. Ему-то Фурманъ и рѣшился передать редакцію «Сына Отечества». Раппопортъ сталъ хлопотать объ утвержденіи его редакторомъ, потратился на это дѣло (по его словамъ, израсходовалъ напрасно до 700 рублей), но редакторомъ его не утвердили, и журналъ прекратился.

Узнавъ все здѣсь сообщенное мною отъ Дмитріева, я сталъ обдумывать, какъ мнѣ взяться за возстановленіе «Сына Отечества». Послѣ разныхъ соображеній, я рѣшилъ, что надо начать съ Масальскаго. Я его зналъ по «Библіотекѣ для Чтенія», былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, кое-что сдѣлалъ для него у В. П. Печаткина, бывшаго въ это время издателемъ «Библіотеки для Чтенія», и такъ какъ Масальскій жилъ въ томъ же раіонѣ, что и я, то-есть на полузагородномъ положеніи, но уже не на берегахъ злачной Карповки, а по Каменноостровскому проспекту, въ домѣ на углу Песочнаго переулка, на бывшей знаменитой дачѣ Кононова, перешедшей въ другія руки, то, не откладывая, я написалъ Масальскому письмо, прося его «подарить мнѣ то, чего у него нѣтъ».

Масальскій былъ человѣкъ отлично образованный и хорошій юристъ, и онъ постоянно выигрывалъ тяжбы, за которыя получалъ большія деньги, но... большая дружба его съ Вакхомъ лишила Россію одного изъ хорошихъ и полезныхъ дѣятелей—человѣка, который могъ сдѣлать очень много, но сдѣлалъ, къ сожалѣнію, весьма мало. К. П. почти постоянно былъ веселъ, спокоенъ, юмористиченъ, забавенъ, анекдотиченъ, но и все тутъ. Кто зналъ его близко, не могъ не уважать его и не сожалѣть, что близкое знакомство съ миѳологическимъ толстякомъ, хотя и не выходившее никогда изъ предѣловъ приличія, сильно вредило ему.

Черезъ два дня я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Извините великодушно,—писалъ онъ,—что не отвѣчалъ вамъ до сихъ поръ ничего на вашъ вопросъ о «Сынѣ Отечества». Былъ нездоровъ и занятъ притомъ спѣшными дѣлами по части Ѳемиды...

«Вы справедливо сказали, что «Сынъ Отечества» есть нѣчто въ родѣ мертвой души Гоголя. Я сравниваю этотъ журналъ съ брошеннымъ полемъ, на которое я убилъ понапрасну 20 тысячъ рублей, не считая трудовъ, благодаря дальнозоркости моего бывшаго компаніона, который также употребилъ на это поле важную сумму и, разойдясь со мною, предалъ его запустѣнію. И мнѣ и себѣ удружилъ! Пріятно, очень пріятно!

«Правительство прекратило изданіе «Сына Отечества» не за какое нибудь мое художество, но за то именно, что я согласно настоянію компаніона моего предоставилъ редакцію другому лицу. Ergo (слѣдовательно), если бы я захотѣлъ опять быть редакторомъ «Сына Отечества», то мнѣ стоило бы только подать объ этомъ просьбу [1]). Деньги на изданіе я имѣю вскорѣ получить изъ рукъ Ѳемиды, о которой вамъ говорилъ выше [2]). Но ваше предложеніе сконфузило мои планы.

«По зрѣлой рефлекціи, я остановился на слѣдующемъ умозаключеніи. Такъ какъ право редактора у меня вовсе не отнято, и я легко могу возобновить его, то, уступивъ вамъ его, я уступаю не мертвую душу, а заброшенное не по моей винѣ поле, на которое я употребилъ и трудъ и капиталъ.

«Я соглашаюсь уступить вамъ это поле на слѣдующихъ не тягостныхъ для васъ условіяхъ:

1) Вы, издатель «Библіотеки» и, вѣроятно, «Сына Отечества» (видно, Масальскій полагалъ, что въ дѣло входитъ В. П. Печаткинъ), заключите со мною контрактъ о томъ, что оба эти журнала останутся со мною въ дружбѣ, и что я имѣю право ежегодно печатать въ нихъ мои романы, повѣсти и другія сочиненія, разу-

---

[1]) Это не вѣрно, какъ читатель увидитъ дальше.

[2]) И это не правда.

мѣется, изящныя, до 12 листовъ библіотечнаго формата, съ платою по 50 рублей сер. за листъ. 2) Если я въ годъ напишу менѣе, то меньше и получу. 3) Если я ничего не напишу, то никто не вправѣ на меня гнѣваться за это и ничего мнѣ платить не обязанъ. 4) Выдавать мнѣ безденежно «Библіотеку для Чтенія» и «Сынъ Отечества».

«Вотъ всѣ мои условія. Если они вамъ и Всячеславу Петровичу (Печаткину) понравятся, то и дѣло съ концомъ.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи и преданности. К. Масальскій.

«18-го января 1856 года».

II.

Свиданіе съ Масальскимъ.—Забавное qui pro quo.—Соглашеніе съ Масальскимъ относительно уступки мнѣ «Сына Отечества.—Составленіе и подача прошеній въ цензурный комитетъ.—Отзывъ обо мнѣ Мусина-Пушкина.—Хлопоты.—Объясненіе съ Дубельтомъ.—Полученіе мною разрѣшенія издавать «Сынъ Отечества».—Празднество по этому случаю.—Приключеніе съ Л. А. Меемъ.

Въ назначенный день я отправился къ Масальскому до наступленія сумерекъ, чтобы розыскать его новое мѣсто жительства, что̀ заняло не много времени, потому что мѣсто это было мнѣ извѣстно; я жилъ нѣсколько лѣтъ предъ этимъ напротивъ, на дачѣ Бѣляева, и намѣревался даже пріобрѣсти извѣстную во всемъ околодкѣ дачу Кононова, на которую первый ея владѣлецъ истратилъ до ста тысячъ рублей. Онъ вырылъ пруды, насыпалъ парнасъ, распланировалъ садъ, насадилъ разныхъ деревьевъ, завелъ оранжереи, устроилъ вдоль Каменноостровскаго проспекта березовую аллею и привлекъ къ этой мѣстности цѣлыя тысячи воронъ, грачей и галокъ. Растративъ все состояніе, онъ отдалъ эту дачу въ приданое за дочерью казацкому полковнику, который долго не могъ сбыть съ рукъ этой игрушки, не приносившей ему ни копѣйки дохода, такъ какъ двѣ дачи и оранжереи безъ постоянной поддержки почти уже сгнили. Дача эта продавалась за 11.000 рублей сер., я очень восхищался ею и купилъ бы ее, если бы у меня были тогда наличныя деньги; но ихъ не было, и потому купля не состоялась...

Два года спустя, какая-то купчиха купила это мѣсто за 6.000 рублей, построила на немъ два деревянные дома, лавки, вырубила березовую аллею, разогнала грачей, воронъ и галокъ, и вотъ въ одномъ изъ новыхъ домовъ, выходящемъ въ Песочный переулокъ, поселился Масальскій, оставивъ свое родное пепелище на берегахъ злачной Карповки.

Войдя къ Масальскому, я нашелъ у него какого-то господина. Масальскій былъ уже черезчуръ веселъ, обрадовался моему пріѣзду и усадилъ меня противъ себя за рабочій столъ. Начался общій разговоръ. Масальскій сознавалъ, что я его знакомый, но не могъ рѣшить: кто я именно, и принялъ меня за секретаря шлиссельбургскаго предводителя дворянства. Мы стали вести разговоръ о мѣстныхъ интересахъ, но никакъ не могли добиться толку. Я не догадывался вовсе, за кого онъ меня принимаетъ; Масальскій не удовлетворялся моими отвѣтами—экивоками, общими мѣстами и уклончивымъ поддакиваньемъ. Но время, рѣшающее и не такіе вопросы, подоспѣло и къ намъ на выручку. Пробесѣдовавъ цѣлыхъ два часа въ такомъ направленіи и выпивъ по третьему стакану чаю, мы оба убѣдились, что между нами происходитъ что-то неладное, и такъ какъ все это уже довольно надоѣло не только мнѣ, но и самому Масальскому, то онъ, желая отъ меня отдѣлаться, какъ отъ секретаря шлиссельбургскаго предводителя, котораго несообразные отвѣты на нѣкоторые его вопросы онъ приписывалъ не чему иному, какъ излишнему возліянію Вакха, предложилъ мнѣ, какъ говорится, ех abrupto вопросъ, когда же я уѣзжаю въ Шлиссельбургъ, и сталъ давать мнѣ разныя порученія—кому что сказать, кому поклониться и т. д. Тогда я напомнилъ ему, что я Старчевскій, а не иное лице. Можете себѣ представить, что тутъ произошло; съ Масальскимъ сдѣлалась чуть не истерика, до того онъ смѣялся; да и я, узнавъ, за кого онъ меня принималъ, не могъ удержаться отъ гомерическаго смѣха. Но пора было приступить и къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что лишнее лице, находившееся въ кабинетѣ, оставило насъ наединѣ.

Начался разговоръ о письмѣ моемъ и о томъ, чего я именно требовалъ отъ Масальскаго. Я сталъ просить его, чтобы онъ подарилъ мнѣ «Сынъ Отечества».

— Какъ же я могу подарить его вамъ, когда онъ не только мнѣ, но теперь уже никому не принадлежитъ.

— Потому-то я васъ и прошу подарить его, что онъ вамъ не принадлежитъ; если бы онъ вамъ принадлежалъ, тогда я могъ бы пріобрѣсти его отъ васъ покупкою.

Масальскій разсердился, взволновался и попросилъ меня говорить съ нимъ языкомъ человѣческимъ, а не загадками и экивоками, а то мы оба уснемъ на своихъ мѣстахъ, продолжая подобный разговоръ.

Тогда я повелъ съ нимъ такую рѣчь: я желаю возобновить «Сынъ Отечества» и издавать его еженедѣльно въ новомъ видѣ, ливрезонами, но, чтобы получить дозволеніе на это, я не рѣшаюсь подать прошеніе въ цензурный комитетъ, а желаю, чтобы вы подали это прошеніе и просили, чтобы вмѣсто васъ разрѣшили издавать «Сынъ Отечества» мнѣ.

— Послушайте, Альбертъ Викентьевичъ, это не въ порядкѣ вещей и изъ этого ничего не выйдетъ. Мнѣ не разрѣшатъ, потому что считаютъ меня, по какому-то странному предубѣжденію, постоянно находящимся въ состояніи невмѣняемости; вамъ же не позволятъ, потому что вы польскаго происхожденія—comprenez...

На счетъ перваго аргумента я ничего не возражалъ, по поводу втораго я назвалъ ему свои труды, привелъ, что состою уже около 9 лѣтъ отвѣтственнымъ редакторомъ «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря» и пять лѣтъ соредакторомъ «Библіотеки для Чтенія» вмѣстѣ съ Сенковскимъ.

Масальскій задумался и началъ дремать; было уже около 11 часовъ ночи. Наконецъ, чтобы оживить его, я сказалъ: я написалъ прошеніе, которое вы должны подать отъ своего имени въ цензурный комитетъ, и за это, если мнѣ разрѣшатъ издавать «Сынъ Отечества», я вамъ заплачу 500 рублей сер. втеченіе шести мѣсяцевъ по разрѣшеніи.

Послѣ этихъ словъ у Масальскаго вдругъ прошелъ сонъ и все какъ рукой сняло.

— Какъ вы говорите? Повторите, пожалуйста, ваши слова, я что-то неясно понялъ.

Я повторилъ уже сказанное.

Масальскій изъявилъ свое согласіе и прибавилъ, что завтра же напишетъ и подастъ прошеніе тогдашнему попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателю цензурнаго комитета, М. Н. Мусину-Пушкину, знавшему его лично. При этомъ Масальскій попросилъ дать ему авансомъ хоть красненькую, потому что онъ рѣшительно безъ копѣйки.

Я передалъ ему авансъ и заготовленное прошеніе, и подписалъ его для того, чтобы имѣть возможность завтра подать его, приложивъ къ нему и свое прошеніе.

Вотъ проектъ этого прошенія, переданный мною Масальскому для переписанія и подписи.

«Въ Санктпетербургскій цензурный комитетъ.

«Будучи вынужденъ обстоятельствами уѣхать изъ Петербурга въ 1853 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставить на время и редакцію издаваемаго мною журнала «Сынъ Отечества», я входилъ съ прошеніемъ въ цензурный комитетъ о назначеніи на время моего отсутствія изъ столицы временнымъ редакторомъ журнала «Сынъ Отечества» покойнаго П. Р. Фурмана, но главное управленіе цензуры, находя такое назначеніе почему-то неудобнымъ, повелѣло, по причинѣ моего отсутствія, считать изданіе журнала «Сынъ Отечества» прекращеннымъ.

«Разсматривая это распоряженіе высшаго начальства, какъ распоряженіе временное и мѣру, принятую на время отсутствія отвѣтственнаго редактора, я, устроивъ дѣла свои по имѣнію и воз-

вратившись въ Петербургъ, не желалъ бы потерять безъ всякаго къ тому повода Высочайше дарованное мнѣ право на изданіе журнала «Сынъ Отечества», не желалъ бы видѣть прекращеннымъ журналъ, дѣйствовавшій такъ благотворно на русскихъ людей въ самую трудную годину, именно въ эпоху столь славной для Россіи Отечественной войны 1812—1815 годовъ, и на страницахъ котораго записано было столько доблестныхъ подвиговъ самоотверженія и высокой любви къ Отечеству и Престолу.

«Нынѣ слабое здоровье мое не позволяетъ мнѣ вести вполнѣ успѣшно изданіе столь славнаго въ лѣтописяхъ нашей литературы журнала, но усердно желая, чтобы это періодическое изданіе принесло столько пользы отечеству и въ настоящую трудную годину, въ полное великими надеждами царствованіе императора Александра Втораго, сколько оно принесло пользы въ блистательное царствованіе Александра Благословеннаго,—обращаюсь къ вашему превосходительству съ всепокорнѣйшей просьбой исходатайствовать, во вниманіе къ моимъ прежнимъ посильнымъ трудамъ на поприщѣ отечественной словесности, разрѣшеніе высшаго начальства на возобновленіе временно прекращеннаго изданія «Сынъ Отечества», но уже не мнѣ, а вмѣсто меня скромному ученому, усердному труженику нашей не богатой еще литературы, но уже извѣстному въ Россіи своими весьма полезными, можно сказать болѣе, необходимыми учено-литературными трудами для русскаго общества, коллежскому секретарю Старчевскому.

«Въ цвѣтѣ силъ и въ зрѣломъ развитіи способностей, обогащенныхъ опытомъ, притомъ искренно любящій отечество, которому онъ втеченіе цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ подарилъ: 1) литературу отечественной исторіи съ Нестора до Карамзина; 2) жизнь исторіографа Карамзина; 3) собралъ и издалъ драгоцѣнныя для насъ сказанія иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ XVI столѣтіи, удостоившіяся въ свое время лестнаго вниманія министра народнаго просвѣщенія графа Уварова и щедрой награды нынѣ въ Бозѣ почившаго императора Николая; 4) колоссальный десятилѣтній трудъ, достойнѣйшее приношеніе истиннаго сына Россіи— «Справочный Энциклопедическій Словарь», стоившій ему непомѣрныхъ трудовъ, усилій и лишеній; 5) усердно занимавшійся втеченіе пяти лѣтъ по изданію «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и 6) семь послѣднихъ лѣтъ достойно трудившійся по редакціи журнала «Библіотека для Чтенія»,—г. Старчевскій опытный литераторъ, истинно благомыслящій гражданинъ и вполнѣ достоинъ занять мѣсто редактора журнала, столь дорогаго сердцу каждаго русскаго.

«Заслуги г. Старчевскаго отечественной словесности служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что онъ съ честью и усердно будетъ содѣйствовать видамъ правительства въ распространеніи

въ массахъ свѣдѣній положительныхъ, чисто практическихъ и самыхъ необходимыхъ для общественнаго блага.

«Ваше превосходительство, какъ предсѣдатель цензурнаго комитета, вѣроятно, близко знаете и литературныя заслуги и благомысліе литератора, представляемаго мною вмѣсто себя въ редакторы «Сына Отечества», и потому обратите благосклонное вниманіе на мою всепочтительнѣйшую просьбу.

«Дѣйствительный статскій совѣтникъ К. Масальскій».

Мое же прошеніе было слѣдующаго содержанія.

«Посвятивъ болѣе шестнадцати лѣтъ занятіямъ исторіею отечественной литературы и издавъ нѣсколько необходимѣйшихъ для нашего общества книгъ, я желалъ бы посвятить всю мою дальнѣйшую дѣятельность болѣе важному и существенному служенію отечественной наукѣ и литературѣ, и потому обращаюсь къ вашему превосходительству съ почтительнѣйшею просьбою исходатайствовать мнѣ у высшаго начальства разрѣшеніе возобновить временно прекращенный журналъ «Сынъ Отечества» съ утвержденіемъ меня отвѣтственнымъ редакторомъ по первоначальной его программѣ, съ правомъ издавать журналъ еженедѣльно, выпусками отъ 3-хъ до 4-хъ печатныхъ листовъ.

«Я желалъ бы издавать этотъ журналъ по самой умѣренной цѣнѣ, именно по 6 рублей сер. въ годъ, имѣя въ виду небогатый средній классъ читателей, сообщать въ немъ политическія извѣстія въ видѣ недѣльныхъ обзоровъ, строго сообразуясь съ видами правительства, и самые безпристрастные отзывы о всѣхъ явленіяхъ отечественной и иностранной литературы.

«Выполняя свое дѣло добросовѣстно и безпристрастно, я имѣю въ виду пользу небогатыхъ людей, не имѣющихъ возможности выписывать дорогія изданія и потому совсѣмъ лишенныхъ возможности пріобрѣтать основательныя свѣдѣнія въ области наукъ, искусствъ и художествъ, слѣдить за развитіемъ отечественной словесности и за самыми замѣчательными событіями политическаго міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, испрашиваемое мною право издавать журналъ будетъ мнѣ служить наградой за литературные труды, предпринятые мною на пользу общую и стоившіе мнѣ здоровья и усилій. А. Старчевскій».

Масальскій надѣлъ очки и, прочитавъ прошенія, разсмѣялся, замѣтивъ мнѣ, что фокусъ придуманъ очень ловко, и чего добраго, пожалуй, разрѣшатъ...

На другой день я получилъ отъ него слѣдующее письмо.

«Вчера былъ день, полный происшествій. При свѣтѣ лампы безъ очковъ и при случайномъ пріѣздѣ вашемъ ко мнѣ въ одно и то же мгновеніе съ секретаремъ изъ Шлиссельбурга, я счелъ васъ сначала за шлиссельбургскаго чиновника. Очки помогли мнѣ узнать васъ и положили конецъ этой забавной сценѣ, которая го-

дится въ любую комедію. Но происшествія тѣмъ не кончились. Лишь только жена моя принялась переписывать бумагу, которой вы отъ меня ожидаете, пріѣхали къ намъ родственники, и женѣ моей было невозможно окончить переписки. Увѣдомляю васъ объ этомъ, и чтобы не заставить васъ ждать понапрасну. Какъ только жена встанетъ, тотчасъ же примется переписывать бумагу, и я пришлю ее къ вамъ вмѣстѣ съ проектомъ нашего условія, которое нами было положено на честномъ словѣ. Прошу васъ, между тѣмъ, вручить моему человѣку хоть часть суммы, которую вы мнѣ обѣщали. Въ ожиданіи денегъ, слѣдующихъ мнѣ изъ Шлиссельбурга, je suis pauvre comme un rat d'église. Помогите собрату по Аполлону! Нѣтъ денегъ даже на разъѣзды моего человѣка. Онъ вторично прискачетъ къ вамъ на лихомъ Ванькѣ, съ бумагою, если вы мнѣ доставите къ тому средство. К. Масальскій».

«20-го января 1856 года».

Въ этотъ же день, вечеромъ, я получилъ вторую цидулку:

«Искренно благодарю за сикурсъ. Посылаю вамъ мою просьбу Пушкину (то-есть Мусину-Пушкину, предсѣдателю С.-Петербургскаго цензурнаго комитета) за открытою печатью. Потрудитесь подпечатать ее снизу.

«Отъ души желаю вамъ успѣха и буду о томъ стараться. На честномъ словѣ положенное между нами я облекъ въ письменный видъ, во избѣжаніе конфузіи и могущаго встрѣтиться несоразмѣрнаго недоразумѣнія. Соблаговолите подмахнуть и мнѣ подписку прислать съ моимъ амбасадоромъ. К. Масальскій».

На другой день я отправился къ попечителю Мусину-Пушкину, знавшему меня съ хорошей стороны и расположенному ко мнѣ, не смотря на его кажущуюся рѣзкость.

Онъ прочелъ прошеніе, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, замѣтивъ, что вновь журналовъ не разрѣшаютъ, что разрѣшены только въ Москвѣ М. Н. Каткову; но что онъ, Пушкинъ, сообщитъ мое прошеніе въ главное управленіе цензуры съ своимъ отзывомъ.

Будучи знакомъ съ секретаремъ цензурнаго комитета, я вскорѣ узналъ, что попечитель далъ обо мнѣ хорошій отзывъ и выразилъ убѣжденіе, что журналъ будетъ благонамѣренный. Это сдѣлалось извѣстнымъ нѣкоторымъ литераторамъ-сотрудникамъ журналовъ, и надо мною стали острить, что «Сынъ Отечества», по увѣренію попечителя Мусина-Пушкина, будетъ точно такой, какъ журналъ «Благонамѣренный», издававшійся въ 20-хъ годахъ извѣстнымъ литераторомъ Измайловымъ, онъ же и поэтъ...

Остряки посмѣялись и оставили меня и «Сынъ Отечества» въ покоѣ; но я безпокоился не на шутку, что̀ выйдетъ изъ моей затѣи.

На другой день, вечеромъ, 21-го января, Масальскій, сгорая нетерпѣніемъ узнать, какія послѣдствія имѣла подача мною прошеній Мусину-Пушкину, писалъ мнѣ:

«Мнѣ весьма интересно знать, уважаемый мною Альбертъ Викентьевичъ, подали ли вы вчера просьбу въ цензурный комитетъ и какъ принята она. Черкните самый краткій отвѣтъ. Не нужно ли мнѣ къ кому съѣздить и поклониться? Съ удовольствіемъ это сдѣлаю, ибо русская пословица говоритъ, что «съ поклону голова не свалится».

«Вы спрашиваете меня, не имѣю ли я дороги къ сенатору Г. П. Митусову и къ другимъ членамъ главнаго управленія цензуры. Отвѣчаю положительно, что къ нѣкоторымъ есть у меня дорога, а къ нѣкоторымъ доѣду проселкомъ, если нужно будетъ.

«20-я статья цензурнаго устава, которую я привелъ въ своей просьбѣ, вполнѣ разрѣшаетъ наше общее дѣло. Въ этомъ законѣ сказано, что періодическое изданіе прекращается только по высочайшему повелѣнію. Таковаго повелѣнія не было, но, напротивъ, изданіе «Сынъ Отечества» Высочайше утверждено покойнымъ государемъ Александромъ Благословеннымъ. Безъ доклада государю эта высочайшая воля не могла быть отмѣнена и, слѣдовательно, прекращеніе изданія «Сынъ Отечества», какъ сказано въ моей просьбѣ, есть не болѣе, какъ временная мѣра, принятая по случаю моего отлученія изъ столицы.

«Сообщаю мое умозаключеніе вамъ для свѣдѣнія и соображенія съ нашимъ дѣломъ.

«Въ заключеніе долгомъ считаю сообщить вамъ, что я, какъ всѣ истинные литераторы, весьма нуждаюсь въ деньгахъ, ожидая ихъ, впрочемъ, въ великомъ изобиліи и скоро не отъ Аполлона, а отъ слѣпой Ѳемиды, которая, впрочемъ, очень добрая женщина, если знаешь законы и просишь ее о дѣлѣ справедливомъ. Вслѣдствіе всего вышеписаннаго всепокорнѣйше прошу васъ оказать мнѣ дружескую аттенцію и весьма вожделѣнную помощь присылкою вышереченныхъ (о которыхъ слова не было), вышереченныхъ, говорю я, 5 рублей, а если нельзя, то и поменьше, смотря по силамъ вашей дружбы ко мнѣ, которую, оставя въ сторонѣ старинный приказный слогъ, прошу васъ считать вѣрною и неизмѣнною. Весь вашъ К. Масальскій».

«21-го января 1856 года».

Теперь мнѣ предстояло провѣдать, что̀ дѣлается съ прошеніемъ Масальскаго и отзывомъ Мусина-Пушкина въ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, и когда объ этомъ поступитъ докладъ въ главное управленіе цензуры. Министромъ былъ тогда А. С. Норовъ, знавшій мои труды, товарищемъ его князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, знавшій меня лично, и съ которымъ я прежде былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Но и этого было мало... Въ главное управленіе цензуры на собраніе являлись: графъ Блудовъ, много другихъ тайныхъ совѣтниковъ и начальникъ Третьяго отдѣленія, Л. В. Дубельтъ. Какъ-то они посмотрятъ на возобновленіе журнала?!..

Въ канцеляріи министра служилъ мой хорошій знакомый Лаврентій Львовичъ Добровольскій, въ завѣдываніи котораго находился столъ журнальный, имъ заготовлялись доклады для засѣданій главнаго управленія цензуры. Добровольскій былъ человѣкъ хорошо образованный, честный, благородный, либеральный, на сколько это позволялось характеромъ и убѣжденіями министра, и чиновникъ, разумно и безукоризненно исполнявшій свои обязанности.

Не смотря на наше близкое знакомство и полное сочувствіе Добровольскаго моей затѣѣ, узнать отъ него можно было только то, что онъ имѣлъ право и могъ сообщить безотвѣтственно.

Прошло двѣ недѣли; о докладѣ не было ни слуху, ни духу. Добровольскій сообщалъ, что противныхъ теченій нѣтъ, но что все зависитъ отъ главнаго управленія цензуры, и что оно рѣшитъ, то и будетъ; слѣдовательно, министерская пиѳія вѣщала темно...

При первомъ свиданіи послѣ этого онъ посовѣтовалъ мнѣ побывать у князя П. А. Вяземскаго и просить его замолвить доброе слово, когда пойдетъ разсужденіе объ этомъ дѣлѣ въ засѣданіи главнаго управленія цензуры. Я послѣдовалъ его совѣту, былъ у князя и просилъ его содѣйствовать разрѣшенію возобновленія «Сына Отечества», на чтò князь мнѣ отвѣтилъ, что все будетъ зависѣть отъ того, какъ на это посмотритъ Дубельтъ, имѣющій большой вѣсъ въ совѣтѣ главнаго управленія, и совѣтовалъ мнѣ непремѣнно побывать у Дубельта и просить его не противодѣйствовать моей просьбѣ.

Нечего было дѣлать. Порученіе было куда какъ непріятно, но надо было его исполнить. Дубельтъ принималъ ежедневно и всѣхъ. Добровольскій совѣтовалъ побывать у Дубельта наканунѣ засѣданія, которое бывало по субботамъ, чтобы онъ не успѣлъ забыть, о чемъ его просили. Къ моему счастью, засѣданія не было нѣсколько субботъ, наканунѣ которыхъ я постоянно являлся въ Третье отдѣленіе и ни разу не заставалъ Дубельта. Наконецъ, получаю отъ Добровольскаго записку, что въ эту субботу назначено засѣданіе совѣта, и я рѣшился въ послѣдній разъ явиться къ Дубельту въ пятницу.

Явившись, узнаю, наконецъ, что Дубельтъ принимаетъ. Минутъ черезъ двадцать Дубельтъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, когда я вошелъ, прежде всего спросилъ: что подѣлываетъ нашъ почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ (Сенковскій)? Я сказалъ, что онъ здоровъ и устроивается въ своемъ новопріобрѣтенномъ домѣ...

Затѣмъ, онъ сейчасъ же обратился ко мнѣ съ вопросомъ, чѣмъ можетъ быть мнѣ полезенъ. Я передалъ ему содержаніе поданнаго мною прошенія и просилъ его не противодѣйствовать этому дѣлу въ совѣтѣ главнаго правленія цензуры.

— Зачѣмъ же вы воображаете, что я стану вамъ противодѣйствовать? Съ какой стати я стану это дѣлать?

Я рѣшился напомнить ему, что когда Катковъ просилъ о раз-

рѣшеніи издавать «Русскій Вѣстникъ» еженедѣльно, то Дубельтъ былъ противъ этого и разрѣшилъ ему издавать его только ежемѣсячно. Дубельтъ вспылилъ и тотчасъ возразилъ:

— Вѣдь ваши же дураки, московскіе профессора, просили меня, чтобы я не допустилъ издавать «Русскій Вѣстникъ» еженедѣльно, потому что онъ служилъ бы подрывомъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и проч. Теперь же на меня всю вину валятъ за Каткова. Хорошо! Обѣщаю вамъ, что ни слова не скажу противъ вашего предпріятія и противъ того, чтобы вамъ разрѣшили издавать «Сынъ Отечества» еженедѣльно.

Прощаясь со мною, онъ вдругъ спросилъ:

— Вы редакторъ или соредакторъ «Библіотеки для Чтенія» и хотите еще издавать другой журналъ? Почему это?

Я ему объяснилъ, что «Библіотека для Чтенія» составляетъ собственность Печаткина, который можетъ со мной разстаться, когда вздумаетъ, а я человѣкъ семейный, и потому желалъ бы имѣть такую литературную собственность, гдѣ бы самъ былъ хозяиномъ, и которая хоть сколько нибудь обезпечивала бы меня.

— А это дѣло другое,—сказалъ онъ.—Теперь понимаю. Кланяйтесь отъ меня нашему почтенному Осипу Ивановичу (Сенковскому) и скажите ему, что я попрежнему интересуюсь «Библіотекой для Чтенія» и почитываю его статьи...

Изъ кабинета Дубельта я поспѣшилъ въ книжный магазинъ Печаткина, гдѣ меня поджидалъ Добровольскій; я сообщилъ ему все сказанное Дубельтомъ. Добровольскій обрадовался и замѣтилъ: «Ну, теперь, пожалуй, ваше дѣло выгоритъ». Мы уговорились, что завтра, въ субботу, Добровольскій явится послѣ засѣданія совѣта, то-есть послѣ четырехъ часовъ, въ магазинъ Печаткина сообщить, чѣмъ рѣшится дѣло.

На другой день я со страхомъ пріѣхалъ съ Петербургской стороны къ четыремъ часамъ въ сказанный книжный магазинъ; спустя три четверти часа влетѣлъ Добровольскій и съ радостью сообщилъ слѣдующее: когда стали докладывать о разрѣшеніи возобновить «Сынъ Отечества» и прочли его программу и подписную цѣну (3 рубля), по которой будетъ издаваться газета, министръ Норовъ молчалъ, князь Вяземскій тоже, Дубельтъ тоже; графъ Блудовъ прервалъ молчаніе, одобрилъ предпріятіе, болѣе того, сталъ съ жаромъ доказывать, что такое изданіе не только слѣдуетъ разрѣшить, но правительство должно бы еще само дать на это средства. Графу Блудову сталъ вторить Дубельтъ. Блудовъ продолжалъ говорить на эту тему до самаго конца засѣданія. Министерство исправно молчало и сердилось, что все засѣданіе было посвящено возобновленію «Сына Отечества»; итакъ разрѣшеніе послѣдовало.

Вѣсть о разрѣшеніи изданія «Сына Отечества» въ тотъ же день разнеслась между литераторами, и я еще до вечера полу-

чилъ нѣсколько поздравленій отъ моихъ сотрудниковъ по «Библіотекѣ для Чтенія» Ал. Ив. Рыжова, фельетониста Е. Ѳ. Моллера и другихъ.

Послѣ А. Рыжова и Е. Моллера откликнулся также старый мой знакомый и сотрудникъ по журналу «Библіотека для Чтенія» Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Получивъ въ 1855 году мѣсто инспектора Гатчинскаго сиротскаго института, К. Ушинскій оставилъ Петербургъ, но продолжалъ писать для «Библіотеки для Чтенія», присылая статьи свои изъ Гатчины. Я посылалъ ему нѣкоторые англійскіе журналы, изъ которыхъ онъ по указанію переводилъ или составлялъ статьи.

Въ англійскомъ «Атенеумѣ» я отмѣтилъ ему статьи объ образованіи въ Америкѣ для «Библіотеки для Чтенія». Ушинскій присылаетъ изъ Гатчины нарочнаго, своего хохла, съ письмомъ, въ которомъ пишетъ мнѣ, что моя записка и отмѣченная изъ «Атенеума» статья произвели въ головѣ его полный переворотъ, что онъ иначе сталъ смотрѣть на образованіе и хочетъ посвятить ему всю свою жизнь. Все письмо было написано въ страшномъ волненіи. Я не понималъ, что сдѣлалось съ Ушинскимъ, но вся послѣдующая жизнь и труды его объясняютъ теперь эту загадку; куда дѣвалось у меня это письмо, весьма интересное для уясненія душевнаго взрыва К. Ушинскаго,—не знаю. Послѣ этого Ушинскій замолчалъ, и я уже думалъ, что онъ забылъ меня.

По случаю разрѣшенія мнѣ издавать «Сынъ Отечества» въ первое же воскресеніе назначенъ былъ вечеръ, на который были приглашены мною многіе сотрудники «Библіотеки для Чтенія», изъявившіе желаніе участвовать и въ «Сынѣ Отечества».

Въ числѣ гостей находились: Добровольскій, Льховскій, Владиміръ Майковъ, Левъ Александровичъ Мей, Алексѣй Ивановичъ Рыжовъ, Василій Степановичъ Курочкинъ, Сергѣй Васильевичъ Максимовъ, Рюминъ, Е. Моллеръ и друг. Ужинъ подходилъ къ концу, подали шампанское, стали пить за будущій успѣхъ «Сына Отечества». Послѣ втораго бокала Левъ Александровичъ Мей вздумалъ вспѣнить шампанское по московской манерѣ, хлопнувъ ладонью правой руки по бокалу, бокалъ лопнулъ и врѣзался въ ладонь—кровь брызнула ручьемъ. Мей поблѣднѣлъ какъ смерть; подали чашку съ холодной водой, всѣ встали изъ-за стола, началась суетня, хлопоты... кровотеченіе не унималось, привезли изъ аптеки колодій—ничего не помогаетъ. Рѣшено было на одной изъ троекъ на которыхъ пріѣхали гости, везти Мея въ аптеку, а оттуда въ больницу Маріи Магдалины, что̀ на Васильевскомъ островѣ, у Тучкова моста. Больнаго поѣхали сопровождать А. И. Рыжовъ и С. В. Максимовъ. Пріѣхали въ больницу ровно въ три часа ночи; дежурный докторъ, подозрѣвая дуэль, отказывается принять участіе въ Меѣ, не соглашается перевязать ему руку и остановить

кровотеченіе. На полу лѣстницы образовалась цѣлая лужа крови; сопровождавшіе Мея упрашиваютъ и уговариваютъ дежурнаго доктора перевязать артерію и забинтовать руку. Наконецъ, все сдѣлано къ общей радости, и Мея везутъ домой; по дорогѣ онъ заявляетъ намѣреніе заѣхать къ Рыжову и выпить рюмку водки, чтобы подкрѣпиться нѣсколько послѣ такой сильной потери крови. Согласились. У Рыжова жилъ самый младшій братъ его Викторъ Ивановичъ. Половина четвертаго ночи. Виктору Ивановичу видится страшный сонъ: нападеніе разбойниковъ или пожаръ; въ это время пріѣхавшіе съ шумомъ врываются въ квартиру, подходятъ къ спящему, начинаютъ его будить. Мей съ обвязанной рукой, съ окровавленнымъ полотенцемъ подбѣгаетъ и хочетъ разсказать Виктору Ивановичу о своемъ приключеніи. Тотъ вскакиваетъ съ постели и схватываетъ стулъ, съ намѣреніемъ защищаться отъ нападенія. Мей разражается гомерическимъ смѣхомъ, связанная артерія опять лопается и кровь опять хлещетъ струей; не смотря на это, Мей проситъ водки, выпиваетъ большую рюмку, и его опять везутъ въ Максимиліановскую лечебницу, перевязываютъ артерію, бинтуютъ руку и изнемогшаго доставляютъ на квартиру въ половинѣ пятаго часа утра.

На другой день, утромъ, я въ величайшемъ безпокойствѣ отправился въ городъ освѣдомиться, въ какомъ положеніи находится Мей. Онъ жилъ въ домѣ Буха, на углу Екатерининскаго канала и Спасскаго переулка. Со страхомъ взбираюсь по лѣстницѣ въ 4-й этажъ, тихонько звоню; мнѣ открываютъ двери:—Ну, что баринъ?—спрашиваю я.—Ничего-съ, почиваютъ.—А Софья Григорьевна встала? — Какъ же встали-съ. — Доложи, что г. Старчевскій желаетъ ихъ видѣть. Доложили. Выходитъ Софья Григорьевна какъ ни въ чемъ не бывало. Спрашиваю: что Левъ Александровичъ?—Ничего, говоритъ, спитъ. Начинаю говорить о случившемся. Она на это замѣчаетъ мнѣ:—«Ему это не въ первый разъ; однажды въ Москвѣ онъ почти цѣлую помадную банку всадилъ себѣ въ руку; тогда провозились мы съ нимъ цѣлый мѣсяцъ». Отъ Мея я отправился къ А. И. Рыжову, который и передалъ мнѣ подробно какъ о поѣздкахъ въ больницы, такъ и о случившемся въ его квартирѣ. Вотъ какъ мы отпраздновали разрѣшеніе возобновить «Сынъ Отечества».

III.

Матеріальныя и интеллектуальныя средства, съ которыми я приступилъ къ изданію «Сына Отечества». — Радости и огорченія. — Толки въ литературныхъ кружкахъ по поводу моего предпріятія. — Мнѣніе Н. И. Греча. — Письмо Сенковскаго.—Пари, выигранное у Нагеля.—Неожиданное заявленіе Раппопорта.— Вдова Фурмана.

Въ понедѣльникъ я отправился въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія узнать отъ директора канцеляріи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Берте о судьбѣ, постигшей мое прошеніе, какъ будто мнѣ ничего не было извѣстно. Берте принялъ меня радушно и передалъ все то, что я уже зналъ отъ Добровольскаго. Я спросилъ, когда получу формальное разрѣшеніе, чтобы можно приступить къ печати. Берте объявилъ мнѣ, что съ точностью онъ сказать этого не можетъ, потому что дѣло пойдетъ еще на высочайшее утвержденіе, такъ какъ «Сынъ Отечества» былъ прекращенъ. Легко себѣ представить мое огорченіе и досаду, но дѣлать было нечего; оставалось покориться. Начались обычныя затяжки и задержки. Прошло три недѣли, и я сталъ терять терпѣніе. Наконецъ, 23-го марта Добровольскій написалъ мнѣ, что разрѣшеніе получено. 25-го марта оно было сообщено мнѣ оффиціально.

Я тотчасъ же приступилъ къ заготовленію перваго номера «Сына Отечества», который долженъ былъ выйдти въ первое же воскресенье, но такъ какъ первое воскресенье приходилось на 1-е апрѣля, день обмана, то номеръ выпущенъ былъ 8-го апрѣля.

Но прежде я хочу разсказать, съ какими матеріальными и интеллектуальными средствами приступлено было къ изданію «Сына Отечества».

Денегъ у меня не было вовсе; но у меня были друзья, знакомые и кредитъ. Такъ какъ я былъ вторымъ редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», то прежде всего рѣшился потолковать объ этомъ съ издателемъ этого журнала В. П. Печаткинымъ, на глазахъ котораго совершался весь процессъ добыванія права на изданіе «Сына Отечества». Вячеславъ Петровичъ обнаружилъ желаніе войдти со мною въ дѣло, но безъ денегъ, которыми онъ въ то время вовсе не располагалъ; тогда я отклонилъ отъ себя его настойчивое налеганіе; я сообщилъ обо всемъ происшедшемъ отцу его, покойному П. А. Печаткину, бумажному фабриканту, который радостно встрѣтилъ это сообщеніе и до того увѣровалъ въ успѣхъ первой у насъ дешевой еженедѣльной политической газеты, что самъ охотно предложилъ мнѣ давать на это дѣло бумаги въ кредитъ до 10.000 рублей сер. Можно себѣ представить мой восторгъ, тѣмъ болѣе, что П. А. былъ человѣкъ очень осторожный, расчет-

ливый и не довѣрчивый, потому что потерялъ на книгопродавцѣ Ольхинѣ и др. болѣе 40.000 рублей сер. Но тутъ онъ почему-то увѣровалъ въ будущій успѣхъ «Сына Отечества».

Оставалось устроиться съ типографіею, разумѣется, тоже въ кредитъ. Такъ какъ «Библіотека для Чтенія» печаталась въ типографіи Внутренней Стражи, которою завѣдывалъ подполковникъ А. А. Беккеръ, мой хорошій знакомый, и «Библіотека для Чтенія» была отдана туда по моему ходатайству, то Беккеръ охотно доложилъ своему начальнику генералу Гартунгу, тоже хорошо къ нему расположенному, и помощнику его генералу Паскину, прекраснѣйшему и образованному человѣку, и типографіи разрѣшено было печатать «Сынъ Отечества» въ кредитъ втеченіе всего года.

Теперь дѣло стало за главнымъ, за наличными деньгами, которыя были необходимы на сотрудниковъ и прочія надобности по изданію. Приходилось крѣпко подумать, какъ быть съ этой довольно важной статьей, но и это дѣло устроилось слѣдующимъ образомъ.

Когда разнесся слухъ объ изданіи мною новой еженедѣльной газеты, то нѣкоторые книгопродавцы обратились ко мнѣ съ предложеніемъ открыть у нихъ контору и подписку на новое изданіе. Въ числѣ ихъ были Генкель и Смирдинъ (сынъ), только что открывшіе тогда книжный магазинъ въ домѣ Косиковскаго (теперь Елисѣева) на Мойкѣ у Полицейскаго моста. Я объявилъ, что отдамъ контору тому, кто одолжитъ мнѣ на изданіе газеты втеченіе восьми мѣсяцевъ 2.000 рублей сер. съ условіемъ, что эта сумма будетъ выдаваться мнѣ въ количествѣ 250 рублей сер. ежемѣсячно. Изъ всѣхъ тогдашнихъ книгопродавцевъ никто не могъ этого сдѣлать, кромѣ компаніи «Генкель и Смирдинъ». У послѣдняго былъ богатый дядя Фр. Егор. Нагель, давшій ему деньги на открытіе книжнаго магазина, съ которымъ я тоже былъ близко и хорошо знакомъ.

Въ какихъ нибудь два-три дня и это дѣло было улажено, условіе относительно конторы подписано, векселя выданы, а къ 8-му апрѣля 1856 года надъ книжнымъ магазиномъ Смирдина и Комп. красовалась уже вывѣска «Контора газеты «Сынъ Отечества». Такимъ образомъ, изданіе газеты было обезпечено до января 1857 года. Оставалось приняться за дѣло редакціи.

Будучи активнымъ редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», я располагалъ нѣкоторымъ контингентомъ талантливыхъ сотрудниковъ, которыхъ было болѣе чѣмъ достаточно для небольшой еженедѣльной газеты, и они охотно согласились принять въ ней участіе. Все это были лица или тогда уже извѣстныя, или впослѣдствіи сдѣлавшіяся извѣстными, а именно: В. Г. Бенедиктовъ, В. Р. Зотовъ, Я. Г. Есиповичъ, А. И. Рыжовъ, А. П. Грекъ, Л. А. Мей, С. В. Максимовъ, Лав. Львовичъ Добровольскій, В. Д.

Яковлевъ, В. Н. Майковъ, В. С. Курочкинъ, М. А. Рахубовскій, А. Н. Сѣровъ, И. Льховскій; впослѣдствіи къ нимъ присоединились: баронъ Брамбеусъ (О. И. Сенковскій), Гр. Е. Благосвѣтловъ, М. А. Загуляевъ, Михайловы, К. С. Ушинскій и многіе другіе.

Съ такимъ контингентомъ можно было начать дѣло, и не смотря на то, что ранѣе 8-го апрѣля нельзя было сдѣлать ни одного объявленія, къ концу 1856 года «Сынъ Отечества» имѣлъ уже 2.700 подписчиковъ, надѣлалъ много шуму, вызвалъ къ себѣ общее сочувствіе и успѣлъ нажить враговъ, безъ которыхъ не обходится ни одно дѣло, начатое съ успѣхомъ.

Очень много сдѣлало и то, что съ 8-го іюля баронъ Брамбеусъ вызвался писать для «Сына Отечества» свои «Листки» (то-есть фельетоны), подписываясь «Brambeus redivivus.

«Листки» Сенковскаго читались на расхватъ. Къ осени и Гр. Ев. Благосвѣтловъ, тогда еще вовсе не извѣстный, принятъ былъ въ число сотрудниковъ газеты и по моему порученію взялся за критику нашихъ писателей прошлаго столѣтія. Первые его труды о Сумароковѣ обратили на себя вниманіе всей литературной братіи. Словомъ, литературный волчекъ былъ спущенъ, умѣло, загудѣлъ громко и гудѣлъ съ большимъ успѣхомъ ровно 21 годъ, то-есть до апрѣля 1877 года.

Но это казовый конецъ исторіи «Сына Отечества». Теперь взглянемъ, что дѣлалось за кулисами. Начинаются терніи.

Послѣ первыхъ объявленій о возобновленіи газеты «Сынъ Отечества» и выхода первыхъ номеровъ ея, весь петербургскій литературный міръ пустился въ толки и пересуды, что изъ этого можетъ выйдти, и общимъ хоромъ рѣшено было, что предпріятіе не будетъ имѣть успѣха, за неимѣніемъ средствъ матеріальныхъ, и потому, что не объявлено, кто въ журналѣ будетъ участвовать изъ литераторовъ, такъ какъ я не считалъ нужнымъ выставлять, что вотъ де на какихъ спинахъ я хочу выѣзжать.

Толки и мнѣнія нашихъ петербургскихъ литераторовъ дѣлали, однако, свое дѣло. Ф. Е. Нагель, обязавшійся выдавать мнѣ въ мѣсяцъ по 250 рублей сер. и взявшій отъ меня вексель, хотя былъ хорошій и давнишній мой знакомый, но при встрѣчѣ со мною у Смирдина послѣ появленія перваго номера, не стѣсняясь, сказалъ, что дѣло не пойдетъ; онъ былъ знакомъ со многими литераторами и, конечно, передавалъ чужое мнѣніе, но онъ раздѣлялъ это мнѣніе и даже прибавилъ, что ставитъ десять бутылокъ лучшаго шампанскаго, что къ 1-му мая у «Сына Отечества» не будетъ и двадцати подписчиковъ. Пари было принято, и Рыжовъ рознялъ намъ руки.

Не успѣлъ уѣхать Нагель, въ книжный магазинъ Смирдина явился, безъ меня уже, Н. И. Гречъ, который заходилъ иногда къ Смирдину и Генкелю. Онъ пустился въ разныя соображенія на-

счетъ успѣха «Сына Отечества» и говорилъ слѣдующее: «Вчера я былъ у Штиглица, гдѣ тоже толковали по поводу объявленія о возобновленіи «Сына Отечества» и о подписной цѣнѣ его 3 рубл. сер. съ пересылкою... Вѣдь это чистое надувательство, мошенничество среди бѣлаго дня: еженедѣльный журналъ въ 2½ печатныхъ листа номеръ, съ такою обширною программою, которая имъ разрѣшена, которую съ величайшимъ трудомъ мнѣ удалось исходатайствовать себѣ у правительства въ 1812 году: я вѣдь родоначальникъ «Сына Отечества». Это надувательство, подлѣйшее надувательство. И мнѣ вотъ еще что непонятно: Старчевскій, сколько я знаю, человѣкъ порядочный, на такое мошенничество неспособенъ и никогда бы не рѣшился... Даю голову на отсѣченіе, что это подлецъ Сенковскій смутилъ его и подвелъ подъ сюркупъ... Голову даю, что это—работа Сенковскаго»...

Тогда Смирдинъ, знавшій, что я съ Сенковскимъ не видался уже цѣлыхъ два мѣсяца, подтвердилъ своимъ честнымъ словомъ, что Сенковскій тутъ не при чемъ, а что это затѣялъ я собственнымъ умомъ.

— Ну, очень жаль! сожалѣю человѣка! значитъ, бѣдный окончательно спятилъ... Но вы-то куда смотрѣли?!. Вѣдь дѣло это не пойдетъ и покроетъ себя срамнымъ срамомъ...

Смирдинъ съ Генкелемъ переглядывались и улыбались, слушая, какъ старина относилась къ новинкѣ, не понимая новыхъ вѣяній... Гречъ просмотрѣлъ нѣкоторыя новыя книги и прощаясь прибавилъ: «Скажите Старчевскому, чтобы онъ побывалъ у меня, вѣдь надо бы какъ нибудь выпутать его изъ этого глупаго дѣла, этой пошлой аферы. Но и то сказать, теперь уже поздно... впрочемъ, дѣло потянется не долго, къ 1-му мая, вѣроятно, будетъ капутъ... А вотъ увидите, чтó Ѳадей (Булгаринъ) скажетъ по этому поводу, какъ онъ встрѣтитъ благое начинаніе своего компатріота; на это дѣло онъ не подкупенъ и ужъ выругаетъ на славу».

Приходилось ждать съ нетерпѣніемъ перваго Булгаринскаго камуфлета въ «Пчелкѣ», но онъ не появлялся.

Первый номеръ «Сына Отечества» начался слѣдующимъ вступленіемъ:

«За сорокъ четыре года «Сынъ Отечества» началъ свою жизнь посреди военной грозы, при громѣ орудій, оглашавшихъ наши родныя поля въ достославное царствованіе императора Александра Благословеннаго, миротворца Европы. Нынѣ, по прошествіи почти полувѣка, «Сынъ Отечества» возобновляетъ свое бытіе при самомъ заключеніи мира, дарованнаго человѣчеству великодушіемъ и мудростью императора Александра Втораго, и потому съ глубокими чувствами благодаренія къ Господу Богу, преисполненные благоговѣйной признательности къ нашему августѣйшему монарху, начинаемъ современную лѣтопись высочайшимъ манифестомъ о заключеніи мира».

Введеніе это написалъ Я. Туруновъ, бывшій главный сотрудникъ «Русскаго Инвалида» и составлявшій для «Сына Отечества» иностранныя политическія извѣстія.

Когда вышелъ первый номеръ «Сына Отечества», я послалъ его О. И. Сенковскому и получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Покорнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій Альбертъ Викентьевичъ, за вашъ новый журналъ, но онъ, мнѣ кажется, очень измѣняетъ отношенія ваши къ «Библіотекѣ для Чтенія». Что же останется для нея, когда вы всѣ лучшія соображенія вашего разума отдаете туда, все кажущееся вамъ самымъ интереснымъ отдѣляете для своего дѣтища? Вы говорили мнѣ, что этотъ журналъ будетъ издаваться вами вмѣстѣ съ Вячеславомъ Петровичемъ и съ «Библіотекой для Чтенія». Теперь слышу совсѣмъ другое. Мнѣ говорятъ, что вы открыли лавочку для себя возлѣ лавки своего хозяина и въ такое время, когда слѣдовало употребить всѣ мѣры и силы, чтобы поддержать его, послѣ убытковъ, которые онъ претерпѣлъ при васъ. Сдѣлайте милость, заѣзжайте ко мнѣ поскорѣе, объясните мнѣ дѣло, успокойте. Литературный журналъ возлѣ литературнаго! Какъ же это? Оба подъ редакціей одного человѣка, и одинъ дешевъ, а другой дорогъ!

«Вы собственными руками, мнѣ кажется, хотите зарѣзать «Библіотеку»? Я тутъ ничего не понимаю; но какъ вы поѣхали отъ моего имени хлопотать въ министерствѣ для «Библіотеки», по моей просьбѣ и по моему порученію, и весь успѣхъ этой поѣздки взяли для себя лично, для одного себя, то будьте же такъ добры пожаловать ко мнѣ и объяснить ваше новое положеніе и ваши отношенія совсѣмъ новыя къ «Библіотекѣ». Я давно боленъ глазами, не могу выѣхать—навѣстите меня: вы бываете въ городѣ ежедневно, а меня совсѣмъ забыли. И привезите, пожалуйста, съ собою мою «Penny Cyclopaedia»: очень нужна мнѣ она именно въ эту минуту, вся нужна. Обнимаю васъ. Сенковскій».

Получивъ это письмо, я сейчасъ догадался, откуда подулъ вѣтеръ, и немедленно отослалъ О. И. его англійскую энциклопедію, находящуюся у меня на Петербургской сторонѣ. Правда, я ежедневно ѣздилъ въ городъ; но проѣздъ отъ Крестовскаго перевоза въ Свѣчной переулокъ, гдѣ находился домъ Сенковскаго, въ которомъ онъ жилъ тогда, былъ для меня слишкомъ утомителенъ, чтобы часто практиковать его, тѣмъ болѣе, что, пріѣхавъ въ городъ и заглянувъ въ контору «Сына Отечества», гдѣ всегда накоплялось много разныхъ дѣлъ, не терпѣвшихъ отлагательства, ранѣе пяти часовъ нельзя было оттуда вырваться, и въ это время мысли были уже заняты тѣмъ, какъ бы къ шести часамъ поспѣть на Петербургскую къ обѣду, такъ какъ желудокъ давно уже напоминалъ о себѣ.

Я написалъ Сенковскому всю правду, сообщилъ, что вслѣдствіе отказа моего В. П. Печаткину, въ участіи его по изданію «Сына Отечества», мнѣ нельзя было долѣе оставаться редакторомъ «Библіотеки для Чтенія», что я рекомендовалъ ему вмѣсто себя Дружинина, который давно желалъ замѣнить меня, и устроилъ это дѣло, ибо Дружининъ согласился, и они сошлись.

Такъ какъ «Библіотека для Чтенія» уже около двухъ лѣтъ была передана Сенковскимъ Печаткину въ его собственность, то Осипъ Ивановичъ, узнавъ все это, успокоился, и не смотря на то, что разошелся съ Дружининымъ, по просьбѣ Печаткина, заявилъ въ цензурный комитетъ, что онъ передаетъ редакцію «Библіотеки для Чтенія» А. В. Дружинину, который и былъ утвержденъ редакторомъ.

Подписка на «Сынъ Отечества» шла не очень быстро, но къ 1-му мая было уже 250 подписчиковъ, и пари у Нагеля было выиграно! Смирдинъ, сообщая объ этомъ своему дядюшкѣ, прибавилъ, что перваго мая, приходившагося на воскресный день, редакція «Сына Отечества» въ полномъ своемъ составѣ явится къ нему на дачу, находившуюся не подалеку отъ новаго католическаго кладбища и пороховыхъ заводовъ.

Выигранное пари нѣсколько ободрило меня, но хорошее расположеніе духа было разстроено приводимымъ ниже письмомъ, полученнымъ мною отъ М. Я. Раппопорта, съ которымъ тогда я вовсе не былъ знакомъ. Вотъ что оно принесло мнѣ.

«Милостивый государь

«Альбертъ Викентьевичъ!

«Обращаюсь къ вамъ съ объясненіемъ, какъ къ редактору возобновленнаго журнала «Сынъ Отечества», право на который принадлежитъ мнѣ пополамъ съ дѣтьми покойнаго Фурмана, на что у меня есть формальные документы. Можетъ быть, вы полагаете, что журналъ, не выходившій уже около трехъ лѣтъ, можетъ издаваться каждымъ желающимъ. Я справлялся—положительнаго закона на это нѣтъ, и во всякомъ случаѣ къ нашему журналу это примѣнено быть не можетъ. Въ 1854 г. мы съ покойнымъ Фурманомъ хотѣли возобновить изданіе «Сына Отечества», но не получили разрѣшенія отъ главнаго управленія цензуры. Слѣдовательно, съ нашей стороны не было никакого упущенія и не наша вина, если журналъ не издавался, а потому самому и правомъ нашимъ воспользоваться не можетъ никто изъ постороннихъ лицъ, какъ нашею собственностью, на которую мы потратили не мало денегъ. Главное управленіе могло вамъ разрѣшить быть редакторомъ, но въ издательскія права оно не вмѣшивается: это дѣло частное.

«Представляю все это на благоусмотрѣніе ваше, милостивый государь, полагая, что вамъ угодно будетъ какъ нибудь уладить дѣло полюбовно, тѣмъ болѣе, что притязанія мои не велики и я болѣе хлопочу о бѣдномъ семействѣ покойнаго Фурмана.

«Буду ждать вашего отвѣта нѣсколько дней, если же не получу его, то, къ сожалѣнію, долженъ буду принять свои мѣры и дѣятельно искать своихъ правъ законнымъ образомъ.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и проч. М. Раппопортъ.

«1-го мая 1856 года».

Начиналась каверза... уже самый маленькій успѣхъ моего предпріятія накликалъ на меня враговъ, которыхъ я и не подозрѣвалъ. День былъ испорченъ. Я никому ничего не говорилъ объ этомъ, поѣхалъ на угощеніе къ Нагелю, но на другой день, 2-го мая, отвѣчалъ Раппопорту слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь

«Маврикій Якимовичъ!

«Я получилъ ваше письмо, которое весьма удивляетъ меня. Вы очень хорошо знаете, что не имѣете никакихъ правъ на журналъ «Сынъ Отечества», и вотъ почему вы пріобрѣли право на изданіе «Сына Отечества» отъ Жернакова; но какъ онъ заключилъ мировую съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ К. П. Масальскимъ, по которой они прекратили всѣ свои взаимныя претензіи и права, то какія же права можете имѣть вы послѣ этой мировой. Мировая—актъ, котораго уничтожить нельзя, а если хотите нарушить этотъ актъ, то вы примете на себя всѣ послѣдствія, могущія отъ того произойти, то-есть, удовлетвореніе Масальскаго по всѣмъ контрактамъ, по которымъ ему причитаются съ Жернакова огромныя суммы, что̀ вамъ, конечно, небезъизвѣстно. Итакъ, вы можете объявлять претензію на Жернакова, но не на то лицо, которое не находится ни въ какихъ съ вами отношеніяхъ. А. В. Старчевскій».

Неосновательная претензія Раппопорта облила мнѣ сердце кровью. Я не боялся, что у меня отнимутъ «Сынъ Отечества», но мнѣ очень непріятна была эта каверза, она не могла не разнестись по городу и давала пищу людямъ, которые рады были зловредно подѣйствовать на подписку на новую газету, тѣмъ болѣе, что она своею невѣроятною дешевизною и то уже внушала къ себѣ недовѣріе...

Спустя три дня послѣ этого, въ контору «Сына Отечества» явился М. Я. Раппопортъ; мы горячо съ нимъ поспорили, но тѣмъ дѣло и кончилось.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о г-жѣ Фурманъ.

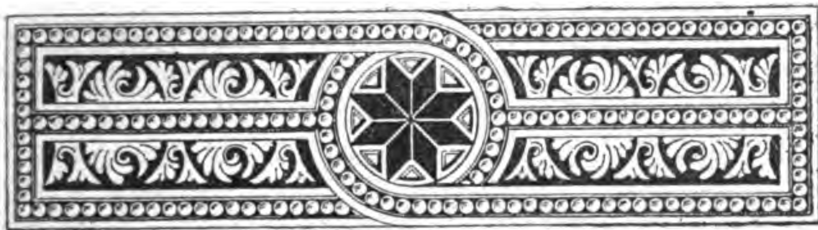
4*

Какъ только я началъ располагать нѣкоторыми средствами, то счелъ нужнымъ прежде всего подѣлиться съ тѣми, кто, хотя не имѣя никакого на то права, могли, однако, говорить, что я владѣю собственностью, которая принадлежитъ имъ. Поэтому я отыскалъ г-жу Фурманъ, объявилъ ей, что предоставляю ей ежегодно на воспитаніе ея дѣтей по 400 рублей сер., и вручилъ ей тутъ же эту сумму. Я исполнялъ мое обязательство аккуратно до 1862 г., а затѣмъ продолжалъ дѣлать для нея что могъ, въ чемъ можно убѣдиться какъ изъ росписокъ ея въ полученіи денегъ, такъ и изъ многихъ писемъ, у меня сохранившихся.

А. Старчевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГУЛЕБЩИКИ [1].

(Очеркъ изъ быта стародавняго казачества).

I.

ТАРУХА Панкратьевна въ темнымъ кубелекѣ [2]) и красномъ платочкѣ стояла подъ сараемъ у арбы съ сѣномъ и будила своего храпѣвшаго во всю мочь сына, расталкивая его за плечо.

— Филюшка! буде спать-то!... ночь на дворѣ!

Но Филюшка, уткнувшись головой въ шубу, свернутую шерстью вверхъ, продолжалъ невозмутимо храпѣть.

— Захвораешь, мой сердешный! встань, поди, разгуляйся!...

— Ммм...а? — промычалъ Филюшка, съ трудомъ и удивленіемъ раскрывая одинъ глазъ.

— Поди, говорю, на улицу, разгуляйся!... Вонъ дѣвки пѣсни играютъ...

Филюшка поднялся и сѣлъ на арбѣ, протирая глаза.

— А мнѣ што?! На кой чортъ мнѣ дѣвки?...—прохрипѣлъ онъ.

— Тьфу! зачѣмъ черное слово говоришь!...

Филюшка на это лишь помычалъ и продолжалъ протирать глаза кулаками. Панкратьевна стояла и терпѣливо ждала, пока онъ придетъ въ надлежащее чувство. Филюшка кончилъ протираніе глазъ

---

[1]) Гулебщиками назывались казаки, дѣлавшіе набѣги, и вообще казаки-охотники.

[2]) Кубелекъ—старинная верхняя одежда казачекъ.

и принялся ожесточенно скрести обѣими руками густую и спутанную шевелюру на головѣ. Только уже послѣ этого онъ тяжело спрыгнулъ съ арбы и сказалъ, глядя въ сторону:

— Мамушка!

— Чаво, мой соколикъ?...

— Дай мнѣ три алтына—погулять хочу съ казаками.

Понкратьевна помолчала съ минуту, находясь въ колебаніи, дать или нѣтъ Филюшкѣ требуемую сумму: она была скуповата.

— Ну-къ што-жъ, возьми...—согласилась она, рѣшивши, что для праздника можно и побаловать сынка.

Филиппъ, вполнѣ довольный, посвистывая, пошелъ въ курень [1]).

Солнце уже низко спустилось; лѣтній жаркій день смѣнялся теплымъ и тихимъ вечеромъ. Тѣнь отъ куреня протянулась черезъ весь передній дворъ, перешагнула на сѣнникъ и затерялась въ высокой и густой коноплѣ, зеленымъ лѣсомъ смотрѣвшей изъ-за стараго плетня. На улицѣ, съ майдана [2]), неслись звуки пѣсни, шумъ и смѣхъ. Былъ второй день Троицы. Вся станица гуляла, пѣла и веселилась.

Филиппъ нарядился въ черные плисовые штаны съ золотымъ узкимъ позументомъ по швамъ, въ желтые сапоги съ высокими, тонкими каблуками и съ «рыпомъ», надѣлъ въ одинъ рукавъ краснаго сукна—кармазиннаго—кафтанъ, высокую черную шапку съ ярко-алымъ верхомъ и вышелъ на улицу. Заботливая мамушка примазала коровьимъ масломъ длинные, курчавые, торчавшіе въ разныя стороны, волосы на головѣ Филюшки, мазнула его тою же намасленной рукой по лицу, отчего оно стало блестѣть и лосниться.

Филиппъ былъ немного повыше средняго роста, широкоплечъ, коренастъ и обладалъ богатырской силой. Руки у него были широкія, толстыя и черныя; когда онъ сжималъ кулаки, то самъ приходилъ въ смущеніе отъ непомѣрной величины ихъ. Лице у Филиппа было очень некрасивое: смуглое, мазаное и рябое; нижняя губа была толстая и большая, носъ тоже толстый и огромный. Неровная, рѣдкая и некрасивая борода росла у него тремя черными кустиками. Не смотря на свою силу, не смотря на успѣшное веденіе хозяйства, ловкость въ стрѣльбѣ и удачу въ походахъ и на охотѣ—главныя качества, за которыя казакъ въ старину пріобрѣталъ уваженіе и въ станицѣ и во всемъ войскѣ,—Филиппъ чувствовалъ себя несчастнымъ и одинокимъ, и былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ.

Ему шелъ уже двадцать седьмой годъ, а ни одна еще дѣвка въ станицѣ до сихъ поръ не отвѣтила благосклонно на его исканія. «Филя Губастый» вездѣ получалъ отказъ, и даже кривая Катька

---

[1]) Курень—хата.

[2]) Майданъ—станичная площадь, на которой собирался казачій «кругъ».

Корноухова оскорбила его, когда онъ разъ, въ порывѣ нѣжности, облапилъ ее своими богатырскими руками.

— Уйди, губастый чортъ!— отбиваясь, кричала она:—съ своей рожей сидѣлъ бы подъ рогожей!...

Дѣвки надъ нимъ потѣшались, надъ его губой главнымъ образомъ, а затѣмъ уже и надъ всей фигурой, которая по виду была чрезвычайно неуклюжа и неповоротлива. Казаки—товарищи тоже вышучивали его, а при ссорахъ называли «дѣвкинымъ сыномъ», и Филиппъ, вообще довольно терпѣливо сносившій всѣ насмѣшки, свирѣпѣлъ при этомъ и гонялся съ кулаками за обидчикомъ: это было самое больное мѣсто его. Мамушка любила его, и онъ любилъ мамушку, но съ затаенной скорбью догадывался, что мамушка, такая суровая и строгая на видъ, имѣла въ молодыхъ годахъ «безкорыстный грѣхъ», какъ поютъ въ казачьей пѣснѣ, и, благодаря этому грѣху, Филиппъ увидѣлъ свѣтъ Божій: никогда онъ не зналъ своего родителя и никогда мамушка ему ни слова не говорила о немъ. Часто онъ задумывался надъ вопросомъ, кто былъ виною его появленія на свѣтъ, и ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ прійти не могъ, отчего страдалъ, страдалъ молча и безропотно, но мамушку, всетаки, любилъ и почиталъ, какъ подобаетъ.

II.

Филиппъ направился по улицѣ туда, откуда неслись звуки пѣсенъ, шумъ, дѣтскій визгъ и смѣхъ, и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на майданъ.

Майданъ кипѣлъ жизнью и весельемъ. Изъ большой станичной избы доносились пьяныя, шумныя пѣсни: тамъ гуляли и пили старые казаки, самые почетные въ станицѣ, которымъ не ловко было сидѣть и пить въ кабакѣ вмѣстѣ съ молодежью. Изъ кабака, находившагося неподалеку, въ кривомъ и узкомъ переулкѣ, несся смѣшанный, глухой гулъ множества голосовъ. На самомъ майданѣ кружился карагодъ[1]). Нарядныя дѣвки и молодыя замужнія казачки въ красныхъ, голубыхъ и желтыхъ сарафанахъ съ серебряными позументами, съ серебряными «понизями» и шапочками на головахъ, взявшись рука за руку, медленно ходили кругомъ; молодые казаки въ синихъ черкескахъ, въ красныхъ короткихъ бешметахъ или въ однѣхъ желто-красныхъ рубахахъ, обшитыхъ узкимъ галуномъ, въ высокихъ черныхъ и бѣлыхъ папахахъ, въ кучкѣ стояли возлѣ и разговаривали, искоса поглядывая на карагодъ; старухи въ темныхъ кубелекахъ съ красной обшивкой, сидѣли на завалинѣ и на бревнахъ, наваленныхъ въ одномъ концѣ майдана,

---

[1]) Карагодъ—казачье названіе хоровода.

и вели мирную бесѣду, поглядывая на молодежь; ребятишки въ кумачныхъ рубахахъ бѣгали, догоняя другъ друга, кричали, смѣялись и дрались... Все пестрѣло, двигалось, кричало, смѣялось и пѣло...

Казаки иногда разрывали кружившійся карагодъ, входили въ него и пѣли вмѣстѣ съ дѣвками:

«Какъ во полѣ яровый хмель
«Вился, извивался.
«Перевейся, яровый хмель,
«На мою сторонку:
«На моей ли сторонѣ
«Приволье большое,
«Что приволье-то большое,
«Луга зеленые»...

Немного въ сторонѣ отъ карагода, у вишневаго садика, собрались молодыя казачки, не участвовавшія въ игрѣ, грызли сѣмечки и пересмѣивались съ казаками.

Филиппъ, проходя мимо старухъ, приподнялъ почтительно папаху и направился къ той кучкѣ, которая стояла поближе къ садику.

— Здорово, казаки! — сказалъ солидно Филиппъ, подходя къ группѣ молодежи.

— А-а, здорово, Филюшка!... на дѣвокъ пришелъ поглазѣть?... Глаза, братъ, растеряешь!...—послышались веселые голоса и смѣхъ.

Филиппъ тотчасъ же принялъ мрачный видъ и сказалъ:

— А то вамъ што-ль однимъ?

— И то правда: всякъ, вѣдь, безъ жены-то, какъ безъ матки...

И опять дружный смѣхъ поднялся среди казаковъ и казачекъ. Филиппъ принялъ его на свой счетъ, обидѣлся и, ругнувшись сквозь зубы, отошелъ къ карагоду; онъ услышалъ позади чье-то замѣчаніе и хохотъ:

— Съ виду гладокъ, а на зубъ не сладокъ!...

— Здорово живешь, Филюшка! — немного погодя, раздался за спиной у него серебряный дѣвичій голосъ. Филипъ оглянулся. Толстенькая, круглолицая и румяная Дунька Непочатиха проходила мимо.

— Слава Богу,—сказалъ Филиппъ съ разстановкой своимъ хриплымъ басомъ.

Веселая Дунька такъ и прыснула со смѣху... Она остановилась и поглядѣла на него своими черными, веселыми и лукавыми глазами, а Филиппъ, глядя въ эти глаза и на ея черныя, дугообразныя, тонкія брови, почувствовалъ въ груди легкое замираніе.

— Што тебя не видать было? — спросила Дунька, сдерживая улыбку.

— А што?

— Да такъ...

Филиппъ не зналъ, что ей сказать, и глядѣлъ, глупо и счастливо улыбаясь и чувствуя, что у него занимается духъ.

— А ты такъ вотъ, вѣрно, съ улицы не сходишь?..— сказалъ онъ, наконецъ, тѣмъ же хриплымъ басомъ и съ разстановкой.

— Не такое мое сердце, чтобы дома сидѣть!..

— Дай сѣмечекъ...

— Поцѣлуй сучку въ темечко!—сказала Дунька и, звонко захохотавъ, побѣжала въ карагодъ.

— Тьфу, сволочь! — плюнулъ обиженный Филиппъ и пошелъ было къ кабаку.

— А-та-ма-ны молодцы! за ясыремъ [1]) погулять на Куму на рѣку—кто охотникъ?... звонко дребезжащимъ и заливистымъ голосомъ закричалъ старый казакъ, вышедшій изъ станичной избы, кидая вверхъ шапку. Филиппъ остановился и сталъ глядѣть на старика.

— Бѣлоусъ, Бѣлоусъ на гульбу собирается! — заговорили кругомъ казаки.

— Кто въ гулебщики, кто въ гулебщики охоту имѣетъ?..

— Я! — отозвался пьяный безусый казакъ, смѣшившій своими выходками казачекъ у садика. Онъ кинулъ вверхъ шапку и, шатаясь, побѣжалъ ловить ее, но не поймалъ и, споткнувшись, растянулся на пыльной дорогѣ. Майданъ весь задрожалъ отъ смѣха.

— Вотъ богатырь—земля не держитъ!..

— Кто ишшо охоту поимѣетъ, ат-та-ма-ны молодцы? — опять крикнулъ старикъ на майданѣ... — Добра много добудемъ!.. кто охочъ?..

— Филюшка, валяй! жену себѣ у черкесовъ добудешь!—звонко крикнула Дунька изъ карагода.

— А то што же? — мрачно сказалъ Филюшка и, желая хоть чѣмъ нибудь досадить Непочатихѣ, кинулъ свою шапку вверхъ и сказалъ:

— Я, дядя Микита!

— Ну, вотъ молодецъ! вотъ насъ и хватитъ!.. завтра уторкомъ и тронемся,—заговорилъ Никита: — а теперь, ребята, ставлю угощеніе... Айда за мной!

И они всѣ трое направились къ кабаку. Пьяный безусый казакъ, котораго звали Багромъ, шелъ, размахивая руками и шатаясь, толкалъ плечомъ Филиппа и показывалъ ему на дѣвокъ, говоря:

— Хмель тычинку ищетъ, а дѣвки все казаковъ... Гляди, какъ вьются...

Но Филиппъ, заложивъ руки назадъ, гордо прошагалъ мимо и не удостоилъ дѣвокъ даже взглядомъ.

---

[1]) «Ясырь» — собственно плѣнные, затѣмъ всякая добыча, отбитая во время набѣга.

Въ растворенныя низенькія двери хаты, въ которой былъ кабакъ, несся смѣшанный гулъ пьяныхъ голосовъ; иногда вырывалась шумная, нестройная пѣсня, покрывая собою говоръ, иногда крѣпкое словцо вылетало наружу и замирало въ звонкомъ вечернемъ воздухѣ. Кружки казаковъ, не помѣстившихся въ самомъ кабакѣ, сидѣли на дворѣ и пили вино, медъ и водку. Дворъ былъ огороженъ старыми, почти упавшими, плетнишками и поросъ зеленой травой—ползучимъ подорожникомъ, круглолистымъ копеечникомъ и жгучкой.

— Тутъ народу — руки не пробьешь! — говорилъ старикъ Никита, заглядывая въ дверь кабака: — ну, погодите, ребятушки, я пойду къ Ѳедосѣю, переговорю—онъ намъ посудинку дастъ, мы и тутъ разопьемъ...

— И то правда!.. Много разъ лучше!.. — пьянымъ, восторженнымъ голосомъ воскликнулъ Багоръ. Филиппъ безмолвно съ нимъ согласился. Никита исчезъ за дверью и скоро вышелъ назадъ, неся глиняный обливной боченокъ и стаканчикъ изъ бѣлой жести.

— Ну, вотъ! ну, вотъ!—радостно воскликнулъ Багоръ и, шатаясь, пошелъ за нимъ въ уголъ двора. Филиппъ заглянулъ было самъ въ кабакъ, думая употребить свои три алтына, но не могъ протѣсниться къ стойкѣ и счелъ за лучшее послѣдовать за Багромъ и Бѣлоусомъ.

— Ну, хватимъ, ребята, — сказалъ Бѣлоусъ, наливъ водки: — чтобъ Богъ удачи послалъ!.. Дай, Господи, во святой часъ да во счастливой!..

Онъ опрокинулъ въ ротъ стаканчикъ и досталъ изъ кармана двѣ вяленыхъ таранки.

Старикъ Никита Бѣлоусъ былъ небольшой, сухенькій, съ желтымъ лицемъ и рыжей клинообразной бородкой, на половину желтой, на половину сѣдой. Носъ у него былъ острый, «скопчиный», брови густыя и сѣдыя, а глаза маленькіе, желтые. Говорилъ Никита часто и много, человѣкъ былъ очень словоохотливый.

Другой собесѣдникъ Филиппа, Ефимъ Багоръ, былъ положительный красавецъ — высокій, стройный, съ продолговатымъ лицомъ, съ темнорусыми вьющимися волосами и небольшими черными, веселыми глазами. Всѣ дѣвки въ станицѣ заглядывались на него. Онъ былъ боекъ на словахъ, пѣлъ прекрасно пѣсни и плясалъ такъ, что не только въ станицѣ, но и во всемъ войскѣ не нашлось бы ему соперника въ этомъ. Когда были у него деньги, онъ гулялъ и пилъ почти безъ просыпу.

— Ну-ка, Филюшка, нà, тяни!—поднесъ Никита Бѣлоусъ жестяной стаканчикъ Филиппу.

— Будемъ здоровы!—важно сказалъ Филиппъ, выпилъ и внушительно крякнулъ.

— На-на, закусывай, а ты, Яхимушка, наливай самъ...

Багоръ налилъ и, проговоривъ: «Пожеламши добраго здравія», выпилъ и такъ же крякнулъ.

— На меня, ребята, положитесь безъ сумнѣнія... — чистя таранку, заговорилъ скороговоркой Бѣлоусъ: — я вамъ такія мѣста покажу, какихъ никто не знаетъ... Я тамъ вѣдь все знаю — кажный кустикъ, всякой барачекъ! Съ молодыхъ денъ проникалъ тамъ... У меня и кунаки были, и теперь-ча есть тоже... Эхъ, Джюбиляй-татаринъ былъ мнѣ кунакъ, вотъ голова!.. Што мы съ нимъ косяковъ поотогнали, народу сколько побрали въ полонъ— сила сильная!.. И гдѣ не припало побывать? и на Аграхани, и въ морѣ, и въ Персіи... Повидалъ видовъ на вольномъ свѣтѣ!.. Я вѣдь бывалый воробей!..

— А въ Турціи бывалъ, дядюшка?—спросилъ Багоръ.

— У-у! ты спроси, гдѣ я не былъ?..

И Никита безъ умолку пошелъ разсказывать о своихъ похожденіяхъ. Оба слушатели его проникались должнымъ къ нему уваженіемъ и стаканъ за стаканомъ тянули водку. Филиппъ сталъ веселѣть и почувствовалъ легкій шумъ въ головѣ. Онъ глядѣлъ прямо въ ротъ Никитѣ и думалъ о томъ, какой онъ славный и отважный казакъ, этотъ Бѣлоусъ. А Никита, снявъ папаху и ероша слипшіеся на лбу потные волосы, говорилъ и говорилъ, не останавливаясь. Водка подходила уже къ концу. Багоръ совсѣмъ отяжелѣлъ и лишь покачивалъ головой на рѣчь Никиты, но Филиппъ чувствовалъ сильное желаніе выпить еще.

— Дядюшка!—обратился онъ къ Бѣлоусу:—на вотъ три алтына, поди, ишшо водки принеси.

— А! вотъ молодчикъ!—съ всегдашней своей живостью воскликнулъ Никита и, вскочивъ, почти бѣгомъ побѣжалъ съ боченкомъ въ хату.

Солнце уже сѣло. Румяная заря горѣла на западѣ. Неподвижныя, словно замершія верхушки вербъ и тополей, росшихъ на левадахъ [1]), алѣли и отчетливо выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба. Воздухъ былъ прозраченъ, чистъ и звонокъ.

— Ты бы, Яхимушка, пѣсню што-ль возгаркнулъ!—сказалъ Никита, принесши боченокъ и садясь на прежнее мѣсто.

— И то! — подхватилъ Филиппъ, чему-то радуясь и широко улыбаясь.

— Въ нашихъ рукахъ, — отвѣчалъ Багоръ, подымая отяжелѣвшую голову и прибодрясь. Онъ усѣлся половчѣй на травѣ и, кашлянувъ, запѣлъ:

«Ой кручи-и-нушка ты моя, кручинушка великая-а-я,
«Никому ты, моя кручи-и-нушка, неизвѣстна».

---

[1]) Левады—огороды съ деревьями.

Никита сталъ ему подголашивать тонкимъ, дребезжащимъ подголоскомъ, а Филиппъ бралъ густой октавой и помахивалъ рукой, какъ дирижеръ. Оба помощника — и Никита, и Филиппъ, пѣли плохо и лишь мѣшали своему товарищу; у Филиппа голосъ былъ глухой и сиплый. Зато Багоръ заливался соловьемъ: богатѣйшій — сильный, гибкій и высокій, голосъ его разливался тоскующими переливами и хваталъ за сердце:

«Извѣстна ты, моя кручинушка, ретивому сердцу,
«Покрыта ты, моя кручинушка, бѣлой грудью,
«Запечатана ты, моя кручинушка, крѣпкой думой.
«Запой-ка, запой, мое сердечушко, мое ретивое,
«Заслышь-ка, моя лебедушка, заслышь, мой голосочекъ,
«Ужъ выдь, моя раздушечка, на красный крылечекъ,
«Погляди-ка, моя сударушка, ты въ чистое поле:
«Не бѣлы-то снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлѣлися,
«А забѣлѣлися дружка милаго бѣлыя палаты,
«Во палатахъ раскинуты шатры шелковые,
«Во шатрахъ-то стоятъ три столика дубовые,
«На столахъ-то пораскинуты скатерти браны,
«За столами-то сидятъ три молодца бравы»...

— Дай бойца!... Кто одинъ на одинъ—выходи!...—послышался крикъ у воротъ.

Багоръ остановился и оглянулся. Невысокій, широкоплечій молодой казачекъ, съ маленькой бѣлокурой бородкой, стоялъ въ одной рубахѣ съ засученными рукавами и вызывающе поглядывалъ на группы пившихъ казаковъ.

— Эхъ, хотѣлось бы мнѣ этого Андреяшку снять! — сказалъ Багоръ, сжавъ кулакъ.

— А кто мѣшаетъ?... Валяй!... — живо посовѣтовалъ Филиппъ.

— Да, валяй!... У него, братъ, заручка есть... Ужъ онъ зря не выйдетъ, тамъ подмога гдѣ нибудь сидитъ...

— А ловокъ, шельмецъ, этотъ Капышъ — страсть! Сразу обобьетъ крылья...—сказалъ Никита.

— Кто?!—вдругъ, воспылавъ отвагой, воскликнулъ Филиппъ.— Андреяшка?! Да я его съ одного маху пополамъ перешибу!...

— Обгоришь!...

— Я?!

— Ушибетъ!... ужъ дюже живой парнишка!...

Филиппъ молча всталъ, надѣлъ кафтанъ въ оба рукава, засучилъ ихъ и вышелъ къ Андреяшкѣ.

— Давай! — кратко, но внушительно сказалъ онъ, сжавъ свои огромные кулаки.

— По бокамъ ай по мордамъ?—спросилъ Капышъ.

— По чемъ попало!...

Андреяшка стоялъ въ нерѣшительности.

— Да нѣтъ!—сказалъ онъ, наконецъ:—тебя не пробьешь—ишь какой бугай... Выходи, коль хочешь, вотъ на насъ съ Тишкой бороться...

Андреяшка оглянулся на большаго, сухощаваго и сутуловатаго казака, стоявшаго сзади, подпершись въ бока руками.

— Давай!...—отвѣчалъ не робѣя Филиппъ.

— За пояса ай на ломо́къ?

— Давай на ломокъ!

Андреяшка сейчасъ же схватилъ Филиппа руками отъ лѣваго плеча и подъ правую мышцу, а Тишка ухватился поперекъ, у поясницы. Филиппъ попробовалъ было стряхнуть ихъ разомъ съ своихъ плечъ, но послѣ нѣсколькихъ усилій почувствовалъ, что не тутъ-то было. Выпитая водка много ослабила у него не только ноги, но и руки. А Капышъ, между тѣмъ, давилъ ему кулаками хребетъ, Тишка, какъ въ тискахъ, сжалъ бока. Филиппъ уже теперь сталъ въ оборонительное положеніе, стараясь не съ разу поддаться имъ, но зналъ, что рано или поздно если не оба борца, то навѣрное одинъ будетъ сидѣть на немъ. Онъ уперся ногами какъ можно крѣпче и какъ будто приросъ къ одному мѣсту.

— А подъ ножку зачѣмъ?... уговоръ былъ—на ломокъ!... — говорилъ лишь онъ, чувствуя, что коварный Андреяшка сталъ подбивать его подъ ногу.

— Ну, ну, ребята, дружнѣй!... вотъ суды его—тутъ помягче!.. дружнѣй, дружнѣй, ребята!... Ну, разомъ! — раздавались кругомъ голоса зрителей.

— Тишка! ежели за ноги хватать будешь, зубы повыбью!...— крикнулъ Филиппъ и почувствовалъ, что его, при помощи чьей-то новой силы, стали подавать къ воротамъ.

— Ну-ка, разомъ, ребята, разомъ!... Вотъ тутъ его положите!...

Филиппъ выбивался изъ силъ, стараясь не поддаться, сбилъ на колѣни Тишку, но, наконецъ, Андреяшка успѣлъ-таки подбить его подъ ногу, и Филиппъ упалъ и почувствовалъ, что попалъ плечомъ въ какую-то мягкую, полужидкую массу. Онъ глянулъ и закипѣлъ отъ негодованія на коварство своихъ противоборцевъ: рукавъ его кафтана былъ испачканъ и обдѣланъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Филиппъ вскочилъ ругаясь и кинулся за Андреяшкой и Тишкой. Андреяшка успѣлъ увернуться за ворота, но Тишка не увернулся, и здоровый кулакъ Филиппа попалъ ему въ спину между предплечьями. Тишка растянулся въ воротахъ, поднявъ облако пыли. Дружный хохотъ загремѣлъ кругомъ.

— Буде! Брось!—останавливалъ Никита своего разгнѣваннаго собесѣдника и тянулъ его за рукавъ.

— Ну, чортъ куцый!—погрозилъ кулакомъ Филиппъ Капышу, который убѣгалъ къ майдану: — попадешь ты мнѣ подъ палецъ!... Я тобѣ припо-о-мню!...

— Пойдемъ! брось!—продолжалъ уговаривать Никита.

— Вѣдь какой, подлецъ, хитрый, — тяжело дыша и отряхая пыль, говорилъ Филиппъ. — Я думаю: чего это они прутъ меня къ воротамъ?... Анъ они вонъ чего вздумали... Новый кафтанъ!...

И Филиппъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ поглядѣлъ на плечо и на потерпѣвшее мѣсто.

— Вотъ какая вѣдь ехидная скотина!...

— Да ничего! наплюй на все!... Ты не трогай только заразъ его, рукавъ-то: нехай подсохнетъ, тогда самъ обомнется!... Вѣдь это—не сало, это отомнется! — утѣшалъ Никита, таща за рукавъ своего друга къ прежнему мѣсту, гдѣ осталась водка и сидѣлъ уже Багоръ. Но Филиппъ долго еще не могъ успокоиться и все ругался.

— Да брось, говорю!—убѣждалъ Бѣлоусъ:—экое сердце у тебя горячее, право! Помогай вотъ Яхиму!...

Багоръ пѣлъ:

«Какъ плывутъ тамъ, выплываютъ два снарядные стружка,
«Они копьями—знамены будто лѣсомъ поросли...
«На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
«Удалые молодцы, все донскіе казаки»...

III.

Поздно уже ночью воротился Филиппъ домой. Панкратьевна, отворивъ дверь на его стукъ, такъ и ахнула.

— Ахъ, кобелевъ ты сынъ! кобелевъ ты сынъ!— съ плачущей и негодующей нотой въ голосѣ начала она: — и въ кого ты уродился, шалава ты этакая? А!...

— Мамушка! — глубоко-виноватымъ голосомъ проговорилъ Филиппъ и сталъ на колѣни, опустивъ голову съ видомъ кающагося грѣшника.

— Въ людяхъ дѣти, какъ дѣти, а ты, висляй ты этакій, лишь на срамоту гожъ!... Ахъ, горой тебя положи!...

Панкратьевна въ негодованіи не могла уже больше говорить и запустила обѣ руки въ лохматые кудри Филиппа, въ тѣ самые кудри, которые такъ старательно нѣсколько раньше намазывала коровьимъ масломъ и причесывала. Филиппъ покорно моталъ головой изъ стороны въ сторону, пока мамушка, наконецъ, уставши, не освободила своихъ рукъ изъ его волнистой гривы.

— Мамушка! — сказалъ онъ тогда голосомъ, въ которомъ звучала глубокая обида:—мамушка!... земли я напахалъ!...

— Да я развѣ за это, дуракъ ты этакой, браню-то тебя?...

— Напахалъ я земли, мамушка?—настойчиво продолжалъ Филиппъ.

— Ну, напахалъ! за то—молодецъ, а такъ-то зачѣмъ же срамиться-то?... Ты глянь-ка, какъ ты одежу-то изгадилъ!...

— Пшенички посѣялъ я, мамушка? — продолжалъ, не слушая и торопясь высказаться, Филиппъ: — овсеца посѣялъ? бахчу спахалъ? рыбки наловилъ? дичинки набилъ?...

Тутъ онъ остановился и съ разстановкой заключилъ свою рѣчь:

— А теперь я выпилъ—вотъ и все!...

И, сердито бросивъ кафтанъ на полъ, онъ ушелъ изъ избы съ видомъ незаслуженно оскорбленнаго человѣка. Панкратьевна вздохнула и проговорила:

— То-то неразуменъ-то!...

Потомъ достала изъ печи и поставила на столъ блинцы, лапшевникъ и засушившуюся уже курицу.

— Поди, повечеряй! — отворивъ дверь, крикнула она Филиппу, который возился подъ сараемъ у арбы и что-то ворчалъ. Голосъ Панкратьевны былъ все еще строгъ, но примирительная нотка звучала уже въ немъ и не ускользнула отъ слуха оскорбленнаго чада.

Филиппъ черезъ нѣсколько минутъ вошелъ, сѣлъ за столъ и молча началъ ѣсть.

— Вѣдь я, глупой ты парень, развѣ хочу, чтобы ты такъ какой нибудь былъ?... Вѣдь любя наказую!...

Филиппъ засопѣлъ носомъ и заморгалъ глазами.

— Ка-бы мнѣ тебя не жалко было, дурья ты голова (Панкратьевна тоже заморгала глазами и уже готова была всплакнуть), кабы не жаль-то было, развѣ бы я стала?...

Филиппъ былъ тронутъ и почувствовалъ всю глубину своей вины и всю бездну своего паденія.

— Прости, Христа ради, мамушка! не огнѣвайся! мой грѣхъ!— виноватымъ голосомъ заговорилъ онъ, переставъ ѣсть и поднося ладони къ глазамъ.

— Ну-ну, ѣшь, ѣшь, мой сердешный, ѣшь! — поспѣшила уговорить его Панкратьевна, и Филиппъ опять принялся ѣсть, съ трескомъ раздирая руками курицу.

— А я, мамушка, завтра съ гулебщиками поѣду ясырь добывать! — сказалъ онъ послѣ значительной паузы, съ трудомъ прожевывая высохшее куриное мясо.

— И-и, вотъ ужъ зря-то, такъ зря!...

— Нѣтъ, мамушка, какъ хошь—поѣду! сказалъ—слова своего не перемѣню...

— Ну, зачѣмъ тебѣ? недостача што-ль у насъ въ чемъ? Все у насъ есть, слава Богу...

— Это — такъ, мамушка! а всетаки поѣду!... Казаки ѣдутъ, и я поѣду... Тобѣ китайки на халатъ привезу, на моленье нарядная будешь ходить... А себѣ женку добуду, татарку!...

— Ой, ну, тебя! на болячку! Чего вѣдь болтаетъ-то!...

А Филиппъ такъ и зашипѣлъ довольнымъ смѣхомъ, забывъ и оскорбленіе, и всѣ невзгоды. Онъ, дѣйствительно, мечталъ захватить и увезти какую нибудь черноокую черкешенку, какъ увозили другіе казаки очень часто въ то время; увезти и жениться на ней, и жить да поживать съ хозяйкой... Вотъ бы доброта-то была! Пусть тогда досада беретъ станичныхъ дѣвокъ на черкешенку, а онъ будетъ ее беречь и любить вмѣстѣ съ мамушкой.

— Вправду, мамушка, вправду,— заливаясь сиплымъ и счастливымъ смѣхомъ, повторялъ Филиппъ.

— Буде тобѣ, безстыдникъ! лобъ-то перекрести, да ступай спать!..

— А вѣдь изъ нихъ, изъ татарокъ-то, есть ухъ какія красовитыя!... ихъ-хи-хи-хи-хи!...

На другой день, рано утромъ Филиппъ, суровый и мрачный съ похмелья, сѣдлалъ своего коня. Голова у него страшно болѣла. Красивая буланая лошадь, съ сухой горбатой головой, на которой отчетливо выдѣлялись всѣ жилки, съ тонкими, невысокими ногами, широкой грудью и широкимъ задомъ, не стояла на мѣстѣ, недовольно прижимала острыя, небольшія ушки и нагибала голову, стараясь достать и укусить своего хозяина.

— Стой, ч-чортъ! ухмыляйся ишшо!... Я такъ ухмыльнусь!...— кричалъ на нее Филиппъ хриплымъ голосомъ.

Панкратьевна готовила сухариковъ и бурсачиковъ [1]) и наполняла ими переметныя сумы. Она еще разъ попробовала было убѣдить своего Филюшку не ѣздить.

— Останься, родимый мой!... Вотъ какъ у меня сердце болитъ... Сонъ нонѣ нехорошій видала: какъ будто зубъ выпалъ...

— Ну, стало быть, и выпадетъ скоро,—замѣтилъ сердито Филиппъ и продолжалъ собираться. Панкратьевна поняла, что уговоры ея напрасны, и упрямый Филюшка не перемѣнитъ своего рѣшенія.

Солнце только что поднималось изъ-за вербъ, когда подъѣхали къ воротамъ Никита Бѣлоусъ и Ефимъ Багоръ.

— Готовъ?—крикнулъ звонко Никита.

— Заразъ...

Филиппъ приторочилъ къ сѣдлу переметныя сумки съ сухарями и бурсаками и старый, порыжѣвшій зипунъ. Панкратьевна вышла, неся въ рукѣ небольшую сумочку.

— На-на, вотъ, сынушка,— сказала она, подавая сумочку.

— Чаво это?

— Вишенки сушеной...

— Э-это!... охота тебѣ, мамушка! какъ будто на годъ отъѣзжаю... Лишнее все... ворочусь—тогда поѣмъ...

---

[1]) Бурсачики—пшеничныя лепешки.

Панкратьевна съ грустью слушала суровый и твердый голосъ сына и лишь слабо попыталась возразить:

— А то бы взялъ...

— Нѣтъ, мамушка, некуда! оставь! Пойдемъ, помолимся на дорогу.

— Зда-а-рово, Панкратьевна!—крикнулъ Никита изъ-за воротъ, привставъ на стременахъ.

— Слава Богу, Микитушка!

— Жива?

— Покель Богъ грѣхамъ терпитъ, попрядываю, — печально отвѣчала Панкратьевна и пошла вслѣдъ за сыномъ въ курень.

Филиппъ подпоясалъ кинжалъ, надѣлъ шашку и ружье и присѣлъ на минутку. Потомъ всталъ и началъ молиться, кланяясь въ землю и читая про себя: «Господи помилуй», внутренно же прося удачи въ своемъ дѣлѣ.

— Ну, прости, мамушка! — сосчитавъ сорокъ разъ «Господи помилуй», сказалъ Филиппъ.

— Господь проститъ, мой кормилецъ!— со слезами на глазахъ сказала Панкратьевна:—молись Пресвятой Богородицѣ, сынушка, да береги себя... Ты у меня одинъ всего и есть на бѣломъ свѣтѣ...

— Не плачь! Вѣдь не въ первой ѣду!..

Филиппъ заторопился и, выйдя на дворъ, ловко вскочилъ на лошадь.

— Прости, Панкратьевна!—крикнулъ Бѣлоусъ. — Филиппъ не сказалъ ничего, лишь оглянулся и снялъ папаху. Панкратьевна долго стояла у воротъ и глядѣла имъ вслѣдъ, пока они не скрылись, потомъ вздохнула, утерла занавѣской заплаканные глаза и пошла хлопотать по хозяйству.

IV.

Казаки выѣхали за станицу, поднялись на горку, тянувшуюся въ верстѣ отъ станицы, и оглянулись назадъ. Маленькіе курени бѣлые и желтые, крытые камышемъ и корой, торчали изъ-за густозеленой каймы ливадовъ. Изъ глиняныхъ, смазаныхъ трубъ коегдѣ вился дымокъ, медленно поднимался вверхъ и расплывался въ воздухѣ. За станицей пестрѣли телята, лошади и коровы.

Филипъ отыскалъ глазами свой курень и вздохнулъ. Ему не въ первый разъ приходилось покидать станицу для набѣговъ, а всегда какъ-то больно сжималось сердце, когда шагъ за шагомъ эти маленькія избушки скрывались и прятались за вербами. И не очень большое какъ будто дѣло, думалось ему, напасть врасплохъ на аулъ и захватить ясырь, а голову сложить можно всякую минуту: или черкесы соберутся толпой, догонятъ и изрубятъ въ куски, или на калмыцкій улусъ наткнешься и не уйдешь отъ пули... И

вставала передъ нимъ трогательная картина: лежитъ онъ въ темномъ лѣсу, въ Кочкуренскомъ, какъ поется въ пѣснѣ, лежитъ, умираетъ и проситъ онъ своихъ товарищей отнести поклонъ тихому Дону и родимой матушкѣ: «пусть она не тужитъ, пусть не плачетъ обо мнѣ; на то, знато, она родила меня, чтобы померетъ въ чужой сторонѣ; разскажите ей, моей родимой, какъ кончалась моя жизнь»... И останется онъ лежать буйной головой въ ракитовомъ кустѣ, рѣзвыми ногами въ ковыль-травѣ; сквозь тѣло бѣлое трава проростетъ, проростетъ трава и цвѣты разцвѣтутъ. И на зарѣ утренней и вечерней зарѣ будутъ слышать эти цвѣты, какъ издалека несется къ нимъ тонкій плачъ и полныя жгучей скорби и томительной кручины причитанія его мамушки, и заплачутъ они чистыми, серебристыми росинками вмѣсто слезъ...

Вотъ казаки спустились въ балку, и станица совсѣмъ закрылась отъ нихъ. Одна степь широкая и зеленая, какъ море, раскинулась кругомъ. Утреннее солнце ярко блестѣло на молодой зелени. Травы пестрѣли и переливались различными тонами. Далеко, на самомъ горизонтѣ, онѣ синѣли, какъ сѣдые курганы, задумчиво поднимавшіеся тамъ въ тонкомъ голубомъ туманѣ. Ближе онѣ становились темно-зелеными, а еще ближе свѣтлѣли и пестрѣли самыми разнообразными цвѣтами. Цѣпкая и тягучая повитель съ блѣдно-розовыми цвѣточками переплела желто-зеленый, только что начинающій бѣлѣть, ковыль; темнолиловая, высокая, съ густымъ запахомъ богородицкая травка поднимала свою махровую головку изъ лохматаго овсюка; зеленый красавецъ пырей съ пушистой головкой и молодой чернобыль перемѣшались съ желтымъ дрокомъ, румяной червоницей и крѣпкимъ, приземистымъ бѣлоголовомъ. Звенѣли жаворонки, свистѣли перепела, красивый пестрый стрепетокъ съ дребезжащимъ свистомъ, чиркая, поднимался отъ дороги и вился, летая кругомъ. Кобчикъ, трепеща крыльями, повисалъ въ воздухѣ и потомъ, схвативъ кузнечика или ящерицу, съ веселымъ пронзительнымъ пискомъ улеталъ въ сосѣднюю балку. Коршунъ или бѣлый лунь важно и степенно плавалъ въ высотѣ и иногда застывалъ въ одной точкѣ.

— Эхъ, тра̀вы нонѣ Богъ послалъ!..—сказалъ Никита, прищуриваясь и поглядывая кругомъ.

— Д-да!.. сѣно̀въ казаки наберутъ...—отвѣтилъ Багоръ.

Филиппъ молчалъ, чувствуя себя необыкновенно хорошо. Чистый, живительный степной воздухъ, благоухающій острымъ и тонкимъ запахомъ поля, широкій, неоглядный просторъ, веселый день, яркая зелень, цвѣты—все это онъ чувствовалъ, видѣлъ, слышалъ, все вливалось ему въ грудь какою-то живительной струей и захватывало духъ сладкой и вмѣстѣ томительной болью. Не въ первый разъ онъ видѣлъ эту степь, и всегда она захватывала и покоряла его себѣ; всегда онъ не могъ налюбоваться на нее, и хо-

тѣлось ему и смѣяться, и плакать, и пѣть — пѣть вольную и захватывающую, чарующую, какъ степь, пѣсню.

— Тутъ вотъ, на этой степи, мы съ Тимошей Балахономъ сайгаковъ сколько побили, страсть!..—говорилъ Никита Бѣлоусъ.

— Во-онъ тамъ, у энтаго кургашка бывало заляжемъ, ужъ я знаю, что они въ балку на водопой ходятъ этой тропкой, заляжемъ и ждемъ... Разъ такъ-то легли, а у Балахона животъ болѣлъ... И потѣхи, братцы мои!..

— Намъ тоже довелось съ родителемъ поджиться тутъ, — сказалъ Багоръ:—мѣсто славное...

— Э-э! это што за славное!.. вотъ я мѣста знаю по Чиру, ну, мѣста-а! Ѣздилъ я тамъ въ прошедшихъ годахъ...

Бѣлоусъ напалъ на свой конекъ и заговорилъ безъ умолку. Казаки ѣхали шагомъ, изрѣдка лишь пускали мелкой рысцой. Филиппъ все молчалъ, глядѣлъ въ степь, слушалъ Бѣлоуса и плохо его слышалъ: больше занимало его, какъ буланый конь его часто перебиралъ своими острыми ушками, какъ онъ кивалъ безпрестанно головой и махалъ хвостомъ, отгоняя мухъ, изрѣдка нагибался, хваталъ траву и потомъ долго жевалъ ее.

Въ полдень остановились въ одной балкѣ, попоили въ родникахъ лошадей и пустили ихъ покормиться и отдохнуть. Вмѣсто обѣда, погрызли сухарей и легли спать. Когда жара немного спала, осѣдлали лошадей и опять тронулись въ путь. И опять Бѣлоусъ безъ умолку разсказывалъ разныя занимательныя исторіи, а когда умолкалъ, то Багоръ въ полголоса начиналъ напѣвать тягучую, длинную пѣсню о томъ, какъ «два братца, два родимые въ полѣ чистомъ соѣзжалися, родного роднею сознавалися». Къ вечеру жара совсѣмъ спала, и казаки поѣхали крупной рысью.

Ночевали у какой-то степной рѣчки, заросшей камышемъ и кугой, водяными лопухами, бѣлыми и желтыми лиліями. Опять поѣли сухарей и бурсаковъ, напились изъ рѣчки воды—вода была теплая и пахла иломъ, попутали треногами [1]) лошадей и легли спать, подложивъ подъ головы сѣдла.

Опять разсказывалъ о чемъ-то Никита Бѣлоусъ. Багоръ изрѣдка его перебивалъ и спрашивалъ о чемъ-то. Филиппъ слышалъ отрывки интересныхъ исторій, но еще болѣе интересно и занимательно было для него то, что онъ видѣлъ и слышалъ кругомъ,— та вѣчная красота природы, которая жила въ каждомъ лепесткѣ, въ каждомъ кузнечикѣ и козявкѣ.

А небо съ необъятнымъ просторомъ раскинулось надо всѣмъ и смотрѣло на землю своими частыми, прекрасными звѣздами. Филиппъ глядѣлъ въ темносиній сумракъ и думалъ: о чемъ это небо

---

[1]) Тренога—путо, которое соединяло широкимъ ремнемъ три ноги лошади и мѣшало ей свободно двигаться.

бесѣдуетъ съ землей? А оно непремѣнно ведетъ разговоръ! Не даромъ такъ дрожатъ и привѣтливо моргаютъ ясныя звѣзды и что-то таинственное и непонятное, влекущее, смотритъ изъ прозрачной глубины.

— А говорятъ, ворожѐцъ былъ? — услышалъ Филиппъ голосъ Багра, лежавшаго рядомъ.

— Степанъ-то Тимоѳѣвичъ?.. У! не то ворожецъ, прямо колдунъ! да какой колдунъ-то! Его ни пуля не брала, ни замокъ не держалъ... Я въ энти года ишшо молодъ былъ, а родитель мой покойный (царство ему небесное!) гулялъ съ нимъ... Погрѣшилъ-таки покойничекъ, -пришлось рыбки половить и по морю, и по Волгѣ... Припало погулять на вольномъ свѣтѣ!.. Вонъ гуляли, такъ гуляли, не понашему!..

— Что и толковать!.. тогда попросторнѣе было...

— Нѣтъ, братъ, народъ былъ настоящій, а нонѣ што?!.

— И нонѣ бы погуляли, кабы царь Петро съ своими нѣмцами не давилъ...

— Э-э! вы вотъ млады, зелены ишшо, зеленѣй молодой травочки, а я старикъ, я знаю... И не дюже давнее кубыть время, а инако было... Нонѣ што! вонъ какія утѣсненія казацтву, а казацство молчитъ! Заставятъ и одежу нѣмецкую надѣвать да бороды брить... А попробовалъ бы царь въ тѣ поры...

— Все одно...

— Нѣтъ, скусилъ бы зубъ-то!..

Свѣтлый жучекъ пролетѣлъ предъ самыми глазами Филиппа и едва не захватилъ своимъ крылышкомъ его по носу. Филиппъ неуклюже махнулъ рукой, чтобы поймать его, но жучекъ былъ уже далеко. Гдѣ-то вдали прокричалъ нѣсколько разъ куликъ стонущимъ, болѣзненно-скорбнымъ крикомъ; надъ рѣчкой съ шумомъ и глухимъ свистомъ пронеслась стая дикихъ утокъ.

— А грозный былъ, сказываютъ, человѣкъ?—опять услышалъ Филиппъ голосъ Багра.

— Да, страшенъ-то, страшенъ, толковать не остается... А правду и волю любилъ...

— Крови много пролилъ неповинной, старики разсказываютъ...

— Въ этомъ грѣшенъ... А все иной разъ такъ доводилось, что и самъ, какъ малое дите, ревѣлъ... Какъ дѣвку-то свою, персіянку, утопилъ, сколько время прослезовалъ...

— А до дѣвокъ-то, вѣрно, охотникъ былъ?

— Былъ грѣшокъ...

Наступило молчаніе. Лошади фыркали гдѣ-то вблизи; въ камышахъ что-то заплескалось и пискнуло.

— Ужакъ лягушекъ ловитъ, ишь! — сказалъ уже соннымъ голосомъ Бѣлоусъ.

— А што, онъ, говорятъ, живъ и теперя?.. — спросилъ опять Багоръ, котораго сильно заинтересовала исторія Разина.

— А какъ же! живъ живехонекъ и пò вѣкъ не скончается...

— Гдѣ же онъ проживаетъ?

— А въ Туманныхъ горахъ...

Багоръ опять затихъ, задумавшись о чемъ-то. Бѣлоусъ повернулся къ нему спиной и скоро засвистѣлъ носомъ.

— А далече эти горы?—спросилъ Багоръ, но въ отвѣтъ услышалъ лишь тихій и ровный свистъ и сипѣніе уснувшаго Бѣлоуса.

Филиппъ тоже началъ дремать. «О чемъ это у неба идетъ разговоръ съ землей? куда манятъ звѣздочки и куда они такъ ровно и тихо плывутъ?»—все думалъ онъ, но не додумался ни до чего и заснулъ.

V.

На восьмой день послѣ выступленія изъ своей Пятіизбянской станицы, они подъѣзжали уже къ Кавказскимъ горамъ. Солнце только что свернуло съ полудня, когда они достигли какой-то рѣчки, о которой раньше все толковалъ Бѣлоусъ. Они остановились, разсѣдлали лошадей и загнали ихъ въ камышъ, связавъ предварительно всѣмъ тремъ поводья. Филиппъ остался караулить лошадей, а Бѣлоусъ съ Багромъ перебрели черезъ рѣчку и пошли къ синѣвшему на полугорѣ, верстахъ въ семи, лѣсу. Бѣлоусъ говорилъ, что за этимъ лѣсомъ долженъ быть аулъ.

— Ужъ я мѣста знаю!.. Татары теперь въ горахъ, ай у моря, на грабежъ уѣхали, а въ аулѣ старичишки одни да бабы... Дòбычъ будетъ, не зѣвай, ребята!..

Филиппъ долго ждалъ ихъ и время отъ времени глядѣлъ кругомъ по степи и вдоль по рѣчкѣ. На горизонтѣ видны были бѣлыя, какъ облака, и голубыя вершины горъ. Зарево дрожало и переливалось серебряными, прозрачными волнами. На рѣчкѣ, саженяхъ въ тридцати ниже, плавала пара лебедей. Они тревожно оглядывались на лошадей и на Филиппа, выгибали свои красивыя шеи и подымали черные носы кверху, но не летѣли.

— Эхъ, ловко хлопнуть бы,—думалъ Филиппъ и бралъ прицѣлъ въ лебедей изъ своей турки[1]), но не стрѣлялъ, жалѣя зарядъ и лебедей и боясь выстрѣломъ привлечь чье нибудь нежелательное вниманіе.

Часа черезъ три вернулись Бѣлоусъ и Багоръ.

— Ну, Филюшка, добыча будетъ!.. Въ аулѣ, кромѣ бабъ да ребятишекъ, никого нѣтъ, да мы ихъ трогать не станемъ: какая

[1]) Турка—ружье турецкаго издѣлья.

изъ нихъ корысть?.. А тамъ вонъ, за горкой, табунъ есть конскій, вотъ поджившемся... При немъ одинъ лишь старичишка... Вотъ дождемся ночи да и съ Господомъ!..

Казаки легли и стали дожидаться вечера. Филиппъ изъ любопытства сходилъ къ тому мѣсту, откуда былъ видѣнъ аулъ и табунъ.

Сѣрыя, разбросанныя въ безпорядкѣ сакли виднѣлись на берегу узенькой и свѣтлой рѣчки. Никого не было видно, кромѣ живописной группы ребятишекъ на пескѣ и нѣсколькихъ черныхъ головокъ въ водѣ. Въ полуверстѣ, выше по рѣчкѣ, пасся табунъ лошадей. Старикъ въ бѣломъ, рваномъ бешметѣ въ накидку, въ синихъ шароварахъ и въ лохматой шапкѣ сидѣлъ на корточкахъ подъ деревомъ и что-то варилъ. Синій дымокъ вился и медленно таялъ въ воздухѣ. Лошади стояли, сбившись въ одну кучу, въ стойлѣ, по колѣни и по брюхо въ водѣ. Нѣсколько молодыхъ кобылокъ, отбившись отъ табуна, щипали траву у перелѣска.

— Наши будутъ,—сказалъ про себя Филиппъ и вернулся къ товарищамъ.

На совѣтѣ было рѣшено Бѣлоусу и Багру заѣхать отъ аула и пугнуть лошадей въ «Астраканскую» сторону, а Филиппъ долженъ стать отъ лѣса и, если табунъ кинется въ его сторону, то отпугнуть его и направить, куда слѣдуетъ. Наступилъ вечеръ. Когда сумерки достаточно сгустились и легкій, влажный туманъ поднялся надъ рѣчкой, казаки осѣдлали лошадей и поѣхали къ лѣсу. Филиппъ остался на томъ мѣстѣ, откуда смотрѣлъ на табунъ и на аулъ. Теперь уже не было видно ничего. Изъ туманнаго сумрака слышно было изрѣдка только звонкое ржаніе лошадей да въ аулѣ лаяли собаки.

Филиппъ ждалъ, что вотъ-вотъ гикнутъ его товарищи или раздастся выстрѣлъ. Сердце его билось отъ волненія, лице горѣло, и онъ съ замираніемъ всматривался въ густыя сумерки лѣтней ночи, тревожно и внимательно вслушивался въ каждый шорохъ и звукъ.

— Мочи нѣтъ, чего они такъ долго?—думалъ онъ, изнывая въ ожиданіи.

Но вотъ гдѣ-то въ темнотѣ раздался пронзительный свистъ, а потомъ гиканье будто цѣлаго десятка могучихъ глотокъ... Дружный, раскатистый топотъ множества лошадиныхъ ногъ загремѣлъ и разбудилъ всю окрестность. Топотъ приближался къ Филиппу. Тогда онъ, сложивъ ладони въ трубку и приложивъ къ губамъ, завылъ, какъ стая голодныхъ волковъ. Протяжный, тоскующій, голодный вой такъ и хваталъ за сердце.

Лошади шарахнулись назадъ, и вслѣдъ за ними поскакалъ Филиппъ, не прекращая своей музыки и даже разнообразя ее дро-

жаніемъ. Переливающіяся и тоскливыя рулады разносились въ ночномъ воздухѣ и замирали гдѣ-то вдали.

Въ аулѣ поднялся тревожный крикъ и гамъ, выскочили собаки съ яростнымъ лаемъ, но табунъ и казаки были уже далеко. Топотъ росъ, ширился и оглашалъ всю степь. Нѣсколько косяковъ отбилось въ сторону, но главная часть бѣшено неслась въ Астраханскую сторону. Казаки наши направили табунъ къ Астрахани, потому что она была ближайшимъ къ Кумѣ торговымъ пунктомъ, гдѣ всякаго рода добычу можно было немедленно сбыть съ рукъ; тамъ же можно было накупить и всевозможныхъ предметовъ щегольства: разныхъ восточныхъ товаровъ и нарядовъ, персидскихъ шалей, дорогаго оружія, сѣделъ съ наборомъ—всего, чѣмъ можно бы было потомъ щегольнуть и хвастнуть въ станицѣ.

На третій день къ вечеру казаки были уже въ Астрахани, а на утро черкесскій табунъ принадлежалъ уже персіянину барышнику: казаки продали лошадей, не торгуясь, по 6 рублей за голову и раздѣлили между собой по 94 рубля. Филиппъ сейчасъ же купилъ себѣ малиноваго цвѣта черкеску, киндячные желтые шаровары, тонкую бѣлую рубаху съ золотымъ галуномъ и полушелковый голубой кушакъ, а мамушкѣ желтозеленый шелковый халатъ «ходить на моленье».

Два дня покутили, больше все подъ счетъ Никиты Бѣлоуса (Филиппъ благоразумно приберегалъ денежки). На третій день Бѣлоусъ и Филиппъ собрались ѣхать домой. Багоръ «отломился», запилъ и загулялъ на пропалую, и они никакъ не могли уговорить его ѣхать домой.

— Эхъ, жаль мальчишку, все пропьетъ!—тужилъ вслухъ Никита, когда они съ Филиппомъ уже выѣхали въ степь.

— Ужъ дюже отважный парень, — сказалъ назидательно Филиппъ.

— У-у, бѣдовый!.. А славный казачекъ, просто картинка... что голосъ, что вôлосъ... Жаль, деньги всѣ пропьетъ, дома бы годились...

— А зря все пропуститъ,—продолжалъ въ томъ же тонѣ Филиппъ, — ужъ, помоему, погулять, такъ погулять въ станицѣ, по крайности люди поглядятъ, а то съ бурлаками—велика корысть!.. Ишшо лошадь уведутъ...

Бѣлоусъ недовольно кряхтѣлъ, но потомъ досталъ изъ-за сѣдла флягу съ виномъ, выпилъ и повеселѣлъ.

— На-на, потяни,—предложилъ онъ своему спутнику.

Филиппъ съ готовностью, но не теряя достоинства, приложился къ флягѣ и почувствовалъ, что степь стала глядѣть веселѣй...

На другой день, къ вечеру уже, они переѣхали Ергени и почувствовали себя почти дома. Бѣлоусъ заигралъ пѣсню, Филиппъ октавой сталъ подтягивать ему; ѣхали они шагомъ.

Но оглянулся случайно Филиппъ назадъ и вскрикнулъ:

— Дядюшка, уходи!.. Калмыки!..

Бѣлоусъ поглядѣлъ назадъ: около десятка пикъ мелькали изъ травы версты съ полторы позади.

— Дрянь дѣло! Ну-ка, Филипушка, тронемъ!..

Они ударили плетьми лошадей и понеслись.

— Тутъ заразъ вотъ за этимъ кургашкомъ, верстахъ въ трехъ, перелѣсокъ есть—я мѣсто знаю...—кричалъ на скаку Никита. — Кабы намъ добраться туда, не взяли бы насъ дьявольскіе калмыки... Ну-ка, ну-ка, Филипушка, нажарь!

Филиппъ читалъ про себя «Живый въ помощи Вышняго» и еще два раза огрѣлъ плетью буланаго, который не поспѣвалъ за Бѣлоусовымъ киргизскимъ иноходцемъ.

— Эхъ, чижало у тебя накладено... бросилъ бы!..—оглядываясь кричалъ Бѣлоусъ.

Покупки Филиппа, притороченныя къ сѣдлу, дѣйствительно порядочно затрудняли лошадь, но Филиппу было жалко бросить ихъ, какъ совѣтовалъ Бѣлоусъ. Онъ долго колебался, послушать старика, или нѣтъ, и не послушалъ, а вмѣсто того съ обѣихъ сторонъ отвѣсилъ буланому по удару нагайкой и поровнялся съ Бѣлоусомъ.

— Тамъ въ баракѣ тропочка есть одна: ежели нападемъ на нее, не найдутъ насъ въ тернахъ калмыки!..—кричалъ между тѣмъ Бѣлоусъ, пригибаясь къ лукѣ.

Перелѣсокъ уже былъ видѣнъ. Еще минута—они будутъ тамъ. Калмыки только что еще показались на курганѣ—лошади были у нихъ не особенно рѣзвыя, и при томъ, какъ замѣтно, не свѣжія.

— Катай, катай, Филипушка, авось Господь унесетъ отъ нехристей!..

— «На аспида и василиска наступиши и поперепи льва и змія»,—шепталъ въ третій разъ уже Филипушка и время отъ времени награждалъ буланаго плетью.

Вотъ и перелѣсокъ. Бѣлоусъ пригнулся еще больше къ лукѣ, взялъ влѣво, гикнулъ и опередилъ Филиппа. Сѣрый иноходецъ, какъ птица, перелеталъ черезъ обгорѣлые пни осокорей, торчавшіе при спускѣ въ баракъ. Буланый не отставалъ, но вдругъ у самой опушки зацѣпился за острый выступъ огромнаго пня и грянулся грудью на землю. Филиппъ полетѣлъ черезъ его голову и почувствовалъ оглушительный ударъ въ самомъ темени и въ правой сторонѣ груди.

— Эхъ!—успѣлъ только крикнуть Бѣлоусъ и скрылся въ чащѣ терника.

Филиппъ вскочилъ на ноги и прежде всего увидѣлъ, что буланый прыгаетъ на трехъ ногахъ, держа безсильно отвисшую правую переднюю.

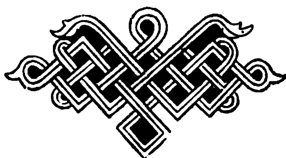
— Сломалъ!—въ отчаяніи хотѣлъ крикнуть Филиппъ, но лишь простоналъ. Въ головѣ у него зашумѣло, невыносимая боль сдавила темя и отозвалась въ правомъ плечѣ. Онъ сдѣлалъ къ буланому два шага, но почувствовалъ, что силы оставляютъ его. Теплая струя крови хлынула у него изо рта; въ глазахъ заходили желтые и зеленые круги, потомъ все перевернулось, потемнѣло и исчезло... Онъ упалъ...

И боль, такъ невыносимо давившая въ темя, вдругъ отлегла. Ее смѣнилъ покой—пріятный, легкій покой. Ничего не слышалъ Филиппъ, ничего не чувствовалъ, кромѣ этого глубокаго, сладостнаго покоя и тишины; не слышалъ, какъ съ гикомъ наскочили на него калмыки, не почувствовалъ, какъ одинъ изъ нихъ прокололъ его въ животъ пикой, какъ они ворочали его, снимали съ него рубаху, шаровары и чирики; какъ они долго лопотали надъ нимъ на своемъ басурманскомъ языкѣ и, наконецъ, бросили его голаго и уѣхали...

Наступила ночь. Раскинувши руки, голый Филиппъ съ однимъ лишь раскольничьимъ мѣднымъ крестомъ на шеѣ лежалъ и глядѣлъ однимъ глазомъ въ высокое синее небо (другой глазъ совершенно запухъ отъ ушиба при паденіи). Ясныя звѣзды также красиво дрожали и моргали землѣ. Та же чудная музыка была кругомъ, но не слышалъ уже ея Филюшка.

Прибѣжалъ степной волкъ, понюхалъ лежавшее тѣло и, сѣвъ на заднія лапы, а переднюю одну поднявъ кверху, протяжно и тоскливо завылъ, точь-въ-точь такъ, какъ пять дней назадъ заливался Филиппъ. И далеко по степи понеслась печальная, голодная и страшная пѣсня...

А. Березинцевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА [1].

IV.

Затишье передъ мятежемъ.—Мятежъ.—Отецъ уѣзжаетъ за границу.—Моя тетка.—Партія Кочинскаго.—Пораженіе его.—Съѣздъ помѣщиковъ.—Слухи о помощи французовъ.—Убійство помѣщика Снѣжки.—Мое поступленіе въ шайку.—Начальникъ шайки Стасюкевичъ.—Составъ шайки.—Тревога.—Наше бѣгство.—Соединеніе двухъ шаекъ.

ЕНЬ ВОЗСТАНІЯ приближался. Какъ нарочно все утихло, даже въ костелѣ только по воскресеньямъ пѣли революціонные гимны, какъ вдругъ, въ ночь на 23-е января 1863 года, вспыхнуло возстаніе. Я и мой братъ Августъ сидѣли за завтракомъ часовъ около 9 утра, когда вбѣжалъ къ намъ съ тревожно-радостнымъ выраженіемъ лица докторъ Койсевичъ, постоянный посѣтитель и пріятель моего отца. Еле переводя духъ, онъ спросилъ, гдѣ отецъ. Узнавъ отъ меня, что отецъ въ кабинетѣ, онъ бросился туда, не заперевъ плотно дверей. Я остался, предчувствуя что-то необыкновенное. Мое волненіе все болѣе и болѣе возростало по мѣрѣ того, какъ до меня долетали слова «полки, партія, москали, бѣжали» и др. Я невольно заглянулъ въ кабинетъ. Блѣдное лице отца, а также взволнованное лице Койсевича, начало меня безпокоить. Я ничего не могъ придумать и ожидалъ какого-то чрезвычайнаго несчастья. Въ головѣ моей поперемѣнно одна мысль замѣняла другую. Отецъ, впрочемъ, скоро вывелъ меня изъ неизвѣстности сло-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 561.

вами: «Возстаніе въ Польшѣ вспыхнуло, держите себя осторожно, чтобы васъ не опутали». Я тогда понялъ всю истину. Радость замѣнила прежній страхъ. Мнѣ хотѣлось знать всѣ подробности, и я принялся разспрашивать Койсевича. Отъ него я узналъ слѣдующее. Въ ночь съ 10-го на 11-е вооруженный народъ подступилъ къ мѣстечку Кодень на границѣ царства Польскаго, Бяльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, и напалъ на спавшихъ солдатъ, которыхъ убивалъ. Скоро повстанцы прогнали москалей изъ города, ограбили тамъ казначейство и сожгли нѣсколько домовъ.

Хотя въ то время я былъ преданъ польской справѣ, но такое начало мнѣ показалось подлымъ и недостойнымъ. Другіе, впрочемъ, смотрѣли на это иначе и доказывали, что москаля можно убивать, рѣзать, уничтожать, не разбирая средствъ, что и папа это разрѣшилъ и Богъ проститъ. Отецъ мой, впрочемъ, недовѣрчиво относился къ возстанію и говорилъ, что оно скоро будетъ усмирено русскими войсками, хотя нельзя было не замѣтить въ немъ и нѣкотораго страха. Онъ на другой же день уѣхалъ за границу по совѣту повѣреннаго Загржевскаго. Уѣзжая, онъ далъ намъ по 100 р. каждому, сказавъ, чтобы мы безъ совѣта нашей тетки и повѣреннаго не трогались. Итакъ мы теперь остались подъ опекой нашей тетки и повѣреннаго Загржевскаго. Тетка моя, жена роднаго брата моего отца, была замѣшана въ событіяхъ 1831 года, находилась подъ слѣдствіемъ и была оставлена подъ надзоромъ полиціи. Она постоянно кричала на моихъ родителей за то, что они принимаютъ у себя русскихъ; во время послѣднихъ манифестацій она одна изъ первыхъ въ уѣздѣ одѣлась въ трауръ и тщательно собирала деньги по костеламъ. Теперь она была нашей опекуншей и такъ же, какъ Загржевскій—другой опекунъ, мало стѣсняла нашу свободу. Отъѣздъ отца за границу развязалъ намъ руки. Я отъ радости, что вполнѣ свободенъ, на нѣкоторое время забылъ и про ойчизну.

Вскорѣ извѣстія изъ царства Польскаго заставили насъ опомниться. Сформировавшаяся шайка подъ предводительствомъ молодаго воспитанника Генуэзской школы Кочинскаго обратила на себя всеобщее вниманіе. Имя Кочинскаго переходило изъ устъ въ уста, покрытое какою-то таинственностью, и служило предметомъ для общихъ разговоровъ. Говорили, что онъ побочный сынъ какого-то короля и потому, не смотря на молодость, былъ полковникомъ итальянской арміи, что Наполеонъ самъ послалъ его въ Польшу возстановить ее и что ему обѣщана корона, что его армія вооружена новѣйшими штуцерами и т. п. Когда Кочинскій занялъ уѣздный городъ Бялу и выпустилъ прокламаціи Жонда Народоваго (Żondu narodowego), уничтожая гербы и портреты государя, тетка моя, любительница польской справы, отправилась туда. Но ей пришлось сильно разочароваться. Вмѣсто блестящаго войска она увидѣла здѣсь сбродъ людей съ мѣшками за плечами вмѣсто ранцевъ

и съ палками вмѣсто оружія. Командовали не офицеры итальянскіе и французскіе, а ксендзы, семинаристы, помѣщики и другіе; шумъ, безпорядокъ царили здѣсь, и тетка потеряла всякую надежду видѣть возобновленную Польшу, хотя, возвратившись, этого не разсказывала и, на сколько могла, разукрашивала видѣнное. У насъ въ Брестѣ приготовлялись къ взятію съ помощью Кочинскаго Брестской крѣпости. Нужно знать, что всѣ затѣи революціонеровъ были тщательно скрываемы отъ насъ, потому что насъ считали не приготовленными къ революціи. Всѣ дѣйствующія лица представлялись какими-то героями, окружались непроницаемой таинственностью. Въ такомъ же ореолѣ нѣкоторое время представлялся Кочинскій. Но вотъ онъ былъ разбитъ подъ Бялой и долженъ былъ бѣжать передъ генераломъ графомъ Ностицемъ.

Неудача Кочинскаго, однако, не измѣнила дѣла, и возстаніе охватило всю Польшу. Литва пока была еще спокойна, но говорили, что весной начнется возстаніе и тамъ.

Кочинскій, пораженный и преслѣдуемый, стремился перейти за Бугъ, въ нашъ уѣздъ. Онъ созвалъ въ Крачевѣ, имѣніи Богуславскаго, въ царствѣ Польскомъ, Бяльскаго уѣзда, помѣщиковъ и чиновниковъ для совѣта. Съѣхалось довольно много. На совѣтѣ обсуждали вопросъ, какъ настроенъ народъ, готовы ли помѣщики принять участіе и въ силахъ ли уѣздъ дать отпоръ войскамъ, расположеннымъ въ немъ. Большинство собравшихся отвѣтило отрицательно и положительно не хотѣло, чтобы Кочинскій преждевременно нарушалъ спокойствіе. Остальное меньшинство, съ Толочкомъ во главѣ, стали на сторону Кочинскаго. Послѣдній на слѣдующій же день съ своимъ отрядомъ вступилъ въ мѣстечко Семятиче. Кромѣ Кочинскаго, сюда собрались и другія болѣе мелкія шайки, такъ что въ общей сложности составилось около 3.000 человѣкъ. Графъ Ностицъ и здѣсь разбилъ ихъ, а затѣмъ, преслѣдуя по пятамъ, снова разбилъ подъ Кролевымъ мостомъ. Совершенно пораженные инсургенты спасались бѣгствомъ: Кочинскій направился къ Пинску, а другіе бѣжали въ царство Польское. Графъ послѣдовалъ за Кочинскимъ и нагналъ его около мѣстечка Турова и тамъ взялъ въ плѣнъ. Шайка же его разбѣжалась. Въ то же время начали ходить слухи, что французская армія уже въ царствѣ Польскомъ, что за Бугомъ видѣли французскую конницу, что въ Ковенской губерніи совершается высадка французскихъ войскъ и что Кочинскій ушелъ изъ царства Польскаго въ Брестскій уѣздъ. Говорили, что Кочинскій будетъ дѣйствовать сначала самостоятельно, а французы, наученные 1812 годомъ, начнутъ свои дѣйствія только весной. Дѣйствительно, Кочинскій, извѣстивъ помѣщика Снѣжку, которому принадлежало имѣніе Донбизна, что будетъ у него съ отрядомъ къ обѣду, скоро явился сюда, а графъ Ностицъ съ отрядомъ шелъ по слѣдамъ за нимъ. Снѣжко, опаса-

ясь, чтобы его не заподозрѣли въ участіи въ мятежѣ, выслалъ бочку съ водкой изъ своего винокуреннаго завода на дорогу, по которой шелъ отрядъ графа, думая водкой задержать на дорогѣ приближающійся отрядъ. Графъ приказалъ разбить бочку, чтобы солдаты не напились, и пошелъ дальше. Снѣжко, узнавъ объ этомъ, торопилъ Кочинскаго оставить его имѣніе.

Когда русскій отрядъ пришелъ къ Донбизнѣ, то нѣсколько повстанцевъ находились еще въ имѣніи и начали стрѣлять по отряду. Взбѣшенные такимъ пріемомъ солдаты ворвались во дворъ и стали уничтожать все, что имъ попало подъ руку. Въ общей свалкѣ былъ убитъ самъ Снѣжко. Убійство это, въ сущности не важное, надѣлало очень много шуму. Снѣжка, до этого времени никому неизвѣстнаго, выставили какимъ-то героемъ-мученикомъ, пострадавшимъ за общее дѣло; въ пользу вдовы его собирались пожертвованія. Скоро повстанцамъ пришлось бороться еще съ однимъ врагомъ, именно съ крестьянами.

Крестьяне такъ были ожесточены противъ повстанцевъ, что при первомъ удобномъ случаѣ вооружались чѣмъ попало, вязали ихъ и связанныхъ приводили прямо въ города. Наши опекуны, тетка и повѣренный, видя неудачи Кочинскаго, отправили насъ въ отдаленную деревню Руду, находившуюся въ 5-ти миляхъ отъ Бреста. Впослѣдствіи, возвратившись изъ деревни, я узналъ отъ дворовыхъ людей, что въ наше отсутствіе въ нашемъ домѣ собиралось много народа. Къ намъ приходили какіе-то незнакомые люди подъ вымышленными фамиліями, что-то приносили, о чемъ-то толковали. Можно было ожидать, что рано иль поздно ихъ арестуютъ, а въ томъ числѣ и меня, хотя я не принималъ ровно никакого участія ни въ чемъ. Поэтому я колебался или уѣхать назадъ въ деревню, или же присоединиться ко всеобщему движенію. Между тѣмъ начали ходить слухи, что одинъ изъ храбрѣйшихъ партіи Кочинскаго, который тоже былъ въ Генуэзской школѣ, организуетъ шайку, но гдѣ—никто не зналъ. Мнѣ захотѣлось стать въ ея ряды. Съ этой цѣлью я познакомился съ молодыми помѣщиками—Станишевскимъ и Карчевскимъ. Когда они узнали о моемъ желаніи, то сейчасъ же сообщили мнѣ, гдѣ находится шайка, и посовѣтовали взять съ собой лошадей и дворовыхъ людей. Говорили, что 20 апрѣля 1863 года назначенъ большой сборъ въ царствѣ Польскомъ.

Получивъ такія инструкціи, я поѣхалъ въ Руду и тамъ сказалъ писарю, патріотизмъ котораго былъ мнѣ извѣстенъ еще прежде, чтобы онъ, взявъ 6 лошадей, уѣхалъ въ царство Польское и отдалъ лошадей въ шайку, и если хочетъ, то и самъ можетъ остаться тамъ. Мѣсто, гдѣ собралась шайка, онъ зналъ и самъ. Распорядившись такимъ образомъ, собравъ суконное платье, большіе сапоги и нѣсколько бѣлья и уложивъ все это въ чемоданчикъ, я отправился на своихъ лошадяхъ къ границѣ. Черезъ нѣкоторое время

мы пріѣхали къ Бугу. Здѣсь въ довольно глухомъ мѣстѣ, закрытомъ деревьями, мы нашли паромъ, который и перевезъ насъ на другую сторону. Я отослалъ лошадей домой и пѣшкомъ добрался до небольшой хатки въ лѣсу, гдѣ нашелъ проводника и еще нѣсколькихъ человѣкъ, прибывшихъ съ той же цѣлью, какъ и я. Скоро мы, въ числѣ пяти человѣкъ, перебрались въ царство Польское. Какое-то радостное чувство охватило меня. Надежды, одна свѣтлѣе другой, мысль, что я жертвую собой за отечество, за общее дѣло, что могу наконецъ смыть позорное пятно, тяготѣвшее надъ нашей семьей,—все это приводило меня въ какой-то экстазъ. Въ царствѣ Польскомъ приняли насъ очень радушно и сейчасъ же отправили въ одно имѣнье.

На большомъ возу, запряженномъ четверкой сильныхъ лошадей, поѣхали мы туда. Имѣніе это называлось Покинянка. Оно принадлежало госпожѣ Прусской. Молодая еще вдова, жившая съ довольно хорошенькой младшей сестрой, она приняла насъ радушно и, такъ какъ было одиннадцать часовъ, то насъ посадили за ужинъ очень вкусный, съ виномъ. Веселый при этомъ разговоръ заставилъ забыть усталость. Имѣніе Покинянка состояло только изъ дворовыхъ строеній, повидимому, недавно построенныхъ. Домъ, гдѣ жили хозяева, имѣлъ только пять комнатъ, одна изъ которыхъ выходила въ садъ, примыкавшій къ лѣсу. Здѣсь впослѣдствіи мы проводили большую часть своего времени. На слѣдующій день мы отправились отыскивать партію, но она куда-то скрылась, услышавъ, что противъ нея выступилъ отрядъ изъ Бреста подъ начальствомъ генерала Эгера.

Спустя нѣкоторое время, намъ кое-какъ удалось напасть на слѣды партіи. Она находилась въ Флоріанскомъ густомъ лѣсу. Мы остановились на полянѣ и разослали знающихъ лѣсъ людей розыскать партію. Мы ждали болѣе двухъ часовъ. Наконецъ услышали пѣніе, трескъ ломаемыхъ вѣтвей, топотъ лошадей; затѣмъ выѣхали три хорошо одѣтыхъ всадника. Между ними я узналъ Карчевскаго и Станишевскаго. Станишевскій былъ въ бѣлой курткѣ и брюкахъ, въ бѣлой конфедераткѣ, съ винтовкой черезъ плечо, съ саблей, револьверомъ и пистолетами. Карчевскій былъ въ чамаркѣ, конфедераткѣ, вооруженный такъ же, какъ его товарищъ. Я съ радостью бросился къ Станишевскому; остальные, завидѣвъ отрядъ, бросали шапки въ верхъ, кричали «ура» и «Niech żyje Polska».

Когда я нѣсколько пришелъ въ себя отъ радости, то увидѣлъ всю шайку, которая состояла изъ 10 человѣкъ кавалеріи, 30 человѣкъ пѣхоты съ винтовками и 40 человѣкъ съ косами. Всѣ были одѣты въ разные костюмы, какъ кто вышелъ изъ дому; только надѣтыя на всѣхъ конфедератки придавали пестрой толпѣ нѣкоторое однообразіе.

Прежде всего мнѣ бросились въ глаза косы, превращенныя въ

оружіе. Дѣлали это такъ. Обыкновенную косу прикрѣпляли къ древку такимъ образомъ, чтобы лезвіе косы находилось на одной прямой съ древкомъ. Такимъ образомъ получилось нѣчто въ родѣ большаго, нѣсколько своеобразнаго копья. Съ другаго конца такого копья придѣлывался еще желѣзный крюкъ, назначеніе котораго было стаскивать непріятельскихъ кавалеристовъ съ лошадей. Толпа вооруженныхъ людей, таинственность и величіе лѣсной обстановки, страстное пѣніе патріотическихъ гимновъ, способны были произвести впечатлѣніе на всякаго, и я чуть не плакалъ. Въ это время подъѣхалъ начальникъ партіи Стасюкевичъ. Когда меня отрекомендовали, онъ поблагодарилъ за присылку для партіи шести лошадей, сѣделъ и другихъ мелочей, и назначилъ меня тотчасъ же секретаремъ своей партіи; хотя я объяснилъ, что канцелярской должности не знаю, что никогда не служилъ по этой части, онъ подтвердилъ свое приказаніе. Слова: «польская справа и мы такъ желаемъ» (sprawa polska i my tego życzemy), заставили меня согласиться.

Стасюкевичъ, начальникъ шайки, двадцати четырехъ лѣтъ, красивый брюнетъ, высокаго роста, съ большими черными глазами, окончилъ семинарію и чрезъ годъ былъ бы уже ксендзомъ, но партія Кочинскаго увлекла его, и онъ, бросивъ семинарію, присталъ къ ней въ качествѣ казначея. Когда шайка была разбита, онъ получилъ указъ отъ жонда варшавскаго на организацію шайки для Брестскаго уѣзда въ предѣлахъ царства Польскаго, именно въ Бяльскомъ уѣздѣ. На этомъ основаніи, Стасюкевичъ называлъ себя военнымъ воеводою Брестскаго воеводства и теперь щеголялъ въ полушубкѣ и голубой конфедераткѣ.

Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы размѣстили прибывшихъ въ его партію охотниковъ, онъ занялся мною, передалъ въ мои руки портфель, бумаги и печать своей шайки. Когда всѣ приказанія его были исполнены, партія двинулась въ глубь лѣса.

Скоро мы вышли на поляну, окруженную еще болѣе густыми деревьями и кустарниками, чѣмъ прежняя. Здѣсь былъ отданъ приказъ остановиться для обѣда. Я уже успѣлъ познакомиться съ партіей и офицерами. Штабъ Стасюкевича составляли: начальникъ штаба Казимиръ Нарбутъ, помѣщикъ Брестскаго уѣзда, адъютантами его были помѣщики Станишевскій и Мѣлевскій, оба Брестскаго уѣзда. Въ шайкѣ находился также и ксендзъ изъ Янова, Малопольскій. Вооруженный револьверомъ, онъ служилъ службу, исповѣдывалъ и причащалъ желающихъ и, если случалось, чего не было при мнѣ, казнить кого нибудь, то ксендзъ давалъ свое послѣднее благословеніе. Впослѣдствіи прибылъ еще инструкторъ, корнетъ, дезертировавшій изъ русской арміи, Запольскій, обязанностью котораго было обучать партію строю. Былъ также у насъ врачъ Калиновскій, двоюродный братъ извѣстнаго диктатора Калиновскаго, повѣшеннаго въ Вильнѣ; начальникомъ кавалеріи—Кар-

чевскій, стрѣлковъ и пѣхоты—Ваньковичъ, «косиньеровъ»—Бринуза. Я замѣтилъ, что только офицеры были вооружены удовлетворительно, другіе же носили двухствольныя охотничьи ружья, часто перевязанныя веревочками. Лучшее сравнительно оружіе отдавалось кавалеріи. Отрядъ былъ раздѣленъ на отдѣленія и десятки. Въ отдѣленіи было двадцать человѣкъ, которыми командовалъ офицеръ, десяткомъ командовалъ унтеръ-офицеръ. За партіей тянулся обозъ, состоявшій изъ шести бричекъ и возовъ, по двѣ и по три лошади. Начальникомъ обоза былъ бѣжавшій полицейскій изъ Варшавы, тамошній уроженецъ. Онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ поваровъ и кучеровъ.

Когда мы усѣлись за обѣдъ, состоявшій изъ ветчины, говядины, колбасъ, сыру, вина и водки въ большомъ количествѣ (для шайки варился супъ изъ говядины), вдругъ является переодѣтый уніатскій ксендзъ изъ сосѣдняго прихода и говоритъ на ухо Стасюкевичу, но такъ, однако, что я, находясь ближе всѣхъ, могъ слышать его слова. Онъ сообщилъ, что отрядъ изъ двухъ ротъ и конница съ пушками, прибывшіе изъ города Бялы, окружили лѣсъ, въ которомъ мы расположились обѣдать. Мы, сознавая свои слабыя силы и чувствуя, что сопротивляться не можемъ, на мгновеніе оробѣли, но твердость и спокойствіе Стасюкевича поддержали насъ. Ксендзъ предложилъ не медля собираться въ дорогу, сказавъ, что онъ проведетъ насъ къ другой близь стоящей партіи Бончи. Сейчасъ же вывернули супъ изъ котловъ, быстро запрягли лошадей, и скоро все было готово къ выступленію. Впередъ была послана кавалерія изъ пяти человѣкъ (другіе пять остались для прикрытія обоза), и шайка направилась къ опушкѣ, стараясь двигаться возможно тише. Боялись не только крикнуть, но даже кашлянуть. Иногда только лошади фыркали, но и это заставляло насъ вздрагивать. Всѣ очевидно боялись. Черезъ нѣкоторое время мы выѣхали на опушку и направились вдоль лѣса, не замѣчая нигдѣ никакого непріятеля. Въ это время Стасюкевичъ приблизился ко мнѣ. Я сидѣлъ съ портфелемъ подъ мышкою на одной изъ бричекъ. Онъ спросилъ, какъ мнѣ нравится все мною видѣнное, и когда я ему отвѣтилъ, что не очень, то онъ нѣсколько изумился. Въ эту минуту прискакалъ къ намъ кавалеристъ съ рапортомъ, что кавалерія изъ шайки Бончи въ шестьдесятъ лошадей показалась на противоположной сторонѣ, а непріятель находится по серединѣ. Эта вѣсть меня очень обрадовала.

Стасюкевичъ, взявъ у меня подзорную трубу, поскакалъ, чтобы самому удостовѣриться. Однако мысль, что въ случаѣ неудачи мнѣ придется быть зарѣзаннымъ, какъ курицѣ, безпокоила меня, и я постоянно оглядывался, все ли въ надлежащемъ порядкѣ, и осматривалъ свой револьверъ (штуцеръ, который я привезъ съ собой, по просьбѣ Стасюкевича, былъ отданъ лучшему стрѣлку). Среди

такихъ треволненій я и не замѣтилъ, какъ окончился день. Съ наступленіемъ ночи мы въ безпорядкѣ и измученные добрались до имѣнія Вульки Носовой, помѣщика Венжика. Наши квартирьеры приготовили уже обѣдъ и ужинъ для проголодавшейся шайки. Здѣсь можно было нѣсколько отдохнуть. Я, измученный моимъ прежнимъ путешествіемъ въ шайку, не успѣвшій до этого времени порядочно присѣсть, радовался болѣе всѣхъ отдыху. Помѣщикъ, дряхлый старикъ, вышелъ къ намъ на встрѣчу и просилъ офицеровъ зайти къ нему въ домъ.

Маленькій самоварчикъ съ чайнымъ приборомъ кипѣлъ на столѣ, бутылка водки и скупо приготовленная закуска ждали здѣсь насъ. Но когда въ комнату вошло все наше офицерство, состоявшее изъ пятнадцати человѣкъ, Венжикъ опрометью бросился къ столу и схватилъ со стола серебряную сахарницу, желая замѣнить ее жестяной. Замѣтя такую выходку, мы обидѣлись и велѣли Венжику оставить сахарницу на столѣ, увѣряя его, что между нами воровъ нѣтъ. Хотя Венжикъ и сопротивлялся, но потомъ мало-помалу нашлись вина и большой самоваръ.

Два часа, которые мы здѣсь провели, прошли не замѣтно. Наѣвшись и немного отдохнувъ, мы тронулись въ дальнѣйшій путь на 20 подводахъ, доставленныхъ крестьянами. На другой день утромъ мы очутились въ большихъ Бяльскихъ лѣсахъ, гдѣ думали соединиться съ шайкой Бончи. Съ пѣснями, какъ бы послѣ выиграннаго сраженія, двигались мы впередъ пѣшкомъ, потому что подводы, со вступленіемъ въ лѣсъ, были отосланы назадъ. Я былъ невыразимо радъ этому лѣсу. Онъ мнѣ казался недоступною крѣпостью. Здѣсь я смотрѣлъ на каждое толстое дерево, стоя за которымъ смѣлѣе могъ бы защищаться, чѣмъ сидя на бричкѣ. Раздался сигналъ на трубѣ. Мы остановились.

На полянѣ, среди сосновыхъ деревьевъ, надъ оврагомъ, стояла выстроившись партія Бончи. Съ праваго фланга выстроена была кавалерія изъ 60 человѣкъ, та самая, которая насъ спасла наканунѣ; дальше стрѣлки съ винтовками и штуцерами (500 человѣкъ), а за ними косиньеры (1.000 человѣкъ). Впереди же самъ Бонча, начальникъ шайки, со своимъ штабомъ, верхомъ. Стасюкевичъ, сопровождаемый такъ же своимъ штабомъ, верхомъ, ѣхалъ ему на встрѣчу. Музыка, состоявшая изъ скрипки и бубна, играла маршъ. Начальники отдали другъ другу честь саблями, и отряды соединились. Но согласіе не долго продолжалось между начальниками шаекъ. Скоро ихъ поссорилъ вопросъ, кому быть старшимъ въ лагерѣ. Бонча, какъ предводитель большей партіи, отстаивалъ свои права у Стасюкевича, и ссора дошла до того, что Стасюкевичъ запретилъ своимъ рядовымъ сноситься съ рядовыми Бончи, говоря, что партія Бончи состоитъ изъ воровъ и мошенниковъ. Это отчасти было и справедливо.

Частыя кражи повстанцевъ Бончи у нашихъ заставили скоро «довудцовъ» совершенно разойтись. Послѣ трехдневнаго отдыха мы разстались. Бонча со своими остался на мѣстѣ, а мы направились искать себѣ другаго безопаснаго убѣжища.

Въ это время и я нашелъ соперника, которому хотѣлось непремѣнно быть секретаремъ партіи. Это былъ Яскуловскій, сынъ помѣщика Брестскаго уѣзда. Если бы онъ мнѣ прямо сказалъ о своемъ желаніи, то я бы съ удовольствіемъ уступилъ ему свое почетное перо и печать, потому что, не зная канцелярской службы, я ничего самъ не дѣлалъ, а за меня все исполнялъ адъютантъ Стасюкевича Мѣлевскій. Между тѣмъ, обиженный Яскуловскій началъ интриговать противъ Стасюкевича; уговаривалъ шайку оставить его и перейдти къ Бончѣ или избрать другаго вождя. Все это, однако, кончилось ничѣмъ, и Яскуловскій перешелъ къ Бончѣ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Вахьковичемъ, котораго онъ предлагалъ избрать «довудцей». Такимъ образомъ наша партія опять стала самостоятельной, и жизнь наша пошла нѣсколько правильнѣе.

V.

Жизнь въ шайкѣ. — Польки-патріотки. — Именины Стасюкевича. — Тревога. — Біографія Стасюкевича. — Прибытіе шайки въ Яновъ. — Отказъ епископа дать благословеніе Стасюкевичу. — Прибытіе въ Покинянку. — Организація царства Польскаго. — Обмундированіе шайки. — Передвиженія шайки. — Моя поѣздка въ Варшаву. — Передача таинственнаго пакета. — Встрѣча съ братомъ. — Перемѣна внѣшняго вида Варшавскихъ улицъ. — Агенты Жонда.

Шалашъ Стасюкевича охраняли часовые, а отдѣленіе косиньеровъ по очереди держало гауптвахту. Дежурные офицеры смотрѣли за безопасностью шайки и за порядкомъ. Ксендзъ Малопольскій почти каждый день служилъ обѣдню въ присутствіи всей шайки предъ алтаремъ, устроеннымъ подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ, вѣтви котораго представляли собой балдахинъ. Кругомъ алтаря были разставлены косы, винтовки, кавалерійскіе значки. Штабъ стоялъ по правую сторону алтаря. Послѣ служенія; всѣ вмѣстѣ пѣли «Боже цось Польске» или другой какой нибудь революціонный гимнъ, затѣмъ нашъ ксендзъ держалъ проповѣдь. Во время службы желавшіе исповѣдывались и причащались. Такъ жили мы три дня, послѣ чего отправились въ лѣса, принадлежавшіе помѣщику Орловскому.

Здѣсь мы уже нашли приготовленный фуражъ и для лошадей, и для людей. Кромѣ того, былъ приготовленъ великолѣпный обѣдъ съ винами, водкой и разнаго рода сладостями. Оказалось, что въ этотъ день Стасюкевичъ былъ имениникъ, и сосѣдніе помѣщики

устроили въ честь его пиръ. Сюда съѣхалось много гостей, сосѣднихъ помѣщиковъ съ женами и дочерьми. Пріѣхало такъ же нѣсколько хорошенькихъ курьерокъ. Курьерокъ во время послѣдняго мятежа было очень много. Это были большею частью молодыя, хорошенькія дѣвушки, которыя бросали домъ, семью, родителей, все, и стремились съ жаромъ помогать польской справѣ, развозя разныя распоряженія жонда народоваго то въ шайки, то къ лицамъ, принимавшимъ участіе въ общемъ дѣлѣ, и подвергая себя всевозможнымъ опасностямъ. У каждой изъ нихъ былъ въ той или другой шайкѣ человѣкъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ.

Случалось, что курьерка вступала въ ряды шаекъ, переодѣтая въ мужское платье, и навлекала на себя пошлыя насмѣшки необразованной толпы (косиньеровъ), лишь бы только постоянно быть вмѣстѣ съ своей симпатіей. Былъ случай, что жена поступила въ шайку, гдѣ служилъ ея мужъ, изъ ревности къ нему. Не было той опасности, которая бы удержала курьерку отъ исполненія распоряженія организаторовъ (революціонныхъ чиновниковъ).

Фамиліи курьерокъ были рѣдко извѣстны; обыкновенно мы ихъ знали подъ крестнымъ именемъ: то панна Юлія, то Юзефа, то Александра и т. п. У насъ самая рьяная курьерка была пани Шенявская, жена убитаго довудцы въ царствѣ Польскомъ. Ея мужъ, помѣщикъ Бяльскаго уѣзда, бросилъ имѣніе, одинъ изъ первыхъ собралъ шайку и соединился съ Кочинскимъ. Послѣ одномѣсячной дѣятельности онъ былъ настигнутъ близь почтовой станціи Сощина по дорогѣ въ Варшаву и палъ въ стычкѣ. Его жена, желая отомстить за него, пустилась во всѣ опасности ремесла курьерки. Слишкомъ рьяный, притомъ же напускной, ея патріотизмъ намъ даже опротивѣлъ. Женщина лѣтъ сорока съ лишкомъ, некрасивая, она не пользовалась нашимъ сочувствіемъ. Въ концѣ 1863 года она была арестована и выслана на жительство въ Сибирь.

Когда пиръ былъ въ разгарѣ и шампанское начало кружить головы, неожиданно раздался на пикетѣ выстрѣлъ. Всѣ бросились къ оружію, и шайка съ Стасюкевичемъ во главѣ поспѣшила къ опушкѣ лѣса; но тревога оказалась напрасной, и мы возвратились къ оставленному мѣсту. Здѣсь дѣло разъяснилось. Тревогу вызвали возвращавшіеся съ поля работники съ сохами, волами и лошадьми.

Изъ мѣста, на которомъ мы отпраздновали именины Стасюкевича, было послано первое донесеніе къ брестскому и гродненскому гражданскому воеводѣ о состояніи нашей партіи, причемъ мѣсто, откуда посылали донесеніе, обозначалось словами «Главная квартира отдѣленія» (glawna kwatera otdzialu).

Стасюкевичъ, во главѣ 15 нашихъ кавалеристовъ (за это время кавалерія наша успѣла увеличиться десятью лошадьми, а пѣхоты считалось 150 человѣкъ), отправился для рекогносцировки. Онъ возвратился въ 2 часа ночи. Узнавъ, что все тихо, и москалей ни-

6*

гдѣ не слышно, онъ объявилъ намъ, что думаетъ посѣтить съ своей партіей городъ Яновъ, отъ котораго мы находились въ двухъ миляхъ.

Въ четвертомъ часу утра данъ былъ сигналъ (у насъ нашелся трубачъ изъ партіи Шенявскаго). Позавтракавъ, мы тронулись въ путь къ Янову. Любопытно мнѣ было видѣть, какъ ксендзы примутъ своего бывшаго семинариста.

Вскорѣ мы вошли въ городъ Яновъ. Евреи и мѣщане встрѣтили насъ радостными криками, подносили хлѣбъ, соль. Ксендзъ, фамиліи котораго не знаю, сказавъ рѣчь, попросилъ штабъ и офицеровъ обѣдать къ семинарскому столу. Мѣщане и даже евреи сносили въ горшечкахъ и тарелкахъ пищу для партіи, и такъ много, что не нужно было готовить ничего. Евреи доставили водку, и каждому рядовому дано было по двѣ рюмки. Послѣ этого, разставивъ пикеты, отрядъ размѣстили по квартирамъ. Стасюкевичъ раньше извѣстилъ о своемъ посѣщеніи городъ и ксендзовъ, такъ что они ожидали насъ съ обѣдомъ. Въ обѣденной залѣ ксендзы бросились обнимать Стасюкевича, своего бывшаго ученика, поздравляли и осматривали съ ногъ до головы. Скоро подали обѣдъ, состоявшій изъ трехъ отлично приготовленныхъ блюдъ. Нужно знать, что польскіе ксендзы, въ особенности монахи, имѣютъ очень утонченный вкусъ. Лучшіе повара достаются всегда имъ или у нихъ совершенствуются. На кухню ксендзъ, даже самый скупой, не жалѣетъ денегъ. Разныя вина дополнили нашу трапезу, послѣ которой мы разошлись спать по назначеннымъ квартирамъ. Между тѣмъ Стасюкевичъ отправился къ епископу, резиденція котораго была въ Яновѣ, чтобы попросить его пастырскаго благословенія для партіи. Но осторожный епископъ отказался принять его, отговариваясь болѣзнью. Это очень разсердило Стасюкевича, и, отдохнувши, мы немедленно оставили Яновъ.

Двигались мы обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Три кавалериста ѣхали нѣсколько впереди, въ качествѣ развѣдчиковъ. За ними слѣдовала половина кавалеріи и, наконецъ, пѣхота (стрѣлки и косиньеры). Обозъ подъ прикрытіемъ остальной части кавалеріи и пѣхоты шелъ сзади. Я отбывалъ всѣ походы съ партіей на маленькой одноконной бричкѣ, въ которой находилось все мое имущество и секретарскія принадлежности. Здѣсь же былъ мой письменный столъ. Мы двигались къ лѣсу, находившемуся въ 10-ти верстахъ отъ Янова.

Большой казенный лѣсъ часто спасалъ насъ отъ разнаго рода опасностей. Мѣсто, нами избранное, былъ домикъ лѣсничаго. На это время лѣсничій уѣзжалъ къ своимъ знакомымъ, и штабъ помѣщался въ его жилищѣ. Это мѣсто съ одной стороны было закрыто лѣсомъ, а съ другой большой деревней Рокитна. Постоявъ здѣсь два дня, мы двинулись къ Покинянкѣ, и расположились въ

лѣсу около самой деревни. Мы (офицеры) отправились къ знакомой уже намъ хозяйкѣ и проводили у нея цѣлые дни, пользуясь самымъ радушнымъ пріемомъ; по вечерамъ же, когда пріѣзжали курьерки, подъ звуки рояля устроивались танцы. Днемъ Стасюкевичъ съ кавалеріей отправлялся на рекогносцировку, возвратившись съ которой и привезя успокоительныя свѣдѣнія проводилъ вечера въ нашемъ обществѣ. Нужно замѣтить, что нашъ клерикъ-довудца любилъ свѣтскія увеселенія и пользовался ими при всякомъ удобномъ случаѣ. Здѣсь каждый день навѣщали насъ революціонные чиновники, ксендзы и друг. Всѣ они раболѣпствовали передъ Стасюкевичемъ, зная, какая громадная власть находится въ рукахъ военнаго воеводы. Царство Польское въ это время было раздѣлено на воеводства. Каждое воеводство (губернія) въ свою очередь раздѣлялось на уѣзды, округи и парафіи (pavafia). Воеводы и уѣздные начальники (powiatowe) избирались Жондомъ Народовымъ въ Варшавѣ и отъ себя уже назначали «окренговыхъ» и «парафіановыхъ». Воеводы и уѣздные начальники наблюдали за порядкомъ во ввѣренныхъ имъ областяхъ, творили судъ и расправу. Въ ихъ распоряженіи находились жандармы-вѣшатели, жандармы-шпіоны. Жертвы, осужденныя на смерть, отдавались обыкновенно въ распоряженіе жандармовъ-вѣшателей; обязаностью же тайныхъ было слѣдить за каждымъ жителемъ (obywatelem). Если тайный жандармъ замѣчалъ что нибудь непатріотическое, онъ доносилъ высшему начальству, которое убѣждало виновнаго и въ случаѣ непослушанія приговаривало къ смерти. Окренговыми были обыкновенно помѣщики. Они должны были доставлять одежду, кормъ и вообще все нужное для партіи, а также наблюдать за ввѣреннымъ имъ округомъ. На обязанности парафіальныхъ лежало доставлять все, что поручали окренговые, главнымъ образомъ собирать деньги на народовую справу. Деньги эти отсылались начальнику уѣзда, который поступалъ съ ними по своему усмотрѣнію: или отсылалъ въ жондъ въ Варшаву, или оставлялъ на расходы въ уѣздѣ, или же, что тоже бывало, просто оставлялъ ихъ у себя. Нѣкоторые даже пользовались не только деньгами, но и вещами, которыя патріоты присылали для партіи. Они обращали ихъ въ деньги и сохраняли послѣднія, вѣроятно, для будущихъ мятежей. Кромѣ того, каждые сто человѣкъ въ уѣздѣ имѣли сотскаго, который обязанъ былъ вербовать охотниковъ и доставлять ихъ въ партію. По всему царству Польскому устроена была повстанская почта (poczta narodowa). Помѣщикъ, содержавшій такую почту, былъ непремѣнно чиновникомъ революціи. По требованію проѣзжаго, предъявившаго карточку на полученіе лошадей, выданную Жондомъ, почта немедленно должна была давать лошадей. Замедленіе наказывалось штрафомъ. Если мимо какой нибудь изъ этихъ почтъ проходили русскіе отряды, то она должна была из-

вѣстить сейчасъ же объ этомъ ближайшія станціи въ окружности, а эти, не медля ни минуты, извѣщали слѣдующія. Такимъ образомъ цѣлый уѣздъ зналъ, что русскій отрядъ находится въ его предѣлахъ. Какое бы направленіе ни принялъ этотъ отрядъ, за нимъ слѣдили, извѣщая другъ друга постоянно, пока отрядъ не вернется домой. Если въ уѣздѣ находилась партія, то ее объ этомъ сейчасъ извѣщали, и она, соображая свои силы, соотвѣтственно имъ дѣйствовала. Всего чаще, впрочемъ, партіи избѣгали непріятной встрѣчи. Кромѣ того, каждая партія имѣла своихъ шпіоновъ, которыхъ снабжала лошадью и бричкой. Они должны были ѣздить по окрестностямъ и извѣщать партію въ случаѣ появленія непріятеля. Кромѣ гражданской власти, была и военная, которая имѣла наибольшее значеніе. Военный воевода имѣлъ право жизни и смерти безъ отчета. Позже были установлены коммиссары отъ Жонда Народоваго, власть которыхъ въ воеводствѣ была неограниченна. Они могли назначать подати, «офяры», контрибуціи.

Мы прожили въ Покинянкѣ цѣлую недѣлю. Въ это время наша партія все увеличивалась. Стрѣлковъ оказалось около 100, а косиньеровъ—130. Ружья были исправнѣе прежняго и повязанныхъ веревками болѣе не встрѣчалось. Слесарь исправилъ ихъ и, кромѣ того, окренговые доставили много новыхъ. Они же доставили намъ порохъ, олово, и партія занялась приготовленіемъ патроновъ. Сюда же доставили обувь и одежду: сапоги, блузы, конфедератки и проч. Для кавалеріи блузы и конфедератки были краснаго цвѣта, для стрѣльцовъ—зеленыя, а косиньерамъ изъ простаго небѣленаго холста. Кавалерія вся получила значки и копья. Для меня, какъ секретаря, прислана была изъ Бреста, не знаю только кѣмъ, красивая голубая, серебромъ шитая, съ эксельбантами блуза и такая же конфедератка. Я наряжался въ эту блузу только въ праздники. Она была такъ эффектна, что посторонніе принимали меня за начальника, и, кромѣ того, она была мнѣ къ лицу, чему я очень радовался.

Послѣ обѣдни, утромъ, мы двинулись по берегу Буга къ Славатыцкимъ лѣсамъ, находившимся за 6 миль отъ Покинянки. Неугомонные пѣсенники нѣсколько разгоняли дорожную скуку. Ѣхали молча и только изрѣдка переговаривались. Невольно приходила мысль, какъ ничтожна наша сила въ сравненіи съ правильно организованной русской арміею. Мы шли, но что была за цѣль этихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, мы не знали.

Не доходя Славатичь, Стасюкевичъ послалъ меня съ другимъ офицеромъ Рильскимъ набрать лошадей для пополненія кавалеріи. Я отправился, и только послѣ трехъ-дневнаго странствованія мнѣ удалось добыть 10 лошадей.

Господа, у которыхъ мною были взяты лошади, были экономы и управляющіе графа Красинскаго. Они съ радостью жертвовали

чужимъ добромъ, тѣмъ болѣе, что графъ распорядился ни въ чемъ не отказывать повстанцамъ.

Партію свою засталъ я въ Славатицкомъ лѣсу. Стасюкевичъ сказалъ мнѣ, что я избранъ для поѣздки въ Варшаву съ бумагами къ Жонду Народовому. Я былъ очень радъ этому порученію, потому что начиналъ уже скучать въ партіи. Мнѣ вручили бумаги, содержанія которыхъ я не зналъ, свидѣтельство отъ войта гмины (становой) на свободный проѣздъ въ Варшаву, паспортъ отъ Стасюкевича, для полученія почтовыхъ лошадей. Такой паспортъ назывался «карта для проѣзда» (karta przejazdu). Кромѣ всего этого, я получилъ еще 100 рублей.

Въ Варшаву я ѣхалъ цѣлыя сутки безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Лошади на народовыхъ почтахъ давались со всей исправностью усердныхъ патріотовъ. На каждой такой станціи, пока закладывали лошадей, наперерывъ спрашивали меня, не желаю ли кушать, и при малѣйшемъ моемъ согласіи не щадили ничего. Все, что было въ домѣ лучшаго, все предлагалось. Если случалось, что помѣщика не застанешь дома, то обыкновенно супруга его была вдвое любезнѣе. Скорая ѣзда хоть и утомила меня, однако имѣла также и свои пріятности.

На другой день я былъ въ Варшавѣ, стараясь какъ можно меньше обращать на себя вниманіе. На заставѣ меня позвали къ офицеру. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, но не могъ ни къ чему придраться, такъ какъ паспортъ, выданный войтомъ гмины, отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ закона. Когда я получилъ паспортъ свой назадъ, то велѣлъ кучеру погонять лошадь, чтобы скорѣе забыть тѣ непріятныя ощущенія, которыя я испытывалъ подъ взглядомъ офицера. Я не замѣтилъ, какъ лошади остановились у крыльца англійской гостинницы и прислуга, забравъ мой чемоданчикъ, отвела меня въ номеръ. Я задумался, какъ теперь вынуть данныя мнѣ бумаги, зашитыя въ шубу, тайнымъ образомъ, чтобы никто этого не замѣтилъ. Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ держать секретъ такой важности. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, распарывая подкладку шубы. Каждый малѣйшій стукъ, шумъ, говоръ, бросалъ меня въ жаръ, и я постоянно оглядывался на двери, не смотритъ и не подслушиваетъ ли кто нибудь. Наконецъ, бумаги были вынуты, но безпокойство мое еще больше увеличилось, такъ какъ я не зналъ содержанія пакета, и взглядъ заставнаго офицера преслѣдовалъ меня.

Я заперся на ключъ, положилъ бумаги подъ подушку и, не переставая думать, какъ бы ихъ лучше спрятать, уснулъ. Проснулся я только въ одиннадцатомъ часу дня. Одѣлся скоро, не позавтра́кавъ даже, схватилъ бумаги въ карманъ, выбѣжалъ на улицу, вскочилъ на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ везти себя въ домъ Карася на Краковскомъ предмѣстьѣ. Тамъ я

взбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ и постучался въ дверь. Мнѣ отворила какая-то старуха. Я спросилъ, дома ли баринъ. Старуха сказала мнѣ, что его нѣтъ дома, но есть его жена.

— У меня есть къ нему письмо.

— Вы можете передать его барынѣ. Я сейчасъ пойду, доложу.

Когда старуха доложила барынѣ, что къ мужу ея есть письмо, то она велѣла меня попросить къ себѣ. Войдя туда, я быстро оглядѣлъ небольшую комнату, въ которой меня принимали. Довольно широкая кровать стояла у стѣны отъ улицы; два или три сундука, на которыхъ въ безпорядкѣ валялось бѣлье, три стула, столикъ у окна и маленькій диванчикъ противъ кровати составляли всю обстановку комнаты. Хозяйка была очень красивая и еще молодая брюнетка, стройная и высокаго роста. Ея блѣдное лице носило отпечатокъ болѣзненности, утомленія и какъ бы горя.

Мое загорѣлое лице, пакетъ и паспортъ убѣдили, что я дѣйствительно полякъ, повстанецъ, оброньца ойчизны.

Убѣдившись въ этомъ, она мнѣ сказала, что мужа ея нѣтъ теперь дома, что онъ скрывается отъ преслѣдующей его полиціи. Затѣмъ подвела меня къ дверямъ и указала на двѣ большія казенныя печати, которыми запечатана была дверь.

— Чтобы избѣжать ареста, — говорила она:— мужъ долженъ скрываться, а моя комната оставлена мнѣ потому, что я нанимаю и плачу за квартиру отдѣльно.

Пакетъ она согласилась взять для передачи мужу, объяснивъ мнѣ, что они передаютъ другъ другу бумаги чрезъ маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Попрощавшись и оставивъ ей конвертъ, я уже не обращалъ вниманія на приглашенія хорошенькой хозяйки, и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе убѣжать изъ этого мѣста. Разсказъ объ обыскѣ въ ея квартирѣ, мои догадки, что лице, къ которому Стасюкевичъ меня послалъ, находится подъ сильнымъ подозрѣніемъ у правительства, безпокоили меня страшно.

Я былъ чрезвычайно радъ, очутившись на улицѣ. Выйдя изъ воротъ, я осмотрѣлся на всѣ стороны, не замѣчаетъ ли меня кто нибудь, и затѣмъ взглядъ мой невольно остановился на противоположномъ домѣ. Тамъ около воротъ стоялъ полицейскій, посматривавшій въ окна квартиры, изъ которой я только-что вышелъ. Я старался казаться какъ можно хладнокровнымъ и, смѣшавшись съ прохожими, вскочилъ въ первую попавшуюся дрожку и приказалъ везти себя сначала по Новому Свѣту, затѣмъ на Іерусалимскую улицу, около желѣзной дороги, и остановился только у воротъ Саксонскаго сада. Здѣсь я немного походилъ и, не видя никого, кто бы за мной слѣдилъ, другими воротами вышелъ изъ сада и пошелъ пѣшкомъ къ Краковскому предмѣстью. Я инстинктивно избиралъ болѣе людныя улицы и мѣста. Утомленный

происшествіями дня, я почувствовалъ голодъ и пошелъ къ Букерелю. Было 4 часа по полудни. Я обѣдалъ долго, хотя обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, потому что не зналъ рѣшительно, гдѣ провести остальную часть дня. Болѣе всего боялся я идти домой. Мнѣ казалось, что тамъ меня ожидаетъ полиція. Въ это время я увидѣлъ моего брата Феликса, ученика «Главной школы», и очень обрадовался этой встрѣчѣ.

Мы не видались очень давно. Посидѣвъ немного и поговоривъ о всемъ, что насъ больше интересовало въ это время, я пригласилъ его переночевать вмѣстѣ со мною въ моемъ номерѣ. Мы отправились. Я чувствовалъ себя храбрѣе вдвоемъ. Изъ разговора съ нимъ я увидѣлъ, что онъ не сочувствуетъ мятежу.

— Тогда только рѣшусь дѣйствовать за одно съ поляками,— говорилъ онъ:—когда французы и польскіе легіоны покажутся на границахъ Польши.

Я замолчалъ, потому что началъ понимать справедливость его словъ, и мнѣ было совѣстно разсказывать ему объ исторіи съ конвертомъ.

— Не знаешь ли ты, кто составляетъ теперь Жондъ Народовый здѣсь?

— А кто его знаетъ! Я держу себя подальше отъ революціонеровъ и потому положительно ничего не знаю. Говорятъ только, что въ подземномъ жондѣ заправилы, какъ крысы, дерутся между собою за власть и потому каждую почти недѣлю перемѣняются.

— Какъ же это ты, Феликсъ, живя въ Варшавѣ, въ этой мятежной атмосферѣ, не только не принимаешь участія во всемъ этомъ, но даже и не сочувствуешь?

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Я только трезво смотрю на вещи, вполнѣ понимаю положеніе дѣлъ. Для многихъ ясно, что мятежъ этотъ ни къ чему не приведетъ. Что же касается до того, что я сижу въ Варшавѣ, то сижу по той простой причинѣ, что денегъ нѣтъ, а то давно бы уже удралъ отсюда въ имѣніе. Кстати скажу, что если нашъ управляющій и дальше будетъ безконтрольно распоряжаться, то насъ ожидаетъ несомнѣнное разореніе.

Дѣйствительно такъ и было. Загржевскій продалъ зерно еще на корню, шерсть на овцахъ и т. п. Если что осталось, то осталось, благодаря заботамъ Феликса. Онъ у меня переночевалъ, и все время моего пребыванія въ Варшавѣ я съ нимъ не разставался.

Варшава теперь была мало похожа на Варшаву до мятежа. Задорный маскарадъ, демонстраціи исчезли. По улицамъ ходили молодые повстанцы съ загорѣлыми лицами, пріѣхавшіе отдохнуть въ Варшаву. Сборы по костеламъ и улицамъ замѣнились тайными и явными сборами по кофейнямъ-трактирамъ. Терогъ все болѣе и болѣе распространялся по Варшавѣ дѣйствіями кинжальщиковъ. Всѣ чего-то ожидали. Радовались всякой вѣсти изъ провинціи объ

удачныхъ дѣйствіяхъ шаекъ, спрашивали другъ друга, когда же, наконецъ, придутъ французы. Лихорадочное состояніе было замѣтно въ настроеніи польской Варшавы.

Дня черезъ два пришли ко мнѣ двѣ неизвѣстныя личности и, отрекомендовавъ себя одинъ паномъ Юзефомъ, а другой Антоніемъ, сѣли около стола. По синимъ очкамъ я догадался, что они принадлежатъ къ организаціи. Лица, принадлежавшія къ организаціи, большей частью носили такія очки. Догадка моя оправдалась. Оба они были агентами Жонда. Въ этомъ они увѣрили меня своими карточками, которыя вынули, одинъ изъ цѣпочки отъ часовъ, другой изъ тоненькой тросточки. Всѣ назначенія (nominacii) и распоряженія Жонда обыкновенно писались на особенной такъ называемой американской бумагѣ, чрезвычайно тонкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ прочной. Номинаціи эти, величиною въ восьмушку, свертывались такъ искусно, что могли быть спрятаны въ одно изъ звеньевъ цѣпочки. Я показалъ имъ свой паспортъ, выданный мнѣ Стасюкевичемъ на проѣздъ въ Варшаву. Послѣ этихъ формальностей мы приступили къ дѣлу. Старшій изъ нихъ, лѣтъ 30-ти, средняго роста, блондинъ, съ длинными волосами, откинутыми назадъ, съ открытымъ и симпатичнымъ лицемъ, приступилъ къ дѣлу. Онъ началъ съ выговора за то, что я, пріѣхавъ въ Варшаву, только на другой день явился по адресу, причемъ замѣтилъ, что если бы было что нибудь болѣе важное въ моемъ пакетѣ, чѣмъ теперь, то я отвѣчалъ бы предъ Жондомъ Народовымъ. Послѣ этого онъ сказалъ, что довудца обращается къ нимъ съ просьбой доставить ему въ партію оружія и «регуляментъ» для обученія партіи строю, но рѣшить этотъ вопросъ можетъ только министръ войны и финансовъ, и потому сейчасъ отвѣта дать нельзя. Товарищъ его, помоложе, лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, брюнетъ, низкаго роста, широкоплечій, съ отталкивающимъ выраженіемъ лица, неуклюжій, началъ подробно разспрашивать о нашей партіи, объ ея дѣйствіяхъ, ея довудцѣ и т. п. Прощаясь, они сказали мнѣ, что регуляментъ пришлютъ завтра, и завтра же я долженъ ѣхать въ партію. Остальной день я провелъ съ братомъ, а на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, явился ко мнѣ человѣкъ съ регуляментомъ и съ запечатаннымъ пакетомъ, адресованнымъ къ Стасюкевичу. Получивъ пакетъ, я припомнилъ все, испытанное мною съ пакетомъ, полученнымъ отъ Стасюкевича, и дрожь пробѣжала по тѣлу. Я зашилъ его опять въ медвѣжью шубу и послѣ завтрака, попрощавшись съ братомъ, взялъ паспортъ, заявленный въ полиціи, и отправился по Брестскому шоссе вмѣстѣ съ спутникомъ.

VI.

Возвращеніе въ шайку.—Мой спутникъ—кинжальщикъ.—Его разсказы. — Прибытіе въ Покинянку.—Увеличеніе шайки; ея составъ.—Повѣшеніе крестьянина.—Казни въ Яновѣ.—Варварское обхожденіе помѣщиковъ со своими крестьянами.—Ожиданіе чиновника организаціи.—Оживленіе среди поляковъ.—Раздѣленіе Жонда на двѣ партіи.—Вопросъ о будущемъ правленіи въ Польшѣ.—Попытка лишить Стасюкевича начальства.—Хитрость Нарбута.—Моя поѣздка въ Варшаву.—Русскій полицеймейстеръ въ должности содержателя польской почты.—Гимназисты-повстанцы.—У Варшавской заставы.—Находчивость моихъ спутниковъ.

Спутникъ мой, уроженецъ Варшавы, унтеръ-офицеръ русской арміи, служившій въ то время при варшавскомъ арсеналѣ, какъ онъ мнѣ говорилъ, считался лучшимъ оружейнымъ слесаремъ. Онъ былъ неглупый малый, широкоплечій, скорѣе низкаго, чѣмъ средняго роста, хорошо сложенный и сильный. Онъ мнѣ разсказывалъ дорогой, какъ онъ, набравъ охотниковъ, вооружившись, чѣмъ кто могъ, ночью пробовалъ пробраться изъ Варшавы. По улицамъ они не встрѣтили никакого препятствія. Пользуясь темнотою ночи, они добрались уже до Вольскихъ валовъ въ числѣ двадцати человѣкъ, но когда взошли на валъ, крикъ часоваго «кто идетъ?» остановилъ ихъ. Охотники, оправившись отъ перваго испуга, продолжали свой путь. Часовой же, не получая отвѣта на свои вопросы, выстрѣлилъ. Охотники бросились бѣжать, но солдаты открыли по нимъ огонь и принудили вернуться назадъ въ Варшаву. Двухъ изъ нихъ арестовали, пятеро бѣжали, а остальные возвратились въ Варшаву и между ними мой Тварды, раненный штыкомъ въ ногу.

Такія предпріятія дѣлались часто. Варшавскій Жондъ поощрялъ ихъ, собиралъ партіи, назначалъ начальниковъ. Начальниками были обыкновенно кинжальщики, за которыми слѣдила полиція. Тварды проговорился, что и онъ былъ такимъ довудцей.

— Слѣдовательно и ты былъ кинжальщикомъ?—спросилъ я его.

— Да, дѣйствительно былъ,—смутившись, сказалъ онъ:—но никого не убилъ. Я недавно началъ заниматься этимъ ремесломъ.

— По какой же причинѣ Жондъ удаляетъ васъ изъ Варшавы въ партію?

— Дѣло въ томъ,—еще больше смутившись, сказалъ онъ:—что мнѣ поручено смотрѣть и наблюдать за вами до прибытія въ партію и, если окажется, что дѣйствія ваши не чисты въ отношеніи Жонда, то распорядиться съ вами, какъ обыкновенно распоряжаются кинжальщики.

Меня обдало холодомъ при этихъ словахъ.

— Какой же поводъ не довѣрять мнѣ?—спросилъ я своего спутника.

— Этого ужъ я не знаю, и, если сказалъ вамъ о своемъ назначеніи, то лишь потому, что полюбилъ васъ за человѣческое и ласковое обращеніе со мной.

Его откровенность хотя успокоила меня, но недовѣріе, оказанное мнѣ, возмущало меня до глубины души. Я старался отыскать причину его, но ничего не могъ придумать и рѣшилъ, что недовѣріе происходитъ отъ того, что меня видѣли въ первый разъ, что это лишь благоразумная осторожность.

Теперь я больше прежняго боялся встрѣтиться съ какимъ бы то ни было русскимъ отрядомъ, зная, кто сидитъ возлѣ меня. Хозяева народовыхъ почтъ угощали и принимали меня попрежнему, и скоро мы прибыли къ мѣсту своего назначенія. Стасюкевичъ съ партіей былъ въ Покинянкѣ. Онъ принялъ насъ радушно, былъ доволенъ содержаніемъ пакета, полученнаго отъ Жонда, гдѣ говорилось, что министръ финансовъ разрѣшилъ выдать на вооруженіе 3.000 рублей сер., что Жондъ доволенъ партіей и Стасюкевичемъ, что всѣ сдѣланныя имъ производства во ввѣренной ему партіи утверждаются. Такимъ образомъ мы были утверждены въ занимаемыхъ нами должностяхъ. Тварды былъ опредѣленъ унтеръ-офицеромъ (Iekcyjnym) въ стрѣлкахъ. Вскорѣ онъ былъ убитъ русскими, и партія очень его жалѣла, такъ какъ, кромѣ того, что онъ былъ весьма полезенъ, какъ слесарь, онъ еще отлично умѣлъ приготовлять яичницу.

Въ мое отсутствіе партія наша увеличилась до 400 человѣкъ. Поступали главнымъ образомъ дворовые люди, мѣщане, мелкопомѣстная шляхта и нѣсколько человѣкъ крестьянъ, бывшихъ въ услуженіи у ксендзовъ-уніатовъ.

Въ нашемъ же уѣздѣ сформировалась въ мое отсутствіе другая партія, подъ начальствомъ Адама Радовицкаго. Остатки разбитой партіи Бончи собирались на зовъ новаго довудцы, присланнаго Жондомъ изъ Варшавы. Адамъ Радовицкій, помѣщикъ Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи, былъ отставной офицеръ русской арміи. Мы его называли Мирославчикомъ. Онъ въ скоромъ времени былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ въ Сѣдлецѣ. Радовицкому не въ первый разъ пришлось быть арестованнымъ. Весной еще, въ маѣ мѣсяцѣ, его задержали съ прокламаціями и порохомъ. Прокламаціи онъ ловко спряталъ, такъ что ихъ не могли найти, и его на этотъ разъ оправдали.

Я узналъ также, что во время моего отсутствія Стасюкевичъ, отправившись по обыкновенію на рекогносцировку, повѣсилъ въ деревнѣ Кіовецъ Бяльскаго уѣзда крестьянина. Разсказъ о его повѣшеніи заставилъ меня многое передумать и усомниться въ «swientosci» справы польской. На этого крестьянина, еще предъ моимъ отъѣздомъ въ Варшаву, жаловались патріоты и шпіоны, что онъ, не смотря на предостереженія, продолжаетъ сноситься съ русскими. Крестьянинъ этотъ былъ отставной унтеръ-офицеръ русской арміи, православнаго вѣроисповѣданія, но не католическаго. Онъ съ семьей жилъ въ своей хатѣ. Стасюкевичъ давно уже хо-

тѣлъ поймать шпіона и повѣсить. И вотъ, взявъ съ собой Карчевскаго, Нарбута, Мѣлевскаго, ксендза и др., онъ неожиданно напалъ на солдата и засталъ свою жертву въ то время, когда она старалась спрятаться въ выкопанную въ полу яму. Голова его была еще наверху. Его вытащили оттуда за голову, вытолкали изъ хаты, передъ которой росла полусухая верба (я, проѣзжая послѣ чрезъ Кіовецъ, видѣлъ эту страшную вербу; крестьяне показываютъ ее со страхомъ), и на ней повѣсили свою жертву; они хотѣли повѣсить также его жену и дѣтей, но крестьяне увели ихъ и спрятали у себя. Стасюкевичъ гордился и хвастался своимъ подвигомъ. Однако, кіовецкіе крестьяне послѣ этого не только не сдѣлались патріотами, но, наоборотъ, даже врагами всякой партіи, и только подъ конецъ мятежа они были болѣе доступны и даже содѣйствовали возстанію.

Кромѣ этого, Стасюкевичъ во время моего отсутствія успѣлъ повѣсить въ городѣ Яновѣ одного еврея и мѣщанина, не знаю уже за что. Но тамъ жители города были въ восторгѣ отъ такой расправы и оставили трупы висѣть два дня. Я даже слыхалъ, что нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Вышинскій, били трупы нагайками, и Стасюкевичъ съ трудомъ могъ остановить его. Въ партіи Красинскаго былъ Бѣлецкій, сынъ помѣщика Бяльскаго уѣзда; онъ пріобрѣлъ большую извѣстность своей жестокостью. О немъ ходили страшные разсказы. Говорили, что Бѣлецкій иначе не ходилъ съ шайкой, какъ только обвѣшанный петлями, совсѣмъ готовыми, чтобы набросить на избранную жертву. Тогда онъ прикрѣплялъ ее къ чему нибудь, тянулъ вверхъ, такъ что жертва невольно подымалась съ веревкой, а другіе дергали за ноги съ разнаго рода остротами. Жизнь этого звѣря кончилась тѣмъ, что онъ, опершись головой о дуло своего ружья, по неосторожности прострѣлилъ себѣ голову. Такихъ людей мятежъ выдвинулъ не мало. Впрочемъ, и до мятежа ихъ было не мало. Не рѣдко случалось, что помѣщики до смерти засѣкали своихъ крестьянъ за какую нибудь мелочь. Помѣщикъ Слонимскаго уѣзда, Вольбекъ, напримѣръ, запрягалъ своихъ крестьянъ въ соху и пахалъ землю. Генеральша Владычанская испекла свою кухарку въ печи за дурно-сваренный обѣдъ. Помѣщица Я... въ наказаніе за принесенную служанкой не процѣженную къ мытью воду, умывшись, велѣла горничной выпить всю грязную воду въ своемъ присутствіи. Не удивительно поэтому, если крестьяне возставали противъ своихъ помѣщиковъ и нерѣдко даже убивали.

Мѣсяцъ май прошелъ безъ особенныхъ событій. Попрежнему насъ навѣщали курьерки и чиновники организаціи. Особенно врѣзалось мнѣ въ память посѣщеніе одного господина изъ Гродненскаго воеводства. Мы ожидали его дня два. Рядовымъ выдали жалованье, все чистили, приводили въ порядокъ, однимъ словомъ готовились. Наконецъ, это было въ началѣ іюня мѣсяца, пріѣхалъ

этотъ господинъ изъ Бреста. Партію выстроили, и господинъ, сопровождаемый Стасюкевичемъ и штабомъ, произвелъ смотръ нашей партіи, а затѣмъ отправился въ хату лѣсничаго, который, по обыкновенію, уѣхалъ. Нужно знать, что мы охраняли лѣсничихъ, какъ нужныхъ намъ людей, при нашихъ постоянныхъ лѣсныхъ странствованіяхъ. Здѣсь таинственный господинъ пообѣдалъ съ нами и, не посмотрѣвъ даже моей канцеляріи, уѣхалъ. Говорили, что онъ былъ присланъ брестскимъ воеводой посмотрѣть, въ силахъ ли наша партія приступить къ дѣйствіямъ. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ диктаторъ Литвы.

Лѣто оживило наши надежды. Иностранныя державы открыто говорили въ пользу польской справы и мятежа. Всѣ бросились къ газетамъ. Неумѣющимъ читать читали другіе. Дѣятельность революціонеровъ удвоилась. Люди, не довѣрявшіе до сихъ поръ своимъ силамъ, открыто примкнули къ сторонѣ революціонеровъ, поступали въ шайки сами и посылали своихъ дѣтей. Тѣ же, которые оставались дома, искали и требовали отъ Жонда занятія, принимая на себя всякія обязанности. Въ самомъ Жондѣ образовалось двѣ партіи: красныхъ, которые хотѣли возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ, и бѣлыхъ, которые исключали изъ ея территоріи Украйну. Крестьяне, до сихъ поръ противодѣйствовавшіе и не довѣрявшіе мятежу, испугались самоувѣреннаго настроенія пановъ и повстанцевъ и начали, хотя и неохотно, помогать шайкамъ. Немало способствовали такой перемѣнѣ среди крестьянъ еще ксендзы. Они повсемѣстно съ церковной каѳедры старались всячески возбуждать крестьянъ. Они распускали слухи, что французы уже двигаются въ Польшу и скоро объявятъ Польшѣ ея независимость. Такъ было, напримѣръ, въ Малевой Гужѣ Бяльскаго уѣзда. Здѣшній ксендзъ былъ извѣстенъ правительству еще передъ мятежемъ, какъ первый революціонеръ въ уѣздѣ. Солдаты-католики изъ русскихъ войскъ все чаще и чаще начали дезертировать и пополнять собой ряды повстанцевъ, гдѣ ихъ принимали очень охотно, какъ людей, обученныхъ военному искусству. Шайки размножались и распространялись съ необыкновенною быстротою по царству Польскому; если взять среднее число, то на уѣздъ можно было считать по двѣ шайки, кромѣ жандармовъ-вѣшателей.

Все вдругъ перемѣнилось. Съ минуты на минуту мы ждали прихода французовъ. Эта ожидаемая минута заставляла насъ неоднократно забывать дѣйствительность. Теперь мы мечтали только о томъ, какъ мы будемъ безпокоить москалей, когда придутъ французы, какъ будемъ отбивать фуражъ и мѣшать имъ во всемъ, какъ, наконецъ, будемъ ихъ выгонять изъ края. Наконецъ, разсуждали уже о томъ, кого выбрать въ короли и какое дать правленіе Польшѣ. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили устроить въ Польшѣ правленіе по образцу Соединенныхъ Штатовъ.

У насъ въ шайкѣ возникъ вопросъ, кого избрать начальникомъ. Стасюкевичъ, понашему, не способенъ былъ теперь быть хорошимъ довудцей, потому что онъ по трусости избѣгаетъ сраженія и прячется, когда услышитъ, что приближается отрядъ русскихъ. Говорили, что нуженъ человѣкъ, болѣе дѣятельный и болѣе свѣдущій. Кандидатомъ выставляли Нарбута, но я и еще нѣсколько человѣкъ остались на сторонѣ Стасюкевича. Нарбутъ хотѣлъ сдѣлать переворотъ съ помощью офицеровъ, но неудачно. Стасюкевичъ, впрочемъ, объ этомъ ничего не зналъ. Нарбутъ, однако, не оставлялъ своего намѣренія и для этого употребилъ такую хитрость. Онъ взялъ чистый листъ бумаги и началъ собирать подписи, говоря, что хочетъ просить о выдачѣ оружія и что, когда напишетъ просьбу (для нея было оставлено на листѣ чистое мѣсто), то прочтетъ подписавшимся. Я отказался подписать такой бланкъ, другіе же, частью добровольно, частью по приказанію Нарбута, который былъ начальникомъ штаба, подписали. Это было въ началѣ іюля.

Мнѣ захотѣлось отдохнуть и побывать въ Варшавѣ, и я попросился въ отпускъ. Уѣзжая, я предупредилъ Стасюкевича о томъ, что дѣлается въ нашей партіи. Стасюкевичъ, какъ оказалось, уже зналъ обо всемъ этомъ и успѣлъ принять нѣкоторыя мѣры, а также сообщить Жонду, отъ котораго ждалъ теперь отвѣта. Стасюкевичъ поблагодарилъ меня за то, что я держалъ его сторону, и просилъ, когда я буду въ Варшавѣ, наблюдать за Мѣлевскимъ, который везетъ съ собой просьбу, подписанную партіей, о сверженіи Стасюкевича. Мнѣ данъ былъ отпускъ на десять дней. Получивъ всѣ необходимые документы для предъявленія, какъ русскому, такъ и своему правительству, я отправился въ Варшаву. Я очень былъ радъ отдыху отъ службы, которая была крайне утомительна. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны были постоянно находиться наготовѣ, а потому даже спали одѣтыми, горячей пищи почти не видѣли, вмѣсто воды пили водку, которую намъ привозили въ большомъ количествѣ. Я до поступленія въ партію не употреблялъ никогда водки и рѣдко вино, здѣсь же ежедневно выпивалъ по полъ-кварты и не былъ пьянъ. Бѣлья почти не перемѣняли, вслѣдствіе чего все тѣло покрылось сыпью и чесалось до невозможности. Понятно, съ какимъ удовольствіемъ я вырвался на свободу. Я забылъ и о Польшѣ, и о французахъ и заботился только о своихъ личныхъ удобствахъ.

Я останавливался у помѣщиковъ, которые принимали меня съ распростертыми объятіями и съ восторгомъ высказывали надежды на скорое освобожденіе Польши. Общее настроеніе отражалось даже на ямщикахъ народовой почты. Угрюмые и недовольные въ первую мою поѣздку, они теперь весело разговаривали всю дорогу. Одинъ изъ нихъ даже просилъ меня самымъ серьезнымъ образомъ кланяться французамъ, потому что я ихъ увижу раньше. Сначала удивилъ, а послѣ обрадовалъ меня слѣдующій фактъ. Меня при-

везли въ Радзиминъ, и я спросилъ моего кучера, гдѣ здѣсь почта. Онъ мнѣ сказалъ, что у бургомистра (полицеймейстера).

— Да что ты шутишь, что ли? — съ досадой и даже нѣкоторымъ страхомъ переспросилъ я его.

— Нѣтъ, пане. Здѣсь почту держитъ бургомистръ, — отвѣтилъ онъ вполнѣ серьезно.

Я подумалъ, не предаютъ ли меня въ руки правительства и не пора ли мнѣ бѣжать, какъ вдругъ явилась низко кланяющаяся фигура бургомистра, который, подойдя ко мнѣ, просилъ, если нужны лошади въ Варшаву, немного обождать, такъ какъ лошади всѣ въ разгонѣ, и предложилъ отдохнуть и заснуть у него на квартирѣ.

Русскій чиновникъ и служитъ польской справѣ! Меня это явленіе до того озадачило, что я вытаращилъ на него глаза, не понимая, что онъ говоритъ, и осторожно началъ запускать руку въ карманъ, гдѣ находился револьверъ. Кучеръ, который привезъ меня, видя эту сцену, бросился ко мнѣ.

— Что вы дѣлаете?—прошепталъ онъ:—это начальникъ почтъ. Онъ даетъ всѣмъ проѣзжимъ панамъ лошадей.

Я спряталъ револьверъ. Блѣдный бургомистръ досталъ изъ кармана и показалъ мнѣ свидѣтельство организаціи. Я успокоился и извинился въ своей ошибкѣ, въ которой была виновата предъидущая станція, не предупредившая меня о такомъ исключительномъ явленіи въ организаціи. Онъ сообщилъ мнѣ, что всѣ бургомистры кругомъ Варшавы имѣютъ двѣ должности.

Я зашелъ къ нему на квартиру, гдѣ подали закуску, и мы разговорились. Онъ сообщилъ, что у него двое дѣтей, воспитывавшихся въ Варшавѣ, одному пятнадцать лѣтъ, другому четырнадцать. Не смотря на это, они бѣжали изъ Варшавы и стали въ ряды шайки Мыстковскаго. Дѣло въ томъ, что Мыстковскій изъ такихъ дѣтей сформировалъ цѣлый отрядъ въ 50 человѣкъ, но скоро принужденъ былъ ихъ распустить, такъ какъ отъ ходьбы у нихъ начали пухнуть ноги, и оставилъ у себя только старшихъ. Вслѣдствіе этого юные повстанцы должны были вернуться къ оставленнымъ учебнымъ занятіямъ. Бургомистръ просилъ меня доставить своихъ двухъ бѣглецовъ на мѣсто, и мы, усѣвшись въ бричку, двинулись къ Варшавѣ.

Меня очень интересовали мои юные спутники, и я вступилъ съ ними въ разговоръ. Младшій, болѣе развитой и разговорчивый, сообщилъ мнѣ, что онъ учится въ школѣ при Доминиканскомъ монастырѣ въ Варшавѣ и уже въ третьемъ классѣ.

— Всѣ наши ученики,—говорилъ онъ,—участвовали во всѣхъ Варшавскихъ демонстраціяхъ, гдѣ подъ руководствомъ ксендзовъ пѣли «Bože cos Polske». Учениковъ же у насъ довольно много и почти всѣ дѣти ремесленниковъ, купцовъ и бѣдныхъ чиновниковъ. Я самъ сынъ небогатаго чиновника. Моя мать занимается частными

уроками и потому уходитъ часто изъ дому. Всѣ ученики старшихъ классовъ,—говорилъ онъ,—отправились въ шайку. Мучимый тѣмъ, что почти всѣ наши третьеклассники пошли драться за ойчизну, я объявилъ матери о своемъ желаніи послѣдовать за ними. Мать начала бранить меня, говоря, что мнѣ нужно еще учиться, чтобы быть полезнымъ ойчизнѣ, которую и безъ меня освободятъ старшіе. Послѣ этого я искалъ только случая, какъ бы мнѣ привести въ исполненіе свой планъ. Сговорившись съ однимъ мальчикомъ, сыномъ булочника, моимъ сверстникомъ, запасшись хлѣбомъ, булками и другой провизіей, мы убѣжали изъ дому, не говоря никому ни слова, и такимъ образомъ пѣшкомъ на другой день попали къ одному помѣщику. Тотъ уговаривалъ насъ вернуться домой, но мы не соглашались, плакали и просили его, чтобы онъ сказалъ, гдѣ находится партія. Помѣщикъ упрямился и даже велѣлъ заложить лошадей, желая отвезти насъ въ Варшаву. Тогда мы удрали отъ него и долго блуждали, боясь заходить къ какому нибудь помѣщику и ночуя на полѣ. Намъ было очень страшно однимъ ночью. Притомъ же мѣшечекъ нашъ скоро опустѣлъ, и волей-неволей намъ приходилось возвратиться домой, въ Варшаву. Мы рѣшили, если родители будутъ спрашивать, гдѣ мы пропадали, сказать, что были у одного своего школьнаго товарища въ Прагѣ. Но, къ счастью, на обратномъ пути мы встрѣтили компанію другихъ мальчиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и мой братъ. Онъ теперь въ четвертомъ классѣ реальной гимназіи и былъ избранъ во временную полицію Варшавы, въ знакъ чего носилъ черезъ плечо шарфъ. Ему еще труднѣе было уйдти изъ дому, такъ какъ мать запирала его на ключъ. Узнавъ, что они преслѣдуютъ ту же цѣль, мы присоединились къ нимъ и пошли отыскивать вмѣстѣ партію, чтобы туда опредѣлиться. Въ пяти миляхъ отъ Варшавы мы встрѣтились съ партіей Мыстковскаго, который собиралъ дѣтей и составилъ изъ нихъ особый плутонъ (pluton). Онъ вооружилъ насъ винтовками, но черезъ два мѣсяца многіе изъ насъ начали болѣть отъ изнуренія и непривычки ходить, такъ что Мыстковскій распустилъ насъ, и вотъ теперь мы ѣдемъ съ вами.

На мой вопросъ, не были ли они въ какомъ нибудь сраженіи, оба отвѣчали, что пришлось участвовать въ одной стычкѣ, только они были разбиты, и одинъ изъ тѣхъ, которые пришли съ ними вмѣстѣ изъ Варшавы, былъ убитъ, а остальные чуть не попали въ плѣнъ.

Воодушевленіе, съ которымъ они разсказывали свои похожденія, меня такъ забавляло, что я не замѣтилъ, какъ мы пріѣхали въ Варшаву. Не доѣзжая до заставы, я ихъ высадилъ изъ брички съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться снова около моста на р. Вислѣ. Я остановился у заставы и пошелъ заявить свой паспортъ офицеру. Проѣзжихъ было много, такъ что я дожидался своего отпуска

слишкомъ полчаса. Въ это время двери отворились, и полицейскій ввелъ моихъ спутниковъ. Меня это нѣсколько озадачило. Я не зналъ, что въ это время безъ билета изъ Варшавы нельзя было отлучаться за заставу. Приведя ихъ въ комнату, полицейскій доложилъ объ этомъ офицеру.

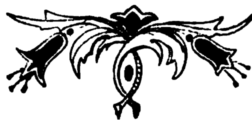
Офицеръ, прервавъ разсматриваніе подаваемыхъ ему паспортовъ, направился къ моимъ повстанцамъ и обратился къ меньшему съ вопросами: кто они, откуда, почему и какимъ образомъ перешли заставу. Тотъ бойко отвѣчалъ, что онъ изъ Варшавы, и не зналъ о новомъ распоряженіи и не его вина, если его не задержали, когда онъ часъ тому назадъ съ своимъ товарищемъ переходилъ заставу. А что онъ вышелъ только гулять, это доказывается тѣмъ, что передъ сумерками возвращается назадъ въ Варшаву. Офицеръ былъ успокоенъ отвѣтами повстанца и сдѣлалъ только выговоръ полицейскому за худой присмотръ. Послѣ этого ихъ отпустили.

Вскорѣ и я получилъ возможность протолкаться между пассажирами и подать къ разсмотрѣнію свой паспортъ офицеру. Я не желалъ быть послѣднимъ, думая, что въ толпѣ офицеръ не будетъ любопытенъ въ разспросахъ и просто подпишетъ. Такъ и случилось. Разсмотрѣвъ мой паспортъ, спросивъ наскоро, гдѣ я остановлюсь въ Варшавѣ, онъ записалъ адресъ и приложилъ печать. Я могъ ѣхать спокойно. Довольный вполнѣ, добравшись до моста, я нашелъ здѣсь моихъ спутниковъ и забралъ ихъ въ бричку.

Довольные собою, юноши повстанцы говорили, что, если бы даже былъ милліонъ такихъ москалей, то они сумѣли бы ихъ провести. Мальчики мнѣ нравились. На Краковскомъ предмѣстьѣ мы должны были разстаться, такъ какъ я ѣхалъ въ гостинницу. Повстанцы взяли свои узелки подъ мышку и просили меня, чтобы я ихъ проводилъ къ матери, но я отказался, такъ какъ не имѣлъ ни времени, ни охоты.

Ягминъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ БУХАРЫ [1].

IV.

Дорога въ кишлакъ Богаеддинъ.—Уличная жизнь бухарской столицы.—Внѣшній видъ и внутреннее устройство бухарскихъ жилищъ.—Нѣсколько словъ по поводу дервишества на востокѣ.—Ходжа-Богаеддинъ.—Кишлакъ и монастырь его имени.—Ширъ-Баданскій замокъ.—Дорога къ желѣзно-дорожной станціи.—Бухарскіе сарбазы.—Станція «Бухара».—Русскій поселокъ и политическое агентство.—Заключеніе.

ПИСАВЪ достопримѣчательности внутристѣнной Бухары, мы теперь обратимъ вниманіе читателей на ея окрестности и, въ частности, на знаменитый монастырь Богаеддинъ, эту вторую Мекку мусульманъ Средней Азіи.

Дорога отъ центра города къ Мазарскимъ воротамъ идетъ сначала по берегу канала Шахри-Рудъ, мимо медрессе Диванъ-Беги, откуда, поворотивъ къ сѣверо-востоку, выводитъ на прямой песчаный путь къ монастырю Богаеддина, отстоящему въ 8 верстахъ отъ городской стѣны.

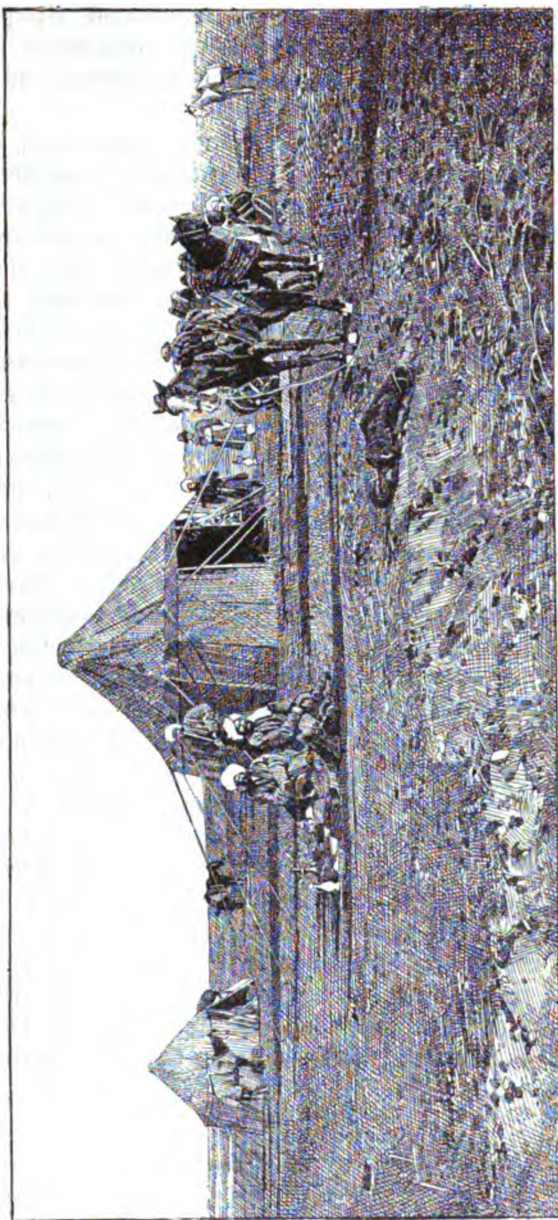
Проѣхавъ по городу около трехъ верстъ, можно видѣть уличную жизнь столицы во всѣхъ ея мельчайшихъ проявленіяхъ. Тутъ, на каждомъ шагу, встрѣчаешь и ощущаешь настоящій востокъ, чувствуешь себя со всѣхъ сторонъ охваченнымъ его пестрыми, оригинальными волнами.

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 620.

Вотъ двигается на встрѣчу длинная вереница ословъ, навьюченныхъ всевозможной живностью. За ними спѣшно подвигается толпа носильщиковъ съ какими-то тюками на плечахъ, а тамъ, еще дальше, плавно и величественно выступаетъ огромный караванъ двугорбыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ произведеніями Средней Азіи, долженствующими быть отправленными отсюда по всѣмъ направленіямъ. Спины верблюдовъ покрыты большими разноцвѣтными попонами, а ихъ морды, украшенныя большими темносиними кроткими глазами, убраны затѣйливой работы шерстяными недоуздками, съ безчисленнымъ множествомъ кисточекъ, привѣсковъ и амулетовъ, имѣющихъ назначеніе предупреждать болѣзни и разныя другія случайности. Подъ горломъ каждаго верблюда, на длинныхъ, толстыхъ шнуркахъ подвѣшены огромные мѣдные бубенчики, издающіе въ тактъ движенія животныхъ мѣрный, гармоническій звонъ, далеко предупреждающій о приближеніи каравана. Впереди на небольшомъ степномъ конѣ ѣдетъ здоровенный киргизъ, караванъ-башъ, управляющій съ помощію тонкой волосяной веревки, продѣтой въ ноздри перваго верблюда,— а отъ него ко всѣмъ слѣдующимъ, огромной вереницей мощныхъ, но кроткихъ и покорныхъ животныхъ. Шествіе замыкаютъ нѣсколько конныхъ сыновъ пустыни, съ загорѣлыми, мѣдно-красными лицами, въ остроконечныхъ мѣховыхъ шапкахъ. Два-три таможенные агента издали сопровождаютъ караванъ своимъ хищнымъ окомъ.

Тутъ, въ этихъ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ, на каждомъ шагу попадается и заграждаетъ путь то скрипучая арба, наполненная цѣлымъ поколѣніемъ бухарцевъ, отправляющихся въ свои сады, или толпа полуголыхъ мардекеровъ, съ первобытными китменями въ рукахъ, спѣшащихъ куда-то, или группа конныхъ обывателей, въ разноцвѣтвыхъ халатахъ и пышныхъ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ, направляющихся къ одному изъ безчисленныхъ городскихъ базаровъ. Изрѣдка, какъ бы крадучись, проскользнетъ по тротуару длинная, закутанная съ ногъ до головы въ темное одѣяніе, фигура женщины, быть можетъ, еще молодой и прекрасной, но кажущейся, благодаря безобразному одѣянію, всегда старухой; проѣдетъ, въ сопровожденіи большой свиты, какой нибудь важный бухарскій чиновникъ въ богатомъ парчевомъ халатѣ, на кровномъ аргамакѣ, разукрашенномъ дорогой збруей и вышитой серебромъ попоной; съ гамомъ и шумомъ пройдетъ по полотну улицы толпа оборванныхъ дервишей, съ тыквенными бутылками у пояса и длинными посохами въ рукахъ. Изрѣдка увидишь передъ собой дикаго представителя пустыни, какого нибудь пріѣзжаго киргиза, или туркмена, котораго тотчасъ можно узнать по его загорѣлому, здоровому лицу и мѣховой шапкѣ. Онъ совсѣмъ пораженъ и не знаетъ, чему болѣе дивиться: роскоши ли маза-

нокъ, пестротѣ ли костюмовъ, или шуму толпы, непривычному для его степнаго уха. Не менѣе его забавнымъ кажется его чичероне, бухарскій сартъ, съ гордостію представителя высшей расы, показывающій дикому кочевнику плоды своей цивилизаціи и утонченности нравовъ. Безъ сомнѣнія, наивный номадъ разочаруется современемъ въ этихъ прелестяхъ, ибо встрѣчающая его теперь повсюду предупредительная любезность испарится какъ дымъ вмѣстѣ съ послѣдней золотой монетой, вырученной имъ за проданный здѣсь товаръ. Но пока онъ чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ.

Бухарская палатка.

Вотъ мы проѣзжаемъ мимо открытой къ сторонѣ улицы первоначальной школы (мактабъ-хана), рядомъ съ которой помѣщается нѣсколько большихъ кузницъ. Уморительно видѣть, какъ среди адскаго шума и грохота почтенный мулла учитъ читать и писать нѣсколько десятковъ учениковъ, си-

дящихъ, поджавши ноги, вокругъ своего сѣдобородаго наставника. Лекція мусульманской премудрости, подъ акомпанементъ желѣзныхъ молотовъ, приводимыхъ въ движеніе здоровенными руками, безъ сомнѣнія, является крайне комичной. Профессоръ и его чады сидятъ красные отъ крика, какъ индійскіе пѣтухи, и только по раскрытымъ ихъ ртамъ да по налитымъ на лицѣ жиламъ видно, что они заняты ученіемъ.

Всего чаще попадаются на пути чай-ханы, по большей части, также открытые къ сторонѣ улицы. Эти заведенія всегда биткомъ набиты посѣтителями, истребляющими здѣсь огромное количество китайскаго напитка. Страсть бухарца къ чаю нужно признать одной изъ преобладающихъ его страстей. Сидя, поджавши ноги, или полулежа, житель Средней Азіи въ состояніи просидѣть въ чайхана, наслаждаясь кейфомъ, безконечное число часовъ. Только необходимость или срочное дѣло могутъ вывести его изъ того состоянія полудремоты и блаженнаго покоя, въ которое онъ погружается подъ вліяніемъ излюбленной имъ обстановки.

Войдя въ чай-хана, бухарецъ обыкновенно достаетъ изъ кожанаго мѣшечка, пристегнутаго къ поясу, небольшую щепотку чаю, которую передаетъ хозяину, продающему, поэтому, главнымъ образомъ горячую воду, а не чай [1]). Затѣмъ онъ садится и принимаетъ ту или другую позу, которой остается вѣренъ иногда втеченіе нѣсколькихъ часовъ. Говорить слишкомъ громко, смѣяться, жестикулировать, или даже оживленно разговаривать о чемъ нибудь, считается въ Средней Азіи верхомъ неприличія. Поэтому неудивительно, что въ небольшой чай-хана помѣщается иногда до пятидесяти и болѣе посѣтителей, не стѣсняющихъ и не мѣшающихъ другъ другу. Черезъ нѣсколько минутъ передъ посѣтителемъ появляется круглый фарфоровый чайникъ и китайская чашка, въ родѣ нашихъ послѣобѣденныхъ полоскательницъ. Устроившись такимъ образомъ, онъ выпиваетъ одинъ чайникъ за другимъ, изрѣдка затягиваясь чилимомъ (средне-азіатскій кальянъ), подносимымъ ему служителемъ чай-хана, а если гость поважнѣе, то и самимъ хозяиномъ. Появляется бродячій музыкантъ съ своей дутарой [2]), какой нибудь фокусникъ, заклинатель змѣй, странствующій аафизъ, которые по очереди завладѣваютъ вниманіемъ пьющей чай публики. Иногда появляется бача, вызванный кѣмъ либо изъ

---

[1]) Въ Бухарѣ обращается въ продажѣ чай 16 сортовъ. Лучшими изъ нихъ считаются 2 сорта зеленаго чая «ленка», стоящіе отъ 36—43 тиллей за цибикъ, то-есть отъ 216—258 рублей за пудъ. Второстепенные сорта стоятъ 24, 20—16 тиллей за цибикъ.

[2]) Дутара—двухструнный инструментъ, въ родѣ гитары. Кромѣ того, въ Средней Азіи употребляются слѣдующіе инструменты: тамбуръ въ 3 струны металлическихъ; кабызъ и зизакъ въ 2 струны; флейта, кокчей—двойной кларнетъ; рожокъ и чильмандаръ—бубенъ.

богатыхъ посѣтителей, и тогда ко всѣмъ этимъ удовольствіямъ присоединяется еще балетъ. Зрѣлище разнообразятъ группы странствующихъ дервишей, которые, расположившись на ступенькахъ чай-хана, или просто посреди улицы, произносятъ свои, по большей части, притворно-фанатическія проповѣди, вызывая такой же притворный восторгъ слушателей, которые немедленно по удаленіи святыхъ мужей переходятъ къ созерцанію соблазнительной пляски бачи или къ выслушиванію скабрезныхъ разсказовъ странствующаго повѣствователя.

Въ антрактахъ между этими развлеченіями передаются сплетни, выслушиваются новости, которыя потомъ разносятся по всему городу.

Только истребивъ нѣсколько чайниковъ чая и цѣлую гору вываренныхъ листьевъ этого растенія, которые бухарцы любятъ не менѣе самого напитка, посѣтитель рѣшается сдвинуться съ мѣста и дѣланной, лѣниво раскачивающейся, медленной походкой, считающейся здѣсь верхомъ граціи, направляется домой, гдѣ, быть можетъ, его давно ожидаетъ голодная семья и дѣла неотложной необходимости. Дорогой онъ еще не разъ остановится, чтобы поболтать съ встрѣтившимся знакомымъ, поглазѣть на что либо любопытное, и такъ далѣе.

Но такова уже натура восточнаго человѣка, этого прототипа эгоизма, себялюбія, смѣси алчности и мотовства, поражающей лѣности и неподвижности, съ предпріимчивостію и коммерческой сметкой, развитой у него преимущественно передъ всѣми остальными народами земнаго шара. Часто становится совершенно непонятно, какъ эти лѣнивые и неповоротливые люди, повидимому, проводящіе жизнь въ праздности, ведутъ большую торговлю, поддерживаютъ значительную производительность и культуру, хотя первобытную, но всеже требующую труда и усилій. Ключъ къ разгадкѣ этого вопроса, конечно, заключается въ ихъ природныхъ способностяхъ и естественныхъ богатствахъ страны, на столько обширныхъ, что даже поверхностное прикосновеніе къ нимъ даетъ богатые результаты и обезпечиваетъ жизнь человѣка во всѣхъ ея первыхъ потребностяхъ.

Слѣдуя по берегу канала Шахри-Рудъ, можно увидѣть безчисленное множество иллюстрацій возмутительно небрежнаго отношенія бухарцевъ къ столь драгоцѣнной и необходимой здѣсь водѣ. Вотъ на широкихъ каменныхъ ступеняхъ хауза видна цѣлая группа жителей священной Бухары разныхъ возростовъ. Вода въ хаузѣ имѣетъ какой-то странный, прозрачно-зеленоватый видъ, кажущійся крайне подозрительнымъ. Изъ этого нездороваго источника нѣсколько женщинъ черпаютъ воду, очевидно, для питья большими мѣдными кумганами. О бокъ съ ними здоровенный парень, быть можетъ, мясникъ, сидя на корточкахъ, моетъ свои

грязныя огромныя руки, а еще дальше—широколицій узбекъ, съ наивнымъ наслажденіемъ умывается и полощетъ ротъ той же водой, которой черезъ минуту, быть можетъ, воспользуется другое лице для цѣлей не менѣе деликатныхъ.

Повернувъ отъ канала Шахри-Рудъ по направленію къ сѣверовостоку, мы попадаемъ въ одну изъ немногихъ прямыхъ и довольно широкихъ улицъ Бухары, которая мимо медрессе Фетхъ-Улла-Кушъ-Баи и нѣсколькихъ старинныхъ мечетей доводитъ насъ до крѣпостной стѣны, съ продѣланными въ ней центральными Мазарскими воротами.

Улица эта обнесена большими, нештукатуренными, глинобитными домами мрачнаго вида, окна и жилыя части которыхъ обращены внутрь дворовъ. Проникнуть въ эти жилища можно лишь съ помощію единственной небольшей калитки, едва достаточной для того, чтобы пропустить мѣстную арбу, верблюда или всадника. Внутреннее пространство этихъ бухарскихъ жилищъ почти всегда раздѣляется на двѣ половины, образующія два двора, изъ которыхъ первый занятъ конюшнями, кладовыми, помѣщеніемъ для прислуги и, если бухарецъ состоятельный, то особымъ помѣщеніемъ для гостей. Второй дворъ занятъ кладовыми, кухней и постройками, гдѣ живетъ семья домовладѣльца. Иногда за этимъ дворомъ помѣщается еще садъ.

Дома строятся всегда изъ тополеваго дерева, обмазаннаго сверху глиной. Весьма рѣдко подъ нихъ подводится каменный фундаментъ. Полы дѣлаются кирпичные. Сверху ихъ покрываютъ обыкновенно барданами, кошмами, наласами или коврами, смотря по достатку домохозяина. Окна, по большей части, безъ стеколъ, съ рѣшетчатыми рамами, которыя на зиму заклеиваютъ просаленной бумагой. Двери имѣются лишь съ наружной стороны домовъ. Внутреннія же комнаты рѣдко снабжены ими. Мебели почти ни у кого нѣтъ. Ее можно встрѣтить развѣ во дворцѣ эмира и въ двухъ-трехъ самыхъ богатыхъ домахъ. Большинство же бухарцевъ проводитъ жизнь на полу, сидя на разостланныхъ ватныхъ одѣялахъ и подкладывая сбоку для удобства небольшія круглыя подушки. Вся роскошь обстановки заключается въ скульптурныхъ украшеніяхъ потолковъ и иногда стѣнъ, расписанныхъ альфресковой живописью, въ коврахъ и домашней утвари, между которой нерѣдко можно встрѣтить весьма цѣнный китайскій фарфоръ и превосходной работы металлическія издѣлія, какъ-то: кумганы, чашки, блюда и проч.

Но вотъ утомительному переѣзду по тѣснымъ, пыльнымъ и душнымъ городскимъ улицамъ наступилъ конецъ. Мы подъѣзжаемъ къ Мазарскимъ воротамъ, тотчасъ за которыми начинается уже линія садовъ. Ее смѣняютъ хлопковыя поля и небольшія зеленыя лужайки, черезъ которыя до самаго кишлака Богаеддина проле-

Нищіе въ Бухарѣ.

гаетъ широкая, песчаная дорога, обрамленная по краямъ тщательно поддерживаемыми оросительными канавами и рядами тутовыхъ деревьевъ. Тамъ и сямъ, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣются сакли подгородныхъ жителей, кладбища, небольшія мечети, какія-то развалины. Общій видъ этой мѣстности довольно пустынный и унылый, тѣмъ не менѣе она кажется земнымъ раемъ послѣ невообразимой тѣсноты, пыли, гама и шума городскихъ улицъ. Восемь верстъ, отдѣляющія кишлакъ Богаеддинъ отъ городскихъ воротъ, промелькнули совершенно незамѣтно. Вотъ издали становятся видными, окутывающіе кишлаки, огромные сады и висящій надъ ними полусферическій куполъ Мазара, но прежде чѣмъ войдти подъ его древніе своды, скажемъ нѣсколько словъ о дервишествѣ вообще и о личности патрона этихъ мѣстъ, знаменитаго Ходжа-Богаеддина.

Основатель ученія о тарикатѣ Ходжа-Богаеддинъ-Мухаметъ-Накшъ-Бяндъ считается однимъ изъ старѣйшихъ представителей средне-азіатскаго дервишества [1]), этого величайшаго изъ золъ, которымъ западный исламъ подарилъ древнюю Трансоксанію и прилегающія къ ней страны, въ періодъ времени между XI и XIV столѣтіемъ.

Идея дервишества [2]) заимствуетъ свое начало изъ временъ глубокой древности. Колыбелью ея слѣдуетъ считать Индію и главнымъ образомъ Грецію, откуда она была занесена въ Малую Азію апостолами древне-индійской теософіи и греческаго неоплатонизма. Отчасти вытѣснивъ, отчасти воспринявъ въ себя основы древне-арабскаго аскетизма, обрывки ученія этихъ двухъ послѣднихъ школъ мало-по-малу переработались въ суфійство, которое съ теченіемъ времени на столько укоренилось въ Малой Азіи, что даже могущественный исламъ былъ поставленъ въ необходимость примириться съ существованіемъ дервишескихъ братствъ, подъ условіемъ принятія ими догмата единства Бога, признанія пророческаго посланничества Магомета и нѣкоторыхъ внѣшнихъ формъ мусульманской обрядности. Такимъ образомъ, въ смѣшанную школу суфійства былъ введенъ, хотя и въ слабой степени, еще четвертый элементъ—магометанство.

Было бы, однако, до крайности ошибочно считать дервишество ближайшимъ факторомъ распространенія на востокѣ религіи мусульманскаго пророка. Послѣдняя является для него лишь щитомъ,

---

[1]) Колыбелью ученія о тарикатѣ считается Багдадъ. Отсюда оно распространилось по всѣмъ мусульманскимъ странамъ. Оно составляетъ особое толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ корана и шаріата.

[2]) Слово дервишъ состоитъ собственно изъ двухъ персидскихъ словъ: «деръ», дверь, и изъ однозначащаго съ глаголомъ «джистанъ», искать. Въ переносномъ смыслѣ оно означаетъ бѣдняка, который ходитъ отъ двери къ двери. съ просьбой о помощи. (Броунъ, «The dervisches, or oriental spiritualism», стр. 49)

за которымъ скрыта совершенно самостоятельная религіозно-философская школа, чуждая исламу почти столько же, сколько и религіи Христа.

Ученіе это, прежде всего, стремится къ разрѣшенію самаго великаго міроваго вопроса,—вопроса о бытіи и назначеніи человѣка. По его понятію, все въ природѣ, въ томъ числѣ и человѣкъ, происходитъ не отъ Бога, а изъ Бога, и все, до мельчайшей песчинки, составляетъ эманацію Его божественной сущности и духа. По отношенію матеріальнаго міра, матеріи, мы постоянно находимся въ обманѣ нашихъ чувствъ, и эти послѣднія заимствуютъ свое существованіе только отъ божественнаго свѣта, или одушевляющаго принципа, который дѣлаетъ насъ способными видѣть міръ, а его дѣлаетъ видимымъ, иначе говоря, онъ есть ничто [1]).

Далѣе дервишество учитъ, что для Бога совершенно безразлично, какое бы понятіе о немъ кто ни имѣлъ. Для человѣка обязательно лишь одно чувство по отношенію къ Божеству—безграничная, всепоглощающая любовь.

Люди, посвятившіе себя всецѣло этой божественной любви, при исполненіи всѣхъ предписываемыхъ дервишествомъ условій, получаютъ возможность лицезрѣть сущность Божества; передъ ними открывается не только видимый міръ, но и сущность всѣхъ вещей въ природѣ.

Это состояніе, составляющее послѣднюю степень духовнаго совершенства, называется халь. Для достиженія его, кромѣ религіозныхъ упражненій, дервиши употребляютъ еще хашишъ и упражняются въ зикрѣ. Въ Средней Азіи, кромѣ хашиша, между дервишествомъ въ большомъ употребленіи «наша» и «кукнаръ», о которыхъ мы уже имѣли случай говорить выше.

Въ вопросѣ о предопредѣленіи они держатся убѣжденія, что все происходитъ отъ Бога, и что человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать безъ Его воли, если Онъ не пожелаетъ того. Подъ вліяніемъ этого же принципа они отрицаютъ зло, видя въ проявленіи самыхъ возмутительныхъ пороковъ и страстей лишь недоступный нашему пониманію высшій промыселъ.

Духовную жизнь человѣчества дервишество раздѣляетъ на четыре стадіи. Къ первой, низшей стадіи оно относитъ всѣ вообще религіи и даже само магометанство. По ихъ понятію, всѣ религіи имѣютъ лишь временное значеніе: съ развитіемъ своихъ послѣдователей, онѣ должны уступить мѣсто второй, высшей степени духовнаго совершенства.

Переходя, затѣмъ, всѣ остальныя степени духовной жизни, человѣчество должно дойти до совершеннаго познанія истины и до полнаго сліянія съ Божествомъ.

---

[1]) Поздѣевъ, «Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ», стр. 90.

Изъ сказаннаго становится очевиднымъ, какая огромная бездна отдѣляетъ исламъ отъ дервишества, и почему свѣтское мусульманское духовенство съ такой непримиримою ненавистью относится къ послѣднему, совершенно основательно видя въ немъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага вѣроученія Магомета, овладѣвшаго зеленымъ знаменемъ пророка лишь для того, чтобы подъ его защитой проводить въ темныя народныя массы свое собственное, діаметрально-противоположное ученіе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ Востока суфійство порождало массу талантливыхъ личностей, съ сильными характерами и большими политическими способностями. Этимъ объясняется та необыкновенная послѣдовательность и осторожность, съ которой дервишество овладѣвало и продолжаетъ овладѣвать религіозной и соціальной жизнью мусульманскихъ народовъ Востока, мало-по-малу отодвигая свѣтское духовенство на степень второстепеннаго значенія. Можно съ увѣренностью сказать, что нравственное вліяніе дервишества на народныя массы уже теперь значительно выше вліянія свѣтскаго духовенства, и что значеніе послѣдняго поддерживается исключительно его правами на народное образованіе и принадлежащей ему значительной долей судебной власти. Разъ эти двѣ прерогативы отойдутъ отъ него, оно быстро обратится въ нуль, и дервишество овладѣетъ всѣми струнами религіозно-политической жизни магометанскихъ народовъ.

Большинство изслѣдователей ученія дервишества совершенно игнорируютъ вопросъ о соціальномъ и политическомъ значеніи этого сословія въ жизни мусульманскихъ народовъ Востока. Между тѣмъ, уже оставивъ въ сторонѣ исторію мусульманскихъ странъ, представляющую безчисленныя иллюстраціи стремленія дервишества руководить политической жизнью магометанскаго міра, мы укажемъ лишь на примѣры нашего времени, какъ-то: на возстаніе мюридовъ на Кавказѣ, бабидовъ въ Персіи и лже-Магди въ Суданѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести горячую агитацію, которую дервишество вело противъ Россіи, во время войны въ Средней Азіи, въ 1860—1868 годахъ.

Главныхъ дервишескихъ орденовъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ считается 36 [1]). Основатели этихъ орденовъ были почти исключительно арабы, турки и персіяне. Они всѣ считаются святыми, и ихъ могилы, съ устроенными при нихъ текіе, составляютъ какъ бы главные капитулы, отъ которыхъ распространяются развѣтвленія этихъ орденовъ по всему мусульманскому міру. Эти основныя текіе служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстопребываніемъ раисъ-уль-мешейховъ, или генераловъ дервишескихъ орденовъ, ру-

---

[1]) Поздѣевъ, стр. 59—64.

Минаретъ въ Бухарѣ.

ководящихъ и заправляющихъ дѣлами отдѣльныхъ общинъ своего ордена, возникающихъ въ разныхъ странахъ.

Основатели дервишескихъ текіе имени того или другаго изъ этихъ главныхъ святыхъ за предѣлами ихъ родины въ большинствѣ случаевъ также считаются святыми. Эти многочисленные монастыри имѣютъ въ свою очередь множество развѣтвленій, въ видѣ второстепенныхъ текіе, молитвенныхъ домовъ, мечетей и проч. Каждое изъ такихъ учрежденій служитъ мѣстопребываніемъ одного или нѣсколькихъ шейховъ.

Общимъ главнымъ центромъ для всѣхъ дервишескихъ учрежденій извѣстнаго ордена служитъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ перваго его основателя и гдѣ проживаетъ раисъ-уль-мешейхъ.

Монастыри, мечети и молитвенные дома дервишей владѣютъ значительными недвижимыми имуществами, доходы съ которыхъ идутъ на ихъ поддержаніе и отчасти на содержаніе членовъ братствъ.

Такимъ образомъ, дервишество образуетъ собой правильно-организованную, сплоченную, богатую и вліятельную касту, густой сѣтью охватывающую весь мусульманскій міръ, начиная съ отдаленнаго Туниса до береговъ Босфора и обширныхъ территорій Средней Азіи.

Основанный въ Бухарѣ Ходжа-Богаеддиномъ нищенствующій орденъ Накшъ-Бенди есть одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и могущественныхъ дервишескихъ орденовъ на всемъ земномъ шарѣ. Нищенство это является, впрочемъ, совершенно фиктивнымъ, ибо, не говоря уже о значительныхъ вакуфахъ, принадлежащихъ ордену во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, почти каждый изъ членовъ братства, пробывъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, успѣваетъ скопить себѣ болѣе или менѣе значительный капиталъ, который пускаетъ потомъ гдѣ нибудь на сторонѣ въ оборотъ, и оставляетъ своему потомству солидное наслѣдство.

Ходжа-Богаеддинъ былъ современникъ знаменитаго Тимура (1349—1388 гг.). Онъ пріобрѣлъ себѣ, еще при жизни, громкую извѣстность своей святой жизнью и чудесами, къ числу которыхъ, между прочимъ, относится приписываемая ему способность знать все, что дѣлалось въ его время на земномъ шарѣ. Мусульмане всѣхъ странъ высоко чтятъ этого святаго, и троекратное паломничество на его могилу считается равносильнымъ путешествію въ Мекку. Въ частности онъ считается патрономъ и покровителемъ Бухары, такъ, какъ, напримѣръ, св. Петръ покровителемъ Рима, а св. Сергій покровителемъ Московскаго государства.

Большинство дервишей женаты; этому похвальному обыкновенію слѣдовалъ и знаменитый мусульманскій подвижникъ, оставившій, какъ можно думать, многочисленное потомство, ибо, поселившись послѣ его смерти въ окрестностяхъ Мазара, оно съ тече-

ченіемъ времени разрослось на столько, что образовало цѣлый маленькій городокъ, названный кишлакомъ Богаеддинъ. Обитатели этого кишлака, происходящіе по мужской линіи непосредственно отъ святаго, носятъ названіе шейховъ и ходжей, освобождены отъ повинностей и пользуются большимъ уваженіемъ со стороны народа. Кишлакъ этотъ, вѣчно набитый богомольцами, цѣлыми тучами профессіональныхъ нищихъ, дервишами прочихъ орденовъ и разнымъ другимъ сбродомъ, представляетъ собой нѣчто въ родѣ независимаго городка, у воротъ котораго оканчивается сфера вліянія свѣтской власти и гдѣ духовенство является полновластнымъ распорядителемъ.

Кишлакъ Богаеддинъ по наружному виду мало отличается отъ остальныхъ мѣстечекъ этого рода въ Средней Азіи. Болѣе или менѣе обширные глиняные дома, обращенные, какъ и городскіе ихъ собратья, жилыми частями внутрь дворовъ, нѣсколько небольшихъ мечетей, съ десятокъ чай-хана и четыре заѣзжихъ дома для богомольцевъ,—все это утопаетъ въ зелени абрикосовыхъ, тутовыхъ, таловыхъ и другихъ деревьевъ. При въѣздѣ въ кишлакъ, съ правой стороны, видны какія-то огромныя развалины, съ полуразрушеннымъ куполомъ на верху, быть можетъ, мечеть, или заброшенный караванъ-сарай. Проѣхавъ по кишлаку около версты, выѣзжаемъ на небольшую площадь, лѣвая сторона которой занята высокой глинобитной стѣной, съ возвышающимися посреди ея древними каменными воротами. Отъ этихъ входныхъ воротъ начинается длинный, вымощенный дикимъ камнемъ, довольно широкій корридоръ, застроенный по сторонамъ, идущими въ рядъ, сaклями, составляющими убѣжище богаеддинскихъ нищихъ, которыхъ тутъ проживаетъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Входныя двери этихъ небольшихъ сакель, каждая въ одну комнату, обращены къ сторонѣ корридора и остаются всегда открытыми. Сквозь нихъ виднѣется убогая обстановка, производящая, вмѣстѣ съ грязью и лохмотьями обитателей этого маленькаго квартала, крайне тяжелое впечатлѣніе. Обойдти его, къ сожалѣнію, невозможно. Это единственный путь къ воротамъ Мазари-Шерифа, издавна занятый нищими, которыхъ удалить отсюда невозможно, ибо Ходжа-Богаеддинъ считается ихъ ближайшимъ покровителемъ. Они пользуются отъ монастыря даже извѣстнымъ содержаніемъ, такъ какъ имъ, кромѣ даровыхъ помѣщеній, дается и пища, ежедневно приготовляемая въ четырехъ огромныхъ котлахъ, называемая «пищей святаго». Тутъ всегда толпятся цѣлыя тучи калѣкъ и оборванцевъ всевозможныхъ возростовъ, между которыми добрую половину составляютъ здоровенные парни, которые могли бы заработывать себѣ средства къ существованію, отнюдь не прибѣгая къ нищенству. Вся эта публика при входѣ посѣтителя остается совершенно спокойной и лишь жаднымъ окомъ взвѣшиваетъ вновь прибывшаго,

въ смыслѣ возможности получить отъ него большую или меньшую цифру подаянія. Но зато при выходѣ изъ Мазара на богомольца производится правильная облава, и бѣда ему, если онъ позволитъ нищимъ окружить себя. Они буквально ограбятъ его до послѣдней нитки, причемъ набожному поклоннику святаго Богаеддина грозитъ опасность быть избитымъ до полусмерти голодными и алчными тунеядцами.

Эта улица нищихъ приводитъ посѣтителя ко вторымъ воротамъ меньшаго размѣра, чѣмъ первыя, скрывающимъ за собой обширное кладбище, непосредственно примыкающее къ оградѣ монастыря и представляющее собой ряды четырехугольныхъ возвышенныхъ могилъ, раздѣленныхъ между собой правильными коридорами. Тутъ покоятся эмиры двухъ династій: Шейбанидовъ и Аштарханидовъ, потомки Богаеддина и множество историческихъ личностей, полководцевъ, министровъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей разныхъ эпохъ существованія священной Бухары. Первый слой кладбища, уже вскорѣ послѣ смерти Богаеддина, былъ занятъ рядами благочестивыхъ поклонниковъ святаго, пожелавшихъ сдѣлать его мѣстомъ своего вѣчнаго упокоенія. Для того, чтобы имѣть возможность хоронить тутъ новыя поколѣнія, пришлось дѣлать надъ старыми могилами искусственныя насыпи. Чтобы послѣднія не осыпались, выводился обыкновенно каменный четырехугольникъ, болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ, внутри котораго, въ каменномъ склепѣ, клали тѣло покойника. Сверху все засыпалось землей, плотно утрамбовывалось и воздвигался памятникъ. Надъ этими могилами устроивались новыя насыпи, причемъ только прежніе памятники переносились выше и ставились на точкахъ, образующихъ перпендикуляръ къ похороненнымъ подъ ними лицамъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени образовалось кладбище въ нѣсколько ярусовъ, заключающее между своими каменными стѣнами цѣлыя поколѣнія обитателей священной Бухары и потомковъ Ходжа-Богаеддина.

Это историческое кладбище производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на посѣтителя. Оно кажется какимъ-то городомъ мертвыхъ, скрывающимъ въ своихъ мрачныхъ стѣнахъ нѣчто таинственное, еще не совсѣмъ угасшее, но продолжающее жить въ нѣдрахъ огромныхъ каменныхъ усыпальницъ, увѣнчанныхъ оригинальными мавзолеями, съ ихъ загадочными куфическими надписями, несомнѣнно гласящими о громкихъ побѣдахъ, неувядаемыхъ подвигахъ и былой славѣ цѣлыхъ тысячъ людей, нашедшихъ здѣсь конецъ своимъ земнымъ странствованіямъ и разнообразнымъ приключеніямъ.

Все мертво и пустынно кругомъ: ни одной травки, ни одного листка, оживляющаго этотъ огромный каменный склепъ, ни одной птички, нарушающей его могильную тишину своимъ пѣніемъ.

Гулко отдаются шаги въ пустынныхъ, каменныхъ корридорахъ кладбища, и лишь изрѣдка встрѣчаешь здѣсь какого нибудь бродягу-эксплоататара, который, желая сорвать нѣсколько лишнихъ теньгъ, навязываетъ вамъ свои услуги чичероне, безпощадно перевирая имена и года историческихъ лицъ, похороненныхъ подъ сводами безчисленныхъ мавзолеевъ и памятниковъ.

Странствующій фокусникъ.

Издали, въ концѣ главнаго корридора, виднѣются огромныя, украшенныя эмалированными изразцами, входныя ворота Мазара, съ обычной стрѣльчатой нишей, надъ которыми виднѣются красиво сложенные огромные рога мараловъ, туровъ, оленей и другихъ рогоносцевъ.

Рога въ Средней Азіи, въ противоположность нашимъ европейскимъ понятіямъ, считаются эмблемой силы и славы. Эмблема

эта, очевидно, была привита среднеазіатцамъ греками, ибо мы знаемъ, что Александръ Македонскій пользовался ей въ качествѣ сына Юпитера-Аммона. Поэтому-то въ Средней Азіи онъ и извѣстенъ подъ именемъ Искандера-Зюлькарнайна, то-есть двурогаго. Сассаниды и нѣкоторыя другія династіи употребляли рога, какъ украшеніе своихъ коронъ и шлемовъ, слѣды чего мы видимъ на монетахъ той эпохи. Съ теченіемъ времени вошло въ обычай украшать рогами могилы святыхъ, богатырей и другихъ замѣчательныхъ личностей, особенно чтимыхъ мусульманскимъ міромъ.

Входъ во внутренность Мазара осѣненъ нѣсколькими столѣтними развѣсистыми карагачами, за которыми виднѣются великолѣпныя рѣзныя двери старой работы съ бронзовой оковкой, представляющія дивно выполненный художественный рисунокъ въ азіатскомъ вкусѣ. Къ сожалѣнію, усердіе правовѣрныхъ испортило этотъ антикъ, выкрасивъ его въ разноцвѣтную краску. Но, конечно, обожающему пестроту среднеазіатцу, онѣ представляются въ такомъ видѣ несравненно изящнѣе. Пройдя эти двери, вы попадаете во внутренній дворъ Мазари-Шерифа, производящій также очень сильное впечатлѣніе.

Дворъ этотъ представляетъ обсаженный деревьями и хорошо вымощенный правильный каменный четырехугольникъ, правая южная сторона котораго занята мавзолеемъ святаго и мечетью Хакима-кушъ-беги, лѣвая, то-есть восточная, мечетью Абдулъ-Азиса, а западная, въ которой собственно и находятся входныя ворота, образуетъ длинную, во всю ширину двора, крытую момолитвенную террасу, устланную дорогими коврами и украшенную прекрасной альфресковой живописью и рѣзными украшеніями въ видѣ колоннъ, пилястровъ, арокъ и т. п. Къ потолку террасы привѣшены нѣсколько бронзовыхъ серебряныхъ и хрустальныхъ люстръ, старинной работы, которыя зажигаются во время богослуженія.

Къ сожалѣнію, грубый вкусъ современнаго бухарца не пощадилъ и этой замѣчательной по своему изяществу и оригинальности части Мазари-Шерифа, такъ какъ на покрытыхъ альфресковой живописью стѣнахъ террасы мѣстами видны прибитыя къ нимъ простыя деревянныя рамки съ гравюрами грубой работы, изображающими виды Мекки, Медины и другихъ священныхъ мѣстъ мусульманства.

Съ восточной стороны дворъ ограниченъ высокой каменной стѣной, за которой начинаются принадлежащіе монастырю обширные сады, поля и другія угодья.

Мавзолей Ходжа-Богаеддина находится прямо противъ входныхъ воротъ Мазара, въ юго-восточномъ углу двора. Онъ представляетъ собой массивный бѣлый мраморный четырехугольникъ, въ три аршина высоты и около двухъ квадратныхъ саженъ у

основанія. Головная часть гробницы испещрена арабскими надписями, изящно вырѣзанными по бѣлому мрамору. Три остальныя стороны памятника гладко отшлифованы, и въ нихъ, на высотѣ половины роста человѣка, вдѣланы небольшіе черные камни, привезенные изъ Мекки, называемые бухарцами санги-мурадъ. Къ этимъ камнямъ послѣ молитвы правовѣрные съ благоговѣніемъ прикладываются, глубоко вѣря въ ихъ чудодѣйственную силу. Могилу святаго осѣняютъ нѣсколько огромныхъ бунчуковъ, съ подвѣшанными подъ нихъ металлическими шарами, издающими при колебаніи отъ вѣтра тихій, меланхолическій звукъ, напоминающій звукъ мелодіума.

Между изголовьемъ гробницы и входными воротами, подъ большимъ пестрымъ наметомъ, устроено вызвышеніе, покрытое дорогими коврами, на которыхъ обыкновеннно возсѣдаютъ всѣ старшіе представители потомства Богаеддина, имѣющіе званіе шейховъ. Такихъ лицъ считается теперь въ кишлакѣ около сорока. Семь изъ нихъ, по очереди, ежедневно дежурятъ при могилѣ святаго отъ восхода до заката солнца. Они же являются какъ бы арендаторами могилы святаго, собирая въ свою пользу всѣ пожертвованія, дѣлаемыя посѣтителями, и выплачивая лишь жителямъ кишлака ежегодно около 12.000 тенегъ (2.400 р.), которыя эти послѣдніе дѣлятъ между собой. Такому же раздѣлу подвергаются доходы съ вакуфнаго имущества. Кассы, принадлежащей собственно монастырю, какъ учрежденію, совсѣмъ не существуетъ. Огромные доходы, образующіеся отъ пожертвованій богомольцевъ и отъ вакуфнаго имущества, почти всецѣло поступаютъ въ руки шейховъ и обитателей кишлака и расходуются ими на свои личныя надобности, вызываемыя ихъ частной жизнью, обставленной, въ большинствѣ случаевъ, богато и со всевозможными азіатскими удобствами.

Вообще внутренняя организація дервишескихъ монастырей и ихъ соціальное значеніе на столько же далеки отъ нашего, европейскаго, представленія о монашествѣ, на сколько и религія Христа разнится отъ религіи Магомета. Тутъ все основано на совершенно другихъ началахъ, подчасъ до того дикихъ и неестественныхъ, что не знаешь, чему болѣе дивиться: невѣроятному ли эгоизму и лицемѣрію представителей духовной власти, или легкомыслію толпы, позволяющей такъ нагло и безцеремонно эксплоатировать себя, благоговѣющей передъ людьми, отнимающими у нея иногда послѣдній грошъ для того, чтобы употребить его на свои прихоти и предметы роскоши.

Семь дежурныхъ шейховъ засѣдаютъ обыкновенно въ рядъ на описанномъ нами возвышеніи, оставляя свои мѣста лишь на время молитвы и обѣда. Передъ каждымъ изъ нихъ возвышается горка золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, составляющихъ

приношенія богомольцевъ, которыя потомъ поступаютъ въ общую дѣлежку. Непосредственно за главной гробницей виднѣются гробницы семи учениковъ Ходжа-Богаеддина, въ видѣ двускатныхъ, слегка округленныхъ саркофаговъ, сдѣланныхъ изъ алебастра.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гробницы Богаеддина находится священный ключъ, дающій прекрасную, необыкновенно чистую и вкусную воду; нѣсколько далѣе, внутри двора, обложенный мраморными плитами небольшой хаузъ, а еще далѣе—изящный каменный кіоскъ, внутри котораго также помѣщается водоемъ. Шейхи разрѣшаютъ посѣтителямъ брать оттуда воду за особое приношеніе.

Мечети Хакима-кушъ-беги и Абдулъ-Азиза не представляютъ собой ничего особенно выдающагося въ ряду другихъ зданій этого рода въ Средней Азіи, о которыхъ мы въ предыдущей главѣ говорили. Послѣдняя замѣчательна только по своей внутренней стѣнной живописи, сдѣланной мертвыми цвѣтами.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ двора виднѣются разсаженные тамъ и сямъ развѣсистые столѣтніе карагачи, дающіе тѣнь и прохладу всему этому мѣстечку, имѣющему своеобразный и оригинальный видъ и производящему чрезвычайно сильное впечатлѣніе, еще болѣе увеличиваемое тѣмъ глубокимъ благоговѣніемъ, которое написано на лицахъ многочисленныхъ богомольцевъ всѣхъ типовъ Средней Азіи.

Въ юго-западномъ углу двора помѣщаются небольшія ворота, ведущія во второй дворъ Мазара, занятый главнымъ фасадомъ мечети и медрессе Абдулъ-Азиза, небольшимъ медрессе эмира Мозафаръ-Эддина и другими второстепенными зданіями. Отсюда есть нѣсколько выходовъ на кладбище и прилегающій къ нему огромный садъ, знаменитый своими розами.

Оба двора и садъ содержатся чисто и въ большомъ порядкѣ, такъ же, какъ и зданія, составляющія Мазаръ. На нихъ еще незамѣтно той печати разрушенія, которая такъ рѣзко бросается въ глаза при взглядѣ на любую старинную постройку въ Средней Азіи. Но нельзя сказать того же про Богаеддинское кладбище. Въ общемъ оно содержится крайне небрежно. Узкіе корридоры между гробницами мѣстами совершенно засыпаны землей, такъ что по нимъ даже пробраться трудно; ступени, ведущія на верхъ, обвалились точно такъ же, какъ и многіе замѣчательные по своей работѣ и историческому значенію надгробные памятники. Къ числу такихъ памятниковъ принадлежитъ и гробница знаменитаго Абдуллахъ-хана, представляющая собой правильный кубъ, увѣнчанный сверху великолѣпной мраморной балюстрадой, мѣстами уже сильно пострадавшей, со сдвинутымъ съ своего основанія надгробнымъ камнемъ. Глядя на эту забытую, полуразрушенную могилу одного изъ величайшихъ представителей луч-

шихъ минутъ процвѣтанія ислама въ Средней Азіи, невольно вспоминаешь знаменитое латинское изреченіе: «sic transit gloria mundi». Дѣйствительно, очевидно, не далеко то время, когда не только могила, но и самое имя величаваго и просвѣщеннаго «отца и благодѣтеля бухарскаго народа» изгладится изъ па-

Бухарскій чиновникъ.

мяти измельчавшаго, переродившагося, погрязшаго въ мелкомъ торгашествѣ современнаго бухарскаго люда.

Къ могилѣ Ходжа-Богаеддина ежегодно стекаются сотни тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концевъ Средней Азіи. Для жителей священной Бухары это маленькое паломничество составляетъ душеспасительную прогулку. Движеніе между городомъ и кишла-

комъ на столько значительно, что у Мазарскихъ воротъ содержится постоянно болѣе ста ословъ и нѣсколько десятковъ извозчичьихъ арбъ, которыми, не имѣющіе собственныхъ перевозочныхъ средствъ, бухарцы пользуются для того, чтобы съѣздить въ Богаеддинъ и обратно. Кромѣ того, по дорогѣ къ этому мѣстечку и на пути отъ него можно всегда встрѣтить множество пѣшеходовъ и конныхъ мусульманъ, ѣдущихъ на богомолье и возвращающихся съ него.

Эмиры бухарскіе ежегодно разъ совершаютъ туда торжественное паломничество. Кромѣ того, при переѣздахъ изъ Бухары въ Карши и обратно они обязательно заѣзжаютъ на могилу святаго. Эти посѣщенія приносятъ всегда монастырю значительныя пожертвованія.

На половинѣ пути между кишлакомъ Богаеддинъ и Мазарскими воротами находится одна изъ немногихъ современныхъ достопримѣчательностей священной Бухары — загородный Ширъ-Бadанскій дворецъ эмира. Дворецъ этотъ, окруженный со всѣхъ сторонъ огромными садами, былъ построенъ въ его настоящемъ видѣ еще покойнымъ Мозафаромъ-Эддиномъ; Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ прибавилъ къ нему лишь большую увеселительную залу и нѣсколько жилыхъ комнатъ.

Путешественникъ, которому представится возможность осмотрѣть Ширъ-Баданъ, будетъ очень разочарованъ, если отправится туда съ расчетомъ увидѣть все то, что составляетъ великолѣпіе и прелесть нашихъ европейскихъ дворцовъ, то-есть античную архитектуру, роскошное убранство, мраморъ, позолоту, картины и т. д. Ничего этого и въ поминѣ нѣтъ въ Ширъ-Баданскомъ замкѣ, представляющемъ собой обширный четырехугольникъ, обнесенный высокой глинобитной стѣной, съ разсаженными внутри его прекрасными садами и большимъ зданіемъ европейско-азіатскаго стиля по рединѣ. Зданіе это является образцомъ новѣйшаго вкуса бухарскаго народа. Все въ немъ шаблонно, безвкусно, пестро. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, послѣ утомительныхъ разъѣздовъ по пыльнымъ и душнымъ улицамъ, послѣ осмотра всѣхъ этихъ старинныхъ развалинъ,—осмотра, требующаго напряженнаго вниманія и оставляющаго впечатлѣніе смерти и разрушенія, Ширъ-Баданскій замокъ, съ его новенькими зданіями, множествомъ зелени, цвѣтовъ, съ тщательно-содержимыми двориками и небольшими прудами, представляется чуть-чуть не земнымъ раемъ. Здѣсь все дышетъ жизнью, довольно меркантильной и лишенной поэзіи, но все же жизнью, которую такъ хочется увидать послѣ того мрачнаго полуразрушеннаго склепа, какимъ представляется вся эта старая Бухара, съ ея безчисленными развалинами, мрачными стѣнами, душнымъ, спертымъ воздухомъ.

Съ улицы въ замокъ ведутъ большія каменныя ворота, въ видѣ арки, выкрашенныя въ разноцвѣтную краску. Пройдя ихъ,

попадаешь въ обширный первый дворъ, съ водоемомъ по срединѣ и крытыми навѣсами по сторонамъ, для помѣщенія лошадей пріѣзжихъ посѣтителей. Второй дворъ представляетъ обширный четыреугольникъ, усыпанный пескомъ, въ концѣ котораго видѣнъ лицевой фасадъ большаго одноэтажнаго дворца, съ нѣсколькими подъѣздами, балконами, колонками, арками и другими неизбѣжными азіатскими украшеніями. Стѣны дворца выбѣлены, а выдающіяся части весьма недурно раскрашены разноцвѣтной масляной краской. Боковыя стороны двора заняты дворцовыми постройками такого же типа, какъ и главное зданіе. Въ общемъ, эта наружная сторона замка очень напоминаетъ Бахчисарайскій дворецъ въ Крыму.

Внутреннее помѣщеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ обширныхъ комнатъ одного общаго типа. Главное богатство этихъ покоевъ составляютъ великолѣпные, скульптурной работы, потолки, съ неподражаемымъ искусствомъ окрашенные сверху водяными красками, среди которыхъ мѣстами сверкаетъ позолота. Полы сплошь устланы дорогими бухарскими, хивинскими, туркменскими и текинскими коврами, между которыми, мѣстами, видны замѣчательные по своей величинѣ и работѣ экземпляры. Стѣны лишь въ нѣкоторыхъ комнатахъ украшены альфресковой живописью. Съ потолковъ почти всѣхъ комнатъ спускаются бронзовыя и хрустальныя люстры, наполненныя разноцвѣтными свѣчами; кое-гдѣ на стѣнахъ видны бра. Мягкой мебели во дворцѣ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ тахтъ и двухъ-трехъ большихъ креселъ, вѣроятно, служащихъ сѣдалищемъ эмиру, когда онъ въ этихъ комнатахъ принимаетъ кого либо. Зато въ вѣнской мебели нѣтъ недостатка. Ею убрана чуть не половина дворцовыхъ комнатъ.

Весь дворецъ снабженъ стеклянными рамами и печами. Прекрасныя рѣзныя двери имѣются также почти во всякой комнатѣ.

Вдоль лицеваго фасада, выходящаго на дворъ, расположены пріемные покои, между которыми находятся зеркальная и тронная зала, обширная, высокая комната, общаго типа съ описанными нами; въ глубинѣ ея, противъ входной двери, устроено нѣчто въ родѣ балдахина, подъ которымъ помѣщается тронъ Сеидъ-Абдулъ-Ахата. Эта зала снабжена боковымъ входомъ во внутренніе покои.

За этими оффиціальными комнатами идутъ внутренніе покои; между ними нѣкоторую оригинальность представляютъ: огромная увеселительная зала, съ двумя круглыми арками, открывающими видъ въ боковыя ея части. Зала эта снабжена хорами, откуда любуются представленіемъ жены его высокостепенства. Стѣны и потолокъ этой комнаты сплошь покрыты живописью, скульптурой, и обтянуты цвѣтнымъ кретономъ. Глядя на послѣдній, невольно

мелькаетъ мысль, что ему, вѣроятно, предстоитъ вытѣснить изъ Средней Азіи послѣдній обрывокъ древняго искусства—скульптурную работу и альфресковую стѣнную живопись. Шаблонный узоръ кретона рѣзко выдѣляется своей аляповатой пестротой среди нѣжнаго и изящнаго рисунка стѣнной живописи. Окна этой залы выходятъ въ прохладный, тѣнистый садъ, и вся она представляется чрезвычайно уютной и веселой, не смотря на свою обширность.

Далѣе, среди ряда комнатъ, обращаетъ на себя вниманіе угловая фонтанная комната, съ круглымъ бассейномъ по срединѣ, изъ котораго бьетъ прозрачная и всегда холодная вода. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея помѣщается чайная. Усердіе устроителя этой комнаты сдѣлать ее именно «чайной» дошло до того, что онъ позаботился росписать даже стѣны чайниками и чашками, которые во множествѣ видны на стѣнахъ среди фруктовъ, цвѣтовъ и другихъ украшеній.

Эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ образцовый хозяинъ и большой любитель садоводства, благодаря чему замокъ содержится въ отличномъ порядкѣ, а окружающій дворецъ обширный паркъ переполненъ рѣдкими растеніями и цвѣтами.

Черезъ дорогу, противъ дворца, помѣщается постоянный лагерь батальона сарбазовъ, подъ начальствомъ Датха-Халъ-Мурадъ-бека. Во время пребыванія эмира во дворцѣ лагерь этотъ увеличивается еще частями кавалеріи и нукерами.

Объѣхавъ Ширъ-Баданскій замокъ съ юго-западной стороны, вы выѣзжаете на прямую, шоссированную дорогу, которая направляется къ желѣзно-дорожной станціи Бухара, отстоящей отъ города на разстояніи восьми верстъ. Дорога эта идетъ все время голой степью, не представляющей собой ни малѣйшаго интереса [1]). Въ двухъ-трехъ верстахъ, не доѣзжая станціи съ лѣвой стороны, виднѣется возвышенное земляное укрѣпленіе, съ нѣсколькими орудіями на валахъ и толпящимися у воротъ сарбазами, въ мѣховыхъ шапкахъ, бѣлыхъ гимнастическихъ рубахахъ и красныхъ чамбарахъ, нашего русскаго покроя. Въ толпѣ сарбазовъ, между взрослыми бородатыми людьми, есть еще совсѣмъ дѣти 13—15 лѣтъ. Въ Бухарѣ не существуетъ воинской повинности, и вся армія эмира состоитъ изъ наемныхъ солдатъ. Разумѣется, бухарцевъ, добровольно

---

[1]) Окружающая Бухару огромная равнина буквально выжжена солнцемъ. Лишь кое-гдѣ на этомъ пепельно-буромъ фонѣ пустыни виднѣются темно-зеленыя ленты растительности, ютящейся по берегамъ арыковъ, напоминая о жизни, да живымъ ключемъ бьетъ она на шоссированномъ полотнѣ дороги, отдѣляющей городъ отъ желѣзно-дорожной станціи. Тутъ постоянно вы можете видѣть цѣлыя вереницы верблюдовъ, арбъ, пѣшую и конную толпу, всевозможныхъ типовъ Средней Азіи, уѣзжающую изъ города или спѣшащую въ него. По сторонамъ дороги, кое-гдѣ виднѣются раскинутыя въ степи пестрыя палатки и юрты томоженныхъ чиновниковъ или подгородныхъ кочевниковъ.

желающихъ поступить въ военную службу, является очень немного, и для того, чтобы пополнить ряды, эмиръ разрѣшаетъ принимать на службу мальчиковъ, часто совершенно не сложившихся и неспособныхъ вынести всѣ тягости военной службы.

Уморительно бываетъ видѣть, какъ эти дѣти, вооруженныя большими ружьями со штыками и одѣтые въ мундиры съ чужаго плеча, маршируютъ во фронтѣ, наряду съ остальными солдатами. Но уже такова священная Бухара: тутъ все оригинально и своеобразно и все представляетъ смѣсь европейскаго съ азіатскимъ.

Обмундированіе и вооруженіе пѣхоты, по русскому образцу, было введено въ бухарской арміи еще эмиромъ Мозафаръ-Эддиномъ. Оно состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ частей, что и у насъ, съ той лишь разницей, что на головѣ, вмѣсто фуражки, носится мѣховая шапка. Но такъ какъ въ Бухарѣ нѣтъ казенныхъ швалenъ, то бухарцы покупаютъ мундиры для своихъ солдатъ на базарахъ нашихъ туркестанскихъ городовъ. Однообразіемъ они не стѣсняются, и во фронтѣ любой бухарской роты можно видѣть солдатъ, одѣтыхъ въ мундиры всѣхъ родовъ оружія нашего туркестанскаго воинства, начиная съ стрѣлковыхъ и линейныхъ частей, до саперныхъ и казачьихъ. То же самое смѣшеніе формъ представляетъ и обмундированіе офицеровъ, на которыхъ виднѣются погоны и эполеты всѣхъ существующихъ у насъ родовъ оружія.

Вооруженіе и амуниція также лишена единообразія. Казнозарядныхъ ружей въ бухарской пѣхотѣ всего 2.000. Остальное огнестрѣльное оружіе состоитъ изъ заряжающихся съ дула и даже фитильныхъ ружей.

Все это образуетъ крайне пеструю и довольно комичную картину бухарскаго военнаго фронта, впрочемъ, довольно хорошо выправленнаго и обученнаго плацъ-парадной службѣ.

Желѣзно-дорожная станція Бухара представляетъ собой небольшой, но чистенькій каменный домъ, окруженный съ трехъ сторонъ службами и зданіями, между которыми помѣщается и бухарская таможня. Тутъ всегда толпится самый разнообразный и смѣшанный людъ, лишающій это мѣсто того казенно-оффиціальнаго типа, которымъ отличаются всѣ вообще станціи нашихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Вотъ, проходя по платформѣ, вы видите группу загорѣлыхъ до черноты узбековъ, судя по ихъ костюмамъ и цѣлымъ ворохамъ лежащихъ около нихъ дорожныхъ азіатскихъ принадлежностей, прибывшихъ сюда издалека, быть можетъ, съ тѣмъ, чтобы предпринять еще болѣе далекій путь въ священную землю Магомета. Они усѣлись въ кружокъ и, оживленно толкуя о чемъ-то, съ апетитомъ поѣдаютъ сочныя бухарскія дыни, разрѣзывая ихъ на кусочки своими кривыми, пристегивающимися у пояса ножами. О бокъ съ ними размѣстилось нѣсколько человѣкъ нашихъ солдати-

ковъ, уволенныхъ въ запасъ арміи, съ большими котомками за плечами, нетерпѣливо ожидающихъ поѣзда, который унесетъ ихъ изъ этихъ опостылыхъ имъ мѣстъ въ родныя деревни и прохладные, привольные лѣса какой нибудь Пермской или Уфимской губерніи. Вотъ около пріѣхавшаго изъ русскаго поселка приказчика или коммиссіонера суетятся два туземца-носильщика, всѣми силами стараясь овладѣть его дорожнымъ сундукомъ, который, между тѣмъ, оборванный персіянинъ-амбанъ уже взвалилъ на свои могучія плечи, съ цѣлью нести его въ багажную контору. Но ловкіе сарты успѣваютъ убѣдить владѣльца сундука довѣрить его имъ и, не теряя времени, овладѣваютъ добычей, отнимая ее у перса, который съ грустью удаляется, разочарованный въ своихъ надеждахъ заработать бакшишъ.

Нѣсколько человѣкъ мервскихъ туркменъ, въ верблюжьихъ халатахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, прогуливаются по платформѣ, зѣвая по сторонамъ въ ожиданіи поѣзда. Ихъ подвижная натура, просвѣчивающая въ рѣзкихъ движеніяхъ, быстрыхъ, смышленыхъ взглядахъ и живыхъ рѣчахъ, составляетъ разительный контрастъ съ сонливой неподвижностью остальныхъ типовъ мусульманъ Средней Азіи, видныхъ тамъ и сямъ на возвышеніи платформы и прилегающихъ къ ней площадкахъ. Но вотъ они останавливаются на краю платформы и съ напряженнымъ любопытствомъ начинаютъ всматриваться въ приближающуюся къ вокзалу группу конныхъ бухарцевъ, провожающихъ какого-то почтеннаго старика въ огромной бѣлой чалмѣ и богатомъ халатѣ, быть можетъ, бека одного изъ попутныхъ округовъ, который, сойдя съ лошади, важно проходитъ въ станціонный залъ, сопровождаемый своей пестрой свитой. Туркменовъ, однако же, очевидно, не удивилъ ни надутый видъ этого господина, ни шуршащіе новые халаты его провожатыхъ. Все ихъ вниманіе направлено на лошадей вновь прибывшихъ, которыхъ бухарскіе джигиты проводятъ, между тѣмъ, въ станціонномъ дворѣ. Стоя на краю платформы, сыны пустыни съ живѣйшимъ любопытствомъ разсматриваютъ красивыхъ карабаировъ, очевидно, оцѣнивая ихъ качества и обмѣниваясь по этому поводу живыми замѣчаніями. На противоположномъ концѣ платформы сгруппировалась какая-то смѣшанная толпа туземцевъ, разсматривающая стоящій на запасномъ пути раззолоченный вагонъ эмира, тыкая въ него пальцами и, очевидно, споря, настоящее ли это «тилля», или только позолота.

Между всей этой пестрой, полудикой толпой тамъ и сямъ видны мундиры и фуражки желѣзно-дорожнаго начальства, блузы рабочихъ, смазчиковъ, кочегаровъ, какъ и на любой изъ желѣзно-дорожныхъ станцій внутренней Россіи. Большинство изъ нихъ отлично говорятъ потаджикски и чувствуютъ себя среди всего этого иноплеменнаго люда совершенно какъ дома. Глядя на нихъ, невольно

удивляешься способности русскаго человѣка повсюду ужиться, со всякимъ установить добродушно-дружественныя отношенія, лишенныя и тѣни гордости или чванства, столь присущихъ повсемѣстно народамъ-побѣдителямъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полотна Закаспійской дороги начинается русскій поселокъ «Бухара», вмѣщающій въ себѣ до тысячи человѣкъ жителей, состоящихъ изъ русскихъ купцовъ, приказчиковъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ и другихъ подобныхъ лицъ. Поселокъ этотъ образуетъ нѣчто въ родѣ маленькаго городка, въ которомъ есть уже все, составляющее предметъ первой необходимости для жизни, какъ-то: православная церковь, магазины, лавки, гостинница и даже клубъ. Все это, разумѣется, имѣетъ совершенно первобытный характеръ, но какъ бы то ни было обезпечиваетъ жизнь въ ея первыхъ потребностяхъ. Быстрое развитіе нашихъ торговыхъ сношеній съ Бухарой сулитъ этому мѣстечку блестящее будущее.

Эта небольшая русская колонія имѣетъ своимъ начальникомъ русскаго чиновника, молодаго, но дѣятельнаго и распорядительнаго, г. Черкеса.

Тутъ же находится новое зданіе русскаго политическаго агентства, построенное Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханомъ для нашей агентуры. Обширное зданіе это прекрасно меблировано и снабжено всѣми удобствами европейскаго комфорта.

Заканчивая нашъ небольшой очеркъ, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что онъ, при всей его бѣглости и неполнотѣ, дастъ читателямъ понятіе о томъ, какимъ образомъ подъ вліяніемъ кроваваго деспотизма, суевѣрія и удушающаго дѣйствія ислама нѣкогда считавшаяся колыбелью человѣчества великолѣпная Трансоксанія обратилась въ тотъ жалкій обломокъ, который представляетъ собой современное Бухарское ханство.

П. Шубинскій.

КУЗЬМА, ПРОРОКЪ МОРДВЫ—ТЕРЮХАНЪ[1].

I.

Въ книжкѣ А. С. Гацискаго «Люди Нижегородскаго Поволжья», въ спискѣ замѣчательныхъ людей Нижегородскаго Поволжья упоминается мордвинъ «Кузька-богъ». Этому дѣйствительно замѣчательному мордвину посчастливилось въ нашей литературѣ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1866 годъ, въ 16—19 книгахъ, помѣщенъ довольно обширный разсказъ подъ названіемъ «Кузька, мордовскій богъ». Авторъ, вѣроятно, заимствовалъ фабулу разсказа изъ сохранившихся въ народѣ легендарныхъ преданій о Кузьмѣ, дѣйствительно жившемъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій въ деревнѣ Большомъ Сескинѣ (Чертовка тожъ), Терюшевской волости, Нижегородскаго уѣзда. Впрочемъ, Кузька-богъ изъ разсказа г. К. почти ничего общаго не имѣетъ съ дѣйствительнымъ Кузьмой Алексѣевымъ, съ которымъ мы хотимъ познакомить читателей по подлинному дѣлу о немъ, производившемуся въ 1809—1810 годахъ. Авторъ разсказываетъ, что въ началѣ XIX столѣтія въ мордовской деревнѣ Макрашѣ проявился необыкновенный мордовскій знахарь и искусникъ Кузьма, которому было тогда лѣтъ 40 отъ роду. Наружность Кузьмы описывается такъ. Это былъ человѣкъ довольно

[1]) Составлено на основаніи подлинныхъ документовъ.

высокій ростомъ, черноватый, съ густой, окладистой, широкой бородой; его чрезвычайно рябое и некрасивое лице было сурово, осанка важная, глаза маленькіе, лукавые, умные, взглядъ тяжелый; онъ никогда не шутилъ и постоянно былъ серьезенъ; во всей его физіономіи проглядывало что-то страшное и зловѣщее. Кузьма еще въ молодости пользовался общимъ уваженіемъ своихъ односельцевъ, какъ человѣкъ умный и единственный грамотникъ среди окрестной мордвы. Женившись на дочери богатаго мордвина, онъ сталъ торговать и въ короткое время достигъ значительнаго благосостоянія, но въ одной изъ любовныхъ исторій, до которыхъ, по разсказу автора, Кузьма былъ будто бы большой охотникъ, онъ потерялъ значительную сумму денегъ. Вслѣдъ за этимъ мордвинъ круто перемѣнилъ свой образъ жизни. Будучи съ 10 лѣтъ на воспитаніи у одного раскольника, Кузьма,—говоритъ авторъ,—втеченіе четырехъ лѣтъ въ совершенствѣ перенялъ у него искусство лицемѣрить, морочить людей и пользоваться вѣрою для своекорыстныхъ цѣлей. И вотъ черезъ 25 лѣтъ онъ вспомнилъ своего учителя и задумалъ примѣнить къ дѣлу опытъ своей юности. Кузьма притворяется больнымъ; въ болѣзни къ нему являются Христосъ и ангелы и призываютъ оставить торговлю, деньги роздать нищимъ, а самому идти на уединенную молитву. Хитрый мордвинъ нѣкоторое время скрывается, изучаетъ различные фокусы, которыми поражаютъ народъ балаганные артисты, а также искусство лѣчить, и запасается для этой цѣли разными лѣкарствами. Затѣмъ онъ вновь появляется въ своей деревнѣ уже въ монашескомъ платьѣ, съ личиной человѣка, отрекшагося отъ суеты мірской и преданнаго подвижничеству. Кузьма повелъ жизнь замкнутую, благочестивую. Народъ сталъ считать его за святаго, прозорливца, пророка и стекался къ нему со всякими душевными и тѣлесными скорбями. Кузьма всѣмъ помогалъ—кому совѣтомъ, кому лѣкарствами, и въ то же время подрывалъ въ мордвѣ вѣру въ православное духовенство, въ чемъ скоро и безъ труда успѣлъ. Слава его быстро росла. Наконецъ, въ одинъ праздничный весенній день старики деревни Макрашей и ближайшихъ къ ней мордовскихъ селеній собрались по совѣту Кузьмы для совѣщанія по дѣламъ вѣры въ условленное мѣсто въ ближнемъ лѣсу. Здѣсь святой человѣкъ различными ухищреніями привелъ стариковъ къ убѣжденію, что имъ нужно избрать бога.

— Христосикъ живетъ на небѣ,—говорилъ Кузьма:—онъ насъ не видитъ и не слышитъ; видно, онъ одинъ не управится со всѣми. У тамошнихъ святыхъ много своего дѣла, а попы насъ только обманываютъ. Намъ надо еще бога изъ нашихъ, чтобы онъ помогалъ Христосику... Кого же? Выбирайте, православные!

Послѣ минутнаго перешептыванія и говора, старики чинно побрели вслѣдъ Кузи-богова.

— Некого выбирать, опричь тебя, Кузя-боговъ, — произнесли предъ нимъ передніе старики.—Будь ты у насъ земнымъ богомъ, помогай тамошнимъ святымъ (они указали на небо), да жалѣй насъ мордвовъ, людей боговыхъ. Всѣ мы съ семьями и животами нашими повинны тебѣ, кормилецъ нашъ Кузя-боговъ.

И Кузя-боговъ сталъ Кузей-богомъ.

Далѣе идетъ разсказъ совершенно уже сказочнаго характера, рисующій Кузьму такимъ же хитрымъ обманщикомъ, эксплуатирующимъ глупый, довѣрчивый народъ, человѣкомъ крайне развратнымъ, губящимъ нѣсколько молодыхъ жизней, звѣрскимъ убійцей и, наконецъ, судьей надъ нимъ, съ пытками, наказаніемъ плетьми и ссылкою его въ каторгу.

Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе разсказа г. К. о Кузькѣ-богѣ. Мы привели его лишь потому, что, какъ мы имѣли случай убѣдиться, онъ проникъ въ мѣстную крестьянскую среду, и теперь, если вы станете искать устныхъ преданій на мѣстѣ дѣйствія Кузьмы, мордовскаго пророка, то отъ русскихъ сосѣдей мордвы услышите о книжкѣ, «въ которой все это написано», и вамъ передадутъ всѣ невѣроятные и несоотвѣтствующіе истинѣ эпизоды изъ разсказа «Кузька-богъ». Это одинъ изъ случаевъ, когда письменность, вслѣдствіе нѣкотораго культурнаго предразсудка, не закрѣпила, не сохранила преданія, а только исказила его и опошлила.

II.

Перейдемъ, однако, къ дѣйствительному Кузьмѣ Алексѣеву и его кратковременной дѣятельности въ средѣ мордвы-терюханъ. Но для уясненія причинной связи передаваемыхъ ниже событій съ историческимъ прошлымъ мордвы здѣсь не лишнимъ будетъ предварительно привести о ней нѣкоторыя историческія свѣдѣнія.

Незначительное племя терюханъ обитаетъ исключительно въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Теперь терюхане почти совсѣмъ обрусѣли и по наружному виду и говору не отличаются отъ сосѣднихъ великорусскихъ крестьянъ. Со времени покоренія Иваномъ Грознымъ Казани для мордвы наступило тяжелое время. Управляясь ранѣе своими князьками, она пользовалась болѣе или менѣе значительною самостоятельностью, и только та часть мордвы, которая была поближе къ русскимъ селеніямъ, платила дань великому князю; со времени же похода Грознаго подъ Казань вся мордва подчинилась совершенно власти московскаго царя. Дотолѣ совершенно свободная, мордва пошла «въ раздачу боярамъ и монастырямъ для крещенія». Только мордва Терюшевской волости сохранила свободу и вѣру до конца XVII столѣтія; въ 1700 году и она была пожалована Петромъ Великимъ въ вотчину имеретинскому царю

Арчилу Вахтангеевичу. Не вдругъ привыкли терюхане къ новому положенію и въ началѣ толпами убѣгали съ своихъ мѣстъ; но лѣтъ черезъ 40 мы уже видимъ ихъ совершенно освоившимися съ положеніемъ крѣпостныхъ; а къ этому времени подоспѣло еще новое испытаніе для терюханъ: имъ объявили, что нижегородскій епископъ Дмитрій Сѣченовъ «неотмѣнно крещеніе мордвѣ учинить намѣренъ» [1]).

Епископъ Сѣченовъ прославился своею дѣятельностью по обращенію инородцевъ, «для коихъ былъ онъ почти то же, что Питиримъ для раскольниковъ» [2]). Въ его управленіе дѣлами конторы новокрещенскихъ дѣлъ только въ два года (1741 и 1742 гг.) въ разныхъ селеніяхъ Казанской и Нижегородской губерній крещено 17.362 человѣка [3]) и въ Нижегородской епархіи съ 1744 по 1746 годъ—32.694 человѣка [4]). Какими путями достигалъ епископъ такихъ блестящихъ результатовъ, мы увидимъ отчасти изъ того, какъ онъ привелъ въ православіе терюханъ.

Узнавъ о намѣреніи епископа крестить ихъ, мордва Терюшевской волости заявила управляющему имѣніемъ своего вотчинника, грузинскаго царевича Бакара Вахтангеевича, что они «христіанской вѣры принять не желаютъ и хотятъ отъ того, оставивъ домы свои, зажигать и бѣгать или самимъ всѣмъ погорѣть безъ остатку». Епископа не смутилъ отвѣтъ мордвы. Проѣзжая 18 мая 1743 года Терюшевской волостью, Сѣченовъ замѣтилъ близъ села Сарлей мордовское кладбище съ мелкими постройками (срубами), «кои некрещеная мордва почитаютъ за молитвенныя свои капища такъ, какъ и татары мечети имѣютъ». Епископу хорошо, конечно, было извѣстно, что мордва никакихъ капищъ и вообще молитвенныхъ домовъ не имѣла; придалъ же онъ такое значеніе срубамъ на мордовскомъ кладбищѣ потому, что незадолго предъ этимъ, 14 февраля 1743 года, имъ полученъ былъ указъ сената, которымъ велѣно было всѣ татарскія мечети, «новопостроенныя за запретительными указами, а наипаче въ такихъ мѣстахъ, гдѣ татары, воспріявшіе вѣру греческаго исповѣданія, жительство имѣютъ, сломать и впредь строить отнюдь не допущать». Епископъ, не задумываясь, примѣнилъ этотъ указъ къ постройкамъ на мордовскомъ кладбищѣ и тутъ же открылъ походъ противъ мордвы. Онъ приказалъ своей свитѣ сломать срубы и зажечь ихъ. Увидавъ густой дымъ надъ

---

[1]) Излагаемыя ниже свѣдѣнія о крещеніи мордвы Терюшевской волости мы заимствуемъ изъ документовъ, сообщаемыхъ въ рукописи А. А. Титова «Терюшевскій бунтъ». Рукопись хранится въ историческомъ архивѣ Нижегородской ученой архивной коммиссіи.

[2]) «Исторія Нижегородской іерархіи», архимандрита Макарія, Спб., 1857 г., стр. 113.

[3]) Тамъ же, стр. 117—118.

[4]) «Излож. хода миссіонерской дѣятельности», А. Можаровскаго, стр. 67

кладбищемъ, мордва окрестныхъ деревень мигомъ сбѣжалась на пожаръ. Узнавъ, кто сдѣлалъ поруганіе священному для нихъ мѣсту, гдѣ покоился прахъ ихъ предковъ, мордва озлобилась и напала на архіерейскій поѣздъ. Завязался бой. Предводительствуемая архіереемъ свита не выдержала и побѣжала. Мордва преслѣдовала ее. Сѣченовъ, «возвратнымъ отъ нихъ скорымъ бѣжаніемъ, первѣе сокрылся въ селѣ Сарлеи въ церкви; потомъ же тайнымъ къ священнику въ погребъ уходомъ едва могъ себя отъ смерти спасти, и то уже приспѣніемъ въ то село... изъ окрестныхъ жилищъ русскихъ обывателей и отъ таковаго ихъ злодѣйскаго нападенія защищеніемъ» [1]).

По доносу епископа началось дѣло о бунтѣ мордвы. Болѣе 200 человѣкъ изъ мордвы было отправлено въ Нижній; тамъ они заключены были въ острогѣ и «у епископа въ семинаріи». «Изъ-подъ великаго страха» многихъ изъ нихъ крестили и отправили обратно. Новообращенные христіане, возвратившись, «кресты съ себя посмѣтали, отъ христіанской вѣры отреклись и крещеніе ни во что вмѣнили». 1-го іюля Сѣченовъ послалъ въ Терюшевскую волость для приведенія мордвы въ христіанство двухъ игуменовъ съ служителями; съ ними отправлена была военная команда подъ начальствомъ капитана Шмакова и... заплечный мастеръ. Провѣдавъ о приближеніи войскъ и духовенства, мордва «изъ всѣхъ селъ и деревень, оставя домы свои и пожитки и всякое движимое и недвижимое имѣніе безъ охраненія, съ женами своими и дѣтьми, отъ престарѣлаго и до сущаго младенца, бѣжали въ лѣса и въ разныя мѣста; а оные игумены съ командою по деревнямъ ѣздили и ни единаго человѣка получить не могли, но токмо въ Маломъ Сескинѣ одну престарѣлую и слѣпую мордовку да хвораго дѣтину получили и ихъ окрестили». Мордва изъ лѣсовъ послала въ Москву къ царевичу ходоковъ, съ просьбою защитить ихъ отъ «невольнаго крещенія»; писалъ царевичу и управляющій его вотчиною, что если «мордва и далѣе въ лѣсахъ укрываться будетъ, то всемѣрно придутъ во всеконечное разореніе и нищету», и совѣтовалъ требовать «самовольнаго оной мордвы крещенія, а не изъ-подъ неволи». Военной командѣ удалось переловить и крестить до 500 человѣкъ бѣглецовъ. Между тѣмъ, управляющимъ и вотчинными бурмистрами полученъ былъ отъ царевича указъ, въ которомъ онъ писалъ, между прочимъ, что «правительствующій сенатъ и святѣйшій синодъ предложили тую вину ихъ (нападеніе на архіерея) отпустить и креститься самовольно», и прибавляетъ далѣе: «а ежели ко крещенію самовольно не придутъ, тобъ имъ (миссіонерамъ) просить у г. губернатора конвою драгунъ, что имъ понадобится, и, ловя ихъ,

---

[1]) Изъ донесенія новокрещенской конторы св. синоду отъ 12 ноября 1743 г.: «Православный Собесѣдникъ»' 1858 г., ч. III, стр. 470—471.

бить кнутомъ нещадно и крестить неволею». Время приближалось къ зимѣ, и мордва понемногу стала возвращаться изъ лѣсовъ по домамъ, принимая оборонительное положеніе противъ войскъ. Между мордвою и солдатами начались частыя кровавыя стычки. Изъ Нижняго Новгорода пришло новое подкрѣпленіе изъ 60 человѣкъ солдатъ подъ начальствомъ поручика Хрипунова. Начальнику отряда дана была инструкція: «если мордва ко крещенію непослушна будетъ, то взявъ на подмогу помѣщичьихъ крестьянъ, ловить мордву и крестить, а буде же противны еще учинятся, то поступить съ ними, яко съ злодѣями». Мордва на требованіе креститься отвѣчала одно, «что де всѣ заодно помремъ, а крестить себя не дадимъ». Въ началѣ декабря у военной команды произошла съ мордвою довольно серьезная стычка, въ которой послѣднихъ было 15 человѣкъ убито и пятеро солдатъ ранено.

Между тѣмъ весь посѣянный весною хлѣбъ пропалъ: собрать его лѣтомъ было некому; военная команда забрала все, что оставалось въ мордовскихъ житницахъ, и разграбила имущество бѣглецовъ. Положеніе мордвы было отчаянное. Управляющій вотчиною писалъ объ этомъ царевичу, но отвѣта отъ него не было; тогда онъ обратился къ губернатору съ просьбою вывести команду изъ вотчины по крайнему ея разоренію и потому еще, что отъ солдатъ терпитъ не одна мордва, а и русскіе крестьяне; но губернаторъ отвѣтилъ, что «команды вывести не можетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ переловлены зачинщики и пока вся мордва не будетъ крещена». То же отвѣтилъ управляющему и архіерей, прибавивъ, что «онъ неотмѣнно крещеніе мордвы учинить намѣренъ, ибо, кромѣ 160 человѣкъ, посланъ въ Терюшевскую волость еще маіоръ Оноръ съ пятисотною командою».

Мордва собрала послѣднія усилія и, «яко диві звѣри», напала на отрядъ Онора при входѣ его въ деревню Лапшиху. «Учинилось хмелевое сраженіе». Мордва была разбита; 74 человѣка изъ нихъ были убиты, 30 тяжело ранены и 130 человѣкъ захвачены въ плѣнъ. Только 8-го іюля 1744 года, по просьбѣ царевича, сенатъ послалъ въ губернскую канцелярію указъ о выводѣ войскъ изъ его вотчины и объ изслѣдованіи дѣла о насильномъ крещеніи мордвы, а епископу Сѣченову—о томъ, чтобы онъ обращалъ мордву въ православіе, «какъ указы повелѣваютъ, а неволею и по принужденію не крестилъ». Терюхане вздохнули свободно, но не надолго. Въ конецъ разоренные, они не могли платить помѣщику податей и просили у него облегченія. Царевичъ назвалъ просьбу ихъ «замерзѣлымъ объявленіемъ» и требовалъ отъ управляющаго собрать съ мордвы оброкъ полностію. Снова появились войска въ волости, а съ ними и... «протопопы». Управляющій доносилъ царевичу: «Мордва, собрався многолюдственно въ Сескинѣ Большомъ, учинила присланному капитану Бездѣлкину съ солдаты

въ крещеніи, такожде и въ платежѣ денегъ, противность и драку и прибила села Успенскаго попа Алексѣя Мокѣева едва не до смерти..., а капралъ съ солдаты и съ протопопомъ спасся, запершись въ мордовской избѣ». Команда была усилена новымъ отрядомъ въ 25 человѣкъ, но и это подкрѣпленіе оказалось недостаточнымъ; изъ города явилось болѣе значительное. Не выдержали терюхане. Обезсиленные долгой борьбой, они упали духомъ и съ тупою покорностью позволили съ собою дѣлать все, что угодно. Управляющій доносилъ царевичу, что съ прибытіемъ въ волость новыхъ войскъ мордва «противности никакой уже не оказала... и склонилась отъ своего замерзѣлаго и поганаго беззаконія ко крещенію, и уже осталось весьма малое число некрещеныхъ, и то для того, что такое множество вдругъ окрестить успѣть невозможно; однако уповательно, что черезъ одну недѣлю и всѣ крещены быть имѣютъ».

Отчаянная борьба за свои религіозныя вѣрованія впродолженіе болѣе двухъ лѣтъ стоила терюханамъ много крови, надолго обезсилила ихъ, но не сломила окончательно. Крещеніе, конечно, не сдѣлало ихъ христіанами, и они остались такими же язычниками, какими были и до этой бойни. Ихъ заставляли исполнять таинства православной церкви, но не могли заставить отказаться отъ своей религіи; они совершали съ тѣхъ поръ свои языческія моляны и братчины тайно. Порабощенное племя не могло забыть утраченныхъ имъ благъ, которыя оно такъ крѣпко отстаивало; въ немъ жила смутная вѣра, что рано или поздно ему возвратится его свобода и возродится его вѣра. Но дѣйствительная жизнь не питала этой племенной мечты, и она приняла характеръ мистическій. Прошло 60 лѣтъ, и эта мечта находитъ себѣ въ средѣ терюханъ выразителя въ лицѣ Кузьмы.

Онъ былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ графини Сенъ-При. Въ 1808 году Кузьмѣ было 45 лѣтъ отъ роду. Кажется, особеннымъ достаткомъ, сравнительно съ прочими однодеревенцами онъ не отличался, былъ богомоленъ и пользовался у сосѣдей общимъ уваженіемъ за свою благочестивую воздержную жизнь. Занимаясь, какъ и прочіе, хлѣбопашествомъ, онъ въ то же время имѣлъ и посторонній заработокъ—жегъ уголь въ лѣсу, гдѣ и жилъ преимущественно втеченіе послѣднихъ семи лѣтъ.

Уединенная жизнь въ лѣсу способствуетъ, конечно, созерцательному настроенію, но этого еще не достаточно для полнаго объясненія загадочной личности мордовскаго пророка. Не одна орлеанская пастушка бывала у священнаго дуба, но одна только Жанна видѣла надъ нимъ ангеловъ и Святую Дѣву. Не одинъ мордвинъ жегъ уголь въ глухихъ чащахъ терюшевскихъ лѣсовъ, но ни къ кому не сходили Божія Матерь, Николай Чудотворецъ и ангелы, какъ это случилось съ Кузьмою. Мечтатели родятся,

и намъ остается только намѣтить обстоятельства времени и мѣста, тѣ жизненные мотивы, которые даютъ свою окраску ихъ мечтамъ. Это въ данномъ случаѣ до извѣстной степени возможно, если мы вспомнимъ, что только полстолѣтія съ небольшимъ, одинъ человѣческій вѣкъ, отдѣляло Кузьму отъ кроваваго крещенія его племени. Если самъ Кузьма не могъ уже помнить ни пожаровъ, истреблявшихъ срубы на могильницахъ мордовскихъ, ни кровавыхъ столкновеній въ Сарлеѣ, ни усмиренія, ни того, какъ энергическій епископъ опускалъ связанныхъ и барахтающихся людей въ купель и надѣвалъ на связанныхъ же кресты [1],—то еще были живы старики, помнившіе все это, еще живы были разсказы объ этихъ ужасахъ, еще жила старая вѣра, только покрытая новыми обрядами. Время брало свое, новая вѣра уже пускала побѣги въ воображеніи мордовскихъ поколѣній. Тѣсное общеніе мордвы съ великорусскимъ крестьянствомъ, общій для обоихъ племенъ земледѣльческій трудъ—вотъ та благопріятная почва, которая взростила и питала въ мордвѣ-язычникахъ сѣмена христіанства, создала имъ общій же обоимъ племенамъ циклъ святыхъ, покровителей земледѣлія и скотоводства. Но не умирала и старая вѣра. Кроткіе образы христіанства, Святая Дѣва, Христосъ, ангелы, пророкъ Давидъ—все это уже было знакомо, хотя мечтательно и смутно. Но, быть можетъ, именно потому, что эти образы были слишкомъ ужъ далеки отъ «сѣченовской» дѣйствительности, темный мордвинъ слилъ ихъ со своими собственными мечтами, со всѣмъ, о чемъ онъ вздыхалъ, вспоминая о старинѣ, о томъ, что было до обращенія... Эти кроткіе святые должны быть святыми его племени, святыми изъ тѣхъ временъ, когда народъ свободно жилъ и свободно молился на Дятловыхъ горахъ, когда никто еще не облагалъ податями, никто не жегъ могильницъ, не оскорблялъ праха предковъ, когда священные ковши, нынѣ «зарытые подъ соборомъ въ Нижнемъ», сіяли на моляна хъ...

«... Стоятъ въ кругу бадьи могучія,
«Съ сусломъ сладкимъ бадьи могучія,
«Въ рукахъ держатъ ковши завѣтные,
«Завѣтные ковши, больши-набольшіе,
«Хлѣбъ да соль на землѣ стоятъ»...

А кругомъ бадей — народъ мордовскій, бѣлый народъ, что лѣсъ березовый по горамъ, «своему богу молится, шатается-мотается, къ землѣ-матушкѣ на востокъ преклоняется» [2]). И кажется неграмотному мордвину, узнавшему новые плѣнительные кроткіе образы,

---

[1]) «Исторія Россіи», Соловьева, т. XXII, стр. 28.

[2]) Этотъ отрывокъ взятъ изъ интересной мордовской былины, приведенной П. Мельниковымъ въ его статьѣ «Очерки мордвы» («Русскій Вѣстникъ», 1867 года, кн. 6).

что это имъ искони онъ молился, когда преклонялся къ землѣ и поднималъ глаза къ небу...

И вотъ Кузьмѣ снятся сны, слышатся голоса. Къ нему приходятъ Божія Матерь, Николай Чудотворецъ, архангелъ Гавріилъ и съ ними старинный Мельцедей, мордовскій богъ грома.

«Молись, Кузьма,—говорятъ они,—оставь на поляхъ хлѣбъ свой: приходятъ послѣдніе вѣки, и на ключъ Рахлейку Божіимъ судомъ сойдетъ въ золотомъ столпѣ домъ Давидовъ, и будетъ Давидъ судить по своей старой вѣрѣ и всѣ вѣры приклонитъ подъ свою вѣру, и вѣра та будетъ мордовская; и ковши ваши мордовскіе явятся къ вамъ; лежатъ они въ Нижнемъ подъ соборомъ и только и ждутъ законовъ Давида. И тогда будетъ праведный судъ, и ударятъ двѣнадцать громовъ въ одинъ разъ, и будетъ кончина вѣка. И послѣ того солнце будетъ ходить на правую руку, восходить оно будетъ тамъ, гдѣ нынѣ заходитъ. И весь свѣтъ приметъ законъ, служеніе и одежду мордовскую и во всемъ слѣдовать будетъ мордовскимъ обрядамъ; и вы, мордва, будете свободны, и не будетъ у васъ помѣщиковъ, и оброку платить вы не будете, и будете вы первыми людьми» [1]).

Съ трепетомъ внималъ Кузьма этимъ таинственнымъ глашеніямъ. Въ его умѣ проносились свѣжія еще преданія о былой свободной жизни мордвы, и еще тяжелѣе казалось теперешнее рабство; но ему приходитъ конецъ. Скоро возстанетъ изъ праха угнетенное племя и вознесется превыше всѣхъ людей на землѣ; позабудетъ оно и помѣщиковъ, и тяжелые оброки, запируетъ свободно и безбоязненно на своихъ волостныхъ братчинахъ, въ заповѣдныхъ своихъ рощахъ, изъ своихъ священныхъ ковшей; не будетъ уже мордва собираться на моляны, скрываясь отъ глазъ людскихъ, украдкой, подобно ворамъ, пробираясь къ своимъ кереметямъ. Чаще и усерднѣе молится Кузьма старымъ богамъ своего народа, въ простотѣ души причисляя къ нимъ и Матерь Божію, и Николая Чудотворца, и архангела Гавріила. Все чаще подъ таинственный шепотъ деревьевъ слышится ему въ ночной тишинѣ божественная рѣчь ихъ, вѣщающая близкую радость всему народу мордовскому.

Наступилъ май. Завѣтныя думы совсѣмъ овладѣли Кузьмою. Изъ тысячи лѣсныхъ голосовъ ожившей природы онъ ясно различаетъ знакомый таинственный голосъ уже днемъ, за работою. На праздникъ Николая Чудотворца Кузьма возвратился изъ лѣсу въ свою деревню. Здѣсь въ кругу семьи онъ снова слышитъ тотъ же голосъ, посылающій его повѣдать народу мордовскому его судьбу. Кузьма узнаетъ тутъ, что голосъ слышенъ только ему одному: изъ его семьи никто ничего не слышитъ. Вѣра въ свое призваніе ра-

---

[1]) Подлинное дѣло, на которое въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылаться уже мы не будемъ.

стетъ въ немъ. Онъ сообщаетъ свою тайну близкимъ родственникамъ и знакомымъ. Кузьму знаютъ и, какъ человѣку благочестивому и правдивому, вѣрятъ. Всѣ обычныя свои занятія онъ оставляетъ и исключительно предается молитвѣ, чтобы приготовиться къ грядущимъ великимъ событіямъ, въ которыхъ отведена ему провидѣніемъ такая роль. Кругъ знакомыхъ собирается къ нему послушать его пророчествъ; число послѣдователей его ростетъ; изъ нихъ выдѣляются семь человѣкъ [1]), совершенно ему преданныхъ и готовыхъ исполнять всѣ его приказанія; имъ Кузьма поручаетъ непосредственныя сношенія съ народомъ, и они собираютъ необходимое для жертвоприношеній и общественныхъ молянъ, а также съѣстное и питья для братчинъ, которыми заканчивалось богомолье, оповѣщаютъ народъ о времени и мѣстѣ молянъ.

Этимъ лѣтомъ Кузьма не рѣшается еще говорить съ народомъ открыто о бывшемъ ему откровеніи. На общественныя богомолья мордва собиралась хотя и явно, но не въ большомъ числѣ. Хлѣба Кузьма не сѣялъ, а посѣянный велѣлъ стравить скоту; изъ подражанія ему не засѣвали своихъ полосъ и нѣкоторые изъ близкихъ его послѣдователей. Послѣднее обстоятельство и послужило, кажется, главной причиной, почему обратило на Кузьму вниманіе вотчинное начальство, которому мало было дѣла до общественныхъ молянъ; на нихъ, вѣроятно, и раньше оно смотрѣло сквозь пальцы, наблюдая лишь за тѣмъ, чтобы исправно вносился помѣщицѣ оброкъ ея крѣпостными.

III.

Вотчина графини Сенъ-При находилась въ то время въ непосредственномъ завѣдываніи извѣстнаго въ Нижегородской губерніи богатаго помѣщика, князя Георгія Александровича Грузинскаго, съ которымъ графиня была въ родствѣ, и вотчина ея находилась неподалеку отъ Лысковской вотчины Грузинскаго. Этотъ всесильный въ свое время и въ своемъ мѣстѣ князь надолго оставилъ по себѣ память въ своихъ крѣпостныхъ и ихъ потомкахъ дикимъ, необузданнымъ и своевольнымъ нравомъ. Онъ хотя и не такъ давно умеръ, но, тѣмъ не менѣе, память о немъ, благодаря дикому произволу, которымъ запечатлѣны всѣ его и хорошіе и дурные поступки, получила не менѣе легендарный характеръ, чѣмъ о самомъ Кузькѣ-богѣ, а такъ какъ Кузьмѣ пришлось столкнуться съ княземъ, то и не мѣшаетъ здѣсь о немъ сказать нѣсколько словъ. Слѣдующій случай изъ жизни князя Грузинскаго, заимствуемый

---

[1]) Борисъ Ивановъ, Никита Ивановъ, Михаилъ Фроловъ, Петръ Максимовъ, Николай Алексѣевъ, Якимъ Ивановъ — крестьяне деревни Большаго Сескина и Филиппъ Тумановъ — деревни Кужадинъ.

нами изъ одного дѣла Нижегородской ученой архивной коммиссіи [1]), даетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ человѣкѣ.

Князь хотя и былъ богатъ, но много должалъ разнымъ лицамъ, долговъ же платить не любилъ, и вотъ въ одно время, въ 1793 году, имѣніе его назначено было за долги судомъ въ продажу съ публичнаго торга. Въ село Лысково явился для этой цѣли изъ города Макарьева исправникъ; при немъ были канцеляристъ уѣзднаго суда и сотскій. Давши этимъ служителямъ указъ объ описи имѣнія Грузинскаго, исправникъ приказалъ имъ собрать въ селѣ понятыхъ. Князь, конечно, сейчасъ же узналъ объ этомъ, увидѣлъ въ распоряженіи власти посягательство на свои права и приказалъ схватить и представить къ себѣ посыльныхъ исправника. Разсерженный помѣщикъ вырвалъ указъ изъ рукъ приведеннаго къ нему приказнаго и принялся его бить. Исправникъ, увѣдомленный кѣмъ-то объ участи своихъ посыльныхъ, самъ пошелъ къ князю. Завидѣвъ исправника, Грузинскій оставилъ канцеляриста, выбѣжалъ на улицу, схватилъ исправника за воротъ и потащилъ въ свою приказную избу со словами:

— Какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ въ вотчину и присылать отъ себя людей? Пойдемъ, я съ тобой раздѣлаюсь!

Но исправникъ зналъ, очевидно, что его ждетъ въ этомъ судилищѣ деспотическаго помѣщика, и сталъ просить у князя пощады, но послѣдній его не слушалъ и, кликнувъ на помощь людей, потащилъ съ ними своего плѣнника въ избу. Исправникъ упалъ и, какъ утопающій за соломинку, ухватился за лежавшія рядомъ бревна. Толпа любопытныхъ равнодушно относилась къ участи представителя власти, и только одинъ мѣщанинъ попробовалъ было его защитить, но тщетно; исправника оттащили отъ бревенъ и кто за волосы, кто за руки потащили несчастнаго по грязи. Въ это время, по приказанію князя, выводятъ изъ приказной избы избитаго канцеляриста. Князь на минуту оставилъ исправника, но когда тотъ поднялся съ земли, снова схватилъ его за воротъ и трясъ, приговаривая: «указовъ вашихъ не слушаю и къ описи не допущу». Наконецъ, Грузинскій кончилъ съ исправникомъ и снова обратился къ канцеляристу и сотскому. Онъ схватилъ обоихъ за волосы и билъ головой о голову, а исправникъ, пользуясь суматохой, бѣжалъ и пѣшкомъ глухою дорогою пробрался въ Макарьевъ. Между тѣмъ князь продолжалъ мучительски бить канцеляриста и сотскаго и съ тріумфомъ водилъ истерзанныхъ по улицамъ. Толпа зѣвакъ росла и, вѣроятно, на потѣху ей изобрѣтательный князь послѣдній актъ этой трагикомедіи закончилъ травлей канцеляриста собакою, которая вырывала у несчастнаго на ногахъ куски мяса.

---

[1]) Дѣло Макарьевскаго уѣзднаго суда, №№ 667—991, 1789 года.

На Грузинскаго много подавалось жалобъ въ судъ, но всѣ онѣ не приводили ни къ чему: судьи тоже боялись его и ничего не могли съ нимъ сдѣлать. Въ своемъ приказѣ онъ творилъ судъ и расправу не только надъ своими крѣпостными, но и надъ людьми, ему не подвластными. Какъ-то въ селѣ Лысковѣ схваченъ былъ разбойникъ, и князь самъ началъ производить о немъ слѣдствіе. Между тѣмъ, къ нему явился изъ макарьевскаго уѣзднаго суда дворянскій засѣдатель, князь Кугушевъ, и просилъ выдать преступника законной власти. Князь и слушать не хотѣлъ засѣдателя и ругалъ его и всѣхъ судей отборною бранью. Засѣдатель по возвращеніи доносилъ суду, что, «видя его, князя, въ великомъ озартѣ, болѣе требовать выдачи разбойника былъ опасенъ». Уѣздный судъ доносилъ нижегородскому намѣстническому правленію, что «князь Грузинскій и вотчинные его бурмистры вышли изъ всякаго послушанія закону, находясь въ безстрашіи, и затѣмъ впредь въ село Лысково для законныхъ исполненій не токмо присутствующихъ, но и подчиненныхъ посылать никакъ не можно, и остановились многія дѣла безъ всякаго дѣйствія».

Предъ такимъ-то деспотомъ долженъ былъ предстать на судъ съ своимъ фантастическимъ пророчествомъ идеалистъ-мечтатель Кузьма. Вотчинный бурмистръ графини Сенъ-При осенью донесъ о начавшемся въ мордвѣ религіозномъ движеніи своему непосредственному начальнику, князю Грузинскому, представивъ къ нему и виновника движенія. Если Грузинскій неохотно выпускалъ изъ своихъ рукъ такъ или иначе попавшихъ къ нему уголовныхъ преступниковъ, то, понятно, нельзя было и думать, что онъ добровольно передастъ ввѣреннаго его попеченію крѣпостнаго государственной власти, и князь дѣйствительно самъ принялся исправлять пророка. Къ сожалѣнію, неизвѣстны всѣ мѣры, воздѣйствію которыхъ подвергнутъ былъ Кузьма Грузинскимъ; вѣроятно, онѣ не отличались гуманностью. Съ наступленіемъ великаго поста Кузьма находился подъ строгимъ надзоромъ сельской администраціи и духовенства; два раза его причащали, и онъ выразилъ, наконецъ, раскаяніе въ своемъ «заблужденіи». Добившись такихъ результатовъ, Грузинскій велѣлъ отправить Кузьму въ его деревню, съ приказаніемъ наблюдать за его поведеніемъ.

Подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ княжескихъ внушеній Кузьма на пасхѣ ходитъ каждый день въ церковь. Но его пророчество нашло богатую почву въ народѣ, и движеніе не улегалось, да и самъ Кузьма не утратилъ еще вѣры въ свое призваніе и снова становится глашатаемъ бывшаго ему откровенія. Понятно, послѣ ареста, проповѣдь его, какъ это бываетъ всегда, распространилась еще сильнѣе, и окрестная мордва уже толпами собирается къ его дому. И вотъ въ концѣ мая Кузьма снова отправленъ въ Лысково. Тамъ ему не дѣлаютъ увѣщаній, какъ въ первый разъ, а назна-

чають на какую-то тяжелую работу. Между тѣмъ, самъ князь изъ Лыскова отлучился въ началѣ сентября, уѣхалъ такъ же и бурмистръ вотчины графини Сенъ-При; за него исправлялъ дѣло мордвинъ, сочувствовавшій пророчеству Кузьмы, и Кузьма неожиданно является изъ Лыскова въ Большое Сескино. Тяжкая работа не утомила его, и онъ уже увѣренъ въ своемъ избраніи, видитъ себя вмѣстѣ съ Авраамомъ и Давидомъ творящимъ праведный судъ надъ людьми. На молитвѣ Кузьма слышитъ голосъ архангела Михаила:

— «Иди и собери мольбу волостную, подними законъ, бывшій до Рождества Христова, законъ Авраамовъ и Давидовъ, ибо сей законъ — законъ мордовскій».

Послѣдняя тѣнь сомнѣнія и нерѣшительности оставили Кузьму. Не ему, посланнику Божію, страшиться княжескаго гнѣва и его суда: ему поручено великое дѣло, и онъ съ честью и безъ страха исполнитъ завѣтъ Божій. Теперь уже онъ открыто посылаетъ по всѣмъ направленіямъ преданныхъ и послушныхъ послѣдователей своихъ собирать мордву на волостную мольбу, на ключъ Рахлейку, въ рощу близь деревни Сескина. И вся окрестная мордва узнала, что въ слѣдующее воскресенье новый пророкъ Божій возвѣститъ народу Господнюю волю. Народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого дня. Многимъ уже по наслышкѣ извѣстно было о судьбѣ, уготованной Богомъ народу мордовскому.

Еще подъ вечеръ въ субботу толпы народа стали появляться по дорогѣ къ Большому Сескину, кто пѣшкомъ, кто на лошадяхъ; къ ночи движеніе по окрестнымъ дорогамъ еще болѣе усилилось. Всю ночь и все утро въ воскресенье мордва массами приливала къ деревнѣ. Въ народѣ не было замѣтно и тѣни боязни; многіе совершенно открыто и свободно, съ полной вѣрой съ новаго пророка, высказывали разспрашивавшимъ, что идутъ послушать его. Вся деревня и ея окрестности съ восходомъ солнца запестрѣли бѣлыми праздничными одеждами мужчинъ и женщинъ, и кучка народа, не принимавшая участія въ общемъ движеніи, съ любопытствомъ смотрѣла на небывалое явленіе и прислушивалась къ гулу голосовъ тысячной толпы. Причтъ ближайшаго села Сарлей и нѣкоторые изъ любопытныхъ съ возвышенности близь села также наблюдали это движеніе народа. Отсюда мѣстность, назначенная для моляны, была на разстояніи 2—3 верстъ, и вся она, покрытая толпой, съ мелькавшими тамъ и сямъ огнями костровъ, была видна совершенно ясно.

За нѣсколько дней до моляны главные помощники Кузьмы: Никита Ивановъ, Михаилъ Фроловъ, Петръ Максимовъ и Николай Алексѣевъ, дѣятельно занимались приготовленіемъ къ ней; ожидалась масса народа; всѣхъ нужно было напоить и накормить, какъ это велось изстари. Мордва не скупилась на приношенія для

предстоящаго празднества; собрано было много гусей, меду, воску и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Никита Ивановъ и трое его помощниковъ наканунѣ варили гусей, сытили медъ и приготовляли толстыя восковыя свѣчи. Близь ключа Рахлейки расчищено было ими и обставлено съ трехъ сторонъ шестами особое мѣсто, называвшееся Киже. Здѣсь на первомъ планѣ поставлены были три громадныя кадки съ сыченымъ медомъ, съ прилѣпленными къ нимъ восковыми свѣчами, и между ними образъ Николая Чудотворца. По одну сторону кадокъ стояли чаши съ вареными гусями, по другую—гора хлѣба и на верху ея солоница съ солью; нѣсколько поодаль, позади, стояла такихъ же размѣровъ третья кадка съ медомъ, предназначенная для женщинъ. Рядомъ съ кадками лежалъ большихъ размѣровъ ковшъ, а въ немъ нѣсколько мелкихъ ковшей.

Когда все было готово и солнце стало склоняться къ западу, явился на мѣсто Кузьма въ бѣломъ національномъ платьѣ. Народъ радостно привѣтствовалъ своего пророка. Приготовленный заранѣе большой костеръ и всѣ свѣчи были зажженны. Водворилось молчаніе, и Кузьма сталъ держать рѣчь къ народу.

Полнаго содержанія его рѣчи не сохранилось, и о ней извѣстно только по разсказамъ бывшихъ на молянѣ, записаннымъ священникомъ села Сарлей и исправникомъ. Хотя разсказы эти не полны и отрывочны, но они, тѣмъ не менѣе, важны для насъ тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ сущность пророчества Кузьмы, какъ понималъ его самъ народъ. Изъ его рѣчи онъ удержалъ въ памяти все то, что считалъ наиболѣе важнымъ, что подкрѣпляло его надежды, согласовалось съ его идеалами.

Долго говорилъ Кузьма съ народомъ. Кончивъ свою рѣчь, онъ всталъ впереди Киже, обратился къ заходящему солнцу и съ благоговѣніемъ началъ молитву, а за нимъ и четырехтысячная толпа народа.

Зажженныя свѣчи уже догорали, и ярко пылалъ большой костеръ, когда Кузьма кончилъ молитву. Онъ взялъ большой ковшъ, положилъ въ него часть хлѣба, соли, часть гуся, влилъ туда же нѣсколько меду и, держа въ рукахъ, заговорилъ обычную о принятіи жертвы молитву. Народъ сталъ на колѣна и молился. Кузьма подошелъ къ пылающему костру, положилъ на него содержимое ковша, и пока оно сгорало, всѣ продолжали молиться. Затѣмъ Кузьма всталъ, взялъ другой ковшъ, наполнилъ его медомъ и, помолясь, сталъ изъ него пить; его примѣру послѣдовалъ и весь народъ. Распорядители раздѣляли между молившимися части гусей, хлѣба и прочее съѣстное и медъ, принесенные на мѣсто моляны. Это уже началась собственно братчина, которую Кузьма соединилъ съ моляной [1]).

[1]) Прежде самая моляна совершалась днемъ, а жертвоприношеніе и за нимъ братчина происходили ночью. Распорядитель при этомъ назывался вазятяй, а его помощники—пурендяйте.

Только поздней ночью кончилась братчина, и напутствуемая Кузьмой возбужденная и веселая мордва стала возвращаться по домамъ.

— «Кайтесь въ грѣхахъ своихъ и приходите на мольбу въ эту рощу по пятницамъ и воскресеньямъ»,—говорилъ расходившемуся народу Кузьма.

Съ этой всенародной моляны народъ уносилъ въ душѣ глубокую вѣру въ своего пророка и въ лучшее будущее. Ни отъ кого, даже отъ враговъ этого движенія, не скрывалъ онъ пророчества Кузьмы и вотѣ что разсказывалъ по возвращеніи отъ него:

«Скоро вѣра христіанская упадетъ... Слово Христосъ есть чинъ... Христосъ старъ сталъ и чинъ этотъ съ себя сложилъ; Христа больше нѣтъ, не будетъ и христіанской вѣры; чинъ его препорученъ другому. Онъ придетъ отъ запада, потому и молиться мы должны на западъ. На ключъ Рахлейку, при мольбѣ, сойдетъ домъ Давидовъ, и будетъ столпъ огненный отъ земли до небесъ. Давидъ будетъ судить, и ударятъ двѣнадцать громовъ въ одинъ разъ, и будетъ конецъ свѣта. И тутъ весь свѣтъ приметъ мордовскій законъ, и будутъ всѣ ходить въ мордовскомъ платьѣ. Мордва будутъ первые люди, не будутъ принадлежать господамъ и платить оброку, потому что и господа ихъ всѣ одѣнутся въ мордовское платье и будутъ такіе же мордва... Такъ говоритъ пророкъ, а ему сказывала объ этомъ сама Патяй (мать боговъ, отождествляемая мордвою съ Пресвятою Богородицею), Никола Чудотворецъ, Мельцедей (Мельчеже, Мельказо также) и ангелы».

IV.

Какова же была главная идея пророчества Кузьмы? Кузьма не былъ богословомъ, онъ не зналъ хорошо, кажется, даже и той религіи, во имя которой пророчествовалъ. Умами народа онъ завладѣлъ только потому, что сумѣлъ формулировать его же завѣтныя думы и въ себѣ совокупилъ всѣ его надежды и желанія. Такъ же, какъ и вся мордва, онъ отождествлялъ извѣстныхъ ему святыхъ православной церкви съ богами своей религіи [1]); иначе непо-

[1]) Такъ, Василія Великаго, который въ народѣ считается покровителемъ свиней, мордва отождествляетъ съ своимъ богомъ свиней Таунь-озаисомъ и называетъ его въ молитвахъ Василіемъ (Вельки-Васяй); эрдзяне и терюхане Николая Чудотворца считаютъ пасомъ (богомъ) и называютъ Никола-Пасъ. Православная церковь празднуетъ память Николая Чудотворца 9-го мая и 6-го декабря, въ эти же дни празднуетъ ему и мордва, совершая особыя жертвоприношенія. Она отождествляетъ Николая Чудотворца съ двумя древними своими пасами: весною—съ Мастырь-Пасомъ, богомъ плодородія, а зимою—съ Назаромъ-Пасомъ, богомъ зимы, ночи и луны. Св. Георгій Побѣдоносецъ (23-го апрѣля) отождествляется съ Свѣтъ-Верегики-Веленъ-Пасомъ, богомъ земли и травъ. Въ Ивановъ день (24-го іюня) у мордвы бываетъ большое

нятно бы было, какъ Богородица, Николай Чудотворецъ и архангелъ Михаилъ говорили ему объ упадкѣ христіанской вѣры и о скоромъ возрожденіи и повсемѣстномъ распространеніи мордовской. Кончина міра и «праведный судъ» также заимствованы Кузьмою отъ христіанской религіи, только понятія эти являются у него, какъ и у всей мордвы, въ переработанномъ видѣ. Конецъ свѣта мордва понимала, кажется, только какъ перемѣну всѣхъ порядковъ на землѣ и принятіе всѣми людьми мордовской религіи и обычаевъ. Только этой послѣдней стороной своего пророчества — близкимъ и полнымъ возрожденіемъ мордовской національности и господствомъ мордвы—Кузьма и могъ такъ быстро и сильно завладѣть симпатіями народа и увлечь его своимъ словомъ.

Исторія мордвы есть исторія порабощенія. Она перенесла вмѣстѣ съ народомъ русскимъ иго татарщины, затѣмъ потянулись для нея долгіе годы всевозможныхъ притѣсненій и грабительства воеводъ и всякаго служилаго люда, и притомъ въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ это было съ русскимъ крестьянствомъ; кормленіе воеводъ и служилыхъ людей смѣнилось игомъ крѣпостнаго безправія. И вотъ въ средѣ этого загнаннаго племени явился пророкъ, который развернулъ предъ нимъ сказочно-фантастическую картину вольной жизни безъ барщины, безъ оброка, съ полнымъ равенствомъ всѣхъ людей и съ всемірнымъ господствомъ ихъ старыхъ мордовскихъ боговъ, обычаевъ и вѣрованій. Понятно, мордва не могла не вѣрить его убѣжденному горячему слову. Да и не одна, кажется, мордва; говорятъ, что пророчествомъ Кузьмы увлеклись и нѣкоторые изъ сосѣднихъ русскихъ крестьянъ, также участвовавшихъ въ этомъ религіозномъ движеніи терюханъ. Этотъ фактъ не подтверждается, впрочемъ, ни однимъ оффиціальнымъ документомъ.

Въ слѣдующую пятницу, 17-го сентября, мордва снова стала стекаться къ Кузьмѣ на моляну. Уже вся деревня и особенно улица близъ дома Кузьмы были запружены народомъ, когда, по приказанію Грузинскаго, явился въ деревню бурмистръ, чтобы арестовать пророка и опять отправить въ Лысково. Ни народъ,

празднество Нишки-Пасу, богу неба, солнца, свѣта и тепла, котораго отождествляютъ то съ Іоанномъ Предтечей, то съ Спасителемъ. Илію пророка мордва отождествляетъ съ богомъ грома Пургине-Пасомъ, свв. Флора и Лавра (18-го августа)—съ богами коневодства Ангарь-озаисомъ и Лишмань-озаисомъ, св. Никиту (15-го сентября) съ Ведъ-Мастырь-Пасомъ, богомъ воды, и т. д. (Мельниковъ, «Очерки Мордвы»: Русскій Вѣстникъ, 1867 г., кн. 10, стр. 231—233).

Еще задолго до сѣченовскаго разоренья мордва-язычники почитали и молились христіанскимъ святымъ и даже устроивали для нихъ храмы, когда богамъ своей религіи молились на открытомъ воздухѣ. Въ одной челобитной 1743 года къ царевичу Арчилу терюхане писали между прочимъ, что «протопопы» сожгли у нихъ амбары, въ которыхъ они молились архангелу Михаилу и Богоматери («Терюшевскій бунтъ», А. А. Титова).

ни самъ Кузьма, не сопротивлялись бурмистру. Кузьму заковали и отправили къ князю. Выходя къ народу, онъ сказалъ:

«Меня берутъ отъ васъ, но это мое дѣло и васъ не касается, а вы свою мольбу и безъ меня исправляйте».

Спокойно стояла мордва. Не смотря на арестъ своего пророка, она осталась вѣрна ему, вѣрила и въ его пророчество. Черезъ день, въ воскресенье, масса народа, по завѣту Кузьмы, опять собралась въ Большомъ Сескинѣ и устроила на ключѣ такую же моляну.

Между тѣмъ вѣсть о пророкѣ и массовомъ движеніи народа быстро разнеслась по всѣмъ направленіямъ. Движеніе охватило многія села и деревни, отстоящія верстъ на 15, на 20, отъ Большаго Сескина. Помѣщики встревожились. Еще 14-го сентября князь Петръ Сергѣевичъ Трубецкой изъ села Лапшихи въ письмѣ къ губернатору, между прочимъ, писалъ:

«Небезызвѣстно вашему превосходительству, что Терюшевскую волость составляетъ большая часть изъ новокрещенъ, около 12 тысячъ душъ, которымъ было запрещено имѣть сходбищи, изъ коихъ хотя прежде и придерживались нѣкоторые первобытному ихъ обряду, но тайно. А нынѣ вотчины г-жи Софьи Алексѣевны Санъ-Пріестъ, деревни Сескина, крестьянинъ Козьма, оставя хлѣбопашество, обольщаетъ окрестныхъ селеній тѣхъ новокрещенъ и представляетъ себя за пророка, разсылая подобныхъ себѣ въ окрестности своего селенія, въ томъ числѣ и въ мои деревни: Сіуху, Ломъ и Инютину, (которые), ходя по дворамъ, сзываютъ отъ его имени для онаго служенія. И въ деревнѣ Сескинѣ въ прошедшее воскресенье, то-есть сентября 12-го числа, оныхъ собралось обоего пола не менѣе 4 тысячъ душъ, чрезъ что можетъ скрываться и другое зло».

Письмо Трубецкаго губернаторомъ было получено 16-го сентября. Въ тотъ же день получилъ донесеніе о Кузьмѣ и «разсѣеваемыхъ имъ соблазнительныхъ словахъ» отъ сарлейскаго священника нижегородскій епископъ Веніаминъ, также сообщившій объ этомъ губернатору. Губернаторъ послалъ въ Большое Сескино нижегородскаго исправника Сергѣева съ секретнымъ порученіемъ арестовать Кузьму и его сообщниковъ и сдѣлать «точнѣйшее изслѣдованіе о нелѣпыхъ ихъ предсказаніяхъ, въ чемъ подлинно они заключаются». Сергѣевъ пріѣхалъ въ Сескино 18-го сентября и не засталъ уже тамъ Кузьму; но онъ узналъ, что въ слѣдующій день ожидается тамъ моляна. Надѣясь захватить на ней главныхъ сообщниковъ пророка, исправникъ сталъ дожидаться и на слѣдующій день въ рощѣ близь деревни дѣйствительно нашелъ до 400 человѣкъ, молившихся при той же обстановкѣ, какая была и при Кузьмѣ.

— «По какому поводу вы собрались здѣсь и отправляете законопротивное моленіе, бывши сыздѣтства христіане?» — обратился исправникъ съ вопросомъ къ толпѣ.

Изъ нея выдѣлилось нѣсколько человѣкъ, которые отвѣтили: «Мы отъ закона христіанскаго не отрицаемся, въ церковь ходимъ и всѣ христіанскіе обряды исправляемъ; но, будучи научены отъ отцовъ своихъ, не оставляемъ же и древнихъ мордовскихъ обрядовъ и всегда имъ съ малолѣтства слѣдуемъ».

.Съ этой моляны исправникъ взялъ ея распорядителей и представилъ ихъ губернатору вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ. Въ рапортѣ губернатору исправникъ писалъ, между прочимъ, что ему не было донесено о мольбищѣ 12-го сентября потому, что бурмистръ деревни Большаго Сескина, крестьянинъ Петръ Симеоновъ,—мордвинъ и послѣдователь Кузьмы, а сотскій хотя и изъ русскихъ, но не донесъ о молянѣ, «раболѣпствуя бурмистру».

20-го сентября князь Грузинскій представилъ къ губернатору и самого Кузьму.

Всѣхъ обвиняемыхъ губернаторъ допросилъ самъ и, познакомившись съ дѣломъ, 30-го сентября «о ложномъ пророкѣ, новокрещенѣ изъ мордвы, Кузьмѣ Алексѣевѣ и о его нелѣпостяхъ» донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, князю Куракину. Въ донесеніи онъ высказываетъ и свой взглядъ на это дѣло, находя его по существу ничтожнымъ и не заслуживающимъ особеннаго вниманія, а о самомъ пророкѣ говоритъ, что «изъ всѣхъ его отвѣтовъ, кромѣ невѣжества и крайняго по безграмотству его заблужденія, нельзя подозрѣвать его въ какомъ либо вредномъ умыслѣ», и что онъ, «разсказывая подобнымъ себѣ свои нелѣпости, имѣлъ, какъ кажется, въ виду пользоваться остатками сборовъ приношеній» (на моляны). Дѣло о ложномъ пророкѣ затѣмъ передано было на рѣшеніе нижегородскаго уѣзднаго суда.

25-го октября, губернаторъ Руновскій получилъ на свое донесеніе отъ Куракина предписаніе, въ которомъ министръ извѣщалъ что о лжепророкѣ Кузьмѣ имъ доложено было государю, и государь удостоилъ высочайшаго одобренія мѣры, принятыя губернаторомъ относительно заблудшейся новокрещеной мордвы. Мѣры же эти заключались въ слѣдующемъ.

Исправнику Сергѣеву губернаторъ предписалъ сдѣлать строгое внушеніе всѣмъ новокрещенымъ изъ мордвы не собираться ни тайно, ни явно и не совершать богослуженія «по древнему ихъ идолопоклонническому мордовскому заблужденію, а исповѣдывать бы имъ во всемъ принятую предками ихъ православную христіанскую вѣру неуклонно». Въ этомъ же смыслѣ отнесся онъ и къ духовной власти, рекомендуя при этомъ не выходить изъ предѣловъ кротости и благоразумія.

Епископъ Веніаминъ самъ выѣзжалъ для увѣщаній мордвы въ Терюшевскую волость и пробылъ тамъ пять дней. Мордва выказала совершенную покорность и готовность слѣдовать внушеніямъ архипастыря, а сельскіе священники — наблюдать за этимъ. Ис-

правникъ же, исполнивъ приказаніе губернатора, доносилъ ему, что наличные помѣщики Терюшевской волости, а за ихъ отсутствіемъ вотчинные начальники, желая лишить своихъ крѣпостныхъ самой возможности уклоняться въ язычество, придумали слѣдующій остроумный способъ: въ каждомъ мордовскомъ селеніи къ десяти или, по крайней мѣрѣ, не болѣе чѣмъ къ пятнадцати дворамъ опредѣлить одного благонадежнаго крестьянина изъ мордвы, притомъ такого, который, кромѣ благонадежности, по своимъ лѣтамъ былъ бы годенъ въ рекруты, или имѣлъ бы дѣтей, годныхъ для этого, и поручить имъ строго наблюдать за своими сосѣдями, чтобы они молились похристіански, а не по мордовскимъ обрядамъ, а о замѣченныхъ въ отступничествѣ доносить помѣщику; за слабое же наблюденіе или потворство отдавать смотрителей или ихъ дѣтей въ рекруты.

Сочувственно отнесся къ этой мѣрѣ и епископъ Веніаминъ, предложившій, кромѣ того, помѣщикамъ обучать россійской грамотѣ изъ каждой деревни человѣка по четыре изъ новокрещеныхъ, которые могли бы обучившись читать церковныя книги «какъ для своего познанія, такъ и для вразумленія прочихъ новокрещенъ». Епископъ увѣдомлялъ губернатора, что помѣщики съ сочувствіемъ отнеслись къ его предложенію и единодушно согласились привести его въ исполненіе.

25-го ноября, губернаторомъ было получено новое предписаніе отъ министра доставить ему свѣдѣнія о рѣшеніи, какое послѣдуетъ о Кузьмѣ и его сообщникахъ. Между тѣмъ, дѣло о нихъ 17-го ноября уже было рѣшено въ уѣздномъ судѣ и представлено въ уголовную палату на ревизію, гдѣ оно было вновь разсмотрѣно и дополнено новыми свидѣтельскими показаніями, а также и показаніями самихъ обвиняемыхъ.

Какъ въ уѣздномъ судѣ, такъ и въ уголовной палатѣ, Кузьма подтвердилъ подлинность бывшихъ ему въ разное время глашеній; но отрицалъ всякія корыстныя цѣли, въ которыхъ подозрѣвался судомъ. О его безкорыстіи во всемъ этомъ дѣлѣ говорили и его близкіе товарищи и послѣдователи, обвинявшіеся вмѣстѣ съ нимъ. Кузьма заявилъ, что пророкомъ себя не выдавалъ въ народѣ, а народъ самъ называлъ его такъ; онъ, впрочемъ, не отрицалъ ничего изъ того, что было имъ сдѣлано: ни приглашеній народа на моляны, ни самыхъ молянъ, ни своего пророчества при многочисленномъ стеченіи мордвы на ключѣ Рахлейкѣ 12-го сентября; онъ указалъ только на то, что его пророчество передано въ свидѣтельскихъ показаніяхъ не вѣрно. Кузьма сказалъ, что самъ хлѣба не сѣялъ по приказанію Божію, «но другихъ на это не уговаривалъ и не приказывалъ имъ, иные же, смотря на него, сами не засѣвали полей. Что мордва будутъ первые люди, не будутъ они болѣе принадлежать помѣщикамъ и платить оброку, — не разгла-

шалъ; также, что слово Христосъ есть чинъ, что Христосъ, будучи старъ, чинъ сей съ себя сложилъ, и что его больше нѣтъ, не будетъ и христіанской вѣры, и что чинъ сей порученъ другому, который придетъ отъ Запада, — не говорилъ же. Денегъ ни съ кого и ни за что, кромѣ добровольнаго приноса для моляны, не требовалъ».

Уѣздный судъ приговорилъ «лжепророка Кузьму Алексѣева за ложныя предсказанія, учиненныя въ противность уложенія..., яко возмутителя..., соразмѣрно его винѣ, на мѣстѣ содѣяннаго имъ преступленія, въ деревнѣ Большомъ Сескинѣ, при собраніи подобныхъ ему изъ мордвы новокрещенъ, въ мольбѣ съ нимъ участвовавшихъ, огласивъ публично ложнымъ пророкомъ и предзнаменователемъ, наказать кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и съ поставленіемъ на лбу и на щекахъ литерныхъ знаковъ и сослать въ работу въ Иркутскую губернію».

Помощники Кузьмы по устройству молянъ въ уголовной палатѣ дали довольно интересныя дополненія къ своимъ показаніямъ. Одинъ изъ нихъ, Никита Ивановъ, сказалъ:

«Всѣ слова Кузьмы Алексѣева, которыя онъ въ видѣ пророчества народу говорилъ, почитаю я и нынѣ за истинныя, и ему таковые гласы, какіе онъ объявляетъ, быть могли: потому человѣкъ онъ воздержный и обращается всегда въ богомольствѣ по мордовскому обряду, а слѣдовательно и достоинъ могъ быть таковаго откровенія».

Въ томъ же смыслѣ высказались о Кузьмѣ и его пророчествѣ и остальные, и только одинъ Филиппъ Савельевъ Тумановъ заявилъ на допросѣ, что теперь сомнѣвается въ истинѣ пророчества Кузьмы, потому что оно не исполнилось. Всѣ обвиняемые при этихъ допросахъ сдѣлали заявленіе, что тѣхъ старинныхъ мордовскихъ обрядовъ, которые предки ихъ совершали, «оставить неможно», потому, вопервыхъ, что исправляются они всѣми крестьянами [1]), а вовторыхъ, потому, «какъ бы за это (отступничество отъ религіозныхъ обрядовъ) не понести отъ Бога наказанія».

Окончательное опредѣленіе по настоящему дѣлу состоялось 11-го января 1810 года въ нижегородской палатѣ уголовнаго суда. Этотъ любопытный документъ, интересный по тѣмъ взглядамъ судей на дѣло, какіе въ немъ изложены, не лишенъ интереса

---

[1]) Заявленіе это справедливо не только относительно того времени, но и временъ гораздо позднѣйшихъ. Языческіе обряды и вѣрованія не умерли еще и до сихъ поръ; особенно привержены къ нимъ старики, и еще не такъ давно, въ 1848 году, во время свирѣпствовавшей въ Нижегородской губерніи холеры, часть мордвы Терюшевской волости для умилостивленія своихъ языческихъ боговъ принесла имъ въ той самой рощѣ, гдѣ пророчествовалъ Кузьма, въ жертву теленка, пиво, яичницу и проч. («Очерки мордвы», П. Мельникова, «Русскій Вѣстникъ», 1867 г., кн. 9, стр. 244).

также и по самой формѣ своего изложенія, а потому мы и приводимъ его почти цѣликомъ дословно.

...«Какъ изъ дѣла сего усматривается, что жительствующій въ Терюшевской волости, между новокрещеными изъ мордвы, крестьянинъ деревни Сескина, Кузьма Алексѣевъ, держась, въ противность христіанской религіи древнихъ мордовскихъ обычаевъ, какъ и прочіе той волости крестьяне, возмнилъ, къ усугубленію и дальнѣйшему утвержденію такого разврата, открыть всѣ тѣ обряды подъ видомъ богомолія, явнымъ образомъ, при собраніи многаго стеченія народа, которое и отправляли они въ назначенные отъ него дни въ присутствіи его. На каковое Богу противное сборище хотя и собственная была воля всѣхъ тѣхъ собравшихся людей, но, при всемъ томъ, основаніемъ оному былъ одинъ онъ, Алексѣевъ потому что онъ во всей той волости предсказывалъ разныя будто бы ему бывшія отъ святыхъ лицъ откровенія, клонящіяся на одинъ предметъ увѣренія о необходимости наблюденія тѣхъ мордовскихъ обрядовъ. Каковымъ предсказаніямъ всѣ тѣ крестьяне слѣпо вѣря и считали его за таковаго пророка, который, по воздержной жизни его, достоинъ могъ быть таковыхъ откровеній. Напротивъ же того, при соображеніи всего показываемаго имъ откровенія, не что иное заключается, какъ совершенная нелѣпость и не могущая быть въ томъ событіи, какъ онъ разсказываетъ, а потому изъ всего того удостовѣрительно можно заключить, что онъ всѣ таковыя нелѣпыя откровенія разсказывалъ крестьянамъ отъ выдумки своей; но причины, побудившія его ко всему оному, могли быть различныя: быть могло, что и со злостнымъ намѣреніемъ, чтобы, обольстя народъ, корыстоваться ихъ собственностью, или, по единому его безразсудному привержѳнію къ тѣмъ обрядамъ, хотѣлъ изъ мнимой набожности утвердить ихъ своими увѣреніями къ поддержанію и распространенію онаго древняго мордовскаго обычая. Но, за всѣмъ тѣмъ, если оное и изъ одной безразсудной приверженности его къ мордовскимъ обрядамъ произошло, то все ему неизвинительно, поелику тѣмъ поселилъ онъ въ крестьянахъ большой развратъ и ослабленіе въ христіанской религіи. Почему его, Алексѣева, за таковое выдуманное самимъ имъ нелѣпое разглашеніе, совокупно же съ тѣмъ и за отправленіе со множествомъ народа противнаго христіанской религіи мнимаго по мордовскому обычаю богомолія, на основаніи устава о благочиніи 254 и воинскаго артикула 202 пунктовъ, соразмѣрно поступкамъ его, наказать въ деревнѣ Большомъ Сескинѣ, при собраніи подобныхъ ему изъ мордвы новокрещенъ, въ мольбѣ съ нимъ участвовавшихъ, плетьми, давъ восемьдесятъ ударовъ, и потомъ, къ пресѣченію на будущее время могущаго быть отъ него тѣмъ крестьянамъ разврата, сослать на поселеніе въ Иркутскую губернію. Что же принадлежитъ до другихъ обнаруживаемыхъ на него, Алексѣева, изреченій, клонящихся совер-

шенно къ богохуленію, какъ-то: что слово Христосъ есть чинъ; Христосъ, будучи старъ, чинъ сей съ себя сложилъ, и что его уже болѣе нѣтъ, — не будетъ и христіанской вѣры и прочее, то, какъ всѣ таковыя слова обнаружены были села Сарлей священникомъ Иваномъ Дмитріевымъ и земскимъ исправникомъ Сергѣевымъ съ однихъ обносящихся въ народѣ слуховъ... [1]), самъ же Алексѣевъ въ говореніи сихъ богохульныхъ словъ не признался..., оставить его въ одномъ подозрѣніи. Изъ сообщниковъ его крестьяне деревни Большаго Сескина Никита (45 лѣтъ) и Борисъ (27 лѣтъ) Ивановы, вѣря слѣпо его, Алексѣева, ложнымъ предсказаніямъ, по его приказанію, ѣздили по разнымъ селеніямъ и, разглашая оныя, созывали крестьянъ на волостную мольбу, а, сверхъ того, изъ нихъ Борисъ Ивановъ по таковому суевѣрію и ржанаго хлѣба не сѣялъ, а также Михайла Фроловъ (45 лѣтъ), Петръ Максимовъ (43 лѣтъ), Николай Алексѣевъ (26 лѣтъ) и Якимъ Ивановъ (36 лѣтъ) и деревни Кужаданъ Филиппъ Савельевъ Тумановъ (30 лѣтъ) содѣйствовали ему, Алексѣеву, при мольбѣ 12-го сентября по ихъ древнему мордовскому обыкновенію; почему всѣхъ ихъ наказать плетьми, давъ по 40 ударовъ, и первыхъ двоихъ—Бориса и Никиту Ивановыхъ, яко болѣе прочихъ созываніемъ крестьянъ на ту мольбу участвовавшихъ..., написать въ солдаты, буде окажутся годными, а въ случаѣ негодности сослать въ ту же Иркутскую губернію, а прочихъ оставить попрежнему въ жительствѣ, если помѣщики принять ихъ пожелаютъ».

Выписку изъ рѣшенія дѣла о лжепророкѣ губернаторъ представилъ 15-го февраля министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ она доведена была до свѣдѣнія государя. Государю угодно было повелѣть приговоръ палаты уголовнаго суда о подсудимыхъ исполнить, исключивъ изъ него тѣлесное наказаніе, отъ котораго всѣхъ ихъ онъ освободилъ. Но несчастный пророкъ съ своими послѣдователями не воспользовался милостію царя: постановленіе палаты приведено уже было надъ ними въ исполненіе еще въ январѣ, и только одинъ Николай Алексѣевъ избавился отъ плетей, благодаря тому, что былъ боленъ.

В. Снѣжневскій.

---

[1]) Сарлейскій священникъ доносилъ, что ему хорошо извѣстны лица, разсказывавшія по возвращеніи съ моляны слышанное ими пророчество Кузьмы, но назвать ихъ онъ отказался по тѣмъ соображеніямъ, что на судѣ все равно они не сознаются изъ страха наказанія, а онъ пріобрѣтетъ себѣ чрезъ это лишнихъ недоброжелателей. Исправникъ же указалъ на нѣсколькихъ крестьянъ изъ шести деревень, разсказывавшихъ ему о пророчествѣ Кузьмы то же, что и священнику, но не объяснилъ, сами ли они слышали отъ Кузьмы это пророчество, или же отъ его послѣдователей. Изъ дѣла не видно, чтобы послѣдніе были допрошены.

КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ТУРЕЦКИХЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

АКЪ ИЗВѢСТНО, мирныя сношенія Россіи съ Турціей начались почти непосредственно вслѣдъ за завоеваніемъ Константинополя турками. Уже въ царствованіе султана Баязида II (1481—1512 гг.), сына и преемника Магомета II Завоевателя, явились русскіе послы въ Константинополь (стольникъ Михаилъ Плещеевъ и Константинъ Авксентьевъ) и возвратились въ Москву въ сопровожденіи турецкаго посла. Посольства эти за рѣдкими исключеніями (во время Смутнаго времени) чередовались почти непрерывно втеченіе двухсотъ лѣтъ. Уже въ тѣ времена оба государства, объявленныя католической Европой за варварскія, подъ вліяніемъ политическихъ событій, нерѣдко помимо обычныхъ торговыхъ цѣлей, въ своихъ переговорахъ обмѣнивались мыслями о взаимномъ союзѣ противъ общихъ враговъ. Но особенно ясный и положительный характеръ съ русской стороны приняли эти посольства въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда Россія, послѣ тяжелаго смутнаго времени, обрѣвъ вновь единство и крѣпость подъ мудрымъ правленіемъ перваго государя изъ дома Романовыхъ, задумала нанести рѣшительный ударъ своему главному врагу въ то время—Польшѣ. Отселѣ всѣ усилія московской политики направились къ ослабленію этого вѣковаго врага, и они какъ разъ совпали съ политическими взглядами Порты и особенно личными султана Мурада IV (1623—1640 гг.), упорно боровшагося съ Польшею, защитницей и вѣрной дочерью на Востокѣ Римской

курія, открыто проповѣдывавшей уже болѣе 50 лѣтъ священные походы противъ мусульманъ-турокъ. Посольство за посольствомъ отправлялись въ Стамбулъ, нерѣдко подвергаясь опасностямъ въ пути со стороны разбойниковъ-крымцевъ (такъ Иванъ Бѣгичевъ и подьячій Ботвиньевъ, отправленные съ дарами и поздравленіями по случаю вступленія на престолъ султана Мурада IV, были убиты въ Крыму въ 1624 году), достигали Константинополя, проживали тамъ цѣлые мѣсяцы, добиваясь аудіенціи у султана или же у великаго визиря, дѣятельно интриговали въ турецкихъ придворныхъ сферахъ противъ Польши и ея пословъ[1]) и возвращались домой въ Москву, такъ или иначе достигнувъ своей цѣли, нерѣдко сопровождаемые спеціальнымъ турецкимъ посольствомъ съ отвѣтной грамотой и дарами султана къ «московскому королю».

Кромѣ того, была еще и другая причина къ взаимному обмѣну посольствами: желаніе прекратить постоянные набѣги хищниковъ (казаковъ и крымскихъ татаръ) на пограничныя области. Русскіе жаловались на крымцевъ, вассаловъ султана, а турки на донскихъ казаковъ. Начиная съ XVII столѣтія, казаки сдѣлались грозою для Турецкой имперіи. На своихъ легкихъ чайкахъ (потурецки «шайкахъ») они выходили «погулять» въ Черное море, грабили побережья Европейское и Азіатское и нерѣдко отваживались захватывать и жечь даже цѣлые города и крѣпости (Ахтіополь, Синопъ и др.), а въ 1624 году прорвались даже въ Босфоръ и сожгли пригородныя селенія: Буюкдере, Еникёй, Стенію и др., чѣмъ, по свидѣтельству турецкихъ лѣтописцевъ, навели панику на Стамбулъ и его падишаха[2]).

---

[1]) Такъ, интересно сообщеніе турецкаго историка-лѣтописца Кятибъ-Челеби-эффенди (извѣстнаго также подъ именемъ Хаджи Кальфа) о взаимныхъ пререканіяхъ русскаго и польскаго пословъ въ 1628 году: «Въ началѣ Мухаррема 1032 года Гиджры (1622—1623 гг.) прибыли и явились къ Двери Счастія послы ляхскій и московскій; мулязимамъ сипаховъ (дворцовымъ чинамъ) была дана служба при нихъ. Ляхскій посолъ былъ большой посолъ съ 700 всадниковъ. Оба посла случайно сошлись вмѣстѣ во дворцѣ великаго визиря и вступили въ пререканія другъ съ другомъ, ибо московы, будучи врагами ляховъ, прислали своего посла для того, чтобы окончательно сжить съ свѣта ляховъ. Дѣло въ томъ, что, не одержавъ побѣды надъ правовѣрными въ «битвѣ при Лагерѣ» (въ турецко-польскую войну 1621—1622 гг.), ляхскія войска вернулись домой съ пустыми руками; ляховъ разъярило это, и они пошли войной на москововъ московы же выступили навстрѣчу, сразились и побѣдили, такъ что большая часть ляхскаго войска погибла, а уцѣлѣвшіе отъ меча ляхи бѣжали домой въ свою страну. Тогда московы нарядили посла, который и прибылъ въ Стамбулъ чрезъ Кафу (Θеодосію), дабы подружиться съ османлисами и побѣдить окончательно враговъ своихъ» (Фезлеке, Кятибъ-Челеби, печатное изд., ч. II, стр. 31).

[2]) «Захватъ Еникёя казаками въ 1033 году гиджры. Въ то время, какъ флотъ турецкій былъ занятъ дѣлами въ Кафѣ (въ Крыму), донскіе казаки, найдя Черное море свободнымъ, ворвались въ Босфоръ 4 шевваля на 150 чайкахъ, разграбили Еникёй, сожгли тамъ нѣсколько лавокъ и причинили боль-

Недавно намъ посчастливилось пріобрѣсти въ Константинополѣ турецкій текстъ отвѣтной грамоты султана Мурада IV на московское посольство 1628—1629 гг., явившееся къ нему съ предложеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Польши. Въ виду важности затрогиваемаго вопроса и благопріятнаго для насъ русскихъ рѣшенія его султаномъ, мы рѣшились познакомить нашихъ соотечественниковъ съ содержаніемъ этого дипломатическаго документа, характерно рисующаго русско-турецкія политическія сношенія въ началѣ XVII столѣтія. Мы приводимъ его дословно, въ сдѣланномъ нами подстрочномъ переводѣ съ турецкаго языка.

«До нашего счастливаго порога и Высокой Двери, къ которымъ стремятся всѣ государи міра, дошло любвеобильное писаніе ваше чрезъ посредство пословъ вашихъ.... [1]), именитыхъ сановниковъ среди христіанъ, мужей вамъ преданныхъ и довѣренныхъ. Въ посланіи семъ значилось, что со временъ дѣдовъ и предшественниковъ вашихъ основанія дружбы и союза стояли по сіе время непоколебимо, благодаря вашей любви и преданности къ нашей высокой державѣ, что вы изо дня въ день употребляете всѣ усилія къ продленію любви и дружбы и къ усиленію искренности и единенія; но что, во время царствованія великаго дяди нашего султана Мустафы-хана, нынѣ отрекшагося отъ престола и удалившагося, посланные вами къ Высокой Двери, для возобновленія дружбы и преданности и укрѣпленія основъ договоровъ, послы, вмѣстѣ со всѣми ихъ людьми, по прибытіи въ Крымъ, были дерзновенно убиты измѣнникомъ и бунтовщикомъ кальгай [2]) Шахинъ-Гиреемъ и все ихъ имущество и припасы были разграблены, что вслѣдствіе того сообщеніе чрезъ тѣ страны сдѣлалось затруднительнымъ, и въ посылкѣ пословъ и людей вышло замедленіе; что, имѣя въ виду выступить въ походъ противъ сосѣдей вашихъ, постоянно на васъ зло умышляющихъ, вы весьма желали бы получить съ нашей стороны помощь и содѣйствіе, дабы враги оные подверглись

шой вредъ. Когда объ этомъ пришло извѣстіе въ Стамбулъ, бостанджіи (дворцовая гвардія) и люди сегбанбаши немедленно сѣли на суда и отправились сражаться. Но разбойники-казаки, провѣдавъ о томъ, удрали въ море, не медля ни минуты. О такомъ дерзкомъ нападеніи казаковъ проклятыхъ на Босфоръ не упоминалось (раньше сего) ни въ одной лѣтописи» (Фезлеке, ч. II, стр. 61). По другимъ турецкимъ источникамъ, а также по донесеніямъ современнаго англійскаго посланника de-Roë, казаки (запорожцы) сдѣлали два нападенія на Босфоръ втеченіе 1624 года, прорвались почти до самаго Стамбула и спокойно удалились въ море съ богатою добычей (Zinkeisen, Geschichte des Ottomanischen Reiches, т. IV, стр. 494, 495).

[1]) Имена пропущены въ текстѣ; очевидно, то были дворянинъ Семенъ Яковлевъ и дьякъ Евдокимовъ, посланные въ Константинополь въ 1628—1629 гг.

[2]) «Кальгай» или «кальга» титулъ объявленнаго преемника крымскихъ хановъ, и носился лицомъ еще при жизни правящаго хана.

должному наказанію съ двухъ сторонъ, и что, какъ вы съ своей стороны обязуетесь крѣпко держать Донскихъ казаковъ, такъ желательно для васъ предписаніе и внушеніе съ нашей стороны крымцамъ не дѣлать набѣговъ на Московскую землю. Все, что вы словесно поручили означеннымъ вашимъ посламъ и ранѣе того посланному нами греку Ѳомѣ [1]) касательно дружбы и любви, установившейся еще со временъ отцовъ и дѣдовъ вашихъ, и касательно предполагаемаго похода на пограничныхъ сосѣдей вашихъ, все это подробно было доложено къ подножію нашего высокаго трона нашими визирями и сановниками, и нашъ свѣтлый умъ постигъ все это какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ.

«Такъ какъ вы, ссылаясь на дружбу съ нашими великими дѣдами, обратились къ нашему порогу, убѣжищу міра, заявили, что вы друзья друзей нашихъ и враги враговъ нашихъ и обязались крѣпко держать Донскихъ казаковъ, то мы, слѣдуя обычаю покровительства и благоразумнымъ правиламъ, унаслѣдованнымъ нами отъ нашихъ великихъ дѣдовъ и славныхъ отцовъ, приняли васъ въ нашу дружбу.

«Доколѣ вы будете относиться къ намъ чистосердечно, будетъ вамъ оказываема помощь и защита соотвѣтственно нашему милостивому вниманію въ дѣлѣ поддержанія установившихся между нами и вами договоровъ дружбы, союза и покровительства, и согласно съ ревностью нашей въ дѣлѣ соблюденія чести и достоинства государства.

«Мы не дозволяемъ, чтобы дѣлались (крымцами) набѣги на вашу землю, и потому отправляемъ нынѣ высочайшую грамоту нашу къ Джанибекъ Гирей-хану, поставленному нами ханомъ и повелителемъ Крыма и всѣхъ татаръ (да продлятся его высокія качества!), съ строгимъ наказомъ вести съ вами дружбу, какъ и съ прочими друзьями нашими, и отнюдь не вторгаться въ вашу страну и не нападать ни на крѣпости ваши, ни на вашихъ подданныхъ.

«Кромѣ того, признавая благоразумнымъ въ дѣлѣ нападенія на извѣстное племя дѣйствовать съ усердіемъ съ двухъ сторонъ, мы, для надлежащаго наказанія и съ помощью Божіей уничтоженія бунтовщиковъ и разбойниковъ на Днѣпрѣ, послали въ семъ счастливомъ году визиря нашего Хусейнъ-пашу (да продлитъ Господь славу его!) въ качествѣ сераскера (главнокомандующаго) съ войсками Эрдильскаго виляета и съ санджакъ-беями, заимами и тиміаріотами пятнадцати санджаковъ [2]) (уѣздовъ), а со стороны моря

---

[1]) «Грекъ Ѳома»—извѣстный Ѳома Кантакузенъ, ѣздившій нѣсколько разъ посломъ султана въ Москву и убитый донскими казаками во время похода ихъ на Азовъ въ 1642 году.

[2]) То-есть иррегулярныя войска, которыя разные землевладѣльцы (санджакъ-беи, заимы и тимаріоты) обязаны были поставлять въ арміи въ военное время.

мы выслали къ Днѣпру... чекдирме изъ императорскаго флота съ войсками и... чаекъ съ воинами Боснiйскаго вилаета. Къ вамъ же посылается вновь грекъ Өома съ нашимъ писанiемъ для извѣщенiя, что весьма важно будетъ, если вы предварительно двинетесь той стороною, какъ вы писали въ посланiи вашемъ. По прибытiи къ вамъ нашего посла желательно, чтобы вы, подобно вашимъ предкамъ и предшественникамъ и согласно съ вашей преданностью и приверженностью къ нашему счастливому порогу, крѣпко утвердили основанiя дружбы: быть другомъ друзей нашихъ и врагомъ враговъ нашихъ, придержали крѣпко, согласно вашему обѣщанiю, подвластныхъ вамъ Донскихъ казаковъ и постарались бы соблюсти неукоснительно правила добраго сосѣдства.

«О движенiи вашемъ противъ сосѣдей ляховъ извѣстите вышеназваннаго нашего полководца и донесите спѣшно нашему счастливому порогу, какимъ именно образомъ нужно будетъ помочь вамъ, дабы поддержка могла быть дѣйствительной и дабы своевременно съ обѣихъ сторонъ было проявлено надлежащее усердiе къ пораженiю и уничтоженiю означенныхъ вашихъ враговъ.

«Итакъ старайтесь всегда совершать поступки и дѣла, свидѣтельствующiя о вашей чистосердечной преданности, дабы установившiяся между нами и вами основанiя дружбы и мира росли и крѣпли съ каждымъ днемъ и дабы не представилось даже возможности пошатнуться имъ.

«Присланные вами дары удостоились милостиваго взгляда нашего и были приняты. Оба ваши посла прибыли въ нашу славную столицу въ зимнюю пору, и потому имъ пришлось задержаться и пробыть извѣстное время при нашей Высокой Двери. Согласно нашимъ древнимъ царскимъ положенiямъ и обычаямъ они были осчастливлены нашими высокими милостями, получили почетные халаты и затѣмъ съ нашего разрѣшенiя отправились въ обратный путь къ вамъ.

«Отвѣтъ нашъ на дѣла и статьи, порученныя вами посламъ для словесной намъ передачи, сообщатъ вамъ изустно эти самые послы и отправленный нами вмѣстѣ съ ними грекъ Өома; извѣстившись отъ нихъ о содержанiи онаго, дѣйствуйте согласно ему и, буде то необходимо, не оставьте насъ увѣдомить.

«За симъ привѣтъ всѣмъ тѣмъ, кто слѣдуетъ истинному руководству» [1]).

Эта грамота султана Мурада IV, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не была издана и не цитируется даже мелькомъ ни въ одной изъ «исторiй Турцiи». Она попалась намъ въ одномъ ано-

---

[1]) Обычная заключительная формула писемъ мусульманъ къ иновѣрцамъ, содержащая, по понятiямъ мусульманъ, высокую вѣжливость: пожеланiе имъ сдѣлаться мусульманами.

нимномъ «инша», рукописномъ сборникѣ грамотъ и писемъ султановъ и государственныхъ людей Турціи, писанномъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Очевидно, документъ этотъ, несомнѣнно подлинный по характеру и по слогу, былъ извлеченъ авторомъ сборника (чиновникомъ?) изъ государственныхъ архивовъ и вмѣстѣ съ прочими документами и письмами политическаго характера былъ предложенъ вниманію начитанныхъ турокъ его времени (времени упадка), какъ образецъ краснорѣчія и политической мудрости государственныхъ мужей Турціи эпохи процвѣтанія и могущества.

И въ настоящее время, спустя почти 250 лѣтъ, тѣ же мысли о тѣсной дружбѣ и союзѣ съ Россіей, особенно послѣ войны 1877—1878 гг., столь тяжелой и невыгодной для обѣихъ воевавшихъ сторонъ, нерѣдко приходилось и приходится намъ слышать отъ большинства мыслящихъ турокъ, тѣхъ турокъ, которымъ еще дорога ихъ былая самобытность и славное прошлое ихъ исторіи и которые еще не утратили способности (хотя бы своею косностью) противиться натиску западной европейской цивилизаціи, чуждой имъ по духу и враждебной ихъ религіи—исламу. Къ сожалѣнію, взгляды этихъ патріотовъ, основанные на болѣе близкомъ знакомствѣ съ русскимъ народомъ и его исторіей, не всегда раздѣляются нынѣшними заправляющими (чиновными) сферами Турціи, уже успѣвшими воспринять внѣшній лоскъ европейской образованности и всосать вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣпую ненависть Запада къ Россіи...

С. Чахотинъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ [1].

ВАДЦАТЬ пятаго мая 1774 года восемь всадниковъ съ двумя запасными лошадьми пробирались глухою лѣсной тропой близъ Уральской сопки, что̀ могучей вершиной выдвинулась какъ разъ на границѣ между Европой и Азіей. Лошади шли шагомъ и видимо были сильно утомлены. Даже запасныя шли, понуря головы. Впереди ѣхалъ молодой парень лѣтъ двадцати трехъ; по охотничьей винтовкѣ за плечами, рваному суконному азяму [2]) и такой же шапченкѣ на головѣ, его скорѣе всего можно было принять за рабочаго съ какого нибудь завода. Повидимому, онъ былъ вожатымъ для своихъ спутниковъ. Внимательно осматривалъ онъ тропу, останавливался, иногда круто сворачивалъ въ сторону... Остальные семеро безпрекословно поворачивали за нимъ и ѣхали почти слѣдъ въ слѣдъ. Но это уже не были заводскіе крестьяне.

---

[1]) Конецъ мая и начало іюня 1774 года — самая темная страница въ исторіи Пугачевскаго бунта. Втеченіе этихъ двухъ недѣль Пугачевъ работалъ по заводамъ южнаго Урала, главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ Златоустовскомъ округѣ. Преслѣдованіе его въ глухихъ дебряхъ Урала было невозможно даже для Михельсона, который одинъ только и держался еще нѣкоторое время въ этихъ мѣстахъ со своимъ малочисленнымъ отрядомъ, а потому не было лица, которое своими донесеніями могло бы вести, такъ сказать, дневникъ его дѣятельности. Чтобы хоть сколько нибудь освѣтить эту темноту, за неимѣніемъ строгихъ историческихъ данныхъ, пришлось обратиться къ преданіямъ народнымъ. Преданія эти собраны авторомъ на мѣстѣ. Живы еще люди, которые отлично помнятъ участниковъ Пугачевскаго бунта и слышали лично отъ нихъ разсказы о давней старинѣ. Эти-то разсказы, воспоминанія и преданія и положены въ основаніе настоящаго очерка.

[2]) Кафтанъ.

По вооруженію и характернымъ костюмамъ, въ нихъ легко было признать казаковъ.

У одного изъ казаковъ не было за плечами винтовки, но зато въ остальномъ онъ былъ вооруженъ гораздо лучше своихъ товарищей: длинный турецкій кинжалъ, за поясомъ пара пистолетовъ съ богатою серебряной насѣчкой и кривая шашка на ремнѣ были очень внушительны. Да и лошадь подъ нимъ была лучше или, по крайней мѣрѣ, свѣжѣе другихъ: должно быть, именно для него предназначались запасныя лошади, которыхъ его товарищи вели въ поводу. По всему былъ виденъ въ немъ прямой начальникъ, или, по крайней мѣрѣ, старшій въ маленькомъ казачьемъ отрядѣ. На видъ ему было лѣтъ подъ сорокъ; но онъ навѣрно выглядѣлъ старше своихъ лѣтъ: его старило смуглое, нѣсколько рябоватое лице; въ широкой черной бородѣ уже замѣтно проглядывала преждевременная сѣдина, но глаза, почти черные, горѣли еще блескомъ молодости; въ нихъ свѣтилась необузданная воля, неутомимая энергія; сухощавый, немного сутоловатый, роста, пожалуй, даже ниже средняго, но очень широкій въ плечахъ — это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ говорятъ: неладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. Онъ задумчиво покачивался на сѣдлѣ, лѣвой рукой перебирая поводья своего коня, а правую положивъ на одинъ изъ пистолетовъ. Не веселыя, видно, думы бродили въ его головѣ; онъ былъ сумраченъ; иногда глаза его загорались злобой, будто вспоминалось ему что-то тяжелое, въ эти минуты онъ быстрѣе начиналъ перебирать поводья и сжималъ крутые бока своего коня, какъ будто желая ускакать отъ неотвязныхъ думъ, но тотчасъ же сдерживалъ свой порывъ и снова погружался въ задумчивость...

Казаки ѣхали молча; только мѣрный топотъ лошадей да трескъ сухаго валежника нарушалъ торжественную тишину лѣсной чащи. Изрѣдка изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей съ шумомъ срывался глухарь, столбомъ взвивался надъ деревьями и исчезалъ въ глухомъ ельникѣ. И опять все тихо... Тропа уже давно кончилась. Ѣхали цѣлиной, едва пробираясь между деревъ и пользуясь каждой прогалинкой, каждымъ чистымъ мѣстечкомъ среди лѣсной чащи. Ѣхать становилось труднѣе съ каждымъ шагомъ. Наконецъ одинъ изъ казаковъ не выдержалъ и крикнулъ вожатому:

— Ѳедька, слышь ты! Скоро-ль чаща-то кончится?

— Да ужъ выѣзжаемъ!—отозвался тотъ.—Аль не видишь, сопка-то проглядывать стала!

Впереди дѣйствительно лѣсъ потемнѣлъ, хотя уже замѣтно становился рѣже. Видно было, что какая-то громадная масса заслонила собою просвѣтъ. Лошади прибавили шагу. Наконецъ путники выѣхали на широкую лѣсную поляну, съ трехъ сторонъ закрытую глухой стѣной ельниковъ, а съ четвертой какъ бы задавленную тяжелой массой Уральской сопки. Чахлая лѣсная по-

рость покрывала крутые склоны горы, а чѣмъ выше, тѣмъ бѣднѣе становилась эта жалкая растительность; самая же вершина занята глыбами голаго кварца, образовавшаго тамъ множество прихотливыхъ башенокъ, колонъ и переходовъ... Точно развалины какого-то древняго замка увѣнчали собою вершину горы.

Казаки осмотрѣлись, выбирая себѣ укромное мѣсто для отдыха. Ихъ выборъ палъ на каменистую площадку у самаго подножія сопки. Площадка эта не болѣе десяти саженъ, со всѣхъ сторонъ задвинута громадными глыбами кварца, вѣроятно, еще въ незапамятныя времена свалившимися съ вершины горы. Изъ этого каменнаго гнѣзда казакамъ было отлично наблюдать за всей мѣстной поляной, тянувшейся отъ горы до самыхъ ельниковъ, оставаясь въ то же время недоступными для посторонняго глаза. Въ случаѣ же надобности и скрыться отсюда было удобно: не дальше трехъ шаговъ начиналась каменная розсыпь, откуда былъ уже свободный ходъ или по широкой разсѣлинѣ на верхъ горы, или въ глушь ельниковъ, темнозеленымъ кольцомъ охватившихъ сопку. Повидимому, всѣ остались очень довольны выборомъ.

— Мѣсто надежное! — проговорилъ проводникъ. — И ключикъ здѣсь не дивно[1]) далеко... Важно бы расположиться!

— А это ужъ какъ государь-батюшка прикажетъ! — замѣтилъ одинъ изъ казаковъ, въ полоборота посматривая на своихъ товарищей.

Смуглолицый казакъ, выглядѣвшій начальникомъ отряда, живо отозвался на это замѣчаніе.

— А по мнѣ что-жъ! Какъ атаманы хотятъ! —проговорилъ онъ, зорко всматриваясь въ мѣстность.

Казаки начали спѣшиваться.

Проводникъ Ѳедька, услышавъ замѣчаніе казака на счетъ воли государевой, разинулъ ротъ отъ удивленія, и какъ сидѣлъ въ сѣдлѣ, такъ и окаменѣлъ, уставившись на смуглолицаго казака. Казакъ въ свою очередь пытливо смотрѣлъ на него. Прошло нѣсколько секундъ... и Ѳедька какъ кулекъ свалился съ сѣдла и упалъ на колѣна:

— Такъ неужто-жъ ты и есть нашъ явленный государь Петръ Ѳедоровичъ? — проговорилъ онъ, пораженный такою неожиданностью.

— А вотъ спроси моихъ атамановъ, слугъ моихъ вѣрныхъ, они скажутъ тебѣ,—съ усмѣшкой отвѣчалъ казакъ, сходя съ коня и отдавая поводья одному изъ этихъ атамановъ.

— Вотъ привелъ Богъ сослужить службу царю-батюшкѣ, незнамо-невѣдомо!—продолжалъ кланяться Ѳедька.

— Спасибо за службу! За Богомъ молитва, а за царемъ служба

[1]) Очень.

никогда не пропадаетъ!—отозвался казакъ, отходя къ выбранной каменистой полянкѣ.—Служи мнѣ вѣрно, въ накладѣ не будешь, а пока помалкивай до времени!

— Радъ служить тебѣ, батюшка, по гробъ жизни моей?..

Ѳедоръ долго бы сталъ еще причитать, но казаки приступили къ нему съ разспросами о мѣстности, и онъ замолчалъ, но долго еще продолжалъ ахать и охать, подобострастно взглядывая на «батюшку».

Этотъ «новоявленный батюшка» былъ Пугачевъ со своими сподвижниками, уцѣлѣвшими отъ разгрома его шаекъ правительственными войсками сначала подъ Троицкой крѣпостью, гдѣ 21-го мая разбилъ его Декалонгъ, а затѣмъ у деревни Лягушиной, гдѣ Пугачевъ впервые встрѣтился съ Михельсономъ и снова былъ разбитъ. Онъ ускакалъ съ поля битвы въ сопровожденіи шести наиболѣе близкихъ ему и преданныхъ казаковъ. Эти шестеро да проводникъ, отлично знавшій мѣстность и случайно примкнувшій къ отряду,—вотъ все, что осталось отъ его десятитысячной арміи, которой онъ еще четыре дня тому назадъ командовалъ подъ Троицкой. Въ открытомъ полѣ, по ту сторону Уральскаго гребня ему вездѣ грозили разъѣзды Михельсоновской конницы, и онъ бросился въ горы, рѣшивъ переждать здѣсь до времени, «скопиться», если можно, и тогда уже ударить на Михельсона.

Таково было положеніе смѣлаго самозванца, 25-го мая 1774 года, когда онъ съ небольшою горстью людей скрылся въ каменныхъ розсыпяхъ и глухихъ, почти непролазныхъ ельникахъ Уральской сопки на рубежѣ Европы съ Азіей.

Казаки разсѣдлали лошадей, стреножили ихъ и пустили на траву; нѣкоторые принялись собирать сухой валежникъ; проводникъ Ѳедька съ двумя котелками отправился на ключъ за водой. Время уже подвигалось къ обѣду; у казаковъ въ переметныхъ сумахъ оказался небольшой запасъ пшена и сала, а у Ѳедьки нашелся каравай хлѣба: можно, значитъ, было расчитывать на горячій обѣдъ.

Когда Ѳедька отошелъ, направляясь къ ключу, а казаки занялись костромъ, Пугачевъ подозвалъ къ себѣ одного изъ нихъ.

— Ты, Чумаковъ, поприглядн за Ѳедькой-то! Ненадеженъ онъ, сдается мнѣ... Не хитритъ ли?

— Полно, Емельянъ Ивановичъ!—усмѣхнулся тотъ.—Что тебѣ почудилось? Больно ужъ ты не вѣренъ сталъ?

— Не надеженъ, сдается мнѣ...

— Экъ тя напужали, право!...

Пугачевъ нахмурился. Чумаковъ тотчасъ же замѣтилъ это. Презрительная улыбка скользнула по его умному лицу, но онъ быстро перемѣнилъ тонъ...

— Что-жъ, коль прикажешь, присмотрѣть можно... Не мѣшаетъ!..

И, обратясь къ одному изъ молодыхъ казаковъ, крикнулъ:

— Шалинъ! Видѣлъ, куда Ѳедька пошелъ? Поторопи-ка его... Да шашку-то не отцѣпляй... Такъ иди!..

Казакъ скрылся за камнями. Пугачевъ заговорилъ снова.

— Ты всѣхъ лошадей велѣлъ расѣдлать?

— Это ты про запасныхъ-то?—въ свою очередь спросилъ Чумаковъ.—Разсѣдлали и ихъ... Вѣдь коли что потревожать, пѣшкомъ уходить надо! Самъ знаешь, тутъ на конѣ далеко не ускачешь!

— И то правда!—согласился Пугачевъ и задумчиво сталъ смотрѣть на разгоравшійся костеръ.

Казаки, покончивъ съ лошадьми, также подошли къ костру, но усѣлись немного поодаль, изрѣдка перекидываясь, да и то въ полголоса отдѣльными замѣчаніями.

Со стороны ключа послышался трескъ сухаго валежника, и скоро на поляну вышелъ Ѳедька съ двумя котелками въ рукахъ, Шалинъ и еще какой-то старикъ, крестьянинъ. Чумаковъ поспѣшно вышелъ къ нимъ навстрѣчу, пошептался съ Шалинымъ и, вернувшись назадъ, передалъ что-то на ухо Пугачеву и усѣлся на свое мѣсто. Крестьянину было на видъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, но онъ казался еще очень бодрымъ. Повидимому, онъ брелъ не издалека: у него, кромѣ длинной палки въ рукахъ, ничего не было. Подойдя къ сидѣвшимъ у костра, онъ снялъ шапку, отдалъ общій поклонъ и проговорилъ:

— Миръ на стану, добрые люди! Здравствуйте!

— Здравствуй и ты!—за всѣхъ отозвался Чумаковъ.—Откуда Богъ несетъ?

— А съ завода мы! — отвѣчалъ старикъ, выдвинувъ впередъ себя палку и опираясь на нее обѣими руками.

— Съ какого завода?

— А изъ Златоустова... Дочь у меня въ Кундраву выдана... Да, слышь, погромъ тамъ былъ... Вотъ и шелъ провѣдать, значитъ, внучатъ посмотрѣть... Живы ли еще, поди... Эко времечко-то Господь послалъ!...

— Ой и врешь же ты, старикъ, лихо врешь!—насмѣшливо замѣтилъ Чумаковъ.—Въ Кундраву, вишь ты, плетется!... А зачѣмъ же сюда-то занесла тебя нелегкая?

— Сюда-то зачѣмъ зашелъ, говоришь?—спокойно промолвилъ старикъ.—А затѣмъ и зашелъ, что испить ужъ больно охота была... А ключа-то ближе этого нѣтъ отъ дороги!

— Какъ такъ ближе нѣтъ?—изумился Чумаковъ.—Мы ѣхали, ѣхали съ дороги-то и конца видѣть не чаяли, а тебѣ близко выходитъ?

Пугачевъ и другіе казаки также были очень удивлены этой неожиданной новостью и твердо были увѣрены, что старикъ хитритъ.

— Видно, не знаете вы, господа честные, нашихъ ельниковъ!— медленно заговорилъ старикъ.—Вы вѣдь конной тропой ѣхали?... Такъ, извѣстное дѣло, далеко... Не вездѣ на конѣ-то проѣдешь. А пѣшеходная тропка идетъ, почитай что, совсѣмъ прямехонько... Съ этого мѣста и версты не будетъ до дороги!

Ѳедька подтвердилъ слова старика, сказавъ, что такая тропа дѣйствительно есть.

— А на конѣ по ней не проѣхать? — спросилъ Пугачевъ, посматривая то на старика, то на Ѳедьку.

— Гдѣ, батюшка, проѣхать! — отозвался старикъ. — И нашему-то брату иной разъ звѣрьемъ на четвереенькахъ пролѣзать приходится... Гдѣ тутъ проѣхать!.. А вы ништо не ближніе?

Старикъ пытливо смотрѣлъ на казаковъ, какъ будто обдумывая, что это за люди, и какъ держать себя съ ними, чтобы грѣхомъ не попасть впросакъ. Онъ былъ уже травленый волкъ: одинъ разъ его чуть не разстрѣляли за царя, а въ другой чуть не повѣсили за царицу, а потому онъ и боялся «не потрафить». Онъ повторилъ свой вопросъ, на который отозвался Чумаковъ.

— Вѣрное ты слово сказалъ, старина! Люди мы и впрямь не ближніе, съ вашей чащобой незнакомые!

— А кто-жъ таковы будете, коли спросъ не въ обиду?..

— Отчего не спросить... не зря же языку-то болтаться! — проговорилъ Чумаковъ:—а ужъ за отвѣтъ не обезсудь, коли не покажется... Въ лѣсу съѣжаемся, родомъ не считаемся... Вотъ мы кто таковы. Понялъ ли, старина?

— Какъ не понять, — проговорилъ старикъ: — хоть и красно сказываешь!

Старикъ дѣйствительно понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Царевы слуги, подумалъ онъ, значитъ о царицѣ ни гу-гу. Поэтому на разспросы казаковъ о томъ, что дѣлается въ Златоустѣ и въ окрестностяхъ, онъ сталъ разсказывать уже довольно спокойно, зная, куда надо гнуть, чтобы не попасть на сукъ.

— Сначала-то тихо у насъ было, — говорилъ онъ, усѣвшись на камень и прислонивъ свою палку къ выступу скалы.—Слышно было, что на Яикѣ у казаковъ царь объявился, покойный Петръ Ѳедоровичъ, здравъ и невредимъ и съ воинствомъ многимъ... Да какъ вѣру-то дать... Мало ли что болтаютъ въ народѣ! Вѣдь и то сказать: то на Яикѣ, а у насъ начальство... чуть что, и въ батоги, разбирай тамъ на досугѣ. Только съ Николы Зимняго куда бойчѣе заговорили, да и башкирье ужъ очень доняло. Такіе разбои пошли, не приведи ты, Господи! Какъ за заводъ выѣхалъ... за сѣномъ или другой какой надобностью... такъ тутъ и жди бѣды. Слава Богу, коли самого живымъ отпустятъ, а лошадь угонятъ ужъ безпремѣнно. Вотъ тутъ-то и прослышали мы, что въ Бердѣ у царя новоявленнаго грамоты выдаются, чтобы, значитъ, башкирье

не забижало. Саткинцы ходоковъ посылали за этой самой грамотой, ну, и мы съ ними. И недѣли не прошло, какъ явился къ намъ царскій полковникъ... и пошли у насъ порядки новые. Управитель, какъ прослышалъ, что въ Саткахъ расправа пошла, все бросилъ и куда дѣвался, неизвѣстно. Пожалѣлъ потомъ полковникъ и попенялъ на стариковъ, что не задержали управителя. Быть бы ему на суку, ужъ это вѣрное дѣло... А вотъ теперь самого царя къ себѣ въ гости ждемъ. Говорятъ, что пожалуетъ скоро къ намъ на заводы...

— Кто-жъ это говорилъ, что самъ царь къ вамъ собирается?— спросилъ Пугачевъ.

— А третьеводни яицкіе казаки пріѣзжали, сказывали...

— Зачѣмъ пріѣзжали?

— Да мимоѣздомъ, вишь ты, на Сатку трафили... За ними и нашихъ ребятъ не мало увязалось. А нынче съ утра другой слухъ пошелъ...

Старикъ какъ-то оборвался и замолчалъ.

— Какой слухъ? Что-жъ не договариваешь?—быстро спросилъ Пугачевъ, сверкнувъ на старика глазами.

— Да, можетъ, и зря болтаютъ... Народъ, что баба!...

— Да говори толкомъ!.. Самъ-то ровно баба!..

— Болтаютъ, что царицыно войско идетъ къ намъ, и станутъ вѣшать тѣхъ, кого казаки помиловали... Сказываютъ еще, что генералу-то ея приказъ такой вышелъ, чтобы поймать царя и подъ секретомъ въ Питеръ выслать... Десять тысячъ даетъ...

— За что десять тысячъ?—спросилъ Чумаковъ.

— А вотъ за то, коли поймаетъ кто царя и ему предоставитъ!

— Вотъ какъ!—протянулъ Чумаковъ и, оборотясь къ Пугачеву, проговорилъ:—видно, въ цѣну товаръ-то входитъ!.. Давно ли всего только пятьсотъ цѣлковыхъ сулили, а теперь, нако поди, десять тысячъ... Видно, спросъ большой!..

— Не то, чтобы спросъ большой, а товаръ рѣдкостный! — отозвался Пугачевъ, быстро взглянувъ на своего наперсника. — А я за этого нѣмца больше трехсотъ цѣлковыхъ не далъ бы... По боярину и говядина, по товару и цѣна!..

Казаки переглянулись между собой. Разговоръ какъ-то замялся. Всѣ занялись обѣдомъ, къ которому пригласили и старика.

Послѣ обѣда старика отпустили, хотя Пугачевъ настаивалъ было на томъ, чтобы его задержать, но въ концѣ концовъ уступилъ уговорамъ Чумакова.

Передъ вечеромъ Пугачевъ, въ сопровожденіи Чумакова и Ѳедьки, поднялся на вершину сопки. Чудная панорама открылась передъ ними съ этой уединенной вершины. Налѣво горы круто обрывались и небольшими возвышеніями и пригорками вдали постепенно переходили въ безконечную равнину; кое-гдѣ видны небольшія ка-

зачьи слободы и поселки; ярче другихъ выступаетъ далекій Міасъ... Направо картина рѣзко измѣняется. Здѣсь нагромоздились безчисленныя сопки и отроги Урала. Лѣсъ и горы, горы и лѣсъ... Сжатый со всѣхъ сторонъ, какъ бы раздавленный горами, виденъ Златоустъ, а около него расплавленнымъ золотомъ блеститъ подъ лучами вечерняго солнца заводскій прудъ... Налѣво Азія, направо Европа... Налѣво испытанное, пережитое; направо темное, загадочное будущее...

Пугачевъ пытливо смотрѣлъ вдаль, какъ будто эти нагроможденныя другъ на друга горы, памятники многовѣковаго мятежа природы, могли дать какой нибудь отвѣтъ на запросы его собственной мятежной судьбы. Онъ стоялъ на рубежѣ Европы съ Азіей; онъ стоялъ на рубежѣ своей судьбы... Оставить все и бѣжать за Яикъ?.. Идти впередъ и пытать счастіе до конца?.. До конца... Какой конецъ?.. Конецъ въ Москвѣ... Въ Кремлѣ или на плахѣ?..

Чумаковъ, забравшійся съ нимъ на самую вершину, рѣзко прервалъ его размышленія.

— А вѣдь это Михельсоновы!—проговорилъ онъ, указывая внизъ, гдѣ въ зелени ельниковъ мѣстами виднѣлась голая лента большой дороги.

— Гдѣ ты видишь? Гдѣ?—очнулся Пугачевъ, всматриваясь въ указанномъ направленіи.

— Да вона же конные выѣзжаютъ!.. Некому быть больше... Онъ и есть!

Пугачевъ теперь и самъ разглядѣлъ и сталъ внимательно всматриваться въ двигавшійся по дорогѣ отрядъ.

— Михельсоновы... — проговорилъ онъ. — Къ Златоусту пробираются!

— Сегодня не проберутся, заночуютъ!—спокойно замѣтилъ Чумаковъ.

Послѣ минутнаго размышленія Пугачевъ подозвалъ къ себѣ Ѳедьку, остававшагося все время немного поодаль внизу на откосѣ. Казалось, онъ на что-то рѣшился, и рѣшился твердо.

— Ну, Ѳедоръ!—проговорилъ онъ, ласково обращаясь къ проводнику:—мнѣ нужна твоя служба!

— Вели служить, государь, вели голову сложить!—отвѣчалъ Ѳедоръ, низко кланяясь Пугачеву.

— Головы пока не нужно... Самому, поди, пригодится. Нужна служба твоя вѣрная. Можешь ли ты провести меня съ моими казаками поближе къ заводамъ, да не большою дорогой, а сторонкой?.. Мѣсто надо выбрать глухое, крѣпкое...

И онъ зорко посмотрѣлъ на проводника.

— Крѣпкое, говорить изволишь? Да чего же крѣпче Таганая, вонъ у тѣхъ сопокъ! — проговорилъ Ѳедоръ, указывая на сѣверозападъ. — Крѣпь такая, что не приведи ты, Господи! Отъ Злато-

уста рукой подать, да́ и къ Саткамъ не такъ, чтобы дивно далеко. А добраться можно. Вотъ ништо съ лошадьми несподручно будетъ... Конныхъ тропъ совсѣмъ нѣтъ, да и пѣшкомъ рѣдко кому проходить доводилось... Что-жъ попытаться можно!..

— А что за день дойдемъ?

— Надо дойти!..

Пугачевъ съ минуту сидѣлъ въ задумчивости. Наконецъ онъ всталъ и велѣлъ Ѳедору спуститься внизъ и позвать казака Творогова. Когда Ѳедоръ, прыгая съ камня на камень, совсѣмъ скрылся изъ вида, Чумаковъ, все время сидѣвшій молча, заговорилъ первымъ:

— Что такое задумалъ, Емельянъ Ивановичъ? — вкрадчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливо спросилъ онъ.

— А задумалъ я послать нашихъ ребятъ по заводамъ народъ подымать, а самимъ пробраться тѣмъ временемъ куда нибудь въ сторонку и выждать. Наберу народу, ударю на Михельсонова, а тамъ и башкирье поднимется...

Пугачевъ говорилъ быстро; видно было, что твердо рѣшилъ онъ это...

— Дѣло, дѣло! — повторялъ Чумаковъ, видимо, и самъ обрадовавшись такому рѣшенію.—А ужъ мнѣ показалось, Емельянъ Ивановичъ, словно бы ты какъ-то раздумывать сталъ, словно опять за Яикъ потянуло тебя, какъ изъ-подъ Оренбурга!

— Нѣтъ, ужъ теперь не объ Яикѣ думать надо, а о Москвѣ, такъ-то...

— Что дѣло, то дѣло! И слушать любо!

Чумакова вообще всегда радовало, когда Пугачевъ затѣвалъ что нибудь, а не сидѣлъ, сложа руки, и не «бабился». Это былъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ людей если не самому Пугачеву, то его дѣлу. Ему было въ то время лѣтъ сорокъ пять; родомъ онъ былъ съ Яика. При Пугачевѣ Чумаковъ оставался до самаго конца и всегда былъ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе опытныхъ начальниковъ. Поэтому лишь только Пугачевъ заговорилъ о дѣлѣ, онъ тотчасъ же оживился и сталъ уговаривать его не медлить, собирать народъ и пощипать «нѣмца», пока на помощь къ нему не подошли другіе отряды изъ пограничныхъ сибирскихъ крѣпостей.

Начало уже смеркаться, когда на вершину поднялся Твороговъ, молодой илецкій казакъ, лѣтъ тридцати двухъ, грамотѣй, секретарь Пугачева и составитель его воззваній и манифестовъ, которые массами расходились среди заводскаго населенія и по всей Башкиріи. Ѳедоръ оставался внизу, пока на вершинѣ «Сторожеваго стана» происходило совѣщаніе Пугачева съ его полковниками. Рѣшено было на утро отправить троихъ казаковъ въ Златоустъ и Сатки съ манифестами и обѣщаніями трехсотъ рублей за голову Михельсона; остальнымъ пробраться горами къ р. Аю, гдѣ пока нельзя

ожидать Михельсонова отряда. Тамъ же назначенъ былъ и сборный пунктъ.

Внизу подъ горой быстро стемнѣло; вдали показались свѣтлыя точки костровъ отряда Михельсона. Не болѣе трехъ верстъ отдѣляло Пугачева отъ его врага, но какихъ верстъ!.. Глухими ельниками даже днемъ трудно было пробраться; въ ночное же время объ этомъ и думать было нечего. Однако, Пугачевъ еще разъ пожалѣлъ, что отпустилъ старика, и на ночь остался съ Чумаковымъ на вершинѣ «Сторожеваго стана».

II.

Едва только забрежжила заря и позолотила голыя вершины сопокъ, казаки уже были на ногахъ. Лошади осѣдланы. Чумаковъ далъ послѣднія инструкціи. Трое всадниковъ отдѣлились и стали пробираться прежней тропой на большую дорогу, ведущую въ Златоустъ, а остальные пятеро съ проводникомъ Ѳедькой во главѣ углубились въ глухіе ельники западной стороны Уральскаго гребня. Сначала шло что-то въ родѣ тропы, вѣроятно, издавна проложенной медвѣдями къ малинникамъ, покрывающимъ склоны сопки. Но скоро даже для невзыскательнаго взгляда уральскаго бродяги исчезли всякіе признаки тропы. Всадники давно уже спѣшились и принуждены были вести лошадей въ поводу. Все чаще и чаще приходилось пускать въ дѣло топоръ, чтобы хоть сколько нибудь прочистить себѣ дорогу. Глушь страшная, дѣвственная... Здѣсь нельзя уже бояться какихъ либо преслѣдованій: можно сойтись съ врагомъ на разстояніи пятнадцати шаговъ и, всетаки, не прорваться къ нему сквозь сплошную щетину ельниковъ. Даже медвѣдь и сохатый избѣгаютъ этой дремы... Здѣсь всегда тихо, всегда безжизненно уныло. Человѣку войти сюда—подвигъ, выйти—счастіе...

Маленькій отрядъ Пугачева шелъ страшно медленно, съ постоянными остановками. Къ полудню прошли главную падь [1]) и стали подниматься на увалы, принадлежащіе уже къ Таганайскому гребню. Ельникъ сталъ рѣдѣть; чаще попадались еланочки [2]). Самая глушь была пройдена. Впереди и, казалось, очень уже близко видны были сопки Таганая. Ѳедоръ меньше бросался въ стороны: пошли уже болѣе знакомыя ему мѣста. Можно было ѣхать верхами. Передъ вечеромъ добрались до голыхъ вершинъ Таганайскаго гребня.

Отсюда на запасныхъ лошадяхъ Твороговъ и проводникъ Ѳедоръ были отправлены въ Златоустъ съ манифестами. Пугачевъ остался съ Чумаковымъ и Шалинымъ. Почти отвѣсная скала изъ бѣлаго кварца поднималась недалеко отъ того мѣста, гдѣ располо-

[1]) Широкій логъ.

[2]) Чистая лѣсная полянка.

жился маленькій станъ Пугачева. На ней-то онъ и провелъ почти цѣлыя сутки въ томительномъ ожиданіи вѣстей изъ Златоуста. Здѣсь, на этомъ «Орлиномъ гнѣздѣ», для него рѣшался вопросъ всей его дальнѣйшей судьбы. Встрѣть онъ отпоръ въ заводскомъ населеніи, и, можетъ быть, онъ незамѣтно пробрался бы за Яикъ, или за Кубань, и исчезъ бы почти безслѣдно. Что онъ былъ, загнанный въ глушь Таганая, почти голодный, безъ денегъ, безъ оружія, безъ людей? Но сила его была не въ немъ самомъ. Его выдвигала другая внѣшняя сила... Пугачевъ былъ нуженъ этой силѣ, и сгинь онъ въ глухихъ таганайскихъ ельникахъ, она выдвинула бы другаго Пугачева...

Цѣлый день прошелъ въ томительномъ ожиданіи. Твороговъ не ѣхалъ и не везъ никакихъ вѣстей изъ Златоуста. Пугачевъ былъ угрюмъ и видимо избѣгалъ всякихъ разговоровъ съ Чумаковымъ. Наконецъ, уже передъ самымъ вечеромъ на гребнѣ показалась кучка всадниковъ. То былъ Твороговъ съ златоустовцами, пріѣхавшими просить защиты у «батюшки надежи-государя» противъ баръ, башкиръ и всѣхъ, кѣмъ только были недовольны. Пугачевъ принялъ ихъ ласково и обѣщалъ расправиться со всѣми, кто забылъ долгъ свой предъ нимъ, истиннымъ государемъ. Говорилъ онъ не со всѣми, а только съ тремя выборными, которыхъ подвелъ къ нему Твороговъ. Остальные были потомъ допущены только къ «рукѣ государевой». Твороговъ, зная недостатокъ «царской» кухни, позаботился захватить съ собою провіанта и вина. Ужинъ у «Орлинаго гнѣзда» вышелъ на славу. Вечеромъ подошло изъ Златоуста еще нѣсколько партій. Всѣхъ подводили къ Пугачеву и всѣмъ онъ давалъ цѣловать свою руку. Большинство новоприбывшихъ были вооружены топорами и дубинами; у нѣкоторыхъ были винтовки; медвѣжатники явились даже съ рогатинами. Всю ночь пылали костры у «Орлинаго гнѣзда»; всю ночь шумѣлъ народъ, опьяненный не столько виномъ, сколько сознаніемъ предстоящаго разгула.

Твороговъ привезъ съ собою очень важное извѣстіе, которое сразу подняло упавшій было духъ Пугачева: за рѣкой Аемъ Бѣлобородовъ собралъ до 2.000 человѣкъ заводскихъ рабочихъ и башкиръ и, по слухамъ, собирается идти къ Саткамъ, гдѣ надѣется встрѣтить «государя». Пугачевъ такъ повеселѣлъ отъ этого извѣстія, что тутъ же, у костра, въ кругу выборныхъ и своихъ казаковъ сталъ бахвалиться.

— Да, лихіе у меня полковники,—говорилъ онъ:—не царицынымъ чета! Пройдутъ тамъ, гдѣ и волкъ не прорыскивалъ! Изъ камня войска понадѣлаютъ, да и бьютъ сверху, что орлы мелкую пташечку... Не такъ ли, атаманы-молодцы?

— У кого-жъ и быть орламъ-полковникамъ, коли не у тебя, государь?—отозвались атаманы, и круговая чарка зелена вина веселѣе заходила по рукамъ.

— А не слыхалъ, есть ли пушки у Бѣлобородова?—вдругъ обратился Пугачевъ къ Творогову.

— Не слыхалъ...

— Ну, да и то не бѣда!—весело заключилъ Пугачевъ.—Пушки у Михельсонова достанемъ!

На утро рѣшено было идти на соединеніе съ Бѣлобородовымъ. Вся его шайка состояла теперь человѣкъ изъ полутораста, преимущественно златоустовскихъ рабочихъ, ближнихъ углежоговъ, бродягъ и всякаго сброда. Пугачевъ снова чувствовалъ себя сильнымъ. Конечно, шайка эта не могла обезпечить за нимъ успѣха, въ случаѣ столкновенія съ войсками, но вѣдь ему и не съ кѣмъ было столкнуться на всемъ пути къ р. Аю, гдѣ ждалъ его Бѣлобородовъ. По дорогѣ къ нему пристало нѣсколько мелкихъ партій башкиръ, шедшихъ къ Саткамъ на соединеніе съ Салаватомъ, молодымъ башкирскимъ предводителемъ. Отъ нихъ Пугачевъ узналъ, что Бѣлобородовъ не рѣшался пока придвинуться ближе къ Саткамъ и стоялъ станомъ на берегу рѣки Ая, при впаденіи въ него рѣки Сатки, гдѣ Пугачевъ и нашелъ его вечеромъ того же дня. Въ отрядѣ Бѣлобородова были и пушки, и порохъ. Народу было до 2.000 человѣкъ, большею частью башкиръ. Пугачевъ ободрился еще болѣе и, узнавъ о движеніи Михельсона къ Саткинскому заводу, рѣшилъ тотчасъ же ударить на него и наказать «измѣнника-офицера». Вечеромъ еще онъ распорядился, чтобы была дорога для него и для «его артиллеріи», а на утро двинулся къ Саткамъ. За ночь, конечно, дорога не поспѣла, хотя, чтобы потѣшить «царя-батюшку», и стали было прорубать просѣку въ лѣсу у берега Ая.

Какъ ни бахвалился Пугачевъ, снова ставши во главѣ двухтысячной толпы всякаго сброда и явившись обладателемъ двухъ мало пригодныхъ пушекъ, которыя онъ громко называлъ «своею артиллеріей», какъ ни грозилъ при первой же встрѣчѣ повѣсить «измѣнника-офицера», онъ, всетаки, видимо боялся этой встрѣчи. Онъ дѣлалъ видъ, что очень торопится очистить Сатку, а между тѣмъ по дорогѣ туда сталъ нарочно кружить, самъ себя задерживать лишними переправами, видимо не желая застать Михельсона на заводѣ. Впередъ были посланы развѣдчики. Долго онъ не могъ играть подобную комедію: ближайшіе его сподвижники отлично понимали хитрость; у остальныхъ чесались руки на грабежъ. Тѣмъ не менѣе онъ двинулся на Сатку крайне неохотно. Перейдя Чулкову гору, онъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ Уструть, небольшому притоку Ая съ лѣвой стороны, и затѣмъ круто повернулъ на востокъ широкимъ логомъ къ хребту Сулеѣ. Переваливъ этотъ высокій гребень, весь заросшій сплошнымъ лѣсомъ, онъ остановился на Вилесовой горѣ, на берегу рѣки Большой Сатки, въ 15 верстахъ отъ Саткинскаго завода. Заночевавъ здѣсь, на утро 30-го

мая двинулись дальше. Развѣдчики не привезли ничего утѣшительнаго: Михельсонъ продолжалъ стоять у Сатковъ. Переправились черезъ Большую Сатку, потомъ черезъ притокъ ея Бердяушъ и, пройдя не болѣе трехъ верстъ, остановились на обѣдъ [1]). Къ вечеру Пугачевъ получилъ точныя извѣстія, что Михельсонъ двинулся къ Симскому заводу на преслѣдованіе Салавата, собравшаго около себя до тысячи башкиръ. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Пугачевъ уже энергичнѣе двинулся впередъ и 31-го мая послѣ полудня достигъ Сатковъ, употребивъ такимъ образомъ болѣе двухъ сутокъ, чтобы пройти 30 верстъ. Зато онъ избѣжалъ на этотъ разъ опасной встрѣчи.

III.

Пока Михельсонъ стоялъ около Сатковъ, здѣсь все было спокойно. Разбѣжавшіеся во время башкирскихъ разбоевъ и наѣздовъ вольныхъ казаковъ надсмотрщики и заводское начальство вернулись снова къ своимъ мѣстамъ. Рабочіе притихли и ничѣмъ не обнаруживали своего сочувствія самозванцу. Но лишь только правительственныя войска отошли къ Симскому заводу, а на мѣстѣ ихъ показались толпы Пугачева, все пришло въ движеніе. О предстоящемъ прибытіи «батюшки» многіе знали раньше, и лишь только Пугачевъ на своемъ бѣломъ конѣ въ сопровожденіи большой свиты показался при въѣздѣ въ селеніе, къ нему потянулась процессія съ хлѣбомъ-солью, а на колокольнѣ начался трезвонъ въ честь «новоявленнаго царя». Со всѣхъ сторонъ потянулись къ Пугачеву съ жалобами на притѣснителей; каждый тащилъ своего недруга, обвиняя его часто въ несуществующемъ преступленіи. Пугачевъ распорядился запереть несчастныхъ подъ караулъ, отложивъ судъ до другаго дня; смѣнилъ старшинъ и начальниковъ, замѣнивъ ихъ своими приближенными, и, поручивъ Бѣлобородову главное начальство надъ заводомъ, самъ съ небольшимъ отрядомъ казаковъ ускакалъ по дорогѣ къ Златоусту и расположился станомъ около деревни Медвѣдевой, у подножія горы Дѣлежной (отрогъ Липовыхъ горъ), на правомъ берегу р. Ая. Боялся ли онъ внезапнаго возвращенія Михельсона, или что другое заставляло его подальше убраться отъ Сатковъ, сказать трудно, но только какъ въ этотъ, такъ и въ остальные дни онъ большую часть времени проводилъ въ своемъ стану на берегу р. Ая. Туда же явилась и Дуняша, пятнадцатилѣтняя дочь одного заводскаго крестьянина, приглянувшаяся Пугачеву во время его торжественнаго

[1]) Недавно на мѣстѣ Пугачевскаго становища у Бердяуша найденъ большой чугунный котелъ, въ которомъ, вѣроятно, готовился обѣдъ во время этой остановки.

въѣзда въ Сатку и игравшая потомъ не послѣднюю роль во всей его короткой, но бурной жизни.

На другой день Пугачевъ въѣзжалъ въ Саткинскій заводъ для суда и расправы. На площади около церкви красовались висѣлицы, о которыхъ еще съ вечера позаботился Бѣлобородовъ. Пугачевъ усѣлся въ кресла въ новомъ расшитомъ галунами кафтанѣ. Вокругъ него расположились Бѣлобородовъ, Чумаковъ, Твороговъ и другіе полковники. Тутъ же за кресломъ стояла и Дуня... Когда успѣла эта пятнадцатилѣтняя дѣвочка войти въ роль вліятельной любовницы всемогущаго въ эти дни Пугачева, когда успѣла она изъ ребенка превратиться въ какую-то фурію-мстительницу, положительно непонятно. Но только она съ перваго же дня начала распоряжаться висѣлицей, какъ будто это было для нея давно знакомымъ, привычнымъ дѣломъ, и много невинныхъ жертвъ было вздернуто въ этотъ день на перекладину единственно по ея настоянію. Едва ли ей было кому мстить сознательно; въ ней просто проснулся звѣрь; жажда крови, а, можетъ быть, и власти опьянила ее... Въ угоду ей Пугачевъ повѣсилъ больше, чѣмъ самъ того хотѣлъ. А вѣшать и безъ того нашлось кого... Во время пребыванія Михельсона въ Саткахъ, сюда явилось не мало народа изъ другихъ мѣстъ, въ надеждѣ найти здѣсь безопасное убѣжище. Съ появленіемъ Пугачева обстоятельства измѣнились. Начальствующія лица и вообще интеллигентный классъ старались какъ нибудь замаскировать себя, чтобы только больше походить на простыхъ рабочихъ: одѣвались въ невозможную рвань, пачкали себѣ лице сажей и т. п. Разсказываютъ, что Пугачевъ приказывалъ подозрительнымъ людямъ мыть руки и по этому узнавалъ, кого вѣшать и кого поверстать въ казаки. Пока на площади шла звѣрская расправа, изъ погребовъ выкатывались бочки... Народъ совсѣмъ озвѣрѣлъ... Вспыхнула заводская контора, затѣмъ церковь... Пугачевцы праздновали свою дешевую побѣду.

Къ вечеру станъ у деревни Медвѣдевой значительно расширился. Сюда явились цѣлыя партіи изъ Сатковъ и Златоуста. Подъ громадной березой раскинулась палатка, гдѣ пировалъ Пугачевъ со своею Дуняшкой. Повсюду костры, повсюду народъ, вино и пѣсни...

У палатки Пугачева передъ костромъ на кучкѣ хвороста задумчиво сидѣлъ Чумаковъ. Онъ одинъ изъ всей ватаги былъ угрюмъ. Это былъ лучшій слуга Пугачева, но только не тогда, когда тому приходила охота «бабиться». Онъ расчитывалъ, какъ бы хорошо было теперь ударить на Михельсона... Вѣдь онъ только и помѣха, а то широкая дорога куда хочешь, хоть на Волгу... Въ походъ на Москву онъ никогда не вѣрилъ... а вотъ на Волгу бы...

Вдругъ изъ палатки послышался голосъ Дуняши. Она затянула заунывную дѣвичью пѣсню:

«Ноетъ мое сердечушко, ноетъ, занываетъ,
«Гинетъ моя головушка, гинетъ,спогибаетъ»...

— Не ту, не ту... Кого хоронишь! Пой веселую!—слышится голосъ Пугачева, и самъ онъ, красный отъ вина, въ кафтанѣ на распашку вышелъ изъ палатки. За нимъ вышла Дуняша и остановилась у входа палатки. Пугачевъ тотчасъ же замѣтилъ, что Чумаковъ чѣмъ-то недоволенъ, на что-то хмурится.

— Что, полковникъ мой, не веселъ? Что буйну голову повѣсилъ? — съ напускною веселостью заговорилъ онъ, присаживаясь тутъ же у костра. — Али мало потѣшились нынче въ Саткахъ? Али вѣсти дурныя получилъ откуда?

— Потѣха не дѣло, не велика честь...—угрюмо проворчалъ Чумаковъ.

— Знаю, знаю!—перебилъ его Пугачевъ. — Тебѣ бы драться все съ супротивникомъ! Что-жъ, и драться будемъ... Дай срокъ!..

— Срокъ-то великъ больно выйдетъ, коли бабиться начнемъ!..

Пугачевъ нахмурился. Къ нему отъ палатки медленно подходила Дуняшка.

— Государь, а что я молвлю, коли дозволишь!—вкрадчиво проговорила она.

— Ну, что тамъ еще?—грубо отозвался Пугачевъ.

— Спросить тебя, государь, хотѣла, когда нѣмца бить пойдешь?

— Цыцъ! — прикрикнулъ на нее Пугачевъ, и глаза его засверкали гнѣвомъ.

— Когда, спрашиваю, нѣмца бить пойдешь?—не унималась та.

— Замолчишь ты, или нѣтъ, я говорю!—окончательно взбѣсился Пугачевъ.—А то сейчасъ за косу да въ воду!

— Не бось, выплыву, не таковская!

Пугачевъ не сразу нашелся, что сказать. Нѣсколько секундъ онъ молча смотрѣлъ на нее, потомъ весело расхохотался и проговорилъ:

— Ай да дѣвка! Люблю такихъ... непугливая!.. Молодецъ Дуняшка!

Чумаковъ плюнулъ и отошелъ отъ костра.

Но не прошло и четверти часа, какъ къ нему явился посланный звать его въ палатку «государеву». Когда онъ снова явился къ костру, тамъ уже сидѣли Бѣлобородовъ, Твороговъ и другіе атаманы. Изъ палатки показался Пугачевъ и заговорилъ какъ-то быстро, словно торопясь поскорѣе высказать все.

— Ну, атаманы-молодцы, я созвалъ васъ сюда, чтобъ объявить вамъ свою волю государеву. Развѣдчики донесли мнѣ, что измѣнникъ мой Михельсоновъ отъ гнѣва нашего справедливаго бѣжалъ къ Кигамъ вмѣстѣ съ мятежнымъ своимъ отрядомъ. Нужно наказать измѣнника, а потому, атаманы-молодцы, объявляемъ мы назавтра походъ...

— Доброе дѣло!—проговорилъ Бѣлобородовъ.

— Ладно, хорошо!—поддержали другіе атаманы.

Чумаковъ промолчалъ и только злобно улыбнулся, скосившись на палатку.

Вѣсть о походѣ быстро разнеслась по всему стану. Разгулъ еще болѣе усилился, костры запылали ярче, зазвучала пѣсня звончѣе и безшабашнѣе въ остывшемъ ночномъ воздухѣ.

IV.

Между тѣмъ, Михельсонъ, оставившій Сатки, чтобы преслѣдовать отрядъ башкиръ, предводительствуемыхъ молодымъ и отчаяннымъ головорѣзомъ Салаватомъ Юлаевымъ, настигъ мятежниковъ утромъ 31-го мая и послѣ жаркаго боя отбросилъ ихъ въ горы, гдѣ преслѣдованіе было уже невозможно. Узнавъ, что у деревни Верхнія Киги собираются толпы мятежныхъ башкиръ и заводскихъ крестьянъ, и что ихъ вербуетъ для арміи самозванца Бѣлобородовъ, бѣжавшій послѣ занятія правительственными войсками Кыштымскаго и Каслинскаго заводовъ, Михельсонъ двинулся къ Кигамъ. Но движеніе это было уже запоздалымъ. Какъ мы видѣли, Бѣлобородовъ раньше соединился съ Пугачевымъ, и въ то время, какъ Михельсонъ, разбивъ Салавата, двинулся къ Кигамъ, мятежники хозяйничали уже въ только-что оставленномъ имъ Саткинскомъ заводѣ. 2-го іюня Михельсонъ достигъ Киговъ и, не найдя здѣсь никого, рѣшилъ дать хотя бы небольшой отдыхъ своему измученному отряду. Здѣсь-то на другой день его совершенно неожиданно окружили толпы Пугачева, наканунѣ еще двинувшіяся изъ стана при дер. Медвѣдевой...

По дорогѣ къ Кигамъ Пугачевъ усилился еще нѣсколькими сотнями башкиръ, за два дня передъ тѣмъ разбитыхъ Михельсономъ и скрывшихся въ горахъ. Тутъ произошло первое свиданіе Пугачева съ молодымъ Салаватомъ Юлаевымъ, много уже поработавшимъ для мятежа собственно въ горной Башкиріи, но до того времени ни разу не встрѣчавшимся съ самимъ Пугачевымъ. Разсказываютъ, что они сразу узнали другъ друга и тутъ же побратались; для торжественнаго представленія не было времени: Михельсонъ былъ близко. На общемъ совѣтѣ было рѣшено не ждать Михельсона, а самимъ атаковать его. Башкиры въ числѣ около тысячи человѣкъ подъ начальствомъ Салавата должны были первыми напасть на Михельсона, а Пугачевъ съ остальными 1.500 пойти въ обходъ лѣсомъ и ударить съ фланга или въ тылъ, смотря по обстоятельствамъ. Планъ былъ составленъ превосходно, тѣмъ болѣе, что Михельсонъ былъ въ полной увѣренности, что въ этихъ мѣстахъ ему придется имѣть дѣло только съ башкирами, и онъ никакъ не могъ думать, что Пугачевъ такъ близко отъ него. Но

счастіе, повидимому, было не на сторонѣ Пугачева всякій разъ, когда ему приходилось сталкиваться съ Михельсономъ. Такъ было и теперь.

Съ крикомъ и визгомъ кинулись башкиры на отрядъ Михельсона и, казалось, неминуемо должны были смять его. Но казаки Михельсона не стали ждать натиска и бросились въ контръ-атаку. Схватка была ожесточенная, но продолжалась не долго: башкиры смѣшались и бросились врассыпную. Казаки подъ предводительствомъ самого Михельсона и маіора Харина увлеклись преслѣдованіемъ и далеко оставили за собою другую часть отряда, обозъ и артиллерію, на которыя и ринулся Пугачевъ, скрывавшійся до сихъ поръ въ лѣсу. Для Михельсона это былъ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ во всѣхъ его прежнихъ и послѣдующихъ столкновеніяхъ съ мятежниками. Только личное мужество предводителя и необыкновенная стойкость солдатъ рѣшили дѣло въ пользу правительственныхъ войскъ: Пугачевъ былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ.

Поручивъ Чумакову и Бѣлобородову собирать остатки своей «арміи», самъ онъ въ тотъ же вечеръ прискакалъ въ Сатки, гдѣ командиршей оставалась Дуняшка, «государева женка». Захвативъ ее съ собою, онъ опять уединился на своемъ становищѣ у горы Дѣлежной. Снова попойка, снова пѣсни Дуни и бахвальство о томъ какъ онъ «ощипалъ нѣмца».

Казалось, этотъ человѣкъ былъ весь сотканъ изъ крайностей... Пылкій и холодный, съ желѣзной волей и малодушный, онъ быстро переходилъ отъ неутомимой дѣятельности къ полной апатіи. Развѣ не желѣзной волей долженъ былъ обладать человѣкъ, залившій кровью и огнемъ чуть не половину Россіи? Развѣ не малодушнымъ былъ онъ, при малѣйшей неудачѣ начинавшій считать свое дѣло потеряннымъ и самымъ серьезнымъ образомъ собираться за Кубань или на Яикъ? Сотни разъ думалъ онъ бросить все и стушеваться, и сотни разъ какая-то воля, лежащая не въ немъ самомъ, а въ окружающихъ его людяхъ и обстоятельствахъ, круто поворачивала его назадъ на путь убійствъ и пожаровъ... Малѣйшая удача, и въ немъ какъ бы по волшебству исчезали всѣ сомнѣнія, и онъ несся впередъ, какъ ураганъ, все уничтожая на своемъ пути, проявляя кипучую дѣятельность, неутомимую желѣзную энергію... Онъ нуженъ былъ, какъ вывѣска бунта, какъ механическій центръ движенія, часто мнимый, фиктивный, и въ этомъ вся его сила. Не Пугачевъ создалъ это движеніе, всколыхнувшее всю Россію отъ Яика до Петербурга и Великаго Океана, а движеніе это создало Пугачева...

Разбитый Михельсономъ и прискакавшій въ свой станъ, онъ, казалось, не столько былъ опечаленъ исходомъ битвы, сколько радъ тому, что около него не было теперь Чумакова съ его вѣч-

ными укорами. Одно только смущало его, какъ бы Чумаковъ, Бѣлобородовъ и другіе атаманы совсѣмъ не покинули его и вмѣсто одной вывѣски не выдвинули другой. Еще въ Бердѣ подъ Оренбургомъ ему какъ-то намекали на это. Только эта мысль и тревожила его во время веселой попойки подъ крики подгулявшей толпы и пѣсни окончательно завладѣвшей имъ Дуняшки. Мысль о томъ, что на Аю дожидается его войско и что атаманы, а въ особенности Чумаковъ, ропщутъ, заставила его утромъ на другой день покинуть гостепріимную палатку и съ коннымъ отрядомъ въ сто человѣкъ углубиться въ горы. На другой день (5-го іюня) новая схватка съ Михельсономъ и новое пораженіе [1]).

Вечеромъ съ остатками своей «арміи» Пугачевъ уже гулялъ въ Саткахъ, а отрядъ Михельсона, окончательно изнуренный и обезсиленный, уходилъ по направленію къ Уфѣ. Вѣроятно, это движеніе не было извѣстно Пугачеву; иначе ему не зачѣмъ было бы оставлять беззащитную теперь Башкирію. На утро былъ отданъ приказъ выступать на Златоустъ, а оттуда «за гребень», гдѣ, по словамъ Пугачева, его ожидали войска. Съ нимъ же поѣхала и его саткинская красавица Дуняша, съ которой онъ никакъ не могъ разстаться. Толпы двинулись по старому Казанскому тракту [2]). Пройдя, однако, верстъ десять, Пугачевъ круто повернулъ на югъ къ озеру Зюракъ-Куль, узнавъ, что къ Златоусту идутъ правительственныя войска. Извѣстіе это оказалось ложнымъ, но оно спасло Златоустъ отъ окончательнаго разграбленія [3]). Повернувъ на югъ, Пугачевъ скоро вышелъ на берегъ Большой Сатки, гдѣ острый мысъ Магнитной горы преграждалъ ему дальнѣйшее движеніе по бе-

---

[1]) Въ изложеніи обстоятельствъ этихъ двухъ битвъ у Дубровина въ его капитальномъ трудѣ «Пугачевъ и его сообщники» есть два положительно необъяснимыхъ мѣста. Такъ, онъ говоритъ: «послѣ весьма горячей схватки (3 іюня у деревни Киги) Пугачевъ былъ отбитъ и преслѣдуемый скрылся въ вершинахъ рѣки Ая» (стр. 42). И далѣе на слѣдующій страницѣ: «на утро послѣ боя у Киговъ онъ (Михельсонъ) узналъ, что Пугачевъ ночевалъ всего въ 15-ти верстахъ отъ отряда и переправляется на противоположную сторону рѣки Міаса». Топографически это положительно невозможно, такъ какъ, чтобы изъ Киговъ пробраться къ верховьямъ Ая, надо проскакать по прямому направленію 90 верстъ и пересѣчь при этомъ почти непроходимый хребетъ Нургушъ, который тянется къ югу отъ озера Зюракъ-Куля. Это тѣмъ болѣе невозможно, что далѣе говорится же, что тотъ же Пугачевъ переправлялся на противоположный берегъ Міаса, то-есть, что онъ былъ уже на азіатской сторонѣ Уральскаго хребта и ужъ, конечно, не въ 15-ти верстахъ отъ Киговъ. Словомъ по мѣстной топографіи такіе концы немыслимы.

[2]) Нынѣ скотопрогонный трактъ, идущій отъ Сатковъ нѣсколько южнѣе большой Златоустовской дороги.

[3]) Почти всѣ историки Пугачевскаго бунта говорятъ вскользь, впрочемъ, что Пугачевъ разгромилъ Златоустъ, однако навѣрное можно сказать, что самъ Пугачевъ никогда не былъ въ Златоустѣ; онъ именно оставилъ его въ сторонѣ при своемъ движеніи отъ Сатковъ. Въ немъ отъ времени до времени хозяйничали только небольшіе отряды, дѣйствовавшіе, впрочемъ, именемъ Пугачева.

регу. По распоряженію Пугачева, мысъ этотъ былъ срытъ и съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ «Пугачевской Копани» [1]). Переночевавъ на озерѣ Зюракъ-Куль, на другой день 7-го іюня толпы Пугачева перевалили Уренгу и выбрались къ деревнѣ Веселовской на рѣкѣ Аѣ, а отсюда уже снова на азіатскую сторону Урала.

Втеченіе нѣсколькихъ дней Пугачевъ оставался здѣсь, повидимому, безъ всякой цѣли и пользы для себя: разоренныя станицы и слободы не могли уже доставить ему большой добычи. Между тѣмъ, Бѣлобородовъ послѣ неудачной схватки съ Михельсономъ не вернулся въ Сатку, а ушелъ на Пермскіе заводы и теперь звалъ туда и Пугачева. Чумаковъ ругался, совѣтовалъ бросить «бабиться» и ударить на Казань.

— На Казань! Тамъ ждетъ меня Павелъ Петровичъ съ 20.000 войска!—сразу надумалъ Пугачевъ.—На Казань... Что-жъ въ самомъ дѣлѣ бить мнѣ здѣсь измѣнниковъ-генераловъ да возиться съ башкирьемъ! Пора дать знать о себѣ всему народу великороссійскому!

И застонала Кама, когда хлынулъ на нее этотъ бурный потокъ съ Урала, окрасилась кровью народною, освѣтилась заревомъ пожаровъ... Рухнула Казань, и ураганъ двинулся внизъ по Волгѣ... То тамъ, то здѣсь, мелькало то посконное, то шелковое бѣлое знамя; то тамъ, то здѣсь, громыхала пушка въ честь новоявленнаго царя... Но вотъ громыхнули своимъ гнетущимъ звономъ кандалы на рукахъ и ногахъ Пугачева, и стихла Волга, Кама и буйный Яикъ... Только не сразу улеглась волжская волна: всплески ея слышались еще долго, долго послѣ того уже, какъ въ Москвѣ на Болотѣ разнесли на четыре части тѣло казака Емельяна...

Саткинская Дуняша оставалась при Пугачевѣ почти до самаго его конца. За нѣсколько дней до поимки, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, онъ подарилъ ей свой поясъ, полный червонцами, который постоянно носилъ на себѣ, и отпустилъ ее со словами:

— Вотъ тебѣ, Дуняшка, отъ меня на память! Тебѣ этого хватитъ на твой вѣкъ... А мнѣ ужъ скоро конецъ, видно, приходитъ!

Съ этими деньгами она вернулась въ Сатку и зажила какъ ни въ чемъ не бывало. Когда она была еще при Пугачевѣ, во время его пребыванія въ Саткахъ, кое-что изъ награбленнаго она припрятала въ окрестностяхъ завода и въ особенности на стану у деревни Медвѣдевой.

Вернувшись на родину, она принялась за розыски; часть нашла, но многое такъ и оставила не розысканнымъ, забывъ примѣты, ко-

[1]) На картахъ на этомъ мѣстѣ значится гора Копанецъ.

торыя дѣлала, когда зарывала свои сокровища. Эта Дуня умерла не очень еще давно; и теперь живы ея внуки, которые отъ нея самой слышали разсказы о ея знакомствѣ съ Пугачевымъ, о разгромѣ завода и о странствіяхъ ея съ арміей самозванца.

Въ народѣ живы еще воспоминанія о зломъ времени Пугачевщины, но воспоминанія эти приняли уже легендарный характеръ. Разсказываютъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ раскинутъ веселый станъ Пугачева у подножія горы Дѣлежной, недалеко отъ деревни Медвѣдской, зарытъ богатѣйшій кладъ. Онъ зарытъ въ лѣсу подъ громадной елью. Мѣсто это признать легко: на немъ всегда показывается или быкъ, или конь, или татаринъ въ расшитой золотомъ ермолкѣ. Не мало охотниковъ «натыкались» на эту ель, дѣлали на ней затесы, но когда возвращались съ лопатами, чтобы отрывать кладъ, ни ели, ни затесовъ на ней не находили. И не вдомекъ вѣдь никому взять съ собою щепы отъ затесовъ. А въ этомъ-то и все дѣло. Сдѣлаетъ человѣкъ затесы, уйдетъ за лопатой, а нечистая сила и начинаетъ орудовать: щепы опять вгладь пристануть къ дереву. Плутаетъ, плутаетъ... нѣтъ затесовъ. Всѣ ели, какъ одна... Подъ которой рыть станешь? Такъ и не дается кладъ. А кто знаетъ, что щепы съ собою надо взять, тому вдругорядь ужъ не случалось видѣть ни быка, ни коня, ни татарина, чтобы опознать это мѣсто... А много золота, много серебра и самоцвѣтныхъ камней собралъ тамъ вольный казакъ Емельянъ Ивановичъ...

К. Горбуновъ.

ОДНА ИЗЪ НАШИХЪ ОКРАИНЪ.

ИЗЪ ГРАНИЦЪ Европейской Россіи наиболѣе неустойчивою остается до нашихъ дней самая южная часть линіи, идущей отъ Балтійскаго моря къ Черному. Въ то время, какъ наши границы съ Германіей и Австріей прочно установились еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, область, граничащая съ Румыніей, Бессарабія, присоединенная къ Россіи въ 1812 году, то сокращалась, то увеличивалась въ своихъ размѣрахъ до 1878 года. При шаткости своихъ политическихъ границъ и въ связи съ нею, Бессарабія отличается, такъ сказать, неустойчивостью, неопредѣленностью этнографической; при необычайной пестротѣ населенія, она представляетъ собою какъ бы переходную область отъ русской народности къ румынской, населяющей нынѣшнюю Румынію и смежную часть Австріи. По своей численности, здѣсь выдаются два главныхъ племени—румынское, самое многочисленное, естественнымъ образомъ тяготѣющее къ своимъ соотечественникамъ Румынскаго королевства и Австріи, и затѣмъ русское, составляющее вѣтвь великой славяно-русской семьи. Оба эти племени, въ лицѣ своихъ историковъ и изслѣдователей старины, одинаково считаютъ себя исконными, коренными обитателями этой страны и заявляютъ на нее свои историческія права. Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ румынскихъ патріотовъ, наша Бессарабская губернія составляетъ часть румынской территоріи, несправедливо отторгнутую отъ Молдавіи въ 1812 году. Русскіе ученые, со своей стороны, старались и стараются освѣтить немногочисленные и неопредѣленные факты, касающіеся древнѣйшей исторіи края, съ русской

точки зрѣнія, доказывая исконную принадлежность его славяно-русскому племени, и въ этомъ отношеніи достигли уже значительныхъ результатовъ. Но эти результаты разбросаны по разнымъ сочиненіямъ, иногда не относящимся прямо къ данному предмету, и не сведены въ одно цѣлое. Опытъ такого свода отрывочныхъ извѣстій и изслѣдованій русскихъ ученыхъ объ историческихъ судьбахъ Бессарабіи сдѣланъ въ только что вышедшей книгѣ «Бессарабія»[1]).

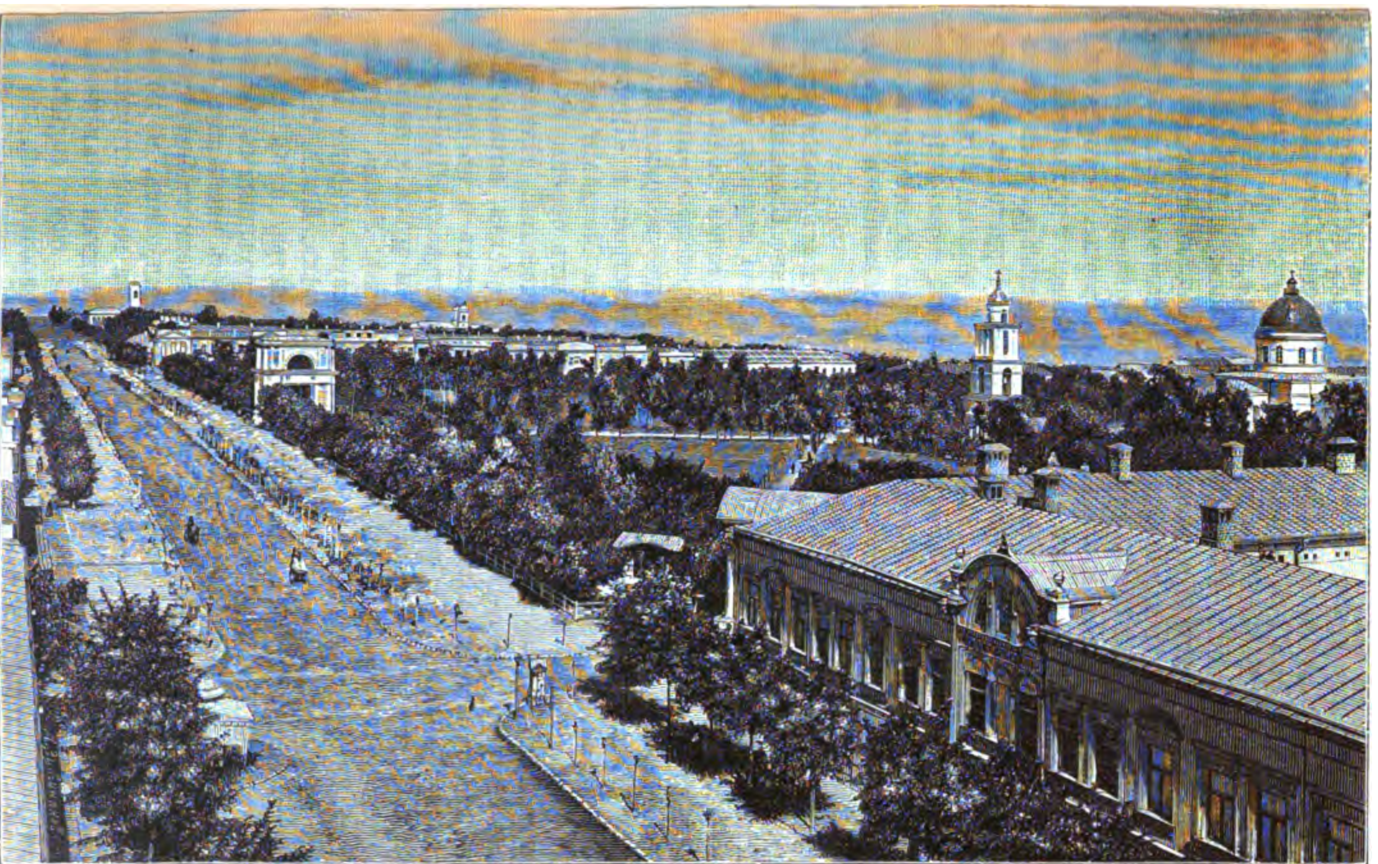
Эта книга завершаетъ собою серію научно-популярныхъ историческихъ сборниковъ, изданіе которыхъ было предпринято съ Высочайшаго соизволенія, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, покойнымъ П. Н. Батюшковымъ. Послѣ выпуска въ свѣтъ капитальнаго изданія «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», П. Н: Батюшковъ приступилъ къ изданію общедоступныхъ историческихъ сборниковъ, подъ названіемъ: «Холмская Русь» (1887 г.), «Волынь» (1888 г.), «Бѣлоруссія и Литва» (1890 г.), «Подолія» (1891 г.) и «Бессарабія». О первыхъ четырехъ сборникахъ, посвященныхъ областямъ, возсоединеннымъ съ Россіею отъ Польши, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ свое время были помѣщены статьи и отзывы. Печатаніе послѣдняго изъ этихъ сборниковъ (служащаго дополненіемъ къ предыдущимъ описаніямъ судебъ пограничныхъ губерній, отъ береговъ Балтійскаго до Чернаго моря) было начато осенью 1891 года, но почтенный издатель не успѣлъ окончить и выпустить его въ свѣтъ: заболѣвъ въ ноябрѣ того же года, онъ скончался 20-го марта 1892 года. Въ предсмертные дни онъ не разставался съ мыслью объ этой книгѣ и завѣщалъ своему сотруднику по предыдущимъ выпускамъ, М. И. Городецкому, завершить предпринятое имъ дѣло. «Предисловіе къ «Бессарабіи»,—говоритъ г. Городецкій,—было составлено самимъ П. Н. Батюшковымъ. Оно отчасти было написано имъ собственноручно, отчасти продиктовано имъ въ послѣдніе дни его жизни, когда, вслѣдствіе тяжкой болѣзни и постепенно слабѣвшихъ силъ, онъ уже не былъ въ состояніи держать перо въ рукахъ. Однако, бодрость духа и и ясность мысли не покидали его до послѣднихъ дней, и покойный, прочитывая написанные имъ листы предисловія, дѣлалъ къ нимъ иногда поправки и дополненія». Оканчивая изданіе книги, М. И. Городецкій исполнилъ это въ томъ видѣ, какъ предполагалось почившимъ издателемъ. При этомъ онъ помѣстилъ въ началѣ ея біографическій очеркъ П. Н. Батюшкова, написанный академикомъ Л. Н. Майковымъ, и его портретъ.

---

[1]) «Бессарабія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова. Съ 3-мя фототипіями, 53 гравюрами и картой». Петербургъ. 1892.

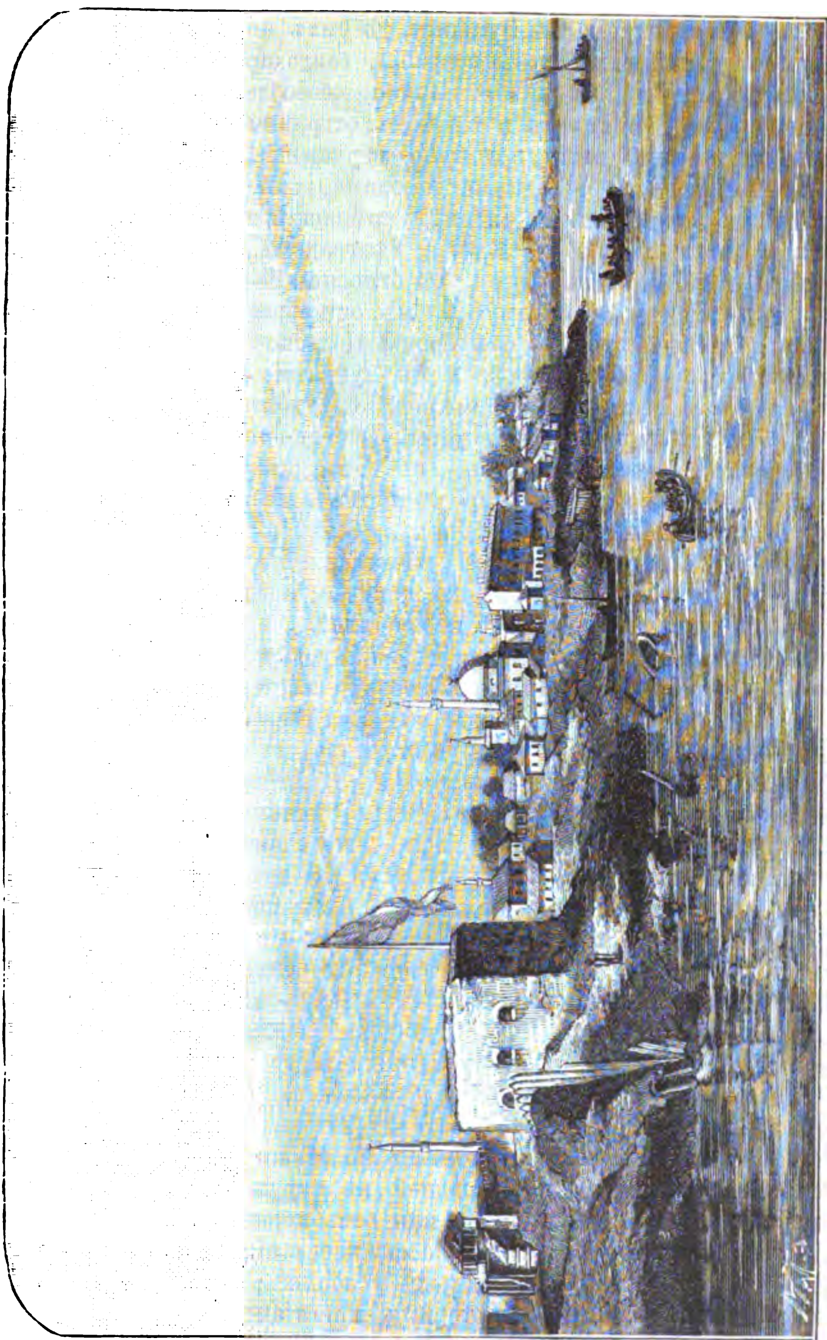
Аккерманская крѣпость въ 1790 году.

Аккерманская крѣпость въ настоящее время.

Какъ и предыдущіе выпуски, «Бессарабія» прекрасно иллюстрирована: здѣсь помѣщены три фототипіи, весьма удачно исполненныя В. І. Класеномъ (портреты императоровъ Александра I и Александра III и П. Н. Батюшкова), 53 гравюры (исполненныя попреимуществу В. В. Матэ) и географическая карта Бессарабіи. Почти всѣ объясненія къ рисункамъ составлены г. Городецкимъ и отличаются обычною тщательностью и полнотой. Ему же принадлежитъ редакція изданія, и его любезности мы обязаны возможностью воспроизвести на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нѣсколько рисунковъ, помѣщенныхъ въ «Бессарабіи». Историческій очеркъ Бессарабіи написанъ профессоромъ Кіевской духовной академіи Н. И. Петровымъ. Не имѣя въ виду излагать здѣсь обстоятельное описаніе событій, происходившихъ на территоріи, извѣстной нынѣ подъ названіемъ «Бессарабіи», мы обратимъ вниманіе читателей на главнѣйшіе историческіе моменты и на современное состояніе области, «которая сравнительно весьма недавно вошла въ составъ Русской имперіи, но, по историческимъ даннымъ и народнымъ преданіямъ, всегда была близка Россіи».

Нынѣшняя Бессарабія—одна изъ придунайскихъ областей, гдѣ впервые появляются на исторической сценѣ славяне. Славяно-руссы занимаютъ эту область, какъ и сосѣднія съ нею страны, уже въ V—VI вѣкѣ и, не смотря на постоянныя вторженія сюда кочевниковъ, какъ бы продолжавшихъ великое переселеніе народовъ, долгое время удерживаютъ здѣсь господствующее положеніе. Собственно Бессарабія, то-есть область между Днѣстромъ и Прутомъ, въ значительной своей части не принадлежала Молдавіи до XV вѣка, и въ половинѣ XIV вѣка русскій элементъ беретъ въ ней рѣшительный перевѣсъ надъ другими народностями. Благодаря покровительству литовско-русскихъ князей, русская жизнь поддерживалась и развивалась какъ по Днѣстру, такъ и въ другихъ частяхъ нынѣшней Бессарабіи, на лѣвыхъ притокахъ Прута и на Дунаѣ. На это указываютъ, между прочимъ, и русскія названія городовъ того времени, какъ-то: Срока (Сорока), Устья, Хотинъ и друг. Власть молдавскихъ господарей по лѣвую сторону Прута стала распространяться лишь съ конца XIV вѣка. Къ XVI вѣку границы Молдавіи достигаютъ до самаго Днѣстра, а вмѣстѣ съ этимъ началось поглощеніе господствующимъ румынскимъ племенемъ другихъ этнографическихъ элементовъ и въ частности славяно-русскаго. Эта румынизація славянскаго племени не была слѣдствіемъ культурнаго превосходства румынъ. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію культурное вліяніе русскихъ на господствующую народность, и процессъ ассимиляціи ихъ румынами объясняется количественнымъ превосходствомъ послѣднихъ; этому содѣйствовало, конечно, и единство религіи у обѣихъ народностей.

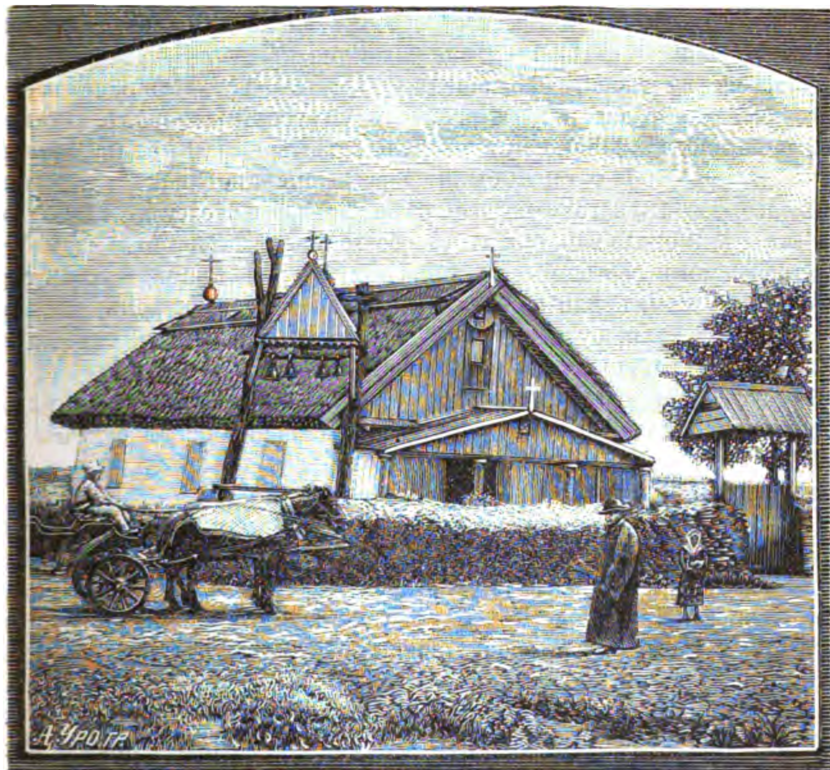

Измаильская крѣпость.

селеніяхъ крестьянину». Поэтому Бессарабія имѣла густое и разнообразное населеніе, постоянно пополнявшееся эмигрантами изъ другихъ странъ. Географъ начала XVII вѣка говоритъ: «Кромѣ исповѣдниковъ греческой религіи, живутъ здѣсь русскіе, сербы, болгары, саксонцы, трансильванцы, аріане, татары, различающіеся между собою какъ по названіямъ, такъ почти столько же и по религіямъ». Несомнѣнно, что въ то время большинство населенія Бессарабіи было греко-восточнаго вѣроисповѣданія, о чемъ свидѣтельствуетъ и множество существовавшихъ здѣсь православныхъ церквей и монастырей. Въ числѣ православныхъ не послѣднее мѣсто принадлежало русскимъ. Кромѣ исконныхъ обитателей Хотинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ—русиновъ, сюда постоянно прибывали русскіе изъ польскихъ владѣній, бѣжавшіе отъ соціально-экономическаго и религіознаго гнета. Южно-русская эмиграція въ Бессарабію принимаетъ особенно широкіе размѣры въ началѣ XVIII столѣтія: послѣ подавленія казацкаго возстанія на правомъ берегу Днѣстра (1702—1703 гг.), южные поднѣстровскіе казацкіе полки массами уходили за Днѣстръ, а за ними слѣдовало и населеніе селъ, мѣстечекъ и городовъ со своимъ имуществомъ. Ихъ принимали подъ свое покровительство пограничные пркалабы, или губернаторы, сорокскій и хотинскій, подъ разными предлогами отказывавшіе польскимъ панамъ въ выдачѣ ихъ крестьянъ. «Южно-руссы нерѣдко переселялись въ Бессарабію и по нечистымъ побужденіямъ. Русскія женщины бѣгали къ туркамъ и оставляли христіанство; иные, отправляясь за границу, женились тамъ на чужихъ женахъ. Поселяясь отдѣльными группами между румынами нынѣшней Бессарабіи, южно-русскіе переселенцы, съ теченіемъ времени, и сами орумынились, но продолжали и доселѣ продолжаютъ чтить церковно-народные праздники своей прежней родины и ходить туда на богомолье въ извѣстные, нарочитые дни церковнаго года. Въ Предтеченской церкви города Каменца-Подольскаго, въ храмовой день рождества св. Іоанна Крестителя, 24-го іюня, бываетъ такъ называемый отпустъ. Къ этому времени въ городъ собирается много народа и особенно молдаванъ изъ Бессарабіи, такъ что въ массѣ народа, бывающаго въ этотъ день въ церкви и на базарѣ, преобладаютъ молдаване. По всей вѣроятности, это орумынившіеся потомки переселившихся когда-то изъ Подоліи въ Бессарабію малороссовъ». Такимъ образомъ, еще задолго до присоединенія Бессарабіи къ Россіи, она была связана съ нашимъ отечествомъ не только единствомъ вѣроисповѣданія, но и племеннымъ родствомъ значительной части населенія.

Утвердившись въ Бессарабіи, турки угрожали румынскимъ княжествамъ совершеннымъ подавленіемъ ихъ политической свободы, а также безопасности и цѣлости границъ Польско-Литовскаго, потомъ Русскаго государствъ. А потому названныя государства

вступаютъ между собою въ союзы, съ цѣлью, по крайней мѣрѣ, отодвинуть турокъ въ глубь ихъ имперіи. Но происходившія вслѣдствіе этихъ союзовъ столкновенія Польши съ турками большею частію не были удачны для первой и вызвали даже временный захватъ турками Каменца-Подольскаго (во второй половинѣ XVII вѣка). Успѣшнѣе дѣйствовало въ этомъ отношеніи русское правительство. Оно еще съ конца XVII столѣтія начало входить въ сношенія съ румынскими воеводами и другими христіанскими государями по вопросу о совмѣстной борьбѣ съ турками. Тогда же начинаются

Церковь въ селѣ Новокарагачѣ, или Магалѣ, Измаильскаго уѣзда.

наступательныя дѣйствія Россіи противъ Турціи, ареною которыхъ обыкновенно была Бессарабія съ обоими румынскими княжествами. Въ походы Петра Великаго въ 1711 году и Миниха въ 1738 и 1739 годахъ, въ двѣ русско-турецкія войны при Екатеринѣ II и въ кампанію 1806—1812 гг. эта страна вся, можно сказать, «полита русскою кровью». Наконецъ, по Букарестскому миру 16-го мая 1812 года, Бессарабія была присоединена къ Россіи, съ крѣпостями Хотиномъ, Бендерами, Аккерманомъ, Киліею и Измаиломъ; рѣка Прутъ устанавливалась границею обоихъ государствъ.

бывать въ Бессарабію еще до присоединенія ея къ Россіи. По присоединеніи же число эмигрировавшихъ сюда бродягъ и бѣглыхъ крѣпостныхъ не только не уменьшилось, а даже увеличилось, чему особенно содѣйствовало дозволеніе оставаться въ Бессарабіи всѣмъ прибывшимъ до подписанія Букарестскаго договора 1812 года. Этимъ прежде всего воспользовались русскіе, бѣжавшіе нѣкогда въ Молдавію: они пришли сюда въ числѣ свыше 2.000 человѣкъ, и почти всѣ разселились по городамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали прибывать въ Бессарабію и бѣглецы изъ самой Россіи. Позднѣйшія попытки правительства сдержать ихъ наплывъ до 1834 года не имѣли успѣха. Назначенный въ этомъ году бессарабскимъ губернаторомъ генералъ-маіоръ Ѳедоровъ принялъ рѣшительныя мѣры къ отысканію нелегальныхъ переселенцевъ и къ высылкѣ ихъ на мѣста прежняго жительства. При немъ выслано изъ Бессарабіи до 48.000 бѣглыхъ, а въ южной Бессарабіи оказалось по переписи 6.000 малороссовъ, никѣмъ сюда не переселенныхъ.

Вслѣдствіе этой колонизаціи, населеніе вновь присоединенной области увеличивалось очень быстро. Уже въ 1813 году насчитывалось здѣсь до 55.560 семействъ, или 340.000 душъ обоего пола, въ 1816 году — до 96.526 семействъ или 491.679 душъ, а въ 1855 году—993.045 душъ. Такимъ образомъ, съ 1813 и до 1855 года, то-есть втеченіе 40 съ небольшимъ лѣтъ, народонаселеніе Бессарабіи увеличилось болѣе чѣмъ на 450.000 душъ. По вѣроисповѣданіямъ оно распредѣлялось въ 1856 году слѣдующимъ образомъ: православныхъ—865.583, евреевъ—81.172, протестантовъ—24.852, раскольниковъ — 9.447, католиковъ — 5.009, армяно-грегоріанъ — 2.254 и магометанъ—24.

Главное вниманіе митрополита Гавріила, по самому его положенію, было обращено, конечно, на устройство области въ церковномъ отношеніи. Имъ положены первыя основы церковнаго управленія Бессарабіей. По присоединеніи Бессарабіи къ Россіи, онъ оставилъ Яссы и въ сентябрѣ 1812 года прибылъ въ Кишиневъ. По его представленію, въ слѣдующемъ году была учреждена особая епархія—Кишиневская и Хотинская, съ викаріатствомъ Бендерскимъ и Аккерманскимъ. При учрежденіи Кишиневской епархіи, въ ней находилось 826 церквей, состоявшихъ въ непосредственномъ управленіи протопоповъ, округи которыхъ назывались протопопіями, или цинутами. «Новая епархія съ крайне разнообразнымъ составомъ населенія потребовала усиленныхъ трудовъ и особой заботливости. Кишиневъ того времени, обращенный въ областной городъ, не удовлетворялъ, по своимъ малымъ размѣрамъ новому своему назначенію, и митрополиту пришлось начать свою дѣятельность съ постройки епархіальныхъ зданій. Въ скоромъ времени на новомъ мѣстѣ, бывшемъ подъ буграми и кустарниками, а нынѣ составляющемъ лучшую часть города, возникли архіерей-

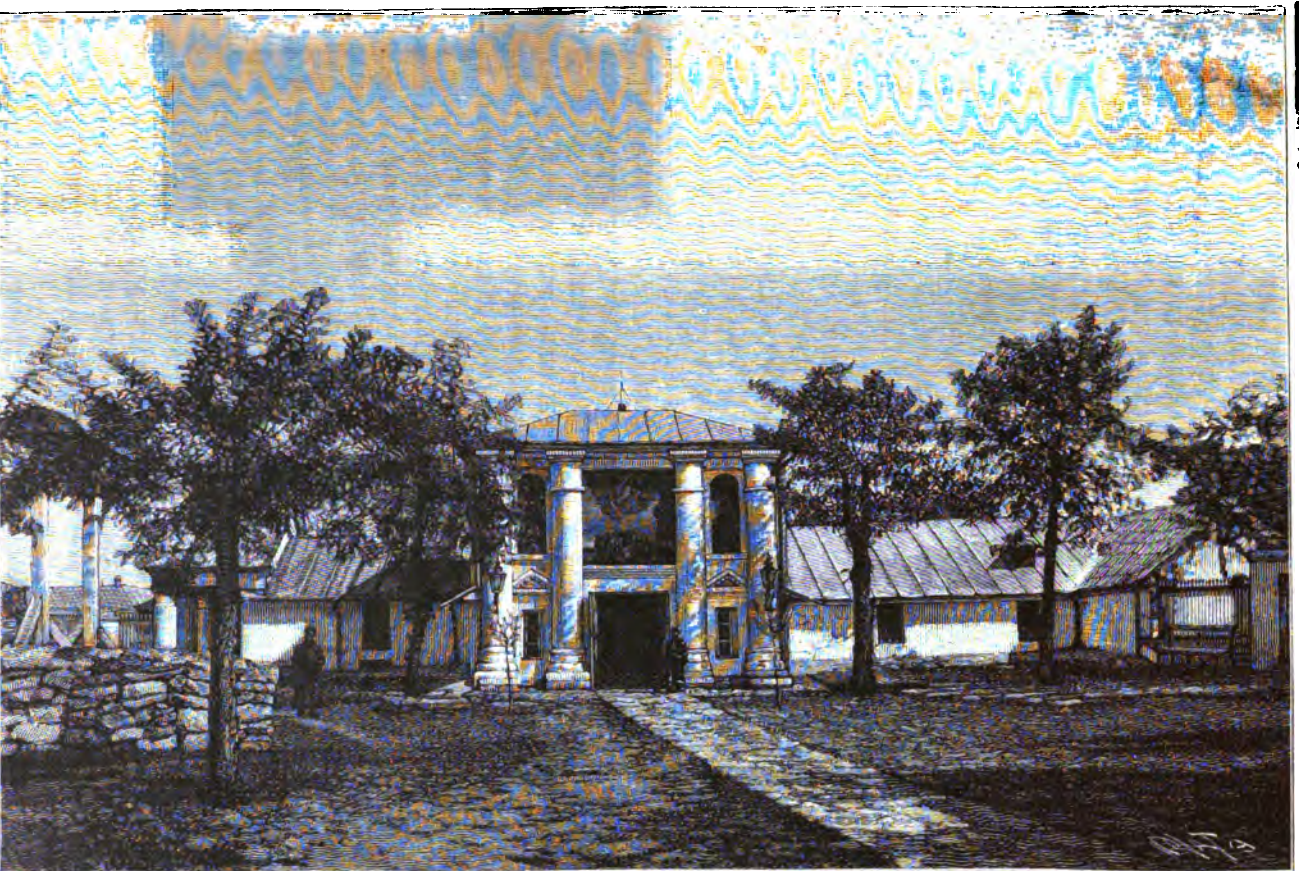

Дмитріевскій соборъ въ г. Оргѣевѣ.

скій домъ съ церковью и флигелями для консисторіи, типографіи и штата и большой семинарскій корпусъ съ обширными постройками. Эти учрежденія до сихъ поръ сохранили за собою названіе «митрополіи». Кромѣ того, Гавріилъ устроилъ за городомъ архіерейскую дачу и развелъ при ней виноградные сады. Въ дѣлѣ церковнаго управленія имъ много было положено трудовъ на развитіе просвѣщенія среди духовнаго юношества, улучшеніе быта духовенства, устраненіе злоупотребленій со стороны послѣдняго и установленіе правильныхъ отношеній между паствою и пасомыми».

Митрополитъ Гавріилъ имѣлъ большое вліяніе и на первоначальное устройство гражданскаго управленія присоединенной къ Россіи области. Въ 1818 году вступилъ въ дѣйствіе составленный особою коммиссіею органическій уставъ для управленія Бессарабіей. По этому уставу Бессарабія получила довольно широкое самоуправленіе. Верховный совѣтъ, состоявшій изъ мѣстныхъ дворянъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, сосредоточивалъ въ себѣ все управленіе края. Вся администрація выбиралась мѣстнымъ дворянствомъ и широко пользовалась своими обычаями и правами, съ употребленіемъ румынскаго языка.

Уже по смерти Гавріила († 30 марта 1821 года), такого рода самоуправленіе было найдено «несоотвѣтствующимъ общей государственной системѣ и благу самой Бессарабіи». 29-го февраля 1828 года высочайше утверждено новое положеніе объ управленіи этою областью, составленное по проекту новороссійскаго генералъ-губернатора и полномоченнаго намѣстника Бессарабіи М. С. Воронцова. Верховный совѣтъ, названный теперь областнымъ, вмѣсто главнаго правительственнаго учрежденія, сдѣланъ только совѣщательнымъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ намѣстникъ, переименованный въ бессарабскаго генералъ-губернатора, а въ его отсутствіе гражданскій губернаторъ, какъ ближайшій начальникъ области. Тогда же утверждено устройство областнаго правленія, казенной палаты, уголовнаго, гражданскаго и совѣстнаго судовъ. Въ 1834 году прекращено было въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлопроизводство на молдавскомъ языкѣ и урегулированы отношенія «царанъ» (крестьянъ) къ землевладѣльцамъ, остававшіяся до тѣхъ поръ неопредѣленными. Положеніе 24-го января 1834 года всѣмъ землевладѣльцамъ вмѣняетъ въ обязанность непремѣнно заключать съ живущими на ихъ землѣ царанами письменныя условія, съ подробнымъ обозначеніемъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Но такъ какъ царане уклонялись отъ заключенія такихъ условій и стремились къ перечисленію въ мѣщане, то правительство въ 1846 году составило нормальный контрактъ, «которымъ должны быть объяснены и опредѣлены какъ права землевладѣльцевъ, такъ и обязанности поселянъ, водворенныхъ въ ихъ владѣніяхъ, съ соблюденіемъ обоюдныхъ выгодъ для тѣхъ и другихъ».

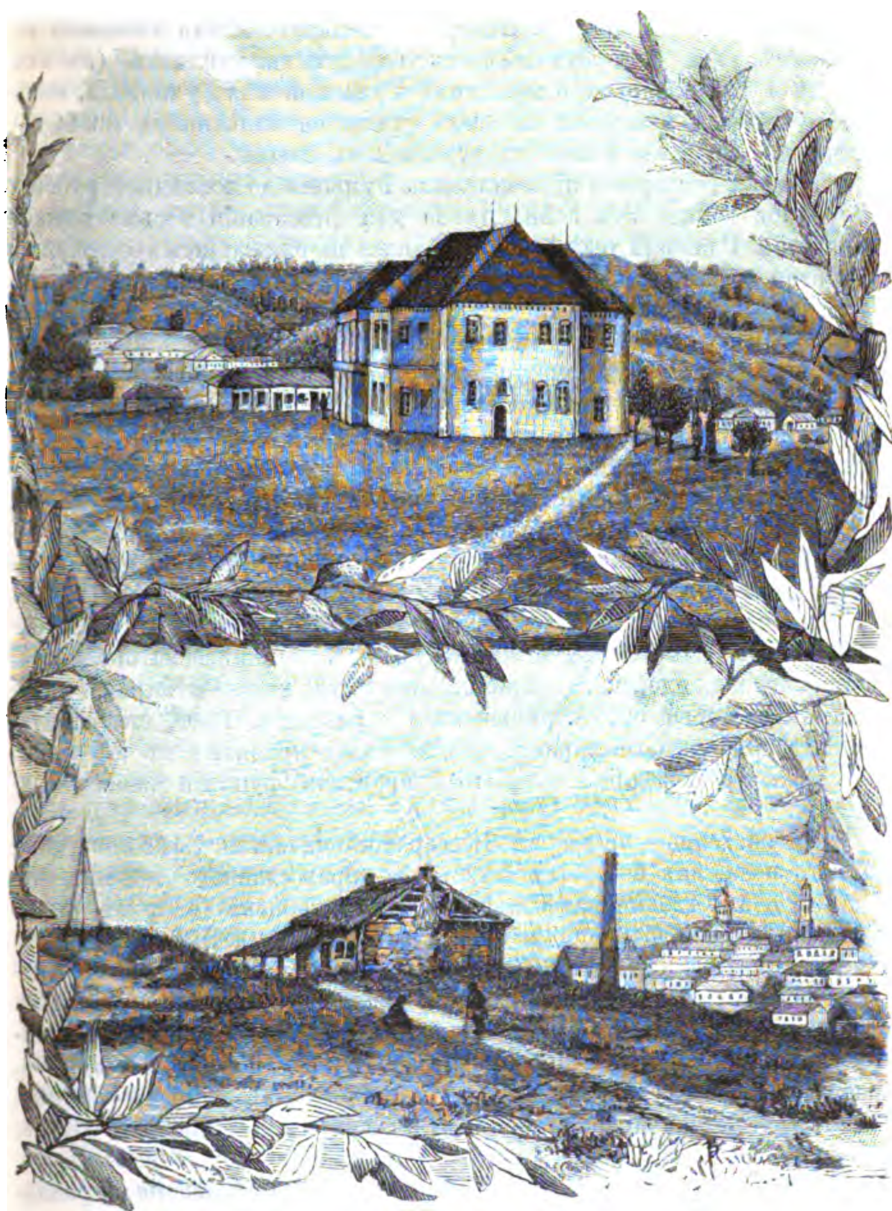

Армянская церковь въ Аккерманѣ.

Дальнѣйшему внутреннему устройству Бессарабіи попрепятствовала русско-турецкая война 1853—1855 годовъ. «Правда, для Россіи вообще эта война имѣла и благопріятныя послѣдствія, ускоривъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которое прекратило въ извѣстной степени крестьянскіе побѣги въ Бессарабію и на устья Дуная и вызвало въ обширныхъ размѣрахъ обратную эмиграцію изъ Турціи. Но отъ Бессарабіи эта война оторвала, хотя и на недолгое время, значительную часть южной ея территоріи». По Парижскому трактату 1856 года, Россія уступила Румыніи нынѣшній Измаилскій уѣздъ, съ частями сосѣднихъ уѣздовъ—Кагульскаго и Аккерманскаго, т. е. мѣстность, доставшуюся ей по Букарестскому договору 1812 года, а Турціи—гирла Дуная, съ островами Четалъ, Лети, Георгіевскимъ и 12-ю малыми, уступленные Турціей по Адріанопольскому миру 1829 года. Въ перешедшей къ Румыніи части Бессарабіи въ 1856 году числилось населенія 127.030 душъ обоего пола, а на дунайскихъ островахъ, отошедшихъ къ Турціи, 862 души.

Слѣдствіемъ такого измѣненія границъ было новое передвиженіе народонаселенія изъ Молдавіи и Турціи въ Россію и обратно. Послѣдовала извѣстная «большая выходка» русскихъ бѣглецовъ изъ-за Дуная и съ его устьевъ въ Россію. Вмѣстѣ съ этимъ началась усиленная эмиграція нашихъ старообрядцевъ-липованъ въ румынскія владѣнія, въ южную Бессарабію, гдѣ пріобрѣтеніе ими политическихъ и гражданскихъ правъ совершалось безъ затрудненія. Румынское правительство, объявившее полную свободу вѣроисповѣданій, оффиціально признало епископомъ Аркадія, рукоположеннаго для румынскихъ старообрядцевъ бѣлокриницкимъ митрополитомъ. Для православнаго же населенія въ 1864 году открыта въ Измаилѣ каѳедра новоучрежденной румынской Нижнедунайской епархіи, на которую былъ назначенъ бывшій воспитанникъ Кіевской академіи Мелхиседекъ Петровичъ Стефанеско; онъ учредилъ въ Измаилѣ духовную семинарію и особенно интересовался мѣстнымъ расколомъ старообрядства. «Впрочемъ, пастырская дѣятельность преосвященнаго Мелхиседека значительно стѣснена была румынскими комунальными законами, которые обязывали церковныя попечительства заботиться о церкви и клирѣ, но не опредѣляли, въ чемъ должна была состоять эта заботливость. Поэтому церкви въ южной Бессарабіи подъ румынскимъ владычествомъ были весьма бѣдны и неблагоустроены и отчасти остаются такими и донынѣ, какъ, напримѣръ, Новокарагачская церковь».

Помѣщаемое здѣсь изображеніе этого храма, представляющаго собою простую малороссійскую хату, крытую камышемъ, съ колокольней въ видѣ навѣса, даетъ достаточно ясное представленіе о его убожествѣ. Несравненно болѣе заботилось румынское прави-

Домъ Инзова въ Кишиневѣ.

тельство о народномъ образованіи. Къ концу румынскаго господства въ южной Бессарабіи были слѣдующія учебныя заведенія: классическая гимназія въ Бѣлградѣ, четырехкласная гимназія въ Измаилѣ, семь четырехклассныхъ городскихъ училищъ (въ ихъ числѣ 4 женскихъ), три мужскихъ и два женскихъ училища, всего 145 учебныхъ заведеній съ 3.000 учащихся мальчиковъ и 944 дѣвочками. Обученіе велось на румынскомъ языкѣ.

Южная Бессарабія принадлежала Румыніи до послѣдней русско-турецкой войны. Эта война имѣла для Бессарабіи весьма важное значеніе. Главный театръ ея находился въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этой областью; ея результаты имѣли непосредственное отношеніе къ расширенію границъ и увеличенію населенія Бессарабіи. «Бессарабія и особенно главный городъ ея Кишиневъ были, такъ сказать, очевидцами приготовленій Россіи къ этой войнѣ, переживали сердцемъ и душою всѣ важнѣйшіе фазисы развитія военныхъ дѣйствій и первые оказывали сочувствіе и помощь раненымъ русскимъ воинамъ. Въ Кишиневѣ впервые подписанъ покойнымъ государемъ Александромъ II, 11-го апрѣля 1877 г., и на слѣдующій день объявленъ, въ его присутствіи, манифестъ о войнѣ съ Турціей»... По Берлинскому трактату 1878 года, Россіи возвращена южная часть Бессарабіи, площадью въ 10.288 кв. верстъ, съ 127.451 душой населенія [1]. Въ возсоединенной съ Россіею части Бессарабіи (уѣздъ Измаилскій и части уѣздовъ Кишиневскаго, Аккерманскаго и Бендерскаго) наше правительство нашло нужнымъ удержать нѣкоторые слѣды румынскаго управленія. Такъ, старообрядческій епископъ Виссаріонъ (измаилскій) признанъ въ его санѣ, съ правомъ свободно и открыто отправлять функціи своего служенія.

Въ настоящее время въ Бессарабіи считается 1.641.559 душъ обоего пола, изъ которыхъ 1.220.439 — православнаго вѣроисповѣданія, а 421.120 неправославныхъ и иновѣрцевъ (въ томъ числѣ раскольниковъ до 20.000 и сектантовъ до 5.000). По даннымъ, относящимся къ 1861—1862 гг., когда общее число населенія области было немного болѣе милліона, численное отношеніе разныхъ племенъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: молдаванъ и валаховъ было 515.927, русиновъ, малороссовъ и великороссовъ—283.793, евреевъ—95.923, болгаръ, сербовъ и др.—56.166, нѣмцевъ—30.020, цыганъ—12.995, поляковъ—3.914, армянъ—2.298, грековъ—1.956, французовъ—43.

Дѣйствительное «возсоединеніе» Бессарабіи, сближеніе ея разноплеменныхъ и разновѣрныхъ обитателей между собою и съ нашимъ

---

[1]) Но дунайскія гирла, присоединенныя къ Россіи по Адріанопольскому миру 1829 г. и отошедшія отъ нея въ 1856 г., до сихъ поръ остаются въ предѣлахъ Румыніи.

отечествомъ не можетъ быть достигнуто однѣми внѣшними, административными мѣрами. Главнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи должна быть школа, съ ея культурными задачами. Это хорошо понималъ приснопамятный митрополитъ Гавріилъ. Заботясь объ образованіи духовенства, онъ обратилъ вниманіе также и на распространеніе просвѣщенія въ свѣтскомъ обществѣ. По его мысли, при семинаріи былъ устроенъ пансіонъ для воспитанія дѣтей бессарабскихъ дворянъ, замѣнявшій до 1834 года областную гимназію. При преемникѣ митрополита Гавріила, Димитріи Сулимѣ, было заведено нѣсколько «ланкастерскихъ» школъ, переименованныхъ впослѣдствіи въ приходскія и уѣздныя училища. Въ 1831 г. основаны кишиневская городская публичная библіотека и армянская школа въ Аккерманѣ. Въ 1834 г. открыта въ Кишиневѣ гимназія, а въ слѣдующемъ — благородный пансіонъ и т. д. Въ 1858 — 59 гг. въ русской Бессарабіи было 230 учебныхъ заведеній съ 10.872 учащимися и 159 приходскихъ школъ съ 1.521 учащимся.

Дѣломъ народнаго образованія въ Бессарабіи теперь завѣдуютъ духовное вѣдомство и министерство народнаго просвѣщенія. По вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія, въ 1890—1891 учебномъ году, церковно-приходскихъ школъ въ епархіи было 87, школъ грамотности 131; въ нихъ обучалось 6.673 мальчика и 794 дѣвочки. Учебныхъ заведеній вѣдомства народнаго просвѣщенія въ 1889 г. считалось: среднихъ 13, сельскихъ 398, прочихъ 258; въ нихъ обучалось мальчиковъ 29.855, дѣвочекъ 9.320. По отчету дирекціи народныхъ училищъ за 1889 — 1890 г., учащихся въ Бессарабской губерніи было 38.301. Сознавая недостаточность всего сдѣланнаго въ данномъ направленіи, министерство составило «обширный проектъ учрежденія въ губерніи различныхъ училищъ», причемъ оно принимаетъ на себя сооруженіе необходимыхъ зданій и снабженіе училищъ всѣми учебными пособіями.

Въ заключеніе нашего краткаго очерка считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу воспроизведенныхъ здѣсь гравюръ, о которыхъ намъ не пришлось упомянуть ранѣе. Такъ, мы ничего не сказали о знаменитомъ настоятелѣ Нямецкой обители Паисіи Величковскомъ. Сынъ полтавскаго протоіерея, онъ 19-ти-лѣтнимъ юношей принялъ монашество въ своемъ отечествѣ; затѣмъ отправился на Аѳонъ, устроилъ тамъ свой скитъ и собралъ вокругъ себя много братіи—русскихъ и молдаванъ. Прибывъ затѣмъ въ Молдавію, онъ поселился сначала въ Буковинѣ, а по присоединеніи ея къ Австріи въ 1777 году перешелъ въ монастырь Секу и чрезъ нѣсколько времени сталъ настоятелемъ Секульскаго и Нямецкаго монастырей. Онъ ввелъ въ Нямецкой обители общежительный уставъ Аѳонской горы и учредилъ пѣніе во время богослуженія на правомъ клиросѣ на славянскомъ, а на лѣвомъ—на молдавскомъ языкѣ. «Строгій подвижникъ, любвеобильный и ми-

лостивый настоятель, устроитель нѣсколькихъ монастырей, Паисій скончался въ Нямецкой обители 15-го ноября 1794 г., оставивъ по себѣ во всѣхъ знавшихъ его память праведника. Изъ числа его учениковъ и почитателей нѣкоторые подвизались въ Россіи, какъ устроители и обновители иноческой жизни, а также и въ Румыніи, гдѣ въ особенности прославился старецъ Григорій, впослѣдствіи угровлахійскій митрополитъ, и молдавскій митрополитъ Веніаминъ Костаки». Послѣдній былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей возрожденія румынской школы и литературы.

Далѣе, у насъ воспроизведены изображенія церкви св. Димитрія въ Оргѣевѣ, армянской церкви въ Аккерманѣ и дома Инзова въ Кишиневѣ. Оргѣевская церковь сооружена молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупуломъ (1634—1654). Она имѣетъ древнюю продолговатую форму съ полукружіемъ на востокъ для алтаря. Длина ея 12 саженъ, ширина и высота болѣе 3 саженъ. Пристройка, сдѣланная къ алтарной части въ позднѣйшее время, нарушаетъ характеръ древней архитектуры. Армяне переселились въ Аккерманъ въ 1831 г. и, вѣроятно, въ большомъ количествѣ, такъ какъ вскорѣ они соорудили здѣсь три церкви. Изъ числа ихъ нынѣ существуетъ только одна въ честь Пресвятой Богородицы. Построенная съ стилѣ базилики, она почти на половину находится въ землѣ, и для входа въ нее нужно спуститься по 12 ступенямъ.

Въ Кишиневѣ до сихъ поръ сохраняется память о домѣ, въ которомъ жилъ Пушкинъ и который извѣстенъ подъ названіемъ дома Инзова. Генералъ-лейтенантъ И. Н. Инзовъ, будучи назначенъ исполняющимъ обязанности намѣстника Бессарабской области, поселился въ домѣ боярина Донича. Въ этомъ же домѣ отвелъ онъ помѣщеніе и поэту, давъ ему двѣ небольшія комнаты въ нижнемъ этажѣ, съ окнами въ роскошный фруктовый садъ. По словамъ мѣстныхъ старожиловъ, помѣщеніе поэта было незатѣйливое: въ одной комнатѣ стоялъ столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ; въ другой—помѣщался вѣрный его слуга Никита. Самый домъ былъ отдаленъ отъ города, такъ что въ зимнюю снѣжную пору трудно было до него добраться. Этотъ домъ нѣсколько разъ подвергался землетрясенію, отъ котораго однажды, въ 1821 году, верхній этажъ далъ трещину. Тогда Инзовъ перебрался на другую квартиру, но Пушкинъ оставался въ немъ до своего отъѣзда изъ Кишинева въ 1823 году. Какова была роль дома Инзова послѣ того, неизвѣстно. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ еще цѣлъ, а позднѣйшія свидѣтельства говорятъ уже о его развалинахъ. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ отъ него оставались голыя стѣны, въ одной изъ которыхъ, съ западной стороны, показывали окно, откуда Пушкинъ иногда стрѣлялъ; при этомъ по periламъ лѣстницы съ нѣкоторою осторожностью можно было взобраться въ уг-

ловую комнату Пушкина и читать на ея бѣлыхъ стѣнахъ тысячи надписей, по большей части безсмысленныхъ и даже пошлыхъ. «Но и этимъ печальнымъ остаткамъ жилища нашего поэта не суждено было сохраниться. Бессарабскій губернаторъ Гангардтъ приказалъ срыть развалины дома будто бы потому, что онѣ служили ночнымъ притономъ для воровъ. Остатки дома продали на сломъ, а мѣсто куплено городомъ. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ здѣсь уже былъ глухой пустырь, среди котораго возвышалась насыпь изъ мусора... Роскошный садъ при Инзовскомъ домѣ, съ его виноградниками, лимонными и апельсинными деревьями, садъ, воспѣтый поэтомъ, изчезъ еще раньше развалинъ. На его мѣстѣ городъ устроилъ конюшни для Лубенскаго гусарскаго полка. Навозъ изъ конюшенъ выносится прямо на мусорную насыпь, гдѣ было жилище знаменитаго поэта... Конюшни, конечно, необходимы,— заключаетъ свое объясненіе М. И. Городецкій, — но въ данномъ случаѣ лучше было бы, если бы вмѣсто нихъ стоялъ какой нибудь знакъ, какой нибудь памятникъ, показывающій историческое значеніе этого мѣста, бывшаго жилищемъ величайшаго изъ русскихъ поэтовъ».

М. В. С.

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ ВЪ XVII ВѢКѢ.

I.

КИПУЧАЯ дѣятельность Петра Великаго произвела такое сильное впечатлѣніе на его современниковъ и ближайшихъ потомковъ, что всѣ они видѣли въ немъ чуть не сверхъестественное существо и реформы его считали чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, какимъ-то крутымъ переломомъ отъ старыхъ нормъ жизни къ новымъ, доселѣ неслыханнымъ и невиданнымъ, путямъ. Но сообразно съ тѣмъ, какъ разсѣевалось обаяніе этой геніальной личности, возростало все болѣе и болѣе недовѣріе къ внезапнымъ его реформамъ. Еще Герардъ Фридрихъ Миллеръ, ученый академикъ середины прошлаго вѣка, высказалъ весьма смѣлую для того времени мысль, что реформы Петра издавна уже подготовлялись теченіемъ русской жизни, и что дѣятельность этого императора стоитъ въ несомнѣнной тѣсной связи съ царствованіемъ хотя бы Ѳеодора Алексѣевича. Эта мысль въ настоящее время представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ, около которыхъ вращаются работы ученыхъ изслѣдователей, и чѣмъ дольше, тѣмъ больше мнѣніе прозорливаго академика подтверждается.

Такъ, еще въ первой половинѣ XIX вѣка философскія идеи Шеллинга и, главнымъ образомъ, Гегеля, подъ вліяніемъ которыхъ все тогдашнее мыслившее русское общество раздѣлилось на сла-

вянофиловъ и западниковъ, привили нашей исторіографіи мысль о закономѣрности исторической жизни народовъ, и эта мысль заставила русскихъ ученыхъ отвергнуть возможность радикальной ломки со стороны Петра. Однако, строя свои выводы главнымъ образомъ на основаніи чистыхъ умозрѣній, тогдашняя наука не давала фактической опоры для такого отрицанія. Только извѣстныя чтенія С. М. Соловьева истинно-научно обосновали мнѣніе о связи послѣ-петровскаго времени съ до-петровскимъ, а теперь такая постановка вопроса нашла себѣ блестящее подтвержденіе въ послѣднемъ изслѣдованіи П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформою Петра Великаго», гдѣ авторъ доказываетъ съ неоспоримой убѣдительностью, что всѣ мѣропріятія Петра возникали не по его личной волѣ, а просто въ силу того, что сама жизнь настойчиво принуждала государя къ введенію той или другой реформы. Въ виду этого XVII вѣкъ принимаетъ исключительный интересъ, какъ вѣкъ, въ который состояніе общества и государства ясно указывало на непригодность стараго строя и на то, какъ измѣнить это старое. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, прослѣдить, какъ разложился мало-по-малу несокрушимый, повидимому, строй древне-русской жизни, какъ въ среду разныхъ прочныхъ установленій внѣдрилась масса противорѣчащихъ имъ явленій, въ какую форму отлилось сознаніе, хотя бы и смутное, непригодности современныхъ формъ жизни и необходимости того или иного выхода изъ положенія, неестественность и неудобство котораго ясно уже сказывались, какимъ образомъ, наконецъ, всѣ эти новыя вѣянія подготовили ту или другую сторону петровской реформы. Хотя бы заботы о просвѣщеніи—представляютъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ въ дѣятельности Петра, а между тѣмъ глазъ изслѣдователей подмѣтилъ, что стремленіе къ просвѣщенію, и притомъ просвѣщенію западному, просыпается въ нашемъ обществѣ еще за два вѣка до преобразователя, и на первыхъ же порахъ обнаруживается въ видѣ ереси жидовствующихъ, выросшей несомнѣнно на почвѣ западнаго вліянія; далѣе это стремленіе сказывается въ томъ, что бояре стараются посылать своихъ дѣтей для полученія образованія за границу и придаютъ этому весьма важное значеніе: по крайней мѣрѣ, Владиславъ, до признанія его русскимъ царемъ, долженъ былъ подписать грамоту, въ которой, между прочимъ, требовалось, чтобы онъ не препятствовалъ русской молодежи ѣздить въ заграничныя школы (1610 г.). Далѣе въ Москву проникаютъ изъ Юго-Западной Руси монахи, образованные въ духѣ западной схаластической науки, и получаютъ при дворѣ такое вліяніе, что имъ поручается даже воспитаніе царскихъ дѣтей. Въ то же время все сильнѣе и сильнѣе сказывается необходимость школъ и, послѣ нѣсколькихъ не вполнѣ удачныхъ попытокъ, открывается Московская ака-

демія [1]). Все это, разумѣется, заставляло тогдашнее русское общество призадуматься надъ многимъ. Но подъ словомъ «общество» въ XVII вѣкѣ слѣдуетъ понимать только мужскую его часть—женщины тогда были заперты въ своихъ теремахъ, и все, что волновало мужскіе умы, оставалось для нихъ невѣдомымъ. Однако не совсѣмъ: несомнѣнно, что нѣкоторые отголоски общественнаго броженія успѣли въ XVII вѣкѣ проникнуть въ невозмутимую тишину теремной жизни; женщина, конечно, осталась въ большинствѣ случаевъ такъ же невѣжественна, какъ и прежде была, но до нея, всетаки, дошли смутные слухи о томъ, что не всѣ живутъ такъ, какъ онѣ, что возможна и какая-то иная жизнь, болѣе свободная, болѣе привольная. Какъ на примѣръ подобнаго явленія можно указать на царевну Софью, которая почерпнула самую идею своей дѣятельности изъ византійской исторіи, гдѣ подходящимъ для нея примѣромъ была знаменитая Пульхерія, сестра императора Θеодосія. Но далеко не всѣ, повторяемъ мы, имѣли передъ собою столь опредѣленные идеалы. Если къ этому прибавить еще то обстоятельство, что средствъ для борьбы общественнаго характера въ рукахъ женщинъ того времени тоже не было, то станетъ вполнѣ понятно, что и стремленіе женщинъ къ свободѣ не могло получить окраску какого нибудь опредѣленнаго, оформленнаго, организованнаго движенія. Нѣтъ, но въ XVII вѣкѣ среди женщинъ мы замѣчаемъ протестъ, можетъ быть, и безсознательный, въ сферѣ чисто семейной; онъ направленъ противъ теремнаго затворничества и притѣсненія со стороны мужчины и выражается въ формѣ стремленія къ такъ называемой свободной любви и къ тому, чтобы подчинить мужа волѣ супруги. Конечно, и то, и другое, стремленіе, какъ разрушающее установленныя вѣками формы семейной жизни, вызываетъ реакцію со стороны мужчинъ, выражающуюся въ грубомъ насиліи и еще болѣе бережномъ охраненіи терема. Такимъ образомъ, въ положеніи русской женщины XVII вѣка замѣчается двойственность: съ одной стороны старинное понятіе о женщинѣ остается въ полной силѣ, съ другой стороны—въ жизни замѣчается масса фактовъ, идущихъ прямо въ разрѣзъ съ такимъ понятіемъ. Въ виду этого обстоятельства намъ придется сначала выяснить тотъ удѣлъ женщины, который ей указалъ древне-русскій складъ жизни и который дѣйствительно ей доставался въ прежніе вѣка, а далѣе, какъ на характерную черту XVII вѣка, указать на явленія, значительно измѣнившія судьбу женщины при первыхъ Романовыхъ. Тутъ мы считаемъ не лишнимъ указать на то, что, говоря о русской женщинѣ

---

[1]) О западномъ вліяніи и образованности до-петровской Руси много находится въ «Лекціяхъ» проф. Жданова по исторіи русской литературы. Спб. 1887—1888, стр. 1—32.

XVII вѣка, мы имѣемъ въ виду только достаточный классъ населенія Московскаго государства, такъ какъ собственно этотъ классъ исключительно потерпѣлъ къ тому времени значительное измѣненіе въ своихъ нравахъ, низшіе же разряды народонаселенія остались при старыхъ традиціяхъ не только въ XVIII вѣкѣ, но въ значительной степени и въ XIX в. Выяснивъ такимъ образомъ задачу нашей статьи, мы остановимся нѣсколько на тѣхъ средствахъ, которыми можемъ располагать для достиженія намѣченной цѣли. Главнымъ источникомъ намъ послужили, конечно, записки иностранцевъ о Московскомъ государствѣ: въ нихъ находится наиболѣе обширный матеріалъ для характеристики тогдашнихъ русскихъ нравовъ. Иностранцу скорѣе бросались въ глаза особенности русской жизни, и поэтому у него онѣ изложены всегда довольно подробно. Однако, непониманіе среды и возможность возвести исключительный фактъ въ постоянное явленіе въ значительной мѣрѣ уменьшаютъ цѣнность показаній Мейербера, Перри, Коллинза, Рейтенфельса, Олеарія и другихъ иностранцевъ. Въ виду этого мы довѣряли только тѣмъ ихъ извѣстіямъ, которыя или подтверждаются другими, аналогичными фактами, или же находятся въ полномъ согласіи съ общимъ складомъ древне-русской жизни. По своему характеру очень близко примыкаетъ къ сказаніямъ иностранцевъ драгоцѣннѣйшее сочиненіе Котошихина «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» съ той только разницей, что показанія Котошихина, какъ человѣка русскаго, заслуживаютъ несравненно больше довѣрія, чѣмъ иностранныя извѣстія. Далеко не послѣднее мѣсто въ ряду нашихъ источниковъ занимаютъ и древне-русскія повѣсти, въ которыхъ заключается не мало типовъ, прямо выхваченныхъ изъ тогдашней современности, и вѣрность этихъ портретовъ завѣрена не только цѣлой массой фактовъ, согласующихся съ ними, но собственноручными приписками нашихъ предковъ, усердно читавшихъ такія повѣсти.

II.

«Пользовался ли женскій полъ общественными правами наравнѣ съ мужскимъ поломъ, то-есть въ равной половинѣ? была ли женская личность самостоятельною въ древнемъ обществѣ именно этою своею женскою половиною? почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельною половиною не семьи, а самого общества, или же эта половина была въ сущности только придаткомъ къ тому цѣлому, которое выражалось лишь одною личностью мужчины? Вообще: была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ сама по себѣ, какъ личность женщины, или же самостоятельность опредѣлялась только ея принадлежностью къ личности мужской, какъ напримѣръ, значеніемъ жены мужа, матери сына

и т. п.» [1])? Вотъ вопросъ, отвѣтъ на который необходимо дать при выясненіи взглядовъ на положеніе русской женщины въ XVII вѣкѣ. И. Е. Забѣлинъ, выпиской изъ котораго мы начали эту главу, даетъ отвѣтъ отрицательный: женская личность самостоятельнаго значенія въ древне-русскомъ обществѣ не имѣла, говоритъ онъ. Съ такимъ отвѣтомъ нельзя не согласиться, и нѣсколько ниже мы приведемъ факты, подтверждающіе его. Теперь же нелишнимъ будетъ остановиться на томъ, какимъ образомъ выработался подобный взглядъ на женщину. Первыя двѣ главы цитированнаго труда Забѣлина посвящены именно разбору этого вопроса и разрѣшаютъ его вполнѣ удовлетворительно. Внимательно вглядываясь въ весь складъ древне-русской жизни, Забѣлинъ подмѣчаетъ главный руководящій принципъ этой жизни, заключающійся въ широкомъ примѣненіи **родительской опеки, старшей воли**, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно одно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Понятія нашихъ предковъ воспитывали, утверждали и освящали за старшимъ самый безграничный произволъ, полную необузданность воли. Съ другой стороны отъ младшаго требовалось безпрекословное повиновеніе, послушаніе, безграничное приниженіе личности, полное дѣтство и раболѣпство воли. Разъ это такъ, то вопросъ о свободѣ и о признаніи женской личности сводится къ вопросу о томъ, могла ли женщина попасть въ положеніе старшаго въ семьѣ. Оказывается, что нѣтъ. Женщина, даже замужняя, считалась однимъ изъ младшихъ членовъ семейства и, хотя стояла нѣсколько выше дѣтей своихъ, всетаки между ней и мужемъ лежала цѣлая пропасть [2]). Взглядъ на женщину, какъ на младшаго члена семьи, установился подъ вліяніемъ двухъ факторовъ. Съ одной стороны, русское общество въ началѣ своей исторіи стояло на той ступени развитія, когда главнымъ достоинствомъ считается физическая сила; женщина въ этомъ отношеніи уступала, конечно, мужчинѣ и потому не могла пользоваться одинаковымъ съ нимъ почтеніемъ. Съ другой стороны, съ принятіемъ христіанства къ намъ были принесены византійскія церковныя воззрѣнія на женщину. Византійское духовенство всегда возставало на женщинъ съ обличеніями, громило ихъ нещадно и въ противовѣсъ разврату, въ которомъ тонула Греческая имперія, выставляло аскетическій идеалъ и для мужчины, но главнымъ образомъ для женщины, такъ какъ эта

---

[1]) **Забѣлинъ**, Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтія, 2-е изд., стр. 7.

[2]) Только вдова, оставшаяся послѣ мужа съ дѣтьми, получала нѣкоторыя самостоятельныя права, но тутъ имѣлась въ виду не женская личность сама по себѣ, а мать сыновей; со дня ихъ совершеннолѣтія она опять теряла свое значеніе.

послѣдняя въ ихъ глазахъ являлась зачинщицей соблазна и нечестія. Въ Византіи эта проповѣдь имѣла мало успѣха, такъ какъ Царьградъ успѣлъ уже узнать, «какъ грѣхъ силенъ, какъ сладокъ грѣхъ», но, попавъ въ русское, свѣжее общество, аскетическій идеалъ привился и принесъ надлежащіе плоды: къ представленію о слабости женщины присоединилось представленіе о ея грѣховности и о необходимости удалять ее по возможности отъ вмѣшательства въ общественныя дѣла. Отсюда было уже недалеко и до терема, и теремъ появился. Кромѣ этихъ двухъ факторовъ, указанныхъ Забѣлинымъ, необходимо, кажется, признать нѣкоторую роль и за татарскимъ игомъ—врядъ ли двухвѣковое владычество азіатскихъ варваровъ, привыкшихъ къ гаремной жизни, могло пройти безслѣдно въ русской исторіи. Надо полагать, что татарское вліяніе, вступивъ въ союзъ съ вліяніемъ византійскимъ, общими усиліями произвело столь несимпатичный результатъ, какъ древнерусскій теремъ, подъ давленіемъ котораго русская женщина попала въ самое неестественное положеніе.

Неестественность эта сказывалась уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ ея жизни. Я не говорю уже объ образованіи,—какое образованіе могла получать дѣвушка въ средѣ, которая держалась убѣжденія, что «силлоизмы суть вѣры развращеніе и тайны истощеніе»! Но при первыхъ же признакахъ зрѣлости на дѣвушку начинали уже смотрѣть, какъ на существо, созданное на соблазнъ роду человѣческому, съ одной стороны, и какъ на будущую жену—съ другой. Вообще, «женщина въ древнемъ обществѣ носила въ своемъ значеніи только идею жены, въ тѣснѣйшемъ, только половомъ значеніи этого слова. Не понимая и не признавая въ ней личной самостоятельности, человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ, предокъ не могъ, разумѣется, со словомъ «женщина», соединять такое понятіе, какое теперь ему придается. Да и самое слово «женщина» едва ли знакомо нашей древней письменности. Оно явилось съ развитіемъ общественности, въ то уже время, когда сама женщина вступила въ общественную жизнь, заняла принадлежащее ей мѣсто и тѣмъ внесла въ общество новое о себѣ понятіе [1]). Вотъ результомъ такого воззрѣнія на женщину, какъ на самку, и притомъ еще соблазнительницу, и явилось умозаключеніе, что «женскій стыдъ до порога: какъ переступила, такъ и позабыла» [2]), и что поэтому «лучше козу въ домѣ имѣть, нежели дочь взрослую: молодая коза, по селищу ходивши, молоко домой принесетъ, а великая дѣвица, по улицѣ ходивши, срамъ принесетъ великій не только отцу и матери, но и всему роду» [3]). Въ силу такой невоздержности,

---

[1]) Забѣлинъ, «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», ч. I., стр. 147.

[2]) Ibid., стр. 153—154.

[3]) Θ. Буслаевъ, «Русская народная поэзія», стр. 589.

къ дѣвушкамъ надо относиться подозрительно, запирать ихъ надо, чтобъ не было сраму. Съ другой стороны, дѣвушка—самка, и поэтому должна непремѣнно выйти замужъ, чтобы наплодить семью. Но для того, чтобы выйти замужъ, надо понравиться жениху. Умомъ нравиться не приходилось, нужно было полагаться на красоту. Но идеаломъ русской красавицы въ то время была полная фигура—худыхъ замужъ брали рѣдко. Въ виду этого надо заботиться о томъ, чтобы дочь-невѣста по возможности была полнѣе, и вотъ «тѣ, которыя отъ природы несклонны къ полнотѣ, предаются всякаго рода эпикурейству, съ намѣреніемъ растолстѣть: лежатъ цѣлый день въ постелѣ, пьютъ русскую водку (очень способствующую толстотѣ), потомъ спятъ, а потомъ пьютъ» [1]. Впрочемъ, подобный же образъ жизни вели и всѣ дѣвушки лучшихъ семействъ въ то время, такъ какъ заниматься какимъ нибудь дѣломъ считалось для богатыхъ женщинъ непривычнымъ [2]. Единственное занятіе, допускавшееся въ теремахъ, было вышиваніе золотомъ и серебромъ, и въ этомъ московскія женщины доходили до большаго искусства, такъ что ихъ издѣлія вывозились даже за границу [3]. Итакъ, московскія дѣвушки проводили свои дни въ затворничествѣ, въ приготовленіяхъ къ браку и въ совершенномъ почти бездѣйствіи. Бракъ былъ для нихъ единственной возможной перемѣной въ такомъ скучно-однообразномъ существованіи. Если же какая либо дѣвушка въ силу физическихъ непоправимыхъ недостатковъ не могла выйти замужъ, то ее запирали въ монастырь [4], или, что все равно, ей приходилось свою домашнюю жизнь устроивать совершенно въ духѣ монашескомъ [5]. Въ этомъ отношеніи самымъ несчастнымъ было положеніе царевенъ, которыя были обречены на вѣчное дѣвство, такъ какъ выдавать ихъ за русскихъ не позволялъ ихъ санъ, а за иностранныхъ принцевъ — разница въ вѣроисповѣданіяхъ. Поэтому царевны съ самаго уже дѣтства жили въ затворничествѣ болѣе строгомъ, чѣмъ прочія дѣвицы, а впослѣдствіи ихъ образъ жизни ничѣмъ не разнился отъ монашескаго [6]. Впрочемъ не особенное было счастіе для тогдашнихъ дѣвушекъ и въ замужествѣ, если принять въ соображеніе условія, при которыхъ совершался бракъ [7]. О взаимной склонности брачащихся не могло

---

[1]) «Нынѣшнее состояніе Россіи», соч. Коллинса, 22.

[2]) Олеарій, стр. 211.

[3]) Петрей, «Исторія о великомъ князѣ Московскомъ», стр. 388.

[4]) Котошихинъ, стр. 177.

[5]) Забѣлинъ, «Домашній бытъ русскихъ царицъ», стр. 95.

[6]) Котошихинъ, стр. 16—17.—Mayerberg, стр. 44.—Reutenfels, стр. 99 и друг.

[7]) О заключеніи брака самое полное извѣстіе у Котошихина, стр. 168—178. Его разсказъ подтверждается сообщеніями Олеарія (стр. 204—209), Рейтенфельса (стр. 230—231), Коллинса (стр. 3 и 11) и нѣкоторыми менѣе важными.

быть и рѣчи. Невѣсту выбирали родители жениха, рукой дочери распоряжались также ея родители, причемъ, конечно, руководствовались расчетами, не имѣвшими никакого отношенія къ сердцу жениха и невѣсты. Затѣмъ женихъ до окончанія брачнаго пира невѣсты не видѣлъ: смотрѣть ее пріѣзжала женихова родня, причемъ постоянно происходили разные обманы: физическіе недостатки невѣсты старались какъ нибудь скрыть и иногда успѣвали въ этомъ, а иногда вмѣсто выбранной дѣвушки подставляли во время смотринъ другую, болѣе подходящую. Разумѣется, что при такомъ образѣ дѣйствій происходили постоянныя недоразумѣнія между новобрачными, особенно, когда мужъ, по выраженію Мейербера, вмѣсто желанной Рахили встрѣчалъ на своемъ ложѣ кривую Лію. Тогда между супругами начинались постоянныя стычки, оканчивавшіяся, конечно, не въ пользу жены. Да и вообще послѣ брака женщина попадала въ кабалу еще болѣе тяжелую, чѣмъ до замужества. Затворничество не усиливалось только потому, что въ дѣвичествѣ оно достигало крайней степени. Для иллюстраціи укажемъ на то, что царицу Марью Ильиничну (Милославскую), напримѣръ, по свидѣтельству Мейербера, видѣлъ едва одинъ изъ 1.000 придворныхъ [1]). Когда она заболѣла, и къ ней былъ приглашенъ врачъ, то окна были завѣшаны, чтобы нескромный врачъ не могъ разглядѣть высокой паціентки, а когда врачъ нашелъ нужнымъ пощупать у ней пульсъ, то руку царицы обвернули тканью, боясь осквернить ее прикосновеніемъ чужаго мужчины къ ея тѣлу [2]). Выѣзжала царица не иначе, какъ въ экипажѣ, закрытомъ со всѣхъ сторонъ [3]), а если она отправлялась въ путешествіе, то выѣзжала въ большинствѣ случаевъ рано утромъ или поздно вечеромъ [4]). Также приблизительно охраняли отъ постороннихъ взоровъ и боярскихъ женъ: кромѣ близкихъ родственниковъ, къ нимъ никого не пускали, а постороннимъ лицамъ ихъ показывали только въ томъ случаѣ, когда хозяинъ дома хотѣлъ кому нибудь изъ своихъ гостей выразить особую пріязнь. Тогда хозяйка выходила къ гостю съ бокаломъ вина, гость выпивалъ вино и затѣмъ цѣловалъ хозяйку въ уста [5]). Выѣзжали боярыни только въ церковь и то рѣдко, такъ какъ у большинства бояръ были свои домовые храмы [6]). А когда и выѣзжали, то непремѣнно въ тщательно закрытыхъ экипажахъ. Обыкновенно же онѣ сидѣли дома, занимались раскрашиваніемъ своихъ лицъ, чего

---

[1]) Mayerberg, стр. 88.

[2]) Ibid.

[3]) Reutenfels, стр. 96—97; Mayerberg, стр. 88; Котошихинъ, стр. 19.

[4]) Reutenfels, стр. 96.

[5]) Котошихинъ, стр. 167—168; Олеарій, стр. 197—198; La relation de trois ambassedes, стр. 33 и друг.

[6]) Котошихинъ, стр. 166.

настоятельно требовалъ московскій bon ton [1]), или вязаніемъ кошельковъ и вышиваніемъ, или для развлеченія качались на качеляхъ—чуть ли не единственное удовольствіе, которое дозволялъ имъ строгій теремный ритуалъ [2]). Итакъ, женамъ жилось невесело. Мужья, наоборотъ, не отказывали себѣ въ развлеченіяхъ какъ до брака, такъ и послѣ него. То, что для женщины было окончательной гибелью—паденіе, для мужчины представлялось самою обыкновенной вещью: единственнымъ стѣсненіемъ въ этомъ отношеніи для него служило правило, чтобы «желающій вступить въ бракъ воздерживался отъ другихъ женщинъ впродолженіе 40 или, по меньшей мѣрѣ, 8 дней» [3]). Извѣстіе это на первый взглядъ можетъ показаться мало вѣроятнымъ, но если обратить вниманіе на источникъ, изъ котораго оно заимствовано Герберштейномъ, то станетъ ясно, что въ немъ заключается гораздо больше правды, чѣмъ можно предположить. Дѣло въ томъ, что тутъ австрійскій посолъ приводитъ переводъ изъ русскаго памятника («Вопросы Кирика къ новгородскому епископу Нифонту»). Послѣ вступленія въ бракъ для мужчины тоже не прекращалась возможность кутнуть въ доброй компаніи, по крайней мѣрѣ, Мейерберъ [4]) увѣряетъ, что на боярскихъ пирахъ велись разговоры самаго неприличнаго содержанія, а Олеарій прибавляетъ, что они бесѣдуютъ «о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ, развратѣ и любодѣяніи ихъ самихъ и другихъ лицъ», и чѣмъ неприличнѣе были анекдоты, тѣмъ симпатичнѣй былъ слушателямъ разсказчикъ [5]). Уходить съ такихъ пирушекъ считалось крайне неприличнымъ: съ нихъ всякаго порядочнаго человѣка надо было уносить [6]). Надо полагать, что скверные анекдоты, которыми потѣшались родовитые аристократы, имѣли нѣкоторую фактическую подкладку. Но жена не имѣла права претендовать на такое времяпровожденіе своего супруга, потому что «достоитъ повиноватися женамъ къ мужамъ своимъ, а не пререковати имъ, но послушливымъ быти, понеже послушнымъ Богъ подаетъ честь и славу, а непослушливымъ горькую муку [7])». Мужъ непремѣнно долженъ держать жену свою въ страхѣ и повиновеніи, иначе онъ перестанетъ быть человѣкомъ: «Ни въ скотѣхъ скотъ коза, ни въ рыбахъ рыба ракъ, ни въ птицахъ птица сычъ, ни въ звѣряхъ звѣрь ежъ, ни въ человѣцѣхъ человѣкъ, которымъ мужемъ жена владѣетъ... Яко коня держать уздою, тако и жену во-

---

[1]) Олеарій, стр. 159; Мейерберъ, стр. 44; Perry, стр. 480; Reutenfels, стр. 179 etc.

[2]) Олеарій, стр. 211—212; Perry, стр. 482.

[3]) Герберштейнъ, стр. 58.

[4]) Mayerberg, стр. 20.

[5]) Олеарій, стр. 178.

[6]) Mayerberg, стр. 20.

[7]) Забѣлинъ, «Опыты», I, стр. 152.

дить угрозою» [1]). А въ чемъ должна заключаться эта угроза, прекрасно объясняетъ Домострой: «Плетью съ наказаніемъ бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово. А только велика вина и кручиновато дѣло — ино соймя рубашку плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря; да поучивъ примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не видали и не слыхали» [2]). А бывали и такіе случаи, что супругъ «съ сердца, или съ кручины по уху и по глазу бьетъ, и подъ сердце кулакомъ, и посохомъ колетъ, и многія притчи оттого бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ; и главоболіе, и зубная болѣзнь; а у беременныхъ женъ и дѣтѣмъ поврежденіе бываетъ во утробѣ ихъ» [3]). Но этого мало, мужъ не только можетъ безнаказанно такъ звѣрски истязать жену, въ концѣ концовъ онъ еще имѣетъ возможность очень легко отдѣлаться отъ нея: обвинить ее въ невѣрности и запереть въ монастырь. Тогда онъ самъ безпрепятственно можетъ черезъ шесть недѣль снова жениться. Такіе факты дѣйствительно случались. О нихъ упоминаетъ Котошихинъ [4]), говоритъ и Олеарій [5]), а Мейерберъ прямо заявляетъ, что большинство московскихъ монахинь состоитъ изъ женъ, отвергнутыхъ своими мужьями [6]). Само собой понятно, какъ невыносимо тяжело было положеніе замужемъ русской женщины при такихъ условіяхъ, и, хотя каждая изъ нихъ еще съ дѣтства проходила суровую школу, было гдѣ поучиться ей терпѣнію, однако нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторыя, всетаки, не могли вынести этой каторги и рѣшались насильно освободиться отъ своего мужа при помощи яда. Но въ такомъ случаѣ ихъ ждало ужасное наказаніе.

III.

14-я статья 22-ой главы Уложенія царя Алексѣя Михайловича гласитъ: «А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою, а сыщется про то допряма: и ее за то казнити, живу окопати въ землю, и казнити ее таковою казнію безъ всякія пощады...» [7]). Эта статья впослѣдствіи была подтверждена еще разъ именнымъ указомъ [8]) отъ 11-го мая 1663 года и въ другой разъ въ новоуказныхъ статьяхъ 22-го января 1669 года [9]).

---

1) Ibid., стр. 153.
2) Буслаевъ, «Русская народная поэзія», стр. 584.
3) Ibid., стр. 583—584.
4) Котошихинъ, стр. 177.
5) Олеарій, стр. 214.
6) Mayerberg, стр. 32.
7) «Собраніе узаконеній Русскаго государства», изд. Карновичемъ, стр. 151.
8) Ibid., стр. 568.
9) Ibid., стр. 780.

Очевидно, власть не намѣрена была давать потачку преступленіямъ такого рода. Къ женоубійству, наоборотъ, законъ относился весьма мягко, по крайней мѣрѣ, сохранился приговоръ Земскаго приказа отъ 12 февраля 1664 года, который гласитъ: «По указу великаго государя присланъ изъ Стрѣлецкаго приказу въ Земской приказъ Кадашевецъ Ивашко Долгой въ убивствѣ жены своей; а въ роспросѣ онъ, Ивашко, въ убивствѣ жены своей винился, а убилъ де ту жену свою до смерти за то, что она отъ него воровала блудно. И по указу великаго государя за то смертное убивство учинено ему, Ивашкѣ, наказаніе: бить кнутомъ и отданъ на чистыя поруки» [1]). Понятно, что, если законъ не давалъ почти никакого прочнаго обезпеченія въ безопасности жены, то родители, отдавая свою дочь замужъ, иногда заключали условіе съ женихомъ, требуя отъ него человѣческаго обращенія съ женой [2]). Въ случаѣ несоблюденія этого условія родители жаловались «патріарху, или большимъ властямъ, и по тому челобитью власти велятъ сыскать дворовыми людми и сосѣдми, по домамъ ихъ: и будетъ тому есть правда, и того человѣка сошлютъ въ смиреніе въ монастырь на полгода, или на годъ» [3]). Но даже и ссылка въ монастырь не всегда практиковалась—иногда виновнаго прямо отпускали на поруки. Такъ въ одной поручной записи половины XVII вѣка жители Тихвинскаго посада за одного изъ своихъ посадскихъ ручаются въ томъ, что онъ «жену свою напрасно безвѣчить не будетъ» [4]), но только напрасно, «по винѣ» же можно было и «усмирить». Гарантія очень плохая. Впрочемъ, право бить и увѣчить свою жену отнято у мужа только въ нашемъ вѣкѣ, при императорѣ Николаѣ [5]). Въ виду того обстоятельства, что личная безопасность жены была плохо обезпечена закономъ, въ значительной степени понижается важность той довольно обширной гражданской правоспособности, которую признавало за женщиной дореформенное законодательство. Такъ матерая вдова, т. е. вдова, у которой послѣ мужа остались малолѣтніе сыновья, получала всю сумму правъ, присущихъ мужчинѣ, главѣ дома. Но это было для женщины довольно исключительное положеніе. Гораздо болѣе общее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что дѣвушка, владѣвшая собственностью (что сплошь и рядомъ бывало съ потерявшими отца), имѣла право входить въ различныя обязательства. Кромѣ того, всѣ женщины обладали полною процессуальною правоспособностью, т. е. могли подавать искъ, являться въ судъ въ качествѣ отвѣтчицъ, могли быть свидѣтельницами и т. п. Такъ, напримѣръ, дочь служилаго человѣка получала послѣ смерти отца

---

1) «Собраніе законовъ», стр. 576.
2) Коллинсъ, стр. 4.
3) Котошихинъ, стр. 176.
4) Сергѣевичъ, «Лекціи по исторіи русскаго права», стр. 565.
5) Сергѣевичъ, стр. 566.

«на прожитокъ» по семи четвертей съ осьминой изъ каждыхъ ста четвертей отцовскаго помѣстья. Такимъ прожиточнымъ помѣстьемъ она могла управлять сама, но могла передать его и другому лицу съ условіемъ, чтобы это другое лице «кормило ее и замужъ выдало». При этомъ требовалось «имать записи за руками». Если получившій дѣвичье помѣстье не исполнялъ условій, то дѣвушка могла бить на него челомъ, и тогда помѣстье ей снова возвращалось. Выходя замужъ, она могла удержать его за собой, но для этого требовалось «справить» его до брака, въ противномъ случаѣ помѣстье отбиралось въ казну и передавалось какому нибудь служилому человѣку. Что касается до вопроса, могла ли имѣть жена собственное имущество и распоряжаться имъ независимо отъ супруга, то дать на этотъ вопросъ положительный или отрицательный отвѣтъ невозможно, такъ какъ прямаго закона объ этомъ не существовало, а случаи судебной практики даютъ факты и за и противъ имущественной самостоятельности женщины [1]). «Есть указанія отъ XIV—XV вѣковъ, что имущества супруговъ были раздѣльны, и жены продавали свои земли мужьямъ. Это признано и указами XVII вѣка, которые говорятъ, что жены могутъ продавать и закладывать свои вотчины своими именами. Рядомъ съ этою раздѣльностью есть указанія и на существованіе нѣкотораго вида единенія имуществъ, принадлежавшихъ супругамъ. Наконецъ, и это едва ли не всего чаще, мужъ распоряжается приданнымъ жены вмѣстѣ съ ней. Родители даютъ приданое не одной дочери, но и ея новобрачному. Приданыя отчины продаются женою вмѣстѣ съ мужемъ. Это вошло и въ указы XVII вѣка, которые запрещаютъ мужьямъ отчуждать женины отчины отъ своего имени; купчія же крѣпости за подписями обоихъ супруговъ признавались въ силѣ». По смерти мужа, его вдова получала обратно свое приданное и часть изъ вотчинъ покойнаго, причемъ послѣднее право сильно ограничивалось, когда вдова была бездѣтною. Да и вообще послѣ мужа вдовѣ доставалось не много. Зато отвѣтственность за долги покойнаго мужа цѣликомъ падала на жену, какъ свидѣтельствуетъ 203-я статья Х-ой главы Уложенія: «А будетъ тотъ должникъ до указного сроку умретъ ....послѣ умершаго заимщика тотъ долгъ платити женѣ его и дѣтямъ». Въ «Собраніи узаконеній Русскаго государства» сохранился одинъ любопытный патріаршій приговоръ, въ которомъ рисуется, какимъ образомъ вдова отвѣчала за долги покойнаго мужа (онъ относится къ 25 іюля 1657 года). Вотъ начало этого приговора: «Била челомъ Никону патріарху, нижегородца, посадскаго человѣка Ѳедькина жена Степанова вдова Марфица, во 165

---

[1]) Имущественныя отношенія изложены на основаніи «Исторіи русскаго права» Владимірскаго-Буданова, Сергѣевича и Уложенія.

году мужа ее Ѳедьки не стало, а послѣ его въ долгахъ по кабаламъ порутчики мужа ея къ ней приставливаютъ, и въ тѣхъ долгахъ стоитъ она на правежѣ, а двора де и животовъ послѣ мужа ея не осталось ничего, а про то-де вѣдомо окольнымъ людемъ; а что было за нею приданого, и то мужъ ее при себѣ за долгъ въ платежъ испродалъ, а иное въ закладъ отдалъ, послѣ-де мужа своего испродавъ достальные, платила она долгъ мужа своего съ 50 рублевъ, а нынѣ въ остаткѣ мужа ея больше 50 рублевъ, а ее де Марфицына въ тѣхъ во всѣхъ крѣпостяхъ имени не написано, и того де долгу платить ей нечѣмъ» [1]). Картина неутѣшительная: «жену ставили на правежъ и били, пока не уплатитъ долговъ мужа». При такомъ порядкѣ взысканія весьма естественно, что жены платили и изъ своего приданаго долги мужей. Уложеніе, такимъ образомъ, не даетъ никакихъ руководящихъ началъ для опредѣленія имущественныхъ отношеній супруговъ: по статьѣ 1-й XVII главы жена по смерти мужа получаетъ свое приданое и ¹/₄ изъ движимостей умершаго; по статьѣ 203-й главы X все это могло у нея быть отобрано и дѣйствительно отбиралось за долги мужа [2]). Замѣтимъ, что обратныхъ фактовъ, т. е. уплаты долговъ жены мужемъ, не существовало и существовать не могло при томъ строѣ жизни, какой царилъ въ до-Петровской Руси. Слѣдовательно, и въ имущественномъ отношеніи женщина de facto была вполнѣ въ зависимости отъ мужчины.

IV.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли условія женской жизни, выработанныя древне-русскимъ обществомъ, и юридическое положеніе женщины. Но еще во вступленіи было указано, что XVII вѣкъ представляетъ эпоху разложенія старинныхъ началъ и борьбы противъ теремныхъ основъ. Предметомъ этой главы и будетъ изложеніе фактовъ, въ которыхъ сказывалось такое разложеніе. Начнемъ опять-таки съ дѣвичества. Постоянная усиленная охрана дѣвушки, какъ существа по самой натурѣ своей развратнаго, прямо привела къ тому, что запрещенный плодъ началъ таки прельщать затворницъ, и случаи потери дѣвства до брака стали дѣйствительно не рѣдки. По крайней мѣрѣ, Котошихинъ разсказываетъ, какъ велъ себя въ такихъ случаяхъ женихъ [3]), а одна книжная повѣсть XVII-го вѣка говоритъ: «Ехиднѣ уподобишася нынѣшнія дѣвицы. Многія бываютъ мужамъ жены, во утробѣ имѣютъ блудомъ прижито дитя, а родити еще не время, и онѣ чрево свое гнетутъ и утѣсняютъ и помышляютъ себѣ, егда

[1]) «Собраніе узаконеній Русскаго государства», стр. 430.
[2]) Сергѣевичъ, стр. 578.
[3]) Котошихинъ, стр. 173.

отроча изъ чрева изыдетъ и како бы задушить его своими колѣнми, и тѣмъ дѣвическую свою печаль избыть: таковой женской злой нравъ; дѣвицею именуется, ибо образомъ яко дѣвица, а нравомъ—истинная блудница» [1]). Ясно, что здѣсь изображенъ ходячій современный типъ, и что, слѣдовательно, развратъ въ то время пересталъ быть рѣдкостью среди дѣвицъ. Въ послѣднюю четверть XVII вѣка онъ проникъ даже въ царскій теремъ. «Связь Софіи съ княземъ Вас. Вас. Голицынымъ была у всѣхъ на виду... Въ народѣ о Софіи и ея сестрахъ говорили такъ: «Царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея... и бояре ходили къ нимъ, и робятъ тѣ царевны носили и душили, а иныхъ на дому кормили» [2]). Конечно, такой слухъ преувеличенъ, но въ основѣ его несомнѣнно лежитъ правда. Да и вообще вся дѣятельность Софьи была прямымъ нарушеніемъ самыхъ завѣтныхъ традицій московской старины. Въ самомъ дѣлѣ она не только сама покинула теремное уединеніе, но и сестеръ своихъ заставила сдѣлать тоже. Царевны стали участвовать во всѣхъ церемоніяхъ, а прежде онѣ не могли присутствовать даже при погребеніи своихъ братьевъ и сестеръ, права же свободнаго выхода изъ терема онѣ добились еще при царѣ Ѳедорѣ. Величайшимъ также неприличіемъ было то, что Софья вздумала явиться на царскомъ выходѣ съ непокрытой головой. Затѣмъ образованность Софьи и свободный доступъ многимъ мужчинамъ въ ея покой—это тоже, конечно, шло въ разрѣзъ со всѣми воззрѣніями древне-русскаго человѣка [3]). Еще дружнѣе былъ протестъ противъ затворничества среди замужнихъ женщинъ. Кроткая, безропотная жена, ни въ чемъ не перечащая своему мужу, живущая въ теремномъ уединеніи, отказывающая себѣ въ общеніи съ посторонними людьми, не доставляющая себѣ никакихъ развлеченій, становилась все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ. Уже Домострой предостерегаетъ супруга отъ того, чтобы его жена «сама бы хмѣльнаго питья отнюдь не любила. А въ гостяхъ будетъ или у ней гости, отнюдь бы сама пьяна не была, а съ гостями бесѣда бы была о рукодѣльѣ..., а не пересмѣивалась, и не переговаривалась бы ни о комъ ничего. А въ гостяхъ и въ дому пѣсней бѣсовскихъ и всякаго срамословія... не говорила и не творила бы того; ни у кого бы не слушала» [4]). Очевидно, что уже тогда такія жены встрѣчались, а впослѣдствіи этотъ типъ сталъ самымъ обыкновеннымъ. Мейерберъ говоритъ, что женщины пили не хуже мужчинъ, иногда даже и перепивали ихъ [5]). Олеарій разсказываетъ, что онъ

[1]) Забѣлинъ, «Опыты», т. I, стр. 169.

[2]) Иконниковъ, «Русская женщина наканунѣ реформы Петра Великаго и послѣ нея», стр. 52—54.

[3]) Ibidem.

[4]) Буслаевъ, op. cit., стр. 583.

[5]) Mayerberg, стр. 46.

въ Нарвѣ былъ на одной пирушкѣ, во время которой явились жены и стали пить вмѣстѣ съ мужьями. Мужьямъ это не понравилось, и они побили женъ, но это не произвело должнаго впечатлѣнія, и женщины всетаки остались. Когда же мужья опьянѣли и попадали на полъ, жены усѣлись на нихъ и пили до тѣхъ поръ, пока сами не потеряли сознанія [1]). Тотъ же Олеарій сообщаетъ, что обыкновенно на свадьбахъ женщины напивались не хуже своихъ мужей [2]). Прямымъ послѣдствіемъ такого излишества въ употребленіи спиртныхъ напитковъ являлась полная разнузданность страстей. «Во время свадебныхъ пиршествъ,—говоритъ Олеарій [3]),—замужнія женщины позволяютъ себѣ всякаго рода продѣлки и шалости со своими знакомыми неженатыми людьми, а также и съ мужьями другихъ женъ, такъ какъ ихъ собственные мужья не могутъ наблюдать за ними, будучи совершенно пьяными; онѣ пользуются этими случаями для того, чтобы предаться своимъ удовольствіямъ, такъ какъ удовольствія эти онѣ наилучшимъ образомъ могутъ совершить посредствомъ такихъ общественныхъ пиршествъ». Мейерберъ болѣе опредѣленно указываетъ, въ чемъ состояли эти «удовольствія» [4]), такъ что Рейтенфельсъ имѣлъ полное право замѣтить: «Власть мужа надъ женой въ Россіи больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, однако рать вулкановъ-рогоносцевъ не менѣе славна и многочисленна между ними, чѣмъ между другими народами» [5]). Особенно любили русскія женщины иностранцевъ. Объ этомъ говоритъ Рейтенфельсъ[6]) вскользь, Олеарій же сообщаетъ, что «русскія женщины въ окнахъ домовъ своихъ выдѣлывали датскому посланнику Якобу разныя странныя положенія и знаки» [7]). Затѣмъ любопытно одно итальянское сказаніе, которое заставляетъ одного заблудившагося путешественника по Московіи попасть на какое-то вечернее засѣданіе, въ родѣ малорусскихъ вічорныцъ, только съ болѣе рѣзкимъ характеромъ. Здѣсь иностранному путешественнику предлагаютъ самую лучшую дѣвушку, но тайкомъ, чтобы другія не позавидовали [8]). Въ виду всего этого не безъинтересно и сообщеніе Мейербера, что во время его пребыванія въ Москвѣ караулъ строго слѣдилъ, чтобы въ помѣщеніи пословъ не очутилось ни одной женщины [9]). Такимъ образомъ мы видимъ, что фактъ тогдашняго упадка нравовъ совершенно согласно констатированъ всѣми иностранными писателями того вре-

---

[1]) Олеарій, стр. 182.
[2]) Ibidem, стр. 210.
[3]) Олеарій, стр. 210—211.
[4]) Reutenfels, стр. 231.
[5]) Mayerberg, стр. 46.
[6]) Reutenfels, стр. 186.
[7]) Олеарій, стр. 178.
[8]) Viagio ridiculosissimo di Zattantio Roccolini per Moscovia.
[9]) Mayerberg, стр. 44.

мени. Это одно даетъ ихъ извѣстіямъ весьма солидную вѣскость, но она еще болѣе увеличится и получитъ характеръ полной достовѣрности, если мы обратимся къ туземнымъ современнымъ источникамъ. Дѣйствительно, женскіе типы, выставленные въ древнерусскихъ повѣстяхъ, ясно показываютъ, что въ это время жены умѣли весьма ловко проводить своихъ мужей. Вотъ какъ «Книга о злонравныхъ женахъ» рисуетъ «льстивую и блудливую» жену: «Если мужъ откуда въ домъ свой придетъ, и она на срѣтеніе къ нему исходитъ, ланитами склабящися, очами веселящися и нравомъ уничижающися; мужа за руки принимаетъ и одѣяніе совлачаетъ; словами льститъ; является мужу своему во всемъ вѣрна и добра. Лобзая его, говоритъ: «пойди, господине мой, свѣтъ очей моихъ, сладость гортани моей, зрѣти я не могу безъ тебя, свѣта моего, и ни единаго слова мнѣ безъ тебя ни съ кѣмъ молвити не хочется, и лице мое отекло, и сердце мое окаменѣло. А когда взгляну на тебя, свѣта моего, то возрадуюсь и составы мои разступаются, и дрожатъ всѣ жилы тѣла моего отъ великой радости; руки мои слабѣютъ. Бракъ мой любовный предъ моими очами! Когда услышу сладкія твои словеса, то не умѣю, что и отвѣчать: мои уста не отверзаются отъ великой радости, огнь въ сердцѣ моемъ горитъ, и лице мое палитъ, и всѣ составы грѣются». Если мужъ ея юнъ будетъ, она его вскорѣ обольститъ и облобызаетъ. Если же дома его не случится, и она близъ оконца присѣдитъ, сѣмо и овамо зритъ... тутъ-то со смиреніемъ не сѣдитъ: скачетъ, пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движетъ, сапогами стучитъ, руками плещетъ, какъ прельстившая блудница Иродіада; бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ, главою киваетъ, гласомъ поетъ, языкомъ глаголетъ бѣсовская, ризами повлачается, подобна Иродіадѣ чинится, многимъ юношамъ угождаетъ и всякого льститъ» [1]). Вѣроятно, датскій посланникъ Якобъ и видѣлъ одну изъ такихъ «льстивыхъ и блудливыхъ женъ». Заботы о костюмахъ также въ это время сильно занимали женщинъ: «прозудливая жена нравомъ злѣе змѣи василиски бываетъ, потому что прехитро себя украшаетъ: высокія сандаліи обуваетъ, вѣжды свои ощиплетъ, дугами учинитъ, лице и выю вапами увапитъ и румяностію украситъ; въ очи черности пуститъ; въ одѣяніе чермное облачится; перстки на руки возлагаетъ; верхъ главы своея златомъ и драгими каменіями украшаетъ и на лукавыя дѣла тщится. Когда грядетъ путемъ, ступаетъ тихо, легко, главу кротко обращаетъ и очами невскорѣ взираетъ и всѣ составы свои къ прелести человѣческой ухищряетъ и многія души огнепальными стрѣлами устрѣляетъ, яко ядомъ зміинымъ. Видѣніемъ своимъ юныхъ убиваетъ, какъ разслабленные они бываютъ» [2]). Такимъ образомъ русскія женщины XVII вѣка

---

[1]) Забѣлинъ, «Опыты», т. I, стр. 166—167.

[2]) Ibidem, стр. 169—170.

знали уже всѣ виды и средства кокетства и усердно пускали въ ходъ это свое могущественное орудіе. Та же повѣсть о злыхъ женахъ указываетъ и на разоренія мужей, происходящія отъ страсти ихъ женъ къ нарядамъ, и о пренебреженіи такихъ женъ къ дому, и о томъ, что съ ними мужья никакъ справиться не могутъ. Очевидно, что, если въ предшествовавшіе вѣка мужья отравляли жизнь своихъ женъ, теперь, наоборотъ, жены стали отплачивать за прежнее униженіе. Число разводовъ умножилось, и главнымъ образомъ причиной расторженія браковъ являлась грубость, пьянство и невѣрность женъ [1]). Но есть одно извѣстіе, которое показываетъ, что и разводъ-то въ это время давался нелегко, и во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ добиться его, мужу приходилось немало вытерпѣть отъ своей супруги. Именно, въ декабрѣ 1670 года сынъ боярскій, служившій при дворѣ царицы, Никифоръ Скарятинъ, жаловался государю на жену свою Пелагею въ такихъ выраженіяхъ: «кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукáхъ тѣло мое щипала и бороду драла; и противъ моего челобитья въ мастерской палатѣ дьякъ поругательство жены моей и зубнаго яденья на тѣлѣ досматривалъ и въ томъ женѣ моей никакого указу не учинено; а она, жена моя Пелагея, хотѣла меня, холопа твоего, топоромъ срубить, и я отъ ея топороваго сѣченья руками укрывался, и посѣкла у меня правую руку по запястью, и я отъ того ея посѣченья съ дворишка моего чуть живъ ушелъ и билъ челомъ въ приказѣ мастерской палаты, и стольникъ Соковнинъ приказалъ посѣченную мою руку записать; а отъ той посѣченной моей руки во вѣкъ увѣченъ. Да и впредь она, жена моя, хвалится на меня всякимъ дурнымъ смертоубійствомъ, и по твоему государеву указу посажена она за приставы; и она, сидя за приставы, хвалится на меня и нынѣ смертнымъ убивствомъ. Милосердый государь! Пожалуй меня, вели въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ ей, женѣ моей, свой царскій указъ учинить и меня съ нею развесть, чтобы мнѣ отъ нее, жены моей, впредь напрасною смертью не умереть» [2]). Разводъ, слѣдовательно, давался трудно, да если и давался, если жену и запирали въ монастырь, то это уже перестало быть для нея грозою—женщины умѣли весело жить и въ монастырѣ [3]). Послѣ такихъ фактовъ мы нисколько не удивимся, узнавъ, что тогдашніе книжники прилагали къ женщинѣ весьма нелестные эпитеты, въ родѣ: «Горе, горе тому мужу, если обрящетъ онъ жену прохирливую, льстивую, лукавую, крадливую, злоязычную, колдунью, еретицу, медвѣдицу, львицу, змію скорпію, василиску, аспиду. Горе, горе тому мужу!» [4]). Другой книжникъ

[1]) Олеарій, стр. 212.
[2]) Иконниковъ, op. cit., стр. 50—51.
[3]) Mayerberg, стр. 32.
[4]) Забѣлинъ, «Опыты», т. I, стр. 165.

съ негодованіемъ вопрошаетъ: «Что есть злая жена?» и тутъ же отвѣчаетъ: «Прокаэливая на святыхъ клеветница, сатанинъ праздникъ, покоище змѣиное, увѣтъ дьявольскій, спасающимся соблазнъ, безъ исцѣленія болѣзнь, коза неистовая, вѣтеръ сѣверный, день ненастный, гостинница жидовская!» «Что есть злая жена?» паки вопрошаетъ онъ и паки разражается потокомъ укоризнъ: «морозъ злой, колодезь смрадный, первый врагъ, стрѣла съ чемеромъ, пустота дому» [1]). Но, можетъ быть, всѣ эти филиппики суть явленіе чисто подражательное, вовсе не основанное на явленіяхъ русской дѣйствительности? Такое сомнѣніе окончательно разбивается о слѣдующую приписку читателя на одной изъ рукописей повѣсти о злыхъ женахъ: «Подобное оной заповѣди моя жена Пелагія во всемъ сходство имѣетъ», а въ другомъ мѣстѣ на поляхъ написано: «и сія подобна во всемъ» [2]).

Съ другой стороны, во второй половинѣ XVII вѣка женщины выступаютъ и на общественные подвиги. Не говоря уже о знаменитой царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, укажемъ еще на примѣръ боярыни Морозовой и ея сестры, княгини Урусовой, однѣхъ изъ видныхъ дѣятельницъ раскола при его нарожденіи [3]). Другой примѣръ сильнаго вліянія женщины въ политической жизни Россіи XVII вѣка представляетъ боярыня Анна Петровна Хитрово. Сначала казначея при дворѣ дочери Михаила, Ирины, потомъ, благодаря своему родственнику, любимцу царя Алексѣя, Богдану Матвѣевичу Хитрово, воспитательница Ѳеодора, она дѣлается полною распорядительницею во дворцѣ его обѣихъ супругъ. Хитрая ханжа и перевѣтница, она успѣла раздуть вражду между Мстиславскими и Нарышкиными и довела ее до стрѣлецкаго бунта [4]). Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ мало-по-малу женщина, затворенная въ своемъ теремѣ и удаленная отъ всякаго посторонняго взора, выбивается на свѣтъ Божій и начинаетъ жить той полной, привольной жизнью, которая когда-то грезилась ей въ уединенной свѣтлицѣ.

Теперь, когда мы изложили достаточное количество фактовъ, выясняющихъ положеніе русской женщины въ XVII вѣкѣ, намъ остается только подвести итоги всему вышесказанному, дать окончательные выводы и выяснить связь измѣненій въ судьбѣ женщины съ общей перемѣной въ состояніи древне-русскаго общества. Если мы захотимъ въ немногихъ чертахъ обрисовать это общество до XVI вѣка, то получится приблизительно такая картина: въ умственномъ отношеніи царитъ полнѣйшій застой мысли, неразсу-

---

[1]) Буслаевъ, «Русская народная поэзія», стр. 587—588.
[2]) Забѣлинъ, «Опыты», т. I, стр. 168.
[3]) Иконниковъ, op. cit., стр. 41.
[4]) Ibidem, стр. 54.

ждающая китайщина, въ религіозномъ — узкій аскетизмъ, въ общественной жизни—рѣзкое чиноначаліе и безропотная покорность младшихъ передъ старшими. Въ XVI вѣкѣ контуры этой картины начинаютъ мало-по-малу сглаживаться, а въ XVII—сквозь поблѣднѣвшіе старые контуры все яснѣе и яснѣе просвѣчиваютъ очертанія совершенно иного характера: аскетизмъ падаетъ, западная мысль пробуждаетъ русскихъ отъ продолжительной спячки, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрушается китайская стѣна, отчуждавшая нашихъ прадѣдовъ отъ остальнаго міра. Человѣческая личность, придавленная въ прежнее время, по рукамъ и по ногамъ связанная идеей старѣйшинства, объявляетъ этому послѣднему войну, и въ сферѣ государственной жизни добивается уничтоженія мѣстничества, а въ сферѣ семейныхъ отношеній — большей свободы женщины сравнительно съ предшествовавшими вѣками. Это послѣднее явленіе обнаруживается нѣсколько позже, чѣмъ зачатки умственнаго движенія, но быстро опережаетъ его, и женскій протестъ противъ существующихъ порядковъ принимаетъ рѣзкую форму раньше, чѣмъ умъ успѣваетъ прочно установить свои права. Замѣчательно, что подобное явленіе повторяется каждый разъ, какъ только въ жизни общества происходитъ переломъ отъ умственнаго мрака къ свѣту. Римскій народъ развратился прежде, чѣмъ его литература достигла золотаго своего вѣка; эпоха Возрожденія наукъ и искусствъ сначала произвела страшный упадокъ нравовъ, а затѣмъ уже Боккачіо; Французской революціи предшествовали оргіи Людовика XV и т. д. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что радикальный переворотъ въ русской культурѣ шелъ рука объ руку съ пониженіемъ нравственности. Наоборотъ, совмѣстность этихъ двухъ явленій въ исторіяхъ другихъ народовъ, другихъ эпохъ, можетъ только еще болѣе подкрѣпить увѣренность въ дѣйствительномъ существованіи упадка нравовъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Аскетическій идеалъ былъ принесенъ къ намъ изъ Византіи, гдѣ причинами его были — пресыщеніе съ одной стороны, скудость съ другой. Идеалъ этотъ у насъ привился и привелъ, въ самомъ дѣлѣ, къ уничтоженію изъ жизни всего свѣтлаго, всякаго широкаго размаха мысли и чувства, къ установленію взгляда на женщину, какъ на «сосудъ діавольскій». Когда древне-русская мысль стала пробуждаться, она стала требовать удовлетворенія себѣ, но, не удовлетворивъ законныхъ требованій тѣла, нельзя думать о правильномъ удовлетвореніи требованій духа; наоборотъ, жизнь человѣческая только тогда расцвѣтаетъ всею возможною для нея полнотою и блескомъ, когда низшія потребности, получивъ удовлетвореніе, будутъ свободно переходить въ высшія. Очевидно, что аскетическое міросозерцаніе, мѣшая свободному удовлетворенію низшихъ потребностей человѣческихъ, этимъ самымъ препятствовало и про-

грессу въ умственной дѣятельности. Вотъ почему первые проблески пробужденія мысли привели къ ниспроверженію этого міросозерцанія, а въ видѣ реакціи противъ него появилось противоположное явленіе—полная разнузданность страстей, и только тогда, когда самая жизнь исключила всякую возможность аскетизма, только тогда и могъ умъ свободно развернуться и, вооружившись плодами западной цивилизаціи, замѣнить старый, расшатанный строй общественной и государственной жизни новыми началами, болѣе жизненными, болѣе соотвѣтствовавшими потребностямъ времени. Но, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, Петровскія реформы только выражали назрѣвшія рѣшенія вопросовъ, такъ и въ положеніи женщины онѣ лишь регламентировали то, что и до нихъ уже вкралось въ жизнь: ассамблеи окончательно разбили цѣпи женской неволи, и XVIII вѣкъ является временемъ, когда русская женщина, почувствовавъ совершенную свободу, съ самозабвеніемъ отдалась всѣмъ радостямъ и треволненіямъ моря житейскаго, отдалась безъ помѣхи тому, что она купила цѣной цѣлаго вѣка упорной и тяжкой борьбы.

С. Адріановъ.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ [1].

II.

УТРОМЪ 17-го мая 1833 года въ Гайдъ-Паркѣ катался верхомъ на кровной арабской лошади молодой человѣкъ, средняго роста, красивой наружности, съ черными курчавыми волосами и блестящими умными глазами. Указывая на него лорду Джону Росселю, тогда только что вступившему въ парламентъ, одинъ изъ его пріятелей сказалъ: «Это Гладстонъ; онъ сегодня произнесетъ свою дѣвственную рѣчь и стоитъ ее послушать». Дѣйствительно вся палата съ сочувственнымъ любопытствомъ встрѣтила первую ораторскую попытку юнаго депутата, которому суждено было сдѣлаться величайшей ея славой. Въ этотъ памятный день онъ представилъ парламенту петицію жителей мѣстечка Портарлингтона въ пользу отмѣны рабства въ англійскихъ колоніяхъ и очень скромно, но искренно и талантливо, высказался въ пользу постепеннаго освобожденія невольниковъ съ полнымъ вознагражденіемъ ихъ владѣльцевъ, причемъ съ большимъ чувствомъ и тактомъ защищалъ своего отца, имѣвшаго плантаціи въ Демерарѣ, отъ обвиненій въ жестокомъ обращеніи съ невольниками. Конечно, либеральнѣе отнестись къ этому вопросу не могъ пламенный молодой консерваторъ и сынъ рабовладѣльца, но замѣчательно, что, не смо-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLIX, стр. 705.

тря на весь свой консерватизмъ, онъ началъ парламентскую дѣятельность защитой великаго либеральнаго принципа свободы. Прошло съ этой первой рѣчи Гладстона пятьдесятъ девять лѣтъ, и послѣдняя рѣчь, произнесенная имъ въ томъ же парламентѣ 28-го іюля нынѣшняго года, имѣла предметомъ тотъ же великій принципъ; только громадная перемѣна произошла въ немъ въ этотъ долгій промежутокъ времени: тогда онъ отстаивалъ свободу невольниковъ подъ извѣстными ограниченіями, теперь онъ защищалъ свободу Ирландіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; тогда двадцати-трехъ-лѣтній юноша, онъ подавалъ большія надежды отсталой консервативной партіи, а теперь глава радикальной партіи, вождь большинства въ новомъ парламентѣ, онъ низвергнулъ торійское правительство и образовалъ свое четвертое министерство, уже прозванное въ Англіи: «народнымъ министерствомъ». Впродолженіе этихъ пятидесяти девяти лѣтъ, отдѣляющихъ «восходящую надежду упорныхъ, непреклонныхъ торіевъ» отъ великаго старика, сдѣлавшагося на восемьдесять-третьемъ году своей жизни «народнымъ министромъ» аристократической и плутократической Англіи, Гладстонъ постоянно, за исключеніемъ полутора года, засѣдалъ въ парламентѣ, и въ залѣ св. Стефана постепенно прошелъ онъ всѣ фазы своего удивительнаго политическаго развитія. Хотя его колоссальная фигура представляется намъ въ самыхъ различныхъ видахъ среди его широкой, лихорадочной, разновидной дѣятельности, но, какъ членъ парламента, онъ совмѣщаетъ въ себѣ и оратора, и администратора, и финансиста, и реформатора во внѣшней и внутренней политикѣ, а потому для обстоятельной характеристики этого необыкновеннаго человѣка, который, кромѣ указанныхъ политическихъ его сторонъ, заключаетъ въ себѣ еще ученаго, богослова, литератора, журналиста и т. д., необходимо обратить его парламентскую дѣятельность въ фонъ картины, на которомъ еще рельефнѣе тогда выступятъ его спеціальныя разновидности.

Парламентскую дѣятельность Гладстона можно, какъ всякую человѣческую жизнь, раздѣлить на три эпохи: дѣтство, молодость и зрѣлость, такъ какъ четвертая обычная эпоха старость еще не наступала и, повидимому, никогда не наступитъ для вѣчно юнаго великаго старика. Первая эпоха парламентскаго дѣтства, или, лучше сказать, отрочества продолжалась ровно двадцать лѣтъ, отъ вступленія его въ палату въ 1832 году до назначенія его министромъ финансовъ въ 1852 году; собственно парламентскимъ дѣтствомъ можно назвать только тѣ два года, когда онъ въ качествѣ новаго депутата присматривался къ окружающей его обстановкѣ и пріучалъ себя къ предстоящей ему дѣятельности, а остальныя восемнадцать лѣтъ проведены имъ частью въ торійскихъ министерствахъ, гдѣ онъ занималъ второстепенныя должности, частью на скамьяхъ оппозиціи, сначала исключительно торійской, а потомъ

консервативно независимой. Вторая эпоха парламентской молодости обнимаетъ шестнадцать лѣтъ, впродолженіе которыхъ онъ превратился изъ торія въ либерала, былъ четыре раза министромъ финансовъ, нѣсколько сессій исполнялъ должность вожака въ нижней палатѣ и окончательно занялъ мѣсто главы либеральной партіи. Третья эпоха парламентской зрѣлости началась съ образованія его перваго министерства въ 1868 году и продолжается доселѣ, то-есть до сформированія его четвертаго министерства; въ эти двадцать четыре года онъ или управлялъ Англіей, или предводительствовалъ оппозиціей. Эти три эпохи, взятыя вмѣстѣ, покрываютъ собою все царствованіе Викторіи, такъ какъ Гладстонъ выступилъ на политическую арену еще при ея предшественникѣ, королѣ Вильгельмѣ IV, всѣ парламентскія сессіи со времени кореннаго преобразованія нижней палаты избирательной реформой 1830 года и болѣе половины XIX столѣтія, совершившаго при немъ и отчасти при его содѣйствіи крутой поворотъ отъ аристократическо-плутократическаго прошедшаго Англіи къ демократическому ея будущему, отъ мрачной Европы священнаго союза къ свѣтлымъ задаткамъ иного, новаго европейскаго строя. Если сопоставить картины Англіи и Европы въ первые дни парламентской дѣятельности Гладстона и въ теперешніе, надо надѣяться, далеко не послѣдніе, его дни, то трудно повѣрить, что впродолженіе государственной дѣятельности одного человѣка могла произойти такая громадная, такая рѣзкая перемѣна не только на его родинѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Когда онъ началъ свое парламентское поприще, въ Англіи господствовалъ культъ узкаго, старомоднаго торія герцога Велингтона; проведена съ трудомъ избирательная реформа, сдѣлавшая первую брешь въ исключительномъ господствѣ привилегированныхъ классовъ, въ парламентѣ засѣдали одни представители торіевъ и виговъ, одинаково далекихъ отъ народныхъ интересовъ; о рабочемъ вопросѣ и помина не было; ежедневная печать находилась въ самомъ зародышѣ, а Ирландія искала выхода изъ вѣковаго своего гнета въ постоянныхъ возстаніяхъ; Европа находилась въ ежевыхъ рукавицахъ Метерниховской политики; Италія издыхала подъ игомъ мелкихъ австрійскихъ, бурбонскихъ и духовныхъ тирановъ; Германія представляла хаотическую массу враждебныхъ, такъ называемыхъ, союзныхъ государствъ, дѣйствовавшихъ въ союзѣ между собою только для угнетенія своихъ вѣрноподанныхъ; Франція только что очнулась отъ бурбоно-клерикальнаго кошмара реставраціи и очутилась въ душной атмосферѣ буржуазной монархіи Луи-Филиппа. Прошло шестьдесятъ лѣтъ, и Гладстонъ образовалъ теперь свое новое министерство при совершенно иной обстановкѣ; конечно, далеко не все свѣтло на политическомъ небосклонѣ Англіи и Европы, но какая громадная произошла перемѣна, какой замѣтенъ во всемъ прогрессъ,

вѣрный залогъ счастливаго будущаго! Въ Англіи парламентъ сдѣлался если не совершеннымъ зеркаломъ народа, то столь широко открылъ свои двери, что въ немъ засѣдаютъ настоящіе представители рабочихъ и поселянъ, въ немъ исчезли старые торіи и виги, даже нѣтъ, собственно говоря, консерваторовъ и либераловъ;

Гаварденскій замокъ.

а только существуетъ большинство умѣренныхъ радикаловъ, носящихъ съ гордостью названіе гладстонцевъ, и меньшинство обломковъ торійской и вигской партій подъ безсмысленной кличкой уніонистовъ, старающихся во что бы ни стало управлять страной въ своихъ личныхъ, корыстныхъ интересахъ, принося въ

жертву свои прежніе принципы и безцеремонно заимствуя у радикаловъ подготовленныя ими реформы; на сцену выступили во всеоружіи новое четвертое сословіе—рабочій классъ, и новая четвертая власть — пресса; во всѣхъ отношеніяхъ произошли коренныя реформы, а Ирландія, съ одной стороны въ лицѣ своихъ депутатовъ, располагаетъ судьбами англійской нижней палаты, а съ другой, находится наканунѣ введенія системы полнаго самоуправленія. Европа не менѣе преобразилась, переживъ безконечный рядъ крупныхъ политическихъ переворотовъ: Италія и значительная часть Балканскаго полуострова освободились и зажили самостоятельной, независимой жизнью; Германія не только пріобрѣла единство, но уже начинаетъ выходить изъ того тяжелаго положенія, которымъ она купила это единство; Франція путемъ самыхъ тяжелыхъ испытаній пришла къ спасительной гавани и отдыхаетъ среди благотворнаго, мирнаго спокойствія республики отъ мишурнаго блеска, позорныхъ униженій и бѣдствій Декабрской имперіи. Все это произошло въ шестьдесятъ лѣтъ, все это пережилъ Гладстонъ; во всѣхъ совершившихся въ Англіи великихъ реформахъ онъ принялъ первенствующее участіе; къ многому, что измѣнило Европу, онъ приложилъ свою мощную руку, и смѣло можно сказать, что парламентская дѣятельность великаго старика, обнимающая всѣ другія стороны его жизни, вѣрно отражаетъ колоссальныя видоизмѣненія Англіи и Европы. Какъ онъ, такъ и общественное мнѣніе Англіи и Европы прошли въ это время всѣ фазы политическаго развитія до умѣреннаго радикализма, теперь называемаго англичанами гладстонизмомъ, и въ большей или меньшей степени преобладающаго во всѣхъ образованныхъ странахъ. Такимъ образомъ Гладстонъ не только увѣнчалъ свою долгую парламентскую дѣятельность достиженіемъ политическаго апогея, возможнаго въ настоящее время для англійскаго государственнаго человѣка, но, идя рука въ руку съ общимъ прогрессомъ, дожилъ до того, что прогрессивная партія на его родинѣ и политическая система, которую онъ съ такимъ успѣхомъ осуществляетъ на практикѣ, приняли его имя. Въ виду этихъ великихъ результатовъ его шестидесятилѣтней парламентской дѣятельности, каждая изъ ея фазъ пріобрѣтаетъ тѣмъ бóльшій интересъ.

Хотя во всю первую эпоху своего пребыванія въ нижней палатѣ Гладстонъ назывался торіемъ, но, собственно говоря, торіемъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ былъ только впродолженіе девяти лѣтъ, то-есть до вступленія его во второе министерство сэра Роберта Пиля въ 1841 году. Во все это время онъ пламенно поддерживалъ свою партію, какъ въ оппозиціи, такъ и въ короткій періодъ перваго министерства сэра Роберта Пиля, въ которомъ онъ занималъ должность прежде младшаго лорда казначейства, а потомъ товарища министра колоній. Произнося рѣчи въ палатѣ не

часто, но почти по всѣмъ главнымъ вопросамъ, онъ ревностно отстаивалъ всѣ основные торійскіе принципы и возставалъ противъ немедленнаго освобожденія невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ, допущенія студентовъ въ университеты безъ обязательнаго признанія догматовъ англиканской церкви, распространенія гражданскихъ и политическихъ правъ на евреевъ, введенія нѣкоторыхъ ограниченій относительно господствующей протестантской церкви въ Ирландіи, отмѣны налога на газеты, однимъ словомъ противъ всѣхъ либеральныхъ реформъ, большую часть которыхъ онъ же самъ впослѣдствіи побѣдоносно провелъ. Эти отсталые взгляды глав-

Въ Гаварденскомъ паркѣ.

нымъ образомъ поддерживались въ молодомъ блестящемъ депутатѣ религіозными убѣжденіями, которыя онъ вполнѣ выразилъ въ своей извѣстной книгѣ, вышедшей въ 1838 году: «Государство и его отношенія къ церкви». Основная идея этого, даже по словамъ его злѣйшаго критика Маколея, почтеннаго, основательнаго въ богословскомъ отношеніи, труда заключалась въ томъ, что государственная церковь необходима, такъ какъ государство должно имѣть религію, быть религіознымъ, учить религіознымъ истинамъ своихъ подданныхъ и заставлять ихъ признавать эту религію всѣми средствами. Конечно, авторъ прибавлялъ, что эти средства не должны доходить до гоненій, и хотя не прямо высказывалъ, а давалъ понять, что церковь, какъ учрежденіе божественное, можетъ, всетаки, стоять

одна, не заботясь о томъ, покровительствуетъ ли ей земная власть, или нѣтъ, но, не смотря на то, что изъ этого послѣдняго принципа логично можно было вывести и впослѣдствіи онъ самъ искренно вывелъ уничтоженіе государственной протестантской церкви въ Ирландіи, книга Гладстона была встрѣчена съ неистовой радостью торіями и съ проклятіями со стороны либераловъ. Сэръ Робертъ Пиль, уже начинавшій мало-по-малу отходить отъ старомоднаго торизма и подготовлявшій свой рѣзкій поворотъ къ либеральнымъ реформамъ, понялъ, какую преграду можетъ составить эта книга въ политическомъ развитіи способнаго молодаго человѣка, котораго онъ принялъ подъ свое особое покровительство, и, гнѣвно бросивъ ее въ каминъ, воскликнулъ: «Чортъ его возьми, если этотъ юноша будетъ продолжать писать такой вздоръ, то онъ погубитъ свою будущность! Отчего онъ не можетъ держаться исключительно политики?» А когда ему пришлось черезъ три года сформировать свое второе министерство, то онъ далъ Гладстону двѣ должности: товарища министра торговли и начальника монетнаго двора, съ цѣлью, по мѣткому выраженію мистриссъ Винъ въ ея мемуарахъ, «успокоить энергію молодаго человѣка и бо̀льшей работой помѣшать ему путать свою голову церковными вопросами». Если такова была цѣль Пиля, котораго Гладстонъ всегда считалъ своимъ великимъ учителемъ, то она была вполнѣ достигнута. Пять лѣтъ провелъ Гладстонъ въ министерствѣ торговли, прежде въ качествѣ товарища министра, а потомъ министра; вся тяжесть введенія въ Англіи свободной торговли, вся сложная переработка тарифовъ легла на его шею, и онъ оказался вполнѣ соотвѣтствующимъ работникомъ для такого колосальнаго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ принеся своей тогдашней дѣятельностью громадную пользу всей странѣ, онъ самъ, прошелъ благотворную для себя школу и сдѣлалъ громадный шагъ на пути къ либерализму. Прежде онъ исключительно занимался отвлеченными идеями и старался примѣнить ихъ къ политическимъ вопросамъ, теперь онъ впервые всталъ лицемъ къ лицу съ практической работой, и эта работа оказалась вполнѣ подходящей къ его замѣчательнымъ умственнымъ способностямъ. «Поддерживая отвлеченныя гипотезы о предметахъ, недоступныхъ человѣческому зрѣнію,—остроумно замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ Генри Дунклей,—его пламенное воображеніе могло унестись по ложному направленію, но гораздо было труднѣе сбиться съ дороги, обсуждая пользу освобожденія кирпича и стекла отъ пошлины, или опредѣляя вліяніе налога на сахаръ и патоку, а главное—его новая практическая дѣятельность была полезной дисциплиной для его ума и представила благую цѣль его энергичной дѣятельности». Развивая эту же идею, Макъ-Карти въ своей «Исторіи нашего времени» совершенно справедливо говоритъ: «Первый толчекъ къ воспринятію либеральныхъ принциповъ далъ Гладстону его переходъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ сэромъ Робертомъ

Пилемъ отъ протекціонизма къ свободной торговлѣ. Когда такой человѣкъ, какъ Гладстонъ, увидалъ, что лопнуло одно звено въ цѣпи его основныхъ принциповъ, то естественно онъ сталъ испытывать крѣпость остальныхъ, державшихся другъ за друга звеньевъ. Умъ Гладстона видѣлъ принципъ во всемъ, и въ его глазахъ паханье было такимъ же исполненіемъ религіознаго долга, какъ молитва. Интересы религіи онъ считалъ связанными съ теоріей консерватизма; принципы протекціонной системы казались ему неразрывной частью общей вѣры, каждая статья которой была одинаково священна. Однако, его умъ и принципы нашли необходимымъ послѣдовать за своимъ учителемъ въ вопросѣ о свободной торговлѣ, а когда разъ изслѣдованіе такого рода началось, не было вѣроятнымъ, чтобы оно скоро кончилось. Онъ ясно увидалъ, что практическое примѣненіе такого принципа, какъ протекціонизмъ, сдѣлалось личнымъ интересомъ высшихъ классовъ въ Англіи и не могло долго существовать при расширеніи народнаго представительства. Въ другихъ странахъ вся ложность протекціонизма не бросалась такъ рѣзко въ глаза бѣдныхъ классовъ, потому что тамъ хлѣбъ, которымъ кормилось все населеніе страны, не былъ главнымъ предметомъ покровительственной пошлины. Но въ Англіи хлѣбъ, которымъ жили бѣдные, долженъ былъ платить налогъ въ пользу землевладѣльцевъ и фермеровъ. Пока молодой государственный дѣятель вѣрилъ, что подобное положеніе вещей было необходимымъ условіемъ великой непреложной системы вѣрованій, то легко было съ этимъ примириться. Оно могло жестоко отзываться на отдѣльныхъ личностяхъ и даже на массѣ народа, но точно также дѣйствовалъ жестоко и законъ тяготѣнія, низвергая лучшаго изъ людей съ высоты и разбивая ему голову. Напрасно было бы по этому случаю возставать противъ закона природы, или отвергать науку, объясняющую проявленія этого закона. Но когда Гладстонъ убѣдился, что вовсе не было такого закона, какъ протекціонизмъ, что все это было миражъ, и что вѣрить въ него значило быть виновнымъ въ экономической ереси, то онъ сталъ подвергать сомнѣнію всю систему политическихъ вѣрованій, часть которой составлялъ протекціонизмъ».

Либеральная перемѣна, происшедшая въ воззрѣніяхъ Гладстона выразилась не только въ составленіи новаго тарифа, основаннаго на принципѣ свободной торговли и въ защиту котораго онъ произнесъ въ палатѣ сто двадцать девять рѣчей, а также въ проведеніи новаго желѣзнодорожнаго биля, который установлялъ право государства на покупку желѣзныхъ дорогъ у частныхъ компаній и регулировалъ уменьшеніе платы за проѣздъ, но отразилась и на отношеніяхъ его къ церковнымъ вопросамъ, что̀ повело къ неожиданному его отказу отъ министерскаго портфеля. Этотъ эпизодъ его парламентской и министерской дѣятельности бро-

саетъ яркій свѣтъ на внутреннюю подкладку всей его политической жизни и ясно доказываетъ, что всѣ перемѣны его политическихъ мнѣній были основаны не на личныхъ интересахъ и не на жаждѣ власти, какъ увѣряютъ его враги, а на самыхъ искреннихъ, честныхъ побужденіяхъ. Когда сэръ Робертъ Пиль предложилъ въ палатѣ справедливую, но прямо противорѣчившую теоріи Гладстона о государственной церкви, мѣру въ пользу права дисентеровъ владѣть своими часовнями, то онъ, не колеблясь ни минуты, горячо поддержалъ означенный биль, на томъ простомъ основаніи, что онъ былъ справедливъ. Его рѣчь по этому случаю дала многимъ поводъ открыто заявить, что новый защитникъ свободной торговли скоро сдѣлается и защитникомъ свободы совѣсти, но никто не ожидалъ, чтобъ Гладстонъ ознаменовалъ поворотъ въ своихъ политико-религіозныхъ мнѣніяхъ такимъ необыкновеннымъ въ парламентскихъ и министерскихъ лѣтописяхъ Англіи шагомъ, какъ тотъ, который совершенъ имъ въ началѣ 1845 года. Желая оказать справедливость и ирландскимъ католикамъ, сэръ Робертъ Пиль внесъ въ палату биль объ увеличеніи государственной субсидіи католической коллегіи Мейнотъ и объ учрежденіи школъ безъ обязательнаго протестантскаго богословскаго обученія; противъ этихъ мѣръ Гладстонъ всегда ревностно возставалъ какъ въ своей извѣстной книгѣ, такъ и въ парламентскихъ рѣчахъ, а потому его положеніе было самое щекотливое: ему приходилось или выйти изъ министерства и пожертвовать столь блестяще начатой карьерой, или публично поддержать противорѣчившую его ясно выраженнымъ мнѣніямъ мѣру, возбудивъ общее подозрѣніе, что онъ такъ поступилъ изъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ. Гладстонъ избралъ другой, совершенно неожиданный путь: онъ вышелъ изъ министерства и въ качествѣ независимаго депутата поддержалъ правительственное предложеніе, на томъ же основаніи его справедливости. Въ прекрасной краснорѣчивой рѣчи онъ самъ объяснилъ сдѣланный имъ шагъ: «Я не могъ сковать своего сужденія, какъ члена парламента, отвлеченными теоріями,—прямо сказалъ онъ,—но я долженъ былъ изъ уваженія къ странѣ и къ самому себѣ поставить себя въ такое положеніе, чтобы я былъ свободенъ высказывать свое мнѣніе и чтобы никто не могъ заподозрѣть честности этого мнѣнія». Хотя большинство членовъ всѣхъ партій и всѣ газеты подняли на смѣхъ подобное «нелѣпое, безумное, пуританское самозакланіе изъ-за фантастическихъ бредней», но главы какъ правительства, такъ и оппозиціи, сэръ Робертъ Пиль и лордъ Джонъ Россель, привѣтствовали въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ смѣлый, безкорыстный шагъ молодаго депутата. Однако Гладстону не пришлось долго оставаться внѣ министерства. Въ концѣ того же года сэръ Робертъ Пиль рѣшилъ наконецъ провести знаменитый биль объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и, видя упорное сопротивленіе

нѣкоторыхъ своихъ товарищей по кабинету, подалъ въ отставку; онъ, однако, тотчасъ вернулся къ власти, но уже не министромъ торійской партіи, а министромъ всего народа. При этомъ Гладстонъ получилъ портфель министра колоній. Такое быстрое возстановленіе его министерской карьеры побудило этого безкорыстнаго политическаго дѣятеля къ еще новому, быть можетъ, бо́льшему самопожертвованію. Зная, что съ одной стороны первой мѣрой новаго министерства будетъ отмѣна хлѣбныхъ законовъ, которую онъ самъ дѣятельно подготовлялъ своими финансовыми мѣропріятіями и только что передъ тѣмъ напечатанной книгой: «Недавнее коммерческое законодательство», а съ другой, что герцогъ Ньюкастль, всемогущій въ Нью-

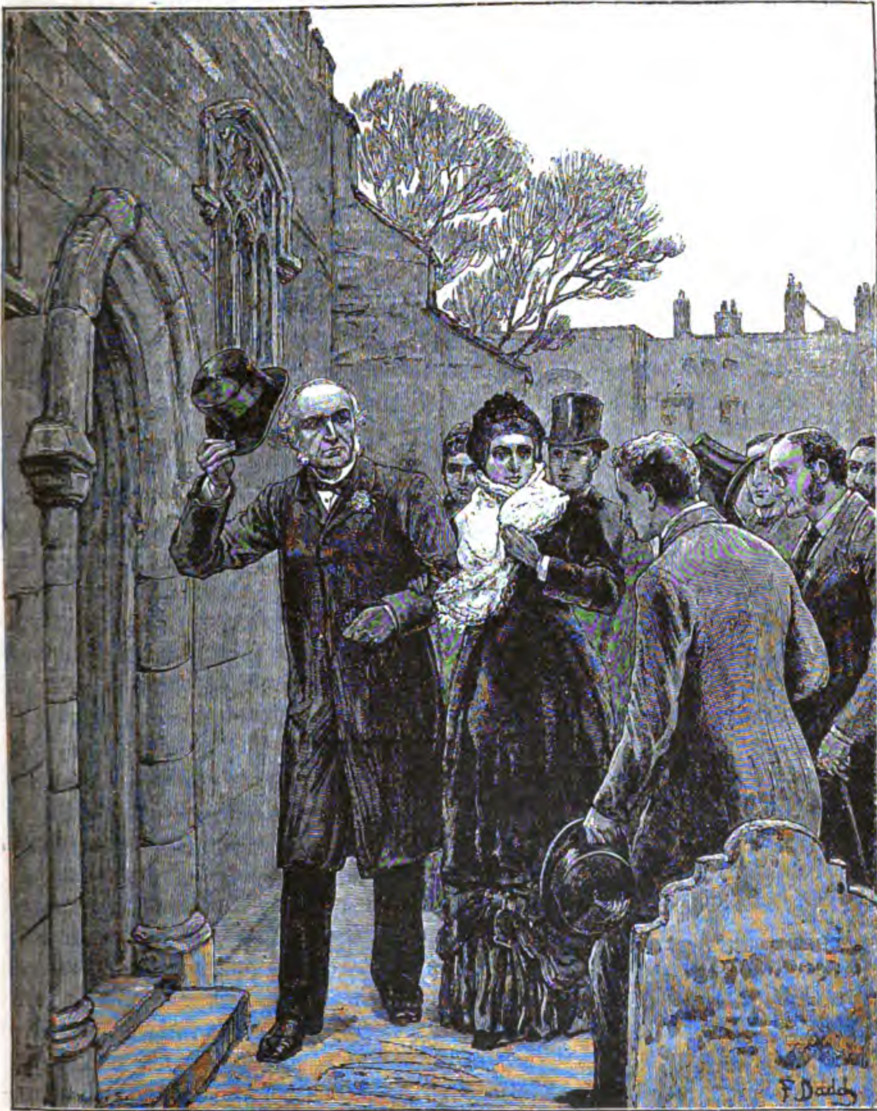

Гаварденская церковь.

аркѣ, представителемъ котораго онъ попрежнему состоялъ, считался самымъ рьянымъ протекціонистомъ, Гладстонъ нашелъ невозможнымъ болѣе пользоваться его поддержкой и отказался отъ кандидатуры на выборахъ, которые были необходимы по случаю его министерскаго назначенія. Такъ какъ не было тогда другаго свободнаго депутатскаго мѣста, то дѣйствуя подобнымъ образомъ въ силу, какъ онъ самъ выразился въ прощальномъ адресѣ къ своимъ избирателямъ, «яснаго и повелительнаго голоса общественнаго долга», онъ лишилъ себя мѣста въ парламентѣ и находился внѣ его впродолженіе полутора года, именно въ самую горячую эпоху проведенія билля объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ. Но это не мѣшало

ему въ качествѣ министра принимать самое дѣятельное участіе въ подготовкѣ великой реформы и, по общему мнѣнію, въ министерствѣ Пиля онъ былъ самый пламенный ея сторонникъ. Какъ извѣстно, по злой ироніи судьбы, министерство, даровавшее англійскому народу одно изъ величайшихъ благъ—дешевый хлѣбъ, пало вслѣдствіе недостойныхъ интригъ своихъ враговъ въ тотъ самый день, 25-го іюня 1846 года, когда палата лордовъ окончательно приняла знаменитый билъ.

Этотъ министерскій кризисъ всего тяжелѣе отразился на Гладстонѣ, такъ какъ, благодаря ему, онъ цѣлый годъ находился не только внѣ парламентской, но и внѣ административной дѣятельности. Однако при первой возможности онъ вернулся обратно въ палату и уже представителемъ не маленькаго провинціальнаго мѣстечка, находившагося подъ гнетомъ мѣстнаго землевладѣльца, а перваго въ Англіи храма науки, Оксфордскаго университета. Этотъ выборъ молодаго, блестящаго политическаго дѣятеля, медленными, но вѣрными шагами шедшаго по пути, отдѣлявшему старый торизмъ отъ либерализма, дѣлалъ честь Оксфорду, который всегда считался центромъ торизма. Самыя лучшія университетскія силы поддерживали его кандидатуру на томъ основаніи, что, не смотря на его неправильные съ ихъ точки зрѣнія новые взгляды на нѣкоторые церковные вопросы, онъ былъ самымъ твердымъ, самымъ искреннимъ и самымъ честнымъ защитникомъ религіи и университетовъ. Самъ Гладстонъ, конечно, не скрылъ въ своихъ избирательныхъ рѣчахъ, что въ его убѣжденіяхъ произошла большая перемѣна, и такимъ образомъ явился снова въ палату, хотя попрежнему торіемъ, но уже независимымъ. Впродолженіе слѣдующихъ пяти лѣтъ онъ, не покидая оффиціально торійской партіи, дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, въ особенности со времени смерти сэра Роберта Пиля. Онъ не измѣнялъ своего новаго положенія, кто бы ни былъ первымъ министромъ: глава виговъ лордъ Джонъ Россель или новый глава торіевъ лордъ Дерби, который, однако, предлагалъ ему мѣсто въ своемъ кабинетѣ. Враги Гладстона увѣряютъ, что его отказъ въ этомъ случаѣ не былъ основанъ на различіи принципіальныхъ мнѣній съ торійскимъ министерствомъ, а зависѣлъ отъ нежеланія занять въ немъ второе мѣсто послѣ Дизраэли, съ которымъ онъ уже вступилъ въ упорную борьбу, окончившуюся только смертью послѣдняго; но неосновательность такого объясненія поступковъ Гладстона въ этотъ переходный періодъ его дѣятельности доказывается всего лучше тѣмъ фактомъ, что онъ постоянно въ палатѣ поддерживалъ и оспаривалъ политическія мѣры, которыя казались ему съ одной стороны благотворными, а съ другой—вредными для страны, не разбирая, кто ихъ предлагалъ: торіи или виги. Такимъ образомъ, онъ не разъ

Гладстонъ у входа въ Гаварденскую церковь.

являлся защитникомъ и предложеній Дизраэли, которыя ему казались справедливыми, а если онъ дѣйствительно въ своей знаменитой рѣчи по поводу втораго бюджета Дизраэли низвергнулъ его вмѣстѣ съ кабинетомъ лорда Дерби, то поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно искренно, такъ какъ Дизраэли въ своемъ бюд-

жетѣ предлагалъ цѣлый рядъ нелѣпыхъ и вредныхъ финансовыхъ мѣръ. Эта блестящая и убійственная по своей логикѣ рѣчь была прямымъ результатомъ всей дѣятельности Гладстона за предшествовавшіе года и новымъ замѣчательнымъ шагомъ на пути къ либерализму. Она торжественно доказала, между прочимъ, что Гладстонъ былъ первымъ фанансистомъ Англіи, и естественно, что при послѣдовавшемъ затѣмъ образованіи коалиціоннаго министерства лорда Абердина изъ пилитовъ, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ, и виговъ, въ лицѣ ихъ передовыхъ представителей лорда Джона Росселя и лорда Пальмерстона, Гладстонъ получилъ портфель министра финансовъ.

III.

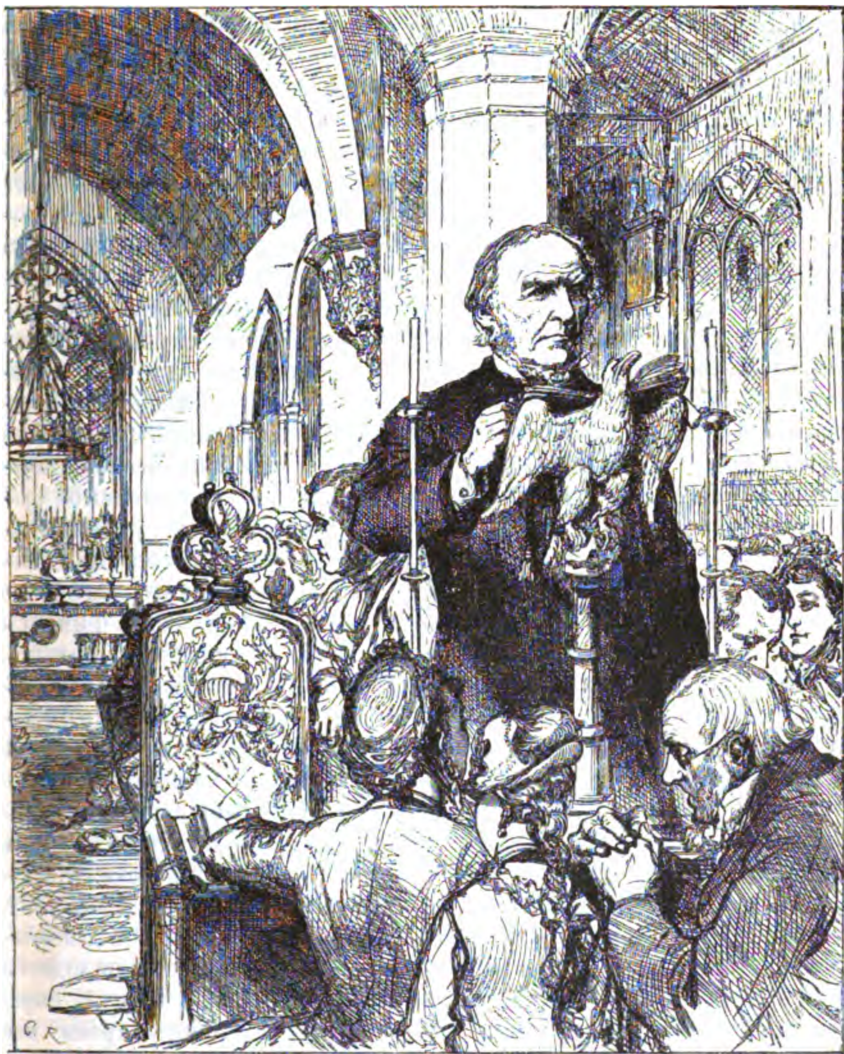
Всѣ шестнадцать лѣтъ второй эпохи парламентской дѣятельности Гладстона были заняты тремя главными фактами: проведеніемъ финансовыхъ реформъ, окончательнымъ превращеніемъ его изъ торія въ либерала и борьбой съ Дизраэли. Въ это время онъ былъ четыре раза министромъ финансовъ, прежде въ коалиціонномъ кабинетѣ лорда Абердина, а потомъ въ чисто вигскихъ министерствахъ лорда Пальмерстона и лорда Джона Росселя. Съ первымъ, какъ съ членомъ маленькой, но вліятельной группы пилитовъ, онъ былъ съ давняго времени въ дружескихъ отношеніяхъ; съ послѣднимъ Гладстонъ, какъ только онъ сдѣлался вполнѣ либераломъ, находился въ совершенномъ единеніи относительно проводимыхъ ими внутреннихъ реформъ, но со вторымъ, то-есть, съ лордомъ Пальмерстономъ, онъ поддерживалъ только оффиціальныя отношенія и, не смотря на то, что былъ два раза министромъ подъ его главенствомъ, между ними существовали самыя странныя, даже враждебныя отношенія. Дѣйствительно между ними не было ничего общаго; Гладстонъ отличался всегда искренностью и принципіальной подкладкой всѣхъ своихъ дѣйствій, а, напротивъ, лордъ Пальмерстонъ былъ безпринципной политической флюгаркой, а потому неудивительно, что новообращенный пламенный либералъ съ отвращеніемъ относился къ своему временному главѣ, который прикрывалъ либеральной вывѣской отсталые, циничные взгляды. Они оба нимало не скрывали своихъ враждебныхъ чувствъ; Пальмерстонъ даже королевѣ отзывался несочувственно о своемъ товарищѣ по кабинету, подбивалъ палату лордовъ проваливать предложенныя имъ либеральныя финансовыя мѣры, прямо называлъ его своимъ врагомъ, не заслуживавшимъ съ его стороны никакого уваженія, и предсказывалъ, что когда Гладстонъ займетъ его мѣсто, то Англія увидитъ странныя дѣла. Съ своей стороны, Гладстонъ выказывалъ презрѣніе къ Пальмерстону, клеймилъ позоромъ его внутреннюю и внѣшнюю политику

обмановъ, уловокъ и увертокъ, постояннно грозилъ ему своей отставкой, что однажды дѣйствительно осуществилъ, и искренно радовался, когда въ качествѣ независимаго депутата могъ на свободѣ возставать противъ ненавистнаго ему легкомысленнаго Пама. Но, не смотря на все это, благодаря обстоятельствамъ, старый вигъ ухаживалъ за необходимымъ ему министромъ финансовъ, а молодой либеральный новобранецъ предпочиталъ, всетаки, дѣйствовать подъ знаменемъ стараго вига, чѣмъ вступить въ торійскія министерства, не смотря на неоднократныя предложенія со стороны лорда Дерби; по крайней мѣрѣ, въ либеральномъ правительствѣ, даже и подъ главенствомъ лорда Пальмерстона, не смотря на всѣ его интриги, онъ могъ проводить свои великія финансовыя реформы. Эти реформы составляли все существо его знаменитыхъ бюджетовъ, изъ которыхъ главное значеніе имѣли первый въ 1853 году и четвертый въ 1860 году. Поэтому министерская дѣятельность Гладстона во вторую эпоху его пребыванія въ парламентѣ вся была поглощена проведеніемъ финансовой системы, и только во время его послѣдняго завѣдыванія министерствомъ финансовъ при лордѣ Джонѣ Росселѣ онъ принялъ также горячее участіе въ проведеніи избирательной реформы. Такимъ образомъ, находясь на правительственныхъ скамьяхъ, онъ былъ почти исключительно финансистомъ, и здѣсь умѣстно сгруппировать всѣ факты, относящіеся до этой стороны его разновидной дѣятельности.

18-го апрѣля 1853 года Гладстонъ представилъ палатѣ свой первый бюджетъ въ такой рѣчи, какой никогда не слыхивалъ англійскій парламентъ, избалованный насчетъ всѣхъ видовъ краснорѣчія. Впродолженіе пяти часовъ, переполненная снизу до верху, палата слушала съ лихорадочнымъ вниманіемъ безъ малѣйшей скуки или утомленія его чисто художественное изложеніе сухихъ цифровыхъ данныхъ. Наибольшее удивленіе возбудила при этомъ та возвышенная нравственная и политическая подкладка, которую онъ сумѣлъ придать своимъ финансовымъ мѣрамъ. «Наши мѣры могутъ быть одобрены или отвергнуты,—сказалъ Гладстонъ, оканчивая свою знаменитую рѣчь,—но, во всякомъ случаѣ, мы не старались обойти или скрыть трудности нашего положенія, а равно не задались мыслью бороться съ ними пустыми, узкими палліативами, а составили общій планъ, примѣненіе котораго, если вы на него согласитесь, покончитъ со многими несчастными финансовыми вопросами, которые могли бы въ будущемъ, и при болѣе неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, грозить общественной опасностью. Предлагаемыя нами мѣры уравнятъ и облегчатъ путь нашимъ преемникамъ; кромѣ того, смѣю прибавить, что, стараясь оказать справедливость великой работящей силѣ Англіи, освобождая ее отъ косвенныхъ налоговъ, мы не

руководствовались желаніемъ возстановить одинъ классъ противъ другаго. Мы полагали, что лучше всего поддержимъ свою честь, встрѣтимъ сочувствіе парламента и удовлетворимъ интересамъ страны, не проводя никакого унизительнаго различія между классами и, напротивъ, стремясь къ святой цѣли распространенія тяжести налоговъ равномѣрно и безпристрастно на всѣхъ. Наконецъ, мы утѣшаемъ себя мыслью, что предлагаемыми мѣрами мы будемъ содѣйствовать, на сколько это отъ насъ зависитъ, не только развитію матеріальныхъ силъ страны, но еще бòльшему сплоченію различныхъ вѣтвей нашей великой націи вокругъ престола и государственныхъ учрежденій, подъ эгидой которыхъ мы имѣемъ счастье жить». Что касается до финансовой системы, впервые развитой въ этой рѣчи, то она заключалась не только въ балансированіи бюджета, обычной задачи всѣхъ министровъ финансовъ, но въ уменьшеніи обременительныхъ для народа налоговъ и пошлинъ, въ искусномъ планѣ погашенія національнаго долга и въ пріисканіи новыхъ источниковъ дохода въ такихъ налогахъ, которые не обременяли народныхъ массъ. Руководствуясь этими принципами и твердо стоя на почвѣ свободной торговли, Гладстонъ въ своемъ первомъ бюджетѣ уничтожилъ разомъ налогъ на мыло и сто двадцать три пошлины на предметы пищи, уменьшилъ налоги на объявленія, на лошадей, на слугъ и проч., а также пошлины на чай, сыръ и сто двадцать другихъ предметовъ, но сохранилъ подоходный налогъ, и ввелъ новый налогъ на переходъ движимаго имущества по наслѣдству. Это смѣлое приведеніе въ порядокъ финансовъ страны съ цѣлью развитія богатства и благосостоянія народа было громаднымъ шагомъ впередъ даже относительно финансовой системы Пиля, и вся Англія единогласно признала, по замѣчанію новѣйшаго біографа Гладстона, что «если могъ быть небомъ ниспосланный на землю министръ финансовъ, то таковымъ явился Гладстонъ». Къ несчастью, немедленному успѣху его финансоваго плана помѣшала Крымская война, и второй его бюджетъ долженъ былъ имѣть въ виду главнымъ образомъ чрезвычайные военные расходы, но и тутъ онъ доказалъ не только свой финансовый геній, но и нравственную его основу. Для покрытія военныхъ расходовъ было легче всего прибѣгнуть къ займу, къ чему, по его собственнымъ словамъ, побуждали правительство «всякое доброе и всякое злое побужденіе, спокойствіе и легкость этого средства», но Гладстонъ воспротивился этому соблазну «по голосу своей совѣсти». Онъ смѣло предложилъ, «чтобы тѣ, кто вели войну, приносили необходимыя для того жертвы; это, во-первыхъ, не давало въ закладъ промышленнаго благосостоянія послѣдующихъ поколѣній, а, во-вторыхъ, служило полезнымъ противовѣсомъ жаждѣ завоеваній, принуждая воспользоваться первой возможностью для заключеніи честнаго

мира». Поэтому онъ, не колеблясь и не касаясь тарифа, увеличилъ налоги на доходъ, на солодъ и на крѣпкіе напитки. Даже принцъ Альбертъ, не очень его долюбливавшій, прямо сказалъ по этому случаю: «путь, выбранный Гладстономъ, мужественный, честный

Чтеніе Гладстономъ утреннихъ молитвъ въ Гаварденской церкви.

и достойный государственнаго человѣка, хотя другой безчестный путь былъ удобнѣе и популярнѣе». Такимъ образомъ, благодаря тому, что, по выраженію сэра Стафорда Норткота, «домъ былъ предварительно приведенъ въ порядокъ, прежде чѣмъ разразилась надъ

нимъ гроза», и что министромъ финансовъ былъ въ то время Гладстонъ, Англія сравнительно легко перенесла всю тяжесть неожиданныхъ военныхъ расходовъ. Послѣ этого англійскіе финансы перешли въ неумѣлыя руки другихъ министровъ, въ особенности Дизраэли, и когда снова Гладстонъ явился во главѣ этого министерства въ 1859 году, то его новый бюджетъ состоялъ только въ исправленіи ошибокъ своихъ предшественниковъ. Лишь слѣдующій, четвертый бюджетъ 1860 года снова открываетъ путь великимъ финансовымъ реформамъ. Это былъ, по его собственнымъ словамъ, конечный финалъ введенія въ Англіи свободной торговли. Съ одной стороны, онъ заключилъ торговый трактатъ съ Франціей, понизившій пошлину на вино, а съ другой — отмѣнилъ налогъ на бумагу, всѣ налоги и пошлины на предметы пищи и очистилъ тарифъ отъ всѣхъ мелкихъ статей. Эти мѣры составили эпоху въ развитіи народнаго богатства Англіи, и послѣдующіе бюджеты Гладстона только служили развитіемъ той же финансовой системы, основанной на двухъ принципахъ: уменьшеніи налоговъ и сокращеніи государственныхъ расходовъ. Можно сказать, что вся его слава величайшаго финансиста нашего времени именно основана на искусномъ практическомъ примѣненіи указанныхъ принциповъ. Конечно, его удивительное ораторское мастерство, придававшее глубокій интересъ сухимъ цифрамъ, много содѣйствовало тому, что его финансовая система пользовалась громадной популярностью, но, по остроумному замѣчанію одного англійскаго публициста: «въ научныхъ вопросахъ, а финансы наука, или ничто, все заключается въ томъ, чтобъ быть правымъ, а Гладстонъ съ самаго начала понялъ, что и какъ надо было сдѣлать для блага страны». Не надо забывать, что блестящій результатъ финансовой дѣятельности Гладстона достигался при томъ неблагопріятномъ условіи, что ему постоянно приходилось поправлять промахи, ошибки и злоупотребленія торійскихъ финансистовъ, періодически портившихъ совершенное имъ дѣло. Такимъ образомъ, своимъ финансовымъ благосостояніемъ впродолженіе послѣднихъ тридцати девяти лѣтъ Англія всецѣло обязана Гладстону, и если другія стороны его парламентской и министерской дѣятельности подвергаются нападкамъ, то онъ, какъ финансистъ, находится выше всякой критики. Даже его враги отдаютъ полную справедливость его финансовому генію, и въ настоящее время вся Англія, не исключая лицъ, несочувственно относящихся къ его ирландской политикѣ, утѣшаютъ себя мыслью, что, по крайней мѣрѣ, во время его новаго министерства финансы страны придутъ въ порядокъ.

Не смотря, однако, на общее признаніе финансовыхъ заслугъ Гладстона, многія изъ его мѣръ въ качествѣ министра финансовъ возбудили своимъ либеральнымъ характеромъ негодованіе не только

консервативныхъ умовъ, но его оксфордскихъ избирателей и всѣхъ, интересы которыхъ нарушались проводимыми имъ на пользу народа реформами, въ особенности отмѣной налога на бумагу. По этому последнему вопросу онъ впервые вступилъ въ открытую борьбу съ палатой лордовъ, и хотя она однажды отвергла предложенную мѣру, чему не мало содѣйствовали интриги Пальмерстона, но онъ въ концѣ концовъ вышелъ побѣдителемъ, благодаря искусно придуманному маневру, состоявшему въ томъ, что ненавистная лордамъ мѣра была внесена въ общій бюджетъ, который они не могли огуломъ отвергнуть, не нарушая конституціи и не подвергая страны опасности остаться безъ опредѣленныхъ средствъ къ оплатѣ текущихъ государственныхъ расходовъ. Хотя во время своего перваго, втораго и третьяго завѣдыванія министерствомъ финансовъ Гладстонъ мало занимался другими политическими вопросами, но, все-таки, было нѣсколько случаевъ, когда онъ выказалъ, въ особенности относительно избирательной реформы и злоупотребленій протестантской церкви въ Ирландіи, неудержимый либеральный ростъ своихъ убѣжденій, а въ промежутки между его оффиціальной дѣятельностью, когда онъ находился на скамьѣ независимой оппозиціи, онъ еще свободнѣе обнаруживалъ происшедшую въ немъ перемѣну, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ, о разводѣ, онъ продолжалъ держаться самаго отсталаго консервативнаго взгляда. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе и яснѣе, что вскорѣ наступитъ окончательный его разрывъ со всѣмъ своимъ прошедшимъ. Оксфордскій университетъ ускорилъ это событіе и прекратилъ ему свои уполномочія, не смотря на остроумный совѣтъ лорда Пальмерстона, характеристично сказавшаго: «Гладстонъ опасный человѣкъ, держите его въ Оксфордѣ, который служитъ ему намордникомъ, а то, освободившись отъ этого намордника, онъ взбѣсится и надѣлаетъ бѣдъ». На общихъ выборахъ 1865 года Гладстонъ былъ забаллотированъ въ Оксфордѣ, но немедленно избранъ, какъ кандидатъ либеральной партіи, въ южномъ Ланкаширѣ. Хотя ему было очень тяжело это разставаніе со всѣмъ, что ему было такъ дорого по привычкѣ и нѣкоторымъ сторонамъ его характера, хотя въ письмѣ къ одному другу онъ писалъ: «во мнѣ произошли двѣ политическія смерти: одна медленная — расторженіе узъ, связывавшихъ меня съ моей старой партіей, а другая быстрая и чрезвычайно острая—разрывъ съ Оксфордомъ», но онъ ни минуты не колебался и открыто, смѣло, въ глазахъ всей Англіи, перешелъ Рубиконъ, который въ сущности уже давно былъ перейденъ, но не оффиціально. Въ тотъ самый день, когда былъ объявленъ результатъ оксфордскихъ выборовъ, Гладстонъ поставилъ свою кандидатуру въ южномъ Ланкаширѣ въ пламенной, краснорѣчивой рѣчи. «Наконецъ, друзья мои,—сказалъ онъ среди невыразимаго восторга безчисленныхъ слушателей:—я являюсь среди васъ безъ намордника.

Послѣ тревожной восемнадцатилѣтней борьбы, впродолженіе которой безграничная преданность и снисходительность друзей поддерживали меня въ тяжеломъ положеніи представителя Оксфордскаго университета,—меня прогнали. Я любилъ свой университетъ глубокой, пламенной любовью и, пока живъ, я сохраню эту привязанность, на которую можетъ всегда расчитывать это великое, древнее и благородное учрежденіе. Поэтому мнѣ невозможно было самому отказаться, и если-бъ меня выбрали хоть большинствомъ одного голоса, то я ни за что не покинулъ бы университета, которому такъ давно посвятилъ свои лучшія чувства и заботы. Но теперь, помимо моей воли, я свободенъ и съ радостью, съ энтузіазмомъ апеллирую къ уму и сердцу южнаго Ланкашира. Я прошу вашего суда. Я рѣшительно не знаю никакой другой причины, побудившей большинство въ Оксфордскомъ университетѣ высказаться противъ меня, кромѣ того факта, что самое сильное убѣжденіе, къ которому можетъ только придти человѣческій умъ, всепоглощающее сознаніе общественныхъ интересовъ и практическая мудрость опыта, которымъ съ юности Оксфордъ научилъ меня повиноваться,—обнаружили передо мною все безуміе, скажу болѣе, все бѣшенство отказаться отъ сочувственнаго единенія съ благородными стремленіями моихъ соотечественниковъ ради политики, препятствующей всякому прогрессу. Я сюда явился, господа, чтобъ просить вашихъ уполномочій и съ вашего согласія сдѣлаться представителемъ не прошедшаго, какъ бы оно ни было славнымъ, а настоящаго. Я попрежнему преданъ основнымъ учрежденіямъ страны, какъ въ то время, когда мальчикомъ бѣгалъ по окрестностямъ Ливерпуля, но долгимъ опытомъ я научился тому факту, что безумна политика недовѣрія къ народу и разумна лишь полная вѣра въ него. Я тщательно слѣдилъ за результатами либеральнаго законодательства, и если дѣйствительно справедливо мнѣніе, что въ странѣ господствуетъ широкій консерватизмъ въ лучшемъ значеніи этого слова, то простая честность обязываетъ сказать, что это слѣдствіе либеральнаго законодательства». Гладстонъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ и явился въ новой палатѣ уже вожакомъ либеральной партіи, благодаря смерти лорда Пальмерстона.

Переходная эпоха дѣятельности будущаго народнаго Вильяма была окончена, и хотя первымъ министромъ сдѣлался не онъ, а старый вождь виговъ, лордъ Джонъ Россель, но душой либеральной партіи и новаго либеральнаго министерства былъ безспорно Гладстонъ, который получилъ въ четвертый разъ портфель министра финансовъ. Но во время восьмимѣсячнаго существованія этого кабинета онъ главнымъ образомъ посвятилъ себя не финансамъ, уже не требовавшимъ его исключительнаго вниманія, такъ какъ они находились въ его умѣлыхъ рукахъ безпрерывно шесть лѣтъ, а избирательной реформѣ. Выработанный имъ билль, не смотря на свою

чрезвычайную умѣренность, встрѣтилъ въ палатѣ пламенное сопротивленіе не только среди консерваторовъ, но и въ рядахъ умѣренныхъ либераловъ. Въ сущности это была лишь полумѣра, но въ хорошемъ направленіи, и передовые парламентскіе дѣятели: Джонъ

Два соперника актера.
Гладстонъ—въ роли Вильгельма Телля.
Дизраэли—въ роли Робера Макера.

Стюартъ Миль и Брайтъ, привѣтствовали ее, какъ честную мѣру, увеличивающую число избирателей на четыреста тысячъ человѣкъ. Объясняя предлагаемое пониженіе избирательнаго ценза, Гладстонъ произнесъ знаменательныя слова: «Мы просимъ васъ, чтобъ вы основательно обсудили, какое количество новыхъ гражданъ вы мо-

жете безопасно и справедливо принять въ лоно парламента, и рѣшая этотъ вопросъ, я вас умоляю, не дѣйствуйте, какъ будто вы идете на сдѣлку съ опасностью и несчастьемъ, но, напротивъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что вы оказываете справедливость, за которую вамъ отплатятъ благодарной привязанностью. Дайте этимъ людямъ новыя права, и это разовьетъ въ нихъ любовь къ престолу, къ государственнымъ учрежденіямъ и законамъ, подъ защитой которыхъ они живутъ, а любовь народа значитъ болѣе золота и серебра, арміи и флота, это—сила, слава и безопасность страны». Но всѣ враги прогресса, къ какому бы политическому знамени они ни принадлежали, составили дружную фалангу противъ правительственнаго мѣропріятія подъ искуснымъ руководствомъ Дизраэли. Уже давно между «Юркимъ Дизи», какъ его называли всѣ въ Англіи, и искреннимъ, дѣйствовавшимъ на основаніи однихъ нравственныхъ принциповъ, Гладстономъ происходила упорная борьба; первому удалось занять первенствующее мѣсто въ торійской партіи и прежде Гладстона сдѣлаться вожакомъ нижней палаты, но онъ этимъ не довольствовался, и хотя увѣрялъ, что на колѣняхъ просилъ своего соперника принять постъ министра колоній въ одномъ изъ кабинетовъ лорда Дерби, душой котораго онъ былъ самъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ своими интригами ускорилъ разрывъ Гладстона съ его прежней партіей. Теперь же онъ рѣшился отнять отъ него власть и подорвать его популярность, какъ главы либераловъ. Для этого онъ составилъ хитрый, макіавельскій планъ, который сначала и удался болѣе даже, чѣмъ ожидалъ его творецъ. На всѣ рѣзкія нападки Дизраэли и ехидные его намеки на то, что самъ Гладстонъ въ юности возставалъ противъ всякой избирательной реформы, онъ откровенно сознавался въ заблужденіяхъ своей юности и съ рѣдкимъ въ его рѣчахъ юморомъ выставлялъ на видъ «неизмѣнную твердость убѣжденій» его соперника, который, какъ извѣстно, прошелъ тотъ же путь между консерватизмомъ и радикализмомъ, какъ Гладстонъ, но обратно, то-есть началъ свою политическую дѣятельность радикаломъ, а кончилъ ее консерваторомъ. Предчувствуя печальный исходъ горячихъ парламентскихъ преній по этому вопросу, Гладстонъ въ своей послѣдней рѣчи передъ самой баллотировкой сказалъ съ пламеннымъ одушевленіемъ: «На насъ сдѣланъ сильный напоръ, и билю грозитъ большая опасность, а вмѣстѣ съ нимъ и правительству, такъ какъ мы вмѣстѣ съ нимъ восторжествуемъ или падемъ. Но если мы падемъ, то вопросъ не падетъ и будетъ впослѣдствіи проведенъ нами или другими. Быть можетъ, вы одержите побѣду въ той или другой фазѣ борьбы, вы можете насъ лишить мѣста, вы можете похоронить нашъ биль, но мы напишемъ на немъ эпитафію съ полнымъ убѣжденіемъ въ исполненіи ея пророческаго значенія. «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor». Вы не можете бороться съ будущимъ. Время на нашей сторонѣ.

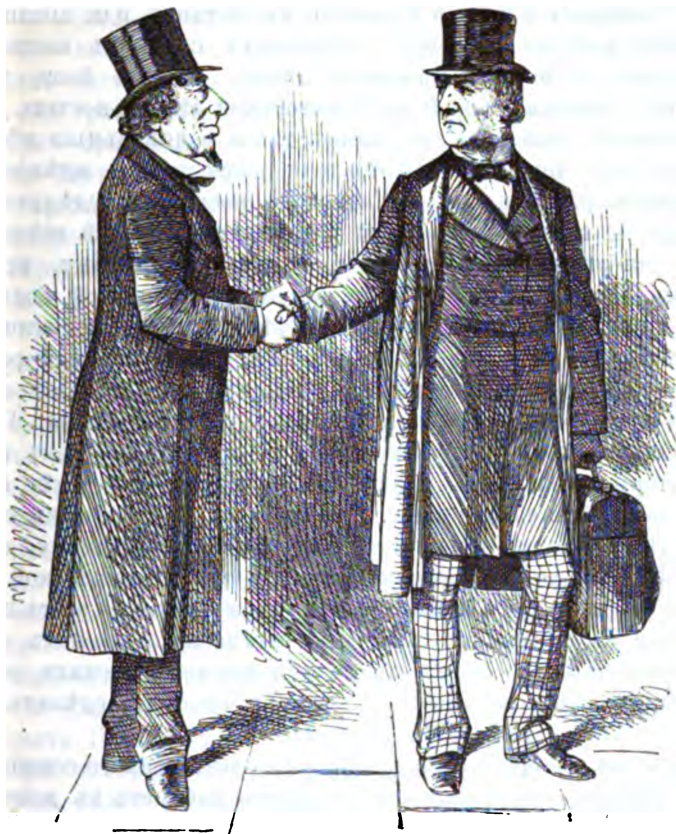
Великія общественныя силы, неудержимо идущія впередъ и шествію которыхъ не могутъ помѣшать наши бурныя пренія, эти великія общественныя силы противъ васъ; онѣ стоятъ на нашей сторонѣ, и знамя, которое мы несемъ, хотя, быть можетъ, и выпадетъ изъ нашихъ рукъ во время борьбы, вскорѣ снова будетъ развѣваться въ могучихъ, твердыхъ рукахъ слившагося воедино народа трехъ королевствъ, который достигнетъ если не легкой, то вѣрной и скорой побѣды». Эти знаменательныя слова вполнѣ осуществились, хотя совершенно иначе, чѣмъ полагалъ говорившій ихъ ораторъ. Биль о реформѣ былъ отвергнутъ, либеральное министерство вышло въ отставку, и образовался консервативный кабинетъ Дерби-Дизраэли, но во всей странѣ произошло такое сильное движеніе въ пользу избирательной реформы, что новое министерство вынуждено было выработать свой биль о реформѣ. Тутъ обнаружилась вторая и самая коварная половина макіавельскаго плана, задуманнаго юркимъ Дизи на окончательную погибель своего соперника. Онъ предложилъ избирательную реформу гораздо шире и либеральнѣе той, которую онъ самъ только что провалилъ. Конечно, эта измѣна всѣмъ консервативнымъ принципамъ имѣла мотивомъ не благо народа, а желаніе сохранить во что бы ни стало власть и вырвать у либеральной партіи, вмѣстѣ съ ея вождемъ Гладстономъ, право на популярное названіе великихъ реформаторовъ, благодѣтелей народа. Самые искренніе торіи, какъ лордъ Кранборнъ, теперешній маркизъ Сальсбери, съ презрѣніемъ отвернулись отъ такой политики недостойныхъ фокусовъ и не только съ негодованіемъ покинули кабинетъ, но и въ палатѣ открыто протестовали противъ той политической безнравственности, которую хотѣли положить въ основу новой правительственной системы. «Если вы будете заимствовать политическую этику у искателя приключеній,—сказалъ, между прочимъ, лордъ Кранборнъ своей партіи, прямо смотря на Дизраели,—то будьте увѣрены, что все зданіе представительной системы рушится къ вашимъ ногамъ». Съ еще большимъ отвращеніемъ клеймили поведеніе торіевъ, согласившихся, по словамъ лорда Дерби, «на прыжекъ во мракъ» изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, передовые либералы, но Гладстонъ даже цѣною временнаго удаленія отъ предводительства либеральной партіи, большинство которой хотѣло изъ мести провалить новый биль, явился на помощь своего заклятаго врага. Хотя онъ откровенно говорилъ друзьямъ, что Дизи «съ его діавольскимъ циничнымъ умомъ убьетъ въ палатѣ всякую идею о политической чести», но для пользы дѣла, для блага народа, онъ принесъ въ жертву свои личные виды, свою личную вражду, и совершенно искренно принялъ участіе въ проведеніи торійскаго биля, который въ его честныхъ, умѣлыхъ рукахъ принялъ вполнѣ демократическій и благодѣтельный для народа характеръ. Главнымъ основаніемъ этой великой реформы,

которую по ироніи судьбы даровали Англіи торіи, хотя при содѣйствіи главы либераловъ, было предоставленіе личнаго права избирательства всѣмъ хозяевамъ, то-есть собственникамъ, арендаторамъ и наемщикамъ квартиръ, при довольно низкомъ имущественномъ цензѣ. Конечно, англійскій народъ не получалъ этимъ путемъ полной равноправности, но сдѣланъ былъ большой шагъ къ достиженію этой цѣли. Подъ вліяніемъ ловкаго Дизраэли билль былъ проведенъ не только въ нижней палатѣ, но и въ верхней; онъ вполнѣ торжествовалъ и открыто заявилъ одному пріятелю: «Я повалилъ Гладстона и продержу его у своихъ ногъ двадцать лѣтъ». Повидимому, это дерзкое пророчество могло осуществиться на дѣлѣ, такъ какъ, спустя шесть мѣсяцевъ, въ виду отставки лорда Дерби по болѣзни, первымъ министромъ сдѣлался Дизраэли. Вся Англія пришла въ ужасъ, что во главѣ ея правительства оффиціально сталъ человѣкъ, который по словамъ лорда Шафтсбюри, былъ «политическимъ прокаженнымъ, безъ принциповъ, безъ нравственныхъ чувствъ, безъ сознанія долга, безъ вѣры въ добро». Но этотъ тріумфъ юркаго Дизи былъ непродолжительный. Миновало еще полгода, Гладстонъ предложилъ въ парламентѣ свою знаменитую резолюцію объ уничтоженіи государственной протестантской церкви въ Ирландіи; палата подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія высказалась въ пользу этой великой, справедливой реформы; торійское правительство апеллировало къ народу, и на общихъ выборахъ либералы получили большинство въ сто пятнадцать голосовъ. Дизраэли тотчасъ подалъ въ отставку, и Гладстонъ, потерпѣвшій пораженіе въ южномъ Ланкаширѣ, благодаря консервативнымъ интригамъ, но избранный немедленно въ Гриничѣ, сдѣлался первымъ министромъ.

IV.

Пятидесяти-девяти лѣтъ достигъ Гладстонъ зенита политической власти въ Англіи, и съ тѣхъ поръ онъ три раза былъ премьеромъ и три раза въ соотвѣтствующіе промежутки находился во главѣ оппозиціи. Это періодическое колебаніе между властью и подготовленіемъ къ ней, такъ какъ нельзя назвать отдыхомъ время, проведенное Гладстономъ на оппозиціонныхъ скамьяхъ, было совершенно правильное: первое и второе его министерство продолжалось по пяти лѣтъ; послѣ перваго министерства и послѣ третьяго онъ находился не у дѣлъ по шести лѣтъ, а третье свое министерство онъ образовалъ ровно черезъ полгода послѣ паденія втораго и оно существовало также полгода. Кромѣ этого почти математически точнаго равновѣсія между періодами, впродолженіе которыхъ онъ былъ у дѣлъ и не у дѣлъ, замѣчательно, что самыя блестящія, энергичныя и поразительныя эпохи его дѣятельности совпадаютъ съ тѣми годами, когда онъ находился не во главѣ ми-

нистерства, а во главѣ оппозиціи. Это не значитъ, чтобъ, достигнувъ власти, онъ складывалъ руки и отдыхалъ на лаврахъ; напротивъ всѣ его три министерства, въ особенности первое, ознаменовались кипучей дѣятельностью по внутреннымъ и внѣшнимъ вопросамъ, а также проведеніемъ многихъ крупныхъ и мелкихъ реформъ, но съ одной стороны заблужденія и ошибки предыду-

Д.—Прощайте; сожалѣю, что вы отказались отъ главенства либеральной партіи; я началъ съ книгъ, а вы кончаете ими.

щихъ правительствъ, а съ другой неумѣлость и противодѣйствіе его собственныхъ помощниковъ ставили его въ такое затруднительное положеніе, что, начавъ свою министерскую дѣятельность торжествующимъ тріумфаторомъ, онъ, продолжая идти своимъ обычнымъ, прямымъ, искреннимъ путемъ, кончалъ тѣмъ, что возстановлялъ противъ себя не только враговъ, но и многихъ изъ своихъ сторонниковъ, даже колебалъ свою популярность въ странѣ. Ка-

ждый разъ, когда онъ покидалъ власть, противники провожали его похороннымъ звономъ и тѣшили себя надеждой, что онъ политически умеръ, а сторонники приходили въ уныніе отъ его неумѣнія поддѣлываться къ обстоятельствамъ и того факта, что онъ въ грошъ не ставилъ власть какъ власть. Замѣтивъ, что, благодаря окружающимъ условіямъ, онъ не можетъ успѣшно провести задуманнаго для народнаго блага мѣропріятія, Гладстонъ, не колеблясь, покидалъ власть и подавалъ въ отставку, или апелировалъ къ странѣ, которая въ двухъ подобныхъ случаяхъ высказалась противъ него. Основной причиной такого явленія было то, что Гладстонъ, увлекаясь своей реформаторской дѣятельностью, хотѣлъ идти слишкомъ далеко и предлагалъ такія радикальныя мѣры, къ которымъ еще не было подготовлено общественное мнѣніе; тогда они на время расходились, и Гладстонъ посвящалъ слѣдующіе затѣмъ года не всегдашней мелкой партизанской войнѣ всѣхъ оппозицій, а энергичной борьбѣ съ вредными принципами, временно взявшими верхъ, а главное неутомимой основательной подготовкѣ общественнаго мнѣнія къ принятію тѣхъ самыхъ политическихъ мѣропріятій, которыя повели къ его паденію. И каждый разъ ему это удавалось самымъ блестящимъ образомъ; каждый разъ его возвращала къ власти могучая волна народнаго энтузіазма. Поэтому можно смѣло сказать, что, находясь у власти, Гладстонъ великій реформаторъ, а находясь вдали отъ нея, онъ еще болѣе великій учитель общественнаго мнѣнія. Эта двойная, періодически смѣнявшаяся, дѣятельность наполняетъ послѣдній, повидимому, долженствующій еще долго продолжаться періодъ политической жизни великаго старика. Такъ какъ событія, ознаменовавшія этотъ періодъ, еще свѣжи въ памяти всѣхъ, то мы остановимся на немъ еще болѣе кратко, чѣмъ на двухъ предшествовавшихъ эпохахъ, и постараемся набросать только общую картину того, что сдѣлалъ въ это время для Англіи народный Вильямъ.

Первое министерство Гладстона было, безъ всякаго сомнѣнія, золотымъ вѣкомъ либерализма, и ни одинъ кабинетъ въ долгой конституціонной исторіи Англіи не провелъ столькихъ громадныхъ благотворныхъ реформъ. Первый годъ министерства былъ ознаменованъ уничтоженіемъ господствовавшей протестантской церкви въ Ирландіи, которая, до тѣхъ поръ будучи католической, содержала на свой счетъ богатое, чуждое ей духовенство, и проведеніемъ биля о мѣстныхъ налогахъ. Во второмъ году были приняты ирландскій поземельный законъ, смѣлая попытка узаконить арендаторскія права и широкая реформа народнаго воспитанія, которая не только дала народу возможность хорошо и дешево воспитывать своихъ дѣтей, но и установила народный контроль надъ этой системой воспитанія въ формѣ выборныхъ училищныхъ совѣтовъ. Въ третьемъ году уничтожены присяга въ университетахъ, что̀ открыло доступъ всѣмъ къ университетскимъ

привилегіямъ, и покупка офицерскихъ чиновъ, что, не смотря на явную справедливость этой мѣры, возбудило долгую борьбу между палатою лордовъ и Гладстономъ, который наконецъ для достиженія побѣды долженъ былъ прибѣгнуть къ сомнительному въ строгомъ конституціонномъ смыслѣ способу, именно къ королевскому повелѣнію. Въ четвертомъ году рабочіе союзы поставлены на законную почву, проведенъ билль о тайной подачѣ голосовъ на выборахъ и изданъ законъ объ акцизѣ на крѣпкіе напитки, что поставило преграды умноженію кабаковъ и увеличенію пьянства. Въ пятомъ году преобразована система судопроизводства, введена обязательность экзаменовъ для гражданской службы, и регулирована мелкая торговля, съ цѣлью преслѣдованія различныхъ поддѣлокъ. Но всѣ эти мѣры, не смотря на несомнѣнную ихъ пользу для страны, возбудили противъ Гладстона многіе общественные элементы, личные интересы которыхъ были нарушены означенными реформами. Признаки реакціи въ общественномъ мнѣніи стали замѣчаться все болѣе и болѣе; не только парламентъ, но и страна устали отъ лихорадочной реформаторской дѣятельности Гладстона; не популярныя дѣйствія нѣкоторыхъ изъ его товарищей по министерству увеличивали общее раздраженіе и хотя послѣ забаллотировки палатой его билля объ университетской реформѣ въ Ирландіи онъ, въ виду отказа Дизраэли составить новый кабинетъ, остался у власти еще нѣсколько мѣсяцевъ, но въ началѣ 1884 года онъ неожиданно распустилъ парламентъ, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли общественное мнѣніе отъ него отвернулось. Къ стыду Англіи, это была правда, и либералы потерпѣли громадное пораженіе на выборахъ. Гладстонъ тотчасъ вышелъ въ отставку, и въ управленіе страной вступили торіи, одержавшіе побѣду главнымъ образомъ съ помощью неестественнаго союза протестантской церкви и кабатчиковъ, противъ интересовъ которыхъ дерзнулъ дѣйствовать Гладстонъ.

Теперь наступила странная, курьезная страница въ исторіи англійской политической жизни. Общественное мнѣніе требовало одного покоя, и торійское правительство, всегда заботящееся лишь о сохраненіи своей власти, съ удовольствіемъ стало примѣнять эту легкую политику ничегонедѣланія. Но для Гладстона былъ невыносимъ такой политическій застой, такая общественная спячка, и онъ даже въ оппозиціи не могъ довольствоваться тѣмъ, чтобъ безмолвно смотрѣть на то, какъ другіе ничего не дѣлали. Поэтому онъ удивилъ весь міръ и привелъ въ ужасъ свою партію отказомъ отъ ея предводительства подъ тѣмъ предлогомъ, что ему было шестьдесятъ четыре года, а онъ всегда полагалъ, что не слѣдуетъ политическому дѣятелю играть первенствующей роли послѣ шестидесяти лѣтъ. Такъ какъ никто изъ либераловъ не оказался способнымъ принять его наслѣдства, то оно было раздѣлено на двѣ

части, и два вига: старый лордъ Гренвиль и молодой лордъ Гартингтонъ, сдѣлались ихъ вожаками въ верхней и нижней палатахъ. Впродолженіе двухъ лѣтъ царили тишь и гладь: министерство Дизраэли бездѣйствовало, пережевывая наслѣдіе либеральнаго кабинета; оппозиція бездѣйствовала, вздыхая о прежнемъ своемъ величіи и отчаиваясь въ своемъ будущемъ. Одинъ Гладстонъ, превратившійся послѣ сорокадвухлѣтней парламентской дѣятельности въ простаго рядоваго своей партіи, помнилъ, что, не смотря на народную неблагодарность, онъ, всетаки, народный Вильямъ и неизмѣнно стоялъ на сторожѣ народныхъ интересовъ, являясь въ парламентъ и возвышая свой могучій голосъ каждый разъ, когда торіи нарушали безмолвный договоръ съ страной о ничегонедѣланіи и старались отплатить своимъ союзникамъ клерикаламъ за ихъ поддержку на выборахъ реакціонными уступками. Эти случаи были рѣдки, но они, всетаки, доказывали, что Гладстонъ не дремлетъ и, предаваясь вызванному обстоятельствами политическому отдыху, всегда готовъ, какъ боевой конь при первомъ трубномъ звукѣ, броситься въ сѣчу. Этотъ зовъ вскорѣ раздался, и послѣдніе четыре года своего удаленія не только отъ оффиціальныхъ, но и оппозиціонныхъ дѣлъ, онъ посвятилъ самой энергичной, самой блестящей борьбѣ, которую онъ когда либо велъ во время своей долгой, ознаменованной столькими перипетіями жизни. Мало-по-малу оказалось, что Англія очень дорого платитъ за спокойствіе, которое въ сущности было не отдыхомъ, а застоемъ, покрывавшимъ плѣсенью и ржавчиной основные двигатели ея государственнаго механизма; торійское правительство не только уничтожило всѣ финансовыя сбереженія Гладстона, но на столько умножило государственные расходы, чтò было необходимо увеличить налоги для покрытія дефицита. Всегда чуткая къ своимъ экономическимъ интересамъ страна начала ворчать, и юркій Дизи рѣшился фантастическимъ фейерверкомъ «высшей ретивой иностранной политики» ослѣпить глаза гордой, самолюбивой націи и тѣмъ заставить ее забыть хоть на время всю неудовлетворительность его внутренней политики. Въ чемъ состояла эта «высшая ретивая иностранная политика», всѣмъ извѣстно; она началась съ тайной покупки акцій Суэзскаго канала и съ превращенія, по злобному выраженію «Times'a», «законной наслѣдственной королевы въ императрицу «parvenue», а потомъ быстро слѣдовали вмѣшательство въ турецкія дѣла, Берлинскій трактатъ, присоединеніе Кипра, Афганская война, экспедиція противъ зулусовъ и прочіе эффектные эпизоды чудовищной политической мистификаціи, извѣстной подъ названіемъ «имперіализма». Дизраэли, превратившійся въ лорда Биконсфильда, торжествовалъ, его сторонники ликовали, вся Англія въ порывѣ безумнаго шовинизма, окрещеннаго англичанами въ джингоизмъ, предавалась какой-то бѣшеной пляскѣ св. Вита. Одинъ Гладстонъ всту-

шилъ въ единоборство съ своимъ могучимъ соперникомъ, сумѣвшимъ мистифицировать цѣлую страну, и послѣ четырехлѣтней ежедневной, упорной борьбы словомъ и перомъ разбилъ его на голову, заставилъ Англію очнуться отъ овладѣвшаго ею позорнаго кошмара и, возвративъ ее къ сознанію здравыхъ, честныхъ и возвышенныхъ политическихъ принциповъ, снова принялъ власть среди общаго народнаго энтузіазма. Этотъ, быть можетъ, самый важный и самый блестящій подвигъ великаго старика былъ совершенъ имъ на почвѣ иностранной политики; до сихъ поръ мы нарочно не упоминали

Современная статуя Мемнона, издающая мелодическіе звуки.

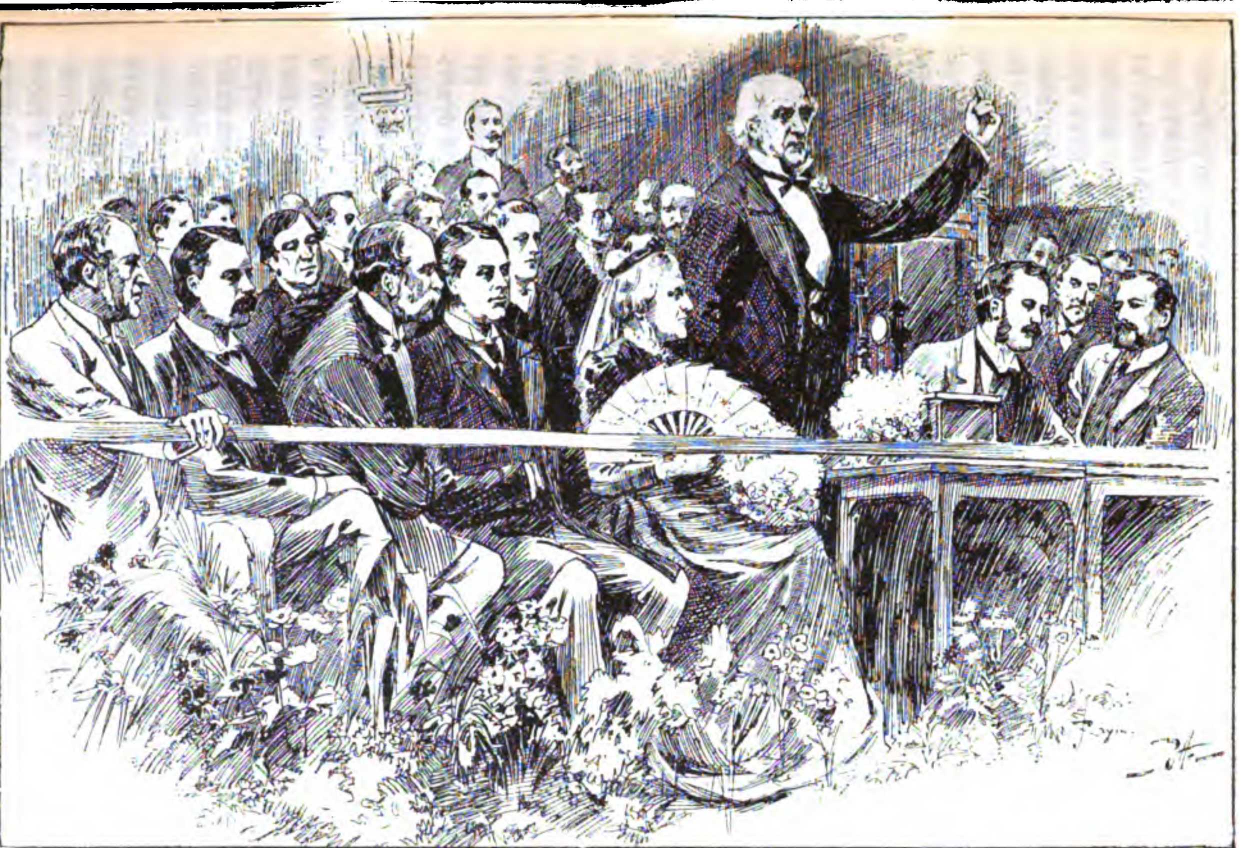
ни слова объ отношеніяхъ Гладстона къ ней, такъ какъ эта сторона его политической дѣятельности самая спорная и возбуждаетъ въ Англіи наибольшую критику даже среди его сторонниковъ, а потому, чтобъ имѣть о ней полное и ясное понятіе, удобнѣе всего, говоря объ этой эпохѣ его жизни, когда иностранная политика приняла первенствующее значеніе, представить общую характеристику всей дѣятельности народнаго Вильяма въ этомъ отношеніи.

Самаго бѣглаго взгляда на высказанныя въ различныя времена мнѣнія Гладстона на иностранную политику и на его дѣйствія въ качествѣ независимаго депутата, оффиціальнаго представителя

правительства и всемогущаго перваго министра, по вопросамъ этой политики, достаточно для убѣжденія всякаго мыслящаго, безпристрастнаго человѣка въ томъ, что онъ такой же великій реформаторъ въ этой области политической дѣятельности, какъ и во внутренней политикѣ. Тутъ и тамъ онъ является пламеннымъ защитникомъ возвышенныхъ, благородныхъ принциповъ и даже относительно иностранной политики, онъ съ перваго слова, произнесеннаго имъ публично по ея вопросамъ, до настоящаго времени постоянно оставался вѣренъ себѣ и никогда не измѣнялъ своихъ взглядовъ даже въ прогрессивномъ направленіи, такъ какъ сразу, еще находясь торіемъ, онъ заявилъ себя сторонникомъ невмѣшательства, свободы и національности, долженствующихъ лежать въ основѣ современныхъ международныхъ отношеній съ точки зрѣнія науки, права и общенароднаго блага. Судьбѣ было угодно, чтобъ онъ началъ свою дѣятельность по иностранной политикѣ борьбой съ джингоизмомъ лорда Пальмерстона, примѣнявшаго гораздо ранѣе и блестящѣе Дизраэли политику шовинистскихъ эффектовъ, и его знаменитая рѣчь во время преній по пресловутому дѣлу Пачифико въ 1850 году ясно намѣтила тѣ вѣхи, между которыми онъ уже потомъ постоянно проводилъ ладью своей иностранной политики. Заступившись за какого-то португальскаго еврея, Дона Пачифико, имущество котораго было расхищено во время уличныхъ безпорядковъ въ Аѳинахъ, лордъ Пальмерстонъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, въ кабинетѣ лорда Джона Росселя, потребовалъ отъ греческаго правительства удовлетворенія на томъ основаніи, что Пачифико былъ англійскій подданный, а когда это правительство возстало противъ подобнаго вмѣшательства, нарушавшаго независимость страны, то онъ блокировалъ Пирей англійскимъ флотомъ и подвергнулъ захвату не только казенныя, но даже частныя греческія коммерческія суда. Эта безцеремонная расправа надѣлала переполохъ во всей Европѣ и возбудила горячія пренія въ англійскомъ парламентѣ. Не смотря на пламенныя нападки такихъ людей, какъ Кобденъ и сэръ Робертъ Пиль, Пальмерстонъ сумѣлъ успѣшно защитить свою политику и кончилъ громадную эффектную рѣчь извѣстной фразой, что «всякій англичанинъ, расчитывая на бдительное и могучее покровительство своего правительства, долженъ всегда имѣть возможность сказать въ чужеземной странѣ: «Civis Romanus sum!». Не смотря на колоссальное торжество Пальмерстона, Гладстонъ взялся ему отвѣтить, и въ своей рѣчи, которую самъ Пальмерстонъ призналъ «мастерскимъ произведеніемъ», поставилъ, какъ всегда, вопросъ на высшую нравственную почву: «Благородный лордъ, — сказалъ онъ между прочимъ, — хвалился среди рукоплесканій своихъ сторонниковъ, что во время его управленія иностранной политикой англійскій гражданинъ будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ рим-

скій гражданинъ. Но чѣмъ же былъ римскій гражданинъ? Онъ былъ членомъ привилегированной касты, онъ принадлежалъ къ націи, которая держала всѣ прочія подъ своимъ игомъ. Полагаетъ ли благородный лордъ, что Англія находится въ подобномъ положеніи относительно другихъ странъ, и что всѣ государства, не признающія ея первенствующей роли, должны подвергнуться всѣмъ карамъ слѣпой дипломатической войны? Конечно, если-бъ обязанность министра иностранныхъ дѣлъ заключалась исключительно въ веденіи дипломатической войны, то благородный лордъ мастерски исполняетъ свою обязанность. Но чѣмъ въ сущности долженъ быть министръ иностранныхъ дѣлъ? Неужели онъ обязанъ, какъ бравый рыцарь на древнихъ турнирахъ, бросаться въ бой, вооруженный съ головы до ногъ, и, полагаясь на силу своихъ мускуловъ, вызывать на поединокъ ради чести всѣхъ, кого встрѣтитъ, причемъ весь его долгъ состоитъ въ томъ, чтобъ усѣять землю какъ можно большимъ числомъ противниковъ? Если таковъ прототипъ хорошаго министра иностранныхъ дѣлъ, то я готовъ подать голосъ за пожизненное оставленіе въ этомъ званіи благороднаго лорда. Но я не такъ понимаю обязанности министра иностранныхъ дѣлъ. Я полагаю, что его долгъ — соединить миръ съ честью. Я полагаю, что первой его обязанностью строго придерживаться этого долга, возвышая передъ всѣмъ свѣтомъ великіе принципы международнаго права, которые составляютъ благородный памятникъ человѣческой мудрости и вѣковаго опыта, драгоцѣнное наслѣдіе, завѣщанное намъ предыдущими поколѣніями, и твердый краеугольный камень, на которомъ мы должны строить все то, что сумѣемъ добавить къ этому памятнику, если только мы хотимъ поддерживать и укрѣплять братство всѣхъ народовъ, всеобщій миръ и благосостояніе всего свѣта». Какимъ путемъ слѣдуетъ поддерживать и укрѣплять братство всѣхъ народовъ на практикѣ, Гладстонъ доказалъ тремя подвигами на аренѣ иностранной политики. Въ 1851 г. онъ въ качествѣ туриста провелъ зиму въ Неаполѣ и, лично познакомившись со всѣми ужасами правительственной системы Короля Бомбы, рѣшилъ обратиться къ помощи общественнаго мнѣнія Европы для уничтоженія такого вопіющаго зла, которое было «отрицаніемъ Бога, возведеннымъ въ правительственную систему». Въ результатѣ появились знаменитыя два письма къ лорду Абердину, которыя надѣлали такой шумъ во всей Европѣ и послужили такимъ могучимъ толчкомъ для движенія въ пользу итальянской свободы, что итальянцы чтутъ Гладстона наравнѣ съ великими бойцами за свою независимость. Въ 1859 году торійское министерство лорда Дерби поручило Гладстону отправиться въ качествѣ лорда верховнаго коммиссара на Іоническіе острова и подробно изслѣдовать положеніе этой маленькой греческой республики, находившейся подъ протекторатомъ Англіи. Онъ объ-

ѣхалъ всѣ острова, выслушалъ мнѣнія представителей мѣстнаго населенія и, основательно изучивъ дѣло, составилъ планъ новаго конституціоннаго управленія, которое, онъ полагалъ, могло уничтожить существовавшія злоупотребленія, но когда созванное имъ мѣстное законодательное собраніе высказалось единогласно въ пользу присоединенія къ Греціи и онъ вполнѣ убѣдился, что это общее народное желаніе, Гладстонъ препроводилъ королевѣ петицію Іоническихъ острововъ въ этомъ смыслѣ, и какъ только онъ сдѣлался вліятельнымъ членомъ либеральнаго министерства, то настоялъ на передачѣ Греціи этого маленькаго уголка Греческой земли. Но еще болѣе значенія имѣетъ данный имъ всей Европѣ примѣръ мирнаго разрѣшенія третейскимъ судомъ международныхъ споровъ: во время своего перваго министерства онъ покончилъ Вашингтонскимъ трактатомъ давно затянувшуюся распрю между Американскими Соединенными Штатами и Англіей по поводу убытковъ, нанесенныхъ Америкѣ пресловутой «Алабамой» и другими крейсерами, которые были выстроены и вооружены въ Англіи Южными Штатами во время ихъ войны съ Сѣверомъ. Назначенный вслѣдствіе этого трактата третейскій судъ изъ представителей Великобританіи, Соединенныхъ Штатовъ, Италіи, Бразиліи и Швейцаріи собрался въ Женевѣ и присудилъ Англію къ уплатѣ около трети менѣе того, что требовали Соединенные Штаты, но, всетаки, около трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Гладстонъ не колеблясь заплатилъ эту крупную сумму, хотя подобный расходъ нарушалъ его финансовые планы, и прямо сказалъ въ палатѣ: «Какъ ни тяжела наложенная на насъ пеня, но она теряетъ всякое значеніе въ сравненіи съ нравственнымъ величіемъ того примѣра, который дали всему свѣту двѣ великія націи, рѣшившіяся, не смотря на всю ревнивую охрану своей національной чести, явиться передъ третейскимъ судомъ вмѣсто того, чтобъ по обычаю разрѣшить распрю между собой мечемъ». Этотъ знаменательный эпизодъ женевскаго третейскаго суда вполнѣ очистилъ свѣтлое имя Гладстона отъ тѣни, наброшенной на него страннымъ, непонятнымъ отношеніемъ къ борьбѣ Сѣвера съ Югомъ въ Америкѣ; полагая наравнѣ съ многими либеральными англичанами, что югъ возсталъ въ защиту своей самостоятельности, попираемой сѣверомъ, онъ выразилъ сочувствіе къ возрожденію новой націи и только, когда ясно обнаружилось, что въ существѣ борьба шла изъ-за рабства, онъ перемѣнилъ мнѣніе и откровенно сознался въ своей ошибкѣ. Многіе считаютъ также мрачной страницей въ исторіи внѣшней политики Гладстона его участіе въ Крымской войнѣ, которую великій англійскій трибунъ Брайтъ клеймилъ названіемъ преступленія; но хотя, подчиняясь обстоятельствамъ и не желая бросить только что начатаго дѣла финансовыхъ реформъ, Гладстонъ остался въ министерствѣ лорда Абердина, когда

Гладстонъ на избирательномъ собраніи въ Лондонѣ 1 іюня 1892 г.

оно объявило войну Россіи, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ до послѣдней минуты противился этой войнѣ, всетаки считалъ ее предпринятой съ цѣлью возстановленія нарушеннаго международнаго права, нимало не поддерживалъ принципа неразрушимости Отоманской имперіи, напротивъ, указывалъ въ своихъ рѣчахъ на злоупотребленія турецкаго правительства и вышелъ въ отставку изъ министерства Пальмерстона, когда, по его мнѣнію, настало время заключить честный миръ съ Россіей, такъ какъ продолженіе войны только ради военной славы или боевой дипломатіи было безнравственно, безчеловѣчно и не похристіански. Во всякомъ случаѣ Гладстонъ болѣе чѣмъ загладилъ свое пассивное участіе въ Крымской войнѣ энергичнымъ заступничествомъ за угнетенныя національности Балканскаго полуострова во время послѣдней русско-турецкой войны. За исключеніемъ этого одного случая онъ никогда не защищалъ ни одной изъ многочисленныхъ веденныхъ Англіей войнъ; съ особеннымъ жаромъ возставалъ онъ противъ несправедливой войны съ Китаемъ, съ цѣлью поддержать позорную торговлю опіумомъ, и постоянно отстаивалъ необходимость Англіи поддерживать строгій нейтралитетъ въ международныхъ распряхъ. Такой политикѣ онъ держался во время франко-прусской войны и въ статьѣ, напечатанной въ «Edinburgh Review», прямо высказалъ, что общій приговоръ образованнаго человѣчества, сдѣлавшійся верховнымъ, безапелляціоннымъ трибуналомъ, осудилъ жажду завоеваній Франціи и осудитъ ненасытную жадность Германіи. «Величайшее торжество нашего времени,—прибавлялъ онъ,—въ области высшей, чѣмъ паръ и электричество, будетъ воцареніе идеи международнаго права, какъ верховнаго руководителя всесвѣтной политики, и первой изъ всѣхъ націй будетъ та, которая вселитъ въ другихъ убѣжденіе, что она справедлива».

Очевидно, что подобное отношеніе Гладстона къ вопросамъ иностранной политики не могло не возбуждать противъ него обвиненій въ недостаткѣ патріотизма, въ равнодушіи къ чести Англіи и тому подобныхъ нелѣпостяхъ, а съ другой стороны онъ обязательно долженъ былъ возставать противъ джингоистской политики лорда Биконсфильда. Событія въ Болгаріи, такъ справедливо названныя имъ болгарскими ужасами, возбудили въ немъ благородное негодованіе, и онъ вступилъ въ бой съ правительствомъ, которое называло эти ужасы кофейной болтовней. Въ брошюрахъ, въ газетныхъ статьяхъ и рѣчахъ, какъ въ парламентѣ, такъ и на публичныхъ митингахъ, онъ явился краснорѣчивымъ защитникомъ угнетенныхъ христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова и своей энергичной дѣятельностью образумилъ общественное мнѣніе Англіи и удержалъ ее отъ позорной войны въ защиту Турціи. Точно также возставалъ Гладстонъ противъ Афганской войны, которую онъ считалъ на столько несправедливой, что грозилъ «небесными карами

странѣ, совершающей подобную національную несправедливость, вѣрный путь къ національному упадку». Не смотря на всѣ сыпавшіеся на него укоры, насмѣшки и клеветы, не смотря на то, что онъ дѣйствовалъ въ качествѣ независимаго члена палаты, Гладстонъ мало-по-малу сдѣлался душой такого могучаго народнаго движенія противъ политики лорда Биконсфильда, что минута расчета была не далека. Послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ со стороны Гладстона его сопернику, была предпринятая имъ знаменитая избирательная кампанія въ Эдинбургѣ. Еще за долго до предстоявшихъ общихъ выборовъ онъ отказался быть далѣе представителемъ Гринича и поставилъ свою кандидатуру въ Мидлотіанскомъ округѣ, къ которому принадлежитъ Эдинбургъ; для поддержки этой кандидатуры въ твердынѣ торіевъ онъ предпринялъ въ ненастную, зимнюю погоду и на семидесятомъ году жизни избирательную кампанію, которая привела въ удивленіе и восторгъ всю страну. Онъ безостоновочно по два и по три раза въ день говорилъ длинныя блестящія рѣчи, которыя въ общемъ цѣломъ составили грозный обвинительный актъ противъ торійскаго правительства и полную прекрасную программу либеральной партіи. Вскорѣ послѣ этого лордъ Биконсфильдъ распустилъ парламентъ, на выборахъ либералы одержали колоссальную побѣду, и хотя королева, принявъ отставку своего любимца, хотѣла поручить составленіе новаго министерства одному изъ оффиціальныхъ представителей либеральной партіи лорду Гренвилю или маркизу Гартингтону, но они благородно отказались и указали на Гладстона, какъ на настоящаго тріумфатора, который долженъ былъ одинъ пожать то, что онъ одинъ посѣялъ. Народный Вильямъ составилъ свое второе министерство, но оно нисколько не походило на его первый кабинетъ, хотя существовало столько же времени. Конечно, онъ провелъ цѣлый рядъ благодѣтельныхъ мѣропріятій по внутренней политикѣ и, управляя въ первые три года лично финансами, привелъ ихъ въ порядокъ, но онъ не былъ въ состояніи создать, какъ прежде, великія реформы, и въ этомъ виноваты случайныя не зависѣвшія отъ него обстоятельства. Неразумныя дѣйствія предыдущаго кабинета вовлекли его въ безъисходный лабиринтъ ирландскихъ дѣлъ и вынудили вести войну съ Египтомъ, которая противорѣчила всѣмъ его убѣжденіямъ. Его тогдашняя дѣятельность по этимъ двумъ вопросамъ составляетъ самую слабую сторону всей его политической карьеры, но нельзя не признать, что главная отвѣтственность за его неправильныя и неудачныя дѣйствія падаетъ не на него, а на тѣхъ, кто заварилъ кашу, которую ему приходилось расхлебывать. Въ Ирландіи онъ обязанъ былъ поддерживать внѣшній порядокъ, нарушаемый пламенными патріотами, выведенными изъ терпѣнія системой гоненія, практиковавшейся торіями, и не хотѣвшими принять тѣ уступки,

которыя имъ предлагалъ Гладстонъ; дѣло дошло до того, что былъ убитъ его родственникъ лордъ Кавендишъ, назначенный на постъ министра по ирландскимъ дѣламъ и не успѣвшій еще ничѣмъ заявить себя, а потому неудивительно, что тогдашняя его ирландская политика представляетъ странную смѣсь благородныхъ попытокъ провести аграрныя реформы и періодическихъ возвращеній къ запретительнымъ законамъ. Тѣми же противорѣчіями отличалась и его иностранная политика относительно Египта, но зато онъ вполнѣ согласно съ своими принципами миролюбно покончилъ съ афганскимъ вопросомъ. Естественно, что торіи, воспользовавшись ошибками и неудачами ненавистнаго имъ правительства, вошли съ противоестественный союзъ съ ирландскими депутатами и нанесли пораженіе министерству по мелкому бюджетному вопросу. Было что-то комическое въ паденіи перваго финансиста нашего времени по финансовому вопросу, но Гладстонъ съ удовольствіемъ ухватился за этотъ предлогъ и подалъ въ отставку: такъ претило ему дѣйствовать не согласно съ своими принципами, хотя и въ виду государственной необходимости.

Первымъ министромъ сдѣлался лордъ Сальсбери, стоявшій во главѣ торійской партіи со времени смерти Биконсфильда, но ему не долго пришлось удержать власть. Ирландскіе депутаты подъ предводительствомъ Парнеля покинули новое правительство, какъ только оказалось, что оно не намѣрено сдержать своихъ обѣщаній насчетъ Ирландіи и протянули руки къ искреннему стороннику бѣднаго Зеленаго Острова, къ народному Вильяму. Послѣ парламентскаго пораженія враговъ, онъ составилъ свое третье министерство, которое, однако, существовало лишь нѣсколько мѣсяцевъ Онъ теперь смѣло рѣшился разъ навсегда покончить съ ирландскимъ вопросомъ и даровать, наконецъ, злополучной странѣ полное самоуправленіе. Но составленный имъ билль по этому предмету возстановилъ противъ него не только торіевъ, но и значительное число либераловъ и даже радикаловъ, въ томъ числѣ Брайта; образовалась цѣлая группа отщепенцевъ его партіи подъ предводительствомъ вига лорда Гартингтона и радикала Чамберлэна. Конечно, Гладстонъ аппелировалъ къ странѣ; она высказалась такъ же противъ него, и онъ спокойно уступилъ власть страннымъ союзникамъ, которые и управляли Англіей впродолженіе шести лѣтъ, пуская пыль въ глаза либеральными мѣрами въ родѣ расширенія системы самоуправленія въ Англіи и Шотландіи, призрачными узаконеніями на благо ирландскихъ фермеровъ, въ сущности приносящими пользу только землевладѣльцамъ, и кажущимся успокоеніемъ запретительными законами Ирландіи, которая въ сущности стала тихо ждать лучшихъ дней, полагаясь на вѣрную помощь Гладстона. Дѣйствительно этотъ долгій промежутокъ времени онъ по обыкновенію посвятилъ неутомимой подготовкѣ общественнаго мнѣнія къ

принятію той мѣры, которую онъ считалъ единственнымъ справедливымъ и разумнымъ выходомъ изъ ирландскаго лабиринта. Не смотря на всѣ преграды, на измѣну многихъ своихъ прежнихъ сторонниковъ, на предразсудки, упорно коренившіеся въ умахъ столькихъ англичанъ, на собственную старость, онъ снова теперь одержалъ побѣду. Послѣ новой, еще болѣе удивительной Мидлотіанской кампаніи, великій старикъ вернулся къ власти во всемъ блескѣ тріумфатора.

Гладстонъ, какъ дровосѣкъ.

V.

Для полной характеристики парламентской и политической дѣятельности Гладстона, намъ остается только сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ объ ораторѣ и публицистѣ, такъ какъ краснорѣчіе, съ одной стороны, а брошюры и журнальныя статьи, съ другой, играютъ важную роль въ великой борьбѣ за правду, справедливость и свободу, которую онъ велъ болѣе полустолѣтія. Какъ во всей своей лихорадочной дѣятельности, такъ и въ ораторскомъ искусствѣ онъ поражаетъ искренностью и разнообразіемъ. До сихъ поръ его рѣчи еще не изданы особымъ сборникомъ, и онѣ такъ многочисленны, что составили бы цѣлую библіотеку; нѣтъ почти предмета, по которому когда нибудь и гдѣ нибудь не говорилъ великій старикъ. Его краснорѣчіе одинаково обильно и блестяще льется какъ въ пар-

ламентѣ, такъ и на народныхъ митингахъ, какъ въ научныхъ собраніяхъ, такъ и при оффиціальныхъ церемоніяхъ. Съ одинаковымъ знаніемъ дѣла, строгой логикой и широкой гуманностью, онъ говоритъ о самыхъ запутанныхъ финансовыхъ и дипломатическихъ вопросахъ, о педагогическихъ системахъ и университетскомъ образованіи, о школахъ и библіотекахъ, о лучшемъ устройствѣ положенія рабочихъ и о красотѣ въ мануфактурныхъ произведеніяхъ, о сельскомъ хозяйствѣ и садоводствѣ, о догматическихъ богословскихъ спорахъ и о Гомеровскихъ теоріяхъ, о Данте и Вальтеръ-Скоттѣ и т. д. Конечно, онъ преимущественно парламентскій ораторъ и по словамъ Макъ-Карти: «если на краснорѣчіе смотрѣть, какъ на орудіе парламентской дѣловой практики, то онъ не только величайшій ораторъ нашего времени, но никто и близко не подходилъ къ нему въ этомъ отношеніи. Онъ похожъ на скаковую лошадь, которая не можетъ обогнать своихъ соперницъ на каждой скачкѣ, но втеченіе года беретъ больше призовъ, чѣмъ которая нибудь изъ нихъ. Онъ можетъ въ палатѣ встать когда угодно и сколько угодно разъ въ одно засѣданіе и поразить всѣхъ или строго-логичной аргументаціей, или пламеннымъ краснорѣчіемъ, или потокомъ цифръ, смотря по тому, чего требуютъ данная минута и разсматриваемый вопросъ. Онъ не всегда, конечно, находится на одинаковой высотѣ, но всегда краснорѣчивъ и убѣдителенъ. Аргументы у него подбираютса инстинктивно, а рѣчь вылетаетъ изъ его устъ такъ же легко, какъ дыханіе. Быть можетъ, съ этой точки зрѣнія онъ не имѣлъ никогда достойнаго соперника въ англійскомъ парламентѣ. Ни Питъ, ни Фоксъ, не произносили во всю ихъ жизнь столько превосходныхъ рѣчей. Чатамъ былъ скорѣе актеръ, чѣмъ великій ораторъ. Боркъ былъ величайшій публицистъ, когда либо говорившій въ палатѣ общинъ. Канингъ рѣдко возвышался надъ уровнемъ блестящихъ риторическихъ общихъ мѣстъ. Маколей, рѣчи котораго привлекали всего болѣе слушателей, не былъ ораторомъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Никто изъ нихъ не былъ одаренъ, какъ Гладстонъ, и такимъ сочетаніемъ блестящихъ внѣшнихъ качествъ: мелодичнымъ голосомъ, нѣжнымъ, звучнымъ, яснымъ, серебристымъ, слышнымъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ громаднѣйшей залы, изящными манерами, энергичными жестами и глубокимъ выраженіемъ блестящихъ глазъ. Однако, удивительный даръ слова увлекаетъ Гладстона слишкомъ далеко, и онъ рѣдко удерживается отъ соблазна выяснить вопросъ слишкомъ обильнымъ потокомъ словъ. Часто онъ открываетъ въ своей фразѣ скобку и въ той скобкѣ новую скобку, пока слушатель начинаетъ недоумѣвать, какъ онъ выберется изъ этого лабиринта словъ, и, однако, необыкновенный ораторъ преодолѣваетъ всѣ преграды и приводитъ свою рѣчь къ ясному заключенію, причемъ всѣ составныя части его фразъ укладываются въ должныя для нихъ мѣста. Часто этотъ чрезмѣрный,

ю блестящій потокъ словъ придаетъ неописанную силу его красноръчію. Вообще его рѣчи не отличаются юморомъ, но онъ умѣетъ поразить своего противника ѣдкими сарказмами». Хотя Гладстонъ въ сущности далеко не народный трибунъ, какъ, напримѣръ, Брайтъ, но въ критическіе моменты онъ находилъ въ себѣ достаточно пламеннаго краснорѣчія, чтобъ магически дѣйствовать на народныя толпы, даже сначала настроенныя противъ него. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны двѣ рѣчи, произнесенныя имъ на Блакгитской полянѣ передъ безчисленной народной толпой. Первая изъ нихъ относится къ тому времени, когда въ концѣ его перваго министерства его популярность пошатнулась до того, что нашлись лица въ числѣ его избирателей, которыя потребовали его отставки; онъ явился на судъ своихъ избирателей, но не въ оффиціальный избирательный комитетъ, а на открытую поляну, и въ ненастный осенній день въ одномъ фракѣ, безъ шляпы, говорилъ впродолженіе двухъ часовъ прямо къ народу. Его встрѣтили чуть не свистками, а когда окончилась его рѣчь, въ которой онъ искренно объяснилъ всѣ свои дѣйствія и прямо спросилъ, довѣряютъ ли ему попрежнему избиратели, то раздался такой оглушительный крикъ одобренія, котораго едва ли когда слышалъ другой политическій дѣятель. Вторая рѣчь была произнесена на той же исторической полянѣ, и въ ней Гладстонъ достигъ апогея своей пламенной защиты несчастныхъ христіанъ, угнетаемыхъ на Востокѣ; она отличалась пыломъ средневѣковыхъ крестоносцевъ и возбудила въ слушавшемъ ее народѣ такой религіозный энтузіазмъ, что поднялись крики: «Веди насъ! Веди насъ!», какъ будто дѣло дѣйствительно шло о новомъ крестовомъ походѣ.

«Я могу слушать съ удовольствіемъ самую длинную рѣчь Гладстона, но ни за что на свѣтѣ не могу читать того, что онъ пищетъ», ядовито говорилъ лордъ Биконсфильдъ, а другой болѣе справедливый критикъ остроумно замѣчаетъ: «брошюры и журнальныя статьи Гладстона скелеты рѣчей, въ которыхъ кровь застыла и плоть засохла». Дѣйствительно, если великій старикъ первокласный, а послѣ смерти Брайта абсолютно первый ораторъ въ Англіи, то какъ литераторъ онъ даже не второкласный, и наиболѣе надѣлавшія шума его брошюры: «Болгарскіе ужасы», «Письма къ лорду Абердину о государственныхъ процессахъ въ Неаполѣ» и «Ватиканскіе декреты», представляютъ въ сущности рѣчи, потерявшія половину своей чарующей силы отъ несоотвѣтствующей имъ оболочки печатнаго слова. Что же касается до его многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ журнальныхъ трудовъ, которые появляются чуть не ежемѣсячно впродолженіе многихъ лѣтъ, то въ литературномъ отношеніи они не имѣютъ никакой цѣны; читать ихъ скучно, утомительно и стоитъ большаго труда, чтобъ одолѣть даже его боевыя брошюры, но, конечно, поборовъ непривлекательную,

сухую ихъ форму, читатель невольно поддается вліянію строгой логики его аргументовъ, глубокаго знанія и возвышенныхъ, прогрессивныхъ взглядовъ. Впрочемъ, послѣднимъ достоинствомъ отличаются только его произведенія по вопросамъ политическимъ и общественнымъ, а относительно богословія, нравственности, исторіи и литературы онъ часто высказываетъ очень узкіе, даже отсталые взгляды, благодаря его пуританской религіозной подкладкѣ, которая мѣшаетъ ему усвоить себѣ широкую философскую точку зрѣнія. Кромѣ публициста, въ Гладстонѣ, какъ въ литераторѣ, еще скрываются богословъ и филологъ. По безпристрастной оцѣнкѣ Делингера, онъ лучшій богословъ современной Англіи, и его многочисленныя книги и статьи по богословскимъ вопросамъ всегда обращали на себя глубокое вниманіе по своимъ основательнымъ, научнымъ достоинствамъ, а его брошюры противъ догмата папской непогрѣшимости возбуждали самую горячую полемику. Что касается до его филологическихъ трудовъ, то прекрасно владѣя греческимъ, латинскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ языками, онъ преимущественно извѣстенъ, какъ изслѣдователь Гомера; и такіе компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ, какъ профессоры Джебъ и Фриманъ, хотя не вполнѣ соглашаются со всѣми его гомеровскими теоріями, высказанными въ цѣломъ рядѣ сочиненій, но признаютъ, что «онъ оказалъ такую справедливость Гомеру, какую ему еще никогда не оказывали, и отвоевалъ ему достойное мѣсто среди великихъ поэтовъ, очистивъ его поэму и ея героевъ отъ вѣковыхъ ложныхъ толкованій». Его культу Гомера равняется только его культъ Данте, хотя онъ не посвятилъ послѣднему стольнихъ литературныхъ трудовъ, и еще недавно онъ писалъ одному итальянскому коментатору своего любимаго поэта: «кто работаетъ, изучая Данте, тотъ трудится на благо Италіи, христіанства и всего свѣта». Замѣчательно, что, напечатавъ въ самый разгаръ послѣднихъ выборовъ статью о Данте, онъ въ первые дни своего новаго «народнаго министерства», если не самъ прочелъ, то послалъ въ засѣдавшій въ Лондонѣ конгрессъ оріенталистовъ приготовленный имъ докладъ «О финикійскомъ элементѣ въ поэмахъ Гомера».

«Былъ ли онъ завистливъ? Нѣтъ. Былъ ли онъ раболѣпенъ? Нѣтъ. Былъ ли онъ себялюбивъ? Нѣтъ. Былъ ли онъ тщеславенъ? Нѣтъ. Былъ ли онъ лживъ и коваренъ? Нѣтъ. Но онъ былъ твердъ, какъ сталь, и прозраченъ, какъ стекло». Эти слова, которыми Гладстонъ краснорѣчиво характеризовалъ Маколея, могутъ быть вполнѣ примѣнены къ нему самому, и они служатъ прекраснымъ переходомъ отъ Гладстона, какъ политическаго и общественнаго дѣятеля, къ Гладстону, какъ частному человѣку, потому что у него нѣтъ, какъ у многихъ государственныхъ людей, двухъ мѣрилъ нравственности, одного для общественной жизни, а другаго

для частной. Въ палатѣ общинъ и дома онъ одинъ и тотъ же человѣкъ. «У него нѣтъ ни одного выкупающаго недостатка», злобно говорилъ Дизраэли о своемъ великомъ соперникѣ, и поэтому, какъ ни осыпали грязью его политическую и общественную жизнь, но никто никогда не осмѣлился сочинить ни одной клеветы на него, какъ на человѣка. Частная жизнь великаго старика также поражаетъ удивительнымъ разнообразіемъ; мы уже говорили о немъ, какъ о литераторѣ, филологѣ и богословѣ, но онъ еще образцовый сельскій хозяинъ, долго занимавшійся управленіемъ громадными помѣстьями сына своего школьнаго товарища герцога Ньюкастля и до сихъ поръ заботливо управляющій имѣніемъ своей жены при столь прославленномъ имъ Гаварденскомъ замкѣ, а также пламенный библіофилъ, собравшій прекрасную библіотеку въ 20.000 книгъ. Въ этихъ двухъ метаморфозахъ Гладстона нѣтъ ничего удивительнаго, и онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ его общему характеру, но трудно повѣрить, что въ молодости онъ шесть лѣтъ былъ адвокатомъ, хотя никогда не велъ судебныхъ дѣлъ, славился въ обществѣ, какъ прекрасный теноръ, охотно распѣвавшій на свѣтскихъ музыкальныхъ вечерахъ, и считался ревностнымъ собирателемъ драгоцѣнной коллекціи фарфора и картинъ, которую онъ вынужденъ былъ продать впослѣдствіи, когда, приводя въ порядокъ финансы Англіи, онъ нѣсколько разстроилъ свои собственныя дѣла. Тутъ кстати сказать, что великій старикъ, представляя рѣзкій и въ этомъ отношеніи контрастъ съ Дизраэли, никогда не пользовался политической властью, чтобъ доставить себѣ богатства и почести; напротивъ, пользуясь по наслѣдству отъ отца хорошимъ состояніемъ, онъ поддерживалъ на свои средства необходимое оффиціальное представительство, когда онъ былъ у дѣлъ, и въ послѣдніе года даже нашелъ нужнымъ урѣзать свои частные расходы, чтобъ свести концы съ концами, для чего переѣхалъ изъ роскошнаго дома на Карлтонской Террасѣ, гдѣ онъ жилъ восемнадцать лѣтъ, въ болѣе скромное жилище. Какъ человѣкъ, Гладстонъ физически бодрый старикъ, худощавый, большаго роста, съ обычными англійскими чертами: толстымъ носомъ, толстыми скулами, рѣдкими сѣдыми баками и такими же волосами; только черные глаза, нѣкогда отличавшіеся замѣчательной красотой, а теперь сохранившіе юношескую живость и блескъ, придаютъ его лицу замѣчательный, своеобразный характеръ. Какъ главную основу его нравственныхъ качествъ составляетъ религіозность, такъ въ основѣ его обычаевъ и привычекъ лежитъ удивительная любовь къ порядку; только благодаря этой инстинктивной способности поддерживать порядокъ во всемъ, въ дѣлахъ и въ жизни, въ крупныхъ вещахъ и мелочахъ, онъ могъ и можетъ до сихъ поръ удивлять міръ своей непостижимой разновидной дѣятельностью и громаднымъ трудомъ, который онъ совершаетъ втеченіе сутокъ. Ко-

нечно, большой помощью служатъ ему: удивительная память, которую онъ, однако, постоянно освѣжаетъ ссылками на старательно составленный архивъ, гдѣ въ подлежащихъ коробкахъ хранятся документы и личныя замѣтки по всѣмъ когда либо занимавшимъ его вопросамъ, умѣнье выбирать талантливыхъ секретарей, удивительная способность спать непробудно впродолженіе восьми часовъ ночью и, кромѣ того, заснуть на нѣсколько минутъ во всякое время днемъ, а также не менѣе необыкновенная способность концентрировать свои мысли на данномъ вопросѣ, при полномъ устраненіи въ это время всякой мысли о чемъ либо другомъ. Нельзя не указать и на драгоцѣнное содѣйствіе, которое впродолженіе болѣе пятидесяти лѣтъ оказываетъ великому старику его достойная во всѣхъ отношеніяхъ жена, урожденная миссъ Глинъ; она не только въ полномъ смыслѣ слова подруга его частной жизни, но въ послѣдніе годы является и энергичной помощницей въ его политической и общественной дѣятельности, предсѣдательствуя и произнося рѣчи на многихъ публичныхъ митингахъ. Гладстонъ всегда указывалъ на нее, какъ на великое подспорье въ жизни, и, отпраздновавъ недавно золотую свадьбу, онъ всегда пользовался безоблачнымъ семейнымъ счастьемъ. Изъ семерыхъ своихъ дѣтей онъ потерялъ только двухъ, одного въ дѣтствѣ и старшаго сына въ недавнее время; никто изъ нихъ не выходитъ изъ ряда посредственности, но младшій его сынъ Гербертъ, уже много лѣтъ дѣятельный депутатъ, назначенъ въ новомъ кабинетѣ отца товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Домашняя жизнь Гладстона въ Гаварденскомъ замкѣ самая правильная и спокойная: онъ встаетъ въ семь часовъ, идетъ пѣшкомъ въ сельскую церковь и послѣ утренняго завтрака занимается въ кабинетѣ до двухъ часовъ, потомъ слѣдуютъ второй завтракъ, чтеніе и прогулка; въ семь часовъ онъ обѣдаетъ, потомъ разговариваетъ, играетъ въ карты или въ шашки, слушаетъ музыку и ложится спать въ одиннадцать часовъ. Любимыми его внѣшними развлеченіями служатъ прогулки пѣшкомъ и рубка деревьевъ, которую, однако, въ послѣдніе годы онъ позволяетъ себѣ рѣдко, такъ какъ, не смотря на его удивительное здоровье и крѣпкую натуру, подобное сильное напряженіе мускуловъ можетъ по мнѣнію докторовъ дурно отозваться на его сердцѣ. Всѣ окружающіе великаго старика, какъ родственники и друзья, такъ и политическіе сторонники и сосѣди, питаютъ къ нему самый пламенный культъ, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ, такъ какъ трудно найти человѣка въ частной жизни болѣе добраго, великодушнаго, любезнаго и обходительнаго, чѣмъ народный Вильямъ.

Вотъ какому политическому и общественному дѣятелю, вотъ какому человѣку вручила Англія власть на восемьдесятъ-третьемъ

году его жизни въ очень трудную, критическую для страны минуту. Ему придется разрѣшить не только намѣченную имъ великую задачу ирландскаго самоуправленія, но цѣлый рядъ назрѣвшихъ серьезныхъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики, какъ рабочій, избирательный, церковный, египетскій, афганскій и т. д. Все славное прошедшее Гладстона и первые уже сдѣланные имъ шаги по правительственному пути ручаются въ томъ, что онъ дѣйствительно проявитъ себя на закатѣ своей долголѣтней дѣятельности народнымъ министромъ, какъ его недавно прозвали. Сформировавъ, по общему признанію друзей и враговъ, образцовое министерство изъ счастливой комбинаціи старыхъ опытныхъ государственныхъ людей, молодыхъ силъ и новыхъ элементовъ въ лицѣ рабочаго Бурта, получившаго мѣсто товарища министра торговли, онъ уже отмѣнилъ всѣ существовавшіе въ Ирландіи запретительные законы, дѣятельно составляетъ билль объ ирландскомъ самоуправленіи и публично заявилъ, что будетъ приступлено въ предстоящую парламентскую сессію къ уничтоженію государственной протестантской церкви въ Уэльсѣ, а что при первой возможности правительство займется вопросомъ о сокращеніи рабочихъ часовъ въ угольныхъ копяхъ. Такимъ образомъ уже начался грозный поединокъ между народнымъ министерствомъ и его многочисленными тѣсно сплоченными врагами, между прошедшимъ и будущимъ, между восьмидесятитрехлѣтнимъ старикомъ и неумолимымъ временемъ. Близкое будущее покажетъ результатъ этой Гомеровской борьбы, но во всякомъ случаѣ самъ Гладстонъ не могъ бы желать для своей славной жизни болѣе грандіознаго эпилога, за перипетіями котораго весь свѣтъ слѣдитъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

К. П. Петровъ. Курсъ исторіи русской литературы. Изданіе восьмое, совершенно передѣланное и доведенное до 1891 года. Спб. 1892.

АМЪ НѢСКОЛЬКО знакомъ «Курсъ» г. Петрова, въ его прежнихъ изданіяхъ доведенный до 60-хъ годовъ включительно. Тогда онъ заключался, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая касается новѣйшей русской литературы, въ выпискахъ изъ извѣстныхъ критическихъ статей, а эти выписки были неумѣло связаны въ одну общую массу. Въ результатѣ получался винигретъ изъ самыхъ противоположныхъ воззрѣній и мнѣній, часто одно другое исключающихъ. Не смотря на это, книжка дожила до восьмаго изданія, что̀ отнюдь не свидѣтельствуетъ о цѣнности ея самой, а указываетъ лишь на необходимость обстоятельнаго изслѣдованія по исторіи русской литературы, особенно за настоящее столѣтіе. Не претендуя и въ нынѣшнемъ изданіи «на какую бы то ни было самостоятельность», г. Петровъ тѣмъ не менѣе «передѣлалъ» все свое произведеніе и довелъ до 1891 года, причемъ «въ этомъ изданіи,— заявляетъ авторъ, — мы не примѣнялись ни къ какой программѣ, ни къ какому училищу — обстоятельство, которое едва ли можетъ содѣйствовать быстрому распространенію книги, если къ этому прибавить и значительные недостатки, которые были замѣчены даже нами, когда печатаніе приходило къ концу и когда устранить ихъ было уже невозможно». Что г. Петровъ не держался никакой программы, объ этомъ можно пожалѣть и посовѣтовать ему впередъ непремѣнно составить ее, а потомъ уже приниматься и за исполненіе; а что касается сознанія въ недостаткахъ, то

оно ничуть не искупаетъ вины автора, ибо читателю рѣшительно все равно, что помѣшало г. Петрову выпустить свою книгу въ опрятномъ видѣ. Совершенно было напрасно и «опасеніе» приложить библіографію и указатель: и то, и другое необходимо.

Древній періодъ русской словесности и новый до Пушкина авторъ излагаетъ по трудамъ Галахова и Порфирьева. Изложеніе его сжатое, переходящее очень часто въ голый перечень, при полномъ отсутствіи характеристики изслѣдуемаго автора. Особенностью труда г. Петрова является безцвѣтность, которою онъ сгладилъ весьма немногія и умѣренныя краски, допущенныя въ сочиненіяхъ Порфирьева и Галахова. Можетъ быть, авторъ думалъ замѣстить этотъ недостатокъ общими введеніями, которыя предшествуютъ у него каждому отдѣльному періоду до-пушкинской литературы; но эти введенія на столько «общи» и шаблонны, что, право, не было бы никакого ущерба, если бы они и отсутствовали. Не смотря на несамостоятельность, трудъ г. Петрова и въ этой части изобилуетъ ошибками, самостоятельно имъ надѣланными. При бѣгломъ осмотрѣ и то натыкаешься на нихъ постоянно. Такъ на стр. 130 невѣрно указанъ періодъ изданія «Всякой Всячины». На стр. 133 встрѣчаемъ фразу: «Участвуя въ журналѣ «Всякая Всячина», Екатерина написала нѣсколько статей, которыя, впрочемъ, тамъ не были напечатаны»... Приходишь втупикъ, какимъ образомъ построена эта фраза, и что хочетъ авторъ сказать? Во всякомъ случаѣ, можемъ увѣдомить г. Петрова, что Екатерина участвовала во «Всякой Всячинѣ» и печатала тамъ статьи (см. Шумигорскаго «Государыня-публицистъ»), а «Были и небылицы», о которыхъ онъ трактуетъ далѣе, помѣщены въ «Собесѣдникѣ». На стр. 134 указанъ журналъ «Болтунъ»: такого журнала въ прошломъ вѣкѣ не было. На стр. 213 сказано, что общество Арзамасъ (основано въ 1815 году) издавало «Цвѣтникъ» (1809—1810 г.) и «С.-Петербургскій Вѣстникъ» (1812 г.). Изъ сопоставленія годовъ видна уже нелѣпость; оба журнала издавались «Вольнымъ обществомъ любителей словесности, наукъ и художествъ», которое у г. Петрова названо несовсѣмъ вѣрно. На стр. 215 говорится, что главнымъ предметомъ «Вѣстника Европы» при Каченовскомъ «была исторія русскаго и родственныхъ ему языковъ» (!). На стр. 309 указано, что «Русскій Вѣстникъ» Глинки съ 1824 года «потерялъ значеніе», между тѣмъ какъ онъ просто прекратился. Отказываясь совершенно отъ детальнаго пересмотра промаховъ г. Петрова, мы перейдемъ ко второй его половинѣ труда — исторія литературы послѣ Пушкина. Тутъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе общаго принципа въ группировкѣ писателей. Иногда принимается въ соображеніе направленіе (литература обличительная, новые писатели обличительнаго направленія, умѣренно-либеральные беллетристы, либеральные обличители новыхъ идей, лирика въ тѣсномъ смыслѣ обличительная), то руководствомъ служитъ среда, изображаемая писателемъ (романы и повѣсти, изображающіе современное общество, поэтическія произведенія, касающіяся положенія женщины, изображеніе крестьянскаго быта), то, попросту, отдѣлы, принятые теоріей словесности, или же, наконецъ, являются группы, стоящія совершенно особнякомъ (женщины писательницы, беллетристика восьмидесятыхъ годовъ). Еще больше путаницы въ распредѣленіи подъ эти отдѣлы самыхъ писателей. Такъ въ «изображающіе современное намъ (кому?) общество» попали Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ и друг.; они же, впро-

чемъ, называются и беллетристами 40-хъ годовъ. Въ «либеральные обличители новыхъ идей» опредѣлены Клюшниковъ, Лѣсковъ и Всев. Крестовскій. Въ «лирикѣ чистаго искусства» оказались повинны Вейнбергъ и Михайловъ. Не соблюдать хронологическаго порядка въ трудѣ г. Петрова почти принято за правило. Къ журналистикѣ 30—40 годовъ причислены «Вѣстникъ Европы» (прекратился въ 1830 году), «Благонамѣренный» (прекратился въ 1827 году), альманахъ «Полярная Звѣзда». Въ эпоху императора Александра II попали всѣ славянофилы и западники 40-хъ годовъ. Въ журналистикѣ съ 1856 по 1891 годъ разобраться уже совершенно нельзя; въ этотъ хаосъ г. Петровымъ для вящей полноты занесены даже, вѣроятно, журналы будущаго: «Русскій Историческій Вѣстникъ» и «Вѣстникъ Историческаго Общества». Положимъ, кой-что похожее на это существуетъ; но писать, полагаясь на память, нельзя; добросовѣстность требуетъ, чтобы историкъ не извращалъ ни фактовъ, ни именъ.

Отказываясь отъ самостоятельности въ своемъ трудѣ, г. Петровъ хотѣлъ какъ бы обезопасить себя отъ упрековъ, что онъ занимался пересказомъ трудовъ Галахова, Порфирьева, Скабичевскаго и др. На самомъ дѣлѣ, въ его «Курсѣ» много самостоятельнаго; но это-то и плохо. Полная самостоятельность въ историческомъ трудѣ невозможна; необходимо изучить то, что сдѣлано предшественниками. Г. Петрову, очевидно, неизвѣстны многія сочиненія по исторіи литературы, которыя обойти нельзя. Иначе онъ не назвалъ бы изслѣдованія А. Н. Пыпина «Общественное движеніе при Александрѣ I» «сводомъ фактовъ» изъ исторіи либеральныхъ идей, не сказалъ бы, что словарь Геннади доведенъ до буквы Е, и что словарь С. А. Венгерова «не пошелъ дальше Геннади». Тѣмъ паче осторожно слѣдовало относиться составителю «Курса» къ вопросамъ, стоящимъ внѣ историко-литературной сферы. Если бы онъ писалъ не по вдохновенію, а справившись по компетентнымъ источникамъ, то не сказалъ бы на стр. 305, что разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ «мало имѣло вліянія на науку»; не сказалъ бы онъ также, что сочиненія Котляревскаго «О погребальныхъ обычаяхъ...» и «О балтійскихъ славянахъ» «обличаютъ безпристрастіе ученаго», ибо эта фраза ничего не обличаетъ, и т. п. Перломъ импровизацій г Петрова является то, что онъ приписалъ г. Антоновичу открытіе девонской формаціи [1]! Много самостоятельнаго и въ воззрѣніяхъ г. Петрова, которыя блистаютъ изрѣдка одинокими алмазными крупинками среди чужихъ мыслей. Особенно любитъ онъ слово «патріотическій», которое торчитъ чуть не на каждой страницѣ. Его значеніе сразу было бы трудно понять; но если принять во вниманіе восторгъ г. Петрова, вызываемый въ немъ романами В. В. Крестовскаго, блистательный аттестатъ, выданный въ «Курсѣ» катковскимъ «Русскому Вѣстнику» и «Московскимъ Вѣдомостямъ», и мнѣніе, что къ «Домашней Бесѣдѣ» Аскоченскаго «теперь отнеслись бы съ большимъ уваженіемъ», — если принять все это во вниманіе, то будетъ вполнѣ ясенъ и «патріотизмъ» г. Петрова. Какія дикія вещи заставилъ автора говорить этотъ «патріотизмъ» о «Вѣстникѣ Европы»! «Онъ (то-есть «Вѣстникъ Европы» съ 1865 г.), по словамъ автора «Курса», никогда не отличался опредѣленностью направленія и никогда не достигалъ того зна-

---

[1]) М. А. Антоновичъ обнаружилъ слой девонской формаціи по берегу Западной Двины.

тенія, какимъ пользовался при Карамзинѣ и Каченовскомъ». «Изъ газетъ «Вѣстникъ Европы» ближе всѣхъ къ «Новостямъ». «Когда въ этомъ журналѣ появились послѣднія произведенія Салтыкова, это не увеличило его популярности. Постепенно стѣснился кругъ его читателей: имъ интересуются либералы, судьи, адвокаты не совсѣмъ русскаго происхожденія, читающіе очерки Эртеля, критическія статьи Введенскаго и публицистику Стасюлевича». Не говоря о нелѣпомъ сравненіи журнала М. М. Стасюлевича съ допотопнымъ изданіемъ Карамзина и Каченовскаго, укажемъ г. Петрову, что Эртель отнюдь не значительную роль играетъ среди сотрудниковъ «Вѣстника Европы», а критическихъ статей Введенскаго тамъ нѣтъ ни одной. Не разбираясь въ читателяхъ «Вѣстника Европы» и будучи увѣрены, что г. Петровъ не читаетъ этого журнала, укажемъ еще и на то, что ни сословія, ни званія, ни занятія «либераловъ» не существуетъ, почему и не возможно ставить ихъ на ряду съ судьями и адвокатами какого бы то ни было происхожденія.

Способъ выражаться, слогъ г. Петрова, поражаетъ своей необычайностью, не лишенной подчасъ комизма. Вотъ примѣры, выбранные на удачу: «И. И. Козловъ на 29-мъ году жизни ослѣпъ, и съ этого времени раскрылось его умственное зрѣніе...» (стр. 240). «Талантъ Кольцова выразился сначала въ чтеніи книгъ...» (стр. 271). «Интересный Дневникъ А. В. Никитенко продолжается. Продолжается и Біографія императрицы Маріи Θеодоровны Е. С. Шумигорскаго...» [1]) (стр. 503). «Изрѣдка попадались здѣсь статьи о свободѣ слова, о гласномъ судѣ, нерѣдко слышались нападки на петербургскую бюрократію, а между тѣмъ подписчиковъ было много...» (стр. 550) и т. п. Приводя всѣ эти примѣры, нужно оговориться, что они имѣютъ характеръ случайный, потому что изъ указаній на ошибки и красоты слога «Курса исторіи русской литературы» можно составить цѣлую книгу. Конечно, мы не вдадимся въ подобный трудъ, какъ не возьмемъ на себя и указанія опечатокъ, которыми щедро иллюстрировано все изданіе. Въ заключеніе посовѣтуемъ г. Петрову съ 9-мъ изданіемъ его труда не спѣшить и заново «передѣлать» весь «Курсъ», который въ настоящемъ видѣ, какъ учебное пособіе, конечно, непригоденъ, а, какъ справочная книга, можетъ привести къ многимъ грубымъ заблужденіямъ. М. М.

Θ. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины и рисунки И. И. Шишкина. Спб. 1892.

Настоящій альбомъ представляетъ продолженіе того изданія, которымъ г. Булгаковъ началъ, кажется, съ 1888 года знакомить нашу публику съ дѣятельностію выдающихся русскихъ художниковъ, давая отдѣльные сборники ихъ избранныхъ произведеній. Первыми изъ этихъ художниковъ были гг. Орловскій, Семирадскій и К. Маковскій; настоящій, четвертый, выпускъ посвященъ И. И. Шишкину. Такимъ образомъ, вслѣдъ за историческою живописью и жанромъ уже другой выпускъ отведенъ г. Булгаковымъ пейзажистамъ.

Есть, однако, большая разница между пейзажистами, выбранными г. Булгаковымъ,—между гг. Орловскимъ и Шишкинымъ. Тогда какъ первый даетъ

---

[1]) Гдѣ и какъ продолжается, ничего не сказано.

намъ пейзажъ во всевозможныхъ его формахъ, притомъ не ограничиваясь въ своихъ картинахъ одною какою либо полосою Россіи, Шишкинъ наоборотъ является спеціальнымъ поэтомъ русскаго лѣса и преимущественно сѣвернаго лѣса. Это не значитъ, чтобы Шишкинъ избѣгалъ южной природы, чтобы онъ оставался чуждъ красотамъ южнаго лѣса: его кисть изображала лѣсъ Крыма, Германіи и Швейцаріи, но свою симпатію онъ отдаетъ преимущественно сѣверу. Вѣроятно, это пристрастіе можно объяснить его сѣвернымъ происхожденіемъ; уроженецъ Вятской губерніи, онъ съ дѣтства усвоилъ тѣ съ вида однообразныя, но въ сущности глубокія представленія, которыя должны невольно возбуждать въ каждой чуткой душѣ лѣсá сѣвернаго края ихъ безпредѣльностью и оригинальною красотою какъ общей картины, такъ и ея частностей. Сама природа его родины отразилась на немъ. Достаточно взглянуть на портреты художника, приложенные къ альбому,— одинъ изъ нихъ, писанный покойнымъ Крамскимъ, въ свое время обратилъ на себя общее вниманіе,—чтобы согласиться, что мы имѣемъ дѣло съ цѣльною натурой, чувствующей глубоко и сильно и способной ярко передать свои чувства, съ художникомъ, умѣющимъ закрѣпить на полотнѣ поразившую его природу такъ, какъ онъ ее понимаетъ. Его глубина затѣмъ выразилась не только въ его пристрастіи къ могучимъ мотивамъ природы, но и въ томъ, что онъ ступилъ на совершенно новый путь даже въ прямой области техники. Самая манера употребленія красокъ у Шишкина восьмидесятыхъ годовъ уже совершенно иная, чѣмъ въ картинахъ, писанныхъ имъ въ началѣ его карьеры. Прошлогодняя выставка его этюдовъ въ академіи давала наглядное и рѣзкое подтвержденіе дѣлаемаго замѣчанія; тутъ можно было замѣтить, на сколько подвинулся впередъ русскій пейзажъ вообще, а пейзажъ Шишкина въ особенности. Въ альбомѣ г. Булгакова есть нѣсколько снимковъ, относящихся къ первымъ годамъ дѣятельности Шишкина; по этимъ рисункамъ было бы, пожалуй, трудно узнать теперешняго художника. Онъ измѣнилъ не только манеру письма, но, какъ замѣчено выше, ушелъ далеко и въ своемъ художественномъ пониманіи; природа въ ея нетронутомъ величіи говоритъ его воображенію. И какъ раскрылась передъ нимъ эта природа! Даже и въ суровости сѣверной глуши онъ умѣетъ находить нѣжные, поэтическіе мотивы! И кто изъ посѣтителей выставокъ въ Петербургѣ не испытывалъ на себѣ чувства общенія съ природою, особаго подъема духа, возвращенія къ чему-то забытому, но родному, глядя на «сосны», на «чернолѣсье», на «дубовыя рощи» Шишкина, казалось бы, одинаковыя по ихъ мотивамъ и между тѣмъ столь разнообразныя! Онъ цѣликомъ посвятилъ свой талантъ лѣсу, и лѣсъ въ свою очередь не имѣетъ для него тайнъ. Не смотря на массу картинъ,—Шишкинъ всегда отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ, доказательствомъ котораго, между прочимъ, служитъ безчисленная масса его этюдовъ всевозможныхъ величинъ,—однообразія въ нихъ мы не замѣчаемъ. Шишкинъ дѣйствительный поэтъ «лѣса»: онъ его понимаетъ, любитъ, чувствуетъ его красоты во всякое время—зимою, лѣтомъ, при осенней распутицѣ, въ весеннее половодье, утромъ и вечеромъ, при яркомъ, солнечномъ освѣщеніи и въ туманѣ или ночною порою.

Какъ и другіе пансіонеры академіи, онъ въ свое время посѣтилъ европейскія страны, гдѣ изучалъ и мѣстную природу, и произведенія великихъ мастеровъ пейзажа. Но ни Каламъ и Доде въ Женевѣ, ни Колеръ въ Цюрихѣ, не смотря на ихъ громкое имя, не подчинили его самостоятельной

натуры; онъ остался свободнымъ и независимымъ. Если въ его работахъ, относящихся къ заграничной его жизни, — часть которыхъ имѣется въ снимкахъ и въ альбомѣ г. Булгакова,—и замѣчается нѣкоторая условность и подражаніе манерѣ дюссельдорфской школы, то эта манера исчезаетъ по возвращеніи художника на родину; его постоянныя поѣздки по различнымъ мѣстамъ нашего сѣвера быстро пробуждаютъ его настоящее отношеніе къ природѣ. Идя по этому пути, онъ сталъ такъ близко къ жизни и правдѣ, что любой иностранный пейзажистъ можетъ тутъ научиться у него многому. Для русскаго пейзажиста, по крайней мѣрѣ, но отношенію лѣснаго пейзажа, онъ является положительно создателемъ новой школы, которая уже и теперь оцѣнивается по достоинству всѣми.

Кромѣ живописи масляными красками, И. И. Шишкинъ отдавалъ не мало своего времени рисунку перомъ, офортамъ и гравировкѣ. Въ этой области онъ достигъ рѣдкаго совершенства и, какъ справедливо замѣчаетъ г. Булгаковъ, въ Европѣ найдется не много ему равныхъ. Его рисунки перомъ высоко цѣнятся любителями; въ самомъ дѣлѣ достаточно взглянуть на рисунки: «Мать и мачеха», «Лѣсные цвѣты», «Лѣсная глушь» и др., помѣщенные въ альбомѣ, о которомъ идетъ рѣчь, чтобъ понять, почему собиратели коллекцій ищутъ ихъ такъ усердно.

Изданія г. Булгакова совершенствуются съ каждымъ выпускомъ—это неоспоримо. Альбомъ, посвященный Шишкину, представляетъ собою вполнѣ художественное изданіе. Кромѣ двухъ портретовъ самого художника, онъ заключаетъ въ себѣ сорокъ семь снимковъ съ картинъ, рисунковъ и офортовъ, выполненныхъ фототипическимъ и автотипическимъ способами у Вильборта въ Петербургѣ и Ангерера - Гетте въ Вѣнѣ. Выборъ снимковъ даетъ въ сжатомъ видѣ полную картину развитія таланта Шишкина. Слѣдуетъ надѣяться, что г. Булгаковъ не остановится на полдорогѣ и займется изданіемъ снимковъ съ работъ другихъ нашихъ художниковъ. Онъ окажетъ русскому искусству истинную услугу, популяризируя его лучшія произведенія. Такъ какъ цѣна изданій г. Булгакова продолжаетъ оставаться общедоступною, то можно не сомнѣваться, что и «альбомъ Шишкина» встрѣтитъ въ публикѣ то сочувствіе, какое встрѣтили болѣе ранніе выпуски «Альбома русскихъ художниковъ». З. В.

Д. И. Эварницкій. Исторія запорожскихъ казаковъ. Томъ первый. Съ 22 рисунками. Спб. 1892.

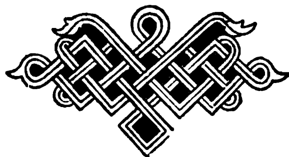
Своеобразная, покрытая поэтической дымкой жизнь запорожскихъ казаковъ давно уже занимала многихъ, давно уже начала привлекать къ себѣ изслѣдователей. Люди, бравшіеся за такое изслѣдованіе, относились къ своему дѣлу съ большой любовью, неутомимо разыскивали памятники запорожской старины, а старина эта сама по себѣ, не смотря на всю свою оригинальность, была такъ проста, такъ несложна, что представить ее вполнѣ вѣрно, воспроизвести, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ было очень легко. Этимъ объясняется то, что трудъ г. Скальковскаго «Исторія новой сѣчи», изданный въ началѣ нашего вѣка и до сихъ поръ не устарѣлъ. Все главное, относящееся какъ къ внутренней, такъ и къ внѣшней исторіи Запорожья, остается въ немъ неизмѣннымъ и до настоящаго времени. Автору приходится только при новыхъ изданіяхъ сообразно новымъ матеріаламъ и рабо-

тамъ измѣнять детали, дѣлать кой-какія дополненія. Въ общемъ, однако, первоначальная оцѣнка и картина жизни Запорожской общины не измѣняется, да врядъ ли и можетъ быть измѣнена. Это доказывается, между прочимъ, трудами г. Эварницкаго, этого неутомимаго изслѣдователя запорожской старины, который вотъ уже втеченіе десяти лѣтъ собираетъ матеріалъ для исторіи Запорожья, раскапываетъ курганы, записываетъ разсказы старожиловъ, пѣсни, роется въ архивахъ и въ общемъ повторяетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ только точнѣе подтверждая новыми данными, то, что уже было сказапо г. Скальковскимъ. Все это, впрочемъ, относится къ общему изображенію жизни Запорожской общины. Что же касается до частностей ея, то несомнѣнно многое еще требуетъ разъясненій и разъясняется трудами изслѣдователей, среди которыхъ главное мѣсто принадлежитъ г. Эварницкому. Результаты его десятилѣтнихъ розысканій довольно значительны. Автору удалось за это время собрать и напечатать («Запорожье въ остаткахъ старины»—2 тома, «Вольности запорожскихъ казаковъ», «Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ», «Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ казаковъ» и мн. др.) такую массу матеріала, что новый общій трудъ по исторіи Запорожья, первый томъ котораго уже вышелъ, далеко не лишенъ значенія.

Томъ этотъ посвященъ внутренней исторіи Запорожской общины и представляетъ собой въ сокращеніи все изданное авторомъ до послѣдняго времени. Послѣ географическаго очерка, заключающаго въ себѣ опредѣленіе границъ запорожскихъ земель, изображенія ихъ климата, флоры и фауны, авторъ даетъ очень полную и обстоятельную картину жизни общины, рисуетъ домашнюю жизнь казаковъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, ихъ отношенія къ сосѣдямъ—полякамъ и татарамъ, говоритъ о ихъ религіозности, о ихъ доходахъ, занятіяхъ мирныхъ и военныхъ и т. д. Все это гораздо по дробнѣе, чѣмъ у Скальковскаго, но въ общемъ — одно и то же. Нѣкоторыя частности, однако, представлены иначе и не лишены интереса. Такъ, напримѣръ, авторъ очень подробно (г. Скальковскій только слегка) останавливается на вопросѣ о грамотности запорожцевъ. Благодаря Боплану и другимъ иностранцамъ, а также пѣснямъ самихъ запорожцевъ, составилось представленіе о казакахъ, какъ о людяхъ невѣжественныхъ, неграмотныхъ. Г. Эварницкій рѣшаетъ вопросъ иначе. По его словамъ, въ Запорожьѣ почти 50°/o было грамотныхъ. Выводъ этотъ основанъ на счетѣ рукоприкладствъ подъ двумя документами 1763 и 1779 гг. Но, во-первыхъ, простая подпись не можетъ совершенно служить мѣриломъ грамотности, а, во-вторыхъ, подъ документами подписались «куренные атаманы и нѣкоторые старики», не простые казаки. То обстоятельство, что въ Сѣчи была собственная школа, а также, что сюда сплошь и рядомъ приходили «ученые и недоученые скудеи» Кіевской академіи, позволяетъ только заключить, что въ Сѣчи было, какъ выразился Антонъ Головатый въ своемъ отвѣтѣ Потемкину, «не безъ грамотныхъ», но не болѣе, и ужъ во всякомъ случаѣ не 50°/o. Такого рода интересныхъ и «новыхъ» частностей въ трудѣ г. Эварницкаго много и, пожалуй, даже очень много. Желая сообщить возможно больше свѣдѣній, авторъ любитъ нагромождать подробности, частности, сплошь и рядомъ приводитъ цѣликомъ длинныя цитаты изъ разнаго рода матеріаловъ вмѣсто того, чтобы ограничиться самой необходимой выдержкой или пересказомъ. Все это въ трудахъ общаго характера, къ которымъ нужно отнести его «Исто-

рію», мѣшаетъ только ясности и популярности изложенія и составляетъ большой недостатокъ. Также точно автору необходимо было избѣгать повтореній, которыя онъ допускаетъ иной разъ. Такъ, напримѣръ, объ отношеніяхъ польскаго духовенства и іезуитовъ къ Украйнѣ онъ говоритъ на стр. 317 и о томъ же, нѣсколько только подробнѣе, на стр. 424. Кромѣ того, остается въ полной силѣ упрекъ, сдѣланный автору г. Житецкимъ по поводу его перваго труда «Запорожье въ остаткахъ старины» (1888 г.). Упрекалъ же г. Житецкій автора за «отсутствіе опредѣленнаго критическаго метода». Г. Эварницкій дѣйствительно пользуется своими источниками безразлично, будетъ ли то документъ, пѣсня, разсказъ, археологическій памятникъ, одинаково довѣрчиво, безъ всякой критической оцѣнки. Г. Житецкій въ своей рецензіи указалъ, между прочимъ, что исторія кн. Мышецкаго, на которую ссылался г. Эварницкій, не можетъ служить историческимъ источникомъ вслѣдствіе неточности заключающихся въ ней данныхъ. Въ настоящемъ своемъ трудѣ г. Эварницкій, однако, продолжаетъ на нее ссылаться, хотя въ двухъ-трехъ мѣстахъ и оговаривается, что сообщенія кн. Мышецкаго сомнительны. Не смотря, однако, на эти недостатки, книжка г. Эварницкаго можетъ имѣть интересъ и значеніе хотя бы по той массѣ этнографическаго матеріала, который въ ней заключается. Два слѣдующихъ тома, по плану автора, будутъ посвящены «фактическому изложенію казацкихъ дѣяній, начиная съ конца XV и кончая второй половиной XVIII вѣка». Было бы желательно, чтобы авторъ, работая надъ ними, внялъ справедливому совѣту г. Житецкаго и болѣе критически относился къ своимъ источникамъ.

В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Бѣдность итальянской литературы и обиліе поэтовъ.—Четыре нувелиста на сотню серьезныхъ писателей.—Современная беллетристика, историческія и научныя сочиненія въ Италіи.—Развитіе испанской литературы: изданія древнихъ документовъ, мемуары и ученыя изслѣдованія.—Книги о Колумбѣ и романы.—Существуетъ ли бельгійская литература и почему нѣтъ литературы швейцарской.—Смерть Лавеле.—Фламандскіе писатели.—Голландская наука и беллетристика.—Педагогическія тенденціи литературы въ Германіи.—Нѣмецкіе романисты, нувелисты и историки.—Шведская литература, мало извѣстная въ Европѣ, но сильно распространенная въ Швеціи.—Особенности норвежской литературы.—Литература въ Греціи.—Научныя и беллетристическія сочиненія въ Венгріи.

ОЧЕРКЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ литературы по іюль 1892 года составленъ въ Атенеумѣ двумя публицистами: бывшимъ министромъ Руджеро Бончи и публицистомъ Джіованни Дзанкони. Книгъ на полуостровѣ вышло въ этомъ году не мало, но это все или новыя изданія, или сборники статей, печатавшихся уже въ періодическихъ изданіяхъ. Критика радуется, что прекратилось наводненіе стиховъ и пѣснопѣній, свирѣпствовавшее въ прошломъ году, хотя большая часть поэтовъ выказали весьма сомнительное дарованіе. Даже такой несомнѣнный талантъ, какъ Джосуэ Кардуччи, не напечаталъ ничего выдающагося. Въ своей послѣдней поэмѣ «Война» онъ вздумалъ прославлять убійства и пролитіе крови, и за это серьезный поэтъ и критикъ Гвидо Фортебраччи (Піетро Браччи) отдѣлалъ его на славу. Зато соперникъ Кардуччи, сициліанецъ Маріо Рапизарди, написалъ нѣсколько хорошихъ вещей, какъ поэма «Эмпедоклъ» и переводы изъ Шеллея. Онъ выпустилъ также третье изданіе своего «Правосудія», сборника соціалистскихъ гимновъ, въ честь народныхъ идеаловъ и страданій. Другой молодой и даровитый поэтъ Альфредо Баччелли, во второмъ изданіи сборника «Diva Natura», звучными, сафическими стансами воспѣваетъ чудеса природы, стараясь соединить поэзію съ наукой. Къ той же цѣли стремится Піетро Черетти въ своихъ «Versi

giovanilli» и «Grullerie poetiche»; это—глубокій мыслитель, но стихи его часто тяжелы и туманны. Онъ не давно умеръ и сдѣлался извѣстенъ только по смерти. Старые поэты Маццони, Костанцо и Марради издали каждый по тому своихъ стиховъ, охотно читаемыхъ. Паскали и Феррари воспѣваютъ сельскую жизнь и семейныя радости. Эліодоръ Ломберди написалъ патріотическую поэму «Калатафима», воспѣвающую подвиги Гарибальди, хотя и нѣсколько вычурными стихами. Большія надежды подаетъ въ своихъ «Paesaggi» очень юный поэтъ Уго Одретти. Успѣхомъ пользовались также: лирикъ и сатирикъ Морелли, графъ Кампителли, измѣнившій поэзіи для политики, поэтессы Аделина де Леви, Ада Негри, въ поэмѣ «Fatalità» и Габріель д'Анунціо въ «Романскихъ элегіяхъ». Хорошихъ повѣстей вышло гораздо меньше, чѣмъ стиховъ: итальянцы читаютъ охотнѣе переводы иностранныхъ писателей, чѣмъ своихъ собственныхъ. Одинъ публицистъ, воспользовавшись англійской идеею, издалъ списокъ «Лучшихъ итальянскихъ книгъ, какія совѣтуютъ читать сто извѣстныхъ современниковъ»; въ списокъ внесено всего четыре нувелиста. Изъ повѣстей большой успѣхъ имѣли: «Il paese di Cuccagni» Матильды Серао и «L'innocente» Габріели д'Аннунціо. Серао, превосходно изучившая жизнь среднихъ классовъ въ Италіи, слѣдуетъ въ своемъ новомъ произведеніи страсть неаполитанцевъ къ обогащенію посредствомъ выигрыша въ лотерею. Д'Аннунціо изображаетъ своихъ соотечественниковъ уже въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ. Еще болѣе порочными женщинами являются героини разсказовъ Амилькара Лаури и Бутти. Дамы романистки, какъ графини Лора и Эмма Переди, маркиза д'Инвреo, пишущая подъ псевдонимомъ Ремиджіо Зена, относятся благодушнѣе къ итальянкамъ. Гораздо серьезнѣе отнесся къ нравамъ и типамъ нашего времени Эдмондъ Амичисъ въ своихъ разсказахъ «Между школой и домомъ»: въ нихъ видно соціалистское направленіе. Разсказы Коррадо Риччи не тенденціозны, но дѣйствуютъ на чувство читателя и возбуждаютъ интересъ также, какъ и произведенія Рахили Сапорати (псевдонимъ—Фульвія), Пометти, Фогацара, де Роберти и Морози. Послѣдній писатель—юмористъ, подражающій Лоренцини, прославившемуся въ публицистикѣ подъ псевдонимомъ Коллоди. На итальянскихъ сценахъ господствуютъ переводныя пьесы, а изъ оригинальныхъ авторовъ лучшіе: Луиджи Кануана, Каландра, Марко Прега и герцогъ д'Андріа. Лучшая драма послѣднихъ десяти лѣтъ—«Le Rozeno» Камилла Траверси. Это картина жизни кокотокъ, списанная съ фотографическою правдою. Изъ отдѣла путешествій большой успѣхъ имѣли двѣ книги: «Итальянецъ въ Америкѣ» Адольфа Росси, журналиста, отправившагося въ Сѣверные штаты искать счастья и бывшаго тамъ піонеромъ, поселенцомъ, слугою, профессоромъ, писателемъ, и «Въ итальянской Африкѣ» Фердинанда Мартини, депутата и теперешняго министра просвѣщенія. Онъ былъ членомъ комисіи, изслѣдовавшей безпорядки въ Массовѣ, и на мѣстѣ изучилъ страну и ея жителей. Изъ серьезныхъ книгъ изданы, по приказанію Льва XIII, латинскія коментаріи на Данте, составленные съ гвельфской точки зрѣнія, въ противоположность гибеллинскимъ коментаріямъ Рикальдоне, изданнымъ три года назадъ по приказанію Гумберта I. Къ дантовской литературѣ относится также «Беатриче въ жизни и въ поэзіи XIII вѣка» (гдѣ окончательно доказано, что Беатриче была дочерью Фолько Портинари) Изидоро дель Лунго, «Послѣднее убѣжище Данта» Коррадо Риччи и «Топохронографія путешествія Данта» Анвели.

Вышло въ свѣтъ много историческихъ и литературныхъ документовъ отъ XIII до XVII вѣка: «Исторія итальянскаго театра въ XVIII столѣтіи» Эрнеста Мази, «Любовныя связи Уго Фосколо» Джіузеппе Кіарини, «Исторія итальянскаго флота» Векки, историческіе этюды Оріана, Костантини, Феличіанжели, Пієрантони, Кроче, Берти, Виллари, Ферраи и др. Лумини издалъ «Реакція въ Тосканѣ въ 1799 году», историческое общество—«Хронику діакона Джіованни». Маццатинти нашелъ и обнародовалъ къ столѣтней годовщинѣ рожденія Россини до трехсотъ любопытныхъ писемъ маэстро.

— Авторъ обзора испанской литературы Хуанъ Ріаньо свидѣтельствуетъ о значительномъ ея развитіи въ послѣднее время. Смерть члена академіи Мануеля Каньета остановила выпускъ въ свѣтъ замѣчательнаго сборника стихотвореній (cancioneri) поэта XII вѣка Хуана де ла Энсина. Этотъ сборникъ по своему литературному значенію можетъ стать на ряду съ великолѣпнымъ изданіемъ академіи гимновъ Богородицы Альфонса X (Las cantiguas di nuestra Senora), о которомъ мы говорили при обзорѣ испанской литературы за прошлый годъ. Академія же издала два первые тома полнаго собранія сочиненій Лопе де Веги, гдѣ помѣщены его «Autos y Coloquios». Остановилось также изданіе исторической академіи каталонской хроники въ 1614—1653 году, во время занятія этой провинціи французами: академикъ Пухольо Камисъ, отыскавшій эту хронику въ архивахъ Барселоны, умеръ въ концѣ 1891 года. Академикъ Фабра напечаталъ шесть томовъ колекціи неизданныхъ документовъ, относящихся къ прежнимъ владѣніямъ Испаніи за моремъ (Antiguas posesiones espanolas en altramar). Въ пяти томахъ этого сборника помѣщены старые законы по управленію Индіями, въ шестомъ— описаніе острова Кубы. Эта же академія издаетъ свой «Bolatin», съ любопытными историческими памятниками, иберійскими, финикійскими, римскими надписями, описаніемъ еврейскихъ и арабскихъ древностей, остатковъ доисторической эпохи и т. п. Въ колекціи рѣдкихъ и любопытныхъ книгъ (libros raros y curiosos) вышли, подъ названіемъ: «Пій IV и Филиппъ II», офиціальные документы Луиса де Реквесенса, испанскаго посланника въ Римѣ. Тѣ же документы появились и въ другомъ изданіи, съ прибавкою писемъ Хуана Суньиги, брата Луиса, и также бывшаго пасломъ Филиппа II и вицекороля Неаполя. Въ этомъ же изданіи помѣщена переписка Филиппа съ нѣмецкими принцами 1556—1598 гг., хроника временъ Іоанна II 1428—1434 гг. и другіе документы. Герцогиня Альба продолжаетъ издавать рукописи своего фамильнаго архива; многіе изъ этихъ документовъ видимо печатаются съ цѣлью обѣлить память свирѣпаго палача Нидерландовъ. Молодой академикъ Антоніо Вилья издалъ историческій этюдъ «Хуана — безумная» (Juana la Loca), въ которомъ доказываетъ, что умственныя способности королевы помрачились тотчасъ вслѣдъ за смертью ея мужа эрцгерцога Филиппа и что своимъ заключеніемъ въ Тордесильясѣ, подъ присмотромъ маркиза Сандоваль, она обязана своему отцу, королю Фердинанду. Ея отказъ отъ посѣщенія церкви, отъ исповѣди и причастія происходилъ, по свидѣтельству автора, отъ ея умственнаго растройства и не имѣлъ никакого отношенія къ ереси Лютера. Авторъ описываетъ также любопытное возстаніе комунъ, пытавшихся уже въ эту эпоху ввести въ Испаніи родъ федеральной республики, и свидѣтельствуетъ, что въ 1507 году король Англіи Генрихъ VII просилъ, черезъ своего посла, руки Хуаны, зная, что она помѣшана. Про-

цвѣтаетъ также исторія отдѣльныхъ провинцій и городовъ не только такихъ, какъ Сіудадреаль въ Ламанчѣ или Толедо, у котораго нашлось бы три, четыре историка, но и такихъ мѣстечекъ, какъ Харандилья въ Эстремадурѣ и Аркосъ де ла Фронтера въ Андалузіи. Напрасно только выходятъ книги на провинціальныхъ діалектахъ, какъ на провансальскомъ, въ Каталоніи и Валенсіи и на языкѣ Эйскара въ трехъ баскскихъ провинціяхъ. Подобныя изданія доказываютъ только, что духъ партикуляризма и сепаратизма далеко не исчезъ въ Испаніи. Викторъ Балагуэръ, историкъ, поэтъ и министръ въ кабинетѣ Сагасты, пишетъ въ одно время на кастильскомъ и каталонскомъ нарѣчіи. Его изслѣдованія по исторіи Арагона пользуются такимъ же успѣхомъ, какъ и его трагедіи. Подъ руководствомъ перваго министра Кановаса дель Кастильо, члены академіи предприняли изданіе исторіи Испаніи съ цѣлью провѣрки и примиренія противоположныхъ мнѣній лѣтописцевъ. По случаю четырехсотлѣтней годовщины открытія новаго свѣта, вышло множество сочиненій, относящихся къ Колумбу и его сподвижникамъ. Вышелъ переводъ біографіи Колумба, составленной его сыномъ Фердинандомъ и напечатанной на итальянскомъ языкѣ, въ Венеціи, въ 1570 году, Альфонсомъ де Уллоа. Въ Севильѣ Хозе-Марія Асенсіо издалъ въ двухъ томахъ in-folio съ многочисленными рисунками «Кристоваль Колонъ, его жизнь, его путешествія и его открытія» (Cristoval Colon, su vida, sus viajes, sus descubrimientos). О журналѣ «Centenario», издаваемомъ въ память той же годовщины, мы уже говорили въ «Заграничныхъ историческихъ новостяхъ». Къ эпохѣ Колумба относится открытіе трехъ томовъ рукописей Ласказаса, епископа Чіапы, сопутствовавшаго Колумбу въ его четвертомъ путешествіи. Манускриптъ, «апостола Индій», хранился въ монастырѣ Вальядолида, гдѣ епископъ провелъ конецъ своей жизни; съ закрытіемъ монастыря въ 1836 году библіотека была расхищена, но драгоцѣнный документъ сохранился случайно. Вышло также много этнографическихъ и географическихъ сочиненій о разныхъ странахъ Америки и Африки. Описывая найденное въ соборѣ Севильи знамя цеха портныхъ, Пересъ отыскалъ въ церковныхъ архивахъ имена 143 художниковъ, живописцевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, работавшихъ въ Севильѣ отъ XIV до XVIII столѣтія, тогда какъ Бермудесъ въ своей исторіи искуствъ насчитываетъ только 18 такихъ художниковъ во всей Испаніи. Поэзія не процвѣтаетъ на полуостровѣ. Поэма Кампоамора «Лиценціатъ Торральба» въ 8 пѣсняхъ очень слаба. Изъ лирическихъ и драматическихъ произведеній нельзя назвать ничего выдающагося. Не богатъ и отдѣлъ беллетристики, а рубрика салонныхъ произведеній (libros de entretenimiento) наполнена только переводами. Эмилія Пардо Базанъ не пишетъ больше романовъ, а издаетъ критическій журналъ, наполняемый только ея статьями и разборомъ чужихъ сочиненій. Изъ разсказовъ большой успѣхъ имѣли «Мелочи» (Menudencias) Мильяма, написанныя въ опроверженіе сатиры іезуита Луиса Колона на испанское общество «Pequeneces», выдержавшей восемь изданій (мы говорили объ ней въ обзорѣ прошлаго года). Замѣчательно, что въ Испаніи читаютъ гораздо болѣе серьезныя книги, чѣмъ романы. Графъ Торреанасъ написалъ изслѣдованіе объ управленіи Кастиліею въ средніе вѣка, Аскаретъ—о парламентскомъ режимѣ, Кановасъ дель Кастильо «о соціальныхъ задачахъ»—рядъ лекцій, читанныхъ имъ два года назадъ, когда онъ еще не былъ первымъ министромъ. На эти задачи мадридскій епископъ

написалъ возраженіе. Вышли также: исторія прессы въ Севильѣ и «Пресса въ Мадридѣ въ XVII вѣкѣ» Переса Пастора.

— Первый разъ послѣ 22-хъ лѣтъ подпись Эмиля Лавеле не встрѣчается подъ обзоромъ бельгійской литературы. Талантливый публицистъ и экономистъ умеръ въ концѣ января, не окончивъ сочиненія, въ которомъ хотѣлъ резюмировать свои политико-экономическія идеи. Чисто политическія идеи его сосредоточены въ предсмертномъ трудѣ его: «Правительство въ демократіи», получившемъ въ Бельгіи премію въ 5.000 франковъ, выдаваемую за лучшее сочиненіе по отдѣлу нравственныхъ и политическихъ наукъ. По слѣдамъ этого фламандца, писавшаго прекраснымъ французскимъ языкомъ серьезныя книги и оставившимъ только одну повѣсть «Марина», Эррера издалъ въ Брюсселѣ изслѣдованіе объ общинномъ владѣніи въ Бельгіи, Вандервельде—о профессіональныхъ асоціаціяхъ ремесленниковъ и рабочихъ. Это сочиненіе въ чисто соціалистскомъ духѣ; нѣсколько умѣреннѣе «этюды о рабочемъ вопросѣ» Квелера, Ришальда—«О финансахъ бельгійскихъ общинъ». Докторъ Франконъ въ своей «Уголовной антропологіи» излагаетъ теорію Ломброзо и антропометрическія измѣренія Бертильона; Франкъ—«Опытъ о политическомъ положеніи женщины» (получилъ премію); Комбъ—«Цивилизацію животныхъ». Іезуитъ Делатръ представилъ выводъ успѣховъ ассиріологіи за послѣднія 11-ть лѣтъ, Вальтцинъ—успѣховъ латинской эпиграфіи за полстолѣтія, Рейсенсъ—«Основанія палеографіи и средневѣковой дипломатики»; Лево разсказываетъ послѣднюю войну на Балканахъ въ біографіи «Гази Османъ-паши». Вышло много книгъ по исторія Бельгіи. Нисъ написалъ «Политическія теоріи и международное право во Франціи до XVIII вѣка». Романовъ и повѣстей въ Бельгія выходитъ очень много, хотя всѣ они гораздо слабѣе французскихъ. Морисъ Метерлинкъ, странныя пьесы котораго нигдѣ не имѣли успѣха, хотя ихъ давали въ Парижѣ, Лондонѣ, Копенгагенѣ и Брюсселѣ, отказался отъ награды, присужденной ему за трагедію «Принцесса Малейнъ». Новыя драмы его: «Семь принцевъ» и «Пелей и Мелизандра», ничего не прибавляютъ къ его сомнительной извѣстности. Стиховъ вышло 15 сборниковъ, но между ними ничего выдающагося. Для чего, вообще, бельгійскую литературу выдѣлять изъ французской,—мы не видимъ причины: въ романской Швейцаріи, въ Женевѣ, Лозанѣ, выходитъ гораздо больше замѣчательныхъ произведеній, но вѣдь не причисляютъ же ихъ къ швейцарской литературѣ. Выходятъ въ Бельгіи книги и на фламандскомъ нарѣчіи, но и его можно отнести къ голландскому языку. Фламандцы пишутъ историческія и философскія сочиненія, но кому они извѣстны въ Европѣ? Фредериксъ написалъ любопытное изслѣдованіе объ антверпенской сектѣ либертиновъ XVI вѣка, но кто же будетъ читать его трудъ на вымирающемъ діалектѣ, которымъ говоритъ горсть простолюдиновъ и сотня интеллигентовъ? Поттеръ описываетъ нравы и обычаи фламандцевъ XIII и XIV вѣка, Стиниссенъ бросаетъ «взглядъ на школу въ XVI вѣка» (Een Blik in de school der 16 Eeuw); самъ Фредериксъ, авторъ обзора литературы въ Атенеумѣ, написалъ исторію инквизиціи въ Нидерландахъ,—но кому это нужно читать пофламандски?—и самъ авторъ сознается, что эти книги гораздо охотнѣе читаются въ Голландіи, куда ихъ и слѣдуетъ отнести.

— Де-Бееръ, авторъ очерка голландской литературы, говоритъ, что на этомъ языкѣ выходитъ больше всего учебниковъ и школьныхъ книгъ. Затѣмъ слѣдуютъ книги богословскія: Пирсонъ издалъ три выпуска этюдовъ

о Кальвинѣ, 85-ти-лѣтній капелланъ королевы, Кетевельдъ, написалъ о женщинѣ въ библіи (Den Vrouv in den Bijbel), Ньювенгой — о жизни Лойолы, профессоръ малайскаго языка Гроотъ — о религіозной системѣ китайцевъ. Изъ историческихъ трудовъ выдаются: очеркъ парламентской исторіи Голландіи съ 1849 года — барона Денгара и четыре тома этюдовъ соціализма — профессора Квака. Исторію Нидерландовъ издали Блокъ, Бругмансъ и Мейгофъ. Теръ-Гоувъ, у котораго собственный музей древностей въ Амстердамѣ, издалъ седьмой томъ исторіи этого города, доведенный до 1578 года; Блиндъ — «Нидерланды и ихъ жители» — географико-этнографическій этюдъ. Голландская беллетристика состоитъ изъ переводныхъ романовъ Золя и подражаній французскимъ нувеллистамъ. Поэтесса Елена Свартъ пишетъ элегіи на голландскомъ и французскомъ языкахъ; докторъ Логхетъ, пишущій подъ псевдонимомъ Fiore della Neve, издалъ романтическую поэму «Вальтеръ», дѣйствіе которой происходитъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ маленькомъ нѣмецкомъ княжествѣ. Голландцы изучаютъ и своихъ старыхъ писателей: о комедіяхъ Лангендика вышло два обширныхъ этюда, о произведеніяхъ Вильдердійка обширное изслѣдованіе, котораго врядъ ли заслуживалъ этотъ антилиберальный авторъ. Изъ романистовъ болѣе другихъ читаютъ Коуперуса, Вергена и Клеефетра. Повѣсти дѣвицы Рейнваанъ очень идеальны и сентиментальны; другія писательницы: Іоганна ван-Вааде и Гоогебоомсъ, Слоотъ, Корнелія Гюйгенсъ, Виргинія Ловелингъ пользуются большимъ успѣхомъ. На сценѣ успѣхъ имѣли трагедія Маальгринка — «Клеопатра», роскошно поставленная, и пьесы дѣвицъ Снейдерсъ и Виссекерке.

— Авторъ очерка нѣмецкой литературы Циммерманъ находитъ, что нѣмцы прежде всего по натурѣ — учители не только за письменнымъ столомъ, но и на тронѣ и передъ строемъ войска. Гете и Шиллеръ говорили, что цѣль поэта—воспитать человѣческое поколѣніе. Каульбахъ и Корнеліусъ въ своихъ картинахъ учили исторіи. Первый франко-германскій императоръ, Карлъ великій, основалъ школы для дѣтей своихъ перовъ и самъ экзаменовалъ учениковъ. Вильгельмъ II началъ свое царствованіе съ преобразованія прусскихъ гимназій и даже преподаванія исторіи, предписывая прежде всего ознакомиться съ Седаномъ и Росбахомъ, и потомъ уже съ Өермопилами. Трактатъ «Рембрандтъ, какъ воспитатель», возбудившій годъ тому назадъ столько толковъ въ Германіи, вызвалъ множество памфлетовъ педагогическаго содержанія; даже Феликсъ Данъ, авторъ археологическихъ и историческихъ романовъ, написалъ брошюру «Мольтке, какъ воспитатель». Довольно сухія и скучныя записки этого молчаливаго стратега, его переписка съ родными, явно пристрастная исторія послѣдней франко-прусской войны считаются Даномъ «національною книгою Германіи, библіею для народа, особенно для молодежи, нуждающейся въ самой строгой дисциплинѣ». Авторъ «Рембрандта, какъ воспитателя» ставитъ педагогическимъ идеаломъ полную свободу и безпрепятственное развитіе индивидуума. Данъ видитъ этотъ идеалъ въ субординаціи, въ солдатчинѣ, въ безпрекословной покорности приказамъ свыше. Эти два діаметрально противоположные взгляда раздѣляетъ и все нѣмецкое общество, въ литературѣ они выражаются въ реализмѣ и идеализмѣ. Въ поэзіи стремленіе къ независимости принимаетъ нерѣдко соціалистскій оттѣнокъ, какъ въ «Пѣсняхъ изъ Тюрингіи» Баумбаха или посмертныхъ поэмахъ Шеффеля и Грегоровіуса. Еще рѣзче этотъ оттѣнокъ выказывается въ стихахъ Морица Рейнгольда Стерна, лифляндскаго

уроженца, воспѣвающаго въ лѣсахъ южной Америки Балтійскій край и вражду къ Россіи, которой поэтъ обязанъ своимъ воспитаніемъ. Поэмы Карла Генкеля проникнуты уже совершенно революціоннымъ духомъ, а поэтъ пролетаріевъ, Гейеръ, въ своемъ посланіи «Дай намъ хлѣба, императоръ!» (Gib uns Brodt, Kaiser) взываетъ къ «императору рабочихъ». Наконецъ, поэтъ Джонъ Макай, хотя и родственникъ американскаго милліонера, прямо отрицается отъ всѣхъ благъ цивилизація, признавая, что только анархизмъ можетъ содѣйствовать развитію человѣка. Придворный драматургъ, Вильденбрухъ, написалъ «Сказочную шутку» (Märchenschwank), моральный діалогъ въ формѣ аллегоріи и средневѣковыхъ мистерій. Понравившаяся въ высшихъ сферахъ, эта неудобоваримая мистерія встрѣтила строгое, но справедливое осужденіе критики. Драмы Судермана «Честь», взятая изъ отношеній богатыхъ фабрикантовъ къ ихъ рабочимъ, и Лудвига Фульда «Потерянный рай» и «Рабыня» изъ семейной жизни мелкихъ бюргеровъ—имѣютъ гораздо больше сценическаго и литературнаго значенія. Еще выше въ этомъ отношеніи драма Рихарда Фосса «Новыя времена», гдѣ выведенъ мастерски типъ строгаго пастора, принужденнаго отказать въ христіанскомъ погребеніи своей отравившейся женѣ. Послѣднія пьесы Пауля Гейзе такъ же слабы, какъ и его повѣсти. Гораздо большимъ успѣхомъ пользуются разсказы Конрада Мейера, Фонтана и Маріи Эбнеръ-Эшенбахъ, австрійской романистки, и еще двухъ австрійцевъ: Фердинанда Саара и Давида. Эксцентрическій и талантливый нувеллистъ Гейнцъ Товоте издалъ томъ разсказовъ изъ жизни берлинскихъ оригиналовъ «Frühlingssturm» и сборникъ повѣстей подъ заглавіемъ «Ich». Повѣсть съ педагогическимъ направленіемъ Адольфа Вильбранта «Германъ Ифингеръ» имѣла большой успѣхъ. Дѣйствіе происходитъ въ артистическихъ кружкахъ Мюнхена и Вѣны, что̀ даетъ возможность автору набросать нѣсколько меткихъ портретовъ художниковъ, писателей, артистовъ. Герой разсказа—олицетворенный «категорическій императивъ» Канта, «отпугивавшій грацій», по словамъ Шиллера. Патріотическимъ направленіемъ отличаются разсказы Гейберга «Смертные грѣхи» и «Высшая любовь молчитъ»; романъ Осипа Шубина (Лолы Киршнеръ) «Годы ученія и странствованій графини Фричи» носитъ явный оттѣнокъ австрійскихъ тенденцій автора. Борьба Бисмарка съ Вильгельмомъ II, обострившаяся до крайнихъ предѣловъ, изъ газетъ перешла въ брошюры и даже такія объемистыя изданія, какъ собраніе рѣчей канцлера, выходящее въ 14-ти томахъ. Замѣчательна «Памятная книга Бисмарка» (Bismarck-Gedenkbuch), Горста Кона, составившаго сборникъ изреченій канцлера по всѣмъ вопросамъ политической и общественной жизни. Вышла любопытная біографія генерала Герлаха, друга Фридриха-Вильгельма IV, главы партіи ретроградовъ. Этотъ Герлахъ отсовѣтовалъ прусскому королю принять титулъ германскаго императора, предложенный ему франкфуртскимъ парламентомъ 1849 года, тогда какъ Бунзенъ и Радовицъ, не бывши пруссаками, совѣтовали это. Король хотѣлъ, чтобы его выбрали торжественно, соборомъ, всѣ нѣмецкіе короли и князья, какъ императора Конрада. Черезъ 20 лѣтъ Вильгельмъ I удовольствовался признаніемъ князей, бывшихъ въ его войскѣ, да полупомѣшаннаго баварскаго короля. Интересна «Жизнь Макса Дункера» не только какъ историка, но и какъ политическаго дѣятеля, близкаго совѣтника Фридриха III. Вышли также біографіи матери Гете, Грильпарцера, Лессинга, Шиллера, Кернера, Ленау, Карла Газе, 90-лѣтняго свободномыслящаго бо-

гослова, прозваннаго протестантскимъ папою и передающаго свои бесѣды съ Гете и Бисмаркомъ; Антона Шпрингера, сына чешскаго пивовара, профессора исторіи искуствъ, называющаго себя тройнымъ ренегатомъ, такъ какъ онъ изъ славянина сдѣлался нѣмцемъ, изъ католика—протестантомъ, изъ австрійца—пруссакомъ. Изъ большихъ историческихъ трудовъ замѣчательны «Нѣмецкая исторія» Дитмара и другая—Бруно Гебгардта. Философскихъ книгъ немало, вышла даже «Философія будущаго», но весьма туманная, а даровитый Морицъ Каріеръ думаетъ побѣдить матеріализмъ—гипнотизмомъ. Вышла даже «Психологія внушенія», для которой сочинили особый терминъ: Psychologie des Suggestionismus. Судьба бѣднаго философа Нитцше, окончательно посаженнаго въ домъ сумасшедшихъ, не заслуживала бы такихъ рѣзкихъ нападковъ, съ какими обрушились на него Гуго Каатцъ въ своемъ «Міросозерцаніи Нитцше» и Куртъ Эйснеръ въ «Умственной психопатіи» (Psychopathia spiritualis).

— Авторъ очерка шведской литературы Гуго Тигершіольдъ сознается, что языкъ этотъ мало распространенъ въ Европѣ, но зато почти каждый образованный шведъ близко знакомъ съ исторіей своей литературы и съ ея новѣйшими произведеніями, чего нельзя сказать о другихъ націяхъ. Между интелигентными финляндцами также очень много читателей шведскихъ книгъ. Поэзія процвѣтаетъ въ странѣ, такъ богато надѣленной великолѣпными пейзажами. Но шведскіе поэты, какъ Рядбергъ, Мелинъ, Бекманъ, Фредингъ, разработываютъ и соціальные вопросы въ своихъ произведеніяхъ. Левертинъ, нувеллистъ съ революціонными тенденціями и историкъ литературы, издалъ томъ легендъ и балладъ (Legender och Visor) изъ восточной жизни, Гейзенсталь написалъ романъ въ стихахъ и прозѣ «Гансъ Аліенусъ». Герой—человѣкъ, какимъ долженъ быть, по мнѣнію автора: онъ долженъ жить не анализируя, а наслаждаясь. Недовольный настоящимъ, Аліенусъ живетъ въ прошедшемъ, посѣщаетъ дворъ Сарданапала, знакомится съ Пилатомъ Понтійскимъ, дѣлается цезаремъ, наконецъ богомъ, но не находя ни въ чемъ удовлетворенія своимъ желаніямъ, убиваетъ себя. Какъ лирическіе поэты, пользуются извѣстностью Вирсенъ, Снойльскій и Боотъ. Въ глубокой старости умерла талантливая романистка Эмилія Флигаре-Карленъ. Важный государственный дѣятель, пишущій подъ псевдонимомъ Гораціо, изображаетъ мастерски внутреннюю жизнь шведскаго народа въ романѣ «Человѣкъ за бортомъ» (En man öfner bord). Матильда Роосъ, Викстремъ, Лундквистъ, Альма Винебергъ, Сельма Лагерлефъ пишутъ интересныя повѣсти. Но самый популярный разсказчикъ Геденстіерна — псевдонимъ Сигурдъ. Лучшіе драматурги—Спріндбергъ и Гедбергъ. Исторію литературы разработываютъ Льюнггренъ, Геeръ, Норденсванъ. Гединъ издалъ замѣчательное путешествіе въ Персію, Шверинъ—по Африкѣ.

— Литература fin de siècle процвѣтаетъ въ Норвегіи не меньше, чѣмъ во Франціи. Послѣдній романъ Арна Герберга, выдержавшій три изданія, «Утомленные люди» (Traelte maend) рисуетъ декадентовъ, и герой его, испытавъ во всемъ разочарованія, обращается къ христіанству. Сцены изъ народной жизни мастерски изображаютъ Дибфестъ, Кригъ, Аанрудъ, Савне, Лей, Амалія Скрамъ и Габріель Финне. Странно, что въ Норвегіи поэтовъ гораздо меньше, чѣмъ въ Швеціи; но недавно вышли замѣчательныя лирическія произведенія Теодора Каспари. Изъ молодыхъ поэтовъ много обѣщаетъ Розенкранцъ Іонсенъ. Драматическая литература въ упадкѣ. Лучшій

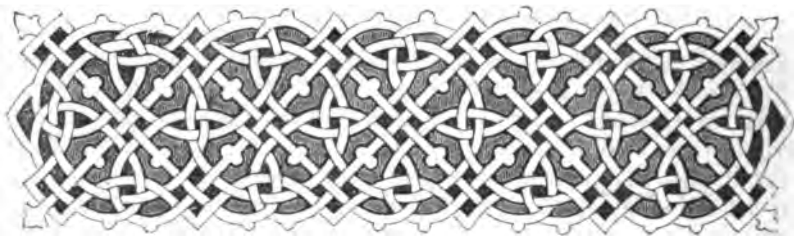
сценическій авторъ—Гіальмаръ Кристенсенъ; Вальсетъ, Булль и Виллумъ поставили нѣсколько удачныхъ пьесъ. Романистъ Кьеландъ издалъ любопытное этнографическое изслѣдованіе Ставангера. Научными достоинствами отличаются очерки Финмаркена—Фріиса, Гренландіи—Фритгіофа Нансена въ его «Жизни эскимосовъ» и Кительсена — описаніе Лафоденскихъ острововъ. Вышли мемуары Кристофера-Кристоферсена объ эпохѣ, когда Норвегія вполнѣ зависѣла отъ Швеціи. Клара Чуди, составившая біографію императрицы Евгеніи, издала «Жизнь императрицы Августы», профессоръ Стормъ написалъ замѣчательную монографію о Маріи Стюартъ. Скавланъ издалъ исторію воспитанія въ Норвегіи, Генрихъ Іегеръ (авторъ очерка норвежской литературы въ «Атенеумѣ»)—исторію литературы. По отдѣлу философіи изданы этюды Фастинга Гальворсена—о метафизикѣ, Бугге и Гелланда. Вышла первая часть собранія сочиненій (Samlade scrifted) Камиллы Коллетъ, адвокатки и защитницы женскихъ правъ. Коновъ издалъ норвежскій конверсаціонс-лексиконъ, по образцу Кюршнеровскаго. О датской литературѣ «Атенеумъ» почему-то не говоритъ ни слова, а она гораздо болѣе самостоятельна, чѣмъ норвежская.

— Спиридіонъ Ламбросъ сообщаетъ не много свѣдѣній о литературѣ Греціи. Изъ поэтическихъ произведеній замѣчательна еженедѣльная газета «Современный Грекъ», гдѣ всѣ статьи отъ заголовка до объявленій—въ стихахъ. Издаетъ ее Георгій Сурисъ, сатирикъ, безъ пощады бичующій современную продажность, политическую безтолочь и безхарактерность. Молодой поэтъ Николай Даміаносъ издалъ сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Море» (Thalassa), полный одушевленія, любви къ природѣ и морской жизни. Вдова драматурга Коккоса издала томъ его посмертныхъ стихотвореній, озаглавленный «Перлы». Лучшіе разсказы являются въ журналахъ, гдѣ почетное мѣсто занимаютъ имена и произведенія Карковитцаса, Пападіамантиса, Ксенопулоса, Морантидиса, Кристаллиса. Бикеласъ выпустилъ второе изданіе своего «Лукисъ-Лараса». Повѣсти пишутъ и такія лица, какъ Психарисъ, послѣдователь Ренана и профессоръ новогреческаго языка въ Парижѣ, и Полилосъ изъ Корфу, переводчикъ Шекспира. Александросъ Паллисъ перевелъ на современный греческій языкъ первыя шесть пѣсенъ Иліады и Антигону Софокла. Анастасій Цакасъ написалъ критическіе коментаріи къ Софоклу, Аѳанасій Понадопулосъ Керамеусъ печатаетъ каталогъ греческихъ рукописей, хранящихся въ патріаршихъ библіотекахъ Іерусалима и Константинополя. Петербургское палестинское общество оказываетъ помощь этому изданію. Историческіе труды еще болѣе цѣнны: Трифонъ Евангелидесъ издаетъ исторію Коса, Кофиніотисъ, извѣстный раскопками въ Аргосѣ,—исторію этого города. Константинъ Цесіу издалъ изслѣдованіе о средневѣковыхъ надписяхъ въ Пелопонесѣ, золотыхъ буллахъ Михаила и Андроника Палеологовъ и осадѣ и взятіи Акрополя венеціанцами. Ламбросъ перевелъ съ французскаго новѣйшія изслѣдованія о мученической смерти въ 1798 году Риги и его сообщниковъ. Эпаминондъ Киріакидесъ издалъ первый томъ «Исторіи современной Греціи» до 1858 года. Карасидосъ выпустилъ также первый томъ введенія въ исторію XIX столѣтія. Ификратъ Коккидесъ написалъ военную географію Греціи.

— Венгерская литература занимаетъ послѣднее мѣсто въ исторіи европейской культуры, хотя мадьяры силятся играть выдающуюся роль и въ цивилизаціи, какъ въ политикѣ. Генрикъ Марчали издалъ даже: «Исторію

цивилизаціи въ Венгріи и серьезные этюды: Время Іосифа II», «Исторію Маріи-Терезіи» и «Исторію нашего времени отъ 1825 по 1880»; Фракной—«Меморіалъ венгерскихъ сеймовъ», Кирали — монографію Дакіи; Кальмовъ Демко—исторію обычаевъ и городовъ сѣверной Венгріи въ XV и XVI вѣкахъ. Гіулай Лазарь написалъ четыре тома исторіи Россіи. Можно себѣ представить, что это за исторія! Ласло Ковари представилъ историческую и археологическую картину Трансильваніи, Ракоши—«Лютеръ въ Вормсѣ», Вертгеймеръ—«Австрія и Венгрія въ первую декаду XIX вѣка». Въ беллетристикѣ большимъ успѣхомъ пользуется Порзо (докторъ Адольфъ Агай), воскресный фельетонистъ еженедѣльныхъ газетъ. Его сборникъ юмористическихъ очерковъ «Прахъ и пепелъ» вышелъ вторымъ изданіемъ, что большая рѣдкость въ Венгріи. Іокай издалъ двѣ новыхъ повѣсти, даровитый Вадной—разсказы «Дочери Евы», Миксатъ—«Очерки парламентской жизни». Нувеллистовъ много, но всѣ они дивятъ свой только муравейникъ. Изъ нихъ выдаются: Сипалусъ, подражатель Марка Твена, Герчегъ—Мопассана, Юстъ, подражающій русскимъ и шведскимъ романистамъ. Изъ драматическихъ произведеній можно назвать только «Графиню Вѣру»—Дочи и «Демона»—Варади. Изъ поэтовъ Сабольска подражаетъ Петефи, а Косма—Арани. Мункачи перевелъ пѣсни вогуловъ и издалъ словарь вотякскаго языка, въ силу племеннаго родства мадьяръ съ финнами. Балашко составилъ серьезный филологическій этюдъ о мадьярскихъ діалектахъ. Вамбери издалъ изслѣдованія о персидской и джагатайской этнографіи и въ третій разъ выпустилъ изданіе своего путешествія по центральной Азіи, теперь уже значительно устарѣвшее. Этнографія потеряла двухъ замѣчательныхъ филологовъ: Гунфальви и Іосифа Буденца, знатока алтайскихъ и угрскихъ діалектовъ. Венгерская академія издала «Филологическій словарь на историческихъ основахъ» и стратегическія сочиненія поэта генерала графа Николая Цриви, доблестнаго защитника крѣпости Сигетъ.

СМѢСЬ.

КОНГРЕСЪ доисторической археологіи въ Москвѣ. Въ августѣ въ обѣихъ столицахъ было одновременно нѣсколько ученыхъ конгресовъ: желѣзнодорожный, антропологическій, археологическій, зоологическій. Сообщаемъ о результатахъ одного изъ нихъ, имѣющаго отношеніе къ цѣли нашего изданія и внесшаго значительный вкладъ въ изученіе доисторической археологіи. Засѣданія конгреса въ Москвѣ открылось при обычной торжественности. Первое слово было предоставлено професору Берлинскаго университета Рудольфу Вирхову, пріѣхавшему въ Москву вмѣстѣ съ сыномъ, докторомъ Гансомъ Вирховымъ. Знаменитый ученый и политическій дѣятель Германской имперіи прочелъ съ каѳедры рефератъ объ измѣненіяхъ въ научныхъ задачахъ международнаго конгреса доисторической археологіи и антропологіи. «Международный доисторическій конгресъ,—началъ ораторъ,—производилъ, втеченіе цѣлаго поколѣнія людей, сильное вліяніе на изысканія и идеи нашихъ современниковъ. Онъ былъ основанъ въ то время, когда открытія Буше-де-Перта о существованіи человѣка во время диллювія, наблюденія Фердинанда Келлера надъ свайными постройками, Кристи и Ларте—надъ троглодитами Дордоньи, Ворсо—надъ «кухонными остатками» въ Даніи, наконецъ, теорія Дарвина и его послѣдователей произвели цѣлый переворотъ въ научныхъ преданіяхъ. Вслѣдствіе этого переворота конгресъ очутился предъ громадною задачей: ему предстояло изслѣдовать всѣ страны Европы, чтобы собрать доисторическіе слѣды человѣка, чтобы привлечь всеобщее вниманіе къ происхожденію и къ путямъ человѣческой культуры и, что всего важнѣе, чтобы сдернуть завѣсу съ загадочной тайны о происхожденіи и первобытной колыбели человѣка. Въ первое время главное мѣсто въ обсужденіяхъ конгреса занималъ вопросъ о третичномъ человѣкѣ. Своей кульминаціонной точки этотъ вопросъ достигъ на лисабонскомъ конгресѣ».

Затѣмъ референтъ выяснилъ, что мнѣніе Карла Фогта объ аналогичности микроцефальныхъ людей съ обезьяновидными животными признано въ настоящее время ошибочнымъ и что, не смотря на единообразіе физіо-

логическихъ и патологическихъ законовъ, управляющихъ какъ человѣческою жизнью, такъ и жизнью животныхъ, существуетъ, однако, ясная черта, которая отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ. Это—наслѣдственность, передающая дѣтямъ качества родителей. Никогда отъ обезьяны не родился человѣкъ и обратно. Но, въ то же время, «человѣческій организмъ, въ особенности во время зачаточнаго періода, отличается многими чертами, заимствованными не только у обезьянъ, но и у другихъ животныхъ. Живые элементы, клѣточки, представляютъ намъ тѣ же типы въ человѣкѣ и въ млекопитающихъ. Иногда эти зачаточныя черты продолжаютъ существовать и даже еще увеличиваются въ послѣдующей жизни человѣка. Тѣмъ не менѣе это постоянство не имѣетъ значенія трансформаціи въ смыслѣ происхожденія отъ животныхъ. Доисторическая антропологія должна найти себѣ методы, чтобы распознать типы древнихъ расъ и племенъ и отыскать ихъ снова въ современныхъ людяхъ.

Затѣмъ бельгійскій делегатъ, баронъ де-Лоэ, прочелъ рефератъ «О бронзовомъ вѣкѣ и первыхъ эпохахъ желѣзнаго вѣка въ Бельгіи», а швейцарскій делегатъ, професоръ Колльманъ, «О краніометріи» (измѣреніи череповъ).

Слѣдующее засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Рудольфа Вирхова. Были выслушаны доклады: барона де-Бай—«Объ искуствѣ ваянія во Франціи въ эпоху каменнаго вѣка»; Никитина—«О слѣдахъ четвертичной эпохи въ Россіи, какъ результатѣ дѣятельности доисторическаго человѣка»; князя Путятина—«Слѣды зубовъ на костяхъ періодовъ палеотическаго и неолитическаго» и Шантра—«Проектъ измѣненій въ номенклатурѣ азіатскихъ народовъ». Баронъ де-Бай закончилъ свой докладъ слѣдующимъ положеніемъ «Въ четвертичную эпоху существовало искуство, совершенно отличное отъ того, которое господствовало въ эпоху неолитическую. Первое занималось исключительно однимъ воспроизведеніемъ предметовъ и животныхъ, которые находились предъ глазами у человѣка этой эпохи. Второе же стремилось дать опредѣленную форму религіознымъ представленіямъ, распространеннымъ по всей кельтской территоріи, котораго не было никакихъ признаковъ въ предшествовавшій періодъ». Князь Путятинъ, основываясь на слѣдахъ зубовъ на костяхъ, найденныхъ при раскопкахъ близъ Бологое, пришелъ къ заключенію, что указанія Геродота и Плинія на существованіе канибальства у племенъ, населявшихъ древнюю Скиѳію, подтверждаются. Въ одномъ случаѣ на найденной человѣческой кости были ясно видны слѣды зубовъ человѣка. Недалеко отъ этой кости нашелся черепъ съ зубами, соотвѣтствующими слѣдамъ. Кромѣ того, найденные раздробленные черепа собакъ позволяютъ предполагать, что собака въ древнюю эпоху была предметомъ охоты и мясо ея употреблялось въ пищу.

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ были выслушаны доклады: професора Чернышева—«Очеркъ отложеній послѣ третичной эпохи, въ связи съ остатками доисторической культуры на сѣверѣ и востокѣ Европейской Россіи» и професора Богданова—«Какая самая древнѣйшая раса въ Россіи?»

Рефератъ професора Богданова вызвалъ продолжительныя пренія. Разрывая курганы Московской губерніи, докладчикъ пришелъ къ убѣжденію, что древніе обитатели средней, южной и западной Россіи принадлежали къ иному типу, чѣмъ современные. Найденные професоромъ черепа отличались отъ современныхъ длинной и узкой долихоцефальной формой. Раскопки гг. Самоквасова, Антоновича, Тышкевича и др. подтвердили выводъ докладчика. Въ Азіи же и на крайнемъ востокѣ Россіи преобладаютъ черепа брахицефальные (широкіе и короткіе). Такъ какъ долихоцефальные (узкіе и длинные) черепа найдены также въ древнихъ австрійскихъ, германскихъ и шведскихъ могилахъ, то приходится заключить, что расоваго различія между народами западной Европы и Россіи не существуетъ. Одна и та же раса, обитавшая первоначально въ южной части средней Европы, по мѣрѣ уда-

ленія ледниковъ на сѣверъ, распространилась на западѣ, на востокѣ черезъ Москву и на сѣверѣ до Скандинавіи. Затѣмъ уже пришли брахицефалы и смѣшались съ долихоцефалами. Такимъ образомъ всѣ народы Европы произошли отъ одного корня.

Изъ доклада Шантра выяснилось, что армяне, евреи и айсары происходятъ отъ одного корня—протосемитскаго, халджемиссы, афганцы и таджики отъ корня тюркомонгольскаго; калмыки представляютъ чистѣйшій монгольскій типъ, лезгины—финскаго происхожденія. Наиболѣе общій интересъ имѣло сообщеніе доктора Оршанскаго. Руководствуясь метрическими книгами и выписями и желая опредѣлить вліяніе возраста родителей на полъ дѣтей, онъ произвелъ около 14 тысячъ наблюденій и составилъ множество таблицъ и діаграмъ. Изъ собранныхъ данныхъ докладчикъ заключилъ, что на полъ дѣтей вліяетъ главнымъ образомъ извѣстный періодъ максимальной производительности, который у женщинъ наступаетъ и кончается раньше, чѣмъ у мужчинъ. При значительномъ старшинствѣ одного изъ родителей дѣти рождаются того пола, къ которому принадлежитъ младшій изъ родителей.

Д-ръ Топинаръ читалъ «О расѣ въ антропологіи» и г. Передольскій—«Слѣды каменнаго вѣка въ Новгородской губерніи». Топинаръ доказываетъ, что чистыхъ человѣческихъ расъ въ настоящее время быть не можетъ и что понятіе о національности не слѣдуетъ основывать на расахъ. Г. Передольскій открылъ при раскопкахъ слѣды доисторическаго человѣка, его орудія и предметы домашняго обихода. Найденные предметы свидѣтельствуютъ о довольно высокой культурѣ. Въ послѣднемъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ професора Серджи, прочиталы доклады барона де-Бай: «Происхожденіе мастерства золотого дѣла и введеніе его съ востока готами», Смита: «Значеніе изученія доисторическихъ древностей Россіи для изслѣдованія древностей Даніи», Г. П. Кудрявцева: «Слѣды доисторическаго человѣка во Владимірской губерніи», Поливанова: «Экскурсія на допотопное кладбище въ бассейнѣ Волги». Датскій делегатъ, професоръ Шмитъ, прочелъ отъ имени иностранныхъ членовъ конгреса заявленіе, въ которомъ указывается громадное значеніе международныхъ конгресовъ. Професоръ Вирховъ произнесъ рѣчь и закончилъ ее слѣдующими словами: «Будемъ надѣяться, что продолжится миръ, который дастъ возможность развиться научнымъ стремленіямъ всѣхъ народностей; при международномъ же содѣйствіи онѣ положатъ основаніе всеобщему развитію». Графиня П. С. Уварова прочла докладъ директора педагогическаго музея въ Красноярскѣ г. Савенкова «О палеолитической эпохѣ въ окрестностяхъ Красноярска» и докладъ г. Еленева. Професоръ Сизовъ демонстрировалъ колекціи моделей раскопанныхъ кургановъ и могильниковъ и познакомилъ присутствовавшихъ въ засѣданіи съ главнѣйшими типами погребальныхъ сооруженій, встрѣчавшихся и встрѣчаемыхъ въ Россіи. На основаніи раскопокъ, професоръ пришелъ къ выводу, что въ Россіи сожженіе мертвыхъ древнѣе погребенія и что сожженіе практиковалось славянами въ широкихъ размѣрахъ. Одновременно съ конгресомъ открылись въ залахъ Историческаго музея археологическая и географическая выставки. Археологическая выставка занимаетъ двѣ залы, въ которыхъ размѣщены богатыя колекціи орудій и предметовъ домашняго обихода—каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ, модели могильниковъ и кургановъ съ изображеніями найденныхъ въ нихъ скелетовъ и предметовъ. По экспонатамъ посѣтители выставки могли наглядно познакомиться съ результатами археологическихъ изслѣдованій за послѣднее время. Обращаютъ особенное вниманіе колекціи Д. Я. Самоквасова, выставившаго разнообразные предметы скиѳо-сарматской, славянской, половецко-татарской и др. эпохъ. Географическая выставка занимала десять залъ. Картъ, плановъ, глобусовъ и фотографическихъ снимковъ собрано большое количество. По экспонатамъ можно

прослѣдить путешествія Н. М. Пржевальскаго, В. Л. Громбчевскаго, братьевъ Грумъ-Гржимайло и другихъ русскихъ путешественниковъ-изслѣдователей. Въ одной изъ залъ на эстрадѣ расположены самопишущіе приборы для метеорологическихъ наблюденій и др. предметы.

Столѣтняя годовщина рожденія Плетнева. 10-го августа исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Петра Александровича Плетнева, критика первой половины нынѣшняго столѣтія. П. А. родился въ Вѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. По окончаніи курса въ Главномъ педагогическомъ институтѣ въ 1814 г., онъ опредѣлился учителемъ въ Екатерининскій институтъ и въ 1818 г. выступилъ на литературное поприще. Своими первыми стихотвореніями и особенно критическими статьями Плетневъ обратилъ на себя вниманіе Карамзина, Жуковскаго и лицъ, занимавшихъ въ то время первое мѣсто въ литературѣ. Вступивъ членомъ въ петербургское вольное общество любителей словесности и сдѣлавшись усерднымъ вкладчикомъ въ издававшійся этимъ обществомъ журналъ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», онъ сблизился съ новыми литературными дѣятелями, Рылѣевымъ и Бестужевымъ, сдружился съ Дельвигомъ и Баратынскимъ и близко сошелся съ Пушкинымъ и впослѣдствіи съ Гоголемъ. Довершивъ въ обществѣ свое эстетическое образованіе, Плетневъ находился въ самыхъ благопріятныхъ для роли критика обстоятельствахъ, такъ какъ, будучи близкимъ къ лучшимъ представителямъ блестящей эпохи русской литературы, онъ могъ легко знать всѣ закулисныя тайны ея. Въ 20-хъ годахъ онъ привѣтствовалъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и «Орлеанскую дѣву» Жуковскаго, въ 40-хъ—встрѣтилъ разборомъ «Мертвыя души», въ 60-хъ годахъ—оцѣнилъ сочувственнымъ отзывомъ драмы Островскаго и Писемскаго. Я. К. Гротъ, въ предисловіи къ «Сочиненіямъ и перепискѣ П. А. Плетнева», изданнымъ въ 1885 г. въ трехъ томахъ, говоритъ: «Сочиненія Плетнева, какъ критика и поэта, принадлежатъ къ числу такихъ явленій нашей литературы, которыми она въ правѣ гордиться. Его критическіе разборы замѣчательны по внутреннему достоинству и глубинѣ мыслей. Они отличались тонкимъ вкусомъ въ оцѣнкѣ изящнаго и реальнымъ направленіемъ, чуждымъ школьныхъ теорій, риторическаго характера критики Мерзлякова, и обнаруживали рѣдкое знакомство автора съ дѣломъ, глубоко развитое эстетическое чувство и высокую степень критическаго дара. Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Жуковскій и Гоголь отдавали на судъ Плетневу свои новые труды и поручали ему свои литературныя дѣла. Гоголь, посылая Плетневу «Мертвыя души», писалъ ему: «Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства». Его художественные очерки жизни и дѣятельности Пушкина, Баратынскаго, Крылова, Жуковскаго и др. до сихъ поръ признаются мастерскими произведеніями. Какъ поэтъ, Плетневъ, не соперничая со звѣздами первой величины, занимаетъ видное мѣсто въ кругу ихъ. По перепискѣ его съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ можно подробно познакомиться съ личностью каждаго изъ нихъ и съ современными дѣлами и людьми. Съ 1838 г. по 1846 г. Плетневъ издавалъ «Современникъ», доставшійся ему по наслѣдству отъ Пушкина. При изданіи этого журнала онъ съ строгою разборчивостью относился къ предлагаемымъ ему трудамъ и давалъ ходъ только тому, что носило признаки несомнѣннаго достоинства или по крайней мѣрѣ, развивающагося таланта.

Помимо своей литературной дѣятельности, Плетневъ извѣстенъ, какъ преподаватель русскаго языка и словесности. Не отличаясь глубокими филологическими знаніями, онъ тѣмъ не менѣе основательно изучилъ законы языка, его тонкости и умѣлъ увлекать своихъ учениковъ. По рекомендаціи Жуковскаго онъ съ 1828 г. преподавалъ русскую словесность цесаревичу Але-

ксандру Николаевичу и его сестрамъ, въ 1832 г. былъ приглашенъ занять каѳедру русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ, въ 1840 г.— избранъ ректоромъ и занималъ эту должность до прекращенія лекцій въ университетѣ вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ осени 1861 г. Онъ умѣлъ возбудить охоту въ слушателяхъ пробовать свои силы въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній. На его лекціяхъ читались сочиненія студентовъ, велись диспуты, обсуждались замѣчательныя литературныя новости и между прочимъ былъ прочитанъ «Конекъ-Горбунокъ» Ершова, написанный авторомъ во время скучныхъ лекцій. Къ началу професорской дѣятельности Плетневъ соста вилъ записки по исторіи древне-русской словесности до Петра великаго. Въ 1841 г. онъ былъ приглашенъ въ члены возникшаго тогда въ академіи наукъ отдѣленія русскаго языка и словесности и съ 1859 г. по 1865 г. предсѣдательствовалъ въ этомъ отдѣленіи.

Какъ человѣкъ, П. А. имѣлъ симпатичный характеръ. Гротъ, характеризуя его, отмѣчаетъ двѣ черты, одною изъ которыхъ была высокая простота. Плетневъ ни въ чемъ не терпѣлъ искуственности, а тѣмъ болѣе изысканности, онъ былъ чрезвычайно простъ въ своихъ вкусахъ и привычкахъ, въ обращеніи, въ жизни, въ своей домашней обстановкѣ и, наконецъ, въ своемъ литературномъ слогѣ. Другую отличительную принадлежность его составляло глубоколюбящее сердце. Холодность и суровость были совершенно ему чужды. Литературные друзья его молодости: Дельвигъ, Пушкинъ и Баратынскій, питали къ нему не уваженіе только, но и горячую братскую любовь. Пушкинъ, посвящая ему «Евгенія Онѣгина», не могъ не замѣтить въ немъ

«...души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты».

Въ посланіи къ Пушкину, едва ли не лучшемъ своемъ произведеніи, начинающемся стихами:

«Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ,
На немъ печать твоей могучей силы»,

Плетневъ, отвѣчая на обвиненія въ томъ, что онъ мало пишетъ, говоритъ о себѣ совершенно справедливо:

«Притворство прочь! На поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта,
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ была не разъ согрѣта».

Никакое высокое положеніе Плетнева въ служебной іерархіи не могло перемѣнить его прекрасныя свойства. Онъ съ одинаковымъ участіемъ относился ко всѣмъ, безъ различія ранговъ и возроста. Стоя въ главѣ университета, П. А. былъ доступенъ каждому. Не зная лести и потворства, онъ высказывалъ свои убѣжденія прямо, безъ обиняковъ, кому бы то ни было. П. А. Плетневъ умеръ въ Парижѣ 29-го декабря 1865 г. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

Хранители старины въ Плоцкѣ. Хотя Плоцкъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ поселеній въ Европѣ, однако до нашего времени сохранилось очень немного его историческихъ реликвій. Къ числу послѣднихъ, между прочимъ, относится возвышающаяся на высокомъ берегу Вислы кирпичная башня съ частью такой же стѣны, очевидно, остатокъ тѣхъ укрѣпленій, которыя были возведены въ 1351 году королемъ Казиміромъ великимъ и разрушены послѣ первой шведско-польской войны (1656 г.). Башня и уцѣлѣвшая часть стѣны примыкаютъ къ зданію, въ которомъ нынѣ помѣщается женская гимназія. Въ башнѣ устроенъ складъ дровъ, а къ стѣнѣ когда-то сдѣлана пристройка

съ внутренней стороны и образовано жилое помѣщеніе, находящееся, вмѣстѣ съ башнею, въ завѣдованіи начальства женской гимназіи. Впрочемъ, не смотря на устройство жилого помѣщенія и даже на пробитыя въ стѣнѣ окна, наружный видъ послѣдней не измѣнился втеченіе слишкомъ пяти столѣтій. Такъ было до іюля 1892 года. Нынѣ начальство гимназіи приказало оштукатурить стѣну, и приказъ этотъ исполненъ. Мѣстные интелигентные жители удивлены такимъ распоряженіемъ, такъ какъ не могутъ понять его цѣли, а между тѣмъ для всѣхъ желательно сохраненіе остатка столь глубокой древности.

† 1-го августа, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, **Николай Михайловичъ Благовѣщенскій**. Перу покойнаго принадлежитъ масса филологическихъ работъ, изъ которыхъ пользуются большею извѣстностью монографія «Горацій и его время», лекціи объ Ювеналѣ, переводы изъ Горація и сатиры Персія съ историко-литературнымъ введеніемъ. Первый печатный трудъ Благовѣщенскаго «О судьбахъ римской трагедіи» появился въ 1848 г. въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Затѣмъ Н. М. сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ Леонтьева, который началъ свои «Пропилеи» изслѣдованіемъ Благовѣщенскаго «О гіератикѣ въ древнемъ греческомъ искусствѣ». Учено-литературныя произведенія Н. М. печатались главнымъ образомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Къ самому послѣднему времени авторства Н. М. относятся: переводъ трехъ сатиръ Ювенала («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія» 1884 г.), три изслѣдованія изъ области античной скульптуры: «Родосская школа», «Пергамская школа» и «О художественномъ значеніи позднихъ эпохъ античной скульптуры» («Вѣстникъ изящныхъ искусствъ»), бытовой очеркъ подъ названіемъ «Римскіе кліенты Домиціанова вѣка» («Русская Мысль», 1890 г.) и характеристика «Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры», изданная отдѣльною книгою въ прошломъ году. Кромѣ учено-литературыхъ трудовъ, онъ извѣстенъ педагогическою дѣятельностью. Професоромъ казанскаго университета, Н. М. первый обратилъ вниманіе на художественные образы класической скульптуры и въ многочисленныхъ статьяхъ подробно выяснилъ художественное значеніе греческой пластики и античной скульптуры позднѣйшихъ эпохъ. Заботясь о распространеніи художественныхъ знаній, онъ еще въ 1864 г. поднялъ вопросъ о необходимости устроивать губернскіе художественные музеи. Н. М. родился въ Петербургѣ въ 1821 г., отецъ его былъ законоучителемъ Маріинскаго института. Послѣ предварительнаго обученія въ двухъ частныхъ пансіонахъ (Титова и Марка), Благовѣщенскій поступилъ въ главный педагогическій институтъ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1842 г. на филологическомъ факультетѣ съ золотою медалью. По окончаніи курса Н. М. былъ командированъ за границу, гдѣ занялся изученіемъ исторіи античнаго искуства подъ руководствомъ Беккера, римской литературы подъ руководствомъ Бера, древне-класической филологіи у професора Германа и археологіи у Крейцера, автора «Символики». Съ 1845 г. по 1852 г. онъ читалъ римскую словесность въ Казанскомъ университетѣ. Въ 1852 г., получивъ уже извѣстность въ ученомъ мірѣ, былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ одновременно занялъ каѳедру римской словесности въ университетѣ и въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ 1860 г. Благовѣщенскій назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ оставался до назначенія въ 1872 г. ректоромъ Варшавскаго университета. Въ 1883 г. назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

† 28-го іюля, въ Абацціи, близь Фіумэ, генералъ-лейтенантъ **Викторъ Антоновичъ Франкини**. Онъ родился въ 1820 г., воспитывался въ артилерійскомъ училищѣ и въ 1844 г. служилъ въ конной артилеріи. Въ крымскую войну, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ былъ между защитниками Севастополя

и провелъ тамъ самые трудные 10 мѣсяцевъ осады. По окончаніи войны былъ назначенъ военнымъ агентомъ въ Константинополь и занималъ этотъ постъ 13 лѣтъ. Владѣя отлично восточными языками, В. А. зналъ всегда хорошо все, что дѣлается въ Турціи, и внимательно слѣдилъ за развитіемъ турецкой арміи. Въ 1870 г. онъ покинулъ Константинополь и отправился на Кавказъ, гдѣ завѣдовалъ военно-горскимъ управленіемъ. Въ послѣдней войнѣ онъ не принималъ непосредственнаго участія и былъ командированъ съ особымъ порученіемъ къ персидскому правительству. По присоединеніи къ Россіи Карской области, Франкини былъ назначенъ первымъ нашимъ губернаторомъ въ Карсъ, и въ три года управленія организовалъ эту новую русскую провинцію. Разстроенное здоровье и домашнія дѣла заставили его покинуть въ 1881 г. службу. Послѣдніе годы онъ провелъ во Флоренціи, занимаясь литературною работою. Въ ноябрьской книжкѣ 1891 г. «Историческаго Вѣстника» помѣщенъ отрывокъ (Восточная политика императора Николая I) изъ его обширнаго труда.

† 18-го августа, молодая писательница, **Наталья Петровна Прокофьева**, помѣщавшая свои очерки, разсказы и переводы въ разныхъ изданіяхъ, съ подписью своей дѣвичьей фамиліи—«Н. Львова». Между прочимъ, въ журналѣ «Дѣло» за 1888 годъ былъ помѣщенъ ея романъ «Безъ оплота», обратившій на себя вниманіе вѣрнымъ изображеніемъ дѣтской жизни и картиною постепеннаго развитія ребенка подъ вліяніемъ разныхъ воспитательныхъ началъ, причемъ авторъ обрисовалъ холодную разсудочную методу воспитанія по нѣмецкимъ образцамъ, въ противоположность не столь систематичнымъ, но зато сердечнымъ русскимъ пріемамъ нашихъ нянь и тетушекъ. Болѣзнь нервовъ не позволила много заниматься покойной и нѣсколько лѣтъ она совсѣмъ не брала пера въ руки, и только что снова начала работать, какъ осложнившаяся инфлуэнца прекратила еще полную силъ жизнь.

† 20-го августа, предсѣдатель ученаго комитета вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, **Василій Ивановичъ Лядовъ**. Онъ родился въ 1834 г., образованіе получилъ въ петербургской 3-й гимназіи и въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи въ 1855 г. курса со званіемъ старшаго учителя гимназіи и съ серебряною медалью, В. И. посвятилъ свои силы педагогической дѣятельности. Онъ преподавалъ географію въ воспитавшей его 3-й гимназіи, въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, гдѣ читалъ одновременно и педагогику, и въ Смольномъ институтѣ, гдѣ былъ инспекторомъ классовъ. Имя покойнаго пользуется извѣстностью въ педагогической литературѣ. По случаю столѣтняго юбилея Смольнаго института въ 1864 г. имъ составленъ «Историческій очеркъ» столѣтней жизни этого учебнаго заведенія. Кромѣ того, В. И. участвовалъ въ составленіи сочиненія «Природа и люди» и написалъ руководство «Европейская Россія въ физическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ» и «Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей». Послѣднее принято въ качествѣ учебника педагогики во многихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ преподаватель, онъ былъ уважаемъ за свою доброту и доступность. Образцовымъ чтеніемъ педагогики онъ много способствовалъ приготовленію воспитанницъ къ сознательному исполненію обязанностей. Подъ его руководствомъ получило воспитаніе около 1.400 дѣвицъ. Въ разное время онъ принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ члена разнообразныхъ комисій, въ разрѣшеніи весьма важныхъ педагогическихъ вопросовъ.

Несчастному Кольгаасу казалось вполнѣ естественнымъ, что юнкеръ, освобожденный отъ всякой нужды, бѣжалъ въ этотъ монастырь, въ которомъ его родная тетка, воспитательница его ранняго дѣтства, была настоятельницею. Когда Кольгаасъ узналъ это, онъ поселился въ областной тюрьмѣ, въ которой внутри была еще одна жилая комната, и составилъ такъ называемый «Указъ Кольгааса», въ которомъ онъ приглашалъ страну, юнкеру Венцелю фонъ-Тронка, съ которымъ онъ въ небезосновательной враждѣ,—не оказывать никакого содѣйствія, даже болѣе, обязывалъ къ тому всѣхъ жителей, не исключая его родныхъ и друзей, подъ угрозою смерти и превращенія въ пепелъ всего, что называется имуществомъ. Это заявленіе онъ распространялъ въ странѣ черезъ путешественниковъ и чужестранцевъ; онъ далъ Вальдманну, слугѣ, копію съ него, съ приказаніемъ снести ее въ Эрлабруннъ, госпожѣ Антоніи. Затѣмъ онъ вступилъ въ переговоры съ тронкенбургскими работниками, которые были недовольны юнкеромъ и, въ расчетѣ на наживу, желали перейти на службу къ нему, вооружилъ ихъ на манеръ пѣхоты арбалетами и кинжалами, выучилъ ихъ сидѣть позади всадниковъ и затѣмъ, превративъ весь обозъ въ деньги и роздавъ эти деньги между ними, онъ рѣшилъ отдохнуть нѣсколько часовъ отъ своихъ печальныхъ трудовъ подъ городскими воротами.

Къ обѣду пришелъ Герзе и подтвердилъ то, что ему уже подсказало раньше его сердце, всегда настроенное на все мрачное, а именно, что юнкеръ находится въ монастырѣ, у своей тетки, почтенной Антоніи фонъ-Тронка. По всей вѣроятности, онъ спасся изъ замка черезъ маленькую дверь, которая была на задней стѣнѣ замка, и оттуда пробрался на узенькую каменную лѣстницу, которая изъ-подъ маленькой крыши спускалась въ Эльбу, къ лодкамъ. По крайней мѣрѣ, Герзе утверждалъ, что въ одной деревушкѣ на Эльбѣ, къ удивленію всего народа, собравшагося тамъ по случаю пожара въ Тронкенбургѣ, въ 12 часовъ ночи, онъ прибылъ въ челнѣ, безъ руля и безъ веселъ, и сейчасъ же на деревенской телегѣ отправился дальше, въ Эрлабруннъ. Кольгаасъ тяжело вздохнулъ при этомъ извѣстіи, спросивъ, покормились ли лошади, и получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ своему отряду сѣсть на коней и черезъ три часа онъ уже былъ въ Эрлабруннѣ.

Съ раскатами грома удаляющейся грозы, съ факелами, которые они зажгли подъѣзжая, онъ въѣхалъ съ своимъ отрядомъ во дворъ монастыря. Вальдманнъ, слуга, вышелъ навстрѣчу и сообщилъ, что указъ переданъ по назначенію; въ это самое время онъ увидалъ настоятельницу, растерянную, на подъѣздѣ монастыря, въ переговорахъ со смотрителемъ, и пока смотритель, маленькій сѣденькій старичекъ, бросая гнѣвные взоры на Кольгааса, облачился въ латы и далъ сбѣжавшимся слугамъ приказаніе бить въ набатъ, появилась настоятельница монастыря съ серебрянымъ распятіемъ въ ру-

кахъ, блѣдная какъ полотно; она спустилась съ лѣстницы и, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ женскимъ персоналомъ, бросилась на колѣни передъ лошадью Кольгааса. Пока Герзе и Штернбальдъ завладѣли смотрителемъ монастыря, у котораго не было меча, и какъ плѣнника помѣстили его между лошадей, Кольгаасъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Гдѣ Венцель фонъ-Тронка?

На что она отвѣтила, снимая съ кушака большое кольцо съ ключами:

— Въ Виттенбергѣ, Кольгаасъ, почтенный человѣкъ!—и прибавила дрожащимъ голосомъ:—побойся Бога и не твори зла!

Кольгаасъ же, сгорая отъ жажды мести, повернулъ лошадь и чуть было не отдалъ приказанія: «поджигай!», какъ вдругъ сверкнула молнія со страшнымъ ударомъ грома и прямо ударила въ землю около него.

Кольгаасъ вернулся къ ней и спросилъ, получила ли она его указъ. На что настоятельница отвѣтила едва слышнымъ, слабымъ голосомъ:

— Только что!

— Когда?

— Черезъ два часа, помоги мнѣ Боже, послѣ отъѣзда моего племянника!

Вальдманнъ, слуга, къ которому Кольгаасъ обернулся съ грознымъ взглядомъ, запинаясь, подтвердилъ это, сказавъ, что, благодаря дождю и разливу Мульды, онъ только что прибылъ. Кольгаасъ съ трудомъ овладѣлъ собою. Въ эту самую минуту страшный ливень потушилъ факелы и залилъ всю площадку. Онъ нѣсколько успокоился, быстро обернулся къ настоятельницѣ, приподнявъ слегка шляпу, повернулъ лошадь, пришпорилъ ее со словами: «За мной, братья, нашъ молодецъ въ Виттенбергѣ!» и выѣхалъ изъ монастыря.

Когда настала ночь, онъ заѣхалъ на постоялый дворъ и рѣшилъ дать день на отдыхъ лошадямъ, и такъ какъ ему было ясно, что съ кучкою людей изъ десяти человѣкъ ему не справиться въ Виттенбергѣ, онъ объявилъ второй указъ, въ которомъ онъ, изложивъ вкратцѣ все, что онъ перенесъ, приглашалъ «каждаго хорошаго христіанина, какъ онъ выразился, за небольшія деньги и другія преимущества войны, отнестись къ его дѣлу сочувственно, а къ юнкеру фонъ-Тронка, какъ ко врагу всѣхъ христіанъ». Во второмъ указѣ, который вскорѣ появился, онъ называетъ себя «въ государствѣ и въ мірѣ свободнымъ человѣкомъ, одному Богу подчиненнымъ»,—болѣзненная, ошибочная иллюзія, которая вмѣстѣ со звономъ его золота и надеждою на добычу проникла въ народъ, оставшійся безъ куска хлѣба вслѣдствіе мира съ Польшею, такъ что онъ вступилъ въ Виттенбергъ, по правую сторону Эльбы, уже съ отря-

домъ въ 30 головъ. Онъ остановился со своими людьми и лошадьми подъ крышею стараго, развалившагося кирпичнаго амбара, въ глуши темнаго лѣса.

Не очень-то скоро узналъ онъ отъ Штернбальда, котораго отправилъ съ указомъ въ городъ, что тамъ указъ уже извѣстенъ; тогда онъ съ своимъ отрядомъ вступилъ въ городъ вечеромъ, наканунѣ Троицына дня, и въ то время, когда весь городъ спалъ, онъ велѣлъ его поджечь съ нѣсколькихъ концовъ. Въ то время, какъ его люди грабили въ предмѣстьѣ, онъ наклеилъ къ дверямъ церкви листокъ слѣдующаго содержанія: «Онъ, Кольгаасъ, поджегъ городъ и, если ему не выдадутъ юнкера, онъ превратитъ все въ пепелъ, не останется ни одной стѣны, за которой ему пришлось бы его искать». Нельзя описать негодованіе жителей по поводу этой неслыханной жестокости; пламя, которое, благодаря довольно тихой, лѣтней ночи, поглотило только 19 домовъ и, между прочимъ, одну церковь, только къ утру стало стихать; тогда старый областной начальникъ, Отто фонъ-Горгасъ, выслалъ отрядъ въ 50 человѣкъ, чтобы захватить злодѣя. Начальникъ же отряда, по имени Герстенбергъ, такъ дурно распорядился, что вся экспедиція Кольгааса, вмѣсто того, чтобы пасть, только пріобрѣла себѣ военную славу. Этотъ военный человѣкъ разбилъ свой отрядъ на нѣсколько частей, имѣя въ виду окружить Кольгааса съ разныхъ пунктовъ, Кольгаасъ же, собравъ весь свой отрядъ воедино, нападалъ и разбивалъ противника на всѣхъ пунктахъ, такъ что къ вечеру слѣдующаго дня не осталось въ полѣ ни одного человѣка изъ отряда, на который возлагались надежды страны. Кольгаасъ, который черезъ это сраженіе пріобрѣлъ себѣ еще нѣсколькихъ людей, на утро слѣдующаго дня снова поджегъ городъ, и его злодѣйскіе замыслы такъ удались ему, что снова масса домовъ и почти всѣ амбары предмѣстья были превращены въ пепелъ. Затѣмъ, онъ снова наклеилъ свой указъ къ дверямъ ратуши съ прибавленіемъ къ нему отчета о судьбѣ посланнаго противъ него областнымъ начальникомъ гауптманна Герстенберга и казненнаго имъ. Взбѣшенный всѣми этими дѣяніями, областный начальникъ, во главѣ 150 человѣкъ, самъ лично выступилъ противъ него. По письменной просьбѣ дворянина Венцеля фонъ-Тронка, онъ далъ ему стражу, которая охраняла бы его отъ насилій населенія, которое требовало, чтобъ онъ оставилъ городъ; затѣмъ, поставивъ караулъ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ и вдоль городскихъ стѣнъ на случай нападеній, онъ самъ выступилъ на травлю дракона-опустошителя страны.

Лошадиный барышникъ былъ достаточно хитеръ, чтобы не попасть въ руки этому отряду: онъ завлекъ областнаго начальника искусною лавировкою за 5 миль отъ города и, убѣдивъ его, что онъ, испугавшись неравной силы, направляется къ Бранденбургишену, внезапно, на третью ночь, свернулъ въ Виттенбергъ и поджегъ его

въ третій разъ. Герзе, переодѣтый, проникъ въ городъ и привелъ въ исполненіе его злодѣйскій замыселъ. Пламя приняло такіе размѣры, благодаря сѣверному вѣтру, что, менѣе чѣмъ въ три часа, сгорѣло 42 дома, 2 церкви, нѣсколько монастырей, нѣсколько школъ, даже само зданіе курфюрстерскаго областнаго начальства превратилось въ пепелъ.

Областной начальникъ, который думалъ, что его противникъ на зарѣ будетъ въ Бранденбургишенѣ, когда узналъ о случившемся, быстро повернулъ назадъ и засталъ весь городъ въ волненіи; тысячная толпа стояла передъ домомъ дворянина Венцеля съ палками и кольями и требовала съ криками его выселенія. Два бургомистра, по имени Іенкенсъ и Отто, въ оффиціальныхъ мундирахъ во главѣ цѣлаго магистрата, напрасно старались убѣдить, что необходимо дождаться возвращенія гонца къ президенту государственной канцеляріи съ запросомъ, можно ли выслать дворянина фонъ-Тронка въ Дрезденъ, куда онъ и самъ желаетъ по многимъ причинамъ отбыть; но неразумная толпа, вооруженная кольями, пиками, не внимая никакимъ увѣщеваніямъ, вела переговоры и изобрѣтала разные способы, чтобы снять съ лица земли домъ, въ которомъ жилъ дворянинъ, какъ вдругъ въ городъ прибылъ самъ областной начальникъ съ отрядомъ всадниковъ. Этому почтенному человѣку, привыкшему уже однимъ своимъ появленіемъ внушать народу повиновеніе и уваженіе, удалось еще у воротъ города захватить трехъ молодцовъ изъ шайки поджигателя, которыхъ въ глазахъ народа заковали въ цѣпи; онъ обратился къ магистрату съ умною рѣчью, въ которой высказывалъ, что имѣетъ надежду привести въ оковахъ и самого Кольгааса, такъ какъ напалъ на его слѣдъ. Ему удалось такимъ образомъ разсѣять нѣсколько страхи собравшагося народа, успокоить насчетъ пребыванія дворянина фонъ-Тронка въ городѣ до возвращенія гонца изъ Дрездена. Онъ слѣзъ съ коня и, когда были убраны разбросанные колья и палки палисадника, проникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ рыцарей, въ домъ, гдѣ дворянинъ Венцель находился на рукахъ двухъ докторовъ, которые всякими эссенціями и спиртами старались привести его въ чувство изъ обморока, въ какой онъ безпрестанно впадалъ.

Отто фонъ-Горгасъ понималъ, что теперь не время вести съ нимъ переговоры о цѣли его прихода; онъ только съ презрѣніемъ во взорѣ велѣлъ ему одѣться и послѣдовать за нимъ, для его собственной безопасности, въ помѣщеніе рыцарской тюрьмы. Когда на Венцеля надѣли латы и шлемъ, съ полураскрытой грудью, такъ какъ онъ все еще задыхался, повели его подъ руки, съ одной стороны, областной начальникъ, а съ другой—его зять графъ фонъ-Гершау, и вывели на улицу, со всѣхъ сторонъ на него посыпались проклятія, какъ служителя ни сдерживали народъ, отовсюду

раздавалось: «пьявка, грабитель страны, истязатель людей, проклятіе города Виттенберга, несчастіе Саксоніи», наконецъ, послѣ печальнаго шествія черезъ развалины города, во время котораго онъ нѣсколько разъ терялъ свой шлемъ, который одинъ изъ рыцарей снова надѣвалъ ему съ затылка, добрались до тюрьмы, гдѣ онъ исчезъ въ одной изъ башенъ подъ охраною усиленной стражи.

Тѣмъ временемъ прибывшій гонецъ повергъ городъ въ новое отчаяніе рѣшеніемъ курфюрста. Управленіе страны, къ которому Дрезденское бургграфство обратилось съ своей настоятельною просьбою, отвѣтило, что оно не желаетъ и слышать о пребываніи дворянина фонъ-Тронка въ столицѣ, прежде чѣмъ не будетъ покоренъ поджигатель и убійца; областному же начальнику предоставлялось употребить данную ему власть на защиту его тамъ, гдѣ онъ находится, такъ какъ онъ гдѣ же нибудь да долженъ находиться; затѣмъ городъ Виттенбергъ оповѣщался, что на защиту ему выступаетъ отрядъ въ 500 человѣкъ подъ предводительствомъ принца Фридриха Мейссенскаго. Областной начальникъ, которому было ясно, что подобная резолюція никоимъ образомъ не можетъ успокоить народъ, такъ какъ, не говоря уже о тѣхъ слухахъ, которые распространялись о силѣ лошадинаго торговца, благодаря его маленькимъ побѣдамъ на разныхъ пунктахъ города, но самая война, которую онъ велъ во тьмѣ ночной, посредствомъ смолы, соломы и сѣры, была такова, что даже большая сила, чѣмъ та, съ какою долженъ былъ прибыть принцъ Мейссенскій, оказалось бы безпомощной,—въ виду всего этого онъ рѣшилъ скрыть полученную имъ резолюцію. Онъ наклеилъ на концахъ города только письмо Мейссенскаго принца, въ которомъ онъ извѣщалъ о своемъ прибытіи, между тѣмъ, съ разсвѣтомъ, со двора тюрьмы выѣхала закрытая карета подъ конвоемъ четырехъ вооруженныхъ всадниковъ и отправилась по направленію къ Лейпцигу, причемъ всадники неопредѣленно говорили, что ѣдутъ въ Плессенбергъ, а такъ какъ пребываніе Венцеля фонъ-Тронка для народа было соединено съ огнемъ и мечемъ, то отъѣздъ являлся успокоеніемъ, самъ же областной начальникъ выступилъ съ 300 людьми на встрѣчу принцу Мейссенскому, чтобы присоединиться къ его отряду.

Тѣмъ временемъ Кольгаасъ, благодаря своему удивительному положенію въ свѣтѣ, увеличилъ свои силы до 109 человѣкъ и, такъ какъ у него въ Іессенѣ былъ заготовленъ запасъ оружія и онъ могъ сейчасъ же вооружить своихъ людей, то узнавъ, какая гроза собирается противъ него, онъ рѣшилъ немедленно идти на встрѣчу врагамъ. Черезъ день онъ уже напалъ на принца Мейссенскаго ночью около Мюльберга, и въ этомъ сраженіи, къ большому его горю, онъ лишился своего Герзе, который первыми же выстрѣлами былъ убитъ подлѣ него. Озлобленный этою потерею, онъ, впродолженіе трехъ

часовъ, продолжалъ битву съ принцемъ, разбилъ его, лишивъ возможности соединиться съ другимъ отрядомъ, и къ утру принцъ, тяжело раненный, съ приведеннымъ въ полный безпорядокъ остаткомъ отряда, двинулся назадъ къ Дрездену. Опьяненный своимъ успѣхомъ, онъ двинулся на отрядъ областнаго начальника прежде, чѣмъ тому стало что либо извѣстно, напалъ на него при деревнѣ Дамеровъ среди бѣлаго дня, въ открытомъ полѣ, и сражался съ нимъ при большой потерѣ, хотя и съ успѣхомъ до поздней ночи. Вѣроятно, онъ окончательно разбилъ бы областнаго начальника съ его остаткомъ людей, бѣжавшаго на кладбище подъ Дамеровъ, если бы тотъ не узналъ во время о пораженіи принца подъ Мюльбергомъ и не нашелъ бы болѣе благоразумнымъ вернуться въ Виттенбергъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Черезъ пять дней послѣ разбитія обоихъ отрядовъ, Кольгаасъ былъ въ Лейпцигѣ и поджегъ городъ съ трехъ сторонъ. Онъ величаетъ себя въ указѣ, раздававшемся по этому случаю: «намѣстникомъ Михаиломъ Архангеломъ, пришедшимъ наказать мечемъ и огнемъ всѣхъ сторонниковъ дворянина Венцеля въ этомъ спорномъ дѣлѣ, всѣхъ коварныхъ міра». Затѣмъ онъ изъ замка Лютценъ, на который онъ неожиданно напалъ и захватилъ, обратился къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ онъ приглашалъ всѣхъ, желающихъ лучшаго положенія вещей, примкнуть къ нему. Подъ воззваніемъ значилось безумная подпись: «Дано сіе въ мѣстопребываніи нашего временнаго мірового управленія въ замкѣ Лютценъ».

Къ счастью обывателей Лейпцига, огонь, благодаря дождю, не быстро распространялся и, при дѣйствіи тушительныхъ средствъ, сгорѣло только нѣсколько мелочныхъ лавокъ подъ Плессенбургомъ. Тѣмъ не менѣе весь городъ былъ объятъ ужасомъ отъ сознанія, что поджигатель и дворянинъ Венцель—оба въ Лейпцигѣ. Былъ высланъ отрядъ въ 180 человѣкъ, который потерпѣлъ пораженіе; тогда магистрату, который не желалъ рисковать богатствомъ города, не оставалось ничего болѣе, какъ запереть городскія ворота и охранять день и ночь бургграфство. Напрасно вывѣшивались магистратомъ по окрестнымъ деревнямъ объявленія о томъ, что дворянина Венцеля нѣтъ въ Плессенбургѣ, лошадиный барышникъ въ такихъ же объявленіяхъ утверждалъ, что онъ въ Плессенбургѣ, и даже еслибъ его не было, онъ будетъ дѣйствовать, какъ бы онъ тутъ былъ, пока ему точно не назовутъ того мѣста, гдѣ онъ находится. Курфюрстъ, которому было дано знать черезъ гонца, въ какомъ положеніи находится Лейпцигъ, отвѣтилъ, что онъ самъ идетъ съ двухтысячнымъ войскомъ на Кольгааса. Отто фонъ-Горгасъ получилъ отъ него строгій выговоръ за его двусмысленную и необдуманную хитрость, чтобы выпроводить поджигателя изъ Виттенберга. Трудно описать волненіе всей Саксоніи и въ особенности столицы, когда узнали, что въ деревняхъ подъ Лейпци-

гомъ неизвѣстно кѣмъ вывѣшено объявленіе, обращенное къ Кольгаасу слѣдующаго содержанія: «Венцель, юнкеръ, находится въ Дрезденѣ у своихъ кузеновъ Гинца и Кунца».

При такомъ положеніи дѣлъ, докторъ Мартынъ Лютеръ взялся образумить Кольгааса силою слова, разсчитывая на возможность хорошихъ чувствъ въ душѣ убійцы и поджигателя, и онъ написалъ обращеніе къ нему, которое было развѣшано по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ курфюршества. Вотъ оно:

«Кольгаасъ, ты, который выдаешь себя за посланнаго съ мечемъ творить справедливость, за что берешься ты, ослѣпленный страстью, ты, олицетворенная несправедливость съ головы до ногъ? Оттого только, что правитель твоей страны, которому ты подчиненъ, отказалъ тебѣ въ твоихъ правахъ въ спорѣ по поводу ничтожнаго имущества, ты идешь съ мечемъ и огнемъ и нападаешь, точно волкъ пустыни, на мирныхъ гражданъ, которыхъ онъ охраняетъ. Ты, который въ твоемъ обѣщаніи коварно обманывалъ людей, неужели ты думаешь, грѣховодникъ, спастись отъ Бога въ тотъ день, когда предстанутъ на Его судъ всѣ помыслы сердецъ? Какъ смѣешь ты утверждать, что тебѣ отказано было въ твоихъ правахъ, когда сердце твое, полное чувства мести, послѣ первыхъ же неудачныхъ попытокъ отказалось отъ желанія отстоять ихъ. Развѣ слуги суда и полицейскіе чины, которые утаятъ полученное письмо или задержатъ какой нибудь приговоръ вмѣсто того, чтобы его объявить,— твое начальство? Неужели я долженъ говорить тебѣ, что твое начальство даже и не знаетъ о твоихъ дѣлахъ, скажу больше: правителю страны, противъ котораго ты возстаешь, не извѣстно даже твое имя, и когда однажды ты предстанешь предъ престолъ Божій съ намѣреніемъ обвинить его, онъ скажетъ со спокойнымъ лицомъ: «я не виноватъ, Господь, предъ этимъ человѣкомъ, его существованіе невѣдомо душѣ моей». Твой мечъ—мечъ грабежа и убійства, ты бунтовщикъ, а не воинъ Божій, и тебѣ предстоятъ на землѣ колесо и висѣлица, а на томъ свѣтѣ проклятіе и за безбожіе и злыя дѣла.

«Мартынъ Лютеръ».

«Виттенбергъ.

Кольгаасъ какъ разъ обдумывалъ въ замкѣ Лютценъ свой новый планъ превращенія Лейпцига въ пепелъ,—объявленію, сдѣланному въ деревняхъ, что юнкеръ Венцель въ Дрезденѣ, онъ не повѣрилъ, такъ какъ оно появилось безъ подписи и не отъ магистрата, какъ онъ того требовалъ, какъ вдругъ Штернбальдъ и Вальдманнъ, къ своему великому смущенію, прочли обращеніе Лютера, наклеенное въ ночь на воротахъ города.

Напрасно надѣялись они впродолженіе нѣсколькихъ дней, что Кольгаасъ, которому они не хотѣли объ этомъ говорить, самъ его

замѣтить; мрачный и сосредоточенный появился онъ вечеромъ, но только для того, чтобы отдать свои короткія приказанія, и ничего не замѣтилъ; наконецъ, въ одно прекрасное утро, когда онъ собирался велѣть повѣсить нѣсколько человѣкъ изъ своей шайки, которые грабили въ странѣ противъ его желанія, они рѣшились заставить его обратить на него вниманіе. Онъ только-что возвращался съ мѣста казни цѣлымъ шествіемъ,—со времени послѣдняго своего указа онъ иначе не появлялся,—а народъ боязливо передъ нимъ разступался, впереди несли на красной кожаной подушкѣ съ золотыми кистями его херувимскій мечъ, 12 слугъ съ зажженными факелами слѣдовали за нимъ, Штернбальдъ и Вальдманнъ съ мечами подъ мышкой появились у столба, гдѣ было наклеено обращеніе, такъ, что онъ не могъ ихъ не замѣтить. Кольгаасъ вошелъ въ ворота съ заложенными на спинѣ руками, углубленный въ свои мысли, внезапно поднялъ глаза и его ошеломило; его слуги, при взорѣ его, почтительно изчезли, онъ разсѣянно взглянулъ на нихъ и быстрыми шагами приблизился къ столбу. Какъ описать, что произошло въ его душѣ, когда онъ прочиталъ листокъ, въ которомъ его упрекали въ его несправедливости, подписанный самымъ дорогимъ, глубоко уважаемымъ именемъ, какое онъ только зналъ—именемъ Мартына Лютера; на лицѣ его вспыхнулъ яркій румянецъ, онъ дважды перечиталъ листокъ, снявъ шлемъ,—дважды, съ начала до конца; повернулся съ смущеніемъ во взглядѣ къ своимъ людямъ, точно онъ собирался что-то сказать, ничего не сказалъ, снялъ со стѣны листъ, снова перечиталъ его и вскричалъ: «Вальдманнъ, вели осѣдлать мнѣ коня!», «Штернбальдъ, въ замокъ за мной!» и затѣмъ изчезъ. Этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобы обезоружить его при всей его порочности. Онъ одѣлся арендаторомъ, сказалъ Штернвальду, что онъ по важному дѣлу отправляется въ Виттенбергъ, передалъ ему, въ присутствіи лучшихъ слугъ, предводительство остающагося въ Лютценѣ отряда, и съ обѣщаніемъ вернуться черезъ 3 дня, въ которые нечего было опасаться нападенія, отправился въ Виттенбергъ.

Подъ чужимъ именемъ онъ остановился въ гостиницѣ, и когда настала ночь, завернувшись въ мантію и съ парою пистолетовъ, добычею, отнятою въ Тронкенбургѣ, онъ вошелъ въ комнату Лютера. Лютеръ сидѣлъ у стола, погруженный въ свое писанье и книги, когда увидалъ, что къ нему вошелъ незнакомый человѣкъ и заперъ за собою дверь на ключъ, спросилъ его: кто онъ? и что ему нужно?

Незнакомецъ приподнялъ почтительно шляпу и, напередъ смущаясь страхомъ, который онъ вселитъ, отвѣтилъ, что онъ Михаель Кольгаасъ, лошадиный барышникъ, какъ Лютеръ уже закричалъ:

— Уйди отсюда, немедленно уйди! — всталъ отъ стола и на-

правился къ колокольчику, добавивъ:—дыханье твое—чума, близость твоя—пагуба!

Кольгаасъ, не двигаясь съ мѣста, вынулъ пистолетъ и сказалъ:

— Милостивый государь, если вы позвоните, этотъ пистолетъ превратитъ меня въ бездыханный трупъ у вашихъ ногъ! Сядьте и выслушайте меня, среди ангеловъ, псалмы которымъ вы пишите, вы не безопаснѣе, чѣмъ со мною.

Лютеръ, садясь, спросилъ его:

— Чего ты хочешь?

Кольгаасъ отвѣтилъ:

— Хочу, чтобы вы измѣнили ваше мнѣніе обо мнѣ, что я дурной человѣкъ. Вы сказали мнѣ въ вашемъ обращеніи, что мое начальство не знаетъ о моемъ дѣлѣ,—прекрасно, въ такомъ случаѣ дайте мнѣ свободный пропускъ, я отправлюсь въ Дрезденъ и самъ все изложу.

— Безбожный, ужасный человѣкъ!—воскликнулъ Лютеръ, смущенный и въ то же время успокоенный его словами:—кто далъ тебѣ право нападать на дворянина фонъ-Тронка на основаніи выдуманныхъ тобою предположеній и, не найдя его въ его городѣ, съ огнемъ и мечемъ обыскивать всѣхъ обывателей, которые оберегаютъ его?

Кольгаасъ отвѣтилъ:

— Высокопочитаемый господинъ, никто не далъ мнѣ этого права, но одно извѣстіе, которое я получилъ изъ Дрездена, обмануло меня, ввело въ заблужденіе! Война, которую я веду съ обществомъ, была бы преступленіемъ, если, какъ вы утверждаете, я не былъ выброшенъ изъ него!

— Выброшенъ! — воскликнулъ Лютеръ, взглянувъ на него. — Какъ могло придти тебѣ на умъ такое безуміе? Кто могъ тебя изгнать изъ общества, государства, въ которомъ ты живешь? Назови случай, со времени существованія государствъ, когда кто либо былъ бы изъ него выброшенъ?

— Выброшеннымъ изъ общества я называю того,—продолжалъ Кольгаасъ,—кому отказано въ покровительствѣ закона. Ибо въ подобномъ покровительствѣ я нуждаюсь для процвѣтанія моего мирнаго ремесла, да, съ нимъ и съ тѣмъ, что оно мнѣ дало, я ищу защиты у этого общества и тотъ, кто мнѣ отказываетъ въ ней, тотъ выгоняетъ меня въ дикіе дебри, тотъ даетъ мнѣ, согласитесь сами, дубину въ руки для самосохраненія.

— Кто когда отказалъ тебѣ въ покровительствѣ закона?—воскликнулъ Лютеръ.—Развѣ я не написалъ тебѣ, что твоя жалоба, съ которой ты обратился къ властелину страны, ему неизвѣстна? Если слуги государства у него за спиною похищаютъ дѣла или невидимо для него надсмѣхаются надъ его святымъ именемъ, кто, кромѣ Бога, можетъ призвать его къ отвѣту за такой выборъ слугъ?

и развѣ ты, проклятый Богомъ и ужасный человѣкъ, уполномоченъ его за то казнить?

— Прекрасно,—продолжалъ Кольгаасъ,—если властелинъ страны не отталкиваетъ меня, то я вернусь въ то общество, которое онъ охраняетъ. Добудьте мнѣ, повторяю, свободный пропускъ въ Дрезденъ, и я распущу отрядъ, который я оставилъ въ замкѣ Лютценъ, и снова подамъ жалобу суду страны, въ которой мнѣ было уже разъ отказано.

Лютеръ съ недовольнымъ лицемъ разбросалъ бумаги, которыя лежали у него на столѣ, и замолкъ. Его злило положеніе, которое этотъ странный человѣкъ занялъ въ государствѣ, и обдумывая судебный приговоръ, онъ спросилъ, что же онъ намѣренъ требовать отъ суда въ Дрезденѣ.

Кольгаасъ отвѣтилъ:

— Чтобы юнкеръ былъ наказанъ согласно закону, чтобы лошади были приведены въ прежнее состояніе, чтобы убытки, которые я потерпѣлъ, а также и мой слуга Герзе подъ Мюльбергомъ во время насилія, сдѣланнаго надъ нами, были намъ возмѣщены.

— Возмѣщены убытки! — воскликнулъ Лютеръ:—ты набиралъ тысячами у жидовъ и христіанъ подъ векселя и залоги для осуществленія твоей дикой мести. Не обозначишь ли ты твоихъ убытковъ цыфрами на счетѣ?

— Сохрани меня, Богъ!—замѣтилъ Кольгаасъ.—За дворъ, домъ и обстановку, которыя у меня были, я не требую уплаты, такъ же какъ и за погребеніе моей жены! Старуха мать Герзе сдѣлаетъ расчетъ расходовъ по леченью и убытковъ, которые Герзе понесъ въ Тронкенбургѣ, мои же убытки по непродажѣ вороныхъ лошадей пускай опредѣлитъ какое нибудь свѣдущее лицо по назначенію отъ правительства.

На это Лютеръ сказалъ ему:

— Безумный, непонятный и ужасный человѣкъ!—и взглянулъ на него.—Если ты мечемъ твоимъ мстилъ юнкеру самымъ ужаснымъ образомъ, къ чему тебѣ еще искать приговора суда, который сравнительно будетъ ничтоженъ?

На глазахъ у Кольгааса блеснули слезы, и онъ отвѣтилъ:

— Изъ-за него я лишился жены моей; Кольгаасъ хочетъ доказать свѣту, что она погибла не изъ-за безчестнаго дѣла. Подчинитесь въ этомъ моей волѣ, пускай насъ разсудитъ судъ, во всемъ остальномъ, что можетъ встрѣтиться спорнаго, я подчинюсь вамъ.

Тогда Лютеръ сказалъ ему:

— Взгляни, чего ты требуешь, и если бы ты твой споръ, прежде чѣмъ мстить за него самовластно, представилъ на рѣшеніе правителя страны, то я убѣжденъ, что ты былъ бы удовлетворенъ по всѣмъ пунктамъ твоихъ требованій. Но не лучше ли бы ты поступилъ, если бы во имя твоего Искупителя ты простилъ

юнкера, вороныхъ исхудалыхъ, изнуренныхъ, какія они были, на первыхъ порахъ взялъ бы и занялся бы въ твоихъ конюшняхъ въ Кольгаасенбрюкѣ откармливаньемъ ихъ?

На это Кольгаасъ отвѣтилъ:

— Можетъ быть—да, а можетъ быть—и нѣтъ. Если бы я зналъ, что мнѣ придется возстановлять ихъ силы кровью изъ сердца моей дорогой жены, быть можетъ, я поступилъ бы такъ, какъ вы говорите, высокочтимый господинъ, и не пожалѣлъ бы четверика овса: но если онѣ обошлись мнѣ такъ дорого, то пусть же, рѣшилъ я, все пойдетъ настоящимъ порядкомъ! Пускай рѣшитъ судъ и приговоритъ юнкера откормить мнѣ вороныхъ.

Лютеръ, занятый разными мыслями и снова принявшись за бумаги, обѣщалъ переговорить съ курфюрстомъ, съ уговоромъ, чтобы онъ до тѣхъ поръ сидѣлъ смирно въ замкѣ Лютценъ, а если курфюрстъ согласится дать ему свободный пропускъ, то онъ объ этомъ узнаетъ черезъ наклеенныя на его пути объявленія.

— Не знаю,—продолжалъ онъ, въ то время какъ Кольгаасъ приблизился, чтобы поцѣловать ему руку,—пожелаетъ ли курфюрстъ замѣнить справедливость милостью, потому что онъ стоитъ во главѣ цѣлаго войска, чтобы захватить тебя въ Лютценѣ; во всякомъ случаѣ, обѣщаю тебѣ употребить все мое стараніе.

Затѣмъ онъ всталъ и собрался уходить. Кольгаасъ сказалъ, что его вмѣшательство въ его судьбу его вполнѣ успокоиваетъ. Лютеръ послалъ ему поклонъ рукой, но тотъ вдругъ опустился передъ нимъ на колѣни со словами, что у него на сердцѣ есть и еще просьба къ нему: въ Троицынъ день онъ имѣетъ обыкновеніе принимать трапезу Божію, но въ этомъ году, по случаю его воинственныхъ предпріятій, онъ былъ лишенъ возможности исполнить это, не согласится ли онъ безъ предварительной подготовки отъисповѣдывать его и допустить его до принятія св. Таинствъ.

Лютеръ послѣ минутнаго размышленья, взглянувъ на него пристально, отвѣтилъ ему:

— Хорошо, Кольгаасъ, я не имѣю ничего противъ. Но Господь, тѣло Котораго ты просишь, прощалъ врагамъ своимъ. Согласенъ ли ты тоже простить дворянина Венцеля, который тебя оскорбилъ, отправиться въ Тронкенбургъ, сѣсть тамъ на твоихъ вороныхъ и вернуться съ ними въ Кольгаасенбрюкъ, гдѣ ихъ и откармливать?

— Высокочтимый господинъ!—проговорилъ Кольгаасъ, краснѣя и схвативъ его руку.

— Ну, что же?

— Господь тоже не всѣмъ врагамъ прощалъ. Я готовъ простить курфюрсту, моимъ обоимъ начальникамъ—областному начальнику и управляющему, господамъ Гинцу и Кунцу и всѣмъ остальнымъ, кто меня обидѣлъ въ этомъ дѣлѣ, но юнкера желалъ бы заставить откормить моихъ лошадей.

При этихъ словахъ Лютеръ съ недовольнымъ видомъ повернулся къ нему спиною и взялся за звонокъ. Когда на звонокъ появился въ передней прислужникъ со свѣчей, Кольгаасъ, смущенный, отеръ глаза и такъ какъ прислужникъ напрасно старался открыть дверь, такъ какъ она была заперта на задвижку, а Лютеръ снова занялся своими бумагами, то Кольгаасъ самъ отперъ ему дверь. Лютеръ, указавъ взглядомъ на чужаго, сказалъ вошедшему прислужнику:

— Посвѣти!—послѣ чего этотъ, не безъ удивленія взглянувъ на посторонняго, снялъ со стѣны ключъ и вернулся въ переднюю, ожидая его ухода.

Кольгаасъ въ волненіи, вертя шляпу въ рукахъ, спросилъ:

— Итакъ, многопочитаемый господинъ, я не могу расчитывать на то благодѣтельное примиреніе, о которомъ я васъ просилъ?

Лютеръ отвѣтилъ ему коротко.

— Съ Господомъ Богомъ — нѣтъ, а съ правителемъ страны, какъ уже сказалъ тебѣ, я попытаюсь.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ прислужнику. Кольгаасъ съ грустью скрестилъ руки на груди и послѣдовалъ за человѣкомъ, освѣщавшимъ ему лѣстницу.

На слѣдующее утро Лютеръ отослалъ къ курфюрсту саксонскому посланіе, въ которомъ онъ сообщалъ о прискорбномъ фактѣ утайки отъ него жалобы окружающими его Гинцомъ и Кунцомъ о дѣлѣ фонъ-Тронка и совершенно откровенно высказывалъ, что въ настоящее время ничего не остается болѣе, какъ согласиться на предложеніе лошадинаго барышника и ему, въ силу случившагося, даровать амнистію для возобновленія процесса. Общественное мнѣніе, говорилъ онъ, весьма опаснымъ образомъ на сторонѣ этого человѣка; даже его троекратный поджогъ Виттенберга оправдывается, и если ему будетъ отказано въ его просьбѣ, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ распространять объ этомъ въ народѣ самые неблаговидные слухи и можетъ на столько повліять на него, что всѣ мѣры правительства будутъ безсильны. Въ заключеніе онъ высказывалъ, что въ этомъ исключительномъ случаѣ не слѣдуетъ останавливаться передъ соображеніемъ вступать въ переговоръ съ гражданиномъ, взявшимся за оружіе, что онъ дѣйствительно въ виду обращенія съ нимъ какъ будто исключенъ изъ государства, и что въ сущности къ нему слѣдуетъ отнестись не какъ къ чужестранной силѣ, за которую онъ какъ будто и самъ себя считаетъ, а просто какъ къ мятежнику, который возстаетъ противъ правительства.

Курфюрстъ получилъ это письмо въ присутствіи принца Христіерна фонъ-Мейссенъ, генералиссимуса государства, дяди принца Фридриха Мейссенскаго, разбитаго подъ Мюльбергомъ и тамъ лежавшаго отъ полученныхъ ранъ, въ присутствіи великаго канцлера

суда графа Вреде, графа Кальгейма, президента государственной канцеляріи, обоихъ фонъ-Тронка — Кунца и Гинца, казначея и мундшенка, друзей молодости и повѣренныхъ курфюрста. Казначей Кунцъ, который въ качествѣ тайнаго совѣтника курфюрста велъ его тайную корреспонденцію съ полномочіемъ пользоваться его именемъ и гербомъ, первый держалъ рѣчь и, изложивъ сперва весьма подробно, что онъ никогда не рѣшился бы взять на себя лично уничтожить жалобу барышника Кольгааса на его двоюроднаго брата Венцеля фонъ-Тронка, если бы не былъ введенъ въ заблужденіе фальшивыми показаніями, что все это совершенно неосновательная, безполезная кляуза; затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію настоящаго положенія дѣлъ. Онъ говорилъ, что барышникъ ни по божьему, ни по человѣческому закону не можетъ быть оправданъ, за подобную ошибку позволивъ себѣ столь ужасную месть. Старался представить, въ какомъ сіяніи явилась бы его проклятая личность, если бы отнестись къ нему, какъ къ благородной воинственной силѣ, и позоръ, который бы при этомъ палъ на священную особу курфюрста, былъ бы для него такъ не выносимъ, что онъ, въ пылу своего краснорѣчія, готовъ былъ скорѣе перенести самое ужасное, именно рѣшеніе безумнаго бунтовщика, чтобы юнкеръ, его двоюродный братъ, былъ отправленъ въ Кольгаасенбрюкъ откармливать тамъ его вороныхъ, нежели знать, что предложеніе доктора Лютера будетъ принято. Великій канцлеръ суда, графъ Верде, стоя въ полоборота къ нему, выразилъ свое сожалѣніе, что онъ, проявляющій такую нѣжную заботу къ разъясненію этого непріятнаго дѣла для славы своего повелителя, не проявилъ такой же заботливости въ самомъ началѣ. Онъ представилъ курфюрсту свои опасенія насчетъ привлеченія государственной власти къ примѣненію явно несправедливой мѣры и, между прочимъ, указалъ на то сочувствіе, какимъ барышникъ пользуется въ странѣ, такъ что такимъ образомъ не будетъ конца его злодѣяніямъ, и только поступивъ съ нимъ по справедливости, исправивъ сдѣланную ошибку, правительство можетъ отъ него освободиться. На вопросъ, предложенный присутствующими принцу Христіерну фонъ-Мейссенъ, что̀ онъ имѣетъ сказать, принцъ отвѣтилъ почтительно, обращаясь къ великому канцлеру, что относится съ истиннымъ уваженіемъ къ изложенному имъ мнѣнію, но что они, отстаивая права Кольгааса, забываютъ, что они тѣмъ наносятъ вредъ Лейпцигу и Виттенбергу и всѣмъ мѣстностямъ, потерпѣвшимъ отъ него и имѣющимъ право на возмѣщеніе убытковъ. И потому онъ присоединяется къ мнѣнію камергера фонъ-Тронка — воспользоваться для этого тѣми средствами, какія примѣняются: собрать достаточную военную силу и захватить барышника, расположившагося въ Лютценѣ, или сразить его. Каммергеръ, который самымъ любезнымъ образомъ придвинулъ два стула для него

и для принца, замѣтилъ, что онъ счастливъ, что такой правовѣдъ и осторожный человѣкъ, какъ принцъ, обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, согласенъ съ нимъ въ средствахъ пресѣченія этого двусмысленнаго дѣла. Принцъ, взявъ стулъ въ руки и не садясь, смотря въ упоръ на него, замѣтилъ, что ему нечего особенно радоваться, такъ какъ прежде всего пришлось бы арестовать его за злоупотребленіе дорогимъ для страны именемъ и противъ него начать процессъ. Курфюрстъ, на котораго взглянулъ сконфуженный каммергеръ, покраснѣвъ, отошелъ къ окну. Графъ Кальгеймъ послѣ мучительнаго всеобщаго молчанія замѣтилъ, что такимъ образомъ нѣтъ возможности выйдти изъ заколдованнаго круга. На томъ же основаніи можно привлечь къ отвѣтственности и его племянника принца Фридриха, потому что и онъ нарушилъ данныя ему инструкціи въ своемъ походѣ на Кольгааса на столько, что если бы пришлось перебирать всѣхъ виновныхъ въ томъ затрудненіи, въ которомъ находятся, въ число ихъ пришлось бы включить и его, и правителей страны, пришлось бы и его привлечь къ отвѣтственности за то, что произошло подъ Мюльбергомъ. Мундшенкъ Гинцъ фонъ-Тронка въ то время, какъ курфюрстъ смущенный подошелъ къ его столу, замѣтилъ, что ему рѣшительно не понятно, какъ такіе мудрые люди, какъ собравшіеся тутъ, не могутъ уразумѣть, какое должно быть въ данномъ случаѣ государственное рѣшеніе. Барышникъ Кольгаасъ обѣщаетъ распустить свой отрядъ за одно обѣщаніе вторичнаго разсмотрѣнія его дѣла въ Дрезденѣ и за свободный пропускъ въ Дрезденъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы за всѣ его злодѣянія ему полагалось даровать амнистію — два понятія, которыя, очевидно, и докторъ Лютеръ, и правительство одинаково смѣшиваютъ. «Ибо,—продолжалъ онъ, приткнувъ палецъ къ носу,—если даже на судѣ былъ бы постановленъ оправдательный приговоръ по поводу вороныхъ лошадей, то это не мѣшаетъ нисколько засадить Кольгааса за убійство и грабежъ—весьма остроумный государственный компромисъ, который соединяетъ въ себѣ мнѣнія обоихъ государственныхъ мужей и успѣхъ котораго былъ несомнѣненъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ». Такъ какъ принцъ, а также великій канцлеръ, на это отвѣтили мундшенку Гинцу только взглядомъ, и совѣщаніе этимъ закончилось, то курфюрстъ объявилъ, что всѣ разнообразныя мнѣнія, какія были сегодня высказаны, онъ обсудитъ самъ лично къ слѣдующему совѣщанію. Повидимому, та предварительная мѣра, какую предложилъ принцъ, породила въ его сердцѣ, столь склонномъ къ пріязни, желаніе выступить походомъ противъ Кольгааса, для чего все было уже готово.

По крайней мѣрѣ, онъ задержалъ у себя графа Верде, мнѣніе котораго казалось ему наиболѣе цѣлесообразнымъ, и такъ какъ графъ показалъ ему письма, изъ которыхъ онъ узналъ, что у ло-

шадинаго барышника была уже сила въ 400 человѣкъ, а при всеобщемъ неудовольствіи на камергерра, какое господствуетъ въ странѣ за его непристойности, можно расчитывать, что она возростетъ вдвое, втрое, и потому курфюрстъ рѣшилъ, не откладывая, принять совѣтъ доктора Лютера. Онъ поручилъ графу Вреде веденіе всего дѣла, и черезъ нѣсколько дней появился указъ. Вотъ вкратцѣ его содержаніе.

«Мы и т. д., и т. д., курфюрстъ саксонскій, объявляемъ симъ, въ силу посланія намъ отъ доктора Мартина Лютера, съ ходатайствомъ за Михаила Кольгааса, лошадинаго барышника изъ Бранденбургскаго курфюршества, съ условіемъ, что если дѣло его будетъ снова слушаться въ Дрезденѣ и ему будетъ разрѣшенъ свободный пропускъ, онъ черезъ три дня сложитъ оружіе, съ тѣмъ, однако, что если ему въ Дрезденскомъ судѣ будетъ отказано въ оправдательномъ приговорѣ по его жалобѣ относительно вороныхъ лошадей, къ нему будетъ примѣнена вся строгость закона за его самовольную расправу, а въ противномъ случаѣ ему и всей его шайкѣ будетъ дано помилованіе и полная амнистія за всѣ произведенныя ими насилія».

Едва Кольгаасъ чрезъ доктора Лютера получилъ экземпляръ такого указа, наклееннаго по всей странѣ, онъ немедленно, не смотря на условность, высказанную въ немъ, распустилъ свою шайку, надѣливъ ее подарками, благодарностями и наставленіями.

Все, что у него было имущества въ золотѣ, въ оружіи и инструментахъ, онъ все вручилъ судьямъ въ Лютценѣ, какъ собственность курфюрста. Съ письмомъ насчетъ остальной продажи своей фермы, если возможно, онъ отправилъ Вальдманна къ начальнику въ Кольгаасенбрюкъ, а Штернвальда послалъ въ Шверинъ за дѣтьми, которыхъ онъ снова пожелалъ имѣть при себѣ, затѣмъ, превративъ остатокъ своего маленькаго состоянія въ бумаги, онъ покинулъ замокъ въ Лютценѣ и отправился въ Дрезденъ.

Рано утромъ, когда весь городъ еще спалъ, Кольгаасъ постучался въ дверь маленькаго домика своего помѣстья въ предмѣстьѣ Пирны, которое сохранилось, благодаря честности его управляющаго, и объявилъ старику Томасу, который завѣдывалъ у него хозяйствомъ и который не мало удивился, увидавъ его, чтобы онъ немедленно отправился и оповѣстилъ бы принца Мейссенскаго, что онъ, Кольгаасъ, лошадиный барышникъ, прибылъ. Принцъ Мейссенскій, который рѣшилъ, что всего цѣлесообразнѣе будетъ самому лично разузнать, каковы отношенія съ этимъ человѣкомъ, немедленно прибылъ съ цѣлою свитою рыцарей и погонщиковъ и засталъ всю улицу, ведущую къ дому Кольгааса, наполненную народомъ. Какъ только распространилась вѣсть, что ангелъ смерти тутъ, онъ, который казнитъ притѣснителей народа огнемъ и мечемъ, весь Дрезденъ, городъ и предмѣстья поднялись на ноги, и при-

шлось запереть дверь на замокъ отъ напора любопытной толпы; мальчишки же влѣзали на окна, чтобы посмотрѣть на поджигателя, который преспокойно въ это время завтракалъ. Принцъ, съ помощью караула пробрался въ комнату, гдѣ сидѣлъ полураздѣтый Кольгаасъ, и спрсси́лъ его, дѣйствительно ли онъ Кольгаасъ. На что Кольгассъ, вынувъ изъ-за кушака нѣкоторыя бумаги, утверждающія его личность, и почтительно подавая ихъ ему, отвѣтилъ: «да»,—прибавивъ, что, распустивъ свою шайку, онъ прибылъ въ Дрезденъ, чтобы подать въ судъ жалобы на дворянскаго сына Венцеля фонъ-Тронка за своихъ вороныхъ лошадей.

Принцъ, окинувъ его быстрымъ взглядомъ съ головы до ногъ, пробѣжалъ поданныя ему бумаги, спросилъ, что означало свидѣтельство отъ суда въ Лютценѣ о внесенномъ въ пользу курфюршества имуществѣ и, поразспросивъ его еще кое о чемъ, о его дѣтяхъ, о его состояніи, о его намѣреніяхъ на будущее время и убѣдившись, что онъ не внушаетъ опасеній, возвратилъ ему его бумаги, сказавъ, что препятствій для веденія его процесса не имѣется, и что ему слѣдуетъ для этого обратиться лично къ великому канцлеру суда, графу Вреде. Затѣмъ принцъ, отойдя къ окну и увидѣвъ передъ домомъ собравшуюся толпу, прибавилъ: «На первое время къ тебѣ надо будетъ приставить стражу, которая охраняла бы тебя дома и на улицѣ». Кольгаасъ смущенно молчалъ, опустивъ глаза. «Что дѣлать!—прибавилъ принцъ, отходя отъ окна,—во всемъ случившемся вини самого себя!». Затѣмъ направился къ двери, намѣреваясь уйдти. Кольгаасъ, очнувшись, проговорилъ: «Милостивый государь, поступите со мной, какъ хотите! Обѣщайте мнѣ только одно, что, когда я пожелаю, я могу быть избавленъ отъ караула, тогда я не буду имѣть ничего противъ этой мѣры!». Принцъ отвѣтилъ, что это само собой разумѣется, и затѣмъ, указавъ на троихъ слугъ, онъ объяснилъ имъ, что человѣкъ, въ домѣ котораго они находятся, свободенъ, и что они приставляются къ нему только какъ охрана съ тѣмъ, что, когда онъ будетъ выходить, они обязаны его сопровождать; принцъ движеніемъ руки простился съ барышникомъ и вышелъ.

Въ полдень Кольгаасъ, окруженный громадной толпой, которая, однако, ничѣмъ его не безпокоила, такъ какъ была предупреждена полиціею, въ сопровожденіи своихъ трехъ охранителей, направился къ великому канцлеру суда, графу Вреде. Великій канцлеръ принялъ его чрезвычайно любезно и вѣжливо въ передней, цѣлые два часа разспрашивалъ его о всѣхъ подробностяхъ его дѣла, затѣмъ направилъ его для составленія жалобы къ состоящему при судѣ знаменитому адвокату города. Кольгаасъ, не теряя времени, немедленно отправился къ нему на квартиру; жалоба была составлена совершенно тождественно съ прежнею: онъ просилъ въ ней наказать по закону дворянскаго сына Венцеля фонъ-

Тронка, привести лошадей въ прежнее состояніе и вознаградить его за убытки, а также вернуть убытки, понесенные его слугою Герзе, павшимъ при Мюльбергѣ, и зачесть ихъ въ пользу его оставшейся матери. Затѣмъ, въ сопровожденіи той же любопытной толпы, онъ вернулся къ себѣ, твердо рѣшивъ не выходить болѣе изъ дому, развѣ по особо важнымъ дѣламъ.

Тѣмъ временемъ и дворянскій сынъ Венцель былъ освобожденъ изъ-подъ ареста въ Виттенбергѣ и, когда онъ оправился отъ злокачественной рожи на ногѣ, былъ вызванъ судомъ съ окончательнымъ требованіемъ явиться въ Дрезденъ вслѣдствіе поданной на него жалобы Кольгаасомъ за изнуреніе и приведеніе въ негодность его вороныхъ лошадей. Братья фонъ-Тронка, казначей и мундшенкъ, двоюродные братья Венцеля, у которыхъ онъ остановился, приняли его съ озлобленіемъ и съ презрѣніемъ, обозвали его негодяемъ, презрѣннымъ человѣкомъ, опозорившимъ всю семью, объявили ему, что онъ, безъ сомнѣнія, проиграетъ процессъ, и совѣтовали ему сейчасъ же приняться за откармливаніе лошадей на посмѣяніе всему свѣту. На все это Венцель отвѣтилъ слабымъ дрожащимъ голосомъ, что онъ самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ. Онъ клялся, что не имѣлъ никакого понятія о торговлѣ, которая послужила ему на погибель, и что виноваты во всемъ сторожъ замка и управляющій, которые безъ его вѣдома употребляли лошадей во время жатвы даже частью для своихъ работъ и чрезмѣрною работою изнурили ихъ въ конецъ.

Говоря это, онъ сѣлъ и просилъ не усиливать его страданій новыми оскорбленіями. На другой день гг. Кунцъ и Гинцъ, у которыхъ были земли въ превращенномъ въ пепелъ Тронкенбургѣ, по просьбѣ своего двоюроднаго брата, такъ какъ не оставалось ничего болѣе, написали находящимся тамъ управляющему и арендаторамъ, чтобы они сообщили, что сталось съ тѣми злополучными вороными. Все, что они могли узнать, при совершенномъ опустошеніи мѣстности и истребленіи жителей,—это, что одинъ работникъ, подъ ударами поджигателя, спасая ихъ изъ горящихъ сараевъ, въ которыхъ они стояли, на его вопросъ варвару, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣть, получилъ только въ зубы. Старуха же, домоправительница юнкера, которая бѣжала въ Мейссенъ, отвѣтила на письменный запросъ, что работникъ на слѣдующее утро послѣ той ужасной ночи направился съ лошадьми къ бранденбургской границѣ, но, не смотря на всѣ разспросы, тамъ ничего не узнали, такъ что тутъ очевидно была ошибка: у юнкера не было никакого работника, который бы жилъ въ Бранденбургскомъ курфюршествѣ или по пути въ него. Люди изъ Дрездена, которые черезъ нѣсколько дней послѣ пожара въ Тронкенбургѣ были въ Вильсдруфѣ, разсказывали, что дѣйствительно видѣли именно въ указанное время работника, прибывшаго туда

съ двумя лошадьми, которыхъ онъ велъ на недоуздкѣ, и такъ какъ лошади были до того замучены, что не могли идти дальше, то ихъ пришлось поставить въ коровье стойло у одного пастуха который взялся ихъ привести въ надлежащій видъ. По всѣмъ признакамъ, это и были именно тѣ вороные, которыхъ повсюду искали, но оказалось, что пастухъ, опять-таки по разсказамъ, перепродалъ ихъ неизвѣстно кому; по третьему же варіанту значилось, что лошади эти покончили существованіе своею смертью, и что кости ихъ были сложены въ яму въ Вильсдруфѣ. Гинцъ и Кунцъ, для которыхъ подобный оборотъ дѣла являлся весьма желаннымъ, такъ какъ они избавлялись отъ откармливанія вороныхъ въ своихъ конюшняхъ, что имъ предстояло бы за недостаткомъ конюшенъ у ихъ двоюроднаго брата юнкера, конечно, всячески желали, чтобы подтвердилась истина этого предположенія.

Венцель фонъ-Тронка отправилъ въ судъ въ Вильсдруфъ бумагу отъ себя, какъ отъ вотчинника, наслѣдника лена и судьи, въ которой онъ, описавъ подробно лошадей, излагалъ, что онѣ были поручены ему и пропали въ силу несчастной случайности, и что онъ покорнѣйше проситъ розыскать ихъ и владѣльцу ихъ, кто бы онъ ни былъ, предложить за хорошее вознагражденіе за всѣ сдѣланные расходы предоставить ихъ на конюшни казначея Кунца въ Дрезденѣ. Послѣ этого черезъ нѣсколько дней дѣйствительно появился нѣкій человѣкъ, которому пастухъ изъ Вильсдруфа продалъ ихъ и привелъ ихъ чуть живыхъ, привязанныхъ къ телѣгѣ, въ городъ, на рынокъ. На несчастье Венцеля, а еще болѣе, честнаго Кольгааса, оказалось, что это былъ живодеръ изъ Дёбельна.

Какъ только до Венцеля дошелъ слухъ, что въ городъ прибылъ человѣкъ съ двумя вороными лошадьми, спасенными при пожарѣ въ Тронкенбургѣ, онъ отправился вмѣстѣ съ казначеемъ, своимъ двоюроднымъ братомъ и нѣсколькими слугами на площадь замка, гдѣ онъ стоялъ, чтобы, въ случаѣ, если онѣ окажутся лошадьми Кольгааса, взять ихъ, вознаградивъ за расходы, и отвести домой. Но каково было изумленіе обоихъ фонъ-Тронка, когда они увидали, какъ съ каждою минутою толпа, привлеченная любопытнымъ зрѣлищемъ, увеличивалась и наконецъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ двухколесную телѣгу, къ которой были привязаны лошади, стала со смѣхомъ кричать: «вотъ онѣ — тѣ самыя лошади, изъ-за которыхъ всполошилось все государство,—онѣ въ рукахъ живодера!».

Юнкеръ, подошедшій къ телѣгѣ и внимательно осмотрѣвшій лошадей, которыя, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ околѣютъ, смущенно замѣтилъ, что это не тѣ лошади, которыхъ онъ взялъ у Кольгааса; тогда Кунцъ, казначей, грозно взглянулъ на него, такъ грозно, что будь онъ хоть изъ желѣза, такъ и тогда отъ этого

взгляда онъ превратился бы въ ничто, подошелъ къ живодеру, откинулъ мантію и, показывая свои ордена и цѣпь, спросилъ его, тѣ ли это лошади, которыя принадлежали юнкеру Венцелю фонъ-Тронка и которыхъ увелъ къ себѣ пастухъ изъ Вильсдруфа.

Живодеръ, съ ведромъ въ рукахъ, какъ разъ собирался поить свою толстую, жирную лошадку, которая привезла телѣгу; онъ поставилъ ведро, погладилъ лошадь, вынулъ у нея мундштукъ и спросилъ: какія лошади? Вороныя, тѣ, которыя привязаны къ телѣгѣ, ему продалъ свинопасъ Гайнихенъ, и что ему неизвѣстно, откуда онъ ихъ взялъ, отъ пастуха ли въ Вильсдруфѣ, или отъ кого другаго. А ему,—продолжалъ онъ, поставивъ ведро себѣ на колѣно,—приказалъ посланный отъ суда въ Вильсдруфѣ доставить ихъ въ Дрезденъ въ домъ фонъ-Тронка, и что юнкера, котораго ему указали, зовутъ Кунцъ.

Съ этими словами онъ вылилъ оставшуюся воду, которой не допила лошадь, изъ ведра на мостовую.

Казначей, окруженный насмѣхавшейся толпою, видя, что ничѣмъ не заставить живодера, занятаго своимъ дѣломъ, даже взглянуть на себя, объявилъ ему, что онъ казначей—Кунцъ фонъ-Тронка, лошади же, которыя ему велѣно доставить, должны принадлежать юнкеру Венцелю, его двоюродному брату, что во время пожара онѣ были выведены работникомъ, затѣмъ попали къ пастуху въ Вильсдруфѣ и первоначально принадлежали лошадиному барышнику Кольгаасу; затѣмъ онъ спросилъ молодца, который въ это время, повернувшись къ своей телѣгѣ, раскорячившись поддергивалъ штаны, не взялъ ли ихъ свинопасъ Гайнихенъ отъ пастуха изъ Вильсдруфа или отъ какого нибудь третьяго лица, купившаго ихъ у него, на чтò получилъ въ отвѣтъ, что ему велѣно предоставить лошадей въ Дрезденъ господамъ фонъ-Тронка и получить съ нихъ деньги. Дальше этого ему ничего неизвѣстно, а принадлежали ли онѣ до свинопаса Гайнихена Петру или Павлу, или пастуху изъ Вильсдруфа,—ему безразлично.

Съ этими словами, закинувъ кнутъ себѣ на спину, онъ отправился черезъ площадь въ трактиръ поѣсть, такъ какъ съ дороги проголодался.

Казначей рѣшительно не зналъ, какъ поступить съ лошадьми, которыхъ свинопасъ Гайнихенъ продалъ живодеру изъ Дёбельна, а вдругъ это не тѣ, на которыхъ чортъ проскакалъ по Саксоніи, и потому онъ обратился къ юнкеру за совѣтомъ. Юнкеръ, блѣдный, отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ, что всего благоразумнѣе было бы купить этихъ лошадей, принадлежатъ ли онѣ Кольгаасу, или нѣтъ, послѣ чего казначей въ совершенномъ недоумѣніи, проклиная всѣхъ и все, закинувъ свою мантію, вышелъ вонъ изъ толпы. Онъ подозвалъ къ себѣ барона фонъ-Венка, одного знакомаго, который какъ разъ проѣзжалъ мимо, и на зло насмѣхающейся толпѣ, ко-

торая точно дожидалась только его удаленія, чтобы прыснуть со смѣху, рѣшилъ остаться на площади и попросилъ барона заѣхать къ великому канцлеру Вреде и черезъ его посредство прислать Кольгааса взглянуть на лошадей. Случилось такъ, что Кольгаасъ какъ разъ находился въ это время у канцлера, такъ какъ былъ призванъ имъ для выясненія разныхъ подробностей, касающихся его дѣла. Когда баронъ вошелъ въ комнату, канцлеръ привсталъ съ недовольнымъ лицомъ съ своего мѣста; Кольгаасъ же, котораго тотъ никогда не видалъ, стоялъ въ сторонѣ съ бумагами. Баронъ изложилъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находятся господа фонъ-Тронка, вслѣдствіе недостаточно точнаго заявленія суда въ Вильсдруфѣ, что сюда прибылъ живодеръ изъ Дёбельна съ такими жалкими лошадьми, въ такомъ безнадежномъ состояніи, что юнкеръ Венцель фонъ-Тронка не рѣшается признать ихъ за лошадей Кольгааса, и потому прежде, чѣмъ взять ихъ отъ живодера и помѣстить въ конюшни господъ фонъ-Тронка для попытки привести ихъ въ настоящій видъ, необходимо, чтобы самъ Кольгаасъ видѣлъ ихъ и положилъ конецъ сомнѣніямъ.

— Будьте такъ добры,—заключилъ онъ:—прикажите стражѣ препроводить лошадинаго барышника изъ его дома на площадь, гдѣ стоятъ лошади.

Великій канцлеръ, снявъ очки съ носа, заявилъ, что господинъ казначей дважды ошибается: во-первыхъ, если онъ предполагаетъ, что для выясненія дѣла достаточно Кольгаасу только взглянуть на лошадей, а, во-вторыхъ, если онъ воображаетъ, что онъ, канцлеръ, уполномоченъ доставлять Кольгааса подъ стражею, куда того пожелаетъ юнкеръ. Затѣмъ онъ представилъ ему стоящаго за собою Кольгааса съ тѣмъ, чтобы баронъ лично обратился къ нему по этому дѣлу; самъ же, надѣвъ очки, опустился въ кресло.

Кольгаасъ, который ни однимъ движеніемъ лица не выдалъ того, что у него происходило на душѣ, объявилъ, что онъ готовъ отправиться на рынокъ для осмотра лошадей, которыхъ привелъ въ городъ живодеръ. Въ то время, какъ сконфуженный баронъ оглянулся на него, онъ снова подошелъ къ столу, около котораго сидѣлъ канцлеръ, и, вынувъ изъ своего портфеля еще нѣсколько бумагъ, касающихся его вклада на храненіе въ Лютценѣ, раскланялся съ нимъ, баронъ же, весь красный, отойдя отъ окна, тоже подошелъ проститься съ канцлеромъ, и оба направились въ сопровожденіи трехъ слугъ, приставленныхъ къ Кольгаасу по повелѣнію принца Мейссенскаго, черезъ толпу на площадь. Казначей Кунцъ, по совѣту друзей своихъ, которыхъ оказалось не мало, чтобы поддержать свой авторитетъ передъ народомъ и живодеромъ изъ Дёбельна, какъ только баронъ показался съ лошадинымъ барышникомъ, сейчасъ же подошелъ къ нимъ и, держа съ достоинствомъ и гордостью подъ мышкою свой мечъ, обратился къ нему съ вопрсcомъ, его ли тѣ лошади, которыя привязаны къ телѣгѣ.

Лошадиный барышникъ почтительно приподнялъ шляпу передъ господиномъ, обратившимся къ нему съ вопросомъ, и котораго онъ не зналъ, не отвѣчая ему, подошелъ, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ рыцарей, къ телѣгѣ и на разстояніи 12 шаговъ отъ лошадей, которыя шатаясь, съ вытянутыми впередъ головами, стояли передъ сѣномъ, положеннымъ имъ живодеромъ, и котораго онѣ не ѣли, сказалъ, обращаясь къ казначею: «Всемилостивый государь! Живодеръ правъ! лошади, привязанныя къ его телѣгѣ,— мои!» Затѣмъ, окинувъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ и еще разъ приподнявъ шляпу, онъ удалился съ площади въ сопровожденіи стражи. При этихъ словахъ, казначей быстрыми шагами, отъ которыхъ заколыхался его султанъ, подошелъ къ живодеру и бросилъ ему кошелекъ съ деньгами; пока тотъ считалъ деньги, почесывая волосы оловяннымъ гребешкомъ, онъ приказалъ работнику отвязать лошадей и отвести ихъ домой. Работникъ, на зовъ барина бросившій своихъ родственниковъ и знакомыхъ, съ которыми встрѣтился въ толпѣ, слегка сконфуженный, пробрался черезъ цѣлую кучу навоза къ лошадямъ, но едва онъ взялся за недоуздокъ, какъ его схватилъ за руку его двоюродный братъ Мейстеръ Гимбольдъ и со словами: «Не тронь живодерную клячу!» оттащилъ его отъ телѣги. Затѣмъ пробрался черезъ навозную кучу къ казначею, который въ недоумѣніи молчалъ, и, обращаясь къ нему, прибавилъ, что онъ долженъ имѣть особаго работника при живодерѣ для исполненія подобныхъ приказаній.

Казначей, чуть не съ пѣной у рта, окинувъ взглядомъ Мейстера, обернулся и крикнулъ черезъ головы окружающихъ его рыцарей караульнаго и, какъ только, по распоряженію барона фонъ-Венкъ, изъ замка появился офицеръ съ нѣсколькими тѣлохранителями курфюрста, передавъ имъ вкратцѣ о неприличномъ поведеніи и подстрекательствѣ мѣстныхъ жителей, приказалъ взять зачинщика Мейстера Гимбольда подъ арестъ. Схвативъ Мейстера за грудь, онъ обвинялъ его въ томъ, что когда, по его приказанію, одинъ изъ служителей подошелъ къ телѣгѣ, чтобы отвязать лошадей, онъ, обругавъ, оттолкнулъ этого служителя и не далъ ему исполнить приказанія. На это Мейстеръ, ловко освободясь изъ рукъ казначея, замѣтилъ: «Милостивый баринъ! указать двадцатилѣтнему молодцу, чтò ему дѣлать, не есть подстрекательство. Спросите его, захочетъ ли онъ возиться съ лошадьми, привязанными къ телѣгѣ, послѣ того, что я ему сказалъ. Мнѣ что — пусть онъ съ нихъ хоть кожу деретъ!» При этихъ словахъ, казначей обернулся къ работнику и спросилъ его, имѣетъ ли онъ что нибудь противъ того, чтобъ отвязать лошадей Кольгааса и отвести ихъ домой.

Когда же работникъ, вернувшись въ толпу, изъ нея несмѣло отвѣтилъ, что надо, чтобы лошади были приведены въ порядокъ, прежде чѣмъ поручать ему такое дѣло, казначей наскочилъ на

него сзади, сорвалъ съ него шляпу, украшенную знакомъ его дома, сталъ топтать шляпу ногами и, выхвативъ шпагу изъ ноженъ и нанося ею бѣшеные удары, прогналъ его съ площади и отъ себя со службы. Мейстеръ же Гимбольдъ кричалъ тѣмъ временемъ: «Валите его, варвара, на землю!» Народъ, возбужденный его подстрекательствомъ, бросился къ нему и напалъ на караулъ, самъ же Мейстеръ Гимбольдъ накинулся сзади на казначея, повалилъ его, сорвалъ съ него мантію, воротникъ и шлемъ, вырвалъ изъ рукъ шпагу и забросилъ ее черезъ площадь.

Напрасно юнкеръ Венцель, вырвавшись изъ толпы, звалъ рыцарей на помощь къ своему двоюродному брату: при первой ихъ попыткѣ къ нему приблизиться, народъ оттѣснилъ ихъ, и несчастный казначей, который при паденіи расшибъ себѣ голову, всецѣло былъ отданъ во власть разсвирѣпѣвшей толпѣ.

Только появленіе отряда вооруженныхъ всадниковъ, случайно ѣхавшаго мимо, и котораго призвалъ на помощь офицеръ тѣлохранителей, спасло его.

Разогнавъ толпу, офицеръ схватилъ Мейстера и передалъ его въ руки нѣсколькихъ рыцарей, которые повели его въ тюрьму, а тѣмъ временемъ два друга пострадавшаго казначея, поднявъ его, всего окровавленнаго, направились съ нимъ къ его дому. Вотъ какой печальный былъ исходъ попытки вознаградить лошадинаго барышника за испытанную несправедливость.

Живодеръ изъ Дёбельна, который такимъ образомъ окончилъ возложенную на него обязанность, не желая терять напрасно времени, какъ только толпа стала расходиться, ушелъ, привязавъ лошадей къ фонарному столбу, гдѣ онѣ и простояли цѣлый день на смѣхъ всѣмъ уличнымъ мальчишкамъ и дневнымъ ворамъ. Поздно вечеромъ въ виду приближающейся ночи полиція должна была взять ихъ и послать за Дрезденскимъ живодеромъ, чтобы впредь до дальнѣйшаго распоряженія онъ отвелъ ихъ на городскую живодерню.

Это событіе, хотя въ немъ не былъ повиненъ лошадиный барышникъ, тѣмъ не менѣе породило даже въ самыхъ благонамѣренныхъ и миролюбивыхъ людяхъ настроеніе весьма неблагопріятное для исхода дѣла. Нашли его отношеніе къ государству невыносимымъ и стали поговаривать въ частныхъ домахъ и публично, что лучше поступить съ нимъ прямо несправедливо, чѣмъ поднимать все дѣло снова и добиться справедливости цѣною ряда насилій въ дѣлѣ столь самомъ по себѣ ничтожномъ, только изъ-за его непомѣрнаго упрямства.

На бѣду бѣднаго Кольгааса самъ канцлеръ, изъ чувства слишкомъ большой справедливости и вытекавшей отсюда его ненависти къ семейству фонъ-Тронка, способствовалъ этому настроенію и поддерживалъ его.

Было весьма мало вѣроятія, чтобы лошади, отданныя на попе-

ченіе Дрезденскому живодеру, когда нибудь пришли въ состояніе, въ какомъ онѣ находились на конюшнѣ въ Кольгаасенбрюкѣ, но если бы даже допустить, что при уходѣ и умѣніи это была бы вещь возможная,—при настоящихъ обстоятельствахъ это являлось такимъ позоромъ для семьи юнкера, при положеніи, какое она занимала въ городѣ, что казалось приличнѣе и дешевле вознаградить за лошадей деньгами.

На письмо президента, графа Кальгейма, къ великому канцлеру отъ имени казначея, который былъ все еще боленъ, съ этимъ предложеніемъ, графъ написалъ Кольгаасу, что въ случаѣ, если къ нему обратятся съ подобнымъ предложеніемъ, чтобы онъ отъ него не отказывался, президенту же отвѣтилъ коротко и не особенно любезно, что проситъ его съ частными обращеніями по этому дѣлу его не безпокоить, и посовѣтовалъ ему адресоваться прямо къ Кольгаасу, какъ къ человѣку скромному и не корыстолюбивому.

Лошадиный барышникъ, послѣ всего случившагося на рынкѣ, ожидалъ по совѣту великаго канцлера какого нибудь заявленія со стороны юнкера или его родственниковъ, заранѣе готовый простить все, что было, и принять ихъ условія, но гордымъ рыцарямъ было непріятно сдѣлать первый шагъ; обиженные отвѣтомъ канцлера, они показали его курфюрсту, который на слѣдующее утро посѣтилъ больнаго, израненнаго казначея. Казначей слабымъ, трогательнымъ голосомъ, подходящимъ къ его положенію, спросилъ курфюрста, неужели послѣ того, какъ онъ рисковалъ жизнью изъ-за этого дѣла, содѣйствуя ему согласно желанію курфюрста, онъ долженъ идти еще дальше и отдавать свою честь на поруганіе свѣту и обращаться съ просьбою о сдѣлкѣ къ человѣку, который заклеймилъ позоромъ и стыдомъ его и все его семейство.

Курфюрстъ, прочитавъ письмо, спросилъ сконфуженнымъ тономъ графа Кальгейма, развѣ судъ не имѣетъ права, не вступая ни въ какіе переговоры съ Кольгаасомъ, приговорить къ денежному вознагражденію за лошадей, считая ихъ какъ бы за околѣвшихъ, разъ, что ихъ нельзя привести въ надлежащій видъ.

Графъ отвѣтилъ: «Всемилостивѣйшій государь, онѣ не существуютъ, онѣ мертвыя въ смыслѣ государственнаго права, ибо онѣ не имѣютъ никакой цѣны, онѣ околѣютъ и въ дѣйствительности прежде, нежели ихъ успѣютъ перевести изъ живодерни въ конюшню».

Послѣ чего курфюрстъ, спрятавъ письмо, сказалъ, что самъ переговоритъ съ великимъ канцлеромъ, успокоивая казначея, который приподнялся на кровати и съ благодарностію схватилъ протянутую ему руку, и совѣтуя ему хорошенько беречься; затѣмъ онъ, милостиво простившись, вышелъ изъ комнаты.

Таково было положеніе вещей, когда надъ Кольгаасомъ разразилась новая гроза, пришедшая изъ Лютцена и которую хитрые

рыцари сумѣли направить прямо на голову несчастнаго Кольгааса.

А именно Іоганнъ Нагельшмидтъ, одинъ изъ примкнувшихъ работниковъ къ барышнику и отпущенный имъ послѣ амнистіи курфюрста, набравъ цѣлую шайку всякаго сброда, появился на Богемской границѣ съ намѣреніемъ самому продолжать ремесло Кольгааса. Этотъ негодяй, частью, чтобы внушить страхъ сыщикамъ, которые его преслѣдовали, частью же, чтобы вовлечь деревенскій народъ въ свои мошенническія продѣлки,—назвался намѣстникомъ Кольгааса, распространяя повсюду, что многіе изъ рабочихъ вернулись на родину безъ всякой амнистіи, что самъ Кольгаасъ, по прибытіи въ Дрезденъ, самымъ вѣроломнымъ образомъ былъ схваченъ и заключенъ подъ стражу, и въ указахъ, совершенно схожихъ съ указами Кольгааса, эта новая шайка поджигателей называлась военнымъ отрядомъ, созваннымъ во славу Божію, чтобы отстоять обѣщанную имъ курфюрстомъ амнистію, а въ сущности, чтобы, подъ видомъ преданности къ Кольгаасу и прославленія Бога, только смѣлѣе и безнаказаннѣе совершать грабежи и насилія. При первыхъ извѣстіяхъ объ этомъ рыцари въ Дрезденѣ возликовали отъ того новаго освѣщенія, какое получало все дѣло. Они мудро указывали на сдѣланную ошибку вопреки всѣмъ ихъ предостереженіямъ, на дарованную Кольгаасу амнистію, которая точно поощряла всѣхъ негодяевъ слѣдовать по его слѣдамъ, и не вѣря, чтобы Нагельшмидтъ дѣйствительно съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ интересы Кольгааса, они утверждали, что все это новая мошенническая продѣлка Кольгааса, чтобы напугать правительство и заставить его исполнить по пунктамъ всѣ его требованія.

Мундшенкъ Гинтцъ шелъ еще дальше въ своихъ предположеніяхъ: послѣ одного обѣда у курфюрста, когда около него въ передней собрались разные придворные и охотники, онъ сталъ увѣрять ихъ, что Кольгаасъ и не думалъ на самомъ дѣлѣ распускать своей мошеннической шайки въ Лютценѣ, что все это была лишь низкая комедія, и, посмѣиваясь надъ любовію къ справедливости великаго канцлера, онъ увѣрялъ, подобравъ нѣсколько удачныхъ доказательствъ, что шайка попрежнему держится въ лѣсахъ курфюршества и ждетъ только приказанія Кольгааса, чтобы начать свои нападенія съ мечемъ и огнемъ.

Недовольный подобнымъ оборотомъ дѣла, который угрожалъ большими непріятностями его повелителю, принцъ Христіернъ Мейссенскій отправился въ замокъ, къ курфюрсту и, понявъ намѣреніе рыцарей обвинить Кольгааса еще въ новыхъ проступкахъ, испросилъ позволеніе немедленно сдѣлать барышнику допросъ.

Удивленный Кольгаасъ прибылъ въ губерніумъ, куда его доставилъ сыщикъ, съ двумя дѣтьми на рукахъ, съ сыновьями Ген-

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Авсѣенко, В. Повѣсти и разсказы 2 т. Изд. 2-е. Спб. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

— Скрежетъ зубовный. Романъ. 2 т. Спб. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

*) **Андроникъ Комненъ.** Повѣсть изъ византійской жизни. Спб. Ц. на велен. бумагѣ 75 к.

*) — Повѣсть изъ Византійской исторіи (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 20 к.

Архангельскій, Г., д-ръ мед. Холера въ Петербургѣ въ прежніе годы (Историческая справка). Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Б—аго, Е. М. Штурмомъ. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи. Харьковъ. 1892 г. Ц. 50 к.

*) **Бальзакъ, Г.** Шагреневая кожа. Романъ. (№ 5 „Новой Библіотеки Суворина"). Ц. 60 к.

Барильо, Э. Анализъ виноградныхъ винъ. Одесса. 1892 г. Ц. 75 к.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ (по парижскому изданію 1867 года), въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Тхоржевскаго. Вып. VII. Цѣна каждаго выпуска 20 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Дж. Гарибальди.—Воронцовы. Съ портретами. Спб. 1892 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

Біографія Александра Ивановича Кошелева. Т. II. М. 1892 г. Ц. 4 р.

Богровъ, А. Г., д-ръ. Къ вопросу о леченіи болѣзней нервной системы подвѣшиваніемъ. Одесса. 1891 г. Ц. 50 к.

Богдзевичъ, К. О торговыхъ приказчикахъ. Полный сводъ законовъ и распоряженій правительства, касающихся правъ и обязанностей торговыхъ приказчиковъ, служащихъ по найму въ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ, съ коментаріями. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Боровиковскій, А. Отчетъ судьи. Т. II. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. 1770—1837. Т. VI. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

Броунъ, А. Стеклянный городъ. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Быкова, М. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ ред. проф. И. Р. Тарханова. Вып. 6-й. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Высоковичъ, В., д-ръ. Въ ожиданіи холеры. Изд. 3-е. Харьковъ. 1892 г. Ц. 15 к.

Герценштейнъ, М. Я. Кредитъ для земствъ и городовъ. М. 1892 г. Ц. 75 к.

Губертъ В. Вѣтряная оспа, ея прививаемость и отношеніе къ коровьей и натуральной человѣческой оспѣ. Казань. 1892 г. Ц. 30 к.

Догель, И. М. Табакъ, какъ прихоть и несчастіе человѣка. Изд. 4-е. Казань. 1892 г. Ц. 30 к.

Дѣдловъ. Сашенька. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

*) **Зандъ, Жоржъ.** Бѣсенокъ (la petite Fadette). Романъ. Спб. Ц. на велен. бум. 75 к.

*) — Пріемышъ (François le Chambis). Романъ (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

*) — Бѣсенокъ. Романъ. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

*) — Пріемышъ (François le Champiз). Романъ. Спб. 1892 г. Ц. на велен. бум. 60 к.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Сост. по распоряженію главнаго управленія Государственнаго Коннозаводства, подъ ред. Ю. Юрлова. Т. XIV. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Знаменскій, П. Исторія Казанской духовной академіи за первый періодъ ея

существованія (1812—1870 гг.). Казань. 1892 г. Ц. 2 р.

Золя, Э. Погромъ (La Debâcle). Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Ивановъ, П., д-ръ. Краткій курсъ школьной гигіены. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Иловайскій, С. Косвенное обложеніе въ теоріи и практикѣ. Одесса. 1892 г. Ц. 2 р.

Иллюстрированный альбомъ къ роману „Евгеній Онѣгинъ" А. С. Пушкина. 48 неизданныхъ рисунковъ акад. П. П. Соколова. Издан. В. Г. Готье. М. 1892 г. Ц. 50 р.

Историческій очеркъ Россійскихъ орденовъ и сборникъ основныхъ орденскихъ статутовъ. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

*) **Карамзинъ, Н. М.** Письма русскаго путешественника. Съ портретомъ и рисунками. Изданіе 3-е. 2 т. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 2 т. 1 р.

Кирѣевъ, А. Res tua agitur. Возобновленіе сношеній со старо-католиками. Спб. Ц. 30 к.

Кнейппъ, С. Мое водолеченіе, испытанное въ продолженіе 40 лѣтъ и изложенное для леченія болѣзней и сохраненія здоровья. Пер. съ 34-го нѣм. изданія. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кнорррингъ, Ѳ. Сѣть желѣзнодорожныхъ элеваторовъ, какъ дополненіе портовыхъ. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. 5-й. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Крашевскій, I. Безумная. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

*) **Крестовскій, В.** (Псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 1892 г. Ц. за 5 т. 15 р.

Ледебуръ, А. Сплавы въ ихъ примѣненіи для промышленныхъ цѣлей. М. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Лерминъ, Жюль. Роялистская заговорщица (Reine). Историческій романъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ. Новый рядъ. Т. IV. Кн. 1-я. М. 1892 г. Ц. 1.

Лихтенштадтъ, О. Судебная практика Кассац. Деп—товъ Прав. Сената по гражданск. праву и судопроизводству за 1890 годъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мартыновскій, В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Т. I. Изд. 5-е. Тифлисъ. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

*) **Марлинскій, А.** (А. А. Бестужевъ). Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ.—Красное покрывало.—Ночь на кораблѣ.—Осада. (№ 23 Дешевой Библіотеки, изд. А. С. Суворина). Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 49-й. Съ 9 ю портр. и 15 рис. въ текстѣ. Изд. бывш. Т—ва А. Гарбель и Комп. М. 1892 г. Ц. 30 к., на вел. бум. 40 к.

Никольскій, Д. П., врачъ. Наставленія для предохраненія отъ холеры и принятіе мѣръ въ случаѣ заболѣванія. Спб. Ц. 15 к.

Плещеевъ, Александръ. Въ дорогѣ и дома. (I. Очерки и картинки.—II. Путевые пейзажи). Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Положеніе и правила о земскихъ участковыхъ начальн., город. судьяхъ и волостномъ судѣ. Изд. 2-е, испр. и дополн. 2 т. Спб. Ц. за 2 т. 4 р. 50 к.

Помочь. Вологодскій сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Практическая дендрологія. Вып. 3-й. Э. Л. Вольфъ. Деревья и кустарники въ зимнемъ состояніи. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Приволжскіе города и селенія въ Казанской губ. Изд. Казанскаго Стат. Ком. Казань. 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.

Рони, Ж. До потопа (Vamireh). Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Роу. Очевидныя истины христіанства въ ихъ отношенія къ современной мысли. Апологетическія лекціи. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Русскимъ матерямъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній о матеряхъ и дѣтяхъ. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Салтыковъ, М. Е. Господа Ташкентцы.—Пошехонскіе разсказы.— Круглый годъ. (Полное собраніе сочиненій, т. IX). Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

*) **Сенъ-Пьеръ-де, Бернарденъ.** Павелъ и Виргинія. Перев. съ франц. Ек. Бекетовой (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Скоттъ, Вальтеръ. Карлъ Смѣлый. Историческій романъ. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Слоущъ, Н. Д. Мнемотехника, или искусство укрѣплять память. Одесса. 1892 г. Ц. 35 к.

Соловьевъ, Т. Теорія волевыхъ представленій. Отношенія ея къ специаціи и элеваціи органическаго міра. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1893 году

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1893 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тринадцать лѣтъ (1880—1892).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ** и **Одессѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени".**

— Объявленія —

Русскій чудакъ XVIII столѣтія.

Иллюстрація: Портретъ П. А. Демидова. (Съ портрета, принадлежавшаго Н. И. Путилову).

Графъ К. Г. Разумовскій.

Иллюстрація: Портретъ графа К. Г. Разумовскаго. (Съ гравированнаго портрета Шмидта).

Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.

Иллюстраціи: 1) Портретъ А. В. Храповицкаго. (Съ портрета Левицкаго). 2) Портретъ А. М. Грибовскаго. (Съ миніатюры того времени, принадлежащей его правнукѣ Е. А. Полубояриновой, рожд. Губерти).

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

Иллюстраціи: 1) Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. (Съ рѣдкой гравюры Скородумова). 2) Потемкинъ на смертномъ одрѣ. (Съ рѣдкой гравюры Скородумова). 3) Памятникъ на мѣстѣ кончины Потемкина, въ первоначальномъ видѣ. (Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія). 4) Памятникъ на мѣстѣ кончины Потемкина въ настоящее время. (Съ рисунка съ натуры художника Райляна). 5) Видъ города и порта Николаева въ концѣ прошлаго столѣтія. (Съ рѣдкой гравюры того времени).

Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.

Иллюстрація: Портретъ принца Нассау-Зигена. (Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія).

Кирьяново, дача княгини Дашковой.

Иллюстрація: Видъ Кирьяновскаго дома и сада княгини Дашковой. (Съ весьма рѣдкой гравюры, принадлежащей П. Я. Дашкову).

Александрова дача.

Иллюстраціи: 1) Заглавный листъ къ поэмѣ «Александрова дача». 2) Видъ дома и грота на Александровой дачѣ. 3) Видъ храма Фелицы на Александровой дачѣ. 4) Видъ храма Цереры на Александровой дачѣ. (Съ рисунковъ, приложенныхъ къ поэмѣ «Александрова», увеселительный садъ великаго князя Александра Павловича).

Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.

Иллюстраціи: 1) Встрѣча русскихъ съ англичанами въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ въ 1779 году. (Съ рѣдкой гравюры того времени Эрскина). 2) Первоначальный видъ могилы капитана Клерка въ Петропавловской гавани. (Съ гравюры конца прошлаго столѣтія). 3) Возстановленіе Лаперузомъ могилы Клерка въ 1787 году. (Съ гравюры того времени Пильемона). 4) Памятникъ, сооруженный надъ могилой Клерка въ Петропавловской гавани. (Съ гравюры Чесскаго).

Пѣвица Габріелли.
Подпоручикъ Федосѣевъ.
Семейное преданіе.
Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.
Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.
Кладбищенская литература.

Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ настоящей книгѣ.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА

Съ акварельнаго портрета Теребенева.

Дозв. ценз. спб., 28 сент. 1892 г.

КЛУБЪ КОЗИЦКАГО ДВОРЯНСТВА [1].

IV.

ЛЬГА ЕЩЕ спала крѣпкимъ сномъ, когда Шурочка проснулась. Долго лежала она, почти не шевелясь, отъ скуки оглядывая комнату. Все въ ней было бѣдно, сѣро и грязно. Сильно чувствовалось отсутствіе того тепла и уютности, къ которымъ Шурочка привыкла дома. И даже клочекъ голубаго неба, глядѣвшаго въ комнату сквозь позлащенное яркимъ солнечнымъ лучомъ стекло, казалось, усугублялъ то унылое впечатлѣніе, которое производила окружающая обстановка. Кругомъ царила тишина, судя по которой можно было подумать, что еще очень рано. Шурочка, однако, рѣшилась, наконецъ, разбудить сестру.

— Оля! Олечка!—позвала она.

Ольга перевернулась на другой бокъ. Яркій дневной свѣтъ заставилъ ее открыть глаза.

— Ахъ, Шурка! А я и забыла, что ты здѣсь!—сказала она.— Что же это ты меня будишь ни свѣтъ, ни заря?

— А я боялась, какъ бы ты не проспала. Тебѣ вѣдь надо учиться идти.

— Вѣдь скажешь ты: учиться идти,—засмѣялась Ольга.—Я хожу теперь только на практическія занятія да на дежурство въ Воспитательный. И притомъ сегодня праздникъ. Всѣ еще спятъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. L, стр. 5.

— Я и не знала, что праздникъ. Какъ хорошо!—обрадовалась Шурочка.

— Что же хорошаго? Не все ли равно?—возразила Ольга и начала одѣваться.

Мимоходомъ она привела комнату въ порядокъ. Перенесла съ дивана простыни и подушки къ себѣ на постель и убрала ее, сложила и задвинула подъ кровать коврикъ.

Шурочка, молча, слѣдила за ней взоромъ. Ей показалось, что теперь, утромъ, сестра выглядитъ хуже. Щеки ея ужъ не горѣли, какъ вчера, румянцемъ. Подъ глазами и вокругъ рта легли голубыя тѣни. Вѣки съ густыми темными рѣсницами какъ будто припухли, и ея большіе каріе глаза смотрѣли печально, а лице хранило озабоченное и недовольное выраженіе, даже когда она улыбалась или смѣялась. Она ступала тяжело и неувѣренно, и во всѣхъ движеніяхъ ея было что-то лѣниво-усталое.

— Оля, ты нездорова?—спросила Шурочка.

— Нѣтъ. Съ чего ты взяла?—съ удивленіемъ возразила Ольга.

— Такъ мнѣ показалось.

И, снимая съ серебряной шейной цѣпочки маленькій полотняный мѣшочекъ, Шурочка сказала:

— Убери это къ себѣ. Тутъ деньги.

— Пожалуй,—согласилась Ольга:—сколько тутъ?

— Двѣсти рублей.

— Мать, однако, не поскупилась. Сравнительно со мной ты просто богачка, Шура. То-то ты и носишь свои капиталы на шеѣ.

— Это мама научила,—улыбнулась Шурочка:—и мѣшочекъ она сама сшила.

— Ну, а эти белендрясы у тебя зачѣмъ болтаются?—съ добродушной и снисходительной усмѣшкой спросила Ольга, указывая на золотой крестикъ и серебряный медальонъ на шеѣ у Шурочки.

— Что ты это, Оля? Вѣдь это мой крестильный крестъ. А медальончикъ мнѣ мама подарила передъ отъѣздомъ. Въ немъ образки Божіей Матери и Александры царицы.

— Скажи, пожалуйста! Я совѣтую тебѣ лучше снять это. Надъ тобой смѣяться будутъ.

— Что-жъ тутъ смѣшнаго?—обиженно возразила Шурочка, торопливо застегивая лифъ платья.

— Глупо, несовременно. Отсталыя понятія,—сказала Ольга и, замѣтивъ, что опечалила сестру, прибавила:—ты, однако, не дуйся на меня, Шурка! Потомъ ты и сама усвоишь себѣ либеральные взгляды. Ты видѣла вчера почти всѣхъ нашихъ лучшихъ людей. Они все свободные мыслители.

— Мнѣ они не нравятся,—искренно отозвалась Шурочка.

— Гдѣ жъ тебѣ судить о людяхъ по первому взгляду. Когда узнаешь ихъ ближе, то полюбишь и оцѣнишь ихъ. Между ними есть идеальныя личности.

— А Бегрова?—вспомнила Шурочка.

— Что-жъ? Бегрова — удивительная женщина. Это одна изъ тѣхъ самоотверженныхъ натуръ, которыя за идею готовы отдать жизнь.

— За какую идею?

— За идею свободы, равноправности, эмансипаціи женщины, равномѣрнаго распредѣленія богатствъ, общечеловѣческой любви и всенароднаго братства,—горячо отвѣтила Ольга.

Шурочка съ недоумѣлымъ взглядомъ широко-раскрытыхъ глазъ внимательно выслушала сестру и, подумавъ, сказала:

— А я не знала, что она такая... умная... Мнѣ показалось, что она недобрая.

— Напротивъ,—съ убѣжденіемъ возразила Ольга:—она очень добрая, только ее надо умѣть понять. Такіе люди, какъ Бегрова, болѣютъ за весь міръ, за все человѣчество. Изъ любви къ нимъ они жертвуютъ всѣмъ, значитъ они добрые. Разумѣется, одинъ какой нибудь человѣкъ для нихъ не имѣетъ значенія. Ты, напримѣръ, въ глазахъ Бегровой ничто, но это только потому, что ты рядомъ со всѣмъ человѣчествомъ и въ самомъ дѣлѣ ничто, или почти ничто.

— Не понимаю,—простодушно сказала Шурочка и робко прибавила:—а ты... тоже любишь... весь міръ, какъ Бегрова?

— Нѣтъ,—серьезно отвѣтила Ольга:—я не обладаю для этого ни достаточнымъ характеромъ, ни силой воли. Я эгоистка по своей натурѣ, и до Бегровой мнѣ далеко. Я могу сочувствовать прогрессу, но создавать его своими руками я не умѣю.

Послѣднія слова она договорила съ сожалѣніемъ.

Шурочка съ облегченіемъ вздохнула и рѣшила:

— Ты, всетаки, лучше Бегровой, Оля.

Въ дверь постучали.

— Входи, Вячеславъ,—сказала Ольга.

Дверь отворилась, и на порогѣ остановился высокій, стройный молодой человѣкъ въ черномъ щегольскомъ сюртукѣ, надѣтомъ поверхъ вышитой крестомъ голубой сорочки.

— Моя сестра, Вячеславъ Браниславичъ Вальцевичъ,—познакомила съ нимъ Шурочку Ольга.

Вальцевичъ поклонился, не подавая руки. Шурочка не рѣшилась протянуть ему свою и забыла поклониться, охваченная непонятнымъ для себя самой чувствомъ смущенія, отъ котораго яркая краска залила ея блѣдныя щеки. Какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, она тотчасъ же рассердилась на себя за свою неловкость и способность конфузиться и краснѣть изъ-за пустяковъ, и принудила себя взглянуть на Вальцевича.

Онъ былъ блондинъ. Густые и пушистые, коротко остриженные на красивой, стройной головѣ волосы его казались почти сѣдыми и отливали серебромъ. У него былъ прямой, съ горбинкой, тонкій, характерный польскій носъ, яркія, алыя, нѣсколько длинныя губы, которыя широко раздвигались въ то время, какъ онъ говорилъ или улыбался и обнаруживали рядъ прекрасныхъ блестящихъ зубовъ. Маленькіе темные усы отчасти скрадывали величину рта. Большіе, осѣненные пушистыми темными рѣсницами, сѣрые глаза его глядѣли холодно и непріятно. Странное впечатлѣніе производили они, благодаря чернымъ, слегка изогнутымъ къ переносью, почти сросшимся, точно нарисованнымъ бровямъ. Руки у него были породистыя, бѣлыя, тонкія, съ красивыми, удлиненными, крѣпкими ногтями.

— Прошу извинить, Ольга Александровна,—мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ съ замѣтнымъ польскимъ акцентомъ заговорилъ Вальцевичъ:—я желалъ бы знать, какъ вы собираетесь провести нынѣшній день?

— И сама не знаю,—отвѣтила Ольга:—прежде всего надо ее накормить. Ты вѣрно голодна, Шура?—обратилась она къ сестрѣ.

— Очень,—откровенно созналась Шурочка и опять покраснѣла.

— Еще бы послѣ такой-то дороги!—сказала Ольга.

— Позвольте мнѣ распорядиться, Ольга Александровна!—любезно предложилъ Вальцевичъ:—я велю подать чаю.

— Нѣтъ, у меня другое на умѣ,—возразила она.

— Какъ вамъ угодно.

— Да будетъ тебѣ!—воскликнула Ольга съ шутливой досадой, ударяя легонько Вальцевича по плечу, и, кивнувъ головой на Шурочку, прибавила:—она все знаетъ.

Вальцевичъ улыбнулся, покрутилъ усы и, пріятно осклабившись, произнесъ:

— Тѣмъ лучше или, если хотите, тѣмъ хуже. Во всякомъ случаѣ я радъ,—съ оттѣнкомъ фамильярности въ голосѣ, протягивая Шурочкѣ руку, прибавилъ онъ:—что у меня такая милая bellesoeur.

Шурочка не отвѣчала. Все въ новомъ знакомомъ не нравилось ей и производило на нее отталкивающее впечатлѣніе: и его несомнѣнно очень красивое лице, на которомъ такъ часто появлялось выраженіе заискивающей вѣжливости и почтительнаго вниманія, и наглая, равнодушно-презрительная усмѣшка его алыхъ губъ, и та кошачья гибкость и осторожная мягкость, которою были исполнены всѣ его манеры, каждое его движеніе, и неискренній то слащаво-любезный, то дѣланно-учтивый, то непріятно-фамильярный тонъ его рѣчи.

— И за что Ольга могла полюбить его?—со смѣшаннымъ чувствомъ вражды къ Вальцевичу, сожалѣнія къ сестрѣ и обиды за нее спрашивала себя Шурочка.

— Ты помнишь Анну Петровну Толпыго, Шура?—прервала ея размышленія Ольга.

— Анюту Толпыго? Немножко помню, — отвѣтила Шурочка, между тѣмъ какъ воображеніе неясно рисовало ей образъ низенькой, краснощекой, черноволосой толстушки лѣтъ двадцати, ихъ сосѣдки по хуторамъ, уѣхавшей на акушерскіе курсы, когда Шурочкѣ было еще не болѣе восьми лѣтъ.

— Ну, мы къ ней пойдемъ. Сегодня воскресенье. Она угоститъ насъ отличнымъ пирогомъ и напоитъ кофеемъ. Да и тебѣ, Шурка, не мѣшаетъ возобновить съ ней знакомство: изъ нея вышла замѣчательная личность. Ты пойдешь, Вячеславъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

На улицѣ Шурочка почувствовала себя легко и бодро, почти весело. Стоялъ одинъ изъ тѣхъ нежаркихъ, но ясныхъ и тихихъ дней, какими лѣто даритъ въ концѣ августа, какъ бы желая оставить по себѣ на прощанье свѣтлое воспоминаніе. Небо ярко-голубымъ шатромъ раскинулось надъ Москвой. Золотыя маковки церквей сверкали подъ лучами солнца. Птицы рѣяли въ воздухѣ, оглашая его криками. Темно-зеленыя, кудрявыя липы широкаго, прямаго, какъ стрѣла, бульвара, казалось, сохраняли еще всю свою свѣжесть и силу. Служба въ церквахъ еще не кончилась, и на улицахъ было мало народу. На бульварѣ тоже почти никого не было. Около будки играла кучка маленькихъ грязныхъ ребятишекъ, дѣтей городоваго и дворниковъ. На одной изъ скамеекъ, на припёкѣ расположился мастеровой съ гармоникой въ рукахъ. Судя по его довольному, красному лицу и сдвинутому на затылокъ картузу, онъ уже успѣлъ выпить.

Вальцевичъ велъ своихъ обѣихъ дамъ подъ-руку. Шурочка живо интересовалась всѣмъ, что видѣла, и закидывала вопросами и его и сестру. Ни одинъ болѣе или менѣе красивый или большой домъ не былъ оставленъ ею безъ вниманія.

— Это что за домъ?—спрашивала она на каждомъ шагу.

Вальцевичъ, обладавшій прекрасной памятью и имѣвшій привычку знать всѣ подъ рядъ дома на тѣхъ улицахъ, гдѣ онъ жилъ, или гдѣ ему приходилось часто ходить, спѣшилъ удовлетворить ея любопытство.

— Домъ купца такого-то... домъ почетнаго гражданина такого-то,—называлъ онъ.

И замѣтивъ, что на лицѣ Шурочки появилось выраженіе нѣкотораго разочарованія, онъ насмѣшливо сказалъ:

— А вы думали, что это все музеи понастроены? Нѣтъ-съ. Музеи у насъ куда похуже.

— Ну, а это чей домъ?—перебила его Шурочка, заинтересовавшись большимъ тяжелымъ зданіемъ гороховаго цвѣта съ пузатыми рѣшетками у оконъ нижняго этажа, приходившимися почти въ уро-

венъ съ тротуаромъ, съ лѣпными украшеніями въ видѣ рыцарскихъ головъ въ шлемахъ съ перьями и съ опущенными забралами, съ низенькой парадной дверью на улицу, входъ въ которую ограждали два пожарныхъ въ мѣдныхъ каскахъ.

— Это—казенный домъ, резиденція здѣшняго блюстителя благочинія.

Шурочка не поняла, что хотѣлъ этимъ сказать Вальцевичъ, но не стала разспрашивать дальше. Ей не понравился двусмысленный тонъ ея собесѣдника.

Они повернули съ бульвара на Тверскую, прошли два узкихъ небольшихъ переулка и, выйдя на Петровку, вступили сквозь темныя и длинныя, какъ туннель, ворота во дворъ громаднаго пятиэтажнаго дома, выходившаго сторонами на три улицы и вмѣщавшаго до ста квартиръ. Не смотря на то, что про этотъ домъ ходили разные неблаговидные анекдоты, въ родѣ того, что верхніе этажи выведены въ полтора и даже въ одинъ кирпичъ, не смотря на утвердившіеся за нимъ нелестные эпитеты «сквознаго», «карточнаго», «гнилаго» и т. п., онъ былъ полонъ жильцами, которыхъ не останавливали даже такія неудобства, какъ некрашенные полы, небѣленые потолки и неоклеенныя обоями стѣны. Неизвѣстно, отъ какихъ причинъ это зависѣло. Оттого ли, что люди вообще падки на все дешевое, или оттого, что мѣсто было слишкомъ бойкое, или просто оттого, что домъ удовлетворялъ требованіямъ жильца средней руки. Подвальные этажи были наполнены промышленными заведеніями, молочными, пивными и квасными, мелочными и табачными лавками, выше помѣщались доктора, присяжные повѣренные, бельэтажъ занимали всевозможныя учебныя заведенія—школы кройки, классы музыки и пѣнія. Еще выше ютились меблированныя комнаты, мастерскія дамскихъ нарядовъ, портные, агенты, наконецъ, просто служащій людъ. Посреди перваго двора дома былъ разбитъ скверъ, а далѣе возвышались еще два флигеля, отдѣленные другъ отъ друга вторымъ дворомъ поменьше и безъ сквера, и, наконецъ, третій дворъ представлялъ узкую мощеную улицу отъ воротъ главнаго дома къ воротамъ, выходившимъ на параллельную съ Петровкой улицу. Два флигеля были такъ же высоки, но отличались, если позволено будетъ такъ выразиться, еще болѣе деликатнымъ сложеніемъ, благодаря которому всѣ квартиры были холодныя и сырыя, въ чемъ было можно убѣдиться и при поверхностномъ обзорѣ. Они были заселены соотвѣтствующими жильцами. Вывѣски прачекъ, мѣдниковъ, слесарей, водопроводчиковъ, сапожниковъ, часовщиковъ такъ и пестрѣли внизу. Но особенно много здѣсь было мелкихъ меблированныхъ комнатъ со столомъ. Содержали ихъ преимущественно дамы, вдовы чиновниковъ, офицеровъ, старыя дѣвы, учительницы, акушерки и тому подобныя интеллигентки, живущія собственнымъ заработкомъ. Нахлѣбниками и жиль-

цами у нихъ были обыкновенно студенты, народъ невзыскательный, легко мирившійся съ дурными климатическими условіями и предпочитавшій такъ называемый «домашній» столъ этихъ дамъ кухмистерскимъ. Мало-по-малу нѣкоторыя изъ этихъ меблированныхъ комнатъ, благодаря своимъ качествамъ, но чаще не столько послѣднимъ, сколько степени развитія и либеральности взглядовъ своихъ хозяекъ, пріобрѣли между студентами репутацію. Они охотно селились въ нихъ, а хозяйки предпочитали ихъ всякимъ другимъ жильцамъ. Такимъ образомъ во дворѣ описываемаго дома образовалась, такъ сказать, студенческая резиденція, столь полюбившаяся просвѣщенной университетской молодежи, что она не желала мѣнять ее ни на какую другую и назвала ее, несомнѣнно желая выразить этимъ названіемъ свое дружеское расположеніе,—«Лисатами». Но здѣсь слѣдуетъ сдѣлать отступленіе, чтобы объяснить читателю, въ чемъ заключалось значеніе этого прозвища, и какое любезное сердцу иныхъ сторонниковъ прогресса воспоминаніе съ нимъ было связано.

Въ свое время, въ счастливые шестидесятые годы, отъ которыхъ еще до сихъ подъ по привычкѣ ведется лѣтосчисленіе нашего преуспѣянія, существовали подлинные «Лисаты», настоящіе студенческіе «Лисаты» той незабвенной эпохи, о которой такъ много кричали ея современники и отъ которой въ настоящее время осталось такъ мало, если не считать этихъ уцѣлѣвшихъ современниковъ. Надо себѣ представить, каковы были и студенты, населявшіе «Лисаты», номера, описанные Писемскимъ, писателемъ тѣхъ же благословенныхъ шестидесятыхъ годовъ. То были не просто студенты, то были студенты-граждане, студенты-борцы, носители широкихъ и свѣтлыхъ идеаловъ, широкополыхъ поярковыхъ шляпъ, кургузыхъ пальто и достопамятныхъ рыжихъ пледовъ. Вотъ что были «Лисаты» когда-то. И что же удивительнаго, что въ одномъ названіи ихъ,—кстати сказать, довольно неясномъ, такъ какъ за давностію совершенно забыли, откуда оно взялось,—было уже нѣчто родное и пріятное для преемниковъ шестидесятниковъ, намекъ на прекрасное минувшее, пароль его и лозунгъ.

Анна Петровна Толпыго жила въ «Лисатахъ» и нѣкоторымъ образомъ олицетворяла одну изъ существенныхъ ихъ частей, ибо тоже держала меблированныя комнаты и имѣла нахлѣбниковъ студентовъ. Квартира ея находилась въ четвертомъ этажѣ по крутой и грязной, каменной лѣстницѣ, выходившей на второй дворъ. Другаго хода, какъ и во всѣхъ подобныхъ квартирахъ, не было. Тѣмъ не менѣе квартира была одна изъ лучшихъ въ домѣ и состояла изъ шести комнатъ и кухни. Съ площадки лѣстницы наружная дверь вела прямо въ узкій, длинный и темный корридоръ. По лѣвой сторонѣ корридора шли сподрядъ четыре комнаты, изъ которыхъ только одна была въ два окна, всѣ остальныя были въ одно

окно, и кухня. Всѣ эти окна выходили на скверъ передняго двора. По лѣвой сторонѣ корридора въ самомъ концѣ его были еще двѣ маленькія комнаты. Квартира эта ходила за тридцать семь рублей въ мѣсяцъ безъ дровъ и безъ услугъ дворниковъ, которымъ по московскому обычаю опредѣленнаго вознагражденія не полагается, а всякій жилецъ даетъ на чай по мѣрѣ надобности и возможности.

По профессіи Анна Петровна была акушерка, въ чемъ удостовѣряла прибитая на ея двери доска: «Sage-femme. Hebamme». Въ первое время своей акушерской дѣятельности Анна Петровна пріобрѣла даже нѣкоторую извѣстность и могла надѣяться на сравнительно блестящую карьеру, но хорошую практику она очень скоро растеряла, чему не мало способствовали нѣкоторыя свойства ея характера, съ которыми читатель познакомится ниже. Въ то время, когда ее застаетъ нашъ разсказъ, она исключительно жила своими меблированными комнатами, такъ какъ кліенты ея, правда очень многочисленные, были все народъ небогатый, а то и совсѣмъ бѣдняки изъ живущихъ тутъ же въ домѣ или изъ своего брата учащихся. Эти кліенты ее любили, не смотря на нѣкоторые недостатки, главнымъ образомъ за ея безкорыстіе. Она тоже любила ихъ, трудно сказать за что, ухаживала за ними съ свойственнымъ ей нѣсколько грубоватымъ усердіемъ въ качествѣ ученой женщины, которой дѣла по горло и некогда заниматься телячьими нѣжностями, и многочисленныхъ «внучковъ» своихъ баловала и дарила сластями, игрушками, а иногда и платьемъ, на сколько позволяли средства.

Но пусть лучше читатель самъ познакомится съ Анной Петровной. Когда наши молодые люди поднялись по лѣстницѣ, и Вальцевичъ дернулъ звонокъ, издавшій болѣзненный дребезжащій звукъ, изнутри квартиры послышались торопливые шаги по направленію къ двери, но вдругъ они стихли и рѣзкій, раздраженный женскій голосъ вскричалъ:

— Кто тамъ? Идите. Отперто.

Они вошли и на мгновенье очутились въ совершенной темнотѣ, но Ольга распахнула первую дверь налѣво, и Шурочка разглядѣла корридоръ и въ концѣ его какую-то темную фигуру.

— А! это вы, Ольга Ховренко?—закричала фигура, разглядѣвъ Ольгу Александровну, стоявшую въ полосѣ свѣта отъ отворенной двери:—и Вячеславка съ вами? Входите, входите въ любую комнату. Никого еще нѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ фигура исчезла, и гости вошли въ большую свѣтлую комнату, меблированную по обычному шаблону дешевыхъ меблированныхъ комнатъ: комодъ у одной стѣны, письменный столъ у противоположной ей, раскрытый ломберный столъ въ простѣнкѣ, съ полдюжины желтыхъ вѣнскихъ стульевъ, большое продавленное кресло у окна, слабый намекъ на отсутствующій ком-

фортъ, и надъ всей этой обстановкой подавляющее преобладаніе голыхъ сѣрыхъ стѣнъ.

Шурочка не успѣла еще оглядѣться, какъ въ комнату вбѣжала маленькая, подвижная и до такой степени худая женщина, что ея заострившійся носъ и костлявыя плечи бросались въ глаза. Вытирая на ходу обсыпанныя мукой маленькія, тонкія руки надѣтымъ на ней темнымъ ситцевымъ фартукомъ, она приблизилась къ гостямъ и, торопливо пожавъ каждому изъ нихъ руку, спросила:

— Пирогъ ѣсть будете?

— Ради пирога мы собственно и пожаловали, — засмѣялась Ольга:—и потомъ хотѣлось показать вамъ ее.

Она указала на Шурочку.

— Александра? Да?—отрывисто спросила Анна Петровна и прибавила:—выросла!

— Слава Богу! — воскликнула Шурочка, у которой смущеніе уступило удивленію:—я вѣдь тогда ребенкомъ была.

И, сказавъ это, она смолкла, почувствовавъ нѣкоторую неловкость, и пристальнѣе поглядѣла на Анну Петровну.

Ни въ лицѣ ея, ни въ фигурѣ, ни въ манерахъ, ни въ голосѣ не нашла она ничего похожаго на ту Анюту Толпыго, которую она когда-то знала.

Лице этой женщины не могло не поразить всякаго, кто ее видѣлъ въ первый разъ. Блѣдное, страшно худое съ обозначавшимися костями лба, провалившимися висками и горящими изступленными глазами, оно производило ужасное впечатлѣніе своимъ болѣзненнымъ, напряженно-страдальческимъ, измученнымъ и возбужденнымъ выраженіемъ. Глядя на эту женщину, никому не пришло бы въ голову спрашивать себя, красива она или нѣтъ, умна или глупа, добра или зла. Но многіе подумали бы, что она доведена до послѣдней степени горя и отчаянія, потеряла всякую мѣрку и вотъ-вотъ рѣшится на какой нибудь ошеломляющій поступокъ, на что нибудь совсѣмъ выходящее изъ ряда вонъ. Ея блѣдныя, тонкія и сухія губы нервно подергивались, вѣки вздрагивали, слабыя худыя руки дрожали—все это, вмѣстѣ съ неровной, спотыкающейся, стремительной походкой и надтреснутымъ, истеричнымъ, то совершенно глухимъ, падавшимъ до шепота, то визгливымъ и крикливымъ голосомъ, только усиливало впечатлѣніе. Заношенный, лоснящійся на локтяхъ, на спинѣ, на груди и по швамъ коричневый ватерпруфъ сидѣлъ на ней, какъ съ чужаго плеча, и еслибъ его не поддерживалъ туго подвязанный фартукъ, кажется, свалился бы на полъ. Длинная, обтрепанная, черная юбка била ее по босымъ ногамъ, на которыхъ едва держались кожаные туфли. Черные блестящіе волосы, слабо заплетенные въ коротенькую, жидкую косичку, растрепались, и непослушныя сухія пряди ихъ лѣзли

ей изъ-за ушей на лице. Воспаленный взглядъ ея большихъ темныхъ глазъ растерянно скользилъ по лицамъ посѣтителей, не останавливаясь надолго ни на одномъ изъ нихъ. Она разсѣянно слушала то, что ей говорили, видимо занятая собственными мыслями.

— Учиться пріѣхала? — бросила она Шурочкѣ, не обративъ вниманія на ея восклицаніе.

И, не дождавшись отвѣта, сѣла на подоконникъ и, вытянувъ передъ собой сложенныя руки, тихонько запѣла:

«Ноги босы, грязно тѣло
«И едва прикрыта грудь...
«Не стыдися, что за дѣло!
«Это многихъ славный путь»...

При послѣднихъ словахъ она съ выраженіемъ комической ироніи ударила себя въ грудь кулакомъ и, истерически всхлипывая, захлебываясь и взвизгивая, принялась хохотать.

— Да будетъ вамъ, Анна Петровна!—остановила ее Ольга:—опять вы... Лельку еще разбудите. Вѣдь она вѣрно спитъ еще у васъ?

— Спитъ Лелька, спитъ,—разсѣянно отвѣчала Анна Петровна и вдругъ, схвативъ себя за голову обѣими руками, вскричала:

— Ахъ, я дура непокрытая! Рубашка-то у меня ей не выглажена!—выбѣжала изъ комнаты.

— Вотъ она всегда такъ!—воскликнула Ольга.

— Сумасшедшая женщина! — презрительно пожавъ плечами, сквозь зубы процѣдилъ Вальцевичъ.

— Какая она, должно быть, несчастная! Мнѣ жалко ее!—сказала Шурочка.

— Еще бы! Сколько выстрадалъ человѣкъ!—заговорила Ольга.—Вотъ, Шурка, про нее можно сказать, что она принесла себя въ жертву общему дѣлу.

— Какому? — хотѣла спросить Шурочка и не успѣла: Анна Петровна влетѣла снова въ комнату со скатертью подъ мышкой и съ тарелками въ обѣихъ рукахъ.

Она отодвинула столъ отъ стѣны и накрыла его. Дѣло такъ и кипѣло у нея.

— Прибѣжала на кухню, а пирогъ-то у меня ужъ пригораетъ,—на ходу говорила она:—такъ и не успѣла погладить рубашонку! Ну, и чортъ съ ней! Пускай безъ рубашки остается Лелька. Она мнѣ вчера палецъ чуть не откусила.

— А вы все ссоритесь?—спросила Ольга.

— Ругаемся, мать моя, ругаемся съ дьяволенкомъ моимъ,—отвѣчала Анна Петровна:—вся въ отца, въ чорта, уродилась. Сладу нѣтъ.

— Вы не умѣете съ ней обращаться: то балуете безъ мѣры, то наказываете, когда она не виновата,—сказала Ольга.

Анна Петровна безнадежно махнула рукой, выходя изъ комнаты. Она вернулась съ огромнымъ румянымъ пирогомъ на блюдѣ и поставила его на столъ.

— Кушайте, граждане! Другъ-то мой Крестовоздвиженскій хотѣлъ прійти, да ужъ и не знаю, придетъ ли. Придетъ, чай, коли про пирогъ вспомнитъ.

— И вы садитесь, Анна Петровна!—сказала Ольга.—Что вы все бѣгаете. Мы безъ васъ ѣсть не станемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, только кофей заварю... Ахъ, ты, Господи! Самаго главнаго-то и нѣтъ. Вячеславка!—обратилась она къ Вальцевичу:—выручи, голубчикъ! Сбѣгай за водочкой. Погребокъ-то у насъ тутъ внизу. А?

— Ну, вотъ еще!—пренебрежительно отозвался Вальцевичъ и недовольнымъ тономъ прибавилъ:—и что у васъ за фамильярность по отношенію къ постороннимъ почти людямъ!

— Скажите, пожалуйста! Ахъ, ты, аристократъ соломенный! Да плевать мнѣ на тебя. Я и сама дорогу знаю.

Она метнулась въ переднюю и побѣжала изъ дому, хлопнувъ за собой наружной дверью.

— А вѣдь она уже на второмъ взводѣ, — предположилъ Вальцевичъ.

— Пожалуй,—согласилась Ольга.—Давайте ѣсть пирогъ. Шурка, на тебѣ тарелку.

Она принялась разрѣзывать пирогъ.

Дверь снова хлопнула. Кто-то вошелъ.

— Кто тамъ?—окликнула Ольга.

Вмѣсто отвѣта раздалось продолжительное откашливанье, сморканье, пыхтѣнье. Новоприбывшій долго и тяжело возился въ коридорѣ и наконецъ вошелъ въ комнату. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, жирный и толстый, одѣтый въ широкія, короткія черныя панталоны и черный же сюртукъ, морщившій въ таліи и собиравшійся въ складки на плечахъ. Изъ узкихъ и короткихъ рукавовъ его далеко выставлялись туго накрахмаленныя манжеты, а изъ нихъ высовывались пухлыя, жирныя и розовыя съ обгрызенными до нельзя, четвероугольными, плоскими ногтями руки. Лице у него было, что называется, бабье—розовое, пухлое, лишенное признаковъ растительности, жирное, гладкое и неумное. На узенькій лобъ свѣшивались косицы гладко-причесанныхъ и щедро напомаженныхъ свѣтло-русыхъ волосъ, которые плотно прилегали къ его большой, круглой головѣ и оставляли открытымъ широкій, жирный, въ складкахъ, розовый затылокъ, вылѣзавшій изъ-за отложнаго ворота крахмальной сорочки. Маленькіе заплывшіе жиромъ, голубоватые, свиные глазки его сладко щурились и не безъ наглости улыбались; при взглядѣ на его оттопыренныя, толстыя, широкія, мокрыя губы, невольно хотѣлось

назвать его губошлепомъ. Ступалъ онъ тяжело, помедвѣжьему, переваливаясь съ ноги на ногу, и голову держалъ нѣсколько внизъ.

Человѣкъ этотъ, войдя осторожно, оглядѣлся и, видя кругомъ все незнакомыя лица, дошелъ до середины комнаты и сдѣлалъ общій поклонъ, причемъ и фигура его, и разставленныя передъ собой короткія, толстыя руки, и движеніе его наклоненной головы дѣлали его какъ нельзя болѣе похожимъ на ученаго медвѣдя именно въ тотъ моментъ, когда хозяинъ его поводырь обращается къ нему съ замысловатымъ вопросомъ: «А, ну-ка, Мишенька, покажи, какъ старыя бабы Богу молятся?».

Затѣмъ прибывшій еще разъ окинулъ взглядомъ завтракавшихъ и тонкимъ, бабьимъ голосомъ, сладко улыбнувшись, проговорилъ:

— Достопочтенной хозяйки дома, какъ я вижу, въ настоящую минуту на лице не имѣется. Позвольте представиться: литераторъ Амфилохій Галактіоновичъ Крестовоздвиженскій.

Вальцевичъ съ насмѣшливой улыбочкой назвалъ ему себя и своихъ дамъ и предложилъ подсѣсть къ столу.

Крестовоздвиженскій подвинулъ стулъ, усѣлся, плотоядно посмотрѣлъ на пирогъ и, выбравъ кусокъ побольше, положилъ его себѣ на тарелку.

— Къ прискорбію своему,—обратился онъ къ Вальцевичу:—я замѣчаю на столѣ отсутствіе нѣкоего весьма желательнаго элемента. Легкомысленная женщина эта Анна Петровна! Вотъ ужъ именно: vivit, et est vitae nescius ipse suae, то-есть живетъ и закона жизни своей не вѣдаетъ.

Дверь въ передней хлопнула. Вернулась Анна Петровна. Задыхающаяся и раскраснѣвшаяся, она сѣла на первый попавшійся стулъ и вытащила изъ кармановъ своего ватерпруфа два полштофа.

— Благодѣтельница!—воскликнулъ Крестовоздвиженскій:—а я уже обвинилъ васъ въ легкомысліи, но не уявися, что будетъ. Теперь бы только рюмочекъ.

Анна Петровна принесла двѣ рюмки и три стакана.

— А штопоръ вчера Лелька бестія сломала,—объявила она:—откупоривайте, какъ знаете.

— Можно въ лавочкѣ взять,—посовѣтовалъ Вальцевичъ.

— Не стоитъ-съ,—сказалъ Крестовоздвиженскій и съ ловкостью, которой никто бы не могъ ожидать отъ него, взявъ бутылку въ одну руку, ударилъ дномъ ея въ ладонь другой руки и вышибъ пробку, причемъ не пролилъ ни капли.

— Ну, штука!—похвалилъ его Вальцевичъ:—гдѣ это вы навострились?

— Привычка-съ, долголѣтняя практика,—скромно улыбнулся Крестовоздвиженскій и налилъ всѣмъ водки.

Рюмки онъ подалъ Ольгѣ и Шурочкѣ. Ольга, однако, перемѣнила свою рюмку на стаканъ Вальцевича, который не любилъ водки.

Анна Петровна тотчасъ же взяла свой стаканъ и хотѣла сразу выпить его, но закашлялась и расплакалась. Успокоившись, она выпила все, взяла маленькій кусочекъ пирога и принялась торопливо ѣсть, давясь и кашляя.

Крестовоздвиженскій методически опрокинулъ себѣ въ ротъ полстакана и взялъ съ блюда еще кусокъ пирога.

— Кушайте, кушайте,—угощала Анна Петровна.—Саша, ѣшь!—приглашала она Шурочку:—да выпей, рюмочку-то можно, аппетитъ придетъ.

— Анна Петровна,—сказала Ольга:—я вѣдь собственно хотѣла съ вами посовѣтоваться насчетъ Шуры. Во-первыхъ, она немножко опоздала, ну, это, положимъ, не Богъ знаетъ, какая бѣда...

— Захотятъ, другъ ты мой, придраться, придерутся и къ этому,—перебила Анна Петровна.

— Ну, да всетаки это пустяки. А главное-то вотъ что: какъ бы ее намъ на стипендію устроить. А?

— Зачѣмъ же на стипендію? — вмѣшалась удивленная Шурочка:—вѣдь мама дала...

— Молчи, пожалуйста,—съ досадой остановила ее Ольга и, обращаясь къ Аннѣ Петровнѣ, продолжала:—она, видите ли, привезла съ собой изъ дому двѣсти рублей и думаетъ, что это состояніе.

— Двѣсти рублей!—воскликнула Анна Петровна.—Родные мои, дайте вы мнѣ взаймы хоть десяточку! Нѣтъ, что я, дура! Это мнѣ и глядѣть не на что: двадцать пять рублей, меньше не обойдешься,—раздумывала она вслухъ.

— Я, право, не знаю,—отвѣтила Ольга, пораженная неожиданностью:—вѣдь деньги собственно Шуркины.

— Я дамъ вамъ, Анна Петровна, двадцать пять рублей,—смущенно сказала Шурочка и, поглядѣвъ на сестру, она робко прибавила:—вѣдь у насъ еще много останется.

— Ну, что за глупость!—вмѣшался Вальцевичъ.—Аннѣ Петровнѣ совсѣмъ ужъ не такъ нужны деньги...

— Нужны, ей-Богу, нужны!—перебила его Анна Петровна.

Она ужъ не говорила, а кричала, постепенно входя все въ большій азартъ. Крестовоздвиженскій молча уписывалъ пирогъ кусокъ за кускомъ и пилъ водку.

— Погодите, Анна Петровна!—успокоительнымъ тономъ начала Ольга: — мы это какъ нибудь уладимъ. А прежде скажите мнѣ, какъ бы стипендію-то добыть.

— Да кто-жъ ее знаетъ?—отвѣтила Анна Петровна:—Гугенбергера просите.

— Знаю, что Гугенбергера, да надо, чтобъ ему кто нибудь изъ докторовъ словечко замолвилъ. Голубушка, вы всѣхъ тамъ знаете, къ кому бы обратиться черезъ васъ?

Анна Петровна задумалась.

— Есть, есть расподлецъ одинъ! — вскричала она съ торжествомъ: — знакомъ, какже знакомъ. Я дамъ вамъ къ нему записочку. Не откажетъ, чай, безстыжіе глаза, посовѣстится.

— Ну, вотъ спасибо. Еще вотъ что: если у васъ есть большая комната свободная, то я заняла бы ее у васъ. Я хочу уѣхать изъ «Руси».

— Что такъ?

— Да я ужъ давно собираюсь, да денегъ не было. Теперь расплачусь и переѣду. Мы съ Шуркой у васъ бы и поселились. Шура могла бы съ вами и съ Лелькой спать, а мнѣ вы дали бы отдѣльную комнату.

— Голубушка моя, не знаю, что и сказать! Вѣдь я въ долгу, какъ въ шелку. Управляющій съ квартиры гонитъ, а жильцовъ одна только Лейбова, да и та не платитъ. Цѣлое лѣто я вѣдь даромъ эту прорву держала. Хочу плюнуть на все, да уѣхать на земское мѣсто.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ,—разсудительно заговорилъ Вальцевичъ:—вы, Анна Петровна, нуждаетесь въ деньгахъ и въ жильцахъ. Ольга Александровна можетъ ссудить васъ нѣкоторой суммой и хочетъ занять у васъ комнату. Я съ своей стороны тоже непрочь нанимать лучше у васъ, чѣмъ въ «Руси». Что же васъ затрудняетъ?

— Ахъ, Господи! Да надоѣла мнѣ вся эта возня! Ну, ихъ къ Богу, и всѣхъ жильцовъ. Замучилась я, совсѣмъ замучилась, — упавшимъ голосомъ заключила она.

— Тогда я предлагаю вамъ такую комбинацію,—продолжалъ Вальцевичъ: — Ольга Александровна заплатитъ, что слѣдуетъ, за квартиру и переѣдетъ жить сюда. Вы же уступите ей права квартирной хозяйки и вашу обстановку, взамѣнъ чего будете пользоваться столомъ и квартирой. Согласны вы?

— Да что-жъ! И прекрасно. Камень съ шеи долой!—вскричала Анна Петровна.—Дрянь ты, Вячеславка, полячишка фальшивый, а уменъ. Мошенникъ онъ у тебя,—обратилась она къ Ольгѣ.

— Ну, вотъ вы опять фамильярничаете,—недовольно косясь на Крестовоздвиженскаго, сказалъ Вальцевичъ.

— Филя, а Филя!—обратилась къ Крестовоздвиженскому Анна Петровна:—что-жъ ты молчишь? Посовѣтуй мнѣ.

— Я предпочелъ бы заимообразно воспользоваться предлагаемой денежной суммой для поправки собственныхъ обстоятельствъ, а квартиру по мнѣ передавать не слѣдуетъ,—вѣско проговорилъ Крестовоздвиженскій.

— Не слѣдуетъ, разсудилъ. Да вѣдь ты-то мнѣ денегъ не дашь?

— Гм...—промычалъ Крестовоздвиженскій.

— Ну, такъ другимъ давать не мѣшай. Ты вотъ пришелъ, поѣлъ, опять напился, только отъ тебя и видѣли. Любишь на даровщинку-то, поповское отродье.

— Чего же ты ругаешься? — мрачно отозвался Крестовоздвиженскій, очевидно уже утратившій настоящую мѣрку:—выпила, видно, лишнее.

— Да ты какъ смѣешь меня тыкать?!—въ изступленіи вдругъ затопала она на него ногами.—Кто тебѣ это позволилъ? Знай свое мѣсто.

— Да вѣдь ты мнѣ говоришь «ты», ну, и я...—попробовалъ было оправдаться Крестовоздвиженскій.

— Не смѣй, не смѣй!.. — задыхаясь, кричала еще болѣе разсвирѣпавшая Анна Петровна: — ты кто? семинарская вошь, а я генеральская дочь! Есть разница?

— Ну, разошлась теперь, — махнувъ на нее рукой, сказалъ Крестовоздвиженскій и сталъ тяжело подниматься съ мѣста.

— Молчать!—какъ въ припадкѣ, съ пѣной у рта, все топоча ногами, осипшимъ отъ волненія голосомъ выкрикивала Анна Петровна:—грошъ панихидный!.. ряса... дырявая!.. ку... ку-тья... прокислая!..

Она окончательно потеряла голосъ и закашлялась.

Крестовоздвиженскій рѣшительно направился вонъ изъ комнаты. Но на порогѣ онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе. Передъ присутствующими вдругъ предстала маленькая, лѣтъ девяти дѣвочка, худенькая, блѣдная, босая, въ одной рваной рубашонкѣ. Черные, коротко-остриженные, всклокоченные волосы ея торчали во всѣ стороны. Видно было, что она только что вскочила съ постели, да такъ и прибѣжала. Остановясь въ дверяхъ, она безнадежно всплеснула своими худенькими ручками и дѣтскимъ, тонкимъ голоскомъ, полнымъ укоризны и гнѣва, вскричала:

— Ты опять пьяна, мать!

Анна Петровна тотчасъ же вскочила и, угрожающе поднявъ руку, бросилась къ ней.

— Лелька, бестія! Какъ ты смѣешь?.. Тебѣ сказано—босикомъ по полу не бѣгать? Тебѣ сказано?—наступала она на нее.

Но дѣвочка не обратила никакого вниманія на ея угрожающій тонъ и не подалась ни на шагъ назадъ. Занятая своими мыслями, она пристально глядѣла на мать своими большими черными, сердитыми, бѣгающими, какъ у звѣрка, глазами, очевидно, не замѣчая никого, кромѣ нея.

— Опять пьяна!—съ отчаяніемъ проговорила она какъ бы про себя и, вдругъ потерявъ самообладаніе, затопала босыми ножками

по полу и гнѣвно закричала:—ты опять! ты опять! А что ты обѣщала мнѣ? Говори... говори...

Въ эту минуту она изумительно походила на Анну Петровну. Ольга, не разъ видавшая подобныя сцены между матерью и дочерью, довольно равнодушно смотрѣла на то, что происходило.

Вальцевичъ брезгливо усмѣхался въ свои пушистые усы. У Шурочки съ болью сжималось сердце. Крестовоздвиженскій, все время неловко топтавшійся на одномъ мѣстѣ, рѣшился, наконецъ, незамѣтно пробраться въ корридоръ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и одного шага, какъ взоръ дѣвочки упалъ на него, и глаза ея засверкали.

— А! это вы!.. все вы!..—зарычала она и, поднявъ маленькіе, худенькіе кулачки, съ бѣшенствомъ напала на Крестовоздвиженскаго.—Все вы!.. Я вамъ сказала не приходить!.. У-у-у!.. гадкій!.. Это вы спаиваете ее... у-у-у!

Крестовоздвиженскій, очевидно струсившій, неловко пятился отъ нея, напоминая большое, неуклюжее животное, атакуемое маленькой, злобной собаченкой. Жирное бабье лице его исказилось злобой и, обращаясь къ гостямъ, онъ сердито проворчалъ:

— Вотъ видите, какая ехидная дѣвчонка! Ее бы выпороть надо... да запереть въ чуланъ... на хлѣбъ и на воду, чтобъ она на людей не бросалась...

— Вонъ! вонъ!—неистово кричала дѣвочка, вся дрожа отъ волненія и гнѣва.

— Гони его, Лелька!—неожиданно пришла къ ней на помощь Анна Петровна.—Такъ его и надо! Въ шею, въ шею его!

И выскочивъ въ переднюю, она вернулась оттуда съ его широкополой шляпой и, нахлобучивая ее ему на затылокъ, закричала:

— Вотъ и шляпенка твоя паршивая. Убирайся, убирайся! Чтобъ духу твоего не пахло!

Крестовоздвиженскій вышелъ въ корридоръ и уже отворилъ наружную дверь, когда Анна Петровна, схвативъ со стола пустой полуштофъ, бросилась за нимъ. Онъ уже спускался по лѣстницѣ.

— Проваливай! Проваливай!—съ торжествомъ крикнула она ему и запустила въ него бутылкой.

Осколки стекла со звономъ запрыгали по лѣстницѣ.

Анна Петровна злорадно захохотала. Она постояла еще на лѣстницѣ, смотря въ спину уходящему Крестовоздвиженскому, и, когда онъ скрылся за поворотомъ, вернулась въ комнаты.

Гости собирались уходить. Дѣвочка сидѣла на полу, въ углу у двери и вся дрожала мелкой дрожью. Губы ея посинѣли; зубы стучали.

Анна Петровна бросилась передъ ней на колѣни и, осыпая поцѣлуями ея щеки, плечи, руки, лепетала, какъ безумная.

— Сокровище мое!.. Ангелъ-хранитель мой!.. Ненаглядная, золотая... радость моя!.. прости, прости меня.

Она схватила ее на руки съ силой, которой никто не могъ бы ожидать отъ нея, и унесла въ другую комнату.

— Пойдемте,—сказала Ольга:—теперь ея не дождешься. Лелька, пожалуй, опять захвораетъ. Нервная дѣвчонка!

— Разумѣется, пойдемте,—согласился Вальцевичъ.

Они вышли.

— Анна Петровна, мы уходимъ!—крикнула, уходя, Ольга.

— Не услышитъ!—сказалъ Вальцевичъ и дернулъ звонокъ. Онъ опять издалъ болѣзненный, дребезжащій звукъ, который заставилъ вздрогнуть измученную новыми впечатлѣніями Шурочку.

— Ольга! — спросила она: — отчего Анна Петровна такая несчастная?

— Мало ли отчего!—отвѣчала Ольга. — Она много страдала за свои убѣжденія, да и жизнь ея не баловала.

— Пьетъ она, вотъ что главное,—вставилъ Вальцевичъ.

— И за это ее винить нельзя,—возразила Ольга:—будешь пить, какъ посидишь въ тюрьмѣ, да поживешь годикъ-другой въ ссылкѣ гдѣ нибудь въ Холмогорахъ.

— А развѣ она была въ тюрьмѣ? — спросила Шурочка: — за что?

— За то, что дура,—сказалъ Вальцевичъ.

— Ну, Вячеславъ, пожалуйста! За свои убѣжденія, за любовь къ народу и къ родинѣ.

Шурочкѣ хотѣлось предложить еще нѣсколько вопросовъ, но она не рѣшилась.

— Поживу—увижу,—подумала она про себя и до самой «Руси» не сказала ни одного слова. Вальцевичъ и Ольга предоставили ее самой себѣ и всю дорогу вели бесѣду о своихъ дѣлахъ.

V.

Черезъ нѣсколько дней Вальцевичъ и обѣ Ховренко переселились въ квартиру Анны Петровны. Послѣ маленькаго и грязнаго номера въ «Руси» Шурочкѣ здѣсь очень понравилось, и она горячо принялась помогать сестрѣ въ устройствѣ хозяйства. Впрочемъ, Ольга относилась ко всему безучастно и во всемъ соглашалась съ Вальцевичемъ, который сразу занялъ положеніе хозяина дома. Рѣшено было самую большую комнату оставить нейтральной и назвать сборной. Въ нее перенесли большой обѣденный столъ и наставили нѣсколько вѣнскихъ стульевъ. Впослѣдствіи предполагалось помѣстить здѣсь еще рояль и шкафы съ книгами, чтобы жильцы, въ часы досуга, могли заниматься музыкой или чтеніемъ, смотря

по наклонностямъ и вкусу. Угловую комнату налѣво изъ сборной предназначили сдать, равно какъ и двѣ маленькія комнаты по другой сторонѣ корридора. О ихъ убранствѣ до поры до времени не заботились, и онѣ, въ ожиданіи нанимателей, стояли пустыя. Изъ остальныхъ трехъ комнатъ самую большую и удобную направо изъ сборной занялъ Вальцевичъ, объявивъ, что здѣсь у него будетъ кабинетъ. Для кабинета у Анны Петровны, расчитывавшей, повидимому, на жильцовъ съ спартанскими вкусами и потому заводившей только то, что попроще да покрѣпче, не нашлось ничего подходящаго, и потому изъ денегъ Шурочки было истрачено на покупку письменнаго стола, оттомана, двухъ креселъ и ковра: всего по случаю и очень дешево—сорокъ рублей. Шурочка, отдавъ свои деньги сестрѣ, вполнѣ положилась на нее и нисколько не была въ претензіи на то, что ихъ тратили, не спрашивая ея согласія. А между тѣмъ двѣсти рублей подходили къ концу. Ольга должна была расплатиться съ хозяиномъ «Руси» и возвратить кое-какіе должишки, на что̀ въ общей сложности пошло около двадцати рублей; за квартиру Анны Петровны нужно было отдать за прошлый мѣсяцъ и за мѣсяцъ впередъ 74 рубля; за ученье Шурочка внесла двадцать пять рублей,—ей обѣщали стипендію, но не раньше, какъ со втораго полугодія; рублей пять ушло на разные мелкіе расходы, и въ результатѣ, послѣ пріобрѣтенія обстановки для кабинета, едва оставалось тридцать пять рублей. Но это никого не пугало. Жильцы, разумѣется, не замедлятъ явиться, и тогда квартира окупится. Предполагалось комнату рядомъ съ сборной сдавать за восемнадцать рублей, а двѣ другія—каждую за двѣнадцать. Кромѣ того, жильцы, конечно, будутъ пользоваться обѣдомъ, что̀ составитъ, считая по пятнадцати рублей за обѣдъ, сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ. Наконецъ, Анна Петровна будетъ продолжать заниматься своей профессіей; Ольга тоже скоро прибьетъ на воротахъ и на двери свою дощечку съ надписью «Акушерка»; у Вальцевича есть отличный урокъ въ богатой интеллигентной семьѣ, гдѣ онъ можетъ ежедневно пользоваться завтракомъ и обѣдомъ. Никакихъ тратъ на обстановку больше не предвидѣлось. У Анны Петровны было достаточное количество пріобрѣтенныхъ по случаю, подержанныхъ вѣнскихъ стульевъ, колченогихъ ломберныхъ столовъ и желѣзныхъ кроватей съ соломенными тюфяками, лучшую изъ которыхъ поставили къ Вальцевичу въ кабинетъ. Впрочемъ, онъ великодушно заявилъ, что въ случаѣ необходимости отказывается отъ кровати и будетъ спать на оттоманѣ.

Анна Петровна обыкновенно не держала прислуги и только въ экстренныхъ случаяхъ, не болѣе трехъ разъ въ годъ, брала поденщицу для мытья половъ, оконъ, дверей и стирки бѣлья. Поэтому рѣшено было на первое время обойтись безъ прислуги. Анна Петровна увѣряла, что со всѣмъ управится сама, и со свойственнымъ

ей авартомъ утверждала, что за границей дѣлаютъ все сами, потому что тамъ не имѣютъ понятія о нашемъ хамствѣ. Шурочкѣ и это понравилось, и она вызвалась въ свободное отъ занятій время помогать Аннѣ Петровнѣ. Первые дни онѣ посвятили уборкѣ и чисткѣ и по возможности все привели въ блестящій видъ. Ольга хотѣла было помочь имъ въ этомъ занятіи и уже, вооружившись мокрой тряпкой, приготовилась было влѣзть на подоконникъ вытирать окна, когда Анна Петровна бросилась къ ней, отняла у нея тряпку и авторитетно заявила:

— Нѣтъ, ужъ, матушка! Я этого не позволю. Въ твоемъ-то положеніи? Ты съ ума сошла!

И такъ какъ Вальцевичъ находился дома и читалъ газеты, затворившись въ своемъ кабинетѣ, то она ворвалась къ нему съ крикомъ:

— Послушайте вы, будущій папенька! Не велите ей глупости-то дѣлать! Вѣдь вамъ же хуже будетъ!

На что̀ Вальцевичъ, недовольный тѣмъ, что его потревожили, процѣдилъ изъ-за газеты:

— Ольга, оставь, пожалуйста! Безъ тебя сдѣлается!

И повернулъ ключъ въ замкѣ своей двери.

Шурочка съ любопытствомъ прислушивалась къ этой сценѣ. Она начинала понимать то, о чемъ смутно догадывалась съ перваго дня своего пріѣзда. Она видѣла, что Ольга чувствуетъ себя нехорошо, что лице ея становится съ каждымъ днемъ худѣе, что она неохотно ѣстъ, мало спитъ, подолгу остается въ постели, жалуется на постоянную головную боль, почти не выходитъ изъ дому и по цѣлымъ днямъ сидитъ на одномъ мѣстѣ въ апатичномъ бездѣйствіи или медленно двигается изъ комнаты въ комнату своей тяжелой, неровной и осторожно-робкой походкой. Шурочка давно уже рѣшила про себя, что Ольга больна. Теперь она поняла, что Ольга беременна, и это открытіе наполнило ея сердце жалостью къ сестрѣ и страхомъ за нее. Она не приставала къ ней больше съ вопросами: что съ ней, отчего она не лѣчится и т. п., но старалась предупреждать ея желанія и отстранять отъ нея всѣ заботы и непріятности. Съ того же дня ея неопредѣленное враждебное чувство къ Вальцевичу превратилось въ ненависть. Она равнодушно не могла видѣть его, а его презрительное отношеніе къ окружающимъ, его высокомѣрный тонъ возмущали ее до глубины души. Къ тому же она замѣчала его холодность къ Ольгѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ они часто ссорились. Нерѣдко изъ кабинета слышны были слезы и упреки Ольги, и насмѣшливо-пренебрежительныя, равнодушно-недовольныя возраженія Вальцевича и просьбы оставить его въ покоѣ. Анна Петровна находила, что все это въ порядкѣ вещей, и говорила, что милые бранятся—только тѣшатся. Сама она обыкновенно съ утра принималась пить, выпивая рюмочку за рюмочкой, и къ

обѣду уже едва держалась на ногахъ. Дѣвочка ея захворала, и она почти не отходила отъ ея постели, не обращая вниманія на все остальное. Вальцевичъ сердился на то, что его прекрасное платье и обувь портятся, потому что никогда не чистятся, и увѣрялъ, что во всѣхъ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ ему приходилось жить раньше, онъ не испытывалъ такихъ неудобствъ. Ольга съ каждымъ днемъ чувствовала себя хуже и приходила въ нервное раздраженіе изъ-за всякаго пустяка. Только по вечерамъ она дѣлалась спокойнѣе и нѣсколько оживлялась. Каждый вечеръ собиралась молодежь часовъ съ десяти, иногда съ одиннадцати. Вечеринки «Клуба Козицкаго дворянства» изъ «Руси» перешли сюда. Квартира довольно большая и пустая всѣмъ полюбилась. Въ ней было удобнѣе вести «принципіальные разговоры», никто не подслушивалъ, можно было и засидѣться, не опасаясь, что попросятъ разойтись по домамъ. Квартиру эту они назвали «конспиративной». Нравилось имъ и то, что здѣсь можно было не церемониться, приходить запросто, не боясь никого стѣснить. Иному неудобно было у себя заниматься. Онъ шелъ въ конспиративную квартиру, выбиралъ себѣ по вкусу одну изъ предназначенныхъ въ наймы комнатъ, перетаскивалъ туда столъ и стулъ, а то такъ и просто садился на полу и принимался зубрить лекціи. Другой являлся напиться чаю въ «компаніи порядочныхъ людей». Вальцевичъ, обыкновенно уединявшійся въ кабинетъ, выходилъ по вечерамъ въ сборную и принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ разговорахъ и спорахъ. Его слушали охотно. Онъ былъ извѣстенъ какъ «умный», хотя и «постепеновецъ». Въ конспиративной квартирѣ ему сама собою принадлежала роль хозяина и вожака. Онъ умѣлъ при случаѣ выказать себя въ глазахъ кружка «вѣрнымъ слугой прогресса», «полезнымъ» и польстить, кому слѣдуетъ. Мнѣнія его выслушивались съ уваженіемъ. Его считали представителемъ угнетенной польской націи и видѣли въ немъ серьезнаго политическаго дѣятеля, у котораго свои планы, и который знаетъ, куда гнетъ. Ольга тоже играла видную роль въ кружкѣ, хотя и не пользовалась такимъ авторитетомъ, какъ Лейбова и Бегрова. Послѣдняя собиралась въ скоромъ времени уѣхать за границу «съ политическою цѣлью», какъ говорила она, «агентомъ отъ здѣшнихъ къ тамошнимъ», какъ поясняли съ таинственнымъ видомъ на ухо другъ другу члены кружка. Это обстоятельство чрезвычайно подняло ея фонды, и каждое ея слово выслушивалось почти съ раболѣпнымъ вниманіемъ. Иные, изъ болѣе рьяныхъ, просили ее вспомнить о нихъ «тамъ» и въ случаѣ, если понадобятся «преданные дѣлу люди», выписать ихъ въ Швейцарію. И она обѣщала вспомнить и выписать.

На всѣхъ этихъ вечеринкахъ выпивалось неизмѣримое количество жидкаго чаю, и Анна Петровна уставала подогрѣвать самоваръ. Впрочемъ, у нея находились и помощники. Кто нибудь изъ

гостей являлся на кухню и помогалъ ей. Тѣмъ не менѣе всѣмъ было очевидно, что необходимо взять прислугу. Анна Петровна сказала объ этомъ дворнику, и на другой день въ сборную явилась немолодая баба, съ сердитымъ и вмѣстѣ добродушнымъ лицомъ, высокая, худая, сутуловатая, въ бѣлыхъ валенкахъ, въ китайчатой шубкѣ и кацавейкѣ на заячьемъ мѣху, съ головой, повязанной подеревенски большимъ, тяжелымъ клѣтчатымъ пунцовымъ платкомъ. Анна Петровна, отворившая ей дверь, тотчасъ позвала Ольгу, чтобы поглядѣть новую прислугу и договориться съ ней. Въ тотъ же вечеръ Ѳедосья,—такъ звали бабу,—водворилась на кухнѣ въ званіи кухарки съ жалованьемъ по три съ полтиной въ мѣсяцъ съ хозяйскимъ чаемъ со стола. Вальцевичу Ѳедосья очень не понравилась. Но особенно разборчивымъ быть не приходилось. Къ этому времени денежные рессурсы почти изсякли; при такомъ положеніи вещей Ѳедосья оказалась въ нѣкоторомъ родѣ сокровищемъ. Она обладала большой практической сметкой, умѣньемъ извернуться, найтись въ трудную минуту. Въ Москву она попала три мѣсяца тому назадъ и первое время служила стряпкой въ плотничьей артели. За этотъ короткій срокъ она успѣла приглядѣться къ городской жизни и отчасти освоиться съ нею. Для обитателей конспиративной квартиры она просто была незамѣнима. Нужно ли было убѣдить лавочника отпустить въ долгъ,—никто, кромѣ Ѳедосьи, не умѣлъ этого сдѣлать. Можно было съ утра не дать ей ни копѣйки денегъ и быть увѣрену, что и чай и обѣдъ будутъ поданы въ свое время. Все это были такія удобства, которыхъ нельзя было не цѣнить и ради которыхъ приходилось мириться съ нѣкоторыми особенностями характера Ѳедосьи. Впрочемъ къ ней скоро всѣ привыкли. Одинъ Вальцевичъ не терпѣлъ ея за то, что она рѣшительно не признавала его хозяиномъ и обращалась съ нимъ съ грубой фамильярностью, не лишенной добродушной ироніи.

— Ѳедосья!—съ раздраженіемъ кричитъ утромъ Вальцевичъ:—что-жъ мои сапоги?

— Что сапоги?—спокойно отзывается изъ корридора Ѳедосья,—будутъ тебѣ сапоги. Погодь маненько. Не Богъ знаетъ, что дѣловъ-то у тебя.

— Дура! Мнѣ уходить нужно.

— Ну, и Христосъ съ тобой, уходи, коли нужно.

— Да не могу же я въ нечищенныхъ сапогахъ идти!

— Ишь чепурный какой!—смѣялась Ѳедосья.—Ну, инъ подожди тогда. Ты бы съ вечера выставлялъ сапоги-то. А то въ кую пору ты вчера спать легъ? Припомни-кась!

— Не смѣй мнѣ говорить «ты» и не разсуждай! Твое дѣло исполнять, что тебѣ велятъ,—выходилъ изъ себя Вальцевичъ:—вотъ я прогоню тебя!

Тутъ ужъ Ѳедосья приходила въ самое веселое настроеніе и начинала хохотать до слезъ.

— О? прогоню! Ишь ты какой нашелся! Прогналъ одинъ такой-то! Охъ-хо-хо! Нѣтъ моей мочушки!

Вообще Ѳедосья смотрѣла на обитателей конспиративной квартиры, какъ на малыхъ дѣтей, за которыми нуженъ присмотръ и отъ которыхъ никакъ нельзя ожидать благоразумія. Она и служила какъ-то посвоему, не какъ слуга, а какъ старшая въ домѣ, которой по неволѣ надо ко всему приложить руки и обо всемъ позаботиться.

Анну Петровну она уважала еще нѣсколько болѣе другихъ за то, что она «всетаки бабушка» и «хоть какую ни на есть, а свою дитю выростила», какъ объясняла она. Но это не мѣшало ей называть ее «блаженной» и въ глаза и за глаза. На ея слабость къ спиртнымъ напиткамъ Ѳедосья взирала съ самымъ широкимъ снисхожденіемъ, хотя сама совсѣмъ не пила. Нерѣдко, замѣтивъ, что у Анны Петровны нѣтъ денегъ, она припасала для нея бутылочку. Дочь ея она полюбила, или, какъ выражалась она, «жалѣла». Во всѣхъ стычкахъ Анны Петровны съ Лелькой, она являлась горячей защитницей послѣдней, а, отправляясь утромъ на рынокъ за провизіей, никогда не забывала купить Лелькѣ малиноваго пѣтушка, или яблоко «съ бочкомъ». Къ Ольгѣ она относилась съ сердобольнымъ и жалостливымъ участіемъ, сочувствовала ея положенію, ухаживала за ней, какъ за больной, бѣжала къ ней по первому ея зову и спѣшила исполнять ея приказанія, но опять-таки не какъ слуга, а потому, что такъ она находила нужнымъ.

Не смотря на всевозможные намеки, внушенія, наконецъ, просто приказанія, Ѳедосья упорно говорила всѣмъ «ты», вмѣшивалась въ разговоръ и авторитетно высказывала свое мнѣніе по тому или другому вопросу, не заботясь о томъ, понравится ли оно. Вообще же какъ своихъ хозяевъ, такъ и ихъ гостей она называла «шалыми» и «пропащими».

Шурочка скоро начала тяготиться своей домашней обстановкой и рада была, что хоть на нѣсколько часовъ въ день могла отъ нея избавиться. Курсы она посѣщала аккуратно и занималась усердно. На нихъ она отдыхала душой, они нарушали и нѣсколько скрашивали ея сѣренькую, подчасъ грустную жизнь. Огромное бѣлое зданіе Московскаго Воспитательнаго дома поражало ее своей величественной красотой. Даже ограждавшіе безчисленные входы швейцары въ красныхъ ливреяхъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ съ двуглавыми черными орлами, внушали ей уваженіе. Съ чувствомъ горделиваго довольства и робости входила она въ ворота, украшенныя наверху скульптурнымъ изображеніемъ «цапли», кормящей въ гнѣздѣ птенцовъ, и направлялась по узенькому троттуару внутри двора къ двери съ прибитой наверху синей дощечкой:

«Поликлиника женскихъ болѣзней». Здѣсь ей было легче и веселѣе, чѣмъ дома. Занятія не утомляли ея. Она скоро и безъ труда усвоивала все, что ей объясняли, и не находила, чтобъ эта наука, сообщавшая большинству ея товарокъ такой сосредоточенно-угрюмый и исполненный сознанія своего превосходства видъ, была ужъ такъ замысловата и требовала выходящихъ изъ ряда вонъ способностей.

Въ три часа кончались лекціи, и Шурочка торопливо шла домой, гдѣ тотчасъ же садилась за плохой и скудный обѣдъ. Анна Петровна за послѣднее время на кухню и не заглядывала, а Ѳедосья была плохая повариха и заботилась не столько о томъ, чтобы было вкусно, сколько о томъ, чтобъ было горячо. Послѣ обѣда Шурочка обыкновенно усаживалась у постели Лельки и читала ей. Дѣвочка очень полюбила Шурочку и порывистыми ласками выражала ей время отъ времени свою признательность и нѣжность. Шурочкѣ было жаль этого бѣднаго, избалованнаго и вмѣстѣ забитаго ребенка, и она дѣлала все, что могла, чтобы скрасить ея существованіе. Лелька начинала выздоравливать, но была очень слаба и нервна. Матери она не слушалась и долго бы не поправилась, еслибъ не Шурочка. Ея слово было для Лельки закономъ, и она цѣлый день старалась вести себя хорошо, чтобы Шурочка, вернувшись, похвалила ее и въ награду читала бы или разсказывала ей сказки, которыя она очень любила. Въ вечеринкахъ Шурочка принимала мало участія. Она все еще не могла освоиться съ средой, въ которую забросила ее судьба. Ей были чужды и эти люди, и ихъ интересы. Нѣкоторыхъ студентовъ она просто побаивалась. Единственнымъ человѣкомъ, къ которому она относилась съ довѣріемъ и съ нѣкоторой симпатіей, былъ Благовѣщенскій. Но онъ не любилъ Вальцевича, не любилъ «конспираторовъ», какъ онъ называлъ, подсмѣиваясь, завсегдатаевъ конспиративной квартиры, и заходилъ очень рѣдко.

Вальцевичъ почти не жилъ дома. Онъ какъ только вставалъ, тотчасъ же уходилъ и возвращался вечеромъ. Съ Ольгой онъ держалъ себя съ изысканной вѣжливостью. Она, повидимому, не обращала на него вниманія и почти не говорила съ нимъ, что̀, кажется, ему очень нравилось. Въ домѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и замѣтнѣе начинала сказываться нужда. Кое-какія вещи были уже заложены, завелись опять долги, а жильцовъ все не было. Комнатъ не только никто не нанималъ, ихъ никто не смотрѣлъ. Наконецъ, однажды утромъ Анна Петровна съ таинственнымъ и многозначительнымъ видомъ вошла въ кабинетъ къ Вальцевичу и объявила, что ей нужно съ нимъ поговорить объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

Разговоръ этотъ былъ кратокъ, и содержаніе его Анна Петровна не нашла нуждымъ повѣрять своимъ пріятельницамъ. Впрочемъ,

по ея торжествующему виду, съ которымъ она отъ Вальцевича вошла въ комнату Ольги, можно было заключить, что она праздновала побѣду. Ольга сидѣла у окна и тупо и безцѣльно смотрѣла въ запотѣвшее окно. Шурочка приводила въ порядокъ свои тетради, собираясь уходить. Анна Петровна подошла къ Ольгѣ и, положивъ передъ ней десятирублевую бумажку, очень довольная собой, произнесла:

— Извольте, мамаша, на зубокъ будущему наслѣднику.

Но Ольга и не взглянула на деньги.

Такое равнодушіе даже обидѣло Анну Петровну. Лице ея омрачилось, и она сердито сказала:

— Лавочнику три рубля нужно отдать.

— Возьмите, пожалуйста, всѣ и дѣлайте съ ними, что хотите,— раздражительно отвѣтила Ольга и отвернулась отъ нея.

Анна Петровна сунула деньги въ карманъ и ушла въ кухню, гдѣ и вступила въ совѣщаніе съ Ѳедосьей.

Шурочка, прощаясь съ сестрой, нѣжно поцѣловала ее, тронутая жалкимъ, болѣзненнымъ выраженіемъ ея лица, и тихо проговорила:

— Оля, милая, побереги себя! Мы опять заживемъ съ тобой вдвоемъ въ маленькой комнаткѣ, и посмотри, какъ намъ будетъ хорошо.

Съ нѣкоторыхъ поръ это было завѣтной мечтой Шурочки, о которой она раньше никогда не говорила Ольгѣ, но теперь ей показалось, что это можетъ утѣшить ее.

Возращаясь въ этотъ день домой, Шурочка нашла дверь въ квартиру раскрытою настежь. Она вошла и заглянула въ сборную. Тамъ никого не было. Шурочка вернулась въ корридоръ, удивленная и встревоженная той странной тишиной, которая царствовала въ домѣ. Изъ кухни показалась Анна Петровна, на ципочкахъ подошла къ Шурочкѣ и шепотомъ проговорила, указывая на дверь:

— Нарочно отворила, чтобы не звонили. Потише, голубчикъ!

Первая мысль Шурочки была та, что Лёлькѣ опять хуже. Объ Ольгѣ она какъ-то и не вспомнила. Она тихонько раздѣлась и, войдя въ кабинетъ Вальцевича, присѣла отдохнуть.

Вдругъ слабый пискъ младенца достигъ ея слуха. Она вздрогнула и вскочила съ мѣста. Сердце ея сильно забилось.

Въ дверяхъ появилась Анна Петровна и поманила пальцемъ:

— Поди, посмотри.

Шурочка пошла за ней въ комнату. Лёлька, укутанная теплымъ одѣяломъ, крѣпко спала въ своей кроваткѣ. На постели Анны Петровны лежало туго спеленутое крошечное существо съ краснымъ сморщеннымъ, сердитымъ личикомъ. Шурочка съ любопытствомъ наклонилась надъ нимъ, но тутъ же почувствовала, что

это существо близко и дорого ей, и что ей жаль его невыразимо. Сердце ея сжалось, и на глазахъ показались слезы.

— Мальчикъ,—сказала Анна Петровна:—молодецъ! Только худъ очень.

— Анна Петровна!—послышался слабый голосъ изъ комнаты рядомъ.

Шурочка не узнала этого голоса.

— Ну, я пойду къ ней,—сказала ей Анна Петровна:—а ты тутъ погляди за нимъ.

— А мнѣ можно?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ужъ не безпокой ея теперь.

И она тихонько вышла изъ комнаты, плотно притворивъ за собой дверь. Ребенокъ спалъ. Его слабое дыханіе было едва слышно. Въ сосѣдней комнатѣ было тоже тихо. Осеннія сумерки начинали сгущаться. Шурочка, боясь пошевелиться, сидѣла на постели около новорожденнаго. Она чувствовала, что ее сильно клонитъ ко сну, и она вотъ-вотъ заснетъ. Ей помѣшала Лёлька. Она проснулась и крикнула:

— Мама!

Шурочка подошла къ ней.

— Ахъ, тетя Шура, это вы!—сказала дѣвочка:—а я думала, что мама.

— Не шуми,—остановила ее Шурочка.—Хочешь, я зажгу лампу и почитаю тебѣ.

— Нѣтъ, не надо лампы. Такъ лучше. Разскажите мнѣ что нибудь.

— Сказку?

— Да... А то лучше разскажите мнѣ, какъ ангелы приносятъ на землю дѣтокъ. Вы вѣрно знаете.

— Этого не знаю,—сказала Шурочка.

— Не знаете?—съ сожалѣніемъ протянула дѣвочка.—А мама знаетъ. Она ужъ мнѣ сегодня разсказывала, когда васъ не было. Только плохо. Я думала, вы лучше разскажете.

Она замолчала и задумалась.

— А онъ безъ васъ все плакалъ,—заговорила она, указывая пальчикомъ на бѣлѣвшій на темномъ одѣялѣ постели комочекъ.— Вы знаете отчего?

— Должно быть, ему было больно,—предположила Шурочка.

Дѣвочка покачала головой.

— И мама тоже говоритъ. Только совсѣмъ не отъ того. А Ѳедосья знаетъ. Она тутъ сидѣла около меня. Мама ушла, а ей приказала сидѣть. Она и сидѣла. Она говоритъ, оттого, что ему скучно.

— Скучно?

— Да. Тамъ у Божиньки-то ему было весело. У нихъ тамъ на небѣ, знаете, гора есть, большая, гладкая, ледяная гора,—Ѳедосья

не говорила, что ледяная, но, должно быть, ледяная,—и на ней всегда солнце, а кругомъ деревья чудесныя цвѣтутъ, и на нихъ райскія птицы поютъ.

— Какъ же это?—съ улыбкой перебила Шурочка:—гора ледяная и деревья цвѣтутъ?

— Ахъ, какая вы!—возразила Лёлька:—что-жъ такое? Вѣдь это на небѣ.

— Ну, ну, хорошо. Дальше что же?

— Ну, вотъ они всѣ, дѣтки малюсенькія, и играютъ тамъ, и Христосъ съ ними. И у каждаго въ рукахъ красненькое яблочко и у Христа тоже. Они съ горы ихъ катаютъ и смѣются. И имъ весело. Они тамъ никогда и не плачутъ. А потомъ, когда ангелъ его на землю принесетъ, ему и скучно. Вотъ онъ и плачетъ.

— Вы что-жъ это безъ огня-то сидите?—сказала входя Анна Петровна и зажгла маленькую лампу съ молочнымъ абажуромъ.

— Ну, я уйду на минутку,—продолжала она:—вина ей нужно купить, да яблоковъ проситъ. Не слѣдовало бы яблоковъ, да ужъ очень пристаетъ. Испечь можно будетъ, и то сказать. Печеныя-то ничего.

— Мама, и мнѣ яблоко,—попросила Лёлька:—большое красное. Купишь?

— Хорошо, хорошо, куплю. А ты не ходи къ ней,—обратилась она къ Шурочкѣ:—развѣ позоветъ. Да и не позоветъ она: я ей сказала, что ухожу. На случай, если ребенокъ проснется, ты походи съ нимъ, покачай на рукахъ, да подъ головенку-то ему подушечку подложи, смотри, а то, чего добраго, шею свернешь.

— Да полноте, Анна Петровна!—возразила Шурочка, нѣсколько обиженная такимъ недовѣріемъ:—я буду осторожна.

— Ну, то-то. Дверь не запирайте за мной. Не стоитъ: мигомъ вернусь.

— Теперь читайте, тетя Шура!—сказала дѣвочка, какъ только Анна Петровна вышла изъ комнаты.

Шурочка взяла со стола растрепанную и грязную книжку: «Торговый домъ подъ фирмою Домби и Сынъ», подаренную Лёлькѣ еще года два тому назадъ кѣмъ-то изъ жильцовъ и съ тѣхъ поръ служившую ей почти единственной, безконечно перечитываемой библіотекой.

Лёлька усѣлась поудобнѣе, скромно сложила руки и устремила полный жаднаго вниманія взглядъ на лице Шурочки.

Шурочка читала не торопясь, тихимъ и внятнымъ голосомъ.

Прошло болѣе часа, а Анна Петровна все не возвращалась.

Интересъ Лёльки къ чтенію не ослабѣвалъ. Она слушала все также внимательно, не прерывая Шурочки ни единымъ словомъ. Только время отъ времени, встрѣчая знакомую и особенно любимую сцену, она складывала руки подъ подбородкомъ ладонями

вмѣстѣ, лице ея принимало лукавое и довольное выраженіе, и она покачивала головой съ тихой улыбкой.

Чтеніе Шурочки прервалъ оглушительный звонокъ.

— Это не мама,—сказала Лёлька:—она не стала бы звонить.

Шурочка, зная, что Өедосьи нѣтъ въ кухнѣ, такъ какъ все свободное время она предпочитала проводить въ дворницкой, побѣжала отворить дверь. Прибывшими оказались: Бегрова, Ермиловъ и Софіанскій. Они объяснили, что собрались пораньше, потому что завтра Бегрова уѣзжаетъ и пришла проститься.

Шурочка смущенно попросила ихъ не шумѣть, говоря, что Ольга больна.

— А что съ ней?—спросила Бегрова.

— У насъ новорожденный,—застѣнчиво пояснила Шурочка.

— Да, вотъ оно что,—сказала Бегрова:—какъ это я сразу не сообразила.

— Что, что такое?—полюбопытствовалъ Софіанскій.

— Дѣвчонка или мальчишка?—освѣдомилась Бегрова, не обращая вниманія на Софіанскаго.

— Мальчикъ,—отвѣчала Шурочка.

— Ну, что-жъ, коли такъ, мы, пожалуй, и уйдемъ,—предложилъ Ермиловъ.

— Я ужъ право не знаю, какъ быть,—заговорила Шурочка:—Анна Петровна просила ея не безпокоить.

Но Ольга уже услыхала, что въ корридорѣ говорятъ, и позвала:

— Шура! кто тамъ?

Шурочка вышла къ ней.

Комната слабо освѣщалась низенькой лампой, завѣшанной съ одной стороны черной кружевной косынкой.

Ольга лежала высоко на подушкахъ, вся въ бѣломъ, что̀ придавало ей нарядный видъ. Она выглядѣла похорошѣвшей и оживленной. Глаза ея сіяли въ полусвѣтѣ. На щекахъ ярко горѣли два розовыхъ пятна. Красивыя вытянутыя поверхъ одѣла руки, казалось, были полнѣе и бѣлѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Кто тамъ, Шура?—повторила она.

— Бегрова съ Ермиловымъ и Софіанскимъ. Бегрова проститься пришла: завтра ѣдетъ.

— Зови ихъ сюда.

— Что ты, Оля? Анна Петровна не велѣла входить къ тебѣ.

— Ну, вотъ еще! Я сама не меньше Анны Петровны знаю. Позови ихъ, Шурка, а то мнѣ скучно.

И она крикнула:

— Господа, оставайтесь! Идите сюда!

— Какъ хочешь,—сказала Шурочка и направилась къ двери.

— Шура!—тихонько позвала ее Ольга.

Шурочка поспѣшила вернуться.

— Подойди ко мнѣ поближе, поцѣлуй меня, родная моя!—произнесла Ольга съ такой лаской въ голосѣ, что Шурочка внезапно ощутила въ сердцѣ приливъ горячей любви къ сестрѣ и, затрепетавъ, припала къ ней и съ нѣжностью поцѣловала ее. Ольга крѣпко обвила ея шею руками и прижала ея голову къ своей груди.

Въ комнату вошла Бегрова и, поздоровавшись съ Ольгой, присѣла къ ней на постель. Ермиловъ и Софіанскій нерѣшительно остановились въ дверяхъ.

— Что-жъ вы не идете, господа?—сказала имъ Ольга:—вы вѣдь будущіе доктора, такъ вамъ стѣсняться больныхъ не приходится.

— Ну, у меня другая спеціальность,—отвѣтилъ Ермиловъ:—я вѣдь по нервнымъ.

Оба однако вошли и, поставивъ къ постели стулья, усѣлись.

— Шура!—сказала Ольга:—принеси его сюда.

Шурочка поняла ее и пошла за ребенкомъ.

Лелька внимательно читала, водя по книгѣ пальчикомъ и шевеля губами. Шурочка назвала ее умницей и обѣщала ей скоро прійти. Она осторожно взяла ребенка, который все еще спалъ, и понесла его къ матери.

Ольга уложила его у себя въ ногахъ и любовно наклонилась надъ нимъ.

— Посмотрите, господа, какой хорошенькій!—сказала она.

— Гм...—промычалъ Ермиловъ:—я мелюзги не люблю,—и брезгливо отодвинулъ свой стулъ отъ постели.

Софіанскій съ кроткой и доброй улыбкой поглядѣлъ на мать, потомъ на ребенка и сказалъ:

— Хорошенькій, что и говорить... только малъ очень.

Бегрова, надѣвъ на носъ пенснэ, съ видомъ знатока разсматривала новорожденнаго.

Вернулась Анна Петровна и, узнавъ, что у Ольги гости, какъ ураганъ влетѣла въ комнату.

— Да вы что же это? Очумѣли что ли? А еще медики! И ты-то, матушка, хороша!—обратилась она къ Ольгѣ:—въ первый-то день гостей принимать! Вонъ, вонъ, вонъ! Чтобъ и духу вашего не было!—кричала она уже по адресу посѣтителей.

Въ это время ребенокъ заплакалъ, и Анна Петровна, отвлеченная въ другую сторону, нѣсколько остыла и умилостивилась.

— Ну, да ужъ куда ни шло, сидите, коли пришли,—говорила она, готовя на постели у Ольги пеленки.—И я-то, дура, хороша! Пошла, да и пропала. Забѣжала на единую минуточку къ Филькѣ: думаю, наплюю ему въ безстыжія бѣльмы: двѣ недѣли назадъ полтора рубля занялъ и все не несетъ. А онъ чай пьетъ и меня усадилъ, да еще статью мнѣ свою читалъ критическую, я и заслушалась. Хорошая статья, ловко онъ тамъ кого нужно отчехвостилъ, боится, цензура не пропуститъ. Да и не пропуститъ... А

время-то все летитъ. Ужъ я бѣгомъ бѣжала... Яблоки Ѳедосьѣ испечь велѣла.

Никто не слушалъ ея. Сафіанскій и Ермиловъ опять подвинулись къ двери. Бегрова, кончивъ осмотръ младенца, потянула его ручки и ножки и авторитетно изрекла:

— Субъектъ довольно слабый. Но, мнѣ кажется, въ немъ есть задатки, чтобы выдержать борьбу за существованіе.

Неизвѣстно, что думало объ этомъ мудромъ пророчествѣ крошечное существо, лежавшее на постели, и вообще думало ли оно что нибудь, но его безпомощный, жалкій видъ, старчески сморщенное, угрюмое и недовольное личико и непрерывный крикъ, которымъ надрывалось его грудка, являлись живымъ опроверженіемъ его способности къ перенесенію житейскихъ неудачъ.

Между тѣмъ Анна Петровна пеленала его и вполголоса напѣвала:

«Для чего вы связали мнѣ руки?
«Для чего спеленали меня?
«Для чего на житейскія муки
«Обрекли меня съ перваго дня?»

Заунывный, наводящій тоску напѣвъ этой пѣсни непріятно поразилъ Ольгу, и она сказала:

— Будетъ вамъ, Анна Петровна! Посмотрите, онъ еще сильнѣе плачетъ.

— Что это ты, матушка?—невольно возразила Анна Петрорна:— я и всегда эту пѣсню пою, когда пеленаю ребенка. Въ мое время у насъ ужъ такое обыкновеніе было. Случилось мнѣ какъ-то у купцовъ принимать, вотъ я такъ-то запѣла, а купчиха мнѣ и говоритъ: бабушка, перестаньте, пожалуйста! Хушь онъ и слабенькій, вы его при живности-то ужъ не отпѣвайте!—При живности! Вотъ вѣдь дура!

— Дикія понятія!—съ снисходительнымъ презрѣніемъ согласилась Бегрова и, обращаясь къ Ольгѣ, небрежно прибавила:

— Вы его въ воспитательный?

Ольга широко раскрыла глаза и почти съ ужасомъ воскликнула:

— Что вы это? Вотъ выдумали! ни за что!

— Напрасно,—холодно возразила Бегрова и вѣско продолжала:— вы должны знать, что воспитаніе дѣтенышей есть прямая обязанность государства. Для женщины въ вашемъ положеніи найдется дѣло полезнѣе и выше, чѣмъ няньчанье и кормленіе ребенка.

Ольга покраснѣла, глаза ея заблистали, и она съ волненіемъ проговорила:

— Все равно! Я не могу себѣ представить, что его не будетъ подлѣ меня! Не могу!

— Это, разумѣется, дѣло вашей совѣсти,—рѣшила Бегрова:—но во всякомъ случаѣ вы пренебрегаете для узкихъ эгоистическихъ цѣлей общими и высшими интересами.

— А что же Вальцевича не видать? — спросилъ вдругъ Софіанскій.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, что же это Вячеслава нѣтъ?—ужасно заволновалась Ольга:—отчего онъ такъ долго не идетъ?

— Да вѣдь рано еще,—сказала Анна Петровна, унося успокоившагося ребенка къ себѣ.

Тамъ Шурочка укладывала спать Лёльку.

— Что-жъ яблоко, мама?—спросила дѣвочка.

Анна Петровна вынула изъ кармана большое красное яблоко и бросила ей въ кроватку. Лёлька спрятала его подъ подушку и, поцѣловавъ мать и Шурочку, улеглась.

Анна Петровна сѣла у ея кроватки, а Шурочка пошла къ сестрѣ.

Она застала оживленный разговоръ между Бегровой и Ольгой.

— Я стою,—ораторствовала Бегрова,—за искусственное питаніе, какъ за самое разумное и раціональное...

— Но, однако, не самое согласное съ природой,—попробовалъ вмѣшаться Софіанскій.

Бегрова не спѣша вынула изъ кармана папиросницу изъ корельской березы, достала папиросу, постучала ею о крышку, собираясь закурить, но вдругъ раздумала, и, пряча папиросницу въ карманъ, отвѣтила Софіанскому:

— И самое согласное съ природой, я сейчасъ докажу вамъ почему.

— Я и сама думала прежде, что искусственное питаніе будетъ удобнѣе,— сказала Ольга: — но теперь я убѣдилась, что это не такъ. При искусственномъ питаніи нуженъ слишкомъ тщательный уходъ, постоянное наблюденіе врача, наконецъ, извѣстныя средства. Искусственное питаніе помоему роскошь, тогда какъ съ молокомъ матери меньше хлопотъ, и для ребенка это молоко, всетаки, полезнѣе и безопаснѣе искусственныхъ продуктовъ. И притомъ онъ такъ слабъ...

— Да, кстати,—сказалъ Ермиловъ:—какъ же его зовутъ?

— Я еще и сама не знаю,—улыбнулась Ольга.

— По отцу слѣдовало бы назвать Вячеславомъ,—предложила вернувшаяся Анна Петровна.

— Нѣтъ, я этого имени не люблю,—сказала Ольга.

— Назовите его Николаемъ,—съ значительнымъ видомъ посовѣтовала Бегрова: — въ честь того, кто училъ людей тому, что дѣлать.

— Нѣтъ, я хочу назвать его Викторомъ, если Вячеславъ согласится,—возразила Ольга.—Что же это его до сихъ поръ нѣтъ?

— Придетъ еще,—сказала Анна Петровна и прибавила:—вѣдь онъ не знаетъ, что его ожидаетъ такой сюрпризъ.

— Ахъ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!—воскликнула Ольга:—а я-то и забыла, что онъ ничего не знаетъ. А то онъ, навѣрно, ужъ давно бы пришелъ!

И ея безпокойство смѣнилось радостнымъ ожиданіемъ. Взволнованная, полная неясной, но счастливой и свѣтлой надежды, она не отрывала взора отъ двери и чутко прислушивалась къ малѣйшему звуку.

Она забыла всѣ непріятности, всѣ ссоры, тѣ холодныя отношенія, которыя за послѣднее время установились между нею и Вальцевичемъ, и помнила только, что она мать его сына, и ея сердце переполнено было нѣжнымъ и преданнымъ чувствомъ къ отцу ребенка.

— Ну, господа, гости посидятъ, да и домой пойдутъ,—сказала Анна Петровна: — ей-Богу, я боюсь, какъ бы съ ней не случилось чего...

— Нѣтъ, нѣтъ, Анна Петровна, пожалуйста,—перебила Ольга:— я отлично себя чувствую, мнѣ такъ весело. Мы подождемъ Вячеслава. Онъ теперь скоро придетъ.

Раздался звонокъ. Ольга вздрогнула и насторожилась. По корридору, тяжело шаркая валенками, прошла Ѳедосья, ставившая въ кухнѣ самоваръ.

— Это не онъ,—прошептала, прислушиваясь, Ольга.

Ѳедосья съ письмомъ въ рукѣ показалась на порогѣ комнаты и сказала:

— Пришелъ какой-то, сказываетъ: приказали хозяйкѣ отдать. Кто у насъ тутъ хозяйка-то?

— Это мнѣ, мнѣ!—съ волненіемъ вскричала Ольга:—я знаю, что это мнѣ. Дайте сюда!

Ей поспѣшили передать письмо.

Она съ лихорадочною торопливостью, не взглянувъ на адресъ, на которомъ значилось: Ея Высокородію Аннѣ Петровнѣ Толпыго, въ собственныя руки,—разорвала конвертъ и быстро пробѣжала коротенькую записку.

Вдругъ лице ея поблѣднѣло, какъ бумага, глаза закрылись, и она безсильно опустилась на подушки.

— Никакъ обморокъ!—всплеснула руками Анна Петровна:— и откуда эта проклятая записка взялась? Скажи, голубчикъ, Ѳедосьѣ, чтобъ она воды принесла,—обратилась она къ Шурочкѣ:— да захвати нашатырный спиртъ: на столикѣ у Лёльки стоитъ.

Затѣмъ она подняла валявшуюся на полу бумажку и съ любопытствомъ заглянула въ нее.

— Господи! Да и письмо-то не къ ней, а ко мнѣ! Право ко мнѣ!—съ изумленіемъ воскликнула она тотчасъ же.

— Ужъ не умеръ ли кто?—предположилъ Софіанскій.

— Я увѣрена, что пустяки,—сказала Бегрова:—и виновато не письмо, а тряпичность натуры и полная неподготовленность къ борьбѣ съ препятствіями.

— Да что тутъ толковать,—возразила Анна Петровна:—вы лучше, Бегрова, прочтите письмо, а то я не разберу хорошенько, вотъ и увидимъ, въ чемъ дѣло.

«Милостивая Государыня Анна Петровна! — громко начала Бегрова.

«Зная, что Ольга Александроона не совсѣмъ здорова, считаю себя въ правѣ обратиться къ вамъ, такъ какъ вы въ данномъ случаѣ легко можете замѣнить ее. Обстоятельства мои такъ сложились, что я болѣе не могу квартировать въ вашихъ меблированныхъ комнатахъ, о чемъ и считаю своимъ долгомъ увѣдомить васъ сегодня же. Всѣ расчеты съ вами я считаю поконченными, такъ какъ полученные съ меня вами десять рублей серебромъ, мнѣ кажется, достаточно приличная плата за номеръ, который я занималъ менѣе мѣсяца, съ чѣмъ, вы, милостивая государыня, согласитесь.

«Съ полнымъ уваженіемъ В. Вальцевичъ».

Эффектъ получился ошеломляющій.

Даже Бегрова, обладавшая по ея собственному признанію «закаленнымъ» характеромъ и разрѣшавшая обыкновенно всевозможныя житейскія случайности готовыми изреченіями пророковъ либерализма, на этотъ разъ нѣсколько опѣшила и не сразу рѣшилась высказать свое мнѣніе.

— Ну, и подлая же душенка у полячишки фальшиваго!—съ негодованіемъ воскликнула Анна Петровна и, вспомнивъ, наконецъ, объ Ольгѣ, бросилась помогать Шурочкѣ, тщетно старавшейся привести сестру въ чувство, брызгая ей въ лице холодной водой и поднося къ носу пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ.

— Гм... это значитъ попросту заблаговременно тягу далъ,—разсуждалъ Ермиловъ:—ничего, ловко!

— Подло,—проговорилъ Софіанскій, очень не любившій Вальцевича и считавшій его лицемѣромъ и предателемъ, вопреки общему мнѣнію товарищей.

— Позвольте, Софіанскій! — возразила Бегрова, уже освоившаяся съ фактомъ и приготовившаяся обсудить его «съ самой раціональной точки зрѣнія»:—весь вопросъ въ томъ, какъ мы захотимъ взглянуть на дѣло, подлежащее въ настоящій моментъ нашей критикѣ.

Анна Петровна, очевидно, опасаясь, чтобы разговоръ не принялъ горячаго характера, махнула на нихъ рукой, чтобъ не шумѣли.

Они вышли въ сборную и, спохватясь, что хозяйкамъ не до нихъ, и что ихъ присутствіе можетъ потревожить больную, не прощаясь, отправились въ нору.

Ольга, наконецъ, пришла въ чувство, но у нея начался сильный жаръ и бредъ. Анна Петровна и Шурочка не отходили отъ нея и поочередно сидѣли у ея постели, дѣля свои заботы между нею и ребенкомъ. Часамъ къ четыремъ она успокоилась и впала въ забытье. Тогда Анна Петровна, падавшая отъ усталости, рѣшилась идти спать. Шурочка перетащила съ постели Вальцевича матрасъ въ комнату Ольги, постлалась на полу и легла, не раздѣваясь. Едва голова ея коснулась подушки, какъ она заснула тяжелымъ и тревожнымъ сномъ. Крикъ ребенка разбудилъ ее. Она поспѣшно вскочила и подошла къ Ольгѣ. Та спала. Шурочка заглянула въ окно. Моросила мелкая изморозь. Холодный, рѣзкій вѣтеръ колебалъ тонкія, оголенныя вѣтви деревьевъ въ скверѣ. Мутно сѣрый, холодный туманъ окутывалъ вдали окрестность. Ребенокъ опять закричалъ. Шурочка рѣшила пойти посмотрѣть, что съ нимъ. Анна Петровна полуодѣтая сидѣла на постели. Ребенокъ лежалъ у нея на рукахъ и, не переставая, слабо пищалъ, раскрывая ротикъ и медленно поводя изъ стороны въ сторону головкой.

— Ѣсть проситъ,—сказала Анна Петровна:—надо будетъ молока купить. На мать надежда плохая.

Ольга, проснувшись, повидимому, не могла припомнить ничего изъ того, что произошло вчера. Она была чрезвычайно слаба и скоро впала опять въ безсознательное состояніе. Къ вечеру температура очень повысилась, и Анна Петровна не на шутку встревожилась.

— Тебѣ, матушка, что,—возражала она Шурочкѣ, обезпокоенной болѣзнью сестры:—ты моего страха не понимаешь. Ты человѣкъ самъ по себѣ, а вѣдь я присяжная акушерка: за все отвѣчаю.

На ночь онѣ перенесли Ольгу въ кабинетъ Вальцевича, чтобы удалить ее отъ ребенка и устроить поуютнѣе.

На другой день Анна Петровна, какъ только напилась чаю, объявила, что уходитъ и вернется нескоро. Но для Шурочки время летѣло такъ быстро, какъ никогда. У нея не было свободной минуты. То она утѣшала раскапризничавшуюся Лёльку, обиженную тѣмъ, что на нее никто не обращалъ вниманія, то ухаживала за сестрой, то укачивала ребенка, или кормила его съ рожка разбавленнымъ водой кипяченымъ молокомъ съ сахаромъ. Но ребенокъ сосалъ плохо, захлебывался и, не успѣвъ насытиться, разражался неистовымъ крикомъ, пока не засыпалъ отъ усталости.

Пришла изъ дворницкой Ѳедосья и спросила Шурочку, не сготовить ли чего на обѣдъ. Шурочка дала ей двугривенный,—всѣ деньги, что̀ у нея были,—и попросила ее позаботиться о Лёлькѣ и о молокѣ для ребенка, а сама отказалась отъ обѣда, говоря, что ей ѣсть не хочется. Съ того дня, какъ родился сынъ у Ольги, ни Анна

Петровна, ни Шурочка не обѣдали и довольствовались чаемъ съ хлѣбомъ и какой нибудь закуской. Лёлькѣ варили кашку, или дѣлали котлетку. Что касается Ѳедосьи, то неизвѣстно, чѣмъ она была сыта. Еще и раньше она ничего не ѣла изъ «господскаго» и не варила ничего для себя отдѣльно, такъ что Анна Петровна не разъ говорила ей:

— Что ты ничего не ѣшь, Ѳедосья? Сыта ли ты?

На что̀ Ѳедосья съ амбиціей отвѣчала:

— Неужто-жъ голодна? Съ чего другаго, а съ голоду человѣкъ не помираетъ.

— Да ты ничего не ѣшь,—настаивала Анна Петровна.

— Какъ это не ѣмъ, что ты это? Слава Богу, завсегда сыты.

Жалованья своего Ѳедосья еще не получала и не требовала его, повидимому, даже и не думала о немъ. Шурочка, вспомнивъ объ этомъ обстоятельствѣ, сказала ей:

— Погоди, Ѳедосья, какъ только будутъ деньги, я попрошу Анну Петровну тебѣ отдать за мѣсяцъ.

Ѳедосья равнодушно отвѣтила:

— Ну, ладно! Слава Богу, сыта, одѣта, обута. Что съ васъ взять-то? Народъ-то вы больно...

И не договорила, вѣроятно, изъ деликатности.

— Какой же народъ?—улыбаясь, спросила Шурочка.

— Извѣстно какой,—уклончиво пояснила Ѳедосья:—самый несмысленый. Что ребенокъ малый, что вы... Одно слово: скуденты.

Анна Петровна вернулась къ двумъ часамъ и не одна, а въ сопровожденіи доктора. Это былъ невысокій, полный господинъ съ круглымъ брюшкомъ, въ черной съ иголочки щегольской парѣ, съ толстой болтавшейся на жилетѣ, золотой цѣпью, бѣлокурый, съ мягкими, расчесанными на прямой проборъ волосами надъ большимъ, умнымъ, выпуклымъ, сверкающимъ бѣлизной лбомъ, съ одутловатымъ, блѣднымъ, землистаго цвѣта, красивымъ и нѣсколько надменнымъ лицомъ, съ пушистыми усами и жидкой бородкой клиномъ, съ большими голубыми близорукими глазами, которые холодно и насмѣшливо смотрѣли сквозь толстыя стекла дорогихъ въ золотой оправѣ очковъ.

Повидимому, онъ былъ веселаго характера. Онъ очень мило съ оттѣнкомъ тонкой и безобидной ироніи шутилъ съ Анной Петровной, называя ее коллегой, товарищемъ и собратомъ по наукѣ, что̀ очень льстило ея самолюбію, если судить по ея довольному виду. Докторъ внимательно осмотрѣлъ больную и, узнавъ отъ Анны Петровны, что причиной болѣзни было душевное потрясеніе, выразилъ сожалѣніе, что наука еще не на столько подвинулась впередъ, чтобы успѣшно бороться съ душевными аффектами. Затѣмъ онъ присѣлъ къ столу, прописалъ лекарство и, вручая рецептъ, замѣтилъ, что онъ можетъ принести пользу только въ томъ слу-

чаѣ, если больная будетъ пользоваться самымъ тщательнымъ уходомъ, полнымъ спокойствіемъ и питательной, легкой пищей, предупредилъ, что молоко у родильницы, вѣроятно, пропадетъ, а если и нѣтъ, то его будетъ слишкомъ мало, не говоря уже о томъ, что кормленіе для нея безусловно вредно, и въ заключеніе посовѣтовалъ какъ можно скорѣе найти хорошую кормилицу.

Анна Петровна слушала его съ благоговѣніемъ и, провожая его до самой площадки лѣстницы, разсыпалась въ благодарностяхъ и отвѣшивала такіе низкіе поклоны, на которые, зная ея либеральный образъ мыслей, никто бы не счелъ ее способной. Но должно признаться, что она это дѣлала единственно изъ уваженія къ наукѣ и еще изъ нѣкоторыхъ побужденій высшаго порядка.

Проводивъ доктора, она вернулась въ сборную вся сіяющая и тотчасъ же заговорила, захлебываясь отъ восторга:

— Что, матушка, каковъ? Даромъ, что знаменитость, а какъ я пришла къ нему сегодня утромъ да попросила пріѣхать, такъ безъ разговоровъ сказалъ, что будетъ. А какъ любезенъ-то? Товарищемъ меня называетъ. Еще бы! онъ у насъ ассистентомъ на экзаменѣ былъ! Да ты знаешь ли, это кто?

— Не знаю,—отвѣтила Шурочка.

— Скворецъ, матушка, самъ Скворецъ!—съ торжествомъ произнесла Анна Петровна.

Шурочкѣ это столь уважаемое Анной Петровной имя ровно ничего не говорило, но она промолчала, чтобъ не огорчить своей собесѣдницы. Къ восьмому дню Ольга стала чувствовать себя лучше и, не смотря на совѣты и упрашиванія Анны Петровны подождать хоть девяти дней, встала. Шурочка съ горестью смотрѣла на ея похудѣвшее, блѣдное лице съ ввалившимися щеками и заострившимся носомъ, не находя на немъ и слѣда того оживленія, яркихъ красокъ и жизненности, которыя она подмѣтила въ первый вечеръ. Ольга ни разу не вспомнила о Вальцевичѣ, какъ будто его никогда и не было, но тайное горе видимо угнетало ее. Она была молчалива и печальна. На лбу и вокругъ рта легли горькія, озлобленныя складки. Изрѣдка жалкая, болѣзненная улыбка появлялась у нея на губахъ, когда она держала на колѣняхъ сына. Къ нему она относилась съ порывистой страстностью и ревнивой нѣжностью. Ребенокъ былъ очень слабъ. Личико его изъ краснаго превратилось въ желто-матовое. Тонкія брови, напоминавшія Вальцевича, рѣзко обозначились. Его крошечные пальчики были худы, какъ спички. Онъ ѣлъ мало и неохотно. Ольга не могла кормить его, но втайнѣ лелѣяла надежду, что это только пока, что молока будетъ больше, когда она еще немного поправится. Анна Петровна рѣшилась замѣнить разбавленное молоко сливками, но ребенокъ не могъ переносить ихъ и захворалъ. Пришлось перевести его на прежнюю пищу. О кормилицѣ нечего было и думать, какъ о недоступной

роскоши. Ребенокъ хирѣлъ и чахъ съ каждымъ днемъ. Свѣтильникъ жизни колебался и меркнулъ въ немъ подъ суровымъ дыханіемъ житейской непогоды, и не нужно было большой проницательности, чтобы видѣть, что онъ скоро долженъ угаснуть. Одна мать, полная безумной надежды, не видала ничего.

На десятый день ребенка окрестили въ приходѣ. Шурочка была его крестной матерью. Въ крестные отцы никого не звали, такъ какъ всѣ знакомые были люди «съ убѣжденіями», и пригласить кого нибудь изъ нихъ крестить значило бы нѣкоторымъ образомъ посягнуть на эти убѣжденія. Поэтому воспріемникомъ ребенка былъ псаломщикъ, который и исполнилъ свою обязанность, какъ этого и слѣдовало ожидать отъ лица его званія, съ полнымъ знаніемъ дѣла и, чего ужъ никакъ нельзя ожидать отъ людей какого бы то ни было званія, съ теплымъ участіемъ къ неизвѣстному ему малюткѣ. По желанію матери, его назвали Викторомъ, имя, какъ, быть можетъ, извѣстно просвѣщенному читателю, означающее побѣдителя и, увы! совершенно не гармонировавшее съ страдальческимъ и жалкимъ видомъ нашего маленькаго знакомаго. Оттого ли, что вода въ купели была недостаточно тепла для Виктора, оттого ли, что ванна въ церкви съ растворенной настежь дверью, благодаря чему осенній сердитый сквознякъ гулялъ въ ней по всѣмъ направленіямъ, пришлась не по вкусу его слабому организму, или оттого, наконецъ, что вообще церемонія крещенія, въ которой онъ выступалъ въ первый разъ передъ свѣтомъ въ такой отвѣтственной роли и притомъ совершенно противъ своего желанія, что̀ онъ и доказалъ самымъ неистовымъ и отчаяннымъ крикомъ, произвела на него неблагопріятное впечатлѣніе,—трудно рѣшить, только именно съ этого дня онъ похудѣлъ еще больше, что̀ казалось бы невозможнымъ, еслибъ не было очевидно, и сталъ кашлять.

Въ тотъ же день на имя Анны Петровны пришло заказное письмо съ казенной печатью, увѣдомлявшее ее, что прошеніе ея о замѣщеніи ею ваканціи акушерки и фельдшерицы при N—ской уѣздной больницѣ подлежитъ удовлетворенію, а потому и предписывается ей прибыть до 10-го числа сего октября мѣсяца къ мѣсту служенія, получивъ въ такомъ-то учрежденіи жалованье за мѣсяцъ впередъ въ количествѣ 30 рублей съ копѣйками и прогоны.

Такъ какъ въ распоряженіи Анны Петровны было всего четыре дня, то она заторопилась. Шурочка замѣтила, что она очень обрадовалась, какъ-то воспрянула духомъ и проявила необычайную дѣятельность. Какъ ни жаль было Аннѣ Петровнѣ оставить Ольгу и Шурочку при такихъ обстоятельствахъ, она не могла не радоваться благопріятному исходу для себя. Перспектива другой, болѣе покойной, не такой мытарной, какъ она говорила, жизни ласково улыбалась ей. Она уже мечтала, что Лёлька ея совершенно

поправится и расцвѣтетъ, что она заставитъ ее забыть печальное дѣтство, отдохнетъ сама, и мало ли еще что думалось ей теперь.

— Ну, что-жъ, — сказала она вечеромъ Шурочкѣ: — тебѣ теперь трусить нечего: Ольга поправится. Ребенокъ умретъ, помяни мое слово, ну, да его жалѣть особенно нечего. Свяжетъ онъ ее. Ты думаешь, мнѣ легко было Лёльку ростить? А теперь-то? Господи!

— Анна Петровна, есть у насъ деньги?—спросила Шурочка, уже погруженная въ новыя заботы, которыя съ отъѣздомъ Анны Петровны, она предчувствовала, должны были лечь на ея плечи.

— Денегъ, мать моя, у насъ нѣсколько копѣекъ, — отвѣтила Анна Петровна:—что прикажешь дѣлать? Да вотъ жалованье выдадутъ, вамъ дамъ немножко, много-то, ты сама знаешь, не могу: у меня вѣдь все заложено, а въ дорогу надо тепло одѣться.

— Надо заложить что нибудь,—сказала Шурочка.

— Ужъ и не знаю что,—покачала въ раздумьѣ головой Анна Петровна:—вѣдь ужъ все перезаложено.

— Пальто мое,—предложила Шурочка:—все равно я никуда не хожу, а безъ васъ и подавно никакъ нельзя будетъ уйти.

— И то правда,—согласилась Анна Петровна:—только ужъ давай, я лучше сама снесу его, а то тебя, чего добраго, надуютъ.

Она вернулась, нагруженная съѣстными припасами, и, отдавая Шурочкѣ зеленую бумажку, сказала:

— Вотъ четыре рубля выколотила, на рубль накупила: вѣдь ее теперь получше кормить надо, да и Лёлька у меня все на кашѣ сидитъ. А три рубля ужъ ты къ себѣ прибери.

Ольга къ отъѣзду Анны Петровны отнеслась равнодушно. Только въ самый послѣдній день, когда Анна Петровна собиралась уже уѣзжать, она заплакала и, обнимая ее и Лёльку, благодарила ее и просила писать. Прощаясь съ Шурочкой, Анна Петровна сунула ей въ руку кредитную бумажку, которую та, не глядя, положила въ карманъ.

Лёлька повисла на шеѣ у Шурочки и разрыдалась.

Анна Петровна поспѣшила сократить сцену разлуки и, перецѣловавшись съ Ольгой, Шурочкой и даже съ Ѳедосьей, взяла Лёльку за руку и потащила ее садиться на извозчика.

Насталъ вечеръ. Никто изъ завсегдатаевъ не приходилъ, и въ квартирѣ стояла тишина. Ольга сидѣла на своей постели, держа на колѣняхъ сына. Онъ не былъ спеленутъ и слабо копошился голыми ручками и ножками. Ольга пробовала его кормить грудью, но молока было такъ мало, что онъ скоро уставалъ сосать въ безплодныхъ усиліяхъ выжать еще хоть каплю и начиналъ неистово кричать.

Шурочка ушла въ комнату Анны Петровны и погрузилась въ хозяйственные расчеты. Бумажка, оставленная ей Анной Петров-

ной, оказалась тремя рублями. Всѣхъ денегъ у нея было пять рублей. Шурочка сочла себя богатой съ такимъ капиталомъ. Только теперь она узнала настоящую цѣну деньгамъ. Теперь она знала, что не только рубль, полтинникъ, двугривенный, но и грошъ и двѣ копѣйки—деньги. Она и представляла себѣ теперь ихъ стоимость не отвлеченно, какъ прежде, а въ видѣ тѣхъ предметовъ, которые на нихъ пріобрѣтались. Двѣ копѣйки—это значитъ фунтъ чернаго хлѣба, или фунтъ кислой капусты, или фунтъ соли, или бутылка простаго квасу и т. п. Это были тоже своего рода курсы, только профессорами на нихъ являлись не просвѣщенные жрецы науки и не важные и знаменитые доктора, а нужда и... Өедосья, существа фатальныя, странныя и неизбѣжныя, какъ судьба, весьма схожія между собою по своей немудрой философіи и той тупости, которая была бы жестокой, еслибъ не была совершенно слѣпой. Еслибъ нашлось на столько пылкое воображеніе, чтобы представить себѣ турниръ между жрецами науки съ одной стороны и двумя названными существами съ другой, то думаю, что даже и такое изумительное воображеніе затруднилось бы рѣшить, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ. Но можно безошибочно сказать, что уроки этихъ послѣднихъ даже помимо желанія запоминаются такъ твердо и хорошо, что потомъ уже ничто не можетъ ихъ изгладить изъ памяти во всю послѣдующую жизнь, тогда какъ достовѣрно извѣстно, что многія крѣпкія головы добровольно разбивались о стѣну ученой профессорской премудрости и, не смотря на всѣ свои, по истинѣ геройскія усилія, одолѣвали ее только весьма не надолго, чтобъ забыть скоро и безвозвратно.

Шурочка съ головой ушла въ свои экономическія и хозяйственныя соображенія, расчитывая, какъ надолго ей хватитъ пяти рублей. Она уже рѣшила оградить Ольгу отъ мелкихъ повседневныхъ заботъ и даже скрыть отъ нея, на сколько возможно, печальное положеніе вещей. Шурочка сидѣла въ глубокой задумчивости, забывъ все окружающее и смутно горюя о томъ, что лишилась такой помощницы, какъ Анна Петровна.

Вдругъ странные, звенящіе звуки поразили ея слухъ, и въ то же время сердце ея сжалось отъ неяснаго и горькаго предчувствія. Она прислушалась.

Это пѣла Ольга слабымъ, надтреснутымъ, едва слышнымъ голосомъ:

«Для чего вы связали мнѣ руки?
«Для чего спеленали меня?
«Для чего на житейскія муки
«Обрекли меня съ перваго дня?»

Охваченная внезапнымъ страхомъ и непонятной тревогой, она поспѣшила къ Ольгѣ, жалѣя, что такъ долго оставляла ее одну.

Ольга сидѣла все въ той же позѣ на постели. Ребенокъ попрежнему лежалъ у нея на колѣняхъ. Онъ не плакалъ. Его большіе черные глаза, получившіе осмысленное выраженіе, глядѣли съ страннымъ упорствомъ на мать. Они казались огромными, и его крошечное, блѣдное личико исчезало за ними, точно тонуло въ ихъ блестящей темной глубинѣ.

Маркъ Басанинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ЛИТЕРАТОРА [1].

IV.

Свиданіе съ Сенковскимъ.—Согласіе его писать фельетоны въ «Сынѣ Отечества».—Успѣхъ «Листковъ» Сенковскаго.—Возня съ «Листками» въ цензурѣ.—Цензора Ложечниковъ и Бекетовъ.—Письма Ложечникова ко мнѣ.

ВЪ КОНЦѢ іюня мнѣ пришла мысль побывать у Сенковскаго и предложить ему писать въ «Сынѣ Отечества» фельетоны.

Давно меня не видѣвъ, Сенковскій очень обрадовался моему появленію, но не преминулъ укорить, зачѣмъ я оставилъ «Библіотеку для Чтенія», и просилъ меня разсказать ему всѣ подробности возрожденія «Сына Отечества», котораго всѣ вышедшіе номера я привезъ для него съ собою. Ос. Ив. одобрилъ мое предпріятіе и сулилъ ему большой успѣхъ; тогда я сдѣлалъ ему предложеніе писать фельетоны для новой газеты съ гонораромъ по пятидесяти рублей сер. за фельетонъ. Сенковскій одобрилъ и эту мысль и съ удовольствіемъ согласился на мое предложеніе.

Первому «Листку», появившемуся въ № 14 «Сына Отечества» (8-го іюля), были предпосланы слѣдующія строки:

«Покойный баронъ Брамбеусъ, къ всеобщему сожалѣнію русскихъ читателей, давно усопшій для словесности, неожиданно воскресъ изъ пепла глубокихъ ученыхъ изслѣдованій, которымъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. L, стр. 26.

онъ усердно преданъ, съ тѣхъ поръ какъ оставилъ повременную литературу. Возвратомъ этимъ къ жизни остроумной и краснорѣчивой публика будетъ обязана «Сыну Отечества». Чтеніе нашего журнала до того одушевило умолкшаго изящнаго писателя, что въ веселую или, по его выраженію, скучную минуту набросалъ онъ и прислалъ намъ «Листокъ», который спѣшимъ передать читателямъ. Событіе это тѣмъ болѣе насъ обрадовало, что почтенный баронъ не ожидалъ ничего блистательнаго отъ нашего предпріятія и переубѣдился, по словамъ его, единственно достоинствомъ новой газеты. Намъ чрезвычайно пріятно сообщить въ то же время, что и «Листокъ» этотъ остраго и милаго пера—не послѣдній въ «Сынѣ Отечества»: мы получили обѣщаніе въ постоянномъ содѣйствіи великаго таланта, нѣкогда столь дорогаго русской публикѣ, который всегда свѣжъ, игривъ, неисчерпаемъ, когда только захочетъ почерпать въ безднѣ своего юмора и своихъ свѣдѣній».

Приступивъ къ своему новому занятію, Сенковскій писалъ мнѣ: «Не пеняйте на меня, что для перваго случая я опоздалъ, мой добрый другъ. Я долженъ былъ прочитать бездну, прежде чѣмъ начать работу, особенно прочитать сначала весь вашъ журналъ, чтобы знать, что уже въ немъ сказано и о чемъ не надо говорить. И хорошо сдѣлалъ, что прочиталъ. Я удивился: все что только теперь у другихъ новость, у васъ уже давно сказано и хорошо сказано. Поздравляю! Превосходный журналецъ, нечего сказать. Если будете его обработывать также тщательно, можете ожидать великаго успѣха, но con pazienza [1]). Безъ терпѣнія ничего нельзя получить. Но правда, что фельетонъ ужасно плохъ: то-есть его нѣтъ.

«Я пишу. Кажется, что я теперь въ вэрвѣ, или въ духѣ, и что напишу что нибудь порядочное.

«Но всю эту ночь я еще читалъ: въ послѣднее время я занятъ былъ усердно моими скиѳскими изслѣдованіями и немножко поотсталъ: не читалъ недѣль пять или шесть никакихъ журналовъ, чтобы не развлекать себя. Теперь все это нужно было вознаградить вдругъ.

«Если можете, подождите-ка меня до вечера (то-есть не выпускайте, дескать, номера безъ моего фельетона). А не можете, такъ увѣдомьте. Въ четыре часа я пришлю большую часть. Думаю, не покончу къ четыремъ часамъ. Сенковскій.

«Суббота, 11 часовъ.

«Нельзя ли, мой другъ, исключить у васъ термины, пошлые и обезславленные въ публикѣ, для которой, напримѣръ, слово журналистика—все равно что брань кабачная. Слово фельетонъ

---

[1]) Съ терпѣніемъ.

тоже не благородно понимается публикою. Вмѣсто критика, журналистика, библіографія, зачѣмъ не выставить просто: литература: 1) книги, 2) журналы, 3) недѣльное обозрѣніе. Вмѣсто фельетонъ поставьте: «Листокъ». Пожалуйста, избѣгайте словъ, которыя у публики принимаются въ дурную сторону, какъ неблагородныя пошлости».

Итакъ, со второй половины 1856 года почти въ каждомъ номерѣ «Сына Отечества» стали появляться листки барона Брамбеуса.

Онъ написалъ ихъ втеченіе полугода двадцать одинъ и получилъ слѣдовательно въ 1856 г. 1.050 рублей сер. Для журнала, только что начавшагося, и который сталъ выходить лишь съ 8-го апрѣля, для журнала, не располагавшаго матеріальными средствами, заплатить тысячу рублей сер. за одни фельетоны въ полгода, кромѣ другихъ отдѣловъ, въ которыхъ занимались тоже лица, болѣе или менѣе извѣстныя и оплачиваемыя приличнымъ гонораромъ,—издержка на фельетоны Сенковскаго была жертва и жертва значительная, почти не посильная, но она окупилась и не погубила издателя, а напротивъ, обративъ на «Сына Отечества» общее вниманіе, занимала общество, порождала толки, споры, вражду, вызывала разные намеки и инсинуаціи (да, были и инсинуаціи...), но для успѣха газеты это именно и нужно.

Теперь, когда это дѣло сдѣлалось не только прошедшимъ, но и давно прошедшимъ, о листкахъ Брамбеуса можно повести откровенную рѣчь... Кромѣ того, что они стоили значительныхъ денегъ, они стоили много крови и автору ихъ, и издателю, и цензорамъ.

Сенковскій доживалъ уже шестой десятокъ, когда приступилъ къ писанію «Листковъ» своихъ. Онъ усталъ тогда и физически и нравственно; тридцать пять лѣтъ онъ трудился уже на учено-литературномъ поприщѣ. Послѣ такой усиленной дѣятельности, безпримѣрной и непостижимой, когда люди обыкновенно собираются уже отдохнуть, и если еще трудятся, то трудятся исподволь, на досугѣ, Сенковскій приглашенъ былъ взяться опять за самую живую, кипучую литературную дѣятельность, за фельетонъ—на старости лѣтъ.

Такъ какъ онъ былъ человѣкъ, который никогда, никому и ничему не подражалъ, то писать обыкновенный городской или общественный фельетонъ, какъ писали другіе, было не въ его духѣ. Поэтому онъ избралъ форму обыкновенной общественной болтовни, но болтовни иносказательной, такъ что эта болтовня служила обществу вѣрную и честную службу, обращая его вниманіе не на мелочные предметы обыденной жизни, но трактовала о томъ: какъ намъ быть, какъ намъ жить, гдѣ зло, чѣмъ ему помочь, и т. п. Имѣя передъ собою живое общество и его кипучую жизнь,

Сенковскій долженъ былъ обдумывать каждую строку, каждую фразу, каждое выраженіе своего «Листка», съ которымъ всѣ носились и толковали, какъ кому Богъ положилъ на умъ и душу; а другіе обдумывали, какъ истолковать эти непрошенные листки вкривь и вкось и употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы зажать острый клювъ громко каркавшему ворону...

Имѣя все это въ виду, Сенковскій не могъ писать торопливо и скоро, а порядочно копался, и вначалѣ не обращалъ вниманія на то, чтобы фельетонъ его былъ сданъ въ типографію во время; писалъ онъ съ множествомъ выносокъ, поправокъ, такъ что простой наборщикъ, получивъ листокъ бумаги, исписанный вдоль и поперекъ, прежде чѣмъ приступить къ набору, долженъ былъ изучить ситуацію листка и потомъ, порядочно разчесавъ себѣ затылокъ, приступалъ къ этой каторжной работѣ.

Корректора тоже возились съ этими листками не скорѣе наборщиковъ, чтобы не пропустить безсмыслицы и путаницы, за которыя баронъ Брамбеусъ порядочно бранился...

Наконецъ дѣло доходитъ до цензуры. Листокъ отправляется цензору въ пятницу вечеромъ или въ субботу утромъ. Цензоръ начинаетъ съ замѣчанія: зачѣмъ ему такъ поздно доставили фельетонъ, когда завтра должна выдти въ свѣтъ газета; между тѣмъ разсыльному велитъ подождать. Цензоромъ былъ извѣстный романистъ Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ. Онъ пробѣгаетъ «Листокъ», отмѣчаетъ нѣкоторыя мѣста краснымъ карандашемъ, въ другихъ ставитъ вопросительные знаки, нѣкоторыя выраженія измѣняетъ, другія прямо властною рукою и красными чернилами зачеркиваетъ. Спустя полтора часа, призываетъ разсыльнаго и передаетъ ему написанную ко мнѣ пригласительную, краткую, но многознаменательную записочку въ нѣсколькихъ словахъ. «Пожалуйте, добрѣйшій такой-то, для необходимыхъ объясненій, въ такомъ-то часу»,—или просто скажетъ разсыльному: «попроси ко мнѣ г. Старчевскаго, намъ нужно повидаться. Я его жду къ такому-то часу».

Приходитъ разсыльный въ редакцію и объявляетъ сказанное ему цензоромъ или передаетъ записочку. Не трудно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ редакторы обыкновенно встрѣчаютъ такія приглашенія!.. Суббота—день выпуска журнала, хлопоты, посѣщенія сотрудниковъ и постороннихъ лицъ, почему либо желающихъ объясниться съ редакторомъ, а тутъ еще сюрпризъ отъ цензора! Нечего дѣлать, проклиная подобную процедуру изданія газеты, ѣдешь къ цензору, который встрѣчаетъ васъ съ кислой миной и замѣчаніемъ: «Я не понимаю, что за охота нашему почтенному О. И. касаться такихъ предметовъ... и въ такой формѣ... вѣдь онъ знаетъ, какое нынче время»... Полиція и цензора всегда имѣютъ привычку при исполненіи своихъ обязанностей пригова-

ривать: «нынче пошли строгости... теперь очень строго смотрятъ на это».

— Да и зачѣмъ еще нашъ почтенный О. И. избралъ для своихъ фельетоновъ иносказательную форму; положимъ, что онъ, какъ оріенталистъ, предпочитаетъ эту форму другой... но я долженъ вамъ прямо сказать, что своей властью я этого «Листка» пропустить не смѣю, не могу, изъ-за него меня выгонятъ изъ службы, я лишусь пенсіона, а мнѣ до него осталось всего одинъ годъ и пять мѣсяцевъ... Ну, будьте сами моимъ безпристрастнымъ судьей: какъ вы поступили бы на моемъ мѣстѣ?.. Да и зачѣмъ «Листокъ» не представляется до засѣданія цензурнаго комитета, тогда можно было бы объясниться, рѣшить, что и какъ сдѣлать, а теперь что?

— Вы скажите это Осипу Ивановичу,—замѣчаю я,—онъ всю недѣлю просиживаетъ надъ своимъ «Листкомъ» и только въ пятницу, рѣдко въ четвергъ, присылаетъ его въ типографію для набора.

— Это очень жаль, что нельзя измѣнить этого порядка. Но скажите, пожалуйста, А. В., какъ на вашъ взглядъ этотъ «Листокъ»?

— Я его еще не читалъ и ничего вамъ сказать не могу; онъ доставляется вамъ и мнѣ одновременно, я былъ занятъ другимъ дѣломъ и только что хотѣлъ было приняться за чтеніе, какъ разсыльный принесъ отъ васъ приглашеніе...

— Я право не знаю, что мнѣ дѣлать. Надо отправиться къ предсѣдателю, прочесть ему отмѣченныя мною сомнительныя мѣста. Застану ли я его дома, приметъ ли онъ меня сегодня, да и въ городѣ ли онъ сегодня?..

Начинается чтеніе отмѣченныхъ мѣстъ, идутъ разсужденія, даются мною отвѣты на сдѣланные цензоромъ вопросы. Но всего этого мало. Иванъ Ивановичъ, всетаки, находитъ нужнымъ побывать у предсѣдателя, а то, пожалуй, съѣздить и къ самому князю Петру Андреевичу (Вяземскому, товарищу министра); начинается облаченіе—выступаютъ тутъ же, безъ церемоніи, на сцену бѣлые панталоны съ золотыми лампасами, мундиръ, ордена... начинается ворчаніе, сыплются проклятія на трудную цензорскую службу; наконецъ, подается съ негодованіемъ рука, дѣлается умилительная улыбка à la чортъ бы тебя взялъ съ твоимъ «Листкомъ», и Иванъ Ивановичъ, кланяясь, уже одѣтый полнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, произноситъ: «Пришлите разсыльнаго въ 8 часовъ вечера, увидимъ, что̀ будетъ».

Между тѣмъ номеръ «Сына Отечества» совсѣмъ уже готовъ, можно было бы приступить къ версткѣ перваго листа, въ которомъ идетъ фельетонъ барона Брамбеуса, но ничего не подѣлаешь: отъ цензора ждутъ разрѣшенія. Метранпажъ, корректоръ, еще кто

нибудь изъ сотрудниковъ, ждутъ не дождутся разсыльнаго отъ цензора, зѣваютъ, жгутъ немилосердно папиросы, перебирая всѣ косточки барона Брамбеуса: зачѣмъ онъ пишетъ такіе задорные листки; проклинаютъ цензора, зачѣмъ онъ задерживаетъ дѣло, и успокоиваются на томъ, что посылаютъ съ горя за тремя парами пива...

Въ десять часовъ вечера возвращается наконецъ разсыльный, весь въ поту, бѣжавшій отъ цензора безъ оглядки, чтобы типографія скорѣе могла приступить къ печатанію номера... Корректоръ купно съ метранпажемъ развертываютъ со страхомъ полученную отъ цензора форму и замираютъ отъ ужаса... На «Листкѣ» Сенковскаго нарисована красными чернилами не то географическая карта, не то таблица, представляющая высоту всѣхъ горъ земнаго шара...

«Листокъ» этотъ читалъ сперва цензоръ, дѣлалъ свои замѣчанія и херилъ, потомъ читалъ предсѣдатель и опять дѣлалъ свои замѣчанія и херилъ; наконецъ читалъ князь Вяземскій и тоже дѣлалъ свои замѣчанія церковнославянскимъ полууставомъ и херилъ, и вышла великолѣпная цензурная мозаика, подъ которою внизу рукою Ложечникова обыкновенно писалось въ видѣ особеннаго личнаго расположенія и любезности: «Слава Богу, все обошлось благополучно, отстоялъ таки «Листокъ», можете теперь печатать безъ опасенія, кажется, ничего не изуродовали»... А между тѣмъ въ сущности онъ отстоялъ собственно лишь бумагу, на которой напечатанъ «Листокъ»...

Послѣ этого «Листокъ» посылался на мое усмотрѣніе съ вопросомъ: что̀ дѣлать, чѣмъ замѣнить выброшенныя строки? Я, въ свою очередь, отсылаю цензорскую корректуру къ барону Брамбеусу.

О. И. раскрываетъ корректуру и приходитъ въ ужасъ; потомъ надѣваетъ очки и начинаетъ дешифрировать разныя версіи, эпитеты, вставки и проч..., сводитъ разъединенныя выбросками мѣста, сдѣлавшіяся безсмысленными, наконецъ выходитъ изъ себя и пишетъ мнѣ записку:

«Почтеннѣйшій другъ! видѣли ли вы что эти с.... со мною сдѣлали! Mais, mon cher, c'est execrable, ça. Лучше все это бросить, а вмѣсто «Листка» я вамъ напишу о приготовленіи гороховаго супа à la Radezky. Этимъ хоть какую нибудь принесемъ пользу читателю, а этотъ «Листокъ» никуда не годится... все выщипали, обезобразили.., Вѣдь такимъ образомъ они хотятъ окончательно отбить у меня охоту писать о чемъ бы то ни было»...

Послѣ полученія такой записки я отправляюсь къ Сенковскому, начинаю его уламывать, онъ бранится, мотаетъ головою, но въ концѣ концовъ сдается и соглашается выпустить «Листокъ» въ обезображенномъ видѣ. Бывало еще и хуже, когда «Листокъ» или

вовсе запрещался, или долженъ былъ пройти разныя мытарства и воротиться домой только спустя двѣ-три недѣли...

Вотъ какая каторга была съ этими «Листками». Я проклиналъ С—го, что онъ такъ медленно пишетъ и поздно сдаетъ «Листки» въ типографію; типографія, въ свою очередь, проклинала бѣднаго Брамбеуса. Ценвора тоже проклинали его за то, зачѣмъ онъ пишетъ такіе «Листки», которые причиняютъ имъ столько хлопотъ.

Князь Вяземскій иногда призывалъ меня, ворчалъ и показывалъ массу присланныхъ ему экземпляровъ «Сына Отечества», съ замѣтками, сдѣланными на «Листкѣ» Сенковскаго краснымъ карандашемъ: все это были доносы изъ любви къ искусству, и я долженъ былъ лично объясняться по поводу каждой замѣтки, потомъ отпускался съ миромъ, и на прощаніи князь имѣлъ обыкновеніе бормотать:

«Надо быть осторожнымъ, видите, какъ добрые люди слѣдятъ за «Листками» Брамбеуса. У него нѣтъ такту: можно ли касаться такихъ предметовъ и облекать ихъ въ такую прозрачную аллегорію. Вѣдь это ясно, о чемъ онъ говоритъ... До свиданія».

И дѣйствительно это было до свиданія, потому что въ слѣдующій понедѣльникъ или вторникъ я опять приглашался на уголъ Графскаго и Троицкаго переулковъ, гдѣ жилъ тогда князь.

Въ такой каторгѣ держали всѣхъ насъ «Листки» съ 6-го іюля 1856 г. по 23-е февраля 1858 г.

«Сынъ Отечества» имѣлъ успѣхъ съ перваго же года, но успѣхъ этотъ дорого мнѣ стоилъ. Хорошо еще, что цензора были порядочные люди: Ложечниковъ и особенно Бекетовъ, который рѣшалъ дѣла быстрѣе и былъ смѣлѣе, считаясь домашнимъ человѣкомъ и родственникомъ М. Н. Мусина-Пушкина. Онъ не стѣснялся въ докладахъ, и дѣло рѣдко доходило до доклада цензурному комитету или князю Вяземскому. Ложечникову же все это приходилось не по вкусу, да онъ и трусилъ за свой пенсіонъ, а бѣда, когда цензоръ трусливъ...

Въ доказательство, что я не преувеличиваю, разсказывая похожденія «Листковъ» Брамбеуса, привожу небезъинтересныя письма цензоровъ, писанныя по ихъ поводу.

«Милостивый государь

«Альбертъ Викентьевичъ!

«Рука не поднялась у меня на подписаніе собственной себѣ похвалы, за которую отъ души благодарю неизвѣстнаго мнѣ критика, и потому послалъ я корректурный листокъ цензору Бекетову, а васъ прошу покорно помѣстить его имя вмѣстѣ съ моимъ въ № «Сына Отечества», въ которомъ помѣщена будетъ эта статья. Преданный вамъ И. Ложечниковъ.

«1-го сентября 1856 года».

Записку эту я получилъ по поводу статьи Благосвѣтлова: «Исторія русскаго романа».

21-го октября я получилъ отъ Ивана Ивановича слѣдующую записку:

«Въ смѣси «Сына Отечества» заграничныя литературныя новости не были мною пропущены, а потому прошу остановить выпускъ нынѣшняго номера «Сына Отечества», хотя я приказалъ выдать билетъ и прислать мнѣ форму корректурнаго листа съ заграничными новостями. Цензоръ И. Ложечниковъ».

«Милостивый государь

«Альбертъ Викентьевичъ.

«Препровождаю къ вамъ статью: «Современные поэты Огаревъ и Некрасовъ». Мысли автора, можетъ быть, были бы хороши въ историческомъ разсужденіи; но въ этой статьѣ многія выраженія такъ рѣзко бросаются въ глаза, а иныя своею двусмысленностью наводятъ въ цензорѣ опасенія пропустить ихъ. Попросите автора исправить не по моимъ указаніямъ, а посовѣтоваться съ своимъ благоразуміемъ. Отъ этого его статья много выиграетъ и не дастъ повода къ толкамъ... Исправленное возвратите ко мнѣ поскорѣе. Если же ему не угодно будетъ это сдѣлать, то пришлите мнѣ перепечатанный оригиналъ и прилагаемый корректурный листъ. Тогда я спрошу объ этой статьѣ мнѣнія цензурнаго комитета, засѣданіе котораго будетъ въ пятницу.

«Чести стоять между Гоголемъ и Пушкинымъ я не заслуживаю, да и неловко цензоровать статью, въ которой авторъ такъ хвалитъ цензора, и потому строки обо мнѣ исключить. Вашъ покорнѣйшій слуга И. Ложечниковъ. 14-го ноября 1856 года.

«P. S. Мои отмѣтки служатъ только указаніемъ, но авторъ можетъ съ ними и не согласиться. Прошу только одного—пусть извинитъ меня старика за выраженія, поменьше заносчивости, поменьше повтореній фразъ съ высокимъ стремленіемъ (ихъ болѣе 10-ти). Впрочемъ, вольному воля, а я обязанъ дѣлать свое дѣло»...

Все это письмо написано по поводу статьи Благосвѣтлова, о которой сказано выше.

«Милостивый государь

«Альбертъ Викентьевичъ.

«Статья «Современные русскіе поэты: Огаревъ и Некрасовъ» была мною представлена нынѣ цензурному комитету, и рѣшеніемъ комитета опредѣлено: «не разрѣшать ее печатать». Объ этомъ увѣдомитъ васъ комитетъ въ свое время.

«Статью «Замѣтки русскаго человѣка о торговлѣ» взялъ предсѣдатель цензурнаго комитета для прочтенія. По полученіи отъ него, она будетъ вамъ доставлена.

«Статья «Замѣтки на статью Огородникова о кяхтинской торговлѣ» не пропущена министромъ финансовъ. Возвращаю вамъ ее теперь же. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга И. Ложечниковъ. 16 ноября 1856 года».

«Честь имѣю васъ увѣдомить, что цензоромъ къ вашему «Сыну Отечества» назначенъ г. Бекетовъ, и поэтому по всѣмъ дѣламъ «Сына Отечества» прошу адресоваться къ нему».

Однако, Бекетовъ не скоро еще вступилъ въ цензурованіе «Сына Отечества», и Ложечниковъ оставался до декабря. 19 ноября онъ писалъ ко мнѣ:

«Такъ какъ вы мнѣ объявили, что «Прологъ» печатается у васъ, то я васъ просилъ прислать его до напечатанія. Прошу васъ о томъ вторично, какъ отвѣтственный цензоръ.

«Смотрите, чтобы не досталось намъ за г. Зотова: на страницѣ 139-й, на 1-мъ столбцѣ напечатано: напрасно не переведено Гербелево выраженіе: «Der Vilz verletzt den Glauben» и проч. Все это переведите порусски... Не знаю, какъ я это пропустилъ, такъ же и то, что «міръ любитъ низводить въ прахъ все возвышенное».

«Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга И. Ложечниковъ.

«P. S. Если не получу «Пролога» до напечатанія, то вынужденъ буду обратиться къ другому средству».

Изъ приведенныхъ писемъ (а ихъ было много) можно видѣть, съ какими затрудненіями приходилось тогда бороться издателямъ. А между тѣмъ это происходило въ концѣ втораго года царствованія императора Александра II, когда всюду замѣчались облегченія; но цензура не оставляла своей суковатой палки.

V.

Отношенія цензуры къ «Сыну Отечества».—Первые сотрудники газеты въ 1856 году.— Конкурренція «Общезанимательнаго Вѣстника».— Неудача этого предпріятія.—Составъ сотрудниковъ «Сына Отечества» въ 1857 г.—Введеніе въ газету иллюстраціи.—«Сынъ Отечества» обращаетъ на себя вниманіе публики и въ то же время возбуждаетъ зависть нѣкоторыхъ издателей и литераторовъ.

Теперь считаю нужнымъ дать приблизительное понятіе, не входя вовсе въ подробности, о томъ, какъ редактировался и издавался «Сынъ Отечества» въ первые три года, то-есть съ 1856 по 1859 годъ, что именно особенно содѣйствовало его успѣху и преимуществу передъ другими подобными ему изданіями, которыя тогда

рождались во множествѣ и умирали въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ 1856 году «Сынъ Отечества» началъ выходить съ 8-го апрѣля, въ большую четвертую долю листа, въ три столбца, номеръ состоялъ изъ $2^1/_2$ листовъ, заключавшихъ 60 гранокъ по 63 строки въ каждой, что̀ составляло 3.800 строкъ, слѣдовательно на такомъ пространствѣ можно было напечатать очень многое, и печаталось, дѣйствительно, очень много.

Въ 1856 году газета печаталась въ типографіи «Внутренней стражи», казенной, которая брала несравненно дешевле частныхъ, а для начинавшагося изданія это была важная статья; притомъ типографія исполняла свое дѣло аккуратно и печатала очень чисто.

Цензорами «Сына Отечества» были люди интеллигентные, непридирчивые, толковые, и, кромѣ возни съ «Листками» барона Брамбеуса, писанными исключительно въ аллегорическомъ смыслѣ, нельзя было жаловаться ни на задержку (а это въ газетномъ дѣлѣ главное), ни на помарки или запрещенія цѣлыхъ статей.

Первымъ цензоромъ былъ А. И. Фрейтагъ, съ 1 апрѣля до 10 іюня, цензоръ довольно строгій и формалистъ, но человѣкъ порядочный. Съ 10 іюня до праздниковъ Рождества Христова цензуровалъ «Сынъ Отечества» Ив. Ив. Ложечниковъ, которому первому приходилось имѣть дѣло съ «Листками» барона Брамбеуса. Онъ очень хорошо понималъ, о чемъ идетъ рѣчь, былъ очень осмотрителенъ, и хотя самъ былъ литераторъ, но «Листки» чистилъ и наводилъ на нихъ глянецъ... Видно было по всему, что для него это была работа Тантала; онъ стѣснялся и радъ былъ отдѣлаться отъ цензурованія «Сына Отечества». Наконецъ, когда «Листки» вызывали о себѣ общественный говоръ, когда и власть стала ихъ читать со вниманіемъ, Ложечниковъ просилъ предсѣдателя передать «Сынъ Отечества» кому нибудь другому, и съ Рождества газета поступила на разсмотрѣніе Вл. Н. Бекетова, котораго во время предупредили, что слѣдуетъ держать ухо востро, особенно съ «Листками» барона Брамбеуса. Бекетовъ былъ человѣкъ честный, благородный, интеллигентный и откровенный. Онъ вполнѣ сочувствовалъ возрожденію русской литературы, могъ въ этомъ дѣлѣ много сдѣлать, такъ какъ былъ родственникомъ предсѣдателя цензурнаго комитета М. Н. Мусина-Пушкина, хорошо зналъ его образъ мыслей и нравъ, и относился къ нему не какъ чиновникъ къ своему начальнику, а разсуждалъ съ нимъ свободно, разумно и убѣдительно. Бекетовъ пропускалъ многое, что другіе затруднялись бы пропустить, и получить цензоромъ Бекетова тогда считалось чуть не благодѣяніемъ.

Не смотря на все это, не смотря на то, что и я очень обрадовался назначенію Бекетова на мѣсто Ложечникова, — Сенковскій всеже подвергнулся остракизму: одинъ его «Листокъ» вовсе не

увидалъ свѣта Божія и канулъ въ Лету. Бекетовъ счелъ даже нужнымъ повидаться съ барономъ Брамбеусомъ и попросить его быть посдержаннѣе, такъ какъ въ высшихъ сферахъ «Листки» его производили на нѣкоторыхъ весьма непріятное впечатлѣніе, и велѣно было сдерживать порывы расходившагося съ своими аллегорическими писаніями барона Брамбеуса. Нечего было дѣлать, приходилось повиноваться, но, всетаки, нельзя было не благодарить Бога, что цензоромъ «Сына Отечества» былъ Бекетовъ.

Программа «Сына Отечества» была самая обширная, но въ ней былъ одинъ важный недостатокъ—это тотъ, что политическій отдѣлъ разрѣшался не иначе, какъ перепечатками уже помѣщеннаго въ газетахъ, которыхъ тогда было всего четыре: три правительственныя и одна частная—«Сѣверная Пчела». Политическая цензура находилась при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и туда имѣли доступъ только эти пять газетъ. Поэтому упрекъ въ перепечаткѣ политическихъ извѣстій, дѣлаемый «Сыну Отечества» другими газетами, былъ не основателенъ; въ этомъ вовсе не была виновата редакція...

Въ первомъ году по возобновленіи «Сына Отечества» (въ 1856 году), принимали въ немъ участіе слѣдующіе поэты: В. Г. Бенедиктовъ, Л. А. Мей, Н. Хвощинская, Н. В. Гербель, В. С. Курочкинъ. Изъ беллетристовъ и литераторовъ: В. Р. Зотовъ, В. В. Толбинъ, В. Яковлевъ, С. В. Максимовъ, И. Михайловъ, Я. И. Григорьевъ. Но отдѣлъ поэзіи и беллетристики ничѣмъ особеннымъ не выдавался.

Гораздо важнѣе былъ отдѣлъ критическій. На этомъ поприщѣ отличались: Л. Л. Добровольскій и Льховской (съ апрѣля до половины октября); В. Р. Зотовъ принялъ участіе въ «Сынѣ Отечества» съ сентября мѣсяца, при посредствѣ Д. Л. Добровольскаго, и выступилъ съ своимъ разсказомъ; наконецъ, Г. Е. Благосвѣтловъ, В. П. Поповъ и нѣкоторые другіе. Отдѣлы критики, журналистики, библіографіи обратили на себя общее вниманіе своею добросовѣстностью и полнотою.

Изъ ученыхъ и литераторовъ участвовали: Я. Е....чъ, М. Знаменскій, Я. И. Григорьевъ, А. С. Степановъ, Терещенко, Б. Яновскій.

Музыкальнымъ отдѣломъ завѣдывалъ и писалъ музыкальные и театральные фельетоны А. Н. Сѣровъ. Эта часть велась очень хорошо, хотя Сѣровъ былъ человѣкъ довольно капризный. Онъ писалъ свои фельетоны (всего 8) до появленія въ «Сынѣ Отечествѣ» «Листковъ» барона Брамбеуса. Сѣровъ тогда еще не пользовался извѣстностью, но въ музыкальномъ мірѣ былъ уже извѣстенъ, какъ музыкальный критикъ и большой забіяка, нападавшій и критиковавшій безпощадно всѣ тогдашнія иностранныя знаменитости. Сѣровъ служилъ тогда въ почтамтѣ, то-есть числился, и не

смотря на то, что имѣлъ свой домишко, порядочно бѣдствовалъ. Онъ былъ горячъ, вспыльчивъ, и это ему много вредило. Впослѣдствіи онъ значительно перемѣнился; переставъ работать въ «Сынѣ Отечества» въ 1857 г., онъ изрѣдка только встрѣчался со мною, хотя между нами не было ничего враждебнаго.

Въ первые три мѣсяца своего существованія «Сынъ Отечества», въ тринадцати нумерахъ, до появленія «Листковъ» барона Брамбеуса, не представилъ ни одного романа русскаго или иностраннаго, ни повѣсти и разсказа, словомъ ничего такого, что бы слишкомъ рѣзко бросалось въ глаза публикѣ; стихотворенія тоже были не Богъ знаетъ какія, слѣдовательно «Сынъ Отечества» взялъ только новизной затѣи, но отнюдь не беллетристикой.

Успѣхъ «Сынъ Отечества» въ 1856 году не давалъ покоя одному моему случайному знакомому, казалось, доброму малому, офицеру В. Рюмину, мужу тогдашней издательницы журнала «Мода», не имѣвшаго, впрочемъ, значительнаго успѣха. Бывая у меня и будучи въ то же время знакомъ съ столоначальникомъ журнальнаго стола въ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія Л. Л. Добровольскимъ, Рюминъ вздумалъ подставить мнѣ ножку и, затѣявъ въ моемъ же домѣ, у меня за спиной, издавать тоже журналъ въ родѣ «Сына Отечества», подъ названіемъ: «Общезанимательный Вѣстникъ» — журналъ иллюстрированный, обратился къ Добровольскому съ просьбой помочь ему выхлопотать право на изданіе новаго журнала. Добровольскій охотно наставилъ его, какъ поступить въ этомъ случаѣ, и Рюмину былъ разрѣшенъ журналъ. Съ этого журнала началась конкурренція новыхъ дешевыхъ журналовъ съ «Сыномъ Отечества», продолжавшаяся цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Пошли объявленія, заискивающія рекламы, подъѣхали, наконецъ, къ добродушному и неразборчивому тогдашнему меценату графу Кушелеву-Безбородко за поддержкой, которая и была оказана новой затѣѣ весьма щедрою рукою...

Все было устроено, заведена даже особая типографія при содѣйствіи графа; выписаны были отличныя скоропечатныя французскія машины для печатанія иллюстрированныхъ изданій. Но «Общезанимательный Вѣстникъ», не смотря на все это, не смотря на обѣщаніе ему содѣйствія почти всѣхъ тогдашнихъ замѣчательныхъ журнальныхъ сотрудниковъ, потерпѣлъ фіаско. Дѣло не пошло потому, что Рюминъ, какъ говорится, мелко плавалъ: онъ не былъ ни ученый, ни литераторъ, ни свѣдущій редакторъ, ни ловкій издатель, и поэтому погибъ.

Его сожалѣли; но онъ самъ былъ всему виною, взявшись вовсе не за свое дѣло...

Тѣмъ не менѣе Рюминъ сыгралъ со мною плохую шутку. Заявивъ о своемъ «иллюстрированномъ журналѣ», онъ заставилъ

и меня ввести у себя рисунки, каррикатуры и проч., о чемъ я прежде не помышлялъ и что̀, конечно, содѣйствовало успѣху «Сына Отечества», но обходилось мнѣ вовсе не дешево. Однако, нечего было дѣлать, когда пошло на конкурренцію... Но это уже было въ слѣдующемъ 1857 году.

Въ этомъ году «Сынъ Отечества» издавался въ томъ же форматѣ; подписная цѣна 6 рублей сер., для городскихъ подписчиковъ 5 рублей сер.; выходилъ онъ по воскресеньямъ; номеръ состоялъ изъ трехъ печатныхъ листовъ; печатался въ типографіи «Внутренней стражи»; но съ 10-го февраля выходилъ уже изъ типографіи морскаго министерства, которою тогда завѣдывалъ полковникъ Моисѣевъ, извѣстный своей экспедиціей на Новую Землю. Цензуровалъ газету Бекетовъ, съ 20-го іюня по 7-е сентября Д. Мацкевичъ, потомъ опять Бекетовъ до 24-го ноября, затѣмъ Ив. Ив. Ложечниковъ и съ 29-го декабря—Новосильскій. Не смотря на такую перетасовку цензоровъ, газета отъ этого ничего не потеряла.

1857 годъ долженъ считаться лучшимъ изъ годовъ «Сына Отечества»; всѣ обстоятельства сложились благопріятно, и усилія редакціи довели газету до того, что ей стали пророчить великую будущность. Она имѣла 7.000 подписчиковъ, а въ слѣдующемъ 1858 году число ихъ возросло до 13.000—цифра, до того времени неслыханная.

Успѣху «Сына Отечества» содѣйствовали прежде всего «Листки» барона Брамбеуса. Не смотря на всѣ затрудненія, съ которыми сопряжено было появленіе ихъ въ свѣтъ, они производили фуроръ; публика вошла во вкусъ, научилась разгадывать, про кого и про что баронъ ведетъ рѣчь.

Въ 1857 году Сенковскій напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» 27-го «Листковъ»; значитъ, пропало 25 «Листковъ» — ихъ проглотила цензура...

Послѣ «Листковъ» первое мѣсто занимала поэзія: въ этомъ году въ газетѣ печатались стихотворенія В. Г. Бенедиктова (десять довольно большихъ), Н. Ѳ. Щербины (1), В. Алферова, А. А. Мея (9), В. С. Курочкина (10), Н. Хвощинской (3), В. Попова, И. Лебедева, И. П. Крешева (6), Ю. Жадовской (6), Гербеля (4), Аполл. Григорьева (18 стих.), А. В. Васильева (5) и другихъ.

Отдѣлъ изящной словесности отличался многими выдающимися произведеніями, которыя имѣли громадный успѣхъ, напримѣръ: разсказы Н. В. Кукольника (2), Ив. Н. Кушнерева (10 разсказовъ), Погосскаго, В. Р. Зотова, В. Д. Яковлева, Е. Н. Ахматовой, Кохановской, С. В. Максимова, В. В. Толбина, М. С. Хоротинскаго—«Обманы чувствъ», надѣлавшіе много шуму, Н. Успенскаго (2 разсказа), М. А. Загуляева и А. П. Грека.

Во второмъ полугодіи въ отдѣлѣ беллетристики явилось произведеніе, надѣлавшее большаго шуму и обратившее на себя особенное вниманіе общества: это—«Ночь Судьбы» Я. А. Шнеура.

Отдѣлъ ученыхъ и соціальныхъ статей заключалъ въ себѣ прекрасные труды по современнымъ вопросамъ: А. Г. Есиповича («Правда въ жизни и въ судахъ»), писавшаго подъ разными псевдонимами, «Заграничныя письма» (8) В. Р. Зотова, И. Михайлова (4), М. Хотинскаго, В. Бурнашова, П. М. Новосильскаго, М. И. Семевскаго, д-ра Грума-Гржимайло, д-ра Ковалевскаго, О. Пашкевича, С. Салмановскаго, Н. Ушакова, П. К. (Кулина), П. К. (Кеппена), А. Филонова, А. Карабанова (переводы), А. Жуковскаго.

Въ отдѣлѣ музыки и театровъ появились статьи: А. Сѣрова (7 ст.), К. Званцева, П. Н. Арапова и друг.

Съ этого года въ «Сынѣ Отечества» появились впервые передовыя статьи (экономическія) Я. Е—ча и общія обозрѣнія иностранныя М. Р. Рахубовскаго.

Отдѣлъ критики, журналистики и библіографіи отличался, какъ и въ прошломъ году, обстоятельными статьями В. Р. Зотова (втеченіе всего года), Л. Л. Добровольскаго, И. Льховскаго, Минина, А. Смирнова, Ушакова и друг.

Во второй половинѣ года, начиная съ № 27 (7 іюля), въ «Сынѣ Отечества» стали помѣщаться иллюстраціи къ «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина, рисованныя Анненскимъ (псевдонимъ П. И. Емельянова). Этихъ иллюстрацій помѣщено было восемнадцать. Затѣмъ пошли рисунки Маркова; съ № 45 (съ 10-го ноября) Анненскаго замѣнилъ Н. А. Степановъ, извѣстный нашъ каррикатуристъ, помѣстившій въ семи номерахъ 28 весьма забавныхъ каррикатуръ. Иллюстраціи и каррикатуры были рѣзаны на деревѣ нашими граверами: Сѣряковымъ, Куренковымъ и друг.

Мало того, во второмъ полугодіи подписчики «Сына Отечества» получили 6 портретовъ знаменитыхъ людей: Л. Ранке, Глинки, Лажечникова, Бруни, Григоровича, Салтыкова, 6 модныхъ картинокъ, 6 снимковъ съ картинъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ художниковъ: «Явленіе Саулу тѣни Самуила», «Мѣдный змій» и др. и pardessu le marché—портретъ Юліи Пастраны, напечатанный въ текстѣ № 50 (15-го декабря).

Повторяю, что 1857 годъ былъ лучшій изъ всѣхъ годовъ изданія. Онъ заставилъ публику обратить свое вниманіе на «Сынъ Отечества» и въ то же время возбудилъ страшную зависть во многихъ моихъ собратахъ по литературѣ, которые начали стараться рыть подъ моими ногами ямы...

VI.

Предпослѣдній «Листокъ» Сенковскаго.—Сочинитель Орденовъ.—Разсказъ его о князѣ Вяземскомъ.—Удачная афера Орденова.—«Сынъ Отечества» въ 1858 году.—Моя ошибка.—Цензоръ Новосильскій.—Основаніе «Весельчака» и «Искры».

Въ № 36-мъ, 8-го сентября 1857 г., было напечатано объявленіе о подпискѣ на «Сынъ Отечества» въ 1858 г., гдѣ послѣ обыкновенныхъ пріемовъ заявлялось, что «объемъ номеровъ увеличится и въ случаѣ надобности будетъ доходить до 4-хъ листовъ; приложенія будутъ слѣдующія: 12 парижскихъ модныхъ картинокъ; 12 портретовъ современныхъ отечественныхъ знаменитостей, 12 снимковъ съ картинъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ художниковъ и 52 политипажа въ текстѣ. Подписная цѣна оставлена прежняя: 6 рублей сер. для иногороднихъ съ пересылкою и 5 рублей сер. въ Петербургѣ съ доставкою».

Въ своемъ предпослѣднемъ «Листкѣ» этого года Брамбеусъ, шутя, говорилъ о той надписи надъ его могилой, которую сочинятъ послѣ его смерти противники гласности, и не предчувствовалъ, что въ это время смерть стояла уже за его спиной и, спустя всего три мѣсяца, выхватила перо изъ его рукъ, чтобы онъ не смѣлъ такъ много толковать о г л а с н о с т и, которая тогда мало еще кому у насъ нравилась... Вотъ какъ онъ началъ этотъ «Листокъ»:

«Страху нѣтъ! намъ нуженъ страхъ!.. ахъ, если бы намъ этакъ хорошенькій страшокъ! Говорю и повторяю, и вѣчно, пока живъ, пока люблю царя моего, отечество, законъ, правду, буду говорить здоровый за моимъ письменнымъ столомъ, буду кричать больной съ постели, съ мушками и піявками на затылкѣ: страху нѣтъ! намъ нуженъ страхъ!.. безъ хорошаго страху нечего и думать о гражданской безпорочности, о дѣловой честности или нравственности. И когда умру, поставьте на моей могилѣ, остроумнѣйшіе и забавнѣйшіе друзья мои, читатели, прочный каменный памятникъ съ большою доскою чернаго мрамора и надписью крупными золотыми литерами: З д ѣ с ь п о ч і е т ъ с е й, о н ы й, т а к о в о й, с я к о й Б р а м б е у с ъ, к о й л о п н у л ъ, к р и ч а: с т р а х у н ѣ т ъ! н а м ъ н у ж е н ъ х о р о ш і й с т р а х ъ! Вы знаете, какой страхъ. Страхъ Божій не дѣйствуетъ на кривыя души и нечистыя руки. Страхъ палки не въ употребленіи у образованныхъ народовъ, да и опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ доказалъ, что это пустой страхъ: палкою не хватишь тѣхъ, которые стоятъ подальше или ловко прячутся за ширмы, и, кромѣ того, палка не равно ко всѣмъ спинамъ прилагается... есть такія спины... Да что и говорить объ этомъ: самыя строгія, даже самыя жестокія, матеріальныя взысканія повсюду и

во всѣ времена удостовѣрили человѣчество въ своемъ безсиліи противъ дѣловой безнравственности. Страхъ суда? Это для кривыхъ душъ и нечистыхъ рукъ — игрушка, а не пугало. Какой можетъ тутъ быть страхъ суда, когда въ томъ числѣ й для судей точно также страху нѣтъ! Одного только страху мы еще не испытывали, именно того, который явилъ чудеса въ другихъ образованныхъ земляхъ; который какъ рукой снялъ съ нихъ губительную язву дѣловой безнравственности вездѣ, гдѣ только употребляли его въ дѣло серьезно и добросовѣстно; который возвратилъ полную силу закону и властямъ, обезпечивъ строгій порядокъ, удесятерилъ средства и могущество правительствъ, въ сотни и тысячи разъ умножилъ народныя богатства: не испытывали еще страху гласности, страху общественнаго мнѣнія, проявляющагося публично, разсуждающаго гласно, откровенно. Вотъ о какомъ страхѣ буду я взывать еще со дна моей могилы: Господи! пошли въ милосердіи своемъ такой страхъ нашей святой Руси на радость добрѣйшему изъ царей, на благо вѣрнѣйшему изъ народовъ; да укрѣпится имъ спасительное дѣйствіе высшихъ властей, и да исчезнетъ прелесть нечистаго съ низменныхъ болотъ, гдѣ искони стоитъ грязь непроходимая», и т. д.

До чего всѣ были заинтересованы «Сыномъ Отечества», можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ слѣдующее обстоятельство.

Возвращаясь въ среду, 10-го декабря, въ четыре часа дня, домой (въ Почтамтскую улицу, д. № 6), я встрѣтилъ почталіона несшаго въ редакцію только что полученныя иностранныя газеты, взялъ ихъ и тутъ же на улицѣ развернулъ «Gartenlaube», и глазамъ моимъ представился портретъ Юліи Пастраны. Я поспѣшилъ домой и тотчасъ отправилъ портретъ ея къ художнику г. Даугелю съ порученіемъ перевести его прямо на дерево и вырѣзать непремѣнно къ субботѣ. Воскресный номеръ «Сына Отечества» съ портретомъ Пастраны переходилъ въ Петербургѣ изъ рукъ въ руки, толки и разсужденія были безконечные... Спустя нѣсколько дней, мнѣ докладываютъ, что сочинитель по фамиліи Орденовъ желаетъ меня видѣть.

— Просите.

Въ залу является молодой, небольшаго роста человѣкъ, въ которомъ я съ изумленіемъ узналъ Василія, исправлявшаго у князя П. А. Вяземскаго должность брадобрѣя и лакея докладчика.

— Здравствуйте, Василій! Это вы Орденовъ и сочинитель?

— Точно такъ, Альбертъ Викентьевичъ.

— Какъ же это съ вами случилась такая оказія?

— Такая ужъ мнѣ линія вышла. Мнѣ надоѣло лакейничанье, и я захотѣлъ покушать сочинительскаго хлѣба. Разъ брѣю я князя и вижу, что онъ въ хорошемъ расположеніи духа, я, недолго думая, была не была, и брякнулъ ему:

— Ваше сіятельство, я рѣшился просить васъ, отпустите меня на волю...

— Тебя на волю? Что же ты будешь ѣсть, ты умрешь съ голоду, а теперь у тебя все готовое, да еще сколько моей бумаги изводишь ты на какое-то маранье, все учишься писать, а царапаешь, какъ сорока... Да и за что бы ты взялся, если бы я тебѣ далъ волю, скажи мнѣ?

— Ваше сіятельство, я уже рѣшилъ: хочу быть сочинителемъ...

Князь разсмѣялся и сказалъ:

— Ты, такой дуракъ и мальчишка еще, а хочешь быть сочинителемъ; въ умѣ ли ты, Василій?

— Ваше сіятельство и про васъ говорятъ, что вы тоже просты, а какіе пишете важнѣйшіе стихи,—и я началъ читать наизусть: «Воевода Пальмерстонъ»...

Князь опять разсмѣялся. Онъ былъ благороднѣйшее и добрѣйшее существо и сказалъ Василію: «Хорошо, завтра получишь вольную, и послѣ сегодняшняго дня ты больше брить меня не можешь, ты хочешь быть мнѣ товарищемъ по перу, ладно. Прощай! Княгиня сдѣлаетъ для тебя все что̀ нужно, чтобы ты насъ помнилъ, и когда сдѣлаешься сочинителемъ, не ругалъ бы меня, подобно другимъ сочинителямъ»...

Василій оставилъ князя Вяземскаго, а спустя мѣсяцъ явился къ нему и приказалъ доложить о себѣ, что сочинитель Орденовъ желаетъ видѣть его сіятельство. Лакеи-товарищи Василія, вдоволь нахохотавшись, доложили князю о сочинителѣ Орденовѣ, не говоря, кто̀ онъ. Вяземскій ломалъ себѣ голову: какой такой Орденовъ, но, ничего не вспомнивъ, сказалъ нехотя: просите! Въ кабинетъ входитъ Василій и презентуетъ князю брошюрку, какую-то Пасхалію. Князь улыбнулся и сказалъ: «Ну, садитесь, г. сочинитель Орденовъ».—Но Василій не забылся и отвѣчалъ:

— Я сочинитель маленькій и въ подметки не гожусь вашему сіятельству, какъ же я могу сидѣть насупротивъ такой особы. Позвольте хоть постоять передъ вами.

— Кто же тебѣ состряпалъ эту «Пасхалію», вѣдь ты въ ней ни бельмеса не смыслишь...

— Одинъ семинаристъ смастерилъ мнѣ ее за шесть рублей сер. Богъ знаетъ, что̀ еще выйдетъ; ужасно боюсь, какъ бы писатели меня въ газетахъ не раскритиковали...

— Дуракъ ты, Василій: для тебя это былъ бы просто кладъ, если бы они на тебя обратили вниманіе, да они этого не сдѣлаютъ. Ну, что же, какъ продается сочиненіе г. Орденова?

— Ничего, ваше сіятельство, идетъ шибко, продано уже, почитай, на пять рублей.

— Ого! да ты просто сдѣлаешься богачемъ. Вижу, что сочинительство тебѣ въ руку... А какая цѣна твоей Пасхаліи?

— Всего 40 копѣекъ.

— Ну, хорошо! чтобы поддержать твою сочинительскую коммерцію, я охотно буду твоимъ букинистомъ. Принеси мнѣ 100 экземпляровъ твоей Пасхаліи, я попрошу княгиню выдать тебѣ 40 рублей сер.

Ордeновъ ушелъ въ восторгѣ.

Князь исполнилъ обѣщаніе: разсовалъ сочиненіе, которое Василій украсилъ своею новою фамиліею Орденова, и разсказывалъ, какъ въ нынѣшнія времена легко сдѣлаться сочинителемъ...

Все это я узналъ отъ самого Василія, отнявшаго у меня около часу времени, и когда я спросилъ его о причинѣ его посѣщенія, онъ заявилъ, что надняхъ увидѣлъ номеръ «Сына Отечества», въ которомъ помѣщенъ портретъ Юліи Пастраны, и просилъ меня продать ему доску, на которой этотъ портретъ вырѣзанъ, и позволить ему напечатать его въ свою пользу.

— По старой памяти я охотно дамъ тебѣ Пастрану, дѣлай изъ нея какое хочешь употребленіе, а денегъ твоихъ мнѣ не надо. Зайди завтра, и тебѣ внизу отдадутъ доску...

Спустя недѣлю, на углу у дома Мятлева и Исаакіевскаго садика стоялъ разносчикъ и кричалъ: «Юлія Пастрана — женщина звѣрь, американская дѣвица!». Я подошелъ къ нему и, взглянувъ на оттискъ, узналъ мою доску. Подъ оттискомъ, кромѣ подписи, стояло какое-то глупѣйшее четверостишіе. Цѣна 5 копеекъ. Это было въ концѣ декабря.

Въ началѣ сентября 1858 года мнѣ доложили опять о сочинителѣ Орденовѣ, который на этотъ разъ подошелъ ко мнѣ самоувѣренно и протянулъ руку.

— Я явился къ вамъ, Альбертъ Викторовичъ, и принесъ 200 рублей сер. за вашу деревяшку.

— Что вы, Орденовъ! Вѣдь я вамъ тогда еще заявилъ, что отдалъ ее вамъ безвозмездно и охотно, чтобы вы разживались...

— Нѣтъ, уже извините меня, А. В., а я денегъ этихъ назадъ не возьму. Я выручилъ за вашу Пастрану здѣсь, въ Москвѣ и въ Нижнемъ до 2.000 рублей, и это вамъ слѣдуетъ по долгу совѣсти. Теперь хочу немного отдохнуть послѣ своихъ сочинительскихъ хлопотъ да съѣздить въ деревню, повидать матушку старушку: вотъ порадуется, когда узнаетъ, что сынъ ея сочинитель, да еще и съ деньгами, которыхъ зачастую у сочинителей вовсе не бываетъ, потому что они народъ вовсе не практичный... У нихъ все поэзія—вотъ хоть бы князь Вяземскій стихи-то пишетъ знатные, а другой разъ тоже совсѣмъ безъ денегъ...

— Возвращаю твои 200 рублей сер. и желаю тебѣ разбогатѣть. Вижу, что ты развиваешься быстро и съ пользой для себя.

Василій Орденовъ взялъ деньги, расшаркался и ушелъ. Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ.

Послѣ 1857 года каждый годъ «Сына Отечества» кажется слабѣе. Впрочемъ, отцу трудно судить о своихъ дѣтяхъ; можетъ быть, лица посторонніе будутъ снисходительнѣе къ 1858 году.

Въ этомъ году редакція «Сына Отечества» измѣнила нѣсколько свою систему. Цѣна изданія осталась прежняя, объемъ номеровъ тоже; газета печаталась въ типографіи морскаго министерства только въ первое полугодіе, а съ № 27 перешла въ типографію Шумахера и Сѣрякова. Сдѣлалъ я это только по просьбѣ ксилографа Сѣрякова, котораго тогда Шумахеръ принялъ въ компанію, просуществовавшую, впрочемъ, безъ году недѣлю. Этимъ я сдѣлалъ ошибку, которой до сихъ поръ не могу себѣ простить, потому что попалъ въ руки человѣка, который самъ былъ не далекъ, но, слѣдуя совѣтамъ, вліяніямъ и наущеніямъ другихъ, былъ впослѣдствіи главною причиною разстройства моихъ дѣлъ; но объ этомъ я скажу впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ. Печатался «Сынъ Отечества» въ этомъ году небрежно, но опрятно, но я былъ связанъ съ типографіей контрактомъ, для меня невыгоднымъ.

Цензоромъ былъ весь годъ Пав. Мих. Новосильскій, который печаталъ въ «Сынѣ Отечества» свои статьи по отдѣлу естественныхъ наукъ. Статьи были большею частью переводныя или компиляціи, но имѣли значеніе, потому что сообщали самые послѣдніе выводы науки и составлялись добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Притомъ требованія переводчика и компилятора, надо отдать ему полную честь и справедливость, были самыя умѣренныя, хотя онъ тогда очень нуждался въ средствахъ, и потому я могу помянуть его добромъ. Какъ цензоръ, Новосильскій былъ очень остороженъ и осмотрителенъ; не смотря на то, по оплошности другихъ, всетаки случались казусы, весьма непріятные для насъ обоихъ, какъ читатель увидитъ впослѣдствіи.

Въ 1858 году въ отдѣлѣ поэзіи въ «Сынъ Отечествѣ» участвовали: В. Г. Бенедиктовъ (4 стихотворенія), Юлія Жадовская (1 стихотвореніе), Л. А. Мей (31 стихотвореніе), И. П. Крешевъ (3 стихотворенія), А. Я. Мейснеръ (1), Пл. В. Кусковъ (2), В. А. Солоницынъ (2), М. А. Загуляевъ (3), Вл. Треборнъ (32), Ѳ. Ромеръ (2). Въ статистическомъ отношеніи отдѣлъ поэзіи былъ довольно удовлетворительный.

Теперь обращаюсь къ беллетристикѣ. Съ самыхъ первыхъ номеровъ «Сынъ Отечества» обратилъ на себя вниманіе «Хижиной дяди Тома», извлеченіемъ Л. Л. Добровольскаго изъ романа Бичеръ Стоу, печатавшимся втеченіе января. Н. В. Кукольникъ далъ двѣ пьесы. Е. Н. Ахматова напечатала свою повѣсть: «Блистательная партія». И. Н. Кушнеревъ печаталъ втеченіе всего года (14 повѣстей и разсказовъ). С. В. Максимовъ далъ два разсказа. В. Врылкинъ, подъ псевдонимомъ Паисова, напечаталъ два разсказа. Его «Мастеровой» произвелъ впечатлѣніе. Явилось

нѣсколько прекрасныхъ разсказовъ Я. Г. Есиповича, повѣсть г-жи Викторовой (псевдонимъ Над. Ст. Моллеръ) «Какъ аукнется, такъ и откликнется», имѣвшая большой успѣхъ; В. В. Толбинъ тоже далъ разсказъ. В. Р. Зотовъ перешелъ въ основанную тогда Вауманомъ «Иллюстрацію» и съ этого года пересталъ писать повѣсти и разсказы для «Сына Отечества». Кромѣ того, были напечатаны разсказы В. Савина, Е. Н. Софьина, Н. Тверской, Тана (Я. И. Григорьева). Этимъ перечнемъ я долженъ закончить отдѣлъ беллетристики, который въ итогѣ оказался довольно разнообразенъ.

Но для «Сына Отечества» было большой потерей отсутствіе «Листковъ» Сенковскаго, которыхъ въ этомъ году явилось всего три, въ №№ 5, 7 и 8. Смерть похитила человѣка, котораго физическія силы были уже очень подорваны. Замѣнить Сенковскаго было невозможно по многимъ причинамъ. Оставалось вмѣсто его «Листковъ» печатать съ № 12 «Петербургскіе общественные листки» (фельетоны) М. З. (М. А. Загуляева), которые вертѣлись около обыденныхъ явленій петербургской жизни съ легкимъ и дешевымъ освѣщеніемъ лишь нѣкоторыхъ фактовъ. Писались они и читались очень легко, и это было главное и единственное ихъ достоинство; очень часто не обходилось безъ замѣчательныхъ промаховъ, вызывавшихъ рѣзкія нападки газетъ. Въ сущности эти листки ни въ чемъ не превосходили фельетоновъ Е. Моллера, печатавшихся въ первые три мѣсяца «Сына Отечества», въ 1856 году.

Несравненно высшаго достоинства были «Современныя замѣтки» (болѣе 10 статей) Я. Есиповича, отличавшіяся современнымъ интересомъ и очень правдивыя, которыхъ единственный недостатокъ былъ тотъ, что онѣ были написаны спокойно и съ достоинствомъ, безъ гвалту, шуму и трескотни.

Отдѣлъ современныхъ вопросовъ былъ довольно разнообразенъ; въ этомъ отдѣлѣ опять же на первомъ планѣ мы должны поставить труды Я. Г. Есиповича, помѣстившаго въ «Сынѣ Отечества» втеченіе года болѣе двадцати пяти статей съ самымъ живымъ содержаніемъ, начиная съ «Правды въ жизни и въ судахъ». Послѣ г. Есиповича мы должны отдать справедливость г. Лопатину, отличному юристу и экономисту, который слѣдилъ за развитіемъ уголовнаго права, экономическихъ вопросовъ и положеніемъ крестьянъ на Западѣ и по этимъ предметамъ усердно сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества».

Въ этомъ отдѣлѣ явилось также нѣсколько недурныхъ статей Колмогорова.

Лучшія статьи въ отдѣлѣ наукъ и искусствъ принадлежали: К. Д. Ушинскому, Н... (Новосильскому) изъ области естественныхъ наукъ вообще, М. Р.—экономическія, М. С. Хотинскому,

П. Н. Полевому, В. В. Толбину, М. А. (Арнольду) Ротчеву и В. Кочаровскому «Замѣтки врача», надѣлавшія тогда много шуму.

Отдѣлъ критики и журналистики обѣднѣлъ, лишившись весьма даровитаго, усерднаго и постояннаго вкладчика В. Р. Зотова. Въ этомъ отдѣлѣ продолжали писать Л. Л. Добровольскій, Мининъ, Н. Р. (Ремезовъ) и П. И. Вейнбергъ.

Въ художественномъ отдѣлѣ шли весь годъ каррикатуры, принадлежавшія Н. Степанову. Онѣ были помѣщены въ сорока двухъ номерахъ, всего 168 каррикатуръ. Но это были послѣднія его каррикатуры въ «Сынѣ Отечества». Кромѣ того, были помѣщены нѣсколько каррикатуръ Маркова, Лебедева и Егорова.

Уже въ самомъ началѣ этого года Плюшаръ, Генкель и Смирдинъ успѣли вооружить противъ меня О. И. Сенковскаго, желая перетянуть его въ затѣянный ими «Весельчакъ». Для этого употреблена была сплетня и разные наговоры, которые сдѣлали свое дѣло. Брамбеусъ повѣрилъ сплетнямъ и обѣщалъ «Весельчаку» свое содѣйствіе, написавъ ему смѣхотворное объявленіе въ такомъ стилѣ, что оно вооружило противъ Брамбеуса всѣхъ его почитателей, въ томъ числѣ и меня, своимъ балаганнымъ тономъ. Но на зовъ этого объявленія явилось, однако, до 7.000 подписчиковъ... Интрига и объявленіе вывели меня изъ терпѣнія, я поѣхалъ къ Сенковскому, прямо высказалъ ему, какое впечатлѣніе произвела его выходка на интеллигентныхъ людей. Онъ слабо защищался, подсмѣивался; между нами послѣдовало полное примиреніе, и «Весельчакъ» остался съ носомъ.

Н. А. Степановъ вскорѣ также подставилъ мнѣ ножку. Онъ основалъ сатирико-каррикатурный юмористическій журналъ «Искра», редакторомъ котораго сдѣлался получившій тогда извѣстность переводчикъ пѣсенъ Беранже, В. С. Курочкинъ, тоже оставившій «Сынъ Отечества».

Затѣя Степанова и Курочкина была не дурна; журнальчикъ былъ задуманъ интересный и имѣлъ свои неоспоримыя достоинства. Каждый человѣкъ со средствами долженъ былъ выписывать его для развлеченія, тѣмъ болѣе, что подписная цѣна была вполнѣ доступная. Но «Искра» послѣ успѣха, вполнѣ ею заслуживаемаго, спустя два года стала падать все ниже и ниже, и наконецъ совсѣмъ потухла. Изъ пепла ея возродился «Будильникъ», который, не сумѣвъ разбудить отъ сна нашъ Петербургъ, перебрался въ Бѣлокаменную, тормошилъ ее довольно долго, но также не разбудилъ.

Однако же «Сынъ Отечества» имѣлъ, вѣроятно, за собою нѣкоторыя достоинства, когда, не смотря на конкурренцію Степанова и Курочкина, не смотря на то, что и Сенковскій на половину перешелъ въ основанный тогда старикомъ Плюшаромъ, подъ редак-

ціею сотрудника «Сына Отечества» по статистикѣ и промышленности, Я. Ив. Григорьева, «Весельчакъ»,—«Сынъ Отечества» имѣлъ въ февралѣ (1858 г.), всетаки, 12.000 подписчиковъ. Сенковскій лежалъ тогда больной; я навѣстилъ его и сообщилъ объ этомъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить моимъ словамъ: такъ это казалось ему необычайнымъ. Конечно, появленіе въ газетѣ «Хижины дяди Тома», русскаго романа «Какъ аукнется, такъ и откликнется», портрета Юліи Пастраны и разсказа Шнеура: «Ночь Судьбы», произведшаго страшный фуроръ и переполохъ въ цензурномъ комитетѣ, потомъ статьи М. Степ. Хотинскаго: «Обманы чувствъ», или «Бѣлая Магія», значительно содѣйствовало такому успѣху. «Обманы чувствъ» перепечатывались во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, картинки изъ «Сына Отечества» украшали стѣны всѣхъ почтовыхъ станцій, трактировъ, даже кабаковъ. Дѣло просто горѣло... Смерть Сенковскаго и прекращеніе его «Листковъ» не имѣли для газеты дурныхъ послѣдствій.

Но злой рокъ уже висѣлъ надо мной. Объ этомъ тяжеломъ эпизодѣ въ моей жизни я разскажу впослѣдствіи...

А. Старчевскій.

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА.

Историческій разсказъ.

I.

ОРЯЧЕЕ яркое майское солнце обливало своими жгучими лучами золоченые купола кремлевскихъ соборовъ и выложенные поливными черепицами шпили островерхихъ башенъ, невыносимо сверкавшіе на солнцѣ тысячами искръ и отблесковъ. Невыносимо ярко освѣщенъ былъ и дворецъ царскій, съ его причудливыми кровлями, обитыми жестью и листовой мѣдью, съ его крытыми широкими крыльцами и безконечными рѣзными переходами, которые вели отъ палаты къ палатѣ и отъ терема къ терему. Жаркій полдень видимо подавлялъ своимъ тяжкимъ зноемъ всякую дѣятельность, всякую дѣловую прыть и суету, тѣмъ болѣе, что служебныя и должностныя занятія были уже окончены, обѣденное время миновало и наступилъ завѣтный часъ того сытаго и грузнаго отдыха послѣ трапезы, который такъ свято чтили наши предки въ доброе старое время... И точно: послѣобѣденный здоровый сонъ царилъ надъ Кремлемъ, царилъ всевластно, неотразимо... Мирно и спокойно спалъ и царскій дворецъ, въ которомъ еще два-три часа тому назадъ, на двухъ разныхъ половинахъ, у царицы Натальи Кириловны и у царевны Софьи Алексѣевны,—происходили весьма оживленныя, весьма дѣятельныя и притомъ тайныя совѣщанія... Спала вся дворцовая служня, утомленная утренней бѣготней и заботами о насыщеніи громадной массы всякихъ

придворныхъ чиновъ... Дремали въ своей караульнѣ дневальные жильцы у дворцовой рѣшетки; дремали даже сторожевые стрѣльцы на стѣнахъ и башняхъ, опираясь на тяжелые бердыши и пищали или пріютившись въ тѣни высокихъ зубцовъ...

Не спалъ только одинъ человѣкъ изо всей придворной челяди; не спалъ потому, что тревога ожиданія поглощала все его маленькое, дрянное, жалкое существо, поглощала всецѣло... Этотъ бодрствующій человѣкъ, или, вѣрнѣе сказать, человѣчекъ, былъ не кто иной, какъ придворный карликъ Мишка Хомякъ, принадлежавшій къ довольно обширному штату потѣшниковъ, шутовъ, дуръ и плясуновъ, содержавшихся на половинѣ вдовствующей царицы Натальи Кириловны. Одѣтый въ свое обычное служебное платье—синій колпакъ, желтый кафтанишко и красные сапоги, Мишка сидѣлъ подъ кустомъ въ «верховомъ» дворцовомъ садикѣ, примыкавшемъ къ теремной половинѣ царицы, и безпрестанно поглядывалъ на ту завѣтную дверь, которая выходила на небольшое крылечко съ рундучкомъ, спускавшееся въ садикъ. Въ его желтомъ, сморщенномъ, безобразномъ лицѣ, въ небольшихъ карихъ глазкахъ, тревожно устремлявшихъ взоры на крылечко, въ той нервной дрожи, которая, не смотря на страшный зной, пробѣгала изрѣдка по его маленькому, сутулому, уродливому тѣльцу,— во всемъ сказывалось внутреннее волненіе и тягостное безпокойство. Отъ времени до времени Мишка какъ будто отвлекался на мгновеніе отъ своего лихорадочнаго ожиданія и боязливо хватался за боковой карманъ своего кафтанишка, въ которомъ тщательно ощупывалъ какую-то вещицу и, убѣдившись въ томъ, что она не потеряна и находится у него подъ руками, шепталъ про себя:

— Нѣтъ! Здѣсь оно... и цѣло! А то, пожалуй, долго-ль до грѣха?.. А вѣдь не шутка, десять алтынъ проклятому нѣмчину заплатилъ... Да безъ этого гостинца не смѣлъ бы я къ ней и на глаза показаться!.. Любитъ... гостинцы, нечего сказать!

И онъ снова начиналъ нетерпѣливо и тревожно поглядывать изъ-подъ своего куста на дверь и на крылечко царицыной половины.

— А что? Коли обманетъ, да не прійдетъ? Куда я дѣнусь тутъ безъ нея? Какъ проснутся, спросятъ еще, пожалуй: кто сюда звалъ... кто прійти приказывалъ?.. Опять, пожалуй, какъ намедни, попадетъ... горячихъ!

Но въ это время дверь тихонько скрипнула, пріотворилась, и на крылечко вышла стройная, красивая, молодая дѣвушка, лѣтъ семнадцати. На ней былъ только легкій, тонкій лѣтникъ, опоясанный цвѣтнымъ пояскомъ «со словами». Полныя, бѣлыя руки до самыхъ плечъ сквозили черезъ кисейные сборчатые рукава рубахи, расшитой на плечахъ и у кисти. Толстыя темно-русыя косы, откинутыя назадъ и ничѣмъ не перевитыя, не украшенныя, спускались

ниже пояса... Дѣвушка, выйдя на крылечко, протерла заспанные глазки и зѣвнула, лѣниво потягиваясь и выгибая свой стройный станъ, который ясно вырисовывался всѣмъ рельефомъ своихъ молодыхъ роскошныхъ формъ сквозь легкія складки тонкаго лѣтника.

Мишка, какъ увидалъ молодую дѣвушку, такъ и замеръ подъ своимъ кустомъ; устремивъ на нее пристальный взоръ, полный огня и страсти, онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ, не могъ налюбоваться ея чисто-русскою, свѣжею, дородною и румяною красою...

— Гашенька! Гашенька! — осмѣлился онъ чуть слышно прошептать изъ-подъ приподнятой вѣтви, съ замираніемъ сердца ощупывая свой подарочекъ въ карманѣ кафтанца.

— Цыцъ! Нишкни!—строго проговорила Агаѳья Краськова въ полголоса, хмуря густыя брови и прикладывая пальчикъ къ устамъ. И затѣмъ она осторожно спустилась съ крылечка, мягко ступая своими маленькими ножками, обутыми въ нарядные сафьянные сапожки.

— Чего выкликаешь? Да еще по имени, глупый какой? — съ недовольствомъ сказала дѣвушка, поровнявшись съ кустомъ, гдѣ притаился Мишка.—Вѣдь знаю, что ждешь! Обѣщала прійти, такъ прійду!

И она съ какой-то особенно небрежной и лѣнивой граціей опустилась на травку, около куста.

— Виноватъ, Гашенька, виноватъ! Ужъ ты не сердись, голубушка, ужъ не сердись... вѣдь ужъ я такъ-то, такъ тебя люблю, что какъ не повидаю дня три, самъ не свой хожу!

— Скажи, пожалуй, скорый какой! Нельзя тутъ каждый день торчать, такъ и не суйся; а сунешься безъ спросу, опять, какъ въ тотъ разъ, по загривку попадетъ...

— И то безъ твоего приказа ужъ не сунусь больше; да вѣдь вотъ видѣть-то тебя душа горитъ...

Гаша посмотрѣла на него сбоку съ насмѣшливой улыбкой, но ловко скрыла ее и лукаво добавила:

— Самъ знаешь, Мишенька, вѣдь всѣ мы, сѣнныя дѣвки, и у постельницъ, и у боярыни-мамы подъ строгимъ началомъ... Не приведи Богъ, увидятъ меня съ мужчиной... Да узнаютъ, кто мнѣ подарочки носитъ...

Карликъ самодовольно ухмыльнулся, осклабляя свой широкій безобразный ротъ и выказывая два ряда кривыхъ, желтыхъ клыковъ.

— Такъ, значитъ, здѣсь, кромѣ меня, мужчинъ-то никого не бываетъ?—спросилъ онъ, вглядываясь пытливо въ очи Агаѳьи.

— Кому же бывать? Вѣстимо!.. Ты да вотъ еще... развѣ... братья государынины?—отвѣтила она довольно уклончиво и равнодушно отвернулась въ сторону.

— А ты-то? Ты? Ждала меня? А? Говори... ждала?.. Хоть капельку-то, хоть эстолько вотъ любишь меня?..

Та же полупрезрительная, полунасмѣшливая улыбка скользнула чуть примѣтно на устахъ Гаши...

— Эстолько-то люблю!—сказала она, потягиваясь съ притворной лѣнью.—Да какъ и не любить-то тебя?.. Ты такой добренькій ко мнѣ, подарочки да гостинчики мнѣ все носишь. Небось, и нынче тоже принесъ суленое?..

Мишка такъ и просіялъ отъ этихъ словъ, такъ и зардѣлся, что маковъ цвѣтъ... Съ лихорадочною торопливостью онъ сунулъ свою короткую, уродливую и сморщенную рученку въ карманъ кафтанца, порылся тамъ и осторожно вытащилъ какой-то предметъ, завернутый въ зеленую тафтицу.

— Вотъ... на̀ скорѣе! Мишка Хомякъ завсегда въ словѣ твердо стоитъ! Полюбуйся собой, покрасуйся!

Гаша не дала ему и договорить: выхватила у него изъ рукъ принесенный подарочекъ, быстро сорвала съ него тафту, подъ которой оказалась деревянная, пестро-расписанная коробочка, а въ ней зеркальце въ фигурной оловянной рамочкѣ.

— Ай, да Мишка!.. Вотъ такъ Мишенька! Молодецъ!—привѣтливо проговорила дѣвушка, поглядывая изъ-подъ ручки въ зеркальце.—Какую мнѣ заморскую диковинку принесъ! Н-ну!

— Это что!? — залепеталъ восхищенный карликъ. — Это такъ игрушечка!.. То ли я еще тебѣ принесу? Погоди! У нѣмчины у этого я такія видѣлъ штуки, что диву дашься... Ларцы, да съ мусикійскими голосами... Да!.. Вотъ такъ его отворишь, и заигралъ, запѣлъ, какъ птица... Вотъ тѣ Христосъ!

— И такую штуку мнѣ принесешь?—спросила съ нѣкоторымъ недовѣріемъ Гаша.

— Принесу! Ей-ей принесу!—съ дерзкою самоувѣренностью проговорилъ Мишка, стараясь поймать дѣвушку за руку, которую отъ него очень ловко она вырывала, отстраняя его кривые, короткіе и грязные пальцы.

— Да вѣдь, чай, дорого заломитъ нѣмчинъ-то? И гдѣ же ты денегъ-то возьмешь? Вѣдь ужъ и такъ ты сколько мнѣ надарилъ?

— Небось... достану... хватитъ на все! Есть у меня кубышка такая,—проговорилъ чуть слышно Хомякъ, боязливо оглядываясь въ стороны. — Для тебя она всегда открыта... Только ты-то меня не прогоняй... да принимай почаще... Да обѣщанное-то мнѣ тоже дай...

И онъ подобострастно, просительно, умильно глянулъ ей въ очи, боязливо и робко простирая къ ней руки.

— Ну, ладно, ладно... Помню! Вотъ на тебѣ!—сказала съ насмѣшливой улыбкой Гаша, засучая до локтя сборчатый рукавъ рубахи.

Хомякъ, какъ клещъ, впился губами въ ея локоть и сталъ цѣловать его порывисто, страстно, горячо... И вдругъ откинулся отъ дѣвушки, словно ужаленный...

— А это что? Что у тебя на пальцѣ, на безыменномъ-то?—прошепталъ онъ злобно, указывая пальцемъ на колечко съ тремя самоцвѣтными камушками и двумя жемчужинками.

— Это?—сказала Гаша, слегка покраснѣвъ, но стараясь придать своему голосу тонъ полнѣйшаго равнодушія.—Это? Да развѣ ты самъ не видишь? Колечко!

— Ко-ко-лечко?—прошипѣлъ карликъ.—Вижу, вижу... Да отъ кого, отъ кого оно? Говори?

— Много будешь знать, скоро состаришься! Грибомъ будешь!—со смѣхомъ отозвалась дѣвушка, быстро поднимаясь съ своего мѣста.

— Говори, говори, отъ кого?—пролепеталъ Хомякъ, захлебываясь отъ злости и судорожно сжимая кулаки.

Гаша гордо выпрямилась и, скрестя руки на высокой груди, сказала сурово:

— Коли ты злиться да приставать ко мнѣ станешь, такъ я тебя къ себѣ на глаза не пущу, слышишь? Вѣдь я тебя не допрашиваю, изъ чьей кубышки ты алтыны мнѣ на подарки берешь? Ну, и радуйся...

Хомякъ растерянно посмотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы подыскивая слова и не зная, чтὸ ему сказать... Но злоба еще сверкала въ его широко раскрытыхъ глазахъ, въ искаженныхъ чертахъ его безобразнаго, сморщеннаго лица...

— Теперь... Когда же?.. Когда мы свидимся-то съ тобой?—проговорилъ онъ въ полголоса, поглядывая на Гашу исподлобья.

— Ни завтра, ни послѣзавтра не приходи, не до тебя будетъ!.. А тамъ оповѣщу... А за подарочекъ тебѣ спасибо... Ходи, миленькій, почаще, носи пряничковъ послаще...

И она весело разсмѣялась, прижимая къ груди подарокъ Хомяка.

Въ глазахъ карлика опять блеснула молнія дикой, неудержимой страсти! Чтὸ бы онъ далъ, чтобы Гаша его также прижала къ груди, какъ прижимала зеркальце!

— Такъ черезъ два дня, говоришь?.. Черезъ два?—спросилъ Хомякъ, потупляя взоры въ землю и тяжело дыша.

Вмѣсто отвѣта дѣвушка приложила палецъ къ губамъ, прислушалась и вдругъ, схвативъ Мишку за плечо, потащила въ уголъ садика...

— Идутъ сюда, идутъ! Проваливай скорѣе!—шептала она ему торопливо, увлекая его за собою.

Подтащивъ его къ углу площадки, занятой садикомъ на крышѣ теремнаго дворца, она быстро отворила дверку маленькаго тайничка, выходившую на чердакъ, втолкнула туда Хомяка и, захлопнувъ за нимъ дверцу, замкнула ее задвижкой.

— Ишь, старый дьяволъ!.. Песъ убогій!—проговорила дѣвушка, гадливо отряхиваясь и оправляя засученный рукавъ.—Чего-жъ ему еще? Ревновать вишь вздумалъ! Не разумѣетъ, небось, что только изъ-за подарковъ его и терпятъ... Скажи ему: отъ кого колечко? Какъ бы не такъ!

Она задумалась на мгновеніе и отвѣтила на вопросъ мысленно, ни для кого неслышно:

— Колечко отъ того, кого люблю больше всего на свѣтѣ, кто мнѣ всѣхъ милѣе, для кого у меня нѣтъ ни въ чемъ запрета...

И быстро поцѣловавъ колечко, она взбѣжала на крыльцо, заслышавъ голоса и бѣготню пробудившейся дворцовой служни.

II.

Мишка Хомякъ пробрался по тайнику на чердакъ, на которомъ ворковали, рокотали и гулили сотни всевозможныхъ голубей, то перелетая съ мѣста на мѣсто, то вступая между собою въ отчаянныя схватки. Съ чердака онъ выбрался на вышку, глянулъ съ нея мелькомъ на дивную панораму Замоскворѣчья, залитаго лучами солнца, и спустился, какъ кошка, на гребень крыши; цѣпляясь за зубцы гребня, онъ перешелъ десятка два шаговъ, сползъ къ слуховому окну и юркнулъ черезъ него на чердакъ царевниной половины. Тутъ только онъ присѣлъ отдохнуть и, снявъ колпакъ, сталъ отирать потъ, крупными каплями катившійся со лба его. Онъ зналъ, что дальше ему путь уже чистъ и вполнѣ безопасенъ, потому что на царевниной половинѣ у него между челядью и служней всякихъ пріятелей много... Но онъ менѣе всего думалъ въ эту минуту о себѣ: всѣ его мысли были тамъ, на половинѣ царскихъ дѣтей, гдѣ онъ разстался со своею милой, съ гордой и неподатливой Агаѳьей Краськовой. Она все еще стояла передъ его отуманеннымъ воображеніемъ во всемъ блескѣ своей роскошной красоты, все еще влекла его къ себѣ всесильными чарами того приворотнаго зелья, которое внесло неисцѣлимую отраву въ его сердце и распалило неугасимымъ огнемъ все его маленькое, уродливое существо...

— Проклятая!—шепталъ Мишка, припоминая всю свою бесѣду съ Гашей.—Ровно ужъ скользитъ... между пальцевъ вьется, и еще тебя же ужалить норовитъ!... Да это все бы ничего: — пускай смѣется надо мной, пусть тѣшится... Намъ къ этому не привыкать стать... А вотъ колечко это, колечко откуда у нея?

Онъ оперся локтями о колѣни и, запустивъ свои короткіе пальцы въ шапку густыхъ, черныхъ волосъ, которые вились на его головѣ, задумался глубоко и мрачно.

— Кабы я зналъ да вѣдалъ,—думалъ Хомякъ:—отъ кого у ней то колечко... Кабы могъ я подсмотрѣть, кто къ ней ходитъ... Кто ей,

кромѣ меня, подарочки носить!? О-о! кажется, зубами изорвалъ бы его... Ножъ бы не задумался ему въ бокъ всадить...

И онъ, трепеща отъ злобы и ревности, зажмуривалъ глаза и скрежеталъ въ безсильной ярости зубами...

Вдругъ кто-то, подкравшись сзади неслышными шагами, дружески ударилъ его по плечу и разсыпался за его спиною добродушнымъ, серебристымъ смѣхомъ.

Хомякъ вздрогнулъ, быстро обернулся и увидѣлъ передъ собою своего товарища по ремеслу, Лукашку, карлика царевны Софьи. Этотъ крошечный, пузатый, беззубый старикашка, принаряженный въ красный, коротків кафтанецъ, съ нашивными большими карманами и широкими петлицами, стоялъ передъ нимъ, насмѣшливо на него поглядывая и оправляя свою мурмолку, обшитую серебрянымъ позументомъ.

— Ты что же тутъ подѣлываешь, дружище?—проговорилъ наконецъ Лукашка.

— Что?! Развѣ не видишь?—съ нескрываемой досадой проговорилъ Хомякъ.—Голубей ловлю—петли да путики имъ раскладываю...

— Го-о-лубей?—недовѣрчиво переспросилъ Лукашка. — Ой-ли? Такъ ли, полно? Не за голубкой ли погнался?...

Хомякъ отвернулся и молчалъ.

— Ну, чего ты, дружище, рыло-то отъ меня воротишь? Отъ своѐ благопріятеля? Аль думаешь я слѣпъ?... Вѣдь ужъ который разъ я за тобой приглядываю, какъ ты это по гребнямъ да по вышкамъ, словно котъ къ кошуркѣ, пробираешься... Духъ у меня захватывало и смотрѣть-то! Какъ ты оттуда не сорвешься—Богъ тебя знаетъ!

Хомякъ слушалъ пріятеля, не перебивая, и все становился мрачнѣе и мрачнѣе.

— А вотъ кабы ты насъ-то, пріятелей, спросилъ, да съ нами бы посовѣтовалъ, такъ, можетъ, дѣло-то иначе бы обернулось... Не пришлось бы плакаться...

— Да ты что ко мнѣ присталъ?.. Что ты меня обиняками-то путаешь?!—злобно крикнулъ Хомякъ, стискивая кулаки и близко пододвигаясь къ Лукашкѣ.

— А ты чего ощерился, ощетинился на меня, что звѣрь лютой? Тебя жалѣючи, говорю...

— Да чего жалѣючи, коли мнѣ жалость твоя не надобна!—огрызнулся Хомякъ.

— Экъ вѣдь какая слѣпота его обуяла?—съ досадою проговорилъ Лукашка.—Да ты что же думаешь-то? Что ты здѣсь одинъ, словно медвѣдь въ лѣсной трущобѣ? Что тебя никто не видитъ, никто не знаетъ, по комъ у тебя душа горитъ?...

— А коли знаютъ, такъ и пусть знаютъ? — сказалъ Хомякъ, хмуря брови.—Мнѣ никто не указъ!

— Да ломай ты себѣ шею, коли любо! А мы все же тебѣ скажемъ... Неладное затѣялъ... У твоей голубки гнѣздо-то свито ужъ!

— Кто сказалъ? Кто знаетъ?... Кто смѣлъ сказать!? — вскрикнулъ вдругъ Хомякъ, въ бѣшенствѣ вскакивая съ мѣста и хватая Лукашку за руку.

— Да развѣ ты только, дурень, одинъ и не знаешь, что она Аѳонькѣ Нарышкину сама повѣсилась на шею!?.. А у насъ-то всѣ это давно ужъ знаютъ... Ха, ха, ха!

— Аѳонькѣ... Нарышкину? Царицыному брату? — прохрипѣлъ Хомякъ, блѣднѣя отъ душившей его злобы...

И ему тотчасъ пришли на память слова Гаши о «братьяхъ государыни» и та чуть замѣтная тѣнь смущенія, которая мелькнула на лицѣ ея, при упоминаніи о Нарышкиныхъ.

— И это колечко! Колечко проклятое! — подумалъ про себя Хомякъ.

— Тутъ это бабье царство послушай только да разспроси,— продолжалъ Лукашка: — такъ чего не свѣдаешь? Чутьемъ онѣ, что ли, другъ о дружкѣ знаютъ, ну, только ужъ отъ нихъ ничто не ускользнетъ... Ни, ни! Вотъ сказывали даже, какое Гашкѣ Краськовой Аѳонька колечко подарилъ... Ей-ей?!

— Колечко?!—прорычалъ Хомякъ.

— Да одно ли это? Знаютъ, подлыя, въ какіе дни она тебя къ себѣ зоветъ, въ какіе его! Вотъ хоть бы сегодня Аѳоньку Нарышкина царица выслала на встрѣчу боярина Артамона Матвѣева, своего благопріятеля и совѣтчика,—ну, Гашка тебя и позвала къ себѣ... А завтра и послѣзавтра...

— Чортъ! Чортъ!... Дьяволъ, навожденье бѣсовское! — вскричалъ Хомякъ, въ ужасѣ вскакивая съ своего мѣста и бросаясь къ лѣстницѣ, которая вела съ чердака на переходы.

— Мишка! Мишка! Да остановись, постой... Вѣдь шею этакъ сломишь!—кричалъ вслѣдъ Хомяку Лукашка, держась за бока и покатываясь отъ смѣха.

Но тотъ его не слышалъ: онъ стремглавъ мчался съ лѣстницы внизъ, шепча сквозь зубы страшныя проклятія и унося въ груди только одно чувство—неутолимую жажду мести, мести во что бы то ни стало!

III.

Долго, долго на другой день длилось совѣщанье въ «комнатѣ» царицы, и никто не могъ бы провѣдать, о чемъ на томъ совѣщаньѣ судили и думали, и на чемъ положили стоять... У всѣхъ дверей царицыной половины поставлены были старые надежные слуги и младшіе братья царицы, а потому рѣшенія «тайнаго» совѣта близкихъ къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ людей должны

были въ тотъ день остаться тайною для всѣхъ непосвященныхъ въ подробности совѣщанія... Всѣ съ удовольствіемъ видѣли, однако же, что и бояринъ Матвѣевъ и князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, и старый бояринъ Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, и всѣ Нарышкины вышли изъ комнаты царицыной довольные, почти веселые—не такіе сумрачные, какъ въ предшествующіе дни. Сама царица Наталья Кирилловна вышла къ обѣду въ столовую палату съ лицомъ яснымъ, съ улыбкой на устахъ и даже изволила шутить съ боярынею-кравчею и съ боярыней-мамой, которая привела къ столу царскихъ дѣтокъ: царевну Наталью Алексѣевну и быстроглазаго царевича Петра Алексѣевича...

Аѳанасій Кирилловичъ, братъ царицы, юноша 23-хъ лѣтъ, съ большимъ трудомъ досидѣлъ до конца совѣщанія, въ которомъ онъ, конечно, какъ человѣкъ молодой, принималъ очень мало участія... У него не то въ головѣ было... Ему хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ докучныхъ, разумныхъ и маститыхъ старцевъ, и улизнуть туда, въ «верховой» садикъ, на половину царскихъ дѣтей... Но, не смотря на всю нетерпѣливость ожиданій, не смотря на принужденную и почтительную сдержанность, съ которою втеченіе многихъ часовъ приходилось выслушивать съ притворнымъ вниманіемъ умныя рѣчи и сужденія бояръ, сестры царицы и старшихъ родичей,—Аѳанасій Кирилловичъ вынесъ всеже изъ тайнаго совѣщанія то несомнѣнное убѣжденіе, что опасаться ничего со стороны стрѣльцовъ не приходится, что всякіе грозные слухи распускаются злонамѣренными людьми, по наущенію царевны Софьи и ея ближнихъ людей. Благодаря такому убѣжденію, юноша вернулся къ себѣ, на свою половину, совершенно успокоенный, наскоро пообѣдалъ и, переждавъ съ часокъ послѣ обѣда, отправился на условленное свиданіе въ самомъ благодушномъ настроеніи духа.

Прокравшись невидимкой, разными окольными путями, въ завѣтный садикъ, Аѳанасій Кирилловичъ сѣлъ подъ тотъ же густой жасминный кустъ, подъ которымъ наканунѣ сидѣлъ Мишка Хомякъ, и, два-три раза свистнувъ иволожкой, глянулъ сквозь вѣтви на дверь надъ крылечкомъ... Минуту спустя, дверь чуть слышно скрипнула, пріотворилась, и Гаша легкой птичкой порхнула съ крылечка къ милому.

Не успѣла она и присѣсть, какъ ужъ юноша схватилъ ее за бѣлы-руки и яснымъ соколомъ глянулъ ей въ очи...

— Любишь ли? Говори мнѣ толкомъ, любишь ли? — говорилъ онъ горячо и настойчиво.

— Ахъ, Аѳонюшка!—отвѣчала дѣвушка, стараясь по возможности уклониться отъ прямаго отвѣта на щекотливый вопросъ.— Какихъ я сегодня страховъ наслышалась, какого зла изъ-за тебя съ братцами натерпѣлась, такъ даже и языкъ-то не поворачивается сказать тебѣ, дружочекъ мой!

— Какіе тамъ страхи, какое зло? И причемъ тутъ братья мои? Что ты плетешь неладное, Гашенька?

— Пришла тутъ къ намъ торговка изъ Стрѣлецкой слободы, стрѣльчиха и сама, и какъ поразсказала намъ, что у нихъ въ стрѣлецкихъ слободахъ творится: волосъ дыбомъ у насъ поднялся!

— Слушай тамъ всякія бабьи бредни!—проговорилъ съ улыбкою Аѳанасій Кирилловичъ.—Есть чего бояться! Поумнѣе той стрѣльчихи сегодня съ нами да съ царицей бояре засѣдали да сказали, что всѣмъ этимъ стрѣлецкимъ смутамъ немудрено конецъ положить! И самъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ...

— Охъ! Не вѣрю я твоимъ боярамъ... И боюсь, до смерти боюсь того, что стрѣльцы на всѣхъ васъ, Нарышкиныхъ, ножъ точатъ... Сказываютъ, будто вы на царя Ивана зло мыслите и извести его хотите... Будто Иванъ Кириллычъ царскій вѣнецъ примѣрялъ и на царскій престолъ въ вѣнцѣ садился, а когда царь Иванъ сказалъ ему, что то негоже, онъ будто бы царя Ивана чуть не задушилъ... Ужъ будто бы царевны изъ рукъ у него отняли...

— Да вы бы, глупыя, эту дуру-бабу шелепами лучше изъ дворца выгнали, чѣмъ вамъ ея сплетки слушать! — съ досадою проговорилъ Нарышкинъ. — Ну, кто же этому повѣрить можетъ? Сама посуди!

— Стрѣльцы всему вѣрятъ и кричатъ, что ужъ давно пора за царскій корень вступиться!.. Охъ, боюсь, боюсь, голубчикъ, за тебя и за всѣхъ васъ, и сердце такъ-то ноетъ... словно передъ бѣдой...

И Гаша, не отнимая рукъ у Аѳанасія Кирилловича, склонилась къ нему на плечо, стараясь скрыть слезы, навернувшіяся на глазахъ.

— Голубка ты моя, вѣдь ты же въ этихъ дѣлахъ не смыслишь ничего! А благодѣтель нашъ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, намъ сказывалъ, что всѣ стрѣльцы къ нему изо всѣхъ слободъ на поклонъ приходили, и что онъ съ ними и поладитъ, и управится легохонько... Ну, а я ему побольше вѣрю, чѣмъ твоей стрѣльчихѣ... Да плюнь ты на все это! Лучше мнѣ на мой спросъ отвѣть: любишь, али нѣтъ?.. Да говори, смотри, безъ обиняковъ...

— Люблю, Аѳонюшка! Не утаиться мнѣ отъ тебя!—прошептала Гаша, еще ближе наклоняясь къ уху Нарышкина.

— А коли любишь, крѣпко любишь, такъ слушай: завтра, по вечерней зорькѣ, къ постельному крыльцу подкатитъ крытая повозка, а въ той повозкѣ буду я сидѣть и ждать тебя. А ты отпросишься къ боярынѣ Морозовой гостить, на именины, и скажешь, что она по тебѣ коней прислала...

— Охъ, страшно, Аѳонюшка!—прошептала дѣвушка, еще ближе прижимаясь къ Нарышкину, который не вытерпѣлъ, обвилъ станъ Гаши сильными руками, привлекъ ее къ себѣ близко, близко и сталъ осыпать поцѣлуями ея плеча, шею и уста...

Хохотъ—злой и ѣдкій, принужденный и ядовитый, какъ шипѣніе змѣи—раздался въ это мгновеніе изъ ближайшаго угла садика и заставилъ Нарышкина вздрогнуть... Гаша поспѣшно и испуганно рванулась изъ его объятій и стала, какъ окаменѣлая...

Изъ угла, раздвигая вѣтви бузины и калины, вынырнулъ Мишка Хомякъ и продолжалъ хохотать, заложивъ свои корявыя коротенькія ручонки за поясъ.

— Ай да бѣсъ дѣвка! — крикнулъ онъ, нагло наступая на Гашу. — Подъ этимъ же кустомъ вчера съ однимъ, сегодня съ другимъ цѣлуешься... Ха, ха, ха! Ай-да дѣвка!

Нарышкинъ вскочилъ съ своего мѣста, бросился на Хомяка, схватилъ его за шиворотъ одной рукой, приподнялъ какъ щенка на воздухъ и, въ бѣшенствѣ потрясая его, проговорилъ быстро:

— Ты лжешь, уродъ нечестивый, ублюдокъ богомерзкій! Лжешь!!.. Говори, съ кѣмъ она цѣловалась...

— Со мною, царицынъ братецъ! Да, со мною!—прошипѣлъ Хомякъ, стараясь вырваться изъ рукъ Нарышкина.

Это было такъ неожиданно и притомъ такъ невѣроятно, что весь гнѣвъ Аѳанасія Кирилловича прошелъ разомъ... Онъ выпустилъ изъ рукъ Хомяка, и тотъ шлепнулся на песокъ дорожки.

— Ну, утѣшилъ!—сказалъ ему юноша. — Утѣшилъ, шутъ гороховый! Да только не вò время... Брысь отсюда! Послѣ съ тобою батогами расчитаюсь—ужò, по вечеру...

Но, къ удивленію Нарышкина, Хомякъ не трогался съ мѣста и, дерзко глянувъ ему въ лице, проговорилъ, передразнивая его рѣчь:

— Постой! И я съ тобою расчитаюсь... Только не по вечеру, а по утру!

Тутъ ужъ Нарышкинъ вскипѣлъ, подскочилъ къ Хомяку и, ухвативъ его за полу кафтана, хотѣлъ раздѣлаться съ нимъ по-своему, но карликъ ловко увернулся, рванулъ изо всѣхъ силъ и, оставивъ полу кафтана въ рукахъ Нарышкина, бросился со всѣхъ ногъ къ тайнику.

— Помни, царицынъ братецъ,—крикнулъ Хомякъ изъ-за двери тайника,—что я у тебя въ долгу не останусь! Птичка-то не величка, да ноготокъ остеръ!

Аѳанасій Кирилловичъ, взволнованный, ошеломленный этой неожиданной сценой, такъ растерялся, что не зналъ, какъ поступить ему... Онъ обернулся, чтобы потребовать у Гаши разъясненій; но увидалъ, что онъ въ садикѣ одинъ. Гаша давно уже успѣла взбѣжать на ступеньки крылечка и скрыться за дверью.

IV.

Гаша не помнила и даже не могла себѣ отдать отчета въ томъ, какъ она выбѣжала изъ садика, какъ добралась среди общаго соннаго царства до своей постели въ одной изъ повалушъ, около комнаты боярыни-мамы... Она прилегла на постель и прикинулась спящей, но сонъ ей и на умъ не шелъ! Она еще видѣла передъ собою своего милаго... Видѣла, какъ онъ потрясалъ Хомяка на воздухѣ, готовый грянуть его ѳземь! Слышала злобныя и дерзкія рѣчи разсвирѣпѣвшаго карлика и, не помня себя отъ стыда и страха, трепеща за то, что могло произойти, она бросилась безъ оглядки бѣжать, даже не сообразивъ, зачѣмъ она бѣжитъ и чего пугается. И тутъ, на своей постели, она продолжала трепетать при мысли о томъ, что злой карликъ огласитъ, ославитъ среди царицыной служни ея стыдъ, ея слабость къ Аѳанасію Кирилловичу, ея почти уже рѣшенный побѣгъ...

— Стыдъ, срамъ! Со свѣту сживетъ меня боярыня-мама! Нажалуется царицѣ, и тогда мнѣ отъ нихъ мѣста не найти будетъ... Въ обитель дальнюю сошлютъ, съ нимъ разлучатъ, ему думать обо мнѣ не велятъ... Охъ, горе, горе какое! Наканунѣ какого счастія, и вдругъ этотъ проклятый, словно змѣй изъ хвороста вылѣзъ... О!...

Такъ сокрушалась она цѣлый день и все ждала какой-то бѣды, которая неминуемо должна была обрушиться на ея голову. Ей все казалось, что вотъ-вотъ ее кликнетъ къ себѣ строгая боярыня, или что явится на ихъ половину одинъ изъ царицыныхъ стольниковъ и потребуетъ ее къ отвѣту предъ грозныя очи матушки-царицы... Но день миновалъ, свѣтлый, яркій, солнечный и смѣнился теплою, чудною майскою ночью, которая и нѣжила, и манила въ таинственную тѣнь вѣтвей, на просторъ и воздухъ изъ душной повалуши. И когда сонъ снова воцарился въ теремномъ дворцѣ и среди ночной тишины сталъ явственно слышенъ бой часовъ съ курантами, поставленныхъ надъ Фроловскими воротами, да протяжные оклики караульныхъ стрѣльцовъ на стѣнахъ и башняхъ Кремля, тогда снова тоска стала мучить Гашу, а какія-то странныя, неопредѣленныя предчувствія стали терзать ея сердце...

— И зачѣмъ я убѣжала?—говорила она себѣ съ укоромъ.—Что онъ могъ обо мнѣ подумать? Зачѣмъ я ему всего не разсказала... Какъ Мишка ластился ко мнѣ, и какъ мнѣ докучалъ, какъ считалъ за счастье мой сапогъ поцѣловать, или кончикъ мизинца, и сколько мнѣ переносилъ подарковъ, какъ вымолилъ у меня, чтобы я ему дозволила локоть облобызать... Все бы это надо разсказать Аѳонѣ и оправдаться передъ нимъ... А я вотъ убѣжала!... И теперь не знаю, что̀ мнѣ завтра дѣлать: проситься ли къ Морозовой на именины, и готовиться ли къ побѣгу? И какъ бы вѣсточку-то отъ него мнѣ получить!?

И долго, долго, сокрушалась она, ворочаясь на своей постели, и припоминала всѣ подробности этого несчастнаго свиданія: и сладость его объятій, и горячихъ поцѣлуевъ, и горечь утраты, которая, быть можетъ, ей предстояла... Долго прислушивалась она къ протяжному бою часовъ на Фроловскихъ воротахъ и къ окликамъ часовыхъ на Кремлевской стѣнѣ и только подъ утро заснула тяжелымъ, тревожнымъ сномъ...

Слѣдующій день, 15-е мая, наступилъ такой же ясный, теплый и тихій, какъ всѣ предшествующіе, и жизнь въ теремномъ дворцѣ потекла своимъ обычнымъ порядкомъ. Матушка-царица и государыни-царевны ходили въ свои домовыя церкви на утреню и раннюю обѣдню. Боярыня-мама и сѣнныя дѣвушки водили сначала въ церковь, а потомъ къ царицѣ на поклонъ, царскихъ дѣтей: царевну Наталью Алексѣевну и царевича Петра Алексѣевича, и увели ихъ съ царской половины, когда въ комнатѣ царицы стали собираться бояре на обычное утреннее «сидѣнье».

— Наша боярыня сегодня зла, какъ лютый звѣрь!—шепнула Гашѣ ея подруга, тоже сѣнная дѣвушка на дѣтской половинѣ.— Матушка-царица ее сегодня просвирою обошла...

— Да будто изъ-за того?—спросила недовѣрчиво Гаша.—Ужъ не на насъ ли кто нибудь наговорилъ ей да нанесъ всякихъ вздоровъ?

— Постой-ка, постой, Гаша!—сказала подруга, хватая ее за рукавъ.—Слышишь?... Что это за шумъ?

Гаша прислушалась и обомлѣла отъ изумленія... Вдали, въ разныхъ мѣстахъ города гудѣлъ набатъ, трещали барабаны, слышались отдаленные крики и какой-то гулъ и шумъ, словно большая рѣка, прорвавъ плотину, катила свои волны по Кремлевскимъ улицамъ...

— Пожаръ, должно быть, гдѣ нибудь? — тревожно догадалась Гаша.

— Нѣтъ! Это не то! Побѣгу, сейчасъ узнаю! — крикнула подруга Гаши и бросилась изъ комнаты въ сѣни.

А шумъ все близился, и крики становились громче, то заглушаемые приближавшимся барабаннымъ боемъ, то покрывавшіе самый бой... И набатъ все гудѣлъ и гудѣлъ вдали, не переставая, не прерываясь...

Во дворцѣ вдругъ поднялась какая-то странная, необычная суматоха — шумъ и бѣготня на переходахъ, по лѣстницамъ и въ сѣняхъ...

Гаша, дрожащая отъ страха, блѣдная, стояла у притолки дверей, когда въ сѣни опрометью вбѣжала ея подруга и крикнула отчаяннымъ голосомъ:

— Стрѣльцы бунтуютъ... Въ Кремль ворвались, идутъ къ дворцу!... Кричатъ, вопятъ, что идутъ бить бояръ!

И, проговоривъ все это залпомъ, она стремглавъ бросилась въ комнату боярыни-мамы. Всѣ забѣгали мимо Гаши: боярыня-мама, постельницы царицы, сѣнныя дѣвушки, стольники, служня, — все это металось, вопило, ревѣло, плакало, рвало на себѣ волосы въ неистовомъ ужасѣ и отчаяніи... Никто ничего не понималъ, всѣ толкались и сновали во всѣ стороны и что-то кричали, сами не понимая, почему и изъ-за чего кричатъ...

А ужъ грозные, дикіе клики разсвирѣпѣвшихъ стрѣлецкихъ ватагъ раздавались во дворѣ дворца... Можно было разобрать страшные возгласы:

— Нарышкиныхъ!... Нарышкиныхъ давай сюда!... Убійцъ царя Ивана!... Бояръ вершить... Бояръ!

— Господи! Вотъ они! Вотъ! Онъ не вѣрилъ мнѣ!—воскликнула, всплеснувъ руками, Гаша и безсознательно опустилась на колѣни передъ образомъ...

А мимо ея комнаты, за ея спиною, бѣгали какіе-то люди; слышались, раздавались женскіе стоны и вопли; потомъ какой-то бояринъ прибѣжалъ, схватилъ царевича Петра и понесъ его на рукахъ на Красное Крыльце.

— Куда? Куда ты его несешь? Какъ смѣешь?—кричала вслѣдъ ему боярыня-мама, стараясь нагнать бѣжавшаго боярина...

— Матушка-царица такъ приказала! — крикнулъ ей бояринъ, не останавливаясь.

Потомъ Гаша, все еще стоявшая въ оцѣпенѣніи передъ образомъ, съ удивленіемъ замѣтила, что наступила на время какая-то странная тишина и длилась нѣсколько минутъ, и вдругъ опять разразился страшный взрывъ неистовыхъ криковъ, дикаго рева толпы, стоновъ и проклятій, и ему, кажется, конца не было...

— Бояръ рѣжутъ! Бьютъ! На копья съ крыльца бросаютъ... Бердышами рубятъ! — кричалъ кто-то въ сѣняхъ... И всѣ разомъ бросились бѣжать, прятаться, спасаться, кто куда могъ.

А Гаша и съ мѣста сдвинуться не могла. Ноги ей не повиновались... Ужасъ оковалъ ея члены... Она хотѣла перекреститься и не могла поднять руки... И только прислушивалась съ замираніемъ сердца къ громкимъ возгласамъ и крикамъ, которымъ гулко вторило эхо опустѣвшаго дворца... Потомъ къ ней въ комнату ворвались гурьбою какіе-то страшные, свирѣпые, полупьяные люди, съ бердышами и копьями въ рукахъ, горланя во все горло:

— Нарышкиныхъ давайте намъ! Нарышкиныхъ ищи вездѣ... Всѣхъ ихъ порѣшимъ!

— Пора намъ разобраться, кто намъ надобенъ!—кричали другіе...

И Гаша видѣла, какъ они около ея тыкали въ пуховики копьями, какъ заглядывали подъ кровати, рылись въ чуланахъ.

— Гдѣ Нарышкины? Говори, ты должна знать!—набросились на Гашу эти звѣри.

— Говори! Нето убьемъ!—кричали они надъ нею, то потрясая ее за плечо, то дергая за косу.

Полумертвая отъ страха, она могла только едва слышно пролепетать:

— Видитъ Богъ, не знаю...

Одинъ изъ злодѣевъ грубо толкнулъ ее, и всѣ вышли въ сѣни съ шумомъ и ругательствами.

Гаша осталась опять одна передъ иконой, и много разъ еще до ея слуха долетали дикіе крики разнузданной толпы, бряцаніе оружія, вопли безжалостно убиваемыхъ несчастныхъ...

И вдругъ, ей какъ молотомъ ударила въ голову мысль:

— Нарышкиныхъ ищутъ?... Нарышкиныхъ убиваютъ... И его тоже... можетъ быть... убили?!... О!! нѣтъ!! Быть не можетъ!

И она сама не знала, откуда вдругъ у нея явились силы. Она вскочила на ноги, блѣдная, растерянная, трепещущая... Шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, она пошла бродить по опустѣлымъ переходамъ, крыльцамъ, теремамъ и сѣнямъ обширнаго дворца... Много разъ ея ноги скользили въ сгусткахъ крови, которая широкими темными лужами стояла на полу, текла по лѣстницамъ, разбрызгана была по стѣнамъ... Дважды наткнулась она на трупы какихъ-то стариковъ изъ царицыной служни, потомъ набрела на тѣло несчастнаго юноши, Ѳедора Салтыкова, который былъ принятъ за одного изъ Нарышкиныхъ и безжалостно умерщвленъ въ дворцовыхъ стѣнахъ.

— Не тотъ, не онъ... Слава Богу, не онъ!—шептала Гаша, всматриваясь въ лица убитыхъ, искаженныя страданіемъ, и спѣшила пробраться далѣе...

Среди своихъ блужданій, полусознательныхъ, почти безцѣльныхъ, Гаша, послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ и попытокъ, хоть отъ кого нибудь узнать о томъ, что сталось съ Нарышкиными, очутилась вдругъ у самаго входа въ церковь Вескресенія Христова, «что̀ на сѣняхъ», и остановилась въ изумленіи и ужасѣ... Крѣпкія двери церкви были взломаны, окна разбиты, широкій кровавый слѣдъ былъ видѣнъ на порогѣ и багровыми пятнами обозначался на лѣстницѣ, у входа въ церковь...

Тутъ впервые Гаша натолкнулась на живое существо... Мишка Хомякъ вышелъ ей навстрѣчу изъ церкви, боязливо оглядываясь по сторонамъ и прикрывая какую-то тяжелую ношу полою своего кафтана.

— А! красная дѣвица!—проговорилъ онъ, ехидно посмѣиваясь и пристально глядя въ мертвенно-блѣдное лице Гаши.—Ты какъ сюда попала? Али къ милóму шла, знала, что онъ тутъ скрывался...

— Гдѣ? Гдѣ онъ? — задыхаясь проговорила Гаша, опираясь о притолку двери, чтобы не упасть.

— Былъ здѣсь, подъ престоломъ былъ спрятанъ... И не сыскали бы его, да я имъ указалъ! Да! Я! — сказалъ Хомякъ съ особеннымъ удареніемъ.—Теперь пойди, ищи его на площади по слѣду... Да, кстати, вотъ-на, возьми—я несъ тебѣ отъ него подарокъ...

И, отвернувъ полу кафтана, онъ бросилъ ей подъ ноги кисть руки Аѳанасія Кирилловича, съ знакомымъ ей большимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.

Гаша вскрикнула пронзительно, страшно... Потомъ отшатнулась въ сторону и упала безъ дыханія на плиты церковнаго притвора, обагренныя кровью ея милаго.

V.

Минуло два-три мѣсяца послѣ этихъ страшныхъ майскихъ дней... Софья торжествовала. Она и сестры ея (по матери Милославскія) добились того, что не одинъ только Петръ, сынъ ненавистной мачихи, Натальи Кирилловны Нарышкиной, былъ царемъ... При помощи своего родича, Ивана Михайловича Милославскаго, этого Одиссея хитроумнаго, царевны-сестры добились того, что рядомъ съ Петромъ на престолъ былъ посаженъ слабоумный и слабосильный царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, изъ-за спины котораго царевна-правительница вмѣстѣ со своимъ любимцемъ правила всѣми государственными дѣлами.

Царица Наталья Кирилловна, удаленная изъ Московскаго Теремнаго дворца въ загородный Преображенскій, обреченная на забвеніе и уединеніе, повидимому, примирилась со своей горькой долей и въ тѣсномъ кругу вѣрныхъ друзей и вѣрныхъ слугъ вся предалась заботамъ о своихъ неоцѣненныхъ дѣтяхъ, какимъ-то чудомъ оставшихся невредимыми среди ужасовъ стрѣлецкаго бунта...

На Красной площади, тамъ, гдѣ лежали во время бунта изсѣченные бердышами и исколотые копьями трупы несчастныхъ жертвъ стрѣлецкаго своеволія, словно въ насмѣшку надъ Божіей правдою, возвышался каменный столбъ, на которомъ кудреватая и хвастливая надпись восхваляла заслуги злодѣевъ и пятнала тяжкими укорами и навѣтами память невинныхъ страдальцевъ... Стрѣльцы, послужившіе царевнѣ-правительницѣ въ ея стремленіи къ власти надежною опорою, были осыпаны милостями и наградами. Переименованные въ «Надворную пѣхоту», они держали себя высокомѣрно и гордо, понимая свое значеніе, сознавая себя грозною силою...

Только одинъ изъ участниковъ майскаго кровопролитія, Мишка Хомякъ, остался безъ награды... Царевна Софья, по просьбѣ своего карлика Лукашки, правда, приняла Хомяка въ свой придворный штатъ на службу, даже велѣла сшить ему новую пару платья, но

никто изъ ея челяди и служни не сходился съ предателемъ: всѣ сторонились его и старались быть подальше...

— Отъ него, проклятаго, Нарышкинской кровью пахнетъ! Ну его совсѣмъ!—говорили про Хомяка всѣ на половинѣ царевны.

— Не даромъ прошло ему это темное дѣло!—пояснялъ всѣмъ Лукашка:—вѣдь вотъ взгляните на него: онъ съ той поры и самъ не свой сталъ. Временемъ сдается мнѣ, что онъ какъ бы ума рехнулся...

И точно всѣ стали замѣчать, что Мишка сталъ задумываться. Сядетъ, бывало, гдѣ нибудь въ уголку, подожметъ подъ себя ноги, руки опуститъ на колѣни, уставитъ глаза въ какой нибудь сучокъ или пятно на стѣнѣ и сидитъ такъ часъ или болѣе, пока его кто не окликнетъ или не заставитъ сдвинуться съ мѣста... Немного спустя, Мишка и въ рѣчахъ сталъ какъ будто путаться и заговариваться. Лукашка, который жилъ съ нимъ въ одной каморкѣ, зорко за нимъ слѣдилъ и къ нему присматривался, не разъ обращался къ нему съ вопросомъ:

— Слышь, Мишка, недужится тебѣ, что ли? Аль такъ, тоска томитъ? Что ты угрюмый такой?

А Мишка бывало только усмѣхнется, помотаетъ головой и ничего не отвѣтитъ.

Однажды ночью Лукашка проснулся отъ какого-то необычнаго движенія и говора около самой его кровати... Онъ приподнялся съ изголовья и при смутномъ свѣтѣ луны увидѣлъ, что Мишка сидитъ на постели и говоритъ, обращаясь въ сторону двери:

— Отстань! Сказалъ тебѣ, окаянная, что не пойду, и не пойду!

Лукашка окликнулъ его:

— Что ты, братъ, во снѣ, аль на яву говоришь? И съ кѣмъ?

Мишка обернулся къ нему и отвѣчалъ ему съ волненіемъ:

— Да вотъ!.. Покою не даетъ, проклятая, надоѣдаетъ... Лѣзетъ все ко мнѣ...

— Кто лѣзетъ?

— Да Гашка!.. которую ужъ ночь стоитъ за дверью и воетъ, зоветъ съ собою на башню наугольную.

— Да что ты врешь?—перебилъ его Лукашка, котораго дрожь пробрала отъ этихъ словъ Хомяка.—Вѣдь Гашки ужъ который мѣсяцъ и въ живыхъ нѣтъ!

Хомякъ ухмыльнулся безсмысленно и помоталъ головой.

— Враки! — сказалъ онъ твердо и съ увѣренностью. — Живёхонька... Вонъ и теперь стоитъ за дверью... Войти не хочетъ, а меня туда къ себѣ зоветъ: то на колокольню полѣзай за ней, то вонъ на башню... Дура!

И затѣмъ онъ улегся опять, закутался съ головою въ одѣяло и замолкъ. Но Лукашка не могъ заснуть до самаго утра: такъ напугалъ его Хомякъ своимъ страшнымъ бредомъ.

Прошло еще нѣсколько дней... Хомякъ какъ будто даже нѣсколько повеселѣлъ; рѣже задумывался, не заговаривался и спалъ спокойно по ночамъ. Лукашка сталъ ужъ думать, что это «наважденіе» у него поотлегло, и вдругъ однажды на зарѣ былъ пробужденъ какимъ-то непривычнымъ холодомъ... Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что дверь въ сѣни настежь открыта, и тотчасъ всталъ, чтобъ притворить ее. Тутъ только онъ замѣтилъ, что кровать Хомяка пуста. Онъ заглянулъ въ сѣни—туда, сюда; тихонько окликнулъ товарища, чтобы не разбудить сосѣдей; потомъ махнулъ рукой и опять улегся подъ одѣяло. Проснулся онъ уже часа два спустя, когда кто-то изъ челядинцевъ царевны сталъ что есть мочи дергать его за плечо и за руку и стаскивать съ него одѣяло:

— Что, что случилось?—пролепеталъ въ просонкахъ Лукашка.

— А то и случилось, что Мишка-то изъ слуховаго окна во дворъ выбросился!

— Какъ?.. Гдѣ?.. Господи!—вскрикнулъ Лукашка, вскочивши съ постели, и, наскоро одѣвшись, побѣжалъ въ дворъ, подъ переходы, гдѣ ужъ немало собралось всякаго народу.

Мишка лежалъ ничкомъ, въ лужѣ крови, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Гаша и послѣ смерти отомстила за своего милаго.

П. Полевой.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О М. Ю. ЛЕРМОНТОВѢ.

ВЕСНУ И ЧАСТЬ лѣта 1892 года я провелъ по дѣламъ въ Москвѣ. Сдѣланныя княземъ Д. Д. Оболенскимъ заявленія въ «Новомъ Времени» (№№ 5754 и 5783) о причинахъ дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ, не соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ дѣла, подвигнули меня сдѣлать дополнительное изслѣдованіе по возбужденному вопросу. Я посѣтилъ редактора-издателя «Русскаго Архива» Петра Ивановича Бартенева; друга и почитателя Н. С. Мартынова, князя Дмитрія Дмитрія Оболенскаго, въ рукахъ котораго нынѣ находится дневникъ, или лучше сказать воспоминанія и другія бумаги Н. С. Мартынова; графа Алексѣя Владиміровича Васильева, сослуживца поэта по лейбъ-гвардіи гусарскому полку въ 1834 и 1835 годахъ; Дмитрія Аркадьевича Столыпина, которому А. П. Шанъ-Гиреемъ были переданы послѣ смерти поэта рукопись поэмы «Демонъ» и другія бумаги; бесѣдовалъ съ ними и получилъ отъ нихъ нѣсколько новыхъ фактовъ и разъясненій, касающихся жизни и творчества поэта. Затѣмъ отъ двухъ-трехъ лицъ менѣе извѣстныхъ мнѣ сообщены разсказы о поэтѣ бывшаго московскаго полицеймейстера генералъ-маіора Н. И. Огарева и извѣстнаго кавказскаго героя (впослѣдствіи коменданта Петропавловской крѣпости) генералъ-лейтенанта барона Е. И. фонъ-Майделя. Наконецъ, въ Московскомъ архивѣ главнаго штаба я нашелъ нѣсколько новыхъ документовъ, могущихъ служить для уясненія неточностей, вкравшихся въ біографію поэта. Все это мною сгруппировано, и собранные такимъ образомъ матеріалы раздѣлены на три категоріи: а) о текстѣ поэмы «Демонъ»; б) о дѣйствительныхъ причинахъ

дуэли поэта съ Мартыновымъ и в) нѣсколько новыхъ данныхъ о жизни поэта.

Начнемъ съ наиболѣе важныхъ, а именно со свѣдѣній первой категоріи.

I.

Поэма «Демонъ» въ собраніяхъ сочиненій М. Ю. Лермонтова, изданныхъ въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50-ти-лѣтія со времени его смерти, появилась въ двухъ текстахъ. Въ изданіи Рихтера, редактированномъ П. А. Висковатовымъ, она напечатана, по его словамъ, въ «окончательной обработкѣ» (неизвѣстно, впрочемъ, чьей!); а во всѣхъ прочихъ изданіяхъ — въ той редакціи, какъ она печаталась въ прежнихъ изданіяхъ. Г. Висковатовъ, въ статьѣ своей: «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова, и ея окончательная обработка», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 года, № 3, и вошедшей въ извлеченіяхъ, въ видѣ поясненій къ напечатанному имъ списку поэмы, въ Рихтеровское изданіе сочиненій поэта 1891 года, удостовѣряетъ, что списокъ этотъ есть брульонъ послѣдней обработки поэмы, сдѣланной въ 1840 или 1841 году. Такимъ образомъ, издателями послѣднихъ сочиненій поэта поэма «Демонъ» представлена публикѣ въ двухъ совершенно противоположныхъ по идеѣ и чуждыхъ другъ другу по формѣ редакціяхъ, и обѣ выдаются за послѣднее слово поэта. Академія наша, какъ оповѣстили газеты, стала за Висковатовскій списокъ, а наиболѣе серьезные писатели высказываются за прежній текстъ поэмы. Гдѣ же истина? на чьей сторонѣ? — вопросъ весьма важный, тѣмъ болѣе, что одна изъ предложенныхъ публикѣ редакцій поэмы должна быть признана несостоятельной.

Разрѣшеніе этого вопроса, конечно, вызоветъ не одинъ обмѣнъ мыслей въ средѣ людей, дорожащихъ русской литературой, въ особенности въ такихъ ея вѣковѣчныхъ памятникахъ, какъ поэмы М. Ю. Лермонтова. Приношу и я мою лепту въ дѣло уясненія искомой истины.

Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ, бесѣдуя со мною, сообщилъ мнѣ много драгоцѣнныхъ указаній, могущихъ пролить свѣтъ при разъясненіи возбужденнаго вопроса. Воспользовавшись этими указаніями и изучивъ всесторонне суть дѣла по имѣющимся источникамъ, мнѣ представляется возможнымъ дать нижеслѣдующія данныя въ пользу печатавшагося въ прежнихъ изданіяхъ текста поэмы «Демонъ».

Поэма эта окончательно отдѣлана М. Ю. Лермонтовымъ на Кавказѣ въ 1840 году и, собственноручно имъ переписанная нàбѣло, привезена въ С.-Петербургъ при послѣднемъ пріѣздѣ его въ февралѣ 1841 года. Здѣсь поэтъ предполагалъ ее напечатать въ

«Отечественныхъ Запискахъ», для чего передалъ ее А. А. Краевскому. Изъ типографіи послѣдняго поэма была представлена въ цензуру и получила разрѣшеніе на напечатаніе, съ большими, впрочемъ, помарками [1]). За симъ она поступила въ наборъ, но напечатана не была. Пріостановка выпуска ея въ свѣтъ произошла дѣйствительно, какъ заявилъ А. А. Краевскій въ январьской книжкѣ своего журнала за 1842 годъ, «по независящимъ отъ редакціи причинамъ», но не въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно принято у насъ понимать подобное заявленіе, а потому (какъ положительно извѣстно стало Д. А. Столыпину тогда же), что Лермонтовъ взялъ рукопись обратно, вслѣдствіе настояній (чрезъ бабушку поэта Е. А. Арсеньеву) извѣстнаго святоши Андрея Николаевича Муравьева, который убѣдилъ поэта, что напечатаніе поэмы, при неблагопріятно сложившихся для него тогда, то-есть въ началѣ 1841 года, обстоятельствахъ, можетъ принести ему большія непріятности. Такимъ образомъ, у Краевскаго въ рукахъ остались одни корректурные листы набора рукописи [2]), да снятый съ нея предусмотрительнымъ редакторомъ-издателемъ списокъ, съ которыхъ онъ въ 1842 году и напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» отрывки поэмы и которые онъ впослѣдствіи принесъ въ даръ Лермонтовскому музею [3]).

Между тѣмъ нѣкоторыя высокія особы изъ императорской фамиліи [4]) пожелали ознакомиться съ поэмой, и поэтъ еще разъ занялся пересмотромъ ея, измѣнилъ VI и VIII строфы I части, IX и XIII строфы II части и нѣсколько стиховъ въ другихъ строфахъ [5]), отдалъ исправленную поэму переписать каллиграфу и переписанный списокъ представилъ чрезъ генералъ-адъютанта А. И. Философова, который, по прошествіи нѣсколькихъ дней, и возвратилъ ему удостоившуюся высочайшаго прочтенія поэму. Въ данномъ случаѣ «Демонъ» получилъ окончательную обработку и засимъ никакимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ не подвергался. При послѣднемъ своемъ отъѣздѣ на Кавказъ 2-го мая 1841 года Лермонтовъ никакихъ рукописей съ собою не взялъ, но всѣ бумаги, въ томъ числѣ и поэму «Демонъ» въ 2 экземплярахъ: собственноручную рукопись и возвращенный А. И. Философовымъ списокъ [6]),

---

[1]) Что рукопись была пропущена цензурою, удостовѣряетъ и А. П. Шанъ-Гирей, въ статьѣ «М. Ю. Лермонтовъ», помѣщенной въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1890 года, № 8.

[2]) Корректурные листы тоже свидѣтельствуютъ о томъ, что поэма цензурою была пропущена, такъ какъ, по существовавшимъ тогда цензурнымъ правиламъ, рукопись могла поступить въ наборъ только по разрѣшеніи ея цензурою.

[3]) Находятся въ музеѣ въ отд. II, №№ 1 и 3.

[4]) См. упомянутую выше статью Шанъ-Гирея «М. Ю. Лермонтовъ».

[5]) Вотъ почему корректурные листы и списокъ, находившійся у Краевскаго, несходны съ печатавшимся впослѣдствіи текстомъ поэмы.

[6]) См. вышеупомянутую статью Шанъ-Гирея.

оставилъ у Акима Павловича Шанъ-Гирея, сказавъ ему: «Демона» мы печатать погодимъ, оставь его пока у себя». Послѣ смерти поэта первый экземпляръ поэмы, то-есть собственноручную рукопись со сдѣланными въ ней послѣдними измѣненіями, г. Шанъ-Гирей передалъ Дмитрію Аркадьевичу Столыпину, а второй, то-есть списокъ, возвращенный Философовымъ, послалъ г. Алопеусу, чрезъ товарища своего по артиллерійскому училищу Обухова [1]).

Первые отрывки изъ поэмы «Демонъ» появились въ печати въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года, по оставшимся у А. А. Краевскаго корректурамъ, и затѣмъ были напечатаны въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій М. Ю. Лермонтова, выпущенномъ въ 1857 году [2]). Въ виду же того, что поэма въ полномъ объемѣ явиться въ печати, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, не могла, Д. А. Столыпинъ передалъ находившуюся у него собственноручную рукопись поэта отъѣзжавшему за границу генералъ-адъютанту Алексѣю Илларіоновичу Философову, который и напечаталъ ее вмѣстѣ съ «Ангеломъ смерти» въ 1857 году въ Карлсруэ. Причемъ рукопись была взята имъ обратно и впослѣдствіи затерялась [3]).

Въ Россіи поэма «Демонъ» въ первый разъ появилась въ печати полностію въ собраніи сочиненій поэта, вышедшемъ подъ редакціей С. С. Дудышкина въ 1860 году. Это было дословное воспроизведеніе упомянутаго выше заграничнаго изданія А. И. Философова въ Карлсруэ, въ 1857 году, даже съ тѣми же опечатками или передѣлками малосвѣдущихъ въ русскомъ языкѣ нѣмецкихъ корректоровъ, какъ, напримѣръ: знаменитыя «столпообразныя руины», за которыя П. А. Висковатовъ такъ безпощадно казнитъ ни въ чемъ не повиннаго П. А. Ефремова, исправившаго эту неточность въ послѣдующихъ изданіяхъ по Обуховскому списку. Въ Дудышкинскомъ изданіи «Демона» приведены въ видѣ варіантовъ и тѣ стихи, которые, при послѣдней передѣлкѣ поэмы въ 1841 году,

---

[1]) Копію съ этого списка получилъ отъ Обухова и г. Квистъ, принесшій его впослѣдствіи въ даръ Лермонтовскому музею (хранится въ отд. II, № 21). Съ этого списка г. Ефремовъ сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія въ текстѣ поэмы, при редактированіи имъ Глазуновскихъ изданій сочиненій поэта въ восьмидесятыхъ годахъ.

[2]) Въ изданіи этомъ были исключены: IX строфа I части, съ V по XII включительно и XIV строфы и нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ.

[3]) Д. А. Столыпинъ говорилъ мнѣ, что онъ помнитъ рукопись, какъ будто она еще вчера лежала передъ нимъ. Вся она писана рукой поэта чисто, безъ малѣйшихъ поправокъ, на правой сторонѣ вдвое согнутой вдоль листовъ тетради писчей бумаги. Сдѣланныя въ С.-Петербургѣ, въ 1841 году, послѣднія исправленія поэмы писаны такъ же безъ помарокъ на лѣвой сторонѣ, противъ зачеркнутыхъ направо строфъ и строкъ правильной, какъ бы по линейкѣ, діагональной чертой справа налѣво. Впрочемъ, Дмитрій Аркадьевичъ не потерялъ еще окончательно надежды къ отысканію этой рукописи, такъ какъ оставшіяся послѣ А. И. Философова въ имѣніи бумаги не всѣ еще приведены въ извѣстность.

авторомъ были исключены. Подобные варіанты, безъ сомнѣнія, интересны для людей, слѣдящихъ за развитіемъ идеи, вложенной въ поэму, или за техническимъ ея совершенствомъ, но для большинства читателей—это положительно излишній балластъ, ослабляющей впечатлѣніе при чтеніи поэмы, самое подходящее мѣсто которому въ трюмѣ изданія, то-есть въ примѣчаніяхъ къ изданію. Ошибка эта повлекла за собой тѣ послѣдствія, что при послѣдующихъ изданіяхъ, въ видѣ варіантовъ, появились и другіе прежде исключенные стихи, строфы и даже цѣлые первоначальные очерки, натолкнувшіе, наконецъ, и на мысль поддѣлки списковъ, въ родѣ рекомендованнаго г. Висковатовымъ апокрифа.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій поэта Глазуновымъ въ 1873, 1880, 1882 и 1887 годахъ, поэма «Демонъ» перепечатывалась съ перваго полнаго ея изданія въ 1860 году, съ весьма незначительнымъ исправленіемъ текста П. А. Ефремовымъ по списку, подаренному Обуховымъ О. И. Квисту, и въ такомъ видѣ перешла затѣмъ во всѣ изданія, вышедшія въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50-ти-лѣтія со времени смерти поэта, кромѣ, конечно, Висковатовскаго.

Вотъ факты, служащіе доказательствами тому, что поэма «Демонъ», находящаяся въ этихъ изданіяхъ, есть точное воспроизведеніе текста собственноручной рукописи М. Ю. Лермонтова, получившаго окончательную редакцію при послѣдней передѣлкѣ ея поэтомъ въ 1841 году. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ окажутся незначительныя неточности или опечатки, но здѣсь рѣчь идетъ не о нихъ, но о томъ громадномъ различіи, которое существуетъ между текстомъ вышеупомянутыхъ изданій и спискомъ, пропагандируемымъ г. Висковатовымъ, выдающимъ его за единственно точный текстъ поэта въ «послѣдней обработкѣ».

Засимъ (оговорившись такимъ образомъ на случай казуистическихъ впослѣдствіи толкованій) перехожу къ разсмотрѣнію Висковатовскаго списка «Демона» [1]), его появленія и доказательствъ, приведенныхъ для его удостовѣренія.

Почтенному профессору, очевидно, хотѣлось непремѣнно открыть Америку въ твореніяхъ поэта, и вотъ онъ задался мыслію найти «Демона» иного и, наконецъ, добился.

Событіе это, какъ онъ описываетъ въ статьѣ своей: «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова и ея окончательная обработка», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 года, № 3, совершилось слѣ-

---

[1]) Авторъ этого замѣчательнаго, по своей безцеремонности, документа, конечно, не извѣстенъ, но списокъ открытъ, афишированъ и удостовѣренъ, какъ послѣдній текстъ поэта, П. А. Висковатовымъ; поэтому все, что должно касаться автора списка, поневолѣ приходится относить къ лицу, заступившему, такъ сказать, его мѣсто.

дующимъ образомъ. Работая въ восьмидесятыхъ годахъ въ архивѣ одного изъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ ему было разрѣшено просмотрѣть секретное дѣло о Лермонтовѣ, писарь этого учрежденія, дѣлавшій ему выписки, заявилъ ему, что у него имѣется списокъ «Демона». Списокъ этотъ былъ потребованъ, и на вопросъ: «откуда вы его получили?»—писарь отвѣтилъ: «отъ свояка; онъ переписывалъ его офицеру». Когда, какому офицеру, при какихъ обстоятельствахъ переписывался списокъ,—вопросы оказались праздными и къ дѣлу не идущими: г. Висковатовъ удовлетворился вышеприведеннымъ отвѣтомъ писаря и пріобрѣлъ списокъ[1]). По разсмотрѣніи же этого списка дома, онъ оказался текстомъ послѣдняго исправленія поэмы. Строфы списка, по словамъ счастливаго его обладателя, были сильно измѣнены, исправлены, перестановлены, но поправки и помарки въ немъ сдѣланы рукой поэта карандашемъ. Правда,—оговаривается онъ,—что карандашъ отъ времени постерся, и поэтому трудно утверждать, что это писалъ самъ поэтъ, но сходство почерка не подлежитъ сомнѣнію. На этомъ сходствѣ почерка почтенный профессоръ основалъ свои увѣренія о достовѣрности списка. Главнѣйшимъ же доказательствомъ удостовѣренія служитъ у него тотъ аргументъ, что посвященіе поэмы В. А. Бахметевой, найденное въ бумагахъ покойной А. М. Верещагиной, писано такимъ же почеркомъ, какъ и списокъ. Понятно, что подобныя удостовѣренія весьма слабы и не выдерживаютъ малѣйшей критики, такъ какъ понятіе о сходствѣ почерковъ можетъ быть весьма растяжимо: то, что г. Висковатову кажется написаннымъ рукой поэта, другому можетъ показаться написаннымъ рукой г. Висковатова, а третьему — рукой писаря. Но почтенному профессору до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ не хочетъ даже знать, что въ настоящее время существуетъ много научныхъ способовъ для опредѣленія подлинности почерковъ, какъ, напримѣръ, анализъ при помощи фотографированія, и полагается только на свою компетентность. Высказанныя ему сомнѣнія въ достовѣрности списка и сдѣланныя указанія на помѣты, что онѣ производятъ впечатлѣніе совсѣмъ свѣжее, — его не смутили: онъ рѣшилъ, что списокъ этотъ есть брульонъ послѣдней обработки поэмы, сдѣланной поэтомъ въ 1840 или 1841 году,—такъ оно и быть должно!...

Но рѣшить—не значитъ еще убѣдить. Для того, чтобы придать списку нѣкоторую вѣроятность въ принадлежности великому поэту, помимо сходства почерка, и заставить вѣрить, что это не простая и грубая самодѣльщина, состряпанная отчасти изъ стишковъ первыхъ отроческихъ очерковъ «Демона», отброшенныхъ потомъ по-

---

[1]) Г. Висковатовъ не указалъ ни учрежденія, гдѣ онъ работалъ, ни имени и фамиліи писаря, отъ котораго онъ получилъ списокъ, такъ что провѣрить сдѣланное имъ заявленіе невозможно.

этомъ, отчасти изъ деревянныхъ подриемованныхъ строчекъ самой прозаической «отсебятины», но что-то необыкновенно пикантное,— нужно было: вопервыхъ, дискредитировать подлинную рукопись поэта, а вовторыхъ, навязать поэмѣ чуждую ей идею. И все это продѣлано г. Висковатовымъ, въ упомянутой выше статьѣ, съ изумительной развязностью и беззастѣнчивостью.

Дискредитированіе подлинной рукописи поэта произведено отчасти посредствомъ отрицанія, отчасти посредствомъ разсмотрѣнія обстоятельствъ, къ числу доказательствъ не относящихся. Г. Висковатовъ заявилъ, что Лермонтовъ работалъ надъ поэмой всю свою жизнь, но рукопись ея въ окончательной обработкѣ не была въ рукахъ издателей. Распространенная въ разныхъ спискахъ поэма, по его словамъ, спаивалась по произволу переписчиковъ изъ набросковъ разныхъ годовъ, и все, что въ изданіяхъ подносилось публикѣ подъ видомъ поэмы въ окончательной формѣ, печаталось со списковъ, не только не писанныхъ рукою поэта, но даже не исправленныхъ имъ. Указавъ на Глазуновскія изданія, онъ умолчалъ, что они перепечатаны съ подлинной рукописи поэта, изданной въ 1857 году за границей Философовымъ, и всю критику ихъ основалъ на датахъ, въ то время еще не изслѣдованныхъ, и отнесъ ихъ на основаніи оказавшихся на нихъ датъ къ разряду первоначальныхъ очерковъ или спаянныхъ изъ разныхъ списковъ. Пріемъ слишкомъ утрированный, и выводы бездоказательны и голословны, такъ какъ даты въ данномъ случаѣ не имѣютъ того значенія, которое имъ придано г. Висковатовымъ, спайка списковъ относится до списковъ, находившихся въ рукахъ частныхъ лицъ, но не издателей; а сдѣланное П. А. Ефремовымъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ исправленіе текста (совершенно незначительное) по Обуховскому списку не можетъ быть названо спайкой, такъ какъ оно касалось болѣе орѳографическихъ и стилистическихъ исправленій. Что же касается подлинной рукописи поэта, напечатанной въ 1857 году въ Карлсруэ и сдѣлавшейся краеугольнымъ камнемъ всѣхъ русскихъ полныхъ изданій поэмы, то о ней почтенный профессоръ не счелъ нужнымъ распространяться; онъ ограничился только ироническими замѣчаніями по поводу сдѣланной на ней издателемъ надписи: «переписана съ первой своеручной рукописи, съ означеніемъ сдѣланныхъ въ оной перемарокъ, исправленій и измѣненій». Все, что онъ счелъ нужнымъ сказать объ этой праматери изданій поэмы, заключалось въ слѣдующемъ: «замѣтка эта показываетъ, что издатель плохо зналъ, какъ Лермонтовъ трудился надъ «Демономъ» и что первая рукопись 1829 или 1830 года имѣла совершенно иной видъ». «Самое курьезное то, — восклицаетъ онъ съ подчеркиваніемъ даты,— что рукопись помѣчена: 13-го сентября 1841 года. Лермонтовъ же скончался 15-го августа 1841 года, итакъ рукопись была имъ разсмотрѣна и испра-

влена черезъ мѣсяцъ послѣ кончины!»... Но это явная передержка. Въ надписи на изданіи говорилось: «съ первой своеручной рукописи», а не съ перваго очерка поэмы, находящагося въ школьныхъ тетрадяхъ поэта и рукописи никогда не составлявшаго. Доказательствомъ чему можетъ служить текстъ рукописи, при первомъ взглядѣ на который легко убѣдиться, что между этимъ текстомъ и первымъ очеркомъ поэмы ничего общаго не имѣется. Первою рукописью поэма названа издателемъ потому, что послѣ смерти Лермонтова осталось двѣ рукописи за его подписью: одна—собственноручная, которой дано названіе первая, а другая—каллиграфически переписанная для высокихъ особъ и называвшаяся второю. Помѣта же «13-е сентября 1841 года» не означала времени разсмотрѣнія поэмы авторомъ, но опредѣляла время передачи ея владѣльцемъ рукописи послѣ смерти поэта. Все это было очень хорошо извѣстно П. А. Висковатову, такъ какъ онъ неоднократно бесѣдовалъ о жизни и твореніяхъ поэта и съ Д. А. Столыпинымъ, и А. П. Шанъ-Гиреемъ, но имъ игнорировано съ извѣстной цѣлію. Чтобы протестовать противъ подобнаго біографическаго самоуправства, Д. А. Столыпинъ на одномъ изъ экземпляровъ изданія поэмы «Демонъ» въ Карлсруэ въ 1857 году, находящемся на храненіи въ Лермонтовскомъ музеѣ, сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись: «рукопись эта, переданная мнѣ А. П. Шанъ-Гиреемъ, написана рукой Лермонтова, въ чемъ можно удостовѣриться по статьѣ Акима Павловича, помѣщенной въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» за августъ мѣсяцъ 1890 года. Рукопись эту попросилъ у меня генералъ-адъютантъ Алексѣй Илларіоновичъ Философовъ, по женѣ Аннѣ Григорьевнѣ, рожденной Столыпиной, приходившійся родственникомъ Лермонтову, и напечаталъ ее въ Карлсруэ».

Идея, вложенная въ Висковатовскій списокъ «Демона», или точнѣе сказать «Лжедемона», заключается въ томъ, что безстрастный духъ зла, увидѣвъ Тамару, ощутилъ любовь, когда-то родное ему чувство, но мысль объ обладаніи красавицей-грузинкой является ему связанною не съ желаніемъ сдѣлать зло, а съ желаніемъ переродиться и, подъ ея эгидой, вернуться къ добру. Тамара, знавшая съ дѣтства легенду, что непорочная дѣва, если полюбитъ дьявола, можетъ возвратить его небу, слушаетъ его рѣчи, какъ нѣчто давно желанное, вѣритъ его клятвамъ и, увлекаясь мечтой добра и блага, не можетъ противостоять ему. Самъ ангелъ хранитель ея, зная о древнемъ преданіи, удаляется, уступая мѣсто не злому духу, а падшему своему собрату.

Въ первоначальныхъ юношескихъ очеркахъ «Демона» Лермонтовъ останавливался на этой мысли, но когда талантъ поэта созрѣлъ окончательно, онъ отказался отъ нея, и въ послѣднихъ очеркахъ «Демонъ» является у него чистокровнымъ княземъ тьмы во

всемъ величіи злобы и ненависти. Но ловкій фабрикантъ «Лжедемона» изъ всего извлекаетъ пользу... Онъ ухватывается за брошенную идейку, кромсаетъ поэму, выбрасываетъ изъ нея стихи и даже цѣлыя строфы, не соотвѣтствующіе идейкѣ, и замѣняетъ ихъ отчасти стихами поэта изъ первоначальныхъ очерковъ, отчасти собственной импровизаціей. Конечно, все это выходитъ мизерно, нелѣпо и каррикатурно, но цѣль достигнута: передъ нами новый текстъ, и честь его открытія принадлежитъ г. Висковатову!..

Для большей наглядности приведемъ двѣ-три выписки изъ строфъ поэмы, подвергшихся измѣненію.

Текстъ подлинной рукописи поэта.

Строфа VIII части II.

Спознались съ гордою душой.
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ, смотритъ: передъ нимъ
Посланникъ рая—херувимъ.
Хранитель *грѣшницы* прекрасной
Стоитъ съ блистающимъ челомъ
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ.

Строфа IX.

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
«Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
«Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
«Зло не дышало здѣсь понынѣ!
«Къ моей любви, къ моей святынѣ
«Не пролагай преступный слѣдъ!
«*Кто звалъ тебя?*»
Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся,
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«*Она—моя!—сказалъ онъ грозно:—*
«Оставь ее! она—моя!
«*Явился ты защитникъ поздно*
«И ей, какъ мнѣ, *ты не* судья.
«*На сердце, полное гордыни,*
«*Я наложилъ печать мою;*
«Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни.
Здѣсь я владѣю, я люблю!»

Текстъ Висковатовскаго списка.

Строфа VII.

Спознались съ гордою душой.
Минуя образъ озаренный,
Проникнулъ въ келію смущенный
Духъ отверженія и зла,
И сталъ недвижимъ у порога
И, чуя вѣяніе Бога,
Не смѣя приподнять чела,
На грудь склонился головою,
Томимъ невѣдомой тоскою.

Строфа VIII.

Но взоръ онъ поднялъ—ангелъ нѣжный
Въ одеждѣ легкой бѣлоснѣжной
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
Хранитель *схимницы* прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они невинны, чисты оба!
Онъ смотритъ—ненависть и злоба
Мгновенно пробудили страсть:
Исчезнулъ ясный рой мечтаній,
Вѣка вражды, вѣка страданій
Надъ нимъ свою явили власть.

ХЕРУВИМЪ.

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
«Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
«Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
«Зло не дышало здѣсь понынѣ!
«Къ моей любви, къ моей святынѣ
«Не пролагай преступный слѣдъ!»

ДЕМОНЪ.

«Оставь ее! *Межъ ней и мною*
«*Не становись*: она—моя!

И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эфирѣ неба потонулъ.

Строфа X.

ТАМАРА.

«О, кто ты! рѣчь твоя опасна!»

. . . .

«Мы связаны судьбой одною,
«И ей, какъ мнѣ, *не ты* судья.
«Подъ чарой ясной благостыни
«Я счастье лучшихъ дней ловлю!
«Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни:
«Здѣсь я владѣю, я люблю!
«Рѣшило небо нашу встрѣчу,
«Любовь и торжество мое...
«Не ты предъ Богомъ, я отвѣчу
«И за себя, и за нее».

Строфа IX.

Тамара гордой рѣчи внемлетъ,
Чудесный страхъ ее объемлетъ;
Онъ передъ схимницей стоитъ:
Знакомой блещетъ красотою
И утихающей грозою
Взоръ отуманенный блеститъ.

ТАМАРА.

«О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!»

. . . .

Далѣе:

«Увы, я самъ не узнавалъ.
«И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
«Помчался... Но куда? Зачѣмъ?—
«Не знаю. Прежними друзьями
«Я былъ отвергнутъ, какъ Эдемъ,
«Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
«По вольной прихоти теченья
«Такъ поврежденная ладья
«Безъ парусовъ и безъ руля
«Плыветъ, не зная назначенья.
«Такъ ранней утренней порой
«Отрывокъ тучи громовой,
«Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
«Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
«Летитъ безъ цѣли и слѣда,
«Богъ вѣсть, откуда и куда.
«И я людьми не долго правилъ,
«Грѣху не долго ихъ училъ,
«Все благородное безславилъ
«И все прекрасное хулилъ
«Недолго... Пламень чистой вѣры
«Легко на вѣкъ я залилъ въ нихъ...
«И стоили-ль трудовъ моихъ
«Одни глупцы да лицемѣры!..

Далѣе:

«Увы, я самъ не узнавалъ,
«Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ

. . . .

«И скрылся я въ ущельяхъ горъ,
«И сталъ бродить, какъ метеоръ,
«Во мракѣ полночи глубокой...
«И мчался путникъ одинокій,
«Обманутъ близкимъ огонькомъ,
«И, въ бездну падая съ конемъ,
«Напрасно звалъ, и слѣдъ кровавый
«За нимъ вился на крутизнѣ...
«Но злобы мрачныя забавы
«Не долго нравилися мнѣ.
«Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ»
. . . .

Затѣмъ:

Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей.

Тамара.

«Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
«Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
«Ты согрѣшилъ...

Демонъ.

Противъ тебя ли?

Тамара.

«Насъ могутъ слышать.

Демонъ.

Мы одни.

Тамара.

«А Богъ?

Демонъ.

На насъ не кинетъ взгляда:
«Онъ занятъ небомъ, не землей!

Тамара.

«А наказанье? Муки ада?

Демонъ.

«Такъ что-жъ? Ты будешь тамъ со мной»

Тамара.

«Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ случайный»
. . . .

Затѣмъ:

Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей.

Тамара.

«Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ случайный»
. . . .

Провѣривъ по источникамъ, мы увидимъ, что напечатанныя курсивомъ въ Висковатовскомъ спискѣ строки взяты въ строфѣ VII: первыя двѣ—изъ очерка 1831 года, 3, 4 и 6-я—изъ очерка 1833 года, 5, 7 и 8—импровизація; въ строфѣ VIII: строки 1, 2 и 7-я—изъ очерка 1830 года, 11-я — изъ очерка 1829 года, остальныя—

импровизація; въ строфѣ IX: всѣ шесть строкъ — импровизація. Исключеніе же изъ подлиннаго текста строкъ, напечатанныхъ курсивомъ, сдѣлано въ видахъ несоотвѣтствія ихъ съ предвзятой идеей. То же нужно сказать и о діалогѣ Демона съ Тамарой: самъ Лермонтовъ, написавшій его еще въ очеркѣ 1830—1831 годовъ, никогда не исключалъ его изъ поэмы впослѣдствіи. Если же діалогъ этотъ опущенъ въ корректурныхъ листахъ и спискѣ Краевскаго, то это сдѣлано по цензурнымъ условіямъ того времени. Г. Висковатовъ восхищается мозаичной отдѣлкой своего списка и рекомендуетъ читателю прослѣдить, какъ работалъ поэтъ. Но почтенный профессоръ или не изучилъ вполнѣ творчества поэта, или просто путается. Лермонтовъ не былъ стихокропателемъ и никогда не возвращался на отбросы, съ цѣлью выудить въ нихъ подходящій стишокъ для замѣны неудовлетворявшаго его. Ему многое изъ написаннаго имъ не нравилось, многое онъ передѣлывалъ, переставлялъ изъ одной пьесы въ другую; но, какъ истинный поэтъ, вмѣсто неудовлетворявшихъ его строфъ писалъ новыя. Для примѣра привожу XVI строфу II части «Демона». Первоначально она начиналась стихомъ: «Едва послѣдній стихъ прочли надъ прахомъ дочери Гудала», ее смѣнила строфа, имѣвшая вначалѣ: «Едва на жесткую постель Тамару съ пѣньемъ опустили», а сію послѣднюю замѣнила строфа, начинающаяся стихами: «Въ пространствѣ синяго эфира одинъ изъ ангеловъ святыхъ летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ». Вотъ какъ работалъ поэтъ! — воскликну я въ свою очередь и порекомендую г. Висковатову принять это во вниманіе. А то онъ въ своей статьѣ говоритъ, что Лермонтовъ не допускалъ нанизыванья одного варіанта на другой, какъ это будто бы дѣлали издатели, компиляторы разныхъ списковъ «Демона», и не видитъ, что въ его спискѣ «Лжедемона» изъ приведенныхъ выше отброшенныхъ поэтомъ двухъ первыхъ варіантовъ строфы XVI части II «Демона» находится начало одного и конецъ другаго, что̀ вмѣстѣ составило строфу XV, сущность которой изъ подлинной рукописи поэтомъ исключена.

Я не вхожу въ разсмотрѣніе литературнаго значенія достоинствъ Висковатовскаго списка, такъ какъ это было уже сдѣлано другими болѣе меня компетентными знатоками литературы, какъ, напримѣръ, А. С. Суворинымъ въ фельетонахъ «Новаго Времени»; я разсматриваю его только въ отношеніи права существованія, идеи и строенія. Шаткость права существованія списка, какъ его понимаетъ г. Висковатовъ, совершенно ясна. Строеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Что же касается идеи, то для доказательства ея ложности и ничтожности я сопоставлю образы: «Демона», созданнаго поэтомъ, и найденыша «Лжедемона», представленнаго намъ г. Висковатовымъ.

Идеалъ «Демона», по опредѣленію С. С. Дудышкина, заимство-

ванъ поэтомъ у Байрона. Описаніе Люцифера у Байрона и Демона у Лермонтова сходно до мелочей, точно такъ, какъ Люциферъ Байрона—двойникъ Сатаны Мильтона. На Люцифера нельзя смотрѣть безъ удовольствія, смѣшаннаго со страхомъ, его нельзя убѣгать, въ его взглядѣ есть какая-то неодолимая притягаемость, онъ ужасаетъ и прельщаетъ въ одно и то же время. Онъ похожъ на прозрачную ночь съ безчисленными звѣздами, и звѣзды эти влекутъ къ себѣ незамѣтно, онѣ не ослѣпляютъ, но на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глазами, полными слезъ. Таковъ и Люциферъ. Она всегда кажется несчастливымъ. Для его дѣйствій не существуетъ времени: онъ можетъ вѣчность вмѣстить въ одинъ часъ и часъ сдѣлать вѣчностью. «Для меня лишь существуетъ полное знаніе»,—говоритъ онъ гордо.

Чтобы понять вполнѣ Люцифера, этотъ прототипъ Демона, приведу небольшой діалогъ изъ «Каина».

Каинъ. Духъ гордый, ты говоришь дерзко. И надъ тобой, какъ ни величественъ ты кажешься, есть власть.

Люциферъ. Нѣтъ! Клянусь небомъ, гдѣ царствуетъ начало добра, бездной и неизмѣримостью міровъ и жизни, гдѣ мы дѣлимъ власть съ нимъ,—нѣтъ! У меня есть побѣдитель, правда, но нѣтъ высшаго надо мной. Ему поклоняются всѣ, но не я. Я до сихъ поръ сражаюсь съ нимъ, какъ сражался въ небесахъ. Впродолженіе всей вѣчности, въ непроницаемыхъ безднахъ смерти, въ безграничныхъ царствахъ пространства, въ безконечности вѣковъ—все, все я буду оспаривать у него. Міръ за міромъ, звѣзда за звѣздой, вселенная за вселенной, будутъ колебаться въ своемъ равновѣсіи до тѣхъ поръ, пока эта борьба не прекратится, что только послѣдуетъ, когда одинъ изъ насъ погибнетъ. А кто можетъ уничтожить наше безсмертіе или нашу непримиримую ненависть?

Вотъ принципъ и духъ, положенные въ основу характера и дѣйствій Демона нашимъ геніальнымъ поэтомъ. Теперь посмотримъ: какъ опредѣляетъ г. Висковатовъ своего горемыку-найденыша?

По его словамъ, Лжедемонъ отнюдь не является Сатаною, то-есть владыкой и повелителемъ тьмы и зла, но только его служителемъ или спутникомъ, и въ подтвержденіе сказаннаго имъ приводитъ два стишка изъ перваго очерка «Демона» 1830—1831 годовъ. Стишки эти впослѣдствіи, когда міровоззрѣніе поэта измѣнилось, имъ были выброшены и, слѣдовательно, никакого значенія не имѣютъ. Но почтенный профессоръ этимъ не стѣсняется. По его опредѣленію, мы должны видѣть въ Лжедемонѣ не вождя нечистыхъ силъ, а мелкаго бѣса изъ разряда, вѣроятно, тѣхъ, которые, по народному воззрѣнію, крутятся передъ заутреней. Сообразно такому опредѣленію, отъ него отнято величіе, сила и значеніе, которыми Демонъ удивляетъ и поражаетъ насъ въ

безсмертномъ произведеніи поэта. Ему приданы неестественныя для злаго духа качества и унизительныя свойства духа. Его распущенность и легкомысліе граничатъ съ забвеніемъ адскихъ принциповъ и пренебреженіемъ сатанинской воли. Онъ сознаетъ возможность примиренія съ небомъ и готовъ совершить уже сдѣлку, забывая, что при первомъ появленіи у него не было въ головѣ такой мысли. Владыка преисподней расправился бы съ нимъ по-свойски, бросилъ бы его лѣтъ тысячъ на сто, ну, хоть за полюсы, и заставилъ бы тамъ все это время слушать Висковатовскія сказки.

Нелѣпость подобнаго типа сама собой дѣлается очевидной даже съ точки зрѣнія Висковатовской фабулы. Дальнѣйшее сопоставленіе образовъ Демона и мелкаго бѣса-клоуна едва ли нужно: значеніе представленнаго г. Висковатовымъ Лжедемона выяснилось и опредѣлилось на столько, что всякіе дальнѣйшіе комментаріи становятся излишними.

Взаключеніе позволяю себѣ привести отзывъ о Демонѣ самого Лермонтова, слышанный отъ генерала барона Е. И. фонъ-Майделя и переданный мнѣ бывшимъ его сослуживцемъ, капитаномъ Кириловымъ. Въ 1840 году, на одной изъ стоянокъ отряда, во время экспедиціи, на бивакахъ, Лермонтовъ, по просьбѣ генерала Голофѣева, прочелъ въ кружкѣ офицеровъ нѣсколько отрывковъ изъ поэмы «Демонъ». Когда окончилось чтеніе, генералъ подошелъ къ поэту и задалъ ему вопросъ:

— А скажите, Лермонтовъ, ужъ не крещенъ ли вашъ Демонъ, что онъ такъ панибратствуетъ съ монахинями?

— Такъ точно, ваше превосходительство, вы изволили угадать: мой Демонъ былъ крещенъ архангельской нагайкой.

Отвѣтъ этотъ вызвалъ дружный взрывъ смѣха, а я выведу изъ него заключеніе, что крещеному архангельской нагайкой Демону едва ли придетъ въ голову мысль о примиреніи съ небомъ.

II.

Вопросъ о причинахъ дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ вновь поднятъ княземъ Д. Д. Оболенскимъ и ждетъ окончательнаго разрѣшенія.

Въ № 5754 «Новаго Времени» мой почтенный оппонентъ заявилъ, что всѣ разсказы о причинахъ сказанной дуэли не точны, такъ какъ изслѣдователи ходятъ «около», но никто еще не узналъ и не высказалъ дѣйствительной причины. За симъ онъ передалъ слышанный имъ въ юности, въ домѣ дяди своего А. И. Бибикова, друга и школьнаго товарища поэта, пикантный разсказъ о томъ, что сестры Мартынова, въ особенности Наталья Соломоновна, были неравнодушны къ поэту, и что Лермонтовъ былъ также влюбленъ

въ нее или прикидывался влюбленнымъ. Послѣднее, по словамъ повѣствователя, было вѣрнѣе, такъ какъ Лермонтовъ, уѣзжая на Кавказъ, пріѣзжалъ съ Мартыновымъ прощаться и, просидѣвъ долго у Натальи Соломоновны, сталъ откланиваться. Барышня его провожала до лѣстницы прихожей. Оба, казалось, были взволнованы, вдругъ Лермонтовъ на лѣстницѣ повернулся, громко засмѣявшись въ лице Натальѣ Соломоновнѣ, и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи провожавшую его барышню. Что было причиною этой выходки, осталось ихъ тайною. Но это присказка. Самая же сказка состоитъ въ томъ, что уѣзжавшему на Кавказъ Лермонтову сестры Мартыновы дали для передачи брату ихъ Николаю Соломоновичу Мартынову пакетъ, въ коемъ находились дневники Натальи Соломоновны и ея сестры. Въ тотъ же пакетъ было вложено 300 рублей бумажками, о коихъ Лермонтовъ ничего не зналъ. Дорогою онъ будто бы распечаталъ ввѣренный ему пакетъ и прочелъ его. Но найдя въ пакетѣ деньги, онъ поставленъ былъ въ неловкое положеніе и вывернуться не сумѣлъ. По пріѣздѣ въ Пятигорскъ, онъ заявилъ Мартынову, что везъ ему отъ сестеръ пакетъ съ письмами и деньгами, но дорогою чемоданъ, въ которомъ находилось все это, украденъ. Почему и просилъ его принять отъ него 300 рублей, взамѣнъ пропавшихъ по его оплошности. Мартыновъ будто бы долго не соглашался, но, наконецъ, принялъ деньги. Сестры же Николая Соломоновича, по прошествіи нѣкотораго времени, спросили его: получилъ ли онъ ихъ посылку? Мартыновъ отвѣтилъ, что деньги 300 рублей получилъ, а пакетъ дорогою украденъ. Тогда Наталья Соломоновна написала брату, что какимъ же это образомъ Лермонтовъ отдалъ 300 рублей, когда онъ и не могъ знать о существованіи ихъ въ запечатанномъ конвертѣ? «Вотъ истинная причина серьезнаго столкновенія Мартынова съ Лермонтовымъ; ссора же у Верзилиныхъ была только предлогомъ къ дуэли, уже ранѣе рѣшенной», — завершилъ князь Оболенскій разсказъ свой авторитетно.

На это, въ № 5773 «Новаго Времени», я отвѣчалъ, что обстоятельство, сообщенное княземъ Оболенскимъ, какъ нѣчто новое, извѣстно изслѣдователямъ жизни Михаила Юрьевича изъ сообщеній, сдѣланныхъ въ разное время, со словъ Н. С. Мартынова, его пріятелями и напечатанныхъ въ журналахъ «Нива» 1885 г., № 20, «Русская Старина» 1885 г., № 9, «Русскій Архивъ» 1887 г., № 1, и вошедшихъ въ біографію поэта, составленную П. А. Висковатовымъ. Но всѣ сіи сообщенія были разнорѣчивы: въ одномъ говорилось, что пакетъ съ дневниками и деньгами послала Мартынову сестра, въ другомъ—отецъ его; тотъ заявлялъ, что денегъ послано 300 рублей, этотъ—500 рублей; одинъ опредѣлялъ мѣсто отправленія—Петербургъ, для врученія Мартынову въ Пятигорскѣ, другой—Пятигорскъ, гдѣ будто бы жили сестры Мартынова, для

врученія адресату въ экспедиціи. Поэтому сказанныя заявленія всѣми серьезными лермонтистами и были отвергнуты, какъ не имѣющія основанія.

Въ виду же возникновенія вновь подобныхъ безпочвенныхъ разсказовъ съ приданіемъ имъ романической окраски, пришлось снова провѣрить заявленное, и вотъ къ какимъ соображеніямъ привела провѣрка. По матеріаламъ, собраннымъ для жизнеописанія поэта, извѣстно, что въ послѣдній пріѣздъ свой съ Кавказа онъ посѣщалъ дома княгини М. А. Щербатовой, графини Э. К. Мусиной-Пушкиной, графини А. К. Воронцовой-Дашковой, графини Е. Р. Ростопчиной, графини С. М. Соллогубъ, М. П. Соломирской, А. О. Смирновой, А. Г. Хомутовой, С. Н. Карамзиной и другихъ великосвѣтскихъ дамъ, но о посѣщеніи имъ дома Мартыновыхъ ничего не упоминается. Сердечныя увлеченія поэта тоже всѣ извѣстны, но объ его ухаживаніи за Натальей Соломоновной тоже никто ничего не слышалъ: это, вѣроятно, было только pia desideria заинтересованной поэтомъ дѣвицы, облекшееся въ воображеніи только на склонѣ лѣтъ въ форму желаннаго факта. Знакомство съ Мартыновыми относится къ ранней юности поэта, чему могутъ служить доказательствомъ стихи, написанные Лермонтовымъ Мартыновой въ 1830 году (Собр. сочин. поэта, т. I, стр. 54). Но стихи эти ничего не говорятъ о нѣжныхъ чувствахъ, они констатируютъ только умъ дѣвицы. Съ 1830 до 1841 года прошло 11 лѣтъ, и Натальѣ Соломоновнѣ въ послѣдній пріѣздъ поэта съ Кавказа, вѣроятно, уже было лѣтъ подъ тридцать, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если допустить дѣйствительность прощальнаго визита, что Лермонтовъ, по свойственной ему живости характера, разсмѣялся, услыша какія либо сантиментальныя изліянія перезрѣлой дѣвы. Но самая дѣйствительность визита немыслима потому, что Лермонтовъ, получивъ предписаніе выѣхать изъ Петербурга къ полку въ 24 часа, не имѣлъ возможности быть, а тѣмъ болѣе «сидѣть долго» у почтенной дѣвицы, когда ему нужно было заняться болѣе серьезными дѣлами.

Относительно достовѣрности посылки пакета съ дневниками и деньгами 300 рублей являлось сомнѣніе по слѣдующимъ соображеніямъ: Лермонтовъ, получивъ предписаніе отправиться къ полку, квартировавшему въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, не могъ взять никакой посылки для передачи Мартынову, который находился уже въ отставкѣ и въ Шурѣ не жилъ. Онъ встрѣтился съ нимъ совершенно случайно въ Пятигорскѣ, куда онъ отправился по болѣзни съ дороги изъ Ставрополя. Доказательствомъ этому можетъ служить помѣщенный въ біографіи поэта разсказъ Магденко, гдѣ говорится, что Лермонтовъ, по пріѣздѣ въ Пятигорскъ, придя въ номеръ Магденки, сказалъ Столыпину, потирая отъ удовольствія руки: «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь, я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ».

Тоже замѣчено и относительно обнаруженія распечатанія Лермонтовымъ пакета. Для того, чтобы Н. С. Мартынова могла получить отъ брата отвѣтъ, получилъ ли онъ дневники и деньги, и сообщить ему удивленіе по поводу пропажи пакета и пр., при существовавшей въ сороковыхъ годахъ медленности почтовыхъ сообщеній съ Кавказомъ, нужно, по крайней мѣрѣ, два-три мѣсяца, а Лермонтовъ находился въ Пятигорскѣ съ 23-го мая по день смерти— по 15-е іюля, всего только 53 дня.

Князь Оболенскій возразилъ въ № 5783 «Новаго Времени», что онъ, за давностью, могъ ошибиться во времени, когда случай этотъ произошелъ, но факта отрицать нельзя, и за симъ сообщилъ, что, желая удостовѣриться въ справедливости имъ сообщеннаго, онъ отправился къ сыну Николая Соломоновича Мартынова, Виктору Николаевичу, который и предоставилъ въ его распоряженіе портфель своего покойнаго отца съ бумагами, письмами и другими документами, касающимися его дуэли съ Лермонтовымъ. По разсмотрѣніи бумагъ этихъ, онъ нашелъ подтвержденіе своего разсказа о пропажѣ пакета (въ которомъ, оказывается, были письма не только сестеръ Мартыновыхъ,—о дневникахъ уже нѣтъ рѣчи,—но и матушки ихъ) въ трехъ письмахъ, изъ коихъ два принадлежатъ матери Николая Соломоновича и одно ему самому. Выпуская то, что не относится до дѣла, нашъ почтенный оппонентъ приводитъ слѣдующія выписки: а) изъ писемъ матери. Изъ перваго: «Lermontoff est presque tous les jours chez nous. Je ne l'aime pas trop, je l'avoue, il a une langue bien méchante et malgré toute l'amitié qu'il proteste pour tes soeures je suis sure qu'à la premiere occasion il ne les epargnera pas non plus; ces dames se plaisent beaucoup dans sa societé! Grâce à Dieu, il part bientôt, ses visites ne sont jamais agreables» [1]); изъ втораго: «Comme nous sommes tous desolés que nos lettres écrites par Lermontoff ne te sont point parvenues, il t'a epargné l'ouvrage de les lire, car reelement tu en aurais assez; tes soeurs ont passés toute une journée à les écrire; je crois avoir dit при сей вѣрной оказіи depuis cet accident je fais voeu de ne jamais écrire que par poste, du moins on est sur de n'avoir pas été lue» [2]); и б) изъ письма Николая Соломоновича: «300 рублей, которые вы мнѣ

---

[1]) Лермонтовъ почти каждый день у насъ; я не особенно люблю его, признаться; у него языкъ очень злой, и не смотря на дружбу, которую онъ проповѣдуетъ къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что, при первой оказіи, онъ ихъ также не пощадитъ. Нашимъ дамамъ очень нравится его общество! Слава Богу, онъ скоро уѣзжаетъ; его визиты всегда не пріятны.

[2]) Какъ мы всѣ огорчены, что наши письма, писанныя съ Лермонтовымъ, до тебя не дошли; онъ избавилъ тебя отъ работы ихъ читать, потому что въ самомъ дѣлѣ тебѣ надолго бы хватило: твои сестры писали тебѣ втеченіе цѣлаго дня. Я, кажется, сказала: при сей вѣрной оказіи, но послѣ этого случая я дала слово не писать иначе, какъ почтою; по крайней мѣрѣ, можно быть увѣренной, что не прочли васъ.

послали черезъ Лермонтова, получилъ; но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ письмѣ, также пропали, но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои! Если вы помните содержаніе вашего письма, сдѣлайте одолженіе, повторите; также и сестеръ попросите отъ меня! Деньги я промоталъ»...

Даемъ мѣсто настоящей перепискѣ, чтобы выяснить возбужденный княземъ Д. Д. Оболенскимъ вопросъ и, засимъ, сдать его въ архивъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставлять его въ состояніи вѣчно лежащаго на памяти поэта подозрѣнія въ совершеніи поступка, противнаго чести и, по желанію Мартыновцевъ, всплывающаго время отъ времени въ печати, съ цѣлью дискредитированія фактовъ, удостовѣренныхъ полувѣковыми изслѣдованіями, и маскированія дѣйствительныхъ причинъ дуэли поэта съ Н. С. Мартыновымъ.

Въ Москвѣ живутъ еще нѣсколько лицъ, знавшихъ Лермонтова и Мартынова, или слышавшихъ о разсказанномъ случаѣ, и я рѣшился въ личныхъ бесѣдахъ съ ними добыть нить для выясненія истины.

Первымъ долгомъ я счелъ посѣтить почтеннаго редактора-издателя «Русскаго Архива», Петра Ивановича Бартенева, друга и почитателя Н. С. Мартынова, со словъ котораго онъ сдѣлалъ лично отъ себя примѣчаніе о посылкѣ съ Лермонтовымъ пакета съ деньгами подъ статьей Костенецкаго, напечатанной въ № 1 его журнала за 1887 годъ. Въ виду поставленнаго княземъ Оболенскимъ, прямо въ упоръ, заявленія, что дѣйствительной причиной дуэли была непередача Лермонтовымъ Мартынову писемъ его сестеръ, а не столкновеніе изъ-за Эмиліи Клингенбергъ и злыхъ шутокъ, которыя были, будто бы, лишь только предлогомъ для вызова на дуэль, я попросилъ Петра Ивановича объяснить: не помнитъ ли онъ, по разсказу Н. С. Мартынова, времени отправленія съ Лермонтовымъ посылки съ письмами и деньгами отъ сестеръ его? На что онъ съ величайшей любезностью отвѣчалъ, что пакетъ былъ посланъ не въ послѣдній отъѣздъ поэта на Кавказъ въ 1841 году, и даже не въ 1840 году, а ранѣе, и чуть ли, на сколько онъ припомнитъ, не во время первой ссылки поэта на Кавказъ въ 1837 году. На дальнѣйшіе разспросы онъ отвѣчалъ, что Николай Соломоновичъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, добрый, честный и богобоязненный (онъ служилъ въ Москвѣ по выборамъ и былъ мировымъ судьей). Смерть Лермонтова онъ оплакивалъ, какъ величайшее несчастіе, ежегодно постился въ годовщину дуэли и весь день посвящалъ скорбной сердечной молитвѣ. Онъ былъ друженъ съ Лермонтовымъ до послѣдняго столкновенія; никогда и никому никакихъ жалобъ на него не заявлялъ, уважалъ въ немъ умъ, силу воли и мужественный характеръ. Будучи самъ поэтомъ (Мар-

тыновъ писалъ стихи, которые публикѣ остались неизвѣстными), онъ восхищался твореніями Михаила Юрьевича, но отдавалъ преимущество его рисункамъ, злымъ и желчнымъ, но дышавшимъ жизнью и вдохновеніемъ. Въ доказательство искренности существовавшихъ между ними дружескихъ отношеній, Николай Соломоновичъ приводилъ тотъ фактъ, что Лермонтовъ не задолго до послѣдняго столкновенія пріѣзжалъ къ нему въ степь, гдѣ у него въ недальнемъ разстояніи отъ Пятигорска стоялъ шатеръ, въ родѣ калмыцкаго улуса, и провелъ тамъ цѣлый день, жалуясь на духоту окружающей ихъ на водахъ общественной атмосферы. Ни о какихъ отношеніяхъ поэта къ его сестрамъ не заявлялъ и о посланной съ нимъ посылкѣ разсказалъ Бартеневу какъ-то случайно, къ слову.

Разговоръ этотъ подвигнулъ меня посѣтить князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго и побесѣдовать съ нимъ о документахъ, переданныхъ ему сыномъ Н. С. Мартынова. Портфель съ сими документами составляетъ до сихъ поръ тайну. Послѣ смерти Николая Соломоновича о немъ писали въ «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1876 года, №№ 44 и 51), что онъ содержитъ дневникъ покойнаго и другіе документы, относящіеся до событій дуэли; но къ сокровищамъ этимъ, къ сожалѣнію, не были допущены ни жаждавшій съ ними ознакомиться редакторъ-издатель «Русской Старины» М. И. Семевскій, ни интересовавшійся ими, для извлеченія свѣдѣній, біографъ поэта П. А. Висковатовъ, который, какъ онъ самъ пишетъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 442), вынесъ изъ бесѣды съ родными Мартынова не совсѣмъ отрадныя чувства.

Князь Д. Д. Оболенскій очень любезно вошелъ со мной въ объясненія, но самыхъ документовъ не предъявилъ, отозвавшись, что портфеля съ бумагами при немъ нѣтъ. На предложенный ему вопросъ: не можетъ ли онъ сказать, когда именно писаны Н. С. Мартыновымъ и его матерью письма, изъ которыхъ онъ напечаталъ выдержки въ № 5783 «Новаго Времени»,—онъ отвѣчалъ, что письмо Мартынова помѣчено: 5-мъ числомъ октября, но безъ означенія года. На письмѣ же матери, служащемъ отвѣтомъ на него, имѣется дата 12-го ноября 1839 года. Первое послано изъ Пятигорска, второе изъ Москвы. Я возразилъ, что поэтъ въ 1839 году на Кавказѣ не былъ—ни на службѣ, ни въ отпуску, поэтому и переписки въ этомъ году происходить не могло. Всего же вѣроятнѣе, что дѣло происходило въ 1837 году, когда Лермонтовъ былъ первый разъ высланъ на Кавказъ, и находился въ Пятигорскѣ въ іюнѣ и октябрѣ мѣсяцахъ. Князь Оболенскій на это отвѣтилъ, что очень можетъ быть, что переписка дѣйствительно состоялась въ 1837 году, но дата сдѣлана такъ неразборчиво, что цифру года легко можно отнести и къ 1837 и къ 1839 годамъ. Отвѣтъ этотъ, если не прямо, то косвенно подтвердилъ сдѣланное мною предпо-

ложеніе, и я, удовлетворясь имъ, спросилъ любезнаго собесѣдника: не можетъ ли онъ сообщить мнѣ, какіе именно еще документы имѣются въ Мартыновскомъ портфелѣ, и нѣтъ ли въ числѣ ихъ какихъ либо новыхъ свѣдѣній о дуэли, или о другихъ событіяхъ изъ жизни поэта? Князь Оболенскій отвѣтилъ, что въ портфелѣ находится тетрадь воспоминаній Мартынова, начатая въ семидесятыхъ годахъ [1]), гдѣ онъ съ горечью описываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ жизни поэта, въ особенности изъ времени ихъ совмѣстнаго нахожденія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, рисующихъ не совсѣмъ въ благопріятномъ свѣтѣ его вліяніе на бывшихъ товарищей по воспитанію. Но воспоминанія эти съ концомъ тридцатыхъ годовъ обрываются, и о послѣднихъ отношеніяхъ его къ поэту и дуэли съ нимъ нѣтъ никакихъ записей. Есть еще въ портфелѣ нѣсколько писемъ отъ родныхъ и друзей, но въ нихъ, кромѣ трехъ вышеприведенныхъ выписокъ, ничего касающагося поэта не имѣется. Есть брульоны показаній Мартынова на судѣ, гдѣ, между прочимъ, есть выраженіе: «мой секундантъ Глѣбовъ» [2]). Есть письмо Глѣбова отъ имени секундантовъ, успокоивавшее Мартынова, что его интересы на судѣ будутъ поддержаны [3]), и есть какая-то статейка, изъ которой видно, что Л. В. Дубельтъ, бывшій начальникъ штаба корпуса жандармовъ, считалъ причиной дуэли одну изъ сестеръ Мартынова. Болѣе интереснаго ничего нѣтъ. Право пользоваться этими документами предоставлено князю Оболенскому, и онъ заявилъ, что намѣренъ воспользоваться ими и напечатать выдержки изъ нихъ въ одномъ изъ историческихъ журналовъ.

Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ (братъ секунданта поэта въ Барантовской дуэли А. А. Столыпина) далъ очень уклончивый отзывъ о Мартыновѣ. По его словамъ, онъ его зналъ вообще очень мало, встрѣчался съ нимъ, но близко никогда не сходился. Съ сестрами Мартынова Лермонтовъ былъ знакомъ въ Московскій періодъ его жизни, заѣзжалъ къ нимъ и послѣ, когда случалось быть въ бѣлокаменной, но объ ухаживаніи его за которой нибудь изъ нихъ, а тѣмъ болѣе о близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, ни отъ кого—ни отъ самого Лермонтова, который былъ съ нимъ друженъ, ни отъ кого другаго не слыхалъ. О казусѣ съ пакетомъ, при жизни Лермонтова, никакого разговора не было. Это, вѣроятно, была простая любезность, желаніе оказать услугу добрымъ знакомымъ, и если поэтъ ея не исполнилъ, то потому, что посылка до-

[1]) Послѣ появленія первой статьи моей о Лермонтовской дуэли во «Всемірномъ Трудѣ» (1870 г., № 10).

[2]) Въ подлинномъ военно-судномъ дѣлѣ, на сколько я помню, такихъ выраженій нѣтъ.

[3]) Это, вѣроятно, то письмо, которое было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 года, № 3.

рогой была украдена. Если онъ такъ заявилъ, то это, значитъ, такъ и было: онъ никогда не лгалъ, ложь была чужда ему [1]). Во всякомъ случаѣ, подобное обстоятельство причиной дуэли быть не могло: иначе она должна была состояться нѣсколькими годами раньше, то-есть въ то же время, когда Мартыновъ узналъ, что Лермонтовъ захватилъ письма его сестеръ. О кровавой развязкѣ дуэли Д. А. Столыпинъ только однажды бесѣдовалъ съ Н. С. Мартыновымъ, который откровенно сказалъ ему, что онъ отнесся къ поединку серьезно потому, что не хотѣлъ впослѣдствіи подвергаться насмѣшкамъ, которыми вообще осыпаютъ людей, дѣлающихъ дуэль предлогомъ съ безполезной тратѣ пыжей и гомерическимъ попойкамъ.

Отъ одного изъ отставныхъ офицеровъ, не пожелавшаго, впрочемъ, предавать имени своего гласности, я узналъ, что бывшій московскій полицеймейстеръ, генералъ-маіоръ Николай Ильичъ Огаревъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ когда-то, со словъ Н. С. Мартынова, разсказывалъ ему, что натолкнулъ Мартынова на мысль о дуэли изъ-за сестры одинъ изъ жандармскихъ офицеровъ, находившихся въ Пятигорскѣ въ 1841 году, во время производства слѣдствія по дѣлу о его дуэли съ Лермонтовымъ, который въ такомъ смыслѣ донесъ тогда о причинахъ дуэли генералу Дубельту. На судѣ этого Мартыновъ не показывалъ, но кому-то подъ хмѣлькомъ проговорился. Въ послѣднее же время своей жизни онъ сожалѣлъ, что подобный слухъ проникъ въ московское общество и циркулируетъ въ немъ. Относительно полученія отъ Лермонтова 300 рублей онъ говорилъ Огареву, что денегъ ему Лермонтовъ не навязывалъ, а только заявилъ о пропажѣ пакета. Когда же онъ сказалъ ему, основываясь на письмѣ сестры, что въ пакетѣ были деньги 300 рублей, Лермонтовъ переспросилъ его: сколько?.. 300 рублей?.. и на утвердительный кивокъ головою тотчасъ заплатилъ съ извиненіями о случившемся.

Наконецъ, и самый фактъ похищенія у Лермонтова чемодана съ вещами въ 1837 году не такъ фантастиченъ, какъ представляютъ его Мартыновцы. Изъ разсказа генерала барона Е. И. фонъ-Майделя видно, что Лермонтовъ, во время первой своей ссылки, пріѣхалъ въ Ставрополь совсѣмъ безъ вещей, которыя у него дорогой были украдены, и поэтому явился къ начальству не тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ, а когда мундиръ и другія вещи были приготовлены, за что онъ и получилъ выговоръ, такъ какъ въ штабѣ нашли, что онъ долженъ былъ явиться, въ чемъ прі-

---

[1]) О правдивости и высокой честности поэта свидѣтельствуетъ также и Боденштедтъ, который говоритъ слѣдующее: «вышедшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считались признаками хорошаго тона, поэтъ до послѣдняго вздоха оставался чуждъ всякой лжи и притворства».

ѣхалъ. Самъ Лермонтовъ упоминаетъ о пропажѣ у него вещей въ повѣсти «Тамань», гдѣ онъ имѣлъ квартиру у контрабандистовъ, которые его и обворовали [1]).

По соображеніи и обсужденіи всѣхъ сихъ сообщеній и бесѣдъ получаются слѣдующіе выводы.

1) Сдѣланное княземъ Д. Д. Оболенскимъ заявленіе, что причиною дуэли поэта съ Мартыновымъ было недоставленіе пакета съ письмами, не имѣетъ фактическихъ основаній, такъ какъ посылка сказаннаго пакета состоялась не въ 1841, а въ 1837 году, и если обстоятельство это было на столько серьезно, что требовало поединка, то дуэль должна была бы состояться тогда же, а не по прошествіи четырехъ лѣтъ.

2) Инцидентъ съ пакетомъ раздутъ и преувеличенъ, какъ всякій слухъ, ходящій въ обществѣ въ разныхъ варіантахъ втеченіе полустолѣтія съ лишкомъ. Въ сущности онъ не имѣетъ того значенія, которое ему было придано уже послѣ смерти поэта. Это была простая дружеская услуга, которая если не выполнена вполнѣ, то единственно потому, что обстоятельства, совершенно не предвидѣнныя, помѣшали ея осуществленію. Видѣть же въ ней какой-то безчестный умыселъ или предосудительный поступокъ могутъ только враги поэта, которые, желая очернить память его, какъ іезуиты, считаютъ всѣ средства дозволенными.

III.

Графъ Алексѣй Владиміровичъ Васильевъ сообщилъ намъ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній о встрѣчахъ и совмѣстной службѣ въ Лермонтовымъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку (нынѣ полкъ его величества) въ первые годы по зачисленіи поэта въ полкъ, то-есть въ 1834 и 1835 годахъ. Онъ зналъ Михаила Юрьевича еще въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и, по выпускѣ его въ офицеры, очень интересовался имъ, тѣмъ болѣе, что слава поэта предшествовала появленію его въ полку. Графъ Васильевъ числился въ полку старшимъ корнетомъ, когда Лермонтовъ былъ произведенъ въ офицеры и поэтъ, по заведенному порядку, послѣ представленія начальству явился и къ нему съ визитомъ. Представлялъ его, какъ старшій и знакомый со всѣми въ полку, А. А. Столыпинъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій любезный хозяинъ обратился къ своему гостю съ вопросомъ:

— Надѣюсь, что вы познакомите насъ съ вашими литературными произведеніями?

---

[1]) Въ разсказѣ этомъ описано истинное происшествіе, случившееся съ Лермонтовымъ во время квартированія его въ г. Тамани, въ 1837 году, у казачки Царицыхи.

Лермонтовъ нахмурился и, немного подумавъ, отвѣчалъ:

— У меня очень мало такого, что интересно было бы читать.

— Однако, мы кое-что читали уже.

— Все пустяки! — засмѣялся Лермонтовъ.—А впрочемъ, если васъ интересуетъ это, заходите ко мнѣ, я покажу вамъ.

Но когда приходили къ нему любопытствовавшіе прочитать что либо новое, Лермонтовъ показывалъ не многое и, какъ будто опасаясь за неблагопріятное впечатлѣніе, очень неохотно. Во всякомъ случаѣ нѣкоторые товарищи, какъ, напримѣръ, Годеинъ и другіе, чтили въ немъ поэта и гордились имъ.

Во время служенія Лермонтова въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку командирами полка были: съ 1834 по 1839 годъ—генералъ-маіоръ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, а въ 1839 и 1840 годахъ—генералъ-маіоръ Павелъ Александровичъ Плаутинъ. Эскадронами командовали: 1-мъ—флигель-адъютантъ, ротмистръ Михаилъ Васильевичъ Пашковъ; 2-мъ—ротмистръ Орестъ Ѳедоровичъ фонъ-Герздорфъ; 3-мъ—ротмистръ графъ Александръ Осиповичъ Виттъ, а потомъ—штабсъ-ротмистръ Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ; 4-мъ—полковникъ Ѳедоръ Васильевичъ Ильинъ, а затѣмъ—ротмистръ Егоръ Ивановичъ Шевичъ; 5-мъ—ротмистръ князь Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ 1-й; 6-мъ—ротмистръ Иванъ Ивановичъ Ершовъ и 7-мъ—полковникъ Николай Ивановичъ Бухаровъ. Корнетъ Лермонтовъ первоначально былъ зачисленъ въ 7-й эскадронъ, а въ 1835 году переведенъ въ 4-й эскадронъ. Служба въ полку была не тяжелая, кромѣ лагернаго времени или лѣтнихъ кампаментовъ по деревнямъ, когда ученье производилось каждый день. На ученьяхъ, смотрахъ и маневрахъ должны были находиться всѣ числящіеся на лице офицеры. Въ остальное время служба оберъ-офицеровъ, не командовавшихъ частями, ограничивалась карауломъ во дворцѣ, дежурствомъ въ полку, да случайными какими либо нарядами. Поэтому большинство офицеровъ, не занятыхъ службою, уѣзжало въ С.-Петербургъ и оставалось тамъ до наряда на службу. На случай экстреннаго же требованія начальства въ полку всегда находилось два-три оберъ-офицера изъ менѣе подвижныхъ, которые и отбывали за товарищей службу, съ зачетомъ очереди наряда въ будущемъ. За Лермонтова отбывалъ службу большей частью Годеинъ, любившій его, какъ брата.

Въ праздничные же дни, а также въ случаяхъ какихъ либо экстраординарныхъ событій въ свѣтѣ, какъ-то: баловъ, маскарадовъ, постановки новой оперы или балета, дебюта пріѣзжей знаменитости, гусарскіе офицеры не только младшихъ, но и старшихъ чиновъ уѣзжали въ Петербургъ и, конечно, не всѣ возвращались въ Царское Село своевременно. Графъ Васильевъ помнитъ даже такой случай. Однажды генералъ Хомутовъ приказалъ полковому адъютанту, графу Ламберту, назначить на утро полковое ученье, но адъютантъ

доложилъ ему, что вечеромъ идетъ «Фенелла», и офицеры въ Петербургѣ, такъ что многіе, не зная о нарядѣ, не будутъ на ученьѣ. Командиръ полка принялъ во вниманіе подобное представленіе, и ученье было отложено до слѣдующаго дня.

Лермонтовъ жилъ съ товарищами вообще дружно, и офицеры любили его за высоко цѣнившуюся тогда «гусарскую удаль». Не сходился только онъ съ одними поляками, въ особенности онъ не любилъ одного изъ наиболѣе чванныхъ изъ нихъ—Понятовскаго, бывшаго впослѣдствіи адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича. Взаимныя ихъ отношенія ограничивались холодными поклонами при встрѣчахъ. Михаилъ Юрьевичъ не разъ говаривалъ: «Жиды гораздо искреннѣе, чѣмъ поляки».

Квартиру Лермонтовъ имѣлъ, по словамъ Д. А. Столыпина, въ Царскомъ Селѣ, на углу Большаго проспекта и Манежной улицы, но жилъ въ ней не съ однимъ только Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, какъ заявлено П. А. Висковатовымъ въ біографіи поэта; вмѣстѣ съ ними жилъ также и Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, и хозяйство у всѣхъ троихъ было общее. Лошадей Лермонтовъ любилъ хорошихъ, и въ виду частыхъ поѣздокъ въ Петербургъ держалъ верховыхъ и выѣздныхъ. Его конь «Парадёръ» считался однимъ изъ лучшихъ; онъ купилъ его у генерала Хомутова и заплатилъ болѣе 1.500 рублей, что̀, по тогдашнему времени, составляло на ассигнаціи около 6.000 рублей. О рѣзвости гусарскихъ скакуновъ можно судить по слѣдующему разсказу Д. А. Столыпина. Во время извѣстной поѣздки Лермонтова съ А. А. Столыпинымъ на дачу балерины Пименовой, близъ Краснаго Кабачка, воспѣтой Михаиломъ Юрьевичемъ въ поэмѣ «Монго», когда друзья на обратномъ пути только-что выдвинулись на Петергофскую дорогу, вдали показался возвращавшійся изъ Петергофа въ Петербургъ въ коляскѣ четверкою великій князь Михаилъ Павловичъ. Ѣхать ему на встрѣчу значило бы сидѣть на гауптвахтѣ, такъ какъ они уѣхали изъ полка безъ спросу. Не долго думая, они повернули назадъ и помчались по дорогѣ въ Петербургъ, впереди великаго князя. Какъ ни хороша была четверка великокняжескихъ коней, друзья ускакали и, свернувъ подъ Петербургомъ въ сторону, рано утромъ вернулись къ полку благополучно. Великій князь не узналъ ихъ, онъ видѣлъ только двухъ впереди его ускакавшихъ гусаръ, но кто именно были эти гусары, разсмотрѣть не могъ, и поэтому, пріѣхавъ въ Петербургъ, послалъ спросить полковаго командира: всѣ ли офицеры на ученьѣ? «Всѣ»,—отвѣчалъ генералъ Хомутовъ, и дѣйствительно были всѣ, такъ какъ друзья прямо съ дороги отправились на ученье. Гроза миновала, благодаря рѣзвости гусарскихъ скакуновъ.

Въ гусарскомъ полку, по разсказу графа Васильева, было много любителей большой карточной игры и гомерическихъ попоекъ съ

огнями, музыкой, женщинами и пляской. У Герздорфа, Бакаева и Ломоносова велась постоянно игра, проигрывались десятки тысячъ, у другихъ—тысячи бросались на кутежи. Лермонтовъ бывалъ вездѣ и вездѣ принималъ участіе, но сердце его не лежало ни къ тому, ни къ другому. Онъ приходилъ, ставилъ нѣсколько картъ, бралъ или давалъ, смѣялся и уходилъ. О женщинахъ, пріѣзжавшихъ на кутежи изъ С.-Петербурга, онъ говаривалъ: «бѣдныя, ихъ нужда къ намъ загоняетъ», или: «на что онѣ намъ? у насъ такъ много достойныхъ любви женщинъ». Изъ всѣхъ этихъ шальныхъ удовольствій поэтъ болѣе всего любилъ цыганъ. Въ то время цыгане въ Петербургѣ только-что появились. Ихъ привезъ изъ Москвы знаменитый Илья Соколовъ, въ хорѣ котораго были первыя, по тогдашнему времени, пѣвицы: Любаша, Стеша, Груша и другія, увлекавшія не только молодежь, но и стариковъ на безумныя съ ними траты. Цыгане, по пріѣздѣ изъ Москвы, первоначально поселились въ Павловскѣ, гдѣ они въ одной изъ слободокъ занимали нѣсколько домовъ, а затѣмъ уже, съ теченіемъ времени, перебрались и въ Петербургъ. Михаилъ Юрьевичъ частенько наѣзжалъ съ товарищами къ цыганамъ въ Павловскъ, но и здѣсь, какъ во всемъ, его привлекалъ не кутежъ, а ихъ дикія разудалыя пѣсни, своеобразный бытъ, оригинальность типовъ и характеровъ, а, главное, свобода, которую они воспѣвали въ пѣсняхъ и которой они были тогда единственными провозвѣстниками. Все это онъ наблюдалъ и изучалъ, и возвращался домой почти всегда довольный проведеннымъ у нихъ временемъ.

Д. А. Столыпинъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, будучи еще юнкеромъ (въ 1835 или 1836 году), пріѣхалъ однажды къ Лермонтову въ Царское Село и съ нимъ послѣ обѣда отправился къ цыганамъ, гдѣ они и провели цѣлый вечеръ. На вопросъ его: какую пѣсню онъ любитъ болѣе всего? Лермонтовъ отвѣтилъ: «а вотъ послушай!» и велѣлъ спѣть. Начала пѣсни, къ сожалѣнію, Дмитрій Аркадьевичъ припомнить не могъ, онъ вспомнилъ только нѣсколько словъ ея: «а ты слышишь ли, милый другъ, понимаешь ли»... и еще: «ахъ ты, злодѣй, злодѣй»... Вотъ эту пѣсню онъ особенно любилъ и за мотивы, и за слова.

Графъ Васильевъ жилъ въ то время въ Царскомъ Селѣ на одной квартирѣ съ поручикомъ Гончаровымъ, роднымъ братомъ Натальи Николаевны, супруги А. С. Пушкина. Черезъ него онъ познакокомился съ поэтомъ и бывалъ у него впослѣдствіи не рѣдко. А. С. Пушкинъ, жившій тогда тоже въ Царскомъ, близь Китайскаго домика, полюбилъ молодаго гусара и частенько утромъ, когда онъ возвращался съ ученья домой, зазывалъ къ себѣ, шутилъ, смѣялся, разсказывалъ или самъ слушалъ разсказы о новостяхъ дня. Однажды въ жаркій лѣтній день графъ Васильевъ, зайдя къ нему, засталъ его чуть не въ прародительскомъ костюмѣ. «Ну, ужъ извините,—

засмѣялся поэтъ, пожимая ему руку,—жара стоитъ африканская, а у насъ тамъ, въ Африкѣ, ходятъ въ такихъ костюмахъ».

Онъ, по словамъ графа Васильева, не былъ лично знакомъ съ Лермонтовымъ, но зналъ о немъ и восхищался его стихами.

— Далеко мальчикъ пойдетъ,—говорилъ онъ.

Между тѣмъ нѣкоторые гусары были противъ занятій Лермонтова поэзіей. Они находили это несовмѣстимымъ съ достоинствомъ гвардейскаго офицера.

— Брось ты свои стихи,—сказалъ однажды Лермонтову любившій его болѣе другихъ полковникъ Ломоносовъ:—государь узнаетъ, и наживешь ты себѣ бѣды!

— Что я пишу стихи,—отвѣчалъ поэтъ:—государю извѣстно было еще, когда я былъ въ юнкерской школѣ, черезъ великаго князя Михаила Павловича, и вотъ, какъ видите, до сихъ поръ никакихъ бѣдъ я себѣ не нажилъ.

— Ну, смотри, смотри,—грозилъ ему шутя старый гусаръ:—не зарвись, куда не слѣдуетъ.

— Не безпокойтесь, господинъ полковникъ,—отшучивался Михаилъ Юрьевичъ, дѣлая серьезную мину:—сынъ Феба не унизится до самозабвенія.

Когда послѣдовалъ приказъ о переводѣ Лермонтова за стихи: «На смерть А. С. Пушкина», на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, офицеры лейбъ-гвардіи гусарскаго полка хотѣли дать ему прощальный обѣдъ по подпискѣ, но полковой командиръ не разрѣшилъ, находя, что подобные проводы могутъ быть истолкованы, какъ протестъ противъ выписки поэта изъ полка.

Изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта, барона Е. И. фонъ-Майделя, приведу еще слѣдующій оригинальный случай изобрѣтательности ума Михаила Юрьевича. Въ концѣ 1840 и въ началѣ 1841 года Тенгинскій пѣхотный полкъ стоялъ въ крѣпости Анапѣ, мѣстности отдаленной и скучной. Офицеры полка по вечерамъ собирались по очереди у полковаго и баталіонныхъ командировъ, доктора и нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей, толковали о злобѣ дня и событіяхъ времени, играли въ карты, закусывали, а въ иные дни даже и плясали. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, гдѣ царила смертельная скука переливанія изъ пустаго въ порожнее, рѣчь зашла о какомъ-то ученомъ кардиналѣ, который могъ рѣшать въ умѣ самыя сложныя математическія задачи.

— Что вы скажете на это, Лермонтовъ?—обратился къ нему одинъ изъ почтенныхъ баталіонеровъ, старикъ съ Георгіемъ, пользовавшійся всеобщею любовью за свою простоту и доброту:—говорятъ, что вы тоже хорошій математикъ.

— Ничего тутъ удивительнаго нѣтъ,—отвѣчалъ съ саркастическою улыбкою поэтъ:—я тоже могу представить вамъ, если хотите, весьма замѣчательный опытъ математическихъ вычисленій.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Задумайте какую угодно цифру, и я съ помощью простыхъ ариѳметическихъ дѣйствій, которыя вы будете провѣрять вмѣстѣ со мною, опредѣлю эту цифру.

— Ну, что же, попробуемъ,—разсмѣялся старикъ, очевидно, сомнѣвавшійся:—но какъ велика должна быть задуманная цифра?

— А это безразлично. Но на первый разъ, для скорости вычисленія, ограничьтесь числомъ изъ двухъ цифръ.

— Хорошо, я задумалъ,—сказалъ баталіонеръ, подмигнувъ стоявшимъ вокругъ офицерамъ, и для подтвержденія впослѣдствіи, на случай неточности исчисленія, сообщилъ задуманную цифру сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ.

— Благоволите прибавить къ ней,—началъ Лермонтовъ:—еще 25, и считайте мысленно или посредствомъ записи.

Старикъ попросилъ карандашъ и сталъ записывать на бумажкѣ.

— Теперь не угодно ли прибавить еще 125.

Старикъ прибавилъ.

— Засимъ вычтите 37.

Старикъ вычелъ.

— Еще вычтите ту сумму, которую вы опредѣлили въ умѣ.

Старикъ вычелъ.

— Теперь остатокъ умножьте на 5.

Старикъ умножилъ.

— Засимъ полученную сумму раздѣлите на 2.

Старикъ раздѣлилъ.

— Теперь посмотримъ, что у васъ должно получиться... кажется, если не ошибаюсь, цифра $282^1/_2$?..

Баталіонеръ даже привскочилъ, такъ поразила его точность вычисленія.

— Да, совершенно вѣрно: $282^1/_2$... я задумалъ цифру 50.—И онъ снова провѣрилъ: 50 + 25, + 125, — 37, — 50, × 5, : 2, дѣйствительно остается $282^1/_2$...—Фу, чортъ побери!.. Да вы ужъ не колдунъ ли?

— Колдунъ — не колдунъ, а математикѣ учился, — улыбнулся Лермонтовъ.

— Но позвольте...—старикъ видимо сомнѣвался, не подсмотрѣлъ ли математикъ его цифры, когда онъ производилъ вычисленія. — Нельзя ли повторить?

— Извольте.

Старикъ записалъ задуманную цифру, никому не показавъ, положилъ подъ подсвѣчникъ и сталъ считать въ умѣ даваемыя поэтомъ цифры. И на этотъ разъ цифра остатка была угадана. Всѣ заинтересовались. Старикъ только развелъ руками. Хозяйка дома попросила повторить еще разъ опытъ, и еще разъ опытъ удался.

По крѣпости пошелъ говоръ. Гдѣ бы поэтъ ни показался, къ нему стали обращаться съ просьбами угадать задуманную цифру.

Нѣсколько разъ онъ исполнялъ эти просьбы, но, наконецъ, ему надоѣло, и онъ чрезъ нѣсколько дней тоже на одномъ изъ вечеровъ открылъ секретъ, состоявшій въ томъ, чтобы заставить задумавшаго извѣстное число, какое бы оно ни было, вычесть изъ суммы, увеличенной прибавленіемъ нѣсколькихъ цифръ, и затѣмъ считать только даваемыя цифры, напримѣръ, $x + 100, + 206, + 310, - 500, - x, : 2, x 3 = 174$. Теперь это знаетъ каждый школьникъ, а въ то время и въ образованномъ обществѣ считалось чуть ли не черной магіей.

Изъ сообщеній Д. А. Столыпина, въ видахъ устраненія неточностей, вкравшихся въ біографію поэта, составленную П. А. Висковатовымъ, приведу слѣдующіе факты.

а) На поступленіе Лермонтова въ школу гвардейскихъ юнкеровъ повліялъ не Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ (стр. 173), а Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, двоюродный братъ, служившій уже тогда въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку.

б) Не Глазуновъ, издатель перваго собранія сочиненій поэта, вышедшаго при его жизни, просилъ Ѳ. В. Булгарина о рецензіи изданія въ «Сѣверной Пчелѣ» (стр. 358), а бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, выпросила у поэта два экземпляра сочиненій и, вложивъ въ одинъ изъ нихъ пять сотенныхъ ассигнацій, отослала его, безъ вѣдома поэта, къ Булгарину, который принялъ посылку и написалъ хвалебную рецензію [1]).

в) Альбомъ, въ которомъ рисовалъ Лермонтовъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году каррикатуры на «водяное общество», взятъ послѣ смерти поэта не Глѣбовымъ (стр. 403), а Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, который и привезъ его въ Петербургъ, а изъ Петербурга отослалъ въ свое имѣніе — село Пушкино, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ другими его вещами, былъ похищенъ обокравшими его домъ ворами.

Изъ дѣлъ Московскаго архива главнаго штаба мною извлечены слѣдующія справки:

По мѣсячнымъ отчетамъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка за 1840 и 1841 годы, поручикъ Лермонтовъ показанъ: съ 11-го іюля по ноябрь—въ прикомандированіи къ отряду генералъ-лейтенанта Голофѣева, откуда и получалъ разрѣшенія на поѣздку въ Пятигорскъ и Ставрополь — въ августѣ и сентябрѣ, и въ Крымъ — въ концѣ октября. За декабрь 1840 и январь 1841 года онъ показанъ состоящимъ при полку на лицо, въ крѣпости Анапѣ, съ февраля по іюнь — въ домашнемъ отпуску, а за іюнь по день смерти—за болѣзнью въ Пятигорскомъ военномъ госпиталѣ. Поэтому никакой загадочности о мѣстѣ нахожденія поэта въ концѣ 1840 и началѣ 1841 годовъ,

---

[1]) На это намекаетъ и В. Г. Бѣлинскій, обозвавшій рецензію Булгарина «купленнымъ пристрастіемъ» (IV т. его сочиненій).

какъ заявилъ въ біографіи поэта г. Висковатовъ (стр. 356), нѣтъ, и предположенія его о самовольной поѣздкѣ поэта въ Крымъ не имѣютъ никакихъ основаній. Равновѣрно неосновательно и замѣчаніе (стр. 340), что Лермонтовъ въ концѣ октября 1840 года уже уѣзжаетъ съ Кавказа и возвращается только въ маѣ 1841 года.

По отчетамъ Нижегородскаго драгунскаго полка за 1837 годъ, Лермонтовъ показанъ: съ 1-го іюня по 25-е іюля — больнымъ въ Пятигорскомъ госпиталѣ, а съ 25-го іюля по октябрь—въ командировкѣ, въ дѣйствующемъ отрядѣ за Кубанью, откуда, по воспослѣдованіи приказа о переводѣ его въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, онъ и былъ отправленъ къ мѣсту новаго служенія. Въ Гродненскій полкъ прибылъ поэтъ въ мартѣ 1838 года, и показанъ на лицо. Наѣзжалъ въ Ставрополь и Пятигорскъ въ августѣ и сентябрѣ 1837 года по разрѣшенію отряднаго начальства.

Изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка (его величества) былъ уволенъ въ отпускъ только въ 1835 году, съ 20-го декабря на шесть недѣль, въ коемъ по болѣзни пробылъ до 14-го марта 1836 года. Послѣднее указываетъ точно время нахожденія поэта у бабушки въ имѣніи Тарханы, о которомъ г. Висковатовъ говоритъ неопредѣленно: «въ зиму 1836 года», или «тогда же или за годъ» (стр. 228 и 229).

По кондуитнымъ спискамъ полковъ Лермонтовъ аттестовался: лейбъ-гвардіи гусарскаго: по службѣ — «усерденъ», способностей ума — «хорошихъ», въ нравственности — «хорошъ», въ хозяйствѣ — «хорошъ». Нижегородскаго драгунскаго — тоже, кромѣ двухъ послѣднихъ графъ, гдѣ аттестаціи не сдѣлано за неприбытіемъ къ полку, и Тенгинскаго пѣхотнаго — такъ же, какъ и въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, съ той разницею, что способности ума признаны «отлично хорошими». Подобная аттестація совершенно опровергаетъ занесенное г. Висковатовымъ въ біографію поэта (стр. 203) увѣреніе, что начальство не благоволило къ поэту и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Къ слову замѣчу, что кондуитные списки составлялись лично командирами частей, для того, чтобы высшія власти могли имѣть вполнѣ точныя и вѣрныя свѣдѣнія о служебныхъ, нравственныхъ, умственныхъ и хозяйственныхъ способностяхъ офицеровъ. Это были секретныя свѣдѣнія, и въ нихъ едва ли можно допустить пристрастныя сужденія командировъ о своихъ подчиненныхъ. Въ тѣхъ же кондуитахъ находятся и не вполнѣ благопріятныя аттестаціи; такъ, напримѣръ, въ первомъ полку поручикъ графъ Ф. Д. Алопеусъ былъ аттестованъ: въ нравственности — «непостояненъ», а въ послѣднемъ — прапорщикъ Н. И. Лилье: въ нравственности — «порядоченъ», а въ хозяйствѣ — «расточителенъ».

Относительно награды поэта за дѣло подъ Валерикомъ г. Висковатовъ говоритъ въ его біографіи (стр. 350), что онъ былъ пред-

ставленъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Дѣйствительно, генералъ-лейтенантъ Голофѣевъ испрашивалъ ему эту награду въ донесеніи генералъ-адъютанту Граббе, отъ 8-го октября 1840 года, слѣдующаго содержанія: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы». Но представленіе это осталось безъ послѣдствій: слѣдующая инстанція, представивъ реляцію высшему начальству, полагала ограничить награду пожалованіемъ ордена св. Станислава 3-й степени, а высшее начальство нашло наиболѣе соотвѣтственнымъ—совсѣмъ ничего не давать.

Верстахъ въ 25-ти отъ Москвы, по дорогѣ въ с. Ильинское, находится принадлежавшее прежде Столыпинымъ с. Средниково, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ, въ періодъ своей московской жизни, провелъ нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ. Имѣніе это въ настоящее время принадлежитъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой, бывшей Вороновой, наслѣдовавшей его послѣ извѣстнаго московскаго богача Фирсанова, у котораго, по разсказу П. И. Бартенева, послѣ смерти нашли за щекой во рту ключъ отъ шкатулки съ милліонами. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть эту замѣчательную мѣстность, гдѣ поэтъ увлекался, любилъ и написалъ первыя свои высоко-поэтическія произведенія, какъ, напримѣръ, «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». Но г-жа Фирсанова лично меня принять не соизволила, а на письмо мое ничего не отвѣтила. Пришлось, поэтому, ограничиться разсказомъ извѣстнаго нашего драматурга Константина Августиновича Тарновскаго, только что возвратившагося изъ с. Средникова. Тамъ ничего отъ времени пребыванія поэта не сохранилось. Стоитъ только домъ, въ которомъ поэтъ жилъ, да сохраняется пока еще паркъ, гдѣ онъ гулялъ, мечталъ и предавался несбыточнымъ надеждамъ. Прочее все исчезло, и нынѣшнимъ обитателямъ имѣнія о жизни тамъ поэта ничего не извѣстно.

Петръ Мартьяновъ.

СТАДІОНЪ.

(Очеркъ).

Конечно, Егоръ Галактіонычъ Стадіонъ былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ уѣздѣ. Начать съ того, что никто не зналъ его родословной. Одни увѣряли, что онъ молдаванскій графъ, другіе, что онъ бѣглый турецкій паша, третьи, что онъ побочный сынъ князя Репнина, извѣстнаго Екатерининскаго вельможи; были и такіе, которые утверждали, что Стадіонъ цыганъ. Бумагъ, удостовѣрявшихъ его личность, повидимому, не было, тѣмъ не менѣе онъ владѣлъ большой деревней и даже крестьянами въ количествѣ трехсотъ душъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ часто можно было встрѣтить, что владѣютъ крестьянами лица, даже совсѣмъ не принадлежащія къ дворянскому сословію. Государственныхъ крестьянъ приписывали къ какому нибудь заводу, а заводъ сдавался въ аренду купцу; заводъ давно пересталъ дѣйствовать, ставни его заколочены, незатѣйливыя машины распались, ихъ деревянныя части гніютъ, а купецъ все владѣетъ крестьянами, да владѣетъ и также исправно ихъ сѣчетъ, взимаетъ съ нихъ оброкъ, брѣетъ имъ лбы, и пользуется всѣми удобствами неограниченной помѣщичьей власти.

Стадіона можно было видѣть каждое воскресенье въ церкви. Онъ стоялъ у праваго клироса, одѣтый въ синій костюмъ, средній между чамаркой и венгеркой, серебряная голова его была низко острижена, черныя брови дугами обводили большіе выпуклые и совершенно круглые глаза; тонкій горбатый носъ нѣсколько уклонялся отъ прямой линіи, и конецъ его былъ приплюснутъ къ гу-

стымъ усамъ, которые тянулись вдоль щекъ до самаго уха, какъ два волчьихъ хвоста; а крошечный острый подбородокъ совсѣмъ уходилъ въ туго-намотанный шелковый галстухъ, зашпиленный золотой булавкой. Въ рукахъ Егоръ Галактіонычъ держалъ костыль, съ ручкой парижскаго издѣлія, не совсѣмъ приличной—старина была таровата на подобнаго рода вещицы; стоило нажать пружинку, и изъ ручки брызгала струя амбрэ. Стадіонъ никогда не дослушивалъ до конца церковной службы, а какъ только дьяконъ восклицалъ: «оглашенные, изыдите!»—онъ быстро поворачивался и выходилъ изъ церкви, садился на дрожки и уѣзжалъ домой.

Жилъ онъ одиноко въ большомъ, огромномъ домѣ, который былъ выстроенъ на берегу Ипути, на крутомъ обрывѣ. Ограды не было, около дома торчали только тамъ и сямъ березы, опустивъ до земли свои плакучія вѣтки. Людскія помѣщались у подошвы пригорка. Впрочемъ, дворня у Стадіона была немногочисленна: поваръ, кучеръ, прачка и два казачка Васька и Петька; наряжалъ онъ ихъ въ широкіе шаровары, красные пояса и высокія смушковыя шапки съ желтыми выпусками, на концахъ которыхъ болтались кисточки.

Деревня Стадіона называлась Зеленая Заводь. Старики помнятъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ пріѣхалъ въ Зеленую Заводь Стадіонъ, тогда еще молодой человѣкъ, вмѣстѣ съ капитанъ-исправникомъ; былъ собранъ сходъ, на сходѣ прочитана какая-то бумага, а затѣмъ изъ вольныхъ крестьянъ они стали крѣпостными. На міру и смерть красна: всѣ окрестныя деревни тоже закрѣпощались одна за другой. Жители Зеленой Заводи приняли его владычество и спокойно склонили свои шеи подъ ярмо.

Склонили спокойно, но кому не мила свобода? Отдѣльные протесты встрѣчались тогда на каждомъ шагу, и новые помѣщики звѣрски расправлялись съ протестантами. Сосѣдка Стадіона, дочь какого-то писаря, неграмотная и вздорная женщина, Анеиса Ивановна Рогульская, вообразила себя почему-то аристократкой. «Буки» отъ «вѣди» не могла отличить, а высокомѣрія была необыкновеннаго. Въ числѣ крестьянъ, попавшихъ въ зависимость отъ нея, были ея двоюродные и троюродные братья и сестры. Они изумлялись чести, какой удостоилась Галька, и на первыхъ порахъ пробовали обращаться съ ней породственному. Но она дала себя знать: выколола глаза своему сермяжному кузену и ежедневно порола кузинъ, пока одна изъ нихъ не отдала душу Богу, а другая не убѣжала и неизвѣстно куда дѣлась. Аристократичность понималась Анеисой Ивановной какъ возможность безнаказанно терзать себѣ подобныхъ. Въ странѣ, не знавшей крѣпостнаго права, въ хамской республикѣ, какъ называли Малороссію поляки, внезапно проявились готовые рабовладѣльческіе вкусы и наклонности. Почти все, что было низкаго и продажнаго въ Малороссіи, всплыло наверхъ, а мирное трудолюбивое казачество, пользовавшееся свободой,

было придавлено, затоптано и рядомъ историческихъ превратностей отдано въ жертву исплутовавшейся старшины, которую оно же само выбирало изъ своей среды и которая при другихъ обстоятельствахъ точно также попала бы подъ крѣпостное иго; все зависѣло отъ случайности. За немногими исключеніями, въ каждой деревнѣ была своя Анѳиса Ивановна. Малороссійскіе дворяне съ непонятной ненавистью относились къ хамамъ, хотя не дальше какъ вчера они сами были хамами или, по меньшей мѣрѣ, приказными строчилами. Но за все время господства Стадіона въ Зеленой Заводи не было ни одного случая тѣлеснаго наказанія людей; ни одного парубка онъ не отдалъ въ солдаты, ни одной дѣвки не выдалъ насильно замужъ, и не помнили, чтобъ онъ кого нибудь продалъ изъ крѣпостныхъ или промѣнялъ. Въ этомъ отношеніи Стадіонъ рѣзко отличался отъ всѣхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ; много лѣтъ онъ сидѣлъ у нихъ, какъ бѣльмо на глазу. Разумѣется, всѣ считали его массономъ, потому что только массоны могутъ быть человѣколюбивы, жить въ одиночествѣ, не жаловаться въ суды и, можетъ быть, даже не вѣрить въ Бога.

Но и мужики его не любили. Вообще крестьянская любовь въ то время, да и позднѣе, когда вымерли отцы и дѣды, помнившіе свободу, была сомнительна. Двѣ, три дѣвки были влюблены въ своихъ помѣщиковъ, два, три камердинера были имъ преданы, но ненависти было больше, чѣмъ любви, — за что любить? Стадіона не любили потому, что онъ былъ чужой, пріѣхалъ не вѣдомо откуда и ни на кого не похожъ, неизвѣстно, кто были его мать и отецъ. Анѳиса Ивановна выкалывала глаза, но, по крайней мѣрѣ, ея родители были мѣстными людьми: батька ея ѣздилъ по повѣту съ чернильницей у пояса, и воевода дралъ его батогами, мать торговала бубликами въ Нѣжинѣ. А Стадіонъ никакъ не могъ попасть въ мѣстные люди и пустить корни, тѣмъ болѣе, что онъ даже не женился и кончалъ вѣкъ старымъ холостякомъ.

Каждую осень Стадіонъ уѣзжалъ изъ Россіи мѣсяца на три, на четыре, и возвращался съ небольшимъ багажомъ. За границей никто изъ сосѣднихъ помѣщиковъ его не встрѣчалъ. Впрочемъ, за границей помѣщики «просвѣщались» рѣдко, а больше сидѣли по своимъ медвѣжьимъ угламъ, ѣздили другъ другу въ гости, охотились и вообще вели дикую жизнь, въ которой не было ничего утонченнаго, какъ утверждаютъ нѣкоторые апологеты крѣпостнаго права. Утонченную жизнь вели только вельможи. Къ такимъ вельможамъ принадлежалъ, напримѣръ, опальный графъ Завадовскій, жившій въ томъ же уѣздѣ, и Энгельгардтъ, родственникъ Потемкина.

Когда превосходное, благоустроенное имѣніе Энгельгардта съ дворцомъ, построеннымъ Растрелли и полнымъ роскошныхъ вещей— мебелей въ стилѣ Louis Quinze и Louis Seize, стараго саксонскаго фарфора, картинъ Буше, Вато, Ванлоэ и Ланкрэ, мраморовъ Пи-

галя и Гудона, массивныхъ бронзъ, золоченыхъ черезъ огонь, и серебряной посуды, гобеленовыхъ обой и фламандскихъ ковровъ, продавалось и было куплено сыномъ одного сибирскаго откупщика-милліонера, то Стадіонъ получилъ приглашеніе быть оцѣнщикомъ художественныхъ предметовъ. Онъ явился во дворецъ, осмотрѣлъ все, что достойно было вниманія, и произвелъ точную и вѣрную оцѣнку. Ему стоило взглянуть на картину, чтобы сказать, какого она мастера. Въ вознагражденіе новый владѣлецъ предложилъ ему собраніе гравюръ. Онъ взялъ, потому что любилъ ихъ. Въ уѣздѣ стало извѣстно, что Стадіонъ человѣкъ, обладающій художественнымъ вкусомъ, знатокъ дѣла и что онъ самъ занимается гравернымъ искусствомъ.

Не было болѣе акуратнаго плательщика, можетъ быть, въ цѣлой губерніи, и никогда на имѣніи Стадіона не числилось никакихъ недоимокъ. Ни становой, ни исправникъ, не имѣли надобности пріѣзжать къ нему, и онъ былъ окруженъ таинственностью. Какая у него была обстановка? Что онъ дѣлалъ дома втеченіе долгихъ сорока лѣтъ? Какъ онъ проводилъ свой день? Что читалъ? Что думалъ? Какого мнѣнія былъ о сосѣдяхъ? Никто не зналъ.

Въ двадцати верстахъ отъ Зеленой Заводи лежалъ раскольничій посадъ Ордонь. Надо было ѣхать густымъ сосновымъ лѣсомъ, который населенъ былъ въ тѣ времена разбойниками. Ихъ кадры составлялись изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, изъ дезертировъ и каторжниковъ, возвратившихся на родину. Топоръ не трогалъ еще лѣса, изобиловавшаго неприступными болотами, оврагами и провальями. Днемъ еще отваживались проѣзжать страшный лѣсъ; но ѣхать черезъ него ночью требовалось большое мужество. Полиція устроивала облавы на разбойниковъ, но случалось, что она отступала со срамомъ. Къ тому же, едва успѣвали переловить какую нибудь шайку, какъ на ея мѣсто являлась другая, подъ предводительствомъ еще болѣе смѣлаго и отважнаго атамана. Лѣсные рыцари рѣдко убивали, и то если встрѣчали сопротивленіе; обыкновенно они ограничивались грабежомъ помѣщиковъ и купцовъ, а съ крестьянъ взимали пропускныя деньги. Стадіонъ имѣлъ привычку ѣздить въ посадъ Ордонь одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ лѣтомъ, а зимою въ легкомъ козыркѣ. Разбойники на него не нападали. Правда, что онъ всегда былъ вооруженъ, и о немъ шла молва, что стрѣляетъ онъ, какъ фокусникъ: можетъ посадить пулю на пулю десять разъ подъ-рядъ. Разсказывали еще, что онъ каждый разъ бросалъ въ извѣстномъ мѣстѣ серебряный рубль, какъ дань разбойникамъ.

Въ Ордони жилъ купецъ Иванъ Парамонычъ Хлопчиковъ. Сначала онъ занимался экипажнымъ мастерствомъ, и увѣряли, будто его коляски мало чѣмъ уступаютъ вѣнскимъ, но, разбогатѣвъ, Хлопчиковъ забросилъ экипажное дѣло, основалъ большую суконную

фабрику и сталъ ворочать сотнями тысячъ. За его фабрикой появилась другая, третья. По сосѣдству основался новый посадъ, и тамъ тоже быстро разросталась и разцвѣтала фабричная промышленность. Иванъ Парамонычъ, какъ оживитель края, еще недавно бывшаго пустыней, пользовался почетомъ даже среди помѣщиковъ, а губернаторъ, пріѣзжая по служебнымъ дѣламъ, избиралъ домъ Хлопчикова своей резиденціей.

Иванъ Парамонычъ былъ уже сѣдой старикъ. Ходилъ онъ въ ситцевой рубашкѣ на выпускъ и въ суконномъ полукафтанѣ, голенища сапоговъ его были всегда щегольски вычищены и отлакированы. Впрочемъ любилъ онъ пройтись и босикомъ; и въ такомъ видѣ встрѣтилъ однажды губернатора, который, брезгливо посмотрѣвъ на его красныя ступни, всетаки облобызался съ нимъ. Бѣлые волосы его были густы и курчавы, и онъ высоко брилъ затылокъ. Знаменовался онъ двуперстнымъ крестомъ, православныхъ поповъ не признавалъ, молился дониконовскимъ деисусамъ, не пилъ изъ чужой чашки, не крестилъ дѣтей и считалъ псовъ нечистыми животными. Какъ чортъ боится ладана, такъ онъ не выносилъ табачнаго дыма. Чистота въ его хоромахъ была изумительная, а страхъ Божій такъ силенъ, что и жена его, и дочери, и племянницы, и племянники разговаривали между собою только шепотомъ.

Съ этимъ Иваномъ Парамонычемъ Хлопчиковымъ водилъ старинную дружбу Егоръ Галактіонычъ Стадіонъ; для него рисковалъ онъ ѣздить по ночамъ черезъ Ордонскій лѣсъ и вмѣстѣ съ нимъ встрѣчалъ его раза два помощникъ пристава Твердиразовъ ранними утрами, когда оба старика прогуливались за чертой посада. Твердиразовъ самъ былъ любитель природы, и въ голову не приходило ему, что именно могло связывать Хлопчикова и Стадіона.

Твердиразовъ былъ молодой человѣкъ изъ хорошей дворянской семьи. Губернаторъ назначилъ его на мѣсто помощника пристава въ Ордонь по особой протекціи, потому что Ордонь считалась золотымъ дномъ, и при нѣкоторой ловкости тамъ можно было въ короткое время нажить изрядный капиталъ. Предмѣстники Твердиразова увозили изъ Ордони по сорока и по восьмидесяти тысячъ, прослуживъ лѣтъ пять, шесть. Главный доходъ составляли бѣглые попы, деисусы и фабрики, на которыхъ работали отданные въ аренду крѣпостные люди разныхъ помѣщиковъ и гдѣ совершались вопіющія несправедливости, нерѣдко уголовнаго и кроваваго характера. Ордонцы платили Твердиразову, кто десять, кто пятьдесятъ, кто сто рублей по положенію. Онъ краснѣлъ и конфузился, когда ему приносили деньги неизвѣстно за что, однако же бралъ. Черезъ нѣкоторое время онъ женился на хорошенькой барышнѣ, получившей воспитаніе въ Петербургѣ въ Екатерининскомъ институтѣ и имѣвшей довольно опредѣленныя, если не практическія, то теоретическія представленія о роскоши. Твердиразовъ сталъ находить, что ему

не хватаетъ ордонскихъ денегъ. Онъ началъ скучать и придумывать способы, какъ бы выжать изъ раскольниковъ и фабрикантовъ еще малую толику. Краснѣть ужъ онъ пересталъ; напротивъ, получая мзду, развязно и пристально смотрѣлъ на руку дающаго и тутъ же, не стѣсняясь, пересчитывалъ каждую бумажку, а золото и рубли взвѣшивалъ на ладони, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ звону металла.

— Не зарывайся, Петръ Сергѣичъ! Будь сытъ тѣмъ, что тебѣ полагается. Не ровенъ часъ, напорешься на кусокъ, глотнешь и подавишься!—говорили ему сѣдовласые мздодатели.

Но юный мздоимецъ, опираясь на свои связи съ Петербургомъ, которыя закрѣпились въ послѣднее время бракомъ, разсуждалъ въ тишинѣ своего сердца, что нѣтъ куска, которымъ онъ могъ бы подавиться, и что весь вопросъ сводится только къ тому, чтобы именно напороться на кусокъ. Онъ ложился и вставалъ съ мыслью о кускѣ, и супружескія мечты его со всей страстностью молодой души раздѣляла и развивала его жена, такъ что оба они даже похудѣли отъ тоски неудовлетвореннаго желанія.

Въ началѣ сентября праздновалъ свои именины Иванъ Парамонычъ. Жилъ онъ въ двухэтажномъ каменномъ домѣ, окруженномъ высокимъ заборомъ. Много комнатъ было у Ивана Парамоныча. Дворъ соприкасался съ фабричными зданіями. Пиръ былъ страшный. Исправника увезли замертво. Другія уѣздныя власти тоже потеряли образъ человѣческій. Судья только махалъ въ воздухѣ руками, какъ бы что-то хватая и пряча въ карманъ. Засѣдатель выпустилъ рубаху и клялся, что желаетъ быть безпоповцемъ. Самъ Иванъ Парамонычъ присутствовалъ на своихъ именинахъ только днемъ, а вечеромъ, вѣрный привычкѣ ложиться въ десятомъ часу, ушелъ въ опочивальню и предоставилъ накачивать гостей старшимъ племянникамъ. Твердиразовъ отличался воздержностью; онъ еще былъ слишкомъ неопытенъ и не постигалъ, какъ можно выпить десять пуншей въ одинъ присѣстъ. Но на этотъ разъ увлекся примѣромъ начальства. Голова его закружилась, онъ всталъ изъ-за карточнаго стола и рѣшилъ уйти незамѣтно. Его фуражка и альмавива изъ толстаго ордонскаго драпа была заранѣе припрятана предусмотрительными племянниками. Въ комнатахъ, гдѣ пировали гости, стоялъ шумъ, пьяный говоръ, крикъ, лилось вино, и чиновники выли хмельныя пѣсни—кто въ лѣсъ, кто по дрова. Помощникъ пристава, пошатываясь, побрелъ въ неосвѣщенныя комнаты, прошелъ по мягкимъ половикамъ до какого-то коридора, и ему показалось, что близокъ выходъ на улицу. Но коридоръ былъ длинный. Твердиразовъ замѣтилъ, что ступеньки ведутъ внизъ. Онъ толкнулъ дверцу и попалъ въ совершенно темное подполье. Дверца захлопнулась за нимъ, она была на блокѣ. Тщетно онъ старался найти дверцу: стѣны подполья были гладки. А между

тѣмъ въ головѣ мысли путались; первый разъ въ жизни былъ такъ пьянъ Твердиразовъ. Но онъ не пришелъ въ отчаяніе, а рѣшилъ пробираться все вдоль стѣнъ и отыскалъ узкій и низкій выходъ. Недолго думая, онъ устремился впередъ. Какая-то неестественная сила гнала его; потомъ ужъ онъ сообразилъ, что двигался по наклонной плоскости. Прошло по крайней мѣрѣ полчаса. Тишина вокругъ стояла мертвая. Вдругъ Твердиразовъ увидѣлъ вдали свѣтлую точку. Она росла и становилась все явственнѣе. Это была полоска желтаго свѣта. Оттуда понемногу стали доноситься легкіе удары, тихій, какъ шелесть, звонъ металла и людскіе голоса. «Что за пропасть? Гдѣ я?» — подумалъ помощникъ пристава, остановившись передъ полуоткрытой дверью. Наконецъ, движимый неудержимымъ любопытствомъ, онъ распахнулъ дверь и увидѣлъ передъ собой обширную комнату, выложенную кирпичемъ. Человѣкъ раздувалъ съ помощью мѣха ярко пылавшій горнъ. Невиданные Твердиразовымъ стальные станки блестѣли, освѣщенные огнемъ горна и масляными лампами. У станковъ надъ чѣмъ-то работали блѣдные люди. Налѣво отъ двери возлѣ высокаго бюро стоялъ Иванъ Парамонычъ въ красной рубахѣ и слѣдилъ за тѣмъ, какъ Егоръ Галактіонычъ Стадіонъ разсматривалъ большой листъ бумаги съ изображенными на немъ депозитками пятидесятирублеваго достоинства. Оба они повернули головы въ сторону Твердиразова и остолбенѣли. Но ни тотъ, ни другой, не потерялись. Стадіонъ схватилъ молодаго человѣка за горло, а Хлопчиковъ быстро заперъ дверь.

— Ты одинъ?—сурово спросилъ раскольникъ, наклоняясь надъ помощникомъ пристава, который мигомъ протрезвился.

— Одинъ.

— Кто тебѣ указалъ дорогу?

Твердиразовъ объяснилъ, какъ онъ попалъ сюда.

— Если-бъ ты зналъ, Петръ Сергѣичъ, что всякій непрошеный гость отъ насъ живымъ не уходитъ. Такое правило. Ты еще первый гость; но тѣмъ хуже для тебя. Молись Богу!

Люди въ кожаныхъ передникахъ подбѣжали къ Ивану Парамонычу, какъ только онъ кивнулъ имъ головой.

— Куда его?

— А что-жъ намъ съ нимъ долго возиться!—сказалъ старикъ.— Раздуйте горнъ получше и бросьте,—слѣдовъ не будетъ!

Твердиразовъ заплакалъ и, должно быть, ужасно было выраженіе его лица, потому что и Хлопчиковъ, и Стадіонъ отвернулись— жаль имъ стало. Они посовѣтовались между собой.

— Выдастъ!—проворчалъ Стадіонъ.

Твердиразовъ сталъ клясться.

Стадіонъ и Хлопчиковъ опять посовѣтовались.

— Послушай, ваше благородіе, — сказалъ Иванъ Парамонычъ, беря за плечо Твердиразова; — Богъ съ тобой! Я не погублю тебя.

Но смотри, ни гу-гу! А не то вездѣ мы найдемъ тебя и ни женѣ твоей, ни дѣтямъ, не сдобровать. Цѣлуй крестъ!

Онъ такъ страшно и съ такой силой потрясъ Твердиразова, что тотъ не усомнился ни на минуту въ возможности приведенія въ исполненіе грознаго обѣщанія. Полумертвый отъ ужаса, онъ поцѣловалъ крестъ; ему завязали глаза, взяли его подъ руки и долго вели, но ужъ другой дорогой: онъ слышалъ плескъ Ипути; вѣялъ предутренній вѣтерокъ.

Когда его оставили одного и сняли повязку съ глазъ, онъ увидѣлъ свой домъ, а въ карманѣ его лежалъ въ видѣ свертка золотыхъ монетъ тотъ самый кусокъ, о которомъ онъ мечталъ столько времени съ своей супругой. Проглотилъ — не подавился! Кто ищетъ, рано или поздно находитъ.

Твердиразовъ сдержалъ данное имъ слово. Кажется, что Иванъ Парамонычъ, разбогатѣвшій до того предѣла, дальше котораго нельзя было идти русскому захолустному купцу тридцатыхъ годовъ, закрылъ свою подземную мастерскую. Стадіонъ же купилъ у Анѳисы Ивановны крестьянъ и вмѣстѣ со своими выпустилъ ихъ на волю, а самъ выѣхалъ изъ Россіи и ужъ больше не возвращался. О немъ долго еще ходили всевозможныя легенды.

І. Ясинскій.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко.

I.

ВЪ СОВРЕМЕННОЙ русской литературѣ, какъ ни была небогата она талантами, есть еще нѣсколько именъ, съ которыми связывается представленіе о «строгости къ самому себѣ взыскательнаго художника», о неподкупности и независимости отъ всепоглощающаго толкучаго рынка современной печати. Среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ имени Владиміра Галактіоновича Короленка.

Г. Короленко обратилъ на себя общее вниманіе только въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, давая тѣмъ поводъ причислить себя къ «молодымъ», «начинающимъ» писателямъ, подающимъ большія надежды. Но выступилъ онъ на литературное поприще гораздо раньше, еще въ семидесятые годы, и тогда печатался въ «Словѣ», выходившемъ подъ редакцію Д. А. Коропчевскаго; въ литературномъ смыслѣ онъ старше, слѣдовательно, многихъ изъ дѣйствующихъ теперь писателей. Нужно сказать, что въ этотъ періодъ своей дѣятельности г. Короленко уже выдался своимъ талантомъ, и когда, послѣ невольнаго перерыва ея, онъ появился въ восьмидесятые годы съ своими новыми произведеніями, весьма замѣчательными, то тѣмъ онъ только не обманулъ ожиданій, которыя на него возлагались.

Эти обстоятельства имѣютъ большое значеніе для характеристики г. Короленка, какъ писателя. Въ немъ передъ нами не ипу-

щій только еще своей дороги писатель, а опытный беллетристъ, идущій твердо по намѣченному имъ пути. То обстоятельство, что произведеніямъ его, вызвавшимъ общее вниманіе, не предшествовалъ длинный рядъ болѣе слабыхъ, какъ это бываетъ, дѣлаетъ честь его строгости къ себѣ; оно доказываетъ только, что онъ не хотѣлъ вырабатывать свой талантъ публично, на глазахъ всѣхъ, а дѣлалъ это у себя дома, считая возможнымъ отдавать на судъ читателей только то, что заслуживало дѣйствительнаго вниманія. Все это какъ нельзя больше подтверждается его извѣстными произведеніями. Не часто можно встрѣтить произведенія, въ которыхъ авторъ рисовалъ бы явленія жизни такою твердою рукою, съ такимъ яснымъ сознаніемъ цѣли и средствъ, которыми онъ располагаетъ. Въ нихъ нѣтъ и признаковъ колебаній и неувѣренности въ себѣ, столь свойственныхъ начинающему писателю, столь обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ,—автора нашего можно упрекнуть развѣ какъ разъ въ противоположномъ. Такимъ образомъ на г. Короленка не возможно смотрѣть съ точки зрѣнія «надеждъ», которыя онъ подаетъ; его характеристика въ томъ, что онъ уже далъ. Быть можетъ, лучшія его произведенія, написанныя понынѣ, и останутся лучшими. На это ясный намекъ даютъ и послѣднія его произведенія, какъ «Прохоръ и студенты», напечатанное въ «Русской Мысли» и далеко уступающіе предыдущимъ. Такъ или иначе, но мы можемъ смотрѣть на сдѣланное уже г. Короленкомъ, какъ на нѣчто цѣлое и законченное, не требуя и не ожидая отъ него новыхъ и болѣе совершенныхъ художественныхъ произведеній, потому что и то, что онъ далъ русской литературѣ, даетъ ему право на вниманіе и на извѣстное мѣсто въ ея исторіи.

Найдутся, конечно, требовательные читатели, которымъ покажется сравнительно незначительнымъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи написанное г. Короленкомъ; но каждый даетъ, что можетъ и умѣетъ, и мы должны быть благодарны нашему автору уже за то, что онъ не зарылъ въ землю своего таланта, какой бы онъ ни былъ, не подчинилъ его тлетворнымъ вліяніямъ времени, и далъ русской литературѣ нѣсколько произведеній, во всякомъ случаѣ замѣчательныхъ, дышащихъ силой и оригинальностью. Мы, избалованные даже еще не совершенно истекшимъ цвѣтущимъ періодомъ нашей литературы, въ который непосредственно за Гоголемъ слѣдовали Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Писемскій, Островскій, Левъ Толстой и проч.,—мы все еще не хотимъ помириться съ мыслью, что такіе періоды расцвѣта не могутъ продолжаться безконечно; мы не хотимъ знать, что въ литературахъ всѣхъ народовъ за ними слѣдовали времена литературнаго затишья, что у нѣмцевъ, напримѣръ, уже послѣ Гете и Гейне не было ни одного писателя, который могъ бы претендовать на первостепенное значеніе,—и мы очень строги и требовательны къ

писателямъ новымъ. Не будемъ, однако, ждать, что на насъ вновь посыплются Тургеневы и Достоевскіе, тѣмъ болѣе, что настали совсѣмъ новыя времена, и читающая публика пришла новая, съ страшно пониженными требованіями; а литература, въ ея полномъ составѣ, не можетъ избѣжать подобныхъ вліяній времени. Тѣмъ бережливѣе мы должны относиться къ фактамъ, доказывающимъ, что искра Божія таланта и эстетическаго отношенія къ жизни не оставили насъ совершенно.

II.

Произведенія В. Г. Короленка собраны, какъ извѣстно, въ одной книжкѣ: «Очерки и разсказы», да «Слѣпой музыкантъ» его вышелъ вслѣдъ за этою книжкою отдѣльно. Для характеристики его они только и важны, потому что напечатанные позже вышеупомянутые «Прохоръ и студенты» и нѣсколько небольшихъ, скорѣе этнографическихъ въ беллетристической формѣ, очерковъ, печатавшихся въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», ничего не прибавляютъ къ составу—«къ тоталитету», говоря стариннымъ терминомъ—его литературной дѣятельности. Въ «Очеркахъ и разсказахъ» г. Короленка важное мѣсто занимаетъ «Сонъ Макара», какъ произведеніе, которое и остановило общее вниманіе на авторѣ. Но этотъ фантастическій «святочный разсказъ», обнаруживающій только одну сторону таланта г. Короленка: силу воображенія, да еще развѣ его «направленіе», его «народническое» настроеніе, далеко не такъ характеренъ для лучшихъ сторонъ его дарованія; онъ скорѣе хорошо характеризуетъ отношеніе читателей къ литературѣ, ихъ требованія отъ нея. Поэтому мы пока оставимъ «Сонъ Макара» и остановимся на менѣе эффектныхъ, но болѣе содержательныхъ «Очеркахъ сибирскаго туриста», которые даютъ точное и ясное представленіе о томъ, что̀ есть и чѣмъ могъ бы быть авторъ для русской литературы.

Читатель припомнитъ содержаніе этихъ очерковъ. Спѣшно ѣдущій съ большими деньгами по сибирскому пути «туристъ» замѣчаетъ, что за нимъ чуть не открыто слѣдуютъ по пятамъ «бакланы», «жиганы», попросту разбойники, рыцари большихъ сибирскихъ дорогъ; довольно осязательныя данныя имѣетъ онъ и на то, что разбойники имѣютъ виды прямо на него. Но ѣхать надо,— и онъ ѣдетъ. На одномъ изъ постоялыхъ дворовъ его уговариваютъ переночевать, и самъ онъ знаетъ, что на предстоящемъ ему переѣздѣ лежитъ «логъ», самое опасное мѣсто на всемъ пути; но, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ ѣхать, и ямщикомъ ему даютъ «Убивца» по прозвищу, который и спасаетъ его отъ явнаго нападенія. Изъ разговора, слѣдующаго затѣмъ, туристъ узнаетъ странную судьбу этого человѣка, которому довелось убить одного изъ разбойниковъ

и тѣмъ разрушить цѣлое разбойничье гнѣздо. «Убивецъ» съ тѣхъ поръ внушаетъ страхъ разбойникамъ—и ненависть; пользуясь молвою, что его «не возьметъ» ни пуля, ни желѣзо, онъ оказываетъ неизмѣримыя услуги проѣзжающимъ, какъ спасъ и нашего туриста. Но черезъ мѣсяцъ послѣ встрѣчи съ этимъ оригинальнымъ лицомъ туристъ узнаетъ, что съ «Убивцемъ» всетаки покончили, и присутствуетъ при слѣдствіи объ этомъ убійствѣ, совершенномъ нѣкіимъ «Иваномъ тридцати восьми лѣтъ», по подговору отъявленнаго врага «Убивца», разбойника «Коськи». Вотъ канва, на которой авторъ создаетъ поистинѣ оригинальную картину сибирской жизни.

Въ картинѣ этой убійца «Иванъ тридцати восьми лѣтъ» является далеко не главною фигурою, только случайно проходя передъ «туристомъ» на маленькой части слѣдствія. Но остановитесь на этомъ второстепенномъ лицѣ и присмотритесь къ нему.—«Скажите, Иванъ тридцати восьми лѣтъ,—говоритъ ему слѣдователь,—вами ли совершено сего числа убійство ямщика Ѳедора Михайлова («Убивца»)?»—«Такъ точно, ваше благородіе, моя работа... Что ужъ, — видимое дѣло...».—«Молодецъ»,—одобрилъ бродягу Безрыловъ(засѣдатель,потатчикъ разбоевъ, конечно не безкорыстный).—«Что-жъ, ваше благородіе, зачѣмъ чинить напрасную проволочку?.. Не отопрешься».—«А по чьему наученію или подговору?»—продолжалъ слѣдователь.—«И откуда у васъ тѣ пятьдесятъ рублей тридцать двѣ копейки, которые найдены при обыскѣ?»—Бродяга вскинулъ на него своими задумчивыми глазами.—«Ну, ужъ это,—отвѣтилъ онъ,—ты, ваше благородіе, лучше оставь! Ты свое дѣло знаешь, ну, и я свое тоже знаю. Самъ по себѣ работалъ, больше ничего... Я, да темная ночь, да тайга-матушка... самъ третей!..».

Передъ нами, очевидно, закоренѣлый злодѣй, для котораго убійство—ничего не значащее дѣло. Но сцена измѣняется, и онъ обращенъ къ вамъ совсѣмъ новою и неожиданною стороной. — «А не желаете ли сказать,—говоритъ ему слѣдователь:—почему вы такъ звѣрски изрѣзали убитаго вами Ѳедора Михайлова? Вы имѣли противъ покойнаго личную вражду или ненависть?»—Допрашиваемый посмотрѣлъ на слѣдователя съ недоумѣніемъ.—«Пырнулъ я его ножикомъ разъ и другой... Болѣе, кажись, не было...Свалился онъ...».—Но ему предъявляютъ трупъ. «Вся грудь убитаго представляла одну зіяющую рану, прорѣзанную и истыканную въ разныхъ направленіяхъ. Невольный ужасъ охватывалъ душу при видѣ этихъ слѣдовъ изступленнаго звѣрства. Каждая рана была бы смертельна, но было очевидно, что большинство изъ нихъ нанесено мертвому...». «Жиганъ вздрогнулъ и отшатнулся». И вотъ, послѣ очевиднаго смущенія и волненія,—«ваше благородіе... хрестьяне православные,—заговорилъ онъ умоляющимъ тономъ:—не дѣлалъ я этого... Вѣрьте совѣсти—не дѣлалъ! Со страху нешто, не помню... Да нѣтъ, не можетъ этого быть»... Вдругъ онъ оживился. Глаза его въ первый

разъ сверкнули.—«Ваше благородіе,—заговорилъ онъ рѣшительно, подходя къ столу,—пишите: Костюшка это сдѣлалъ, Костинкинъ-рваная ноздря!.. Онъ, безпремѣнно онъ, подлецъ!.. Никто, какъ онъ, человѣка этакъ испакостилъ. Его дѣло... Все одно: товарищъ, не товарищъ—знать не хочу! Пишите, ваше благородіе!»...—И онъ начинаетъ полную исповѣдь всего убійства, умалчивая, однако, обо всемъ, что не касалось его или Константина. Слѣдователь думалъ было воспользоваться нѣкоторыми его проговорами, но получилъ отвѣтъ: «Ты вотъ что, господинъ, — ты слушай меня, пока я говорю, а спрашивать будешь послѣ»... Когда же, послѣ уже всего признанія, слѣдователь предложилъ убійцѣ «докончить чистосердечное признаніе», тотъ «принялъ прежній равнодушно-разсѣянный видъ» — «Будеть!—сказалъ онъ твердо:—болѣе не стану... Довольно!.. Про Костюшку-то все записали?.. Ну, и ладно, впередъ не пакости онъ! Прикажите, ваше благородіе, увести меня, болѣ ничего не скажу». Слѣдователь попробовалъ напомнить убійцѣ, что «чѣмъ полнѣе будетъ его сознаніе, тѣмъ мягче отнесется къ нему правосудіе», а что сообщниковъ своихъ онъ все равно не спасетъ. Но бродяга только пожалъ плечами.—«Это дѣло не наше. Мнѣ все единственно»,—просто сказалъ онъ.

«Туристу» естественно было ближе присмотрѣться къ этой удивительной личности, и онъ пошелъ къ нему. И сцена, послѣдовавшая тутъ, такъ характерна, что мы выпишемъ ее вполнѣ. «Тамъ (въ передней),—разсказываетъ авторъ:—въ углу, на лавкѣ, сидѣлъ жиганъ. Нѣсколько крестьянъ, караульныхъ, стояли въ сторонкѣ. Я подошелъ къ арестованному и сѣлъ рядомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и подвинулся. — Скажите мнѣ,—спросилъ я у него:—неужели у васъ, дѣйствительно, не было никакой вражды къ покойному Михайлову? — Бродяга вскинулъ на меня своими спокойными голубыми глазами. — Чего? — переспросилъ онъ,—какая можетъ быть вражда? Нѣтъ, не видывалъ я его ранѣе. — Такъ изъ-за чего же вы его убили? Вѣдь ужъ навѣрное не изъ-за тѣхъ пятидесяти рублей, что при васъ найдены? — Конечно, — произнесъ онъ задумчиво. — Намъ при нашей жизни, вдесятеро столько—и то на недѣлю хватитъ. А такъ, что значитъ... можетъ ли быть, напримѣръ, эдакое дѣло, чтобы вдругъ человѣка желѣзомъ не взять?—Неужто изъ любопытства стоило убивать другаго, да и себѣ жизнь портить?—Бродяга посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то удивленіемъ.—Жизнь, говоришь?... Себѣ, то-есть?... Какая можетъ быть моя жизнь? Вотъ нынче я Михалыча прикончилъ, а доведись иначе—можетъ быть, онъ бы меня уложилъ...— Ну, нѣтъ, онъ не убилъ бы.—Твоя правда: могъ онъ убить меня— самъ живъ бы остался».—Тебѣ его жалко?—Бродяга посмотрѣлъ на меня, и взглядъ его сверкнулъ враждой. — Уйди ты! Что тебѣ надо?—сказалъ онъ и потомъ прибавилъ, понуривъ голову:—такая

ужъ мнѣ линія!...—Какая?—А вотъ такая же... Потому, какъ мы съизмалѣтства на тюремномъ положеніи.—А Бога ты не боишься?—Бога-то? — усмѣхнулся бродяга и тряхнулъ головой. — Давненько что-то я съ нимъ, съ Богомъ-то, не считался... А надо бы! Можетъ, еще за нимъ сколько нибудь моего замолёнаго осталось. Вотъ что, господинъ, — сказалъ онъ, перемѣнивъ тонъ: — ничего этого намъ не требуется. Что ты присталъ? Говорю тебѣ: линія такая. Вотъ теперь я съ тобой бесѣдую, какъ слѣдуетъ быть, аккуратно, а доведись въ тайгѣ-матушкѣ или хоть тотъ разъ, въ логу, — тутъ опять разговоръ былъ бы иного роду... Потому — линія другая... Эхма!—Онъ опять встряхнулъ своими русыми волосами. — Нѣтъ ли, господинъ, табачку покурить? Страсть курить охота,—заговорилъ онъ вдругъ какъ-то развязно; но мнѣ эта развязность показалась напускной, фальшивой»...

Въ этихъ немногихъ сценахъ, которыми, однако, и исчерпывается все, что считалъ авторъ нужнымъ сказать о своемъ кровавомъ героѣ, — не весь ли человѣкъ съ его настоящимъ, прошлымъ и будущимъ! Нужно удивляться, съ какимъ замѣчательнымъ мастерствомъ и на столь маломъ пространствѣ и времени авторъ сумѣлъ очертить такими крупными и яркими чертами этотъ сложный характеръ, заглянувъ ему въ душу необыкновенно глубоко и проницательно. Обрисовка характерной личности убійцы въ высокой степени художественна: въ его поведеніи нѣтъ лишняго движенія, въ его словахъ — ни одного лишняго слова, каждое на своемъ мѣстѣ естественно и просто вытекаетъ изъ его положенія и характера; а вмѣстѣ съ тѣмъ было бы излишне прибавлять что нибудь къ краткому, но рельефному описанію ея, сдѣланному авторомъ, — онъ исчерпанъ совершенно, съ той, по крайней мѣрѣ, точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ. Г. Короленко дѣлаетъ все это безъ усилій объяснить его, даже безъ всякихъ описаній и характеристикъ: онъ просто даетъ «óбразъ», который говоритъ самъ за себя понятнѣе, чѣмъ могли бы сказать сотни разъясненій и описаній. Какъ характерны эти маленькія вставочки, которыя нашъ авторъ влагаетъ въ уста убійцы, въ сценахъ допроса: такъ и выдвигается передъ вами этотъ нравственный, или скорѣе, волею судебъ—безнравственный, крѣпышъ, какъ гвоздемъ прибивающій своимъ краткимъ словомъ всѣ поползновенія слѣдователя вытянуть изъ него что нибудь лишнее противъ того, что онъ самъ хочетъ сказать. При всемъ томъ, ни малѣйшаго стремленія къ эффектности изображенія. Все просто и психологически естественно и понятно. И только чуть-чуть сквозитъ намѣреніе автора нѣчто сказать своимъ героемъ, вѣское и поучительное, а не просто изобразить. Но такъ какъ то, что авторъ хочетъ выразить, вполнѣ совпадаетъ съ правдой и естественностью, васъ не поражаютъ эти стремленія его, вы ихъ не замѣчаете.

Въ лицѣ убійцы авторъ представилъ, притомъ, типическое явленіе мрачной среды, съ значеніемъ яснымъ и внушительнымъ. Что такое его убійца? Душегубъ по натурѣ? кровожадный звѣрь, смотрящій на людей, какъ на средство для своихъ страстей? Или онъ просто человѣкъ, лишенный нравственнаго элемента въ своей натурѣ? Но не нужно никакой особенной проницательности, разъ передъ вами вѣрное изображеніе его, чтобы не придать ему никакой подобной характеристики, и согласиться, что онъ—мощная натура—и глубоко несчастный человѣкъ. Въ страшную среду, въ которой ему суждено жить, онъ принесъ съ собою изъ общаго человѣческаго міра желѣзную волю, заковавшую его характеръ, замѣчательный здравый смыслъ, если не умъ, рѣдкую честность натуры, чуждающейся всего низкаго, и всѣ эти задатки могли бы въ другихъ условіяхъ сдѣлать изъ него полезнѣйшаго и, быть можетъ, замѣчательнаго человѣка. Но онъ—«съизмальства на тюремномъ положеніи», и міръ убійцъ и всяческихъ отверженцевъ общества накладываетъ на него свою тяжелую печать. Онъ—тоже отверженецъ общества, видящаго въ немъ врага и становящагося къ нему въ неизмѣнно враждебныя отношенія. Законовъ общества, какъ враждебнаго ему, онъ естественно не признаетъ; для него существуютъ другіе законы, которые выработалъ себѣ своеобразный міръ, по неволѣ ему родственный. Но въ душѣ его есть нѣчто, что даетъ ему вѣчно и непрестанно чувствовать и понимать, что послѣдніе законы находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ истиной; въ немъ хранится совѣсть, которая если и «дремлетъ», то немедленно просыпается «въ черный день». И въ этомъ—глубокій трагизмъ его существованія: будь онъ просто злостнымъ и потерявшимъ всякую тѣнь нравственнаго сознанія убійцею, ему жилось бы неизмѣримо легче. Все это ясно и рисуется передъ читателемъ въ изображеніи г. Короленка. Ему говорятъ, что такого-то нельзя «взять» желѣзомъ; его положительный и здравый смыслъ протестуетъ противъ очевидной нелѣпости. Ему предлагаютъ испытать на дѣлѣ,—и ему нѣтъ основаній отказаться: убійство самое обыкновенное дѣло между окружающими его, а тяжелый, твердый и рѣшительный нравъ дѣлаетъ ему легкою задачу, непосильную для другихъ. И онъ убиваетъ. И съ какой рѣшительностью и мужествомъ совершаетъ онъ свое дѣло! Уже побѣжденный, связываемый, онъ находитъ въ себѣ достаточно присутствія духа, чтобы потихоньку вытащить другой ножъ, спрятанный въ сапогѣ, и поразить свою жертву, когда всякій другой непремѣнно растерялся бы. Но сдѣлавши «обыкновенное» дѣло, вполнѣ подходящее, повидимому, къ его «линіи», онъ глубоко возмущенъ безсмысленнымъ и злобнымъ насиліемъ надъ трупомъ со стороны другаго; да и самъ онъ видимо страдаетъ отъ сознанія, что случайная жертва его не совсѣмъ подходитъ къ тѣмъ людямъ, убійство которыхъ оправдывается тою же «линіей». И

сознательно выдвигая свою теорію «линіи», выпавшей на его долю, онъ внутренно чувствуетъ мученія совѣсти. Это—не банальный убійца, а человѣкъ, отчаявшійся въ своей жизни, поставившій на себѣ крестъ, сознающій при томъ, что и несетъ онъ тяжкій крестъ преступной жизни, совсѣмъ не свойственной его нравственной природѣ. Нужно думать, что среди отверженцевъ общества, среди невольныхъ обитателей безграничныхъ пространствъ Сибири, есть не мало гибнущихъ силъ, олицетвореніемъ которыхъ служитъ этотъ убійца, изображенный г. Короленкомъ. И немногія страницы, посвященныя ему авторомъ, могли бы занять мѣсто въ ужасающей и въ то же время удивительной картинѣ «Мертваго дома», написанной Достоевскимъ.

Мы такъ долго остановились на одномъ только персонажѣ очерка г. Короленка не безъ основанія. Въ короткой характеристикѣ писателя, совсѣмъ не имѣющей цѣлію своей разборъ всѣхъ его произведеній, мы хотѣли подробнымъ анализомъ хотя бы только одного лица, но ясно и точно указать свойства таланта нашего автора. Онъ владѣетъ въ значительной степени драгоцѣннѣйшимъ качествомъ художественнаго творчества—способностью типическаго изображенія жизненныхъ явленій. И эта способность проявляется въ его произведеніяхъ повсюду. Все, что сказано нами по поводу «бродяги», относится въ той или другой мѣрѣ ко всѣмъ персонажамъ его. Оригинальную и типическую фигуру представляетъ «Убивецъ» въ томъ же разсказѣ, оригинальны и типичны его «соколинцы» и проч., и проч.; и если есть исключенія, о чемъ сказано будетъ ниже, то уже это не вина таланта нашего автора, а нѣчто совершенно иное. Остается, однако, вопросъ, почему же мы взяли для нашего анализа лицо второстепенное въ очеркахъ г. Короленка, а не одно изъ тѣхъ, на которыхъ авторъ сосредоточилъ больше вниманія и потратилъ больше художественныхъ силъ и красокъ. На это отвѣтъ очень простой: свойства таланта едва ли не всегда выражаются съ большей рельефностью на томъ, что создается воображеніемъ непосредственно, безъ предвзятыхъ цѣлей и намѣреній. И это въ особенности примѣнимо именно къ г. Короленку, какъ мы сейчасъ увидимъ. Затѣмъ убійца Ѳедора Михайлова—едва ли не одинъ изъ самыхъ удачныхъ характеровъ, изображенныхъ нашимъ талантливымъ авторомъ.

Художественное отношеніе къ жизни, сказавшееся въ типическомъ изображеніи ея, заранѣе заставляетъ предполагать въ г. Короленкѣ развитое и чуткое пониманіе красоты природы. И вы немедленно убѣждаетесь въ этомъ, читая «полѣсскую легенду» его: «Лѣсъ шумитъ». И не только самъ онъ обладаетъ «чувствомъ» природы, но знаетъ, въ какихъ формахъ оно проявляется у стараго дѣда, весь свой долгій вѣкъ прожившаго среди лѣснаго шума и говора. «Хорошо знаю,— ведетъ рѣчь дѣдъ: — какъ дерево гово-

рить... Дерево, хлопче, тоже боится... Вотъ осина, проклятое дерево, все что-то лопочетъ; и вѣтру нѣтъ, а оно трясется. Сосна на бору въ ясный день играетъ-звенитъ, а чуть подымется вѣтеръ, она загудитъ и застонетъ. Это еще ничего... А ты вотъ слушай теперь... Я хоть глазами плохо вижу, а ухомъ слышу: дубъ зашумѣлъ, дубы ужъ трогаетъ на полянѣ... Это къ бурѣ». Такое характерное описаніе даетъ нашъ авторъ, влагая его въ уста стараго дѣда, которому они какъ разъ подходятъ.

III.

Изъ всего сказаннаго читатель, мало знакомый съ произведеніями г. Короленка, можетъ увидѣть въ немъ истиннаго, настоящаго художника, неистощимаго по части художественно-типическихъ изображеній жизни и природы. Но, прочитавъ вполнѣ хоть одинъ изъ его очерковъ, онъ въ этомъ смыслѣ не найдетъ оправданныхъ ожиданій. Дѣло въ томъ, что замѣчательно типическое изображеніе убійцы въ «Очеркахъ сибирскаго туриста» и привлекательныя изображенія природы приведены нами только съ цѣлію показать, что могъ бы дать талантъ г. Короленка русской литературѣ, а не что онъ далъ и согласится дать ей.

Въ наше время отъ литературныхъ произведеній требуется главнымъ образомъ не художественность, а содержаніе; а подъ содержаніемъ разумѣется прежде всего «направленіе». Худо ли это, хорошо ли, но это такъ. И авторъ нашъ отдаетъ въ этомъ отношеніи полную дань времени. Кстати сказать, онъ счастливо избѣжалъ, какъ нужно полагать, именно этимъ своеобразной современной «художественности» «натуралистической» школы,—«художественности», заимствованной отъ французскихъ писателей, хотя, по правдѣ сказать, истинная художественность всегда оригинальна и ничего заимствованнаго не терпитъ. И потому въ произведеніяхъ г. Короленка нѣтъ мелочныхъ описаній обстановки, въ которой дѣйствуютъ его персонажи, обыкновенно безъ цѣли и нерѣдко безъ смысла загромождающихъ литературное произведеніе и уже никакъ не способствующихъ къ ясному пониманію того, что описывается и разсказывается. Такъ мы видѣли, что въ сценѣ съ убійцей сибирскаго туриста нѣтъ ни слова описанія той скамейки, на которой они сидѣли, и хотя, можетъ быть, скамейка эта была очень любопытное произведеніе рукъ человѣческихъ, но читатель нимало не теряетъ отъ того, что ему объ этомъ подробно не доложили. Что касается до направленія, то оно сказалось на произведеніяхъ г. Короленка со всею силою,—и какое оно обнаружило на нихъ вліяніе, мы сейчасъ увидимъ. Но прежде всего нѣсколько словъ о самомъ направленіи.

Мысли и стремленія нашего автора намъ очень симпатичны. Ими онъ примыкаетъ къ тому великому прошлому нашей литературы, когда существовало и царило направленіе «истинно гуманическое», «живое и дѣйственное». Нашъ авторъ сумѣлъ открыть и показать съ силой художественнаго откровенія живую душу въ самомъ, казалось бы, отребьѣ человѣчества, въ гнусномъ убійцѣ изъ любопытства и изъ-за «теоретическаго» вопроса: «что значитъ... можетъ ли быть, напримѣръ, эдакое дѣло, чтобы вдругъ человѣка желѣзомъ не взять?» Но то «истинно-гуманическое» направленіе, въ своемъ первоначальномъ видѣ, «было и быльемъ поросло», говоря словами, поставленными г. Короленкомъ эпиграфомъ къ одному изъ произведеній его: съ теченіемъ времени оно пережило не одну метаморфозу. Изъ него вышла обличительная литература, ему же обязано происхожденіемъ «литературное народничество», которыя въ свою очередь переходили предѣлы всяческихъ крайностей. Всѣ эти наслоенія не могли не отразиться на нашемъ писателѣ. Человѣкъ послѣдней формаціи, онъ истинный «народникъ», въ хорошемъ значеніи этого слова. Но какъ ни хорошо это значеніе, оно предполагаетъ нѣчто, не всегда удобное для литературнаго творчества. Дѣло въ томъ, что народникъ, по самому смыслу своего ученія, принципіальный почитатель и защитникъ «народа», то-есть той сѣрой массы, которая осуждена наиболѣе нести всѣ невзгоды человѣческаго существованія; а вмѣстѣ съ тѣмъ—онъ недругъ всякаго притѣсненія и всякихъ притѣснителей народа. Въ принципѣ это прекрасно; но въ частномъ примѣненіи, на основаніи теоріи, можетъ имѣть свои недостатки, и въ литературномъ смыслѣ оно можетъ быть не всегда удобно, какъ увидимъ. Кто врагъ сибирскаго «народа?» Это прежде всего несправедливый чиновникъ, издавна, прославленный своими неправдами. Въ общемъ впечатлѣніи трудно же разобраться, всѣ ли чиновники неправедны, и упрекъ они естественно несутъ всѣ. И въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго, все это можно допустить, пусть даже должно. Но представьте себѣ художника, рисующаго вамъ жизнь Сибири въ ея общности—и народъ, и чиновниковъ, притомъ художника «народника», не чуждаго и обличительнаго элемента. Въ «народѣ», хотя бы прямо въ убійцѣ изъ «народа», естественно онъ будетъ искать «душу живу», и если онъ талантливъ, какъ г. Короленко, сумѣетъ вамъ показать въ этомъ убійцѣ истиннаго «человѣка». Но сибирскому чиновнику, вполнѣ преступному—признаемъ, полагается ли имѣть «живую душу»? Это вопросъ странный, не лишенный даже комизма. И тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть поставленъ.

Мы опять теперь въ сферѣ художественнаго творчества г. Короленка. У него мы должны найти отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. Передъ нами «засѣдатель», отставной армейскій штабсъ-капитанъ Безрыловъ, на слѣдствіи, которое уже отчасти описано

нами. Когда онъ узнаетъ, что убійца арестованъ, «глаза Безрылова забѣгали, какъ два затравленные зайца», онъ «кидаетъ быстрый, враждебный взглядъ на крестьянъ и на своего ямщика». На допросѣ онъ «великолѣпенъ». Когда «Иванъ тридцати восьми лѣтъ» грубо заявляетъ, что его «работа»—убійство «Убивца», Безрыловъ одобряетъ бродягу словомъ: «Молодецъ»! Когда бродяга дерзко отказывается сказать, почему онъ совершилъ убійство, «Безрыловъ крякнулъ и съ наслажденіемъ отхлебнулъ сразу полстакана (чаю), кидая на Проскурова (слѣдователя) насмѣшливый взглядъ. Затѣмъ онъ уставился на бродягу, видимо, любуясь его образцовою тюремною выправкой, какъ любуется служака-офицеръ на браваго солдата». Когда убійца, пораженный видомъ изуродованнаго трупа, неожиданно дѣлаетъ свои показанія, «Безрыловъ разочарованно смотрѣлъ на ослабѣвшаго бродягу»... Когда, раньше всего этого, осматривали изуродованный трупъ, и всѣ охвачены были невольнымъ ужасомъ, то, по словамъ автора, «даже господинъ Безрыловъ потерялъ свою «развязность» и произнесъ «рракалья!» Вотъ характеристика, данная авторомъ «засѣдателю»,—прямо, какъ видите, съ полной враждебностью; даже фамилія ему придумана—«Безрыловъ». Мы вполнѣ понимаемъ благородныя чувства автора и раздѣляемъ ихъ... Но гдѣ же художникъ, съ такою необыкновенною проницательностью заглянувшій въ душу убійцы? Въ лицѣ Безрылова передъ нами не художественно созданный типъ, а манекенъ, прикрытый кое-какими лохмотьями художественности; а художественность однозначаща, вѣдь, съ словомъ «истина», какъ сказалъ еще Гёте, видѣвшій въ «Dichtung»—«Wahrheit». Безрыловъ намѣренно обращенъ къ читателю, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ уже одною своею стороной: въ немъ нѣтъ «человѣка». Намъ думается, что, какъ и въ убійцѣ, авторъ могъ бы поискать въ засѣдателѣ иныя черты, которыя сочувствія къ нему не вызвали бы, но глубже освѣтили бы весь вопросъ, связанный съ необходимостью измѣненія сибирскаго чиновничества. Зло не въ томъ, что злые люди злы, а въ томъ, что и натуры добрыя по существу дѣлаютъ постыдныя вещи вслѣдствіе извращенности нравственныхъ инстинктовъ, какъ это и ясно на примѣрѣ убійцы, изображеннаго тѣмъ же г. Короленкомъ. И сибирскому чиновнику совсѣмъ не нужно имѣть фамилію Безрыловъ, одобрять убійцъ и «разочарованно смотрѣть» на ихъ признанія, чтобы одновременно съ тѣмъ быть бичемъ народа. И, конечно, между ними, навѣрное, добрая половина людей простодушныхъ и не злыхъ, отъ чего сибирскому народу ничуть не легче. Словомъ, голая тенденціозность въ изображеніи засѣдателя нимало не помогаетъ автору достигнуть того впечатлѣнія, на которое онъ расчитывалъ, конечно.

Такимъ образомъ, передъ нами, въ характеристикѣ нашего автора, два вывода, имѣющіе, должно сказать, общее значеніе:

г. Короленко обладаетъ очень сильнымъ, цѣннымъ талантомъ, съ необыкновенной способностью извлекать изъ явленій жизни типическія черты—это первое; второе—то, что, увлекаемый направленіемъ и тенденціозностью, онъ невольно измѣняетъ своему проницательному таланту, который, съ своей стороны, измѣняетъ ему. И для г. Короленка, быть можетъ, было бы цѣлесообразнѣе оставить свое направленіе для ума и сердца, но не подчинять ему своего свободнаго воображенія; умъ и сердце въ этомъ случаѣ сумѣли бы положить на его произведенія свою печать, и все дѣло его ничего бы не потеряло.

Былъ, впрочемъ, моментъ въ литературной дѣятельности нашего автора, когда, казалось, онъ готовъ былъ пойти дорогой психолога-художника: онъ написалъ своего «Слѣпого музыканта». Онъ не потерпѣлъ на этомъ новомъ пути фіаско, но все же путь этотъ не привелъ его ни къ чему. Судьба названнаго произведенія собственно очень проста. Авторъ взялъ на себя сложнѣйшую задачу: изобразить психическую жизнь человѣка, лишеннаго зрѣнія, въ ея послѣдовательномъ развитіи, обнаружилъ много знанія человѣческой души, но произведеніе, во всей своей цѣлости, не могло оказаться стоящимъ на полной высотѣ. И все дѣло въ томъ, что взятая авторомъ задача была бы по плечу развѣ геніальному писателю.

IV.

Если на г. Короленка нельзя было возлагать «надеждъ» въ томъ смыслѣ, какъ это сказано въ началѣ нашего очерка, то большое дарованіе его позволяло ожидать рядъ произведеній, которыя выдвинули бы имя его далеко впередъ среди современныхъ писателей. Между тѣмъ этого не случилось. Небольшою книжкою очерковъ, да «Слѣпымъ музыкантомъ» почти закончилась его художественная дѣятельность, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ изъ-подъ пера его не выходило ничего, что могло бы равняться съ его прежними произведеніями. Невольно ставится вопросъ, что же за причина его неожиданно долгаго молчанія. Намъ кажется, что отвѣтъ мы можемъ найти въ этихъ прежнихъ произведеніяхъ автора, въ ихъ совокупности. Разсмотримъ ихъ по порядку, какъ они напечатаны въ книжкѣ, со стороны ихъ содержанія, чтобы опредѣлить, что̀ интересуетъ автора, какія задачи литературныя онъ себѣ ставитъ; отсюда можетъ вытекать самое простое заключеніе, что авторъ не находитъ для себя интересныхъ, волнующихъ темъ.

Книжка его начинается разсказомъ «Въ дурномъ обществѣ (изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля)». Разсказъ этотъ, въ которомъ много прекрасныхъ поэтическихъ мѣстъ, по существу пред-

ставляетъ, подобно «Слѣпому музыканту», психологическую задачу. Ребенокъ, ростущій безъ матери и безъ призора отца, подавленнаго потерею жены, знакомится съ своего рода отверженцами общества, съ семьей бѣдняка, живущаго нищей жизнью въ какомъ-то сыромъ подземельѣ, дружится съ дѣтьми его, безъ вѣдома отца. Зрѣлище бѣдности и униженія бѣдняка, соединенныхъ съ гордостью, должны, какъ нужно думать, по намѣреніямъ автора, имѣть благотворное вліяніе на ребенка, хотя, по правдѣ сказать, глубокаго психологическаго анализа въ этомъ направленіи нѣтъ. Но сношенія съ «дурнымъ обществомъ» помогаютъ заброшенному ребенку явиться передъ отцемъ въ своемъ настоящемъ видѣ, съ скрываемой до того нравственной физіономіей, и въ концѣ концевъ обратить на себя его вниманіе. Къ этой развязкѣ послужила кукла сестры маленькаго героя, которую онъ отнесъ въ утѣшеніе умирающей дѣвочкѣ: отецъ принялъ этотъ фактъ за кражу куклы сыномъ и вдругъ съ удивленіемъ узнаетъ отъ отца дѣвочки о нѣжныхъ и сострадательныхъ чувствахъ сына. Какъ видитъ читатель, фабула нѣсколько спутанная, лишенная единства и цѣлостности; таковъ и весь разсказъ. Но онъ проникнутъ столь глубокимъ чувствомъ, что невольно наводитъ на мысль, что авторъ описываетъ тутъ дѣйствительно свои «воспоминанія», что въ основу разсказа положена видоизмѣненная дѣйствительность.

Затѣмъ слѣдуетъ «Сонъ Макара». Авторъ обнаруживаетъ въ немъ необыкновенное состраданіе къ печальной жизни бѣдняка-якута. Онъ заставляетъ его явиться, послѣ странно-фантастическаго путешествія, какъ бы умершимъ уже, на судъ «стараго Тойона», быть осужденнымъ имъ за грѣхи, но горячимъ и горестнымъ перечисленіемъ своихъ бѣдствій на землѣ заставить заплакать самого Тойона, его «работниковъ» съ крыльями и самого себя. Это произведеніе прямо тенденціозное, но проникнутое горячимъ чувствомъ и блещущее прекрасными описаніями природы. Собственно художественнаго изображенія жизни въ немъ нѣтъ, хотя ясно, что авторъ близко видѣлъ жизнь якутовъ.

«Лѣсъ шумитъ»—опять тенденціозное произведеніе, имѣющее прямою цѣлію изобразить страшную неправду помѣщичьяго произвола и самодурства: авторъ описываетъ въ «легендѣ» убійство стараго барина мужемъ оскорбленной имъ его крѣпостной женщины и влюбленнымъ въ нее «казакомъ». И опять въ этой легендѣ нѣтъ типическихъ характеровъ, а только распространенная фабула, переданная опять съ горячимъ чувствомъ и прекрасными описаніями природы.

«Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ»—это уже совершенно лирическое произведеніе,—разсказъ о больномъ арестантѣ, воспользовавшемся отсутствіемъ, ушедшихъ въ церковь, товарищей и сторожей, чтобы уйти на волю, и убитомъ при этой попыткѣ. «Старый

звонарь (весенняя идиллія)» еще болѣе подходитъ къ этому опредѣленію; въ немъ только и есть чувство о печально прожитой жизни «старымъ звонаремъ», который тутъ же на колокольнѣ и умираетъ среди своихъ горькихъ чувствъ и воспоминаній. Если не ошибаемся, этотъ разсказъ—одно изъ раннихъ произведеній г. Короленка.

Но вотъ мы вступаемъ въ совершенно новый міръ съ сибирскими разсказами автора, и талантъ его является передъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи. Въ произведеніяхъ его появляются типическіе характеры. Тенденціозность его бьетъ въ глаза; своего «Убивца» онъ заставляетъ даже сказать такую фразу: «Сказываютъ люди, будутъ и у насъ суды правильные,—вотъ я и жду, привелъ бы Богъ у присяжныхъ судей обсудиться, какъ они скажутъ». Со стороны автора, конечно, это своеобразная пропаганда достоинства суда присяжныхъ. О сибирскомъ чиновникѣ въ изображеніи г. Короленка мы уже говорили. Но такъ или иначе рядъ яркихъ типическихъ лицъ проходитъ передъ вами съ примѣсью тенденціозныхъ стремленій автора. И къ этому разряду произведеній г. Короленка относится собственно два: «Очерки сибирскаго туриста» и «Соколинецъ».

Остается еще одинъ разсказъ: «Въ подслѣдственномъ отдѣленіи», помѣченный 1880 годомъ, написанный слѣдовательно раньше другихъ сибирскихъ очерковъ, и въ немъ васъ поражаетъ совершенно особый характеръ его. Это не беллетристическій разсказъ, а простое описаніе любопытныхъ субъектовъ, встрѣченныхъ авторомъ, съ странными воззрѣніями, съ мечтами о какомъ-то «стояніи за Бога, за великаго государя, за Христовъ законъ» и т. д. противъ «смѣненій» вообще и противъ «земскаго смѣненія», то-есть, попросту, противъ земской реформы. Авторъ является тутъ передъ вами и самъ пораженный невиданными дивами жизни и глубоко, со страстью, стремящійся проникнуть въ ихъ таинственный смыслъ. Разсказъ «Въ подслѣдственномъ отдѣленіи» есть уже просто любопытная этнографическая картина, поучительная въ высокой степени, но съ художественнымъ творчествомъ имѣющая общаго слишкомъ мало. Тутъ простые факты, наблюденія автора, переданныя въ талантливомъ и яркомъ изложеніи.

Вотъ собственно все, что есть извѣстнаго и цѣннаго въ произведеніяхъ г. Короленка. Всматриваясь въ нихъ, вы не можете не отмѣтить, что произведенія, написанныя не о сибирскихъ людяхъ и фактахъ, дышатъ только теоретическими мыслями, тенденціями, согрѣтыми горячимъ чувствомъ, но почти не претендуютъ на отраженіе жизни въ ея обычномъ теченіи. А это прямо указываетъ, что авторъ мало знаетъ эту не сибирскую дѣйствительность—не по книгамъ, а по непосредственному художническому наблюденію. Въ этихъ произведеніяхъ онъ является теоретикомъ извѣстнаго направленія и настроенія, и онъ проводитъ «идеи», то-есть собственно

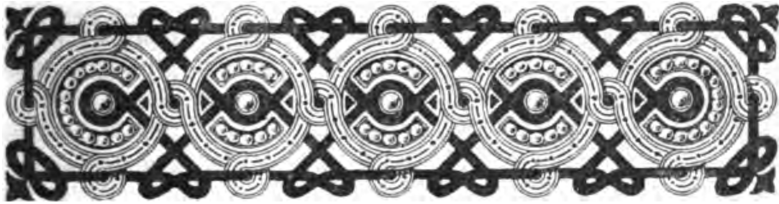
тенденціи, въ общество, подъ прикрытіемъ изображенія дѣйствительной жизни. Сильное воображеніе и художественный талантъ спасаетъ его отъ такихъ картинъ жизни, которыя показались бы прямо выдуманными и фальшивыми. Въ Сибири авторъ, очевидно, былъ пораженъ своеобразнымъ и страшнымъ міромъ «отверженцевъ общества», глубоко вглядѣлся въ него, и его художественный талантъ нашелъ здѣсь себѣ вѣрную дорогу. Онъ создалъ нѣсколько такихъ произведеній,—вѣрнѣе: въ произведеніяхъ этихъ, въ общемъ тенденціозныхъ, создалъ нѣсколько такихъ характеровъ, которые обнаружили въ немъ замѣчательную способность художественно-типическихъ изображеній жизни.

Изъ сказаннаго непосредственно вытекаетъ слѣдующее. Г. Короленко принадлежитъ къ тѣмъ талантамъ, которые могутъ создавать дѣйствительно цѣнныя типическія картины жизни только въ результатѣ и на основаніи наблюденія, изученія. И если это такъ, то понятна его литературная судьба. Истративъ въ своихъ очеркахъ результаты сибирскихъ наблюденій, а съ другой стороны, невольно чувствуя въ себѣ отсутствіе запаса наблюденій иныхъ, но въ то же время вѣруя уже въ свой талантъ и ища темъ, онъ долженъ былъ безъ всякой послѣдовательности бросаться то въ воспоминанія дѣтства, то въ міръ легендъ Полѣсья и т. д.—и въ концѣ концовъ дойти до «Слѣпаго музыканта», задачи въ сущности теоретической, нуждающейся для своего рѣшенія въ забытомъ и частью осмѣянномъ методѣ «поэтическаго прозрѣнія», т. е. прозрѣнія силою таланта и ума, и еще необыкновеннаго знанія общихъ законовъ души человѣческой. Но даже и такое «прозрѣніе» не всегда можетъ угадать и изобразить тѣ внѣшнія формы жизни, въ которыя воплотятся законы человѣческаго духа въ тѣхъ или другихъ условіяхъ.

Если мы правы, намъ остается пожелать, чтобы, съ теченіемъ времени, авторъ нашъ глубже и безъ предвзятыхъ взглядовъ всмотрѣлся въ ту жизнь, которая окружаетъ его, и уловилъ ея законы. И тогда онъ дастъ русской литературѣ такое произведеніе, которое оставитъ за собою всѣ предыдущія.

Арсеній Введенскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА [1].

VII.

Опять въ Варшавѣ.—Кофейня Пильцевой.—Охота на улицахъ Варшавы.—Мой выѣздъ изъ Варшавы.—Возвращеніе въ шайку.—Засада на поѣздъ желѣзной дороги.—Новый планъ Стасюкевича.—Неудача и недовольство шайки.—Преслѣдованіе шайки русскими войсками.—Шайка Стасюкевича разбита.—Мое рѣшеніе ѣхать въ царство Польское.

Я ОСТАНОВИЛСЯ въ Парижской гостинницѣ на Бѣлянской улицѣ и сейчасъ же пошелъ въ баню, послѣ чего уснулъ такъ, какъ давно не спалъ. Проснувшись на другой день, я вышелъ полюбоваться Варшавой. Не смотря на аресты и даже казни, городъ находился, можно сказать, въ веселомъ настроеніи. Всѣ чего-то ждали, на что-то твердо надѣялись и не скрывали этой надежды. Собирались въ кофейняхъ, главнымъ образомъ на Краковскомъ предмѣстьѣ въ кофейнѣ Пильцевой, читали газеты, шумѣли. Я случайно зашелъ въ кофейню Пильцевой, не зная, что здѣсь собираются польскіе революціонеры (swietne towarzystwo), и встрѣтилъ Мѣлевскаго. Я очень былъ радъ этому случаю, тѣмъ болѣе, что помнилъ порученіе, данное мнѣ Стасюкевичемъ. Поздоровавшись, онъ познакомилъ меня съ тремя молодыми людьми, и отъ нихъ я узналъ, что будетъ производиться какая-то охота на улицахъ Варшавы. Я не имѣлъ времени даже разспросить,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. L, стр. 74.

что это будетъ за охота, такъ какъ вдругъ всѣ бросились къ окну. Я послѣдовалъ за другими и увидѣлъ, что на улицѣ арестовали одного за другимъ двухъ человѣкъ.

— Сегодня, значитъ, охота на брюнетовъ, такъ какъ вчера была на блондиновъ,—замѣтилъ одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ.

Я все еще не понималъ, что это значитъ. Въ это время Мѣлевскій предложилъ отправиться въ Саксонскій садъ, и скоро мы уже сидѣли на главной дорожкѣ сада. Недолго, впрочемъ, мы здѣсь оставались. Неожиданная вѣсть заставила моихъ товарищей удалиться изъ сада. Пришелъ какой-то господинъ, запыхавшійся, и одному изъ нихъ шепнулъ что-то на ухо. Послѣ этого они наскоро попрощались со мною и ушли изъ сада, сказавъ только, что охота усиливается. Я такимъ образомъ остался одинъ. Мнѣ было очень интересно посмотрѣть, въ чемъ заключается охота. Я вышелъ изъ сада и на Краковскомъ предмѣстьѣ остановился возлѣ одной кучки, въ которой дѣйствовалъ частный приставъ. Завидя какое нибудь подозрительное лице, онъ приказывалъ его арестовать, и арестованнаго полиція тотчасъ замыкала въ свой кружокъ. Едва я остановился, какъ ко мнѣ подошелъ полицейскій, котораго я сначала не замѣтилъ, и предложилъ слѣдовать за нимъ со словами: «Я васъ арестую».

Когда полиція набрала такимъ образомъ до десяти человѣкъ, мы тронулись къ ближайшей части. Здѣсь насъ ввели въ большую комнату, дверь которой была охраняема двумя часовыми. Здѣсь уже было много другихъ арестованныхъ, такъ что пока дошла очередь до меня, прошло два часа. Осмотръ производился очень тщательно, и меня подвергли допросу, на которомъ я сказалъ, что только вчера пріѣхалъ въ Варшаву, остановился въ Парижской гостинницѣ, № 3, на Бѣлянской улицѣ, что послѣзавтра, если обстоятельства позволятъ, уѣду, что пріѣхалъ только къ портному, который долженъ мнѣ сшить платье къ моей свадьбѣ.

Все это вранье было записано дословно. Затѣмъ приступили къ обыску. Велѣли мнѣ снять платье, которое начали осматривать нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ; заставили даже снять бѣлье. Я повиновался. Хорошо, что я, пріѣхавъ въ Варшаву, спряталъ въ одинъ изъ стульевъ моего номера паспортъ и производство (nominacije), за которое я навѣрно могъ попасть въ цитадель. Такимъ образомъ, моя предусмотрительность спасла меня отъ ареста. Полицейскіе, не найдя ничего предосудительнаго, выпустили меня. Это заставило меня на другой же день уѣхать изъ Варшавы. Я былъ чрезвычайно доволенъ, когда очутился за чертой города. Безъ всякихъ особенныхъ приключеній я добрался до своей партіи.

Я нашелъ нашихъ офицеровъ за неубраннымъ послѣ ужина столомъ, на которомъ стояло нѣсколько не оконченныхъ бутылокъ.

Первый вопросъ ихъ былъ о французахъ. Я сообщилъ, что со дня на день ихъ ожидаютъ въ Варшавѣ. Товарищи мои ободрились и потребовали доказательствъ. Я уклонился отъ этого и съ своей стороны спросилъ, отчего они все странствуютъ, переходятъ изъ одного мѣста на другое. Оказалось, что военный воевода упрекнулъ Стасюкевича въ бездѣйствіи и приказалъ двинуться къ Чижову, гдѣ собирались партіи подъ главнымъ начальствомъ Фриче. Стасюкевичъ двинулъ свою партію по указанному направленію, но скоро узналъ, что Фриче разбитъ. Тогда Стасюкевичемъ былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили не возвращаться назадъ, а идти къ линіи желѣзной дороги и сдѣлать тамъ засаду на проходящіе поѣзда съ войскомъ.

Партія двинулась и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи желѣзной дороги Малкины устроила засаду на поѣздъ, везшій солдатъ въ Варшаву. Распорядились слѣдующимъ образомъ. Попортили шпалы и положили ихъ на полотно не прикрѣпленными, арестовали будочниковъ, вмѣсто которыхъ поставили повстанцевъ, переодѣвъ ихъ въ куртки будочниковъ и давъ имъ въ руки сигнальные значки.

Въ это время пріѣхалъ нашъ шпіонъ съ извѣстіемъ, что москали идутъ со стороны Малкины. Стасюкевичъ во главѣ кавалеріи поскакалъ на встрѣчу непріятелю, скрывавшемуся за облакомъ пыли. Подъѣхавши ближе, Стасюкевичъ замѣтилъ, что это толпа народа, возвращавшагося изъ сосѣдняго костела. Между тѣмъ поѣздъ проѣхалъ совершенно спокойно. Повстанцы дали по немъ нѣсколько залповъ, послѣ чего каждый хвастался, что убилъ нѣсколько москалей. Тишина и спокойствіе снова водворились. Стасюкевичъ послалъ извѣстіе въ Варшаву, что разбилъ на голову цѣлую роту солдатъ.

Послѣ, впрочемъ, узнали, что стрѣляли по товарному поѣзду, шедшему въ Варшаву съ шерстью, и что въ окна пассажирскаго вагона выглядывали купцы-евреи.

Противъ Стасюкевича былъ посланъ русскій полковникъ Антосевичъ съ 3-я ротами пѣхоты, полъ-эскадрономъ драгунъ и двумя пушками. Отъ этого полковника приходилось Стасюкевичу увертываться и часто переходить съ мѣста на мѣсто. Поболтавъ еще немного, мы пошли спать.

Проспавъ два часа на короткомъ диванчикѣ, я проснулся и отправился въ общій залъ, гдѣ засталъ уже довольно оживленное общество, состоявшее изъ курьерокъ и офицеровъ. Вскорѣ вышелъ такъ же и Стасюкевичъ изъ своей спальни. Я отрапортовалъ ему о своемъ возвращеніи изъ Варшавы, говоря, что ничего не могъ сдѣлать по извѣстному уже читателю поводу. Стасюкевичъ сначала сердился, но вскорѣ смягчился и даже сообщилъ мнѣ одинъ свой планъ. Онъ сказалъ, что за шесть верстъ, въ имѣніи Цієм-

сница, стоитъ рота русскихъ солдатъ изъ Бялы, которыхъ помѣщики напоили пьяными и что ихъ можно очень легко безъ выстрѣла уничтожить. Позавтракавъ въ четвертомъ часу утра, мы двинулись въ походъ, но проектъ избіенія пьяной роты не удался, такъ какъ мы пришли въ то время, когда рота за два часа передъ нами ушла въ городъ Бялу. Штабъ и военный совѣтъ былъ ужасно недоволенъ Стасюкевичемъ за его ошибку. Опять возобновился забытый на время споръ, кому быть начальникомъ: Стасюкевичу или Нарбуту. Спорить, однако, не было времени, такъ какъ пришло извѣстіе, что Антосевичъ находится въ 10 верстахъ отъ насъ, вслѣдствіе чего Стасюкевичъ поспѣшилъ отправиться въ Славатыцкіе лѣса, гдѣ, какъ говорили, находилась партія Крисинскаго.

Когда мы выходили изъ лѣсу, мнѣ послышались въ дали русскія военныя пѣсни. Я объ этомъ сказалъ Стасюкевичу. Вскорѣ посланные на развѣдку кавалеристы возвратились и объявили, что казаки окружили хатку лѣсничаго, и что цѣлый отрядъ двигается по направленію къ деревнѣ Коктина. Мы начали лавировать и довольно удачно, потому что отрядъ Антосевича скоро потерялъ насъ изъ виду. Объ этомъ мы узнали по прибытіи въ имѣніе Мазаловку. Такое извѣстіе насъ успокоило совершенно, и мы начали переодѣваться къ обѣду, на который получили приглашеніе отъ хозяина имѣнія, какъ вдругъ съ нашихъ сторожевыхъ пунктовъ раздался выстрѣлъ и вскорѣ за нимъ крикъ: «москале, москале!!!».

Всѣ переполошились отъ такой неожиданности. Стасюкевичъ, всунувъ голову чрезъ открытое окно въ нашу комнату, кричалъ во все горло: «къ оружію! къ оружію!». Всѣ бросились поспѣшно вооружаться. Я, не менѣе другихъ перепуганный такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ, забылъ даже уложить свою прелестную голубую блузу. Такимъ образомъ подарокъ хорошенькихъ патріотокъ постигла самая печальная участь. Онъ достался въ руки москалей. Захвативъ револьверъ и бумаги, я черезъ окно выскочилъ на дворъ. Здѣсь моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина.

Подводы, которыя привезли насъ, скакали во весь опоръ. За ними гнались около 20 казаковъ. Въ отдаленіи стояли двѣ пушки съ прислугой и драгуны. Пѣхоты, кромѣ той, которая была около пушекъ, не было видно. Партія, въ отчаяніи, собственными руками ломала заборы, чтобы проложить себѣ ближайшую дорогу къ виднѣвшемуся за двѣ версты Мѣднянскому лѣсу. Наша кавалерія, изъ сорока человѣкъ, направилась противъ русскихъ драгунъ. Обозъ же чрезъ поля и рвы спѣшилъ къ лѣсу. Пушечный выстрѣлъ заставилъ меня вздрогнуть. Я невольно оглянулся и увидѣлъ, что между нашей кавалеріей и драгунами завязалась схватка. Наши стрѣлки запѣли революціонный маршъ (Marsz, marsz! Polacy). Вся партія дружно поддержала ихъ и на время забыла о своемъ

невыгодномъ положеніи. Но я не забывался ни на минуту и спѣшилъ пробраться въ лѣсъ. Раздался другой пушечный выстрѣлъ, и между нами упало ядро. Многіе, въ томъ числѣ и я, повалились на землю. Къ счастью, ядро не разорвалось; мы поднялись и еще быстрѣе побѣжали къ лѣсу.

На опушкѣ мы догнали свою партію. Стасюкевичъ, подозвавъ меня, велѣлъ мнѣ провести обозъ въ лѣсъ къ хаткѣ лѣсничаго, которая находилась только въ трехъ верстахъ, и послѣ этого взять лошадей въ ближайшемъ имѣніи и ѣхать въ Кодень. Здѣсь можно было узнать навѣрное, нѣтъ ли по близости какой нибудь партіи, и если есть, то попросить довудцу ея, или придти на помощь Стасюкевичу, или же ожидать Стасюкевича, чтобы общими силами дать отпоръ москалямъ. Получивъ такое приказаніе, я чрезвычайно обрадовался. Радовался бы и всякій другой изъ насъ, такъ какъ внутренно мы всѣ сознавали невозможность драться съ русскимъ отрядомъ.

Принявъ такимъ образомъ обозъ подъ свою опеку, я довелъ его до назначеннаго мѣста и оставилъ дожидаться своей партіи. Затѣмъ, спрятавъ револьверъ въ карманъ, я отправился дальше пѣшкомъ. Въ полночь только я добрался до Кодня и тамъ у управляющаго графа Красицкаго узналъ, что за двѣ мили находилась партія Крисинскаго, состоящая изъ 1.500 человѣкъ, которая накунунѣ ушла. По его словамъ, недалеко также стояла хорошо вооруженая партія бывшаго нашего офицера Ваньковича. Я объ этомъ извѣстилъ Стасюкевича и объявилъ ему, что самъ сейчасъ ѣду къ Ваньковичу просить, чтобы онъ поспѣшилъ къ намъ на помощь. Я потребовалъ лошадей и не медля отправился за Бугъ въ Брестскій уѣздъ искать Ваньковича (Леливу). Я его нашелъ только на другой день. Трудно было добраться до прежняго нашего командира пѣхоты, теперь довудцы, такъ какъ очень немногіе знали о его мѣстопребываніи. Стасюкевичъ же, получивъ отъ меня извѣстіе, рѣшилъ соединиться съ партіей Ваньковича и перешелъ черезъ рѣку Бугъ. Здѣсь у мѣстечка Домачевки, на фермѣ Черекъ, онъ расположился отдохнуть. Онъ былъ спокоенъ, думая, что русскій отрядъ его здѣсь не тронетъ, такъ какъ онъ по дорогѣ уничтожилъ всѣ мосты.

Сигнальный выстрѣлъ, однако, скоро вывелъ его изъ счастливаго забытья. Испуганные повстанцы бросились въ безпорядкѣ въ лѣсъ, находившійся въ полу-верстѣ отъ мѣста ихъ отдыха. Одна только кавалерія выѣхала на встрѣчу, съ цѣлью помѣшать наступленію непріятеля. Но русская кавалерія, подкрѣпляемая пѣхотою, заставила нашу кавалерію отступать къ лѣсу. Стасюкевичъ бѣжалъ; пѣхота, оставшись безъ довудцы, пришла въ страшное замѣшательство и не знала, что дѣлать; косиньеры разбѣжались по всѣмъ направленіямъ. Остались защищаться 80 стрѣлковъ, надъ

которыми приняли команду Нарбутъ и Станишевскій. Подъ прикрытіемъ этихъ стрѣлковъ наша кавалерія отступала, пробираясь по топкому болоту въ глубь лѣса.

Наступавшая ночь, лѣсъ и болото, которое успѣли перейти повстанцы, остановили непріятеля и спасли нашу партію отъ совершеннаго уничтоженія. Между тѣмъ, ни одна изъ партій, къ которымъ я ѣздилъ, услышавъ о пораженіи Стасюкевича, не рѣшалась выступить ему на помощь. Я остался въ партіи Лелива ожидать, не примкнутъ ли остатки партіи Стасюкевича къ этой партіи. Дѣйствительно, на третій день послѣ пораженія, мало-по-малу, наши повстанцы начали собираться и пополнять партію Леливы. Впрочемъ, Нарбутъ и оставшійся штабъ не хотѣли допустить, чтобы Лелива былъ главнымъ довудцей, и потому при первой встрѣчѣ завязался горячій споръ, кому быть старшимъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Нарбутъ принялъ подъ свое начальство всю кавалерію, а Лелива—пѣхоту. Нарбутъ скоро пріобрѣлъ извѣстность, какъ жандармъ-вѣшатель, а Лелива, разбитый подъ Горками, бѣжалъ за границу.

Послѣднее пораженіе нашей партіи, несогласіе довудцевъ, споры за власть, все больше и больше отклоняли меня отъ участія въ мятежѣ, но я, однако же, рѣшилъ продолжать начатое дѣло, только не здѣсь, а перейти въ царство Польское, гдѣ народъ гораздо сочувственнѣе относился къ общему дѣлу.

Тамъ каждый ксендзъ и помѣщикъ съ распростертыми объятіями встрѣчалъ нуждающагося повстанца—давалъ ему пріютъ, охранялъ отъ неожиданныхъ нападеній русскихъ отрядовъ, кормилъ и одѣвалъ. Доносы были рѣдкимъ явленіемъ въ царствѣ Польскомъ. Поэтому я предпочелъ царство Польское Литвѣ, тѣмъ болѣе, что страшное имя М. Н. Муравьева слышалось здѣсь все чаще и чаще.

VIII.

Мирный уголокъ.—Колебанія мои.—Стремленія Стасюкевича къ начальству надъ партіей. — Стасюкевичъ передъ судомъ Жонда. — Ксендзъ Малопольскій, какъ казначей.—Эмиграція Стасюкевича и ксендза Малопольскаго.—Жизнь въ Кржичевѣ.—Перемѣна моихъ убѣжденій.—Мой переѣздъ въ Яновъ. — Осторожность ксендзовъ.—Ночевка въ собачьей будкѣ.—Жандармы-вѣшатели въ монашеской рясѣ. — Злая шутка товарищей. — Жандармы-вѣшатели. — Суевѣріе Жулцинскаго.—«Кантычки».—Приказаніе св. Іосифа.

Съ большимъ страхомъ проѣзжалъ я пять миль, остававшіяся мнѣ до границы, и, спустя нѣкоторое время, благополучно добрался до имѣнія Кржичева, принадлежавшаго помѣщику Богуславскому. Кржичевъ расположенъ на самомъ берегу Буга, среди овраговъ,

заросшихъ густымъ кустарникомъ, гдѣ легко можно было бы спрятаться, на границѣ царства Польскаго съ Россіею, такъ что съ крыльца помѣщичьяго дома виднѣлся русскій берегъ, покрытый лѣсомъ. Сюда очень рѣдко заходили русскіе отряды. Это былъ уютный уголокъ, гдѣ я, расчитывая на гостепріимство его хозяина, знавшаго меня еще ребенкомъ, думалъ нѣсколько отдохнуть.

Старикъ Богуславскій, лѣтъ подъ 70, сѣдой, но еще бодрый и живой, самъ участвовалъ въ возстаніи 1831 года, гдѣ былъ офицеромъ польскихъ уланъ. Онъ былъ особенно сердитъ на русскихъ за то, что они уничтожили польскую армію. Когда патріоты 1863 года предлагали ему принять довудство надъ образующимися партіями въ Люблинской губерніи, то онъ спокойно отвѣтилъ, что, какъ бывшій офицеръ славной арміи польской, не станетъ срамить себя, принимая начальство надъ бродягами. Старикъ самъ недовѣрчиво и даже презрительно относился къ мятежу 1863 года, однако дѣтей своихъ не стѣснялъ и предоставилъ имъ дѣйствовать, какъ знаютъ. Три старшихъ его сына поступили въ шайку. Впрочемъ, въ царствѣ Польскомъ не было молодаго человѣка, сына помѣщика, который не побывалъ бы хоть недѣлю въ партіи.

Разговорившись со мной, Богуславскій старался показать всю несостоятельность настоящаго мятежа, совѣтовалъ не принимать въ немъ участія, а спрятаться гдѣ нибудь такъ, чтобы ни русскіе, ни польскіе отряды не могли меня найдти, и ожидать развязки. Видѣнное мной въ послѣднее время заставило меня внутренно соглашаться со словами старика, но я боялся, что, если буду дѣйствовать такимъ образомъ, меня назовутъ трусомъ, что я впослѣдствіи долженъ буду краснѣть за свое индифферентное отношеніе къ дѣлу освобожденія ойчизны, внутренно сознавая всю слабость моего характера. Энтузіазмъ, вогнавшій меня въ разгаръ мятежа, исчезъ совершенно и теперь его мѣсто занялъ какой-то стыдъ, удерживавшій меня отъ разрыва съ мятежемъ. Во мнѣ происходила сильная внутренняя борьба и разочарованіе все больше и больше овладѣвало мною. Иногда геройскіе подвиги повстанцевъ о которыхъ сообщалось въ революціонной газетѣ «Pole bitwy», на нѣкоторое время воспламеняли мое воображеніе, но послѣ этого наступала еще большая апатія.

Несочувствіе Литвы мятежу, выразившееся въ томъ, что крестьяне и нѣкоторые помѣщики не только не помогали повстанцамъ, но даже ловили ихъ, гдѣ только могли, вязали и передавали правительству, заставило меня переселиться въ царство Польское. Скоро здѣсь появился также и Стасюкевичъ; но его привело сюда честолюбіе. Онъ непремѣнно хотѣлъ носить титулъ довудцы, но, послѣ того какъ нѣсколько разъ обнаружилъ свою трусость и неспособность къ дѣлу, въ Литвѣ у него этотъ титулъ оспаривалъ Нарбутъ, пользовавшійся сочувствіемъ большинства. Поэтому-то

Стасюкевичъ и отправился въ царство Польское, гдѣ надѣялся собрать вокругъ себя остатки разбитой партіи и другихъ бѣглецовъ.

Такимъ образомъ, возвратился онъ въ вѣрную ему Покинянку, надѣясь осуществить здѣсь свои мечты. Неразлучнымъ товарищемъ его несчастій былъ шайковый ксендзъ Малопольскій, который поддерживалъ унывающаго довудцу. Но надежды его не оправдались и здѣсь. Никто не хотѣлъ ему повиноваться, надъ нимъ смѣялись, что онъ умѣетъ только командовать: «за мной, за мной въ лѣсъ» (za mną, za mną do lasu), и бѣжать впереди всѣхъ. Скоро его постигло еще одно несчастіе, и съ той стороны, съ которой онъ меньше всего ожидалъ. Въ Покинянку пріѣхалъ какой-то агентъ изъ Варшавы съ объявленіемъ, что онъ, Стасюкевичъ, отданъ подъ судъ и долженъ немедленно отправиться въ Варшаву для объясненій. При этомъ агентъ вручилъ приказъ Жонда варшавскаго, въ которомъ подсудимый Стасюкевичъ былъ обвиняемъ за то, что бѣжалъ съ поля битвы, что партія его, состоявшая изъ храбрыхъ патріотовъ, была разбита, что онъ своей неосторожностью привлекъ къ себѣ вниманіе русскихъ. Стасюкевичъ, получивъ такое предписаніе, рвалъ на себѣ волосы и плакалъ, проклиная неблагодарность поляковъ и ихъ показной патріотизмъ.

Ксендзъ Малопольскій искренно раздѣлялъ горе своего друга. Ему было тяжело разставаться съ должностью казначея, которую онъ занималъ въ партіи Стасюкевича, распоряжаясь почти безъ всякаго контроля общими суммами. Деньги, попавшія въ его казначейство, рѣдко употреблялись на расходы партіи. Я помню не болѣе трехъ такихъ случаевъ, когда раздавали нижнимъ чинамъ жалованье. Большая часть общей суммы поступала въ большой кожаный мѣшокъ казначея, который былъ привязанъ къ его груди четырьмя шелковыми шнурками. А доходы казначейства были довольно значительны. Помимо разнаго рода «офяръ», къ ксендзу поступали еще часто подати съ разныхъ городовъ, собранныя русскимъ правительствомъ. Дѣлалось это такъ. Черезъ городскую революціонную администрацію Стасюкевичъ узнавалъ, что податной сборъ сложенъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Предпріятіе всегда оканчивалось безъ всякаго кровопролитія. Кавалерія подъ начальствомъ Нарбута ночью пріѣзжала въ указанный городъ къ бургомистру или другому какому либо начальнику, у кого были эти деньги, и тотъ добровольно отдавалъ находившіяся у него суммы въ распоряженіе шайки, или, точнѣе говоря, въ кошелекъ ксендза Малопольскаго. Иногда сумма достигала 1.000 рублей. Въ нашемъ шайковомъ казначействѣ накопилось такимъ образомъ до восьми тысячъ рублей, но мнѣ кажется, что должно было бы быть больше, такъ какъ ксендзъ и Стасюкевичъ никому не давали отчета въ расходованіи денегъ.

Получивъ предписаніе Жонда, Стасюкевичъ съ ксендзомъ, сосчитавъ суммы, рѣшили оставить неблагодарный народъ и уѣхали за границу, гдѣ записались въ число мучениковъ за польскую отчизну.

Я былъ очень доволенъ жизнью въ Кржичевѣ. Даже въ случаѣ, если бы сюда пришелъ отрядъ русскій, то овраги, находящіеся по сосѣдству, прикрыли бы меня и спасли бы навѣрно. Благодаря бдительности почтъ народовыхъ, я могъ всегда узнать объ этомъ прежде, чѣмъ отрядъ пришелъ бы въ имѣніе.

Жизнь моя въ Кржичевѣ текла ровно и спокойно, была чужда тѣхъ волненій и неудобствъ, которыя такъ еще недавно испытывалъ я, находясь въ партіи. Я началъ свыкаться съ хозяевами и все больше и больше сознавать справедливость ихъ взгляда на польскій мятежъ. Два мѣсяца, проведенные мною здѣсь, превратили меня, польскаго патріота, во врага «ойчизны».

Скоро, однако, неожиданно для самого себя, я долженъ былъ оставить Кржичевъ. Дѣло въ томъ, что шайка жандармовъ-вѣшателей, бродившая по Брестскому, Кобринскому, Пружанскому и Пинскому уѣздамъ и производившая тамъ всякія неистовства, была разбита въ трехъ миляхъ отъ Руды и бѣжала въ царство Польское. Для ея преслѣдованія были высланы изъ города Бялы отряды, производившіе вездѣ тщательнѣйшіе обыски. Это заставило меня бросить Кржичевъ и уѣхать въ городъ Яновъ.

Это мѣсто я считалъ самымъ лучшимъ убѣжищемъ, потому что тамъ находилась католическая семинарія, много ксендзовъ и вообще все населеніе сочувствовало мятежу. Ксендзы, однако, оказались осторожными патріотами и меня не приняли, а отослали на конный императорскій заводъ, Выгодку, находившійся въ верстѣ отъ Янова. Но и здѣсь служащіе, перепуганные извѣстіями о появленіи множества русскихъ отрядовъ, разосланныхъ для ловли жандармовъ Нарбута, приняли меня не очень охотно и предложили мнѣ ночевать въ будкѣ, гдѣ помѣщались собаки. Здѣсь я нашелъ Станишевскаго, бывшаго моего товарища, и еще двухъ человѣкъ изъ партіи Нарбута. Бѣдный Станишевскій сталъ жаловаться мнѣ на свою судьбу и на людей, благодаря которымъ попалъ въ шайку жандармовъ. Онъ старался оправдаться въ моихъ глазахъ, ссылаясь на недостаточность своего образованія, обвиняя товарищей, воспользовавшихся его любовью къ Польшѣ и убѣдившихъ его повѣсить крестьянина въ Рудѣ, Брестскаго уѣзда, послѣ чего и началась его постыдная дѣятельность въ качествѣ жандарма-вѣшателя.

Замѣчу, кстати, что меня всегда занималъ вопросъ, какимъ образомъ безчеловѣчіе этого сорта людей могло совмѣщаться съ ихъ религіозностью, доходившей до фанатизма. Каждый жандармъ-вѣшатель былъ глубоко религіозенъ, что̀, однако, не мѣшало ему

безпощадно вѣшать и рѣзать себѣ подобныхъ людей. Станишевскій же, помимо того, что былъ религіозенъ, никогда не отличался жестокостью. Какъ онъ попалъ на такую дорогу, сказать трудно. Изъ разсказовъ его я узналъ, что жандармы партіи Нарбута губили людей безъ всякаго суда, по одному слову шпіона-жида, или же пана, помѣщика, пока, наконецъ, не были разбиты русскими. Впрочемъ, большинство людей, составлявшихъ эту шайку, убѣжали и скрывались гдѣ кто могъ. Самъ Нарбутъ, а также Карчевскій, Мѣлевскій и др. спрятались на время въ Яновской семинаріи, надѣвъ на себя ксендзовскія рясы и выкрасивъ волосы въ черный цвѣтъ. Скоро, однако, наша бесѣда была неожиданно прервана. Собаки съ страшнымъ лаемъ бросились по направленію къ пролегавшей мимо дорогѣ. Это насъ обезпокоило, и мы начали прислушиваться.

Скоро раздался лошадиный топотъ, побрякиваніе сабель и тихій русскій говоръ. Мы сразу догадались, что это былъ русскій отрядъ, отправленный для розыска, и бросились бѣжать подъ прикрытіемъ темной ночи за валъ, чтобы перейдти на ту сторону Буга и тамъ спрятаться въ лѣсу, схвативъ что попало подъ руку, одинъ съ сапогами въ рукѣ, другой—прикрывъ себя сюртукомъ, третій—закинувъ назадъ панталоны, а я подъ одѣяломъ, половина котораго тянулась за мной по землѣ и временами путалась между ногъ. Не видя другъ друга въ темнотѣ, мы, сколько было силъ, бѣжали. Измученные, мы выбрались изъ сада и очутились за валомъ, на широкомъ, болотистомъ лугу, и я, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, увязъ почти по колѣни. Страхъ, однако, помогъ мнѣ скоро выбраться оттуда. Мнѣ показалось, что кто-то гонится за нами. Я оставилъ одѣяло въ болотѣ, и самъ удвоилъ силы, чтобы нагнать удаляющихся товарищей бѣгства. Наконецъ, не оглядываясь и не переводя дыханія, достигли мы Буга.

Станишевскій первый, не смотря на высоту берега и незнакомую мѣстность рѣки, бросился въ воду; за нимъ, какъ овцы, бросились и мы. Все это дѣлалось такъ скоро, изъ боязни попасть въ руки русскихъ, что, когда я на другой день хладнокровно обсудилъ всѣ происшествія этой проклятой ночи, то не могъ не удивиться, какъ мы уцѣлѣли. Мы переплыли Бугъ и направились къ лѣсу, прислушиваясь, не переправляются ли за нами казаки. Въ лѣсу мы вздохнули свободнѣе и, посидѣвъ немного, тронулись дальше въ путь.

Мнѣ было страшно въ обществѣ людей, приговоренныхъ къ смерти. Я предложилъ не удаляться отъ берега Буга и съ утреннимъ туманомъ переправиться черезъ него опять въ царство Польское.

Съ восходомъ солнца, сквозь туманъ, мы, къ нашему большему удивленію, увидѣли передъ собой Яновъ; такимъ образомъ,

впродолженіе четырехчасоваго нашего скитанія, мы не сдѣлали больше двухъ верстъ. Не теряя времени, мы переправились вплавь черезъ Бугъ и, какъ были мокрые, присѣли въ кустарникѣ густой лозы. Неутолимый голодъ и холодъ довели меня до того, что я объявилъ, что, не смотря ни на что, пойду обратно въ городъ и, если черезъ часъ не будетъ отъ меня никакого извѣстія, то значитъ, что я арестованъ.

Когда я вышелъ изъ лозы, солнце начало грѣть довольно сильно. Согрѣтый ходьбой и солнцемъ, я осторожно пробирался къ городу, къ ближайшему жилищу, въ которомъ жилъ заводскій ветеринаръ, нѣмецъ Триненбахъ. Когда я подошелъ такъ близко, что изъ-за густой ограды сада легко могъ видѣть черезъ отворенныя окна Триненбаха, расхаживающаго съ трубкой въ рукахъ, я назвалъ его по имени нѣсколько разъ. Услышавъ зовъ, онъ подошелъ къ окну, и я кивнулъ ему пальцемъ. Ветеринаръ понялъ, въ чемъ дѣло, и пошелъ ко мнѣ, улыбаясь и не выпуская своей длинной трубки. Когда же я его спросилъ, здѣсь ли еще русскіе, пришедшіе сегодня ночью въ городъ, онъ, глядя на меня и на мой костюмъ, расхохотался и долго не могъ удержать смѣха. Насилу я добился отъ него, что никакихъ русскихъ не было.

Узнавъ объ этомъ, я безцеремонно пошелъ къ нему на квартиру, одѣлся въ его халатъ и послалъ извѣстить оставшихся въ лозахъ. Новый мой хозяинъ, узнавъ про наши ночныя странствованія, сжалился надо мной и велѣлъ приготовить чай. За чаемъ онъ мнѣ разсказалъ, что въ эту ночь никакого отряда въ Яновѣ не было, а что собаки лаяли на двухъ повстанцевъ, которыхъ онъ самъ проводилъ къ намъ въ будку. Повстанцы были вооружены, кромѣ винтовокъ, и саблями; увидавъ у насъ огонь отъ папиросъ, они задумали напугать насъ, начали еще больше шумѣть саблями и говорить между собою порусски. Они не ожидали, чтобы шутка эта могла зайти такъ далеко. Свой разсказъ онъ закончилъ смѣхомъ надъ моимъ костюмомъ и трусостью, отъ которой я тщетно старался оправдать себя и своихъ товарищей по несчастью. Впрочемъ, когда черезъ нѣсколько минутъ отворились двери и въ комнату вошли эти товарищи, то я самъ не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на ихъ живописные костюмы и лица, выпачканныя грязью.

Дрожа отъ холода, они прежде всего бросились къ графинчику съ водкой, который осушили моментально. Всѣ были довольны, что такъ счастливо отдѣлались отъ москалей. Узнавъ, однако, отъ ветеринара, что это была шутка, они страшно возмутились и требовали повѣсить двухъ повстанцевъ, позволившихъ себѣ такую неумѣстную шутку.

Особенно настаивалъ на этомъ Тыневскій.

Тыневскій, не получившій никакого образованія, прежде былъ

цырульникомъ, но благодаря управляющему Конопинскому, который занималъ не послѣднюю должность въ организаціи Брестскаго уѣзда, былъ назначенъ парафіальнымъ. Когда русское правительство открыло гнѣздо организаціи въ имѣніяхъ графа Красинскаго, Тыневскій спасся бѣгствомъ въ партію Нарбута, гдѣ пріобрѣлъ себѣ извѣстность неумолимаго и суроваго вѣшателя, такъ что скоро организація Люблинской губерніи, не задумываясь, вручила ему довудство надъ шайкой жандармовъ убитаго Вышинскаго, тѣмъ болѣе, что въ это время крестьяне Радзинскаго уѣзда начали обнаруживать большое тяготѣніе къ русскимъ. Когда они узнали, что въ Россіи устроена сельская стража, то просили военныхъ начальниковъ о введеніи таковой и у нихъ. Воевудская организація, замѣтивъ перемѣну въ крестьянахъ, прислала въ Радзинскій уѣздъ около трехъ шаекъ жандармовъ-вѣшателей. Такія шайки, почти всегда пьяныя, разъѣзжали безпрестанно по дворамъ помѣщиковъ и ксендзовъ, которые ихъ отъ души угощали водкой и закусками. Шайки жандармовъ-вѣшателей не были велики, не больше 40 человѣкъ, вслѣдствіе чего всегда избѣгали встрѣчъ съ отрядами русскихъ. Обязанностью жандармовъ-вѣшателей было вѣшать по указанію начальниковъ мѣстной организаціи и собирать подати отъ тѣхъ, которые отказывались платить. Въ такомъ случаѣ сборщикъ верхомъ въ сопровожденіи вѣшателей отправлялся къ нежелавшимъ платить. Одного помѣщика Бяльскаго уѣзда, фамиліи котораго теперь не помню, за то, что онъ отказался выдать требуемыя съ него деньги, высѣкли розгами сначала на коврѣ, какъ шляхтича (шляхтичъ, сѣченный не на коврѣ, по законамъ польскимъ теряетъ свое шляхетское достоинство), но, когда это не привело къ желаннымъ результатамъ, то высѣкли его на голомъ полу, а потомъ повели въ садъ, чтобы тамъ повѣсить. Шляхтичъ, видя, что дѣло не шутка, согласился уплатить требуемые съ него восемьсотъ рублей серебромъ. Затѣмъ, если цѣлая деревня крестьянъ явно выказывала свое несочувствіе мятежу, то жандармы обязаны были сжечь ее. Примѣры такого рода случались довольно часто. Они же перехватывали подати, собранныя русскимъ правительствомъ. На ихъ обязанности лежало вербовать всякими правдами и неправдами людей въ партію. О жестокости, съ которой совершались всѣ эти обязанности, и говорить нечего. Къ числу такихъ людей принадлежалъ Тыневскій, хотѣвшій теперь повѣсить двухъ человѣкъ за невинную шутку. Въ Яновѣ была еще одна забавная личность, это — Жулцинскій, старшій надъ конюхами («маштанежами»). Отецъ молодаго Жулцинскаго, товарища ночныхъ нашихъ странствованій, суевѣрный въ высшей степени, фанатикъ донельзя и ханжа, вѣрилъ во всевозможныя чудеса. Каждое утро онъ ходилъ въ каѳедральный костелъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими богомольцами пѣлъ «кантычки». Кантычками назы-

вались пѣсни, которыя пѣлись по утрамъ. Что онѣ представляли собой, можно судить по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ.

I.

«Oj luli, luli, luli,
«Aj jezusik maleńki,
«Siedzi u matki najswiętszej
«I fajeczkę czmuli» [1]).

II.

«W naszej okolicy Matka cudowna,
«Iedząc chleb z solą, siedzi na progu,
«Zwoluje nabożnych na mszę świętą,
«By oddali ludskie ludziom, Boszie Bogu» [2]).

Въ одно прекрасное утро Жулцинскій, по обыкновенію, отправился въ каѳедральный костелъ, для пѣнія кантычекъ. Было еще очень рано, такъ что въ костелѣ никого не было, и Жулцинскій, опустившись набожно на колѣни, началъ пѣть. Голосъ его на разные лады переливался по сводамъ пустаго костела. Вдругъ его прервалъ громкій голосъ, раздавшійся изъ-за образа. Жулцинскій вздрогнулъ и палъ ницъ на каменный полъ костела.

— «Іосифъ, Іосифъ, ты меня не любишь!» — громко и грозно проговорилъ голосъ.

— «Кто же ты, господинъ?» —дрожа всѣмъ тѣломъ, чуть слышно спросилъ Жулцинскій.

— «Я святой Іосифъ».

— «Что же ты хочешь? Говори, я слушаю тебя и готовъ исполнить твое приказаніе».

— «Пошли единственнаго твоего сына въ формирующуюся въ Брестѣ шайку Нарбута».

— Będź wola Twoja, Panie»,—пролепеталъ Жулцинскій и приподнялъ голову, но святой Іосифъ уже исчезъ.

Костелъ началъ наполняться богомольцами, и Жулцинскій поспѣшилъ домой, чтобы скорѣе исполнить повелѣніе своего патрона Іосифа.

Я не могъ безъ улыбки слушать, когда Жулцинскій говорилъ мнѣ о своемъ свиданіи со святымъ Іосифомъ, чѣмъ очень сердилъ его.

---

[1]) «Ой люли, люли, люли,
«Ай Іисусикъ маленькій
«Сидитъ у святой своей матери
«И трубочку куритъ».

[2]) «Въ нашемъ околодкѣ Матерь Божья
«Ѣстъ хлѣбъ съ солью, сидя на порогѣ,
«Созываетъ богомольныхъ къ обѣднѣ,
«Чтобы отдали людское людямъ, Божіе Богу»

IX.

Переѣздъ въ Покинянку.—Формированіе новой шайки.—Смотръ новой шайки.—Убійство генерала Черкасова.—Мое знакомство съ военнымъ воеводой.—Неудача «извѣстнаго» воеводы Крука.—Охлажденіе къ мятежу.—Мое переодѣваніе въ крестьянскій костюмъ.—Мое пребываніе среди крестьянъ.—Уныніе среди повстанцевъ.—Моя служба въ должности ключника.—Моя служба въ должности помощника бургомистра.

Мы пробыли въ Яновѣ два дня. На третій день Нарбутъ прислалъ изъ Покинянки извѣстіе, что русскихъ отрядовъ нигдѣ не видно, и просилъ собраться въ Покинянку для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Станишевскій просилъ меня, чтобы и я съ нимъ отправился туда, какъ бывшій секретарь партіи Стасюкевича. Я ничего не имѣлъ противъ этого, и мы поѣхали въ Покинянку, гдѣ когда-то мы съ Стасюкевичемъ такъ весело проводили свои досуги. Здѣсь насъ встрѣтила хозяйка, окруженная тремя молодыми людьми. Въ одномъ изъ нихъ я сейчасъ же узналъ Мѣлевскаго. Двое другихъ были Нарбутъ и Харчевскій. Ихъ трудно было узнать, такъ какъ они перекрасили волоса въ черный цвѣтъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, меня наконецъ спросили, желаю ли я принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Я сказалъ, что да, но только въ томъ случаѣ, если они перестанутъ вѣшать. Послѣ этого мы пошли въ отдѣльную комнату, двери которой были заперты для постороннихъ, и усѣлись размышлять о настоящемъ положеніи дѣлъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, мы пришли къ рѣшенію собирать охотниковъ въ имѣніи Людо Бриндзы, наиболѣе удобномъ для этой цѣли, такъ какъ неподалеку росли густыя лозы, и крестьяне не такъ враждебно относились къ мятежникамъ. Мнѣ предложили быть офицеромъ, но я положительно отказался не только отъ этой должности, но и вообще отъ всякаго участія въ партіи Нарбута. Не могу съ точностью опредѣлить, что было причиною моего отказа: недостаточность ли патріотизма, или безчеловѣчные поступки мятежниковъ, или же наконецъ неувѣренность въ самомъ мятежѣ, но я безусловно отказался.

Послѣ моего отказа поступить въ шайку Нарбута, я прожилъ въ Покинянкѣ двѣ недѣли, пользуясь довѣріемъ своихъ товарищей, которые не сердились на меня за отказъ. Вербовка въ шайку Нарбута шла довольно удачно. Скоро эта партія соединилась съ партіями Врублевскаго и Гетмановича, пришедшими изъ Литвы; такимъ образомъ сформировался довольно значительный отрядъ. Станишевскій и Нарбутъ отправились, въ сопровожденіи меня, произвести смотръ одной изъ шаекъ.

Мы прибыли въ деревушку, совершенно заросшую ивнякомъ и почти утопавшую въ болотѣ. Болѣе неудобнаго мѣста для жилья

и удобнаго для формированія шайки я себѣ не могъ даже представить.

Повстанцы размѣщались по крестьянскимъ хатамъ, а лошади ихъ стояли на конюшняхъ у крестьянъ и паслись на лугахъ вмѣстѣ съ крестьянскими. Деньги на прокормленіе они получали отъ своего организатора. Въ случаѣ вѣсти о приближеніи русскихъ прятались въ лѣсу.

Послѣ этого мы вернулись назадъ въ Покинянку, а дня черезъ два я уѣхалъ въ имѣніе Воскженице, лежащее недалеко отъ Варшавско-Брестскаго шоссе. Въ окрестностяхъ этого имѣнія Рочинскій задержалъ проѣзжавшую карету, въ которой ѣхалъ въ Варшаву генералъ (кажется) Черкасовъ. Рочинскій выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ его въ голову, вытащилъ изъ кареты и затѣмъ окончательно умертвилъ свою беззащитную жертву. Хотя послѣ говорили, что генералъ этотъ везъ какія-то важныя распоряженія, и что поэтому нужно было его убить, но это была неправда. Генерала убили съ цѣлью забрать его деньги и навести страхъ на другихъ.

Партія Врублевскаго, которую ожидалъ Нарбутъ, дѣйствительно скоро прибыла, такъ какъ дольше оставаться въ Россіи ей уже было нельзя. Народъ и войско безустанно ее преслѣдовали и не давали пробыть дня на одномъ мѣстѣ. Помѣщики перестали посылать припасы въ шайки, но усердно помогали партіямъ переходить изъ Россіи въ царство Польское. Они переодѣвали довудцевъ въ женское платье, другихъ снабжали крестьянскими паспортами. Офицеровъ и довудцевъ женщины перевозили въ своихъ колясках. Это было послѣднее личное пожертвованіе помѣщиковъ въ пользу возстанія 1863 года. Врублевскій, заступившій мѣсто уѣхавшаго за границу военнаго воеводы Духинскаго, прибылъ въ царство Польское и временно поселился въ Залѣсьѣ, въ трехъ верстахъ отъ Воскженицъ. Шайкой же во время его отсутствія командовалъ Гетмановичъ. Узнавъ объ его прибытіи, я поспѣшилъ познакомиться съ военнымъ воеводой моей губерніи. Впрочемъ, ничего особеннаго изъ этого знакомства я не вынесъ. Врублевскій, бывшій учитель лѣсной Сокольской школы, поступилъ начальникомъ штаба къ Духинскому и послѣ его отъѣзда за границу принялъ довудство надъ шайкой. Молодой, лѣтъ 30-ти, брюнетъ, средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, довольно образованный, онъ искусно владѣлъ оружіемъ, въ особенности хорошо стрѣлялъ, чѣмъ отличалась и вся его партія. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, но такъ какъ я не имѣлъ уже охоты оставаться въ шайкѣ, тѣмъ болѣе, что наступала осень, то я скоро простился съ нимъ и уѣхалъ изъ Залѣсья, желая найдти себѣ такое удобное мѣстопребываніе, гдѣ ни поляки, ни русскіе, не могли бы меня найдти и арестовать.

Я видѣлъ ясно, что возстаніе истощается и кончится не хорошо для повстанцевъ, а потому хотѣлъ заранѣе оградить себя отъ непріятныхъ послѣдствій. Другіе, впрочемъ, еще на что-то надѣялись. Однако, совершенно бросить все мнѣ не удалось по слѣдующему случаю. Разнеслась молва, что назначенъ и уже пріѣхалъ новый военный воевода для всей Люблинской губерніи генералъ Крукъ. На него возлагали чрезвычайныя надежды, такъ какъ по изобрѣтательности и уму не было ему равнаго. Говорили, что онъ возстановитъ Польшу съ Литвой, Украйной, Волынью и Подоліей.

Вскорѣ изданъ былъ приказъ, чтобы всѣ партіи, находящіяся въ предѣлахъ Люблинской губерніи, спѣшили соединиться около имѣнія Вайславицъ, Радзынскаго уѣзда, такъ какъ воевода намѣренъ дать сраженіе русскимъ войскамъ. Всѣ партіи исполнили приказаніе, кромѣ одной, Врублевскаго, которая не пошла на зовъ. Между тѣмъ, генералъ Крукъ, собравъ дружину въ пять съ половиной тысячъ повстанцевъ, выступилъ противъ русскихъ и расположилъ весь свой отрядъ въ небольшой рощѣ. Роща эта была такъ незначительна, что, когда они размѣстились, переднимъ негдѣ было спрятаться.

Русскіе воспользовались минутой и окружили биткомъ набитую рощу. Генералъ Крукъ, видя неминуемую гибель, кое-какъ пробрался чрезъ цѣпь русскихъ войскъ и бѣжалъ за границу, бросивъ все въ жертву москалямъ. Изъ скучившихся въ рощѣ, 800 человѣкъ было взято въ плѣнъ, 600 убито, а остальные разбѣжались. Русскіе потеряли только двухъ убитыми и 8 человѣкъ ранеными, о чемъ не спорили даже «Вѣдомости съ поля битвы», не смотря на то, что онѣ обыкновенно обвиняли русскія газеты въ сообщеніи ложныхъ извѣстій.

Извѣстіе о пораженіи Крука поразило и меня, и всѣхъ другихъ. Послѣ этого крестьяне рѣшительно стали на сторону правительства и явно выказывали свое несочувствіе мятежу, помѣщики присмирѣли; однимъ словомъ видно было, что мятежъ догораетъ, хотя партіи повстанцевъ кое-гдѣ еще и показывались. Потерянный энтузіазмъ не могли уже возбудить никакія средства: ни страстныя рѣчи, ни прокламаціи, ни угрозы, ни просьбы. Самые ярые патріоты замѣтно охлаждались и даже выражали неудовольствіе противъ тѣхъ, которые возбудили мятежъ. Русскіе отряды расположились по всему Бяльскому уѣзду, почты польскія уничтожились и пребываніе у помѣщиковъ было не безопасно. Довольно было взглянуть на лице любаго помѣщика, чтобы оставить его имѣніе. Боязнь, страхъ и недовѣріе отражались въ его глазахъ и словахъ. Постоянно слышались разговоры, что арестовали то Буховецкаго, то Михаловскаго—все помѣщиковъ и сосѣдей. Это невольно заставляло ихъ подумать о себѣ, такъ какъ ни

одинъ изъ нихъ не былъ безъ грѣха. Одни только ксендзы какъ католическіе, такъ и уніатскіе, а также управляющіе, писаря и повстанцы не унывали и все надѣялись. Дольше оставаться здѣсь я уже не могъ и потому отправился въ деревню Добрынь, гдѣ, какъ я зналъ, жилъ сотскій, болѣе другихъ сочувствовавшій мятежу. Я прибылъ сюда вечеромъ, былъ хорошо принятъ сотскимъ, который посовѣтовалъ мнѣ переодѣться въ крестьянское платье и скрываться такимъ образомъ. Черезъ нѣсколько минутъ меня уже нельзя было отличить отъ простаго мужика, тѣмъ болѣе, что я отлично говорилъ помалороссійски. Жена сотника для большаго сходства еще подстригла на лбу мнѣ волосы. Хотя меня и трудно было узнать, однако русскіе отряды, частенько навѣдывавшіеся въ Добрынь, заставили меня перекочевать въ другую, менѣе извѣстную деревеньку Волку, гдѣ я поселился у крестьянина Саввы.

Въ Подлясьѣ, или въ Люблинской губерніи, крестьяне большей частью живутъ въ курныхъ хатахъ, такъ что дымъ остается у нихъ въ хатѣ. Если его соберется много, то его выпускаютъ, отворивъ двери. Хлѣбопашество главное ихъ занятіе. Здѣсь я прожилъ до самой Пасхи, примиряясь со всѣми неудобствами изъ-за спокойствія нравственнаго, которое нашелъ въ этой деревушкѣ.

Деревня Волка, Бяльскаго уѣзда, Славатыцкой волости (гмины), была счастливѣйшій уголокъ во всемъ царствѣ Польскомъ. Жители ея, всѣ православные, не помнятъ, чтобы когда нибудь проходилъ черезъ ихъ село русскій или польскій отрядъ. Въ 1830 году они не видѣли даже солдата польскаго, а въ 1863 году ни одного повстанца. Они мало даже знали о происходившемъ въ краѣ, что-то слышали, но ничего не понимали. Если случалось поѣхать въ городъ за продуктами, то возвращались скоро и не вдавались ни въ какія, до нихъ не касающіяся дѣла. Савва принялъ меня къ себѣ, долгое время не зналъ, кто я такой, и все думалъ, что я такой же крестьянинъ, какъ и онъ. Я его не разубѣждалъ и открылъ тайну только за нѣсколько дней до нашего прощанія. Никогда не забуду его удивленія. Онъ не могъ допустить, чтобы можно было такъ долго надувать и такъ долго молчать.

Приближалась Пасха. Я соскучился и сказалъ своему хозяину, что мнѣ нужно отправиться въ Осовку, имѣніе около Бялы, и скоро на лошадяхъ того же Саввы я прибылъ въ Осовку, гдѣ, какъ я узналъ, находились нѣкоторые изъ моихъ товарищей, которыхъ я рѣшилъ напугать. Быстро вбѣжалъ я въ комнату, гдѣ они пили чай, и помалорусски сказалъ, что изъ Бялы идутъ москали и находятся уже не далеко. Всѣ бросились въ садъ. Будучи доволенъ и этимъ, я открылъ имъ себя, но они еще долго меня узнавали, пока убѣдились въ томъ, что я дѣйствительно ихъ товарищъ. Тогда нарушенный мной порядокъ былъ опять возстано-

вленъ. Я не перемѣнялъ своего костюма, а передъ незнакомыми долженъ былъ играть роль крестьянина. Разговаривая съ товарищами, я не могъ не замѣтить общаго унынія и сознанія, что дѣло мятежа проиграно. Мы начали придумывать и серьезно разсуждать о нашемъ положеніи и приходили къ тому заключенію, что если не успѣемъ пробраться въ самое короткое время за границу, то будемъ арестованы. Надѣяться на то, что легіоны, которые придутъ весною, освободятъ насъ изъ заключенія, теперь уже мы не могли, потому что вѣрнѣйшія наши надежды на Францію остались и по сіе время только надеждами. Положеніе наше со дня на день становилось все хуже и хуже, тревожное состояніе усиливалось.

Малѣйшій шумъ на дворѣ заставлялъ вздрагивать и бросаться къ окну. Лай собакъ, стукъ брички или воза, малѣйшій говоръ, доходящій со двора, заставлялъ убѣгать изъ комнаты. Я не разставался съ моимъ костюмомъ. Вся дворня и крестьяне считали меня ключникомъ, и я на самомъ дѣлѣ взялъ ключи отъ сарая, гумна и всего хозяйства.

На третій день утромъ я не могъ долго спать. Предчувствіе чего-то дурнаго безпокоило меня. Въ семь часовъ утра я пошелъ къ моимъ господамъ пить кофе. Только что я усѣлся, какъ вбѣжалъ бывшій ключникъ и объявилъ, что пришли русскіе и оцѣпили дворъ. Услышавъ это, я наскоро взялъ свою шапку, направился къ дверямъ и встрѣтился съ капитаномъ жандармовъ. Капитанъ спросилъ меня, что я здѣсь дѣлаю и съ кѣмъ разговариваю. Получивъ требуемые отвѣты, онъ отпустилъ меня съ Богомъ, приказавъ только выдать овса для уланскихъ лошадей. Я низко поклонился и довольный результатами дѣла отправился присматривать за хозяйствомъ. Вскорѣ солдаты спросили ключника, и я повелъ ихъ повсюду, куда только они мнѣ приказывали. Не легко было въ первый разъ выбирать изъ десятка ключей нужный, но какъ-то сошло, и они возвратились къ своимъ.

Я остался въ мучительномъ ожиданіи конца. Вдругъ долетѣлъ до моего слуха плачъ. Мнѣ казалось, что кого-то бьютъ, и я подумалъ, не допытываются ли о чемъ нибудь. Всего пуще боялся я розогъ, а въ мужицкой шкурѣ, въ которой я находился, это легко могло случиться. Я оробѣлъ и не зналъ, что съ собой дѣлать. Наконецъ, отрядъ началъ мало-по-малу собираться, и я подумалъ, что все кончено. Но въ это время изъ двора показался солдатъ, который бѣжалъ къ намъ и звалъ ключника. Въ эту минуту мнѣ пришла даже въ голову мысль, чтобы спастись отъ розогъ, сознаться.

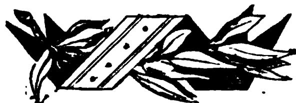
Я пошелъ за солдатомъ и меня привели въ комнату къ жандармскому капитану. Его ласковое обращеніе ободрило меня, и я сталъ смѣлѣе отвѣчать на дѣлаемые мнѣ вопросы. Онъ спраши-

валъ, кто во дворѣ бываетъ, не перевозили ли чего ночью, однимъ словомъ задавалъ обыкновенные въ такомъ случаѣ вопросы. Я отвѣтилъ, что только три дня какъ поступилъ на службу и потому ничего не знаю. Давъ мнѣ нѣсколько наставленій, онъ отпустилъ меня и поспѣшилъ къ своимъ солдатамъ.

Вскорѣ отрядъ тронулся, забравъ съ собою моего товарища Дашкевича и писаря. Когда русскіе ушли, я началъ разспрашивать, чего они здѣсь искали. Оказалось, что они искали оружія, которое перевозилось чрезъ Осовку, о чемъ они знали. Какъ бы то ни было, угрожавшая опасность прошла. Дожидаться вторичнаго посѣщенія, я вовсе не желалъ и поэтому на слѣдующій день отправился въ Волку. По дорогѣ я досталъ свидѣтельство, которое мнѣ было нужно, чтобы въ случаѣ необходимости уйти за границу. Свидѣтельство это выдалъ мнѣ знакомый бургомистръ, на имя мелкопомѣстнаго шляхтича Козловскаго, молодаго человѣка, кончившаго Московскій университетъ и убитаго въ одной изъ стычекъ. Съ такимъ видомъ я возвратился къ Савкѣ, сшилъ себѣ штатское платье и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ въ мѣстечко Славатычи и занялъ должность помощника бургомистра. Въ своей новой должности, я выдавалъ билеты на проѣздъ, свидѣтельства о здоровьѣ прогоняемаго скота на ярмарки, назначалъ квартиры проходившимъ войскамъ. Служба доставляла мнѣ деньги, которыхъ у меня уже почти не было. Съ каждаго выданнаго свидѣтельства я получалъ по 15 коп., такъ что ежедневно у меня собиралось рублей шесть, которыми я дѣлился съ бургомистромъ. Бургомистръ ничего не зналъ о моемъ прошедшемъ. Онъ былъ увѣренъ, что я Козловскій, и мнѣ приходилось нерѣдко врать, чтобы отвѣтить на какой нибудь его вопросъ.

Ягминъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ ГЛИНКИ.

По поводу 50-лѣтія „Руслана и Людмилы“.

1842 — 1892.

ОГДА, 35 лѣтъ тому назадъ, скоро послѣ смерти Глинки, я разсказывалъ въ «біографіи» его (тогда еще первой у насъ) трагическую, невообразимую судьбу «Руслана и Людмилы», я никакъ не воображалъ, что еще на моемъ вѣку все совершенно измѣнится, и ужасное отношеніе русскаго люда къ геніальнѣйшему созданію русской музыки перешагнетъ отъ полнаго отрицанія, вражды или равнодушія, къ полному сочувствію, дѣйствительному или кажущемуся. Всѣ факты, относившіеся до «Руслана», были до того мрачны, безотрадны, казались до того коренными и исходящими изъ глубочайшей сущности русской публики, что, надо было думать, имъ никогда и износа не будетъ, они стоятъ на вѣки вѣчные каменными твердынями, которыхъ никто сломить не можетъ. Самъ Глинка, не за много мѣсяцевъ до смерти, говорилъ своей сестрѣ, Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ».

Но вотъ Петербургъ, а съ нимъ вмѣстѣ, можетъ быть, и вся Россія, уже готовится праздновать черезъ немного дней великій день: 27-е ноября, тотъ день, когда, 50-лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ данъ былъ на сценѣ «Русланъ». Нынѣшняя публика не находитъ уже ничего страннаго въ томъ, чтобы Глинку называть великимъ музыкантомъ, а «Руслана» — величайшимъ русскимъ музыкальнымъ созданіемъ. Ничтожнѣйшій репортеръ по музыкальной части, каждый пустѣйшій писака, считаетъ своею

обязанностью напечатать пару словъ о величіи Глинки, точно будто и въ самомъ дѣлѣ онъ его чувствуетъ и понимаетъ, точно будто бы Глинка и его великое твореніе и въ самомъ дѣлѣ что-то для него составляютъ. Что дѣлать! Надо. Теперь уже другимъ вѣтромъ повѣяло. Глинка, такъ сказать, «канонизированъ», уже сопричтенъ къ лику значительныхъ музыкантовъ, онъ ужъ произведенъ въ высокій чинъ, и, значитъ, теперь, безъ всякаго страха промахнуться или угодить не впопадъ, уже можно говорить и писать какія хочешь самыя парадныя банальности въ похвалу Глинкѣ, хотя бы даже наравнѣ съ Верди и Масканьи.

Но и въ эти дни торжества и празднованія, когда Глинки болѣе нѣтъ на свѣтѣ, не надо забывать, что̀ было съ нимъ, пока онъ былъ живъ, не надо прятать въ дальній уголъ его «скорбнаго листа». Надо держать его передъ глазами всѣхъ. То, что̀ совершилось 50 лѣтъ тому назадъ, было такъ ужасно и такъ безобразно, что незнающему дѣйствительныхъ событій всегда покажется невѣроятнымъ. Точно послѣ старинныхъ битвъ, почва давно сравнялась и заросла цвѣтами, все гладко и чисто, никакихъ болѣе и признаковъ нѣтъ прежней пролитой тутъ крови и слезъ и вытерпѣнныхъ страданій.

По величію творчества, по неожиданности почина, по мощи созданія, Глинка есть Петръ Великій русской музыки, но по личной судьбѣ своей—онъ сущій Чацкій этой русской музыки. Ка̀къ Петръ Великій задумалъ новую, самобытную, оригинальную, могучую Россію, такъ точно Глинка задумалъ новую русскую музыку, для выраженія самобытныхъ, оригинальныхъ, могучихъ и поэтическихъ стремленій своего народа. И тотчасъ же, какъ Петръ, онъ, вдохновленный молодостью и геніемъ, воплотилъ свою фантазію въ дѣйствительность. Онъ создалъ новыя формы, національныя и самобытныя, но вмѣстѣ почалъ для русской музыки новыя задачи и сюжеты, открылъ новые невиданные прежде горизонты — народные, глубоко-историческіе. Однако же участь обоихъ великихъ юношей вышла разная. Петру Великому было рѣшительно все равно, ка̀къ примутъ его паціенты выкованное имъ твореніе. Онъ геніальными глазами смотрѣлъ впередъ, видѣлъ и зналъ, что то, что̀ онъ начинаетъ, хорошо и нужно, о вкусахъ, мнѣніяхъ и аппробаціяхъ онъ и не думалъ безпокоиться. Оказалась пропасть недовольныхъ, удивленныхъ, огорченныхъ, возмущенныхъ, а ему-то какое было до того дѣло? Онъ шелъ на проломъ, онъ героемъ напиралъ впередъ и знать никого и ничего не хотѣлъ. Оттого-то, когда цѣлыя массы людей поднялись и закипѣли, онъ съ ними расправился посвоему: равнодушно, холодно и жестоко. Старая Русь, не чувствуя того великаго, правдиваго и хорошаго, къ чему устремлялъ ее неугомонный юноша, чувствовала и видѣла только тѣ жестокія оскорбленія, которыя наносимы были худымъ старымъ ея привычкамъ, заплеснѣлымъ

ея обычаямъ и законамъ. И она, словно заарканенный дикій конь, рвалась и металась, била передомъ и задомъ, каталась по землѣ съ пѣной у рта и бѣшено ржала. Но ничто не могло сбросить всадника, онъ сидѣлъ несокрушимый, непобѣдимый, безъ сѣдла, но съ желѣзной уздой и съ стальными лютыми шпорами. И скоро конь смирился и пошелъ тѣмъ ходомъ, котораго отъ него требовалъ великій юноша. На Петра ополчались и старъ, и младъ, и бояринъ, и разночинецъ,—онъ на нихъ и не смотрѣлъ, и только вражескую толпу сметалъ со своей дороги огнемъ и мечемъ. Иное было съ Глинкой. Великое свое твореніе онъ создалъ и довелъ до конца, но врага стараго и младаго, боярина и разночинца, онъ не смелъ съ лица земли, и они не смирились и не послушались, и никакою покорною рысью не пошли за нимъ. У него не было въ рукахъ ни огня, ни меча, да если бы и былъ, то онъ кротко помиловалъ бы всѣхъ, только не помиловалъ бы самого себя, и только самъ ушелъ бы прочь. Ему нужно было не робкое покорное стадо, ему нужны были сочувствующіе и понимающіе люди. А гдѣ ихъ было взять? Ихъ не было, потому что не могло еще и быть. На сторонѣ Глинки стояло, 50 лѣтъ тому назадъ, гораздо меньше понимающихъ, симпатизирующихъ, въ самомъ дѣлѣ разумѣющихъ людей, чѣмъ 150 лѣтъ раньше его на сторонѣ Петра Великаго. Не быть совершенно темнымъ человѣкомъ гораздо труднѣе въ художественномъ дѣлѣ, чѣмъ въ житейскомъ дѣлѣ. Это послѣднее общедоступнѣе и понятнѣе. Искусство существуетъ, правда, тоже только на службу жизни, своей истинной госпожѣ и владычицѣ, но требуетъ для своего пониманія и пользованія — силъ особыхъ, высшихъ, сложнѣйшихъ, разнообразнѣйшихъ.

Въ 40-хъ и даже 50-хъ годахъ наша музыкальная публика представляла самое печальное зрѣлище. Она не только была совсѣмъ не приготовлена ко всему самому великому, истинному и правдивому въ искусствѣ, но она даже была просто рѣшительно почти безграмотна въ немъ. У нея были вкусы дитяти, но дитяти, уже испорченнаго и обезображеннаго во всѣхъ его вкусахъ и понятіяхъ. Ей приходились по плечу только что банальности «Аскольдовой могилы» Верстовскаго, пошлости и ничтожества модной «Фенеллы» Обера, вся бездарность доморощенныхъ романсовъ Варламова, Гурилева, Дюбюка, Алябьева и иныхъ, «Лучинушки», «Красные сарафаны», «Тройки», «Соловьи», наконецъ «Семирамиды» и «Танкреды» и прочія итальянскія руины александровскаго времени, съ ихъ руладами, трелями и остальнымъ нелѣпымъ скарбомъ старой итальянской виртуозности. Даже «Робертъ» Мейербера способенъ былъ нравиться,—кромѣ балета возставшихъ изъ гробовъ монахинь и другихъ такихъ же романтическихъ пикантностей,—только наиболѣе плохими банальностями своими, такими, какъ арія «Grâce», и проч. И вотъ передъ такой-то несчастной пу-

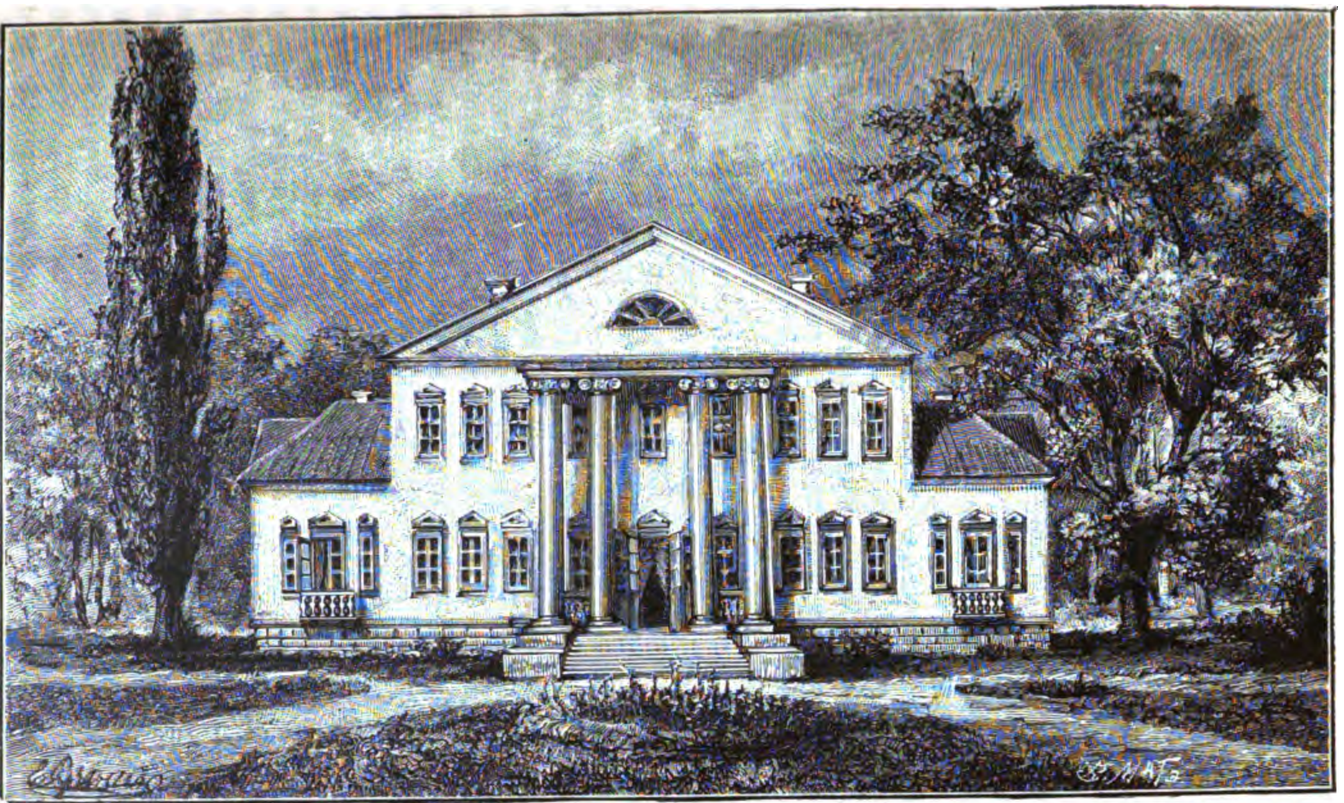
бликой выступаетъ вдругъ юноша, новый Петръ Великій, несущій знамя музыкальной революціи, знамя возстанія противъ всего прежняго и громовымъ голосомъ поражающій все то, въ чемъ до тѣхъ поръ съ восторгомъ блаженствовала, жмуря глаза, какъ котъ, эта публика. Можно себѣ представить, какъ ей было нестерпимо, какъ противно. Ей давали то, чего ей вовсе не надо было, что ей было чуждо и антипатично: талантливость, національность и истинную музыку, и не давали того, что одно только и нужно было: ординарность, безцвѣтность и лже-музыка. Надо, однако же, войти и въ ея положеніе: со временъ Петра Великаго эту самую публику такъ усердно и упорно старались отучить отъ всего національнаго въ искусствѣ, а тутъ вдругъ начинаютъ опять также съ усердіемъ и упорствомъ отучать отъ того, что національно. Она только что успѣла послушаться, попривыкнуть къ тому, что съ нея требовали, войти во вкусъ, и вотъ — опять уже перемѣна! Кого слушаться, чему слѣдовать, какъ быть? Конечно, могла она слѣдовать тому, къ чему привыкла въ послѣдній разъ, и мгновенно противъ Глинки возстали теперь всѣ толпы консерваторовъ за то, что онъ проповѣдывалъ **національность** въ искусствѣ, какъ полторы сотни лѣтъ прежде возставали противъ Петра за то, что онъ проповѣдывалъ **европеизмъ** въ жизни.

За «Жизнь за царя» и за «Руслана» люди сердились и бѣсились на Глинку точно столько же, сколько на Петра за обстриженные бороды и кафтаны, за уничтоженіе русскаго гарема, за ломаніе предразсудковъ, за водвореніе науки и знанія. При Петрѣ ревѣли и плакали за европейскій «новый годъ», при Глинкѣ безутѣшно плакались на новую національную эру и жаловались на новую «мужицкую» музыку. Еще бы! Какихъ-то грубыхъ лапотниковъ, ихъ низменныя, безвкусныя, ничтожныя попѣвки пробуютъ поставить въ сравненіе съ благородными, галантерейными, аристократическими пиратами, рыцарями и герцогинями и ихъ высокими аріями и сценами. Петръ Великій на своихъ невѣждъ только смѣялся, Глинкѣ отъ своихъ—приходилось плакать.

Онъ съ самаго же начала до того вѣровалъ въ свое дѣло, въ его правоту и великость, что былъ убѣжденъ, что стоитъ только появиться его новымъ произведеніямъ, и толпы пойдутъ за нимъ, увѣровавъ въ его проповѣдь національности, истинности и таланта. За шумомъ перваго и оффиціальнаго тріумфа онъ не разглядѣлъ, что въ этомъ тріумфѣ очень мало толка, и еще менѣе искренности. На другой день послѣ перваго представленія «Жизни за царя» онъ писалъ своей матери: «Милая и безцѣнная маменька, вчерашній вечеръ совершились наконецъ желанія мои, и долгій трудъ мой былъ увѣнчанъ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Публика приняла мою оперу съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ... Выгоды, полученныя мною отъ моего труда, суть слѣдующія:

а) монаршее благоволеніе и прелестный подарокъ за поднесеніе оперы, б) слава. Всѣми единодушно я признанъ первымъ композиторомъ въ Россіи, а, по мнѣнію знатоковъ, ни въ чемъ не ниже лучшихъ композиторовъ»... Въ декабрѣ того же 1836 года Глинка писалъ своей матери: «Теперь, послѣ шести представленій, я рѣшительно могу сказать, что успѣхъ далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія, и опера моя все болѣе и болѣе нравится публикѣ... Успѣхъ моей оперы съ каждымъ днемъ возростаетъ; вчера, на 11-мъ представленіи, театръ былъ полонъ и сборъ простирался до 6.300 рублей. По повелѣнію государя, были уже на моей оперѣ кадеты корпусовъ; говорятъ, надняхъ будутъ воспитанницы института Екатерининскаго и Смольнаго монастыря»... Въ своихъ автобіографическихъ запискахъ Глинка прибавляетъ: «Театръ усердно посѣщали, а гдѣ мало-мальски пѣли, тамъ уже можно было найти навѣрное печатныя пьесы изъ моей оперы; нумера не поспѣвали во время по требованію публики».

Какъ жестоко заблуждался бѣдный Глинка, повѣривъ оваціямъ первыхъ представленій, прелести подарка и мнѣніямъ знатоковъ, пѣнію по домамъ и поѣздкамъ корпусовъ и институтовъ. Конечно, среди тогдашняго полнаго безрыбья, онъ былъ признанъ «первымъ» нашимъ композиторомъ, но въ этомъ было еще мало чести. Конечно, его «новая новинка» на столько отличалась отъ всего у насъ сочинявшагося до тѣхъ поръ, что нравилась многимъ. Но чтò нравилось публикѣ, чтò именно ходила она слушать въ театръ, чтò изъ оперы пѣла съ такимъ рвеніемъ у себя дома? Я хорошо помню то время, я какъ теперь вижу то, чтò тогда происходило передъ моими глазами, и потому скажу: публика очень мало интересовалась самой оперой, очень мало обращала вниманія на нее всю цѣликомъ. Она сильно увлекалась патріотическими чувствами Сусанина, которыя были тогда особенно въ модѣ на театрѣ, водворенныя «Рукой всевышняго» и «Скопинымъ-Шуйскимъ» Кукольника, и множествомъ другихъ подобныхъ же имъ драмъ и трагедій того времени, но она глубоко игнорировала все, чтò въ оперѣ было истинно великаго, самаго геніальнаго, она прежде всего бѣжала въ театръ слушать только двѣ-три аріи, которыя однѣ нужны были ей. Аріи эти были плохи и сентиментальны, но за то въ итальянскомъ стилѣ и вкусѣ, чтò, конечно, было всего важнѣе для публики. Притомъ же въ новой оперѣ блистали такіе высокіе таланты, какъ Петровы, мужъ и жена. Номера оперы, «которые не поспѣвали во время печататься по требованію публики», были все одни и тѣ же: все только аріи Вани, арія Собинина, тріо «Не томи родимый», тріо «Ахъ, не мнѣ бѣдному», да еще польскіе танцы. Значило ли это, что опера въ самомъ дѣлѣ нравилась, что она была въ самомъ дѣлѣ понята? Нѣтъ, не опера нравилась, а только незначительнѣйшая ея доля. И это было исключеніе. Кто пѣлъ у себя

Домъ въ селѣ Новоспасскомъ, гдѣ родился М. И. Глинка.

Рисовала баронесса Е. Врангель, гравир. В. Маттэ.

дома эти вѣчные 3—4 номера, кто отъ нихъ млѣлъ и въ театрѣ, кто до слезъ и истерики восторгался не музыкою, а великолѣпнымъ талантливымъ и страстнымъ исполненіемъ двухъ истинно превосходныхъ пѣвцовъ, неужели онъ что нибудь понималъ въ самомъ дѣлѣ въ значеніи новой великой оперы, въ ея реформаторскомъ смыслѣ, въ ея разрывѣ съ тѣмъ, что прежде у насъ было?

Никогда. Публика взяла изъ оперы только то, что̀ одно ей нужно было, что̀ было ей по плечу, а прочее все побросала въ сторону, о немъ и не думала. Она осталась тѣмъ, чѣмъ была и прежде: мало грамотной, безвкусной, и послѣ новаго почина Глинки ни на одинъ шагъ не подвинулась вслѣдъ за нимъ, на новые пути. Но, по крайней мѣрѣ, она тогда не имѣла ничего враждебнаго къ Глинкѣ, даже вопреки своему обычному наставнику и глашатаю, Ѳаддею Булгарину, который изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобъ дать Глинкѣ изрядную подножку, увѣряя печатно, что онъ ничего новаго не началъ и не изобрѣлъ и все важное давно уже сдѣлано, а музыка его—скучна. Публика милостиво сносила Глинку, хотя и не придавала ему никакого особеннаго значенія.

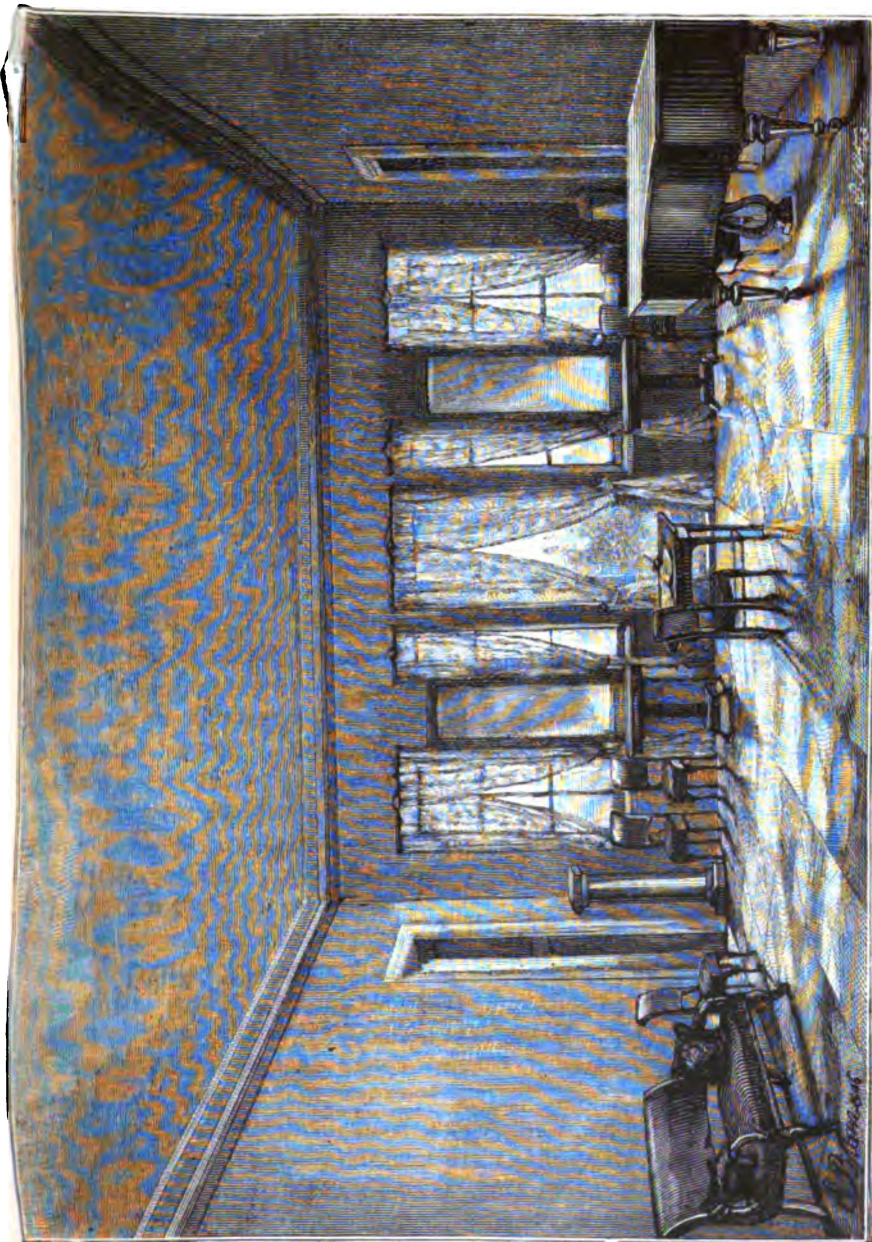
А знатоки? О, «знатоки» могли говорить про Глинку, что угодно, они могли прославлять его, сколько въ голову приходило, но тутъ не было ничего кореннаго и правдиваго, никакого дѣйствительнаго убѣжденія и симпатіи. Это въ полной силѣ доказалось нѣсколько лѣтъ спустя, когда явился на сценѣ «Русланъ». Эта опера была созданіе еще болѣе великое, чѣмъ «Жизнь за царя», и почти безъ перерыва, отъ начала до конца, состояла изъ частей истинно-геніальныхъ: тутъ тотчасъ же произошелъ рѣшительный и окончательный разрывъ Глинки съ публикой. Она просто взбунтовалась противъ композитора, котораго такъ еще недавно признавала чѣмъ-то крупнымъ, она отъ него тотчасъ же ушла въ сторону. Булгаринъ, тогдашній представитель, другъ, совѣтникъ и учитель публики, разсказывалъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ» публикѣ ея же впечатлѣніе: «Были вы въ первомъ представленіи Руслана?—Былъ.—А что вы скажете?—Декораціи превосходныя.—Эти вопросы и отвѣты слышали мы безпрерывно, на каждомъ шагу. О музыкѣ ни полслова. Что же это значитъ, скажите ради Бога! Публика была тиха, холодна и безмолвна, и только кое-когда и кое-гдѣ раздавались уединенныя рукоплесканія. Не было ни разу общаго увлеченія, общаго восторга, умиленія, общаго рукоплесканія, невольныхъ восклицаній: браво, какъ то̀ бываетъ при исполненіи высокихъ или даже граціозныхъ произведеній музыки. Публика молчала и все чего-то ждала, ждала, ждала, и, не дождавшись, разошлась въ безмолвіи, въ какомъ-то унынiи... Всѣ вышли изъ театра, какъ съ похоронъ... Впрочемъ, если публика не поняла оперы, то ея не поняли также пѣвцы и оркестръ, словомъ, всѣ мы виноваты». Такія словеса великаго русскаго народнаго трибуна, конечно, укрѣпляли каждаго изъ публики

въ той мысли, что не они всѣ виноваты, а виноватъ Глинка, что не они невѣжды и безграмотные, а перехитрившій композиторъ. Когда скоро потомъ талантливая пѣвица Петрова появилась въ роли Ратмира, публика пришла въ великій восторгъ отъ того, что̀ теперь услышала въ совершенно новомъ видѣ и колоритѣ, и съ жаромъ апплодировала плохому вальсику въ концѣ аріи контральтоваго героя, изъ-за этой аріи стала даже милостивѣе выносить великое созданіе Глинки, но въ сущности ничего не перемѣнилось въ непріязни къ «Руслану» и въ полномъ его непониманіи. Публика такъ и осталась при мнѣніяхъ и понятіяхъ Булгарина. И вотъ въ эту-то минуту, когда «знатоки» должны были поднять, просвѣтить и направить темную публику на счетъ того человѣка, котораго они сами еще такъ недавно провозглашали «великимъ» и «равнымъ наивысшимъ композиторомъ музыкальнымъ», они поворотили Глинкѣ тылъ, точь въ точь вся остальная публика, постыдно предали его. Они его позабыли, и сидѣли въ ложахъ новопріѣхавшаго итальянскаго театра, задыхаясь отъ восторга отъ всѣхъ «Лучій», «Сомнамбулъ» и «Пуританъ», и стараясь отличить всѣ глубокія ихъ тонкости въ «чудномъ» исполненіи итальянскихъ невѣжественныхъ виртуозовъ, «пѣвуновъ», какъ ихъ называлъ Глинка, ровно ничего не имѣющихъ общаго съ музыкой и искусствомъ. Какіе же это были «знатоки», всѣ эти «друзья» Глинки, всѣ эти Кукольники, Сенковскіе, князья Одоевскіе, графы Віельгорскіе, изъ которыхъ одни до тошноты, до изнеможенія, твердили Глинкѣ, позабывъ всякое приличіе и даже самую простую учтивость, что его опера—неудачная, неумѣлая, а другіе съ печальной миной объявляли ему, что она скучна, невыносима, и что непремѣнно надо ее урѣзать, выбросить изъ нея все, что только было въ ней самаго высокаго и великаго. И это были «знатоки»! Нѣтъ, все, что прежде они провозглашали, не было выраженіемъ ихъ настоящей натуры, понятій и вкуса. Только теперь они выѣхали на настоящую дорогу съ проселочной, только теперь, наконецъ, высказалось со всей правдой то, что̀ они въ самомъ дѣлѣ понимаютъ и любятъ, что̀ имъ нужно и что̀ дорого. Все прежнее у нихъ была какая-то нелѣпая, смѣшная фата-моргана. И на настоящей-то этой своей позиціи «знатоки» русскіе изъ числа друзей Глинки такъ навѣки и остались, да только потомъ, на придачу къ Беллини и Доницетти, объявили, за одно съ публикой, величайшимъ музыкальнымъ геніемъ—Верди. «Верди,—писалъ Сенковскій,—дѣлаетъ смѣлый обратный шагъ отъ преувеличеній перехитреннаго ремесла къ величественной и трогательной красотѣ природы... Онъ будетъ точкою исхода, съ которой пойдетъ коренное преобразованіе музыки!!»... Съ такимъ приговоромъ тотчасъ согласился даже Сѣровъ, въ то время начинавшій быть ретроградомъ. И все это говорилось и писалось тогда, когда Глинка еще не успѣлъ закрыть измученныхъ глазъ. Вотъ что такое были «знатоки» и «пріятели»,

въ которыхъ вѣровалъ впродолженіе всей своей жизни бѣдный Глинка.

На бѣду Глинкѣ и русскому искусству, итальянцы пріѣхали къ намъ со всею своею плачевною (столько драгоцѣнною для публики) дребеденью, и притомъ съ громадною европейскою славою, именно въ ту самую минуту, когда у насъ совершалось свое собственное великое дѣло, а публика была маловозрастна, малолѣтна, и, шатаясь на слабыхъ ножкахъ, на все въ искусствѣ смотрѣла еще полуслѣпыми, мутными глазами, какъ новорожденный щенокъ. Понятно, ея слабому желудочку надобно было, еще надолго, раньше настоящей музыки, только тепленькое молочко съ мякишемъ, а навалили ей въ животъ горы плохой патоки и дрянныхъ леденцовъ, подъ видомъ издѣлій Доницетти, Беллини и всей остальной итальянской компаніи. Какая пошла порча желудка, какой устроился внутри его хроническій катарръ!

Глинка очутился музыкальнымъ Чацкимъ. Передъ нимъ стояла русская толпа, которая до «Руслана» хоть сколько нибудь уважала и цѣнила его, которая говорила про него, какъ Фамусовъ: «... Но захоти, такъ былъ бы дѣловой. Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой, и славно пишетъ, переводитъ. Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ... Не я одинъ, всѣ также осуждаютъ»... Но когда Глинка принесъ на сцену своего «Руслана» и всѣ его увидали, тутъ пришлось великому Чацкому русской музыки такъ худо, какъ никогда прежде. Русскимъ Софьямъ Павловнамъ нравились только Молчалины, сладкіе, фальшивые и ничтожные: «ка́къ европейское поставить въ паралель съ національнымъ, странно что-то», твердили всѣ вокругъ, и тутъ у всѣхъ на счетъ новаго Чацкаго подымался смѣхъ. «Съ кѣмъ былъ, куда меня закинула судьба?»—черезъ 20 лѣтъ послѣ Чацкаго долженъ былъ говорить себѣ то же и Глинка. «Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ, мучителей толпа, въ враждѣ неутомимыхъ, нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ, старухъ зловѣщихъ, стариковъ, дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ! Изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто съ вами день пробыть успѣетъ, подышетъ воздухомъ однимъ — и въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ...». И, среди этого милліона терзаній, въ награду за созданіе чего-то великаго, его не переставала жечь и тиранить мысль: «А вы, о Боже! Кого себѣ избрали! Когда подумаю, кого вы предпочли... Довольно, съ вами я горжусь моимъ разрывомъ...». И точь въ точь Чацкій, восклицавшій: «Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ! Бѣгу, не оглянусь...»—измученный Глинка бѣжалъ изъ Россіи. Позже, спустя нѣсколько лѣтъ, отдохнувъ вдали отъ мучителей, онъ нѣсколько разъ пробовалъ воротиться въ отечество, которое никогда не переставало ему быть дорогимъ, и всякій разъ только снова попадалъ въ среду той же безумной оргіи итальянобѣсія, музыкальнаго невѣжества и равнодушія къ початому

Залъ въ домѣ села Новоспасскаго.
Рисовала баронесса Е. Врангель, гравир. В. Маттэ.

имъ великому художественному дѣлу. Онъ долѣе не могъ терпѣть, и, покидая Россію въ послѣдній разъ, остановился у заставы, вышелъ изъ экипажа, плюнулъ на землю, сказавъ: «Когда бы мнѣ никогда больше этой гадкой страны не видать». Такъ и сдѣлалось. Онъ ея больше никогда не видалъ.

Всего ужаснѣе въ этомъ безобразномъ дѣлѣ было то, что невѣжество однихъ, равнодушіе другихъ, непониманіе всѣхъ, помѣшали Глинкѣ сдѣлать на своемъ вѣку все то, къ чему онъ былъ способенъ. Ему было всего 38 лѣтъ, когда онъ кончилъ «Руслана», и богатый запасъ силъ шевелился въ немъ и предвѣщалъ много другихъ великихъ произведеній. Но ему словно отрубили руки, ему словно выкололи глаза, его превратили въ калѣку. Чтò тутъ сочинишь? Не всякій способенъ быть несокрушимой гранитной скалой, какъ Петръ Великій, какъ Бетховенъ. Глинка, въ минуту «отставки», произнесенной ему прямо въ глаза современной Россіей, былъ полонъ душевнаго жара, горячихъ творческихъ стремленій, онъ стоялъ на вершинѣ достигнутаго мастерства. Это несомнѣнно для всякаго, кто вспомянетъ факты его жизни. Едва только оправившись на чужбинѣ отъ тѣхъ лютыхъ ранъ, которыя ему наносили равнодушныя руки, направляемыя темнымъ и разсѣяннымъ умомъ, едва немного успокоившись, Глинка забывалъ, что отяжелѣлъ, опустился, что «вдохновеніе посѣщаетъ его рѣдко», и бралъ уже снова свое великое перо и уже писалъ такія великія вещи, какъ «Аррагонская хота» и «Комаринская»—эти родоначальники новыхъ родовъ и видовъ русскаго музыкальнаго творчества, родоначальники новыхъ русскихъ музыкальныхъ формъ; онъ мечталъ о созданіи симфоніи «Тарасъ Бульба», оперы «Двумужница», многое туда даже сочинилъ и, всетаки, каждый разъ онъ тотчасъ снова падалъ, обезкураженный и обезсиленный. «Досады, огорченія и страданія меня сгубили, я рѣшительно упалъ духомъ (démoralisé)»,—писалъ Глинка В. П. Энгельгардту 29-го ноября 1855 года. Но кто не подивится на Глинку, когда сравнитъ его послѣдніе годы съ послѣдними годами Берліоза? Берліозъ представляется каждому крѣпкимъ, могучимъ духомъ, великимъ, непобѣдимымъ характеромъ, среди всѣхъ бѣдъ своей жизни, среди глумленія не понимавшей, не признававшей его толпы, среди свиста, насмѣшекъ и шиканья тысячной массы. Но онъ писалъ въ послѣдніе годы: «У меня прежде была вѣра и надежда, теперь ничего не осталось, кромѣ покорнаго смиренія» (résignation). И онъ забросилъ далеко прочь отъ себя перо свое, а когда я напоминалъ ему его долгъ и службу человѣчеству и искусству, умолялъ его снова взяться за сочиненіе и творчество, онъ писалъ въ отвѣтъ: «Чтò вы мнѣ говорите о сочиненіи! Полноте говорить мнѣ пустяки». Глинка отвѣчалъ почти то же на мои напоминанія и мольбы: что онъ усталъ, не можетъ болѣе, нѣтъ прежняго вдохновенія, не въ

состояніи—и однако же до послѣдняго дня своего пребыванія въ Россіи продолжалъ сочинять, или, по крайней мѣрѣ, хотя импровизировать на фортепіано, и всѣ посѣщавшіе его въ то время, конечно, помнятъ, сколько тутъ сіяло и горѣло у него вдохновенія и таланта. Пріѣхавъ въ Берлинъ, онъ точно также сейчасъ снова принялся за работу, за церковную музыку, которой новые образцы онъ хотѣлъ создать для своей любезной Россіи. Никакого покорнаго смиренія онъ не проявилъ. На видъ онъ казался слабъ и кротокъ; внутри души онъ былъ несокрушимъ, и до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, преданъ былъ своему великому дѣлу, задачѣ всей своей жизни.

У Льва Толстаго есть разсказъ, подъ названіемъ: «Богъ правду видитъ, да не скоро ее сказываетъ», и тутъ повѣствуется о томъ, кàкъ одинъ невинный человѣкъ былъ судимъ, и осужденъ, и сосланъ на каторгу, и прожилъ на ней весь свой вѣкъ. Только подъ самый конецъ жизни открылась правда, но уже было поздно, и мученику не удалось болѣе пожить красною жизнью. Такимъ мученикомъ былъ тоже и Глинка. Онъ всю почти жизнь свою прожилъ на каторгѣ и въ каторжной пыткѣ. Конечно, правда однажды сказалась: мы нынче присутствуемъ при ея торжествѣ, и это дни свѣтлые, радостные въ русской исторіи. Но каково было, впродолженіе долгихъ лѣтъ, самому-то Глинкѣ все только ждать и ждать эту правду, которая однажды, поздно, очень поздно, скажется? Намъ не надо этого ни на единую секунду забывать въ тѣ дни, когда празднуется величіе и твореніе Глинки. Но больно только подумать, что исправленіе чужихъ ошибокъ и прегрѣшеній ни на единую іоту не застраховываетъ людей отъ своихъ собственныхъ ошибокъ и прогрѣшеній, точь въ точь такихъ же, какъ тѣ прежнія. Нынѣшнее поколѣніе одной рукой заглаживаетъ, какъ можетъ, безобразныя заблужденія предшествовавшаго ему поколѣнія, и въ тѣ же самыя минуты громоздитъ точь въ точь такія же новыя, столько же несчастныя какъ прежнія и столько же мучительныя для тѣхъ, надъ кѣмъ они совершаются. Судя по тому, что̀ передъ нашими глазами всякій день происходитъ, мнѣ кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что явись сію секунду новый Глинка, новый Петръ Великій русской музыки, его бы тотчасъ осмѣяли, освистали, осудили и сослали бы на каторгу, какъ того, прежняго. Его опять промѣняютъ Богъ знаетъ на кого и на что.

Новый періодъ для Глинки и его великаго созданія начался съ новаго царствованія, съ новаго періода въ русскей исторіи, съ наступившей вдругъ у насъ весны и оттепели. Отъ прежнихъ людей нечего было ожидать—это уже были люди отпѣтые, и не произойди неожиданнаго перелома въ русской жизни, Глинка еще долго, ко-

нечно, остался бы невѣдомымъ, забытымъ и полупрезираемымъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что̀ въ нашемъ отечествѣ было лучшаго и значительнѣйшаго. Но теперь выдвинулись новые люди, которые словно древнюю Помпею стали разгребать ея груды окаменѣлой лавы и пепла, и выносить на солнечный свѣтъ чудеса давно созданнаго, но позабытаго міра. Глинка былъ одно изъ этихъ чудесъ, и новая Россія скоро начала его узнавать, привыкать къ нему и любить его. Совершилось то, что̀ казалось невообразимымъ, немыслимымъ, что̀ должно было, казалось бы, осуществиться лишь въ далекомъ, далекомъ будущемъ. Еще въ 1859 году я писалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ статьѣ «Многострадальная опера»: «Неужели, не смотря на свою великую натуру, не смотря на то великое будущее, которое его несомнѣнно ожидаетъ, «Русланъ» долго еще не избѣгнетъ той унизительной и мученической судьбы, которая его до сихъ поръ преслѣдуетъ? Неужели эта опера должна теперь, послѣ пожара петербургскаго театра-цирка [1]), снова на нѣсколько десятковъ лѣтъ скрыться въ мракѣ театральныхъ архивовъ и ожидать новыхъ подвиговъ самопожертвованія, подобныхъ подвигамъ, совершеннымъ на нашихъ глазахъ и почти безплодно Булаховымъ и Петровымъ [2])? И если какимъ нибудь чудомъ для «Руслана» настанетъ наконецъ иная судьба, чѣмъ то несчастье, которое до сихъ поръ его не покидало, если эта опера станетъ наконецъ на нашей сценѣ и въ общемъ мнѣніи на томъ несокрушимомъ пьедесталѣ, который ей принадлежитъ, неужели слушающая публика должна будетъ опять зависѣть отъ капризовъ того или другаго дирижера, должна будетъ узнавать оперу въ искаженномъ видѣ невѣрнаго исполненія, и притомъ тѣ только части и отрывки, которые дирижеру заблагоразсудится дать услышать, а не все то, что̀ сочинилъ и ка̀къ сочинилъ авторъ? Что̀ сказала бы эта же самая публика, если бы по капризу, по соображенію какого бы то ни было профессора, ей стали показывать только половину или три четверти картины Брюллова или Иванова, а все остальное завѣсили бы, увѣряя, что прочаго не стоитъ или не должно смотрѣть, для выигранія эффекта? Я думаю, всѣ сказали бы, что всякое художественное произведеніе (тѣмъ болѣе великое) есть принадлежность на-

[1]) Въ этомъ пожарѣ сгорѣла партитура оперы.

[2]) Съ апрѣля 1846 «Руслана» не давали на петербургской сценѣ, гдѣ свирѣпствовали итальянцы, впродолженіе 12 лѣтъ. Въ 40-хъ годахъ костюмы и декораціи этой оперы всѣ сгорѣли въ Москвѣ; въ 1857—1858 годахъ пѣвцы Артемовскій и Булаховъ съ великимъ трудомъ выпросили себѣ позволеніе дать въ свои бенефисы 2-й актъ оперы. Въ ноябрѣ 1858 г. пѣвецъ Петровъ точно также съ величайшимъ трудомъ выпросилъ себѣ позволеніе дать въ свой бенефисъ всего «Руслана». Этому не мало способствовали, конечно, два обстоятельства: 1) Глинка умеръ въ 1857 году, 2) его жизнь и письма были напечатаны (мною) черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти и обратили вниманіе многихъ на покойнаго великаго человѣка

рода, а не профессора, и потребовали бы, чтобъ имъ показывали всю картину, какой бы судъ ни пришлось произносить потомъ о ней. Почему же и въ музыкальномъ дѣлѣ нельзя избавиться отъ ненужной опеки и излишне-нѣжной попечительности? Образован-

Домъ Томиловой, въ Эртелевомъ переулкѣ.
Съ фотографіи гравир. В. Маттэ.

ность и твердость общественнаго мнѣнія въ музыкальномъ дѣлѣ однѣ могутъ совершить этотъ переворотъ. Но какое тогда будетъ время! Тогда уже будетъ понято у насъ, что мы должны гордиться «Русланомъ», какъ однимъ изъ самыхъ высшихъ, до сихъ поръ,

произведеній искусства; что эта опера, вмѣстѣ съ другими произведеніями послѣдней эпохи Глинки («Хотой» и «Комаринской»), есть основаніе будущей самостоятельной русской школы; что съ такимъ произведеніемъ должно обращаться съ бо̀льшимъ почтеніемъ, чѣмъ это дѣлалось въ наше время, и что, подъ предлогомъ необходимости выиграть 30 или 40 минутъ, не должно смѣть варварски обрѣзывать ее; что эта опера должна утвердиться на нашей оперной сценѣ и никогда не сходить съ нея, для того, чтобъ быть постоянно передъ глазами новыхъ выростающихъ поколѣній; что это народное произведеніе должно быть постановлено у насъ съ такимъ же точно блескомъ, роскошью, тщательностью (начиная отъ хоровъ и до военной оркестровки), съ такою же художественною и даже археологическою вѣрностью, съ какою ставятся въ Англіи трагедіи Шекспира, въ Германіи трагедіи Софокла, оперы Глука и Моцарта; наконецъ, что Глинка, создавшій «Руслана и Людмилу», принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ ставятъ монументы».

Эти соображенія, требованія и ожиданія высказывались тогда еще въ первый разъ въ нашей печати, но, конечно, кромѣ меня, то же самое думали всѣ тѣ (немногіе, впрочемъ) люди, которые уже знали и любили созданія Глинки.

Съ тѣхъ поръ, если не все, то почти все, за что̀ я тогда ратовалъ, осуществилось.

Черезъ немного лѣтъ сложилась окончательно и выросла та «самостоятельная русская школа», которой первые проблески проявились еще при Глинкѣ, и утѣшали его послѣдніе дни, въ лицѣ талантливаго и многообѣщавшаго юноши Балакирева. Эта школа признала Глинку своимъ главой, потому что страстно обожала его созданія и глубоко цѣнила тотъ элементъ національности и самостоятельности, который былъ ихъ краеугольнымъ камнемъ. Втеченіе цѣлой четверти столѣтія, эта школа, какъ ни занята была собственнымъ творчествомъ, посвятила всѣ усилія свои пропагандѣ Глинки. Усилія ея были плодотворны. Успѣху этой пропаганды много помогалъ новый, свѣтлый и интеллигентный періодъ русской жизни и новый складъ подросшихъ новыхъ поколѣній, а новая музыкальнаи школа дала этому хорошему матеріалу образованіе и помогла сформироваться новому общественному мнѣнію. Какъ высшее доказательство перемѣны и возроста общественнаго мнѣнія, служитъ тотъ фактъ, что Глинкѣ уже поставленъ монументъ на его родинѣ въ Смоленскѣ, на деньги, принесенныя въ даръ всею Россіей.

«Русланъ» утвердился на русской сценѣ, и уже навѣки, какъ одно изъ высшихъ музыкальныхъ произведеній всего міра и какъ наивысшее музыкальное созданіе на Русской землѣ.

Это народное произведеніе получило на нашей сценѣ обстановку вполнѣ достойную, со всею историческою и художественною

правдою, какая должна ему принадлежать, со всѣмъ блескомъ, роскошью и тщательностью, съ какими ставятся въ новой Европѣ пьесы Шекспира, Софокла, оперы Глука и Моцарта и другихъ высочайшихъ создателей.

Произволъ капельмейстеровъ и другихъ распорядителей ограниченъ. Какъ это ни трудно было, сколькихъ усилій это ни стоило, но у нихъ постепенно вырывали номеръ за номеромъ изъ числа забракованныхъ ими въ «Русланѣ». Еще не полная побѣда одержана даже и теперь, еще остается довольно большой контингентъ chefs d'oeuvre'овъ изъ «Руслана», тщательно скрываемыхъ отъ публики, не взирая на жалобы самого Глинки, высказанныя имъ въ «Автобіографіи,» но, всетаки, современный русскій уже слышитъ всю геніальную «интродукцію» 1-го акта цѣликомъ, отъ начала до конца, даже со включеніемъ второй пѣсни баяна, много лѣтъ пропускаемой, конечно, за то, что она была слишкомъ талантлива и полна чудной красоты; онъ слышитъ превосходный инструментальный антрактъ передъ 3-мъ дѣйствіемъ, прежде признававшійся невозможно-труднымъ для исполненія (?!); слышитъ цѣликомъ весь великолѣпный страстный романсъ Ратмира въ 5-мъ дѣйствіи «Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость»; наконецъ, усилія новой нашей школы достигли того, что изумительные восточные танцы 4-го дѣйствія, не имѣющіе себѣ подобныхъ во всей европейской музыкѣ по глубоко-восточному колориту, по неслыханной оригинальности и талантливости, перестали исполняться въ дирижировкѣ банальныхъ балетныхъ капельмейстеровъ и перешли подъ дирижировку настоящихъ музыкальныхъ капельмейстеровъ. Все это далеко еще не все, но теперь уже смѣло можно сказать, что недалеко то время, когда, наконецъ, и остальные chefs d'oeuvre'ы Глинки въ «Русланѣ», такіе, какъ «хоръ Головы», финалъ 3-го акта, хоръ «Погибнетъ», неслыханно-оригинальный конецъ «Лезгинки», финалъ всей оперы, явятся передъ русскимъ слушателемъ въ полномъ своемъ видѣ, какъ Глинка хотѣлъ, а не капельмейстеры, и что такіе перлы 5-го акта, какъ речитативъ Ратмира: «Все тихо, дремлетъ станъ», и хоръ испуганныхъ рабовъ: «Въ страшномъ смятеньѣ», перестанутъ быть запретнымъ плодомъ для русскихъ ушей. Впрочемъ, это теперь уже только вопросъ времени: остатки старыхъ предразсудковъ и скверныя капельмейстерскія привычки, конечно, уже не долго продержатся.

Но кто былъ сильнымъ и вѣрнымъ помощникомъ новой музыкальной нашей школѣ въ ея великомъ дѣлѣ водворенія и пропагандированія Глинки среди нашего отечества, это сестра Глинки, Людм. Ив. Шестакова. При жизни геніальнаго своего брата, она была ему товарищемъ, помощницей и утѣшительницей; послѣ его смерти она всю себя посвятила дѣлу собиранія, охраненія и всеобщаго распространенія созданій его. На это она употребила всѣ 35 лѣтъ, протекшія со времени смерти Глинки.

Не будь ея и ея неутомимыхъ усилій, многаго бы не было, и даже, можетъ быть, никогда бы не осуществилось для Глинки. Не задумай она въ 1855 году уговорить своего брата, чтобъ онъ далъ списать и потомъ просмотрѣлъ самъ всю партитуру «Руслана», этой партитуры болѣе не существовало бы на свѣтѣ: единственный до тѣхъ поръ существовавшій полный экземпляръ императорскихъ театровъ сгорѣлъ въ пожаръ театра-цирка въ 1859 году, а подлинный автографъ Глинки, писанный его собственною рукою и переданный въ 1867 году въ императорскую публичную библіотеку В. П. Энгельгардтомъ, вмѣстѣ со многими другими подлинными автографами Глинки, полученными В. П. Энгельгардтомъ въ подарокъ отъ самого автора,—далеко не полонъ. Эта заслуга Л. И. Шестаковой—громадна, а историческое, національное ея значеніе никогда не можетъ быть достаточно оцѣнено. Впослѣдствіи, чтобы еще болѣе на вѣки закрѣпить партитуру «Руслана» въ самой полной неприкосновенности, она ее издала въ свѣтъ, а это, конечно, не могло не потребовать отъ нея большихъ матеріальныхъ жертвъ. Этимъ изданіемъ завѣдывали три крупныхъ русскихъ музыканта, изъ числа ревностнѣйшихъ поклонниковъ и послѣдователей Глинки: Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ и Лядовъ. Сверхъ того, она имѣла самое рѣшительное вліяніе на издателя Стелловскаго, собственника оперы «Жизнь за царя», въ томъ, чтобъ онъ издалъ, въ полной партитурѣ, также и эту оперу. Ревностныя настоянія ея привели къ желанному результату.

По ея же просьбѣ и настоянію Глинка написалъ въ 1854—1855 годахъ свои автобіографическія записки.

Наконецъ, никто болѣе Л. И. Шестаковой не способствовалъ, словомъ и дѣломъ, осуществленію мысли о сооруженіи всенароднаго памятника Глинкѣ.

Портретовъ Глинки дошло до нашего времени довольно много. Большинство ихъ было сохранено или отыскано и издано въ разные годы Л. И. Шестаковой. Къ числу оставшихся до сихъ поръ неизвѣстными принадлежитъ портретъ, прилагаемый къ настоящей книгѣ «Историческаго Вѣстника». Оригиналъ нарисованъ акварелью въ 1824 году художникомъ М. Теребеневымъ, въ Петербургѣ. Глинка представленъ по грудь, въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами. Ему было тогда всего еще 20 лѣтъ. Это было то время, когда, послѣ небольшаго путешествія на Кавказъ для лѣченія, Глинка воротился въ Петербургъ, поступилъ на службу помощникомъ секретаря въ канцелярію совѣта путей сообщенія, и, по его собственнымъ словамъ, «съ новымъ рвеніемъ принялся за фортепьяно и скрипку». Лучшій тогда въ Петербургѣ фортепіанный учитель, Карлъ Мейеръ, уже не давалъ ему уроковъ, сказавъ: «мсьё Глинка, вы слишкомъ талантливы, чтобъ я вамъ давалъ уроки. Приходите

Залъ въ домѣ Томиловой.
{Рисовала баронесса Е. Врангель, гравир. В. Маттэ.

попріятельски, и мы всякій день станемъ вмѣстѣ играть». «Весьма терпѣливо разсматривалъ онъ мои опыты въ сочиненіи,—говоритъ Глинка,—и объяснялъ, сколько умѣлъ, правила искусства; Моцартъ, Керубини, Бетховенъ и другіе классики были указываемы имъ, какъ высшая степень совершенства. Былъ въ то время въ Петербургѣ знаменитый контрапунктистъ Миллеръ, но мнѣ какъ-то не удавалось познакомиться съ нимъ. Какъ знать! можетъ быть, оно и лучше. Строгій нѣмецкій контрапунктъ не всегда полезенъ пылкой фантазіи». Прибавимъ къ этому, что за немного мѣсяцевъ до того Глинка послѣ Кавказа былъ въ деревнѣ у своихъ, и, «возбужденный множествомъ новыхъ впечатлѣній», ревностно принялся за музыку, успѣшно дирижировалъ оркестромъ дяди и скоро изучилъ «способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра». Итакъ, настоящій портретъ представляетъ Глинку въ ту эпоху, когда онъ, вопреки желанію отца, жаждавшаго сдѣлать изъ него чиновника, рѣшилъ про себя, что призваніе его жизни — музыка, отдалъ ей все свое время, всѣ свои помыслы, и карапкался и барахтался самъ, какъ могъ, собственными силами, собственными соображеніями, за недостаткомъ хорошаго учителя (котораго, впрочемъ, особенно и не искалъ), чтобъ достигнуть того, что̀ ему было нужно. М. Теребеневъ—неизвѣстный, посредственный художникъ, конечно, не въ состояніи былъ передать на своемъ рисункѣ всей настоящей характеристики Глинки. Однако, его портретъ, единственный изъ той эпохи, высоко интересенъ и драгоцѣненъ.

Въ текстѣ настоящей статьи помѣщены четыре картинки, изображающія деревенское и городское помѣщеніе Глинки въ двѣ эпохи его жизни. Первые два рисунка представляютъ деревенскій домъ родителей Глинки въ ихъ селѣ Новоспасскомъ, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи: тамъ Глинка родился 20-го мая 1804 года и прожилъ до 1817 года, то-есть до 13-лѣтняго возроста, а впослѣдствіи написалъ тамъ многіе номера «Жизни за царя». Глинка женился на М. П. Ивановой въ концѣ апрѣля 1835 года. «Въ первой половинѣ мая, — пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ»,— отправился я съ женою и тещей въ Новоспасское. Со мной были слова для двухъ актовъ, и я помню, что гдѣ-то за Новгородомъ, въ каретѣ, вдругъ я сочинилъ въ 5/4 хоръ «Разлелѣялась». Подробности деревенской жизни исчезли изъ памяти; знаю только, что я прилежно работалъ, то-есть уписывалъ въ партитуру уже готовое и заготовлялъ впередъ. Ежедневно утромъ садился я за столъ въ большой и веселой залѣ, въ новоспасскомъ нашемъ домѣ. Это была наша любимая комната; сестры, матушка, жена, однимъ словомъ вся семья тамъ же копошилась, и чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣе шла моя работа. Время было прекрасное, и я часто работалъ, отворивъ дверь въ садъ и впивая въ себя чистый бальзамическій воздухъ».

Нашъ рисунокъ представляетъ именно эту большую и свѣтлую залу, любимую комнату всего семейства. Глинка чувствовалъ себя въ то время счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ: только что женился на красивой женщинѣ, въ которую былъ страстно влюбленъ, ѣхалъ съ нею изъ петербургской сутолоки въ полное деревенское одиночество, каждый день сочинялъ все новыя и новыя высоко-талантливыя вещи, напримѣръ, этотъ изумительный по красотѣ и весеннему благоуханному чувству женскій хорикъ «Разгулялася». По невозмутимому ничѣмъ тихому и кроткому счастью, немногіе мѣсяцы, проведенные въ 1835 году въ Новоспасскомъ, были блаженнѣйшіе дни въ жизни Глинки. Но, спустя 5 лѣтъ, онъ опять жилъ и сочинялъ въ Новоспасскомъ. Онъ опять писалъ оперу, да еще какую — такую оперу, которая была въ сто разъ значительнѣе прежней и въ сто разъ глубже волновала его. Но теперь онъ не былъ уже счастливый и беззаботный Глинка. Жена измучила его своимъ ничтожествомъ, легкомысліемъ и безсердечіемъ, и онъ съ нею разстался послѣ долгихъ и никогда не удававшихся попытокъ къ примиренію. Но это разставанье не обошлось ему даромъ: «все петербургское бабье,—разсказываетъ онъ въ «Запискахъ»,—подъ предводительствомъ графини Е. М. С. и Е. А. Г. возстало противъ меня, и злословію ихъ не было предѣловъ». Глинкѣ пришлось такъ тошно, что онъ даже захворалъ. Къ этому присоединились разныя другія душевныя невзгоды, и въ августѣ 1840 года онъ поѣхалъ къ матери въ деревню, совершенно разстроенный и несчастный. И что же: «Отъ совокупнаго дѣйствія размышленій и воспоминаній, — разсказываетъ онъ,—я началъ мало-по-малу успокоиваться. Я принялся за работу, и въ три недѣли написалъ интродукцію «Руслана»: начавъ ее въ Новоспасскомъ, кончилъ въ имѣніи зятя моего Николая Дмитріевича Гедеонова». Вотъ какое волшебное дѣйствіе производили на Глинку Новоспасское и одиночество. Не взирая на самыя злыя мученія и горечи, онъ вдругъ поднимался богатыремъ и въ немного дней создавалъ такія колоссальныя вещи, какъ несравненную ни съ какими операми въ мірѣ интродукцію своего «Руслана». Среди несчастій онъ находилъ силу созидать тамъ гигантскія вещи, какихъ не въ состояніи былъ созидать въ самые блаженные дни счастья, упоенія, наслажденія. Будемъ же смотрѣть съ почтеніемъ и благодарностью на этотъ банальный помѣщичій домъ стараго времени, съ его тощими колонками, несчастнымъ фронтономъ гдѣ является обычная казенщина старыхъ русскихъ домовъ—полукруглое окно, и съ прочими окнами, какъ въ казармахъ. Внутри этихъ стѣнъ, въ этой старомодной залѣ, съ мебелью краснаго дерева времени Наполеона I и съ распахнутою дверью въ садъ, великія таинства творчества совершались. Эти деревья вокругъ дома вѣяли 50 лѣтъ тому назадъ своими благоуханіями на творящаго и

вдохновеннаго Глинку, и еще не измѣнились, какъ все вокругъ. Домъ уже болѣе не существуетъ (все помѣстье было продано), и могъ быть возстановленъ теперь Л. И. Шестаковой лишь по старымъ набраскамъ и ея собственнымъ воспоминаніямъ. Но кто бы захотѣлъ представить себѣ самого Глинку за этимъ столомъ, передъ раскрытою дверью въ садъ и пишущимъ свою партитуру «Жизни за царя» или «Руслана», пусть посмотритъ картинку, изданную мною при моей біографіи Штернберга [1]). Этотъ знаменитый тогда живописецъ, еще юноша, гостилъ въ 1838 году въ Каченовкѣ, черниговскомъ помѣстьѣ Григорія Степановича Тарновскаго, вмѣстѣ съ Глинкой, и представилъ его сидящимъ у столика и пишущимъ музыку: это была въ тѣ дни «баллада Финна». Глинка очень похожъ; вся его поза, движенія, схвачены очень вѣрно, и онъ одѣтъ по-лѣтнему, въ бѣлую блузу, какъ, вѣроятно, ходилъ и въ Новоспасскомъ, года два раньше, когда сочинялъ «Жизнь за царя», или года два позже, когда сочинялъ свою интродукцію «Руслана». Да и комната со всею своею тогдашнею обстановкой является совершенно тожественною съ тѣмъ, что̀ было въ Новоспасскомъ.

На двухъ другихъ картинкахъ представленъ домъ, гдѣ Глинка жилъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, съ августа 1854 года по конецъ апрѣля 1856 года. Домъ этотъ—въ Эртелевомъ переулкѣ, № 7 (Томилова). Наружный видъ не измѣнился, но внутри все теперь уже существуетъ иначе. Комната эта—та зала, гдѣ Глинка любилъ прохаживаться, заложивъ руки за спину, когда ничего не дѣлалъ, и гдѣ сочинялъ, когда на него находило вдохновеніе. Онъ любилъ, чтобы около самаго фортепіано стоялъ столикъ съ нотной бумагой и чернилами, и много разъ писалъ тутъ въ 1854, 1855 и 1856 году то, что̀ тогда сочинялъ: нѣкоторые романсы, оперу «Двумужница», или то, что просматривалъ для печати: новое изданіе «Руслана» для голосовъ съ фортепіано. Въ этихъ стѣнахъ Глинка бывалъ теперь уже рѣдко счастливъ попрежнему, рѣдко спокоенъ и беззаботенъ, когда и «вдохновеніе рѣже стало посѣщать его» (какъ онъ писалъ въ тогдашнихъ письмахъ къ друзьямъ), и «когда досады, огорченія и страданія сгубили его», и всетаки, среди всяческихъ страданій, физическихъ и моральныхъ, огорченій, невзгодъ и разочарованій (даже въ самомъ себѣ), выдавались у него иногда дни спокойствія и довольства, и тогда всѣ вокругъ него освѣщены и согрѣты были послѣднимъ лучомъ великаго русскаго заходящаго солнца.

Теперь прошло уже 35 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Глинки больше нѣтъ, всѣ его несчастія кончились и даже почти невѣдомы новымъ поколѣніямъ, которыя, не принимавши въ нихъ участія, не будучи въ нихъ виновны, могутъ только радоваться и торжествовать въ

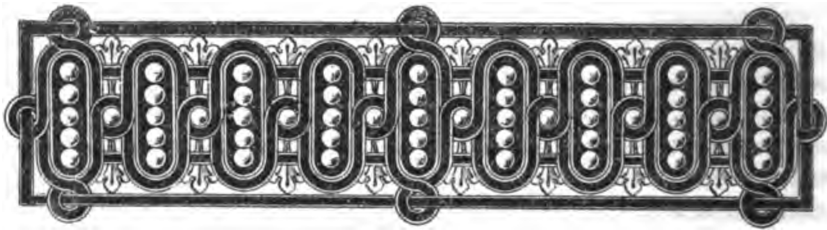
---

[1]) «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ», 1887 года.

50-лѣтнюю годовщину послѣ появленія «Руслана» въ первый разъ на сценѣ передъ русскимъ народомъ. Но есть для этого народа нѣчто, что̀ должно особенно его въ эти дни радовать и заставлять его торжествовать: это — что нашелся, наконецъ, среди того же народа мощный творческій художникъ, который задумалъ загладить прегрѣшенія и апатію прежнихъ русскихъ художниковъ, какъ нынѣшніе музыканты и любители пробуютъ загладить прегрѣшеніе и апатію прежнихъ русскихъ музыкантовъ и любителей. Во времена Глинки наши живописцы слишкомъ были разсѣянны и заняты пропастью ничтожныхъ дѣлъ и предпріятій, не позволявшихъ имъ написать портретъ Глинки съ натуры. Имъ н е к о г д а было, да и о х о т ы не было. Но теперешній художникъ держитъ въ рукахъ кисть, которая захотѣла и сумѣла написать на холстѣ Глинку со всей правдой его натуры, лица, выраженія, каковъ онъ былъ во дни создаванія своего «Руслана», хотя и полубольной. Рѣпинъ нашелъ краски и линіи, чтобы выразить огненными чертами на своей картинѣ вдохновеніе великаго русскаго музыканта въ минуты его творчества. Картина Рѣпина, по моему мнѣнію, не имѣетъ себѣ подобной въ отношеніи такого выраженія ни въ одномъ европейскомъ музеѣ. Къ несчастію, она не у насъ, въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, въ великолѣпной русской галлереѣ П. М. Третьякова.

В. Стасовъ.

РУССКАЯ ШВЕЙЦАРІЯ.

(Очерки южнаго Урала).

I.

АИБОЛѢЕ интересною по высотѣ отдѣльныхъ вершинъ и по живописности горныхъ кряжей на Уралѣ считается южная часть его, лежащая между 54 и 56° сѣверной широты. Здѣсь, на пространствѣ какихъ нибудь полутораста верстъ, разбросана такая масса то голыхъ каменистыхъ, то покрытыхъ лѣсомъ и покосами, то дикихъ и неприступныхъ, то необыкновенно красивыхъ и удобопроходимыхъ хребтовъ, что непривычный глазъ теряется въ этомъ безконечномъ разнообразіи горъ, пейзажъ которыхъ былъ бы угрюмъ и непріятенъ, если бы не сглаживался тысячами рѣчекъ и ручьевъ и сотнями озеръ, покоящихся въ глубокихъ впадинахъ долинъ и ущелій.

Географы называютъ это мѣсто южнаго Урала горнымъ узломъ, въ центрѣ котораго лежитъ городъ Златоустъ, являющійся отдѣльнымъ горнозаводскимъ округомъ уральскихъ казенныхъ заводовъ и конечною станціей длиннѣйшей желѣзнодорожной самаро-златоустовской линіи, будущей великой Сибирской дороги.

Уже по одному тому, что отсюда берутъ начало притоки трехъ водныхъ системъ—Урала, Тобола и Камы, златоустовскій горный узелъ можно считать замѣчательнымъ, заслуживающимъ описанія пунктомъ. Но онъ любопытенъ и въ другихъ отношеніяхъ: въ исто-

рическомъ—какъ театръ Пугачевскаго бунта, въ географическомъ—какъ русская Швейцарія Уральскаго хребта, въ промышленномъ—по фабрикѣ «бѣлаго» оружія и, наконецъ, въ бытовомъ — какъ гнѣздо раскола всевозможныхъ сектъ и толковъ, находившихъ благопріятную почву для пропаганды своихъ ученій, иногда самаго нелѣпаго, изувѣрскаго свойства.

Основаніе Златоуста относится къ пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Сначала это былъ простой маленькій заводскій поселокъ Косотуръ съ примитивными приспособленіями для добыванія и обработки желѣзной руды. Богатыя залежи ея, выходившія на поверхность земли, изобиліе горючаго и строительнаго матеріала и хорошая, довольно широкая сплавная рѣка Ай, протекавшая по долинѣ, крайне удобной для образованія пруда, дѣлали поселокъ весьма заманчивымъ мѣстомъ къ устройству тутъ настоящаго большаго завода.

Въ семидесятыхъ годахъ Косотуръ, называвшійся такъ по имени высокой горы, у подошвы которой онъ пріютился съ маленькой домной и крошечной плотиной, былъ уже переименованъ въ Златоустъ, хотя старинная кличка Косотура сохранилась за нимъ до сихъ поръ. Старожилы и теперь говорятъ: «мы ѣдемъ въ Косотуръ, мы были въ Косотурѣ».

Ко времени Пугачевскаго бунта въ Златоустѣ были склады желѣза, магазины съ разнымъ заводскимъ матеріаломъ и хлѣбные амбары съ припасами для продовольствія рабочаго населенія. Управленіе заводомъ принадлежало смотрителю (приказчику), грамотному человѣку, вѣроятно, изъ среды тѣхъ же заводскихъ рабочихъ, набиравшихся въ цѣляхъ поддержанія «казеннаго интереса» отовсюду: изъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, солдатъ, мѣщанъ, раскольниковъ, вольныхъ переселенцевъ, дѣтей духовнаго званія и проч.

Попавъ въ списки завода, эти люди становились подъ охрану короны, дѣлались «казенными» людьми, которыхъ не могла достать никакая, даже самая сильная рука прежняго владѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ прощались всѣ содѣянныя вины и преступленія, за что они обязывались чуть не каторжнымъ трудомъ на новаго хозяина, столь же, если еще не болѣе строгаго и неумолимаго при малѣйшемъ упущеніи или неисполненіи требованія...

Когда вѣсть о волѣ, даруемой мятежнымъ самозванцемъ, долетѣла до Златоуста, то между заводскими рабочими, успѣвшими уже испытать тяжесть трудовъ по добыванію и обработкѣ руды, поднялись секретные разговоры.

— Бѣжимъ къ «нему», батюшкѣ! — смущали товарищей отпѣтыя головы, готовыя на все.

— Какъ бѣжать?.. Поймаютъ, выпорютъ, да въ домну безъ очереди на мѣсяцъ сошлютъ...

— Кому ловить-то?.. Слышь, «онъ» начальство все побилъ... а солдаты и козаки къ «нему» же передались...

— Опасливо, братцы... Лучше подождемъ.

Но ждать пришлось не долго. Въ маѣ 1774 года Пугачевъ, спасаясь отъ Михельсона, разбившаго его въ 40 верстахъ за Ураломъ, подъ Чебаркульской крѣпостью, съ остатками сброда появился на горѣ Косотуръ и въ виду Златоуста сдѣлалъ роздыхъ. Рабочіе, часть которыхъ еще раньше передалась на сторону самозванца, побросали свои занятія и, вооружившись чѣмъ попало, поступили въ шайку бунтовщиковъ.

— Кто у васъ начальникъ?— спросилъ ихъ Пугачевъ, когда были исполнены формальности приведенія къ присягѣ новыхъ мятежниковъ.

— Смотритель... вонъ, онъ связанный стоитъ...

— Повѣсить! — коротко приказалъ грозный предводитель, садясь на своего коня.

Два татарина схватили несчастнаго смотрителя и повели въ лѣсъ, отыскивая дерево съ удобнымъ, выдающимся сукомъ. Между тѣмъ шайка удалилась. Приказчикъ воспользовался этимъ и обратился къ татарамъ на родномъ ихъ языкѣ съ просьбою отпустить его.

— Что даешь, бачка?— остановились татары, накинувшіе уже веревку на жертву.

— На мнѣ поясъ, а въ немъ зашито пятьдесятъ золотыхъ... Берите ихъ себѣ...

— Якши, бачка, якши баръ [1])!—говорили татары, пересчитывая деньги.—Ступай домой, да помни: ты насъ не знаешь, мы тебя не знаемъ.

Обрадованный смотритель кубаремъ скатился съ горы, но картина разрушенія, найденная имъ въ заводѣ, поразила его. Бунтовщики лихо сумѣли похозяйничать: шлюзы выдернули, водяныя колеса порубили, магазины отперли и разгромили, припасы изъ амбаровъ увезли и разсыпали по землѣ... Дѣятельность завода остановилась на цѣлый годъ, пока страшный мятежъ, разлившійся на тысячи верстъ по всему Уралу и Поволжью, прекратился, и рабочіе начали стекаться въ Златоустъ съ повинною головою.

Въ потомствѣ этого перваго смотрителя Златоустовскаго завода сохранилась легенда, дорисовывающая финалъ той драмы, которая разыгралась въ Уральскихъ горахъ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ морозный декабрскій день, къ одному изъ внуковъ смотрителя постучалась вечеркомъ старушка, нищая, съ посохомъ и мѣшечкомъ на спинѣ.

— Что тебѣ, бабушка?—окликнули ее изъ окошка.

---

[1]) Хорошо, очень хорошо.

— Пустите, милые, переночевать, Бога для...

— Заходи.

Старушка, которой пошелъ уже восьмой десятокъ, переночевала, но на утро оказалась такъ ослабѣвшею, что не могла сдвинуться съ печи.

— Да куда же ты, бабушка, идешь?

— А вотъ, родимые, такъ и бреду, пока добрыхъ людей найду, которые пріютятъ меня...

— Значитъ, ты безродная?

— Никого, миленькіе, нѣтъ, ни одной души не осталось...

— И не знаешь, гдѣ родилась?

— Я, милые, заводская... съ Авзяно-Петровскихъ заводовъ... Мои-то всѣ померли... Вотъ я и хожу по чужимъ людямъ...

— Коли такъ, старушка, то оставайся у насъ.

— Спасибо вамъ, болѣзные, за вашу ласку ко мнѣ!

Старушка пожила съ полгода и приготовилась умирать. Уже на смертномъ одрѣ она позвала хозяйку дома и сказала:

— Слушай, Ивановна!... Мнѣ жить не долго, день, два... Грѣшница я была великая... Едва ли проститъ меня Господь... Вѣдь я была полюбовницей Пугачевскаго атамана... Онъ захватилъ меня на заводѣ да силой и увезъ съ собой... Когда насъ разбили за Ураломъ, мы бѣжали черезъ Сатку[1]... Ѣхали въ кибиткѣ и везли большой сундукъ... Ночью пріѣхали къ рѣкѣ Ай... Мой-то и говоритъ мнѣ: «Акулина! дѣло нашего «батюшки» обернулось плохо... Этотъ сундукъ полонъ серебра да золота... Давай, его зароемъ здѣсь»... Вытащили мы сундукъ, нашли на берегу два дуба, вырыли подъ ними яму топоромъ... положили въ нее кладъ и завалили землей да каменьями... «Кто изъ насъ останется въ живыхъ, — сказалъ мой-то,—тотъ и попользуется всѣмъ добромъ... А мѣсто примѣтливое: два дуба здѣсь и три дуба на томъ берегу»... Потомъ сѣли мы на лошадей и переправились въ бродъ... Конецъ, знамо, былъ плохой... моего-то убили въ дракѣ, а я попала въ Оренбургъ... Такъ съ тѣхъ поръ и не была у клада... Думала ужъ съ тѣмъ и въ могилу лечь... да хочу наградить тебя за любовь ко мнѣ, старухѣ... А лежитъ сундукъ вправо отъ дороги, въ тридцати шагахъ...

Старушка скоро умерла, кладъ же, если только онъ былъ зарытъ, продолжаетъ лежать на прежнемъ мѣстѣ. За добычей его надо было ѣхать за 60 верстъ, разстояніе для того времени, когда по дорогамъ рыскали бѣглые крѣпостные и заводскіе и ссыльные изъ Сибири, — огромное, сопряженное съ немалыми опасностями. Кромѣ того, дорога черезъ Ай мѣнялась много разъ, и искателямъ зарытаго сокровища пришлось бы изслѣдовать весь берегъ на протяженіи, можетъ быть, сотни-другой саженъ.

[1]) Саткинскій заводъ въ 44-хъ верстахъ къ юго-западу отъ Златоуста.

II.

Послѣ умиротворенія края, Златоустовскій заводъ былъ реставрированъ не только заново, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, потому что правительство задумало уже основать здѣсь отдѣльный горнозаводскій округъ и устроить фабрику «бѣлаго» оружія, названную впослѣдствіи Князе-Михайловскою оружейною фабрикою.

Этотъ второй періодъ существованія Златоуста поглотилъ нѣсколько десятилѣтій, втеченіе которыхъ были выкопаны огромные пруды, заложены плотины, возведены фундаментальныя зданія домны, вагранoчной, кричной, прокатной, проковочной, оружейной фабрики, арсенала, управленія округомъ, дома-палаццо горнаго начальника, соборной церкви и проч.

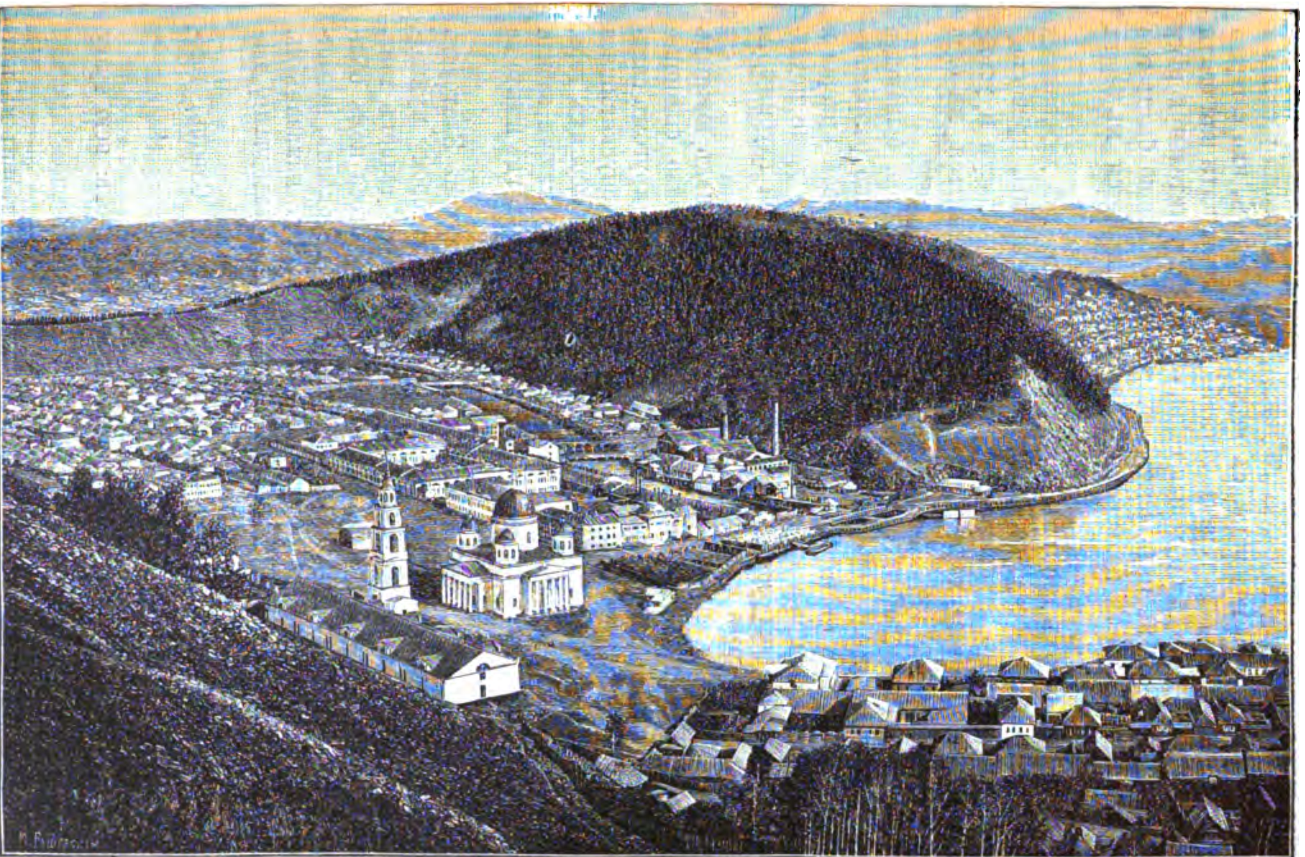
Самою утомительною и продолжительною работою, безъ сомнѣнія, была выкопка прудовъ и закладка плотинъ. Тысячи народа занимались этимъ гигантскимъ трудомъ, не уступавшимъ по своей грандіозности любой египетской пирамидѣ.

Златоустовскіе пруды дѣлятся на верхній и нижній. Верхній, длиною болѣе семи и шириною четырехъ верстъ, представляетъ форму треугольника, ограниченнаго съ востока подошвою главнаго Уральскаго хребта[1]), съ юга—отрогами Уреньгайской цѣпи горъ и съ сѣверо-запада горою Косотуръ, изогнутой двойнымъ колѣномъ. Этотъ прудъ, окаймленный величественными горами, покрытыми вѣковыми соснами и лиственницами, удивительно красивъ, имѣя видъ скорѣе громаднаго природнаго водоема, чѣмъ искусственно запруженнаго воднаго пространства. Одинъ нѣмецкій путешественникъ 40-хъ годовъ, описывая красоту Златоустовскаго горнаго узла, выразился о верхнемъ прудѣ такъ: «въ срединѣ Уральскихъ горъ лежитъ прекрасное горное озеро»...

Нижній прудъ, наполняемый лишнею или отработанною водою перваго, далеко не такъ великъ и красивъ. Длиною около двухъ верстъ и въ самомъ широкомъ мѣстѣ около полверсты, онъ однимъ берегомъ упирается въ подошву крутой и каменистой горы Косотуръ, а другимъ омываетъ низменную часть города, носящую названіе «нижняго завода».

Для того, чтобы удержать въ повиновеніи страшное количество воды верхняго пруда, съ запада у него насыпана земляная дамба, прослоенная рядами хвороста и камней. Замѣтить эту насыпь и судить о величинѣ ея можно только тогда, когда вы вступаете на плотину и, опершись на ея перила, взглядываете внизъ на деревянный «спускъ», по которому лишняя вода сливается въ нижній

[1]) За этимъ хребтомъ, въ 10-ти верстахъ отъ Златоуста, начинается другая часть свѣта, Азія.

Видъ г. Златоуста съ юго-западной стороны.

прудъ, не касаясь каменныхъ фабричныхъ сооруженій, мрачно высматривающихъ изъ-за бортовъ спуска. Если шлюзы подняты, что̀ бываетъ послѣ каждаго сильнаго дождя, то подъ ногами у себя вы увидите пѣнящійся водопадъ, съ шумомъ и громомъ, эхо котораго раздается въ сосѣднихъ горахъ, летящій съ высоты пяти или шести саженъ на спускъ, гдѣ прудовыя воды, образуя стремительную рѣку шириною саженъ въ пятьдесятъ, мчатся съ бѣшеною быстротою на протяженіи почти полверсты и затѣмъ вливаются въ берега нижняго пруда.

Плотины обоихъ прудовъ, спуски и вообще всѣ деревянныя части заводскихъ построекъ сдѣланы изъ лиственницы, превосходнаго строительнаго матеріала, съ которымъ по прочности и устойчивости вліянію воздуха и воды не можетъ сравниться ни одно сѣверное дерево.

Прорывъ заводской плотины явленіе крайне рѣдкое, бывающее только вѣками, послѣ гомерическихъ ливней, внезапно разражающихся гдѣ нибудь въ верховьяхъ питательной прудовой артеріи и увеличивающихъ прибыль водъ во столько разъ, что даже поднятіе «коренныхъ» шлюзовъ, покоящихся на страшной глубинѣ, не уравниваетъ прихода съ расходомъ.

Тридцать лѣтъ назадъ такой ливень пронесся надъ южнымъ Ураломъ. Начиная съ весны, все лѣто 1862 г. стояло сплошное ненастье. Дождь нынче, дождь завтра, послѣзавтра; кругомъ свинцовыя тучи или густыя бѣлыя облака, такъ низко спускающіяся надъ землею, что задѣваютъ вершины самыхъ невысокихъ горъ. Почва пропиталась водою до такой степени, что ключи забили изъ всѣхъ поръ, усѣявши горы, долины и равнины, гдѣ никто не запомнитъ родника.

Нужно замѣтить, что по скалѣ водяныхъ осадковъ Златоустъ считается вторымъ пунктомъ послѣ Петербурга, которому принадлежитъ пальма первенства въ Россіи: море лѣса дѣлаетъ тоже, что море воды. Но даже и для этого пріютившагося подъ облаками городка, на высотѣ 2.000 ф. надъ уровнемъ океана, ненастное лѣто 1862 года показалось сущимъ Божьимъ наказаньемъ.

— Ни клочка сѣна не уберешь,—сокрушались заводчане, владѣющіе покосами по склонамъ окрестныхъ горъ.

— Какой покосъ можетъ быть въ такое лѣто!.. Слышь, говорятъ, травы полегли, какъ скошенныя...

— Ну?

— Право слово. Вода съ горъ такъ ходомъ и идетъ: всю траву уложила въ лоскъ...

— Бѣда!..

— Еще какая бѣда-то! Пастухи сказывали, что табунъ въ пору хоть домой гнать. А чѣмъ лошадей кормить будешь?..

Въ концѣ іюня облачное небо совсѣмъ разверзло свои хляби.

Полили страшные дожди, грозившіе доисторическимъ потопомъ. Многочисленные лѣсные объѣздчики, пастухи, охотники, рыболовы, ежедневно приносили вѣсти одна другой необычайнѣе. Говорили, что гдѣ-то сползла съ глинистаго, обратившагося въ кисель, основанія цѣлая гора съ лѣсомъ, скалами и ночевавшими на ней охотниками. Одинъ табунъ, застигнутый ливнемъ въ ложбинѣ между горъ, едва спасся отъ наводненія, наступившаго съ поразительною быстротою, и проч. и проч.

Горнозаводское начальство приняло свои мѣры, распорядившись по всему округу быть наготовѣ для поднятія шлюзовъ на заводскихъ плотинахъ. Не смотря на это, плотины Саткинскаго и Кусинскаго заводовъ, всетаки, прорвало. Очевидецъ событія въ одномъ изъ этихъ заводовъ разсказываетъ, что часа въ 4 утра къ управителю прискакалъ гонецъ съ верховьевъ рѣки съ извѣстіемъ, что вода выступила изъ береговъ и идетъ «валомъ».

— Поднимать шлюзы!—скомандовалъ управитель.

Рабочіе бросились къ плотинѣ. Первые и вторые шлюзы успѣли поднять относительно легко. Прошелъ часъ. Начали поднимать «коренники». Въ эту минуту на горизонтѣ длиннѣйшаго заводскаго пруда, при бѣлесоватомъ свѣтѣ утра, показалось что-то зловѣщее.

— Волна!.. Валъ, валъ идетъ!.. — раздались тревожные крики.

— Скорѣй, скорѣй коренники!—торопили власти, съ испугомъ наблюдая за приближеніемъ грознаго вала, который, пѣнясь и клубясь, съ глухимъ рокотаньемъ надвигался на плотину.

Рабочіе удвоили усилія. Но было уже поздно. Въ плотинѣ что-то какъ будто треснуло... Прорветъ!—какъ электрической искрой пронеслось въ головахъ присутствующихъ.

На моментъ работа остановилась. Въ глубокой мертвой тишинѣ, которая предшествуетъ каждой катастрофѣ, снова повторился странный трескъ, выходящій словно изъ-подъ воды, характерный трескъ надломленной громады.

— Спасайся!—крикнулъ кто-то изъ рабочихъ.

Плотина опустѣла. А грозный валъ былъ уже въ десяткахъ саженъ отъ нея. Заводское населеніе, разбуженное необыкновеннымъ шумомъ, высыпало изъ домовъ и въ ужасѣ смотрѣло на подернувшійся темной рябью прудъ, волны котораго полоскали крутые берега и, подхватывая легкіе челноки, уносили ихъ вмѣстѣ съ сердитымъ валомъ по направленію къ плотинѣ.

Черезъ минуту валъ налетѣлъ на нее. Вода пошла поверхъ плотины, смывая все, что на ней было. Вотъ выскочили коренные шлюзы, заскрипѣла и погнулась сама плотина... Еще моментъ, еще напоръ нѣсколькихъ милліоновъ пудофутовъ и отъ того, что называлось плотиной, остался только провалъ, сквозь который теперь бушевалъ неистовый потокъ, заглушая вопли людей, безпомощно глядѣвшихъ на разрушеніе кормилицы плотины.

Чтобы судить о размѣрахъ необыкновеннаго водополья 1862 года, послужившаго причиной прорыва множества плотинъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, воспользуемся отчетомъ полковника Рожнова, опубликованнымъ въ «Горномъ Журналѣ». Районъ наводненія охватилъ 750 верстъ длины по Уралу и до 300 верстъ ширины по обѣ его стороны. 25-го и 26-го іюня выпало дождя 3 д., между тѣмъ втеченіе цѣлаго года выпадаетъ только 16 д. Прорывы плотинъ сопровождались снесеніемъ массы обывательскихъ домовъ, даже сплошныхъ улицъ и гибелью людей.

По вычисленію горныхъ инженеровъ, постройка двухъ новыхъ плотинъ въ Кусѣ и Саткѣ должна была обойтись въ 200 тысячъ. Министерство финансовъ, въ вѣдомствѣ котораго находились тогда всѣ казенные уральскіе заводы, долго колебалось надъ ассигнованіемъ этой суммы, присылало ревизоровъ, слѣдователей, снабжавшихся прогонами и подъемными на 2.600 верстъ, но, разумѣется, не могло оставить безъ дѣйствія большіе заводы съ шестью тысячами жителей и постройку разрѣшило.

Я помню, какъ строилась Саткинская плотина. Прежде всего нужно было засыпать землею глубокую десятисаженную вымоину, образовавшуюся на мѣстѣ прорыва. Цѣлую зиму возили землю, оттаивая ее посредствомъ огня, горѣвшаго день и ночь. Смѣшно было смотрѣть, какъ привезетъ мужикъ сани съ деревяннымъ ящикомъ на край головокружительнаго обрыва и, упершись въ нихъ плечомъ, вывалитъ землю внизъ. Земля ухнетъ въ воду, вода взбулькнетъ пузырями и пѣной—и только!.. Казалось, что конца не будетъ этой микроскопической, почти сизифовой работѣ. Однако, промоину завалили. Потомъ начали укрѣплять бока ея бревнами и деревянной обшивкой. Затѣмъ приготовили «мертвый брусъ»—толстѣйшее, связанное изъ стволовъ лиственницы желѣзными обручами, проконопаченное и засмоленное четырехгранное бревно, которое опустили на подводный грунтъ, какъ основаніе всѣхъ наружныхъ связей для шлюзовъ, и т. п.

Ходили слухи, что ассигнованныхъ денегъ не хватило и къ нимъ еще сколько-то добавили. Любопытно бы знать, что стоило возведеніе такой плотины въ прошломъ столѣтіи при крѣпостномъ трудѣ, и во что она обошлась бы нынче, тридцать лѣтъ спустя?

III.

Златоустъ нельзя видѣть весь съ одного пункта. Онъ разбросанъ по горамъ и долинамъ и дѣлится на шесть частей. Въ прежнее время, до постройки желѣзной дороги, путешественникъ по Европейской Россіи въѣзжалъ въ него по горѣ Уреньгѣ, попадая прямо на Большую, или Нѣмецкую улицу, спускающуюся

мимо гостинаго ряда на заводскую площадь, гдѣ красуется Свято-Троицкій соборъ.

Пока лошади мчали съ крутой и нескончаемо длинной горы, проѣзжій успѣвалъ замѣтить, что онъ очутился въ царствѣ желѣза, камня и дерева, потому что почти половина домовъ построена изъ кирпича и всѣ дома, безъ исключенія, крыты или желѣзомъ, или тесомъ. Крыши непремѣнно окрашены, что придаетъ городу очень живописный и привлекательный видъ. Особенность Нѣмецкой улицы состоитъ въ томъ, что на ней до сихъ поръ уцѣлѣли дома старинной нѣмецкой архитектуры, съ мезонинами на верху. Восемьдесятъ лѣтъ назадъ въ нихъ были поселены выписанные изъ Золингена мастера для выдѣлки «бѣлаго» оружія.

Справедливо или нѣтъ, идея приглашенія иностранныхъ мастеровъ для обученія русскихъ на казенныхъ заводахъ изготовленію солдатскихъ и офицерскихъ сабель и палашей, рапиръ, шпагъ, кирассъ и т. п. принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ II или одному изъ ея «орловъ». Осуществленіе же этой мысли въ отношеніи Златоуста выпало на долю внука прославленной императрицы, Александра I.

Оружейные мастера пріѣхали на Уралъ въ числѣ шестидесяти семей въ десятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Переѣздъ, устройство на мѣстѣ и полное содержаніе нѣмецкихъ бюргеровъ во все время работъ въ Златоустѣ русское правительство взяло на свой счетъ. Я не читалъ подлиннаго договора съ золингенскими нѣмцами объ условіяхъ переселенія ихъ въ эту ужасную для той эпохи «Сибирь», одно имя которой наводило на иностранцевъ паническій ужасъ. Впрочемъ, едва ли можно сомнѣваться, что удобства и даже удовольствія, доставлявшіяся колонистамъ горнозаводскимъ начальствомъ, вытекали изъ сущности этого договора, хранящагося гдѣ нибудь въ архивной пыли горнаго правленія въ Екатеринбургѣ или горнаго департамента въ Петербургѣ.

Нѣмцы были поселены въ хорошихъ просторныхъ деревянныхъ домахъ, обшитыхъ тесомъ и крытыхъ желѣзомъ. Каждый домъ предназначался на двѣ семьи и дѣлился на двѣ части изъ трехъ комнатъ съ кухнею и переднею. Двое тесовыхъ воротъ по бокамъ вели на утрамбованные щебнемъ и пескомъ дворы съ прочными деревянными службами, позади которыхъ тянулись огороды подъ капусту и разный домашній овощь. Передъ домами были настланы деревянные тротуары, единственные въ городѣ до самаго позднѣйшаго времени. Сентиментальные и порядливые нѣмцы обсадили тротуары деревьями и выкопали глубокія канавы, выложивши ихъ гладкимъ сланцевымъ плитнякомъ, по которому мутныя дождевыя воды стекаютъ въ грязную рѣчку Громотуху и затѣмъ въ Нижній прудъ.

Переѣзжая въ Россію, золингенцы переносили съ собою весь бытовой и религіозный строй вещей, къ которому нѣмецъ при-

выкъ у себя на родинѣ и лишиться котораго ему кажется просто немыслимымъ. Они привезли съ собою пастора, кистера, учителя, свои экипажи, лошадей, коровъ, свиней, собакъ, куръ... Предупредительное начальство выстроило мастерамъ «кирку», «нѣмецкій клубъ», «школу» и даже «фрейденталь»—увеселительную загородную мызу на берегу пруда, съ верандой для танцевъ, съ аллеями, бесѣдками, скамейками, гигантскими шагами, кегельбаномъ и проч.

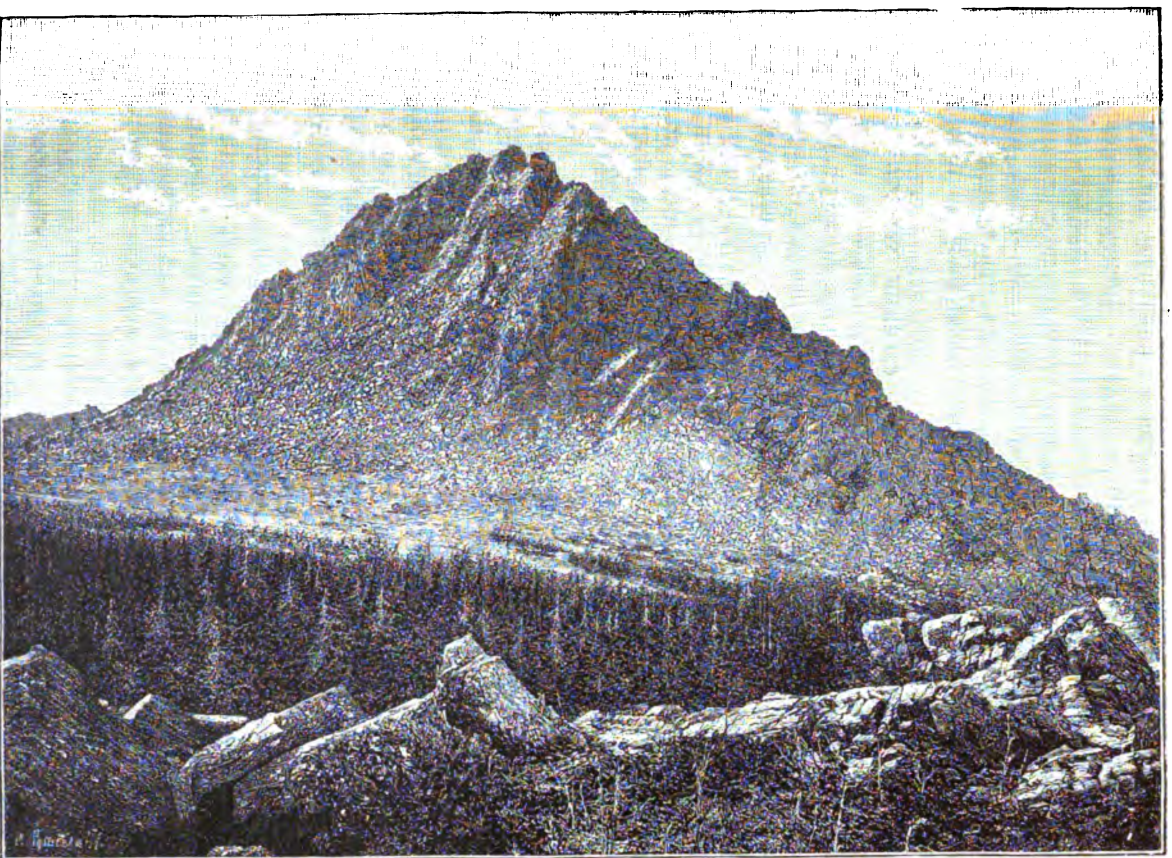
Получая хорошее для того времени жалованье, 15—20 рублей въ мѣсяцъ, казенный «паёкъ», приварокъ, казенныя дрова, отличные покосы, нѣмецкіе мастера добросовѣстно трудились надъ обученіемъ русскихъ въ оружейной фабрикѣ шесть дней въ недѣлю, а въ седьмой день не менѣе добросовѣстно отправлялись съ Гретхенъ и Амальхенъ въ кирку, гдѣ подъ звуки органа возносили Богу теплыя молитвы за покровительство нѣмецкой націи въ отечествѣ варваровъ. Весною и лѣтомъ всѣ эти Карлы Ивановичи и Густавы Ѳедоровичи садились на «гитары», запряженныя сытыми одномастными мекленбургами и уѣзжали ins Grüne въ «веселую долину» [1]).

Въ заводскомъ архивѣ есть особое дѣло «объ удовольствіи иностранныхъ мастеровъ», заключающее въ себѣ счета на пряники, орѣхи, конфекты, водку, пиво и т. п., купленные заводоуправленіемъ для угощенія нѣмцевъ на ихъ загородныхъ увеселеніяхъ и общей елкѣ въ нѣмецкомъ клубѣ.

Вообще нѣмцы жили въ Златоустѣ въ такомъ изобиліи и съ такимъ комфортомъ, какихъ, вѣроятно, они давно уже не имѣли въ маленькомъ нѣмецкомъ герцогствѣ, номинальными подданными котораго они продолжали считаться вплоть до семидесятыхъ годовъ. Послѣ франко-прусской войны 1870 года русское правительство почему-то вспомнило о существованіи этихъ потомковъ побѣдоносныхъ тевтоновъ и предписало немедленно отобрать отъ нихъ свѣдѣнія о томъ, чьими подданными они желаютъ пребывать въ предѣлахъ Россіи: нѣмецкими или русскими. Золингенскіе выходцы, успѣвшіе не только позабыть о своемъ отечествѣ, но даже разучиться нѣмецкому языку, мѣшая его съ русскими словами, предпочли русское гражданство, сдѣлавшись златоустовскими мѣщанами... Впрочемъ, это и понятно, потому что какъ ни патріотично Wacht am Rein и какъ ни великъ князь Бисмаркъ, а, оставаясь въ новомъ отечествѣ, бывшіе колонисты удерживали за собою всѣ земельныя угодья, которыми они владѣли на прежнемъ нравѣ казенныхъ заводскихъ мастеровъ, да значительная часть ихъ все еще служила и до сихъ поръ служитъ мастерами и рабочими на оружейной фабрикѣ и при арсеналѣ.

---

[1]) Фрейденталь въ буквальномъ переводѣ—веселая долина.

Вершина горы Большаго Таганая.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкіе мастера принесли не малую пользу Златоустовской оружейной фабрикѣ, получавшей за свои работы изъ литой стали награды на разныхъ выставкахъ; но нужно отдать справедливость нѣмцамъ и въ томъ, что аляповатость и топорность ихъ вкуса утвердилась на фабрикѣ чуть ли не навсегда. По крайней мѣрѣ, до самаго послѣдняго времени, восемьдесятъ лѣтъ спустя, она неукоснительно продолжала стряпать все тѣ же прочныя, но замѣчательно неуклюжія издѣлія по стариннымъ нѣмецкимъ шаблонамъ конца прошлаго вѣка. Въ этомъ отношеніи кустари Павлова и Ворсмы, не говоря ужъ про тульскій оружейный заводъ, давно опередили ее изяществомъ рисунка и тонкостью отдѣлки своихъ вещей.

Златоустовскій округъ, со своими сотнями тысячъ десятинъ земли, лѣсами, залежами желѣзныхъ рудъ, золотыми пріисками и пятью заводами, протянулся по тремъ губерніямъ: Пермской, Уфимской и Оренбургской. Въ административномъ отношеніи онъ находится нынѣ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ и подчиненъ непосредственно екатеринбургскому горному правленію, которое управляетъ всѣми уральскими казенными заводами. Во главѣ правленія стоитъ главный начальникъ, по чину — генералъ, по своему мѣсту и значенію — персона необыкновенно важная для казенныхъ заводовъ, особенно въ то глухое крѣпостническое время, котораго касается мой разсказъ.

Типичнѣйшимъ представителемъ главныхъ начальниковъ уральскихъ заводовъ Николаевской эпохи былъ генералъ Глинка, оставившій по себѣ такую память, что старожилы и по сіе время не могутъ говорить о немъ безъ содроганія въ голосѣ.

— Посылаю тебя усмирить Уралъ!...—сказалъ будто бы императоръ Николай, назначая Глинку въ начальники заводовъ. Неизвѣстно, въ чемъ нужно было «усмирять» Уралъ, давнымъ давно уже усмиренный и не показывавшій никакихъ сепаратистскихъ наклонностей.

Глинка пріѣхалъ въ Екатеринбургъ перуномъ-громовержцемъ. Воспитанникъ аракчеевской школы, вѣрный слуга своего императора, глубоко проникнутый тенденціями муштры и военной выправки, онъ взглянулъ на заводы съ точки зрѣнія военныхъ поселеній. Тотчасъ же по Уралу раздался лозунгъ: «строиться въ роты, смирно, равняйсь!»...

Приказъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе, и заводскій человѣкъ обратился въ солдата. Не знаю, что происходило въ другихъ уральскихъ округахъ, но въ Златоустѣ каждую недѣлю два раза собирали заводскихъ рабочихъ и конторскихъ служащихъ на соборную площадь и подъ звуки барабана обучали ихъ всѣмъ мудростямъ маршировки и ружейныхъ пріемовъ. Обученіе дѣлалось унтеръ-офицерами мѣстнаго батальона, имѣвшаго

спеціальную цѣль производить экзекуціи надъ провинившимися заводскими людьми, осуждаемыми аудиторіатомъ къ жестокому «сквозь строю».

Много слезъ и напрасныхъ истязаній вынесли терпѣливые заводскіе холопы, неуклюже шагая подъ «разъ-два», раскачиваясь при вытягиваніи носка и спотыкаясь при скоромъ бѣгѣ. Златоустовское горнозаводское начальство, и ранѣе не знавшее чувства снисхожденія къ своимъ подчиненнымъ, при Глинкѣ совсѣмъ ошалѣло. Малѣйшія провинности начали наказываться розгами отъ 25 до 200 ударовъ и ссылкою на Міасскіе золотые рудники (въ 30 верстахъ на востокъ отъ Златоуста, за Уральскимъ хребтомъ), куда ссылаемые отправлялись въ кандалахъ и подъ конвоемъ казаковъ.

Но все это были мѣры «домашняго» исправленія. За болѣе важныя преступленія заводчане предавались суду въ аудиторіатѣ, рѣшавшемъ дѣла на основаніи свода военныхъ постановленій. Такъ какъ удаленіе заводскаго человѣка въ Сибирь на поселеніе или въ каторгу считалось до нѣкоторой степени казеннымъ убыткомъ, ибо въ лицѣ ссылаемаго вычеркивалась даровая мускульная сила, то аудиторіатъ охотно приговаривалъ подсудимыхъ къ хожденію «сквозь строй». Сотни ударовъ этого звѣрскаго наказанія считались ни во что, и только съ тысячи оно пріобрѣтало извѣстное уваженіе въ глазахъ подневольныхъ зрителей, сгонявшихся на «зеленую улицу» со всего завода.

Наказанія «сквозь строй» всегда обставлялись торжественностью. На «зеленую улицу», длинное пустое пространство, рядомъ съ угольными сараями, привозили вороха лозиновыхъ прутьевъ, мѣрою въ величину ружейнаго ствола. Затѣмъ, маршируя подъ игру какого нибудь веселаго марша или подъ звуки залихватской пѣсни, прибывалъ изъ своихъ казармъ съ Ореньги батальонъ. Наконецъ, являлись роты заводскихъ рабочихъ, и приводился блѣдный, съ искаженными чертами лица, виновный. Полицеймейстеръ или секретарь аудиторіата среди мертвой тишины читалъ приговоръ. Послѣ чтенія осужденнаго раздѣвали, привязывали за руки къ дулу ружья со штыкомъ и подъ унылую дробь барабановъ вводили его въ прямую, какъ стрѣла, двухсаженной ширины «улицу», по обѣ стороны которой съ серьезными и мрачными физіономіями стояли невольные безпощадные исполнители безпощаднаго закона...

Батальонные офицеры, присутствовавшіе при наказаніи, ходили съ мѣлками въ рукахъ позади рядовыхъ и крестиками на спинахъ отмѣчали тѣхъ солдатъ, которые били не такъ сильно, какъ это требовалось: расплата съ мѣчеными дѣлалась уже въ казармахъ. Жестокія были времена!..

Когда Глинка пріѣхалъ въ первый разъ на ревизію въ Златоустъ, то всѣ рабочіе и конторщики построились поротно на пло-

щади, передъ домомъ горнаго начальника. Былъ ясный, жаркій лѣтній день. Ждали, что всемогущій генералъ выйдетъ на смотръ рано утромъ, но онъ предпочелъ запоздать, до полдня любуясь съ балкона окаменѣлою неподвижностью импровизированной заводской рати. Но вотъ двери подъѣзда растворились, и грозный генералъ, въ густыхъ серебряныхъ эполетахъ съ эксельбантами, сопровождаемый многочисленнымъ синклитомъ горныхъ инженеровъ, величественно вышелъ на площадь.

— Здорово, ребята!—громко крикнулъ Глинка.

— Здравія желаемъ вашему превосходительству! — гулко отозвались заводкіе илоты.

— Довольны ли вы вашимъ начальствомъ?—спросилъ Глинка, нисколько не сомнѣваясь, что получитъ удовлетворительный отвѣтъ.

— Довольны, ваше—ство!

— Получаете ли по штату жалованье и паёкъ?

— Получаемъ, ваше—ство!

— Сѣкутъ ли васъ?

Молчаніе...

— Ну, да, конечно, — поправился опростоволосившійся генералъ,—кто заслуживаетъ, тѣхъ сѣкутъ, а кто не заслуживаетъ, тѣхъ и сѣчь не будутъ... Служите же вѣрой и правдой... Помните, что вы царскіе слуги, царю служите... Начальство надъ вами только для надзора приставлено... Ступайте по своимъ мѣстамъ, я доволенъ вами.

— Рады стараться, ваше—ство! — прокричали царскіе слуги, повертывая налѣво кругомъ и расходясь по мрачнымъ, закоптѣлымъ домнамъ, кричнымъ и т. п.

IV.

Недовольныхъ тяжестью заводскихъ работъ и заводскими порядками было множество. Одни ударялись «въ бѣга», занимаясь кражею лошадей, охотою, а при случаѣ и грабежемъ проѣзжающихъ; другіе просто уходили въ лѣса, поступая въ потаенные раскольничьи скиты, разбросанные по самымъ глухимъ и недоступнымъ горнымъ трущобамъ.

Знаменитѣйшимъ изъ заводскихъ бѣглыхъ, долго державшимъ въ страхѣ почти весь Златоустовскій округъ, былъ нѣкто «Илюшка», бѣжавшій отъ какого-то наказанія и бросившій на произволъ судьбы свой домъ и семью. Илюшка отличался не столько силою, сколько ловкостью и смѣлою дерзостью. Про его похожденія сложились легенды. Разсказываютъ, что онъ грабилъ и отнималъ оружіе у тѣхъ самыхъ объѣздчиковъ и лѣсниковъ, которые посылались облавами для его поимки. Не разъ Илюшка выѣзжалъ на чьей либо украденной лошади на гору Косотуръ.

Видъ скалъ на югъ отъ первой сопки Большаго Таганая.

— Ей, вы, бабы!—кричалъ онъ оттуда, вооруженный съ головы до пятъ.—Что же не ловите меня?

— Илюшка, Илюшка!—раздавалось по заводу. И толпы казаковъ и мужиковъ бросались къ горной кручѣ, отлично зная, что отчаянный бѣглецъ хлестнетъ по крутымъ бокамъ своего иноходца и моментально скроется въ непроглядныхъ лѣсахъ.

Пять лѣтъ спасался Илюшка отъ преслѣдователей, пока не былъ связанъ ночью въ пьяномъ видѣ въ какомъ-то заводскомъ кабакѣ. Боясь вторичнаго побѣга изъ-подъ ареста, Илюшку заковали не только въ ручные и ножные кандалы, но еще приковали къ стѣнѣ, потому что ходилъ слухъ, будто хитрый арестантъ обладаетъ способностью сбрасывать съ себя желѣзные поручни, ниткой перепиливать рѣшетки и пальцемъ отворять замки. Конецъ извѣстенъ: Илюшку прогнали сквозь строй полнаго состава баталіона шесть разъ и сослали въ каторгу. Увѣряютъ, что всѣ три тысячи ударовъ шпицъ-рутенами «колдунъ» Илюшка вытерпѣлъ на ногахъ, не ложась на телѣжку, что̀ было приписано заговорному «слову», секретъ котораго наказанный бѣглецъ унесъ въ Сибирь.

Такъ называемые «богомольцы», спасавшіеся въ подземные скиты уральскихъ лѣсныхъ дебрей, держались совсѣмъ иного пріема. Они не только не появлялись никогда въ заводѣ, не бравировали ни передъ властями, ни передъ простыми заводскими смертными, а даже самыя имена ихъ какъ бы вычеркивались изъ памяти родныхъ, друзей и знакомыхъ. Былъ какой нибудь Семенъ Плечевъ, ушелъ въ «богомольцы», и не стало его!...

Богомольцы скрывались преимущественно на сѣверѣ отъ Златоуста, за Таганайскія горы, на Юрьмѣ и по рѣкѣ Келіиму. Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ завода, по крайней мѣрѣ, на протяженіи ста верстъ, шли тогда дремучіе, первобытные лѣса, во всѣхъ направленіяхъ перерѣзанные горными хребтами, скалами, розсыпями [1]), рѣчками и болотами. Нужно было знать въ мельчайшихъ подробностяхъ эти мрачные хвойные, покрытые сѣдымъ мохомъ лѣса, чтобы отважиться проникнуть въ нихъ при ежеминутной опасности отъ встрѣчи съ медвѣдемъ, рысью, лосемъ или россомахой. Но заводское ярмо было такъ тяжело, что вѣковая темь лѣсовъ казалась земнымъ раемъ, а ощущенія отъ встрѣчъ съ звѣрями не сильнѣе тѣхъ, которыя испытывались подъ розгами и на «зеленой улицѣ»...

Уральскіе раскольничьи скиты строились не на землѣ, а подъ землею, до того искусно маскируясь снаружи гранитными и сланцевыми глыбами, вывороченными съ корнемъ деревьями, мохомъ и т. п., что не посвященный въ тайну этихъ построекъ, бродя по

---

[1]) Розсыпью на Уралѣ называется большое плато, усѣянное вплотную громадными камнями гранита, кварца или порфира.

крышамъ скита, никогда не могъ догадаться о существованіи его. Съ своей стороны скитскіе отшельники бывали крайне осторожны въ сношеніяхъ съ міромъ и допускали къ посѣщенію подземныхъ келій только хорошо извѣстныхъ имъ лицъ, на благоговѣйное молчаніе которыхъ они полагались вполнѣ и абсолютно. Приведу разсказъ, записанный со словъ старушки, въ молодости ходившей на поклоненіе могилѣ раскольничьяго скитскаго старца Зосимы, похороненнаго гдѣ-то у подножія Юрьмы.

Дѣло происходило въ 50-хъ годахъ, въ концѣ іюля. Умершій старецъ въ свое время пользовался необычайной популярностью. На благословеніе къ нему являлись за сотни и даже тысячи верстъ и съ тѣмъ большею ревностью, чѣмъ бóльшими препятствіями обставлялось проникновеніе въ скитъ, въ которомъ спасался старецъ. Умеръ Зосима, и народныя уста сложили молву, что молитва на могилѣ старца исцѣляетъ отъ болѣзней и помогаетъ въ мірскихъ печаляхъ.

— Митревна, идешь что-ль къ Зосимѣ-то?—спрашивала одна сосѣдка другую за нѣсколько дней до «памяти» умершаго.

— Пойду, милая Ѳедотовна, безпремѣнно пойду. Только кто же у насъ въ поводыряхъ-то будетъ?

— Слышь, Байдосовъ, Васильевны своякъ... Да намъ что: вѣдь не мы однѣ пойдемъ, человѣкъ двадцать собираются.

— О?...

— Правду говорю.

— И, матка, такъ намъ не страшно будетъ!

— Вѣстимо, не страшно.

Наканунѣ «памяти» цѣлая толпа заводскихъ бабъ и мужиковъ съ пестерями [1]) на плечахъ и берестяными бурачками въ рукахъ медленно поднималась по тропинкѣ, вьющейся по берегу быстрой рѣчки Каменки, близь которой нынче построена желѣзно-дорожная станція «Златоустъ». Богомольцы почти исключительно принадлежали къ лону православной церкви, но этому никто не удивлялся, потому что на заводахъ и теперь еще въ религіи немного придерживаются «стараго духу». Двоевѣры себѣ на умѣ разсуждаютъ такъ: «кто ихъ разберетъ, кто правъ, кто виноватъ? Наши попы говорятъ одно, а ихъ начетчики — другое. Семъ-ка я послужу и тѣмъ и другимъ»...

Къ вечеру, отмахавши на крѣпкихъ ногахъ около сорока верстъ, толпа была у цѣли. Здѣсь они застали другихъ богомольцевъ, пришедшихъ какими-то таинственными дорожками изъ другихъ заводовъ и заводскихъ селеній. Смерклось.

— Господи, помилуй!—проговорилъ въ темнотѣ чей-то старческій гнусавый голосокъ. Всѣ зашевелились, обнажили головы, зажгли

---

[1]) Плетеныя изъ лыкъ котомки, очень легкія и прочныя.

свѣчи, принесенныя изъ дому. Присутствующіе увидали на землѣ простой мѣдный крестъ съ зажженной передъ нимъ свѣчею: крестъ былъ воткнутъ на могилѣ старца, не имѣющей никакихъ отличій во избѣжаніе «соблазна»... Началась всенощная. Гнусавый голосокъ долго читалъ, такіе же голоски подпѣвали.

— Аминь!—сказалъ начетчикъ, исправлявшій должность попа.

Свѣчи потухли. Лѣсная темнота послѣ огня представилась кромѣшною тьмою, въ которой нѣсколько мгновеній слышался шепотъ людей и шелестъ травы и листьевъ. Затѣмъ все смолкло, и двѣ сосѣдки, Митревна съ Ѳедотовной, инстиктивно жавшіяся во время моленія одна къ другой, очутились среди лѣса, кинутыя на произволъ судьбы.

— Ѳедотовна!

— Ась?

— Ты тутъ ли?

— Тутъ, матка... Что-то какъ будто всѣ куда-то ушли?

— И вправду, милая, ушли... Вотъ страсти!.. Давай кричать.

— Ау, ау!—раздалось въ темнотѣ.

Отвѣта никакого. Бабы перетрусили и заплакали.

— Кто тутъ ревѣтъ?—спросилъ ихъ осторожный мужской голосъ.

— Батюшка, мы, мы, заводскія изъ Златоуста... Пришли на могилку помолиться, а замѣсто того насъ бросили...

— Знакомые-то въ кельяхъ у васъ есть ли?

— Нѣ, милый, нѣту никого...

— Ахъ вы, малоумныя женщины! Да развѣ можно приходить въ скитъ не за знамо дѣло?.. Вотъ всѣ ушли по своимъ кельямъ, по знакомымъ, значитъ, а вы и остались... Кто у васъ въ поводыряхъ-то былъ?

— Байдоговъ, Васильевны своякъ, батюшка... Ужъ ты ради нашей глупости не брось насъ... Вѣдь мы тутъ сгинемъ...

Мужчина пошептался съ кѣмъ-то, потомъ поворочалъ что-то, словно отваливая камень или тяжелую западню и черезъ минуту ввелъ испуганныхъ женщинъ въ бревенчатую келью, въ которой при свѣтѣ восковыхъ свѣчей трапезовали богомольцы.

Рано утромъ весь пришлый народъ высыпалъ изъ келій слушать «обѣдню» на могилкѣ Зосимы, потомъ посидѣли на берегу ручейка, закусили и разбрелись восвояси. Когда сосѣдки оглянулись на покинутый ими скитъ, то кромѣ лѣса, камней и валежника, подъ которыми были замуравлены жилища отшельниковъ, не замѣтили ровно ничего...

Третій разрядъ заводскихъ бѣгуновъ, жаждавшихъ не столько свободы, сколько богатой и соблазнительно легкой добычи, назывался «старателями», занимавшимися тайной разработкой золотыхъ песковъ, съ большимъ мастерствомъ и знаніемъ дѣла отыскивас-

мыхъ въ горныхъ покатостяхъ, долинахъ и на днѣ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ. Старатели были настоящіе лѣсные бродяги, воспѣтые въ романѣ Габріеля Ферри. Запасшись желѣзной лопатой, топорикомъ, хорошимъ ножемъ, иногда ружьемъ и собакой, отправлялись они въ заповѣдные уральскіе уголки, куда еще не ступала человѣческая нога. Облюбовавши мѣстечко и сдѣлавши «пробу» въ берестяномъ жолобѣ, снятомъ съ перваго попавшагося дерева, старатель возвращался въ заводъ для организаціи промывки на компанейскихъ началахъ и пріисканія хорошаго, солиднаго покупателя «крупки».

Охотниковъ до «крупки», то-есть золотаго песку, въ Златоустѣ и окружающихъ его заводахъ было много. Покупкой золота промышляли откупщики, купцы и раскольники, послѣдніе преимущественно, потому что, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ скитскими старцами, доставляя имъ платье и провизію, они попутно снюхивались со старателями, служа для нихъ надежнѣйшимъ базисомъ всѣхъ операцій.

Въ сравнительно недавнее время славою золотоносной Калифорніи около Златоуста, по сю сторону Уральскаго хребта, пользовалась долина между такъ называемой Уральской сопкой и Юрьмой, по которой протекаетъ рѣка Келіимъ, получившая это названіе, вѣроятно, отъ келій, построенныхъ по берегамъ ея старовѣрскими пустынножителями. Говорятъ, что первые старатели, наткнувшіеся на золотыя жилы, загребали золото почти въ буквальномъ смыслѣ шапками. Жилы шли поверхностныя, самородковыя, дававшія куски золота вѣсомъ по нѣскольку лотовъ... Впрочемъ, нелегальные промышленники золота не любятъ углубляться въ землю, предпочитая утомительному рытью твердой почвы новые розыски самородныхъ песковъ, которыми такъ богатъ весь средній и южный Уралъ.

Лѣтъ девяносто назадъ купцомъ П. была снаряжена партія на развѣдки золота къ сѣверу отъ рѣки Келіима. Развѣдчики бродили цѣлое лѣто, наконецъ, нашли богатѣйшій «шурфъ». Не медля ни минуты, П. заявляетъ горному правленію о своей находкѣ и ставитъ столбъ съ гербомъ на мѣстѣ пріиска. Открылись работы. Вдругъ сосѣдніе дачевладѣльцы, башкиры вотчинники, подаютъ прошеніе о захватѣ золотопромышленникомъ чужой, башкирской земли, на которой, якобы, П. началъ промывку золота. Пріискъ «запретили». Но купецъ не сдавался и перенесъ дѣло въ слѣдующую инстанцію. Подьячіе не дремали, потирая отъ удовольствія руки, въ которыя сами лѣзли «барашки въ бумажкѣ». Выступили на сцену планы, разумѣется, неясные и неопредѣленные, ибо точной размежевки мѣстности сдѣлано еще не было. Изъ суда въ судъ, дѣло перешло въ сенатъ. Но рѣшеніемъ сената противная сторона осталась недовольна и снова затѣяла процессъ съ низшей

ступени тогдашней судебной іерархіи. Словомъ сказать, это дѣло обратилось въ неистощимую золотую жилу... для приказныхъ крючковъ, разоряя обѣ исковыя стороны. Уже въ шестидесятыхъ годахъ сенатъ окончательно рѣшилъ споръ, присудивши взыскать съ П. чуть ли не 12 тысячъ однѣхъ исковыхъ пошлинъ. Внуки П., которымъ досталось это оригинальное наслѣдство, оказались нищими и, конечно, пошлинъ не уплатили.

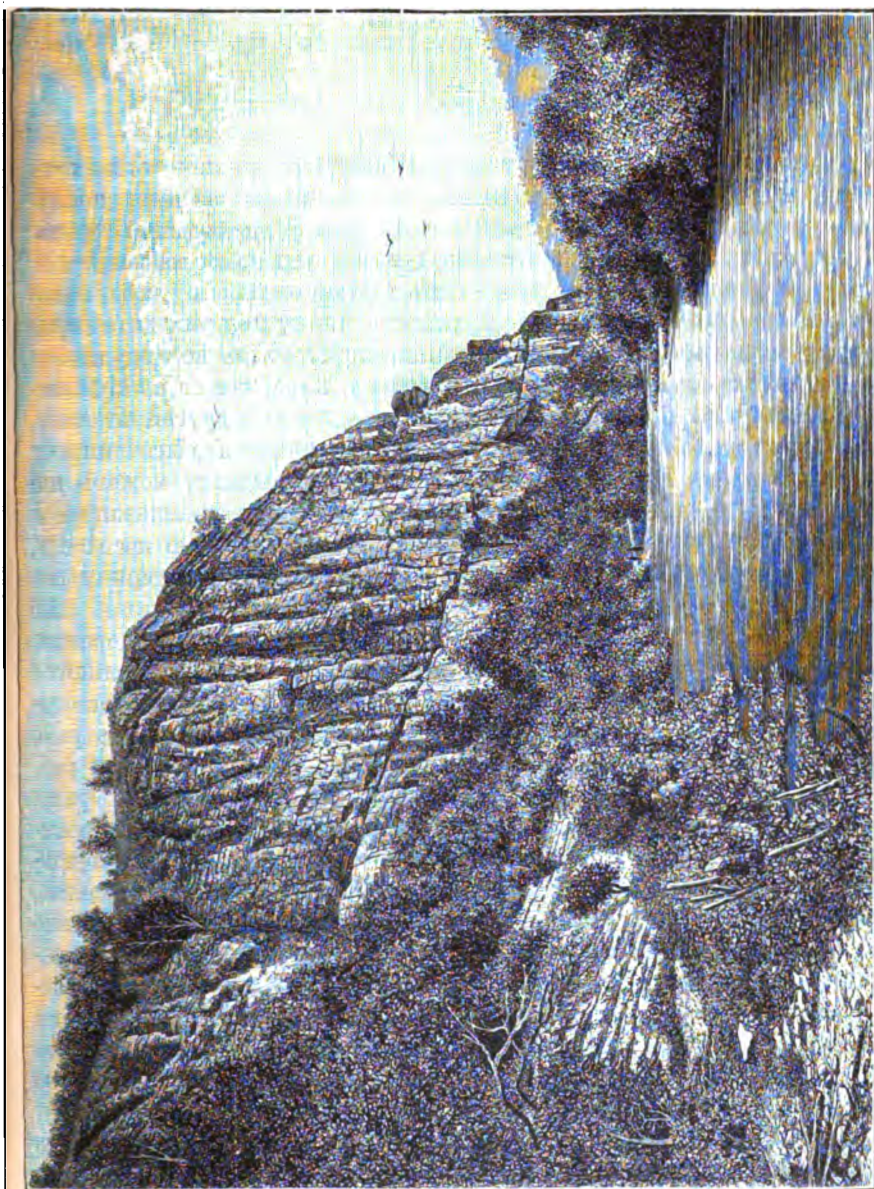
Между тѣмъ, пока П. судился съ башкирами, старатели потихоньку да помаленьку такъ успѣли раздѣлать запрещенный пріискъ, что явившійся впослѣдствіи предприниматель по его разработкѣ увидалъ, что овчинка уже не стоитъ выдѣлки... Называютъ съ десятокъ заводскихъ жителей, которые обогатились «крупкой» съ этого пріиска, сыгравшаго злую шутку съ П. и его потомствомъ.

Скупщики незаконно добытаго золота весьма рѣдко попадались въ сѣти властей, смотрѣвшихъ на это занятіе сквозь пальцы и, можетъ быть, даже имѣвшихъ свою выгоду въ томъ, чтобы не убивать курицу, которая несетъ золотыя яица. Въ исходѣ 60-хъ годовъ, когда Златоустъ былъ уже городомъ [1]), съ пришлой администраціей, полицейскими надзирателями, судебными слѣдователями и т. д., не мало надѣлало шуму арестованіе зажиточной купчихи-вдовы, въ домѣ которой нашли разныя приспособленія для промывки золотоносныхъ песковъ и заклеенную въ бумажные конверты «крупку», предназначенную къ отправкѣ въ Нижній Новгородъ. Купчиха жила на берегу пруда и будто бы получала песокъ прямо съ лодокъ. Это былъ первый и чуть ли не послѣдній дебютъ властей, вздумавшихъ истребить преступный промыселъ.

Вторымъ дебютомъ златоустовской городской полиціи было открытіе скопческой молельни, доказавшее, что, кромѣ старообрядцевъ, поморцевъ, австрійцевъ, хлыстовъ, духоборцевъ и т. п., въ Златоустѣ свила гнѣздо и скопческая секта. Слѣдствіе объ уральскихъ Плотицыныхъ раскрыло, что прежде скопцы принадлежали къ православію, потомъ перекинулись къ австрійцамъ, отъ нихъ въ хлыстовщину и кончили оскопленіемъ себя и даже малолѣтнихъ дѣтей... Сосѣди арестованныхъ разсказывали, что за годъ до этого событія они часто слышали по ночамъ странный шумъ и пѣсни, раздававшіеся изъ-за наглухо запертыхъ ставней дома, гдѣ собирались хлысты, какъ извѣстно, слѣдующіе правилу: «скачу, хлыщу— Христа ищу»! Наступившая за этимъ тишина въ хлыстовскомъ домѣ и блѣдныя личики ребятишекъ обнаружили тайну, не замедлившую дойти до ушей полиціи.

---

[1]) Переменованъ въ уѣздный городъ Уфимской губерніи въ 1864 году въ одно время съ образованіемъ этой губерніи, выдѣлившейся изъ Оренбургской области.

Утесъ «Красный камень» въ окрестностяхъ Миньяра.

Замѣчательно, что хлысты и скопцы никогда не удаляются въ лѣса, чувствуя, напротивъ, какое-то болѣзненное влеченіе къ городу, къ жилью, къ людямъ, темноту и невѣжество которыхъ они такъ ловко эксплоатируютъ съ изувѣрскими цѣлями.

V.

Путешествіе по горамъ русской Швейцаріи въ качествѣ охотника или обыкновеннаго туриста, желающаго развлечься послѣ однообразныхъ и довольно таки надоѣдливыхъ впечатлѣній города и подышать чистымъ горнымъ воздухомъ, есть такое наслажденіе, которое понятно весьма немногимъ. Отличительная особенность его заключается въ томъ, что путешественнику не приходится подниматься за предѣлы снѣговой линіи, испытывать всѣ трудности и опасности странствованія по ледникамъ, карабкаться по козьимъ тропкамъ надъ пропастями и обрывами и т. п. Съ другой стороны, если настоящая Швейцарія справедливо гордится высочайшими вершинами въ Европѣ, то наша русская, уральская, можетъ похвалиться своею первобытностью, нетронутостью цивилизаціей и культурой. Лучше всего это доказывается рѣдкостью поселеній, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, почти затерянныхъ въ глуши лѣсовъ и скалъ.

Въ южномъ Уралѣ въ наше время есть еще такія деревни, куда лѣтомъ среди бѣлаго дня медвѣди невозбранно являются обдирать коровъ, воровать телятъ и жеребятъ. Пройдите за околицу подобной деревни и вы сразу очутитесь въ охотничьемъ раю, въ которомъ ружье ваше устанетъ подыматься на выводки рябчиковъ, тетерекъ и глухарей. Южный Уралъ, именно около Юрьмы и Бердеуша, можно назвать охотничьимъ эльдорадо, хотя проникать въ него слѣдуетъ съ опытнымъ проводникомъ или туземнымъ охотникомъ. Въ заключеніе картины не мѣшаетъ добавить, что уральскія рѣчки изобилуютъ рыбой, изъ породъ которой можно указать на мѣстную форель, называемую «красулей», и харіуса—обѣ очень вкусныя и жирныя, хотя ловля ихъ сопряжена съ массою техническихъ осложненій. Лучшими по величинѣ красулями славится рѣка Келіимъ, усердно посѣщаемая златоустовскими рыболовами, которые ухитряются приносить свою добычу живою черезъ 10-ть часовъ отъ момента улова.

Самыя высокія вершины южнаго Урала слѣдующія: Бердеушъ (3.850 фут.), Круглая сопка Таганайскихъ горъ (3.500 фут.) и Уральская сопка (2.940 фут.). Первый находится на версту отъ Саткинскаго завода (почти 50 верстъ отъ Златоуста), остальныя—недалеко отъ Златоустовскаго горнаго узла, откуда онѣ хорошо видны даже невооруженнымъ глазомъ. Бердеушъ дикъ и совсѣмъ

некрасивъ, имѣя сходный съ Юрьмою видъ—огромной копны сѣна. Гораздо оригинальнѣе Таганайскія горы, между которыми невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе Круглая сопка, характернѣйшая форма вулкана, съ правильно обточенными боками и шишечкой на вершинѣ, напоминающей шишечку на шляпѣ мандарина.

Вѣроятно, благодаря этой оригинальности Круглой сопки, Таганай съ давнихъ поръ посѣщается учеными путешественниками по южному Уралу, въ числѣ которыхъ былъ и Гумбольдтъ, отозвавшійся о сопкѣ, что она представляетъ потухшій вулканъ. Простые любители горныхъ красотъ также наперерывъ другъ передъ другомъ усердствуютъ въ восхожденіяхъ на Таганай [1]), куда успѣла уже пробиться если не совсѣмъ удобная, то, всетаки, достаточно торная дорога для проѣзда на телѣгѣ.

Отъ Златоуста до Таганая считаютъ около 20-ти верстъ, изъ нихъ 15-ть колеснаго пути до рѣки Тесьмы и 5-ть пѣшаго. Заводскіе ходоки, обладающіе широкою грудью, крѣпкими ногами и приспособленною обувью, справляются съ этимъ разстояніемъ въ 4—5 часовъ. Непривычный человѣкъ быстро утомляется главнымъ образомъ потому, что дорога изрыта водомоинами и поминутно то опускается въ низины, то поднимается на кручи, причемъ идетъ по косогорамъ, отъ которыхъ живо стаптываются любые каблуки. Лучше всего путешествовать на Таганай или въ лаптяхъ, или въ сапогахъ безъ каблуковъ.

Рѣка Тесьма, на берегу которой останавливаются отдохнуть путешественники, мелка и не широка въ жары, но во время дождей превращается въ грозный бурный потокъ, ворочающій тяжелые камни и вырывающій съ корнемъ столѣтнія деревья. Привалъ на бархатной зеленой полянѣ, подъ тѣнью березъ, сосенъ и елей, вполнѣ необходимъ, ибо отсюда начинается узенькая, темная тропинка, проложенная въ лѣсу, у подошвы Большаго Таганая, отвѣсныя скалы котораго, зароешія соснякомъ и можжевельникомъ, угрюмо свѣшиваются съ лѣвой стороны путниковъ. Тропинка кончается совершенно неожиданно розсыпью, усѣянною камнями, покрытыми лишаемъ и сѣрымъ мохомъ.

Розсыпь, эта каменная равнина, на которой обломки скалъ покоятся въ самыхъ причудливыхъ положеніяхъ, производитъ своеобразное впечатлѣніе. Издали, на извѣстномъ разстояніи, кажется, что это—древнее заброшенное кладбище, мавзолеи котораго разрушились и свалились въ безпорядочныя кучи. Но иллюзія исчезаетъ, когда путешественникъ вступаетъ на розсыпь. Тропинка, лучше сказать, грязный отпечатокъ ногъ на сѣромъ фонѣ камней, безпрестанно перепрыгиваетъ черезъ пропасти и ущелья

---

[1]) Таганай, слово татарское, значитъ «трезубецъ», или «подставка небу».

между камнями, со дна которыхъ доносится журчанье ручейковъ и глухое паденіе маленькихъ каскадовъ, подтачивающихъ основаніе розсыпи.

Очевидно, розсыпь, являющаяся остатками какого-то величественнаго геологическаго переворота, живетъ своею жизнью, въ которой скрытая вода играетъ выдающуюся роль, разрушая камни и втеченіе годовъ, десятковъ и сотенъ лѣтъ, образуя почву, пригодную для произростанія лѣсовъ, подобныхъ только что покинутымъ сзади. Пройдетъ еще длинный періодъ, и розсыпь скроется подъ лѣсомъ и кустами малины и можжевельника, живымъ кольцомъ стягивающихъ ее со всѣхъ боковъ.

Первая розсыпь тянется съ полверсты. Потомъ дорожка опять вбѣгаетъ въ стройную аллею великановъ, слегка пошевеливающихъ высокими вершинами. Тишина въ лѣсу почти полнѣйшая. Изрѣдка лишь посвиститъ вспорхнувшій гдѣ-то рябчикъ, постучитъ въ дупло зеленокрасный дятелъ (желна̀) и пощелкаетъ, разгрызая еловыя шишки, бѣлка, граціозный рыженькій звѣрекъ, какъ птица, перелетающій по вѣтвямъ деревьевъ.

Вторая розсыпь вдвое больше первой, а третья во столько же больше второй. За третьею розсыпью, которая лежитъ на высотѣ почти 3.000 футовъ, начинается «перекликной логъ» Таганая, полукруглая ложбина между двумя гребнями горъ. Логъ и оба гребня совсѣмъ лишены растительности, если не считать кустовъ стелющагося можжевельника и лужаекъ изъ брусники. Дно лога усыпано мелкимъ сланцевымъ щебнемъ и крупнымъ, сѣрымъ гранитнымъ пескомъ, въ которомъ блестятъ незначительные кристаллики венесы, аметиста, горнаго хрусталя и т. п. минераловъ, въ изобиліи попадающихся на Уралѣ.

Въ мѣстѣ кратчайшаго разстоянія гребней логъ обладаетъ любопытными акустическими особенностями, присвоившими ему названіе «перекликнаго». Если встать между отвѣсными громадами и крикнуть какое нибудь слово, даже цѣлую фразу, то эхо голоса будетъ повторяться чуть не десятки разъ, причемъ діапазонъ эха постепенно повышается и послѣдніе звуки его произносятся съ большимъ эффектомъ. Ягодники, посѣщающіе Таганай ради сбора черники, малины и брусники, которыми покрыты окраины розсыпей, а также любители путешественники часто забавляются этими фокусами перекликнаго лога; но люди суевѣрные, настроенные на мистическій ладъ, никогда не балуются горнымъ эхомъ, считая его произведеніемъ нечистой силы, свившей гнѣздо въ поднебесныхъ каменныхъ высяхъ...

Народная фантазія, привыкшая облекать въ образныя легенды каждое выдающееся явленіе, сочинила сказку и о происхожденіи эха въ перекликномъ логѣ. Много лѣтъ назадъ будто бы жилъ въ пещерѣ Таганайскаго гребня лютый звѣрь. Хваталъ онъ безъ раз-

бору пѣшихъ и конныхъ и пожиралъ ихъ. Разъ шелъ святой пустынникъ, можетъ быть, тотъ же Зосима, увидалъ звѣря, вылѣзающаго изъ пещеры, и обратился съ молитвой къ Богу объ уничтоженіи чудовища. Господь внялъ молитвѣ и убилъ звѣря каменной глыбой, а на память людямъ оставилъ въ горахъ его голосъ, «велій и страшный»,—добавляютъ грамотные разсказчики какого нибудь раскольничьяго толка. Пещера, въ которой жило чудовище, до сихъ поръ виднѣется въ утесахъ большаго гребня. Добра́ться до нея очень трудно, но не безъинтересно, потому что выше, кажется, не залѣзетъ и горный козелъ.

Отъ Таганая до Круглой сопки, что называется, рукой подать, но пройдетъ добрыхъ еще два часа, прежде чѣмъ вы взберетесь на площадку бывшей огнедышащей горы. Запыхавшись отъ утомительнаго подъема, вы садитесь на первый попавшійся камень и окидываете взоромъ разстилающуюся передъ вами картину. Я не художникъ, но всегда жалѣлъ, что не владѣю ни кистью, ни карандашемъ, чтобы нарисовать безподобный по красотѣ и необъятности горизонта ландшафтъ, который не часто можно встрѣтить въ горныхъ мѣстностяхъ.

Подъ ногами восхищеннаго зрителя, ниже на 2.000—1.500 фут. чернѣетъ океанъ лѣсовъ, перечеркнутыхъ свѣтлыми ленточками рѣкъ Келіима и Тесьмы, текущихъ въ разныя водныя системы. Нѣсколько дальше мизерною грядкою ползетъ Уральскій хребетъ, на востокъ за которымъ раскинулась безпредѣльная Оренбургская степь съ тысячами соленыхъ озеръ, блестящихъ на солнцѣ, какъ капли не успѣвшей еще обсохнуть росы. Даже гребни Юрьмы и Таганая кажутся отсюда незначительными скалами, нисколько не мѣшающими видѣть Златоустъ, Міасъ, Кыштымъ и многія другія селенія, разбросанныя на 75 верстъ отъ Круглой сопки...

Если вы запаслись походнымъ чайникомъ, то передъ спускомъ съ площадки можете напиться чаю, потому что въ небольшомъ углубленіи ея всегда находится превосходная чистая вода, вѣроятно, результатъ дождевыхъ осадковъ и таянія снѣга. Само собою разумѣется, что путешествовать на Таганайскія горы слѣдуетъ только въ хорошую лѣтнюю погоду, такъ какъ въ дождливую дорога туда почти недоступна, а по розсыпямъ и опасна отъ паденія съ мокрыхъ, скользкихъ скалъ.

VI.

Златоустовскій округъ неоднократно посѣщали высокіе особы русскаго царствующаго дома. Первымъ посѣтилъ его императоръ Александръ I въ сентябрѣ 1824 года, интересовавшійся успѣхами производства оружія на казенныхъ заводахъ и желавшій лично ознакомиться съ дѣятельностью выписанныхъ имъ иностранныхъ мастеровъ.

Царь-путешественникъ встрѣчался съ восторгомъ на Уралѣ, который никогда еще не видалъ на своихъ вершинахъ такого высокаго гостя. Старый и малый сбѣгались на почтовый трактъ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать императоръ, располагались по сторонамъ дороги таборомъ, ночью зажигали огни и не смыкали глазъ изъ боязни пропустить царскую карету. Есть еще живые свидѣтели этихъ нетерпѣливыхъ ожиданій и восторженныхъ встрѣчъ императора, о которомъ они говорятъ, какъ о прекрасномъ видѣніи, мелькнувшемъ передъ глазами для того, чтобы память о немъ сохранилась на всю жизнь.

На всѣхъ крутыхъ уральскихъ спускахъ и подъемахъ были собраны сотни народа для перевозки кареты на рукахъ, такъ какъ опасались, что лошади не вынесутъ ея тяжести, и можетъ случиться несчастье. Въ наиболѣе крутыхъ мѣстахъ императоръ выходилъ изъ кареты, предпочитая пройтись пѣшкомъ, разговаривая съ осчастливленными подданными, цѣловавшими у милостиваго государя руки и полы сюртука.

Въ Златоустѣ Александръ Павловичъ пробылъ два дня. Онъ подробно осматривалъ весь заводъ, нарочно пущенный въ дѣйствіе во всѣхъ отдѣленіяхъ. Въ домнѣ императоръ присутствовалъ на выплавкѣ чугуна, который огненною рѣкою лился изъ раскаленнаго доменнаго горна; въ кричной онъ долго любовался, какъ силачъ-работникъ, богатырь по сложенію, ворочалъ до бѣла разожженной семипудовой желѣзной крицей, поворачивая ее, словно соломенку, подъ тяжелымъ молотомъ, плющившимъ безформенную глыбу.

Въ оружейной фабрикѣ государь разспрашивалъ оружейныхъ мастеровъ о мельчайшихъ подробностяхъ оружейнаго дѣла. Онъ бесѣдовалъ съ ними на нѣмецкомъ языкѣ, справлялся объ ихъ устройствѣ въ Златоустѣ, семейномъ положеніи, матеріальномъ обезпеченіи и т. д. На прощаніи Александръ Павловичъ милостиво давалъ нѣмцамъ свою руку. Золингенцы были въ восторгѣ отъ ласки русскаго царя и поспѣшили обзавестись гравированными портретами его, которые можно еще и теперь найти въ домахъ златоустовскихъ нѣмцевъ-мѣщанъ.

Зайдя изъ фабрики въ контору, освободитель народовъ выразилъ желаніе на объясненіе ему пріемовъ заводской бухгалтеріи. Но когда бухгалтеръ выложилъ передъ царственнымъ слушателемъ десятка три книгъ подъ нумерами и принялся излагать ходъ цифровыхъ записей, то императоръ, прервавши его на полдорогѣ, воскликнулъ:

— Нѣтъ, тутъ самый свѣтлый умъ затмится!...

Восклицаніе это добродушный бухгалтеръ принялъ на свой счетъ и такъ возгордился мудростью своего ремесла, что при всякомъ удобномъ случаѣ повторялъ изреченіе царя, которое удержалось

въ потомствѣ заводскихъ бухгалтеровъ до десятаго колѣна включительно.

На второй день, прощаясь съ красотами полюбившейся ему русской Швейцаріи, Александръ Павловичъ пѣшкомъ вошелъ на отрогъ Уреньгайской цѣпи, доминирующій надъ Златоустомъ, и съ верхушки его цѣлый часъ любовался окрестностями завода. Въ память этого посѣщенія горы императоромъ на ней была построена изъ лиственницы круглая бесѣдка, которая стояла 40 лѣтъ, пока не уступила мѣста другому памятнику, о чемъ будетъ сказано ниже.

Кромѣ Златоуста, высокій путешественникъ былъ и на Міясскомъ золотомъ пріискѣ, гдѣ недавно только что начали разработку новой золотоносной площади. Императоръ принялъ участіе личной работой въ добываніи золота и самъ вырылъ около 20-ти пудовъ золотоноснаго песку, тутъ же промытаго на машинѣ. Между тѣмъ, въ это самое время простому заводскому человѣку, Сюшкину, выпало счастье найти феноменальный самородокъ вѣсомъ въ 24 фунта съ лотами, который былъ тотчасъ же поднесенъ на разсмотрѣніе императору. Впослѣдствіи точная копія съ этого самородка положена подъ стеклянный колпакъ въ помѣщеніи главной конторы Златоустовскаго округа, а пріискъ, на которомъ работалъ Александръ Павловичъ, названъ Царево-Александровскимъ и на немъ сооруженъ памятникъ съ орломъ на верху. Сюшкинъ за свою находку получилъ хорошую награду.

Другимъ царственнымъ посѣтителемъ Златоуста былъ племянникъ Александра Благословеннаго, покойный императоръ Александръ Николаевичъ. Онъ прибылъ на Уралъ проѣздомъ изъ Сибири въ іюнѣ 1837 года, будучи еще наслѣдникомъ престола. Не довольствуясь осмотромъ завода, Александръ Николаевичъ всходилъ на Уральскую сопку, высокую вершину главнаго Уральскаго хребта, по одну сторону которой лежитъ Европа, а по другую—Азія. Бывшіе въ проводникахъ цесаревича и его свиты разсказываютъ, что онъ артистически ловко вбѣжалъ на утесъ, оставивши за собою всѣхъ спутниковъ.

Полюбовавшись на двѣ части свѣта имперіи своего отца, цесаревичъ вынулъ изъ записной книжки карандашъ и на гладкой стѣнѣ камня начерталъ надпись:

А.

1837 года

9 іюня.

Въ позднѣйшіе годы надпись эта высѣчена и позолочена. Поклонники покойнаго императора, бывая въ Златоустѣ, считаютъ священною обязанностью взойти на «утесъ Александра» и дотронуться до пограничнаго камня, котораго касались руки Освободителя крестьянъ-рабовъ...

Александръ Николаевичъ былъ также и на томъ горномъ отрогѣ, съ котораго обозрѣвалъ южный Уралъ его дядя. Онъ шутя обогналъ сопровождавшую его свиту и весело смѣялся въ бесѣдкѣ, глядя, какъ пожилые генералы неловко взбираются по крутизнѣ, опираясь на палки и на руки услужливыхъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ горный отрогъ сдѣлался вдвойнѣ драгоцѣненъ, какъ мѣсто посѣщенія двухъ императоровъ, одинаково благородно мыслившихъ и заботившихся о благоденствіи своей страны. Когда было получено въ Златоустѣ извѣстіе о покушеніи на жизнь Александра II въ апрѣлѣ 1866 года, то горное начальство прекратило работы на заводѣ и торжественно отслужило молебствіе на знаменитой горѣ, сопровождавшееся выстрѣлами изъ стальной пушки, отлитой въ томъ же Златоустѣ. Спустя нѣкоторое время, деревянная бесѣдка была сломана, а взамѣнъ ея построена каменная часовня съ образомъ св. князя Александра Невскаго.

Третьимъ высокимъ гостемъ Златоуста былъ герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій—увы!—тоже покойникъ. Почти еще юношей, полнымъ силъ, здоровья и энергіи, пріѣзжалъ онъ въ русскую Швейцарію лѣтомъ 1866 года. Его высокая, стройная фигура, вошедшая въ соборъ прямо изъ дорожной кареты, памятна златоустовцамъ до сихъ поръ. Помнятъ также и его стоптанные сапоги, изношенные втеченіе двухъ часовъ минералогическихъ и геологическихъ изысканій, которыя герцогъ производилъ по скаламъ и розсыпямъ Урала, остановившись на дорогѣ въ Златоустъ.

Желая доставить сюрпризъ любимому внуку императора Николая, горное начальство распорядилось помѣстить на хорахъ Свято-Троицкаго собора всѣхъ сто учениковъ окружнаго училища, обученныхъ пѣнію простыхъ молитвъ. При окончаніи молебствія этотъ хоръ грянулъ «Отче нашъ» и дѣйствительно такъ изумилъ герцога, что онъ съ полминуты глядѣлъ назадъ, недоумѣвая, откуда несутся звуки этой молитвы...

Вечеромъ герцогъ самъ пробовалъ нарѣзныя ружья, изготовленныя на оружейной фабрикѣ, стрѣляя изъ нихъ въ цѣль въ саду дома горнаго начальника, въ которомъ онъ останавливался по примѣру своихъ царственныхъ родственниковъ.

Черезъ годъ послѣ герцога Лейхтенбергскаго, въ 1867 году, Златоустъ навѣстилъ четвертый путешественникъ царской крови, донынѣ благополучно здравствующій великій князь Владиміръ Александровичъ. Посѣщеніемъ Владиміра Александровича закончился списокъ царственныхъ гостей, указавшихъ къ Златоусту дорогу для стальнаго рельсоваго пути.

П. Падучевъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЕЙ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ.

Въ историческомъ изданіи «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ» за 1874 годъ помѣщена была статья Ѳ. Винницкаго: «Разсказы изъ былаго времени». Здѣсь, между прочимъ, упоминается о сенаторѣ Андреѣ Ивановичѣ Абакумовѣ, котораго авторъ статьи называетъ личностью, «о которой въ свое время много говорили и рядили въ гостиныхъ, какъ о необыкновенной». Но авторъ этой статьи, повидимому, почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ источника не вполнѣ компетентнаго. Одно только вѣрно въ этомъ разсказѣ, что А. И. Абакумова въ началѣ 1820-хъ годовъ называли «седьмымъ чудомъ свѣта»; но о происхожденіи этого наименованія ничего не сказано, а, между тѣмъ, оно довольно любопытно. Покойный отецъ мой, тайный совѣтникъ Лавр. Вас. Ширяевъ, начавшій въ 1822 году службу въ провіантскомъ департаментѣ военнаго министерства подъ начальствомъ этого самаго А. И. Абакумова, разсказывалъ, что такое оригинальное названіе Абакумову далъ самъ императоръ Александръ I. Наслышавшись о необыкновенныхъ способностяхъ и распорядительности Абакумова, государь назначилъ его въ 1816 году генералъ-провіантмейстеромъ главнаго штаба. Его императорское величество и при пріемѣ Абакумова сказалъ ему: «Я слышалъ о васъ, какъ о седьмомъ чудѣ въ свѣтѣ; оправдайте же на новой должности такое о васъ мнѣніе».

Но обращаемся къ предмету нашей замѣтки. Прежде всего повторяемъ, что свѣдѣнія, приводимыя г. Винницкимъ, совершенно невѣрны; въ нашихъ же рукахъ имѣется оффиціальный документъ,

именно формуляръ Абакумова, пользуясь которымъ приведемъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ этомъ въ свое время игравшемъ важную роль дѣятелѣ былаго; въ дополненіе же къ этимъ свѣдѣніямъ представляемъ разсказы объ Абакумовѣ вышеупомянутаго тайнаго совѣтника А. В. Ширяева [1]).

Въ формулярѣ Абакумова сказано, что онъ происходилъ изъ купеческихъ дѣтей и родился въ 1771 году; затѣмъ показано, что въ апрѣлѣ 1787 года на 16-мъ году въ службу вступилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Но какъ случилось это вступленіе въ военную службу, сохранился такой разсказъ. Въ г. Торопцѣ Псковской губерніи въ концѣ 1780-хъ годовъ проживала богатая купчиха. У нея были какіе-то недоброжелатели, которые не придумали лучшей ей мести, какъ, вырывъ изъ могилы трупъ ея мужа, ночью поставили у дверей; на утро купчиха отворила дверь, и трупъ упалъ на нее. Несчастная женщина съ испуга сошла съ ума, а виновныхъ розыскали и по тогдашнимъ порядкамъ жестоко наказали и сослали. Въ этомъ преступленіи замѣшанъ былъ и Абакумовъ, бывшій тогда мальчикомъ лѣтъ 13 или 14; его какъ малолѣтняго наказали легче, то-есть послѣ наказанія розгами отдали въ военную службу. На счастье Абакумова оказалось, что онъ зналъ грамоту и имѣлъ хорошій почеркъ, что̀ въ тѣ времена очень цѣнилось въ нижнихъ чинахъ. Сдѣлавшись писаремъ и обладая бойкостью и смышленостью, Абакумовъ сразу обратилъ на себя вниманіе сначала ближайшаго начальства, а вскорѣ по чьей-то протекціи попалъ въ Преображенскій полкъ писаремъ унтеръ-офицерскаго званія. Здѣсь черезъ 15 лѣтъ онъ былъ произведенъ въ подпоручики (въ сентябрѣ 1802 года) съ назначеніемъ состоять при бывшемъ инспекторѣ с.-петербургской инспекціи по инфантеріи графѣ Татищевѣ, а съ 1803 года состоялъ при с.-петербургскихъ военныхъ губернаторахъ генералъ-лейтенантѣ графѣ Толстомъ, генералъ-отъ-инфантеріи Вязмитиновѣ и генералъ-отъ-инфантеріи князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ. Чѣмъ занимался въ это время Абакумовъ, свѣдѣній не сохранилось; но извѣстно, что съ 1803 по 1808 годъ Абакумовъ по именнымъ Высочайшимъ указамъ за отличное усердіе къ службѣ и «таковое-жъ исполненіе по оной поручаемаго» награжденъ былъ чинами: титулярнаго совѣтника, коллежскаго ассесора и надворнаго совѣтника. Въ 1809 году, въ январѣ, Абакумовъ уволился по болѣзни глазъ отъ службы «для опредѣленія къ другимъ дѣламъ и безъ награжденія чиномъ», а въ апрѣлѣ 1811 года, «получа отъ болѣзни нѣкоторое облегченіе», снова поступилъ на службу въ провіантскій штатъ коммиссіонеромъ съ переименованіемъ въ 7-й классъ, а въ слѣдующемъ году

---

[1]) Онъ скончался въ 1887 г. въ Одессѣ въ отставкѣ. Замѣчательно, что съ 1822 г. онъ непрерывно служилъ въ военномъ вѣдомствѣ 63 года.

«за отличное усердіе къ службѣ» дозволено носить на мундирѣ установленныя для чиновниковъ военнаго министерства нашивки. Съ этого времени начинаются быстрыя повышенія А. И. Абакумова, чему много способствовали военныя обстоятельства при недостаткѣ способныхъ людей. Поступивъ въ маѣ того же 1812 года изъ вѣдомства коммиссіи с.-петербургскаго провіантскаго депо въ дѣйствующую армію, онъ вскорѣ получилъ должность оберъ-провіантмейстера 4-го корпуса. Мы не знаемъ подробностей дѣятельности Абакумова въ эпоху войнъ 1812—1815 годовъ, но извѣстно, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе распорядительныхъ интендантовъ, что̀ выразилось слѣдующими быстрыми служебными его отличіями: въ 1812 году онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, въ 1813 году назначенъ оберъ-провіантмейстеромъ всѣхъ авангардныхъ войскъ, въ 1814 году за особенную дѣятельность и усердіе къ службѣ впродолженіе трехъ кампаній при продовольствіи авангардныхъ войскъ награжденъ чиномъ военнаго совѣтника и орденомъ св. Анны 2-й степени, а въ 1815 году назначенъ исправляющимъ должность полеваго генералъ-провіантмейстера и произведенъ въ чинъ 5-го класса. Въ 1816 году утвержденъ въ послѣдней должности и, кромѣ того, по временамъ исправлялъ должность генералъ-интенданта 1-й арміи; наконецъ, въ томъ же 1816 году, какъ упомянуто выше, Абакумовъ по особому высочайшему повелѣнію (4-го ноября) назначенъ былъ генералъ-провіантмейстеромъ главнаго штаба его императорскаго величества и директоромъ провіантскаго департамента военнаго министерства.

Для объясненія столь быстраго возвышенія Абакумова приведемъ кстати слѣдующее характеристичное извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета государю императору о дѣятельности интендантскаго вѣдомства въ 1812—1815 годахъ: «Я заключаю сію статью тѣмъ, что всякъ, кто видѣлъ всѣ бѣдствія, ужасы и труды, свыше человѣческихъ силъ перенесенныя нами въ сихъ походахъ, особливо всѣми чинами, занимавшимися по части управленія, кои днемъ должны были маршировать, какъ другіе, не зная часто куда, а ночью заниматься въ какой нибудь хижинѣ или на бивакѣ, не исключая и зиму 1812 года,—отдаетъ интендантскому управленію справедливость, что и денежная часть свыше всякаго ожиданія держалась въ порядкѣ».

Репутація Абакумова въ это время была на столько упрочена, что къ занимаемымъ имъ должностямъ съ 1817 года присоединилась новая: «седьмое чудо въ свѣтѣ» было назначено членомъ коммиссіи, высочайше учрежденной указомъ 30-го декабря 1816 года для изслѣдованія дѣйствій провіантскаго департамента. Фактъ интересный въ томъ отношеніи, что изъ него видно, какъ высоко цѣнилось тогда безкорыстіе Абакумова. Вѣроятно, этой же репутаціи обязанъ былъ Абакумовъ, что въ 1819 году высочайшимъ указомъ

(отъ 4-го февраля) на имя г. министра финансовъ всемилостивѣйше пожаловано было Абакумову въ 12-ти-лѣтнее владѣніе безъ платежа аренды Лифляндской губерніи Дерптскаго уѣзда мыза Таменгофъ, содержавшая въ себѣ 16 гаковъ, и въ томъ же году Абакумовъ за отличную службу, по именному высочайшему указу правительствующему сенату, произведенъ былъ въ 4-й классъ, а въ концѣ того же года, тоже по именному высочайшему указу, въ воздаяніе отличной дѣятельности и успѣшнаго исполненія обязанностей, награжденъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ 1821 году Абакумовъ получилъ высочайшее его императорскаго величества благоволеніе «за попечительность къ пользамъ службы и по составленію полнаго запаса провіанта въ С.-Петербургѣ и весьма благоразумныя въ семъ случаѣ распоряженія», и въ томъ же году (19-го августа) по высочайшему указу за отличное пятилѣтнее управленіе провіантскимъ департаментомъ, причемъ выставлялась на видъ значительная экономія, сдѣланная за это время, Абакумову пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 2 ст. Въ 1824 г. Абакумовъ получилъ чинъ 3-го класса, а въ 1825 г. декабря 25-го — орденъ св. Анны 1 ст. съ алмазами. Въ коронацію императора Николая Павловича, Абакумовъ получилъ двѣ награды: въ самый день коронаціи (22-го августа) онъ былъ назначенъ сенаторомъ съ оставленіемъ въ должности генералъ-провіантмейстера и получилъ особое высочайшее благоволеніе «за успѣшное распоряженіе въ довольствіи войскъ, находившихся въ Москвѣ во время коронаціи».

Но съ этого времени начинаетъ уже меркнуть звѣзда Абакумова. Въ 1827 году онъ по именному высочайшему повелѣнію по прошенію былъ всемилостивѣйше уволенъ отъ должности генералъ-правіантмейстера съ тѣмъ, чтобы присутствовать ему попрежнему въ правительствующемъ сенатѣ съ производствомъ всего того содержанія, какое получалъ по званію генералъ-правіантмейстера. Война 1828—1829 гг. снова было выдвинула Абакумова, какъ главнаго дѣятеля по интендантскому довольствію войскъ, но это продолжалось недолго. Послѣднею наградою его былъ орденъ св. Александра Невскаго (4 февр. 1831 г.). А. И. Абакумовъ скончался 12 іюня 1841 г. Потомства у него не осталось, такъ какъ онъ женатъ не былъ, и мы не знаемъ, кому досталось его имѣніе Псковской губерніи въ Холмскомъ и Торопецкомъ уѣздахъ. Кстати замѣтимъ, что въ формулярномъ спискѣ Абакумова за 1827 годъ относительно этого имѣнія сдѣлана такая курьезная отмѣтка, что при помянутыхъ мѣстностяхъ состоитъ «крестьянъ мужескаго пола 80 душъ, черезъ наслѣдство отъ матери доставшихся». Какимъ образомъ послѣ дворянской грамоты 1785 г. могли очутиться у Абакумова, родомъ изъ купеческихъ дѣтей, «наслѣдственные крестьяне» отъ матеры, не понимаемъ...

Обращаясь теперь къ характеристикѣ Абакумова, мы прежде всего приведемъ отзывъ о немъ г. Винницкаго: «Фигура его весьма противорѣчила духовнымъ способностямъ его: это былъ маленькій, худенькій и вертлявый человѣчекъ съ небольшою головкой и не совсѣмъ пріятною физіономіею; характера вспыльчиваго; онъ любилъ чисто и красиво одѣваться»... Опять описаніе, не соотвѣтствующее дѣйствительности. Въ запискахъ покойнаго отца моего тайнаго совѣтника Ширяева сохранилось такое описаніе впечатлѣнія перваго представленія его Абакумову при опредѣленіи на службу въ 1822 году... «Генералъ Абакумовъ скоро пріѣхалъ въ присутствіе. Онъ бѣсился, кричалъ, ругалъ какого-то писаря... Я въ малолѣтствѣ слыхалъ, что Абакумовъ происходитъ отъ мѣщанскаго рода, и зналъ исторію его похожденій, и потому думалъ, что онъ похожъ на простаго человѣка; но какимъ удивленіемъ былъ я пораженъ, когда увидѣлъ, вмѣсто лабазника, генерала съ двумя звѣздами въ сюртукѣ на распашку и съ зеленымъ коленкоровымъ зонтикомъ на глазахъ... Генералъ по укрощеніи первыхъ движеній своего гнѣва надъ писаремъ, котораго за что-то грозилъ «запороть розгами до смерти», «прогнать черезъ 10.000 сквозь строй» и т. п., обратился къ просителю купцу, схватилъ у него бумагу и принялся марать ее карандашемъ. Потомъ, увидавъ меня, стоявшаго съ просьбою въ рукѣ и дрожавшаго отъ страха, сказалъ: «Ты что, милый?»—Молча подалъ я ему просьбу.—«Иванъ Егоровичъ!—сказалъ Абакумовъ, обращаясь къ моему дядѣ (начальнику отдѣленія):—развѣ ты самъ не могъ мнѣ сказать о немъ?»—«Я, ваше п—во,—отвѣчалъ дядя:—не смѣлъ о томъ безпокоить васъ».—«Не хочешь ли,—продолжалъ Абакумовъ:—вмѣсто департамента опредѣлить его въ коммерческое училище?» [1]). «Нѣтъ,—отвѣчалъ дядя:—такъ просили родители».—«А! это другое дѣло»,—сказалъ Абакумовъ и, взявъ прошеніе, написалъ: «Опредѣлить въ число канцеляріи комитета писаремъ съ жалованьемъ на первый разъ по 120 рублей въ годъ и употребить по 6-му отдѣленію».

Другой случай, разсказанный моимъ отцемъ, еще интереснѣе. Разъ Абакумовъ вошелъ въ департаментъ и вдругъ остановился, замѣтивъ на полу нѣсколько чернильныхъ пятенъ. «Что!—заревѣлъ грозный генералъ:—да я всѣхъ чиновниковъ въ яму посажу, писарей на смерть розгами и шпицрутенами заколочу, камня на камнѣ здѣсь не оставлю», и т. п. Отецъ говорилъ, что послѣ этой сцены онъ никогда не могъ видѣть безъ тяжелаго впечатлѣнія

---

[1]) Отцу моему при опредѣленіи на службу шелъ всего 13-й годъ, и онъ даже по поступленіи на службу продолжалъ учиться въ сенатскомъ межевомъ училищѣ. Въ коммерческое училище въ то время было невыгодно опредѣлять дѣтей потому, что получившіе тамъ на казенный счетъ образованіе молодые люди обязаны были прослужить 10 лѣтъ въ томъ департаментѣ, на средства котораго воспитывались.

зеленаго зонтика на глазахъ кого бы то ни было: до того грозно трясся этотъ зонтикъ на страшномъ, сморщенномъ челѣ Абакумова...

Злобный характеръ «чуда свѣта» лучше всего выразился въ слѣдующемъ поступкѣ его. Абакумовъ розыскалъ старика солдата, бывшаго его дядькою при опредѣленіи въ военную службу, перевелъ его, безъ желанія старика, въ провіантскій департаментъ служителемъ и опредѣлилъ къ должности такой, какой, кажется, нигдѣ не бывало: старикъ долженъ былъ прислуживать «генералу», когда онъ отлучался за ширмы... Это была месть Абакумова за колотушки и дранье за волосы, когда онъ былъ мальчишкой и подъ началомъ помянутаго выше служителя. Будучи человѣкомъ холостымъ, Абакумовъ не отличался нравственностью и, хотя о немъ не говорили, что онъ пьетъ, но поступки его были очень странны до того, что всѣ принимали его за ненормальнаго человѣка. Что сказать, напримѣръ, о пріемѣ въ одинъ прекрасный день Абакумовымъ смотрителей петербургскихъ провіантскихъ магазиновъ. Собравъ ихъ по поводу какого-то недоразумѣнія, Абакумовъ заставилъ ихъ прождать чуть не полсутокъ и затѣмъ, выйдя изъ кабинета, грозно спросилъ: «У которой изъ собравшихся здѣсь шельмъ нѣтъ достаточнаго числа кулей?». Смотрители, испуганные этимъ, конечно, отреклись. «То-то!»—закричалъ Абакумовъ и, показавъ кулакъ, удалился... Другой разъ Абакумовъ напалъ на одного провіантскаго чиновника, который никакъ не могъ заготовить назначенное количество воловъ; это случилось во время турецкой войны 1828—1829 гг. Рѣчь генерала была необыкновенна: «Роди, сейчасъ роди воловъ!—кричалъ Абакумовъ:—не то тебя самого велю обратить въ солонину».

Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Изъ записокъ покойнаго отца моего видно, что Абакумовскіе подчиненные были достойны своего начальника. «Сходясь,—говоритъ мой отецъ,—они начнутъ разговаривать о такихъ дѣйствіяхъ, происшествіяхъ и развратахъ, которые приносили справедливое омерзѣніе къ повѣствователямъ оныхъ». Одинъ изъ такихъ «чиновниковъ» разъ схватилъ ни за что, ни про что отца за грудь, и когда отецъ попробовалъ возразить, чиновникъ хотѣлъ его убить и, вѣроятно, исполнилъ бы свое звѣрское намѣреніе, если бы не заступились добрые люди...

Грустная страничка изъ нравовъ сравнительно недавняго прошлаго!

Н. Ширяевъ.

ТОРЖЕСТВО ПО НЕДОРАЗУМѢНІЮ.

Семь разъ примѣрь, да одинъ отрѣжь.
Русская пословица.

I.

КОЛО ПОЛУДНЯ 15-го мая 1591 года, угличане услышали «въ городѣ у Спаса» колокольный звонъ. Звонилъ Максимко Дмитріевъ сынъ Кузнецовъ. Скоро на колокольню явились еще два человѣка: пономарь, вдовый попъ Ѳедотъ, прозваніемъ Огурецъ, и стряпчій Суббота Протопоповъ. Послѣдній «ударилъ Огурца въ шею и велѣлъ ему сильно звонити». Загудѣвшій набатъ возвѣщалъ угличанамъ смерть царевича Димитрія, послѣдняго отпрыска угасавшей царской династіи. Мы знаемъ послѣдствія этого набата: разъяренные угличане убили нѣсколькихъ человѣкъ, обвиненныхъ въ смерти царевича, выражая этимъ свою преданность царствующему дому. Но черезъ нѣсколько дней пріѣхала слѣдственная коммиссія изъ Москвы, установила фактъ самоубійства Димитрія, и такимъ образомъ угличане, еще за два дня передъ тѣмъ вѣрные слуги престола, обратились внезапно въ мятежниковъ и убійцъ. Не замедлила послѣдовать жестокая кара: многимъ жителямъ Углича отрубили головы, другихъ утопили, третьимъ отрѣзали языки, а остальное населеніе Углича сослали въ Сибирскую тундру и населили тамъ ими новопостроенный городъ Пелымъ [1]). Такъ были наказаны

---

[1]) Подробности этого событія можно найти въ статьѣ В. Боцяновскаго: «Кто убилъ царевича Димитрія» («Ист. Вѣстн.», 1891 г., май).

живые участники преступленія, но не былъ пощаженъ и колоколъ, въ который били набатъ Кузнецовъ и Огурецъ: ему было отсѣчено ухо, затѣмъ его сослали тоже въ Сибирь, въ Тобольскъ, гдѣ онъ висѣлъ нѣкоторое время въ церкви «Всемилостиваго Спаса, что на Торгу» [1]). Здѣсь онъ употреблялся при пожарахъ, какъ набатный. Затѣмъ почему-то онъ былъ перемѣщенъ на соборную Софійскую колокольню, гдѣ, помимо набата, онъ еще отбивалъ часы, почему и получилъ названіе «часобитнаго». Но еще прочнѣе утвердилась за нимъ кличка «корноухаго», указывающая на потерю одного уха. Потомъ его помѣстили въ число зазвонныхъ на той же колокольнѣ, гдѣ онъ и оставался до 1836 года, когда былъ «спущенъ съ соборной колокольни и повѣшенъ при Архіерейской Крестовой церкви и съ сего времени началъ быть при сей церкви благовѣстнымъ» [2]). Говорятъ, что одной изъ цѣлей этого послѣдняго перемѣщенія угличскаго колокола было желаніе тогдашняго архіепископа тобольскаго Аѳанасія показать эту достопримѣчательность путешествовавшему въ это время по Сибири наслѣднику цесаревичу, нынѣ въ Бозѣ почивающему императору Александру II, который въ 1837 г. имѣлъ быть и въ Тобольскѣ. Осмотра этого не состоялось, но колоколъ, всетаки, нѣкоторое время оставался благовѣстнымъ при Крестовой церкви [3]). Наконецъ, по распоряженію тобольскаго губернатора Вл. Александр. Тройницкаго, который призналъ колоколъ собственностью города Тобольска, онъ былъ взятъ съ колокольни тобольскаго архіерейскаго дома и помѣщенъ въ мѣстный историческій музей, а на колокольнѣ архіерейскаго дома, вмѣсто взятаго колокола, повѣшенъ такого же вѣса и достоинства новый колоколъ, пріобрѣтенный на средства музея [4]). Но и въ музеѣ недолго отдохнулъ «корноухій»: угличане заявили на него свои права и добились въ концѣ концовъ разрѣшенія перевезти его назадъ въ Угличъ.

Что касается до внѣшности знаменитаго колокола, то вотъ данныя, которыя мы извлекаемъ главнымъ образомъ изъ статьи о.

---

[1]) Объ этой ссылкѣ имѣется много извѣстій. Вотъ, напримѣръ, что сказано въ Угличской лѣтописи: «Колоколъ (соборной), благовѣстной, большой, сосланъ послѣ убіенія благовѣрнаго царевича Димитрія въ ссылку въ Тобольскъ Борисомъ Годуновымъ, для того что, когда заклали убійцы его, царевича, то въ него въ тотъ часъ нѣкій, усмотрѣвъ сіе убійство, началъ зычно и необычно звонити и народъ въ городъ сзывать; и на тотъ тогда горегорькій гласъ гражданъ множество сошлося и убійцъ Борисовыхъ изымаша и каменіемъ побиша». А вотъ, какъ будто въ отвѣтъ Угличу, голосъ Сибири: «Въ 1593 году присланъ былъ въ Тобольскъ въ ссылку колоколъ безъ уха, въ который били въ набатъ, какъ Димитрію царевичу на Угличѣ сдѣлалось убіеніе; нынѣ же на Софійской колокольнѣ набатной». (См. «Моск. Вѣд.», 1854 г., № 98).

[2]) «Записки отдѣл. русск. и слав. археол. имп. археол. общества», т. I, отд. 4, стр. 13.

[3]) «Тобольскія Губ. Вѣд.», 1868 г., № 10 (статья Ал. Сулоцкаго).

[4]) «Ярославскія Епарх. Вѣд.», 1892 г., №№ 23—24.

Ал. Сулоцкаго, цитированной уже выше, и о которой намъ еще придется говорить. Вѣсу въ колоколѣ 19 пудовъ 20 фунтовъ, вышина колокола до ушей равна 1 аршину, высота ушей 1/4 аршина, толщина 1 1/2 вершка, окружность по нижнимъ краямъ 3 3/4 аршина. По краямъ колокола вырѣзана (а не вылита) надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія, въ 1593 году присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку въ градъ Тобольскъ къ церкви Всемилостиваго Спаса, что̀ на Торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитной». Складъ надписи и форма буквъ новѣйшаго времени. Недавнее происхожденіе надписи обнаруживается также и тѣмъ, что цвѣтъ мѣди въ вырѣзанныхъ буквахъ гораздо свѣтлѣе остальной поверхности колокола.

Эту главу мы закончимъ упоминаніемъ о снимкахъ съ угличскаго колокола. Намъ извѣстно три снимка: одинъ приложенъ къ статьѣ Серебрянникова, помѣщенной въ «Иллюстраціи» 1860 г., № 116. Этотъ рисунокъ неотчетливъ, такъ какъ самый колоколъ изображенъ на немъ въ слишкомъ маломъ видѣ. Гораздо яснѣе и лучше изображеніе угличскаго колокола въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 г., № 10, гдѣ оно приложено къ статьѣ М. И. Пыляева «Историческіе колокола». Наконецъ, послѣдній снимокъ представляетъ библіографическую рѣдкость. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ всего одинъ экземпляръ его, находящійся въ Красноярскѣ въ библіотекѣ Геннадія Васильевича Юдина, извѣстнаго сибирскаго мецената. Это отдѣльный листокъ, изданный въ Екатеринбургѣ, б. 8°, и представляющій фотографическій снимокъ ссыльнаго колокола, сдѣланный Ф. С. Ляхмайеромъ [1]). Сверхъ того, тѣмъ же Ф. С. Ляхмайеромъ пожертвованъ въ Тобольскій губернскій музей сдѣланный имъ въ 1887 г. изъ папье-маше точный слѣпокъ съ угличскаго колокола, за который Ляхмайеръ получилъ медаль на Сибирско-уральской научно-промышленной выставкѣ [2]).

Вотъ описаніе ссыльнаго угличскаго колокола и его исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь признается истинной. И она дѣйствительно истинна, только въ ней пропущенъ одинъ фактъ, который значительно сбавляетъ цѣнность этого колокола, какъ исторической достопримѣчательности. Но этотъ фактъ мы сообщимъ впослѣдствіи, а теперь разскажемъ, какъ угличане хотѣли возвратить невинно-пострадавшій колоколъ на родину, и что изъ этого вышло.

---

[1]) За сообщеніе свѣдѣній объ этомъ послѣднемъ снимкѣ приносимъ искреннюю благодарность извѣстному библіографу В. И. Межову.

[2]) См. «Протоколъ засѣданія общаго годичнаго собранія комитета Тобольскаго губернскаго музея 2 февраля 1892 г.» (Приложеніе къ № 19 «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1892 г.).

II.

Уже съ начала XVII вѣка убіеніе царевича Димитрія стало фактомъ, признаннымъ правительствомъ и освященнымъ церковью. Въ виду этого, измѣнилась и точка зрѣнія на расправу угличанъ съ убійцами Димитрія: эта расправа опять стала выраженіемъ патріотизма и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не заслуживала того возмездія, которому подверглись ея участники. Это соображеніе утвердилось въ сознаніи угличанъ, и въ 1849 году они пожелали какимъ нибудь внѣшнимъ образомъ ознаменовать незаслуженность позора, которому два съ половиной вѣка тому назадъ подвергся ихъ городъ. Именно, они пожелали возвратить въ свой Угличъ «корноухій» колоколъ, который оставался до сихъ поръ единственной уцѣлѣвшей жертвой Борисовой мести. И вотъ угличане подали объ этомъ просьбу министру внутреннихъ дѣлъ. Просьба была доложена императору Николаю, который отвѣтилъ на нее слѣдующимъ приказаніемъ: «Удостовѣрясь предварительно въ справедливости существованія означеннаго колокола въ Тобольскѣ, и по сношеніи съ г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, просьбу сію удовлетворить». Дѣло поступило въ синодъ, гдѣ нашли необходимымъ снестись по этому поводу съ тобольскимъ архіепископомъ Георгіемъ. Преосвященный Георгій сообщилъ, что въ епархіальномъ его городѣ дѣйствительно есть колоколъ съ отсѣченнымъ ухомъ, слывущій угличскимъ, и что на этомъ колоколѣ есть надпись, приведенная нами выше. «Сверхъ того, — писалъ преосвященный,—о присылкѣ изъ Углича въ Тобольскъ колокола говорится въ «Краткомъ показаніи о сибирскихъ воеводахъ». Очевидно, эти скудныя данныя показались въ синодѣ недостаточными, и, по предложенію исправлявшаго тогда должность оберъ-прокурора тайнаго совѣтника Карасевскаго, было предписано ярославской духовной консисторіи «собрать самовѣрнѣйшія свѣдѣнія о томъ, не извѣстно ли епархіальному начальству, или же духовенству города Углича, чего либо положительнаго о томъ колоколѣ, о возвращеніи коего изъ Тобольска просятъ угличскіе граждане». Въ ярославской консисторіи къ дѣлу отнеслись усерднѣе и немедленно распорядились разспросить мѣстное духовенство относительно колокола. Пробовали даже въ архивахъ и въ исторической литературѣ отыскать какія нибудь основанія для своихъ притязаній. Но, не смотря на всѣ старанія, результаты получились вотъ какіе: духовенство подтвердило только, что дѣйствительно въ Угличѣ есть преданіе о ссылкѣ колокола, въ архивахъ же ничего относящагося къ дѣлу не оказалось, а въ исторической литературѣ нашли три указанія на ссылку колокола—въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», у Карамзина и въ «Памятникахъ Мо-

сковскихъ Древностей» Снегирева, причемъ два послѣднихъ передавали слухъ о томъ, что колоколъ сохранился и доселѣ. Итакъ, справки, наведенныя святѣйшимъ синодомъ, выяснили, что ссылка колокола изъ Углича въ Тобольскъ можетъ считаться несомнѣннымъ фактомъ, но тождественность сосланнаго колокола съ находящимся нынѣ въ Тобольскѣ подтверждается только слухомъ да надписью новѣйшаго происхожденія, слѣдовательно, тоже основанной на слухѣ. Шаткость этихъ данныхъ дошла до maximum'а, когда въ литературѣ появился другой слухъ о томъ, что настоящій угличскій колоколъ разбился, а нынѣ существующій — позднѣйшаго литья. На этомъ слухѣ мы подробнѣе остановимся ниже, а теперь только замѣтимъ, что онъ роковымъ образомъ повліялъ на окончательную резолюцію синода по поводу просьбы угличанъ. Именно, «святѣйшій синодъ, разсмотрѣвъ доставленныя ему свѣдѣнія, нашелъ ихъ неудовлетворительными, не доказывающими, по его мнѣнію, что находящійся въ настоящее время въ Тобольскѣ колоколъ есть дѣйствительно угличскій», и, принявъ къ свѣдѣнію помѣщенную въ № 5 «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1850 года статью, въ которой былъ сообщенъ приведенный нами выше слухъ, положилъ 11-го мая 1851 года слѣдующую резолюцію: «собранными свѣдѣніями не подтверждается мысль, что сей колоколъ есть тотъ самый, которымъ возвѣщено убіеніе святаго царевича Димитрія, и, вѣроятно, мысль сія уже поколеблена въ понятіяхъ самихъ угличскихъ жителей извѣстіемъ, напечатаннымъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1850 г., № 5-й, на каковой конецъ и передать въ канцелярію г. оберъ-прокурора выписку изъ сего опредѣленія». Такимъ образомъ, первая попытка угличанъ возвратить свой колоколъ изъ Тобольска окончилась неудачей. Одной изъ причинъ этой неудачи являлась статья «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ «Вѣдомостяхъ» эта статья была перепечатана изъ «Москвитянина» за 1849 годъ, № 9, статья же «Москвитянина», въ свою очередь, представляетъ распространенную передѣлку замѣтки, помѣщенной тѣмъ же авторомъ — священникомъ Александромъ Сулоцкимъ, въ «Маякѣ» 1845 года, № 11. Тутъ, между прочимъ, сказано: «да есть слухъ, что и самый колоколъ (угличскій корноухій) не настоящій: угличскій когда-то и по какому-то поводу разбился, его перелили, но ухо отсѣкли и у вновь перелитаго для того, что такъ было и у его первообраза» [1]). Такъ какъ не было никакихъ данныхъ для опроверженія слуха, сообщеннаго отцомъ Сулоцкимъ, то онъ былъ принятъ святѣйшимъ синодомъ за истину и оставался незаподозрѣннымъ до 1854 года, когда въ литературномъ отдѣлѣ, № 98,

[1]) «Москвитянинъ» 1849 года, № 9, стр. 12 (статья: «Замѣчательные по Сибири колокола»).

«Московскихъ Вѣдомостей» появилась статья подъ заглавіемъ: «Ссыльный угличскій колоколъ въ Тобольскѣ». Статья эта написана въ Угличѣ нѣкіимъ Василіемъ Серебрянниковымъ и носитъ на себѣ явные слѣды негодованія, которымъ, очевидно, прониклись угличане противъ отца Сулоцкаго, виновника неудачи, понесенной ихъ просьбой въ святѣйшемъ синодѣ. Но это вполнѣ понятное негодованіе очень дурно повліяло на вѣскость аргументовъ г. Серебрянникова: для хладнокровнаго читателя они совершенно неубѣдительны. Впрочемъ вотъ они: 1) свѣдѣнія о перемѣщеніяхъ колокола съ одной колокольни на другую показываютъ, что тобольскіе жители считаютъ колоколъ достопримѣчательнымъ памятникомъ; 2) то же воззрѣніе тоболяковъ на колоколъ подтверждается и надписью, вырѣзанной на немъ, ибо,—замѣчаетъ вполнѣ резонно г. Серебрянниковъ, — «несообразность помѣщенія подобной надписи на колоколѣ неподлинномъ видна сама собой». 3) Тобольскій архіепископъ Аѳанасій думалъ показать этотъ колоколъ въ 1837 году путешествовавшему тогда по Сибири наслѣднику цесаревичу, нынѣ въ Бозѣ почившему государю императору Александру II. 4) Въ 1851 году въ отдѣленіе русской и славянской археологіи императорскаго археологическаго общества г. Абрамовымъ, между прочимъ, доставлено подробное описаніе ссыльнаго колокола, причемъ ни словомъ не упомянуто про слухъ, сообщенный отцемъ Сулоцкимъ. 5) Заподозрѣнный колоколъ — корноухій, какъ и сосланный изъ Углича, и по этому поводу тобольскіе жители говорятъ, что колоколъ сѣченъ кнутомъ и что у него рваныя ноздри. Вотъ и всѣ доводы г. Вас. Серебрянникова [1]). На нашъ взглядъ они доказываютъ только то, что не всѣмъ жителямъ города Тобольска извѣстенъ слухъ, сообщенный отцемъ Сулоцкимъ, и что многіе изъ нихъ совершенно убѣждены въ тождественности теперешняго колокола съ сосланнымъ Годуновымъ. А это еще не доказательство, какъ замѣтилъ отецъ Сулоцкій, отвѣчая на статью «Московскихъ Вѣдомостей»: «армяне не 260 лѣтъ, а не одно уже тысячелѣтіе другихъ увѣряютъ и сами вѣрятъ, будто ковчегъ Ноевъ до сихъ поръ на Араратѣ существуетъ цѣлъ; но вѣрно ли это? (Нѣкоторые ученые всходили на Араратъ, но ковчега никто изъ нихъ тамъ не находилъ). Жители итальянскаго городка Лоретто уже много столѣтій отъ души вѣрятъ, что извѣстный кирпичный домикъ есть тотъ самый, въ которомъ обитала въ Назаретѣ Пресвятая Дѣва Марія; но справедливо ли это? (Въ Назаретѣ и вообще въ Палестинѣ изъ кирпичей построекъ не производилось)» [2]). Но, находя доводы г. Серебрянникова совер-

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1854 года, № 98, стр. 414.

[2]) «Тобольскія Губернскія Вѣдомости», 1858 года, № 10, часть неоффиціальная, стр. 226. Впослѣдствіи отецъ Сулоцкій окончательно обработалъ свои

шенно справедливо бездоказательными, отецъ Сулоцкій, всетаки, отказывается признать истиннымъ и тотъ слухъ, который прежде онъ самъ распространилъ. Толки о томъ, что ссыльный угличскій колоколъ перелитъ,—неосновательны, по его мнѣнію, въ виду слѣдующихъ соображеній. Эти толки указываютъ два года, въ которые могла произойти переливка колокола: или онъ разбился на пути изъ Углича въ Тобольскъ, или же онъ расплавился во время большаго тобольскаго пожара 1788 года [1]). Но, если бы колоколъ разбился при перевозкѣ, то объ этомъ необходимо упомянули бы сибирскія лѣтописи, сообщающія о прибытіи колокола въ Тобольскъ. Но лѣтописи объ этомъ молчатъ. Новозможно также, чтобы колоколъ расплавился и въ 1788 году. Какъ доказываетъ отецъ Сулоцкій, надпись на колоколѣ относится къ этому же времени. Если это такъ, то странно, почему она вырѣзана, а не вылита, какъ это обыкновенно дѣлалось. Но допустимъ, что и это могло случиться. Однако, тогда «цвѣтъ поверхности колокола и цвѣтъ буквъ вырѣзанной на немъ надписи были бы совершенно одинаковы; а этого-то именно и нѣтъ; цвѣтъ поверхности колокола сѣрый или сѣроватый, какой обыкновенно бываетъ у старыхъ, давно литыхъ колоколовъ, а цвѣтъ буквъ надписи свѣтлѣе, новѣе». Выходитъ, что надпись гораздо моложе колокола, а надпись, несомнѣнно, конца XVIII вѣка [2]). Слѣдовательно, не могъ быть перелитъ угличскій колоколъ и во вторую эпоху, даваемую преданіемъ. Отсюда, по мнѣнію отца Сулоцкаго, можно вывести только одно, а именно, что преданіе совершенно невѣрно, и что нынѣшній колоколъ есть несомнѣнный и подлинный ссыльный колоколъ. А, по нашему мнѣнію, можно вывести и другое, а именно, что колоколъ не переливался ни въ концѣ XVI вѣка, ни въ концѣ XVIII, но кто поручится, что преданіе, сохранивъ фактъ переливки колокола, забыло время этого факта, и что колоколъ могъ быть перелитъ въ другіе года? Но объ этомъ намъ придется говорить ниже, а теперь мы доскажемъ исторію полемики объ угличскомъ ссыльномъ колоколѣ. Итакъ, отецъ Сулоцкій самъ опровергъ слухъ о переливкѣ колокола, самъ призналъ его неосновательность. Результатомъ этого оказалась полная увѣренность въ подлинности колокола, съ торжествомъ заявленная г. Вас. Серебрянниковымъ въ «Иллюстраціи» 1860 года, № 116.

статьи о сибирскихъ колоколахъ, и эта обработка была напечатана въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностой россійскихъ», 1871 года, № 1.

[1]) Эти даты сообщены также отцомъ Сулоцкимъ въ 1852 году въ «Описаніи Тобольскаго Софійскаго собора», стр. 73.

[2]) Пространныхъ доказательствъ этого мы не приводимъ за недостаткомъ мѣста. Но если кто пожелаетъ провѣрить наши слова, то мы направляемъ его къ статьѣ отца Сулоцкаго въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», указанной выше.

Къ торжеству г. Серебрянникова присоединились и угличане, перепечатавъ его статью въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1860 г., въ №№ 9 и 10. Спрашивается, отчего же въ такомъ случаѣ не позволили угличанамъ возвратить въ родной городъ свое достояніе, свой опозоренный колоколъ. Угличанамъ стало горько, и выразителемъ этой горечи явился г. Хархоринъ со своей статьей «Ссыльный угличскій колоколъ», напечатанной въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1869 годъ, въ № 19. Въ этой статьѣ онъ излагаетъ дѣло о перевозкѣ колокола изъ Тобольска въ Угличъ и затѣмъ полемику Сулоцкаго съ Серебрянниковымъ. Каждая строчка этой статьи такъ и дышитъ укоризной по адресу отца Сулоцкаго, который пустилъ ложный слухъ, испортилъ этимъ угличанамъ все дѣло, а потомъ уже, когда все покончено, сознался въ своей неправотѣ.

III.

Въ 1891 году 15-го мая исполнилось трехсотлѣтіе со дня убіенія св. царевича Димитрія, и угличане хотѣли торжественно отпраздновать этотъ приснопамятный день. Между прочими проектами чествованія этого дня, появился опять на сцену и проектъ возвращенія ссыльнаго угличскаго колокола назадъ, на родину. Эта мысль пришла въ голову еще въ 1887 г. угличскому мѣщанину и петербургскому купцу Леониду Ѳедоровичу Соловьеву. Вотъ онъ и собралъ 11-го января слѣдующаго года всѣхъ угличанъ, проживающихъ въ Петербургѣ [1]), сообщилъ имъ свою мысль и, заручившись ихъ содѣйствіемъ, попросилъ у угличской городской думы полномочія для веденія этого дѣла. 24-марта полномочіе было получено, а 18-го апрѣля Соловьевъ уже подалъ просьбу на высочайшее имя о разрѣшеніи вернуть ссыльный колоколъ въ Угличъ [2]). Тѣмъ временемъ слухи о предпріятіи Соловьева достигли Сибири и произвели тамъ нѣкоторый переполохъ. Тобольску стало обидно, что у него хотятъ отнять «достопримѣчательность», и вотъ одинъ изъ мѣстныхъ патріотовъ, нѣкто г. Голодниковъ (редакторъ неоффиціальнаго отдѣла «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»), написалъ протестующую противъ проекта Соловьева замѣтку, въ которой, между прочимъ, говоритъ: «больно было бы намъ, тоболякамъ, привыкшимъ уже втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ считать угличскій колоколъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, лишиться его безвозвратно. Дозволяемъ даже себѣ думать, что съ потерею его нашъ древній городъ, и безъ того уже значительно стушевавшійся въ сферѣ экономическаго быта, потеряетъ еще болѣе своего значе-

[1]) «Свѣтъ», 1888 г., № 7.

[2]) «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости», 1892 г., № 23.

нія. Но Богъ милостивъ, будемъ надѣяться, что съ помощію Его и разсѣется грядущая на насъ туча» [1]). Вотъ какъ испугались тоболяки: возьмутъ де у насъ колоколъ, и тогда весь нашъ городъ пропадетъ. Даже Богу молиться стали! Курьезныя вещи попадаются иногда въ нашей провинціальной прессѣ. Впрочемъ, къ чести города Тобольска, не всѣ тоболяки полагаютъ, что ихъ родной градъ на одномъ ссыльномъ колоколѣ держится. Не можемъ удержаться отъ того, чтобы не привести хоть отрывка изъ замѣтки другаго жителя Тобольска, скрывшаго свое имя. Отвѣчая г. Голодникову, онъ, между прочимъ, спрашиваетъ: «Какую роль игралъ этотъ «поселенецъ» въ нашей жизни?» И немного далѣе отвѣчаетъ: «Бывало, пріѣдетъ кто нибудь изъ Россіи и первымъ дѣломъ на Софійскую колокольню! Подойдетъ къ «корноухому», треснетъ его пальцемъ въ перчаткѣ и съ сознаніемъ собственной безупречности произнесетъ: «что, негодяй, не умѣлъ молчать, когда того требовалъ «духъ времени»,—вотъ и виси!» Въ эти минуты «корноухій» издавалъ какіе-то странные звуки: въ нихъ слышалось не то сожалѣніе о родинѣ, гдѣ ему отрубили ухо, не то привѣтъ счастливцу, который умѣлъ молчать во всякое время... Теперь думаютъ возвратить «корноухаго» на родину. Съ Богомъ! Пусть хоть на старости лѣтъ повидаетъ родныя мѣста! Зачѣмъ намъ это безухое, мѣдное существо, съ клеймомъ на лбу, гдѣ ясно обозначено его преступленіе? Какъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, что было возможно на Руси въ 1593 году, «корноухій» въ Тобольскѣ совершенно не кстати. Мы вѣдь не занимаемся историческими параллелями для опредѣленія мѣропріятій въ «духѣ времени», и для насъ безразлично, какъ отнесутся къ намъ историки въ слѣдующемъ вѣкѣ. Какъ внушительный примѣръ возмездія за неумѣнье попасть въ тонъ Никиткѣ Качалову и Данилкѣ Битяговскому, онъ тѣмъ болѣе не на мѣстѣ. Чего другаго, а умѣнья «прислушиваться», «вникать», «сообразоваться» у насъ всегда было и есть достаточно... Въ Россіи «карноухій» будетъ полезенъ. Тамъ совершаютъ судьбы, тамъ и строптивые водятся... Словомъ, отъѣздъ угличскаго колокола не вызоветъ никакихъ бѣдствій для Тобольска... А тоболяки, въ лицѣ г. Голодникова, плачутъ, увѣряя, что «корноухій»—основа нашего благополучія: увезутъ—и Тобольскъ разорится въ конецъ!!!» [2]). Вотъ какъ смотрѣла на это дѣло лучшая, разумнѣйшая часть тоболяковъ. Но удивительное дѣло — въ этой полемикѣ совершенно не задѣтъ вопросъ о подлинности спорнаго колокола. Очевидно, повинная о. Сулоцкаго была еще всѣмъ памятна. Итакъ, тоболяки раздѣлились на два лагеря въ вопросѣ о ссыльномъ колоколѣ. Но тобольскія власти стали на сторону г. Го-

---

[1]) «Тобольскія Губернскія Вѣдомости», 1888 г., № 5.

[2]) «Сибирская Газета», 1888 г., № 43.

лодникова и старались всячески помѣшать Соловьеву въ его предпріятіи. Однако г. Соловьевъ, собравъ различныя лѣтописи, записи и всякія историческія свѣдѣнія о колоколѣ, сумѣлъ ихъ такъ хорошо сгруппировать, что святѣйшій синодъ, въ который уже успѣло поступить дѣло, сталъ на сторону угличанъ, а послѣ всеподданѣйшаго доклада и. д. синодальнаго оберъ-прокурора тайнаго совѣтника Н. П. Смирнова (19-го марта 1891 года), государь императоръ окончательно разрѣшилъ угличанамъ взять свой безвинно-пострадавшій колоколъ обратно въ Угличъ [1]) (19-го апрѣля 1891 г.). Указъ объ этомъ разрѣшеніи пришелъ высокопреосвященнѣйшему Іонаѳану, архіепископу ярославскому и ростовскому, лишь 13-го сентября, такъ что возвращеніе колокола, въ виду поздней осени, было отложено до навигаціи слѣдующаго года. Дѣйствительно, съ первыми же пароходами нынѣшняго года уполномоченные угличской городской думы купцы Жареновъ, Истоминъ и Кашиновъ отправились въ Тобольскъ, 2-го мая прибыли туда, вручили комитету Тобольскаго музея 600 рублей, которые музей потратилъ на пріобрѣтеніе колокола изъ архіерейской церкви, получили колоколъ и въ тотъ же день обратно отправились въ Угличъ со своимъ достопримѣчательнымъ грузомъ [2]). Прибытіе колокола въ Угличъ было отпраздновано самымъ торжественнымъ образомъ. Торжество было въ полномъ смыслѣ слова всенародное, такъ какъ и простой народъ, по словамъ очевидца, былъ несказанно обрадованъ возвращеніемъ «корноухаго». «Граждане глубоко внимали (звукамъ привезеннаго колокола), не обращая ни на что другое своего слуха: кто молился за пострадавшихъ предковъ, за процвѣтаніе многострадавшаго и униженнаго града, кто стоялъ, понуривъ голову, кто вздыхалъ, а кто и тихо плакалъ. Духовенство возвратилось въ соборъ. Народное чувство продолжало выражаться: граждане сами подходили подъ колоколъ и подносили своихъ дѣтей, гладили его руками, прикладывали къ нему свои головы, крестились при взглядѣ на него, любовались имъ и долго, долго не расходились» [3]). Думаютъ помѣстить колоколъ въ реставрированномъ дворцѣ царевича Димитрія.

Итакъ, угличане добились осуществленія своей давней завѣтной мечты: невинно потерпѣвшій «корноухій» опять возвратился, и притомъ возвратился съ торжествомъ въ родной Угличъ, изъ котораго три вѣка тому назадъ былъ съ позоромъ и надругаміями сосланъ въ далекую Сибирь.

Однако, какъ ни жаль, а приходится разрушить иллюзію угличанъ. Они сдѣлались жертвами крайне печальнаго недоразумѣнія.

---

[1]) «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости», 1892 г., № 23.
[2]) «Тобольскія Губернскія Вѣд.», 1892 г., № 20.
[3]) «Ярославскія Епархіальныя Вѣд.», 1892 г., № 23.

IV.

Въ № 1 «Сѣвернаго Архива» за 1826 годъ (томъ XIX) напечатанъ, между прочимъ, «Сибирскій лѣтописецъ» по списку, доставленному въ редакцію В. Н. Берхомъ. Въ настоящемъ году лѣтописецъ былъ переизданъ въ видѣ отдѣльной брошюры Е. В. Кузнецовымъ. Вотъ въ этомъ-то «Сибирскомъ лѣтописцѣ» и находится упомянутый нами еще въ первой главѣ фактъ, который составляетъ важное событіе въ исторіи ссыльнаго угличскаго колокола, но который до нынѣшняго года оставался совершенно неизвѣстнымъ для лицъ, интересовавшихся судьбой знаменитаго «корноухаго» [1]). Но прежде чѣмъ сообщить этотъ фактъ, мы считаемъ необходимымъ опредѣлить степень достовѣрности «Сибирскаго лѣтописца» вообще, потому что мы только тогда можемъ опереться на какое нибудь свидѣтельство, когда оно почерпнуто изъ вполнѣ достовѣрнаго источника. Къ счастію, надъ этимъ намъ не придется долго останавливаться, такъ какъ оцѣнка «Сибирскаго лѣтописца» уже произведена однимъ изъ знатоковъ сибирской исторіи, г. Оксеновымъ [2]). По его мнѣнію, составленіе «Сибирскаго лѣтописца» необходимо приписать какому нибудь жителю города Тобольска, такъ какъ большая часть его извѣстій относится къ этому городу, и притомъ извѣстія эти за послѣдніе годы лѣтописца приводятся иногда съ такими подробными чертами, которыя могутъ быть доступны только мѣстному жителю. Напримѣръ, въ извѣстіяхъ о пожарахъ авторъ указываетъ точно всѣ главныя сгорѣвшія зданія, улицу, мѣстность города, не приводя иногда даже названія Тобольска, такъ какъ авторъ и не думаетъ, что въ его лѣтописцѣ можетъ идти рѣчь о какомъ либо другомъ городѣ. Принимая во вниманіе почеркъ рукописи лѣтописца, необходимо заключить, по словамъ Берха, что составленіе лѣтописца относится ко времени Петра Великаго. Источниками автору его служили, въ самомъ началѣ, такъ называемый «Новый лѣтописецъ», сочиненный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, затѣмъ какія нибудь мѣстныя Тобольскія записки, а за послѣднее время личныя наблюденія автора. Вотъ единственная, существующая въ литературѣ, оцѣнка «Сибирскаго лѣтописца».

Лѣтописецъ обнимаетъ время съ 1590 по 1715 годъ, то-есть 126 лѣтъ. Если судить по точности и подробности сообщеній, то придется признать, что разсказъ очевидца идетъ въ лѣтописцѣ приблизительно съ царствованія Ѳеодора Алексѣевича, то-есть событія послѣднихъ 40 лѣтъ воспроизведены въ разбираемомъ памятникѣ съ замѣчательной достовѣрностью. Возьмемъ теперь то, что записано въ «Сибирскомъ лѣтописцѣ» подъ 7185, то-есть 1677 годомъ. Изъ только что сказаннаго видно, что событія этого года сообщены уже очевидцемъ, слѣдовательно—достовѣрны. Достовѣрность еще увели-

---

[1]) Этотъ фактъ подчеркнутъ въ изданіи г. Кузнецова.

[2]) «Восточное Обозрѣніе» 1883 г., № 44, «Сибирскія лѣтописи», статья О—ва.

чивается въ виду того, что тутъ идетъ рѣчь объ одномъ изъ пожаровъ, которые вообще очень хорошо описаны въ лѣтописцѣ. Наконецъ, стоитъ только вглядѣться въ точность, съ которой изображено это происшествіе, чтобы окончательно убѣдиться въ его достовѣрности. Напримѣръ, кто, кромѣ очевидца, можетъ писать такъ: «Мая въ 29 день, въ 13 часу дня, судомъ праведнымъ Божіимъ, отъ молніи, отъ перваго ударенія громнаго, загорѣлся въ Тобольскѣ въ Знаменскомъ монастырѣ у церкви въ вверху, престолъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, и въ той же чети отъ другаго ударенія громнаго загорѣся на горѣ, у церкви Входа въ Іерусалимъ, что̀ за волю Воскресенія Христова, что на торговой площади, шатеръ съ восточной стороны, да у церкви же Живоначальныя Троицы, что̀ у гостиннаго двора, шатеръ же» [1]... Только очевидецъ можетъ сказать, отъ котораго удара и что̀ загорѣлось, только очевидецъ можетъ такъ точно указать часть зданія, съ которой начался пожаръ, только очевидецъ можетъ съ такой точностью и подробностью описывать положеніе каждаго зданія, о которомъ онъ упоминаетъ. Итакъ, несомнѣнно, что пожаръ 1677 года описанъ въ «Сибирскомъ лѣтописцѣ» совершенно правдиво и достовѣрно. И вотъ въ концѣ этого описанія мы читаемъ такія роковыя для угличанъ слова: «А на Соборной колокольнѣ большой колоколъ, что государское жалованье... и колоколъ литейной..., и колоколъ благовѣстной .... и колоколъ часобитной Углицкой, все раздалось и растопилось безъ остатку» [2].

Вотъ фактъ, пропущенный въ исторіи ссыльнаго угличскаго колокола. Въ 1677 году онъ погибъ во время страшнаго пожара, истребившаго чуть не весь Тобольскъ. Затѣмъ изъ кусковъ мѣди, найденныхъ среди обломковъ сгорѣвшихъ колоколенъ, были снова отлиты колокола, подобные расплавившимся, и вся послѣдующая исторія углицкаго колокола разсказываетъ судьбы уже не подлиннаго ссыльнаго «корноухаго», а его замѣстителя на соборной Софійской колокольнѣ. Правъ былъ слѣдовательно народный гласъ, правъ былъ и о. Сулоцкій, и напрасно послѣдній отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія. Напрасно и тоболяки печалились, напрасно угличане хлопотали, тратились и торжествовали, если въ концѣ концовъ вмѣсто своего невинно пострадавшаго колокола они получили колоколъ, отлитый уже въ Сибири изъ обломковъ «корноухаго». А, можетъ быть, даже и обломки-то совсѣмъ отъ другихъ колоколовъ! Жаль угличанъ, а дѣлать нечего: фактъ остается фактомъ. Ссыльный угличскій колоколъ погибъ, а въ Угличъ теперь возвращенъ совсѣмъ другой колоколъ позднѣйшаго литья.

С. Адріановъ.

---

[1]) «Сѣверный Архивъ» 1826 г., № 1, стр. 131—132; «Сибирскій лѣтописецъ» Е. В. Кузнецова, стр. 25.

[2]) «Сѣверный Архивъ, ibid., стр. 133; «Сибирскій лѣтописецъ», стр. 25.

ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ СКЕПТИКЪ.

ЛАВНУЮ, отличительную и наиболѣе характерную черту французскихъ писателей всегда составлялъ литературный блескъ. Поэтому и вѣчно спорный въ другихъ литературахъ вопросъ, кто первый писатель въ данное время, разрѣшался и разрѣшается французами очень легко и единогласно. Такъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія первымъ французскимъ писателемъ по общему приговору всѣхъ пишущихъ и читающихъ былъ Вольтеръ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія его мѣсто занялъ Шатобріанъ, а затѣмъ литературный вѣнецъ перешелъ къ Виктору Гюго, который сохранялъ его около пятидесяти лѣтъ; послѣ его смерти первымъ французскимъ писателемъ сдѣлался Ренанъ, а въ настоящую минуту не можетъ быть и спора относительно его преемника, и еслибъ въ день торжественныхъ похоронъ Ренана у провожавшихъ его представителей современной культуры спросили бы, кто же теперь первый французскій писатель, то раздался бы въ одинъ голосъ отвѣтъ—Тэнъ. Отчего же такіе разнородные и, повидимому, не имѣющіе ничего общаго писатели занимаютъ одинаково въ глазахъ своихъ соотечественниковъ первое мѣсто во главѣ французской литературы даннаго времени? По той простой причинѣ, что всѣ они отличаются въ высшей степени блескомъ литературнаго изложенія. Каждый изъ нихъ въ полномъ смыслѣ слова литераторъ, и естественно, что когда ставится вопросъ о присужденіи литературнаго вѣнца, то берутъ въ уваженіе только одно: кто въ данную минуту выше всѣхъ въ литературномъ отношеніи. Вотъ почему и стоятъ рядомъ въ каче-

ствѣ литературныхъ главарей Франціи: авторы «Философскаго словаря», «Генія христіанства», «Несчастныхъ» и «Жизни Іисуса»; вотъ почему на пьедесталѣ литературной славы Франціи за послѣднія сто лѣтъ мы видимъ рядомъ всеобъемлющій, ироническій умъ Вольтера, художественный, вѣрующій мистицизмъ Шатобріана, романтично-демократическую музу Виктора Гюго и жизнерадостную ученость Ренана. Каждый изъ нихъ расширилъ въ литературномъ отношеніи свою спеціальность и придалъ ей новый литературный блескъ; то, что сдѣлалъ Вольтеръ для философіи, Шатобріанъ для прозы и Викторъ Гюго для поэзіи, Ренанъ сдѣлалъ въ ученой и религіозной области. Силой своего литературнаго таланта и его поэтической художественностью, Ренанъ придалъ общій интересъ самымъ сухимъ спеціальнымъ наукамъ: филологіи и экзегетикѣ, внушилъ скептическому XIX вѣку вкусъ къ изученію религіозныхъ вопросовъ. Онъ болѣе чѣмъ кто либо изъ своихъ предшественниковъ заслуживаетъ названія перваго французскаго писателя своего времени, такъ какъ онъ не только былъ первымъ художникомъ пера, но въ немъ вполнѣ олицетворяется вторая половина XIX столѣтія, которой онъ придалъ особый оттѣнокъ. Если долго преобладающее во Франціи умственное настроеніе культурной среды справедливо называлось Вольтеріанскимъ, то оборотъ мыслей и теченіе современныхъ идей во Франціи можно вполнѣ назвать Ренановскими. Но въ этомъ отношеніи Ренана должно поставить даже выше Вольтера, такъ какъ во Франціи XVIII вѣкъ выражался тремя великими умами: Бейлемъ, Вольтеромъ и Руссо, а XIX до сихъ поръ имѣлъ въ философскомъ, религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ только одного выразителя Ренана, который соединялъ въ себѣ скептическую ученость перваго, ироническій умъ втораго и художественную религіозность третьяго. Къ этому можно прибавить, что Ренанъ, кромѣ того, соединялъ въ своихъ знаменитыхъ произведеніяхъ прозу Шатобріана съ поэзіей Виктора Гюго. Такимъ образомъ по разнообразію, широтѣ и вліянію своей литературной дѣятельности, Ренанъ вполнѣ заслуживаетъ занять первое мѣсто во главѣ французской литературы не только второй половины нашего вѣка, но и цѣлаго столѣтія, отдѣляющаго нѣкогда преобладающее Вольтеріанство отъ нынѣ господствующаго Ренанства. Судьбѣ угодно, чтобъ значеніе Ренана еще болѣе рельефно выставлялось его очевиднымъ преемникомъ въ качествѣ перваго писателя Франціи; нѣтъ сомнѣнія, что при общемъ упадкѣ литературы во Франціи за послѣднее время и съ точки зрѣнія чисто литературной, никто изъ современныхъ французскихъ авторовъ не имѣетъ болѣе правъ на литературный вѣнецъ, чѣмъ извѣстный психологическій историкъ и художественный эстетикъ Тэнъ, но если сравнить автора «Исторіи Англійской литературы» и «Исторіи происхожденія современной Франціи» съ творцемъ «Жизни

Іисуса» и «Исторіи происхожденія христіанства», если припомнить, что французская критика остроумно называетъ его «Шатобріаномъ, научившимся логикѣ», «Лоти, одареннымъ способностью мышленія», и «Огюстомъ Контомъ, умѣющимъ рисовать пейзажи», то становится яснымъ, почему вся Франція такъ горячо и единодушно оплакиваетъ потерю Ренана, бывшаго не только первымъ писателемъ своего времени, но и выразителемъ, если не создателемъ, французскаго міросозерцанія второй половины XIX вѣка.

Дѣйствительно, этотъ великій писатель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ учителемъ своего времени; въ послѣднемъ отношеніи его значеніе неизмѣримо выше, такъ какъ литература составляетъ только оболочку, а то, чему училъ Ренанъ словомъ и дѣломъ, своими произведеніями, рѣчами и примѣромъ, представляетъ всю суть Ренанства. Онъ самъ лучше всего опредѣлилъ эту суть въ нѣсколькихъ знаменитыхъ своихъ изреченіяхъ. «Я всегда любилъ правду,— говорилъ онъ въ 1886 г. на своей родинѣ Трегье,—я хочу, чтобъ на моей могилѣ написали «Veritatem dilexi». Да, я любилъ правду, я искалъ ее и слѣдовалъ за ней туда, куда она меня звала, не обращая вниманія на требуемыя ею тяжелыя жертвы. Повинуясь ея голосу, я разорвалъ самыя дорогія для меня узы. Я вполнѣ сознаю, что поступилъ хорошо». Въ концѣ своей удивительной автобіографіи, подъ названіемъ «Воспоминанія дѣтства и юности», онъ задолго до смерти написалъ свое философское и нравственное завѣщаніе. «Я прошу, — пишетъ онъ, — у добраго генія, который столько разъ руководилъ, наставлялъ и утѣшалъ меня, даровать мнѣ смерть тихую и внезапную, когда бы ни пришелъ мой часъ, рано или поздно. Стоики утверждали, что можно вести счастливую жизнь во внутренностяхъ фаларійскаго вола. Это уже слишкомъ. Страданія унижаютъ и ослабляютъ человѣка. Единственная смерть дѣйствительно благородная та, которая составляетъ не патологическую случайность, но намѣренный достойный конецъ въ глазахъ Предвѣчнаго. Смерть на полѣ битвы самая славная, но есть и другія также прекрасныя смерти. Если иногда я желалъ быть сенаторомъ, то лишь потому, что это званіе могло доставить мнѣ скорый случай быть убитымъ или разстрѣляннымъ, что̀ гораздо лучше, чѣмъ умереть послѣ долгой болѣзни, которая убиваетъ медленно и путемъ постепеннаго разложенія. Да будетъ воля Божія! Въ будущемъ я уже не могу многому научиться; я уже вижу теперь, что доступно человѣческому уму въ настоящій моментъ его развитія и на сколько онъ можетъ достичь правды. Я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ мнѣ пришлось пройти одинъ изъ тѣхъ періодовъ ослабленія силъ, когда человѣкъ, имѣвшій нѣкогда силу и добродѣтель, представляетъ только тѣнь того, чѣмъ онъ былъ прежде, и часто къ большой радости глупцовъ занимается уничтоженіемъ, воздвигнутаго съ такими усиліями, зданія всей своей жизни. Такая старость самый худшій

даръ, которымъ можетъ наградить человѣка Провидѣніе. Если такова будетъ моя судьба, то я впередъ протестую противъ всего, что можетъ сказать или подписать мой разложившійся мозгъ. Я хочу, чтобъ внимали и вѣрили Ренану, здравому умомъ и сердцемъ, какимъ я нахожусь въ настоящую минуту, а не Ренану, полууничтоженному смертью и не сознающему себя, какимъ я сдѣлаюсь, если буду постепенно разлагаться. Я заранѣе отрекаюсь отъ всего, что можетъ заставить меня произнести умственное оскудѣніе послѣдней минуты, отъ всѣхъ богохульствъ, которыя я могъ бы тогда высказать противъ Предвѣчнаго. Существованіе, которое мнѣ было дано безъ малѣйшей просьбы съ моей стороны, я считаю великимъ благомъ. Еслибъ мнѣ было предложено вновь пережить мою жизнь, то я согласился бы съ благодарностью. Вѣкъ, въ которомъ я жилъ, вѣроятно, не былъ самымъ великимъ вѣкомъ, но, безъ сомнѣнія, его будутъ считать самымъ любопытнымъ и забавнымъ изъ всѣхъ вѣковъ. Если только мои послѣдніе года не готовятъ мнѣ очень тяжелыхъ испытаній, то я, прощаясь съ жизнью, сочту за долгъ благодарить источникъ добра за ту прелестную прогулку, которую мнѣ суждено было совершить въ области дѣйствительности». Это завѣщаніе онъ еще развилъ въ прекрасномъ предисловіи къ послѣдней его книгѣ «Отдѣльныя страницы», появившейся весною нынѣшняго года и служащей продолженіемъ его «Воспоминаній дѣтства и юности». Въ этихъ страницахъ, составляющихъ дѣйствительно его послѣднее слово при жизни, онъ подводитъ какъ бы итогъ своей умственной дѣятельности и благодаритъ Провидѣніе за то, что онъ окончилъ свою главную обязанность, то-есть дописалъ послѣдній томъ «Исторіи еврейскаго народа», служащей дополненіемъ къ его «Исторіи происхожденія христіанства», и что его труды по изученію семитическихъ языковъ приближаются къ концу и находятся въ надежныхъ рукахъ. Спокойно упоминая о своей возможной смерти, онъ говоритъ: «я очень сожалѣю о молодежи, которая тревожитъ себя пессимизмомъ, и говорю ей: милыя дѣти, напрасно доводить себя до головной боли, переходя отъ одного заблужденія къ другому. Вамъ двадцать лѣтъ: работайте и забавляйтесь. Если мы не видимъ никакого выхода въ метафизикѣ, за то химія, астрономія, физика, геологія, исторія полны откровеній. Сколько вы узнаете новаго, сколько вы увидите разрѣшенныхъ вопросовъ, въ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, которыя протекутъ послѣ моей смерти! Но зачѣмъ возставать противъ истинъ вѣчныхъ, какъ вселенная? Не вчера открыто, что человѣкъ существо смертное. Значитъ, умремъ спокойно въ единеніи съ человѣчествомъ и религіей будущаго. Существованіе міра обезпечено надолго. Будущность науки несомнѣнна, такъ какъ въ великой научной книгѣ все прибавляется одно къ другому и ничего не пропадаетъ. Заблужденіе не пускаетъ корней и не существуетъ долго. Будемъ на-

дѣяться, что ранѣе тысячи лѣтъ земля найдетъ средство замѣнить оскудѣвшій уголь и въ извѣстной степени уменьшившуюся нравственность. Конечно, нравственное мѣрило понижается, но я убѣжденъ, что придетъ день, когда добродѣтель окажется выше всего. Будемъ твердо защищать долгъ противъ всѣхъ насмѣшекъ. Еслибъ добродѣтель была выгодной, то всѣ практическіе дѣльцы были бы

Эрнестъ Ренанъ.

нравственными людьми, но то, что кажется невыгоднымъ въ области конечнаго, получаетъ совершенно иное значеніе въ области безконечнаго. Ничто намъ не доказываетъ, что существуетъ на свѣтѣ общая совѣсть, общая душа вселенной, но ничто не доказываетъ и противнаго. Мы не знаемъ: вотъ все, что можно сказать яснаго и опредѣленнаго о томъ, что внѣ области конечнаго. Не будемъ ничего отрицать и ничего утверждать, а станемъ только

надѣяться. Сохранимъ мѣсто въ похоронахъ музыкѣ и ѳиміаму. Громадный нравственный и, быть можетъ, умственный упадокъ обнаружился бы въ тотъ день, когда на свѣтѣ исчезла бы религія. Мы можемъ обойтись безъ нея, потому что другіе имѣютъ ее. Люди невѣрующіе увлекаются массой, болѣе или менѣе вѣрующей, но еслибъ массы потеряли этотъ источникъ энтузіазма, то самые храбрецы не пошли бы въ бой. Человѣчество, не вѣрящее въ безсмертье души, даетъ гораздо меньше результатовъ, чѣмъ человѣчество, сохраняющее эту вѣру. Человѣкъ имѣетъ цѣну на столько, на сколько онъ сохранилъ религіозное чувство, вселенное въ него первоначальнымъ воспитаніемъ, и которое придаетъ ему нѣжное благоуханіе на всю жизнь. Религіозные люди довольствуются тѣнью, а мы довольствуемся тѣнью этой тѣни. Не будемъ спорить о дозахъ и формулахъ религіи, а сохранимъ возможность мечтать. Не надо, чтобъ исчезновеніе какихъ либо догматовъ увлекло за собою и религіозное чувство. Не будемъ требовать слишкомъ многаго и будемъ пользоваться немногимъ. Насъ пріучили желать рая и не довольствоваться ничѣмъ меньшимъ. Но не будемъ такъ требовательны, будемъ только строги къ себѣ и не станемъ уменьшать—радостей жизни. Не лишимъ человѣчества его наслажденій, а будемъ радоваться, что оно наслаждается. Радость другихъ составляетъ часть нашей радости, и величайшая награда честной жизни, радостное веселое настроеніе. Меня часто упрекали за то, что я проповѣдую эту, повидимому, легкую, но въ сущности самую трудную изъ религій. Не можетъ быть радостенъ и веселъ всякій, кто хочетъ. Для этого надо происходить изъ старой, не разочарованной расы и надо быть довольнымъ своей жизнью. Моя жизнь была тѣмъ, чѣмъ я желалъ, тѣмъ, что я считалъ лучшей изъ жизней. Отецъ Небесный, благодарю Тебя за жизнь. Она была для меня сладка и драгоцѣнна, среди прекрасныхъ существъ, которыя никогда не возбуждали во мнѣ сомнѣнія о Твоихъ конечныхъ цѣляхъ. Я не былъ безъ грѣха, я отличался недостатками всѣхъ людей, но что бы ни говорили тѣ, которые называютъ себя служителями Твоей католической церкви, я не совершилъ ни одного очень дурнаго поступка. Я любилъ правду и приносилъ ей жертвы. Когда мои старыя вѣрованія рушились, то я не плакалъ и не возставалъ противъ Провидѣнія; первое было бы не достойно, а второе было бы нелѣпо».

Все, что писалъ, и все, что говорилъ Ренанъ, ясно доказываетъ, что это былъ въ одно и то же время въ наукѣ скептикъ, въ области религіи—вѣрующій деистъ, а во всемъ остальномъ жизнерадостный идеалистъ. Если же подвести къ одному знаменателю эти элементы, повидимому, разновидные и враждебные, но сливавшіеся въ немъ въ одно вполнѣ согласное, единое, цѣлое, то лучшей характеристикой его будутъ служить два слова, всецѣло его опредѣляющія— жизнерадостный скептикъ. Какъ ни странно звучатъ эти два слова,

повидимому, составляющія диссонансъ, но они вполнѣ выражаютъ богатую, сложную натуру творца «Жизни Іисуса». Придерживаясь строго положительнаго метода въ своихъ спеціальныхъ научныхъ трудахъ и внося его въ экзегетику, онъ является скептикомъ, но, придя къ философскому заключенію, что все суета сутъ, онъ не впадаетъ въ мрачный пессимизмъ, а смотритъ на все снисходительно, считаетъ міръ, всетаки, пріятнымъ, а жизнь «прелестной прогулкой», то-есть выработываетъ въ себѣ жизнерадостное настроеніе. Только этому сочетанію скептицизма и жизнерадостнаго настроенія онъ обязанъ своимъ громаднымъ личнымъ вліяніемъ на современниковъ. Проповѣдуя любовь къ наукѣ, къ правдѣ, къ труду и рядомъ допуская идеальную любовь, а также всѣ удовольствія жизни, не противорѣчащія нравственнымъ началамъ, онъ естественно привлекалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе, и если не создалъ особой школы, то по справедливости былъ учителемъ послѣднихъ французскихъ поколѣній. Вполнѣ нелѣпо упрекать его въ безбожіи, эпикурействѣ и дилетантизмѣ, какъ это дѣлаютъ его враги и поверхностные критики; и то, и другое, и третье было равно чуждо его чистой, искренней, вѣрящей и глубоко чтущей науку душѣ. Если онъ въ своихъ знаменитыхъ сочиненіяхъ по экзегетикѣ и въ особенности въ надѣлавшей столько шума «Жизни Іисуса» руководствуется строго-научнымъ положительнымъ методомъ и отрицаетъ установленные католической церковью догматы, то съ этимъ можно не согласиться, можно оспоривать его сочетаніе позитивизма съ религіознымъ духомъ, но нѣтъ основанія называть его безбожникомъ и богохульникомъ, какъ сдѣлано въ энцикликѣ папы Пія IX; напротивъ, онъ выказываетъ вездѣ самую пламенную религіозность, относится съ сердечнымъ сочувствіемъ къ тому, что отвергаетъ его умъ, защищаетъ необходимость религіи даже въ томъ видѣ, который противорѣчитъ его убѣжденію, отстаиваетъ религіозные идеалы и болѣе всѣхъ въ наше время съ одной стороны внушаетъ религіозное чувство невѣрующимъ, а съ другой ограничиваетъ крайности раціоналистской критики. Однимъ словомъ, если въ послѣдніе года стало замѣчаться во Франціи пробужденіе религіозныхъ чувствъ, вошли въ моду религіозные вопросы и даже образовалась такъ называемая нео-христіанская школа, то всѣмъ этимъ французы обязаны тому, котораго проклинали клерикалы, какъ исчадіе ада и антихриста. Впрочемъ, замѣчается нѣкоторая реакція въ этомъ отношеніи, и хотя смерть Ренана вызвала новый взрывъ брани и клеветъ въ большинствѣ клерикальныхъ органовъ, но благоразумные католики отнеслись съ достойнымъ уваженіемъ къ громадной потерѣ, которую понесла въ его лицѣ вся Франція, и самъ папа, по газетнымъ извѣстіямъ, узнавъ, что Ренанъ умеръ безъ покаянія, сказалъ: «это лучше—онъ доказалъ, что его сомнѣніе было искреннее, а эта искренность, если только она была полная, мо-

жетъ спасти его душу». Еще неосновательнѣе обвиненіе въ эпикурействѣ человѣка, который былъ всегда самымъ строгимъ стоикомъ, и жизнь котораго была чиста, непорочна и прозрачна, какъ хрусталь. Эту сторону Ренана прекрасно характеризуетъ г-жа Дурместетеръ въ своей любопытной статьѣ, помѣщенной въ «Albermarle Review». «Трудно себѣ представить,—говоритъ она,—жизнь болѣе стоическую, болѣе посвященную долгу, чѣмъ жизнь Ренана. Онъ скандализируетъ многихъ, въ томъ числѣ и меня, совѣтуя студентамъ забавляться, тогда какъ онъ долженъ былъ бы сказать имъ: «Посмотрите на меня, я много работалъ, мало спалъ, еще менѣе забавлялся; я знаменитъ и бѣденъ, я старъ и всегда тружусь. Я никогда не отворачивался отъ самаго труднаго долга; я всегда ставилъ идеалъ выше дѣйствительности и приносилъ настоящее въ жертву той вѣчности, въ существованіи которой я не могу васъ добросовѣстно увѣрить: идите и дѣлайте то же». Моя горничная, старая бретонка однажды слышала рѣчь Ренана при открытіи какой-то статуи въ Ланьонѣ и, возвратясь, сказала мнѣ: «Можетъ быть, г. Ренанъ пишетъ дурныя книги, но онъ хорошо проповѣдуетъ». А я прибавлю, что онъ хорошо проповѣдуетъ въ особенности своимъ примѣромъ». Наконецъ, верхъ недобросовѣстности или тупоумія упрекать Ренана въ дилетантизмѣ. Никогда не было болѣе основательнаго, болѣе серьезнаго, болѣе неутомимаго ученаго; всѣ спеціалисты преклоняются передъ его научными заслугами, какъ оріенталиста, филолога, археолога, и т. д. Его громадные труды по каѳедрѣ еврейскихъ, халдейскихъ и сирійскихъ языковъ въ Collège de France, по колоссальному собранію семитическихъ надписей, по многочисленнымъ научнымъ изданіямъ французской академіи, по журналу Азіатскаго общества, секретаремъ котораго онъ состоялъ, и т. д., свидѣтельствуютъ объ его неутомимой научной дѣятельности, прерванной лишь смертью. Знаменитый англійскій профессоръ Максъ Мюллеръ прямо заявляетъ, что «историческіе труды Ренана всегда удивляли его лежащимъ въ ихъ основѣ громаднымъ запасомъ научныхъ знаній», а одинъ изъ его учениковъ и помощниковъ по изданію семитическихъ надписей Берже сообщаетъ въ «Journal de Debats» драгоцѣнныя свѣдѣнія о методахъ, господствовавшихъ въ его ученой лабораторіи; оказывается, что онъ былъ самымъ усидчивымъ собирателемъ матеріаловъ, самымъ тщательнымъ сличителемъ текста и самымъ щепетильнымъ переводчикомъ надписей, что онъ по нѣсколько разъ свѣрялъ каждую цитату и безъ конца переправлялъ каждую страницу, что даже тѣ изъ его сочиненій, которыя могли бы показаться поверхностными, по удивительно блестящей ихъ формѣ, были плодомъ кропотливаго научнаго труда. Если въ Ренанѣ не было и тѣни дилетантизма научнаго, то еще менѣе можно найти въ немъ слѣдовъ дилетантизма нравственнаго или религіознаго. Онъ

былъ во всемъ, что писалъ, говорилъ и дѣлалъ, искрененъ, видя въ этомъ прямое исполненіе своего долга. «Я долженъ былъ прежде всего,—говоритъ онъ самъ,—доказать себѣ, что я поступаю хорошо, мысля свободно и свободно высказывая свои мысли; моей единственной цѣлью было искать правды, дать ей жизнь и направить свой трудъ къ тому, чтобы великія явленія прошедшаго стали извѣстны съ наибольшей точностью и въ наиболѣе достойной формѣ». Онъ же прибавляетъ: «Человѣкъ, смотрящій на жизнь серьезно и посвящающій всю свою дѣятельность возвышенной задачѣ,—вотъ религіозный человѣкъ, а человѣкъ легкомысленный, поверхностный, безъ понятія о высшей нравственности—вотъ изувѣръ». Наконецъ, нельзя назвать дилетантизмомъ и разнообразіе литературной дѣятельности Ренана, который, отрываясь отъ своихъ спеціальныхъ филологическихъ и историческихъ трудовъ, по временамъ искалъ развлеченія въ болѣе легкихъ предметахъ и въ такъ называемыхъ философскихъ драмахъ или въ журнальныхъ статьяхъ, обнаруживалъ всю эластичность своего отзывчиваго на все великаго ума. Даже тутъ, а равно въ частыхъ бесѣдахъ о различныхъ животрепещущихъ вопросахъ дня съ газетными репортерами, что̀ также ему ставили въ вину, какъ недостойную для ученаго и философа потерю времени, онъ оставался вѣренъ себѣ, своимъ возвышеннымъ идеаламъ, своей преданности «наукѣ, побѣдоносно идущей путемъ прогресса къ уничтоженію всѣхъ суевѣрій прошедшаго», и своему жизнерадостному скептицизму.

Но чтобы вполнѣ понять эту свѣтлую, крупную личность, столь рельефно выдающуюся на мелкомъ сѣромъ фонѣ современной жизни, эту сложную, богатую, какъ бы увертывающуюся отъ анализа натуру, необходимо познакомиться съ его жизнью, съ тѣми условіями времени, мѣста, расы и обстоятельствъ, при которыхъ развился его жизнерадостный скептицизмъ.

«Я родился, о богиня съ голубыми глазами,—говоритъ Ренанъ въ поэтической элегіи,—написанной художественной прозой подъ заглавіемъ: «Молитва, которую я произнесъ на Акрополѣ, когда понялъ совершенство красоты»,—отъ родителей варваровъ, среди кимерійцевъ, добрыхъ, нравственныхъ, которые живутъ на берегу мрачнаго моря, усѣянномъ скалами, гдѣ вѣчно бушуютъ грозовыя бури. Тамъ рѣдко видятъ солнце, а единственные цвѣты—морской мохъ, водоросли и раковины, прячущіяся въ глубинѣ уединенныхъ бухтъ. Облака тамъ безцвѣтныя, и радость оттѣнена грустью; но изъ утесовъ текутъ источники холодной воды, и глаза молодыхъ дѣвушекъ отражаютъ небо такъ же, какъ эти источники. Мои предки, на сколько сохранилась память о нихъ, были мореходцами и посѣщали далекія, невѣдомыя твоимъ аргонавтамъ моря. Въ юности я слышалъ пѣсни о странствіяхъ по полярнымъ странамъ; меня убаюкивали воспоминанія о пловучихъ льдахъ, туман-

номъ, почти млечномъ морѣ, объ островахъ, населенныхъ птицами, которыя, поднимаясь стаями, омрачаютъ небо». Бретонецъ по отцу и гасконецъ по матери, Эрнестъ Ренанъ явился на свѣтъ 27-го февраля 1823 года, въ маленькомъ городкѣ департамента Сѣвернаго Берега—Трегье. Семья его была бѣдная, а когда отецъ, шкиперъ каботажнаго судна, былъ найденъ однажды мертвымъ на морскомъ берегу, то она узнала мрачную нищету; вдова съ тремя дѣтьми удалилась на время въ сосѣдній городъ Ланьонъ, а потомъ снова вернулась въ Трегье, гдѣ старшій сынъ ея поступилъ приказчикомъ въ коммерческую контору, дочь Генріетта сдѣлалась школьной учительницей, а маленькій Эрнестъ началъ учиться въ мѣстной семинаріи. Спустя нѣсколько лѣтъ, его замѣчательные успѣхи обратили на него вниманіе знаменитаго впослѣдствіи епископа Дюпанлу, который тогда былъ аббатомъ и директоромъ маленькой семинаріи св. Николая въ Парижѣ; въ своемъ пламенномъ рвеніи о благѣ католической церкви, онъ всегда отыскивалъ учениковъ, способныхъ сдѣлаться замѣчательными служителями алтаря, и предложилъ пятнадцатилѣтнему мальчику стипендію въ своемъ училищѣ. Конечно, онъ съ радостью ухватился за эту неожиданную возможность получить блестящее образованіе. «Мы даже не имѣли времени на размышленіе,—разсказываетъ онъ,—я проводилъ тогда каникулы у одного пріятеля въ подгородномъ селеніи, и 4-го сентября, вечеромъ, за мною прислали нарочнаго. Я помню мое возвращеніе въ Трегье, какъ будто это произошло вчера. Надо было пройти пѣшкомъ около мили. Церковный звонъ распространялъ въ воздухѣ какую-то мирную, меланхоличную сладость, символъ той жизни, которую мнѣ приходись покинуть навсегда». Однако, эта жизнь наложила на него вѣчную печать, и когда 7-го сентября 1836 года онъ явился въ Парижъ, то въ немъ уже были глубоко вкоренены зачатки его будущей сложной, богатой натуры. Отъ своего отца, «склоннаго къ меланхоліи», онъ наслѣдовалъ мечтательный поэтическій темпераментъ набожныхъ мистическихъ кельтовъ, а отъ матери, «живой, веселой, остроумной женщины», онъ заимствовалъ ироническій гасконскій умъ и жизнерадостное настроеніе. Впрочемъ, по его словамъ, онъ обязанъ сохраненіемъ до старости дѣтской веселости и способностью довольствоваться самимъ собой своимъ предкамъ, скромнымъ морякамъ, которые всегда отличались этими свойствами. «Эти добрые люди,—замѣчаетъ онъ,—не оставили мнѣ состоянія, но передали мнѣ свое довольство судьбой, которое больше богатства, и накопленную экономію жизни и мысли: я живу и мыслю за нихъ». Окружавшая же его среда въ уединенномъ, старинномъ монастырскомъ городкѣ и въ провинціальной семинаріи придали его натурѣ сосредоточенный, серьезный и религіозный характеръ. Въ эпоху бурбонской реставраціи, къ которой относилось дѣтство Ренана, Трегье былъ тѣмъ же, чѣмъ

онъ славился въ V вѣкѣ, то-есть «клерикальнымъ городомъ, чуждымъ промышленности и торговли, громаднымъ сплошнымъ монастыремъ, куда не проникали никакіе звуки извнѣ, гдѣ называли суетой все, къ чему стремятся люди, а все, что свѣтъ называетъ химерой, казалось дѣйствительностью». «Вотъ въ какой средѣ,—говоритъ авторъ «Жизни Іисуса»,—я провелъ дѣтство, и она оставила во мнѣ неизгладимый слѣдъ. Удивительный соборъ, безумная попытка осуществить въ гранитѣ невозможный идеалъ, съ самаго начала извратилъ мой умъ. Долгіе часы, проведенные мною въ этомъ архитектурномъ парадоксѣ, развили во мнѣ совершенную неспособность къ какой либо практичности и сдѣлали меня человѣкомъ химеръ, ученикомъ св. Тюдваля въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ ученіе святыхъ не имѣетъ прямаго примѣненія. Когда я посѣщалъ болѣе свѣтскій городокъ Генганъ, гдѣ у меня были родственники среди буржуазіи, я чувствовалъ скуку, и мнѣ было какъ-то неловко. Я рвался мысленно въ мой старый, мрачный городъ, придавленный величіемъ своего собора, но гдѣ я инстинктивно чувствовалъ сильный живой протестъ противъ всего, что плоско и банально. Я чувствовалъ себя дома, только увидавъ высокую колокольню собора, монастырь и гробницы XV вѣка; я былъ спокоенъ и доволенъ только въ обществѣ мертвецовъ, среди рыцарей и благородныхъ дамъ, спавшихъ мирнымъ сномъ, съ собакой у ихъ ногъ и каменнымъ свѣточемъ въ рукѣ». Онъ такъ любилъ тогда уединеніе, что впослѣдствіи часто говорилъ друзьямъ: «Я зналъ только одну дорогу изъ дома въ семинарію вдоль монастыря и собора по маленькому узкому переулку, а по площади я никогда не ходилъ, тамъ было слишкомъ много народу». Первые годы школьной жизни, столь часто омрачаемые равнодушіемъ учителей и грубостью товарищей, были для Ренана освящены наивнымъ, но теплымъ сочувствіемъ добрыхъ, достойныхъ провинціальныхъ патеровъ. Они учили латыни по «старому методу, всетаки, самому лучшему», но болѣе всего «заботились о сформированіи честныхъ людей» и внушали своимъ ученикамъ «двѣ основныя истины, изъ которыхъ первая заключалась въ томъ, что слѣдуетъ только посвятить себя идеальному дѣлу, такъ какъ все остальное мелочно, низко, постыдно, а вторая—что христіанство результатъ всѣхъ идеальныхъ стремленій». «Эти почтенные патеры, серьезные, честные, безкорыстные, сохранявшіе съ такимъ искусствомъ старинныя вѣрованія, что съ одной стороны эти вѣрованія не теряли своей силы, а съ другой не компрометировали ихъ проповѣдниковъ,—говоритъ Ренанъ,—были первыми моими духовными учителями, и имъ я обязанъ тѣмъ, что̀ во мнѣ можетъ быть хорошаго. Всѣ ихъ слова казались мнѣ изреченіями оракула, и я такъ глубоко уважалъ ихъ, что ни малѣйшее сомнѣніе не западало въ мою душу до тѣхъ поръ, пока я не разстался съ ними и не попалъ въ Па-

рижъ. Благодаря имъ, я узналъ, что̀ такое добродѣтель и вѣра; если впослѣдствіи я и сознадъ, что подъ самыми святыми иллюзіями заключается доля ироніи, то, всетаки, я сохранилъ слѣды ихъ вліянія. Въ сущности я чувствую, что моя жизнь всегда руководствовалась вѣрой, которой уже болѣе во мнѣ нѣтъ, такъ какъ вѣра отличается тѣмъ особымъ свойствомъ, что она продолжаетъ вліять и послѣ своего исчезновенія».

Въ Парижѣ продолжалось духовное воспитаніе Ренана, такъ какъ онъ, по желанію семьи и собственному влеченію, готовился въ патеры; девять лѣтъ онъ провелъ въ семинаріяхъ св. Николая, Исси и Сенъ-Сюльписъ, но въ концѣ концевъ 6-го октября 1845 г. онъ вышелъ изъ послѣдней, не окончивъ курса и навѣки порвавъ связывавшія его узы съ католической церковью. Этотъ тяжелый кризисъ произошелъ не вдругъ, а медленно, и всѣ его знаменательныя перипетіи просто, но съ необыкновенной силой и патетизмомъ разсказаны имъ самимъ въ его воспоминаніяхъ. Съ самаго начала юнаго семинариста поразило различіе между той религіей, которой учили его старые наставники, казавшіеся ему «древними магами, проповѣдывавшими вѣчную истину», и той «свѣтской набожностью, надушенной, украшенной лентами, цвѣтами, горящими свѣчками и богословіемъ во вкусѣ модныхъ барышень, безъ твердой основы и яснаго изложенія», которую внушали своимъ ученикамъ его новые болѣе блестящіе учителя. Къ нравственному отвращенію, которое внушила ему эта «кисейная религія», присоединилась тоска по родинѣ, усиливаемая въ немъ непривычной жизнью въ четырехъ стѣнахъ, вдали отъ природы и горячо любимой имъ матери; тяжелая болѣзнь едва не унесла его въ могилу и, только благодаря попеченіямъ Дюпанлу, онъ остался въ живыхъ и мало-по-малу привыкъ къ своей новой обстановкѣ. Онъ сталъ ревностно учиться, но богословіе перестало служить главнымъ предметомъ его трудовъ; онъ сталъ читать Виргилія, Гомера, Тита Ливія, познакомился съ поэзіей Ламартина и Виктора Гюго, а главное пристрастился къ филологіи, благодаря урокамъ аббата Гира, который преподавалъ въ Сенъ-Сюльписѣ еврейскій языкъ. Чѣмъ дальше развивался его умъ спеціальными научными занятіями, тѣмъ болѣе росло въ немъ сомнѣніе въ догматахъ, которые уже потеряли для него прежнюю идеальную духовную прелесть. «Причины, побудившія меня окончательно порвать всѣ связи съ католической церковью,—говоритъ онъ самъ, — были не метафизическія, не политическія, не нравственныя, но чисто филологическія и критическія». Конечно, этому перевороту въ мысляхъ Ренана дало окончательный толчекъ знакомство съ нѣмецкой экзегетикой, и когда онъ вполнѣ созналъ, что не можетъ искренно быть католическимъ патеромъ, то онъ не захотѣлъ лгать передъ своей совѣстью и передъ Богомъ, въ котораго не переставалъ посвоему вѣрить. Онъ отказался отъ спокой-

ной, выгодной, блестящей карьеры и двадцати трехъ лѣтъ началъ жизнь бѣднымъ отверженцемъ, не имѣвшимъ ни связей, ни пріятелей, ни даже обезпеченнаго куска хлѣба.

По счастью для будущаго великаго ученаго въ эти тяжелые критическіе дни, онъ нашелъ нравственную и матеріальную помощь въ своей сестрѣ Генріетѣ, которой онъ такъ поэтически посвятилъ «Исторію Іисуса» и о которой написалъ краснорѣчивую, но напечатанную только для друзей брошюру подъ заглавіемъ «На память тѣмъ, кто ее зналъ». Въ этихъ, быть можетъ, самыхъ художественныхъ страницахъ, когда либо имъ написанныхъ, рельефно выступаетъ образъ идеальной, высокообразованной женщины, которая, по его собственнымъ словамъ, «указала ему путь разума и протянула ему руку, чтобы совершить самый тяжелый переходъ въ его жизни». Онъ не только нашелъ въ ней разумную, нѣжную поддержку въ такія минуты, когда добрый совѣтъ всего дороже, но, приготовляясь къ университетскому экзамену, онъ существовалъ на ея скудныя сбереженія гувернантки, такъ какъ ему не хватало своего жалованья, получаемаго по мѣсту учителя въ одномъ частномъ пансіонѣ. Это доброе вліяніе сестры онъ всегда признавалъ и въ предисловіи къ своей послѣдней книгѣ прямо говоритъ: «Я былъ воспитанъ женщинами и патерами; въ этомъ разгадка моихъ достоинствъ и недостатковъ; благодаря моей матери, съ которой я былъ такъ бѣденъ, и подлѣ которой я столько работалъ, прерывая свой трудъ лишь, чтобъ спросить, довольна ли она мной, и сестрѣ Генріетѣ, столь возвышенной, столь чистой, я на три четверти чувствую, какъ женщина». Получивъ университетскій дипломъ по философіи, онъ, однако, не хотѣлъ прерывать своихъ ученыхъ занятій по арабскому, сирійскому и еврейскому языкамъ, а потому отказался отъ предложенныхъ ему провинціальныхъ каѳедръ и предпочелъ остаться въ Парижѣ, въ качествѣ репетитора коллегіи св. Станислава и сотрудника журнала «Liberté de penser», издаваемаго Жюлемъ Симономъ. Вскорѣ академія присудила ему двѣ преміи за изслѣдованія по семитическимъ языкамъ и по греческому языку въ средніе вѣка.

Тутъ широко открылось для него поприще ученаго, и съ тѣхъ поръ онъ уже велъ жизнь, всѣмъ извѣстную и не представляющую драматическихъ перипетій, жизнь кабинетнаго труженика, за исключеніемъ путешествій по Италіи и Востоку. Достигнутыя имъ постепенно ученыя должности хранителя рукописей въ «Національной Библіотекѣ», члена «Отдѣленія надписей французскаго института» и французской академіи, профессора и администратора французской коллегіи только давали большой просторъ его ученой дѣятельности, заслужившей ему всемірную славу и всеобщее уваженіе. Но и среди своихъ блестящихъ успѣховъ на ученомъ пути Ренану пришлось пережить тяжелый кризисъ, изъ котораго онъ

вышелъ съ такимъ же благороднымъ достоинствомъ и съ такой же честью, какъ изъ своего перваго религіознаго кризиса. Въ 1863 году ему поручена была каѳедра еврейскаго языка во французской коллегіи, но первая произнесенная имъ лекція о вліяніи семитизма на исторію цивилизаціи возбудила противъ него клерикальную и административную бурю. Онъ лишенъ былъ каѳедры императорскимъ декретомъ, а самъ отказался отъ выгоднаго мѣста въ императорской библіотекѣ, которое ему было предложено. Онъ гордо отвѣчалъ министру: «Sit tecum tua pecunia», то-есть оставь свои деньги у себя, и продолжалъ на дому свои прерванныя лекціи, открыто заявивъ: «никто не заставитъ меня сказать то, что я не хочу, или не сказать то, что я хочу». Только спустя семь лѣтъ, уже при республикѣ, ему возвращена его каѳедра, и онъ уже не разставался съ нею до своей смерти.

Сухая номенклатура всѣхъ сочиненій Ренана, которыя составляютъ около сорока томовъ, не считая спеціальныхъ его трудовъ въ различныхъ ученыхъ изданіяхъ, конечно, излишня, и достаточно сказать, что они относятся къ тремъ отраслямъ его литературной дѣятельности—научной, религіозно-нравственной и публицистической, которыя уже мы старались охарактеризовать. Не смотря на свое очевидное пристрастіе къ созерцательной жизни и къ ученымъ трудамъ, онъ два раза пытался выступить на политическую арену, являясь кандидатомъ въ члены законодательнаго корпуса при декабрской имперіи и въ сенаторы при республикѣ, но одинаково потерпѣлъ пораженіе; въ первый разъ онъ оказался слишкомъ либеральнымъ, а во второй—слишкомъ консервативнымъ. Дѣйствительно въ политическомъ отношеніи роль Ренана всего труднѣе поддается удовлетворительному разъясненію. Онъ хотя и называлъ себя человѣкомъ народа, хотя и ставилъ высоко любовь къ народу, но постоянно высказывалъ враждебность къ демократизму, недовѣріе къ общей подачѣ голосовъ, снисходительность къ старымъ порядкамъ во Франціи, склонность къ господству просвѣщеннаго меньшинства, пристрастіе къ аристократіи ума. Но если взять въ соображеніе его искреннюю преданность прогрессу и свободѣ, его пламенную ненависть къ войнѣ и всякаго рода насилію, то нельзя назвать его отсталымъ ретроградомъ, а всѣ его взгляды, противорѣчившіе современнымъ требованіямъ, легко объяснить теоретической исключительностью возвышеннаго ума, признававшаго превосходство избранной интеллигенціи во имя науки и идеальной правды, а равно опасавшагося, чтобы демократическій потокъ не увлекъ за собою все то, что выше толпы по уму, знанію и нравственной чистотѣ. И, однако, при всемъ этомъ въ основѣ политическихъ воззрѣній Ренана, всетаки, лежало желаніе добра наибольшему числу и, не смотря на всю свою ненависть къ революціямъ, онъ прямо говорилъ по случаю столѣтней годовщины

1789 года: «Если черезъ десять, или двадцать лѣтъ Франція будетъ благоденственной, свободной, преданной законности, окруженной уваженіемъ либеральныхъ странъ свѣта, то дѣло революціи выиграно, міръ будетъ любить ее и радостно пользоваться ея плодами, не вкушая ея горечи». Эти слова, доказывая всю искренность Ренана, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ яснымъ подтвержденіемъ, что этого апостола свободной мысли нельзя причислить къ противникамъ политической свободы.

Теперь намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о Ренанѣ, какъ о человѣкѣ, и уже къ набросанной общей характеристикѣ его нравственной личности прибавить два-три штриха, рисующіе его отношенія къ семейству, къ обществу, къ ученикамъ. Добродушный, снисходительный, мягкій, учтивый, любезный, онъ пользовался всеобщей любовью и не имѣлъ ни одного личнаго врага. Жена, дочь извѣстнаго живописца Ари Шефера, сынъ, талантливый художникъ, и дочь, вышедшая замужъ за барона Психари, профессора восточныхъ языковъ въ Сорбонѣ, боготворили его; друзья, въ томъ числѣ такіе люди, какъ Жюль Симонъ и Бертло, высоко его цѣнили, «освѣщенные, по картинному выраженію профессора Гастона Пари, великимъ свѣточемъ его ума и сердца»; многочисленные ученики видѣли въ немъ не только великаго ученаго, но сочувственнаго руководителя своихъ занятій и добраго совѣтника; наконецъ, избранное парижское общество считало его своимъ украшеніемъ, какъ самаго пріятнаго, остроумнаго, блестящаго собесѣдника и застольнаго оратора, обворожавшаго всѣхъ своей мягкой улыбкой и предупредительной любезностью, благодаря которымъ его въ шутку называли Селименой конца нашего столѣтія. Физически почти безобразный, съ громадной неуклюжей фигурой, большой головой и въ послѣднее время одутловымъ лицемъ, онъ прельщалъ всѣхъ своимъ ласковымъ обращеніемъ, изысканными манерами и утонченною вѣжливостью. Многіе смѣялись надъ его внѣшностью, имѣвшей какой-то странный, клерикальный и даже іезуитскій оттѣнокъ, очевидно, остатокъ его духовнаго воспитанія, и Додэ саркастически называлъ его «заштатнымъ соборомъ», но самъ Ренанъ нисколько не обижался этими насмѣшками и вообще, никогда не отвѣчая на критики или нападки, какую бы форму они ни принимали, самъ добродушно говаривалъ: «я сельскій патеръ, случайно попавшій въ литературный міръ».

Какъ тихо, скромно и смиренно жилъ «папа свободной мысли», по выраженію Александра Дюма, также тихо, скромно и смиренно онъ умеръ шестидесяти девяти лѣтъ во всей силѣ своего великаго ума. Пользуясь вообще удивительнымъ здоровьемъ, онъ только съ начала нынѣшняго года сталъ обнаруживать болѣзненные признаки, но лѣтомъ въ своей любимой Бретани онъ почти поправился, усидчиво исправлялъ коректуры двухъ послѣднихъ томовъ «Исто-

ріи израильскаго народа» и присутствовалъ на обычномъ кельтическомъ банкетѣ въ Трегье, хотя уже не произнесъ тамъ, какъ всегда, краснорѣчивой рѣчи, а только разсказалъ легенду о Рюнанской Мадоннѣ, въ церкви которой звонятъ въ колокола, чтобъ умирающіе тихо перешли въ лучшій міръ. «Не правда ли,—прибавилъ онъ съ печальной улыбкой,—вы прикажете звонить въ колокола этой церкви, когда придетъ мой послѣдній часъ, и Рюнанская Мадонна поможетъ мнѣ спокойно эмигрировать изъ этого міра». Хотя, по всей вѣроятности, не раздался колокольный звонъ въ Рюнанской церкви утромъ 2-го октября, но Ренанъ скончался совершенно спокойно отъ воспаленія въ легкихъ, которое усложнило его прежнюю болѣзнь рожу. Наканунѣ онъ сказалъ женѣ: «Не унывай, надо подчиниться закону природы, котораго мы служимъ проявленіями; за то небо и земля не прейдутъ», а потомъ, закрывъ глаза, онъ нѣсколько разъ повторялъ слова Моисея: «Дни человѣка сочтены въ семьдесятъ лѣтъ». За нѣсколько минутъ до смерти онъ еще диктовалъ сыну журнальную статью и вдругъ тихо произнесъ: «Я вижу ясно, какъ свѣтитъ солнце на Пареенонъ!». Это были послѣднія его слова. За пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ на банкетѣ общества изученія греческаго языка онъ произнесъ свою послѣднюю публичную рѣчь въ Парижѣ и въ ней сказалъ знаменательныя слова: «Жизнь человѣка краткая, но память людей вѣчная, и только въ этой памяти дѣйствительно живетъ человѣкъ».

Жизнь, которую считалъ Ренанъ единственно дѣйствительной, уже началась для него, и благодарная Франція, проводивъ съ достойными почестями его смертные останки во временную могилу на Монмартрскомъ кладбищѣ, приготовляетъ ему мѣсто для вѣчнаго покоя въ Пантеонѣ, рядомъ съ Викторомъ Гюго. Однако съ своей обычной скромностью и поэтическими, идеальными стремленіями жизнерадостный скептикъ желалъ другой могилы. «Я хотѣлъ бы,—говорилъ онъ не разъ,—чтобъ меня похоронили въ моемъ родномъ Трегье и всего лучше посреди стараго монастыря, но монастырь это католическая церковь, а католическая церковь совершенно несправедливо отвергаетъ меня». Но въ сущности этому свѣтлому скептическому уму, этому поэтическому жизнерадостному сердцу слѣдовало бы покоиться не подъ мрачными душными сводами Пантеона, не среди четырехъ стѣнъ монастыря, а въ открытой, живописной мѣстности его любимой Бретани, въ виду его роднаго моря, подъ лучами солнца, которое освѣщаетъ Пареенонъ,— тамъ, гдѣ:

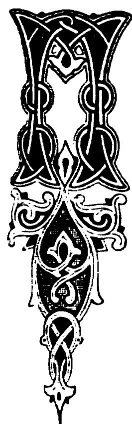
«у гробоваго входа
«Младая будетъ жизнь играть,
«И равнодушная природа
«Красою вѣчною сіять».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

И. М. Собѣстіанскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892.

РОФЕССОРЪ Собѣстіанскій задался цѣлью въ своемъ изслѣдованіи пересмотрѣть теоріи о національныхъ особенностяхъ какъ характера вообще, такъ и юридическаго быта въ особенности у древнихъ славянъ и провѣрить ихъ данными первоисточниковъ. Начиная съ нѣмецкаго философа Гердера, перваго указавшаго на національныя особенности характера древняго славянства, продолжая западно-славянскими (чешскими и польскими) славистами и заканчивая нашими славянофилами, г. Собѣстіанскій подробно излагаетъ «ученія» названныхъ писателей, стараясь доказать, что послѣднія не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія данныхъ первоисточниковъ. Соглашаясь во многомъ съ г. Собѣстіанскимъ, нельзя, однако, не признать, что нерѣдко въ своей полемикѣ онъ очень увлекается, въ силу чего впадаетъ въ другую крайность, рѣшаясь утверждать существованіе полнѣйшаго тождества какъ въ характерѣ, такъ и въ юридическомъ бытѣ у древнихъ славянъ и германцевъ. Факты сходства, существующіе, напримѣръ, въ юридическомъ бытѣ названныхъ племенъ и объясняемые общностью происхожденія (и тѣ и другіе — арійцы), дѣйствіемъ одинаковыхъ причинъ, приведшихъ къ одинаковымъ результатамъ, наконецъ, заимствованіемъ, не должны заслонять собою черты несходства—этого продукта различныхъ историческихъ условій и такихъ обстоятельствъ, какъ климатическія, географическія, экономическія и иныя. Между тѣмъ г. Собѣстіанскій обращаетъ вниманіе только на черты сходства, упорно игнорируя черты несходства, вслѣдствіе чего приходитъ къ выводамъ, по меньшей

мѣрѣ, одностороннимъ. Чтобъ не быть голословнымъ, приведемъ примѣры. Такъ, г. Собѣстіанскій утверждаетъ, что въ сферѣ семейственныхъ отношеній древніе славяне ничѣмъ не отличаются отъ германцевъ, и что строй древне-славянской семьи не обладаетъ никакими особенностями сравнительно со строемъ древне-германской семьи (стр. 202—205). Между тѣмъ анализъ первоисточниковъ приводитъ совершенно къ инымъ выводамъ. Оказывается, что положеніе женщины у древнихъ славянъ существенно отличается отъ положенія ея у древнихъ германцевъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе существованія у послѣднихъ института половой опеки, совершенно неизвѣстнаго славянамъ. Никакой женщинѣ, по словамъ древнегерманскихъ законовъ, не дозволялось быть въ своей волѣ, почему она всегда должна была находиться подъ властью опекуна. Если у нея не было отца или мужа, она поступала въ подопечное положеніе къ кому нибудь изъ родственниковъ: къ брату, къ дядѣ, даже къ сыну, и въ такомъ положеніи находилась вѣчно. Какъ дѣвушки, такъ и вдовы, совершеннолѣтнія или несовершеннолѣтнія, одинаково состояли подъ половой опекой. Ничего подобнаго не знало древнеславянское право. Какъ существенно долженъ былъ отличаться строй такой семьи, гдѣ мать находилась подъ опекою у сына (объ этомъ говорятъ даже средневѣковые статуты), отъ строя семьи, гдѣ признавалась материнская власть не только надъ малолѣтними, но и надъ взрослыми сыновьями, что̀ имѣло мѣсто у славянъ! У послѣднихъ, напримѣръ, у русскихъ, отцы, умирая, обыкновенно предписывали въ духовныхъ завѣщаніяхъ дѣтямъ (даже взрослымъ) полное послушаніе матерямъ. «Приказываю дѣти свои своей княгинѣ,—писалъ въ духовномъ завѣщаніи Дмитрій Донской,—а вы, дѣти мои, живите за одинъ и матери своей слушайте во всемъ». «Приказываю своего сына Василья своей княгинѣ,—читаемъ въ завѣщаніи Василія I,—а ты, сынъ мой, князь Василій, чти матерь свою и слушай своей матери въ мое мѣсто своего отца». Тѣ же фразы встрѣчаются и въ завѣщаніяхъ частныхъ лицъ, напримѣръ, «а вы дѣти мои (слѣдуютъ имена),—говоритъ одно завѣщаніе отъ 1472 г.,—слушайте своей матери во всемъ». «Аще ли оскудѣютъ разумомъ въ старости отецъ или мать,—гласитъ извѣстный Домострой Сильвестра,—не безчествуйте ихъ, не укоряйте, да отъ своихъ чадъ почтенни будете». Точно также и памятники позднѣйшаго времени, напримѣръ, Уложеніе 1649 г., предписываютъ дѣтямъ «быти у отца и матери во всякомъ послушаніи безо всякаго прекословія», грозя имъ въ противномъ случаѣ «нещаднымъ» наказаніемъ кнутомъ (ст. 5, гл. XXII). Если мы обратимся къ нашимъ былинамъ, то увидимъ, что всѣ онѣ изображаютъ богатырей всегда покорными и послушными своимъ матерямъ. Вотъ что читаемъ, напримѣръ, въ одной: «не бѣлая береза къ землѣ клонится, ужъ не шелковая трава разстилается, ужъ какъ сынъ передъ матерью кланяется». А вотъ что говоритъ Василій Буслаевъ своей матери, поклонившись ей «до сырой земли»: «государыня моя матушка, не боюсь страха посадниковъ, не страшны мнѣ мужи новгородскіе, а боюсь твоей великой заповѣди, страшно мнѣ твое слово великое» (цитируемъ по сочиненію проф. Шпилевскаго «Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ»). Результатомъ половой опеки было ограниченіе право и дѣеспособности германскихъ женщинъ, чего не знали древніе славяне. Такъ, опекунъ пользовался правомъ наказанія по отношенію къ совершеннолѣтней женщинѣ и могъ ее даже бить (законъ Ліутпранда запрещаетъ только бить безъ основанія). Нѣкоторые опе-

куны, напримѣръ, братъ или дядя, могли даже убивать своихъ опекаемыхъ, если онѣ обличались въ прелюбодѣяніи. Затѣмъ нѣкоторыя германскія законодательства запрещаютъ женщинамъ искать и отвѣчать на судѣ, такъ какъ и то, и другое являлось функціей ихъ опекуновъ. Напротивъ, славянскія женщины считались полноправными въ процессуальномъ отношеніи и даже пользовались правомъ выходить на судебный поединокъ (Чешское земское право, Псковская судная грамота). Имущественныя права германской женщины также были ограничены. Безъ согласія опекуна она не могла, напримѣръ, отчуждать своего имущества. По славянскому праву, напротивъ, первоначально женщина распоряжалась своимъ имуществомъ вполнѣ свободно (мы говоримъ о дѣвушкахъ, потерявшихъ отца, и о вдовахъ, т. е. о тѣхъ категоріяхъ женщинъ, которыя были въ подопечномъ положеніи у германцевъ); нѣкоторыя ограниченія въ этомъ отношеніи, напримѣръ, у поляковъ, чеховъ и хорватовъ, относятся къ позднѣйшему времени (къ XV и XVI ст.) и должны быть отнесены на счетъ иноземнаго вліянія (какъ извѣстно, римско-германское право имѣло большое вліяніе на законодательство западныхъ славянъ).

Но и замужнія женщины у древнихъ славянъ пользовались большими правами, чѣмъ у германцевъ. Такъ, у послѣднихъ (объ этомъ говорятъ законы многихъ племенъ) мужъ имѣлъ право убить свою жену въ случаѣ прелюбодѣянія и умышленія на его жизнь съ ея стороны. На сколько извѣстно, подобное право существовало только у древнихъ чеховъ. Самое же многочисленное славянское племя—древніе русскіе—его совершенно не знало, хотя и карало женоубійцъ болѣе мягко, чѣмъ обыкновенныхъ убійцъ. Затѣмъ у германцевъ жена всегда должна была отвѣчать за долги мужа, въ силу чего мужъ, въ случаѣ нужды, имѣлъ право отчуждать имущество жены (Швабское зерцало). Напротивъ, по древнему славянскому праву жена освобождалась отъ отвѣтственности за долги мужа. Объ этомъ говорятъ законодательные памятники всѣхъ славянскихъ племенъ. Что касается до древнерусскаго права, то, какъ видно изъ договора Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 г., жена отвѣчала за долги мужа только въ томъ случаѣ, когда поручилась за него. Любопытно, что по проекту названнаго договора, предложеннаго нѣмцами, жена вообще должна была отвѣчать за долги мужа въ случаѣ несостоятельности послѣдняго. Въ этомъ сказалось несходство германскаго и славянскаго права!

Г. Собѣстіанскій, желая доказать тождество юридическаго быта древнихъ славянъ и германцевъ, въ особенности вооружается противъ теорій общиннаго устройства славянъ, при этомъ нерѣдко прибѣгаетъ къ явнымъ натяжкамъ при толкованіи мѣстъ первоисточниковъ, свидѣтельствующихъ въ пользу общиннаго быта. Такъ, извѣстное мѣсто изъ 3-й книги «Готской войны» Прокопія, а именно: «славяне и анты не управляются однимъ мужемъ, а издревле живутъ въ демократіи, и потому у нихъ въ обычаѣ о полезномъ и вредномъ разсуждать сообща», переводится имъ въ томъ смыслѣ, что подъ словомъ «демократія» нужно понимать не народное правленіе, а «партійныя усобицы, волненія, народныя неурядицы» (стр. 191). Г. Собѣстіанскій не замѣчаетъ, что, благодаря такому переводу, утрачивается всякій смыслъ въ словахъ Прокопія, а именно: «славяне и анты живутъ въ партійныхъ усобицахъ и потому у нихъ въ обычаѣ о полезномъ и вредномъ разсуждать сообща!». Впрочемъ, на эту натяжку было уже обра-

щено вниманіе рецензентомъ «Славянскаго Обозрѣнія» (1892 г., іюль — августъ).

Затѣмъ, опровергая существованіе общиннаго быта у древнихъ русскихъ, г. Собѣстіанскій приводитъ рядъ извѣстій, свидѣтельствующихъ въ пользу существованія въ древней Руси князей еще до призванія Рюрика съ братьями (стр. 197), какъ будто институтъ княжеской власти несовмѣстимъ съ общиннымъ бытомъ и долженъ исключать его. Князь, безспорно, считался необходимымъ элементомъ древне-русскаго государственнаго устройства, однако это не помѣшало сильному развитію общинно-вѣчевыхъ началъ въ въ древней Руси даже въ позднѣйшую эпоху. **В. Латкинъ.**

Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Сочиненіе Мигуэля Сервантеса Сааведры, переводъ В. Карелина, исправленный и дополненный В. Зотовымъ. Томъ первый и второй. Изданіе четвертое, иллюстрированное. Н. Л. Шигина. Спб. 1893.

Четвертое изданіе, правда, втеченіе 25-ти лѣтъ, но книги не дешевой, чуждой духу русскаго народа, болѣе склонному къ гамлетовскому откладыванію всякихъ рѣшеній, чѣмъ къ подвигамъ донкихотства,—это явленіе довольно рѣдкое въ нашемъ книжномъ дѣлѣ, чтобы на него не обратить вниманія. И не въ одной Россіи книга эта пользуется такимъ же успѣхомъ: разошлась она по всему міру въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, на всѣхъ языкахъ, а вѣдь ужъ скоро начнется четвертое столѣтіе со времени ея появленія. Мы, правда, познакомились съ ней позже другихъ народовъ: у насъ первый переводъ «Донъ-Кихота» явился въ 1805 году, ровно черезъ двѣсти лѣтъ послѣ его выхода въ свѣтъ. Это былъ юношескій трудъ Жуковскаго, переводившаго романъ съ французскаго перевода Флоріана. Но и въ то время романъ имѣлъ такой успѣхъ, что черезъ десять лѣтъ вышелъ вторымъ изданіемъ. А между тѣмъ еще въ 1812 году появился въ Москвѣ второй переводъ Н. Осипова, конечно, также съ французскаго, подъ названіемъ «Донъ-Кишотъ Ламанхскій, сочиненіе Серванта». Въ 1828 году вышелъ третій переводъ, будто бы съ испанскаго, К. Масальскаго, съ большими пропусками и искаженіями и, не смотря на это, въ 1848 г. потребовалось новое изданіе. Затѣмъ начали издавать романъ для дѣтей старшаго возраста, конечно, съ сильными сокращеніями, но и такія урѣзки имѣли успѣхъ: передѣлка А. Греча достигла второго изданія въ 1860 году; лучше ея—трудъ Н. Львова. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ проявился въ нашей литературѣ и въ обществѣ періодъ «бури и натиска», Sturm und Drangperiode, имѣвшій въ Германіи такія благія послѣдствія, молодой образованный офицеръ Владиміръ Александровичъ Карелинъ, замѣшанный въ политическомъ движеніи, былъ посаженъ въ ордонансъ-гаузъ. Допросы шли медленно, свободнаго времени было достаточно, и онъ перевелъ Донъ-Кихота. Нашелся и издатель, тогда еще молодой книгопродавецъ, скромно пріютившійся въ маленькой лавкѣ, въ домѣ Пажескаго корпуса, и въ 1866 году появился новый, вполнѣ удовлетворительный переводъ романа, съ обширнымъ вступленіемъ, объяснявшимъ значеніе книги и ея автора, и еще болѣе обширною статьею Карелина «Донъ-кихотизмъ и демонизмъ». Переводчикъ вскорѣ умеръ тридцати лѣтъ (въ 1871 г.), а романъ, выдержавъ три изданія, является теперь въ обновлен-

номъ видѣ, въ трехъ томахъ, большаго формата, съ илюстраціями, взятыми изъ французскаго перевода Луи Віардо. Запиринейскіе сосѣди испанцевъ оказались гораздо лучшими художниками, чѣмъ соотечественники Сервантеса, и классическое изданіе Віардо сдѣлалось извѣстнымъ также художественною работою парижскихъ илюстраторовъ, проникнувшихся духомъ великаго произведенія и олицетворившихъ его безсмертные типы. Всѣ эти илюстраціи являются и въ русскомъ переводѣ: въ первомъ томѣ (526 страницъ) ихъ 372, во второмъ (624 стр.) 392. Это положительно роскошное изданіе, и хотя по цѣнѣ менѣе доступно для большинства публики, но найдетъ дорогу и въ средніе классы читателей. Отъ прежнихъ изданій оно отличается большою полнотою и также чистотою языка. Карелинъ почему-то пропустилъ всѣ прологи Сервантеса, полные его своеобразнымъ юморомъ, всѣ эпитафіи и стихотворенія въ честь Донъ-Кихота, Дульцинеи, Санчо-Пансо, Россинанта. Въ прежнемъ изданіи не было даже заголовковъ при отдѣльныхъ главахъ романа; нѣтъ въ немъ также ни примѣчаній, ни коментарій, о чемъ нельзя не пожалѣть, хотя примѣчанія даже въ переводѣ Віардо не интересны для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ жизнью и литературою Испаніи. Къ тому же коментаріи увеличили бы и безъ того значительный объемъ книги. Транскрипція испанскихъ именъ и мѣстностей также сильно хромала у Карелина, но главныя исправленія сдѣланы въ переводѣ стихотвореній и пѣсенъ, часто встрѣчающихся въ романѣ. Сервантесъ всегда считалъ себя поэтомъ, хотя стихи его плохи и тяжелы, но они правильны и, не смотря на риторичность, не хуже другихъ испанскихъ романсовъ XVII вѣка. Віардо перевелъ ихъ прозой, но Карелинъ вздумалъ передать ихъ стихами же, мѣстами даже рифмованными, вышло что-то совершенно невозможное, часто безъ всякаго размѣра, безъ соблюденія азбучныхъ правилъ версификаціи: переводчикъ оказался еще менѣе поэтомъ, чѣмъ испанскій романистъ. Все это въ нынѣшнемъ изданіи сглажено и исправлено, хотя переводъ остался попрежнему вычурнымъ и тяжелымъ, какъ въ оригиналѣ. Не исправлены только промахи и погрѣшности самого автора, хотя на нихъ можно было указать въ примѣчаніяхъ. Написавъ твореніе, которое должно было перейти къ отдаленному потомству, Сервантесъ не могъ не понимать всей цѣны его: въ «Донъ-Кихотѣ» есть мѣста, доказывающія въ авторѣ сознаніе своего генія, своего могущества. Но съ другой стороны въ романѣ встрѣчаются такіе промахи и противорѣчія, которыя показываютъ, будто авторъ былъ почти равнодушенъ къ современнымъ успѣхамъ и къ своей славѣ въ будущемъ. Планъ романа, очевидно измѣнявшійся нѣсколько разъ во время исполненія, растянутъ и нестроенъ: богатый красотами слогъ полонъ неточностей и небрежностей, въ фактахъ и происшествіяхъ множество анахронизмовъ. Въ первой части «Донъ-Кихотъ» представленъ живущимъ въ отдаленныя времена, и исторія его приписывается старинному арабскому лѣтописцу, а между тѣмъ при пересмотрѣ библіотеки Донъ-Кихота разбираются книги, современныя Сервантесу, и упоминается, что его герой возвращается домой въ 1604 году. Во второй части говорится объ изгнаніи мавровъ въ 1609 году и помѣщены насмѣшки надъ Авелланедою, издавшимъ свою поддѣлку «Донъ-Кихота» въ 1614 году. Подробности романа безпрестанно противорѣчатъ одна другой: веселая компанія садится за поздній ужинъ, разсказываетъ всю ночь длинныя исторіи, и послѣ нихъ авторъ говоритъ: день началъ склоняться къ вечеру. Семь разъ сажаетъ онъ Санчо на осла, послѣ того, какъ оселъ былъ

украденъ, и исправивъ двѣ изъ этихъ небрежностей во второмъ изданіи, авторъ оставляетъ другія и самъ смѣется надъ ними во второй части, какъ надъ неважными промахами и для него самого, и для другихъ.

И между тѣмъ типы романа: худощавый, помѣшанный, гуманный рыцарь, его приземистый, жадный болтунъ оруженосецъ, являются и донынѣ какъ живыя въ воображеніи всего человѣчества. Гомеръ, Данте, Шекспиръ, конечно, выше Сервантеса въ изображеніи благороднѣйшихъ свойствъ нашей натуры, но испанскій романистъ сдѣлался родственнымъ міровымъ геніямъ; онъ понятенъ всѣмъ временамъ и народамъ, доступенъ и увлекателенъ для людей, стоящихъ и на низшей степени умственнаго развитія точно также, какъ и для самыхъ образованныхъ классовъ; поэтому онъ болѣе всякаго другого писателя возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе всего человѣчества. Карелинъ говоритъ, что ни одна книга такъ не прославилась, ни одинъ романъ не пріобрѣлъ такой всемірной популярности, какъ «Донъ-Кихотъ». Прибавимъ, что послѣ него равнымъ успѣхомъ пользовались только «Гулливеръ» и «Робинзонъ». А сколько критическихъ изслѣдованій явилось о романѣ, начатомъ въ тюрьмѣ и оконченномъ передъ смертью автора. Сколько противорѣчивыхъ сужденій вызвала характеристика даже Санчо-Панса, особенно излюбленнаго англійскими критиками. Недавно вышла уже третьимъ изданіемъ книга Борке, появившаяся первоначально въ 1872 году и подробно разбиравшая всѣ пословицы, обильно разсѣянныя въ романѣ (Sancho Panza's proverbs and others which occure in Don-Quixote), съ обширными филологическими, этнографическими и эстетическими коментаріями. Въ самомъ Донъ-Кихотѣ перестали уже видѣть выраженіе контраста между поэтическимъ и прозаическимъ чувствомъ въ нашей натурѣ, между героизмомъ и великодушіемъ, какъ призраками, и между холоднымъ эгоизмомъ, какъ истинною дѣйствительностью жизни. Мнѣніе это, чуждое духу того вѣка, неспособнаго къ такой обобщающей сатирѣ, противнаго, характеру самого Сервантеса, прямо заявляющаго, что онъ имѣлъ только одно желаніе—«сдѣлать противнымъ публикѣ ложныя и нелѣпыя исторіи, наполняющія рыцарскіе романы». Но сколько этюдовъ явилось о донкихотствѣ, понимаемомъ различно и часто совершенно ошибочно. Подобный этюдъ приложилъ и Карелинъ къ своему переводу. Много въ его статьѣ меткихъ наблюденій, горячаго увлеченія, свойственнаго нашимъ шестидесятымъ годамъ, но самое сравненіе, въ которомъ авторъ хочетъ найти тожественность между донкихотствомъ и демонизмомъ, между «Донъ-Кихотомъ», «Потеряннымъ раемъ» и «Гамлетомъ», отзывается такой натяжкой, такими парадоксами, что и четверть вѣка тому назадъ не могло возбудить интереса въ серьезныхъ читателяхъ. Издатель поступилъ, однако, логично, не исключивъ этой статьи при перепечаткѣ романа. Она рисуетъ взглядъ и направленіе извѣстной части нашего общества въ эпоху, которая кажется теперь такъ далекой отъ насъ... В—въ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга третья, изданная княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціею М. И. Семевскаго и В. Н. Смольянинова. Спб. 1892.

Покойный М. И. Семевскій, редактируя первые два тома Куракинскаго архива, успѣлъ подготовить къ изданію нынѣ вышедшій третій и даже отпечатать часть его, какъ внезапно, въ самый разгаръ занятій по

изданію, былъ застигнутъ смертью. Продолженіе дѣла, какъ и слѣдовало ожидать, издателемъ кн. Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ было поручено г. Смольянинову, инціатору этого изданія и одному изъ ближайшихъ помощниковъ въ немъ М. И. Семевскаго. Третья книга «Архива», не смотря на двойную редакцію, какъ по внѣшности, такъ и по внутренней группировкѣ матеріала, совершенно соотвѣтствуетъ обѣимъ предыдущимъ: лишь опущены (если не считать необходимыхъ указаній, откуда тотъ или другой документъ почерпнутъ) примѣчанія къ издаваемымъ актамъ и другимъ бумагамъ, которыя мы встрѣчали на страницахъ первой книги «Архива». Принимая въ соображеніе, что послѣдвія носили не всегда научный характеръ, объ этомъ особенно сожалѣть не можемъ, но зато мы съ удовольствіемъ увидѣли бы на страницахъ продолжающагося изданія примѣчанія другаго рода: библіографическія указанія относительно тѣхъ изъ документовъ, которые уже раньше цѣликомъ или въ извлеченіи были изданы или вообще послужили матеріаломъ для историковъ данной эпохи. Конечно, прибавить такого рода примѣчанія было бы не такъ легко, но, во всякомъ случаѣ, они принесли бы большую пользу «родной землѣ и наукѣ», которымъ посвящается изданіе (пред., XVIII), чѣмъ многочисленныя, но ничего не говорящія виньетки и заставки академика Ѳ. Г. Солнцева.

Обращаясь къ содержанію книги, мы находимъ въ ней матеріалъ довольно разнородный. Въ послѣдовательномъ порядкѣ помѣщены: 1) грамоты, наказы, указы, письма царя и императора Петра I, всеподданнѣйшія записки, проекты и донесенія князя Бориса Ивановича Куракина (1712—1723 гг.); 2) лейбъ гвардіи Семеновскій полкъ, 1704—1709 гг.: приказы, рапорты, вѣдѣнія, извѣстія, росписи, донесенія, табели и письма; 3) статьи по разнымъ предметамъ и замѣтки князя Бориса Ивановича Куракина, 1698—1724 гг.; 4) протоколы посольствъ (дипломатическіе мемуары) князя Б. И. Куракина, 1708—1712 гг.; 5) письма князя Бор. Ив. Куракина къ разнымъ лицамъ, 1705—1720 гг.; 6) родословіе князей Куракиныхъ въ X—XIX вв.; и, наконецъ, 7) надписи на гробницахъ князей Куракиныхъ въ Чудовомъ и Новоспасскомъ монастыряхъ въ Москвѣ, большею частью провѣренныя лично самимъ редакторомъ изданія В. Н. Смольяниновымъ.

Многіе изъ публикуемыхъ матеріаловъ, не поддаваясь никакой обработкѣ, навѣрное, останутся вѣчно сырьемъ, тѣмъ, что называется «историческимъ мусоромъ» (такова добрая половина матеріаловъ для исторіи Семеновскаго полка), другіе, однако, представляютъ нѣкоторый, иногда живой интересъ. Любопытны въ общемъ замѣтки, отрывки дневника и кое-какія наблюденія кн. Б. И. Куракина, относящіяся къ его пребыванію за границею при различныхъ дворахъ: здѣсь онъ зачастую живо представляетъ закулисную сторону европейской дипломатіи начала XVIII в., придворные нравы, даетъ характеристики нѣкоторыхъ сановниковъ англійскихъ и итальянскихъ и т. п. Взгляды князя на различные вопросы внутренней и внѣшней политики изложены въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ, большей частью отрывочныхъ, замѣтокъ, записокъ и докладовъ, не представляющихъ, однако, существенно ничего новаго. Борисъ Ивановичъ былъ, какъ извѣстно, убѣжденный сторонникъ новаго направленія, мечталъ о пересадкѣ въ Россію европейскихъ наукъ, главнымъ образомъ практическихъ, проектировалъ увеличеніе ремесленныхъ и торговыхъ классовъ общества, указывая на

примѣръ Англіи и Голландіи, которымъ «слава, честь и сила пришла отъ богатства, а богатство отъ ремесленныхъ и купечества». Въ области политики Борисъ Ивановичъ подъ конецъ своей дѣятельности сталъ ревностнымъ поборникомъ идеи о франко-русскомъ союзѣ; въ докладной запискѣ государю онъ заявляетъ, что «интересъ есть такъ великой, какъ настоящаго времени, такъ и на предбудущее, учинить тѣсное обязательство съ Франціею, что за непотребно много разсуждать, къ чему есть многіе резоны и т. д.» (стр. 249). Много мѣста въ настоящемъ томѣ занимаютъ часто личныя семейныя дѣла князя Бориса Ивановича, особенно, что касается состоянія здоровья послѣдняго и его денежныхъ дѣлъ. Здоровье князя съ самой молодости было расшатано цѣлымъ десяткомъ различныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, кажется, потому, что онъ, по собственному признанію, «житья былъ невоздержнаго, обще сказать, во всемъ» (стр. 229). Разсужденія объ этихъ болѣзняхъ, способы ихъ леченія, «ордины» заграничныхъ докторовъ, занимаютъ въ настоящемъ томѣ «Архива» довольно много мѣста и, зачастую, весьма любопытны. То же можно сказать о денежныхъ дѣлахъ Бориса Ивановича. Жалобами на безденежье, интересными данными о матеріальной сторонѣ жизни нашихъ посланниковъ за границею, полны многія изъ его писемъ и замѣтокъ. Плохи особенно матеріальныя дѣла князя стали къ концу его карьеры, вѣроятно, въ зависимости отъ общаго истощенія средствъ государства. Въ 1723 г., когда 4-я часть жалованья у него была отнята, онъ сдѣлалъ расчетъ своимъ доходамъ и расходамъ, и оказалось, что ему остается на все лишь 12.433 гульдена въ годъ. Отчасти и семейныя непріятности нарушали его матеріальное благосостояніе. Подъ 1720 г. находимъ слѣдующее, продиктованное отчаяніемъ, письмо Бориса Ивановича къ графу Головкину: «Какъ изъ писемъ вашихъ, моего государя, такъ и изъ копій, приложенныхъ, усмотрѣлъ, къ великой мнѣ печали, отвѣтъ безпутной жены моей, что она претендуетъ деревнями всѣми владѣть по свой вѣкъ, а безъ того ничего не хочетъ дѣлать. Ей, милостивый государь! Привела меня она, безпутная жена моя, въ такую дисперацію, что не знаю самъ, что могу дѣлать... А нынѣ иного способа не вижу, чтобъ его царское величество, по высокой своей милости, ежели я достоинъ оной имѣть, вмѣсто-бъ всякаго награжденія, повелѣлъ бы ее, жену мою безпутную, постричь и избавилъ бы меня вѣчнаго стыда и печали...» (стр. 384). Что касается внѣшней стороны замѣтокъ, а отчасти и писемъ Бориса Ивановича, нужно отмѣтить его манеру рядомъ съ длинными фразами на иностранныхъ языкахъ, главнымъ образомъ итальянскомъ, иногда писать порусски латинскою абецедою; дѣлается это, кажется, не безъ цѣли, напримѣръ, въ небольшой замѣткѣ для памяти онъ пишетъ: «Aftamonu Ivanovu suqna portisco na Moscue dobrago cupid a scazad, butto v Amstradame cupleno» (стр. 154).

В. Н. Смольяниновъ въ предисловіи къ настоящей книгѣ «Архива» сообщаетъ, что бумагамъ кн. Б. И. Куракина будетъ посвящено еще семь томовъ настоящаго изданія. Мы можемъ лишь пожелать скорѣйшаго выхода ихъ въ свѣтъ, такъ какъ та громадная услуга, которая этимъ будетъ оказана Петровской эпохѣ, внѣ всякаго сомнѣнія. **А. Л—нъ.**

Путешествіе миссъ Марсденъ въ Якутскую область и посѣщеніе ею прокаженныхъ. Москва. 1892.

Еще недавно, по поводу поѣздки миссъ Марсденъ въ Восточную Сибирь, для ознакомленія съ положеніемъ якутовъ, страдающихъ проказой, въ газетахъ появлялось не мало статей и замѣтокъ, посвященныхъ вопросу о призрѣніи и леченіи прокаженныхъ инородцевъ въ Якутской области. Но, какъ бываетъ часто у насъ со многими возникающими «вопросами», и въ данномъ случаѣ вниманіе русскаго общества къ прокаженнымъ якутамъ, до извѣстной степени вызванное участіемъ въ этомъ дѣлѣ миссъ Марсденъ, можетъ постепенно улетучиться, а задуманное дѣйствительно доброе дѣло помощи больнымъ проказою можетъ не получить желаемаго осуществленія. Вотъ, чтобы поддержать въ русскомъ обществѣ и въ средѣ благотворителей интересъ къ дѣлу призрѣнія прокаженныхъ якутовъ, въ Москвѣ издана книжка, названіе которой обозначено выше. При этомъ не лишне замѣтить, что вся выручка отъ продажи книжки предназначается въ фондъ на устройство колоній для прокаженныхъ.

Во введеніи къ этому изданію излагается краткая исторія вопроса о призрѣніи и леченіи прокаженныхъ якутовъ,— вопроса, возбужденнаго и поставленнаго на очередь мѣстной восточно-сибирской администраціей. Затѣмъ сообщаются біографическія свѣдѣнія о миссъ Кэтти Марсденъ, которой, какъ оказывается, случилось побывать во многихъ странахъ. Во время послѣдней русско-турецкой войны въ 1877 году она въ качествѣ сестры милосердія ухаживала за ранеными; жила она нѣкоторое время въ Новой Зеландіи, въ городѣ Веллингтонѣ, гдѣ состояла начальницей госпиталя. Возвратившись въ Англію и заинтересовавшись дѣломъ призрѣнія и леченія прокаженныхъ, миссъ Марсденъ посѣтила Египетъ, Палестину, Аравію, островъ Кипръ и Константинополь. Предполагала она отправиться въ Индію съ тою же цѣлью, но, узнавъ, что въ Сибири есть прокаженные и что они будто бы излечиваются какой-то мѣстной травой, она рѣшила отыскать эту траву и доподлинно изучить ея цѣлебныя свойства. По пріѣздѣ въ Петербургъ въ концѣ 1890 года, она была представлена ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ и «получила отъ ея величества письмо, которое обезпечивало ее помощью и покровительствомъ впродолженіе всего ея путешествія по Сибири». Въ книжкѣ описывается самое путешествіе миссъ Марсденъ по Сибири до Вилюйскаго округа (Якутской области), гдѣ особенно много якутовъ, страдающихъ проказой. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ собственно о посѣщеніи миссъ Марсденъ прокаженныхъ и объ условіяхъ ихъ ужаснаго существованія. Результатомъ этого знакомства съ больными проказой явился проектъ колоніи для прокаженныхъ якутовъ, сущность котораго тутъ же въ книжкѣ изложена и на осуществленіе котораго, по расчету миссъ Марсденъ, требуется единовременно 90.000 рублей и ежегодно по 10.000 рублей. Къ описанію путешествія приложены копіи съ четырехъ документовъ (изъ нихъ одинъ на якутскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ), свидѣтельствующихъ о трудахъ и лишеніяхъ миссъ Марсденъ во время поѣздки ея по Сибири, а также о чувствахъ благодарности, вызванныхъ этой иностранкой въ средѣ какъ больнаго, такъ и здороваго населенія Якутскаго края.

Въ концѣ изданія помѣщена статья профессора А. И. Поспѣлова. «Что такое проказа?». Въ статьѣ излагается исторія распространенія этой бо-

лѣзни по разнымъ странамъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, кратко передается исторія изученія нашими врачами этой болѣзни въ предѣлахъ Россіи; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе по вопросамъ о томъ, что такое проказа, чѣмъ она обусловливается, по скольку она заразительна и чѣмъ врачи въ состояніи помочь прокаженнымъ. Подробностей интересной статьи проф. Поспѣлова мы не приводимъ, отсылая читателей къ разбираемой нами книжкѣ. Замѣтимъ только, что по вопросу о леченіи и призрѣніи прокаженныхъ авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Пріюты для прокаженныхъ должны быть учреждаемы не въ формѣ больницъ, гдѣ больные обрекаются на бездѣйствіе, а именно въ видѣ пріютовъ-колоній съ прирѣзаннымъ къ нимъ участкомъ земли, которую могли бы обработывать отчасти и больные, а для женщинъ, кромѣ того, устроить рукодѣльныя мастерскія. Къ этому слѣдуетъ добавить, что лепрозеліею (т. е. пріютомъ для прокаженныхъ) долженъ завѣдывать врачъ, изучившій болѣзни кожи и спеціально подготовленный въ изученіи проказы. Такія образцовыя лепрозеліи уже выстроены: одна близь Риги, другая близь Дерпта, по типу коихъ должна быть устроена и лепрозелія въ Якутскѣ».

Въ чести восточно-сибирской администраціи слѣдуетъ сказать, что вопросъ о положеніи прокаженныхъ якутовъ ее интересовалъ еще до поѣздки миссъ Марсденъ въ Якутскую область. Главнѣйшія свѣдѣнія по этому важному вопросу мы находимъ во введеніи къ книжкѣ. Здѣсь не лишне припомнить, что обширная Якутская область ($3^1/_2$ милліона кв. верстъ), расположенная на дальнемъ востокѣ Сибири, занята незначительнымъ по числу населеніемъ (около 250 тысячъ д. об. п.). На половину оно состоитъ изъ якутовъ, народа монгольскаго происхожденія, остальную часть образуютъ русскіе (до 100 тысячъ) и инородческія племена—чукчи, тунгусы и др. Область дѣлится на пять округовъ, состоящихъ изъ улусовъ (волостей) и наслеговъ (селеній и обществъ). Изъ округовъ области въ данномъ случаѣ представляется интереснымъ Вилюйскій, простирающійся на 883 тысячи кв. верстъ и состоящій изъ четырехъ улусовъ: Вилюйскаго, Средне-Вилюйскаго, Маріинскаго и Сунтарскаго. Этотъ округъ расположенъ въ мѣстности, почти сплошь покрытой лѣсами, болотами и озерами. Большинство якутовъ Вилюйскаго округа люди очень бѣдные, живутъ въ юртахъ самаго первобытнаго устройства, которыя вдобавокъ содержатся въ высшей степени] неопрятно. Въ тѣхъ же юртахъ въ сильные морозы помѣщаются коровы и лошади. Большая часть бѣдняковъ Вилюйскаго округа совсѣмъ незнакомы ни съ мясной, ни съ молочной, ни съ мучной пищей и почти исключительно питаются мелкой озерной рыбой, очень часто гнилою. Эти бѣдняки, главнымъ образомъ жители Средне-Вилюйскаго улуса, кромѣ недостатка въ пищѣ, терпятъ всевозможную нужду: у нихъ нѣтъ ни бѣлья, ни платья въ достаточномъ количествѣ; живутъ они въ болотистой нездоровой мѣстности и вообще при самыхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Благодаря этому, вѣроятно, и получила свое развитіе среди нихъ страшная болѣзнь «проказа». Дѣйствіе этой болѣзни на человѣческій организмъ поистинѣ ужасно. Все лицо и тѣло больнаго проказой покрывается пятнами, буграми и язвами. Организмъ человѣка постепенно разрушается: отпадаютъ пальцы на рукахъ и ногахъ; при дальнѣйшемъ развитіи болѣзни отпадаютъ и цѣлыя конечности. Въ такомъ положеніи несчастные могутъ прожить нѣсколько десятковъ лѣтъ. Якуты считаютъ проказу заразительной болѣзнью и при

малѣйшемъ подозрѣніи въ ней удаляютъ больнаго изъ селенія подальше отъ здоровыхъ людей, куда нибудь въ лѣсъ, въ глушь, и строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ сообщеній съ здоровыми людьми. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи оказываются эти несчастные больные, покинутые на произволъ судьбы, безъ всякаго ухода, живущіе въ плохихъ юртахъ и питающіеся скверной и скудной пищей! Мѣстная администрація нѣсколько разъ обращала вниманіе на положеніе этихъ больныхъ, напримѣръ, въ 1827 году и въ 1860 году. Въ послѣднемъ году были даже устроены больничныя юрты, хотя и плохія, на 40 прокаженныхъ, но за недостаткомъ средствъ и это маленькое доброе дѣло прекратилось. Въ 1890 г. якутской администраціей были собраны свѣдѣнія о прокаженныхъ и составленъ проектъ устройства колоній для нихъ. Въ 1891 году г. якутскимъ врачебнымъ инспекторомъ была совершена поѣздка въ Вилюйскій округъ для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ прокаженныхъ.

Всѣ свѣдѣнія и проекты по вопросу о призрѣніи и леченіи прокаженныхъ якутовъ теперь представлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ вполнѣ одобрены предположенія мѣстной администраціи по этому дѣлу. Рѣшеніе вопроса останавливается главнымъ образомъ изъ-за недостатка средствъ. Можно, однако, надѣяться, что частная благотворительность придетъ на помощь правительству въ этомъ благомъ дѣлѣ. Разобранная нами книжка, изданіемъ которой преслѣдуется именно эта благотворительная цѣль, составлена опытной рукой, напечатана четкимъ, крупнымъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ и сопровождается девятью отдѣльными рисунками, одной картой и нѣсколькими рисунками въ текстѣ. Изданіе это можетъ быть названо даже изящнымъ и при недорогой цѣнѣ (одинъ рубль), вѣроятно, достигнетъ предположенной цѣли. **А. О.**

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ IX (X). Трактаты съ Англіею. 1710—1801. Спб. 1892.

Давнишняя «дружба» Россіи съ Англіей, начавшаяся еще въ XVI в., не совсѣмъ понятна для человѣка, мало знакомаго съ ея исторіей, не знающаго о ея происхожденіи. Непонятно, какимъ образомъ могли завязаться дружескія отношенія между двумя государствами, владѣнія которыхъ до самаго послѣдняго времени не соприкасались другъ съ другомъ, а политическіе интересы не только не были общими, но даже расходились; непонятно также, какъ съ самыми, повидимому, близкими союзными отношеніями могли совмѣщаться факты, показывающіе явное недоброжелательство одного изъ союзниковъ (Англіи). Трудъ профессора Мартенса, заглавіе котораго мы сейчасъ привели, посвященъ исторіи этихъ отношеній. Авторъ, издавая подлинники трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ Англіей, счелъ необходимымъ для надлежащаго освѣщенія печатаемыхъ документовъ дать историческій очеркъ сношеній, который довелъ до вступленія на престолъ Александра I. Для своего очерка авторъ воспользовался какъ архивнымъ матеріаломъ, найденнымъ имъ въ Лондонѣ, такъ и печатнымъ. Древнѣйшій періодъ этой исторіи, до Петра I, впрочемъ, составленъ, на основаніи исключительно общихъ трудовъ по русской исторіи, и составленъ довольно бѣгло. Сношенія Ивана Грознаго съ Англіей изложены да-

леко не такъ обстоятельно, какъ въ извѣстномъ трудѣ С. М. Середонина: «Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth», какъ историческій источникъ», но на столько полно, однако, что читатель получаетъ вполнѣ опредѣленное понятіе, какъ о началѣ, такъ и о самомъ характерѣ дружбы.

Начались сношенія Россіи съ Англіей совершенно случайно. Послѣ открытія Америки, сильно подорвавшаго англійскую торговлю въ Западной Европѣ, англичане начали искать новыхъ рынковъ, отправили цѣлую экспедицію, «открыли» Московію, и начались сношенія. Такимъ началомъ дружбы объясняется и ея характеръ. Англичане не могли смотрѣть на Московію иначе, какъ на рынокъ, который они открыли для своего обогащенія и который поэтому нужно было эксплоатировать. Иванъ Грозный, принявшій англійскихъ купцовъ, давшій имъ въ ущербъ собственной торговлѣ большія торговыя привиллегіи, почувствовалъ это при первой же попыткѣ завязать отношенія другаго характера. Всѣ его предложенія заключить оборонительный и наступательный союзъ, «быть во всѣхъ дѣлахъ за одно», прислать архитектора, аптекаря и людей, знакомыхъ съ горнымъ дѣломъ, не смотря на большую настойчивость царя, оставались неудовлетворенными. Англія всегда преслѣдовала только свои торговые интересы, которые тщательно оберегала какъ отъ другихъ иностранцевъ, такъ и отъ самихъ русскихъ. Она боялась увеличенія правъ русскаго купечества, боялась также усиленія Россіи. Когда Петръ Великій, добившись побережья Балтійскаго моря, хотѣлъ уже прекратить обременительную для Россіи войну со Швеціей, обратился къ Англіи, бывшей съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, съ просьбой принять посредничество для заключенія мира съ Швеціей, Англія осталась къ этой просьбѣ совершенно равнодушной. Когда же Петръ I продолжалъ войну и самостоятельно добивался заключенія мира на выгодныхъ для себя условіяхъ, Англія, считавшая для себя невыгоднымъ допустить русскихъ къ Балтійскому морю, выслала свой флотъ въ это море для поддержанія интересовъ Швеціи, чѣмъ выказала явное недоброжелательство къ Россіи. Тѣмъ не менѣе, какъ до, такъ и послѣ этого факта Англія не переставала толковать о «естественной дружбѣ», связывающей два государства, а Россія давать англійскимъ купцамъ большія привиллегіи. Допуская такія отношенія, позволяя эксплоатировать себя, Россія всегда надѣялась на политическій союзъ съ Англіей, настойчиво добивалась заключенія его, такъ какъ это было очень важно для борьбы Россіи съ ея исконнымъ врагомъ—Турціей. Англія, однако, боявшаяся усиленія Россіи, а также потери своей торговли съ Турціей, подъ разными предлогами уклонялась отъ такого союза, старалась поддерживать только торговыя отношенія до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, необходимость не заставила ее обратиться къ Россіи съ такимъ же предложеніемъ для защиты своихъ ганноверскихъ владѣній, отъ нападенія прусскаго короля Фридриха Великаго, и усмиренія Сѣверо-Американскихъ колоній, возставшихъ въ 1774 году. Какой, однако, это былъ союзъ, лучше всего видно изъ словъ Екатерины II, которая говорила: «Съ кѣмъ бы они (англичане) ни имѣли войну, они требуютъ отъ насъ полъмилліона, но если у насъ война съ тою единственной державой, которая можетъ быть для насъ страшна — съ турками, они намъ ничего не даютъ» (320 стр.). Безцеремонность, съ которой относилась Англія къ Россіи, доходила до того, что, заключивши союзъ съ Россіей противъ прусскаго короля,

Англія позволила себѣ на другой же почти день заключить такой же союзъ съ прусскимъ королемъ, находя это болѣе выгоднымъ для себя. Все это происходило вслѣдствіе того основнаго принципа, который положенъ англичанами въ основу ихъ сношеній съ Россіей съ самаго начала. Англія смотрѣла на Россію сначала, какъ на рынокъ, а затѣмъ, какъ на государство, которое можно эксплоатировать, и потому въ сношеніяхъ своихъ постоянно наблюдала исключительно выгоды Англіи, нисколько не думая о выгодахъ Россіи. Правительство Екатерины II, впервые, можно сказать, понявшее политику англичанъ и твердо охранявшее интересы Россіи, вызывало со стороны англичанъ разнаго рода нападки, упреки и насмѣшки, выражавшіеся какъ въ донесеніяхъ англійскихъ посланниковъ, такъ и въ цѣлой массѣ памфлетовъ, печатавшихся въ Англіи.

Особенно возмущалъ англичанъ извѣстный «вооруженный нейтралитетъ», сильно ограничивавшій англійскихъ корсаровъ. Подъ предлогомъ, не провозитъ ли то или другое судно военной контрабанды, корсары нападали на него и забирали всѣ товары. Мусинъ-Пушкинъ постоянно доносилъ о «грабительствахъ» и «нагломъ поведеніи» англійскихъ каперовъ. «Всѣ здѣшнія новости,—писалъ онъ своему двору 26 сентября 1778 года,—состоятъ на сіе время въ однихъ только ежедневныхъ призахъ. Алчность, съ которою отважные промышленники насыщаютъ свое корыстолюбіе, составляетъ теперь главнѣйшую пользу всей нынѣшней аглинской войны» (стр. 298). Прусскій, датскій, шведскій, голландскій, португальскій и венеціанскій посланники неустанно подавали англійскому правительству жалобы на безчинства, безнаказаннымъ образомъ совершаемыя англійскими корсарами, и требовали вознагражденія за причиненные ущербъ и убытки. Англійскіе министры прибѣгали къ весьма простому способу, чтобъ избѣжать непріятныхъ словесныхъ объясненій съ представителями нейтральныхъ державъ: «они не принимали ихъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и избѣгали всякой съ ними встрѣчи» (стр. 299). Такое отношеніе англійскаго правительства побудило Екатерину II изыскать способы для охраненія законныхъ интересовъ торговли какъ своей, такъ и другихъ нейтральныхъ государствъ, и въ 1780 году она издала извѣстную декларацію къ дворамъ Версальскому, Мадридскому и Лондонскому, имѣвшую цѣлью охранить торговые интересы нейтральныхъ государствъ во время войны Англіи съ Франціей и Испаніей. Декларація эта была встрѣчена чрезвычайно сочувственно всей Европой, кромѣ Англіи. Послѣдняя видѣла въ ней «опасный и произвольный актъ», вслѣдствіе котораго Англія должна или объявить войну Россіи и ея союзникамъ, или же позволить неограниченно помогать всѣмъ врагамъ Англіи (стр. 312). Какъ ни старалась Екатерина II, которой, по совершенно справедливому мнѣнію профессора Мартенса, принадлежитъ вся идея деклараціи 1780 года, заставить Англію признать вооруженный нейтралитетъ, но добиться этого не могла. Слишкомъ ужъ твердо держались англичане своего основнаго принципа.

В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Двѣ англійскихъ книги о голодѣ въ Россіи.—Изслѣдованія русскаго професора объ исторіи Англіи въ средніе вѣка.—Переводы романовъ А. К. Толстого, Потапенко и Короленко. — Романъ о жидахъ въ Россіи. — Книга Прайса о Сибири и Монголіи. — Неуспѣшная проповѣдь мисіонера. — Характеристика Вильгельма II и его сосѣдей. — Фантазія нѣмецкаго ученаго. — Сентиментально-дипломатическій бракъ въ XVII вѣкѣ.

ЫВШАЯ у насъ въ прошломъ году голодовка дала, конечно, поводъ къ появленію въ Западной Европѣ брошюръ съ оцѣнкою этого явленія—болѣе всего съ политической, а не съ экономической точки зрѣнія и, разумѣется, въ недоброжелательномъ для насъ направленіи. О трудахъ по этой части нашихъ добрыхъ сосѣдей мы уже не будемъ говорить, до того всѣ ихъ выводы и наблюденія лишены не только безпристрастія, но и приличія, но вотъ книга, рекомендуемая критикою нашихъ другихъ доброжелателей, какъ произведеніе, заслуживающее вниманія: «По Россіи, пораженной голодомъ» (Through famine-stricken Russia); авторъ ея какой-то Барнесъ Стевени, повидимому, мадьяръ, если не жидъ. Это петербургскій кореспондентъ газеты «Daily Chronicle», гдѣ онъ первоначально помѣщалъ свои письма, до изданія ихъ отдѣльною книгою. Изъ долгаго его пребыванія въ Россіи критика находитъ, что онъ долженъ хорошо знать русскую жизнь, чего, однако, вовсе не видно изъ его писемъ, хотя «Атенеумъ» говоритъ, что это вѣрная и фотографическая картина народнаго бѣдствія, которой вредитъ только мѣстами недосмотръ или поспѣшность выводовъ. «Такъ,—говоритъ газета,—авторъ приводитъ слѣдующія слова графа

Бобринскаго: «я закрылъ всѣ кабаки на моихъ земляхъ и запретилъ продажу водки. Но это не помѣшало крестьянамъ отправляться въ сосѣднія деревни и напиваться тамъ этимъ вреднымъ питьемъ, пока я или мои управляющіе не замѣчали этого. Всѣхъ крестьянъ, кому я сдавалъ землю, я заставлялъ подписывать условіе — не пить водки. Кто нарушалъ это обязательство, тотъ изгонялся». Гр. Бобринскій,—прибавляетъ критикъ англійской газеты,—принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ джентльменовъ во всей Русской имперіи. Какъ же могъ авторъ приписывать ему, безъ всякихъ коментаріевъ, невозможныя слова? Русскаго крестьянина нельзя согнать съ земли, и деревни не принадлежатъ тамъ феодальнымъ лордамъ. Русскія деревни управляются самостоятельно, и ихъ общиннымъ владѣніемъ гордятся славянофилы. Земство или мѣстный совѣтъ имѣетъ право запретить продажу вина въ извѣстной мѣстности, но этого не можетъ сдѣлать никакой магнатъ по своему произволу». По этому образцу правдивости можно судить, каковы и другіе выводы автора. Причину голода онъ видитъ въ повальномъ пьянствѣ, и рисуетъ картину русской жизни въ юмористическомъ родѣ. Но и тутъ англійская критика замѣчаетъ ему, что онъ напрасно старается подражать Марку Твену и разсказываетъ несбыточныя вещи, какъ, напримѣръ, что онъ пріѣхалъ совершенно голодный изъ Петербурга въ Москву по желѣзной дорогѣ, тогда какъ буфеты на этой дорогѣ славятся въ кулинарномъ отношеніи. Книга Стевени написана плохимъ языкомъ, за то полна благочестивыми размышленіями.

— Другой англійскій кореспондентъ Годжетсъ также составилъ изъ своихъ писемъ книгу подъ названіемъ «По пути русскаго голода» (In the trace of the russian famine). Этотъ рисуетъ въ меланхолическомъ тонѣ мрачную картину бѣдствія, постигнувшаго наши губерніи, но смягчаетъ ее описаніемъ усилій русскихъ дворянъ и женщинъ помочь народному горю. Причину голода Годжетсъ видитъ въ постепенномъ обѣднѣніи крестьянъ втеченіе многихъ лѣтъ. У него больше желанія быть правдивымъ, и свою любовь къ истинѣ онъ простираетъ даже до того, что въ одномъ мѣстѣ своей книги, гдѣ говоритъ о Крымской войнѣ, обвиняетъ своихъ соотечественниковъ въ томъ, что во время атаки отряда англійской кавалеріи при Балаклавѣ весь онъ былъ пьянъ. Подобныя обвиненія не разъ встрѣчались въ военной исторіи, но ихъ ничѣмъ нельзя было доказать. Подтвердился только приказъ 2-го декабря 1851 года Луи-Наполеона напоить кавалеристовъ, прежде чѣмъ пустить ихъ на парижскіе бульвары топтать и рубить безоружныхъ гражданъ. Авторъ хотя и состоитъ на службѣ въ телеграфномъ агентствѣ Рейтера, систематически враждебномъ Россіи, относится къ ней, однако, съ большой симпатіей. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ характеризуетъ русскаго крестьянина: «Это привлекательный (charming), любезный, благодушный добрякъ, безъ всякихъ порочныхъ наклонностей, кромѣ нѣкотораго пристрастія къ пьянству, и безо всякихъ непріятныхъ слабостей». Но онъ сознается, что всѣ отрасли сельскаго хозяйства въ Россіи въ упадкѣ, а ея благосостояніе сильно пошатнулось, и теперь не истощена почва только на Кавказѣ, сдѣлавшемся житницею Россіи, какъ прежде была Самарская и юговосточныя губерніи, а прежде Малороссія. Даже желѣзныя дороги не помогли подняться крестьянскимъ промысламъ. «Крестьянинъ и джентльменъ не понимаютъ другъ друга, они такъ далеки другъ друга, какъ будто принадлежатъ различнымъ націямъ». Положеніе нѣмецкихъ ко-

лонистовъ по Волгѣ такое же печальное, а ихъ до 300.000. Годжетсъ прибавляетъ, что имъ было бы лучше всего оставить Россію, тѣмъ болѣе, что ихъ тамъ притѣсняютъ. Такого сужденія трудно было ждать отъ такого правдиваго автора. Ужъ если нѣмцамъ не хорошо на Руси, такъ они не наводняли бы такъ усердно наши окраины и всѣ служебныя мѣста. Общій выводъ автора смахиваетъ на изреченія оракула: «что принесетъ будущее,— можетъ показать только само будущее».

— Книга профессора Виноградова о любопытномъ періодѣ англійской исторіи въ среднихъ вѣкахъ возбудила большое вниманіе и заслужила вездѣ самые лестные отзывы. Серьезный критическій разборъ помѣстила миссъ Люси Тульминъ-Смитъ въ журналѣ «Academy» (Vilainage in England. Essays in english mediaeval history, by Paul Vinogradoff, professor in the university of Moscow). Критикъ говоритъ, что Виноградовъ не первый русскій, изслѣдующій англійскую исторію, но первый, представившій на англійскомъ языкѣ изслѣдованія по изученію сухихъ средневѣковыхъ документовъ. Это не юридическое сочиненіе, а скорѣе философскій этюдъ соціальныхъ вопросовъ, картина жизни англійскихъ деревень въ XII и XIII вѣкахъ со стороны ихъ бытового и отчасти феодальнаго устройства, но не военнаго и не духовнаго. Описаніе касается также экономическихъ и правовыхъ отношеній. Въ каждой деревнѣ прочно установилось сознаніе, что главный факторъ соціальной жизни—община, а не отдѣльное частное лицо. Она одна отвѣчаетъ за правильное взиманіе налоговъ, за порядокъ и спокойствіе. Древняя община, не смотря на феодальную систему, пользовалась извѣстной долей свободы, и за развитіемъ ея слѣдитъ авторъ книги, въ двухъ ея отдѣлахъ, озаглавленныхъ «Крестьянство въ феодальное время» и «Помѣстье и сельская община». Авторъ изучилъ всѣхъ предшественниковъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ: Мэна, Насле, Зеебома, Эльтона, Поллока, Майтланда, во введеніи разбираетъ ихъ положенія и выводы. Онъ не держится ни системы германистовъ, видящихъ, какъ Кембль, Фриманъ и Гнейстъ, въ англійскихъ учрежденіяхъ основы свободныхъ тевтонскихъ обычаевъ, ни ученія приверженцевъ романскаго начала, какъ Савиньи, Тьерри, Пальгревъ, приписывающихъ основную идею всякаго учрежденія римской цивилизаціи. Тевтонское начало преобладаетъ, однако, въ Англіи надъ идеею римской civitas. Въ первыхъ четырехъ главахъ авторъ излагаетъ положеніе крестьянства, его права и обязанности по отношенію къ доменамъ. Легальное положеніе крестьянина, зависѣвшее и отъ завоеванія страны, и отъ феодальныхъ принциповъ, и отъ римскаго законодательства, и отъ власти королевскихъ судовъ, на практикѣ измѣнялось согласно съ экономическими условіями ихъ быта. Г. Виноградовъ находитъ, что феодализмъ предохранялъ крестьянство отъ обращенія въ крѣпостное состояніе. Въ средніе вѣка не было ни невольничьихъ рынковъ, ни продажи рабовъ. Рабочіе пользовались извѣстными привилегіями, на земледѣльца, хотя и зависѣвшаго отъ лорда, смотрѣли какъ на орудіе главнаго богатства страны— сельскаго хозяйства. Свободная аренда земель и фермерство рано упрочились въ Англіи, хотя существовали разные виды свободнаго и принудительнаго труда, свободнаго и закабаленнаго крестьянства. Все это подробно и отчетливо описано и выяснено въ замѣчательномъ трудѣ русскаго профессора.

— Переводы русскихъ романовъ и романы изъ русской жизни по-

являются въ изобиліи и на англійскомъ языкѣ. Такъ, втеченіе одного мѣсяца вышли переводы «Князя Серебрянаго», «Генеральской дочери» г. Потапенко и «Сонъ Макара» и другія повѣсти г. Короленко. Говоря о романѣ А. К. Толстого (The terrible czar, a romance of the time of Ivan the terrible, by A. K. Tolstoï, translated by capt. H. Clare Filmore), англійская критика находитъ, что время историческаго романа прошло, и что нѣтъ никакого интереса знакомиться въ произведеніяхъ писателей съ эпохами, которымъ мы не можемъ симпатизировать и которыя насъ заставляли изучать еще на школьной скамьѣ. Вѣдь въ наше время скучно читать и Вальтера Скотта. Еще разсказы о такихъ «дикихъ странахъ, какъ Россія» могутъ интересовать читателя, «а повѣсть Толстого принадлежитъ къ такимъ произведеніямъ, заставляющимъ насъ содрогаться и переносящимъ насъ въ новый и странный міръ. Графъ Толстой никому не подражаетъ, разсказываетъ просто и не наскучаетъ безконечными описаніями. Но какъ художественное произведеніе «Грозный царь» гораздо ниже «Анны Карениной», съ ея грозной логикой и глубокимъ психическимъ анализомъ». Но критикъ «Атенеума» увѣряетъ, что даже въ «Prince Siryebreny» есть тенденція, и поэтому романъ такъ нравится русскимъ. Цензура объявила войну всякимъ тенденціямъ, и авторъ счелъ своей обязанностью посмѣяться надъ ней, выводя Ивана IV, не смотря на всѣ его жестокости и злорадства, всетаки справедливымъ, а это прямой урокъ деспотизму всѣхъ временъ.

— О повѣсти г. Потапенко (The general's daughter, by J. N. Potapenko, translated by W. Gaussen) критика отзывается съ похвалою, находя, что авторъ тщательно отдѣлываетъ маленькіе разсказы, хотя и не можетъ создать ничего большого и серьезнаго. «Идеаловъ у него никакихъ нѣтъ, и для него, какъ для сапера во французской пѣснѣ, нѣтъ ничего святого». Хоть онъ не принадлежитъ къ школѣ реалистовъ, но послѣднее произведеніе его въ духѣ пессимизма, меланхолично и даже цинично. Къ героямъ своимъ онъ относится безучастно, интриги въ разсказѣ нѣтъ, героиня провинціальная кокетка, поступающая въ сельскія учительницы и кончающая самоубійствомъ. Гораздо выше разсказъ г. Короленко (Makar's dream and other stories by V. Korolenko and Ph. Volkhovski). Эта смѣсь фантастичнаго съ реальнымъ производитъ сильное впечатлѣніе, которое только расхолаживаютъ исторіи Волховскаго, неизвѣстно для чего сюда же приплетенныя.

— Въ любопытномъ сочиненіи, относящемся къ описанію Монголіи и сѣвернаго Китая, говорится гораздо больше о Россіи, чѣмъ объ этихъ странахъ. Книга носитъ названіе «Отъ Арктическаго океана до Желтаго моря» (From the Arctic ocean to the Yellow sea), а написана Юліемъ Прайсомъ, и заключаетъ въ себѣ описаніе его путешествія въ 1890—1891 году черезъ Сибирь, Монголію, степь Гоби и сѣверный Китай. Авторъ, художникъ лондонской «Илюстраціи», поѣхалъ на кораблѣ «Бискайя», англо-сибирскаго синдиката, въ Ледовитое море къ берегамъ Сибири и присылалъ оттуда въ журналъ письма и рисунки, являющіеся теперь въ отдѣльной книгѣ. Критика находитъ много лишняго въ этихъ письмахъ, а языкъ ихъ уже и совсѣмъ не подходящій къ серьезному сочиненію, но недостатокъ формы замѣняется интересомъ содержанія. «Бискайя» не въ первый разъ совершала путешествіе черезъ Карское море въ устья Енисея и по этой рѣкѣ въ Енисейскъ, но путь этотъ не всегда доступенъ для торговыхъ сношеній

между Англіей и Сибирью, и въ 1888 и 1889 годахъ капитанъ Виггинсъ напрасно старался пробиться сквозь льды Карскаго моря. Съ трудомъ удалось и Прайсу достигнуть Енисея, гдѣ надо было перегружать товары на рѣчной пароходъ «Фениксъ» и плохія баржи, готовыя каждую минуту разбиться о пустынные берега рѣки, по которой приходилось подниматься нерѣдко подъ снѣжною бурею. При такихъ условіяхъ трудно расчитывать на правильныя торговыя сношенія черезъ Карское море. Прайсъ отправился изъ Енисейска уже сухимъ путемъ на Красноярскъ, Иркутскъ и по кругобайкальской дорогѣ черезъ Кяхту въ Ургу, Калганъ, по степи Гоби на Пекинъ и Шанхай до Желтаго моря. По наблюденіямъ автора восточная Сибирь замѣтно развивается въ экономическомъ отношеніи, Монголія падаетъ съ каждымъ годомъ, а сѣверный Китай остается попрежнему промышленной, грубой и вонючей страною. Китайцы переселяются на сѣверъ за великую стѣну въ степь, начинаютъ ее обработывать, отгоняютъ кочующихъ на ней номадовъ, и выродившейся монгольской расѣ предстоитъ въ недалекомъ будущемъ слиться съ китайцами: въ ней нѣтъ и помину о храбрыхъ завоевателяхъ, покорившихъ нѣкогда среднюю Азію, Пекинъ, Индію, Россію, бывшихъ грозою Европы. Но болѣе всего Прайсъ говоритъ о Сибири, хвалитъ вообще ея коренныхъ обитателей, удивляется мягкости и снисходительности уголовнаго и исправительнаго наказанія острожнымъ и ссыльнымъ, подробно описываетъ тюрьмы, города, села, бытъ и нравы жителей, рисуетъ портреты чиновниковъ, купцовъ, крестьянъ, каторжниковъ и между послѣдними одной курляндской баронесы, отравившей своего мужа и содержащейся въ иркутской тюрьмѣ.

— Другая книга о Монголіи составлена Ловеттомъ по дневнику, письмамъ и отчетамъ Джемса Джильмоура (James Gilmour of Mongolia: his diaries, letters and reports. Edited and arranged by Richard Lovett). Джильмоуръ былъ миссіонеръ, болѣе 20-ти лѣтъ посвятившій проповѣдничеству въ Монголіи, въ Чантунгѣ и сѣверномъ Китаѣ. Онъ находитъ, что въ восточной Монголіи, гдѣ народъ ведетъ болѣе осѣдлую жизнь, онъ почти совсѣмъ слился съ китайцами. Шотландскій кальвинистъ сознается, однако, что ему въ 12 лѣтъ удалось обратить въ христіанство только одного монгола, потомъ число обращенныхъ увеличилось, но больше между китайцами, расчитывавшими получить разныя житейскія выгоды за свое обращеніе. А между тѣмъ, проповѣди его слушали 23.755 человѣкъ: миссіонеръ акуратно записывалъ всѣ цифры, роздалъ 7.500 священныхъ книгъ и брошюръ, истратилъ на обращенныхъ 400 рублей, лечилъ 5.767 человѣкъ и сдѣлалъ 1.860 миль. Честные и трезвые монголы-буддисты, не признающіе никакихъ обрядовъ и таинствъ, никакъ не хотѣли согласиться съ жестокими догматами (cruel dogma) вестминстерскаго конфесіонала и осыпали миссіонера вопросами: неужели адъ вѣченъ? неужели всѣ язычники, не слышавшіе о христіанствѣ, будутъ осуждены? и всѣ, кто не вѣрятъ, хоть и не грѣшатъ, и всѣ невѣрующіе англичане? Неужто новорожденный ребенокъ грѣшитъ, и можно наказывать однихъ за грѣхи другихъ? «На эти вопросы,— прибавляетъ Джильмоуръ,— я давалъ приличные (proper) отвѣты, но монголы не удовлетворялись ими». Книга полна интересныхъ выводовъ и наблюденій.

— Американскій публицистъ Пультней Биджелоу издалъ оригинальную брошюру «Германскій императоръ и его восточные сосѣди» (The german

emperor and his eastern neighbours). Въ брошюрѣ 180 страницъ, и половина изъ нихъ посвящена Вильгельму II, а вторая—его сосѣдямъ. Авторъ говоритъ, что онъ былъ товарищемъ императора и «имѣлъ возможность близко узнать всѣ планы и стремленія Вильгельма». Это уже второй американецъ, заявляющій претензію знать эти планы, но и онъ, какъ Гарольдъ Фредерикъ, не смотря на свой республиканизмъ, восхищается блестящими качествами Вильгельма, какъ моральными, такъ и умственными. Со времени Фридриха II не было въ Пруссіи такого монарха. Какъ у всѣхъ людей съ твердымъ характеромъ, у него есть и враги, но всѣ они иностранцы. Народъ любитъ его по тремъ причинамъ: онъ храбръ, честенъ и настоящій нѣмецъ. Сознаніе своихъ обязанностей передъ Германіею преобладаетъ въ немъ надъ всѣми другими чувствами. Тому, кто преданъ дѣятельной жизни, многое извиняется. Отъ личныхъ мнѣній о свойствахъ императора Биджелоу переходитъ къ описанію Россіи. Въ 24 часа переѣхалъ онъ изъ устьевъ Дуная въ Одессу и тотчасъ же высказываетъ свои сужденія «объ извѣстной всѣмъ системѣ преслѣдованія иностранцевъ въ Россіи». Какой-то нѣмецкій колонистъ, поселившійся въ южной мѣстности, жалуется, что переселенцы подавлены налогами, и что нѣмцевъ гонятъ не меньше, чѣмъ жидовъ. Въ Варшавѣ онъ видитъ тѣ же преслѣдованія и расписываетъ ихъ въ главахъ: «Польская точка зрѣнія» и «Русскій ценворъ». Поэтому «поляки обращаютъ свои взоры на Берлинъ, прося не свободы, но роскоши признанія человѣческаго достоинства». По границѣ между Россіею и Румыніею авторъ странствовалъ пѣшкомъ, такъ какъ между Рени и Галацомъ нѣтъ желѣзной дороги, хоть она и показана на картѣ. Рени, «куда Батенбергъ перевезъ все, что награбилъ во время своего бѣгства изъ Болгаріи», авторъ описываетъ, какъ самую грязную трущобу, хотя въ ней производятся большія дѣла съ хлѣбомъ. Но хлѣбъ этотъ назначенъ не для голодающихъ въ Россіи, а для пограничной арміи, расположенной въ числѣ 25 тысячъ на Прутѣ, отдѣляющемъ Россію отъ Румыніи, а «Прутъ не шире Темзы у Оксфорда». Поэтому Биджелоу не можетъ не раздѣлить желанія румынскаго поэта, чтобы эта рѣка была также широка и глубока, какъ Атлантическій океанъ. Подумаешь, какія ребяческія желанія и мысли приходятъ всѣмъ этимъ американскимъ и румынскимъ писателямъ!

— Нѣмцы въ фанатическомъ пристрастіи доходятъ до крайнихъ предѣловъ фантазіи даже въ ученыхъ сочиненіяхъ. Эрнстъ Краузе, пишущій подъ псевдонимомъ Карла Штерна, издалъ огромный томъ въ 635 страницъ, съ рисунками и картами, подъ заглавіемъ: «Земля Туиско, коренная родина арійскихъ племенъ и боговъ» (Tuisko-Land, der arischen Stämme und götter Urheimat). Въ заголовкѣ книги прибавлено еще, что она служитъ разъясненіемъ сокровищницы легендъ Ведъ, Эдды, Иліады и Одиссеи. «Я далъ моей книгѣ названіе «Земля Туиско» потому,—говоритъ авторъ,—что первоначальное имя арійскаго Адама, перешедшее во всѣ индогерманскіе языки—Мани (Ману), а Тацитъ называетъ Mannas'омъ сына Туиско, являющагося настоящимъ предкомъ (Eshenvater) германца Иско, Аска или Асхана (Асканія), перса Машія (Мессія) и эллинскаго племени, называемаго Тацитомъ искевонами (iscaevones). Отъ этой миѳологической и филологической фантазіи Краузе прямо выводитъ заключеніе, что арійцы пришли въ Европу съ сѣвера и именно изъ Германіи (это, впрочемъ, прежде него утверждали ученые Гейгеръ и Пенко), и что гомерическія поэмы

только передѣлка германскихъ сагъ Эдды. Послѣ такихъ колосальныхъ парадоксовъ остальныя «разъясненія» автора принадлежатъ уже къ образцамъ мелкой фантазіи. Такъ онъ говоритъ, что баски — семиты, по наружному типу и по языку; воины, изображенные на эгинскихъ фронтонахъ, также семитическаго типа; латинское слово mare происходитъ отъ санскритскаго mir. Слова аріи, аримании, германцы, рипуаріи, контуаріи— одного происхожденія; галлы и галаты, герой и Herr—также одного корня; кельты, сумрачные, происходятъ отъ слова scal, означающаго закрывать. Такими этимологическими фокусами наполнена вся книга. Заимствованій германской миѳологіи изъ греко-римской авторъ не признаетъ, въ литовскомъ богѣ солнца Аусклонисъ видитъ греческаго Асклепіаса, въ литовскомъ великанѣ Аукштисъ—фригійскаго бога Агдистиса. Навзикая Одиссеи—валькирія изъ «пѣсни Гудруны», но Гомеръ исказилъ эту легенду. Въ германской эпопеѣ король Гервигъ находитъ валькирію, моющую бѣлье на норманскомъ берегу: она должна исполнять это низкое занятіе за то, что согрѣшила. Можно ли опровергать подобныя измышленія?.. Но книга Краузе, всетаки, любопытна по многимъ выводамъ и сближеніямъ.

— Прибрамъ издалъ кропотливое и подробное изслѣдованіе о фактѣ, имѣвшемъ въ свое время историческое значеніе, о бракѣ императора Леопольда I съ Маргаритой-Терезіей испанской (Die Heirat Kaiser Leopold I mit Margaretha-Theresia von Spanien). Испанскіе браки не разъ вели къ запутаннымъ дипломатическимъ столкновеніямъ, но ни одни матримоніальные переговоры не были такъ затруднительны, какъ о замужествѣ Маріи-Терезіи, старшей дочери короля Испаніи Филиппа IV. На руку принцесы было два претендента: императоръ Леопольдъ и Людовикъ XIV. У нея не было большого приданаго, но съ этимъ бракомъ связывалось много политическихъ «надеждъ». Филиппъ охотнѣе отдалъ бы свою дочь Леопольду, но императоръ подписалъ условія съ королемъ Франціи не помогать испанцамъ воевать въ Нидерландахъ и Италіи, да, кромѣ того, Людовикъ XIV прямо грозилъ войною своему запиренейскому сосѣду и сдѣлался его зятемъ. Леопольдъ былъ очень огорченъ неудачею сватовства, и Филиппъ, чтобы утѣшить его, предложилъ ему свою вторую дочь, Маргариту-Терезію. Охотникъ до испанскихъ принцесъ и гоняясь все за тѣми же «надеждами»—пріобрѣсти права на испанскій престолъ, Леопольдъ принялъ предложеніе. Но утѣшенія надо было ждать довольно долго: инфантѣ было всего 9 лѣтъ, и тогда началась политическая идилія, которую Прибрамъ описываетъ подробно, какъ акуратнѣйшій лѣтописецъ. Сентиментальный императоръ, за много лѣтъ до брака, разсказываетъ въ письмахъ къ своему наперснику Петтингу, какъ онъ устроитъ придворный штатъ своей «будущей возлюбленной» (künftige Geliebte), какого онъ ей выберетъ духовника. Но, воспитанный отцами іезуитами, молодой монархъ выражаетъ свой любовный восторгъ только въ формѣ исполненія священныхъ супружескихъ обязанностей. Жениха заставили ждать долго даже послѣ подписанія брачнаго контракта: были слухи о какихъ-то тайныхъ переговорахъ между Франціей и Австріей, объ уступкѣ Нидерландовъ, объ условіи, по которому второй сынъ, имѣющій родиться у Леопольда, долженъ былъ сдѣлаться испанскимъ королемъ. Прибрамъ говоритъ, что онъ не нашелъ въ архивахъ документовъ, относящихся къ этому вопросу. Леопольдъ долженъ былъ отправить въ Мадридъ особыхъ пословъ съ просьбою, чтобы ему при-

слали поскорѣе его жену. Наконецъ, въ 1666 году Маргарита-Терезія поѣхала въ Вѣну, но подвигалась впередъ съ такою медленностью, что Леопольдъ приходилъ въ отчаяніе. Онъ остался, однако, чрезвычайно доволенъ своею женою и называлъ ее не иначе, какъ «мое сокровище» (mein Schatz) Бракъ былъ очень счастливъ, у императрицы было много дѣтей, но слабая и болѣзненная она умерла раньше своего мужа, и неутѣшный императоръ вступилъ вскорѣ же во второй бракъ, по политическимъ причинамъ и слѣдуя совѣтамъ папы. Но въ то же время, описывая своему другу Петтингу привлекательныя формы своей второй жены, принцесы Клавдіи-Фелиціи Цвейбрюкенской, онъ прибавляетъ: «ахъ, но, всетаки, она не такова, какъ моя единственная Маргарита!» Этотъ эпизодъ изъ брачно-дипломатической исторіи XVII вѣка былъ сентиментальнымъ прологомъ кровавой драмы— войны за испанское наслѣдство.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Два прожектера.

Губернскій секретарь Замотинъ и капитанъ Лапинъ.

ООБЩАЕМЪ два курьезныхъ документа Екатерининскаго царствованія, попавшихся намъ при разборѣ генералъ-прокурорскихъ бумагъ, находящихся въ архивѣ министерства юстиціи. Чтобы объяснить происхожденіе проэкта губернскаго секретаря Замотина, находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, которыя вызвали его.

Частыя и продолжительныя войны, веденныя въ царствованіе Екатерины II, отвлекая войска отъ внутренней службы въ государствѣ, нерѣдко приводили правительство въ затрудненіе, кѣмъ замѣнить ихъ внутри имперіи. Затрудненія эти оказались не дальше какъ черезъ 6 лѣтъ послѣ вступленія императрицы на престолъ. Такъ, въ концѣ 1768 года, въ распоряженіяхъ ея по случаю первой турецкой войны, находимъ ея замѣтку: «Для безопасности внутренней не можно ли сдѣлать на Москвѣ полицейскій полкъ изъ дворовыхъ людей?». Вслѣдствіе этого тогдашнему московскому главнокомандующему гр. П. С. Салтыкову государыня писала: «Графъ Петръ Семеновичъ! По причинѣ выступленія изъ Москвы воинскихъ командъ, какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ, теперь никакого коннаго разъѣзду, ни для содержанія нужныхъ при полиціи карауловъ, армейскихъ командъ нѣтъ; то призовите къ себѣ знатнѣйшихъ изъ разныхъ въ Москвѣ частей жителей, и съ ними, поставя на мѣрѣ, какимъ образомъ для спокойствія ихъ же самихъ учредить какъ конную, такъ и пѣшую команду для полиціи на собственномъ всѣхъ содержаніи и ко мнѣ немедленно пришлите, ибо все сіе касается до общей пользы и безопасности жителей. А какъ извѣстно, что многіе изъ московскихъ жителей имѣютъ при себѣ множество людей, въ томъ числѣ и гусаръ, то не можно ли изъ

оныхъ, составя команду, учредить въ городѣ патрули, снабдя оныхъ какъ лошадьми, ружьемъ и мундирами; равномѣрно и пѣшую команду, состоящую изъ надлежащаго числа по пространству города людей, и, вооруживъ оныхъ, отдать въ вѣдомство полиціи, но съ тѣмъ, чтобы всѣ вышеупомянутые люди были хорошаго поведенія и надежные и которые бы были въ состояніи случившіеся безпорядки отвращать и съ тѣмъ безопасность жителей сохранить»... [1]).

Замѣна регулярныхъ войскъ временными командами съ особенною настоятельностію стала сказываться въ концѣ царствованія Екатерины, когда государство должно было вести одновременно двѣ войны—на югѣ съ Турціею, а на сѣверѣ съ Швеціею.

Положеніе было критическое. Главныя боевыя силы наши находились на югѣ противъ турокъ; туда же намѣрены были отправить и флотъ, но неміязненныя дѣйствія шведскаго короля Густава III заставили отмѣнить это распоряженіе. Въ Петербургѣ оставалась только гвардія, да нѣсколько полевыхъ полковъ въ окрестностяхъ его, что могло составить немного болѣе 20.000 чел., такъ что весь сѣверозападный край, на который простиралъ свои виды Густавъ III, былъ, можно сказать, совсѣмъ безъ защиты. Въ дневникѣ Храповицкаго подъ разными числами іюня 1788 г. находимъ нѣсколько замѣтокъ, показывающихъ, какъ эта беззащитность озабочивала императрицу: «Приказано подать вѣдомость о числѣ войскъ, внутри имперіи находящихся... Были разныя пересылки для установленія росписанія войскъ при разрывѣ съ Швеціею.. Велѣно комплектовать гвардіи полки, кои въ 7.000 составятъ резервъ за спиною Мусина-Пушкина... Изъ содержащихся въ крихсратѣ отъ полевыхъ полковъ прощено 96 человѣкъ для укомплектованія здѣшнихъ командъ»... [2]). Какъ ни подсмѣивалась Екатерина надъ королемъ шведскимъ, какъ ни старалась она казаться спокойною, но затаенная тревога не разъ прорывалась наружу съ тѣхъ поръ, какъ война стала несомнѣнною. Графъ Ростопчинъ, описывая императору Павлу тогдашнее положеніе Россіи, говорилъ: «Блаженной памяти императрица, мать ваша, со всею твердостью своего духа, близка была оставить постыдно мѣсто своего пребыванія отъ набѣга короля шведскаго». А Павелъ противъ этого мѣста на полѣ рукописи прибавилъ: «И лошади готовы были»... [3]). Словомъ «альтерація» была немалая...

Положеніе было таково, что пришлось прибѣгнуть къ мѣрѣ, употребленной въ 1768 году, т. е., къ формированію командъ изъ людей, не обязанныхъ военной службой, и не для одной уже только гарнизонной, но и для боевой службы. Стали набирать охочихъ людей, добровольцевъ: брали ихъ изъ крестьянъ крѣпостныхъ и казенныхъ, богатыхъ помѣщиковъ приглашали къ пожертвованіямъ на время войны людьми, а купечество деньгами на формированіе драгунскихъ командъ для полицейской службы. Вербовка добровольцевъ поручена была царскосельскому городничему Токареву, петербургскому оберъ-полицеймейстеру Рылѣеву и новгородскому губернатору Архарову. Какъ шла эта вербовка, можно судить по письму Безбородки, извѣщавшаго правителя канцеляріи кн. Потемкина—В. С. Попова о петербург-

---

[1]) Сборн. Ист. Общ., X, 322.

[2]) Храповицкій, стр. 91, 95, 97, 101.

[3]) Записка графа Ростопчина, см. Русск. Арх., 1878 г., кн. I, 106.

скихъ новостяхъ: «Другая странная исторія здѣсь была та,—пишетъ онъ,—что поручили было Никитѣ [1]) и Токареву набрать и формировать войско, дозволивъ имъ набрать батальоны изъ бѣглыхъ и вольныхъ. Токаревъ началъ тѣмъ, что изъ мѣщанъ своихъ софійскихъ часть вписалъ за то, что они когда-то были бѣглые, да кто попался даже изъ гвардіи, не только изъ арміи, не отсылая въ команды, въ свой корпусъ вписывалъ. А Никита началъ свою операцію по городу. Люди стали у господъ красть и бѣгать въ надеждѣ принятыми быть въ батальоны, стали подговаривать даже, а иногда лишь закричитъ кто караулъ, то и въ солдаты. По счастью дошли скоро жалобы къ государынѣ, и ея величество велѣла прекратить сей наборъ и людей роздать, отъ кого бѣжали. Токаревъ и Никита уже было много и штабу набрали въ батальоны и заботилися нарядиться въ мунциры сами, но теперь все пришло въ порядокъ»... [2]).

Другими словами, была прекращена безобразная вербовка Токарева и Рылѣева, но потребность въ усиленіи войска оставалась неудовлетворенною и попрежнему озабочивала правительство. Затруднительное положеніе было у всѣхъ на глазахъ и вызывало въ публикѣ патріотическое участіе, выражавшееся въ толкахъ, сужденіяхъ и мнѣніяхъ, оффиціально заявляемыхъ, какъ помочь государственной нуждѣ. Такъ, надворный совѣтникъ Капнистъ представилъ императрицѣ «Положеніе, на какомъ можетъ быть набрано и содержано войско охочихъ казаковъ». Оно было передано на разсмотрѣніе Безбородкѣ, и хотя было одобрено какъ имъ, такъ и Потемкинымъ, но почему-то не было приведено въ исполненіе [3]). Екатерина поручила заняться этимъ самому Потемкину, которымъ, вслѣдствіе того, и былъ представленъ проектъ объ устройствѣ казацкаго войска изъ мѣщанъ и бывшихъ ямщиковъ [4]). Но такъ какъ проектъ этотъ не соотвѣтствовалъ городовому положенію, незадолго передъ тѣмъ объявленному въ законодательномъ порядкѣ, то онъ и не былъ утвержденъ императрицей.

Суетливая и безтолковая вербовка охочихъ людей, производившаяся Токаревымъ и Рылѣевымъ, и эти проекты объ образованіи казачьяго войска, или, по крайней мѣрѣ, слухи о нихъ, не были, конечно, секретомъ для петербургской публики и естественно утверждали ее въ той мысли, что правительство изыскиваетъ средства пополнить недостатокъ войска, не прибѣгая къ рекрутскимъ наборамъ, отягощавшимъ народъ и требовавшимъ расходовъ казны. И вотъ подъ впечатлѣніемъ этой общей увѣренности у какого-то

---

[1]) Рылѣеву—человѣку, не отличавшемуся особеннымъ умомъ и сообразительностію.

[2]) Русск. Арх., 1872 г., 948. Тамъ же слич. письма Екатерины къ Храповицкому: 61, 63, 68.

[3]) Ист. Вѣстн., 1883 г., № 6, 532—533.

[4]) Любопытный проектъ этотъ, сообщенный редакціи «Историческаго Вѣстника» г. Есиповымъ, извѣстенъ уже читателямъ (Ист. Вѣстн., 1883 г., № 7, 224). Хотя документъ этотъ не имѣетъ даты, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ представленъ императрицѣ въ концѣ 1789 года, ибо въ письмѣ къ Потемкину отъ 8-го апрѣля 1790 г. она писала: «О казакахъ изъ мѣщанъ въ россійскіе города неудобно, понеже сіе требуетъ соображенія съ городовымъ положеніемъ, а противорѣчить своимъ же учрежденіямъ я не нахожу приличности» («Русск. Стар.», т. XVII, 411).

губернскаго секретаря, по фамиліи Замотина, является мысль предложить императрицѣ свои услуги къ сформированію коннаго полка не менѣе какъ въ 1.000 чел. безъ всякихъ со стороны казны расходовъ. Что за личность былъ этотъ Замотинъ, изъ нижеприводимаго документа не видно; можно заключать только одно, что судьба, опредѣливъ его къ канцелярской работѣ, посмѣялась надъ нимъ: губернскій секретарь питалъ въ себѣ не только военныя наклонности, но и военное честолюбіе...

Вотъ его всеподданнѣйшее прошеніе, поданное въ февралѣ 1793 года, когда военныя дѣйствія у насъ прекратились уже и съ Швеціею, и съ Турціей, а шли только съ поляками.

«Всемилостивѣйшая государыня!

«Прошедшаго 1791 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ осмѣливался вашего императорскаго величества утруждать всеподданнѣйшимъ представленіемъ усердія моего о навербованіи коннаго полка изъ вольножелающихъ не менѣе тысячи рядовыхъ воиновъ, не требуя изъ казны на то денегъ, на что̀ высочайшее благоволеніе вашего императорскаго величества чрезъ графа Ивана Петровича Салтыкова и послѣдовало, но по сіе время высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія получить я счастія не имѣю.

«А нынѣ осмѣливаюсь паки, всемилостивѣйшая государыня, представить вашему императорскому величеству ревность мою навербовать конный полкъ или толикое-жъ число людей для флота вашего императорскаго величества, не употребя на то изъ казны денегъ, а на основаніи прежняго моего обязательства, съ коего подношу копію.

«Когда же сіе не благоугодно вашему императорскому величеству, осмѣливаюсь испросить объ опредѣленіи меня въ военную службу.

«Вашего императорскаго величества
«всенижайшій вѣрноподданный
«губернскій секретарь
«Иванъ Замотинъ».

«Февраля «   » дня
«1793 г.

При прошеніи приложена копія съ обязательства Замотина слѣдующаго содержанія:

«Губернскій секретарь Замотинъ, имѣя способы къ набору изъ вольножелающихъ въ военную службу, представляетъ слѣдующія обязательства.

«1) Набрать долженъ онъ рядовыхъ не менѣе тысящи, а если случай позволитъ, то и болѣе конныхъ воиновъ изъ купцевъ, малороссіанъ, выходцевъ изъ запольской границы, отпущенныхъ отъ господъ дворовыхъ людей, бѣлорусцевъ, молдаванъ, татаръ, изъ украинскихъ войсковыхъ жителей, изъ отставныхъ, могущихъ еще продолжать военную службу и изъ государственныхъ крестьянъ.

«2) Надѣясь же, что въ семъ полезномъ подвигѣ найдетъ онъ пособіе отъ могущихъ подкрѣпить предпріятіе имуществомъ, не требуя изъ казны никакой выдачи, и потому

«3) Какъ лошади и ѣздовыя сбруи, такъ и военные доспѣхи, яко-то пики и пистолеты съ всадниками представлены будутъ.

«4) По наборѣ числа, распредѣленные чиновники по заслугамъ и достоинству должны получать при представленіи утвержденія отъ главнокомандующаго.

«5) Равно предпринимателя сего набора именовать начальникомъ онаго полку, наградя чиномъ, по мѣрѣ усердія и трудовъ.

«6) Къ совершенію же сего снабдить листомъ, означа всевысочайшее повелѣніе, въ коемъ требуемыя выгоды объяснить и назначить имѣетъ, куда оный полкъ долженъ явиться».

На этотъ разъ Замотинъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ 1791 году. Тогда черезъ графа Салтыкова ему было объявлено «благоволеніе ея императорскаго величества», теперь же на его прошеніи рукой генералъ-прокурора Самойлова написана, очевидно, резолюція самой императрицы: «Призвать къ себѣ и сказать, чтобъ не въ свои дѣла не мѣшался».

—

Еще курьезнѣе предложенія другаго прожектера—капитана Московскаго мушкетерскаго полка Данила Лапина. Этотъ вызывался построить черезъ Неву какой-то диковинный мостъ и открыть секретъ построенія такой машины, дѣйствуя которой, можно вести аттаку и оборону крѣпостей безъ пушекъ, безъ осадныхъ работъ, безъ минъ и—шутка сказать—безъ потери людей...

Обо всемъ этомъ онъ писалъ генералъ-прокурору Самойлову, прося о проектахъ своихъ довести до свѣдѣнія ея императорскаго величества. Вотъ его письмо.

«Ваше высокопревосходительство,
«милостивый государь мой,
«Александръ Николаевичъ!

«Простите мнѣ, что я осмѣлился утруждать ваше высокопревосходительство нестройнымъ симъ письмомъ въ надеждѣ на ваше великодушіе. Изобрѣтенныя мною машины будутъ вами приняты благосклонно для представленія ея императорскому величеству, августѣйшей монархинѣ, великой государынѣ. Сіи машины и невеликаго стоятъ замѣчанія и малой пользы, о которыхъ я полагаю, что еще въ свѣтъ не издано.

«Первое, я отъ многихъ слыхалъ, что яко бы надобно имѣть въ Петербургѣ черезъ рѣку Неву мосты, но таковыхъ людей яко бы не отыскивается, чтобъ который могъ построить, но я осмѣливаюсь чрезъ сіе объявить: я построю такой мостъ, который можетъ стоять нѣсколько сотъ лѣтъ, а нѣкоторая починка и будетъ изъ дерева, но не трудная, и то не прежде десяти лѣтъ, и оная починка невеликости будетъ стоить. Сей мостъ отъ полой воды вышины на одну сажень и никогда не будетъ сломанъ ни осеннимъ и ни весеннимъ при полой водѣ льдомъ. Цѣны оному мосту примѣрно не могу положить, не имѣвъ свѣдѣнія о цѣнахъ въ Петербургѣ матеріаламъ и мѣры ширины рѣки, а земля въ рѣкѣ какова-бъ ни была необстоятельно строенію моста не повредить, и суда будутъ проходить сквозь мостъ съ мачтами, но только на это время подниматься должно будетъ двумъ штукамъ моста на короткое время.

«Вторая машина должна быть секретною, которая служить будетъ великимъ способомъ для взятія неприступныхъ непріятельскихъ крѣпостей, а сею машиною великую препорцію полагаю стоять подъ крѣпостью три дни, а ежели знать положеніе мѣста, лежащее около крѣпости, въ ту же ночь можно взять и пока на стѣну съ войсками взойдутъ, ни одинъ солдатъ нужды не будетъ имѣть стрѣлять, и убитыхъ не должно быть, развѣ сверхъ

чаянія, отъ неосторожности управляющаго машиною, и то малость должна быть, а съ непріятельской стороны ежели и будетъ стрѣльба, но тщетна и безъ вреда идущимъ войскамъ въ крѣпость, а содержаніе сей машины противъ одного двубатальоннаго полку или менѣе. Съ сею машиною при взятіи крѣпостей не нужна осадная артиллерія и полковая весьма мало нужна и притомъ не надобно имѣть шанцевъ, батарей и минъ; чрезъ сію машину всѣ тѣ люди будутъ соблюдены, которые, при взятіи крѣпостей, покамѣстъ идутъ на стѣну и бываютъ отъ непріятеля побиваемы.

«Третье, вѣсы, которая вещь нестоющая объ ней великаго вниманія; тягостію въ вѣсахъ пять пудовъ, а вѣсить на оныхъ можно пятьдесятъ пудовъ (а можно дѣлать болѣе и менѣе) безъ гирь и не такъ какъ безменъ, и на сихъ вѣсахъ означать будетъ пуды, фунты, полуфунты и четверти вѣрно; оныя въ походѣ для возки не будутъ тягостны, а какъ при подвижныхъ магазейнахъ и въ полкахъ надобны, а равно и партикулярнымъ людямъ удобнѣе нынѣшнихъ вѣсовъ и безменовъ.

«Выше озваченнымъ машинамъ приложилъ бы и планъ, но опасаюсь, чтобъ не попалось сіе письмо мимо вашего высокопревосходительства къ кому другому и чтобъ не воспользовался моимъ кто изобрѣтеніемъ, къ чему я употребилъ осмилѣтнее между службой время и нѣсколько къ сему моего капиталу, а притомъ не можно такъ всего на планѣ показать, а удобнѣй, ежели будетъ угодно, я покажу лично на модели и за сіе льстя себѣ при семъ получить чрезъ протекцію вашего высокопревосходительства монаршую милость и благоволеніе, а о себѣ честь имѣю донесть: я Московскаго мушкетерскаго полку капитанъ Лапинъ; за онымъ пребыть честь имѣю къ вашему высокопревосходительству съ моимъ достодолжнымъ высокопочитаніемъ.

«Вашего высокопревосходительства
«высокомилостиваго государя моего
«всенижайшій слуга
«Данила Лапинъ».

«Генваря 3-го дня
«1795 г.
«Городъ Кизляръ.

Само собой разумѣется, что «нестройное» письмо Лапина до свѣдѣнія императрицы Самойловымъ доведено не было. Онъ уже нѣсколько зналъ капитана. Годъ тому назадъ Лапинъ доносилъ ему, что на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ, есть руда серебряная и золотая, которыя онъ и указать можетъ, когда же, по высочайшему повелѣнію, обратились къ нему за точными свѣдѣніями, то оказалось, что самъ Лапинъ ни той, ни другой руды не видалъ а только слышалъ о нихъ отъ людей. Поэтому, получивъ новое письмо Лапина объ его изобрѣтеніяхъ, онъ благоразумно уклонился отъ доклада о нихъ государынѣ, а ограничился только тѣмъ, что написалъ къ гр. Гудовичу, бывшему тогда кавказскимъ генералъ-губернаторомъ, слѣдующее письмо:

«Милостивый государь мой
«Иванъ Васильевичъ!

«Въ прошломъ году капитанъ Данила Лапинъ прислалъ ко мнѣ письмо, что онъ знаетъ золотую и серебряную руду, которую и показать можетъ, а когда по высочайшей ея императорскаго величества волѣ отнесся я къ вашему высокопревосходительству о отобраніи отъ него точнаго о семъ свѣдѣнія, то ничего болѣе не открылось, какъ одни неосновательныя и слы-

шанныя рѣчи о той рудѣ. А нынѣ прислалъ онъ еще письмо, въ которомъ пишетъ: 1) что онъ въ состояніи въ С.-Петербургѣ черезъ рѣку Неву построить мостъ, который можетъ стоять нѣсколько сотъ лѣтъ съ малою починкою; 2) что знаетъ онъ сдѣлать машину для взятья непріятельскихъ крѣпостей безъ артиллеріи, шанцовъ и безъ потери людей; 3) можетъ сдѣлать вѣсы тягостію въ пять пудовъ, а вѣсить могутъ пятьдесятъ пудовъ безъ гирь.

«А какъ сіи его прожекты принадлежатъ до разсмотрѣнія другихъ особъ, притомъ же онъ Лапинъ и не объясняетъ, какимъ что образомъ сдѣлано будетъ, въ разсужденіи чего покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство, призвавъ его, объяснить ему, чтобъ онъ о своихъ прожектахъ, ежели желаетъ, то-бъ сдѣлалъ донесенія, куда по порядку слѣдуетъ. Въ прочемъ имѣю честь быть и проч.

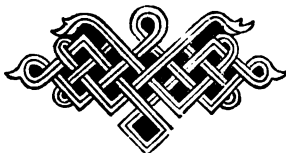
«Графъ Александръ Самойловъ».

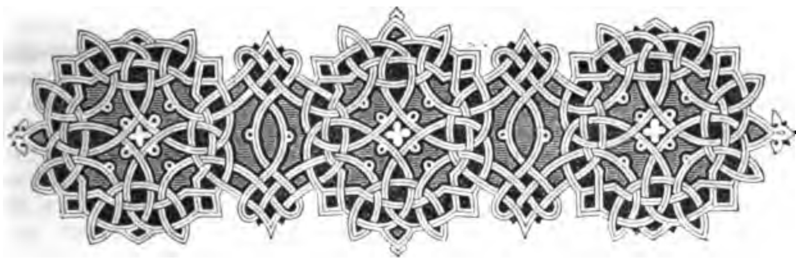
«15-го марта 1795 г.

Не смотря на странное впечатлѣніе, производимое малограмотнымъ письмомъ Лапина и его фантастическими проектами, всетаки, въ душу читателя невольно прокрадывается нѣкоторая доля симпатіи къ этому добродушному, любознательному и трудолюбивому капитану. Вѣдь, какъ бы то ни было, а все же—посвящать свободные отъ службы часы не картамъ и разгулу, среди которыхъ, можетъ быть, многіе изъ его товарищей коротали время а умственнымъ занятіямъ, направленнымъ на рѣшеніе извѣстныхъ задачъ, пусть даже и не выполнимыхъ, но тѣмъ не менѣе требующимъ постояннаго обращенія съ наукой, жертвовать притомъ своими денежными средствами, которыми при оберъ-офицерскомъ содержаніи изобрѣтатель, по всей вѣроятности, не былъ богатъ,—все это показываетъ человѣка, живущаго мыслію и ищущаго нравственнаго удовлетворенія въ трудѣ, въ знаніи. Можно ли такому человѣку отказать въ симпатіи?

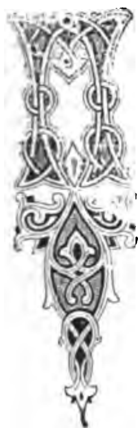
Чѣмъ кончились объясненія Лапина съ гр. Гудовичемъ—совѣтомъ ли «не въ свое дѣло не мѣшаться», или какъ нибудь иначе, и какая судьба постигла его проекты, намъ неизвѣстно...

А. Корсаковъ.

СМѢСЬ.

Пятисотлѣтняя годовщина кончины св. Сергія Радонежскаго. Въ концѣ сентября совершилось изъ Москвы торжественное паломничество, при небывалой, величественной обстановкѣ, въ Троице-Сергіеву лавру, ко гробу ея основателя и замѣчательнаго историческаго дѣятеля. Имя св. Сергія прославлено въ Россіи и чтится втеченіе пяти вѣковъ въ неразрывной связи съ воспоминаніями о его услугахъ Россіи въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ нашей исторіи— при первыхъ рѣшительныхъ шагахъ къ сверженію татарскаго ига. Основанная имъ Троице-Сергіева лавра въ послѣдующее время служила твердыней русской государственности; можно сказать, что въ ней вся Русь, отъ землепашца до царя, училась политическому разуму и патріотизму, отсюда впервые на всю Русскую землю пронесся призывъ къ государственному единству, давшему силу нашему отечеству. Въ смутную эпоху обитель св. Сергія оставалась единственнымъ живымъ центромъ, гдѣ государственный смыслъ уцѣлѣлъ во всей ясности, и гдѣ русская мысль нашла себѣ точку опоры противъ обуревавшихъ страну политическихъ раздоровъ и страстей. Въ частности Троице-Сергіева лавра, въ лицѣ своего келаря знаменитаго Авраамія Палицына, предупредила захватъ русскаго царскаго престола польскимъ претендентомъ и подготовила возведеніе на этотъ престолъ дома Романовыхъ. Съ именемъ Сергія и основанной имъ обители связаны самыя знаменательныя страницы русской исторіи, такъ что нынѣшній юбилей, по всей справедливости, долженъ считаться событіемъ политическаго значенія не въ меньшей мѣрѣ, какъ и церковнаго. Сергій считается основателемъ нынѣшнихъ общежительныхъ монастырей, первымъ пустынно-жителемъ, и вообще занимаетъ крупное мѣсто въ судьбахъ русской исторіи и русской церкви. Сынъ обѣднѣвшаго кіевскаго боярина, неизвѣстнаго даже по фамиліи, онъ учился грамотѣ вмѣстѣ съ двумя своими братьями, но не обнаружилъ сначала никакихъ особенныхъ способностей. Родители этого молодого человѣка, названнаго Вареоломея

ломеемъ, должны были, вслѣдствіе притѣсненій ростовскаго княжескаго намѣстника, оставить свою родину и переселиться въ маленькій городокъ Радонежъ, въ десяти верстахъ отъ нынѣшней лавры; сынъ кормилъ ихъ своимъ трудомъ и уже по смерти ихъ пошелъ въ лѣсъ и посвятилъ себя пустынножительству. Дотолѣ въ Россіи не было еще ни одного пустынника. Кромѣ звѣрей, пустынникъ не видалъ два года никакихъ живыхъ существъ, но звѣри его не трогали. Потомъ къ нему пришелъ въ лѣсъ овдовѣвшій братъ его, Стефанъ, и начали прибывать другіе иноки, что̀ и послужило поводомъ къ основанію монастыря. Старшій братъ устроителя этой маленькой обители, Стефанъ, пожелалъ между иноками первенствовать, сталъ ссориться, и Сергій удалился въ другое, сосѣднее мѣсто, гдѣ основалъ монастырь киржачскій, а потомъ основывалъ и другіе монастыри, числомъ до 30; но братія упросила митрополита Алексія, чтобы прежній игуменъ вернулся въ Троицкую лавру, чему онъ подчинился... И съ той поры монастырь началъ устроиваться и расширяться. Умеръ Сергій 78 лѣтъ. Кто изъ русскихъ людей не знаетъ богатѣйшаго изъ русскихъ монастырей—Троицкой лавры? Кто не знаетъ его роли въ судьбахъ русской исторіи, начиная съ того событія, когда Сергій благословилъ Дмитрія Донского на битву съ Мамаемъ, давъ въ помощь князю знаменитыхъ иноковъ-воиновъ Пересвѣта и Ослябу? Описанію Троицко-Сергіевской лавры посвящены цѣлые томы, но трудно перечислить всѣ сокровища и достопримѣчательности этой обители. Уже слишкомъ 200 лѣтъ назадъ богатства монастыря были колоссальны. Царская комисія въ 1641 году нашла въ лаврѣ однѣхъ денежныхъ суммъ (по нынѣшнему счету) 220 тысячъ рублей, массу долговыхъ обязательствъ монастырю, хлѣба, рыбныхъ запасовъ, меду, скота и пр. Русскіе государи часто обращались къ позаимствованію суммъ у Троицкой лавры. Борисъ Годуновъ «взя изъ казны чудотворца Сергія взаймы на ратныхъ людей 15.400 рублевъ». Первый самозванецъ взялъ 30.000 рублей, Василій Шуйскій 20,255 р. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ лавра оказала денежную помощь на войну съ поляками. Алексѣй Михайловичъ также бралъ у нея деньги на военныя надобности. Затѣмъ и въ позднѣйшій періодъ исторіи, когда у монастырей была отобрана главная ихъ доходная статья—вотчины, Троицкая лавра всегда приносила крупныя пожертвованія на отечественныя войны. Въ эту обитель 25-го сентября стеклось, преимущественно изъ Москвы, болѣе пятидесяти тысячъ народу. Этотъ торжественный крестный ходъ на протяженіи 70-ти верстъ представлялъ необычайное явленіе. Въ массѣ паломниковъ преобладало, конечно, крестьянство и духовенство.

Присужденіе наградъ графа Уварова. Въ академіи наукъ происходило 25-го сентября тридцать четвертое присужденіе премій графа Уварова. Предсѣдательское мѣсто занималъ вице-президентъ академіи Я. К. Гротъ; отчетъ читалъ непремѣнный секретарь Штраухъ. Въ засѣданіи присутствовали академики: Н. Ѳ. Дубровинъ, А. С. Фаминцынъ, Шренкъ, Л. Н. Майковъ, М. И. Сухомлиновъ и мн. др. Въ соисканіи наградъ г. Уварова въ настоящемъ году участвовало 11 сочиненій, въ числѣ которыхъ было одно, отложенное отъ предыдущаго конкурса. Для ихъ разсмотрѣнія была назначена комисія подъ предсѣдательствомъ секретаря, которая въ свою очередь выбрала рецензентовъ. Изъ числа 11 сочиненій два отложены комисіей до слѣдующаго конкурса, вслѣдствіе неполученія о нихъ отзыва отъ лицъ, принявшихъ на себя ихъ разсмотрѣніе. Изъ остальныхъ награды назначены за слѣдующія сочиненія.

Большою наградой увѣнчано сочиненіе члена-корреспондента академіи А. Н. Пыпина: «Исторія русской этнографіи», 4 тома, Спб., 1890—1891 гг. Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено академику К. Н. Бестужеву-Рюмину. По его мнѣнію, широкое распространеніе того, что добыто этнографіею, и обобщеніе ея результатовъ составляетъ насущную потребность

современной науки и общественной жизни. Въ этомъ сознаніи А. Н. Пыпинъ и предпринялъ обширный трудъ обозрѣть историческое развитіе русской этнографіи. Первые два тома его посвящены обзору изученія народности въ Россіи; авторъ начинаетъ съ введенія, гдѣ устанавливается общій взглядъ на значеніе научнаго просвѣщенія, привнесеннаго въ началѣ XVIII вѣка на развитіе народнаго самосознанія. За введеніемъ слѣдуетъ общее обозрѣніе развитія этногнографическихъ изученій съ начала того же вѣка. Здѣсь авторъ останавливается преимущественно на изученіи великорусской народности и затѣмъ въ девяти главахъ дѣлаетъ цѣлый рядъ характеристикъ писателей до Лѣскова, Гл. Успенскаго, Златовратскаго и т. д. включительно. Свое общее заключеніе авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Въ трудахъ по этнографіи въ особенности обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ, что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возростать наше нравственно-общественное и національное сознаніе, въ которомъ и заключено истинно-народное дѣло».

Тщательное и подробное разсмотрѣніе обширнаго труда А. Н. Пыпина, «который долженъ сдѣлаться настольною книгою для всѣхъ интересующихся русской исторіею и этнографіею», приводитъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ заключенію, что этотъ трудъ вполнѣ заслуживаетъ увѣнчанія большою Уваровскою наградою, такъ какъ авторъ очень удачно овладѣлъ обширнымъ и новымъ матеріаломъ, проявилъ большую начитанность, далъ массу вѣрныхъ характеристикъ и представилъ много поучительныхъ указаній для занимающихся.

Малыя Уваровскія преміи присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ.

А) Е. С. Шумигорскій, «Императрица Марія Θеодоровна» (1759—1828), т. I. Разсмотрѣніе сочиненія этого комисія поручила академику Н. Θ. Дубровину. Сочиненіе, представленное г. Шумигорскимъ на соисканіе Уваровской преміи, составляетъ 1-й томъ его обширнаго труда и, по мнѣнію рецензента, этотъ трудъ не маловаженъ для пониманія внутренней и лишь отчасти для политической жизни Россіи. До настоящаго времени въ русской исторической литературѣ. за исключеніемъ труда члена-кореспондента академіи Д. Θ. Кобеко: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», имѣлись лишь отрывочныя свѣдѣнія о томъ періодѣ жизни и дѣятельности императрицы Маріи Θеодоровны, котораго касается г. Шумигорскій въ своемъ изслѣдованіи. Свѣдѣнія эти не были сведены въ одно цѣлое и не были дополнены ни иностранными источниками, ни доселѣ неизданными документами, какіе хранятся въ нашихъ правительственныхъ архивахъ и частныхъ собраніяхъ. Въ дальнѣйшихъ главахъ своего труда авторъ, основываясь на неизданныхъ до сихъ поръ документахъ, сопоставляетъ не мало новыхъ данныхъ о семейной и загородной жизни наслѣдника русскаго престола и его супруги. Эта часть изслѣдованія вноситъ въ исторію императора Павла совершенно новыя свѣдѣнія и подробно знакомитъ съ устройствомъ Павловска и Гатчины, гдѣ царская чета жила попомѣщичьи. По мнѣнію рецензента, г. Шумигорскій работалъ преимущественно по первоисточникамъ, а потому имѣлъ возможность сообщить не мало цѣнныхъ историческихъ фактовъ, впервые являющихся въ печати. Имѣя въ виду, что достоинства труда значительно превышаютъ недосмотры, рецензентъ Н. Θ. Дубровинъ находитъ сочиненіе достойнымъ Уваровской преміи.

В) С. М. Середонинъ. Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ.

Въ виду спеціальнаго характера этого сочиненія, академія обращалась съ просьбою о составленіи рецензіи къ проф. Петербургскаго университета Платонову. Самъ авторъ при объясненіи того, какимъ образомъ онъ пришелъ къ разработкѣ этой темы, замѣчаетъ, что «вторая половина XVI

вѣка—одна изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ эпохъ въ русской исторіи», и что изученіе ея затруднено недостаткомъ данныхъ. Въ книгѣ Середонина слѣдуетъ видѣть не развитіе одной темы, а скорѣе собраніе историческихъ темъ, неравномѣрно обработанныхъ и расположенныхъ въ послѣдовательности чисто внѣшней, заимствованной авторомъ, такъ сказать, извнѣ. Самостоятельные экскурсы, какъ и прочія части книги, свидѣтельствуютъ, что въ лицѣ г. Середонина русская наука пріобрѣтаетъ изслѣдователя, хорошо подготовленнаго къ дѣлу, способнаго совершенно самостоятельно и съ большимъ остроуміемъ поставить вопросъ и довести его разрѣшеніе до опредѣленнаго вывода, наконецъ способнаго излагать ученый матеріалъ съ безспорнымъ литературнымъ дарованіемъ. Въ виду этого академія признала трудъ г. Середонина достойнымъ искомой награды.

Почетнаго отзыва удостоены сочиненія:

1) Г. Архангельскаго «Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности». Оцѣнка этого труда была возложена на проф. Жданова. По его мнѣнію, авторъ далеко не вполнѣ исчерпалъ свою тему и не далъ рѣшенія всѣмъ вопросамъ, какіе представляются при изученіи славяно-русскихъ переводовъ этихъ твореній, тѣмъ не менѣе заслуга г. Архангельскаго неоспорима, такъ какъ онъ даетъ болѣе или менѣе значительныя дополненія къ трудамъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей древней письменности и способствуетъ къ болѣе точному выясненію мѣста, занимаемаго въ исторіи русской образованности патристическою литературою.

2) К. А. Докучаева-Баскова, «Подвижники и монастыри крайняго сѣвера». Трудъ этотъ представляетъ описаніе 12 монастырей и пустынь, за немногими исключеніями находящихся въ Олонецкой губ., а поэтому работа составляетъ изученіе монастырскаго вопроса по цѣлой губерніи, отличавшейся обиліемъ монастырей въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Въ своемъ трудѣ авторъ останавливается не мало на монастырскихъ описяхъ, изъ которыхъ видно, что въ монастыряхъ и пустыняхъ, кромѣ хлѣбопашества, было заведено молочное хозяйство. Описи эти найдены изслѣдователемъ въ архивѣ разныхъ монастырей и впервые имъ изданы. По авторитетному отзыву професора Некрасова, главное достоинство настоящаго труда заключается въ обнародованіи многихъ новыхъ памятниковъ нашей древней письменности, въ томъ, что авторъ воспользовался первоисточниками, рукописными матеріалами. Авторъ разобралъ архивъ Спасо-Каргопольскаго монастыря, воспользовался архивами и другихъ монастырей и пустынь. Въ заключеніе своей рецензіи проф. Некрасовъ признаетъ трудъ г. Докучаева-Баскова полезнымъ вкладомъ въ число изслѣдованій и матеріаловъ для изученія исторіи русской церкви и русской исторіи вообще, а автора достойнымъ награжденія малою Уваровскою преміею.

По присужденія премій комисія, въ изъявленіе глубокой признательности отъ имени академіи, положила золотыя уваровскія медали, для рецензентовъ установленныя, назначить постороннимъ ученымъ, существенно способствовавшимъ къ правильному разрѣшенію задачи комисіи своими отзывами, а именно: професору историко-филологическаго института И. Н. Жданову, ректору Новороссійскаго университета И. С. Некрасову, професору Петербургскаго университета С. Ѳ. Платонову, Е. М. Прилежаеву и старшему хранителю Эрмитажа А. И. Сомову.

Шестидесятилѣтіе литературно-ученой дѣятельности Я. К. Грота. 6-го сентября исполнилось 60 лѣтъ учено-литературной дѣятельности Якова Карловича Грота, академика, извѣстнаго многочисленными трудами по русской граматикѣ и лексикологіи, коментированными изданіями сочиненій русскихъ писателей и розысканіями касательно русской словесности. Обширный трактатъ «О спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» сталъ настольною книгою каждаго русскаго филолога. Монументальное изданіе Гротомъ со-

ченій Державина является трудомъ единственнымъ въ русской литературѣ, да и въ любой европейской оно могло бы считаться образцовымъ по научности пріемовъ и важности историко-литературныхъ объясненій. Имя Грота тѣсно связано съ изученіемъ и многихъ другихъ писателей и дѣятелей прошлаго и нынѣшняго вѣка, напримѣръ: Ломоносова, Хемницера, Крылова, Карамзина, Дмитріева, особенно же Екатерины II, какъ государыни и писательницы. Я. К. Гроту обязана русская литература ознакомленіемъ съ поэтическими сокровищами шведскаго и финскаго сѣвера. Какъ эти, такъ и другіе позднѣйшіе многочисленные труды, отвели почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія маститому юбиляру, болѣе 35 лѣтъ служившему отечественной словесности въ средѣ академіи наукъ. Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, далъ Я. К. степень доктора русской словесности. Московскій университетъ избралъ Я. К. Грота почетнымъ членомъ. Слѣдуетъ также отмѣтить педагогическую дѣятельность юбиляра въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ и Александровскомъ лицеѣ, а также по образованію особъ царской семьи. Яковъ Карловичъ Гротъ родился въ 1813 г.; происходя изъ дворянской семьи, онъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и 11 лѣтъ былъ отданъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1832 г., 14-го августа, съ золотою медалью № 1-й и чиномъ IX класса, а 6-го сентября того же года онъ уже началъ службу въ канцеляріи комитета министровъ. Въ 1835 году онъ перешелъ на службу въ государственную канцелярію, причемъ ему много разъ приходилось состоять при государственномъ секретарѣ для исполненія порученій; затѣмъ въ 1841 году перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарѣ великаго княжества Финляндскаго и опредѣленъ ординарнымъ професоромъ по каѳедрѣ русской словесности при Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ; по опредѣленію императорскаго финляндскаго сената назначенъ былъ въ слѣдующемъ году экзаменаторомъ русскаго языка по училищамъ боргоской епархіи и по предложенію университетскаго совѣта, утвержденному августѣйшимъ канцлеромъ, организовалъ при университетѣ отдѣльную русскую библіотеку, которою и завѣдывалъ со дня ея основанія. Въ 1845 г. онъ наблюдалъ за изданіемъ шведско-русскаго словаря. Въ 1853 г. Гротъ, будучи професоромъ русской словесности въ Александровскомъ лицеѣ, назначенъ преподавателемъ русской словесности, нѣмецкаго языка, исторіи и географіи великимъ князьямъ Николаю и Александру Александровичамъ, утвержденъ адъюнктомъ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности въ 1855 г. и въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго академика по тому же отдѣлу, а въ 1858 г. и ординарнымъ академикомъ. Я. К. Гротъ состоитъ почетнымъ членомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, многихъ ученыхъ обществъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Многія благотворительныя общества также считаютъ Грота своимъ членомъ; южно-славянская академія въ Загребѣ избрала Грота въ 1879 г. въ почетные члены; лундскій университетъ въ Швеціи—почетнымъ докторомъ. Въ 1884 г. 1-го іюня онъ утвержденъ предсѣдателемъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ академіи наукъ, а съ 26-го сентября 1889 г. состоитъ вице-президентомъ академіи наукъ.

Полувѣковой юбилей литературныхъ трудовъ Ѳ. И. Буслаева. Другой литературный и вмѣстѣ ученый юбилей, хотя болѣе скромнаго дѣятеля, исполнившійся надняхъ, принадлежитъ извѣстному ученому и академику Ѳ. И. Буслаеву. Срокъ его юбилея гораздо большій, такъ какъ его дѣятельности исполнилось 50 лѣтъ: четыре года назадъ, въ августѣ 1888 года, на долю Ѳ. И. Буслаева выпалъ юбилей пятидесятилѣтія его служебной карьеры, начатой имъ въ званіи преподавателя одной изъ московскихъ гимназій. Но учено-литературная дѣятельность Ѳ. И. Буслаева, начавшаяся съ 1842 года

замѣтками о Словѣ о полку Игоревѣ въ «Москвитянинѣ», продолжается до настоящаго времени и не проходитъ года, чтобы не вышло интереснаго труда его изъ различныхъ областей изученія русскаго языка, народной и древне-русской словесности, древне-русскаго искуства, или изъ области его воспоминаній. Преподавательская дѣятельность Ѳ. И. Буслаева сосредоточивалась не только въ чтеніи лекцій, но и въ занятіяхъ на дому, которымъ обязано цѣлое поколѣніе русскихъ ученыхъ, особенно посвятившихъ себя изученію родного языка и словесности. Такимъ образомъ, преподавательская дѣятельность Ѳ. И. Буслаева, можно сказать, продолжается и до послѣдняго времени.

Сороколѣтіе дѣятельности Л. Н. Толстого. Въ сентябрѣ исполнилось сороколѣтіе дѣятельности гр. Л. Толстого: въ 1852 году въ сентябрьской книжкѣ «Современника» появился его первый печатный разсказъ, озаглавленный «Исторія моего дѣтства» и помѣченный буквами Л. Н. Мы не знаемъ, къ какому именно дню точно долженъ быть пріуроченъ этотъ знаменательный для русской литературы юбилей, такъ какъ нельзя опредѣлить, въ какой именно день вышелъ сентябрьскій нумеръ «Современника» 1852 г. Ни въ «Петербургскихъ», ни въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», ни въ «Сѣверной Пчелѣ» 1852 г. нѣтъ объявленія о выходѣ въ свѣтъ книжки журнала; нѣтъ въ этихъ газетахъ также и отзыва о книжкѣ, что тоже могло бы служить до нѣкоторой степени указаніемъ на срокъ выхода журнала; наконецъ, въ списокъ нововышедшихъ книгъ, печатавшійся тогда въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», журналы не вносились. Мы не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. М. Ясеневъ въ замѣткѣ, помѣщенной имъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1892, августъ), считаетъ, что сороколѣтіе литературной дѣятельности Л. Толстого приходится на 15-е сентября. Единственно точныя данныя, которыми мы располагаемъ, это слѣдующія: сентябрьская книжка «Современника» 1852 г. разрѣшена цензоромъ А. Крыловымъ 31 августа; отзывъ объ этой книжкѣ помѣщенъ въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1852 г., разрѣшенной цензурой 24-го сентября: такимъ образомъ выходъ въ свѣтъ книжки «Современника» съ первымъ произведеніемъ Л. Толстого состоялся между двумя указанными числами, причемъ, конечно, надо отсчитать еще нѣсколько дней впередъ отъ 31-го августа, нѣсколько дней назадъ отъ 24-го сентября. Какъ бы то ни было, въ сентябрѣ исполнилось сороколѣтіе литературной дѣятельности гр. Л. П. Толстого. Разсказъ его былъ встрѣченъ самыми сочувственными отзывами всѣхъ органовъ тогдашней русской печати безъ различія направленій. Гр. Толстой состоитъ почетнымъ членомъ общества любителей россійской словесности, но это общество ничѣмъ не почтило 40-лѣтнюю дѣятельность своего знаменитаго сочлена.

Двадцатипятилѣтній юбилей Н. С. Таганцева. 5-го сентября исполнилось двадцатипятилѣтіе професорской дѣятельности извѣстнаго криминалиста Н. С. Таганцева. Блестяще окончивъ курсъ въ пензенской гимназіи и Петербургскомъ университетѣ, Н. С. Таганцевъ, послѣ обычной заграничной поѣздки, съ успѣхомъ защитилъ магистерскую дисертацію о повтореніи преступленій и вслѣдъ затѣмъ, двадцатичетырехлѣтнимъ еще молодымъ человѣкомъ, приглашенъ былъ въ 1867 г. читать лекціи уголовнаго права въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ 1868 и 1869 гг. началась професорская дѣятельность его въ здѣшнемъ университетѣ и Александровскомъ лицеѣ. Его лекторскія способности, познанія въ своей спеціальности, многочисленные научные труды сразу создали ему репутацію выдающагося професора. Службу свою въ университетѣ и лицеѣ Таганцевъ оставилъ въ 1881 г., когда приглашенъ былъ къ участію въ важномъ дѣлѣ пересмотра нашего уголовнаго законодательства. Въ 1887 г., назначенный сенаторомъ, онъ призванъ былъ къ практической судебной дѣятельности въ составѣ высшаго

нашего судилища—уголовнаго касаціоннаго департамента, гдѣ, благодаря своей эрудиціи и даровитости, занимаетъ весьма почетное и вліятельное положеніе. Изъ научныхъ трудовъ Н. С. Таганцева достаточно назвать докторскую его въ двухъ томахъ дисертацію о преступленіяхъ противъ жизни, три выпуска его курса русскаго уголовнаго права и законченныя нынѣшнимъ лѣтомъ лекціи по уголовному праву, обширный трудъ, который, по своимъ достоинствамъ, не только является капитальнѣйшимъ у насъ сочиненіемъ, но несомнѣнно занялъ бы почетное мѣсто въ европейской юридической литературѣ, если бы былъ переведенъ на иностранные языки. Благодаря своей крайней отзывчивости и кипучей дѣятельности, Н. С. Таганцевъ не ограничивается законодательными, судебными, професорскими (по училищу правовѣдѣнія) и научными трудами и находитъ время участвовать въ періодическихъ изданіяхъ. Онъ много работалъ также для литературнаго фонда и былъ нѣсколько лѣтъ его предсѣдателемъ.

Памятникъ Ломоносову. 24-го сентября, въ 2 часа, въ скверѣ передъ Чернышевымъ мостомъ совершено, въ присутствіи представителей петербургскаго общественнаго управленія, освященіе и открытіе памятника М. В. Ломоносову. Памятникъ построенъ по рисунку городского архитектора Лыткина. Бюстъ Ломоносова и барельефъ вылѣплены скульпторомъ Забѣлло и сдѣланы изъ бронзы на фабрикѣ Моранъ. Пьедесталъ исполненъ художникомъ Гвидо. Барельефъ взятъ съ картины Венеціанова, изображающей Ломоносова, покидающаго родину. На пьедесталѣ выгравированы надписи. На одной сторонѣ: «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился близъ г. Холмогоръ въ 1711 году, скончался въ С.-Петербургѣ въ 1765 году». На другой сторонѣ изображены слѣдующія строки:

«Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря,
«Мальчикъ отцу помогалъ... Отрокъ, оставь рыбака!
«Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя работы!
«Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ!»...
Пушкинъ.

На памятникѣ упомянуть, кромѣ того, годъ его сооруженія: «Воздвигнутъ въ 1892 году с.-петербургскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ». Дума постановила назвать именемъ Ломоносова двѣ городскія школы, находящіяся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ памятника, а именно—девятое и пятое спасскія городскія училища, по Фонтанкѣ недалеко отъ Горсткиной улицы. Кромѣ того, рѣшено на домъ, гдѣ скончался Ломоносовъ, прибить доску съ надписью, когда скончался и родился Ломоносовъ.

Стопятидесятилѣтіе рожденія Княжнина. 3-го октября исполнилось стопятьдесятъ лѣтъ со дня рожденія Якова Борисовича Княжнина, трагедіи и комедіи котораго пользовались успѣхомъ на придворныхъ сценахъ въ царствованіе Екатерины II. Я. Б. Княжнинъ происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи и родился въ г. Псковѣ въ 1742 г., до пятнадцати лѣтъ воспитывался дома, потомъ былъ привезенъ своимъ отцомъ въ Петербургъ и отданъ на воспитаніе къ професору академіи наукъ Модераху, у котораго воспитывались тогда дѣти многихъ дворянскихъ фамилій. Здѣсь Я. Б. одновременно посѣщалъ пансіонъ Лави, гдѣ изучалъ французскій, нѣмецкій и итальянскій языки. По окончаніи курса въ пансіонѣ онъ поступилъ юнкеромъ въ иностранную колегію, вскорѣ былъ назначенъ переводчикомъ, а нѣсколько лѣтъ спустя перешелъ въ «канцелярію по строенію домовъ и садовъ». Канцеляризмъ былъ не по душѣ молодому человѣку, и онъ, по протекціи фельдмаршала К. Г. Разумовскаго, въ чинѣ капитана, поступилъ въ военную службу, но тутъ пошатнулось его матеріальное положеніе, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Еще въ пансіонѣ, Я. Б. писалъ мелкія стихотворенія. Первая трагедія

«Дидона» была написана имъ въ 1769 г. и вскорѣ поставлена на сценѣ придворнаго театра въ Москвѣ, гдѣ давалась въ присутствіи Екатерины II. Благодаря этой трагедіи, Я. Б. сблизился съ Сумароковымъ, выдавшимъ за него свою младшую дочь. Втеченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ Княжнинъ написалъ много мелкихъ стихотвореній, трагедію «Владиміръ и Ярополкъ» и двѣ оперы «Несчастіе отъ кареты» и «Скупой». Разстроенныя дѣла заставили его работать на книжный рынокъ; къ этимъ работамъ относятся переводы: Вольтеровой «Генріады», нѣкоторыхъ трагедій Корнеля, Кребильона и отрывки изъ Геснеровыхъ «Идилій». Этими переводами Княжнинъ поддерживалъ свое существованіе впродолженіе восьми лѣтъ, пока о его дарованіи не узналъ Бецкій, предложившій Я. Б. у себя мѣсто секретаря. Другая трагедія Княжнина «Рославъ» относится къ 1784 г. и пользовалась въ то время успѣхомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ членомъ академіи наукъ и много потрудился надъ составленіемъ «Словаря», сотрудничая въ то же время въ академическомъ «Собесѣдникѣ». Далѣе идетъ цѣлый рядъ другихъ переводныхъ сочиненій и, между прочимъ, «Титово милосердіе», въ которомъ Титъ представленъ въ чертахъ, напоминавшихъ Екатерину II. Но еще больше извѣстность Княжнинъ пріобрѣлъ черезъ два года послѣ своей смерти, когда въ академической типографіи была напечатана его трагедія «Вадимъ, князь Новогородскій». Книга эта была напечатана въ 1793 г., то-есть въ разгаръ французской революціи. Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) говоритъ объ этой трагедіи: «сія піеса и дѣйствительно была не скромнѣе Вольтерова Брута, хотя въ роли Рюрика на все помѣщено довольно правыхъ отвѣтовъ». Генералъ-прокуроръ Самойловъ внесъ тогда въ правительствующій сенатъ слѣдующее предложеніе: «сію вышедшую съ столь дерзкими словами трагедію разсмотрѣть и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе». Сенатъ эту книгу разсмотрѣлъ и постановилъ: «оную книгу сжечь въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично, для чего и отослать ее въ с.-петербургское губернское правленіе при указѣ, и чтобы отъ управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе, съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, то подвергнетъ себя сужденію по законамъ»... Трагедія эта была отобрана въ Москвѣ въ количествѣ 160 экземпляровъ изъ книжныхъ магазиновъ, куда повезъ ее книгопродавецъ Глазуновъ въ количествѣ 400 экз.; остальные 240 экземпляровъ разошлись уже въ публикѣ, но, чтобы не возбуждать лишнихъ толковъ, они не отбирались.

Княжнинъ умеръ 14-го января 1791 года и похороненъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ; на его могильномъ памятникѣ едва замѣтная надпись:

«Творенія его Россія не забудетъ!
«Онъ былъ и нѣтъ его—онъ есть и вѣчно будетъ!»

Могила остается въ безпорядочномъ состояніи и къ 150-лѣтнему юбилею дня рожденія Я. Б. Княжнина.

50-лѣтній юбилей Казанской духовной академіи. 21-го—23-го сентября Казанская духовная академія праздновала пятидесятилѣтній юбилей (основана 6-го іюня 1842 года; 21-го сентября 1842 г. было самое открытіе академіи). Къ предстоящему торжеству академія выпустила два печатныхъ юбилейныхъ изданія: «Исторія Казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія», проф. П. В. Знаменскаго, въ 3-хъ томахъ, и «Историческая записка о состояніи Казанской духовной академіи за періодъ 1870—1892 гг.», проф. С. А. Терновскаго, въ одномъ томѣ. Задолго до юбилея разосланы были приглашенія ко всѣмъ бывшимъ наставникамъ, начальникамъ и воспитанникамъ академіи и ко всѣмъ лицамъ,

имѣющимъ отношеніе къ академіи. На академическое торжество прибыли въ Казань: преосвященный Варсонофій симбирскій, бывшій воспитанникъ Казанской академіи, преосв. Владиміръ нижегородскій, служившій въ академіи инспекторомъ въ 1867—1869 гг., преосв. Гурій камчатскій, изъ воспитанниковъ академіи, нынѣ присутствующій въ святѣйшемъ синодѣ, преосв. Григорій ковенскій, изъ воспитанниковъ академіи, состоявшій здѣсь профессоромъ, помощникомъ инспектора и экономомъ (1854—1867 гг.), преосв. Сергій новгородъ-сѣверскій, бывшій викарій казанскій (съ 1888 по 1891 гг.). Пріѣхали также: професоръ С.-Петербургской духовной академіи И. Ѳ. Нильскій, професоръ Московскаго университета А. С. Павловъ професоръ Новороссійскаго университета Н. Ѳ. Красносельцевъ (оба воспитанники Казанской академіи), професоры Московской духовной академіи Соколовъ и Татарскій, секретарь православнаго миссіонерскаго московскаго общества свящ. А. В. Никольскій; всѣ эти лица явились представителями на юбилей отъ тѣхъ заведеній и учрежденій, въ которыхъ они состоятъ на службѣ. Прибыло множество лицъ разнаго положенія, съ разныхъ концовъ имперіи, преимущественно изъ воспитанниковъ Казанской академіи, какъ депутатами отъ различныхъ заведеній, такъ и по личному своему желанію.

Наканунѣ юбилея, 20-го сентября, въ академической церкви преосв. Варсонофіемъ, въ сослуженіи съ священными лицами изъ воспитанниковъ академіи, совершена была заупокойная литургія по всѣхъ почившихъ начальникахъ, преподавателяхъ и воспитанникахъ академіи и покровителяхъ ея; доцентъ академіи свящ. А. В. Смирновъ произнесъ прочувствованное и глубокосодержательное слово. По окончаніи литургіи на панихиду вышли семь епископовъ, кромѣ поименованныхъ, еще казанскіе архипастыри высокопреосвященный архіепископъ Владиміръ и преосв. Никаноръ (чебоксарскій). Эта панихида, совершаемая семью предстоятелями церкви со множествомъ священныхъ лицъ, при превосходномъ мелодичномъ пѣніи студенческаго хора, производила глубоко-трогательное, умилительное впечатлѣніе. Здѣсь совершался актъ высокаго молитвеннаго общенія и единенія живыхъ съ душами почившихъ,—общенія интеллектуальнаго, возвышеннаго, благодарно-теплаго и поучительнаго. 21-го сентября въ академической церкви торжественнѣйшую литургію совершили высокопресвященный Владиміръ, преосв. Гурій и преосв. Григорій, въ сослуженіи съ почетнѣйшимъ духовенствомъ изъ воспитанниковъ академіи; а послѣ литургіи на молебенъ снова вышли семь епископовъ и множество лицъ священнаго сана. Въ академію прибыли всѣ пріѣзжіе гости, высшее гражданское и городское начальство, представители отъ всѣхъ заведеній Казани и множество лицъ, любителей и почитателей духовнаго просвѣщенія. Въ часъ начался актъ. Послѣ пѣнія, изъ котораго необходимо отмѣтить въ особенности пѣніе по-татарски учениковъ казанской центральной крещено-татарской школы, которая имѣла всегда самое близкое родственное отношеніе къ академіи, отецъ ректоръ, первый студентъ 1-го курса академіи, прот. А. П. Владимірскій сказалъ короткую рѣчь, посвященную настоящему торжеству; послѣ него прочиталъ рѣчь объ ученой дѣятельности академіи проф. И. С. Бердниковъ. Затѣмъ началось принесеніе поздравленій, иконъ, благословеній, чтеніе адресовъ, телеграмъ, привѣтствій и проч., присланныхъ отъ разныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, учебныхъ заведеній, отъ гражданскаго и городского управленія, отъ разныхъ лицъ, попреимуществу изъ воспитанниковъ академіи, занимающихъ разныя общественныя и служебныя положенія въ различныхъ мѣстахъ имперіи и за границей. При чтеніи адресовъ вмѣстѣ съ тѣмъ вручены были: отцу ректору отъ С.-Петербургской академіи дипломъ на званіе почетнаго члена академіи, проф. П. В. Знаменскому дипломъ отъ Московскаго университета на ученую степень доктора русской

исторіи и отъ Казанскаго университета—на званіе почетнаго члена. Высокопреосвященный Палладій, экзархъ Грузіи, бывшій воспитанникъ академіи, прислалъ 1.300 рублей на академическую церковь (въ которой молился, когда былъ студентомъ) и въ общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ академіи; высокопреосвященный Макарій, архіепископъ донской, прислалъ 5.000 рублей на учрежденіе стипендіи, высокопреосвященный казанскій Владиміръ пожертвовалъ 800 рублей на содержаніе одного изъ студентовъ втеченіе 4-лѣтняго курса, варшавскій прот. Горизонтовъ еще до юбилея прислалъ 5.000 рублей на учрежденіе стипендіи при академіи, преосв. Никаноръ (чебоксарскій) принесъ лепту съ назначеніемъ ея въ пользу того студента, который напишетъ исторію Спасо-Преображенскаго казанскаго монастыря, этой «колыбели академіи», преосвящ. Варсонофій также обѣщалъ принести свою «лепту» на пользу академіи. По окончаніи акта состоялся торжественный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ почетные гости и лица академической корпораціи.

22-го сентября литургію въ каѳедральномъ соборѣ совершали преосвященные Гурій и Сергій, а послѣ литургіи опять семь епископовъ вышли на панихиду по почившимъ казанскимъ архипастырямъ, покровителямъ академіи. По окончаніи богослуженія всѣ устремились въ Спасо-Преображенскій монастырь и въ домъ купца, почетнаго гражданина Казани, П. В. Щетинкина, въ эти двѣ «колыбели академіи», въ которыхъ помѣщалась новооткрытая академія въ 1842—1848 гг. Всюду о. ректоръ, какъ свидѣтель и живая лѣтопись первоначальной жизни академіи, показывалъ публикѣ прежнее размѣщеніе ея, пересыпая разсказъ воспоминаніями изъ далекаго прошлаго академіи. П. В. Щетинкинъ, человѣкъ вообще благорасположенный къ церкви и духовнымъ лицамъ, любезно предоставилъ свой домъ для осмотра академическимъ гостямъ, а по окончаніи осмотра предложилъ парадный завтракъ. 23-го сентября всѣ члены академической корпораціи, гости и воспитанники всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній Казани молились у Казанской чудотворной иконы Божіей Матери. Преосвященный Никаноръ произнесъ короткое, но задушевное слово. Въ 2 часа въ квартирѣ о. ректора состоялся «товарищескій обѣдъ» бывшихъ воспитанниковъ академіи, въ присутствіи почетныхъ гостей.

Пятидесятилѣтняя годовщина смерти А. В. Кольцова. 19-го октября прошло полвѣка со дня смерти нашего перваго народнаго поэта. Общество наше вспомнило объ этомъ днѣ больше всего потому, что теперь пѣсни Кольцова сдѣлались общимъ достояніемъ, и предпріимчивые издатели уже выпустили нѣсколько дешевыхъ изданій. Впрочемъ уже давно для народа былъ изданъ сборникъ его пѣсенъ въ 20 копѣекъ. Произведенія Кольцова выдержали десять изданій. Первое появилось въ 1835 г. и принадлежало Станкевичу; оно заключало 18 стихотвореній. Второе было предпринято Бѣлинскимъ и заключало въ себѣ, помимо стихотвореній Кольцова, критико-біографическую статью о поэтѣ и статью о музыкѣ Серебрянскаго, друга Кольцова. Послѣднія изданія представляютъ перепечатку изданія Бѣлинскаго, причемъ критическая статья была значительно сокращена, а статья о музыкѣ Серебрянскаго пропущена. Изъ критическихъ статей о музѣ Кольцова выдаются Бѣлинскаго (сочиненія), Стоюнина въ «Сынѣ Отечества» 1852 г., Водовозова въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1861 г., Каткова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1866 г., большой критическій этюдъ М. де Пуле и Валерьяна Майкова въ «Критическихъ опытахъ». Большинство стихотвореній Кольцова переведено на всѣ европейскіе языки, особенно же обильны переводы на нѣмецкій языкъ, сдѣланные преимущественно покойнымъ Боденштедтомъ, затѣмъ Фидлеромъ и др. Смерть поэта чествуютъ лекціями и торжественными рѣчами, но она была очень тяжела. Умирая отъ чахотки на 34 году, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до неизбѣжной развязки писалъ прія-

телю: «силъ не только духовныхъ, но и физическихъ нѣтъ, памяти тоже. Что, если и выздоровѣвши такимъ же останусь? Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полипнаго состоянія. Или жить для жизни, или маршъ на покой». И поэтъ успокоился только въ могилѣ отъ своей невеселой жизни.

Открытіе памятника Пржевальскому. Императорское географическое Общество, желая увѣковѣчить память нашего знаменитаго путешественника, собрало по подпискѣ 32.514 рублей и учредило на эти средства, для поощренія трудовъ русскихъ путешественниковъ, ежегодную премію имени Н. М. Пржевальскаго въ 500 рублей и большую серебряную медаль съ его изображеніемъ. Наконецъ, теперь Общество соорудило въ Петербургѣ, въ Александровскомъ саду, памятникъ Пржевальскому, который и открытъ торжественно 20-го октября. Этотъ памятникъ, подобно Иссыкульскому, воздвигнутъ по рисунку товарища и друга Н. М. генерала Бильдерлинга. Онъ состоитъ изъ изящной гранитной скалы, увѣнчанной колоссальнымъ бронзовымъ бюстомъ Н. М., у подножія скалы лежитъ бронзовый, навьюченный верблюдъ натуральной величины. На лицевой сторонѣ скалы написано:

«Пржевальскому,
«первому изслѣдователю природы
«Центральной Азіи».

а съ задней стороны:

«Императорское
«Русское Географическое Общество
«на приношенія почитателей
«1892 г.».

Бюстъ и верблюдъ изваянъ извѣстнымъ скульпторомъ, академикомъ Шредеромъ; отлиты они на заводѣ Берто (бывшій Шопена), гранитъ изъ финляндскихъ каменоломенъ Р. И. Рунсберга, которымъ исполнены всѣ каменныя работы. Куртина, окружающая памятникъ, устроена императорскимъ обществомъ садоводства. Постановка памятника обошлась географическому обществу въ 14.657 рублей.

† 7 го сентября митрополитъ петербургскій, новгородскій и финляндскій **Исидоръ**, 93-хъ лѣтъ. Онъ былъ также архимандритомъ Александро-Невской лавры, первенствующимъ членомъ синода, главнымъ попечителемъ и предсѣдателемъ совѣта Человѣколюбиваго общества. Дѣятельность его связана съ выдающимися событіями въ русской церкви за послѣдніе полвѣка. Множество реформъ по духовному вѣдомству совершилось за это время. При Исидорѣ исчезли старыя ужасающія бурсы и поднятъ уровень образованія духовенства, семинаріи и академіи, пришедшія въ упадокъ, преобразованы, открылось множество женскихъ епархіальныхъ училищъ, улучшился бытъ духовенства; созывались неоднократно соборы епископовъ для борьбы съ расколомъ и штундою, учреждены епархіальные свѣчные заводы и пр. Среди административныхъ трудовъ онъ находилъ время слѣдить и за научными работами и изданіями. Русскій народъ, благодаря ему, получилъ возможность читать священныя книги на гражданскомъ языкѣ. За этотъ переводъ онъ получилъ въ 1877 году знакъ особаго отличія—украшенную драгоцѣнными камнями митру съ водруженнымъ на ней крестомъ по кіевскому обычаю, на подобіе царской короны. Кромѣ того, перу митрополита Исидора принадлежатъ «Слова и рѣчи», выдержавшія нѣсколько изданій. Но краснорѣчивымъ проповѣдникомъ онъ не былъ. Исидоръ въ мірѣ назывался Яковомъ Сергѣевичемъ Никольскимъ, родился 1-го октября 1799 г., въ селѣ Никольскомъ Тульской губерніи. Отецъ его былъ псаломщикомъ въ этомъ селѣ. Въ 1807 г. мальчикъ Никольскій поступилъ въ тульское духовное училище, оттуда въ тульскую духовную семинарію. Затѣмъ для полученія

высшаго духовнаго образованія отправился въ Петербургскую духовную академію, гдѣ обратилъ на себя вниманіе митрополита московскаго Филарета, составлявшаго въ то время академическій уставъ. На 26 году, по окончаніи курса въ академіи, почившій принялъ монашество съ именемъ Исидора и былъ опредѣленъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ академіи. Затѣмъ, послѣдовательно, рукоположенъ въ іеродіаконы и іеромонахи, а въ 1830 г. назначенъ ректоромъ орловской духовной семинаріи и професоромъ богословскихъ наукъ съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1833 г. переведенъ на мѣсто настоятеля въ Москву, въ Заиконоспасскій ставропигіальный монастырь, и въ слѣдующемъ году былъ викаріемъ московской митрополіи. Черезъ три года молодой архіерей получилъ самостоятельную каѳедру сначала въ Полоцкой, потомъ въ Могилевской епархіи, въ 1841 г. получилъ санъ архіепископа, принималъ участіе въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ. Впослѣдствіи ему пришлось въ качествѣ первоприсутствующаго члена синода содѣйствовать окончательному присоединенію къ православію остатковъ уніи. Въ 1844 г. Исидоръ возведенъ въ званіе члена синода и назначенъ экзархомъ Грузіи, архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ. Полудикое кавказское населеніе, составленное изъ разнообразныхъ элементовъ, нуждалось въ устройствѣ церковнаго управленія. Въ Закавказскомъ краѣ не было ни церквей, ни опытныхъ пастырей. Александръ II, въ день своего коронованія, возвелъ экзарха Исидора въ санъ митрополита. Въ 1858 г. митрополитъ Исидоръ былъ призванъ занять древнѣйшую въ Россіи каѳедру св. Софіи, а черезъ два года получилъ въ управленіе петербургскую, новгородскую и финляндскую митрополію. Онъ обратилъ вниманіе на призрѣніе бѣдныхъ духовнаго званія. Въ 1869 г. имъ сооруженъ Александро-Невскій домъ призрѣнія бѣдныхъ съ училищемъ для сиротъ. На пожертвованные же имъ 80,000 рублей были сооружены и женскія училища въ бывшемъ помѣстьѣ Державина «Званкѣ» и при женскомъ Деревяницкомъ монастырѣ въ Новгородской епархіи. Человѣколюбивое общество годъ отъ году расширяло свою дѣятельность. Вмѣсто 16.000 неимущихъ, какъ было въ 1860 г., оно призрѣваетъ теперь болѣе ста тысячъ; вмѣсто 30—140 благотворительныхъ учрежденій общества оказываютъ помощь бѣдному и нуждающемуся люду.

† Въ Москвѣ, **князь Василій Вас. Вяземскій**. Нѣкогда богатый московскій помѣщикъ и потомокъ древняго рода, онъ въ послѣднія 25 лѣтъ своей жизни жилъ въ крайней бѣдности (онъ и умеръ въ больницѣ), но бѣдность эта была добровольная, по убѣжденію наложенная имъ на себя. Онъ всю жизнь трудился и работалъ въ потѣ лица, изучивъ отлично всѣ ремесла. Природа наградила его необыкновенными способностями: онъ былъ отличный кузнецъ, столяръ, слесарь, архитекторъ, рѣзчикъ... Онъ дѣлалъ плуги, молотилки, вѣялки, мебель, рояли, иконостасы, держалъ обширную мастерскую въ Москвѣ и въ своемъ имѣніи. Но что всего главнѣе—это то, что онъ былъ всесторонне образованный и глубоко гуманный человѣкъ. При феноменальной памяти онъ владѣлъ обширными познаніями въ естественныхъ наукахъ, имѣлъ большую библіотеку, ревностно слѣдилъ за новѣйшими открытіями въ области химіи (его любимой наукѣ), физики, анатоміи, физіологіи, ботаники и механики. Своими познаніями онъ удивлялъ спеціалистовъ науки и професоровъ Либиха, Менделѣева, зналъ наизусть Функе, а физіологію послѣдняго перевелъ въ рукописи на русскій языкъ. Уважая выше всего человѣческую личность, ненавидя произволъ, хотя бы и легальный, онъ въ 1850—1852 гг. отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крестьянъ Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ и крѣпостныхъ дворовыхъ людей, взявъ съ нихъ небольшой посильный выкупъ, который немедленно до копейки роздалъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ, входя во всѣ ихъ нужды. Начичиная съ 1856 г. онъ поселился пустынникомъ на берегахъ р. Нары, въ

дремучемъ лѣсу, въ маленькомъ домикѣ, который срубилъ самъ съ помощью своихъ друзей-крестьянъ; онъ прожилъ тамъ около 30 лѣтъ, занимаясь чтеніемъ и работами, внося всюду свѣтъ, добро и живое человѣческое сердце. Когда ему не доставало хлѣба и пищи, о которыхъ онъ мало думалъ, то онъ спускался на берегъ Нары и громко кричалъ: «хлѣба нѣтъ!» Едва знакомый крикъ доносился до ушей крестьянъ села Кудаева, жившихъ на противоположномъ берегу рѣки, какъ всѣ, бѣдный и богатый, наперерывъ спѣшили къ нему съ припасами, кто съ краюхой хлѣба, кто съ крынкой молока, кто съ капустой, кто съ медомъ; то же повторялось всегда и съ сосѣдними деревнями — с. Бутырки и Скребуховицъ. Видя это, онъ сквозь слезы смѣялся, какъ ребенокъ, и говорилъ: «Я—какъ пророкъ Илья. Меня питаютъ мои вороны. Вотъ это великая честь! Стоитъ генеральской звѣзды! Вотъ теперь я буду сытъ и другихъ могу угостить». До конца жизни онъ жилъ съ простымъ народомъ душа въ душу и питался его простой пищей, ненавидя всякую роскошь и лакомства. «Я никогда не заботился объ ѣдѣ,—говаривалъ онъ,—и потому никогда не чувствовалъ гнета нужды. Вотъ когда чаю не на что купить или интересныхъ книгъ— вотъ это сущая нужда!» Въ противоположность графу Л. Толстому, онъ высоко ставилъ значеніе искуствъ и изящной литературы и самъ занимался музыкою и скульптурою подъ руководствомъ Н. Рубинштейна и Рамазанова. Умирая, онъ просилъ похоронить его въ полѣ за оградой, рядомъ съ могилами невѣдомыхъ бѣдняковъ, и на похороны его не тратить болѣе 3 рублей. Но похороны его неожиданно вышли довольно торжественны: явилось духовенство, пѣвчіе, земцы и огромная толпа народа; на пути печальнаго шествія служились безчисленныя панихиды по желанію провожавшихъ и даже маленькихъ дѣтей. У покойнаго князя, какъ показала вся его жизнь, практика жизни не была въ разладѣ съ теоріей.

† **Павелъ Дмитріевичъ Голохвастовъ**, въ Москвѣ еще лѣтомъ; о смерти его мѣстная печать ничего не сообщила. Получивъ отличное домашнее воспитаніе, онъ, по слѣдамъ отца своего, съ раннихъ лѣтъ занимался древнею русскою исторіей, и въ особенности смутнымъ временемъ. Не многимъ у насъ былъ такъ хорошо знакомъ древній русскій бытъ, русская рѣчь, русскій пѣсенный стихъ, какъ покойному Павлу Дмитріевичу. Въ свои изслѣдованія вносилъ онъ близкое знакомство съ европейскими языками и широту взгляда. Бесѣды его о русской исторіи отличались необыкновенною художественностью и свѣжестью выводовъ. Онъ оставилъ (большею частью въ рукописяхъ) обширныя работы, между прочимъ, о земскихъ соборахъ. Въ изданіяхъ И. С. Аксакова и въ «Русскомъ Архивѣ» помѣщено немало статей П. Д. Голохвастова. Безпристрастной критикѣ предлежитъ ихъ оцѣнка; но какъ оцѣнить утрату, понесенную въ немъ его друзьями? Это былъ человѣкъ стальной твердости и необычайно отзывчиваго сердца. Служа мировымъ судьею Звенигородскаго уѣзда, заслужилъ онъ любовь и уваженіе цѣлой округи. Потомъ обстоятельства перевели его въ Арзамасскій уѣздъ, гдѣ онъ управлялъ Ташинскимъ желѣзнымъ заводомъ, и мѣстное населеніе никогда его не позабудетъ. Такихъ русскихъ людей, какъ П. Д. Голохвастовъ, на рѣдкость. Его любили и заслушивались лица всякихъ положеній и возростовъ. Искренняя, глубокая вѣра въ Россію такъ и лилась изъ устъ его. Оттого-то такъ многолюдны были его похороны въ московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ.

† Сентября 9-го дня писательница **Прасковья Александровна Лачинова**, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ П. Лѣтневъ, 63-хъ лѣтъ. Родилась она въ дворянской семьѣ въ Тамбовской губерніи, проживъ большую часть жизни у себя въ имѣніи и посѣщая Петербургъ лишь зимой. Только послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ она переѣхала жить въ столицу, посвятивъ себя окончательно литературѣ. Она получила домашнее воспитаніе, замужемъ не была и въ частной своей жизни отличалась очень ма-

лыми потребностями. Въ одномъ изъ некрологовъ о ней сказано, что, «не смотря на скудость бытовой обстановки и терпя разнаго рода матеріальныя лишенія, покойная сохраняла до послѣдней минуты своей жизни ясность взглядовъ и бодрость духа» («Новое Время», № 5942). Послѣднее обстоятельство справедливо, а что касается ея «матеріальныхъ лишеній», то едва ли это можно утверждать, въ виду получаемой ею сначала аренды съ имѣнія и потомъ продажныхъ денегъ за него, литературнаго заработка и затѣмъ совмѣстной жизни съ братомъ, профессоромъ химіи въ Лѣсномъ институтѣ. Въ числѣ другихъ неточностей о покойницѣ, слѣдуетъ указать на то, что ей же приписываютъ романъ «Бѣшеная лощина»; между тѣмъ этотъ романъ, хотя и подписанъ П. Лѣтневъ, не принадлежитъ ей, а напечатанъ только при ея посредничествѣ за ея псевдонимомъ. Въ «Словарѣ псевдонимовъ русскихъ писателей» В. Карцова и М. Мазаева ей же приписано сотрудничество въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 г. подъ псевдонимомъ П. Ближневъ, а псевдонимъ П. Лѣтневъ приписанъ Е. А. Лачиновой. Между тѣмъ П. А. Лачинова никогда не работала въ «Вѣстникѣ Европы» и романъ: «Семейство Снѣживыхъ», печатавшійся въ «Вѣстникѣ Европы» за подписью Ближневъ, принадлежитъ не ей. Слѣдуетъ также замѣтить, что ни при жизни П. А. Лачиновой, ни послѣ ея смерти, никто не пробовалъ сдѣлать характеристику ея произведеніямъ, не смотря на то, что она писала съ шестидесятыхъ годовъ очень много и имѣла достаточный кругъ читателей. Кромѣ того, она переводила Гюи де Мопассана и Катула Мендеса. Ея романы печатались преимущественно въ журналахъ: «Дѣло», «Наблюдатель» и еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Ея описательныя произведенія: «Чужое преступленіе», «Внѣ общественныхъ интересовъ», «Бархатные когти», «Темная вода» и т. д., не выходили изъ уровня безцвѣтной беллетристики, гдѣ правда жизни не восходитъ до художественной правды, и всѣ они были переполнены общими словами и безконечными разговорами съ благими цѣлями. Позднѣе же г-жа Лачинова принялась сочинять обличительные романы и повѣсти «Современный недугъ», «Наше смутное время», «Безъ воли», «Не подъ силу» и т. п. Она выводила въ нихъ обыкновенно какого нибудь добродѣтельнаго и ученаго профессора, представителя традицій и закона, исповѣдующаго и утѣшающаго въ минуты отчаянія кающихся нигилистокъ. Такъ въ романѣ «Современный недугъ» выведенъ профессоръ Стебальскій, который долженъ прославиться научнымъ изслѣдованіемъ современнаго общества подъ заглавіемъ: «Новыя болѣзни мозга». Эти болѣзни — суть блужданіе нашей мысли, разнузданность воли, потребность удивлять собою, на подобіе 14-лѣтняго мальчика, который, убивъ ребенка, объявилъ на судѣ: «мнѣ давно хотѣлось, чтобы обо мнѣ говорили и печатали въ газетахъ...». Этотъ источникъ современности, по мнѣнію г-жи Лачиновой, способенъ только разрушать истинную цивилизацію на томъ основаніи, что «вопервыхъ, нарушена связь временъ и поколѣній, за прошлымъ не признается абсолютно ничего хорошаго, всѣ отыскиваютъ какіе-то новые пути; вовторыхъ, каждый считаетъ себя способнымъ на величайшіе подвиги и, втретьихъ, всѣ отыскиваютъ какія-то человѣческія права, а никакихъ будничныхъ обязательствъ не признаютъ. Оторвавшись отъ всѣхъ традицій, молодое поколѣніе оторвалось отъ всякой нравственности». Такова была тенденція ея послѣднихъ произведеній.

† Въ Сибири, не далеко отъ Среднеколымска, путешественникъ **Иванъ Дементьевичъ Черскій**, командированный академіей наукъ изслѣдовать сѣверную часть Якутской области; онъ принадлежалъ къ числу лицъ, получившихъ преміи за свои научные труды отъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ: онъ имѣлъ три медали (двѣ золотыхъ) отъ географическаго и др. обществъ. Родился онъ въ 1844 г. По окончаніи курса въ Виленской гимназіи, поступилъ въ

Виленскій дворянскій институтъ. За участіе въ польскомъ мятежѣ былъ сосланъ въ Сибирь и опредѣленъ рядовымъ въ Сибирскій линейный батальонъ, въ которомъ служилъ до 1869 г. Получивъ разрѣшеніе поселиться въ Иркутскѣ, И. Д. занялся изслѣдованіемъ послѣ-третичныхъ млекопитающихъ и сдѣлался дѣятельнымъ членомъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. Въ 1885 г. онъ произвелъ геологическое изслѣдованіе отъ озера Байкала до восточнаго склона Уральскаго хребта. Результаты палеонтологическихъ, геологическихъ и зоологическихъ изслѣдованій покойный напечаталъ въ «Извѣстіяхъ восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества», «Запискахъ академіи наукъ» и «Трудахъ с.-петербургскаго общества естествоиспытателей».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ „Воспоминанія стараго литератора“.

Г. Старчевскій, повѣствуя въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» о своемъ намѣреніи пріобрѣсть «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній», между прочимъ сообщаетъ совершенно невѣрные факты, касающіеся моего и А. П. Милюкова участія въ изданіи и редакціи этого журнала. Такъ какъ ни А. П. Милюковъ, ни пишущій эти строки никогда, ни одного момента, не были ни издателями, ниже редакторами «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній», то очевидно, что обвиненіе автора «Воспоминаній» въ неспособности нашей «уяснить себѣ цѣли изданія» (стр. 27), если не плодъ фантазіи, то основано на ложныхъ слухахъ. «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній» перешелъ отъ г. Перцова въ руки новаго издателя, В. А. Прохорова, слѣдующимъ образомъ. Узнавъ, что г. Перцовъ желаетъ отдѣлаться отъ своего изданія, уговорилъ я своего университетскаго товарища А. П. Милюкова пріобрѣсть журналъ сообща со мною. Такъ какъ мы не имѣли ни достаточнаго времени, ни охоты заниматься хозяйственною частью (типографія и пр.) изданія, то рѣшились пригласить третьимъ товарищемъ В. А. Прохорова, хорошаго рисовальщика, собственника литографіи и завѣдовавшаго типографіей морскаго кадетскаго корпуса. Это товарищество, не оформленное письменнымъ условіемъ, было лишь эфемерное. Г-ну Прохорову, впослѣдствіи пріобрѣвшему извѣстность спеціалиста по части древнихъ иконъ и старинныхъ русскихъ костюмовъ, какъ-то сразу не понравилось мое и почтеннаго А. П. Милюкова участіе въ изданіи и, не предваривъ своихъ товарищей ни единымъ словомъ, онъ, противно уговору, самовольно покончивъ дѣло съ г. Перцовымъ, сталъ дѣйствовать и распоряжаться захудалымъ журналомъ, какъ полный и единственный его хозяинъ. Такой оборотъ дѣла, конечно, не могъ не удивить своей неожиданностью его товарищей, но такъ какъ онъ въ то же время послужилъ къ обнаруженію своеобразнаго взгляда г. Прохорова на нравственныя обязанности, то мы съ А. П. Милюковымъ не только не пожалѣли о нашемъ безцеремонномъ устраненіи, но даже были очень довольны тѣмъ, что не втянулись въ предпріятіе, не обѣщавшее особыхъ матеріальныхъ выгодъ и, сверхъ того, отвлекавшее насъ отъ нашихъ прямыхъ обязанностей по службѣ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что, если я и А. П. Милюковъ, не смотря на выданное намъ г. Старчевскимъ testimonium paupertatis, и были бы одарены способностью «уяснить себѣ цѣли изданія» «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній», то приложить эту способность къ дѣлу мы, въ товариществѣ съ г. Прохоровымъ, не чувствовали особаго влеченія и не имѣли даже физической возможности къ тому. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ уже одно то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ выпусковъ «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній» не встрѣчается ни моя, ни подпись А. П. Милюкова, какъ издателей или редакторовъ.

А. Чумиковъ.

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» на страницѣ 175 вкралась ошибка: подъ гравюрой, изображающей Александровскую улицу и каѳедральный соборъ въ Кишиневѣ, поставлена неправильная подпись: «Аккерманская крѣпость въ настоящее время».

рихомъ и Леопольдомъ, которыхъ слуга Штернбальдъ наканунѣ привезъ изъ Мекленбургскаго курфюршерства, гдѣ они оставались всѣ пятеро; по разнымъ соображеніямъ, которыя было бы долго излагать, онъ рѣшилъ взять мальчиковъ съ собой, такъ какъ они со слезами просили его объ этомъ. Принцъ милостиво обратился къ дѣтямъ, которыхъ Кольгаасъ усадилъ подлѣ себя, спросилъ, по скольку имъ лѣтъ, какъ ихъ зовутъ, затѣмъ сообщилъ Кольгаасу, что Нагельшмидтъ, его бывшій работникъ, позволяетъ себѣ въ долинахъ Рудныхъ горъ всякія злодѣянія; при этомъ показалъ ему объявленные имъ указы и, вручая ему ихъ, спросилъ, что можетъ онъ сказать въ свое оправданіе.

Барышникъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ постыдныхъ и предательскихъ указовъ, но ему было не трудно убѣдить такого честнаго, прямодушнаго человѣка, какъ принцъ, въ неосновательности взводимыхъ на него обвиненій.

Не только въ силу его увѣреній, что въ томъ положеніи, въ какомъ находилось его дѣло, онъ не нуждался въ помощи третьяго человѣка, но бумаги и нѣкоторыя письма, которыя онъ показалъ принцу, ясно свидѣтельствовали, что не задолго передъ тѣмъ, какъ шайка была распущена въ Лютценѣ, этотъ негодяй былъ приговоренъ имъ къ повѣшенію за разные его неблаговидные поступки и мошенничество, и его спасла только амнистія курфюрста, вмѣстѣ съ которой прекращалось ихъ общее дѣло, а разошлись они заклятыми врагами. Съ согласія принца Кольгаасъ написалъ Нагельшмидту посланіе, въ которомъ онъ называетъ выдуманное имъ желаніе — будто бы отстоять дарованную амнистію, постыдною, злодѣйскою ложью, затѣмъ увѣдомляетъ, что по прибытіи въ Дрезденъ онъ не былъ ни арестованъ, ни заключенъ подъ стражу, что дѣло его идетъ именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ того желалъ, а его за злодѣянія, которыя онъ позволилъ себѣ вмѣстѣ съ своею шайкою въ Рудныхъ горахъ уже послѣ полученной амнистіи, онъ предастъ всей карѣ правосудія.

При этомъ, на поученіе народу, приводились нѣкоторыя извлеченія изъ обвинительнаго акта, въ силу которыхъ этотъ негодяй еще въ замкѣ Лютцена былъ приговоренъ барышникомъ за свои злодѣянія къ повѣшенію, и отъ котораго онъ спасся только благодаря амнистіи курфюрста.

Принцъ старался успокоить Кольгааса насчетъ подозрѣнія, которое невольно падало на него и по поводу котораго его подвергли допросу. Обѣщалъ ему, что пока онъ самъ въ Дрезденѣ, по отношенію къ нему амнистія отнюдь не будетъ нарушена; затѣмъ угостилъ мальчиковъ фруктами, тутъ же стоявшими на столѣ, протянулъ имъ руку на прощаніе, простился съ Кольгаасомъ и отпустилъ его.

Великій канцлеръ, узнавъ объ опасности, какая грозила Кольгаасу, употребилъ все стараніе, чтобы ускорить окончаніе его дѣла, прежде чѣмъ оно усложнится новыми событіями и обстоятельствами, на чтò какъ разъ сильно расчитывали рыцари, и вмѣсто того, чтобы ограничиться, какъ прежде, только удостовѣреніемъ факта на основаніи права, они стали разными хитросплетеніями отрицать самое преступленіе. То они утверждали, что вороныя лошади были задержаны въ Тронкенбургѣ по собственному усмотрѣнію смотрителя замка и управляющаго, безъ вѣдома самого юнкера, то будто бы лошади уже прибыли туда съ опаснымъ кашлемъ, и предлагали даже вызвать свидѣтелей по этому поводу и, когда они со всѣми этими аргументами по разслѣдованіи ихъ потерпѣли неудачу, они откопали эдиктъ курфюрста двѣнадцатилѣтней давности, по которому по случаю падежа скота былъ запрещенъ ввозъ лошадей изъ Бранденбургскаго курфюршества въ Саксонію, и непремѣнно желали его примѣнить къ лошадямъ Кольгааса и задержать ихъ на границѣ.

Тѣмъ временемъ Кольгаасъ купилъ обратно свою ферму отъ управляющаго помѣстьемъ въ Кольгаасенбрюкѣ, вознаградивъ его за понесенные убытки, и собирался по этому дѣлу выѣхать изъ Дрездена на нѣсколько дней къ себѣ на родину,—предлогъ для поѣздки былъ весьма, повидимому, уважительный, надо было подумать о зимнихъ посѣвахъ, а главнымъ образомъ ему хотѣлось хорошенько обдумать свое положеніе въ виду всѣхъ обстоятельствъ, а, можетъ быть, тутъ были еще другія причины, о которыхъ предоставляемъ каждому догадаться. Затѣмъ онъ отправился, безъ приставленной къ нему стражи, къ канцлеру съ письмами отъ мэра, говоря, что онъ желалъ бы выѣхать изъ Дрездена, если только не требуется присутствія по его дѣлу въ судѣ, въ Бранденбургское курфюршество и обѣщалъ вернуться дней черезъ 8—12.

Канцлеръ съ недовольнымъ лицомъ отвѣтилъ ему, что теперь именно присутствіе его болѣе всего необходимо, такъ какъ вслѣдствіе всякихъ хитросплетеній и подвоховъ его противниковъ, могутъ потребоваться отъ него всякія разъясненія; но, такъ какъ Кольгаасъ указалъ на своего адвоката, которому были хорошо извѣстны всѣ подробности дѣла, и настаивалъ, хотя въ самой въ вѣжливой формѣ, на своемъ отъѣздѣ, обѣщая сократить его до 8-дневнаго срока, канцлеръ, наконецъ, согласился, выразилъ увѣренность, что со своими бумагами и паспортомъ онъ обратится къ принцу Мейссенскому.

Кольгаасъ, который по лицу канцлера видѣлъ, въ чемъ тутъ дѣло, утвердился еще болѣе въ своемъ намѣреніи уѣхать и потому сейчасъ же сѣлъ къ столу и написалъ принцу Мейссенскому, какъ начальнику губерніума, прошеніе о выдачѣ ему паспорта для отъѣзда въ Кольгаасенбрюкъ на восемь дней и обратно, не излагая при этомъ никакихъ причинъ отъѣзда.

На свое прошеніе онъ получилъ резолюцію за подписью завѣдующаго замкомъ, барона Зигфрида фонъ-Венкъ, что его прошеніе о паспортѣ для проѣзда въ Кальгаасенбрюкъ будетъ доложено его свѣтлости, и что отвѣтъ будетъ ему доставленъ немедленно по полученіи.

По наведенной Кольгаасомъ справкѣ у его адвоката, отчего губернская резолюція подписана не принцомъ Христіерномъ Мейссенскимъ, а барономъ Зигфридомъ фонъ-Венкъ, онъ узналъ, что принцъ уже три дня какъ уѣхалъ въ свои имѣнія и всѣми дѣлами губерніума на время его отсутствія завѣдуетъ баронъ Зигфридъ фонъ-Венкъ, двоюродный братъ фонъ-Венка, министра двора.

Кольгаасъ съ удрученнымъ сердцемъ ожидалъ на свою просьбу отвѣта, который такъ усложнялся всѣми этими затрудненіями; прошла недѣля, больше, отвѣта все не было, не являлось и его оправданія по суду, хотя оно было ему навѣрно обѣщано. Тогда на двѣнадцатый день онъ рѣшилъ справиться о намѣреніяхъ правительства по отношенію къ нему, все равно, каковы бы они ни были, и снова обратился въ губерніумъ съ просьбою о выдачѣ ему паспорта.

Каково же было его удивленіе, когда онъ на слѣдующій день, все еще въ ожиданіи не получаемаго отвѣта, расхаживая по комнатѣ и раздумывая о своемъ положеніи и о выхлопотанной ему докторомъ Лютеромъ амнистіи, случайно подойдя къ окну своей задней комнаты, вдругъ увидѣлъ, что во дворѣ въ флигелѣ нѣтъ стражи, приставленной къ нему принцемъ Мейссенскимъ. Онъ призвалъ Томаса, стараго дворецкаго, и спросилъ его, гдѣ стража, отчего ея нѣтъ, что это значитъ.

— Ахъ, господинъ мой,—отвѣтилъ со вздохомъ старикъ,—дѣло въ томъ, что не все обстоитъ благополучно; ратники собрались сегодня въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно, и обступили весь домъ съ вечера. Двое стоятъ со щитами и пиками у дверей на улицу, двое у задней двери къ саду, двое легли въ передней на соломѣ, сказавъ, что тутъ и спать будутъ.

Кольгаасъ измѣнился въ лицѣ, отвернулся и сказалъ:

— Безразлично, сколько ихъ тамъ, но надо посвѣтить имъ, чтобы они могли видѣть.

Послѣ того, какъ онъ, подъ предлогомъ вылить изъ какой-то посуды, открылъ окно и убѣдился въ истинѣ словъ старика, какъ разъ въ это время смѣнился караулъ, чего до сихъ поръ не дѣлалось. Хотя ему было не до сна, тѣмъ не менѣе онъ легъ съ твердо принятымъ рѣшеніемъ назавтра. Ничто его такъ не возмущало въ правительствѣ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, какъ эта мнимая справедливость, тогда какъ на самомъ дѣлѣ обѣщанная ему амнистія нарушалась, и если онъ дѣйствительно содержится подъ арестомъ, что̀ болѣе не подлежало сомнѣнію, то онъ будетъ требовать, чтобы это было ему опредѣленно и ясно объявлено.

На слѣдующее утро, съ первыми лучами свѣта, онъ приказалъ своему работнику Штернбальду запрячь и подать карету, для того, чтобы отправиться къ управляющему въ Локвитцъ, который нѣсколько дней назадъ говорилъ съ нимъ въ Дрезденѣ, какъ старый знакомый, и звалъ его къ себѣ съ дѣтьми.

Ратники, замѣтивъ движеніе въ домѣ и приготовленіе къ отъѣзду, послали одного изъ своихъ въ городъ, и скоро прибыло нѣсколько сыщиковъ съ губернскимъ чиновникомъ во главѣ, и всѣ они вошли въ домъ напротивъ, будто по дѣлу. Кольгаасъ, который въ это время одѣвалъ своихъ мальчиковъ, видѣлъ все это и нарочно продержалъ карету дольше у дверей. Когда полиція устроилась, онъ вмѣстѣ съ дѣтьми вышелъ изъ дверей и, не обращая вниманія на полицію, сказалъ, проходя мимо стоящихъ у дверей ратниковъ, что имъ нечего слѣдовать за нимъ. Онъ посадилъ мальчиковъ въ карету, поцѣловалъ и простился съ плакавшими дѣвочками, которыя, согласно приказанію, должны были остаться у дочери стараго дворника. Едва онъ сѣлъ въ карету, какъ къ нему подошелъ губернскій чиновникъ со свитою сыщиковъ съ вопросомъ, куда онъ ѣдетъ. Кольгаасъ отвѣтилъ ему, что онъ ѣдетъ къ старшинѣ въ Локвитцъ, къ своему другу, который пригласилъ его къ себѣ въ деревню съ обоими мальчиками нѣсколько дней назадъ.

На это чиновникъ сказалъ, что ему придется обождать нѣсколько минутъ, такъ какъ, по повелѣнію принца Мейссенскаго, его будутъ сопровождать нѣсколько ратниковъ верхами.

Кольгаасъ, смѣясь, спросилъ его изъ кареты: «Неужели онъ думаетъ, что его особѣ угрожаетъ какая нибудь опасность въ домѣ его друга, который пригласилъ его къ себѣ отобѣдать?»

Чиновникъ отвѣтилъ весело и любезно, что, «положимъ, опасность не велика, но вѣдь и ратники ничѣмъ его не стѣснятъ».

Кольгаасъ замѣтилъ серьезно, что принцъ Мейссенскій, по его пріѣздѣ въ Дрезденъ, предоставилъ на его усмотрѣніе пользоваться стражею.

Чиновникъ удивился и осторожно замѣтилъ, что стража приставлена на все время его пребыванія.

Тогда барышникъ разсказалъ ему, по случаю чего была приставлена стража къ его дому.

Чиновникъ увѣрялъ, что, по приказанію барона фонъ-Венкъ, который въ настоящее время состоитъ шефомъ полиціи, онъ обязанъ его охранять, и если онъ не желаетъ, чтобы его сопровождала стража, то чтобы онъ потрудился самъ лично заявить объ этомъ въ управленіи, во избѣжаніе могущаго произойти недоразумѣнія.

Тогда Кольгаасъ, взглянувъ на него въ упоръ, отвѣтилъ, что онъ это и намѣренъ сдѣлать.

Съ неспокойнымъ сердцемъ вышелъ онъ изъ кареты, приказавъ дворнику внести дѣтей въ сѣни, а кучеру ждать у дверей,

онъ самъ отправился съ чиновникомъ и его стражею въ губерніумъ. Какъ разъ въ это время завѣдующій замкомъ баронъ фонъ-Венкъ былъ занятъ осмотромъ шайки Нагельшмидта, приведенной накануне вечеромъ и пойманной въ Лейпцигѣ; рыцари дѣлали имъ допросъ относительно многихъ небезъинтересныхъ для нихъ подробностей. Когда онъ вошелъ, рыцари замолкли, а баронъ спросилъ его, что ему нужно.

Кольгаасъ самымъ почтительнымъ образомъ изложилъ ему о своемъ намѣреніи отправиться на обѣдъ къ управляющему въ Локвитцъ, и такъ какъ онъ не нуждается въ охранѣ, то проситъ его отъ нея освободить.

На это баронъ отвѣтилъ ему, мѣняясь въ лицѣ, точно глотая свои настоящія мысли, что не мѣшало бы ему остаться дома и пока отложить обѣдъ въ Локвитцѣ.

Затѣмъ, обращаясь къ чиновнику, онъ сказалъ, что слѣдуетъ поступить, какъ ему приказано, и что человѣку этому разрѣшить выѣздъ изъ города не иначе, какъ въ сопровожденіи шести ратниковъ верхами.

Кольгаасъ спросилъ, развѣ онъ арестованъ, и неужели передъ всѣми обѣщанная ему амнистія уничтожена. На это баронъ быстро обернулся къ нему и, красный какъ ракъ, глядя на него въ упоръ, воскликнулъ: «Да, да, да!» Послѣ чего повернулся къ нему спиной и отошелъ къ шайкѣ Нагельшмидта.

Послѣ этого Кольгаасъ вышелъ изъ залы, понявъ, что единственное средство, какое ему оставалось, — это бѣгство, которое, послѣ сдѣланныхъ имъ шаговъ, весьма усложнилось, зато теперь онъ уже считалъ себя не связаннымъ болѣе никакими условіями амнистіи.

Придя домой, онъ велѣлъ отпрячь лошадей и въ сопровожденіи губернскаго чиновника вошелъ печальный и разстроенный въ свою комнату, и въ то время, какъ этотъ человѣкъ самымъ отвратительнымъ образомъ завѣрялъ барышника, что все это есть не что иное, какъ недоразумѣніе, по его же знаку сыщики запечатали всѣ выходы изъ квартиры во дворъ, причемъ чиновникъ продолжалъ увѣрять его, что главный выходъ остается въ его полномъ распоряженіи.

Между тѣмъ, на Нагельшмидта въ лѣсахъ Рудныхъ горъ сыщики и ратники сдѣлали настоящую облаву, такъ что онъ, не имѣя никакихъ средствъ продолжать взятую на себя роль, рѣшилъ привлечь къ дѣлу Кольгааса, и такъ какъ онъ на своемъ пути встрѣтился съ однимъ путешественникомъ изъ Дрездена, отъ котораго узналъ довольно подробно о его процессѣ, то рѣшилъ, что, не смотря на ихъ вражду, быть можетъ, ему удастся заключить союзъ съ Кольгаасомъ.

Вслѣдствіе этого онъ отправилъ къ Кольгаасу посланнаго съ

письмомъ на невозможномъ нѣмецкомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

«Если онъ согласенъ прибыть въ Альтенбургское курфюршество и взять снова подъ свое начальство шайку, которая составилась изъ распущенныхъ имъ людей, онъ обѣщаетъ содѣйствовать его побѣгу изъ Дрездена лошадьми, людьми и деньгами, самъ же лично готовъ во всемъ ему повиноваться и вообще быть болѣе послушнымъ, чѣмъ прежде, и какъ доказательство его преданности и расположенія предлагаетъ прибыть въ окрестности Дрездена и содѣйствовать его освобожденію изъ темницы».

На бѣду, съ посланнымъ, везшимъ это письмо, въ одной деревнѣ, подъ самымъ Дрезденомъ, приключился припадокъ падучей болѣзни, которой онъ былъ подверженъ съ юности, и люди, которые явились, чтобы подать ему помощь, нашли у него на груди это письмо; его арестовали и подъ стражею въ сопровожденіи цѣлой массы народа препроводили въ губерніумъ.

Какъ только завѣдующій дворцомъ фонъ-Венкъ прочиталъ письмо, онъ отправился немедленно въ замокъ къ курфюрсту, гдѣ онъ засталъ Кунца и Гинца, который уже оправился отъ ранъ, а также президента государственной канцеляріи графа Кальгейма.

Эти господа были того мнѣнія, чтобы Кольгааса немедленно арестовать и судить за его тайное соглашеніе съ Нагельшмидтомъ; они утверждали, что подобное письмо не могло быть написано безъ предварительнаго соглашенія произвести новыя злодѣянія.

Курфюрстъ упорно стоялъ на томъ, что на основаніи только этого письма нельзя лишить его свободы, которую онъ ему обѣщалъ; онъ былъ скорѣе того мнѣнія, что изъ письма Нагельшмидта было болѣе вѣроятно, что между ними не было, напротивъ, никакого соглашенія, и все, на что онъ рѣшился, и то послѣ долгаго колебанія, это согласиться на предложеніе президента возвратить письмо посланному Нагельшмидта съ тѣмъ, чтобы онъ его передалъ Кольгаасу, какъ будто ничего не произошло, и посмотрѣть, отвѣтитъ ли тотъ на него.

Вслѣдствіе этого, на другой день посланный былъ освобожденъ изъ тюрьмы, куда его заключили, и былъ доставленъ въ губерніумъ, гдѣ завѣдующій замкомъ вручилъ ему обратно письмо Нагельшмидта съ условіемъ, что онъ будетъ освобожденъ и прощенъ, если передастъ письмо Кольгаасу и скроетъ отъ него все случившееся. На эту хитрость дурнаго свойства молодецъ нашъ сейчасъ же поддался и подъ предлогомъ, что онъ продавецъ раковъ,—раками его снабдилъ на рынкѣ губернскій чиновникъ,—онъ проникъ въ комнату Кольгааса.

Пока Кольгаасъ читалъ письмо, дѣти играли раками; въ другое время Кольгаасъ, вѣроятно, схватилъ бы плута за шиворотъ и передалъ бы его ратникамъ, которые стояли у его дверей, но

при томъ настроеніи умовъ, которое царило, онъ зналъ, что ему ничѣмъ не выпутаться изъ положенія, въ какое онъ попалъ; онъ съ грустью взглянулъ на хорошо знакомаго ему негодяя, спросилъ его, гдѣ онъ живетъ, и приказалъ ему зайти за отвѣтомъ черезъ нѣсколько часовъ.

Штернбальду, который случайно показался въ дверяхъ, онъ приказалъ купить раковъ у мнимаго торговца, и когда оба вышли, онъ сѣлъ за письмо къ Нагельшмидту. Вотъ это письмо:

«Предложеніе взять на себя начальство надъ шайкою въ Альтенбургскомъ курфюршествѣ принято; для освобожденія изъ-подъ ареста, въ которомъ онъ находится вмѣстѣ съ пятью дѣтьми, выслать карету парою въ Нейштадтъ, подъ Дрезденомъ. Для скорѣйшаго слѣдованія требуется выслать еще двѣ лошади на виттенбергскій путь, только этимъ окольнымъ путемъ, по причинамъ, которыя слишкомъ долго излагать, онъ можетъ прибыть, хотя онъ надѣется, что можно будетъ дѣйствовать подкупомъ на приставленную къ нему стражу, тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ на случай, если бы потребовалась сила, имѣть нѣсколькихъ толковыхъ и хорошо вооруженныхъ людей въ Нейштадтѣ, близъ Дрездена; на всѣ находящіеся въ связи расходы должно быть выдано 20 золотыхъ кронъ; онъ расчитается съ нимъ по успѣшномъ окончаніи дѣла; что касается его личнаго присутствія въ Дрезденѣ при его освобожденіи, то онъ ему приказываетъ остаться въ Альтенбургскомъ курфюршествѣ, чтобы шайка отнюдь не оставалась безъ руководителя».

Это письмо онъ вручилъ посланному, который явился за нимъ вечеромъ. Посланнаго онъ щедро наградилъ и внушилъ ему беречь это письмо. У него было намѣреніе отправиться съ пятью дѣтьми въ Гамбургъ, а оттуда отплыть въ Левантъ или Остъ-Индію или куда нибудь подальше подъ другое небо, ибо подавленный духомъ, помимо отвращенія быть въ сообществѣ съ Нагельшмидтомъ, у него не было никакой охоты откармливать вороныхъ лошадей. Едва молодецъ этотъ успѣлъ принести отвѣтъ, какъ канцлеръ былъ смѣненъ, президентъ графъ фонъ-Кальгеймъ былъ избранъ на его мѣсто предсѣдателемъ суда, и Кольгаасъ, по приказанію кабинета курфюрста, былъ арестованъ, заключенъ въ оковы и отправленъ въ городскую тюрьму. На основаніи этого письма, которое было наклеено на всѣхъ углахъ города, онъ былъ преданъ суду, и на вопросъ, предложенный ему однимъ изъ судей, признаетъ ли онъ почеркъ письма за свой, онъ отвѣтилъ: «да!». На вопросъ, имѣетъ ли что сказать въ свое оправданіе, онъ отвѣтилъ: «нѣтъ!».

Его приговорили къ каленымъ щипцамъ и четвертованію, и затѣмъ къ сожженію между колесомъ и висѣлицею.

Таково было положеніе вещей, когда курфюрстъ Бранденбург-

скій явился избавителемъ бѣднаго Кольгааса отъ насилія и произвола. Отъ него было получено въ государственной канцеляріи требованіе о выдачѣ Кольгааса, какъ бранденбургскаго подданнаго. Дѣло въ томъ, что почтенный начальникъ города Генрихъ фонъ-Гейзау однажды, во время прогулки курфюрста по берегамъ Шпрее, разсказалъ ему удивительную исторію этого несчастнаго человѣка, причемъ на вопросы курфюрста не скрылъ, что виноватъ во всемъ своимъ поведеніемъ графъ фонъ-Кальгеймъ, который самъ всячески притѣсняетъ Кольгааса; огорченный курфюрстъ призвалъ къ себѣ эрцканцлера, допросилъ его и убѣдился, что причина всего кроется въ томъ, что онъ состоитъ въ родствѣ съ фонъ-Тронка. Тогда онъ отставилъ немедленно отъ должности графа фонъ-Кальгейма, а на его мѣсто назначилъ Генриха фонъ-Гейзау.

Но случилось такъ, что Польша, которая въ это время враждовала неизвѣстно за что съ Саксоніею, настойчиво и упорно уговаривала Бранденбургскаго курфюрста вступить въ союзъ съ ней противъ Саксоніи, такъ что эрцканцлеръ фонъ-Гейзау, какъ человѣкъ, свѣдущій въ политикѣ, былъ убѣжденъ, что его повелитель будетъ доволенъ, если онъ, во что бы то ни стало, отстоитъ оправданіе Кольгааса, не ставя на карту общаго спокойствія ради одного человѣка. А потому эрцканцлеръ требовалъ, чтобы вмѣсто безчеловѣчнаго, безбожнаго, произвольнаго обращенія съ Кольгаасомъ его судили, если его признаютъ виновнымъ, судебнымъ порядкомъ, по бранденбургскимъ законамъ, по обвинительному акту, причемъ Дрезденскій дворъ можетъ вызвать по этому дѣлу прокурора изъ Берлина; затѣмъ онъ требовалъ выдачи паспорта для одного прокурора, котораго курфюрстъ хотѣлъ самъ прислать въ Дрезденъ по поводу отнятыхъ у Кольгааса на Саксонской почвѣ лошадей и перенесенныхъ имъ всякихъ обидъ и насилій отъ юнкера Тронка.

Казначей Кунцъ, который при перемѣнѣ государственныхъ должностей въ Саксоніи, получилъ назначеніе президента государственной канцеляріи и по многимъ причинамъ не желалъ обидѣть Берлинскаго двора при настоящихъ условіяхъ, отвѣтилъ отъ имени своего повелителя, весьма удрученнаго полученною нотою: что нельзя не удивляться той нелюбезности, съ какою отнимаютъ отъ Дрезденскаго двора право судить Кольгааса по законамъ страны за преступленіе, совершенное имъ въ этой странѣ, такъ какъ извѣстно, что онъ владѣетъ извѣстнымъ количествомъ земли въ столицѣ и самъ не отказывается отъ саксонскаго подданства.

Но такъ какъ царство Польское въ огражденіе своихъ протязаній выставило 5.000 человѣкъ на Саксонскую границу, а по объясненію эрцканцлера Генриха фонъ-Гейзау, Кольгаасенбрюкъ, мѣстечко, по которому назывался Кольгаасъ, лежитъ въ Бранденбургскомъ курфюршерствѣ, и его смертный приговоръ будетъ считаться за оскорбленіе народнаго права, то курфюрстъ, по совѣту казначея

Кунца, который не желалъ впутываться въ это дѣло, вызвалъ принца Христіерна фонъ-Мейссенъ изъ его земель и, переговоривъ съ этимъ умнымъ человѣкомъ, рѣшилъ выдать Кольгааса, согласно требованію, Прусскому двору. Принцъ, который хотя и былъ недоволенъ некрасивыми поступками относительно Кольгааса, по желанію своего стѣсненнаго повелителя, курфюрста, долженъ былъ взять на себя веденіе этого дѣла и спросилъ курфюрста, отчего онъ желаетъ, чтобы Кольгааса судили въ Берлинскомъ судѣ; объясняя, что его нельзя было привлечь къ суду за письмо къ Нагельшмидту, написанное двусмысленно и неясно, а также за прежнія его опустошенія и грабежъ, такъ какъ они были прощены, какъ гласилъ о томъ объявленный плакатъ, курфюрстъ и рѣшилъ представить на усмотрѣніе его величества императора австрійскаго обвиненіе Кольгааса въ нападеніи съ оружіемъ на Саксонію, какъ нарушеніе тишины и спокойствія страны, и предоставилъ его высочеству, не связанному амнистіею, вызвать Кольгааса къ королевскому суду въ Берлинъ, черезъ посредство государственнаго прокурора.

Черезъ восемь дней за несчастнымъ Кольгаасомъ, по приказанію Бранденбургскаго курфюрста, прибылъ въ Дрезденъ рыцарь Мальцанъ съ шестью всадниками, и его въ оковахъ, какъ онъ былъ, посадили въ карету, вмѣстѣ съ его пятью дѣтьми, которыхъ пособрали изъ воспитательныхъ и сиротскихъ домовъ, гдѣ они находились, и повезли ихъ въ Берлинъ. Случилось такъ, что курфюрстъ Саксонскій по приглашенію воеводы, графа Алоиза фонъ-Кальгеймъ, у котораго были значительныя земли на границѣ Саксоніи, въ обществѣ казначея Кунца и его супруги Элоизы, дочери воеводы и сестры президента, и еще многихъ другихъ гостей, охотился на оленя. Для этой охоты, устроенной для его развлеченія, онъ отправился въ Дамэ, и въ то время, какъ вся компанія, въ пыли отъ охоты, подъ звуки веселой музыки, доносившейся изъ-за дубовыхъ деревьевъ, возсѣдала за обѣденнымъ столомъ и пажи прислуживали ей, лошадиный барышникъ, въ сопровожденіи шестерыхъ всадниковъ, ѣхалъ мимо по Дрезденской дорогѣ. Одинъ изъ дѣтей Кольгааса заболѣлъ дорогою, вслѣдствіе чего рыцарь фонъ-Мальцанъ, который самъ сопровождалъ Кольгааса, рѣшилъ сдѣлать трехдневную остановку въ Герцбергѣ, о чемъ онъ не счелъ нужнымъ оповѣстить саксонское правительство, такъ какъ считалъ себя отвѣтственнымъ только передъ принцемъ, которому служилъ.

Курфюрстъ, съ полуоткрытой грудью, со шляпой съ перомъ, разукрашенной вѣтвями елки, какъ подобало охотнику, сидѣлъ подлѣ госпожи Элоизы, которая, во времена его молодости, была его первою любовью, и подъ вліяніемъ праздничнаго настроенія воскликнулъ: «Выйдемте на дорогу и поднесемъ этотъ кубокъ первому встрѣтившемуся несчастливцу, кто бы онъ ни былъ!».

Госпожа Элоиза, бросивъ на него трогательный взглядъ, взяла серебряную вазу, которую ей подалъ пажъ, и наполнила ее фруктами, сладостями, пирожными и хлѣбомъ; и все общество уже направилось изъ палатки, какъ на встрѣчу къ нимъ вошелъ воевода съ растеряннымъ видомъ, прося ихъ не выходить. На вопросъ курфюрста, что случилось, и чѣмъ онъ встревоженъ, воевода запинаясь отвѣтилъ, обращаясь къ казначею, что въ каретѣ Кольгаасъ. Всѣ были поражены извѣстіемъ, такъ какъ было извѣстно, что Кольгаасъ уже шесть дней какъ выѣхалъ; тогда казначей Кунцъ вылилъ въ песокъ наполненный кубокъ.

Курфюрстъ, весь красный, поставилъ свой кубокъ на тарелку, которую ему подалъ для этого пажъ, по приказанію каммергера, и въ то время, какъ рыцарь фонъ-Мальцанъ, низко раскланиваясь съ незнакомымъ ему обществомъ, проѣхалъ мимо въ Дамэ, все общество, по приглашенію воеводы, вошло въ палатку и перестало думать о случившемся.

Какъ только курфюрстъ сѣлъ, воевода отправилъ гонца въ Дамэ въ магистратъ, съ распоряженіемъ, чтобы барышникъ немедленно слѣдовалъ дальше, но такъ какъ рыцарь объявилъ, что въ виду приближающейся ночи долженъ здѣсь переночевать, то пришлось разрѣшить имъ остановиться въ лѣсу, на фермѣ, принадлежащей магистрату.

Вечеромъ вся веселая компанія, забывъ о существованіи Кольгааса, разбрелась по лѣсу и, по предложенію хозяина, вздумала снова преслѣдовать стадо оленей, которое показалось въ кустахъ. Курфюрстъ, подъ руку съ Элоизою, которая желала тоже участвовать въ охотѣ, къ удивленію своему попалъ во дворъ дома, гдѣ находился Кольгаасъ съ бранденбургскими всадниками; ихъ завелъ туда приставленный къ нимъ ловчій.

Когда Элоиза узнала, гдѣ они, она обратилась къ курфюрсту съ просьбою:

— Пойдемте къ нему, пойдемте, пока насъ не нагнали остальные. Посмотримте на этого удивительнаго человѣка!

При этомъ она спрятала въ разрѣзъ рубашки цѣпь, которая висѣла у него на шеѣ.

Курфюрстъ, краснѣя, взялъ ее за руку и спросилъ:

— Что вамъ за охота, Элоиза?

Но она продолжала настаивать, глядя на него, что его никто не узнаетъ въ его охотничьемъ костюмѣ, и тащила его за собой; въ это время изъ дому вышли нѣсколько ловчихъ, которые уже удовлетворили свое любопытство и утверждали, что по сдѣланному распоряженію ни рыцарь, ни Кольгаасъ не подозрѣваютъ, какое общество находится въ окрестностяхъ Дамэ. Тогда курфюрстъ надвинулъ шляпу на глаза и, проговоривъ:

— Безумье, ты владѣешь міромъ, и твое мѣстопребываніе—прелестныя женскія уста!—послѣдовалъ за Элоизою.

Кольгаасъ сидѣлъ на снопѣ соломы, спиною къ стѣнѣ и кормилъ булкою съ молокомъ заболѣвшаго въ Герцбергѣ ребенка, въ то время, когда эти господа вошли съ цѣлью на него посмотрѣть.

Дама, чтобы вступить съ нимъ разговоръ, спросила его, кто онъ, и чѣмъ боленъ ребенокъ, что онъ сдѣлалъ, и куда его везутъ подъ такою стражею. Онъ надвинулъ свою кожаную фуражку и далъ ей на всѣ предложенные вопросы краткіе, но удовлетворительные отвѣты, не прерывая своего занятія. Курфюрстъ, стоя за своими ловчими, замѣтилъ у него на шеѣ на шелковомъ шнуркѣ маленькую жестянку и, не находя лучшаго предмета для разговора, спросилъ его, что у него хранится въ жестянкѣ на шеѣ.

— Одна удивительная вещь!—отвѣтилъ Кольгаасъ, снимая жестянку съ шеи и вынимая изъ нея маленькую записку за печатью:—съ этимъ связаны самыя удивительныя событія! Какъ разъ въ день похоронъ моей жены, этому будетъ семь новолуній, я выступилъ, какъ вамъ извѣстно изъ Кольгаасенбрюка, чтобы захватить юнкера фонъ-Тронка, который причинилъ мнѣ много зла; мой путь лежалъ на Ютербогкъ, рыночный пунктъ, гдѣ какъ разъ курфюрстъ Саксонскій и курфюрстъ Бранденбургскій должны были встрѣтиться ужъ не знаю для какого совѣщанія. Вечеромъ, въ день ихъ встрѣчи, они, дружески бесѣдуя, гуляли по улицамъ города и посѣтили бывшую тамъ въ то время ярмарку. Тамъ имъ попалась одна цыганка, которая, сидя на скамейкѣ, дѣлала всякія предсказанія по календарю окружающей ее толпѣ; они тоже подошли къ ней и спросили, не предскажетъ ли она имъ чего. Я, который только что прибылъ съ моими людьми на постоялый дворъ и тоже находился на площади, гдѣ это происходило, за всей толпой, стоя у дверей церкви, не могъ разслышать, что имъ отвѣтила эта удивительная женщина; но слышалъ, какъ въ толпѣ говорили, что она еще не со всякимъ дѣлится своею наукою; всѣ тѣснились, чтобы быть поближе къ ней, такъ что я, менѣе любопытный, чѣмъ другіе, влѣзъ на скамейку за входомъ въ церковь, чтобы уступить мѣсто. Едва я тамъ устроился такъ, что могъ отлично видѣть обоихъ господъ и женщину, которая сидѣла передъ ними на скамейкѣ и что-то чертила, какъ она вдругъ внезапно встала и, опираясь на свой костыль, окинула взоромъ толпу, и вдругъ взглядъ ея остановился на мнѣ, который ея никогда не видалъ и нисколько не интересовался ея наукою; пробравшись ко мнѣ черезъ всю толпу, она воскликнула: «Если этотъ господинъ желаетъ что узнать, пусть тебя спроситъ!».

И съ этими словами она своими костлявыми руками вручила мнѣ вотъ эту записку.

И когда я, смущенный, среди окружившей меня толпы спросилъ: «чѣмъ же ты меня надѣлила, матушка?» —она отвѣтила

послѣ цѣлаго ряда непонятныхъ мнѣ фразъ, въ которыхъ я слышалъ свое имя: «Это—амулетъ, Кольгаасъ, лошадиный барышникъ, береги его, когда нибудь онъ спасетъ тебѣ жизнь!». Съ этими словами она исчезла.

— Надо правду сказать,—продолжалъ добродушно Кольгаасъ:—какъ мнѣ ни пришлось солоно въ Дрезденѣ, я всетаки остался живъ, а что меня ожидаетъ въ Берлинѣ, это покажетъ время.

При этихъ словахъ курфюрстъ опустился на скамейку и, хотя на вопросъ его спутницы, что съ нимъ?—онъ отвѣтилъ: «ничего! ничего!»—тѣмъ не менѣе онъ упалъ на полъ безъ чувствъ, прежде чѣмъ она успѣла поддержать его.

Въ это время въ комнату по дѣлу вошелъ рыцарь Мальцанъ и въ ужасѣ воскликнулъ:

— Боже! что случилось съ господиномъ?

Дама только проговорила:

— Воды! скорѣй воды!

Ловчіе подняли его и перенесли на кровать въ сосѣднюю комнату, а когда казначей, котораго призвалъ одинъ изъ пажей, послѣ всевозможныхъ попытокъ привести курфюрста къ сознанію, заявилъ, что у него, по всей вѣроятности, ударъ, не было предѣла всеобщему смущенію.

Воевода отправилъ своего кравчаго въ Лукау за докторомъ; лишь только курфюрстъ открылъ глаза, воевода помѣстилъ его въ карету и шагомъ перевезъ въ свой охотничій замокъ, но, по прибытіи туда, у него повторилось два обморока и только на другое утро, когда пріѣхалъ докторъ изъ Лукау, ему стало легче, при чемъ выяснилась нервная горячка. Какъ только къ нему вернулось сознаніе, онъ приподнялся на кровати и спросилъ: гдѣ Кольгаасъ?

Казначей, не понявъ хорошенько смысла его вопроса, взялъ его за руку, умолялъ его не волноваться изъ-за этого ужаснаго человѣка, который, согласно предписанію, послѣ удивительнаго эпизода на фермѣ въ Дамэ, остался тамъ подъ надзоромъ бранденбургской стражи.

Подъ предлогомъ горячаго сочувствія и увѣреній, что онъ сдѣлалъ серьезное внушеніе женѣ за ея непростительное легкомысліе—свести его съ этимъ человѣкомъ, онъ позволилъ себѣ спросить, что было такого удивительнаго и ужаснаго въ его разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, что могло его такъ разстроить.

На это курфюрстъ сказалъ, что долженъ сознаться, что видъ одной ничтожной записки, которую человѣкъ этотъ носитъ при себѣ въ маленькой жестянкѣ,—причина всего случившагося. Онъ прибавилъ еще многое къ выясненію этого обстоятельства, чего казначей не понялъ, и вдругъ, сжавъ ему руку, проговорилъ, что для него чрезвычайно важно обладать этой запиской, и просилъ его

немедленно съѣздить въ Дамэ и, во что бы то ни стало, добыть ему эту записку, какихъ бы денегъ это ни стоило.

Казначей, который съ трудомъ могъ скрыть свое затрудненіе, увѣрялъ его, что если только записка эта имѣетъ какую нибудь цѣну, необходимо скрыть это отъ Кольгааса, потому что иначе всѣхъ его сокровищъ будетъ недостаточно, чтобы вырвать эту записку изъ рукъ этого чудовищно-корыстнаго человѣка. Онъ прибавилъ, чтобы его успокоить, что надо попробовать другое какое нибудь средство, нельзя ли, напримѣръ, прибѣгнуть къ хитрости, чтобы третье незаинтересованное лице попробовало получить это письмо отъ злодѣя, для котораго оно, безъ сомнѣнія, само по себѣ ничего не представляетъ, а для курфюрста имѣетъ такое важное значеніе.

Курфюрстъ, утирая потъ, спросилъ: нельзя ли немедля послать въ Дамэ, задержать тамъ барышника, пока—все равно какимъ способомъ—не получатъ отъ него записку.

Казначей, у котораго явилось сомнѣніе въ нормальности его умственныхъ способностей, замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, по всѣмъ расчетамъ, барышникъ уже выѣхалъ изъ Дамэ и теперь, вѣроятно, по ту сторону границы, на Бранденбургской землѣ, гдѣ всякая попытка его задержать или вообще стѣснить его свободу можетъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія, и въ то время, какъ курфюрстъ, съ полнымъ отчаяніемъ, молча, опустился на подушку, онъ спросилъ его, что содержитъ въ себѣ эта записка, и въ силу какой случайности ему извѣстно, что содержаніе ея касается его.

Взглянувъ недовѣрчиво на казначея, онъ ничего не отвѣтилъ; съ устремленнымъ взоромъ, со страшнымъ біеніемъ сердца, лежалъ онъ и смотрѣлъ на свой носовой платокъ, который онъ глубокомысленно держалъ въ рукахъ, и вдругъ попросилъ позвать къ нему, подъ предлогомъ будто бы другаго дѣла, ловчаго фонъ-Штейнъ, ловкаго, молодаго человѣка, которому онъ не разъ давалъ порученія по своимъ тайнымъ дѣламъ. Сообщивъ ловчему, въ чемъ дѣло, и разсказавъ о значеніи для него записки, которая была въ рукахъ Кольгааса, онъ спросилъ: хочетъ ли онъ въ награду, если добудетъ записку, прежде чѣмъ Кольгаасъ доѣдетъ до Берлина, получить навсегда право на его дружбу. Ловчій, подъ первымъ впечатлѣніемъ изложенныхъ обстоятельствъ, отвѣчалъ, что онъ весь къ его услугамъ; тогда курфюрстъ предложилъ ему сейчасъ же отправиться къ Кольгаасу, и такъ какъ, вѣроятно, его нельзя будетъ подкупить деньгами, то въ разговорѣ, умно веденномъ, обѣщать ему свободу и жизнь за эту записку, а даже, если бы онъ того потребовалъ, снабдить его лошадьми, людьми, деньгами, всѣмъ нужнымъ для его побѣга изъ рукъ бранденбургской охраны.

Ловчій, испросивъ себѣ письменное подтвержденіе словъ курфюрста, немедленно выѣхалъ съ нѣсколькими слугами, и такъ какъ

они не жалѣли лошадей, имъ удалось нагнать Кольгааса въ одной пограничной деревнѣ, гдѣ онъ, подъ открытымъ небомъ, у дверей одного дома, вмѣстѣ съ рыцаремъ Мальцанъ и пятью дѣтьми, собирался обѣдать.

Онъ представился рыцарю Мальцану, какъ чужестранецъ, который, встрѣтившись на своемъ пути съ удивительнымъ Кольгаасомъ, пожелалъ его видѣть. Рыцарь отнесся къ нему чрезвычайно любезно, познакомилъ съ Кольгаасомъ и просилъ его отобѣдать съ ними.

Такъ какъ рыцарь Мальцанъ безпрестанно отлучался по разнымъ распоряженіямъ для дальнѣйшаго слѣдованія, а всадники обѣдали по другую сторону дома, то ловчій имѣлъ возможность сообщить барышнику, съ какимъ порученіемъ онъ къ нему прибылъ.

Барышникъ, который уже зналъ имя и положеніе человѣка, съ которымъ сдѣлался обморокъ въ Дамэ, на фермѣ, при видѣ жестянаго футлярчика, и которому стоило только узнать тайну записки, чтобы окончательно лишиться чувствъ, рѣшилъ въ виду всего поведенія курфюрста съ нимъ въ Дрезденѣ, когда онъ готовъ былъ на всякую жертву, оставить записку при себѣ. На вопросъ ловчаго, что за причина его отказа, когда ему предлагаютъ взамѣнъ записки свободу и жизнь: «Милостивый господинъ, если бы вашъ правитель страны самъ пришелъ и сказалъ бы мнѣ: «я готовъ сгинуть со всѣми тѣми, кто помогаетъ мнѣ править», понимаете ли: «сгинуть», чего я, конечно, искренно желаю, такъ и то я бы не далъ ему записки, которая ему дороже жизни; онъ можетъ казнить меня на эшафотѣ, но я могу причинить ему зло, и я этимъ воспользуюсь».

Затѣмъ онъ позвалъ одного изъ верховыхъ, отдалъ ему миску, приглашая его доѣсть вкусное кушанье, которое осталось, и до минуты отъѣзда уже не обращалъ болѣе никакого вниманія на ловчаго; только садясь въ карету, онъ взглядомъ простился съ нимъ. Состояніе здоровья курфюрста послѣ полученнаго отвѣта ухудшилось до того, что докторъ втеченіе трехъ мучительныхъ дней не ручался за его жизнь. И только благодаря своей сильной натурѣ, онъ черезъ нѣсколько недѣль на столько поправился, что его могли перевезти въ каретѣ, всего обложеннаго подушками и одѣялами, въ Дрезденъ, гдѣ онъ сталъ заниматься дѣлами управленія.

Сейчасъ по пріѣздѣ онъ послалъ за принцемъ Христіерномъ Мейссенскимъ и спросилъ его, все ли готово къ отъѣзду судьи Эйбенмейера, который долженъ былъ отправиться въ Вѣну, къ его величеству, съ докладомъ по обвиненію Кольгааса въ нарушеніи спокойствія страны.

Принцъ отвѣтилъ, что судья, согласно его приказанію, данному передъ его отъѣздомъ въ Дамэ, выѣхалъ въ Вѣну, какъ только при-

былъ въ Дрезденъ юристъ Веднеръ, который присланъ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, какъ прокуроръ, съ жалобою въ судъ на юнкера Венцеля фонъ-Тронка по поводу вороныхъ лошадей.

Курфюрстъ, краснѣя, отошелъ къ своему письменному столу, удивляясь поспѣшности его отъѣзда, такъ какъ для окончательнаго рѣшенія отъѣзда Эйбенмейера не мѣшало сперва переговорить съ докторомъ Лютеромъ, который выхлопоталъ Кольгаасу амнистію, и вообще слѣдовало дождаться болѣе опредѣленнаго приказанія. При этомъ онъ бросилъ на столъ нѣсколько бумагъ съ выраженіемъ плохо скрытаго неудовольствія.

Принцъ послѣ минутнаго молчанія, во время котораго онъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на курфюрста, замѣтилъ, что ему очень жаль, если онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ несогласно съ его желаніемъ, но что онъ можетъ показать ему рѣшеніе государственнаго совѣта, въ которомъ ему ставится въ обязанность прислать государственнаго прокурора въ назначенное время. Онъ прибавилъ, что въ государственномъ совѣтѣ не было и рѣчи о какомъ либо разговорѣ по этому поводу съ Лютеромъ; быть можетъ, и было бы цѣлесообразно прежде не обойти этого духовнаго человѣка, въ виду его участія къ Кольгаасу, но не теперь, когда на глазахъ всего свѣта данная Кольгаасу амнистія нарушена, онъ арестованъ и выданъ въ руки Бранденбургскому суду, для того, чтобъ его судили и казнили.

На это курфюрстъ сказалъ, что, положимъ, отправка Эйбенмейера не большая ошибка, но что онъ желаетъ во всякомъ случаѣ, чтобы до особаго распоряженія онъ не выступалъ въ Вѣнѣ въ качествѣ обвинителя, и просилъ принца сообщить ему объ этомъ съ нарочнымъ.

Принцъ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, это приказаніе является слишкомъ поздно, такъ какъ извѣстно, что Эйбенмейеръ уже сегодня являлся въ судъ въ качествѣ прокурора и представилъ свою жалобу въ вѣнскую государственную канцелярію.

На выраженное удивленіе курфюрстомъ, какъ могло все это быть сдѣлано въ такое короткое время, онъ замѣтилъ, что Эйбенмейеръ уже три недѣли какъ выѣхалъ, а что, по полученной имъ инструкціи, ему вмѣнялось въ обязанность сейчасъ же по пріѣздѣ исполнить данное ему порученіе.

Всякое замедленіе,—прибавилъ принцъ,—было бы въ этомъ случаѣ неумѣстно, такъ какъ бранденбургскій прокуроръ Цейнеръ дѣйствуетъ противъ юнкера Венцеля фонъ-Тронка самымъ энергичнымъ образомъ и уже доложилъ суду, что слѣдуетъ взять лошадей отъ живодера обратно, для приведенія ихъ въ прежней видъ, и, не смотря на всѣ возраженія противной стороны, отстоялъ свое мнѣніе. Курфюрстъ позвонилъ, сказавъ: «Все это не имѣетъ никакого значенія!» и, переведя разговоръ на самыя пустыя фразы, спросилъ, что дѣлается вообще въ Древденѣ. Не случилось ли чего

въ его отсутствіи? Затѣмъ, не будучи въ силахъ скрывать далѣе свое волненіе, онъ сдѣлалъ ему знакъ рукой, что прощается съ нимъ, и отпустилъ его.

Въ тотъ же день онъ снова потребовалъ его къ себѣ письменно, чтобы сказать ему, что онъ самъ займется пересмотромъ этого дѣла въ виду его политическаго значенія, а такъ какъ для него была невыносима мысль навредить единственному человѣку, отъ котораго онъ могъ получить записку, онъ рѣшился обратиться письменно къ императору. Въ письмѣ онъ самымъ сердечнымъ и настойчивымъ образомъ просилъ разрѣшенія взять обратно поданную Эйбенмейеромъ жалобу на Кольгааса, по весьма важнымъ причинамъ, которыя онъ въ скоромъ времени изложитъ самымъ подробнымъ образомъ.

Императоръ отвѣтилъ ему составленною въ государственной канцеляріи нотою: «Что его весьма удивляетъ происшедшая въ его взглядахъ перемѣна; что сообщенное ему Саксоніею извѣстіе о дѣлѣ Кольгааса имѣетъ значеніе событія всей священной Римской имперіи, въ виду чего онъ, императоръ, какъ ея глава, считаетъ себя обязаннымъ въ этомъ дѣлѣ предстать какъ обвинитель передъ Бранденбургскимъ домомъ, и что надворный совѣтникъ Францъ Мюллеръ уже отправился въ Берлинъ, въ качествѣ прокурора, чтобъ обвинять Кольгааса въ нарушеніи общественнаго спокойствія въ странѣ, и что въ настоящее время взять обратно жалобу уже нельзя, и слѣдуетъ предоставить это дѣло нормальному ходу судебнаго порядка».

Это письмо окончательно убило курфюрста, а такъ какъ къ довершенію его печали онъ узналъ вскорѣ, чрезъ частное письмо изъ Берлина, что процессъ уже слушается въ судѣ и что, вѣроятно, не смотря на всѣ старанія своего адвоката, Кольгаасъ будетъ приговоренъ къ эшафоту, то онъ рѣшилъ сдѣлать еще одну попытку и написалъ собственноручное письмо къ курфюрсту Бранденбургскому, съ просьбою о помилованіи Кольгааса. Онъ выставлялъ на видъ, что въ силу обѣщанной ему амнистіи къ нему не можетъ быть примѣнена смертная казнь, и увѣрялъ, что онъ лично, не смотря на всю свою къ нему строгость, рѣшительно не имѣлъ намѣренія лишать его жизни, и какъ печально для Кольгааса, что надежда, которую онъ возлагаетъ на Берлинъ, который могъ бы его спасти, не осуществится вопреки всѣмъ его ожиданіямъ, и что дѣло приняло такой неблагопріятный для него оборотъ, что въ сущности для него было бы выгоднѣе, если бы онъ остался въ Дрезденѣ и судился бы тамъ по саксонскимъ законамъ.

Курфюрстъ Бранденбургскій, которому въ этомъ письмѣ многое показалось двусмысленнымъ, неяснымъ, отвѣтилъ ему: «Энергія, съ какой отнесся къ этому дѣлу прокуроръ его высочества, не позволяетъ ему исполнить его желаніе и отступить отъ закона, и

что онъ совершенно напрасно безпокоится изъ-за нарушенія обѣщанія Кольгаасу амнистіи, такъ какъ нарушаетъ ее не онъ, курфюрстъ Саксонскій, который ее обѣщалъ, а глава государства, который отнюдь не связанъ рѣшеніемъ берлинскаго суда. При этомъ онъ упоминалъ о томъ вліяніи, какое можетъ имѣть казнь Кольгааса на Нагельшмидта, который самымъ наглымъ образомъ продолжаетъ свои насилія и злодѣянія даже въ Бранденбургскихъ владѣніяхъ, и просилъ его въ случаѣ, если онъ остается при своемъ взглядѣ, обратиться прямо къ императору, потому что только онъ одинъ можетъ помиловать Кольгааса».

Курфюрстъ съ отчаянія и злости, что всюду потерпѣлъ неудачу, снова заболѣлъ и однажды, утромъ, во время посѣщенія казначея, показалъ ему свои письма къ вѣнскому и берлинскому дворамъ, посланныя въ надеждѣ выиграть время для полученія отъ Кольгааса записки. Казначей бросился передъ нимъ на колѣни и умолялъ его, во имя всего для него святаго, сказать ему, чтò же содержитъ въ себѣ эта записка.

Курфюрстъ приказалъ ему запереть дверь на ключъ и сѣсть къ нему на кровать. Взявъ его руку и со вздохомъ приложивъ ее себѣ къ сердцу, онъ началъ.

«Твоя жена, какъ я слышалъ, уже разсказала тебѣ, что курфюрстъ Бранденбургскій и я на третій день нашего свиданія въ Ютербогкѣ встрѣтились съ одной цыганкой; за обѣдомъ говорилось много объ удивительномъ дарѣ пророчества этой замѣчательной женщины. Курфюрстъ, не вѣрящій ни во что сверхъестественное, вздумалъ подсмѣяться надъ славою этой женщины въ виду всего народа; онъ подошелъ къ ея столу и, заложивъ руки въ карманы, сказалъ ей, что требуетъ какое нибудь доказательство ея пророчества, которое бы исполнилось сегодня же, иначе онъ не повѣритъ ея словамъ, будь она хоть сама римская Сивилла.

«Женщина, оглядѣвъ насъ быстрымъ взглядомъ съ головы до ногъ, сказала: вотъ вамъ предсказаніе, которое исполнится еще сегодня же: большой рогатый олень, котораго выростилъ въ паркѣ сынъ садовника, на томъ самомъ рынкѣ, гдѣ вы находитесь, прежде чѣмъ вы успѣете уйдти, повстрѣчается съ вами.

«Надо тебѣ сказать, что олень этотъ, предназначенный для дрезденской кухни, содержался за рѣшетчатой стѣной, окруженной дубами, за двѣнадцатью замками, огражденный отъ всякихъ мелкихъ звѣрей и птицъ. Такимъ образомъ было совершенно немыслимо, чтобы онъ могъ пробраться на площадь рынка, гдѣ мы были, тѣмъ не менѣе курфюрстъ, страшась какой нибудь мошеннической продѣлки, послѣ уговора со мной, рѣшилъ ради шутки, чтобы отнюдь ея предсказаніе не исполнилось, послать въ замокъ съ приказаніемъ убить оленя и подать его къ обѣду на слѣдующій день.

«Затѣмъ онъ обратился снова къ гадальщицѣ: «Прекрасно, а что же меня ожидаетъ въ будущемъ, предскажи...

«Женщина взяла его руку, посмотрѣла на нее и сказала: «Да здравствуетъ мой курфюрстъ, мой повелитель! Ты будешь долго править твоимъ народомъ; домъ, изъ котораго ты родомъ, долго просуществуетъ, и потомки твои будутъ велики и въ величіи и славѣ превзойдутъ всѣхъ князей и правителей міра».

«Курфюрстъ, послѣ минутнаго молчанія, задумчиво поглядѣлъ на женщину, тихонько сказалъ мнѣ, что ему теперь почти жаль, что онъ отправилъ гонца, чтобы ея предсказаніе не исполнилось, и въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ отъ окружающихъ его рыцарей посыпались деньги на колѣни гадальщицы, онъ тоже, вынувъ изъ кармана золотой и бросивъ его ей, прибавилъ: а то, что она имѣетъ мнѣ сказать, имѣетъ ли тоже звукъ серебра?

«Женщина, которая въ это время открыла ящикъ, стоявшій около нея, и медленно систематично занималась укладываніемъ въ него денегъ по сортамъ, заперла его, прикрыла глаза рукою отъ солнца, точно оно было ей въ тягость, и посмотрѣла на меня; курфюрстъ повторилъ свой вопросъ. Тогда она, взявъ меня за руку и разсмотрѣвъ ее, сказала: «По моему тутъ нѣтъ ничего такого, что было бы пріятно предсказать!»... Затѣмъ взяла свои костыли, тихонько поднялась со своей скамейки и, пробравшись ко мнѣ, закрываясь таинственно руками, шепнула мнѣ явственно на ухо: «ничего». «Неужели?»—проговорилъ я въ смущеніи, сдѣлавъ шагъ назадъ отъ этой таинственной фигуры, которая, окинувъ меня ледянымъ взглядомъ своихъ безжизненныхъ, мрачныхъ глазъ, снова опустилась на скамейку.

— «Откуда же угрожаетъ моему дому опасность?

«Женщина, взявъ уголь и бумаги и положивъ нога на ногу, спросила, не хочу ли я, чтобы она мнѣ это написала.

«И я, растерявшись, такъ какъ дѣйствительно мнѣ ничего не оставалось больше, отвѣтилъ ей:

— «Напиши, сдѣлай милость.

— «Прекрасно, я напишу тебѣ три вещи: имя послѣдняго правителя изъ твоего дома, годъ, когда онъ лишится своего царства, и имя того, кто оружіемъ его отниметъ.

«Написавъ все это на глазахъ всего народа, она запечатала это письмо клеемъ, который смочила своими увядшими устами, и припечатала его своимъ оловяннымъ перстнемъ съ безъименнаго пальца. И въ то время, какъ я, сгорая любопытствомъ, протягивалъ руку за запиской, она остановила меня словами: «Нѣтъ, высочество, — и приподняла костыль въ воздухъ: — вотъ человѣкъ, въ шляпѣ съ перомъ, который стоитъ на скамейкѣ у входа въ церковь, за народомъ, отъ него ты выкупишь, если пожелаешь, эту записку».

«И въ то время, какъ я, не понимая хорошенько всего слышаннаго, стоялъ въ недоумѣніи, она уже отошла, заперла свой ящикъ, надѣла его себѣ на спину и исчезла въ толпѣ.

«Въ эту самую минуту, къ большому моему удовольствію, появился рыцарь, котораго курфюрстъ командировалъ въ замокъ, и съ улыбкою на лицѣ оповѣстилъ, что олень убитъ и что онъ самъ видѣлъ, какъ двое егерей отнесли его на кухню.

«Курфюрстъ, взявъ меня подъ руку съ намѣреніемъ удалиться съ площади, замѣтилъ весело: «Ну, вотъ и прекрасно! Все пророчество по обыкновенію—обманъ, и намъ не стоило тратить на него ни денегъ, ни времени». Но каково было его удивленіе, когда въ то время, когда онъ не успѣлъ еще договорить этихъ словъ, на площади раздались крики, и всѣ глаза направились на собаку, бѣжавшую со двора замка, которая на кухнѣ вцѣпилась зубами въ спину несчастнаго животнаго и, преслѣдуемая мужскою и женскою прислугой, выпустила его въ трехъ шагахъ отъ насъ, такъ что предсказаніе цыганки такимъ образомъ исполнилось, и хотя мертвый олень, всетаки, добрался до площади рынка. Кажется, сама молнія среди зимняго дня меня менѣе бы поразила, чѣмъ то, что случилось у меня на глазахъ, и какъ только я остался одинъ, моимъ первымъ желаніемъ было разъискать того человѣка въ шляпѣ съ перомъ, на котораго она мнѣ указала, но, не смотря на всѣ поиски моихъ людей впродолженіе 3-хъ дней, никто не могъ напасть на его слѣдъ, и вдругъ теперь, милѣйшій Кунцъ, нѣсколько недѣль назадъ, я самъ встрѣтился лицемъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ на фермѣ въ Дамэ».

Съ этими словами онъ выпустилъ руку казначея и, отирая выступившій на лбу потъ, снова опустился на свой одръ. Казначей, находя безполезнымъ высказывать по этому поводу свои взгляды, такъ какъ они не согласовались съ взглядами курфюрста, предложилъ испробовать какой нибудь способъ добыть эту записку и затѣмъ предоставить этого человѣка на волю судьбы, на что курфюрстъ отвѣтилъ, что рѣшительно не можетъ придумать никакого такого способа, хотя мысль отказаться добыть эту записку и утратить съ этимъ человѣкомъ возможность узнать ея содержаніе приводитъ его въ совершенное отчаяніе.

На вопросъ друга, не пробовалъ ли онъ отъискать самоё цыганку? Курфюрстъ отвѣтилъ, что онъ далъ приказаніе губерніуму подъ какимъ нибудь предлогомъ разъискать эту женщину, причемъ до сегодняшняго дня не удалось напасть на ея слѣдъ, и онъ имѣетъ основаніе предполагать, что ея вообще нѣтъ въ Саксоніи. Но вотъ оказалось, что казначею предстояла поѣздка въ Берлинъ, по случаю полученныхъ его женою въ Неймаркѣ имѣній въ наслѣдство отъ бывшаго эрцканцлера Кальгейма, который умеръ вскорѣ послѣ того, какъ былъ смѣненъ, а такъ какъ казначей дѣйстви-

тельно любилъ курфюрста, то, пораздумавъ, онъ спросилъ его, будетъ ли онъ согласенъ дать ему полную свободу дѣйствія въ этомъ дѣлѣ, на что̀ курфюрстъ отвѣтилъ, положивъ руку на сердце: «Представь себя на моемъ мѣстѣ, и добудь мнѣ записку!».

Ускоривъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней, казначей сдалъ дѣла и, оставивъ жену, отправился въ Берлинъ въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ слугъ.

Между тѣмъ, Кольгаасъ, какъ уже извѣстно, прибылъ въ Берлинъ и, по особому приказанію курфюрста, былъ помѣщенъ весьма удобно въ рыцарской темницѣ вмѣстѣ съ его пятью дѣтьми, по прибытіи же изъ Вѣны обвинительной власти былъ вызванъ въ судъ по обвиненію въ нарушеніи тишины и спокойствія въ странѣ; и хотя онъ и заявилъ, что по сдѣланному соглашенію съ курфюрстомъ Саксонскимъ въ Лютценѣ онъ не можетъ обвиняться въ вооруженномъ нападеніи и насиліи въ предѣлахъ Саксоніи, тѣмъ не менѣе ему было сказано, что присланнымъ сюда отъ императора прокуроромъ это не будетъ принято во вниманіе. Зато ему выяснили, что въ Дрезденѣ, по дѣлу съ юнкеромъ фонъ-Тронка, онъ оправданъ. Въ самый день пріѣзда казначея, состоялся его приговоръ, въ силу котораго онъ былъ осужденъ на смерть посредствомъ меча; приговору этому никто не хотѣлъ вѣрить въ виду запутанности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, такъ что весь городъ, зная, съ какимъ доброжелательствомъ относился курфюрстъ къ Кольгаасу, былъ убѣжденъ, что по его могущественному слову наказаніе будетъ замѣнено многолѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Казначей, сообразивъ, что нельзя терять времени, чтобы привести въ исполненіе возложенное на него курфюрстомъ порученіе, началъ съ того, что прошелся мимо оконъ тюрьмы Кольгааса въ придворномъ своемъ одѣяніи въ то время, когда тотъ, стоя у окна, смотрѣлъ на мимо проходящихъ; ему показалось по движенію головы, которое сдѣлалъ Кольгаасъ, что онъ замѣтилъ его, а когда тотъ приложилъ руку къ груди, гдѣ у него хранилась жестяная капсюля съ документомъ, онъ объяснилъ себѣ это указаніемъ судьбы, что ему слѣдуетъ приступить къ дѣлу.

Онъ велѣлъ къ себѣ позвать старуху торговку на костыляхъ, которую онъ замѣтилъ какъ-то въ толпѣ всякаго сброда мелкихъ торгашей на одной изъ улицъ Берлина, и ему показалось, что она какъ нельзя болѣе подходитъ годами и наружнымъ видомъ, судя по описанію курфюрста, къ его цыганкѣ, и, заранѣе убѣжденный въ томъ, что Кольгаасъ не могъ запомнить черты той старухи, которая промелькнула передъ нимъ и передала ему записку, онъ рѣшилъ выдать эту женщину за ту съ тѣмъ, чтобы она разъиграла передъ Кольгаасомъ роль той цыганки. Для этого онъ разсказалъ ей все, что произошло между курфюрстомъ и той цыганкой въ Ютербогкѣ, причемъ, не зная хорошенько, какъ да-

леко зашла та въ своихъ предсказаніяхъ относительно Кольгааса, онъ постарался главнымъ образомъ внушить ей три таинственныхъ параграфа записки и объяснилъ ей, что она должна говорить непонятными отрывочными фразами; онъ сказалъ, что для Саксонскаго двора чрезвычайно важно получить отъ него эту записку, будетъ ли то посредствомъ хитрости или насилія, и потому совѣтовалъ ей подъ предлогомъ, что записка эта не въ безопасности у Кольгааса, предложить ему отдать ей записку на нѣсколько дней.

Торговка сейчасъ же взялась устроить это дѣло за порядочную сумму, причемъ казначей долженъ былъ выдать ей впередъ часть обѣщанныхъ денегъ, а такъ какъ мать рабочаго Герзе, который былъ убитъ подъ Мюльбергомъ, съ разрѣшенія начальства иногда посѣщала Кольгааса и была знакома съ этой женщиной уже нѣсколько мѣсяцевъ, то и ей удалось, подкупивъ тюремщика, пробраться къ Кольгаасу. Когда она вошла къ нему и онъ увидалъ у нея на рукѣ перстень съ печатью и на шеѣ коралловую нить, ему показалось, что передъ нимъ та самая цыганка изъ Ютерборгка, которая вручила ему тогда записку, а такъ какъ на свѣтѣ бываютъ иногда самыя неправдоподобныя вещи, то и здѣсь случилось нѣчто удивительное, невѣроятное, въ чемъ усомниться предоставляемъ всякому, кто пожелаетъ. Казначей страшно попался: разыскивая по улицамъ Берлина цыганку, которая взялась бы выдать себя за настоящую, онъ и напалъ какъ разъ на настоящую. По крайней мѣрѣ, оперщись на свой костыль и поласкавъ дѣтей, которыя, смущенныя ея видомъ, прижались къ отцу, она разсказала, что она уже довольно давно прибыла изъ Саксонскаго курфюршества въ Бранденбургское и, случайно услыхавъ, какъ казначей на улицѣ въ Берлинѣ наводилъ справки о цыганкѣ, которая была прошлою весною въ Ютерборгкѣ, она незамѣтно приблизилась къ нему и предложила ему свои услуги подъ выдуманнымъ именемъ. Барышникъ былъ пораженъ сходствомъ между нею и своею покойною женою Лизбетою; ему хотѣлось спросить, не бабушка ли она ея,—не только черты лица напоминали ее, но все, даже руки, костлявыя, но красивыя по формѣ, въ особенности когда она ими жестикулировала въ разговорѣ, даже родимое пятнышко, которое было на шеѣ у его жены, было и у старухи. Подъ впечатлѣніемъ своихъ мыслей, Кольгаасъ предложилъ ей сѣсть и спросилъ, какія дѣла у нея могутъ быть съ казначеемъ.

Старуха, лаская собаку Кольгааса, которая подошла къ ней, виляя хвостомъ, отвѣтила, что порученіе, возложенное на нее казначеемъ, состоитъ въ томъ, чтобы разузнать и сообщить ему таинственные отвѣты, находящіеся въ запискѣ на три вопроса, касающіеся Саксонскаго курфюршества; затѣмъ предупредить его, Кольгааса, что въ Берлинъ присланъ человѣкъ, чтобы его схватить и

вытребовать отъ него записку, хранящуюся у него на груди, подъ предлогомъ, что она у него не въ безопасности.

Она же пришла къ нему съ намѣреніемъ сообщить ему, что угрозы отнять у него хитростью или насиліемъ записку не что иное, какъ ложь: подъ покровительствомъ курфюрста Бранденбургскаго ему нечего страшиться. Записка у него въ большей безопасности, чѣмъ если бы она была у нея, и что ни подъ какимъ видомъ онъ не долженъ ее никому отдавать.

— Тѣмъ не менѣе,—закончила она,—благоразуміе требуетъ воспользоваться запискою именно для той цѣли, для которой она была дана ею въ Ютербогкѣ на ярмаркѣ: слѣдуетъ согласиться на предложеніе, сдѣланное ему на границѣ юнкеромъ фонъ-Штейномъ, и отдать эту записку, ему лично не нужную, курфюрсту Саксонскому за свободу и жизнь.

Кольгаасъ, несказанно обрадовавшись возможности ранить смертельно своего врага въ пяту, которою тотъ собирался его превратить въ прахъ, отвѣтилъ ей: «Ни за что, голубушка моя, ни за что на свѣтѣ!»—и, пожавъ руку старухѣ, сказалъ, что желалъ бы только узнать, какіе отвѣты на тѣ важные вопросы находятся въ запискѣ.

Старуха, взявъ на руки младшаго ребенка Кольгааса, который вертѣлся около ея ногъ, сказала ему: «Ты говоришь—ни за что на свѣтѣ, Кольгаасъ-барышникъ, а ради этого хорошенькаго бѣлокураго мальчугана!».

И, улыбаясь мальчику, она стала ласкать его и цѣловать, а онъ поглядывалъ на нее большими глазами. Она достала изъ кармана яблоко и подала ему его своими костлявыми, высохшими руками.

Кольгаасъ, смущенный, замѣтилъ, что дѣти современемъ, когда выростутъ, навѣрно поблагодарятъ его, что онъ поступилъ именно такъ, и именно ради нихъ и ихъ внуковъ онъ ни за что не отдастъ записки. Затѣмъ онъ спросилъ, обезпеченъ ли онъ отъ какого нибудь новаго обмана и неужели ему предстоитъ такъ же безполезно пожертвовать этой запиской для курфюрста, какъ нѣкогда военнымъ отрядомъ въ Лютценѣ.

— Кто разъ не сдержалъ своего слова,— продолжалъ онъ,— тому я больше не вѣрю, и только ты, бабушка, можешь заставить меня разстаться, твоимъ непоколебимымъ словомъ, съ этимъ листкомъ, который такимъ удивительнымъ образомъ вознаградилъ меня за все, что я выстрадалъ.

Старуха, опустивъ ребенка на полъ, сказала, что онъ отчасти правъ и что онъ долженъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ по своему личному усмотрѣнію. Съ этими словами она взялась за свой костыль и направилась къ дверямъ. Кольгаасъ повторилъ свой вопросъ относительно содержанія записки, на что она отвѣтила вскользь, что вѣдь онъ можетъ раскрыть ее и прочесть, хотя это будетъ пустымъ любопытствомъ съ его стороны. Ему хотѣлось по-

разспросить ее еще о многомъ: кто она, откуда у нея способность предсказывать будущее, отчего она скрываетъ отъ курфюрста содержаніе записки, когда она написала для него, отчего среди толпы народа она избрала именно его, чтобы вручить эту записку ему, который никогда не интересовался ея наукою.

Случилось такъ, что именно въ это время послышались шаги, по лѣстницѣ поднимались полицейскіе. Старуха въ страхѣ, что ее увидятъ, торопливо проговорила: «До свиданія, Кольгаасъ, до свиданія! Въ другой разъ, когда мы съ тобой встрѣтимся, все узнаешь!». Съ этими словами она направилась къ двери и, поцѣловавъ дѣтей по пути, сказала имъ: «Прощайте, дѣтки, прощайте!».

Между тѣмъ курфюрстъ Саксонскій, преслѣдуемый своими мрачными мыслями, рѣшилъ призвать къ себѣ, въ то время знаменитыхъ въ Саксоніи, двухъ астрологовъ: Ольденгольма и Олеаріуса, съ тѣмъ, чтобы узнать отъ нихъ о содержаніи записки, столь важномъ для него и для его рода, а такъ какъ оба ученые мужа, послѣ глубокомысленнаго созерцанія звѣздъ съ башни замка, продолжавшагося нѣсколько дней, разошлись во взглядѣ— относится ли предсказаніе къ послѣдующимъ столѣтіямъ, или къ настоящему времени, и не подразумѣвается ли тутъ царство Польское, съ которымъ отношенія были весьма воинственныя, то подъ вліяніемъ этого ученаго спора его безпокойство не только не разсѣялось, но, напротивъ того, превратилось въ настоящее отчаяніе. Къ тому же казначей поручилъ женѣ своей, которая собиралась отправиться къ нему въ Берлинъ, передъ отъѣздомъ осторожно предупредить курфюрста о его неудавшейся попыткѣ добыть записку черезъ посредство одной женщины, которая куда-то скрылась безъ вѣсти, и что въ виду всего этого приходится отказаться отъ надежды получить отъ Кольгааса когда либо записку, тѣмъ болѣе, что его смертный приговоръ уже подписанъ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, и казнь его назначена на понедѣльникъ послѣ Вербнаго воскресенья. Это извѣстіе повергло курфюрста въ совершенное уныніе и отчаяніе; раскаяніе и тоска щемили его за сердце, онъ заперся у себя въ комнатѣ и два дня не пилъ, не ѣлъ, на третій день, въ короткомъ извѣщеніи въ губерніумъ, онъ объявилъ, что отправляется на охоту къ принцу Дессаускому, и покинулъ Дрезденъ. Куда же онъ дѣйствительно выѣхалъ, неизвѣстно, такъ какъ хроники того времени сообщаютъ объ этомъ фактѣ весьма разнорѣчиво. Извѣстно одно только, что принцъ Дессаускій не могъ въ это время охотиться, такъ какъ лежалъ больной въ Брауншвейгѣ, у своего дяди герцога Генриха, а госпожа Элоиза, вечеромъ слѣдующаго дня, въ обществѣ одного графа фонъ-Кенигштейна, котораго она выдавала за своего кузена, прибыла въ Берлинъ къ своему супругу, казначею Кунцу.

Между тѣмъ Кольгаасу, по приказанію курфюрста, былъ про-

читанъ его смертный приговоръ; съ него были сняты оковы, и ему возвратили всѣ бумаги касательно его состоянія, которыя у него были отняты въ Дрезденѣ, и когда судьи, которые его судили, спросили его, какъ онъ желаетъ распорядиться со своимъ имуществомъ послѣ смерти, то онъ написалъ завѣщаніе въ пользу своихъ дѣтей и назначилъ мэра въ Кольгаасенбрюкѣ, своего почтеннаго друга, ихъ опекуномъ.

Затѣмъ, въ его послѣдніе дни ему былъ предоставленъ полный покой и свобода и, по особому приказанію курфюрста, разрѣшено всѣмъ его друзьямъ, которыхъ у него было не мало, посѣщать его и днемъ, и ночью.

Великимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ было для него посѣщеніе теолога Якоба Фрейзинга, который былъ присланъ къ нему Лютеромъ съ собственноручнымъ замѣчательнымъ письмомъ отъ него. Къ сожалѣнію, оно не сохранилось, и въ присутствіи двухъ бранденбургскихъ декановъ, которые подошли къ его рукѣ, этотъ духовникъ причастилъ его Святыхъ Таинъ.

И вотъ наступилъ тотъ понедѣльникъ послѣ Вербнаго воскресенья, который долженъ былъ примирить съ нимъ свѣтъ, за его желаніе воздать справедливое возмездіе. Весь городъ все еще ждалъ того всемогущаго слова, которое могло бы его спасти.

Онъ появился въ сопровожденіи усиленнаго караула съ двумя малютками-сыновьями на рукахъ (эту милость онъ выпросилъ себѣ у суда). Изъ тюрьмы его вывелъ теологъ Фрейзингъ, и изъ толпы окружившихъ его друзей и знакомыхъ, которые прощались съ нимъ и жали ему руки, къ нему приблизился кастелянъ замка курфюрста и, съ удрученнымъ лицемъ, вручилъ ему листокъ бумаги, который ему велѣла будто бы передать одна старая женщина.

Кольгаасъ съ удивленіемъ слушалъ слова незнакомаго ему человѣка, но, взглянувъ на печати, которыми было припечатано письмо, онъ узналъ въ ней печать цыганки. Какъ описать его удивленіе, когда онъ прочиталъ слѣдующія строки:

«Кольгаасъ, курфюрстъ Саксонскій—въ Берлинѣ; онъ уже отправился на мѣсто твоей казни, ты можешь его узнать по шляпѣ съ голубымъ и бѣлымъ перьями. Съ какой цѣлью онъ прибылъ, тебѣ извѣстно. Онъ собирается послѣ твоей смерти вырыть тебя и добыть таинственную записку, хранящуюся у тебя на груди.

«Твоя Елизавета».

Взволнованный Кольгаасъ обратился къ кастеляну съ вопросомъ, извѣстна ли ему женщина, которая вручила ему эту записку. Въ ту самую минуту, какъ кастелянъ успѣлъ проговорить: «Кольгаасъ, эта женщина...»—толпа отбросила его, и Кольгаасъ не могъ разобрать дальше его словъ, онъ видѣлъ только, что человѣкъ этотъ, говоря что-то, весь измѣнился въ лицѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Когда Кольгааса привели на мѣсто казни, онъ увидалъ верхами, среди несмѣтной толпы, самого курфюрста Бранденбургскаго со свитой, въ составѣ которой находился эрцканцлеръ Генрихъ Гейзау; справа отъ него находился императорскій прокуроръ Францъ Мюллеръ, съ смертнымъ приговоромъ въ рукахъ, слѣва—его прокуроръ, ученый юристъ Антонъ Цейнеръ съ постановленіемъ дрезденскаго придворнаго суда; посреди полукруга, который замыкался толпою, стоялъ герольдъ съ узломъ вещей и двумя откормленными вороными лошадьми, которыя весело били копытами о землю.

Тогда эрцканцлеръ Генрихъ изложилъ по пунктамъ отъ имени курфюрста, который поручилъ ему веденіе этого дѣла въ Дрезденѣ, отчетъ по жалобѣ на юнкера Венцеля фонъ-Тронка. Оказалось, что лошади были взяты отъ живодера и отданы на кормленіе людямъ юнкера фонъ-Тронка и затѣмъ, подъ наблюденіемъ особой коммиссіи, переданы на площади въ Дрезденѣ прокурору.

Затѣмъ заговорилъ курфюрстъ, и Кольгаасъ приблизился къ нему въ сопровожденіи стражи:

— «Сегодня, Кольгаасъ, день воздапія тебѣ по заслугамъ! Взгляни сюда, вотъ здѣсь все, что у тебя было забрано силою въ Тронкенбургѣ, и что я, какъ правитель твоей страны, былъ обязанъ тебѣ возвратить: твои лошади, твой шейный платокъ, твои деньги, бѣлье, все, даже тѣ расходы, которые были тобою понесены по случаю смерти твоего рабочаго Герзе въ Мюльбергѣ. Доволенъ ли ты мною?»

Кольгаасъ, съ удивленіемъ просмотрѣвъ постановленіе суда, которое по знаку, сдѣланному эрцканцлеромъ, было ему вручено для прочтенія, опустилъ обоихъ дѣтей на землю и, дойдя до параграфа, въ которомъ говорилось, что юнкеръ Венцель приговоренъ къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, онъ, подъ вліяніемъ волновавшихъ его чувствъ, издали, скрестивъ руки на груди, палъ ницъ передъ курфюрстомъ.

Затѣмъ, вставъ, онъ радостно заявилъ эрцканцлеру, что его самое искреннее желаніе исполнилось на землѣ; онъ подошелъ къ лошадямъ, разсмотрѣлъ ихъ, похлопалъ по жирнымъ, откормленнымъ шеямъ и, вернувшись къ канцлеру, сказалъ весело, что онъ ихъ даритъ своимъ сыновьямъ—Генриху и Леопольду.

Канцлеръ Генрихъ фонъ-Гейзау кротко отвѣтилъ ему, нагнувшись съ лошади, что именемъ курфюрста онъ обѣщаетъ, что его послѣдняя воля будетъ свято исполнена, и просилъ его распорядиться также и вещами, находящимися въ узлѣ.

Тогда Кольгаасъ подозвалъ къ себѣ изъ толпы старуху мать Герзе и, передавая ей узелъ, сказалъ:

— На, бабушка, это принадлежитъ тебѣ, прибавляю къ этому и деньги, полученныя мною за вознагражденіе убытковъ, какъ подарокъ, который пригодится тебѣ на старости лѣтъ.

Курфюрстъ воскликнулъ: «Теперь, Кольгаасъ, ты, которому дано удовлетвореніе по всѣмъ требованіямъ, удовлетвори требованіе императорскаго величества, въ лицѣ его прокурора, за нарушенное тобою спокойствіе страны!».

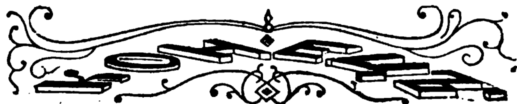
Кольгаасъ, снявъ шляпу, припалъ къ землѣ и сказалъ, что онъ готовъ исполнить требуемое отъ него удовлетвореніе; поднявшись съ земли, прижалъ къ сердцу своихъ дѣтей и передалъ ихъ мэру изъ Кольгаасенбрюка, который увелъ ихъ, тихо плачущихъ. Самъ же Кольгаасъ поднялся на эшафотъ.

Въ то время, какъ онъ развязывалъ свой шейный платокъ и раскрылъ воротъ рубашки, онъ замѣтилъ недалеко отъ себя, за двумя рыцарями, которые его почти закрывали собою, хорошо знакомаго человѣка въ шляпѣ съ голубыми и бѣлыми перьями.

Кольгаасъ, быстро отстранивъ отъ себя стражу, подошелъ къ нему и у него на глазахъ снялъ съ шеи жестяную капсюлю, вынулъ изъ нея записку, распечаталъ ее, прочиталъ и, смотря въ упоръ на человѣка въ шляпѣ съ голубыми и бѣлыми перьями, положилъ записку себѣ въ ротъ и проглотилъ ее. При видѣ этого, человѣкъ въ шляпѣ съ голубыми и бѣлыми перьями въ судорогахъ упалъ безъ чувствъ. Кольгаасъ же въ то время, какъ озабоченные спутники этого человѣка поднимали его съ земли, вернулся на эшафотъ и, положивъ голову на плаху, былъ казненъ.

Этимъ кончается исторія Кольгааса. Тѣло его, при общемъ сожалѣніи народа, было положено въ гробъ, и въ то время, какъ могильщики понесли его на кладбище предмѣстья, чтобы предать землѣ, курфюрстъ подозвалъ къ себѣ сыновей казненнаго и объявилъ эрцканцлеру, что онъ возводитъ ихъ въ званіе рыцарей и опредѣляетъ въ свою школу пажей. Курфюрстъ же Саксонскій вскорѣ вернулся въ Дрезденъ съ удрученнымъ сердцемъ. Что было затѣмъ дальше, можно узнать изъ исторіи.

Потомковъ же Кольгааса, веселыхъ, здоровыхъ малыхъ, можно было встрѣтить еще въ прошломъ столѣтіи въ Мекленбургскомъ курфюршествѣ.

№ 25-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ ОКТЯБРѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Азбелевъ, Н. Начала механики. Элементарное изложеніе. Отдѣлъ 1-й. Кинематика. Спб. 1892 т. Ц. 1 р. 20 к.

Амвросій, архіепископъ. Живое слово. Харьковъ. 1892 г. Ц. 50 к.

Аѳанасьевъ, М. И., д-ръ, и Riedel, О. д-ръ. Азіатская холера, ея происхожденіе, сущность, предупрежденіе и леченіе. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Барсуковъ, Александръ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. VI. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.

Батюшковъ, П. Н. Бессарабія. Историческое описаніе. Съ рисунками и картой. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакц. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. 6-й, 8-й и 9-й. Тифлисъ. 1892 г. Ц. кажд. вып. 20 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Леонардо да-Винчи.—Г. А. Потемкинъ. Съ портретами. Спб. Ц. кажд. кн. 25 к.

Бобровскій, П. О. Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка за 250 лѣтъ. Спб. 1892 г. Ц. за т. 20 р.

Богдановъ, С. М. Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь. Вып. 8-й. Кіевъ. 1892 г. Ц. 85 к.

Брандтъ, Т. Гимнастическое пользованіе женскихъ болѣзней. Съ рисунк. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Буасье, Гастонъ. Паденіе язычества. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Будзинскій, С. Уложеніе о наказаніяхъ, съ комментаріемъ, заключающимъ толкованіе важнѣйшихъ статей, не разработанныхъ кассаціонною практикою, дополненія, объясненія и измѣненія, въ примѣненіи къ Варшавскому судебному округу. Варшава. 1892 г. Ц. 2 р.

Бутовскій, Н. Наши солдаты. (Типы мирнаго времени). Спб. Ц. 1 р.

*) **Бѣмецній, А.** Сраженіе. — Разстрѣлянный.—Нарочный.—Испытаніе волонтеровъ. Изданіе 2-е (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Бѣличевъ, К. В. Объ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ при сельскихъ начальныхъ училищахъ Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Введенскій, А. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизіологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ редакц. проф. И. Р. Тарханова. Вып. 7-й, 8-й и 9-й. Ц. каждаго вып. 60 к.

Винклеръ, фонъ, П. Русская геральдика. Вып. I-й. Съ 275-ю рисунк. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Волнъ-Ланевскій, В. В. Городовое положеніе, Высочайше утвержденное 11-го іюня 1892 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Волтеръ, Э. А. Біографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Вославцевъ, Н. Русскій практическій руководитель къ точному и правильному письменному изложенію. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Высочайше утвержденное 21-го марта 1890 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Ганичъ, А. И. Земельный рубль. Способъ уменьшить на половину платежи процентовъ по нашимъ ипотечнымъ долгамъ. Кіевъ. 1892 г. Ц. 15 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. Первая книжка разсказовъ. Изд. 6-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Гвоздевъ, И. М. Систематическій перечень судебно-медицинскихъ данныхъ въ практическомъ, преимущественно, при-

мѣненіи ихъ къ общественнымъ потребностямъ. Казань. 1892 г. Ц. 50 к.

Голицынъ, Н. Н., кн. Родъ князей Голицыныхъ. Т. 1-й. Издан. князя Л. С. Голицына. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

Голубинскій, Е. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра. Сергіевскій посадъ. 1892 г. Ц. 2 р.

Гомо Де-ля-Верита. Осенніе огни. Романъ-фантазія. Спб. 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Горбатовъ, П. А. Равновѣсіе въ массѣ земли при теоріи единства и непрерывности матеріи. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ-Посадовъ, И. И. Красное солнышко. (Съ азбукой-картинкой). Первая книга для чтенія дома и въ школѣ. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Горчакова, Е., кн. Житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго и описаніе св. Троице-Сергіевой лавры и ея окрестностей. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. 25 к.

Грановскій, Т. Н. Сочиненія. 2 т. М. 1892 г. Ц. за 2 т. 4 р.

Громачевскій, С. Г. Ограничительные законы по землевладѣнію въ Западномъ краѣ, съ мотивами и разъясненіями. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Давыдовъ, М. П. Садоводство и огородничество. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Казань. Ц. 25 к.

Данилло, С. Н., д-ръ. Краткій очеркъ психіатріи, примѣнительно къ уходу и наблюденію за душевнобольными. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Данте-Алигіери. Божественная комедія. Адъ. Переводъ А. П. Федорова съ примѣчаніями и біограф. очеркомъ Данте. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Двѣ статьи о студенческой жизни въ Дерптѣ. Изд. 2-е, значит. дополнен. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Демьяновъ, М. О значеніи упругости ремня при передачѣ имъ работы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Denis, Leon. Послѣ смерти. Научные и моральные выводы философіи. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Диккенсъ, . Полное собраніе сочиненій. Т. III. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Добротворскій, П. И. Бабушка Олена.—Смерть дѣда. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и народа). Спб. Ц. 4 к.

Духовецкій, Ѳ. Московскіе международные конгрессы. М. 1892 г. Ц. 3 р.

Дьяченко, В. А. Драматическія сочиненія. Т. I. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

*) **Дюма, Александръ.** Три мушкетера. Романъ въ 2-хъ томахъ. (Новая Библіотека Суворина). Спб. 1892 г. Ц. кажд. т. 60 к.

Дюрингъ, Евгеній. Курсъ національной и соціальной экономіи со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Енько, П., д-ръ. Гигіена обыденной жизни. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Епифановъ, Ив. Александръ Невскій (Ледовое побоище). Разсказъ. Спб. Ц. 10 к.

Ермаковъ, В. П. Maxima и minima функціи двухъ перемѣнныхъ. М. Ц. 20 к.

Закъ, С. И. О саксонскихъ узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Зеелигмюллеръ, А., проф. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ нервныхъ болѣзней? Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Зотиковъ, Е. По поводу расчета раскосовъ въ рѣшетчатыхъ и многораскосныхъ фермахъ. Ц. 25 к.

— О напряженіяхъ отъ дѣйствія вѣтра въ опорныхъ стойкахъ и опорныхъ поперечинахъ въ мостахъ, устроиваемыхъ безъ вертикальныхъ связей. М. 1892 г. Ц. 60 к.

— Къ вопросу объ опредѣленіи длины горизонтальныхъ листовъ въ мостовыхъ фермахъ и балкахъ. Ц. 10 к.

Зудерманъ, Г. Забота. Романъ. Спб. Ц. 60 к.

Камрашъ, В. Г. Научное свиноводство. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ. 2 части концентрическаго учебника французскаго языка В. С. Игнатовича. Харьковъ. 1892 г. Ц. 20 к.

Ковалевскій, Е. П. Сельско-хозяйственныя занятія въ учительскихъ семинаріяхъ и начальныхъ школахъ. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Козловъ, А. А., проф. Свое слово. Философско литературный сборникъ. № 4. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Конардовъ, С. Общедоступная лѣсная таксація и таблицы для матеріальной и денежной оцѣнки лѣса. М. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. VI. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Краткій очеркъ десятилѣтней дѣятельности русскаго драматическаго театра Корша въ Москвѣ. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Критическія статьи. („Современникъ", 1854—1861 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. Ц. 2 р.

*) **Крэкъ, А. Д.** Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Съ англійскаго. (Новая Библіотека Суворина, № 7). Спб. Ц. 60 к.

Кулаковскій, Ю. Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ. Публичн. лекція. Кіевъ. 1892 г. Ц. 30 к.

Лазаревичъ, И. П. Курсъ акушерства. 2 т. Изд. 2-е, совершенно переработ. и дополненное. Спб. 1892 г. Ц. за 2 т. 6 р.

Ламанскій, В. Три міра азійско-европейскаго материка. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Лангъ, А., д-ръ. Болѣзни мужскихъ половыхъ органовъ. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Levillain, F. Гигіена нервныхъ людей. Спб. Ц. 1 р.

Льдовъ, К. Н. Лицедѣи. Романъ. 2-е изд. Спб. Ц. 60 к.

Лѣсковъ, Н. С. Невинный Пруденцій. (Сказаніе). М. 1892 г. Ц. 15 к.

Лѣсонасажденія, питомники и школы въ имѣніяхъ гр. М. М. Толстого подъ руководствомъ И. М. Кабештова. Харьковъ. 1892 г. Ц. 25 коп.

Ляшенко, М. М. (М. М. Правдинъ). На зарѣ новой жизни. Романъ. Ревель. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, Е., и Вертеповъ, Г. Туземцы сѣвернаго Кавказа. Вып. I-й. Владикавказъ. 1892 г. Ц. 1 р.

Мантегацца, П. Искусство жениться. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Марченко, И. П. Учебникъ сравнительной географіи. Изд. 2-е. Кіевъ. Ц. 1 р.

Мерчингъ, Г. К. О движеніи жидкостей—воды, керосина и нефти—въ трубахъ. Издан. 3-е, дополн. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Московскій, А. Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Вып. 8 и 9-й. Спб. Ц. вып. 40 коп.

Милюковъ, П. Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Михневичъ, А. П. Архангельскій мужикъ. Зрѣлище изъ жизни М. В. Ломоносова въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

*) **Мольеръ.** Тартюфъ. Комедія въ 5-ти актахъ. Переводъ въ стихахъ. В. С. Лихачева. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., на веленев. бум. 50 к.

Мунтъ-Валуева, А. П. Веньяминъ Франклинъ. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ, № 5). Спб. Ц. 10 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 50-й. Изд. А. Гарбель и К°. М. 1892 г. Ц. 30 к., на лучшей бумагѣ 40 к.

Нейманъ, М. М. Памятная книжка и карманное руководство для нотаріусовъ. Дубно. 1892 г. Ц. 75 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Разошлись! Повѣсть. М. 1892 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Съ рисунк. Кіевъ. Ц. 2 р.

— Өедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Съ рисунками. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р.

Нефедьевъ, Е. А. Единство гражданскаго процесса. Казань. 1892 г. Ц. 25 к.

Новацкій, проф. Практическое руководство къ травосѣянію. Кіевъ. 1892 г. Ц. 50 к.

Нордау, Максъ. Въ поискахъ за истиной. (Парадоксы). Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р.

Окороковъ, В., д-ръ. Международная торговля дѣвушками для цѣлей разврата и мѣры къ ея прекращенію. М. 1892 г. Ц. 50 к.

Олесницкій, М. Нравственное богословіе. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Опытныя изслѣдованія условій равновѣсія и движенія свободнаго воздушнаго шара. Обработалъ полковникъ М. Поморцевъ. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Орловъ, В. Д. Очеркъ исторіи и гигіены женской одежды. Казань. 1892 г. Ц. 40 к.

Орловъ, Н. А. Суворовъ. Разборъ военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи въ 1799 г. Спб. 1892 г. Ц. 8 р.

Отрывки изъ дневника въ Св. Землѣ. Сборникъ 1-й. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Подъ редакц. Н. И. Веселовскаго. Т. II. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Перфильевъ, М. Очерки современной клинической медицины въ Россіи. I. Клиническая школа проф. Захарьина. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Петровъ, И. И. Проекціонное черченіе. Кіевъ. 1892 г. Ц. съ атласомъ 1 р. 25 к.

*) **Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. IV. Вып. 2-й. Пирръ и Марій. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

*) **Погорельскій, Ант.** Монастырка. Романъ. Издан. 3-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 25 к.

Полежаевъ, А. И. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакц. Арс. И. Введенскаго. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Положеніе о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ. Составл. подъ редакц. А. К. Гаугера. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Потапенко, И. Н. Повѣсти и разсказы. Т. V. Спб. Ц. 1 р.

*) **Прево,** аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Романъ. Переводъ Д. В. Аверкіева. (Новая Библіотека Суворина). Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Приселковъ, А. А. Нѣсколько словъ о педагогическихъ собраніяхъ. Тифлисъ. 1892 г. Ц. 25 к.

Пѣвницкій, В. Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи. Кіевъ. 1892 г. Ц. 60 к.

Разина, Е. А. Лукерьюшка. Разсказъ. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа). Спб. Ц. 5 к.

Разумовскій, А. „Крейцерова соната" графа Л. Н. Толстаго и ея выводы. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Рихтеръ, В. Учебникъ неорганической химіи по новѣйшимъ вопросамъ. Издан. 7-е, дополн. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Ротертъ, В. Курсъ физіологіи растеній. Ч. I. Казань. 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Русская классная библіотека подъ редакц. А. Н. Чудинова. Вып. II. Г. Р. Державинъ. Избранныя сочиненія. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Современное леченіе холеры д-ра Кобылина и высокіе танинные клистиры д-ра Б. Перли. Перев. подъ ред. д-ра А. Кобылина. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Сальниковъ, А. Н. Повторительный вопросникъ по русской исторіи. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Селивановъ, С. Очерки древней топографіи острова Родоса. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Семейная Библіотека". № 32. Викторъ Гюго. Девяносто третій годъ. Романъ. Ч. I. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

«Семейная Библіотека». № 33. Викторъ Гюго. Девяносто третій годъ. Романъ. Ч. II. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Смайльсъ, С. Долгъ. (Нравственныя обязанности человѣка). 2-е исправлен. изданіе. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Современная наука». Вып. I. Психологія войны. Очеркъ Д. А. Коропчевскаго. Ц. 25 к. Вып. II и III: 1) Народное предубѣжденіе противъ портрета и 2) Волшебное значеніе маски. Очерки Д. А. Коропчевскаго. Ц. 25 к. Вып. IV. Древнѣйшій спортъ. Очеркъ Д. А. Коропчевскаго. Ц. 25 к. Вып. V. Открытіе Америки норманами. Д. Реттингера. Спб. Ц. 25 к.

Современный сельскій бытъ и его нужды. Спб. Ц. 1 р.

Соловьевъ, Ев. Въ раздумьѣ. Очерки и разсказы изъ жизни русской интеллигенціи. Спб. Ц. 75 к.

*) **Стернъ, Лаврентій.** Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 20 к., на велен. бум. 75 к.

Трубецкой, П. П., князь. По поводу предстоящей реформы опекунскаго дѣла. Одесса. 1892 г. Ц. 40 к.

Терновскій, Н. М. Опытъ систематическаго диктанта. Кіевъ. Ц. 1 р.

Терновскій, С. Историческая записка о состояніи Казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія, 1870—1892 гг. Казань. Ц. 2 р.

Тиховъ, А. Греческая поэзія до Гомера. Ревель. 1892 г. Ц. 75 к.

Тріумфы женщины. Изъ міра пѣсенъ и любви. Овидій, Данте, Петрарка и Боккачіо. Спб. Ц. 2 р.

Уставъ медицинской полиціи. Съ измѣн. по Прод. Св. Зак. 1886, 1887 и 1889 г. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Уисоръ, Джустинъ. Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстр. историко-критическое изслѣдованіе. Спб. Ц. 3 р.

Фаберъ, Ф., д-ръ. Гигіена беременности. Одесса. 1892 г. Ц. 50 к.

Фейтъ, Ф., д-ръ. Холера. Мѣры предохраненія и леченія въ отсутствіи врача. Спб. Ц. 5 к.

Финкельштейнъ, Л. О. Мѣры личной безопасности при холерѣ. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

*) **Фонвизинъ, Д. И.** Двѣ комедіи: I. Бригадиръ.—II. Недоросль. Съ біографіей, портретомъ и объяснительнымъ словаремъ. Изд. 8-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Фейгинъ, Н. Нападеніе хунхузовъ. (Быль). Вильна. 1892 г. Ц. 15 к.

*) **Фламмаріонъ, Ф.** Уранія. Путешествіе въ небесныя пространства. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 20 к., на вел. бум. 75 к.

*) **Флоринскій, В. М.** Домашняя медицина. Лѣчебникъ для народнаго употребленія. Изд. 5-е. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Т. I. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Хронологическій сборникъ рѣшеній Пр. Сената (1866—181 гг.). Т. II. Вып. 1-й. Составл. подъ редакц. Л. М. Берлина. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Харламовъ, Я. А. Изъ моря житейскаго. (Очерки и разсказы). Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для **самоучащихся,** соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 рубля. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина и др. Она одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей". См. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія" 1876 г., кн. 10-я, стр. 103 (таковаго одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ). Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. Журова.

ЦѢНА 25 КОП.

Адресующіеся за которою либо книгою прямо къ автору: въ г. Шую, Ѳедору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1893 году

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1893 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тринадцать лѣтъ (1880—1892).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ** и **Одессѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

—— Объявленія ——

Свадьба карликовъ.

Иллюстрація: Свадьба карликовъ. (Съ гравюры того времени Филинса).

Московскій маскерадъ 1722 года.

Иллюстрація: Маскерадъ въ Москвѣ въ 1722 году. (Съ весьма рѣдкой гравюры того времени).

Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.

Иллюстраціи: 1) Остатки дворца Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. 2) Дубовая роща, посаженная Петромъ Великимъ въ Сестрорѣцкѣ. 3) Мѣсто, гдѣ находилась бесѣдка Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. (Съ фотографіи художника Савельева).

Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.

Иллюстрація: Портретъ графа А. М. Дивьера. (Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года).

Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.

Иллюстраціи: 1) Шутъ Балакиревъ. (Съ старинной литографіи). 2) Шутъ Лакоста. (Съ старинной гравюры). 3) Ледяной домъ и шутовская свадьба въ немъ въ царствованіе Анны Ивановны. (Съ рѣдкой гравюры того времени).

Березовскіе ссыльные.

Иллюстраціи: 1) Видъ города Березова въ XVIII столѣтіи. (Съ гравюры прошлаго столѣтія). 2) Портретъ князя А. Д. Меншикова. (Съ портрета, принадлежащаго князю В. А. Меншикову). 3) Портретъ князя И. А. Долгорукова. (Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ 1870 года). 4) Портретъ княгини Н. В. Долгоруковой. (Съ портрета, принадлежащаго князю Д. И. Долгорукову, по акварели А. Д. Соколова). 5) Портретъ графа А. И. Остермана. (Съ портрета, находящагося въ Эрмитажѣ). 6) Свиданіе княгини Н. Б. Долгоруковой съ мужемъ въ Березовѣ. (Съ рисунка художника Рябушкина).

Дочь Бирона.

Иллюстраціи: 1) Портретъ Эрнста-Іоанна Бирона. (Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія). 2) Портретъ Гедвиги-Елисаветы Биронъ. (Съ портрета, принадлежащаго барону Ѳ. А. Бюлеру). 3) Портретъ барона А. И. Черкасова. (Съ портрета, принадлежащаго барону Ѳ. А. Бюлеру).

Убійство Синклера.

Иллюстрація: Портретъ маіора Малькольма Синклера. (Съ рѣдкой шведской литографіи).

Холмогорская старина.

Иллюстраціи: 1) Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ. (Съ гравюры 1840 года). 2) Комната принцессы Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря. (Съ гравюры 1840 года). 3) Деревня Денисовка. (Съ гравюры 1840 года). 4) Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова, въ деревнѣ Денисовкѣ. (Съ гравюры 1840 года).

Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТИДЕСЯТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1892 года).

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Доз. ценз. спб., 13 ноября 1892 г.

КЛУБЪ КОЗИЦКАГО ДВОРЯНСТВА[1].

VI.

ЛЯ ШУРОЧКИ настали тяжелые дни. На курсы она совсѣмъ перестала ходить, удрученная заботами о матери и ребенкѣ. Ольга не поправлялась и быстро теряла силы. Она стала страдать безсонницей и совершенно лишилась аппетита. Шурочка, употреблявшая всѣ усилія на то, чтобы доставить Ольгѣ вкусный и сытный обѣдъ, вскорѣ убѣдилась, что старанія ея были безполезны. Ольга или совсѣмъ отказывалась отъ обѣда, или требовала такихъ вещей, которыя могли только повредить ей. Для себя же Шурочка не хотѣла тратить ничего лишняго, и тогда обычнымъ ихъ меню сдѣлалась трехкопеечная большая селедка и кислая капуста. И тѣмъ не менѣе, не смотря на такую суровую экономію, Шурочка съ ужасомъ слѣдила за тѣмъ, какъ быстро таяли ея пять рублей. Она сократила расходы до минимума. Вечеромъ во всей квартирѣ горѣла только одна маленькая лампа въ комнатѣ Ольги. Не смотря на холодное время года, всѣ комнаты не топились, за исключеніемъ одной, Ольгиной. Шурочка ужъ давно отказала себѣ въ бѣломъ хлѣбѣ и, заваривая утромъ и вечеромъ чай изъ котелка съ кипяткомъ, который приносила ей изъ дворницкой Ѳедосья, заботилась только о томъ, чтобъ для Ольги налилось чашки двѣ крѣпкаго чая, а сама довольствовалась водой лимоннаго цвѣта съ крошечнымъ кусочкомъ сахара. За эти дни она очень измѣни-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. L, стр. 281.

лась, похудѣла и какъ будто постарѣла. По временамъ жгучая тоска наполняла ея грудь, и къ горлу подступали слезы.

Но она бодрилась и особенно при Ольгѣ старалась имѣть спокойный, почти веселый видъ. Ольга не замѣчала ея усилій, какъ не замѣчала или не хотѣла замѣчать постоянно возроставшей нужды. Она была удручена своимъ внутреннимъ горемъ, на которомъ были сосредоточены всѣ ея мысли. Состояніе здоровья сына приводило ее въ отчаяніе. Бывали минуты, когда она ясно сознавала, что онъ не будетъ жить, не можетъ жить. Тогда она стремительно бросалась къ ребенку, осыпала его поцѣлуями, обливала слезами и, крѣпко сжимая въ своихъ объятіяхъ, казалось, хотѣла вырвать его изъ когтей неумолимой смерти. Эти припадки всегда смѣнялись глубокой апатіей. Шурочка напрасно старалась пробудить въ ней надежду, увѣряя, что въ будущемъ ихъ ждетъ другая счастливая и свѣтлая жизнь. И она начинала описывать эту воображаемую жизнь съ тою живостью и съ той горячей убѣдительностью, которыя подсказывало ей ея собственное изнывшее въ тоскѣ сердце, жаждавшее отдохнуть хоть въ мечтахъ отъ ужаснаго настоящаго и искавшее утѣшенія и поддержки въ сладкихъ упованіяхъ на будущее.

Но Ольга безучастно внимала ей.

Визиты конспираторовъ сдѣлались рѣже. Ольга разлюбила ихъ общество и не выходила къ нимъ, но Шурочка теперь радовалась ихъ приходу. Въ ихъ присутствіи квартира оживлялась, становилась какъ будто теплѣе. Самоваръ, являвшійся за послѣднее время въ глазахъ Шурочки непозволительной роскошью, шумѣлъ въ сборной, окруженный всѣми обычными незатѣйливыми атрибутами чаепитія компаніи клуба Козицкаго дворянства, которая покупала ихъ на свой счетъ въ складчину, чтобъ не безпокоить хозяекъ. Шумные разговоры лились и слышны были и за стѣной въ комнатѣ Ольги, чему Шурочка радовалась, думая, что они помогутъ сестрѣ разсѣяться и отвлекутъ ее отъ мрачныхъ мыслей. Сама она въ нихъ не участвовала и входила въ сборную только за тѣмъ, чтобы налить чаю Ольгѣ или себѣ, или взять что нибудь изъ съѣдобнаго. Вечеринки эти получили въ глазахъ жившей впроголодь Шурочки теперь совсѣмъ особое значеніе. Онѣ являлись своего рода праздниками. Видъ самовара на столѣ радовалъ ее, напоминая о довольствѣ, и, засыпая, она чувствовала себя сытой и расположена была веселѣе глядѣть на будущее.

Былъ мрачный, холодный вечеръ. Осенній вѣтеръ съ яростнымъ воемъ стучался въ окна. Ольга и Шурочка безмолвно сидѣли у низенькой лампы. Маленькій Викторъ тихо стоналъ на рукахъ у матери. Шурочка, поджавъ губы, старательно чинила свое платье и сосредоточенно думала о томъ, какъ достать завтра денегъ: въ домѣ оставалось нѣсколько копеекъ.

Вдругъ Ольга, уже давно наблюдавшая ее, спросила:

— Шура, у насъ нѣтъ денегъ?

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтила Шурочка и, тутъ же раскаявшись въ этой рѣзкости, сказала:—ты, Оля, не безпокойся, я гдѣ нибудь достану.

Ольга горько усмѣхнулась.

— Нѣтъ, право, Оля,—продолжала Шурочка, испугавшись этой усмѣшки:—достану. Я думаю къ нимъ пойти,—прибавила она, рѣшаясь повѣрить сестрѣ одинъ изъ намѣченныхъ ею исходовъ.

— Къ кому это къ нимъ?—спросила Ольга и нахмурила брови.

— Къ нимъ, въ нору,—пояснила Шурочка:—взаймы у кого нибудь попрошу.

— Ни за что!—вдругъ воскликнула Ольга.—Къ нимъ ни за что! Не ходи къ нимъ, Шурка, —упавшимъ и просительнымъ тономъ произнесла она, между тѣмъ какъ Шурочка съ изумленіемъ глядѣла на нее:—я не хочу, чтобы ты у нихъ просила...

И, помолчавъ, она задумчиво проговорила, какъ бы сама съ собою.

— Сколько зла они мнѣ сдѣлали! Они отняли у меня все... все!

Она заплакала.

Шурочка съ тревогой вскочила съ своего мѣста и, молча, стала цѣловать ея мокрые отъ слезъ глаза и губы.

Она не искала словъ утѣшенія. Она поняла, что Ольга за это время много пережила, передумала, что она порвала со всѣмъ своимъ прошлымъ, со всѣмъ тѣмъ, во что она прежде беззавѣтно вѣрила, передъ чѣмъ преклонялась и въ чемъ видѣла смыслъ жизни.

Ольга отерла слезы, улыбнулась Шурочкѣ и сказала:

— Бѣдная ты, моя Шурка! Никуда ты завтра не пойдешь и вообще не пойдешь никогда больше. Теперь я пойду. Будетъ бездѣльничать!

— Ты, Оля? — воскликнула Шурочка: — да ты вѣдь... ты шатаешься, когда по комнатѣ идешь! Богъ съ тобой!

— Это оттого, что долго на воздухѣ не была. Посмотри, какъ я поздоровѣю. Завтра же и на фельдшерскіе запишусь. Тебѣ тоже учиться надо. Я для тебя лекціи всѣ принесу за то время, что ты пропустила.

— Лучше бы подождала ты, Оля,—сказала Шурочка, удивляясь той внезапной бодрости, которая сквозила въ глазахъ сестры и звучала въ тонѣ ея голоса.

— Какъ ты думаешь, Шура,—не слушая ея, спросила Ольга, указывая на сына, который заснулъ, но и во снѣ продолжалъ тихонько стонать:—онъ поправится?

— Разумѣется, — съ убѣжденіемъ отвѣтила Шурочка: — только надо его заставить ѣсть, Оля. Когда онъ будетъ много ѣсть, онъ поздоровѣетъ.

На другой день утромъ, не смотря на доводы и просьбы Шурочки и на то, что ребенокъ чувствовалъ себя очень плохо и почти всю ночь кричалъ и метался, Ольга ушла изъ дому, наказавъ Шурочкѣ получше глядѣть за малюткой и поѣсть на тѣ деньги, что у нея были.

Шурочка, однако, не рѣшилась истратить ихъ и сидѣла голодная, когда пришла изъ дворницкой Ѳедосья и принесла ей чашку жирно намасленной каши и кусокъ хлѣба. Шурочка и то, и другое принялась уничтожать съ удовольствіемъ.

— Что же, сестрица-то ушла что-ль куды?—спросила Ѳедосья, стоя съ поджатыми руками передъ Шурочкой и съ видимымъ удовольствіемъ смотря на то, какъ она ѣстъ.

— Ушла.

— Такъ... То-то управляющій позавчерась Ивану сказывалъ: ты, молъ, спроси, онѣ будутъ на квартирѣ-то стоять, али нѣтъ?—продолжала Ѳедосья.

— Не знаю, Ѳедосья,—отвѣтила Шурочка:—это какъ сестра.

— Извѣстно... Она старшая.

И, принявъ вдругъ таинственный видъ, она продолжала:

— Ну, а энтотъ воздахторъ-то, должно, совсѣмъ сбѣжалъ?

— Кто?—съ удивленіемъ переспросила Шурочка.

— То-то, говорю, воздахторъ. Вальцевичевъ-то... И чтой-то за диво дивенское, намедни я это мимо Петровскаго монастыря иду, а онъ на рысакѣ катитъ, пра. Ась?

И Ѳедосья съ любопытствомъ заглянула Шурочкѣ въ глаза.

— Это, вѣрно, не онъ,—смущенно возразила Шурочка.

— Кубыть не онъ! Онъ самый и есть. Самый онъ, — съ увѣренностью повторила Ѳедосья и, собравъ со стола, вышла изъ комнаты.

Шурочка, оставшись одна, попробовала было покормить ребенка, но онъ не сталъ сосать. Она положила его къ Ольгѣ на постель, распеленала его, прикрыла одѣяльцемъ и сѣла около него. Онъ долго кричалъ и метался, и Шурочка съ трудомъ успокоила его. Сѣрый осенній день непривѣтливо заглядывалъ въ комнату, придавая ея и безъ того неприглядной обстановкѣ какой-то зловѣщій фантастическій колоритъ.

Ребенокъ наконецъ заснулъ, и это обстоятельство успокоительно подѣйствовало на Шурочку. Она мало-по-малу оторвалась отъ дѣйствительности и вся погрузилась въ какія-то туманныя и неясныя мечты. Тѣмъ не менѣе лице ея продолжало сохранять тупое и скорбное выраженіе. Вдругъ она съ тревогой вскочила. На улицѣ уже стемнѣло, и мутная, сѣрая мгла, наполнявшая комнату, приняла какія-то странныя, чудовищныя очертанія и, казалось, окутывала и душила ее собой. Ненарушимая тишина, которая такъ убаюкивала ее за минуту передъ тѣмъ, показалась ей ужасной.

Она низко наклонилась надъ ребенкомъ и прислушивалась.

Мальчикъ дышалъ неровно и тихо. Полузакрытыя вѣки его вздрагивали. Отъ длинныхъ, пушистыхъ, золотистыхъ рѣсницъ ложилась на исхудалыя блѣдныя щечки темная, исполненная серьезной печали тѣнь. Шурочка, не отрываясь, смотрѣла на него. Ея вниманіе привлекли раскинутыя рученки ребенка. На ладоняхъ кожица отстала и мѣстами образовала пузыри, какъ бываетъ отъ обжога.

Шурочка спрашивала себя, отчего это. Внезапная и неясная догадка мелькнула у нея въ головѣ. Она выбѣжала изъ комнаты, накинула на голову плэдъ, сошла внизъ и кликнула Ѳедосью.

— Посиди у насъ, пожалуйста,—сказала она:—я уйду.

— Ладно, да приходите-то што ли скорѣе.

— Сейчасъ приду.

Шурочка рѣшилась посовѣтоваться насчетъ мальчика съ Благовѣщенскимъ и привести его. Идти было недалеко. Благовѣщенскій жилъ тутъ же на дворѣ, только въ другомъ флигелѣ, въ самомъ центрѣ «Лисатовъ».

Шурочка по грязной каменной лѣстницѣ поднялась въ номера.

— Дома Благовѣщенскій?—спросила она у человѣка, предназначавшагося, повидимому, къ роли швейцара.

— А почемъ я знаю? Цѣлый день шляются: не углядишь.

Шурочка вступила въ узенькій корридоръ. Двери были большею частью или совсѣмъ раскрыты или чуть притворены.

Слышался какой-то неумолкаемый и неопредѣленный гулъ.

Шурочка тщетно старалась припомнить, въ какомъ номерѣ стоитъ Благовѣщенскій. Спросить было не у кого, да и оробѣла она послѣ грубаго отвѣта швейцара.

Вдругъ одна изъ дверей съ шумомъ распахнулась. Изъ нея выскочила нѣсколько растрепанная и смѣющаяся дѣвушка въ розовомъ ситцевомъ платьѣ. По ея виду трудно было опредѣлить, кто она такая. За нею потянулась чья-то рука, и на мгновенье показалась было и вся фигура обладателя этой послѣдней, но, замѣтивъ постороннюю, быстро скрылась, и дверь захлопнулась.

— Asinus!—громко произнесла дѣвушка, натыкаясь на Шурочку.

— Вамъ кого?

— Благовѣщенскій, не знаете ли, гдѣ тутъ? — несмѣло освѣдомилась та.

— Да вонъ онъ сидитъ.

Дѣвушка указала на полуотворенную дверь наискосъ.

Шурочка отворила ее и остановилась на порогѣ, не рѣшаясь войти.

Повернувшись къ ней спиной, на низенькомъ табуретѣ сидѣлъ, уткнувшись носомъ въ разложенныя на раскрытомъ ломберномъ

столѣ лекціи, Благовѣщенскій. Онъ не слыхалъ, какъ она вошла, и вполголоса продолжалъ читать, изрѣдка вставляя короткія восклицанія. Шурочка, молча, разглядывала его могучую плотную фигуру и бѣлый крѣпкій затылокъ, на который завитками падали рыжеватые волосы.

— Благовѣщенскій!—наконецъ отважилась она позвать.

Тотъ повернулъ къ ней лицо, и все оно освѣтилось добродушной и радостно удивленной улыбкой.

— Никакъ въ гости пришли, гордячка? Что-жъ стоите? Идите сюда.

И, не вставая съ мѣста, онъ протянулъ ей навстрѣчу обѣ руки.

Она подошла.

— Вотъ что: пойдемте къ намъ,—сказала она.

— Ну, нѣтъ-съ, слуга покорный! Некогда, да и надоѣли мнѣ эти ваши конспираторы, чортъ бы ихъ побралъ! Оставайтесь лучше чай пить.

— Никого нѣтъ у насъ. Я пришла васъ просить пойти посмотрѣть маленькаго.

— А что съ нимъ?

— Не знаю. Только мнѣ стало страшно. Не кричитъ онъ теперь, тихій и будто спитъ, а глаза открыты... и дышетъ странно: будто вздрагиваетъ.

— Накричался и спитъ. Чего-жъ страшнаго? Мать гдѣ?

— Ольга давно ужъ ушла, а я безъ нея боюсь. Ему, кажется, очень плохо. И на ручкахъ у него, я замѣтила, на ладошкахъ точно пузыри отъ обжога вздулись,—сыпь что ли какая. Подите, посмотрите.

Благовѣщенскій сдѣлался внимательнѣе.

— Да вотъ что,—проговорилъ онъ: — мокрые пузыри показались, вы говорите. Ну, это дѣло швахъ. Давно онъ у васъ такъ?

— Пузыри только сегодня.

— Нѣтъ, не пузыри, а кричать пересталъ?

— Часа три, если не больше.

— Ольга Александровна куда же ушла?

— По дѣлу. Лекціи достать нужно.

— Гм!... Нашла время. Сама на ногахъ не стоитъ, а туда же лекціи понадобились. Вы что-жъ не удержали?

— Не слушается.

— Такъ-съ. Идти мнѣ къ вамъ не зачѣмъ: все равно умретъ.

— Умретъ?!

— Непремѣнно, если ужъ не умеръ.

Шурочка быстро двинулась къ двери.

— Да куда-жъ вы? Посидите минутку. Я радъ вамъ.

— Такъ не пойдете?

— Незачѣмъ.

— Умереть?

— Навѣрно.

— Да вы, быть можетъ, ошибаетесь?

— А коли ошибаюсь, тогда надо меня въ шею съ медицинскаго факультета. Говорю вамъ—конецъ.

— Отчего это бываетъ?

— Отъ плохаго питанія. Не останетесь?

Шурочка, не отвѣчая, бросилась вонъ изъ комнаты и побѣжала домой. Тамъ она все застала попрежнему.

Ѳедосья, сидѣвшая около ребенка, уступила ей мѣсто и опять отправилась въ дворницкую.

Ребенокъ продолжалъ лежать почти неподвижно. Иногда онъ раскрывалъ ротикъ и глоталъ воздухъ. Головка его безпомощно свѣшивалась на бокъ.

Комната стала еще мрачнѣе, но взошла луна, и свѣтло-голубой лучъ ея заглянулъ въ окна и облилъ трепетнымъ сіяніемъ бѣлую постель и лежащаго на ней ребенка.

Шурочка не сводила съ него глазъ. Чувство необъяснимаго ужаса и тоскливой жалости росло въ ея груди и душило ее. Горло сжала желѣзная судорога.

Въ корридорѣ хлопнула дверь. Шурочка узнала походку сестры.

Ольга торопливо вошла въ комнату, усталая, измученная, бросила на столъ тяжелую связку лекцій и книгъ и съ раздраженіемъ сказала:

— Замучили, черти! Насилу нашла, у кого взять. Шлялась, шлялась,—измучилась совсѣмъ.

Шурочка молчала.

Ольга вдругъ присмирѣла. Тишина, царившая въ квартирѣ, невольно подѣйствовала и на нее. Она подошла къ постели и шепотомъ спросила:

— Что онъ, Шурочка?

Шурочка продолжала молчать. Она слышала вопросъ сестры и знала, что ей нужно отвѣтить, но въ головѣ ея созрѣла дикая увѣренность, что она не можетъ говорить, что если заговоритъ, то сама испугается своего голоса. И она молчала.

Ольга наклонилась надъ ребенкомъ. Взглядъ ея вдругъ скользнулъ по ярко-блестѣвшему стеклянному рожку, валявшемуся на постели. Она схватила его и поднесла къ губамъ сына. Онъ оставался безучастнымъ. Тогда новая безумная надежда засвѣтилась въ ея усталомъ, больномъ сердцѣ. Она торопливо разстегнула лифъ платья и, взявъ ребенка на руки, прижала его къ изсохшей груди. Онъ не бралъ ея. Вдругъ ей показалось, что онъ ростетъ у нея на рукахъ. Все тѣльце его какъ-то странно вытягивается. Большіе темные глаза дѣлаются еще больше, и взглядъ этихъ широкораскрытыхъ глазъ пріобрѣтаетъ необыкновенную ясность и твер-

дость, между тѣмъ какъ все личико его передергивается, и губки дрожатъ не то отъ смѣха, не то отъ боли.

— Что это съ нимъ?—прошептала Ольга.

— Что это съ нимъ?—еще тише спросила она Шурочку, между тѣмъ какъ лице ея исказилось выраженіемъ скорби и ужаса.

И въ ту же минуту она безпомощно опустила руки и съ тихимъ стономъ упала на полъ. Шурочка едва успѣла подхватить на лету ребенка. Онъ уже умеръ. Она отупѣла и застыла. Ни жалости, ни страха не почувствовала она. Машинально, по привычкѣ ухаживать за больными, чему ее научили въ Воспитательномъ, она взяла съ постели подушку и подложила ее подъ голову сестрѣ. Потомъ принесла изъ корридора плэдъ и накрыла имъ ноги больной. Сдѣлавъ все это, она отошла къ постели. На ней, раскинувъ рученки и подвернувъ головку, лежалъ лицомъ внизъ умершій мальчикъ и медленно холодѣлъ.

Шурочка позвала Ѳедосью. Та не обратила никакого вниманія на Ольгу, но узнавъ, что ребенокъ умеръ, тотчасъ принялась распоряжаться. Она обмыла маленькаго покойника, постлала на столѣ въ сборной простыню и положила его на нее. Долго искала она его чистой рубашки. Наконецъ, Шурочка помогла ей, и вдвоемъ онѣ надѣли не него рубашку до такой степени ветхую, что она походила на тряпку. Маленькій покойникъ былъ небогатъ. У него было такъ мало бѣлья, что онъ успѣлъ износить его за время своей короткой жизни. Одѣвъ его и сложивъ ему ручки крестомъ, Ѳедосья отправилась въ дворницкую. Тамъ она долго рылась у себя въ сундукѣ, наконецъ, вынула кусокъ небѣленой холстины, вернулась съ нею въ сборную и накрыла ею маленькаго покойника. Потомъ она поцѣловала его ручки, отошла къ дверямъ и положила три земныхъ поклона, каждый разъ широко и истово крестясь и со вздохомъ говоря:

— Упокой, Господи!

VIII.

Было девять часовъ вечера. Конспиративная квартира начала понемногу наполняться. Первый пришелъ Благовѣщенскій. Онъ увидалъ въ сборной лежащаго на столѣ маленькаго покойника, подошелъ къ нему и долго разглядывалъ его.

— Что я вамъ говорилъ—?громко сказалъ онъ, входя въ бывшій кабинетъ Вальцевича.

Но здѣсь въ темнотѣ онъ наткнулся на ноги лежавшей на полу Ольги Александровны и едва не упалъ.

— Да что тутъ еще у васъ!—вскричалъ онъ.

— Это сестра. Больна,—равнодушно отвѣтила Шурочка.

— Зачѣмъ же она у васъ на полу? Эхъ, барышня! Нешто это можно! Больна и лежитъ на полу.

— Упала.

— Упала?!

Онъ кликнулъ Өедосью. Вдвоемъ они подняли больную и уложили ее на ту самую постель, на которой незадолго до того умеръ ея сынъ.

— Раздѣть бы ее,—предложила Шурочка.

— Нѣтъ, теперь тревожить не слѣдуетъ,—возразилъ Благовѣщенскій: — а вотъ башмаки снять необходимо, а то ноги затекутъ.

Онъ съ трудомъ стянулъ съ ногъ больной башмаки, укрылъ ее плэдомъ, поправилъ подушки и присѣлъ въ ногахъ на постели.

— Скверное дѣло, барышня!—вздохнулъ онъ.

Шурочка молчала, тупо устремивъ полный равнодушнаго отчаянія взглядъ въ темноту. Мракъ, казалось, сгущался. Они сидѣли безъ огня. У Өедосьи въ кухнѣ горѣлъ ночникъ. Дворникъ Иванъ, большой ея пріятель, зажигая подъ воротами и на лѣстницѣ фонари, обыкновенно заходилъ къ ней въ кухню и наполнялъ его плохимъ фотогеномъ. Өедосья сидѣла теперь у этого ночника и усердно вшивала своему дворнику синія ластовицы въ красную кумачную рубаху, напѣвая вполголоса: «Со святыми упокой!».

— Өедосья!—позвалъ ее Благовѣщенскій:—дай огня.

— Нѣту у меня огня!—сердито огрызнулась она.

Однако, принесла свой ночникъ и поставила на большой столъ въ сборной.

Явилось еще нѣсколько человѣкъ изъ завсегдатаевъ.

Өедосья стояла въ передней и неласково встрѣчала гостей.

— Ишь ты!—ворчала она.—Въ домѣ упокойникъ, а они сами не знаютъ, чего шатаются. Галманы! пра, галманы!

Рыжая еврейка Лейбова, съ красивымъ, но непріятнымъ лицомъ, развязными манерами и неизбѣжной папиросой-пушкой въ зубахъ, и ея сожительница худенькая, маленькая, хорошенькая Тулаева, всегда прилично и скромно одѣтая, застѣнчивая и неловкая, во всемъ подчинявшаяся своей отважной подругѣ,—первыя подошли къ покойнику и съ любопытствомъ оглядывали его.

За ними подошли и студенты.

— Въ гробъ нужно положить,—сказалъ Швигерзонъ, любившій въ качествѣ новокрещенаго еврея показать, что онъ освоился съ новой религіей.

— А гдѣ гробъ?—спросила Лейбова.

— У нихъ денегъ нѣтъ,—шепотомъ сказала Тулаева.

— Я сейчасъ... гробъ,—сказалъ до сихъ поръ молчавшій Гуляевъ и ушелъ.

Они продолжали говорить шепотомъ съ невольнымъ уваженіемъ къ маленькому трупу.

Къ больной никто не входилъ. Шурочка сидѣла у ея изголовья и время отъ времени мѣняла мокрыя тряпки у нея на головѣ. Благовѣщенскій заснулъ на постели въ ногахъ больной.

Гуляевъ вернулся и принесъ гробикъ очень дешевый, не дороже рубля и даже ничѣмъ не обитый.

— А свѣчи?—спросилъ кто-то.

— Какія свѣчи?

— Да вѣдь темно.

— Свѣчи нужно изъ церкви, — авторитетно замѣтилъ опять Швигерзонъ.

— Ну, это, братъ, лишняя роскошь, — забасилъ вдругъ изъ своего угла Бекарюковъ: — думаешь, попы съ тебя за эту штуку мало сдерутъ.

— Молчи ты, труба архангела, — съ досадой остановилъ его Гуляевъ и кивнулъ на дверь, за которой лежала больная.

— Никто и не говорилъ про церковныя свѣчи,—съ раздраженіемъ сказала Лейбова:—просто нужно свѣчей. Не въ потьмахъ же будемъ сидѣть.

— Денегъ больше нѣтъ,— сконфуженно сказалъ Гуляевъ:—за гробъ всѣ отдалъ, что были.

— Швигерзонъ, идите, купите свѣчей,—приказала Лейбова.

— Сколько?—спросилъ онъ.

— Фунтъ.

— Фунтъ много. Куда же?

— Фунтъ, говорю я вамъ!—запальчиво крикнула она.

— Ну, хорошо, хорошо, сейчасъ,—поспѣшилъ онъ успокоить ее.

— Надо чѣмъ нибудь убрать гробикъ,— сказала Гулаева:— нельзя же положить его такъ.—И, взглянувъ на Лейбову, она прибавила:—у насъ есть кисея... Принести развѣ.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

Обѣ вышли. Оставшіеся мужчины перешли въ маленькую угловую комнату и размѣстились тамъ вокругъ ломбернаго стола на вѣнскихъ стульяхъ, которые были составлены туда со всей квартиры.

— Самоварчикъ бы хорошо теперь,—задумчиво произнесъ Гуляевъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.

— Давайте, останемся здѣсь на всю ночь, господа!—предложилъ Бекарюковъ.

— Что-жъ! дѣло возможное,—согласился Гуляевъ.

— Кое-кто еще подойдетъ,—сказалъ Швигерзонъ.

— А самоваръ и приличную случаю закуску соорудитъ намъ Ѳедосья Никитишна. Такъ, что ли, господа? — искушалъ Бекарюковъ.

— Чудесно,

Вернулись Лейбова съ Тулаевой. Пришелъ Швигерзонъ съ фунтомъ свѣчей пятерику и подалъ ихъ Лейбовой.

Ѳедосья принесла откуда-то полдюжины нечищенныхъ, поломанныхъ мѣдныхъ шандаловъ.

— Этого добра много!—сказала она и съ торжествомъ унесла къ себѣ въ кухню свой ночникъ, отдѣлявшій цѣлое облако черной смрадной копоти. Тамъ она опять усѣлась за работу и затянула свое: «упокой, Господи».

Въ сборной убирали маленькаго покойника. Выдвинули столъ на середину комнаты и, за неимѣніемъ скатерти, накрыли его большой простыней. На столъ поставили убранный кисеей гробъ. Онъ имѣлъ теперь нарядный и торжественно-печальный видъ. На бѣломъ фонѣ кисеи трогательно рисовался нѣжный контуръ маленькаго восковаго личика.

Сверху пришла еще одна курсистка Земцова и предложила цвѣтовъ для вѣнчика. Сдѣлали вѣнчикъ и надѣли на голову мальчика.

Теперь все было, какъ слѣдуетъ. И, всетаки, имъ казалось, что обстановка недостаточно торжественна.

— Чего-то не достаетъ,—сказала Земцова.

— Я говорилъ, что надо свѣчи, необходимо свѣчи,—вмѣшался Швигерзонъ.

— И правда, господа.

— Говорятъ вамъ, дорого.

— Поставимъ эти. Не все ли равно?

Швигерзонъ выбралъ три одинаковыхъ подсвѣчника, вставилъ въ нихъ калетовскія свѣчи и, разставивъ ихъ у гроба, одну въ головахъ, а двѣ въ ногахъ по бокамъ, зажегъ ихъ. Онъ торжествовалъ. Тусклый мерцающій свѣтъ озарилъ гробикъ, между тѣмъ какъ углы комнаты тонули во мракѣ.

— Теперь хорошо, — сказали они и все продолжали стоять и смотрѣть. Потомъ всѣмъ стало немного жутко.

— Пойдемте отсюда,—предложила Тулаева.

Они пошли въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ Гуляевъ съ товарищами. На столѣ уже кипѣлъ самоваръ, стояла бутылка съ водкой, плохая лавочная ветчина и полубѣлый съ изюмомъ хлѣбъ. Самоваръ поставила Ѳедосья, и она же купила на общія средства водку и закуску, тронутая тѣмъ, что молодежь позаботилась о покойникѣ.

Земцова сѣла хозяйничать. Рядомъ съ ней помѣстилась Лейбова, потомъ Тулаева. Къ ней подсѣлъ Бекарюковъ. Общество понемногу начинало оживляться. Всѣ чувствовали нѣкоторое пріятное возбужденіе, благодаря тому, что обстоятельства были не совсѣмъ обыкновенныя. Явился изъ норы веселый, добродушный и глуповатый Базилевскій съ неизмѣнной спутницей гитарой подъ

мышкой. Вслѣдъ за нимъ пришелъ еще молодой человѣкъ, гладенькій, чистенькій, съ пухлымъ, розовымъ, покрытымъ веснушками, курносымъ лицомъ и бѣлокурыми прилизанными волосами. Онъ, казалось, былъ изъ порядочной семьи. Звали его Шумиловъ. Подавъ всѣмъ руку, онъ усѣлся въ уголокъ.

Оба совершенно равнодушно отнеслись къ извѣстію о смерти маленькаго Виктора. Да и всѣ присутствующіе уже перестали интересоваться имъ.

— Когда Мензбиръ свою диссертацію защищалъ, былъ кто нибудь?—спросилъ Гуляевъ.

— Изъ нашихъ, кажется, никого не было,— отвѣтилъ Шумиловъ.

— Ну, что-жъ хороша была диссертація? — заинтересовался Гуляевъ.

— Вздоръ! Компиляція! Ламброзо и Розанова ограбилъ, у Бернгейма понадергалъ. Впрочемъ, сошло отлично. Слогомъ владѣетъ подлецъ!

— Кто возражалъ?

— Фатѣевъ былъ. Споріусъ придрался было немножко, для виду, понимаете? Кузьмичевъ подъ конецъ пріѣхалъ. Ну, онъ ничего не возражалъ, диссертанта похвалилъ, смѣется, барынямъ ручки жметъ. Бестія!

— Что и говорить! Шельма!—согласился Гуляевъ.

— Умный человѣкъ!—отозвался съ убѣжденіемъ Швигерзонъ.

— Большой плутъ! Мошенникъ первой руки! Къ паціентамъ только что въ карманъ не лѣзетъ!—раздались голоса.

— Сами докторами собираетесь быть, господа, — сказала Лейбова:—а вотъ какъ докторовъ честите.

— Такъ и надо его. Въ пять лѣтъ два дома нажилъ да больницу.

— Такъ вѣдь онъ знаменитость.

— А чортъ съ нимъ и съ его знаменитостью! Бросьте его!—крикнулъ Базилевскій.

Съ другой стороны стола тихо говорили Бекарюковъ и Тулаева.

Бекарюковъ неуклюжій, толстый, съ огромной четвероугольной, черноволосой головой, съ бычачьимъ взглядомъ непріятныхъ мутнокарихъ глазъ и толстой красной шеей сидѣлъ, совсѣмъ согнувшись, на своемъ стулѣ, положивъ подбородокъ на столъ, и говорилъ что-то горячо и убѣдительно гудящимъ басистымъ шепотомъ Тулаевой, которая видимо чѣмъ-то затруднялась. Къ ихъ бесѣдѣ уже давно съ интересомъ прислушивался Шумиловъ. Нужно замѣтить, что онъ одинъ изъ всей компаніи не пилъ водки. Даже барышни не отказались и выпили по рюмкѣ.

— Поймите же,—говорилъ Бекарюковъ:—я съ вами на чистоту дѣло веду. Какой-нибудь кисляй на колѣнки бы передъ вами сталъ

и ручки бы ваши лизалъ, а пришелъ бы вѣдь къ тому же. А я вамъ безъ всякаго ломанья, какъ эманципированной женщинѣ, говорю: согласны вы, или нѣтъ? Ну-съ?

Шумиловъ наконецъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—закипятился онъ, вскакивая съ покраснѣвшимъ и до комизма смѣшнымъ лицомъ.—Это... это... я не знаю, господа, что такое... это... Въ первый разъ слышу, чтобъ такъ говорили съ женщиной.

— Это ты мнѣ?—повернулся къ нему всѣмъ туловищемъ Бекарюковъ.

— Тебѣ.

— Что-жъ это вамъ такъ не понравилось? — нагло прищуриваясь, протянулъ Бекарюковъ.

— Да вѣдь это... ужъ безобразіе, господа! — продолжая обращаться ко всѣмъ, кричалъ Шумиловъ: — это... это... цинизмъ какой-то подлый!

— Ахъ, ты тряпка, дрянь!—вдругъ обозлился Бекарюковъ:—ретрограды проклятые! Маниловщину въ идеалъ возвели! «Русскимъ Вѣстникомъ» зачитываетесь! На «Московскихъ Вѣдомостяхъ» воспитали васъ.

Онъ и еще что-то кричалъ, но вмѣсто словъ изо рта его вылетало какое-то безсвязное бормотанье.

Тулаева сильно покраснѣла и, вставъ, направилась къ двери.

Вошелъ съ измятымъ, заспаннымъ и усталымъ лицомъ Благовѣщенскій и положилъ конецъ этой сценѣ. Полчаса тому назадъ онъ проснулся и, замѣтивъ, что Шурочка едва не падала отъ усталости, уговорилъ ее лечь въ комнатѣ рядомъ съ сборной. Она согласилась и не успѣла лечь, какъ заснула свинцовымъ сномъ. Сначала онъ сидѣлъ у постели больной и время отъ времени поправлялъ то то, то другое, или прикладывалъ руку къ головѣ Ольги, стараясь на ощупь опредѣлить температуру. Потомъ, наскучивъ этимъ и видя, что больная крѣпко спитъ и въ компрессахъ нѣтъ надобности, онъ рѣшилъ оставить ее не надолго и пойти выпить чаю.

— Чайку, гражданскія супруги, соблаговолите!—обратился онъ, входя, къ барышнямъ.

— Вы еще, должно быть, не проснулись, Благовѣщенскій?—язвительно прошипѣла Лейбова.

— Нѣтъ-съ, проснулся и выспался. Даже сонъ очень скверный успѣлъ увидать.

— Какой это?

— Приснилось мнѣ, что вы изволите находиться при мнѣ въ качествѣ законной супруги. Только то и спасло, что спалъ, а то непремѣнно бы въ обморокъ упалъ.

— Да ужъ это вы только во снѣ и могли видѣть,—обозлилась Лейбова.

— Оттого-съ и благодушествую. А кстати и водка тутъ. Разлюбезное дѣло!

Гуляевъ взялъ бутылку и поднялъ ее на свѣтъ.

— Ну, братъ,—обратился онъ къ Благовѣщенскому:—утѣшайся тѣмъ, что въ природѣ нѣтъ пустоты.

— Въ природѣ-то нѣтъ, а въ бутылкѣ-то оказывается пустота,—захихикалъ своей остротѣ Шумиловъ.

— Грустное обстоятельство! — вздохнулъ Благовѣщенскій: — чтобы оставить рюмочку! Эгоисты бездушные!

Въ комнатѣ становилось шумно. Бекарюковъ утѣшился и вполголоса пѣлъ:

«Гдѣ прежде процвѣтала
«Троянская столица,
«Тамъ въ наши времена
«Посѣяна пшеница!»

— Нѣтъ, постойте! ну, зачѣмъ же вы это поете? Лучше давайте вмѣстѣ что нибудь другое, — перебилъ его Швигерзонъ, не имѣвшій никакого голоса, но большой любитель пѣнія.

И, вытянувшись во весь свой маленькій ростъ, даже поднявшись на цыпочки, онъ затянулъ съ меланхолическимъ видомъ заунывнымъ и фальшивымъ фальцетомъ:

«Что такъ вѣтеръ воетъ глухо?»

Бекарюковъ, пригнувъ голову къ груди, полузакрывъ глаза и покачиваясь изъ стороны въ сторону всѣмъ своимъ грузнымъ станомъ, басомъ подпѣвалъ съ самоуслажденіемъ:

«Али воля отнята?
«Нѣтъ, то плачетъ мать старуха:
«Сынъ попался въ некрута».

Здѣсь имъ стала потихоньку подтягивать оправившаяся отъ недавняго испуга Тулаева, а за ней къ хору присоединился удивительно сильный, рѣзкій и самоувѣренный контральтъ Лейбовой:

«Въ чужедальную неволю,
«На солдатское житье,
«Проклиная злую долю,
«Онъ уходитъ отъ нея.
«Ты, прощай, моя родная,
«Отъ сегодня навсегда!
«Умереть тебѣ, пока я
«Отслужу свои года.
«Горекъ черствый хлѣбъ солдата,
«И труды-то тяжелы,
«Да и скораго возврата
«Нѣтъ изъ этой кабалы».

Послѣднюю строфу пѣли всѣ. Даже Благовѣщенскій невольно былъ увлеченъ общимъ одушевленіемъ. Чувствительная Земцова такъ растрогалась подъ конецъ, что тихонько вытерла слезинку.

— Что-жъ, господа, водки-то такъ и не будетъ?—спросилъ Бекарюковъ, поглядывая на опорожненную бутылку.

Ему никто не отвѣчалъ.

Вошла Ѳедосья съ работой въ рукахъ и стала въ дверяхъ.

— Вы бы хушь Господа Бога постыдились,—укоризненно проговорила она: — нѣтъ на васъ погибели. Въ домѣ упокойникъ, а они пѣсни да водку. Уходили бы што ли...

Они немножко притихли.

— По покойнику,—сказалъ Швигерзонъ:—надо читать. Псалмы выбраны на этотъ случай, ихъ и надо читать.

Ѳедосья даже взвизгнула отъ негодованія.

— Ну, скажите, люди добрые! Ну, что-жъ это за оглашенный такой! У него душка андельская, онъ маладенчикъ, прямо на небо пойдетъ, а ты его отчитывать вздумалъ. Ты бы о своей лучше душѣ подумалъ. По тебѣ-то какой такой салѝмъ читать будутъ, прости Господи!

Она замолчала и начала вдѣвать нитку.

— Для Ванички стараетесь, Ѳедосья Никитична? — обратился къ ней Благовѣщенскій.

— Не тебѣ же рыжему космачу! Охальники!

— Ѳедосья! Сходи-ка за водкой!—сказалъ Гуляевъ.

— Ишь ты! Хозяинъ какой нашелся! Ты свою бабу найми да и посылай.

— Нѣтъ, ужъ вы, Ѳедосья Никитишна, соблаговолите, — поддержалъ Благовѣщенскій: — у меня сегодня ночное дежурство, подкрѣпиться нужно. Ребята, собирай сорокъ копѣекъ.

— И что ужъ это за народъ такой!—негодовала Ѳедосья.

Однако за водкой пошла.

По уходѣ Ѳедосьи опять поднялся шумъ.

Бекарюковъ гудѣлъ на всю комнату, стараясь доказать Швигерзону, что онъ какъ былъ еврей, такъ и остался евреемъ, хоть и крестился.

— Я же не хочу принадлежать ни къ какой національности, я же выше этого,—старался перекричать его Швигерзонъ:—я за благо всего міра, я—космополитъ.

— Ну, и тѣмъ хуже, чортъ васъ дери!—оборвалъ его Бекарюковъ.

Шумиловъ тихонько затянулъ изъ своего угла фальшивымъ теноркомъ Gaudeamus.

— А, что вы тамъ! — прервалъ его Базилевскій, беря гитару, и, сдѣлавъ бойкій переборъ, залихватски тряхнувъ волосами, запѣлъ:

«Ахъ, гдѣ-жъ тѣ острова,
«Гдѣ растетъ трынъ-трава,
«Братцы?»

Кое-кто сталъ ему подтягивать.

«И Катковъ Михаилъ
«Ужъ доносъ настрочилъ
«Вѣрно,
«А Аксаковъ Иванъ
«Обругалъ за славянъ
«Скверно!»

Лейбова горячо спорила съ Благовѣщенскимъ, который сначала только отсмѣивался, а потомъ разсердился и сталъ отвѣчать дерзостями. Тулаева и Земцова вступились за Лейбову и съ ожесточеніемъ напали на ея оппонента.

Шумъ былъ такой, что трудно было разобрать, кто и что говоритъ. Среди общаго гула голосовъ и пѣсни Базилевскаго выскакивали отдѣльныя словечки.

— Пошли всѣ къ чорту!

— Кузьмичевъ!

— Дарвинъ—болванъ! Это доказано.

— Постой, дай мнѣ сказать...

— Что такое конституція?

— Проституція!

— Женщина всегда стояла ниже мужчины.

— Ложь! Кто смѣетъ говорить противъ Милля?

— Подлецъ ты, и больше ничего!

— И спорить не хочу съ такой дурой, какъ вы.

— Женщины должны сплотиться и тогда онѣ побѣдятъ мужчину.

— Медицина... Извилины мозга... Психологія Бэна...

Хаосъ былъ полный.

Женщины замѣтно старались перекричать мужчинъ и щеголяли учеными терминами.

Даже Земцова одушевилась и раскраснѣлась.

Шумъ этотъ достигъ, наконецъ, комнаты, гдѣ лежала больная, и разбудилъ ее. Она чувствовала себя отдохнувшей и попробовала встать съ постели; это удалось ей, но она была такъ слаба, что принуждена была тотчасъ же сѣсть въ стоявшее у постели кресло. Напрасно она старалась припомнить, что было, и какъ случилось, что она очутилась въ постели,—усилія ея были безплодны. Она ничего не помнила. Вдругъ ее поразила свѣтлая полоска на полу. Она начиналась у самой двери, какъ будто текла изъ комнаты рядомъ и доходила до ея ногъ.

— Что это тамъ такое? — съ недоумѣніемъ спрашивала себя Ольга.—Она встала, шатаясь, подошла къ двери и отворила ее.

— Что это? — опять повторила она, не понимая того зрѣлища, которое представилось ея глазамъ.

Она видѣла, что среди комнаты стоитъ столъ, а на немъ что-то пылаетъ яркимъ, колеблющимся пламенемъ. Сизый легкій дымокъ поднимался къ потолку. Вонъ на томъ концѣ стола вдругъ отдѣльнымъ снопикомъ вырвалось пламя и тотчасъ же упало. Отъ костра летятъ на нее искры и гаснутъ, упадая на полъ. Одна изъ нихъ летитъ совсѣмъ на нее. И вдругъ точно эта искра попала въ ея мозгъ и освѣтила тотъ мракъ, который заволакивалъ его,—она поняла все. Она вспомнила умершаго у нея на рукахъ сына и ту страшную боль и мучительную тоску, которыми эта смерть сокрушила все ея существо, и поняла, что на этомъ кострѣ горитъ все, что осталось ей отъ ея дорогаго, обожаемаго мальчика.

Она сдѣлала два твердыхъ и стремительныхъ шага впередъ, чтобы вырвать его изъ пламени. Вдругъ силы оставили ее. Она зашаталась, съ губъ ея сорвался нечеловѣческій, полный безумнаго отчаянія крикъ, и она упала въ новомъ, сильнѣйшемъ припадкѣ на полъ.

— Молчать, черти! — вдругъ крикнулъ Гуляевъ, покрывая всѣ голоса.

Шумъ смолкъ.

— Мнѣ послышалось, что больная зоветъ,— сказалъ онъ:— мы и забыли про нее.

— Я пойду,— вызвалась Земцова.

Она вернулась тотчасъ же, вся блѣдная отъ испуга.

— Тамъ пожаръ,—задыхаясь, объявила она.

Благовѣщенскій первый вскочилъ и бросился въ сборную. Онъ прежде всего поднялъ на руки больную и понесъ ее на постель, предоставляя всѣмъ остальнымъ управляться, какъ знаютъ, съ огнемъ. Шурочка проснулась и въ отчаяніи всплеснула руками. Всѣ тѣснились у дверей и не знали, что дѣлать. Подойти къ гробу было нельзя: простыня вспыхнула и огненной волной колыхалась вокругъ стола. Большой опасности, однако, еще не представлялось. Комната была большая, пустая, почти безъ мебели, стѣны ея были оштукатурены. Огненные языки тамъ и сямъ лизали полъ, но онъ не загорался. Не поддавалась пока и дубовая доска стола. Огонь пожиралъ гробикъ и лежавшаго въ немъ младенца. Въ комнатѣ носился запахъ жаренаго мяса и сала отъ догорѣвшихъ свѣчей. Подъ потолкомъ стояло цѣлое облако чаднаго дыма.

Ѳедосья вернулась съ водкой и увидѣвъ, что дѣлается, бросилась въ кухню, схватила ведро воды и плеснула имъ на огонь.

Пламя потухло. Комната сразу наполнилась смраднымъ, мутнымъ чадомъ.

Благовѣщенскій, уложивъ больную, показался въ дверяхъ и немедленно привлекъ на себя вниманіе Ѳедосьи.

— Эй ты, косматый! — крикнула она ему: — догадайся хушь окошко-то раскрыть, умная голова! Задохнешься тутъ съ вами.

Благовѣщенскій обернулся къ окну, взмахнулъ тяжелымъ кулакомъ и ударилъ имъ въ переплетъ. Стекла со звономъ посыпались на полъ. Конспиративная квартира мигомъ опустѣла. Вся компанія, какъ будто испугавшись чего-то, поспѣшила разойтись.

Благовѣщенскій подошелъ къ Шурочкѣ, которая съ тупымъ отчаяніемъ глядѣла неподвижнымъ взглядомъ на то, что фантастическимъ пятномъ чернѣло на столѣ, и, казалось, не помнила, гдѣ она.

— Послушайте,— сказалъ онъ:— какъ же вы теперь? За больной присмотръ нуженъ: она очень опасна.

Шурочка молчала.

— Нечего и думать держать ее дома,—продолжалъ онъ.—Завтра необходимо свезти въ больницу. Но ночь-то, всетаки, придется повозиться съ ней. Слышите вы, что я говорю?

Она, молча, указала ему на столъ, видимо угнетенная мыслью о томъ, что только что произошло.

— Э, это послѣ! — досадливо сказалъ онъ. — Хотите, чтобъ я остался съ вами до утра? А то вѣдь вамъ страшно.

— Всѣ ушли?

— Всѣ. Ни одной собаки не осталось, да и чортъ съ ними! Такъ оставаться мнѣ?

— Помогите хоть вы! — съ мольбой протянула она къ нему руки.

— Да неужто вы думали, что я и въ самомъ дѣлѣ уйду? Разумѣется, останусь,—отвѣтилъ онъ, проходя въ комнату больной.

Шурочка машинально послѣдовала за нимъ. Онъ затворилъ за собой дверь и, осторожно ступая, подошелъ къ постели. Ольга лежала въ глубокомъ забытьѣ. Онъ пощупалъ у нея пульсъ, поправилъ плэдъ, которымъ она была прикрыта, и присѣлъ на край постели. Шурочка стояла напротивъ у окна. Она очень устала, но не садилась, подавленная неяснымъ, но мучительнымъ сознаніемъ своего несчастія, которое было сильнѣе усталости и заставляло забывать о ней.

Вдругъ она увидѣла, что Благовѣщенскій поднимается и стремительно подходитъ къ ней.

— Еще что нибудь случилось! — мелькнула у нея въ головѣ равнодушная мысль, и исполненная ужаснаго предчувствія, — ей смутно представилось, что сестры уже нѣтъ въ живыхъ,—она невольно сдѣлала шагъ къ нему на встрѣчу.

Онъ остановился передъ ней и вглядывался въ ея лице.

Она напряженно ждала, что онъ скажетъ.

— Хоть бы вы за мою особенную доброту меня потѣшили,— тихо проговорилъ онъ:—дайте васъ поцѣловать. А, Шурочка?

— А, дѣлайте, что хотите,— тупо произнесла она, понявъ изъ его словъ только то, что онъ говоритъ не о томъ, что она еще жива.

Онъ схватилъ ея руки и, крѣпко сжимая ихъ, наклонился надъ ней и впился грубымъ поцѣлуемъ въ ея холодныя губы.

Она не противилась. Но онъ вдругъ выпустилъ ея руки.

— Господи, что это со мной?—проговорилъ онъ.—И устали же вы, бѣдная! Простите меня! Простите же меня,—беря ее за руку, повторилъ онъ:—ну, скажите, что не сердитесь. Я съ ума сошелъ. Ну, вѣдь прошу прощенія, знаю, что виноватъ. Простите.

Она засмѣялась звенящимъ, мелкимъ, нервнымъ смѣшкомъ.

— Ну, слава Богу, не сердитесь!— сказалъ онъ, наклонился, отыскалъ ея руку и поцѣловалъ.

Она не замѣтила.

Онъ отошелъ къ постели больной и всю ночь ухаживалъ за ней.

Шурочка, измученная и потрясенная, заснула, какъ убитая, въ креслѣ у окна.

— А я ужъ хотѣлъ будить васъ,—сказалъ ей, когда она проснулась утромъ, Благовѣщенскій, стараясь не встрѣчаться съ ея взглядомъ.—Теперь девять часовъ. Я сейчасъ долженъ пойдти и устроить ее въ больницу.

— А если не примутъ?

— Примутъ. У меня тутъ въ Екатерининской ординаторъ знакомый. Да ужъ примутъ. Вы не оставляйте ея. Лекарствъ пока никакихъ давать нельзя. Опасная штука.

Онъ ушелъ.

Шурочка сѣла около больной сестры и не отходила отъ нея. Въ комнату рядомъ она не рѣшалась даже заглянуть. При одной мысли о томъ, что было тамъ, душа ея наполнялась ужасомъ и горемъ. Благовѣщенскій скоро вернулся и объявилъ, что сейчасъ увезетъ больную и сдѣлаетъ все, что нужно.

— Насилу упросилъ принять,— хлопотливымъ тономъ разсказывалъ онъ.—Всѣ мѣста заняты. Пришлось въ палату лишнюю койку поставить. Они этого не любятъ. Осень. Больныхъ пропасть—мрутъ, какъ мухи.

Шурочка помогла собрать все необходимое.

Съ помощью дворника Благовѣщенскій на рукахъ снесъ больную на извозчика и повезъ въ больницу.

На этотъ разъ Шурочка съ такой силой почувствовала свое одиночество, что у нея явилась мысль бросить все и бѣжать, куда глаза глядятъ, изъ этой страшной квартиры.

Но она вспомнила, что въ комнатѣ рядомъ еще лежитъ онъ, и не рѣшилась оставить его, ей было жаль разстаться съ нимъ. Тѣмъ не менѣе ей было страшно въ большой покинутой квартирѣ, и она съ тоскливымъ нетерпѣніемъ ждала Благовѣщенскаго, прислушиваясь къ малѣйшему шороху и каждую минуту думая, что по лѣстницѣ раздаются его шаги. Время отъ времени ее пугала мысль, что въ квартиру войдетъ кто нибудь чужой, и она жалѣла, что не заперла за Благовѣщенскимъ наружной двери, и хотя это можно бы было сдѣлать и теперь, она, однако, не рѣшалась идти въ переднюю и продолжала неподвижно сидѣть около постели, охваченная нервнымъ оцѣпенѣніемъ.

Наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу явился Благовѣщенскій.

Онъ привезъ съ собой новый гробикъ, немногимъ лучше перваго, обитый внутри дешевымъ коленкоромъ, съ подушкой жесткой, какъ камень, и уложилъ въ него обгорѣлые останки.

Ѳедосья подмела по его приказанію полъ. Комната приняла болѣе приличный видъ. На столѣ опять стоялъ гробикъ, только не такой нарядный, какъ вчера, и въ томъ, что лежало въ немъ, нельзя было признать миловиднаго мальчика.

— Вы здѣсь не оставайтесь, — сказалъ Благовѣщенскій Шурочкѣ.—Зачѣмъ вамъ такая огромная квартира? Вы пока можете поселиться у кого нибудь изъ нашихъ, хоть у Лейбовой.

— А мебель?

— Мебель найдемъ, куда поставить. Я ужъ, признаться, сегодня объ этомъ потолковалъ. Мебель у васъ возьметъ Бекарюковъ.

— На что ему?

— Да вотъ, видите ли, я его встрѣтилъ сейчасъ въ больницѣ, такъ онъ мнѣ разсказалъ, что хотя они вчера съ Тулаевой и поссорились,—впрочемъ, вы вчерашней исторіи не знаете, — только теперь они помирились. Они теперь вмѣстѣ жить будутъ. Присмотрѣли себѣ квартиру у одной тутъ солдафонши, только безъ мебели. Такъ вотъ вы имъ, значитъ, услугу окажете. Имъ эта вся дрянь нужна.

— А какъ быть съ Ѳедосьей?

— Нашли, о комъ безпокоиться: перетащитъ ваша Ѳедосья свой войлокъ внизъ къ Ваничкѣ, и вся недолга. О квартирѣ вамъ тоже думать нечего. Съ васъ не имѣютъ права требовать уплаты, а больше не съ кого. А хозяину отъ того, что онъ какихъ нибудь тридцати рублей съ васъ не сорветъ, повѣрьте, ни жарко, ни холодно. И такъ карманъ набилъ. Да, вотъ еще что забылъ. Бекарюковъ говоритъ, что онъ вамъ за весь этотъ хламъ, пожалуй, рублей тридцать дастъ, только не теперь. Бѣдствуетъ онъ. Голенищи срѣзалъ.

— Какія голенищи?

— У сапогъ голенищи. Что это вы какая непонятная?

— Зачѣмъ?

— Ахъ, ты, Боже мой! Ну, голенищи на сгибахъ протираются, понимаете? Дыры на кожѣ, ну, онъ и отрѣзалъ ихъ. Я, говоритъ, люблю ходить въ штиблетахъ.

— Значитъ, очень бѣдный?

— Какой бѣдный! Отецъ у него купецъ богатый, деньги ему хорошія присылаетъ—по триста рублей въ треть. Да негодяй онъ большой, кутила и пьяница, вообще дрянь человѣчишко. И потому постоянно въ долгу. Развѣ вотъ теперь на мѣсяцъ остепенится, какъ съ Тулаевой сошелся.

— Зачѣмъ же она... если онъ такой... гадкій?

— Ну, это не скажите. Бекарюковъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже и очень привлекательный субъектъ. Ну, да вы этого не понимаете.

— А съ нимъ какъ быть?—указала она на дверь сборной.

— Объ этомъ тоже не безпокойтесь; безъ васъ похоронимъ. У кого было его метрическое свидѣтельство?

— У меня.

— Отлично-съ. Пожалуйте его мнѣ.

— У меня нѣтъ его больше.

— Гдѣ же оно?

— Когда мы его убирали, я вложила его ему въ ручку.

— Да вы что, съ ума сошли что ли?

— Да вѣдь всегда такъ дѣлаютъ. Покойникъ умретъ, ему въ руку его видъ вкладываютъ. Это обычай.

— Да какой болванъ вамъ это сказалъ?

— Швигерзонъ сказалъ, да я и сама знаю.

— Ну, такъ скажите вы вашему Швигерзону, что онъ пѣтый дуракъ, оселъ, понимаете? Что я теперь съ нимъ безъ вида дѣлать буду? Затаскаютъ по участкамъ. Еще въ дѣтоубійствѣ васъ съ сестрой обвинятъ. Свяжись только съ вами—жизни не радъ!

— Что же теперь дѣлать?—съ такимъ огорченіемъ спросила она, что ему стало жаль ее.

— Ничего. Все уладится. Я ухожу сейчасъ. А вы собирайтесь да и отправляйтесь подобру-поздорову къ Лейбовой. Вечеркомъ я туда понавѣдаюсь.

Онъ ушелъ. Она собрала небольшой узелъ и одѣлась. Все время она упорно избѣгала глядѣть на покойника. Но когда она совсѣмъ была готова, ей захотѣлось проститься съ нимъ. Подойти къ нему она, всетаки, не могла рѣшиться. Остановившись въ дверяхъ, она смотрѣла на бѣлый гробикъ, стараясь, чтобъ глаза ея приходились ниже его края, и воображеніе рисовало ей тонкія, нѣжныя черты малютки.

Она стояла и не могла оторваться. Вдругъ что-то забытое, что никогда во все время ея житья въ этомъ большомъ городѣ не на-

поминало ей о себѣ, но что пряталось гдѣ-то глубоко внутри ея существа,—поднялось и заговорило въ ней.

Вспомнилась далекая степная родина, мать-старушка, дѣтство и еще что-то милое, дорогое, невозвратное, незабвенное...

Она упала на колѣни и, кладя поклоны и крестясь, безсвязно зашептала отрывочныя слова когда-то знакомыхъ и теперь забытыхъ молитвъ.

— Господи Іисусе Христе! Пресвятая Дѣва!... Царю Небесный! Утѣшителю... Господи помилуй! Упокой его, Боже!... Господи, прости насъ... спаси насъ...— горячо лепетала она, между тѣмъ какъ крупныя, жгучія слезы медленно катились по ея молодому блѣдному лицу, на которое страданіе уже наложило свое неизгладимое скорбное клеймо.

Слезы облегчили ее. Она поднялась съ колѣнъ, взяла свой узелокъ и, кинувъ послѣдній прощальный взглядъ на гробикъ, вышла изъ квартиры. Сойдя внизъ, она отворила дверь въ темную тѣсную дворницкую и, увидѣвъ сидѣвшую подъ окошечкомъ Өедосью, сказала ей:

— Прощай, Өедосья! Я ухожу.

— Ночевать-то придете што ли?—спросила Өедосья.

— Нѣтъ... Квартира не заперта... Ты присмотри.

— Небойсь, извѣстно присмотримъ. Упокойника-то когда-жъ хоронить будете?

— Не знаю.

— Ну, што-жъ, ваше дѣло. Я посижу съ нимъ.

— Такъ прощай, Өедосья!—повторила Шурочка, уходя.

Өедосья встала съ своего мѣста, подошла къ двери и, провожая Шурочку, вдругъ проговорила голосомъ, полнымъ задушевной ласки и жалостливаго участія:

— Прощайте, барышня милая!... Пошли вамъ Богъ!...

Шурочка, удивленная и растроганная, обернулась къ ней и нѣсколько разъ кивнула ей дружески и признательно головой.

Только черезъ пять дней разрѣшили хоронить младенца. Шурочку два раза вызывали въ кварталъ, но особенно не тревожили.

Скорѣйшему окончанію дѣла очень помогла Өедосья своимъ толковымъ показаніемъ. Домовый дворникъ подтвердилъ его.

Благовѣщенскій одинъ отвезъ на кладбище маленькаго покойника и похоронилъ его. Шурочка не могла присутствовать на похоронахъ малютки. Новое горе поразило ее. Въ ночь, ни разу не придя въ сознаніе, тихо скончалась въ больницѣ Ольга.

VIII.

Отъ природы кроткая и тихая, Шурочка за послѣднее время научилась безропотно, почти равнодушно, принимать удары судьбы, не жалуясь и не пытаясь бороться. Всякое проявленіе посторонняго участія она встрѣчала съ недовѣрчивымъ, недоумѣвающимъ изумленіемъ. Денегъ у нея не было ни копейки, и она знала, что достать ихъ неоткуда, да она и не думала о томъ. Единственное средство—написать матери о своемъ положеніи—ей даже не приходило въ голову. У нея какъ-то опустились руки. Ею овладѣла апатія безнадежности. Отчасти это происходило и отъ того, что нужда въ деньгахъ пока не давала себя чувствовать. Съ тѣхъ поръ, какъ Шурочка поселилась у Лейбовой, она сдѣлалась предметомъ заботъ и попеченій всѣхъ обитателей «Руси». Молодежь выказывала ей живѣйшее участіе и дѣлилась съ ней, чѣмъ могла. Вечеринки «клуба Ковицкаго дворянства» прекратились, и шумное веселье, присущее «Руси», на время удалилось, какъ бы почувствовавъ себя не у мѣста. Всѣ уважали горе Шурочки и вели себя тихо и сдержанно. При ней никогда не упоминали имени Вальцевича изъ того тонкаго деликатнаго чувства, которое понимается только сердцемъ. Впрочемъ и между собою они не говорили о немъ отчасти потому, что потеряли его изъ виду, а отчасти и потому, что говорить было нечего. Каждый смутно сознавалъ про себя, что Вальцевичъ въ чемъ-то виноватъ, что къ нему не лежитъ сердце, но опредѣлить эту вину никто не умѣлъ, и всѣ ограничились тѣмъ, что затаили къ нему непріязненное, почти враждебное чувство. Зато всѣмъ точно хотѣлось вознаградить за что-то Шурочку и Ольгу. Послѣднюю они по очереди ежедневно навѣщали въ больницѣ. Всѣмъ было очевидно безнадежное положеніе больной, всѣ ждали со дня на день ея смерти и всѣ точно торопились воспользоваться короткимъ срокомъ, чтобы показать ей свою любовь и участіе. Такъ шло до самаго послѣдняго дня, когда пришла вѣсть о ея смерти. Шурочка получила увѣдомленіе больничнаго начальства рано утромъ. Не смотря на то, что она давно отчаялась въ благопріятномъ исходѣ, она была потрясена до глубины души.

Лейбова, еще лежавшая въ постели, поторопилась одѣться, коекакъ успокоила рыдавшую Шурочку, и вдвоемъ онѣ отправились въ больницу. Всю дорогу онѣ бѣжали, повинуясь какому-то инстинктивному чувству, не говоря другъ другу ни слова, боясь опоздать.

Швейцаръ, узнавъ, что онѣ пришли къ покойницѣ, не смотря на ранній часъ, пропустилъ ихъ по парадной лѣстницѣ. Онѣ, все спѣша, взбѣжали наверхъ и, полныя тревожной неловкости и неяснаго мучительнаго сомнѣнія, вступили въ палату, гдѣ лежала Ольга. Но тамъ ея уже не было. Ея койка стояла пустая, несмя-

тая, покрытая чистымъ, свѣжимъ бѣльемъ. При взглядѣ на нее у Шурочки тихо заныло сердце.

Палатная нянюшка, узнавъ ихъ, подошла къ нимъ и сказала:

— Въ мертвецкую пожалуйте. Туда перенесли.

И, какъ бы извиняясь, прибавила:

— У насъ на это строго-съ. Нельзя. Пожалуйте за мной.

Онѣ, молча, послѣдовали за ней.

Она провела ихъ по широкому, длинному коридору, который ярко освѣщали два громадныхъ противоположныхъ окна, и, указавъ на стеклянную дверь, сказала:

— Это крыльцо выходитъ во дворъ. Тамъ спросите.

Онѣ спустились по лѣстницѣ и нерѣшительно пошли по деревяннымъ морсткамъ, начинавшимся у самой двеви.

— Какъ пройти въ мертвецкую?—спросила Лейбова у попавшагося навстрѣчу служителя.

— А такъ все и идите, какъ идете,—отвѣтилъ тотъ.

Онѣ обогнули больничный флигель, прошли мимо нѣсколькихъ лѣтнихъ бараковъ, теперь наглухо заколоченныхъ. Здѣсь мостки шли подъ гору вплоть до маленькаго, приземистаго, точно вросшаго въ землю кирпичнаго строенія съ крошечнымъ, слѣпымъ, квадратнымъ окномъ и настежь растворенною тяжелою, низенькой дверью.

Прислонясь къ ней, стоялъ сѣдой, дряхлый старикъ-сторожъ изъ отставныхъ унтеровъ въ стареньkомъ выношенномъ мундирѣ, съ маленькимъ, сморщеннымъ, добродушнымъ лицомъ и съ видимымъ наслажденіемъ сосалъ коротенькую трубку.

Лейбова взяла Шурочку за руку и рѣшительно переступила порогъ. Холодная, промозглая, насквозь пронизывающая, сырость сразу охватила ихъ. Съ землянаго пола несло холодомъ. Низкій сводчатый потолокъ, казалось, давилъ плечи и голову. Не смотря на то, что противъ двери было еще окно, въ первую минуту ничего невозможно было разглядѣть. Мало-по-малу изъ полумрака выплыла вся зловѣщая обстановка мертвецкой. Она была невелика и помѣщалась приблизительно на пространствѣ трехъ квадратныхъ саженъ. По задней стѣнѣ были разставлены параллельно козла съ узкими проходами между ними. На козлахъ были настланы доски, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ стояли гробы. Одинъ изъ гробовъ, обитый серебрянымъ глазетомъ, блестѣлъ въ темнотѣ, какъ ледяная глыба. Маленькій деревянный складной аналойчикъ съ прилѣпленной тоненькой восковой свѣчкой и развернутымъ на немъ псалтыремъ стоялъ въ его изголовьѣ. Два другіе гроба были простые сосновые, ничѣмъ не обитые. Крышки гробовъ были прислонены тутъ же къ стѣнѣ въ проходахъ. Вдоль передней стѣны подъ окномъ стояла очень широкая, низенькая скамья, выкрашенная въ черную краску. На ней обыкновенно убирали покойниковъ. Кромѣ входной двери, налѣво въ глубинѣ была еще дверь, на первый

взглядъ едва примѣтная. Она вела въ подвалъ, куда складывались мертвыя тѣла по мѣрѣ того, какъ ихъ приносили изъ палаты, и прикрывались рогожами.

— Гдѣ-жъ она?—съ скорбнымъ недоумѣніемъ спросила Шурочка, догадавшись, что ни въ одномъ изъ стоявшихъ здѣсь гробовъ не можетъ быть тѣла ея сестры.

Сторожъ докурилъ свою трубку, методически вытряхнулъ ее и, войдя, прошамкалъ:

— Къ упокойничку въ гости пришли, барышни?

Лейбова подошла къ нему и объяснила, что имъ нужно.

Онъ долго не могъ понять. Наконецъ сообразилъ и, указывая на дверь въ подвалъ, сказалъ:

— Въ погребѣ, въ погребѣ... всѣ покойнички неприбранные тамъ... всѣ тамъ. Гробовщика пришлете, и уберутъ, а пока... тамъ.

— Ну, такъ надо идти скорѣе,—рѣшила Лейбова.

Онѣ также поспѣшно пошли домой.

Шурочка, какъ только вошла въ номеръ, сѣла, не раздѣваясь, и тяжело задумалась.

— Вы, Ховренко, не безпокойтесь ни о чемъ,—участливо сказала Лейбова:—все сдѣлается. Я вотъ только отдохну немного и примусь за нашихъ.

— Я не о томъ,—отвѣтила Шурочка и направилась къ двери.

— Куда-жъ вы?

— Такъ... мнѣ нужно еще пойти...

— Да отдохните немножко, успѣете.

— Нѣтъ, ужъ я пойду.

Странная мысль явилась у Шурочки. Она рѣшила пойти къ Вальцевичу. Ей нескоро удалось разыскать его.

Она побывала у нѣсколькихъ студентовъ, и никто не могъ сообщить ей его адреса. Наконецъ одинъ изъ его товарищей назвалъ ей одну изъ фешенебельныхъ улицъ и на ней домъ г-жи Агрикопуло.

— Видите ли, онъ прежде тамъ репетиторомъ былъ,—пояснилъ студентъ:—а теперь сыновья ея ужъ взрослые, такъ онъ живетъ у нея нахлѣбникомъ, комнату снимаетъ.

Шурочка взяла у него адресъ и, послѣ довольно продолжительнаго странствованія по улицамъ, безъ особеннаго труда нашла домъ г-жи Агрикопуло. Было около пяти часовъ, когда она позвонила у подъѣзда. Ей отворилъ швейцаръ.

— Кого угодно видѣть: барина или барыню?—спросилъ онъ.

— Мнѣ нужно г. Вальцевича.

— Баринъ объ эту пору никого не принимаетъ,—строго заговорилъ швейцаръ, успѣвъ разглядѣть посѣтительницу:—пожалуйте завтра.

— Мнѣ необходимо его видѣть.

— Нужно видѣть, и пожалуйте завтра въ полчаса одиннадцатаго, потому въ это время они въ нивирситетъ уѣзжаютъ, такъ вотъ утромъ завтра и приходите, а теперь нельзя.

— Мнѣ нужно его видѣть сейчасъ, непремѣнно,—настойчиво повторила она, рѣшивъ про себя не уходить, не видавъ его.

— Да вы мнѣ извольте сказать, что вамъ нужно, я доложу. Можетъ, они и примутъ васъ, — предложилъ удивленный этимъ упорствомъ швейцаръ.

— Я съ нимъ хочу говорить, а не съ вами,—раздражительно отвѣтила она:—подите, доложите ему, онъ долженъ принять меня.

Швейцаръ впустилъ ее.

— Какъ ваша фамилія?

— Ховренко.

Онъ вернулся очень скоро.

— Просятъ, — не скрывая своего недоумѣнія, сказалъ онъ и стащилъ съ ея плечъ худенькое, порыжѣвшее по швамъ пальто.

Она прошла высокую большую залу, оклеенную бѣлыми съ золотомъ обоями, съ большими зеркалами въ золоченыхъ рамахъ и съ мраморными подзеркальниками въ простѣнкахъ, съ бѣлыми тюлевыми гардинами на заставленныхъ цвѣтущими растеніями въ майоликовыхъ голубыхъ горшкахъ окнахъ, потомъ—гостиную, полутемную отъ тяжелыхъ малиновыхъ драпри и темнаго цвѣта обоевъ, на которыхъ рѣзко выдѣлялись тяжелыя золоченыя рамы картинъ, потомъ еще небольшую, красиво отдѣланную сѣрымъ съ пестрыми букетами кретономъ, комнату, похожую на дамскій будуаръ. Здѣсь она остановилась въ недоумѣніи.

— Это вы спрашивали Вячеслава Браниславича? — раздался вдругъ низкій, тягучій, непріятный, говорившій въ носъ, голосъ.

Шурочка обернулась въ ту сторону.

Въ дверяхъ слѣдующей комнаты стояла въ палевомъ нарядномъ платьѣ, пышно отдѣланномъ широкими бѣлыми кружевами и пестрыми лентами, очень толстая и очень низенькая женщина, смуглая, съ лицемъ позднѣйшаго греческаго типа. У нея были изсиня-черные, блестящіе, точно напомаженные волосы, низкій, неумный лобъ, густыя, намазанныя брови, глаза, похожіе на маслины, большой, очень длинный, крючковатый носъ, широкій, чувственный ротъ и жирный двойной подбородокъ.

— Да,—отвѣтила Шурочка.

— Идите въ кабинетъ, — сказала г-жа Агрикопуло и указала на дверь, завѣшанную портьерой.

Шурочка отворила ее и вошла.

Вальцевичъ полулежалъ, заложивъ ногу на ногу на маленькомъ патэ, какъ разъ противъ двери, въ которую вошла Шурочка. По всему видно было, что онъ благодушествовалъ послѣ сытнаго обѣда. Онъ лѣниво слѣдилъ за поднимавшейся къ потолку струйкой си-

неватаго дыма своей сигары и время отъ времени медленно отхлебывалъ изъ стоявшаго передъ нимъ на серебряномъ кругломъ подносикѣ стакана красное вино.

— А! Это вы!—проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ насмѣшливаго удивленія въ голосѣ, не кланяясь и не мѣняя положенія.

Шурочка тотчасъ же поняла, что онъ ждалъ увидать не ее, а Ольгу. Она подошла къ столу и сѣла противъ него.

— Сестра умерла,—произнесла она почти шепотомъ.

— Да?!

Онъ поднялъ свои красивыя, тонкія брови.

— Да.

Оба замолчали.

— Вы хотите, чтобъ я на свой счетъ хоронилъ ее?—спросилъ вдругъ Вальцевичъ.

Она смѣшалась отъ неожиданности вопроса.

— Нѣтъ... я не о томъ,—начала она.—Сестра умерла въ больницѣ,—продолжала она:—конечно, у меня ничего нѣтъ, но тамъ всѣ наши... соберутъ, и это недорого... Нѣтъ, я не затѣмъ, — повторила она.

Вальцевичъ выразилъ на своемъ лицѣ недоумѣніе.

— А... ребенокъ?—вспомнилъ онъ, и досадливая складка появилась у него на лбу.

— Дитя тоже... умерло,—тихо проговорила Шурочка, и глаза ея наполнились слезами.

Лице Вальцевича разгладилось и приняло прежнее тупо-безпечное выраженіе. Онъ лѣниво всталъ съ своего мѣста, медленно, переваливаясь на ходу, подошелъ къ письменному столу, опустился противъ него на стулъ и отодвинулъ средній ящикъ.

— «Какъ онъ пополнѣлъ и постарѣлъ,—думала, глядя на него, Шурочка, только теперь замѣтивъ въ немъ перемѣну. — Ужасно постарѣлъ, даже обрюзгъ»,—продолжала она его разглядывать.

— Вы говорите, у нихъ тамъ соберутъ, устроятъ... подписку,— прервалъ ея наблюденія Вальцевичъ, роясь въ ящикѣ стола:— такъ вотъ-съ...—онъ вынулъ кредитную бумажку, пошуршалъ ею, потомъ взялъ другую и тоже откинулъ, наконецъ третью: — вотъ-съ,—продолжалъ онъ, повертываясь на своемъ стулѣ къ ней лицемъ и протягивая ей развернутую пятирублевку: — такъ какъ подписка, и я съ своей стороны жертвую пять рублей... на гробъ.

Шурочка взяла изъ его рукъ бумажку, сложила ее и сунула между пуговицами лифа.

Вальцевичъ неподвижно сидѣлъ передъ ней, устремивъ на нее пристальный, недоумѣвающій взглядъ, между тѣмъ какъ высоко поднятыя брови его, казалось, спрашивали: «что-жъ ты не уходишь теперь?».

Но она и не думала уходить. Она пришла не за тѣмъ.

— Вы придете на ея похороны?—проговорила она, наконецъ, поднявъ на него робкій, просящій взглядъ.

— Нѣтъ-съ,—рѣзко и какъ-то металлически звонко отчеканилъ онъ.

Она вздрогнула, выпрямилась и, не глядя на него, пошла къ двери.

— Подождите, пожалуйста! — произнесъ онъ вдругъ, догоняя ее и кладя руку на мѣдную ручку замка:—если вамъ когда нибудь нужна будетъ «протэксія», я къ вашимъ услугамъ.

Онъ перевелъ духъ. Шурочка, молча, стояла передъ нимъ, стараясь понять, зачѣмъ онъ это говоритъ.

— Сестра моей бывшей... подруги,—подчеркивая эти слова, закончилъ Вальцевичъ тѣмъ нагло-любезнымъ тономъ, который всегда глубоко оскорблялъ ее:—имѣетъ неоспоримое право на мое особенное вниманіе.

Онъ повернулъ ручку замка и, дѣлая ей низкій поклонъ, отворилъ передъ ней дверь.

Она ничего не отвѣтила. Его выходка ошеломила ее. Ей показалось, что онъ ударилъ ее. Натыкаясь на попадающіеся по дорогѣ предметы, она спѣшила выйдти изъ этого дома.

Пройдя по улицѣ пять или шесть домовъ, она остановилась и сообразила, что идетъ не въ ту сторону. Ей нужно было налѣво, а она повернула направо. Она перешла черезъ улицу и пошла назадъ. Поровнявшись съ домомъ госпожи Агрикопуло, она узнала его и, остановившись, стала глядѣть на него. Свѣтло-кофейнаго цвѣта, большой, одноэтажный домъ, казалось, былъ исполненъ презрительнаго, тупаго довольства и равнодушнаго покоя. Холодно и ярко блестѣли его зеркальныя, чисто вымытыя стекла, «точно глаза Вальцевича»,—подумала Шурочка,—внушительно и строго глядѣли массивныя темныя двери подъѣзда, на которомъ, заложивъ руки за спину и сверкая на солнцѣ пуговицами своей ливреи, стоялъ, съ физіономіей откормленнаго бульдога, объяснявшійся съ нею швейцаръ и лѣнивымъ и сытымъ взглядомъ провожалъ прохожихъ и экипажи.

— «Такъ вотъ онъ какъ!—подумала Шурочка:—еслибъ знала, ни за что не пошла бы къ нему.

Она вспомнила данную Вальцевичемъ пятирублевую бумажку и стала искать ее. Нащупавъ ее на груди, она быстро пошла впередъ, усиленно соображая, на что и какъ употребить эти деньги, но до самаго дома такъ и не рѣшила этого.

Въ «Руси» Шурочка застала почти всю обычную компанію «клуба Козицкаго дворянства» въ сборѣ. Во второмъ номерѣ происходило чаепитіе и шли оживленные дебаты, предметомъ которыхъ были похороны Ольги. Не успѣла Шурочка явиться, какъ Лейбова, разгоряченная и довольная, бросилась къ ней на встрѣчу.

— Ну, Ховренко, не унывайте,— вскричала она: — денегъ у насъ съ вами прорва! Столько собрали, что я и не ожидала.

Въ это время прибылъ Благовѣщенскій. Его тотчасъ же окружили.

— Ну, что, ну, что?

Онъ подошелъ къ столу и положилъ на него двадцатипятирублевую бумажку.

— Отъ петровцевъ и техниковъ,—сказалъ онъ.

Всѣ пришли въ неописанный восторгъ. Бумажка переходила изъ рукъ въ руки. Ее щупали, смотрѣли на свѣтъ, точно никогда не видали раньше.

— Нѣтъ, вѣдь это что-жъ такое, господа! Вѣдь это ужъ прямо солидарность! Это потоварищески, чортъ возьми! —раздавались восхищенные голоса.

— Нѣтъ, вы послушайте, господа, — громче всѣхъ кричала Лейбова:—вы поймите, вѣдь ужасно много собрали: у меня тридцать да эти двадцать пять. Вѣдь это пятьдесятъ пять рублей. Да еще многія курсистки обѣщались завтра дать.

Шурочка вынула данную ей Вальцевичемъ пятирублевку и поспѣшила вручить ее Лейбовой, очень довольная тѣмъ, что, наконецъ, могла отъ нея избавиться.

— Ровно шестьдесятъ! Чудесно!—вскричала обрадованная Лейбова:—гдѣ это вы достали, Ховренко?

И, не дожидаясь отвѣта, она сказала:

— Вѣдь этакъ намъ дѣвать денегъ будетъ некуда. Хоть бы Гуляевъ пришелъ скорѣе!

Гуляеву еще днемъ поручено было заказать гробъ и вообще покончить всѣ переговоры съ гробовщикомъ. Онъ очень долго не соглашался, увѣряя, что совсѣмъ не знаетъ толку въ этомъ дѣлѣ, но его не хотѣли слушать. Всѣ почему-то рѣшили, что онъ блестяще выполнитъ эту миссію. Швигерзонъ съ охотой вызывался взять на себя всѣ хлопоты, но его предложеніе было единогласно отвергнуто, чѣмъ онъ очень обидѣлся.

Гуляевъ не заставилъ себя долго ждать. Его появленіе было встрѣчено цѣлой бурей. Онъ едва успѣвалъ отвѣчать на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ вопросы.

Онъ объяснилъ, что уговорился съ гробовщикомъ за сорокъ рублей, что все будетъ исправно и даже хорошо.

— Пятьдесятъ заломилъ сначала, потомъ сорокъ пять просилъ. Не хотѣлъ уступать. Ну, да я уломалъ его.

— Цѣна хорошая!—отозвался Бекарюковъ:—балдахинъ будетъ?

— Будетъ, серебряный, малодержанный, онъ мнѣ показывалъ,— съ довольнымъ видомъ отвѣчалъ Гуляевъ.

— Гробъ какой?

— И гробъ хорошій, бѣлый глазетовый, съ кистями; ну, и все что тамъ еще нужно: саванъ тамъ и прочее.

— Вотъ это хорошо, что саванъ!—сказала Лейбова:—а то гдѣ бы мы его достали?

— Чудная вы, право. Вѣдь надо же одѣть покойницу!—сказалъ Гуляевъ:—меня и гробовщикъ такъ спрашивалъ: одѣть или сами одѣвать будемъ. Я сказалъ одѣть, потому что кому же у насъ это дѣлать, да и некогда.

— И это отлично,—похвалила Лейбова:—только какъ-то они ее одѣнутъ!

— Говорилъ, что все будетъ хорошо. Онъ мнѣ тамъ кисею показывалъ розовую, голубую и бѣлую. Я велѣлъ бѣлую. Все бѣлое.

Послѣднимъ обстоятельствомъ всѣ были особенно довольны. Гуляева всѣ благодарили, жали ему руку и говорили, что лучше его никто бы не сумѣлъ заказать гроба.

Онъ сконфуженно улыбался.

— Слушайте, господа! — вспомнилъ онъ вдругъ: — я вѣдь собственно шелъ-то сюда вотъ зачѣмъ: вѣдь ее ужъ теперь навѣрно положили въ гробъ, гробовщикъ-то мнѣ черезъ два часа обѣщалъ это сдѣлать и говорилъ, что все къ панихидѣ будетъ готово. Я и заходилъ, чтобъ вамъ сказать, да никого не засталъ. Теперь-то ужъ, я думаю, поздно.

— Панихиду можно отслужить и вечеромъ,—сказалъ Благовѣщенскій: — въ восемь часовъ, кажется, тамъ приходитъ священникъ.

— Разумѣется, панихиду надо,—сказалъ Швигерзонъ.

— Что-жъ пойдемте, господа?—спросилъ Гуляевъ.

— Пойдемъ, пойдемъ,—раздались голоса.

— За панихиду надо платить, Благовѣщенскій?—съ дѣловымъ видомъ освѣдомилась Лейбова, погруженная въ экономическія соображенія.

— За панихиды можно и по двугривенному давать,—отвѣтилъ тотъ:—а вотъ съ отпѣваніемъ я не знаю, какъ вы сдѣлаете. Если обѣдню, то это подороже стоитъ.

— Непремѣнно обѣдню, чтобъ все было какъ можно лучше! Не правда ли, господа?

— Безъ обѣдни что-жъ за похороны, господа!—сказалъ Бекарюковъ.

— Пѣвчихъ нужно приглашать, если обѣдня, — вмѣшался Швигерзонъ.

— Пѣвчимъ меньше десяти рублей нельзя, — сказалъ Бекарюковъ:—а вѣдь еще за могилу надо заплатить. Денегъ не хватитъ.

— Я не знаю, господа, отчего бы намъ не пѣть самимъ,—робко

предложила Тулаева: — вѣдь у насъ есть голоса, Лейбова, напримѣръ.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, давайте сами пѣть,— согласилась Лейбова.—Это будетъ гораздо лучше. Это даже принято.

— Это все хорошо,— поддержалъ Базилевскій: — только вѣдь никто изъ насъ ни въ зубъ толкнуть молитвъ.

— Это пустяки,—возразилъ Благовѣщенскій: —можно по требнику пѣть обѣдню. Главное спѣться нужно. Да вѣдь времени много: можно устроить нѣсколько спѣвокъ. Вы, Базилевскій, отличный регентъ.

Тотчасъ же рѣшили, изъ кого составить хоръ.

Швигерзонъ и тутъ потерпѣлъ неудачу. Рѣшительно никто не хотѣлъ ему повѣрить, что у него «тоже есть голосъ», какъ увѣрялъ онъ. Благовѣщенскій, напротивъ, отказывался, но его упрашивали участвовать въ хорѣ «для подсказокъ», такъ какъ онъ хорошо зналъ церковную службу.

— Ну, ужъ ладно,— согласился онъ:— надо будетъ послѣ панихиды зайти къ священнику предупредить его.

Очень довольная тѣмъ, что все такъ хорошо устроилось, Лейбова вдругъ протянула Благовѣщенскому руку:

— Помиримтесь, Благовѣщенскій!

— Мы съ вами, кажется, не ссорились,—охотно подавая ей руку, съ улыбкой отвѣчалъ тотъ.

— Я всегда считала васъ ретроградомъ, но теперь я вижу, что вы способны на гуманныя чувства. Я уважаю васъ, Благовѣщенскій!

Благовѣщенскій, молча, поклонился.

Этимъ эпизодомъ закончилась вечеринка.

Въ больничной церкви шла заупокойная литургія. На клиросѣ пѣлъ хоръ студентовъ и курсистокъ. Вокругъ гроба, стоявшаго на возвышеніи, обитомъ краснымъ сукномъ, толпилась учащаяся молодежь. Тутъ были студенты университета, Петровской академіи, техническаго училища и слушательницы акушерскихъ и иныхъ курсовъ. Одни знали и любили покойную, другіе пришли изъ товарищества, третьи, наконецъ, просто изъ любопытства. Но вся эта толпа была настроена серьезно, и въ чинномъ, почти суровомъ безмолвіи окружала гробъ, исполненная невольнаго уваженія къ тому, при чемъ присутствовала. Покойница лежала глубоко въ гробу, утопая въ волнахъ бѣлой кисеи. Обрамленное темными кудрями, мало-похудѣвшее за время болѣзни, прозрачно восковое лице ея являло въ знакомыхъ чертахъ нѣчто новое и незнакомое: смерть уже наложила на него печать кроткаго просвѣтлѣнія и важнаго покоя. Шурочка, стоявшая впереди всѣхъ,

жадно всматривалась въ это дорогое, близкое и теперь уже чуждое ей лицо, и въ сердцѣ ея не было мѣста отчаянію и безутѣшной скорби. Она усердно молилась, полная тихой грусти и смиренной вѣры.

Обѣдня кончилась. Началось отпѣванье. Въ рукахъ присутствующихъ замигали огоньками тоненькія свѣчи. Торжественно-печальная, возвышенно трогательная пѣснь «Со святыми упокой» потрясла всѣ сердца и заставила склониться самыя непоклонливыя головы. Но вотъ уже благообразный сѣденькій священникъ въ черныхъ великопостныхъ ризахъ внятно и съ чувствомъ дочитываетъ слова напутственной въ вѣчность молитвы и осѣняетъ своимъ пастырскимъ благословеніемъ новопреставленную рабу Божію Ольгу. Настала минута послѣдняго цѣлованія. Всѣ стали подходить прощаться. Шурочку подъ руки ввели на ступеньку. Она заплакала. Заплакали и нѣкоторыя курсистки. Крышку гроба забили. На рукахъ вынесли его студенты изъ церкви.

Стоялъ холодный, но ясный и тихій день. Плавно покачиваясь и играя на солнцѣ позументами и кистями, медленно двигался по неровной мостовой катафалкъ. Вся толпа пѣшкомъ провожала его. Миновали заставу. Вправо отъ шоссе заблестѣли кресты кладбищенской церкви. Катафалкъ свернулъ на деревянный мостъ черезъ канаву, въѣхалъ въ ворота со вдѣланной на верху иконой и остановился на широкомъ дворѣ у церкви. Гробъ подняли и понесли къ могилѣ. Тамъ два молодца въ красныхъ рубашкахъ и въ жилеткахъ съ стеклянными пуговицами, съ отточенными, какъ лезвіе ножа, заступами, съ озабоченнымъ видомъ обравнивали края ямы, глубокой и темной, какъ колодезь. Гробъ поставили на настланныя надъ ямой доски и продѣли подъ нимъ веревки. Пришелъ священникъ и торопливо отслужилъ литію. Гробъ, покачиваясь и ударяясь о стѣнки могилы, сталъ опускаться. Комья жесткой, скованной морозомъ земли застучали по крышкѣ. Замелькали, сверкая на солнцѣ, заступы могильщиковъ, и черезъ нѣсколько времени на мѣстѣ ямы выросъ бугоръ.

Ермиловъ, побуждаемый товарищами, въ качествѣ предсѣдателя «клуба Козицкаго дворянства», взобрался на могилу, откашлялся и произнесъ: «Господа, уста нѣмѣютъ передъ громадностью утраты. Миръ праху твоему, честная дѣятельница!».

Больше ничего не прибавилъ несловоохотливый «мыслитель» и спрятался за спинами товарищей. Его, можетъ быть, слишкомъ лаконическая, надгробная рѣчь возбудила всеобщее недовольное недоумѣніе.

— Что же это такое, господа!— зашептали голоса:—говорите еще кто нибудь! Такъ нельзя. Это безобразіе!

Нѣсколько впереди другихъ, ближе къ могилѣ стоявшій на возвышеніи Гуляевъ привлекъ общее вниманіе.

— Гуляевъ! Идите, говорите хоть вы!—шептали ему и подталкивали его сзади.

Онъ сконфуженно оборачивался назадъ и отрицательно качалъ головой. Но вотъ кто-то ужъ и совсѣмъ безцеремонно толкнулъ его. Онъ машинально подался еще впередъ и очутился на бугрѣ.

Нѣсколько секундъ длилось ничѣмъ не нарушимое молчаніе. Онъ стоялъ опустивъ неловко руки, наклонивъ голову, съ краснымъ отъ смущенія лицомъ.

Послышались нетерпѣливые возгласы:

— Долой его! Все равно ничего не скажетъ! Лейбова, идите вы!

Но онъ вдругъ поднялъ голову и тихо, почти шепотомъ, заговорилъ:

«Пускай умру!

Эти слова слышали только ближайшіе, но они съ быстротой молніи облетѣли всѣхъ. Всѣ головы повернулись къ Гуляеву, всѣ глаза жадно устремились на него.

Печали мало.

Все также тихо проговорилъ онъ, но уже вся собравшаяся молодежь, тѣсно сдвинувшись къ могилѣ, шептала, повторяя за нимъ, подсказывая ему, любимое стихотвореніе Добролюбова.

«Одно страшитъ мой умъ больной:
«Чтобы и смерть не разыграла
«Обидной шутки надо мной.

Уже громкимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ читалъ онъ:

«Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
«Не пролилось горячихъ слезъ,
«Чтобъ кто нибудь въ усердьѣ глупомъ
«На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.
«Чтобъ беззаботною толпою
«За нимъ не шли мои друзья,
«Чтобъ подъ могильною землею
«Не сталъ любви предметомъ я.
«Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно,—

здѣсь голосъ Гуляева дрогнулъ и зазвенѣлъ:

«И такъ напрасно я живой,
«Не улыбнулось мнѣ отрадно
«Надъ гробовой моей доской».

— Теперь ужъ ау, братъ! — воскликнулъ Бекарюковъ, ударяя по плечу стоявшаго рядомъ Шумилова:—разговаривать нечего. Лучше этого ничего не придумаемъ.

— Вы, Ермиловъ, однако, немного сказали,—не утерпѣла Лейбова.

— Лучше мало сказать, да хорошо, чѣмъ много, да плохо,— очень резонно возразилъ Ермиловъ.

Толпа начинала расходиться. Всѣ заторопились по своимъ дѣламъ, и черезъ какіе нибудь полчаса могила опустѣла. Дольше

всѣхъ оставались члены «клуба Козицкаго дворянства». Наконецъ отправились и они. Они шли по срединѣ дороги, сбитые въ кучу, съ оживленными, почти счастливыми лицами, между которыми печальное, блѣдное лице Шурочки являлось диссонансомъ. Всѣ были въ приподнятомъ, безпокойно веселомъ настроеніи и всѣ были внутренно довольны собой. Во всю дорогу не умолкали горячія рѣчи. Выражались особенныя надежды на будущее, усматривалась близость великихъ и необходимыхъ реформъ въ направленіи «соціально-коммунарнаго идеала», обсуждался «романъ, въ смыслѣ вліянія одного пола на другой, какъ одинъ изъ могущественныхъ моторовъ прогресса», съ точки зрѣнія Дарвина и Чернышевскаго. Эти и другія такъ или иначе знаменитыя имена вмѣстѣ съ именами разныхъ либеральныхъ недоумковъ такъ и висѣли въ воздухѣ.

Больше всѣхъ ораторствовали Лейбова, Швигерзонъ и Гуляевъ, чувствовавшій себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ минуты. Ермиловъ время отъ времени испускалъ одобрительное или сочувственное «гм!..». Бекарюковъ, у котораго изъ-за тонкихъ ширмочекъ либерализма такъ и лѣзла широкая натура купеческаго совраса, только потиралъ руки и восклицалъ:

— Важно, ребята! Вотъ люблю! Ахъ, дуй васъ горой!

Когда общій восторгъ нѣсколько поулегся, и охрипшіе ораторы стали уставать, Благовѣщенскій, присутствовавшій въ качествѣ посторонняго, хотя и любопытнаго наблюдателя, сказалъ:

— Мнѣ сдается, господа, что все это одна ваша фантазія... что мы послѣдніе... то-есть, я хочу сказать, что будущая молодая Россія будетъ не та...

— Какая же она будетъ?—хмуро освѣдомился Гуляевъ.

— Будущая молодая Россія будетъ русская, будетъ любить свою родину,—убѣжденно отвѣтилъ Благовѣщенскій.

— А мы по вашему не русскіе, мы не любимъ Россіи? — еще болѣе нахмурился Гуляевъ.

Благовѣщенскій, молча, махнулъ рукой.

— Нѣтъ, ужъ если начали, то говорите, Благовѣщенскій!— вскричала Лейбова:—мы хотимъ выслушать и противную сторону. Мы справедливы.

— Да что-жъ говорить, господа? Васъ не убѣдишь. Да, и мы, русскіе,—съ волненіемъ и краснѣя заговорилъ онъ:—мы, даже передовые русскіе люди, какъ мы думаемъ. Но мы не любимъ ничего русскаго, мы гнушаемся своимъ. Живя въ Россіи, мы постоянно вздыхаемъ о какой-то прекрасной и далекой странѣ. Насъ все тянетъ куда нибудь въ Англію, во Францію, въ Америку, только бы подальше отъ варварской Россіи. Такъ вотъ я и говорю, что будущая молодая Россія будетъ любить свое родное

русское, будетъ уважать прошлое Россіи, уважать ея законы... все, что уважаетъ народъ.

— Да почему вы знаете, что̀ онъ уважаетъ, вашъ народъ?— взвизгнулъ Швигерзонъ.

— Вы-то ужъ этого, конечно, не знаете,—въ презрѣніемъ сказалъ Благовѣщенскій:—да я не для васъ и говорю. Вамъ ужъ на роду написано быть космополитомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но я знаю нашъ народъ. Я сынъ бѣднаго сельскаго попа и выросъ въ деревнѣ среди этого народа. Наконецъ, я старше васъ всѣхъ, я потолкался во всѣхъ кружкахъ, знавалъ всѣхъ замѣчательныхъ «ультра-либераловъ» и «постепеновцевъ» и пришелъ къ одному убѣжденію: никто изъ нихъ и не думаетъ о народѣ, а всѣ хотятъ навязать народу то, чего онъ совсѣмъ не хочетъ, что ему просто не нужно. У нашего народа есть его русскій Богъ и русскій царь, которыхъ онъ не промѣняетъ ни на какія ассоціаціи. А нашимъ ультра-либераламъ до этого дѣла нѣтъ. Пока они только умѣли плевать на все русское и хвалить по наслышкѣ все чужое!

Никто не сталъ отвѣчать ему. На всѣхъ лицахъ было написано неудовольствіе и недовѣріе. Подошли къ норѣ, и вся компанія, мрачно настроенная и усталая, вступила подъ ея гостепріимный кровъ, не простившись съ Благовѣщенскимъ, который, подавъ руку Шурочкѣ, отправился домой.

Шурочка, какъ только отдохнула, усѣлась писать письмо къ матери.

«Безцѣнная, золотая моя мамочка! — писала она. — Я не хотѣла огорчать тебя понапрасну и потому не писала ничего. А Ольга была очень больна и лежала въ больницѣ. Сегодня, милая моя старушечка,—только ты не плачь, пожалуйста,—мы ее похоронили. Она умерла, мамочка милая! Что же дѣлать? Не огорчайся очень! Я скоро къ тебѣ пріѣду и ужъ не уѣду больше. Мамочка! Пожалуйста, пришли мнѣ денегъ не очень много, чтобы дожить до Рождества, да выхлопочи мнѣ у Петра Селиверстыча билетъ по желѣзной дорогѣ и тоже пришли. Я къ тебѣ на Рождество и пріѣду. Ахъ, мама! здѣсь гораздо хуже, чѣмъ у насъ, въ Грушевкѣ! Ольгу мы хоронили очень хорошо, мама,—ты не безпокойся,—какъ слѣдуетъ, и могилка у нея подъ деревомъ. А въ гробу она лежала такая хорошая, точно спала. Какъ мнѣ жаль ее! Я теперь здѣсь совсѣмъ одна, и хоть всѣ здѣсь со мной очень дружны, все же они мнѣ чужіе. Мнѣ скучно, мамочка, безъ тебя! И пожалуйста еще, мамочка, пришли мнѣ къ Рождеству еще немного денегъ. Я куплю себѣ шубку самую дешевенькую, а то ѣхать въ дорогу мнѣ не въ чемъ. А мое толстое драповое пальто пропало въ закладѣ. Это ужъ я сама виновата. Прощай, дорогая мамурочка моя! Поскорѣй бы увидѣть тебя. Только не плачь очень. Цѣлую тебя сто

тысячъ разъ. Напиши мнѣ отвѣтъ въ тотъ же день, какъ получишь это письмо. Не сердись на меня, мамочка!

«Любящая дочь Александра Ховренко».

Прошло нѣсколько недѣль. Стояло морозное декабрьское утро. Холодно и ослѣпительно сверкало солнце на безоблачномъ ярко-голубомъ небѣ.

По дорогѣ къ кладбищу, не спѣша, шли Благовѣщенскій и Шурочка.

Къ обѣднѣ они опоздали и въ церковь не вошли, а принялись бродить по кладбищу, отыскивая знакомыя двѣ могилы.

Шурочка не была на кладбищѣ съ похоронъ сестры. Ей становилось жутко и какъ-то грустно и умиленно было на душѣ.

— Вы найдете?—спросила она Благовѣщенскаго.

— Слава Богу! Я мѣсто отлично замѣтилъ. Вонъ, видите большую березу? Подъ ней я приказалъ поставить лавочку. Вотъ и пришли. Присядемъ что ли?

Онъ стряхнулъ рукавомъ снѣгъ и опустился на лавочку. Шурочка тоже сѣла. Кругомъ царило безлюдье и глубокая тишина пустыни. Ослѣпительно сверкалъ и искрился на солнцѣ снѣгъ. Низко наклонилась надъ сугробомъ старая, вѣтвистая, усыпанная бѣлыми хлопьями береза. Тамъ и сямъ возвышались кресты и памятники.

Шурочка неподвижно глядѣла передъ собой грустнымъ взглядомъ подѣтски открытыхъ глазъ. Въ памяти ея воскресало все ея невеселое недавнее прошлое. Сердце ея сжималось все болѣе и болѣе. Она съ тоской оглянулась кругомъ и встрѣтила внимательный взглядъ Благовѣщенскаго.

— Что вы?—спросила она,

— Ничего. Знаете, Шурочка, вы не грустите. Имъ хорошо теперь: они на небѣ.

Она съ изумленіемъ взглянула на него и молчала.

— Шурочка!—волнуясь, заговорилъ онъ, и звукъ его голоса показался ей страннымъ и новымъ:—Шурочка! Я былъ виноватъ тогда передъ вами, помните? Простили вы?

— Простила,—тихо проговорила она, сразу угадавъ, о чемъ онъ спрашиваетъ, и удивляясь, что онъ вспомнилъ.

— Если простили, то поцѣлуйте меня теперь. Вѣдь можно невѣстѣ поцѣловать жениха?

На ея блѣдномъ лицѣ проступила яркая краска, и въ то же время голова ея чуть закинулась назадъ, и полураскрытыя губы встрѣтили и возвратили поцѣлуй. И вдругъ знакомый ему звенящій, стеклянный смѣшокъ сорвался съ ея губъ, но теперь въ немъ было еще что-то новое.

Онъ обнялъ ее и прижалъ ея голову къ своей груди.

— Милая, милая... шепталъ онъ, опускаясь на колѣни въ снѣгъ и обнимая ея ноги.

Она заплакала.

— Да о чемъ же, о чемъ? — съ тоскливымъ безпокойствомъ повторялъ онъ, цѣлуя ея руки.—Не надо плакать теперь... вѣдь мы счастливы, вѣдь я люблю тебя.

И, говоря это, онъ почувствовалъ, что по лицу его, усамъ и бородѣ тоже катятся слезы, и понялъ, что и онъ плачетъ тѣми же мучительными и счастливыми слезами.

Онъ улыбнулся.

— Шурочка, такъ мы мужъ и жена?—спосилъ онъ.

Лице ея, за минуту передъ тѣмъ радостное, вдругъ омрачилось. Не мысль, а намекъ на мысль смутилъ ее, и счастіе, казавшееся столь лучезернымъ, потемнѣло и померкло. Она пытливо и тревожно взглянула на Благовѣщенскаго и отвернулась отъ него. Она вспомнила, что въ ихъ кружкѣ браки заключались и разрывались «на основаніи свободныхъ принциповъ эмансипаціи и прогресса». Называясь мужемъ и женой, у нихъ презирали обрядность и не вѣнчались, и обычной формой сожительства явился бракъ гражданскій.

Все это теперь мелькнуло у нея въ головѣ рядомъ съ отдѣльными лицами всѣхъ тѣхъ, которые, увлекшись «принципомъ самостоятельнаго выбора, не стѣсняемаго предразсудками», разбивали навсегда и безвозвратно свою и чужую жизнь. Блѣдный, измученный образъ ея сестры, когда-то цвѣтущей, торжествующей, полной молодыхъ силъ, красоты и здоровья, предсталъ передъ нею. Она содрогнулась, и злое, враждебное чувство поднялось въ ея груди къ тому, на чьей груди она только что плакала отъ счастія.

Благовѣщенскій замѣтилъ ея смущеніе, но не понялъ причины его. Онъ постарался придать разговору болѣе спокойное направленіе.

— Ты подумай, Шурочка, о томъ, что у насъ теперь декабрь, и я на послѣднемъ курсѣ. Живо кончу, брошу все и уѣду въ деревню. И тебя съ собой увезу.

— А мнѣ еще два года учиться.

— Ну, это ужъ оставь! Мнѣ жены повивальной бабки не нужно. Нѣтъ, довольно. Намучилась ты. Вотъ только кончу, обвѣнчаемся да и подальше отсюда. Надоѣли мнѣ наши умники.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лице Шурочки дѣлалось свѣтлѣе.

— А я думала, — вдругъ неудержимо вырвалось у нея:—что вы... что ты...

— Что?—спросилъ онъ и, вдругъ угадавъ, густо покраснѣлъ.— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это не могло быть, понимаешь, не могло.

Чортъ съ ними, съ этими прогрессами, эмансипаціями! А то хочешь, мы прямо къ твоей матери поѣдемъ, а?

— Ахъ, вотъ будетъ хорошо!—обрадовалась Шурочка.—Непремѣнно поѣдемъ къ мамочкѣ, какъ она будетъ рада, моя добренькая.

Съ колокольни донесся ударъ одинъ, другой, третій...

— Покойника, должно быть, привезли,—отвѣтилъ Благовѣщенскій на вопросительный взглядъ Шурочки.—Царство ему небесное!

Онъ снялъ шапку и перекрестился на церковный крестъ.

Шурочка машинально крестилась, и душа ея умилялась.

— Знаешь, Шурочка, когда у насъ будутъ дѣти,—горячо сказалъ онъ:—мы ихъ научимъ молиться.

— Да, да, да,—также горячо согласилась она.—Уѣдемъ отсюда, уѣдемъ!

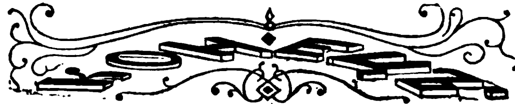
Онъ поднялъ ея голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Простимся съ ними, Шурочка!—сказалъ онъ, указывая на высокій бѣлый сугробъ, подъ которымъ лежали, упокоясь навѣки, мать и дитя.

Оба опустились на колѣни и положили глубокій поклонъ.

На ихъ лицахъ было написано счастіе и примиреніе.

Маркъ Басанинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ М. Н. МУРАВЬЕВѢ.

Въ НАЧАЛѢ 1861 года, въ Варшавѣ, а затѣмъ и во всѣхъ губерніяхъ царства Польскаго и въ Западномъ краѣ, начались серьезные безпорядки, постепенно возроставшіе. Въ 1862 году они приняли размѣры возмутительныхъ демонстрацій въ костелахъ и на улицахъ, а въ 1863 году обострились открытымъ, вооруженнымъ возстаніемъ. Объ отправленіи гвардіи для усмиренія вспыхнувшаго мятежа польской шляхты и ксендзовъ не было и рѣчи ни въ декабрѣ 1862 года, ни въ началѣ 1863 года.

Только въ одно изъ воскресеній, въ серединѣ января, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, императоръ Александръ Николаевичъ, собравъ присутствовавшихъ офицеровъ, объявилъ имъ о послѣднихъ происшествіяхъ въ царствѣ Польскомъ и о преступныхъ нападеніяхъ врасплохъ на русскихъ солдатъ и офицеровъ, мирно расположенныхъ тамъ на квартирахъ. Причемъ его величество прибавилъ: «Я не хочу обвинять во всѣхъ происшедшихъ грустныхъ событіяхъ весь народъ польскій. Я вижу только работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка. Мнѣ извѣстно, что партія эта расчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ нашихъ; но они не поколеблютъ вѣры моей въ преданность своему долгу вѣрной и славной моей арміи. Я убѣжденъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда либо, каждый изъ васъ, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнитъ свой долгъ, какъ честь нашего знамени того требуетъ. Въ рядахъ вашихъ я самъ началъ мою службу, потомъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ

честь вами командовать, и потому чувства вашей преданности мнѣ хорошо были извѣстны, и я ими гордился за васъ передъ покойнымъ государемъ, родителемъ моимъ. Увѣренъ, что если обстоятельства того потребуютъ, вы и теперь докажете на дѣлѣ, что я могу на васъ расчитывать, и оправдаете мое полное къ вамъ довѣріе». Эти слова были покрыты единодушнымъ, восторженнымъ «ура». Но и послѣ этихъ словъ государя еще не было слуха о походѣ гвардіи въ Литву. Наконецъ, въ исходѣ января, послѣдовало высочайшее повелѣніе о немедленномъ отправленіи 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи въ Вильну. Черезъ три дня послѣ этого началось выступленіе этой дивизіи изъ Петербурга, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ двухбаталіонномъ составѣ. Первымъ выѣхалъ л.-гв. Финляндскій полкъ, 31-го января[1]). О нашей (1-й гвардейской) дивизіи пока не было положительно извѣстно; сначала думали даже, что она вовсе не пойдетъ на войну, однако вскорѣ и эта дивизія стала готовиться къ походу, поджидая безсрочноотпускныхъ для формированія третьихъ баталіоновъ. Я находился въ отпуску въ Москвѣ, то-есть въ сердцѣ Россіи, и самъ видѣлъ, какъ сильно оно бьется при народномъ бѣдствіи, особенно въ тѣ дни, когда отечеству грозитъ опасность. Въ смутное время 1863 года я имѣлъ случай говорить по душѣ съ земляками изъ простонародья. На мнѣ былъ, блестящій въ тѣ поры, преображенскій мундиръ и академическій аксельбантъ. Петербургскій простолюдинъ, привыкшій къ мундирамъ, никогда не заговоритъ первый съ офицеромъ-бариномъ: пожалуй, молъ, еще въ загорбки накладетъ или въ участокъ стащить велитъ! Москвичъ—совсѣмъ другое дѣло! Въ его глазахъ «царскій гвардеецъ» имѣетъ вѣсъ. Если онъ чванится—Богъ съ нимъ! А не чванится—отчего не поговорить по душѣ? Кромѣ того, всякій русскій, особенно же московскій человѣкъ, чутко понимаетъ, что бѣда сравниваетъ и сближаетъ людей. Поэтому на улицѣ заговаривали со мною извозчики, а въ гостинницѣ—истопники, половые и всякій людъ. Бывало такъ, что одинъ заговоритъ, а двое, трое, подойдутъ слушать, однако и свое словцо выскажутъ. Сущность разспросовъ и сужденій я свожу къ слѣдующему итогу: «поляки, слышно, опять забунтовали, затѣяли у царя нашего земли отнимать,—вонъ оно что! Такъ какъ же это?.. Пора бы и намъ пошевеливаться. Неужли сидѣть на печи и ѣсть калачи!..». На такія рѣчи я обыкновенно отвѣчалъ успокоительно, что у царя много войскъ, Богъ дастъ, управимся, даже очень скоро и до чрезвычайныхъ наборовъ дѣло не дойдетъ. Однако, мои сужденія встрѣчались недовѣрчиво, неодобрительно: «войско-войскомъ, а пѳмочь-пѳмочью!.. Безъ подмоги никакъ не

---

[1]) Исторія л.-гв. Преображенскаго полка 1683—1883 гг., Петербургъ, 1888 г., томъ III, часть первая, стр. 296—297 и примѣчаніе.

возможно, каки тамъ наборы, время ли очередныхъ сбирать?.. Пока сгонятъ, пока выправятъ... и-и-и!!.. Улита ѣдетъ, да скоро ли будетъ! А поляки, вонъ, десять губерній оттягать хотятъ, а съ чужихъ краевъ къ нимъ идетъ подмога великая!.. Вѣрно слово!.. Все какъ есть въ газетахъ пропечатано! А мы-то что?.. Нешто мало у насъ народу? Пускай государь слово скажетъ, прочтутъ по церквамъ, такъ вся Москва подымется, а куда Москва—туда и весь народъ. А то начнутъ бить да калѣчить, гляди—въ войскахъ рѣденько станетъ, а подсоблять кому?.. А всѣмъ народомъ какъ начнутъ валить—про запасъ хватитъ!..». Странныя рѣчи! Случалось мнѣ слышать кое-что въ этомъ родѣ и передъ Крымскою войною, однако ее теперь не поминали, и въ словахъ: «поляки опять забунтовали!» — сказалось воспоминаніе о польскомъ возстаніи 1831 года. Еще большую новинку выражало присловье: «въ газетахъ пропечатано!». Стало быть, напечатанное пошло въ народъ? Да, пошло, и далеко пошло! Два имени были у всѣхъ на умѣ и на языкѣ: Муравьевъ и Катковъ. Въ какой мѣрѣ былъ знакомъ умиротворитель Литвы съ московскимъ писателемъ до возстанія, я не знаю. Народное бѣдствіе сравняло, сблизило ихъ, а сравнивать этихъ двухъ людей было очень трудно. Одинъ являлся во всеоружіи власти, имѣя въ рукахъ государственный мечъ, врученный ему самимъ монархомъ съ обширными полномочіями. Въ рукахъ Каткова было одно только перо. Онъ былъ частнымъ человѣкомъ, почти безъ всякаго оффиціальнаго или служебнаго положенія. Однако, изъ сближенія этихъ двухъ полюсовъ скверкнули молніи, испепелившія крамолу до самаго корня! Не буду говорить о тогдашнихъ статьяхъ Каткова, онѣ слишкомъ общеизвѣстны. Не буду распространяться и о томъ, съ какимъ жгучимъ интересомъ прочитывалъ я «Московскія Вѣдомости». Едва ли ошибусь, если скажу, что съ ними народъ переживалъ душею и умомъ каждый день и часъ смутнаго времени. Эти статьи укрѣпляли, ободряли и вдохновляли самого Муравьева. Говорю не наобумъ, потому что слышалъ это отъ самого Михаила Николаевича. Когда я былъ назначенъ имъ же военнымъ начальникомъ Виленскаго уѣзда, случилось, что Муравьевъ пригласилъ меня отобѣдать запросто. Кромѣ хозяина и хозяйки, за столомъ сидѣли двѣ, три личности изъ приближенныхъ, обѣдавшихъ тутъ каждый день. Изъ гостей собственно былъ я одинъ и въ этомъ качествѣ попалъ на почетное мѣсто, по правую руку хозяина. Онъ былъ въ духѣ и сталъ подшучивать надо мною, обращаясь къ супругѣ: «Вотъ, матушка, смотри, это уѣздный виленскій начальникъ, то-есть нашъ щитъ, наша охрана! Поклонись ему пониже и проси покровительства!». Добрѣйшая и почтеннѣйшая Пелагея Васильевна, смѣясь, поклонилась въ мою сторону, а Муравьевъ вдругъ сдѣлался серьезенъ, взялъ меня за наконечникъ

аксельбанта и сказалъ: «Вотъ это научило васъ писать, какъ вижу изъ всѣхъ вашихъ донесеній. Не удивляюсь, потому что могу судить по себѣ. Покойный отецъ мой училъ насъ строже, чѣмъ нынче учатъ...[1]), однако думаю, что вы попривыкли также и читать съ разборомъ... Вѣдь почитывать любите?..». Я спѣшилъ отвѣтить, что со дня назначенія военнымъ начальникомъ не имѣю досуга даже просмотрѣть газеты. Муравьевъ разсмѣялся: «Ну, объ этомъ не жалѣйте, ничего не потеряли, напротивъ!.. Я много читаю, потому что обязанъ читать[2]), но, не говоря о заграничной чепухѣ, и у насъ мало путнаго нахожу, кромѣ, однако же, московскихъ газетъ,—прибавилъ онъ твердо и серьезно,—особенно Катковская газета, помоему, самое отрадное исключеніе!..». Я отвѣтилъ очень искренно, простымъ разсказомъ о томъ, какъ зачитывался въ Москвѣ «Московскими Вѣдомостями», упомянувъ о народномъ говорѣ и о томъ, что, по моему убѣжденію, статьи Каткова проникаютъ въ народъ. Муравьевъ слушалъ, безпрестанно кивая головою. «Еще бы не проникнуть,— сказалъ онъ наконецъ,—все это доступно народу, потому что писано простымъ, понятнымъ языкомъ. Катковъ пишетъ дѣльно, убѣдительно, потому что не боится писать. Это прямой народолюбецъ, воистину русскій человѣкъ! Онъ зорко смотритъ, далеко видитъ и дѣло понимаетъ такъ, какъ оно есть! Дай Богъ, чтобы всѣ такъ понимали!..». Присутствующіе единодушно и горячо поддакнули хозяину, и неудивительно: этимъ двумъ людямъ поддакивала въ то время вся Россія!

Виноватъ, я забѣжалъ впередъ и долженъ вернуться въ Москву, гдѣ думалъ еще погостить, такъ какъ имѣлъ четырехмѣсячный отпускъ, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ уже мною получено было извѣстіе, что Преображенскій полкъ отправленъ въ Вильну по желѣзной дорогѣ[3]). Я живо собрался въ путь и пріѣхалъ въ Вильну во второй половинѣ іюля. Помнится, что я пріѣхалъ въ среду или въ четвергъ, но по какому-то, пожалуй, суевѣрію медлилъ явиться до воскресенья, а хотѣлъ прежде отслушать литургію, отслужить молебенъ и потомъ уже начать службу. Въ воскресенье же пришлось мнѣ, какъ на грѣхъ, встрѣтиться съ командиромъ полка, на самой паперти собора. Онъ страшно

---

[1]) Отецъ Муравьева — извѣстный основатель училища колонновожатыхъ. Это первый зародышъ русскаго генеральнаго штаба. Сыновья старика, Николай Николаевичъ (Карскій) и Михаилъ Николаевичъ (Виленскій), служили преподавателями въ томъ же училищѣ.

[2]) Этого не слѣдуетъ понимать буквально. Ему не было времени читать всѣ газеты, а при немъ состоялъ особый чиновникъ, читавшій самыя интересныя выдержки изъ всѣхъ газетъ.

[3]) Полкъ вступилъ въ Вильну поэшелонно: 1-й эшелонъ—12-го іюля; 2-й и 3-й—13-го и 4-й—14-го числа того же мѣсяца («Исторія Преображенскаго полка», стр. 314).

разсердился и сдѣлалъ мнѣ рѣзкій выговоръ за промедленіе. Кромѣ этого проступка, полковой командиръ имѣлъ основаніе быть мною недовольнымъ и по другимъ причинамъ. Съ этихъ же поръ полковое начальство стало относиться ко мнѣ сухо, недовѣрчиво и весьма неблагосклонно. Рота моя была расположена на окраинѣ города, въ земляной крѣпостцѣ, по ту сторону рѣки Виліи, на полверсты выше Зеленаго моста. Это было предмостное укрѣпленіе, съ открытою горжею, примыкавшею къ рѣкѣ; сообщеніемъ служилъ летучій паромъ.

Теперь разскажу, въ какомъ положеніи находился край, когда я въ него пріѣхалъ. Въ первой половинѣ мая на смѣну генералъ-губернатора В. И. Назимова прибылъ въ Вильну М. Н. Муравьевъ. Въ народной памяти навѣки укоренилось понятіе, что онъ усмирилъ польскій мятежъ во всей Литвѣ и Бѣлоруссіи, причемъ, конечно, представляется главнѣйшимъ понятіемъ вооруженное возстаніе, которое слѣдовало подавить прежде всего. Но такое пониманіе дѣятельности Мтравьева не совсѣмъ вѣрно. Вооруженное возстаніе подавлено Назимовымъ, при помощи 2-й гвардейской дивизіи. При Муравьевѣ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ оставалось, можетъ быть, двѣ-три сколько нибудь значительныхъ шайки; при немъ произошла серьезная стычка 1-го гвардейскаго стрѣлковаго баталіона съ повстанцами, при Попелянахъ, въ высшей степени неудачная, и другая: разбитіе ксендза Мацкевича въ Зеленковскомъ лѣсу въ августѣ и сентябрѣ 1863 года. 1-я гвардейская дивизія, то-есть часть ея, усмиряла открытый мятежъ собственно только въ Августовской губерніи, временно подвластной Муравьеву[1]). Задолго до его назначенія мѣстность, ближайшая къ Вильнѣ, была очищена отъ вооруженныхъ бандъ предмѣстникомъ моимъ, капитаномъ Павловскаго полка Тимоѳеевымъ. Этотъ храбрый и способный начальникъ Виленскаго уѣзда разбилъ при Гедройцахъ шайку Альбертуса, а при мѣстечкѣ Дубичахъ шайку Нарбута, самозваннаго военнаго диктатора Литвы. Далѣе, самое большое скопище мятежниковъ въ Виленской губерніи было разбито и разсѣяно подъ Ширвинтами лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ. Наконецъ, шайки, гнѣздившіяся въ лѣсахъ Ковенской губерніи, самыя многочисленныя, бывшія подъ командою способнѣйшихъ начальниковъ, почти всѣ были разбиты и разогнаны Финляндскимъ полкомъ. Подъ мѣстечкомъ Биржи генералъ Ганецкій уничтожилъ соединенныя банды Колышки и Сѣраковскаго, на котораго польскій жондъ возлагалъ всѣ свои надежды!

Вообще необходимо поближе присмотрѣться къ главнѣйшимъ

---

[1]) Объ экспедиціяхъ Преображенскаго полка въ Августовскую губернію см. «Исторію Преображенскаго полка», томъ III, стр. 321—333.

военнымъ начальникамъ повстанья, съ которыми, повторяю, пришлось имѣть дѣло преимущественно генералу Назимову, а никакъ не Муравьеву. Кто былъ помянутый Альбертусъ и куда онъ дѣвался, объ этомъ не могъ сказать мнѣ даже самъ Тимоѳеевъ, видѣвшій и убитыхъ и плѣнныхъ повстанцевъ разбитой имъ при Гедройцахъ шайки. Извѣстно, что повстанцы постоянно лгали и, чтобы скрыть слѣды предводителя, всегда показывали его убитымъ, а о личности «довудцы» отзывались незнаніемъ. Шайка Альбертуса, по словамъ Тимоѳеева, была крупная по численности, но переполнена всякимъ сбродомъ. Большинство составляли гимназисты, сущія дѣти! Въ началѣ возстанія, благодаря просто неимовѣрному попущенію мѣстныхъ властей, около мѣстечка Ширвинты, Виленскаго уѣзда, собралась громадная шайка. Не говоря о численности, она имѣла сильное нравственное вліяніе, далеко выходившее за предѣлы уѣзда, потому что состояла изъ самыхъ отборныхъ повстанцевъ, грозила будто бы Вильнѣ и служила передовымъ постомъ революціонныхъ скопищъ Ковенской губерніи. Сѣверная окраина Виленскаго уѣзда изобилуетъ лѣсами, равно какъ и смежныя мѣстности Вилькомірскаго уѣзда; въ углу, образуемомъ рѣкою Виліею и границею, къ сторонѣ Янова, находятся значительныя лѣсистыя мѣстности: верстъ на 40 вправо, вблизи мѣстечка Ширвинты, прилегаетъ обширный Шешольскій лѣсъ; еще болѣе вправо, начиная отъ имѣнія князя Стефана Гедройца, тянется въ Вилькомірскій уѣздъ столь же обширный лѣсъ Изабелинскій, соединяющійся съ Авантскими лѣсами; съ другой стороны Виліи находится не менѣе лѣсистый Трокскій уѣздъ. Всѣ эти лѣса, раздѣляемые небольшими промежутками, а часто вовсе сплошные, служили лучшими проводниками шаекъ. Лежащее близь Ширвинтъ селеніе Шешоли, съ окружающимъ его лѣсомъ, было въ началѣ возстанія однимъ изъ главныхъ сборныхъ пунктовъ мятежниковъ. Даже въ концѣ 1864 года были еще видны въ Шешольскомъ лѣсу засѣки и разрушенныя «буды» (шалаши) повстанскія. По мѣстнымъ преданіямъ, здѣсь стояло цѣлое городище, такъ что дымъ и пламя отъ костровъ видны были на нѣсколько верстъ. Сюда пріѣзжали всѣ окрестные помѣщики, какъ на пикникъ, служили мши (обѣдни), устроивали пиршества, подвозили оружіе, провіантъ и проч. Шешоли, какъ и всѣ окрестныя деревни, принадлежатъ государственнымъ крестьянамъ. Говорили, что предводители и паны платили мужикамъ по нѣсколько рублей за курицу и вообще щедро сыпали деньгами. Когда вторая гвардейская дивизія серьезно принялась унимать мятежъ, отрядъ л.-гв. Московскаго полка капитана, по другимъ разсказамъ, полковника Крамера явился въ Шешольскомъ лѣсу, гдѣ въ помянутомъ скопищѣ собраны были соединенныя банды Киршгайлы (помѣщика Городенскаго) и Ви-

слоуха (псевдонимъ). Послѣдній принадлежалъ къ числу искуснѣйшихъ предводителей бандъ. Кромѣ предпріимчивости и изворотливости, онъ, кажется, не былъ чуждъ основательныхъ знаній военныхъ наукъ. Говорили, что Вислоухъ въ лѣсу ставилъ всегда свою шайку «контомъ» (угломъ), такъ что, если бы нашъ отрядъ наткнулся на одну сторону угла, то при удачѣ повстанцевъ они могли бы взять насъ въ тиски; при неудачѣ же ихъ, остальная сторона могла безпрепятственно отступить. Въ описываемомъ случаѣ Вислоухъ совѣтовалъ будто бы Киршгайлѣ войти погубже въ лѣсъ, завлекая русскихъ за собою, между тѣмъ какъ онъ, Вислоухъ, спрячется въ засаду, такъ что русскій отрядъ въ рѣшительную минуту могъ быть поставленъ межъ двухъ огней. Но Киршгайло и слышать не хотѣлъ, а сказалъ, что нарочно выйдетъ на поляну и тамъ столкнется съ нашими войсками. Въ такихъ-то условіяхъ произошла стычка при деревнѣ Киванцахъ. Городенскій (Киршгайло) съ косиньерами отчаянно лѣзъ на русскіе штыки, но на первыхъ же порахъ будто бы убитъ былъ наповалъ. Шайка, разумѣется, разбѣжалась, а Вислоухъ, видя явное дурачество товарища, мало участвовалъ въ дѣлѣ и ушелъ цѣлъ и невредимъ. Все это разсказывали плѣнные повстанцы, въ большинствѣ страшные лгуны. Вѣроятнѣе всего, что Городенскій успѣлъ ускользнуть за границу, а шайка, кто бы ею ни командовалъ, не могла устоять противъ натиска дисциплинированныхъ и хорошо вооруженныхъ гвардейцевъ. Несомнѣнно только то, что дѣло при Киванцахъ, или «Ширвинтская баталія», какъ его называли мѣстные жители, произвело потрясающее впечатлѣніе во всемъ окрестномъ населеніи. Не одни повстанцы, а многіе обыватели положительно утверждали, что паны и всѣ руководители мятежа, возлагавшіе великія надежды на Ширвинтское скопище, по уничтоженіи его совершенно упали духомъ и страшно бранили предводителей, особенно того, кто скрывалъ свое имя подъ псевдонимомъ Киршгайлы. Его называли храбрымъ, но неспособнымъ фанфарономъ, постоянно кичившимся, что убьетъ всѣхъ москалей свинцовыми и золотыми пулями (намекъ на взятки), а когда дѣло дошло до расправы, онъ испортилъ все дѣло «посполитаго рушенья». Результатъ боя при Киванцахъ дѣйствительно показалъ, что характеристика Киршгайлы совершенно вѣрна. Не таковы были начальники ковенскихъ шаекъ. Изъ нихъ Сѣраковскій—личность въ самомъ дѣлѣ недюжинная... Вообще послѣ 1831 года въ Петербургѣ утвердились два столпа польской революціи: извѣстный Іосафатъ Огрызко, главный созидатель польской справы въ 1863 году, и Сигизмундъ Сѣраковскій. Первый устроивалъ гражданскую организацію, а второй—военную. Послѣ 1831 г. Сѣраковскій былъ однимъ изъ старѣйшихъ революціонеровъ въ Россіи. Еще въ 1848—1849 гг. онъ принадлежалъ къ петербургскому университетскому польскому па-

тріотическому кружку. Онъ попался, бѣжалъ и пробирался уже за границу, но былъ схваченъ на нашей границѣ, судимъ и разжалованъ въ солдаты въ оренбургскіе баталіоны. Но даже въ сѣрой шинели этотъ ловкій человѣкъ умѣлъ вкрадываться въ семейства провинціальныхъ властей, давалъ дѣтямъ уроки, пріобрѣлъ довѣріе и, наконецъ, протекцію, былъ помилованъ и въ 1857 году поступилъ въ Арзамасскій драгунскій полкъ. Въ 1859 году онъ былъ уже поручикомъ, поступилъ въ академію генеральнаго штаба, гдѣ отлично кончилъ курсъ и былъ зачисленъ въ генеральный штабъ. Но академическія занятія не помѣшали ему замышлять смуту и устроивать ее вмѣстѣ съ Огрызко. Въ 1859—1860 годахъ въ Петербургѣ былъ уже правильно организованный революціонный кружокъ, дѣлившійся на два: петербургскій военный и петербургскій штатскій. Первый образовался съ появленіемъ Сѣраковскаго въ Петербургѣ, подъ его вліяніемъ. О развитіи этихъ кружковъ одинъ изъ членовъ (плѣнный повстанецъ) показалъ такъ: «По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ (въ 1859 г.), вскорѣ послѣ поступленія моего въ академію (генеральнаго штаба) капитанъ (поручикъ?) Сѣраковскій познакомился со всѣми поляками нашего курса и познакомилъ насъ другъ съ другомъ; такъ черезъ него я познакомился съ Домбровскимъ, Станевичемъ и другими. Сѣраковскій отъ начала нашего знакомства стыдилъ насъ, что мы забыли свой языкъ, давалъ намъ разныя польскія книги, историческія и поэтическія, польскія газеты, выходившія тогда за границею, и «Колоколъ» и вообще старался расположить наши умы къ тѣмъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ впослѣдствіи» [1]).

1861—1862 годы, когда я самъ былъ въ академіи, служили преддверіемъ вооруженнаго возстанія въ Польшѣ и Литвѣ; въ то время дѣятельность Сѣраковскаго, казалось, достигала цѣли. Въ моихъ запискахъ за 1861 годъ я подробно говорилъ, какъ онъ постоянно являлся на наши лекціи, что̀, конечно, было благовиднымъ предлогомъ; главная задача была та же, что̀ и въ 1859 году, то-есть «знакомиться и знакомить». Плоды пропаганды отразились на нашемъ выпускѣ (1862 г.). Сбѣжали въ повстанье одинъ изъ нашихъ профессоровъ, Голендзовскій, и два-три изъ академистовъ. Личность Сѣраковскаго я хорошо помню: это былъ человѣкъ средняго роста, съ худощавымъ, блѣднымъ лицемъ, съ рѣденькими, жидкими волосами, безъ сѣдины. Сѣрые, некрасивые глаза его часто опускались, на іезуитскій манеръ. Желчная, насмѣшливая улыбка не сходила съ губъ и придавала лицу антипатичное, даже отталкивающее выраженіе. Въ то время онъ былъ

---

[1]) «Іосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный жондъ», составилъ Н. В. Гогель, Вильна, 1866 г., стр. 12—26.

капитаномъ генеральнаго штаба и человѣкомъ очень популярнымъ не только въ академіи, но и въ военномъ министерствѣ. Оно посылало его на казенный счетъ за границу изучать военно-судную и дисциплинарную часть въ иностранныхъ войскахъ. Сѣраковскій возвратился съ портфелями, переполненными обильнѣйшимъ матеріаломъ... Современемъ обнаружится это въ высшей степени интересное дѣло... Вообще открытый мятежъ вспыхнулъ слишкомъ рано и неожиданно для вожаковъ. Сѣраковскому раздумывать было опасно, онъ махнулъ рукою на русскую карьеру, пріѣхалъ въ Вильну въ началѣ 1863 года, безъ церемоніи сбросилъ мундиръ и являлся повсюду въ штатскомъ платьѣ, развязно болтая, что ѣдетъ за границу. Вмѣсто того онъ отправился въ Ковенскіе лѣса, гдѣ его уже давно ждала большая шайка отборныхъ повстанцевъ. Кажется, въ апрѣлѣ 1863 года[1]) подъ Биржами соединенныя банды Колышки и Сѣраковскаго отважились столкнуться съ Финляндскимъ полкомъ, были разбиты въ пухъ и прахъ, а Сѣраковскій, раненный, сталъ рисоваться и декламировать передъ генераломъ Ганецкимъ: «Подумайте, генералъ, что скажетъ Европа!». Ганецкій показалъ на себя и рѣзко отвѣчалъ: «Вотъ тутъ передъ вами и Европа и Азія и все что хотите! А вы отправитесь въ госпиталь, въ арестантское отдѣленіе, а потомъ подъ судъ. Европѣ недолго придется ждать о васъ извѣстія!». Сѣраковскаго отправили въ Виленскій госпиталь. Слѣдствіе о немъ при Назимовѣ не кончилось, такъ какъ подсудимый всячески затягивалъ процессъ, отказываясь отвѣчать на допросы, подъ предлогомъ сильныхъ страданій отъ раны. Онъ имѣлъ важныя причины тормозить слѣдствіе, будучи увѣренъ, что за него ходатайствуютъ очень вѣскіе покровители. Но начальникомъ края уже сдѣлался Муравьевъ, а при немъ было трудно затягивать дѣло. Дѣйствительно, къ нему посыпались письма и телеграммы изъ Петербурга о помилованіи Сѣраковскаго. Было даже письмо отъ имени англійской королевы, переданное сентъ-джемскимъ кабинетомъ черезъ англійскаго посла! Трудно повѣрить, а это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію! Но Муравьевъ преспокойно клалъ домогательства подъ сукно, а самъ торопилъ слѣдователей и судей. Наконецъ, онъ вдругъ приказалъ представить къ нему приговоръ, во что бы ни стало, подписалъ его, и на другой же день плацъ-маіоръ и аудиторъ съ конвоемъ явились въ госпиталь и стали будить еще спавшаго Сѣраковскаго. Онъ разсердился, заворчалъ: «Оставьте меня въ покоѣ, я больной человѣкъ и хочу спать. Съ какой стати я буду вставать такую рань?». Но посланные повторили предложеніе одѣваться, даже какъ можно поскорѣе. Сѣраковскій, очень удивленный, сталъ допытываться:

---

[1]) При Назимовѣ.

«Я же вамъ говорю, что еще слабъ, не могу двинуться съ мѣста! Вѣдь меня всегда допрашивали тутъ, въ госпиталѣ, что-жъ за новости такія! Куда вы меня тащите?.. Зачѣмъ?..». Тогда ему, уже не обинуясь, объявили, что приговоръ состоялся, и пришло время его исполнить. Сѣраковскій быстро приподнялся съ постели, задумался, но скоро расхрабрился и сказалъ съ натянутымъ смѣхомъ: «Ахъ, понимаю! Пора розыграть комедію приговора и помилованія?.. Ну, нечего дѣлать, ѣдемъ!» Онъ одѣлся, сѣлъ на дрожки съ плацъ-маіоромъ и подъ конвоемъ пріѣхалъ на мѣсто казни. Однако, при видѣ эшафота съ двумя висѣлицами, окруженными войсками, Сѣраковскій сильно поблѣднѣлъ и такъ смутился, что съ трудомъ спустился съ дрожекъ, даже при посторонней помощи. Къ нему подошелъ ксендзъ съ приглашеніемъ покаяться, примириться съ Богомъ и людьми. Увѣщеваемый, съ трудомъ напустивъ на себя невозмутимую личину, сказалъ ксендзу: «Съ удовольствіемъ, отецъ мой, только, кажется, серьезнаго исхода не будетъ. У меня въ Петербургѣ есть сильная рука, и я увѣренъ, что меня помилуютъ!». Ксендзъ грустно покачалъ головою и сопутствовалъ осужденному на эшафотъ. Войска взяли «на-краулъ», аудиторъ прочелъ утвержденный приговоръ смертной казни черезъ повѣшеніе. Сѣраковскій разсѣянно слушалъ; глаза его разбѣгались въ пространствѣ, то пытливо разглядывая ближайшихъ окружающихъ, то устремляясь въ даль. Онъ ждалъ гонца съ помилованіемъ, но не дождался! По прочтеніи приговора къ нему подошелъ палачъ и взялъ его такъ грубо, что разбередилъ еще не совсѣмъ залѣченную рану. Сѣраковскій отчаянно вскрикнулъ, вырвался и завопилъ: «Что ты лѣзешь на меня, дурачина! Какъ ты смѣешь трогать меня!..». Но эта вспышка только ожесточила палача, и онъ сталъ расправляться еще черствѣе, а Сѣраковскій кричалъ отчаяннѣе, ругался, барахтался и дрался съ палачемъ. Его живо скрутили и повѣсили, а Муравьевъ отвѣчалъ на послѣднюю телеграмму о помилованіи тремя словами: «Поздно, Сѣраковскій повѣшенъ». Его товарищъ Колышко, казненный вмѣстѣ съ нимъ, держалъ себя, напротивъ, съ достоинствомъ и умеръ безъ страха, безъ малодушныхъ колебаній: онъ самъ вытолкнулъ скамейку изъ-подъ своихъ ногъ.

Я пріѣхалъ нѣсколько дней позже, такъ что не былъ въ Вильнѣ во время этой казни, а слышалъ о ней отъ очевидцевъ, а какъ слышалъ, такъ и записалъ, не ручаясь, конечно, за безусловную вѣрность разсказа.

О второмъ, выдающемся по таланту и репутаціи, польскомъ начальникѣ, называвшемся военнымъ диктаторомъ Литвы, именно о Нарбутѣ, я могу разсказать съ большею достовѣрностью, такъ какъ слышалъ о немъ отъ побѣдителя его Тимоѳеева, человѣка правдиваго, вполнѣ достойнаго вѣры. Нарбутъ былъ тоже русскій офицеръ изъ боевыхъ, служилъ на Кавказѣ и, говорятъ, даже

имѣлъ Владиміра съ бантомъ. Кромѣ того, Нарбутъ, въ качествѣ литовскаго помѣщика и страстнаго охотника, зналъ всѣ уголки и тропинки въ лѣсахъ Виленской и Ковенской губерній. Его шайка была отлично дисциплинирована и обучена, а главное любила своего начальника и безусловно вѣрила и подчинялась ему. Понятно, что генералъ-губернаторъ Назимовъ приказалъ уничтожить во что бы ни стало это опасное скопище. Подобное порученіе получилъ въ числѣ другихъ и Тимоѳеевъ. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что шайка Нарбута гнѣздится около мѣстечка Дубичи, онъ пошелъ туда, объискалъ окрестности, но нигдѣ никого не нашелъ. Разспросы жителей ни къ чему не повели. Тимоѳеевъ пошелъ дальше, прошелъ верстъ двадцать безъ всякаго результата, ночевалъ въ какой-то деревнѣ и рано утромъ вернулся обратно въ Дубичи по кратчайшей проселочной дорогѣ, а казакамъ велѣлъ ѣхать стороною до лѣса, ближайшаго къ Дубичамъ, и затѣмъ присоединиться къ отряду, такъ какъ этотъ лѣсъ былъ уже обысканъ наканунѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Нарбутъ ловко обманулъ нашъ отрядъ. Онъ дѣйствительно гнѣздился съ своей шайкой въ Дубичахъ, но, узнавъ заблаговременно о приближеніи Тимоѳеева, отошелъ верстъ на 10 отъ мѣстечка и хоронился въ отдаленіи; когда же Тимоѳеевъ двинулся дальше, мятежники спокойно вернулись въ тотъ же лѣсъ, но зорко наблюдали за показавшимися вдали казаками. Нарбутъ былъ увѣренъ, что это—авангардъ Тимоѳеева, тогда какъ послѣдній вернулся уже въ мѣстечко. Повстанцы, не подозрѣвая близости русскихъ, учились стрѣлять въ цѣль, такъ что въ Дубичахъ слышны были выстрѣлы, но ксендзъ и всѣ обыватели увѣрили Тимоѳеева, что въ сосѣднемъ лѣсу охотятся старообрядцы [1]). Извѣстіе о возможности поохотиться соблазнило гг. офицеровъ стрѣлковой роты. Двое изъ нихъ надѣли охотничій костюмъ и отправились на добычу. Лѣсъ былъ недалеко отъ мѣстечка, отдѣляясь отъ него болотистою рѣчкою. Офицеры переправились на челнокѣ, но только что вступили на другой берегъ, какъ замѣтили между деревьями опушки сторожевыхъ мятежниковъ. Впослѣдствіи плѣнные показали, что Нарбутъ былъ увѣдомленъ о появленіи какихъ-то двухъ молодцовъ съ ружьями. Онъ долго смотрѣлъ на нихъ въ бинокль, махнулъ рукою и презрительно сказалъ: «Кацапы охотники, больше ничего!.. Да вонъ они уже пошли на утёкъ!..». И онъ спѣшилъ къ противоположной опушкѣ лѣса и продолжалъ наблюдать за казаками, но и тутъ успокоился, видя, что они свернули отъ лѣса, а за ними никого не было видно.

Дѣйствительно, наши два охотника поспѣшили вернуться въ мѣстечко и увѣдомить начальника отряда о своемъ открытіи. Ти-

---

[1]) Мѣстнымъ крестьянамъ, старообрядцамъ, разрѣшено было имѣть оружіе. Поляки ихъ называли «кацапами».

моѳеевъ, человѣкъ огневой, рѣшительный и находчивый, тотчасъ собралъ роты безъ шумной тревоги, еще быстрѣе переправился въ лѣсъ и атаковалъ повстанцевъ, не успѣвшихъ образумиться. По словамъ Тимоѳеева, шайка дралась такъ искусно и упорно, что онъ удивился. Нарбутъ распоряжался молодцомъ: приказалъ отступать перекатами, то-есть въ двѣ линіи: одна залегала позади, а другая, отстрѣливаясь, перебѣгала за первую, послѣ чего вторая линія начинала стрѣльбу, и такъ далѣе. Но повстанцы были плохо вооружены, большею частію охотничьими ружьями, поэтому очень боялись нашихъ стрѣлковыхъ ротъ, прозванныхъ ими: «чарны пасы» (черные поясы). Русскіе штуцера производили страшное опустошеніе, и одною изъ первыхъ жертвъ былъ самъ Нарбутъ, отступавшій послѣднимъ и показывавшій примѣръ стойкости и безстрашія. Верховой лошади у него давно уже не было. Онъ шелъ пѣшкомъ, сопровождаемый однимъ изъ довѣренныхъ сослуживцевъ и гимназистомъ, который несъ самоваръ и чемоданчикъ начальника.

Отступленіе совершалось въ порядкѣ, какъ вдругъ Нарбутъ пошатнулся, упалъ на колѣни и присѣлъ на землю. Ближайшіе повстанцы бросились къ нему на помощь, но онъ замахалъ рукою и проговорилъ: «то ницъ, то ницъ!..» (это ничего, ничего!). Онъ былъ смертельно раненъ. Его подхватили на руки и побѣжали съ нимъ, но спасти, всетаки, не могли, такъ какъ наши подошли и были уже въ нѣсколькихъ шагахъ. Нарбутъ успѣлъ еще разстегнуть чамарку и передать бумаги и деньги одному изъ своихъ проводниковъ, но затѣмъ упалъ мертвымъ, вмѣстѣ съ носильщиками, пораженными нѣсколькими пулями. Повстанецъ, получившій казну и канцелярію, успѣлъ убѣжать, за то шайка, при извѣстіи о тяжелой ранѣ своего начальника пріостановилась на свою гибель. Ее окружили и почти всю уничтожили. «Я видѣлъ только начало разгромленія,—разсказывалъ мнѣ Тимоѳеевъ:—я такъ усталъ, что выбился изъ силъ и не помнилъ, какъ добрался до квартиры, бросился на постель, заснулъ, какъ убитый, и проспалъ до полдня слѣдующаго дня. Когда я проснулся, меня уже давно поджидалъ исправникъ; онъ поздоровался со мною такими словами: «А я вамъ гостинца привезъ!». Мы вышли въ переднюю: первое, что я увидѣлъ, былъ лежавшій на скамейкѣ трупъ Нарбута. Онъ былъ въ простой, синей чамаркѣ, безъ всякихъ отличій и въ большихъ сапогахъ. Лице покойника было красивое, привлекательное: высокій лобъ, правильныя черты лица, на которомъ какъ будто застыла горделивая улыбка. На видъ ему было сорокъ лѣтъ не болѣе».

Остается сказать о послѣднемъ изъ упомянутыхъ главныхъ партизановъ.

Ксендзъ Подбржесскаго костела, Владиславъ Мацкевичъ, по образованію, особенно же по военной подготовкѣ, стоялъ неврав-

ненно ниже Сѣраковскаго и Нарбута, но зато былъ способнѣе ихъ обоихъ, вмѣстѣ взятыхъ. На сколько могу судить изъ всего, что о немъ слышалъ, Мацкевичъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума, одаренный непреклонною волею и несокрушимою энергіею. Въ стычкахъ съ нашими войсками онъ часто выказывалъ несомнѣнный, военный талантъ, и при Назимовѣ никому не удавалось ни истребить его шайки, ни захватить его самого.

При Муравьевѣ онъ былъ пойманъ въ концѣ 1863 года, но безоружнымъ, одинокимъ бродягою. Мацкевичъ, въ сопровожденіи одного своего казначея, пробирался по лѣсу къ рѣкѣ Нѣману, гдѣ его ожидала лодка. Въ это время наши войска обшаривали лѣсъ, и одинъ армейскій поручикъ съ нѣсколькими солдатами наткнулись на двухъ бѣглецовъ, лежавшихъ подъ деревомъ въ изнеможеніи.

Мнѣ разсказывали, что Мацкевичъ бросился было бѣжать, но въ него прицѣлились и закричали: «стой, или убью!». Видя, что усталыя ноги не вынесутъ его и не спасутъ отъ пули, бѣглецъ остановился и закричалъ: «Стойте!.. Не стрѣляйте!.. Я ксендзъ Мацкевичъ, ведите меня къ генералу Муравьеву!..». При этомъ внушительномъ имени ружья опустились, но поручикъ долго не вѣрилъ своему счастью, такъ какъ многіе повстанцы для спасенія жизни назывались именемъ извѣстныхъ предводителей. Однако бѣглецъ назвалъ себя на этотъ разъ настоящимъ именемъ. Онъ былъ привезенъ въ Ковно со своимъ адъютантомъ и казначеемъ и, по приговору военнаго суда, повѣшенъ [1]).

Теперь скажу нѣсколько словъ о нашихъ «отцахъ-командирахъ», подвизавшихся въ правленіе генерала Назимова. 2-я гвардейская дивизія молодецки отслужила свой срокъ. Какъ офицеры, такъ и солдаты, выказали себя истыми сынами русскаго народа, всегда проявлявшаго геройство въ борьбѣ за отечество. Война людей родитъ; она же переворачиваетъ вверхъ дномъ регламентацію мирнаго времени. Такъ было и въ 1863 г. При партизанской войнѣ главною боевою единицею оказалась рота, а не полкъ. Полковники, капитаны, стали играть первыя роли, а генералы являлись персонажами безъ рѣчей. Начальникъ 2-й гвардейской дивизіи, генералъ Б......., въ мирное время считался великимъ тактикомъ по знанію старыхъ и новыхъ уставовъ. На разводахъ, парадахъ и маневрахъ онъ являлъ энергію, находчивость, даже творчество, а съ 1863 г. я, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ о немъ другаго отзыва, какъ: «военный генералъ въ мирѣ и мирный генералъ на войнѣ».

---

[1]) Графъ Муравьевъ отзывается о Мацкевичѣ такъ: «человѣкъ необыкновенно ловкій, дѣятельный, умный и фанатикъ. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ, безпрестанно формировалъ шайки и появлялся въ разныхъ мѣстахъ губерніи (Ковенской). Хотя шайки его были неоднократно разбиваемы нашими отрядами, но онъ умѣлъ самъ ускользать отъ преслѣдованія и формировать новыя» (Записки графа М. Н. Муравьева, глава I, Вступленіе).

Изъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ 2-й дивизіи отличился одинъ командиръ Финляндскаго полка, Ганецкій; о прочихъ я не слышалъ, и желательно, чтобы кто нибудь изъ очевидцевъ пополнилъ этотъ пробѣлъ.

Зато не только въ моей, но и въ памяти многихъ сохранились имена полковниковъ Ченгеры и Алхазова, капитановъ л.-гв. Московскаго полка Крамера, л.-гв. Павловскаго — Тимоѳеева и многихъ другихъ.

Теперь перехожу къ личности и дѣятельности М. Н. Муравьева. Въ настоящее время обнародованы его собственныя записки и множество разсказовъ, изслѣдованій и воспоминаній о немъ очевидцевъ и сослуживцевъ. Все это я не могу считать непогрѣшимымъ, опровергать же тоже ничего не желаю.

Военные начальники уѣздовъ имѣли всегда доступъ къ начальнику края; они имѣли право входить въ его кабинетъ днемъ и ночью безъ доклада, поэтому пишу только то, что видѣлъ и слышалъ самъ. Начну съ наружности, уже теперь затемненной временемъ, какъ бронза на памятникѣ. Вообще рѣдкій монументъ передаетъ въ совершенствѣ фигуру и черты усопшаго героя, такъ какъ обыденный типъ его и характерныя особенности, видимыя при жизни, съ трудомъ поддаются изображенію. Муравьевъ былъ роста выше средняго, но казался ниже отъ полноты и сутуловатости. Курносое лице, съ широкими скулами, большіе, умные, сѣрые глаза, чрезвычайно проницательные—вотъ его наружность. Михаилъ Николаевичъ носилъ только небольшіе, щетинистые усы. Голова его въ то время уже значительно облысѣла, и на передней ея части, поверхъ лба, оставалась одна длинная прядь или чубъ, обыкновенно приглаженный щеткою; но при занятіяхъ и въ раздумьѣ Муравьевъ начиналъ теребить свой чубъ до того, что онъ вытягивался впередъ и торчалъ какъ рогъ. Когда же Михаилъ Николаевичъ приглаживалъ его,—значило, что рѣшеніе принято, и волненіе успокоилось. Впрочемъ, въ его наружности замѣчательны были не черты лица, не характерность фигуры, а общее выраженіе и необыкновенная типичность всѣхъ особенностей, вмѣстѣ взятыхъ. Больше всего поражали съ перваго же раза строгая неподвижность его лица и спокойный, пристальный взглядъ всегда серьезныхъ, умныхъ глазъ. Этотъ взглядъ, острый какъ кинжалъ, проникалъ въ душу и заставлялъ дрожать виновнаго. Когда Муравьевъ сердился, онъ только краснѣлъ, пыхтѣлъ и теребилъ свой чубъ, но лице его не искажалось, взглядъ не разбѣгался, глаза не мутились, и голосъ никогда не возвышался до крикливости, а напоминалъ зловѣщее рычаніе льва, идущаго на добычу. Громадная житейская опытность этого замѣчательнаго человѣка изощрила до совершенства его природную способность распознавать людей по первому взгляду. Онъ умѣлъ найти способныхъ и надежныхъ лю-

дей, умѣлъ привлечь ихъ къ себѣ, возвысить, отличить, но сейчасъ же вкладывалъ, втискивалъ человѣка въ ту форму, въ тѣ условія, въ какія ему было нужно. Людей способныхъ, но и самостоятельныхъ, словомъ такихъ, какъ онъ самъ, Муравьевъ не долюбливалъ. Это былъ властитель по природѣ, по призванію и по привычкѣ. Умнѣе, тверже, энергичнѣе себя онъ никого не выносилъ. Ему надобны были исполнители, разумные и дѣятельные, онъ требовалъ повиновенія, но сознательнаго и безпрекословнаго. Всякую красномолвку, недомолвку, лживку, лукавку, немогузнайку, Муравьевъ прожигалъ, какъ огнемъ, своимъ громаднымъ, здравымъ смысломъ и безпощадною логикою. Это прежде всѣхъ испытали передовые люди польской интеллигенціи, особенно тѣ, которые пробовали стать на нейтральную почву, то-есть одинаково опасались и законной русской, и подпольной польской власти, тогда какъ середины не могло быть. Уловка служить и нашимъ, и вашимъ, не удавалась даже евреямъ. Какъ только Муравьевъ былъ назначенъ, къ нему явился въ Петербургѣ [1]) виленскій предводитель дворянства Домейко, въ то время уже дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ со Станиславскою лентою черезъ плечо. Когда онъ назвался, Муравьевъ озадачилъ его вопросомъ:

— Зачѣмъ же вы здѣсь, а не въ Вильнѣ?

Домейко нашелся отвѣтить, что, узнавъ о назначеніи его высокопревосходительства, спѣшилъ въ Петербургъ представиться и засвидѣтельствовать почтеніе, а кстати попроситься въ отпускъ за границу для поправленія здоровья.

— Напрасно вы торопились ко мнѣ въ Петербургъ,—обрѣзалъ Муравьевъ: — тогда какъ я самъ тороплюсь въ Вильну. Въ теперешнее время каждому изъ насъ слѣдуетъ быть на своемъ посту, и я прошу васъ сейчасъ же ѣхать къ мѣсту вашего служенія.

Но Домейко не поѣхалъ, прикинулся больнымъ и только черезъ нѣсколько недѣль по прибытіи въ Вильну Муравьева явился къ начальнику края.

Еще характернѣе расправа Муравьева съ извѣстнымъ бискупомъ Красинскимъ, самымъ опаснымъ, неуловимымъ устроителемъ и поборникомъ мятежа. Въ понятіи тогдашнихъ польскихъ интеллигентовъ всякій москаль былъ набитый дуракъ съ дикими, животными инстинктами, котораго можно подкупить стаканомъ водки или рублемъ, а если онъ высокопоставленъ, то льстивымъ словомъ и вкрадчивымъ обхожденіемъ. Когда, при первомъ же свиданіи, Муравьевъ строго спросилъ бискупа: какъ онъ думаетъ о мятежныхъ поступкахъ и о пропагандѣ польскаго духовенства,

---

[1]) Домейко — исходатайствовалъ себѣ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ чтобы избавиться, какъ онъ говорилъ, отъ преслѣдованія мятежниковъ (Записки гр. М. Н. Муравьева, глава I-я, Вступленіе).

Красинскій отвѣчалъ уклончиво, что ни о какихъ дурныхъ поступкахъ ксендзовъ ему неизвѣстно, и началъ тонко подсмѣиваться надъ повстаньемъ, рисуя его въ каррикатурномъ видѣ и представляя смуту чѣмъ-то смѣшнымъ, не стоящимъ вниманія; при этомъ онъ выражалъ удивленіе, что столь могущественное, самодержавное правительство русское можетъ опасаться чисто ребяческой вспышки, которая скоро кончится травлею зайцевъ львами. Бискупъ смиренно опускалъ глаза и говорилъ сладенькимъ голоскомъ, съ насмѣшливою улыбочкою. Муравьевъ не спускалъ съ него глазъ, не улыбался и вдругъ перебилъ Красинскаго очень крутымъ возраженіемъ:

— Насчетъ того, что эта вооруженная сволочь намъ неопасна, я согласенъ съ вашимъ преосвященствомъ, но не могу согласиться съ тѣмъ, что все это смѣшно. Ксендзы открыто возмущаютъ народъ въ Божьихъ храмахъ, благословляютъ измѣну, освящаютъ рѣзню. Двое ксендзовъ [1]) лично предводительствуютъ шайками, и я прошу ваше преосвященство объяснить мнѣ, какія приняты мѣры, чтобы положить конецъ этимъ безчинствамъ.

Красинскій пересталъ улыбаться и опять-таки уклончиво отвѣтилъ, что карательная власть его ограничена каноническимъ правомъ, но что онъ былъ бы благодаренъ, если бы начальникъ края почтилъ его «предварительнымъ сношеніемъ по каждому случаю проступка духовнаго лица Виленской епархіи». Тогда Муравьевъ заговорилъ напрямикъ и объявилъ прелату, что, кромѣ правъ, онъ имѣетъ и обязанности, и что при первомъ же повтореніи мятежныхъ дѣйствій со стороны духовенства отвѣтственность падетъ прежде всего на высшихъ іерарховъ, не взирая на ихъ высокій санъ и высокое положеніе. Красинскій вскорѣ убѣдился, что у новаго начальника края слово вяжется съ дѣломъ. Муравьевъ велѣлъ разстрѣлять двухъ ксендзовъ пропагандистовъ Ишôру и Земацкаго, безъ предварительнаго снятія съ нихъ сана. Этотъ неслыханно-грозный примѣръ такъ перепугалъ Красинскаго, что онъ сказался больнымъ, слегъ въ постель и послалъ Муравьеву прошеніе объ увольненіи его на Друскеникскія воды для леченія. Муравьевъ согласился, но на желѣзной дорогѣ бискупа ожидалъ жандармскій офицеръ съ инструкціями, и вмѣсто Друскеникъ Красинскій совершенно неожиданно былъ сосланъ въ Вятку.

Я пріѣхалъ въ Вильну черезъ два мѣсяца послѣ Муравьева, когда первые шаги его на многотрудномъ поприщѣ были у всѣхъ въ свѣжей памяти и у всѣхъ на языкѣ. Помянутная казнь двухъ ксендзовъ состоялась незадолго до моего прибытія. О ней шла молва по всей Литвѣ, потому что это былъ примѣръ потрясающій,

---

[1]) Мацкевичъ и Товкевичъ.

громовой! Чтобы понять его значеніе, стоитъ припомнить, что исповѣдь и проповѣдь были страшными орудіями въ рукахъ польскаго духовенства. На каѳедру всходилъ, напримѣръ, древній, сѣдой какъ лунь, старикъ и начиналъ говорить слабымъ, глухимъ, какъ будто загробнымъ голосомъ, но съ увлеченіемъ, краснорѣчиво, убѣдительно. Онъ самъ плакалъ и заставлялъ плакать всѣхъ прихожанъ. На другой день являлся передъ ними молодой, красивый ксендзъ и проповѣдывалъ пламенно, порывисто, съ фанатичнымъ жаромъ якобинскаго клубиста. Онъ увлекалъ, очаровывалъ и доводилъ слушателей до патріотическаго изступленія. Всѣ эти пропагандисты, старые и молодые, по цѣлымъ годамъ, каждый день и часъ, говорили на одну и ту же тему: «Отечество въ цѣпяхъ! Спасайте, возродите его, не щадя имущества, свободы, живота!». Воплощеніе пропаганды такого рода представляли, въ лицахъ, ксендзы Ишòра и Земацкій, осужденные за то, что явно проповѣдовали мятежъ въ костелахъ, освящали оружіе и благословляли повстанцевъ на рѣзню. Ишòра былъ восьмидесятилѣтній старикъ, сѣдой какъ лунь, а Земацкій—высокій, красивый ксендзъ съ голубыми глазами, въ которыхъ блестѣло вдохновеніе. Я слышалъ, что ихъ не везли на казнь на позорной колесницѣ, а вели пѣшкомъ. Старый и дряхлый Ишòра совсѣмъ разслабъ; на него нашелъ столбнякъ, и онъ двигался, лучше сказать, его вели въ полусознательномъ состояніи. Когда осужденныхъ привязывали къ столбу, Ишòра совершенно потерялъ сознаніе, такъ что переходъ въ вѣчность былъ для него нечувствителенъ. Земацкій, напротивъ, умеръ мужественно; онъ все время шелъ твердымъ шагомъ, не смотрѣлъ ни на кого, а только на небо, и до послѣдней минуты то тихо, то громко молился.

Теперь, тридцать лѣтъ спустя, легче сравнить систему управленія Муравьева и предмѣстника его. В. И. Назимовъ могъ по справедливости сказать: «Я подавилъ вооруженный мятежъ, истребилъ всѣ сколько нибудь значительныя шайки, а Муравьеву достались лишь остатки, совершенно ничтожные. Такъ чего же еще можно было отъ меня требовать!». Это совершенно вѣрно; но зато польскихъ магнатовъ, помѣщиковъ, шляхту, польскихъ или ополяченныхъ русскихъ чиновниковъ, Владиміръ Ивановичъ или вовсе не преслѣдовалъ, или преслѣдовалъ рѣдко и слабо. Католическое духовенство Назимовъ берегъ, уважалъ, и доносилъ государю, что прелатовъ и ксендзовъ слѣдуетъ всячески привлекать на нашу сторону, такъ какъ они имѣютъ сильное вліяніе на умы и популярны въ народѣ. Можно себѣ представить, какимъ вліятельнымъ лицемъ былъ при Назимовѣ епископъ Красинскій! Муравьевъ дѣйствовалъ прямо противоположно и въ разрѣзъ системѣ своего предмѣстника. Вооруженнымъ шайкамъ онъ не придавалъ особаго значенія, называлъ ихъ сволочью и сравнивалъ съ вѣтвями и

сучьями дерева, которые вырубаются, сохнуть, падають, но на ихъ мѣстѣ выростають другіе, и дерево продолжаеть рости да развѣтвляться, пока корни его цѣлы. На эти-то корни и обрушился Муравьевъ. Первымъ страшнымъ ударомъ топора было обложеніе всѣхъ помѣщиковъ польскаго происхожденія большимъ процентнымъ сборомъ. Эти господа, съ конца 50-хъ годовъ, употребляли свои доходы и капиталы на «офяры» (пожертвованія) въ пользу ойчизны, то-есть въ пользу мятежа. Вотъ куда помѣщались русскія деньги! Распоряженіе Муравьева положило конецъ такому порядку вещей. Русскія деньги стáли употребляться на русское дѣло: процентный сборъ расходовался на постройку, ремонтъ и украшеніе православныхъ церквей, на улучшеніе быта православнаго духовенства, на упорядоченіе администраціи, полиціи и другихъ, подобныхъ цѣлей, прямо противоположныхъ задачамъ мятежа. Наконецъ, починомъ Муравьева приступлено было къ дѣйствительному осуществленію крестьянской реформы по Положенію 19-го февраля 1861 года, тогда какъ при Назимовѣ помѣщики извращали и обходили законъ, обращая реформу въ свою единоличную пользу. Благодаря помянутымъ двумъ кореннымъ мѣрамъ Муравьева, польскіе землевладѣльцы до того оскудѣли, что лишились возможности формировать, довольствовать и содержать шайки на своемъ иждивеніи.

Изъ предъидущаго видно было, какимъ образомъ Муравьевъ подрубилъ другой жизненный корень мятежа въ лицѣ бискупа Красинскаго и какъ онъ подсѣкалъ второстепенные корешки въ лицѣ такихъ священниковъ, какъ Ишòра и Земацкій.

Остатки мятежническихъ скопищъ новый начальникъ края тоже не оставилъ своимъ попеченіемъ. Одинъ изъ приближенныхъ къ нему сотрудниковъ, смѣясь, говорилъ мнѣ: «Вамъ предстоитъ много работы. Муравьевъ хочетъ извести повстанцевъ, какъ клоповъ, то-есть ошпаривать кипяткомъ, прижигать и выколупывать ихъ гнѣзда до тѣхъ поръ, пока и зародышей не останется». Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Вся 1-я гвардейская дивизія раздробилась на ротныя колонны, которыя начали, по выраженію Муравьева, «сновать» по всѣмъ направленіямъ и не давали повстанцамъ ни отдыха, ни срока. Съ своей стороны, Варшавскій Жондъ (революціонное правительство) старался приноровиться къ обстоятельствамъ и послалъ Литовскому отдѣлу приказаніе перемѣнить тактику, избѣгать столкновеній, и упорно держаться ночныхъ, партизанскихъ дѣйствій, имѣя въ виду только поддержаніе террора въ народѣ, и во что бы то ни стало затянуть мятежъ, выиграть время и «дождаться лучшихъ дней» (любимое изреченіе поляковъ). Такой оборотъ былъ, въ сущности, практичнымъ и цѣлесообразнымъ. Поляки ждали вмѣшательства Европы и не ошибались, такъ какъ дѣло дѣйствительно дошло до попытки при-

знанія поляковъ и русскихъ «воюющими сторонами» со стороны Англіи и Франціи, предлагавшихъ свое посредничество. Извѣстно, что эта затѣя Наполеона III потерпѣла фіаско, вслѣдствіе рѣшительнаго отказа императора Александра II, выраженнаго въ рѣзкомъ отвѣтѣ канцлера, князя Горчакова. Подпольные, варшавскіе агитаторы не переставали, однако же, вѣрить въ заступничество Европы и держались до крайности. Хотя вооруженныя силы мятежа разлагались; но военная и гражданская организація народоваго жонда крѣпко коренилась въ Литвѣ даже при Муравьевѣ. Въ самой Вильнѣ, близко отъ него, проживали польскіе гражданскіе губернаторы Малаховскій и Калиновскій. Они держали въ своихъ рукахъ матеріальныя и нравственныя средства революціи, поддерживали дѣятельныя сношенія съ главнымъ Варшавскимъ комитетомъ и съ особымъ усердіемъ старались устроить подпольную администрацію, особенно кинжальщиковъ и жандармовъ вѣшателей, главныхъ орудій террора. Муравьевъ долго не могъ добраться до этихъ корней, глубоко таившихся въ почвѣ и широко разросшихся. Но онъ терпѣливо и упорно добирался до нихъ, а такія отчаянныя попытки, какъ покушеніе на маршалка (предводителя дворянства) Домейко, усугубляли энергію и распорядительность усмирителя польской справы.

Командиръ Преображенскаго полка жестоко далъ почувствовать мнѣ свое неудовольствіе на меня тѣмъ, что только въ концѣ лѣта, даже, помнится, въ началѣ осени, послалъ наконецъ и мою роту въ экспедицію. До тѣхъ поръ она обречена была на службу въ гарнизонѣ, хотя при этомъ я исполнялъ экстренныя порученія, непривычныя и непріятныя. Назначали меня членомъ слѣдственныхъ и военно-судныхъ коммиссій, командировали на обыски, которые Муравьевъ, то и дѣло, приказывалъ производить по всему городу. Войска собирали втихомолку въ казармахъ, и мы не знали, зачѣмъ и куда пойдемъ, покамѣстъ насъ не приводили на мѣсто обыкновенно въ глухую ночь. И вдругъ мы оцѣпляли цѣлую улицу, иногда цѣлый кварталъ, и начинались обшариванія, разспросы, аресты съ акомпанементомъ плача, воплей и отчаянной суеты растерявшихся обывателей. Наконецъ, моей ротѣ пришлось побывать на экзекуціи политическихъ преступниковъ. Первая смертная казнь, видѣнная мною въ жизни, совершена была надъ двумя братьями Ревковскими, принадлежавшими къ разряду кинжальщиковъ, то-есть тайныхъ убійцъ изъ-за угла. По виду же они напоминали забубенныхъ, уличныхъ гулякъ. Помню, что оба были небольшаго роста, одинъ брюнетъ, съ небольшими бакенбардами, другой бѣлокурый, вовсе безбородый; на одномъ была затасканная блуза, а на другомъ—дрянное, поношенное пальто. На головахъ красовались, ухарски надѣтыя, клеенчатыя фуражки. Оба брата держали себя съ напускною развязностью, раскланивались

съ улыбками на обѣ стороны, особенно выразительно подмигивая и кивая встрѣчнымъ знакомымъ.

Торговую площадь, гдѣ совершались казни, помню такъ живо, какъ будто вижу ее передъ собою. Изъ городскихъ строеній здѣсь выдавался впередъ одинъ костелъ; далѣе было поле, обрамленное полукружіемъ довольно большихъ холмовъ, усыпанныхъ народомъ, чтò представляло картину римскаго амфитеатра. Эшафотъ былъ расположенъ ближе къ городу, весьма недалеко отъ костела, который казался снизу задрапированнымъ крепомъ, потому что къ стѣнѣ прильнула цѣлая вереница женщинъ, въ глубокомъ траурѣ съ плерезами. Онѣ проталкивались къ стѣнѣ костела, не смотрѣли на казнь, молились и плакали. Церемоніалъ экзекуціи очень короткій и суровый. Войска отдаютъ честь, аудиторъ читаетъ приговоръ, и сейчасъ же послѣ чтенія начинаютъ трещать барабаны, бьющіе дробь. Это дѣлается для того, чтобы заглушить крики и вопли, а главное—чтобы помѣшать осужденнымъ говорить разнузданныя рѣчи народу, чтò многіе изъ нихъ дѣлали. Ксендзъ, напутствовавъ Ревковскихъ, удалился съ эшафота, а палачъ связалъ имъ руки и набросилъ на нихъ рубашки безъ рукавовъ, съ глухимъ капюшономъ, такъ что лица не было видно; затѣмъ накинули имъ на шею веревки и поставили каждаго на высокую скамейку подъ висѣлицею. Наконецъ, палачъ вытолкнулъ скамейки изъ-подъ ногъ, и висѣльники судорожно закрутились въ воздухѣ.

Какъ-то разъ утромъ, 29-го іюля, по обыкновенію, я переправился изъ укрѣпленія на городскую сторону и сейчасъ же замѣтилъ на улицахъ суету и необычайное движеніе. Казаки, жандармы, скакали во всю прыть, полицейскіе растерянно бѣгали по всѣмъ направленіямъ, зорко оглядывая каждаго встрѣчнаго, а прохожіе останавливались и горячо о чемъ-то разсуждали. Я подошелъ къ одной группѣ, спросилъ, что случилось. Мнѣ отрывисто отвѣчали:

— Маршалка зарѣзали!.. Домейку!...

— Какъ? Когда? Гдѣ?..

— Часъ тому назадъ,—у него, на квартирѣ!..

Я вернулся въ укрѣпленіе, собралъ роту и приказалъ никому не отлучаться изъ казармъ, впредь до распоряженія. Скоро, однако же, я успокоился, узнавъ отъ офицеровъ, что въ городѣ все въ порядкѣ, и ничего худаго не предвидится. Распустивъ роту, я самъ отправился на развѣдки и вотъ что узналъ на первыхъ порахъ: въ день рожденія императрицы (Маріи Александровны), 27-го іюля, Домейко представилъ начальнику края всеподданнѣйшій адресъ дворянства Виленской губерніи, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. А черезъ два дня, 29-го утромъ, часовъ въ девять, къ Домейко явился какой-то проситель, настоятельно требовавшій повидаться съ нимъ, по безотлагательному дѣлу. Предво-

дитель, только что вставшій съ постели, неохотно принялъ ранняго посѣтителя. Тотъ подалъ ему, не говоря ни слова, свернутый листъ бумаги, оказавшійся не прошеніемъ, а смертнымъ приговоромъ, подписаннымъ Варшавскимъ Жондомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, исполнитель его вынулъ ножъ и, какъ только маршалокъ принялся читать, бросился на него и началъ наносить ударъ за ударомъ. Къ счастію, Домейко не потерялъ присутствія духа и отбивалъ удары противника правою рукою, которою загородился, какъ щитомъ [1]). На крикъ пострадавшаго прибѣжалъ старикъ камердинеръ. Появленіе его въ дверяхъ испугало злодѣя, боявшагося за отступленіе. Онъ оставилъ въ покоѣ израненнаго Домейко и бросился на его слугу, нанесъ ему тяжкія раны, перепрыгнулъ черезъ свою жертву, свалившуюся на полъ, выскочилъ въ переднюю, ранилъ и тамъ встрѣчнаго мальчика-казачка, наконецъ выбѣжалъ на улицу и скрылся въ одномъ изъ прилегающихъ жидовскихъ кварталовъ. Найти его въ переполохѣ не могли. Домейко жилъ на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ Вильны. Наглое до невѣроятности покушеніе на такого сановника посреди бѣла дня вывело Муравьева изъ себя. Онъ позвалъ полицеймейстера Саранчова и объявилъ ему, что если убійца не будетъ схваченъ въ скорости, то всѣ полицейскія власти будутъ замѣнены новыми. Однако, прежде всего необходимо же было знать хоть какія нибудь примѣты убійцы. Камердинеръ и мальчикъ были такъ сильно изранены, что не могли говорить, а самъ Домейко, истекавшій кровью, съ трудомъ могъ показать, что злодѣй—очень молодой человѣкъ, похожій на мастероваго и **рыжій**. Изъ-за этой примѣты многіе пострадали безвинно. Казаки, жандармы и городовые начали хватать безъ разбора всѣхъ голоусыхъ, безбородыхъ и рыжихъ парней, преимущественно изъ мастеровыхъ. Не пренебрегали и блондинами: тамъ, молъ, начальство разберетъ, какой онъ масти!.. Нахватали множество бѣлокурыхъ, разсажали ихъ по тюрьмамъ и начали водить на показъ несчастному, больному Домейко и его служителямъ, которые не могли вспомнить объ убійцѣ безъ страшнаго, нервнаго потрясенія. Наконецъ, когда больные нѣсколько оправились, имъ стали понемногу предъявлять мнимыхъ убійцъ и, конечно, всѣхъ освободили. Настоящій же убійца былъ пойманъ 6-го августа, то-есть недѣли черезъ двѣ послѣ покушенія. Впослѣдствіи разъяснилось, что преступникъ затаился на лютеранскомъ кладбищѣ, переодѣтый въ женское платье. Лютеранскіе пасторы не вмѣшивались въ политику и держали себя такъ легально, что Муравьевъ

---

[1]) «Злодѣй, подавая лѣвою рукою просьбу предводителю, правой выхватилъ изъ кармана кинжалъ и сталъ наносить имъ измѣннически раны въ животъ, но остріе кинжала, встрѣчая на пути вату (стеганнаго халата), скользило и нанесло предводителю лишь слабыя раны» (Исторія Преображ. полка, томъ III, стр. 332).

оставлялъ ихъ въ покоѣ, и убійца могъ спокойно проживать въ чертѣ пасторской осѣдлости, пока горячка преслѣдованія не улеглась. 6-го августа, Малаховскій пришелъ въ гостинницу, ближайшую къ Варшавской желѣзной дорогѣ, ведя подъ руку высокую черноволосую даму, подъ густымъ вуалемъ. Это былъ убійца Домейко. Его переодѣли въ гостинницѣ въ мужское платье, послѣ чего Малаховскій довелъ преступника до вокзала и оставилъ вдвоемъ, съ варшавскимъ сообщникомъ его, Чаплинскимъ. Послѣдній розыгрывалъ роль провожающаго, а первый—пассажира. Оба явились въ опрятномъ, штатскомъ платьѣ; у пассажира былъ готовый паспортъ въ рукахъ. Малаховскій исчезъ. По открытіи кассы паспортъ предъявленъ былъ въ исправномъ видѣ. Въ то время при кассѣ находился особый чиновникъ, ревизовавшій паспорты, но предъявленный ему заграничный паспортъ оказался въ порядкѣ, и ревизоръ безъ затрудненія наложилъ на него штемпель; но нечистая совѣсть и лихорадочное нетерпѣніе выдали преступниковъ. Они слишкомъ торопливо бросились къ кассѣ, какъ только ее открыли, такъ что жандармскій офицеръ обратилъ на нихъ вниманіе. Ему показалось страннымъ и то, что пассажиръ, имѣя заграничный паспортъ, бралъ билетъ только до Варшавы. Тѣмъ не менѣе, кассиръ, въ виду правильно визированнаго паспорта, не могъ отказать въ выдачѣ билета, и убійца могъ бы легко ускользнуть, если бы товарищъ его держалъ себя спокойнѣе. Напротивъ того, Чаплинскій, болѣе робкій литвинъ, выдавался лихорадочною суетою, нервно бѣгая взадъ и впередъ, такъ что жандармскій офицеръ, не спускавшій глазъ съ обоихъ пріятелей, не вытерпѣлъ, подошелъ къ пассажиру и сказалъ:

— Позвольте мнѣ еще разъ посмотрѣть вашъ паспортъ.

Подозрѣваемый вынулъ документъ и очень спокойно предъявилъ его, но Чаплинскій не выдержалъ, поблѣднѣлъ какъ смерть и задрожалъ. Тогда жандармскій офицеръ арестовалъ ихъ, и едва успѣли они посидѣть нѣсколько дней, какъ уже волосы подросли у черноволосаго и выказали рыжіе корни. Его вымыли щелокомъ и предъявили Домейкѣ, тотчасъ же признавшему своего убійцу. Послѣ поимки его, самозванный губернаторъ Малаховскій бѣжалъ изъ Вильны, но его мѣсто занялъ Калиновскій, поселившійся какъ разъ противъ дворца Муравьева, черезъ улицу, въ губернской гимназіи, въ квартирѣ одного учителя, находившагося въ отпуску. Калиновскій жилъ тамъ подъ фальшивымъ именемъ Витолда Витоженца. Онъ былъ пойманъ послѣ моего отъѣзда, поэтому опущу слышанныя мною подробности этой поимки и возвращаюсь къ разсказу.

Убійцею Домейки оказался варшавякъ, ремесленникъ, по фамиліи Беньковскій. Я состоялъ въ числѣ членовъ суда надъ нимъ и, между прочими, подписалъ смертный приговоръ. Стоитъ опи-

сать теперь наиболѣе характерныя черты покушенія. Само собою разумѣется, что главною цѣлью политическихъ убійцъ была жизнь Муравьева [1]). Еще не успѣлъ онъ выѣхать изъ Петербурга, какъ уже Варшавскій Жондъ пытался убить его. «Искали только фанатика, который бы взялся за исполненіе подобнаго преступленія, вслѣдствіе чего и Петербургскій комитетъ тоже съ своей стороны искалъ такого злодѣя. Наконецъ, однажды Виталій Опоцкій пришелъ къ Огрызкѣ съ донесеніемъ, что, при содѣйствіи общества «Земля и Воля», охотникъ нашелся между ремесленниками, который и проситъ за это злодѣйство 5.000 рублей [2])».

Этотъ замыселъ, къ счастію не состоялся.

Въ Петербургѣ же Муравьевъ узналъ, что Жондъ обѣщалъ значительную сумму его убійцѣ. Говорятъ, будто Михаилъ Николаевичъ отвѣтилъ на эту новость: «дайте мнѣ только пріѣхать на мѣсто и начать съ ними расправляться, тогда они предложатъ въ десять разъ больше за мою голову!». Въ Вильнѣ же онъ такъ обставился, что во дворецъ генералъ-губернатора не могла пробраться ни одна подозрительная личность. Дворцовый садъ, гдѣ начальникъ края часто гулялъ, былъ окруженъ высокою стѣною и цѣпью часовыхъ. Кажется, за все управленіе Муравьева во дворцѣ случился одинъ только переполохъ, и то комическій. Въ одно прекрасное утро Муравьевъ увидѣлъ въ окнѣ своего кабинета бородатую голову, большіе, черные глаза и руку, вооруженную чѣмъ-то длиннымъ и острымъ. По звонку прибѣжалъ адъютантъ, но тревога кончилась комедіею: оказалось, что жидъ, красильщикъ, томимый любопытствомъ увидѣть Муравьева вблизи, осмѣлился спуститься на своей качалкѣ до самаго окна, въ недозволенное время, то-есть въ часъ докладовъ. Муравьевъ велѣлъ привести еврея къ себѣ и, смѣясь отъ души, спросилъ: «Ну, что?.. Видѣлъ меня?.. Хорошъ я?..». Отвѣта не было, потому что у еврея отнялся языкъ; онъ позеленѣлъ и чуть не умеръ отъ страха, такъ что начальникъ края могъ только вмѣнить ему этотъ паническій страхъ въ наказаніе.

Можно смѣло сказать, что генералъ-губернаторъ, не выходя изъ своего кабинета, управлялъ шестью губерніями, да еще какъ управлялъ! Дѣйствительно, М. Н. Муравьевъ почти никуда не ѣздилъ, развѣ къ обѣднѣ, въ соборъ, и къ митрополиту, извѣстному Іосифу Сѣмашко. Ѣздилъ же онъ въ маленькой каретѣ, причемъ два казака скакали вплотную къ окнамъ, и карета неслась съ такою быстротою, что подступиться не было возможности. Литовскіе кинжальщики, въ большинствѣ гимназисты, аптекарскіе ученики и

---

[1]) 27-го іюля, въ день рожденія императрицы, Беньковскій пробирался на паперть собора, чтобы убить Муравьева, но не могъ близко подойти по огромному стеченію служащихъ и народа (Записки гр. М. Н. Муравьева, глава I, Вступленіе).

[2]) «Іосафатъ Огрызко», Н. В. Гогеля, Вильна, 1866, стр. 72 и 73.

тому подобная молодежь, были слишкомъ трусливы и неопытны до того, что даже боялись вида крови. Варшавскій Жондъ не могъ добиться отъ нихъ не только покушенія на Муравьева, но даже на Домейку, махнулъ рукою на виленскихъ кинжальщиковъ и пріискалъ себѣ варшавяка Беньковскаго. Этотъ былъ цирульникъ, не боявшійся крови, притомъ отчаянная голова. Ему пообѣщали крупный кушъ, выдали порядочный задатокъ и ловко спровадили въ Вильну. На судѣ я видѣлъ его самъ: рослый, рыжій, безусый парень, съ упрямымъ, озлобленнымъ выраженіемъ лица, словомъ истый сорви-голова. На допросы онъ отрывисто отвѣчалъ сквозь зубы: «такъ есть!» (да!) или же: «ни!» (нѣтъ!). Больше этого подсудимый ничего не говорилъ. Передъ казнью онъ успѣлъ выломать изъ кровати кусокъ желѣза и хотѣлъ напослѣдокъ убить предсѣдателя коммиссіи генерала Соболевскаго, такъ что на казнь его везли въ ручныхъ кандалахъ съ особымъ приспособленіемъ, связывавшимъ пальцы. На казни Беньковскаго и товарищей его Малевскаго и Чаплинскаго я не былъ, потому что меня наконецъ-таки послали въ экспедицію. Экспедиціи же мы всѣ очень любили по той причинѣ, что высшее начальство оставалось дома, и каждый ротный командиръ дѣлался самъ себѣ господинъ, а вмѣсто скучной, однообразной службы въ гарнизонѣ наступала служба серьезная, занимательная, имѣющая цѣль. Наша цѣль, напримѣръ, заключалась въ поимкѣ Вислоуха. Это опять-таки названіе герба, а не личности. Почти всѣ предводители повстанцевъ скрывали свои фамиліи подъ такими геральдическими псевдонимами: Сѣраковскій-Доленго, Жвирждовскій-Тòпоръ, Гейденрейхъ-Крукъ (вòронъ), и проч. Кто былъ Вислоухъ, осталось загадкою, по крайней мѣрѣ, для меня. Подобно Мацкевичу, онъ ускользнулъ изъ рукъ 2-й дивизіи и еще скитался по лѣсамъ въ Муравьевское время, но въ бой вступать не пытался, а поддерживалъ въ народѣ терроръ, перебѣгая черезъ рѣку Вилію изъ Трокскаго уѣзда въ Виленскій. Его видывали въ корчмахъ, на мызахъ, на фольваркахъ; молва разносила о немъ чудеса, но мы плохо имъ вѣрили. Я пошелъ съ ротою вверхъ по Виліи до мѣстечка Чабишекъ, гдѣ стоялъ въ 1849 году. Какія тяжелыя воспоминанія возбудило сравненіе прошедшаго съ настоящимъ! Панскую мызу въ Чабишкахъ я нашелъ пустою. Мнѣ говорили, что Вислоухъ нѣсколько разъ врывался туда ночью, будилъ хозяина и забиралъ лошадей, провіантъ, словомъ все, что хотѣлъ, грозя перерубить канаты у парома и сжечь мызу до основанія. Выведенный изъ терпѣнія помѣщикъ Пильсудскій уѣхалъ за границу, оставивъ имѣніе на произволъ судьбы. Я, конечно, посылалъ патрули и развѣдки во всѣ стороны, но о Вислоухѣ не было и помину. Онъ зналъ, когда было время налетать и когда исчезать; словомъ, мои розыски привели только къ арестованію нѣсколькихъ забубенныхъ шляхтичей, завѣдомыхъ чле-

новъ банды Вислоуха, что я удостовѣрю въ концѣ, когда буду говорить о тогдашнемъ характерѣ польской партизанки. Отъ Чабишекъ я пошелъ кружнымъ путемъ, стараясь захватить возможно большее пространство Виленскаго уѣзда. Вездѣ слышали мы самыя грустныя извѣстія о нашихъ литовскихъ амфитріонахъ 1849 года. Особенно жестоко покарала судьба помѣщика Северина Ромера, гдѣ преображенцы такъ весело охотились въ 1849 году. Самъ Ромеръ, подобно Пильсудскому, родственнику своему, тоже проживалъ за границею, зато управляющій его замѣшался въ повстанье и допустилъ звѣрскія истязанія и убійства русскихъ людей. Но Муравьеву въ такихъ случаяхъ было все равно, что помѣщикъ, что управляющій, и онъ порѣшилъ такъ: «А зачѣмъ же помѣщикъ держитъ ненадежныхъ управляющихъ? По дѣломъ ему! Пускай пеняетъ на самого себя!»... И онъ велѣлъ сжечь мызу дотла. Ромеръ спѣшилъ пріѣхать изъ-за границы просить милости и свидѣтельствовать о своей невинности. Но каково же было удивленіе просителя, когда и его самого засадили въ каменный мѣшокъ на основаніи Муравьевскаго правила: «всѣ они виноваты!». Другой нашъ амфитріонъ 1849 года, хлѣбосольный старикъ, панъ Подбересскій, женатый на сестрѣ Ромера, въ 1863 году, кажется, не былъ уже въ живыхъ, за то сыновья его ушли въ шайку, и помѣстье представляло печальную картину запущенности и разоренія. Моя рота «сновала» вдоль и поперегъ въ проходимыхъ мѣстностяхъ, забирала подозрительную шляхту да откапывала изъ тайниковъ запрятанное оружіе. Эта манипуляція была дѣломъ нелегкимъ, до того искусно скрывали контрабанду подъ крышами сараевъ, подъ поломъ, въ стѣнахъ; словомъ, въ такихъ мѣстахъ, куда никому и въ голову не приходило заглядывать. Стоялъ я разъ посреди двора какого-то фольварка и посматривалъ, какъ солдаты, съ бранью и прибаутками, вытаскивали изъ разныхъ норъ охотничьи ружья, сабли, сѣдельные пистолеты и тому подобное. Утомившись стояньемъ, я сѣлъ на длинную колоду съ выдолбленнымъ желобомъ для корма или пойла куръ. Фельдфебель, явившійся съ докладомъ, вдругъ сталъ пристально вглядываться въ мое сидѣнье и, наконецъ, выразилъ желаніе, чтобы я побезпокоился встать. Говорю ему: «рехнулся ты что ли? Какого рожна хочешь искать подъ куринымъ пойломъ?». Вмѣсто отвѣта онъ вынулъ тесакъ и сталъ тыкать имъ подъ колодою. Тесакъ входилъ до рукоятки, земля была, очевидно, разрыхлена. Пришлось мнѣ побезпокоиться, принесли лопату, но не успѣли прорыть на поларшина, какъ уже оказался песокъ, въ пескѣ же соломенный тюкъ, во всю длину колоды, а въ немъ три ружья...

Былъ у меня въ ротѣ субалтернъ-офицеръ Василій Львовичъ Давыдовъ[1]). Онъ теперь покойникъ, и я могу помянуть его до-

[1]) Впослѣдствіи шталмейстеръ и одинъ изъ видныхъ дѣятелей тюремнаго управленія. Скончался въ Петербургѣ въ 1890 году.

брымъ, правдивымъ словомъ. Это былъ человѣкъ умственно и физически развитый, энергичный, находчивый и проницательный. Ему я собственно обязанъ неожиданнымъ результатомъ экспедиціи и прямо говорю: будь онъ ротнымъ командиромъ, на моемъ мѣстѣ, то не мнѣ бы пришлось быть виленскимъ начальникомъ, а ему. Не о розыскахъ и арестахъ говорю, это дѣло второстепенное, но Давыдовъ помогалъ мнѣ словомъ и дѣломъ смягчать драконовское правило: «всѣ виноваты!». Онъ добивался строгой разборчивости между правыми и виноватыми, убѣдилъ меня въ непричастности многихъ, которыхъ, по справедливости, слѣдовало оставить въ покоѣ, даже подъ рискомъ отвѣтственности за послабленіе власти. Тотъ же Давыдовъ удерживалъ солдатъ отъ пьянства и насилія съ такою безпощадною строгостью, что обыватели успокоивались, теряя довѣріе къ революціи, и склонялись на сторону законной власти. Въ такомъ смыслѣ, по окончаніи экспедиціи, я и написалъ рапортъ командиру Преображенскаго полка. Достаточно сказать, что всѣ подобные рапорты докладывались Муравьеву командующимъ войсками въ Виленской губерніи. На сколько помню, рапортъ мой имѣлъ форму военнаго журнала; особеннаго въ немъ ничего не было, развѣ то, что академическая практика помогла мнѣ передать побольше фактовъ сравнительно немногими словами. По прочтеніи этого рапорта, Муравьевъ, не заглядывая въ кандидатскіе списки, велѣлъ назначить меня помощникомъ военнаго начальника Виленскаго уѣзда. Назначенъ былъ я помощникомъ начальника уѣзда 19-го сентября 1863 года, а утвержденъ въ должности начальника 17-го октября[1]). На другой же день по назначеніи я представился Муравьеву, котораго въ первый разъ увидѣлъ вблизи и услышалъ отъ него слѣдующее:

— Я читалъ вашъ рапортъ (то-есть объ экспедиціи съ 10-ю ротою) и вижу, что дѣло это вы уразумѣли, какъ слѣдуетъ. Не вѣрьте ничему, что вамъ будутъ говорить о снисхожденіи, гуманности, недоказанности вины... неправда! Всѣ они виноваты болѣе или менѣе, и самое малое наказаніе — если кто посидитъ въ каменномъ мѣшкѣ!... Намъ надобно вырвать имъ зубы до весны, а иначе опять придется начинать съизнова! Я далъ военнымъ начальникамъ самыя широкія полномочія, распоряженій своихъ не измѣняю, а напротивъ подтверждаю и всегда поддерживаю. Поэтому не бойтесь отвѣтственности, не стѣсняйтесь тѣмъ, что скажетъ слѣдственная коммиссія...

---

[1]) Въ «Исторіи Преображенскаго полка», томъ III, часть I, стр. 318, сказано: «Капитанъ князь Имеретинскій сперва состоялъ при военномъ начальникѣ Виленскаго уѣзда, затѣмъ былъ его помощникомъ и, наконецъ, назначенъ начальникомъ уѣзда». Перваго не помню. Въ моемъ формулярѣ прямо сказано о зачисленіи «помощникомъ» приказомъ по войскамъ Виленскаго округа за № 410.

Выговоривъ послѣднія слова, онъ энергично прихлопнулъ рукою кипу слѣдственныхъ дѣлъ, передъ нимъ лежавшихъ, и продолжалъ:

— Все это для васъ не обязательно, и соображаться съ тѣмъ, что могутъ или могли бы сказать, вамъ не слѣдуетъ. Еще разъ говорю: если кто изъ этихъ... по виду покажется невиновнымъ, нужды нѣтъ!... Пускай посидитъ, одумается, это, самое меньшее изъ того, что всѣ они заслуживаютъ! А если увидите пристанодержательство, пособничество или хоть малѣйшую поблажку этимъ мерзавцамъ, приказываю вамъ все сжечь, сравнять съ землею—будь-то деревня, усадьба, что бы ни было! Особенно строго присматривайте за панами и ксендзами, а съ этими шляхетскими околицами не слѣдуетъ церемониться по ихъ многолюдству: напишите мнѣ, и я ихъ выселю всѣхъ до единаго! Ну-съ, я радъ, что могу вамъ дать случай послужить въ такое время государю и русскому дѣлу!...

Получивъ столь рѣзкія инструкціи, я спѣшилъ ознакомиться съ условіями и средствами новой службы. Муравьевъ подчинилъ всю гражданскую администрацію военной, то-есть: исправники прямо подчинялись военнымъ начальникамъ уѣздовъ, а становые пристава—военнымъ становымъ. Изъ войскъ я получилъ въ свое вѣдѣніе преображенскую 10-ю роту, графа Орурка [1]), 2-й баталіонъ Устюжскаго полка и небольшое число казаковъ гвардейскаго атаманскаго полка и донскихъ. Уѣздное полицейское управленіе поразило меня порядочностью и строгимъ приличіемъ внѣшней обстановки. Оно расположилось въ чистомъ, опрятномъ помѣщеніи, которому по виду соотвѣтствовалъ и личный составъ чиновниковъ. Старый, почтенный исправникъ, подполковникъ Шпейеръ, былъ крайне непріятно пораженъ необходимостью подчиняться молодому гвардейскому капитану, лѣтъ на пятнадцать младшему по службѣ. Предмѣстникъ мой, Тимоѳеевъ, занятый военными дѣлами и относившійся къ старику Шпейеру съ полнымъ довѣріемъ, не трогалъ гражданскаго управленія. Изъ дѣлопроизводителей мнѣ сразу бросился въ глаза одинъ дока изъ крещенныхъ татаръ. Тимоѳеевъ въ шутку назвалъ его «Мустафою» и разсказывалъ, что при В. И. Назимовѣ тоже арестовывали многихъ помѣщиковъ и помѣщицъ, которыя препровождались въ уѣздное полицейское управленіе. Мустафа, какъ знатокъ польскаго языка, прочитывалъ за-

---

[1]) Эта 10-я Преображенская рота отлично сослужила свою службу въ Виленскомъ уѣздѣ, и я повторяю теперь только то, что сказалъ о ней оффиціально, 30 лѣтъ назадъ. Въ «Исторіи Преображенскаго полка» (томъ III), на страницѣ 336 сказано: «Капитанъ князь Имеретинскій, бывъ назначенъ военнымъ начальникомъ Виленскаго уѣзда, вошелъ съ представленіемъ «объ отличномъ содѣйствіи чиновъ 10-й роты дѣлу общей пользы въ усмиреніи враждебныхъ намъ мѣстностей» и выхлопоталъ для чиновъ этой роты, не въ примѣръ прочимъ, награду за представленное оружіе по 1 рублю 50 копѣекъ за каждую штуку».

хваченную переписку и бралъ съ разныхъ графинь патріотокъ и магнатовъ полновѣсные выкупы, послѣ чего большая часть заподозрѣнныхъ спокойно возвращалась въ свои помѣстья. При Муравьевѣ всѣ эти источники доходовъ вдругъ изсякли, и скуластый, курносый, сѣдой Мустафа оказался безсребренникомъ и большимъ ревнителемъ православія и русской народности. Не успѣлъ я осмотрѣться, не прошло недѣли послѣ моего назначенія, какъ престранный случай уже освѣтилъ прошедшее полицейскаго управленія. Въ одинъ прекрасный день, лучше сказать, въ одну прекрасную ночь, начальникъ края потребовалъ къ себѣ полицеймейстера, командующаго войсками и другихъ исполнителей, которымъ приказалъ распорядиться, чтобы немедленно обысканы были шкафы, столы, словомъ всѣ углы и закоулки во всѣхъ виленскихъ, присутственныхъ мѣстахъ. На другой день, въ городѣ произошелъ страшный переполохъ. Оказалось, что вездѣ откопали образчики революціонной поэзіи въ прозѣ и въ стихахъ, прокламаціи, польскіе катехизисы и прочее. Каково было мое удивленіе увидѣть у себя, въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, блѣдныя, вытянувшіяся лица, и когда мнѣ подали списокъ конфискованныхъ вещей и бумагъ, не говоря уже о запрещенныхъ книгахъ, газетахъ и прокламаціяхъ, найдены были порохъ, пули и машинки для набиванія патроновъ. Только револьверовъ и не доставало! Признаться, я не сдержался и позволилъ себѣ расхохотаться и сдѣлать юмористическія, впрочемъ, весьма неумѣстныя замѣчанія, глубоко оскорбившія служащихъ. Шпейеръ даже рѣзко напомнилъ мнѣ, что не мѣшало бы переговорить сначала съ предмѣстникомъ моимъ и убѣдиться, что найденный старый хламъ не можетъ бросать тѣнь на нынѣшнихъ служащихъ. Я пришелъ къ Тимоѳееву, бывшему уже наканунѣ отъѣзда изъ Вильны, и говорю: «Ну, Алексѣй Алексѣевичъ, поздравляю! Мы съ вами и со всѣмъ причтомъ повстанцами оказались!» Тимоѳеевъ прочелъ списокъ, разсмѣялся и долго не могъ говорить отъ хохота. Наконецъ, успокоившись, онъ серьезно совѣтовалъ мнѣ не увлекаться этимъ случаемъ и не усердствовать черезъ мѣру: «всѣ эти вещи,—говорилъ онъ:—старый, выдохшійся хламъ былаго времени, чиновники, хранившіе ихъ, почти всѣ бѣжали «до лясу» (въ шайки), кромѣ Мустафы и еще нѣкоторыхъ, вполнѣ благонадежныхъ. Во всякомъ случаѣ, весь теперешній составъ нисколько къ этому дѣлу непричастенъ, и если нынѣшніе оставляли всю эту дрянь въ столахъ и шкафахъ, то потому лишь, что даже выкидывать ее боялись, чтобы не навлечь и на себя подозрѣнія». Тимоѳеевъ совѣтывалъ мнѣ доложить въ такомъ смыслѣ это дѣло Муравьеву и прямо сослаться на его, Тимоѳеева, слова. Я поѣхалъ къ начальнику края. Дежурный объявилъ, что въ кабинетѣ находятся управляющіе и предсѣдатели гражданскаго вѣдомства, и что я могу войти безъ доклада,

какъ только послѣдній изъ этихъ господъ удалится. Не успѣлъ я присѣсть, какъ въ пріемную вбѣжалъ предсѣдатель виленской казенной палаты, Дероберти, блѣдный какъ смерть и тяжело дышавшій. Преображенцы были знакомы съ нимъ по прежнимъ стоянкамъ 1849 и 1854 годовъ, и онъ, понятно, обрадовался, увидѣвъ въ такую минуту стараго знакомаго. Дероберти былъ не въ вицъмундирѣ, а въ простомъ, черномъ фракѣ со звѣздою. Забывъ даже сказать мнѣ: здравствуй!—онъ прямо объявилъ, что пріѣхалъ съ готовымъ прошеніемъ объ отставкѣ въ карманѣ, а потомъ вдругъ, всплеснувъ руками, задалъ мнѣ вопросъ: «Да неужели же и въ полицейскомъ управленіи нашлось что нибудь подозрительное?»— «Какъ же, говорю, не только письменныя улики, даже боевые припасы нашлись у меня, знай нашихъ!» Дероберти пожалъ плечами и удивился, какъ я могу быть спокойнымъ, да еще шутить, когда мнѣ грозитъ, по малой мѣрѣ, отрѣшеніе отъ должности. Отвѣчаю ему: «Помилуйте; чего мнѣ бояться? Вѣдь я безъ году недѣля въ должности, стало быть, ни испортить, ни поправить ничего не могъ». Въ это время начали выходить одинъ за другимъ изъ кабинета почтенные старцы, предсѣдатели, красные какъ раки, какъ будто ихъ только что выпарили въ банѣ. Дероберти подбѣгалъ къ каждому изъ нихъ, провожалъ его до залы и все шептался. Наконецъ, вышелъ отъ начальника края послѣдній сановникъ, утирая платкомъ вспотѣвшую лысину и нервно покашливая. Адъютантъ пріотворилъ дверь кабинета и легкимъ поклономъ пригласилъ меня войти. Муравьевъ сидѣлъ на обычномъ мѣстѣ, возлѣ письменнаго стола. Лицо его было строгое и неподвижное, какъ всегда, только извѣстный чубъ успѣлъ взъерошиться, и Михаилъ Николаевичъ то приглаживалъ, то опять вытягивалъ его. Не вставая съ кресла, онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Садитесь-ка... Ну, что же?.. И у васъ та же исторія?...

Я молча подалъ ему списокъ конфискованныхъ вещей, но Муравьевъ лишь бѣгло просмотрѣлъ и сейчасъ же отдалъ мнѣ его назадъ, съ такими словами:

— Знаю, знаю!.. Не у васъ у однихъ,—вездѣ то же самое!..

И онъ кивнулъ подбородкомъ на разбросанныя по столу бумаги.

— Да еще у васъ, въ полицейскомъ управленіи, пустячки... А вотъ въ другихъ мѣстахъ сдѣлали находки посерьезнѣе!..

Тутъ у меня въ головѣ невольно промелькнулъ комическій вопросъ: если пули и патроны пустячки, то хороши же должны быть «серьезныя» находки! Признаюсь, что, забывая страхъ, я началъ кусать усы, чтобы еще, чего Боже сохрани, не улыбнуться. Муравьевъ какъ будто заглянулъ мнѣ въ душу, разсмѣялся самъ и, показывая на списокъ, бывшій у меня въ рукахъ, сказалъ:

— Ну, вотъ теперь сами видите... Давно ли я говорилъ вамъ, что здѣсь никому вѣрить нельзя?.. Вотъ вы и присмотрите! Вамъ

нѣтъ надобности ждать моихъ распоряженій, сами у себя распоряжайтесь. Переписываться, переговариваться некогда, а то этому конца не будетъ. Вамъ надобно искать новыхъ людей, а прежнихъ смѣщать, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!...

Тутъ онъ пріостановился на минуту, и я воспользовался ею, доложилъ мнѣніе Тимоѳеева и сослался на его слова. Муравьевъ слушалъ, отвернувшись и барабаня по столу пальцами. Выслушавъ, онъ сказалъ:

— Такъ-то такъ!.. Однако, вы не убаюкивайтесь!.. Онъ (т. е. Тимоѳеевъ) говоритъ, что это старый соръ?.. Такъ что же они до сихъ поръ его не выметали?.. Онъ говоритъ—боялись?.. Да, вѣдь, боится только виноватый, а правому бояться нечего!.. Сами по себѣ судите: ну, вотъ вы вѣдь не боитесь меня, хотя и у васъ безпорядки нашлись, а почему же?.. Скажите-ка сами?..

Онъ опять разсмѣялся, а я снова прикусилъ свой усъ, Муравьевъ же пригладилъ чубъ и продолжалъ серьезнымъ тономъ:

— То-то!.. вотъ видите!.. Все старое, лукавое, ополяченное, все это ненадежно. Прежніе чиновники слишкомъ засидѣлись на мѣстахъ, у всѣхъ рыльце въ пуху, всѣ въ лѣсъ смотрятъ. Ихъ надо вывести, замѣнить новыми людьми: вотъ эти будутъ заниматься дѣлами, а не сумасбродрыми фантазіями...

Потомъ онъ разспрашивалъ о томъ, на сколько я осмотрѣлся и ознакомился съ новою службою, и отпустилъ меня весьма любезно. При выходѣ въ пріемную, Дероберти бросился мнѣ навстрѣчу съ вопросомъ: «Ну, что?!!..» — «Ничего, говорю, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Голова моя, какъ видите, еще на плечахъ, да и мѣсто, пока, остается за мною». Дероберти какъ будто успокоился, но едва успѣлъ адъютантъ пригласить его въ кабинетъ, какъ уже предсѣдателя опять покоробило, и мнѣ показалось, что онъ слегка пошатнулся, переступая порогъ. Похоже было на то, что въ казенной палатѣ нашлись таки серьезныя раскопки.

Откровенно говорю, что мнѣніе Тимоѳеева о служащихъ показалось мнѣ честнымъ, человѣчнымъ и не только правдоподобнымъ, но совершенно вѣрнымъ. Вѣдь онъ же былъ ближайшимъ начальникомъ этихъ господъ въ трудное, смутное время, такъ кому же лучше знать ихъ, какъ не ему. И вдругъ Муравьевъ только дунулъ на мои убѣжденія, какъ уже всѣ они разсѣялись въ прахъ! До тѣхъ поръ я не обращалъ вниманія на письмоводителя канцеляріи уѣзднаго начальника, а теперь сталъ къ нему присматриваться и разспрашивать о немъ. Это былъ Р.........ъ, рябой, лысый господинъ, очень слащавый и раболѣпный. Оказалось, что онъ еще до начала возстанія былъ исключенъ изъ службы, помнится, по суду за какое-то темное дѣло о сгорѣвшей корчмѣ. Понятно, что подъ шумокъ смутнаго времени онъ умудрился всплыть опять на поверхность, но какимъ чудомъ могъ терпѣть его на службѣ такой ры-

царски-благородный человѣкъ, какъ Тимоѳеевъ? При первомъ же свиданіи съ Р.........ъ, мнѣ припомнились слова Муравьева: «старый, лукавый, рыльце въ пушку!..». Не утерпѣлъ я, пошелъ къ Тимоѳееву и говорю ему: «Помните, Алексѣй Алексѣевичъ, вы предупреждали меня, что Р........ъ—человѣкъ ненадежный?..». Тимоѳеевъ махнулъ рукой: «если я вамъ сказалъ — ненадежный, такъ этого мало: мошенникъ онъ, выжига, взяточникъ такой, какихъ двухъ не найдете. Правду говорилъ вамъ Муравьевъ, что всѣхъ бы ихъ стоило выгнать!.. И въ уѣздномъ управленіи—тоже одинъ Мустафа еще туда-сюда... по крайней мѣрѣ, способный человѣкъ, но ужъ тоже подлецъ естественный....». «Такъ, какъ же?... — говорю, — какимъ же образомъ вы съ вашимъ характеромъ могли съ ними уживаться?..». Тимоѳеевъ разсмѣялся: «А вотъ подождите недѣльку, сами на себѣ испытаете: было ли у меня время заниматься канцеляріями! Я требовалъ только одного, чтобы не бѣгали «до лясу», такъ вѣдь и сами они на это не отваживались, зная, что бѣгуна я догналъ бы и повѣсилъ на первомъ деревѣ. Тоже и Р........ъ понималъ, что покриви онъ душой, такъ я отдалъ бы его подъ военный судъ, а не гражданскій, и что онъ на этотъ разъ не вышелъ бы сухимъ изъ воды.». Эти слова молодца-капитана сбылись на мнѣ всѣ до единаго. Дома, то-есть въ Вильнѣ и въ Виленскомъ уѣздѣ, я почти не бывалъ, а постоянно гонялся за шайками въ чужихъ уѣздахъ—Свенцянскомъ и Вилькомірскимъ. Муравьевъ строго и разъ навсегда приказалъ, чтобы каждый военный начальникъ не ограничивался своимъ отдѣльнымъ раіономъ, а появлялся бы въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, при первомъ извѣстіи о появленіи шайки мятежниковъ, и распоряжался бы въ чужомъ вѣдомствѣ, какъ въ своемъ собственномъ. Такое хозяйничанье въ чужихъ владѣніяхъ въ мирное время, конечно, немыслимо, а въ тѣ поры оно было въ порядкѣ вещей, и жутко пришлось мнѣ отъ такихъ порядковъ.

Тридцать два дня я не сходилъ съ лошади, не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью, и вынужденъ былъ, не выжидая пѣхоты, гоняться за шайками, численность которыхъ была неизвѣстна, и все это въ Ковенской губерніи, самой безпокойной изъ всѣхъ, гдѣ еще разгуливали вожаки шаекъ: Мацкевичъ, Товкевичъ, Малецкій и другіе. Правда, нашелся одинъ изъ высшихъ начальниковъ, перещеголявшій даже капитановъ и поручиковъ въ рискованныхъ поступкахъ, превосходившихъ предѣлы благоразумія. Это былъ генералъ-лейтенантъ Г....ъ, начальникъ армейской дивизіи, расположенной въ Минской губерніи. Надобно полагать, что онъ имѣлъ извѣстіе, что шаекъ въ этой губерніи никакихъ нѣтъ, потому что выѣхалъ изъ Борисова въ Игуменъ на учебную стрѣльбу, захвативъ съ собою и наградныя деньги для лучшихъ стрѣлковъ. Генералъ отправился, какъ въ мирное время, безъ конвоя и ѣхалъ

преспокойно въ экипажѣ, имѣя при себѣ одного писаря. За такую самоувѣренность ему пришлось жестоко поплатиться. На дорогѣ, въ лѣсу, шайка мятежниковъ выросла какъ изъ-подъ земли и окружила коляску. Писарь, раненный выстрѣломъ изъ ружья, свалился съ козелъ, а начальникъ дивизіи очутился въ плѣну. Можно себѣ представить, съ какимъ тріумфомъ спѣшили повстанцы разгласить о своемъ знатномъ призѣ! Съ своей стороны, наше военное начальство телеграфировало изъ Минска Муравьеву, а онъ разсердился и велѣлъ сейчасъ же двинуть войска противъ матежниковъ. Но выручка оказалась совершенно лишнею. Начальникъ шайки Свѣнторжецкій, или Свѣнцицкій, бывшій офицеръ русской службы, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, а взятый имъ въ плѣнъ генералъ Г....ъ былъ въ то время ротнымъ командиромъ помянутаго начальника повстанцевъ. Этотъ оказался благороднымъ и великодушнымъ побѣдителемъ: онъ ограничился отобраніемъ денегъ и бумагъ, самого же генерала отпустилъ на свободу здравымъ и невредимымъ. Можно представить себѣ, съ какими чувствами предсталъ освобожденный передъ начальникомъ края. Извѣстно только, что Муравьевъ сказалъ ему слѣдующее: «если бы они васъ повѣсили, я, конечно, нисколько бы не пожалѣлъ о васъ. Не понимаю, какимъ образомъ, прослуживъ такъ долго, вы могли поступить съ такимъ, прямо сказать, ребячьимъ легкомысліемъ. Надѣюсь, что послѣ всего этого ваше превосходительство не думаете остаться не только на своемъ мѣстѣ, но и на службѣ.».

Взглядъ Муравьева на это дѣло по своей крутости покажется многимъ слишкомъ безпощаднымъ, но безусловно несправедливымъ его назвать нельзя. Правда, что тоже и поступокъ генерала Г..... а невозможно назвать малодушнымъ, а наоборотъ — слишкомъ отважнымъ. Это была собственно простая оплошность, — русскій «авось» и «небось». Она не только не имѣла дурныхъ послѣдствій, но кончилась весьма счастливо. Дѣло, однако, въ томъ, что Муравьевъ никогда не принималъ въ расчетъ ни особенностей характера служащаго, ни личныхъ его побужденій. Онъ расчитывалъ только на то, чтобы подчиненные способствовали, а не противорѣчили и не противодѣйствовали разуму и общему направленію принятой имъ политики. Впослѣдствіи, осенью, военно-уѣздные начальники, въ томъ числѣ и я, раздробляли свои силы до того, что даже роты подѣлили на отряды до того мелкіе, что самъ начальникъ и подчиненные его рисковали попасть въ такую же засаду, какъ и помянутый дивизіонный генералъ. Между тѣмъ, Муравьевъ не только не порицалъ, но еще одобрялъ не въ мѣру рискованные, партизанскіе набѣги.

Да, но условія сильно измѣнились осенью 1863 года. Повстанье едва держалось, да и то лишь въ мелкой шляхтѣ и въ ополяченныхъ крестьянахъ-католикахъ, преимущественно казенныхъ (вѣ-

домства государственныхъ имуществъ). Они шныряли по ночамъ, шайками, отъ 20 до 50 человѣкъ не болѣе. Рекрутировались они на маршѣ, въ каждой мызѣ, въ каждомъ фольваркѣ, а днемъ прятали оружіе въ норки и изъ повстанцевъ обращались въ мирныхъ жителей—въ батраковъ, поденщиковъ, рабочихъ и проч. Въ мѣстечкѣ Овантахъ я видѣлъ, напримѣръ, въ полѣ множество людей, усердно работавшихъ въ разсыпную, на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ. Какая же работа въ концѣ октября на вымерзлой пахати, гдѣ даже и посѣяно ничего не было? Пустишь, бывало, двухъ-трехъ казаковъ, и вдругъ всѣ работники разсыпаются въ стороны, улепетывая безъ оглядки. Казаки перехватятъ, подгонятъ ко мнѣ нѣсколько человѣкъ, смотришь—все парни рослые, развязные, выправленные повоенному, словомъ не похожіе на крестьянъ, а скорѣе на отставныхъ солдатъ. Спрашиваю ихъ, кто такіе, откуда... Отвѣчаютъ: мы экономическіе рабочіе, зовутъ насъ такъ-то и такъ-то...—Что вы тутъ дѣлаете?—Камни выворачиваемъ изъ земли, по приказанію помѣщика.—Ну, пойдемъ-ка на повѣрку...—Повѣрка эта была уже давно установлена Муравьевымъ, велѣвшимъ въ каждой экономіи вести подробные списки рабочимъ и всѣмъ живущимъ въ данной мѣстности. Беру списки, сзываю всѣхъ наличныхъ людей, и что же?.. Являются тѣ же парни, которыхъ я встрѣтилъ въ полѣ; у нихъ и лопатъ нѣтъ, а просто палки въ рукахъ! Всѣ отвѣчаютъ на свои имена, придраться нельзя ни къ кому, ни къ чему, тогда какъ я зналъ, что эти самые обыватели—ночные бѣгуны, террористы, изчезавшіе при появленіи войскъ изъ мызъ, гдѣ они вымогали у помѣщиковъ, не признававшихъ подпольной власти, деньги, лошадей и съѣстные припасы, особенно водку, подъ угрозою краснымъ пѣтухомъ и смертью. При извѣстіи о приближеніи войскъ ночные гости живо перебѣгали въ тѣ мѣстности, гдѣ войска только что проходили; обыватели, видя, что войска наши не спасутъ ихъ, признавали въ польскихъ партизанахъ дѣйствительную силу и трепетали передъ нею тѣмъ болѣе, что тѣ же повстанцы и днемъ оставались въ народѣ, подъ личиною мирныхъ жителей, слѣдили за доносчиками и приверженцами законнаго правительства, которымъ въ слѣдующую же ночь мстили пожаромъ и убійствами. Если бы паны оставались неприкосновенными, а ксендзы священными, пожалуй, вышло бы по словамъ Муравьева, то-есть весною пришлось бы начинать съизнова; но его методъ подрубать корешки взялъ свое. Аресты тайныхъ руководителей и пособниковъ мятежа дѣлались каждымъ военнымъ начальникомъ и въ самомъ широкомъ размѣрѣ; эти крутыя мѣры достигли цѣли. Мызы и фольварки опустѣли, а процентный сборъ окончательно ослабилъ пристанодержательство шаекъ. Вооруженное повстанье разлагалось. Въ самомъ городѣ Вильнѣ еще гнѣздились остатки революціонной организаціи, но объ открытомъ

сановникомъ. Клейнмихель взялъ подъ козырекъ, а я смѣялся и говорилъ ему, что напрасно козыряешь, такъ какъ пріѣзжему не до нашего окна. Однако, вышло не помоему. Кажется, Муравьевъ имѣлъ способность все замѣчать вокругъ себя, даже и тамъ, куда онъ вовсе не смотрѣлъ, потому что, поровнявшись съ нами, онъ вдругъ повернулъ голову въ нашу сторону, и я въ послѣдній разъ увидѣлъ два умныхъ, проницательныхъ его глаза, зорко взглянувшіе изъ-подъ нависшихъ бровей. Не прикасаясь къ фуражкѣ, онъ кивнулъ головой Клейнмихелю, ласково проговорилъ: «bonjour, mon cher!» и прошелъ дальше, продолжая разговоръ съ своимъ собесѣдникомъ. Этотъ дружескій привѣтъ напоминаетъ благородную черту характера Муравьева: онъ никогда не забывалъ старыхъ своихъ начальниковъ и сослуживцевъ, когда либо оказавшихъ ему поддержку въ тяжелое время. Графъ Клейнмихель (отецъ) въ 1831 году былъ начальникомъ штаба резервной арміи графа Толстого, и М. Н. Муравьевъ, въ тѣ поры, могилевскій губернаторъ, причисленный къ штабу арміи, сносился съ главнокомандующимъ черезъ графа Клейнмихеля, помогавшаго всѣми силами способному и энергичному губернатору. И вотъ, черезъ 30 лѣтъ, старшій сынъ Клейнмихеля, преображенскій офицеръ, дѣлается постояннымъ ординарцемъ при генералѣ Муравьевѣ [1]). Еще одинъ примѣръ: вице-губернаторомъ могилевскимъ вмѣстѣ съ нимъ служилъ Григорій Сергѣевичъ Лашкаревъ, впослѣдствіи сенаторъ, имѣвшій двухъ сыновей, такихъ же способныхъ, какъ онъ самъ. Въ 1863 году, младшій изъ нихъ, Николай Григорьевичъ, былъ директоромъ Межеваго института, но по назначеніи Муравьева въ Вильну поступилъ къ нему на должность правителя канцеляріи.

Послѣ случайной мимолетной встрѣчи на желѣзной дорогѣ я уже больше не видѣлъ виленскаго богатыря, но, конечно, никогда не забывалъ его, какъ видно изъ настоящихъ моихъ воспоминаній. Да если бы я и захотѣлъ забыть графа Муравьева, то мнѣ напомнили бы о немъ необузданная, изувѣрная брань враговъ русскаго подвижника и громкія, благодарныя воспоминанія друзей его. Какъ всѣ необыкновенные люди, онъ имѣлъ и тѣхъ и другихъ. Его друзья считаются милліонами. Это православное крестьянство и духовенство Западнаго края, которыхъ онъ спасъ отъ работы польской. Но крестьянинъ или сельскій священникъ не вращается въ высшихъ сферахъ, не ораторствуетъ въ публичныхъ мѣстахъ, не пишетъ въ газетахъ. Враги же Муравьева, сравнительно немногочисленные, то-есть поляки и полякующіе русскіе, кричатъ и проклинаютъ его устно и печатно въ Россіи и за границею, по извѣстному іезуитскому правилу: «клевещите, клевещите, что нибудь да останется!». Польская брань, какъ гово-

---

[1]) «Истор. Преобр. полка», томъ III, стр. 318.

рится, на вороту не виснетъ, но каково же встрѣтить въ распространенной русской справочной книгѣ слѣдующую библіографическую замѣтку: «Въ обществѣ и исторіи онъ (М. Н. Муравьевъ) слыветъ подъ именемъ Муравьева-вѣшателя и вообще извѣстенъ былъ своею кровожадностью»[1]. Въ какомъ это обществѣ, въ какой исторіи! Даже въ Германіи судятъ добросовѣстнѣе о великомъ русскомъ человѣкѣ. Мейеръ въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ, послѣ короткаго, но дѣльнаго біографическаго очерка М. Н. Муравьева, въ концѣ говоритъ: «Когда же польское возстаніе все болѣе и болѣе распространялось и захватило Литву, императоръ назначилъ его (М. Н. Муравьева) генералъ-губернаторомъ въ Вильну, гдѣ онъ дѣйствовалъ съ такою твердостью, даже жестокостію (приказывалъ вѣшать дворянъ и священниковъ), что имя его стало ненавистнымъ во всей Европѣ. Но зато ему удалось подавить возстаніе. Императоръ наградилъ его Андреевскимъ орденомъ и графскимъ титуломъ»[2]. Мейеръ, по крайней мѣрѣ, ссылается на Лейпцигскій переводъ записокъ Муравьева, поэтому его стереотипная фраза: «но зато...», имѣетъ смыслъ и вѣрное значеніе. Всякій просвѣщенный русскій могъ бы сказать болѣе. Онъ скажетъ, что даже «Записки» графа Муравьева имѣютъ большой недостатокъ, а именно: авторъ говоритъ, къ сожалѣнію, въ общихъ словахъ объ изувѣрствѣ и кровожадности повстанцевъ, особенно кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей, но не ссылается на подлинные факты и приводитъ всего одинъ примѣръ покушенія Беньковскаго на маршалка Домейку. Эта бездоказательность легко объясняется недостаткомъ времени для описанія подробностей, а главное отвращеніемъ автора записокъ отъ оправданій, хотя бы косвенныхъ. Но современники, самовидцы, сослуживцы и подчиненные покойнаго графа Муравьева должны бы пополнить пробѣлы посильными свидѣтельствами и разъясненіями. Вышеописанныя личныя наблюденія дополню и я нѣсколькими фактами вполнѣ достовѣрными. Прежде всего отмѣчу два примѣра проницательности Муравьева, доходившей до прозорливости древнихъ мудрецовъ. Генералъ-губернаторъ получаетъ однажды подробныя свѣдѣнія о складѣ оружія, спрятаннаго въ усадьбѣ польскаго помѣщика графа Т.......а. Графъ Муравьевъ приказываетъ сдѣлать обыскъ и разслѣдовать дѣло одному изъ своихъ чиновниковъ для порученій, человѣку хорошей фамиліи, отлично образованному и безукоризненно честному. Онъ ѣдетъ къ польскому графу и находитъ въ немъ истаго джентльмена, умнаго, благовоспитаннаго, а главное сердечнаго простодушнаго человѣка. Думалъ, думалъ слѣдователь и рѣшился поступить по правилу:

---

[1]) «Русская библіографія Межова», томъ II, стр. 292.

[2]) Meyer's Konversations-Lexicon, томъ 3-й, стр. 902.

«noblesse oblige». Онъ необинуясь и откровенно объявилъ о цѣли своего порученія и прямо, какъ водится между порядочными людьми, просилъ графа выдать ему оружіе, или же дать честное слово, что онъ невиновенъ. Панъ Т.......ъ, казалось, съ такою же искренностью и также прямодушно протягиваетъ гостю руку и даетъ честное слово, что никакого оружія у него не спрятано и что все это одна клевета. Слѣдователь возвращается и является къ начальнику края. «Ну, что? Нашли?» — спрашиваетъ Муравьевъ. Спрошенный отвѣчаетъ, что никакого оружія у помянутаго графа не имѣется. «Какъ нѣтъ? Да вы обыскъ-то дѣлали?» При этомъ простомъ вопросѣ и подъ пристальнымъ, упорнымъ взглядомъ начальника докладчикъ чувствуетъ себя нехорошо, краснѣетъ, блѣднѣетъ и бормочетъ, что дѣлать обыскъ онъ счелъ неудобнымъ, но знаетъ навѣрное о неимѣніи склада въ усадьбѣ... «А-а, понимаю,— перебилъ его Муравьевъ,—ну, такъ разскажите, какъ было дѣло, только все, безъ утайки!» Докладчикъ разсказалъ о своемъ поступкѣ, какъ на исповѣди. Муравьевъ всталъ: «Я теперь пойду принимать просителей,—сказалъ онъ,—а вы тѣмъ временемъ просмотрите-ка вотъ это»... Михаилъ Николаевичъ вынулъ изъ письменнаго стола связку съ бумагами и положилъ передъ чиновникомъ. Бумаги эти заключали такія вѣскія, обстоятельныя и до мелочей подробныя донесенія о складѣ оружія въ домѣ графа Т.......а, что даже неопытному дѣльцу не было возможности сомнѣваться. Оплошность не имѣла дурныхъ послѣдствій для молодаго бюрократа, но онъ признавался, что даже и теперь, 30 лѣтъ спустя, не можетъ вспомнить безъ сильнаго волненія объ этой ошибкѣ молодости.

Вотъ еще одинъ примѣръ. Графъ Муравьевъ зорко слѣдилъ за мѣстнымъ дворянствомъ, особенно же за старожилами-помѣщиками изъ русскихъ и православныхъ, такъ какъ изъ нихъ многіе ополячились и бунтовали за одно съ поляками. Одинъ изъ такихъ русскихъ, К......въ, казалось, остался вѣрнымъ своему долгу и своему происхожденію. О немъ получались со всѣхъ сторонъ самые лучшіе отзывы и рекомендаціи. «Быть этого не можетъ!—круто порѣшилъ Муравьевъ: — отецъ былъ п.....ъ и сынъ долженъ быть такимъ же п.......ъ! Яблоко не далеко падаетъ отъ яблони!» Послѣдствія очень скоро подтвердили такой приговоръ. Оказалось, что господинъ К......въ продовольствовалъ и укрывалъ мятежниковъ, самъ ѣздилъ въ шайки и проч., и проч.

Теперь насчетъ «кровожадности». Такъ какъ польское дѣло не выгорѣло, то поляки старательно замалчиваютъ профессію своихъ Беньковскихъ, Чаплинскихъ, Ревковскихъ и прочихъ кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей, а, напротивъ, тщательно выставляютъ имена казненныхъ начальниковъ шаекъ, обставляютъ жизнь и смерть ихъ самыми трогательными подробно-

стями, словомъ изъ всѣхъ силъ стараются затушевать вопросъ о томъ, какихъ людей и за какія преступленія такъ безпощадно казнилъ Муравьевъ. Мы, русскіе, должны наоборотъ фактически же разъяснять этотъ вопросъ и дополнять «Записки» Муравьева недостающими въ нихъ подробностями. Считаю своимъ долгомъ напомнить о слышанныхъ въ 1863 году и впослѣдствіи польскихъ изувѣрствахъ. Была одна помѣщица, графиня Забѣлло, имѣвшая мужество и силу воли не покоряться подпольному польскому жонду. На усадьбу этой несчастной женщины, передъ разсвѣтомъ, налетѣли повстанцы, сняли люстру въ гостиной и на ея мѣсто повѣсили хозяйку дома. Русскіе офицеры и солдаты, забранные при нападеніи врасплохъ на кантониръ-квартиры въ началѣ повстанья, имѣли ту же участь. Въ 1863 году и долго послѣ говорили и писали о смерти армейскаго капитана Никифорова, повѣшеннаго поляками съ утонченною жестокостью въ отместку за его геройскую твердость и презрѣніе къ смерти. Никифоровъ безстрашно обличалъ польскую справу, грозно поносилъ изувѣрное сумасбродство повстанцевъ и такъ настращалъ своихъ палачей, что, когда повѣсили капитана, имъ мерещилось, что онъ, мертвый, грозитъ имъ кулакомъ, и дѣйствительно рука покойнаго замерла въ этомъ грозящемъ положеніи. Съ нижними чинами нашихъ войскъ поляки обращались уже подлинно съ «кровожаднымъ» варварствомъ. Одному плѣнному армейскому солдату повстанцы распороли кожу на груди, вывернули ее на обѣ стороны, да еще приговаривали: «вотъ, ты былъ армейскимъ, а теперь гвардейцемъ! Жалуемъ тебѣ лацкана!» Православныхъ крестьянъ, священниковъ, старообрядцевъ, чиновниковъ, словомъ всѣхъ русскихъ людей, попавшихся имъ въ руки, поляки вѣшали и разстрѣливали безъ всякой процедуры или избивали до полусмерти и закапывали въ землю еще живыми... Я могъ бы привести здѣсь многіе примѣры, если бы не опасался растянуть свой очеркъ, тогда какъ онъ только имѣетъ цѣлью вызвать болѣе компетентныя историческія изслѣдованія, а главное разсказы очевидцевъ. Такія свидѣтельства, написанныя для народнаго чтенія и для заграничной публики, были бы не только полезны, но удовлетворили бы требованіямъ справедливости и уваженія къ славной памяти одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. Такія свидѣтельства быстро разогнали бы туманъ, напускаемый на страшную эпоху Муравьевскихъ казней, и онѣ просто свелись бы къ извѣстной пословицѣ: «Similia similibus curantur», или, понашему: «клинъ клиномъ вышибай!». Польская ителлигенція обладаетъ замѣчательнымъ искусствомъ предупреждать нападенія и обличенія, и дѣлаетъ это очень просто, сваливая, какъ говорится, съ больной головы на здоровую. Поэтому въ чужихъ краяхъ, къ несчастію даже въ Россіи, многіе убѣждены въ томъ, что графъ

Муравьевъ казнилъ бунтовщиковъ безъ суда и слѣдствія, а какъ только кто попадался съ оружіемъ въ рукахъ, такъ сейчасъ: или голову долой, или въ Сибирь! Между тѣмъ, вотъ что говоритъ очевидецъ, служившій при Муравьевѣ въ 1863 году, о томъ, съ какою осторожностью начальникъ края разсматривалъ дѣла уголовныя (о жизни человѣка): «Никогда не рѣшалъ онъ такихъ дѣлъ по однимъ канцелярскимъ докладамъ, а всегда такіе доклады, съ подлинными дѣлами, оставлялъ у себя и прочитывалъ ихъ въ спокойномъ состояніи духа, не будучи ничѣмъ встревоженъ. Если же по прочтеніи у него являлось убѣжденіе въ виновности, то уже никакая сила, никакая протекція дѣлу этому не помогала» [1]).

А вотъ еще свидѣтельство изъ другаго столь же достовѣрнаго показанія: «Къ рѣшенію всякаго дѣла онъ (М. Н. Муравьевъ) приступалъ не иначе, какъ обсудивъ его предварительно со всѣхъ сторонъ и выслушавъ различныя мнѣнія; собственное же свое—онъ никогда не считалъ безошибочнымъ и, если встрѣчалъ дѣльныя замѣчанія, то охотно выслушивалъ и примѣнялъ ихъ къ дѣлу. Но, если разъ принялъ рѣшеніе, то отъ подчиненныхъ своихъ требовалъ скораго и точнаго исполненія и неотложнаго одолѣнія всѣхъ препятствій. Всякое же, затѣмъ, донесеніе о затрудненіяхъ, о необходимости отложить или невозможности исполнить его предписаніе влекло за собою немедленное увольненіе отъ службы, конечно, если препятствіе не принадлежало къ числу неодолимыхъ. Вообще Муравьевъ былъ врагъ всякихъ проволочекъ, колебаній и полумѣръ» [2]).

Эти два свидѣтельства, почти тождественныя и написанныя въ разное время людьми, очевидно, незнакомыми, несомнѣнно заслуживаютъ довѣрія, а въ нихъ графъ Муравьевъ является строгимъ, безпристрастнымъ судьею. Найдутся такія же и еще болѣе убѣдительныя доказательства, что онъ былъ неумолимымъ, неподкупнымъ укротителемъ изувѣрныхъ бунтовщиковъ и палачей, которыхъ усмирилъ ихъ собственнымъ оружіемъ—терроромъ и казнями.

Въ послѣднія 30 лѣтъ (1862 — 1892) Петербургъ очень перемѣнился. Космополитизмъ и полонофильство петербургскихъ аристократовъ и бюрократовъ, такъ мѣтко и вѣрно обрисованныхъ въ «Запискахъ графа Муравьева», отжили свой вѣкъ. Теперь развѣ иностранцы, живущіе и наживающіеся въ Петербургѣ, или поляки, будутъ увѣрять, что Западный край—польская земля, а не русская. О польской интригѣ, о польскомъ вліяніи нѣтъ ни слуху, ни духу; времена космополитизма и западничества, то-есть благоговѣйнаго подражанія европейской культурѣ и раболѣпнаго страха передъ

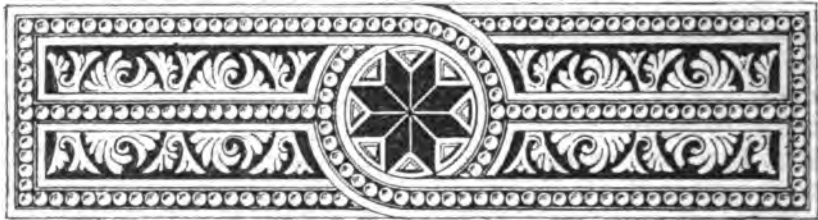
[1]) «Виленскій Вѣстникъ» 1866 г., № 184, стр. 194.

[2]) Кропотовъ, «Жизнь графа М. Н. Муравьева», Петербургъ, 1874, стр 362—363.

какими бы ни было великими державами,—кажется, прошли безвозвратно. Нынѣшнимъ спокойнымъ и независимымъ своимъ положеніемъ, усиленіемъ русской народности и укрѣпленіемъ ея самосознанія отечество наше обязано стойкимъ, энергичнымъ и даровитымъ русскимъ людямъ, а къ числу такихъ безспорно принадлежитъ графъ М. Н. Муравьевъ. Онъ завершилъ свое служеніе предсѣдательствомъ въ слѣдственной коммиссіи по Каракозовскому дѣлу, а потомъ уѣхалъ въ свое имѣніе Сырецъ и тамъ воздвигъ себѣ памятникъ постройкою церкви. Она была освящена 26 августа 1866 года, а черезъ три дня графъ Муравьевъ скончался. Пожалованные государемъ бриллiантовые знаки на орденъ св. Андрея не застали его въ живыхъ. Онъ похороненъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, и одно имя покойника, начертанное на мраморной плитѣ, лучше всякихъ надписей говоритъ о великихъ заслугахъ, оказанныхъ тѣмъ, кто его носилъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникла мысль о памятникѣ Муравьеву, но, къ сожалѣнію, не осуществилась она и досегодня. А пора, давно пора! Вездѣ былъ бы на своемъ мѣстѣ этотъ памятникъ: и надъ слишкомъ скромною могилою въ Петербургѣ, гдѣ усопшій богатырь побѣдоносно боролся съ тройною силою — полонизма, полонофильства и западничества, и въ Вильнѣ, гдѣ онъ раздавилъ гидру мятежа. Несокрушимый же и нерукотворенный мавзолей готовитъ ему на своихъ страницахъ русская исторія новѣйшихъ временъ.

Князь Николай Имеретинскій.

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Илья Игнатьевичъ, богатый человѣкъ.

I.

ЕТЕНЬКА Клавдія Васильевна, всегда склонная пріобрѣтать, съ покупкой пустоши въ Саратовской губерніи стала особенно озабочена пріобрѣтеніемъ «народа» для заселенія этого обширнаго земельнаго владѣнія своего. Сказать съ точностью, сколько у нея тамъ было десятинъ земли, я теперь не могу, но помню, что тетенька постоянно говорила о пяти стахъ душахъ, безъ которыхъ ей въ Саратовѣ «ни вздохнуть, ни повернуться нельзя» и которыхъ пріобрѣтеніе втеченіе многихъ лѣтъ составляло для нея большую заботу. Необходимо здѣсь припомнить, что люди въ то время всѣмъ были нужны, и если ихъ продавали или покупали, то не иначе какъ вмѣстѣ съ землею, къ которой они были приписаны, т. е. цѣлыми имѣніями; случаи же отдѣльной продажи людей безъ земли были, относительно говоря, довольно рѣдки и всегда при исключительныхъ обстоятельствахъ: продавали повара пьяницу— «золотыя руки, но какъ запьетъ и прощай на цѣлый мѣсяцъ»; продавали лакея — «хорошій малый, но извѣшался: изъ дѣвичьей его не выгнать»; продавали какую нибудь горничную — «услужливая и расторопная, но очень ужъ умна: въ барыни захотѣла»...

и проч., и проч. Поэтому пріобрѣтеніе пятисотъ душъ безъ земли, «на своз**ъ**», какъ говорили тогда, было задачей далеко не легкой, требовавшей много и времени, и хлопотъ, а главное терпѣнія и настойчивости среди непріятностей, съ которыми этого рода дѣла всегда были сопряжены.

Тетенька Клавдія Васильевна для достиженія своей цѣли пускалась на всѣ хитрости: покупала вдовцовъ стариковъ и женила ихъ на женщинахъ среднихъ лѣтъ въ ожиданіи отъ нихъ прироста населенія; поощряла безбрачное сожительство; когда узнавала, гдѣ имѣется портниха, коверщица, кружевница, оказавшаяся «съ прибылью», что̀ во многихъ помѣщичьихъ домахъ строго преслѣдовалось, сейчасъ ее покупала и отправляла къ себѣ въ Саратовъ, съ усмѣшкой говоря ей: «старайся, старайся, милая: слова отъ меня не услышишь, спасибо еще скажу». Покупала даже малолѣтнихъ дѣтей, если кто изъ помѣщиковъ соглашался на такія ея предложенія.

Хлопотъ много у нея было съ этимъ дѣломъ.

Но, само собою разумѣется, безъ помощниковъ или помощницъ она одна никогда съ нимъ не справилась бы. Требовалось разъѣзжать, узнавать, вывѣдывать, гдѣ имѣются продажные люди, торговаться и проч. Наконецъ, собственно эта черная работа была и неподходящимъ для нея дѣломъ. Она, дѣвушка, съ прекраснымъ состояніемъ, хорошей фамиліи, не могла этимъ сама заниматься. Поэтому у тетеньки было заведено нѣсколько такихъ необходимыхъ для нея личностей, которыя всю эту черную работу за нее дѣлали и подносили ей ужъ облупленное яичко: ей оставалось только дать довѣренность или самой поѣхать въ городъ, заплатить деньги и совершить купчую крѣпость.

Такихъ полезныхъ и даже прямо необходимыхъ людей у тетеньки было нѣсколько, какъ я говорю, и между ними первымъ человѣкомъ въ ея глазахъ была одна мелкопомѣстная помѣщица Анна Ивановна Мутовкина, женщина необыкновенной смѣлости, преданности, и совершенно безучастная къ мольбамъ и слезамъ выслѣженныхъ ею для тетеньки жертвъ, которыя ужъ знали, къ кому онѣ попадаютъ... Но и кромѣ этой Мутовкиной и ея мужа, тоже тетенькинаго «полезнаго человѣка», были еще и другіе, которые ей помогали въ трудномъ дѣлѣ заселенія дальняго степного саратовскаго имѣнія. Такъ я запомнилъ въ числѣ ихъ одного бывшаго тетенькинаго же двороваго человѣка, откупившагося у нея на волю и продолжавшаго и потомъ оказывать ей разныя услуги, въ качествѣ между прочимъ и такого вотъ «полезнаго человѣка»,— Илью Игнатьевича. Казалось бы, что человѣкъ, испытавшій на себѣ тяжесть неволи, не сталъ бы заниматься такимъ дѣломъ, да еще имѣя къ тому же и нѣкоторый матеріальный достатокъ (у него остались еще деньги отъ выкупа и была земля), однако-жъ страсть

Ильѣ Игнатьевичу, конечно, давали чаю, и онъ отправлялся въ дѣвичью пить его, а тетенька со вздохомъ говорила почти всякій разъ:

— Да, упустила я этого человѣка. За него и десяти тысячъ мало взять...

— Клавдинька, да вѣдь онъ тебѣ и такъ служитъ, не отказываетъ,—возражали ей.

— Да, но это развѣ то же самое...

И она опять вздыхала.

Но особенно тетенька стала тужить объ немъ, т. е. раскаяваться и жалѣть, что отпустила такъ неосмотрительно его на волю, съ тѣхъ поръ, какъ купила эту вотъ пустошь въ Саратовской губерніи, и всякихъ хлопотъ и заботъ у нея прибавилось вдвое больше противъ прежняго.

Скупка душъ для саратовскаго имѣнія продолжалась долго, лѣтъ пять, такъ что я эту эпопею помню еще мальчикомъ, въ началѣ, и потомъ уже гимназистомъ пятаго класса, въ концѣ, не задолго до кончины тетеньки, и я нѣсколько разъ бывалъ за это время свидѣтелемъ такихъ вотъ непритворныхъ сожалѣній тетеньки о своей поспѣшности, съ которой она поступила, согласившись отпустить на волю Илью Игнатьевича.

Само собою разумѣется, что особенно живо эту свою оплошность тетенька чувствовала въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживалось неумѣнье, недостаточность опытности или вообще неспособность или невѣрность и продажность кого либо изъ «полезныхъ людей», которыхъ она посылала развѣдать или ужъ прямо сторговать и войти въ соглашеніе относительно продаваемыхъ мужиковъ, бабъ или дѣтей.

Даже такому вѣрному, преданному и неустрашимому человѣку, какова была Анна Ивановна Мутовкина, тетенька въ случаяхъ какихъ либо ея неудачъ или оплошностей ставила на видъ Илью Игнатьевича и имъ упрекала ее.

— Да, вспомнишь Илью Игнатьева,—говорила она.

— Да что-жъ бы Илья Игнатьевичъ-то тутъ сдѣлалъ?—возражала ей Мутовкина.

— Ну, ужъ онъ зналъ бы, что сдѣлать.

— Да если не уступаютъ. Не хотятъ ни за что продать.

— А ему бы продали.

— И ему бы не продали.

— Это Ильѣ Игнатьевичу-то? — даже съ удивленіемъ восклицала тетенька къ вящей досадѣ Мутовкиной.

— Благодѣтельница! — въ отчаяніи тогда восклицала въ свою очередь и Мутовкина.—Вѣдь это вы такъ только говорите. Ну, что-жъ, я меньше что ли Ильюшки (она его терпѣть не могла, какъ конкурента) готова стараться и стараюсь?

— Да ужъ я не знаю, — въ меланхоліи отвѣчала тетенька: — меньше ли, больше, только онъ бы это дѣло обдѣлалъ, вотъ какъ обдѣлалъ бы,—заканчивала она вдругъ, оживляясь.

И тетенька при этомъ складывала пальчики въ пучечекъ и цѣловала этотъ пучечекъ, громко чмокнувъ.

О чувствахъ Ильи Игнатьевича къ тетенькѣ сказать что либо опредѣленное гораздо труднѣе, потому что при ней онъ этихъ чувствъ своихъ къ ней не выражалъ, а когда ему случалось въ ея отсутствіе высказываться объ ней въ разговорахъ съ отцемъ или матушкой, онъ высказывалъ ихъ, эти чувства, всегда въ такой почтительной и сдержанной формѣ, какъ и слѣдовало ему относиться къ ихъ родственницѣ и своей бывшей госпожѣ, что по этимъ отрывочнымъ разговорамъ не много можно было что нибудь уяснить себѣ объ его дѣйствительныхъ къ ней чувствахъ и его дѣйствительномъ взглядѣ на нее. Да къ тому же, какъ я сказалъ уже, онъ былъ вообще человѣкъ скромный до скрытности.

Но одно несомнѣнно—онъ благоговѣлъ передъ ея стяжательнымъ умомъ, передъ ея умѣньемъ и способностями наживать. Какъ человѣкъ, прожившій всю свою жизнь почти въ средѣ торговой, въ средѣ наживы и пріобрѣтеній, онъ привыкъ, разумѣется, выше всего цѣнить именно такой умъ, даже едва ли онъ и понималъ другой какой либо умъ, кромѣ этого, и потому въ его благоговѣніи передъ тетенькиными способностями въ этомъ отношеніи, которыя дѣйствительно были незаурядны,—ничего и нѣтъ удивительнаго.

Мнѣ кажется, едва ли не этимъ его удивленіемъ и благоговѣйнымъ чувствомъ къ своей особѣ она и держала его въ такой зависимости къ себѣ, въ такой покорной готовности его на всякую услугу, на исполненіе всякаго ея порученія. Въ смыслѣ наживномъ, чтобы нажить отъ нея, она мало предоставляла ему интереса, такъ какъ была скупа, и въ этомъ отношеніи была просто непонятна, такъ какъ не одинъ разъ теряла и по многу изъ-за этой своей скупости, доходившей при выдачѣ наличныхъ денегъ даже просто до скаредности.

Но и объ этихъ ея качествахъ, которыя онъ несомнѣнно не могъ одобрять, хотя бы потому, что и самъ терялъ отъ нихъ, неполучая себѣ должнаго за исполненіе ея порученія и обдѣлываніе имъ дѣла, онъ отзывался все же не только съ умѣренностью и осторожностью, но и какъ бы съ нѣкоторымъ оправданіемъ, что, дескать, въ жизни такъ и должно поступать...

— Никого-съ вѣдь раздачей не удивишь,—въ заключеніе такого разговора обыкновенно говорилъ онъ:—человѣку иному сколько ни дай, все мало...

Илью Игнатьевича я сталъ помнить рано, когда былъ совсѣмъ еще мальчикомъ, и на сколько я теперь припоминаю, и самъ онъ, и его отношенія къ тетенькѣ Клавдіи Васильевнѣ, были постоянно

одни и тѣ же. Съ покупкою тетенькой саратовской пустоши, дѣло, въ которомъ и онъ принималъ не послѣднее участіе, разъѣзжая съ какими-то ея тайными и очень важными порученіями, онъ выдвинулся, доказавъ на дѣлѣ, а не одними только разсказами о своей вѣрности и умѣньѣ дѣлать дѣло, когда жилъ у саратовскаго купца, что онъ способенъ дѣйствительно участвовать въ крупныхъ предпріятіяхъ и быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезнымъ и даже необходимымъ человѣкомъ.

За саратовское дѣло, то-есть за покупку пустоши, за всѣ его хлопоты и за все участіе его въ этомъ дѣлѣ, тетенька подарила ему тысячу рублей. Конечно, и даже навѣрное, онъ стоилъ большаго, но, зная тетеньку, ея скупость, всѣ удивлялись и этой цифрѣ, находя ее громадной. Если бы кто другой и за какое нибудь другое дѣло далъ бы ему и большую сумму, такого впечатлѣнія и такихъ разговоровъ бы не было, но тутъ они были и именно потому, что эту тысячу пожаловала ему извѣстная своею скупостью и дѣловитостью тетенька Клавдія Васильевна.

Но и съ увеличеніемъ своего авторитета, и съ увеличеніемъ своего достатка, вообще увеличеніемъ своего матеріальнаго положенія, Илья Игнатьевичъ, оставаясь такимъ же скромнымъ, серьезнымъ и вѣжливымъ, не перемѣнилъ ни костюма своего, ни образа жизни. Онъ постоянно и до конца дней своихъ продолжалъ находиться или у себя на постояломъ дворѣ, гдѣ у него завѣдывалъ какой-то племянникъ его, по какому-то случаю такъ же, какъ и самъ онъ, вольный (только этотъ не отъ тетеньки откупился), или находился въ разъѣздахъ по своимъ дѣламъ и по порученіямъ обращавшихся къ нему помѣщиковъ.

Такъ бы, вѣроятно, жизнь этого человѣка и прошла мирно и, посвоему, безмятежно и тихо, если бы не одно обстоятельство, которое неожиданно, случайно и вдругъ все въ его жизни перевернуло, вытряхнуло все его существо и, безъ сомнѣнія, ранѣе срока свело его въ могилу...

III.

Выше было сказано, что Илья Игнатьевичъ иногда, мимоходомъ, между другихъ дѣлъ, покупалъ для тетеньки у сосѣднихъ и дальнихъ помѣщиковъ нужныхъ ей для заселенія ея саратовской пустоши мужиковъ и бабъ. Но эта операція его была именно мимоходомъ, между дѣлъ, и никогда не составляла предмета его особенныхъ хлопотъ, стараній и усилій,—не то совсѣмъ, какъ у Мутовкиной, которая главнѣйше и исключительно этимъ только для тетеньки и занималась. Позовутъ къ кому нибудь изъ помѣщиковъ Илью Игнатьича посовѣтываться съ нимъ, или поручатъ ему какое нибудь дѣло, разговорится онъ о томъ, о другомъ, узнаетъ Илья

Игнатьевичъ какъ нибудь случайно при этомъ, что у этого помѣщика или у другаго какого, недалеко имѣется для продажи одинъ человѣкъ или цѣлая семья, сейчасъ справится, по чемъ ихъ можно купить, даже поторгуется, а потомъ, какъ будетъ по дѣламъ у тетеньки Клавдіи Васильевны, или близко гдѣ, заѣдетъ и скажетъ ей объ этомъ:

— А я, матушка, Клавдія Васильевна, семью одну для васъ нашелъ,—прикажете прислать?

Или такъ скажетъ:

— А я, матушка, Клавдія Васильевна, человѣка одного для васъ нашелъ: Василій Михайловичъ мужика одного за ненадобностью продаетъ,—какъ прикажете?

— Воръ, небось, какой нибудь мошенникъ?—спроситъ тетенька.

— Да ужъ извѣстно, хорошаго человѣка кто же продастъ... Имъ онъ ни къ чему, а намъ для Саратова-то не все ли равно, какой онъ есть.

— Да это-то такъ. О цѣнѣ узнавалъ?

— Узнавалъ-съ. Подходитъ...

И тетенька скажетъ ему:

— Что-жъ, возьми...

Такіе разговоры я нѣсколько разъ слыхалъ. Но все это было, сейчасъ видно, случайно, не нарочно онъ за этимъ дѣломъ ѣздилъ, а такъ подвернулась покупка, выгодно или сходно, онъ и купитъ для тетеньки, ей, въ Саратовъ, одного человѣка, двухъ, а то и цѣлую семью или двѣ. И тетенькѣ это пріятно, она видитъ, что онъ помнитъ объ ней, объ ея интересахъ, не забываетъ, и ему годится: тетенька пожалуетъ ему за это красненькую...

Помню, инстинктивно какъ-то, мнѣ это въ Ильѣ Игнатьевичѣ не нравилось, то-есть, что вотъ онъ продаетъ или подъискиваетъ для тетеньки дворовыхъ и мужиковъ, но мнѣ не нравилось это потому только, что я и самъ зналъ, что за человѣкъ тетенька Клавдія Васильевна, какая она сухая и злая, и потомъ, всѣ про нее говорили такъ неодобрительно и нехорошо съ этой стороны,—только вотъ поэтому мнѣ не нравилось, что Илья Игнатьевичъ дѣлаетъ это; по существу же, конечно, что же я могъ имѣть противъ покупки или продажи? Всѣ продавали, всѣ покупали, то и дѣло я слышалъ объ этомъ, и если я не видѣлъ дома купленныхъ людей и никого не продали никогда изъ нашихъ людей, за то я на сторонѣ слышалъ, часто слышалъ объ этомъ... А главное, я не видѣлъ долго, лѣтъ до девяти, всей этой процедуры продажи и покупки, не видѣлъ сценъ, которыми это все сопровождается. Потомъ, когда я ихъ, эти сцены, увидалъ, когда насмотрѣлся на нихъ, что̀ это такое, я ужъ понялъ, какъ слѣдуетъ, что̀ такое продажа людей и ихъ покупка...

Но это все относится къ первымъ годамъ появленія у насъ Ильи Игнатьевича и его дѣятельности по исполненію тетенькиныхъ предначертаній и вотъ такихъ его маленькихъ добрыхъ услугъ ей, къ настоящему же моему разсказу, то-есть ко времени, къ которому онъ относится, я ужъ сознательно и хорошо понималъ, что такое покупка людей, потому что, благодаря той же тетенькѣ, Клавдіи Васильевнѣ, я видѣлъ, и чѣмъ эта покупка ея сопровождается, и что эти купленные ею при этомъ ощущаютъ и испытываютъ.

Къ тому времени, къ которому относится этотъ разсказъ, мнѣ было ужъ лѣтъ двѣнадцать. Я уже много перечиталъ книгъ изъ отцовской библіотеки, и книгъ не дѣтскихъ, а серьезныхъ: я зачитывался исторіей Карамзина, прочиталъ «Исторію Наполеона», сочиненія Полеваго, прочиталъ «Исторію консульства и имперіи» Тьера: вотъ какія книжки я ужъ читалъ, и онѣ меня интересовали, я ими зачитывался къ великой радости отца, который далъ мнѣ право брать и читать все, что я хочу изъ его библіотеки. Къ этому я долженъ прибавить еще, что я былъ въ эти лѣта страшно нервный и впечатлительный, что́, можетъ быть, и развилось во мнѣ именно вслѣдствіе этой страстной охоты къ чтенію. Эта нервность и впечатлительность въ свою очередь дѣлали то, что какая нибудь сцена или какое нибудь обстоятельство, разговоръ, которые меня почему нибудь поразили, запечатлѣвались въ моемъ воображеніи и въ памяти до такой степени живо и вмѣстѣ съ тѣмъ прочно, что мнѣ стоило, напримѣръ, только закрыть глаза и подумать нѣкоторое время, чтобы требуемая сцена и всѣ участвующія и дѣйствующія въ ней лица представились бы мнѣ, какъ на яву, какъ происходило все на самомъ дѣлѣ, а разговоры, останавливавшіе на себѣ мое вниманіе, я помнилъ долгое время съ поразительной вѣрностью наизусть, какъ бы я ихъ нарочно училъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что случай съ Ильей Игнатьевичемъ, о которомъ я буду разсказывать, въ высшей степени заинтересовалъ меня, приковалъ, такъ сказать, къ себѣ все мое вниманіе, долго былъ для меня предметомъ упорныхъ и тяжелыхъ размышленій, въ которыхъ я съ трудомъ разбирался и съ еще большимъ трудомъ удерживался отъ высказыванія прямо тѣхъ выводовъ и заключеній, къ которымъ они меня приводили...

IV.

Однажды—помню, дѣло было ранней весной—къ намъ вдругъ совершенно неожиданно пріѣхала тетенька Клавдія Васильевна прямо изъ саратовскаго своего имѣнія, и, хотя была усталая съ дороги, попросила въ тотъ же день послать за Ильей Игнатьевичемъ. Тетенька была въ отличномъ расположеніи духа, очень довольною всѣмъ тѣмъ, что нашла у себя въ Саратовѣ, разсказы-

вала, что съ ней очень рѣдко случалось, о своихъ планахъ и видахъ на будущее, то-есть, какія она еще намѣрена сдѣлать тамъ пріобрѣтенія и какія ввести усовершенствованія въ пріобрѣтенномъ имѣніи.

— Ахъ, мой другъ,—говорила она матушкѣ,—ты не повѣришь, какія тамъ низкія цѣны на все въ сравненіи съ нашими. Одно дорого тамъ — люди. Представь, за дѣвку тамъ одинъ помѣщикъ просилъ съ меня тридцать рублей. Я даже расхохоталась... Правда, она «съ прибылью», но вѣдь его жена поэтому-то ее и продавала, и потомъ кто же ее знаетъ, что она родитъ—можетъ, тоже дѣвку [1])...

Тетенька отъ всѣхъ этихъ пріятныхъ обстоятельствъ, которыя она встрѣтила во время этой своей поѣздки въ Саратовъ, была даже въ возбужденномъ какомъ-то состояніи. Въ это время она обыкновенно производила не радостное на всѣхъ впечатлѣніе, а напротивъ, страшное, тяжелое, гнетущее, такъ какъ мы всѣ знали, что въ моментъ такого высокаго подъема своего духа она бывала способна на самыя жестокія и смѣлыя дѣла.

Къ обѣду, узнавъ о ея пріѣздѣ къ намъ, явилась Анна Ивановна Мутовкина съ докладомъ тетенькѣ о порученныхъ ей дѣлахъ. Дѣла эти всѣ были—покупка людей для Саратова. Не помню ужъ, купила она этотъ разъ для тетеньки, то-есть приторговала, или нашла ихъ. Тетенька, по обыкновенію, заперлась съ нею у себя въ комнатѣ, и онѣ долго пробыли тамъ, бесѣдуя и разсуждая.

Къ вечеру явился Илья Игнатьевичъ. Выбритый, причесанный, принарядившійся, то-есть въ длиннополомъ сертукѣ съ роговыми пуговицами и необыкновенно узенькими рукавами, какъ тогда носили, онъ покорнымъ и готовымъ къ услугамъ предсталъ предъ своей бывшей госпожей. Мы пили въ угольной чай, сидя всѣ за большимъ круглымъ столомъ, въ томъ числѣ и Анна Ивановна Мутовкина, а Илья Игнатьевичъ, заложивъ руки за спину и слегка отставивъ въ сторону одну ногу, правильнѣе, какъ-то вывернувъ ступню, стоялъ у притолки въ дверяхъ и разсказывалъ городскія новости, слышанныя тамъ, такъ какъ только что вернулся изъ города, гдѣ былъ по дѣламъ кого-то изъ сосѣдей помѣщиковъ. Тетинька время отъ времени начинала въ свою очередь разсказывать ему о своей поѣздкѣ въ Саратовъ, — начинала, но какъ-то все не договаривала, останавливаясь, и добавляла:

— Ну, это мы съ тобою объ этомъ ужо поговоримъ...

---

[1]) Чтобы не было какихъ сомнѣній на счетъ достовѣрности цифръ, то-есть въ данномъ случаѣ цѣнъ на людей въ то время, я подарилъ редактору «Историческаго Вѣстника» нѣсколько писемъ этой тетеньки, въ которыхъ покойница очень обстоятельно и аккуратно приводитъ ихъ. Сомнѣвающіеся всегда могутъ видѣть эти письма у Сергѣя Николаевича Шубинскаго и убѣдиться, что разсказываемое мною здѣсь вовсе не вымыселъ въ этомъ отношеніи.

С. Т.

По обыкновенію своему, тетенька не вытерпѣла и этотъ разъ, чтобы не укорить въ глазахъ Ильи Игнатьевича Мутовкину, что она дѣлала постоянно и, кажется, съ цѣлью возбуждать въ нихъ обоихъ соревнованіе.

— А ворона-то моя,— сказала тетенька, указывая головой на Мутовкину:— опять проморгала дѣло. Васильковы продавали три семьи—за даромъ почти пошли; не могла задатку дать безъ меня.

Илья Игнатьевичъ, какъ дипломатъ, промолчалъ на это, ничего не сказалъ, только кашлянулъ слегка и переставилъ ногу, а Мутовкина принялась оправдываться, говорила, что она не посмѣла безъ тетеньки начать этого дѣла, сказала, что ужъ она ли не служитъ ей вѣрой и правдой, ничего не жалѣла, даже своей жизни, такъ какъ ей положительно извѣстно, что ее за всѣ эти дѣла давно уже хотятъ убить, и кончила тѣмъ, что расплакалась...

Тетенька очень даже любила это и, помимо всякихъ соображеній о конкуренціи, просто потому только, что видѣла, всетаки, страданія, а это ей доставляло нѣкотораго рода удовольствіе, такъ какъ она въ это время дѣлала очень пріятныя улыбки, причемъ на щечкахъ у нея показывались ямочки и глазки блестѣли такъ живо и радостно.

Послѣ чая Анна Ивановна уѣхала домой, а тетенька отправилась съ Ильей Игнатьевичемъ къ себѣ въ комнату толковать объ дѣлахъ, и они тамъ заперлись.

Тетенька просидѣла у себя въ комнатѣ, бесѣдуя съ Ильей Игнатьевичемъ, до самаго ужина, и когда вышла оттуда съ нимъ, мы всѣ не могли не замѣтить какого-то особеннаго настроенія, въ которомъ она была: многозначительно улыбалась, потирала ручки и даже начинала шутить съ нами, дѣтьми, то-есть со мною и съ сестрой Соней — признаки тоже несомнѣнно прекраснаго расположенія духа, но уже въ другомъ смыслѣ, или лучше сказать по другому поводу: она сдѣлала какое нибудь открытіе, узнала что нибудь любопытное и носится теперь съ этимъ открытіемъ, удерживаясь отъ подмывающаго ее желанія разсказать объ этомъ. Мы всѣ, разумѣется, знали о такомъ настроеніи тетеньки, сотни разъ его наблюдали и потому переглядывались въ ожиданіи, когда она наконецъ не вытерпитъ и разскажетъ всѣмъ о своемъ открытіи.

Илью Игнатьевича она отпустила домой, онъ раскланялся, поцѣловалъ, по обыкновенію, у тетеньки ручку и уѣхалъ, а тетенька, какъ только онъ вышелъ, кивнула въ слѣдъ ему головой и улыбающейся и довольной сказала:

— Каковъ старый хрѣнъ!.. Любовницу себѣ покупаетъ...

Матушка молча посмотрѣла на нее.

— Да,—продолжала тетенька,—покупаетъ... Какъ же...

Матушка молчала.

— Дѣвку у Астафьевыхъ... горничную... какъ же... То-то я замѣтила: онъ все у Астафьевыхъ, да у Астафьевыхъ... Какія тамъ такія могутъ быть у нихъ особенныя дѣла... съ воды на квасъ перебиваются, всѣ въ долгу, какъ въ шелку, скоро жрать нечего будетъ, имѣньишко въ аукціонъ пойдетъ.... Анъ оно вотъ что... дуракъ! На старости лѣтъ дуракомъ хочетъ быть,—заключила тетенька.

— То-есть какъ же это покупаетъ? Развѣ онъ можетъ купить?—спросила матушка.

— На мое имя проситъ позволить купить... Пускай... А мнѣ-то что-жъ...

— Отчего же онъ ее на волю не откупитъ.

— Боится. Во-первыхъ, тѣ, какъ узнаютъ, что онъ ее для себя въ любовницы откупаетъ, съ него огромныя деньги заломятъ... А потомъ, и такъ боится, какъ бы она не ушла отъ него, когда вольная-то будетъ... Ну, а тутъ ужъ не уйдетъ... нѣтъ!—радостно заключила тетенька...

И опять эти улыбки, на щечкахъ ямочки, глазки горятъ и блестятъ, и она потираетъ руки.

— Клавдинька!—воскликнула матушка:—и ты въ этой грязи будешь участвовать, помогать ему будешь?..

— Что-жъ тутъ такого?—удивилась она въ свою очередь.— Развѣ этихъ примѣровъ мало? Не только людей и землю покупаютъ на имя помѣщиковъ, цѣлыя имѣнія покупаютъ на ихъ имя тѣ, кто не имѣетъ права пріобрѣтать ихъ на свое имя...

— Да развѣ это то же самое, Клавдинька?

— А то какъ же?

— Вѣдь ты же знаешь, для чего онъ ее покупаетъ?

— Мнѣ-то какое дѣло—для чего... Проситъ позволенія купить на мое имя и только. Мнѣ онъ довѣряетъ... Отчего же... Непремѣнно сдѣлаю. И я еще по одному обстоятельству должна буду это сдѣлать. Когда она моя будетъ, онъ будетъ опять весь въ моихъ рукахъ... Вѣдь онъ старый хрѣнъ, значитъ, влюбился въ нее, ужъ если покупаетъ... Вѣдь онъ скупится, а тутъ не жалѣетъ... И Астафьевы, должно быть, это уже смекнули, потому что сумасшедшую цѣну за нее хотятъ—сто рублей...

Матушка съ грустнымъ лицомъ смотрѣла на нее, точно про себя, въ тишинѣ, безмолвно, моля Бога, чтобы онъ смягчилъ сердце тетеньки, пролилъ на него миръ и благость...

А тетенька, ни о чемъ этомъ не догадываясь, ничего не замѣчала и, не понимая, какое она производитъ впечатлѣніе, вся погрузилась въ сдѣланное ею открытіе, смаковала его, дѣлая при этомъ и свои соображенія, какія она еще можетъ по этому случаю извлечь выгоды...

Передъ самымъ ужиномъ, въ угольную, гдѣ мы сидѣли и гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, вошелъ отецъ; тетенька и ему сообщила эту новость.

Онъ выслушалъ и сказалъ:

— Фу, какія мерзости. Я не ожидалъ этого отъ него.

— Чего?—спросила тетенька.

— А вотъ всего этого... Да что онъ съ ума что ли сошелъ. Вѣдь ему который годъ?..

— Это всегда къ старости,—замѣтила тетенька.

— И ты будешь участвовать въ этомъ? Помогать ему въ этомъ?

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула, не вытерпѣвъ, тетенька.— Точно не покупаютъ развѣ на имя помѣщиковъ, кто не можетъ купить на свое имя?

— Да не съ эдакой цѣлью.

— Я ничего не знаю,—рѣшительно объявила тетенька.—Вѣдь могу же я ничего не знать этого... Мнѣ какое дѣло, что онъ съ ней будетъ дѣлать? Можетъ, понравится она ему, онъ еще и женится на ней.

— Да ей-то онъ нравится? Онъ тебѣ не говорилъ?

— Говорилъ.

— Что говорилъ?

— Она просватана была тамъ за кого-то изъ Астафьевскихъ дворовыхъ...

— А онъ покупаетъ ее себѣ?

— Да вѣдь господа же ея имѣютъ право продать... Я, ей-Богу, не понимаю этого... Что же это такое? Того нельзя, этого нельзя... Что же тогда можно-то?

Тетенька хоть и продолжала улыбаться, но это была ужъ не улыбка совсѣмъ, а нѣчто страшное, отчего жутко становилось даже и совсѣмъ постороннимъ людямъ, которые ни въ чемъ отъ нея не зависѣли.

Потомъ мы пошли ужинать, и я помню, за столомъ все время никто почти не проронилъ ни одного слова. Тетенька кушала, по обыкновенію облизывая губки и улыбаясь, съ ямочками на щечкахъ, поглядывала на насъ, какъ бы удивлялась, съ чего это, дескать, они всѣ прикидываются такими справедливыми и чувствительными.

V.

За годъ до этого, тоже весной, когда у насъ была тетенька Клавдія Васильевна, пріѣзжалъ къ ней Илья Игнатьевичъ, разсказывалъ, что онъ окончательно обстроился, обзавелся всѣмъ и, кланяясь, просилъ ее и всѣхъ насъ сдѣлать ему честь пріѣхать къ нему на молебенъ, по случаю новоселья, «откушать чаю». По-

года была хорошая, Илья Игнатьевичъ считался достойнымъ человѣкомъ, посѣщенія такія были въ обычаѣ, и къ нему поѣхали. Это было тоже очень ранней весной, но по снѣгу еще, и мы отправились всѣ въ двухъ большихъ простыхъ саняхъ.

Онъ встрѣтилъ насъ, какъ самыхъ почетныхъ гостей, на крыльцѣ, съ непокрытой головой, въ одномъ праздничномъ своемъ сюртукѣ, самъ высаживалъ насъ изъ саней. Во флигелькѣ его — онъ состоялъ весь изъ двухъ комнатъ, съ маленькой передней и еще какой-то комнаткой—были уже гости: одинъ малоземельный помѣщикъ, какой-то чиновникъ изъ города въ форменномъ сертукѣ съ ясными пуговицами и «батюшка» съ дьякономъ, приглашенные служить молебенъ.

Илья Игнатьевичъ показывалъ намъ обѣ свои комнатки, въ которыхъ, я помню, меня поразило обиліе образовъ въ разныхъ фольговыхъ ризахъ съ красными, синими и желтыми бумажными розанами вокругъ вѣнчиковъ, съ лампадками въ видѣ фарфоровыхъ голубковъ, и необыкновенное множество раскрашенныхъ лубочныхъ картинъ духовнаго содержанія, по стѣнамъ. Я все ходилъ и разсматривалъ эти картинки и читалъ подъ ними надписи. По стѣнамъ, вдоль всѣхъ стѣнъ, стояли сундуки, окованные желѣзомъ и жестью, и покрытые сверху домашней грубой работы коврами.

— И съ чѣмъ это у тебя всѣ эти сундуки? — нѣсколько разъ полюбопытствовала спросить его тетенька Клавдія Васильевна.

— Съ разнымъ скарбомъ, матушка-сударыня,—отвѣчалъ ей Илья Игнатьевичъ.

— Холостой ты, не женатый, а сколько у тебя сундуковъ.

— Да, матушка-сударыня, для хозяйства все нужно,—отвѣчалъ онъ.

Но тетенька ему не вѣрила. Онъ какъ-то оставилъ насъ, пошелъ распорядиться на счетъ молебна или закуски, и она сказала матушкѣ:

— Никогда я не думала, что у него столько добра всякаго. Ты посмотри-ка, восемь сундучищъ какихъ наворовалъ.

— Клавдинька! Ужъ и наворовалъ,—отвѣтила ей матушка.

— Да откуда же онъ могъ столько набрать всего?

— Мало ли... дарятъ, самъ покупаетъ. Онъ человѣкъ домовитый, расчетливый, бережливый.

— Нѣтъ, это любопытно,—продолжала тетенька: — и кому все это послѣ его смерти достанется...

Дѣйствительно, эти двѣ комнаты его и, кромѣ сундуковъ, были полны-полнехоньки всякимъ добромъ. На стѣнахъ, повѣшанныя на гвоздяхъ и прикрытыя бѣлыми простынями, висѣли какія-то шубы и даже лисьи женскіе салопы, много разнаго платья; въ створчатомъ шкафѣ, когда онъ отворилъ его, что-то доставая, мы увидѣли много посуды столовой, стакановъ, рюмокъ хорошаго хрусталя и

даже серебро: столовыя и чайныя ложки, подносы накладнаго серебра и проч., и проч.

Тетенька ходила, посматривала и все удивлялась.

— Смотри-ка, смотри-ка, что у него всякаго добра, — говорила она матушкѣ.

— Домовитый человѣкъ.

— Нѣтъ, откуда это у него все?

— Собиралъ, копилъ.

— Да вѣдь это все хорошія вещи.

— Что же хламъ-то ему собирать.

— Да вѣдь это денегъ стоитъ.

И опять:

— Не понимаю, откуда это у него все?.. И кому это послѣ достанется все?..

По окончаніи молебна, когда батюшка обошелъ весь дворикъ, причемъ и мы вслѣдъ ходили тоже, и окропилъ всѣ постройки и всю скотину святой водой, Илья Игнатьевичъ и закуску намъ подалъ тоже совсѣмъ приличную, доброкачественную и подалъ ее, какъ человѣкъ бывалый въ помѣщичьихъ домахъ, знающій и понимающій все.

Тетенька все только удивлялась. Это чувство до такой степени поглотило ее всю, что подъ конецъ, когда вдругъ Илья Игнатьевичъ явился съ бутылкой шампанскаго, завернутой по обычаю тогдашнему въ салфетку, и пробка щелкнула,—тетенька даже не утерпѣла и всплеснула ручками.

— Каковъ мой бывшій мужикъ-то. А? А вѣдь, когда на волю откупался, какимъ сиротой представлялся. Послѣдніе, говоритъ, соки вамъ отдаю, послѣднія крохи... А онъ,—вонъ онъ какой!..

Когда, наконецъ, мы уѣзжали съ этого новоселья, всѣ по обычаю что нибудь подарили Ильѣ Игнатьевичу, то-есть матушка подарила ему корову, отецъ какую-то лошадь, сказавъ, чтобы онъ за ней присылалъ или пріѣзжалъ самъ, а намъ дали съ сестрой по новенькому золотому, которые мы передали ему; тетенька же, до отъѣзда къ нему, еще дома отложившая, чтобы дать ему три новенькихъ золотыхъ, ничего ему теперь не дала.

Назадъ я ѣхалъ въ тѣхъ же саняхъ, гдѣ сидѣла и тетенька, и слышалъ, какъ она чуть не бранилась, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія этой всей картиной его благополучія.

— Нѣтъ, каковъ? А?.. А прикидывался-то какимъ? Надулъ меня... Надулъ...—все повторяла она.

— Тебѣ-то что, Клавдинька!—возражала ей матушка, вѣроятно, желавшая ее успокоить.

— Ничего... Ничего...—злобно отвѣчала ей тетенька.

— Вѣдь не твое это все. Если онъ и не честными какими ма-

нерами это все нажилъ, такъ вѣдь и не у тебя же. Вѣдь ты ничего отъ этого не потеряла.

Тетенька, волновавшаяся такъ въ началѣ дороги, подъ конецъ даже замолчала — самое опасное состояніе ея раздраженія. Когда она замолкала, плохо было вызвавшему это ея состояніе...

На другой день къ намъ явился благодарить за посѣщеніе, а кстати и взять подаренную ему корову и лошадь, Илья Игнатьевичъ.

Тетенька встрѣтила его уже какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто она и не раздражена противъ него. Попрежнему съ веселенькими глазками улыбалась, на щекахъ были ямочки, и она спокойно говорила съ нимъ о дѣлахъ, справлялась, когда онъ поѣдетъ по такому-то и такому-то ея порученіямъ.

VI.

Тетенька при покупкѣ людей придерживалась всегда такого правила. Мутовкина, Илья Игнатьевичъ, или другой кто, доносилъ ей, что у такого-то помѣщика или у такой-то помѣщицы имѣется столько-то людей для продажи; тетенька выслушивала, подробно разспрашивала, за что, по какому поводу ихъ продаютъ, какихъ они лѣтъ, знаютъ ли какія мастерства и проч., и проч., и давала отъ себя письмо къ тому помѣщику или къ той помѣщицѣ, которая продавала людей. Въ этомъ письмѣ, съ которымъ ѣхалъ сводчикъ, тетенька просила прислать ей выписку изъ ревизской сказки объ этихъ людяхъ и объявить ей рѣшительную за нихъ цѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ тетенька просила до поры до времени хранить отъ этихъ продаваемыхъ людей готовящуюся имъ судьбу въ тайнѣ. Она иногда требовала этой тайны на нѣкоторое время и послѣ того даже, какъ они были проданы, то-есть купчая на нихъ была уже совершена, и они принадлежали ужъ ей, и только все еще жили, ничего не подозрѣвая, у своего бывшаго господина.

Тетенька имѣла на это основаніе и дѣлала это потому, что не могла же она каждаго отдѣльно купленнаго ею человѣка отправлять съ нарочной подводой и подъ карауломъ, въ цѣпяхъ, за триста слишкомъ верстъ въ Саратовъ. Она дожидалась партіи и тогда отправляла уже всѣхъ заразъ. Обыкновенно она требовала для этого оттуда изъ Саратова своего старосту, и онъ устроивалъ цѣлый поѣздъ съ накупленными людьми и самъ ѣхалъ съ ними. Поэтому извѣстіе о его появленіи въ нашей сторонѣ всегда смущало весь околодокъ, потому что при тайнѣ, съ которой тетенька вела эти дѣла, никто не зналъ, не проданъ ли ужъ онъ ей, или его отецъ, мать, братъ, сестра, дочь, сынъ...

Когда такимъ образомъ тетенька получала всѣ нужныя ей свѣдѣнія о покупаемыхъ ею людяхъ и цѣна была подходящая, она

давала сводчику денегъ на задатокъ, и онъ ѣхалъ опять и привозилъ ей ужъ росписку, что въ задатокъ за такихъ-то и такихъ-то «мнѣ принадлежащихъ крѣпостныхъ моихъ людей» получилъ столько-то. А затѣмъ ужъ въ условленное время тетенька съѣзжалась съ продавцемъ въ городѣ, отдавала ему остальную слѣдующую съ нея сумму, и они совершали купчую. Иногда, впрочемъ, она давала на это довѣренность Мутовкиной или ея мужу, и они ужъ отъ ея имени все это тамъ въ городѣ совершали.

Это былъ обыкновенный порядокъ, котораго она постоянно держалась. Осматривать лично покупаемыхъ людей ей не для чего было, такъ какъ они въ Саратовѣ всѣ поступали въ одну категорію—просто мужиковъ пахарей, все равно, былъ ли этотъ прежде дворовымъ или былъ садовникомъ, а этотъ лакеемъ или поваромъ.

— У меня всѣ сравняются, всѣ одинаково станутъ работать,—говорила она.—У меня, какъ въ раю, всѣ равны...

Оттого и расцѣнивала она ихъ одинаково, по стоимости рабочаго мужика, нисколько не обращая вниманія на то, знаетъ ли покупной какое нибудь мастерство, или пріученъ онъ къ какому нибудь дѣлу: кучеръ, садовникъ, лакей и проч.

И дѣйствительно ей, не заводившей въ Саратовѣ ни усадьбы и не основывавшей никакого даже жилья лично для себя, вовсе и не нужно было обзаводиться дворней и всѣми этими мастеровыми людьми. Ей нужны были одни лишь пахари, чтобы обрабатывать обширныя земли, и чѣмъ больше будетъ у нея этихъ пахарей, тѣмъ большее количество земли будетъ у нея обработано, и слѣдовательно тѣмъ больше дохода съ этой земли и съ ихъ труда она получитъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ людей, которые бывали тамъ, у нея, въ Саратовѣ, посланные ею съ какимъ нибудь порученіемъ туда, разсказывали про это ея имѣніе, что это что-то особенное совсѣмъ, нисколько непохожее на то, что было и имъ удалось видѣть, и непохожее даже на то, что они видѣли и тамъ, проѣзжая мимо другихъ тамошнихъ помѣщиковъ.

— Совсѣмъ, какъ въ Сибири, на каторгѣ,—разсказывали они, никогда, конечно, не бывавшіе въ Сибири и слыхавшіе объ ней по разсказамъ, по слухамъ, бывавшихъ тамъ.—Понастроили сараи, и въ нихъ люди живутъ, спятъ всѣ въ повалку. Вновь привезенныхъ по цѣлымъ мѣсяцамъ держатъ въ кандалахъ, пока они не привыкнутъ и не перестанутъ скучать по своемъ мѣстѣ и о своихъ родныхъ. И кормятъ ихъ всѣхъ изъ одного котла, а готовятъ на нихъ не бабы, а два мужика изъ новопривезенныхъ, которыхъ боятся отпускать въ поле, на работы, чтобы не убѣжали они... А дѣти скупленныя также всѣ вмѣстѣ спятъ въ повалку, и имъ дана работа: лыки чистятъ для лаптей, кошельки плетутъ, а подростать начнутъ которые, ихъ въ поле гоняютъ, и они тамъ должны ра-

ботать. А какъ дѣвкѣ исполнится пятнадцать лѣтъ, пойдетъ шестнадцатый, такъ ее сейчасъ замужъ выдаютъ, чтобы время не пропадало: тетенькѣ народъ нуженъ. А ребятъ, то-есть мальчиковъ, не женятъ, держатъ до шестнадцати лѣтъ, а какъ пойдетъ семнадцатый, такъ тоже сейчасъ женятъ. И справляютъ свадьбу отъ тетеньки, по положенію; она же и попу за свадьбу платитъ,—подъ руками и попъ у нея. Все по положенію... А заправляетъ всѣмъ староста, вотъ этотъ, что̀ сюда пріѣзжаетъ, и другой помощникъ его, подстароста, такой же кровопійца, который вмѣсто его остается, когда тетенька къ себѣ вызоветъ старосту, или онъ самъ пріѣзжаетъ по дѣламъ съ докладами, или за людьми, чтобы везти накупленыхъ туда, въ Саратовъ... И ходятъ эти оба, староста и подстароста, всегда съ охраной: два казака съ кинжалами и съ саблями за ними, и сами они съ кинжалами тоже, только у нихъ ихъ не видно: они подъ платьемъ спрятаны...

Въ глухой въ то время, совсѣмъ ужъ степной, сторонѣ дѣлались тогда ужасныя распоряженія и приводились невозбранно въ исполненіе; жаловаться было некому, да что бы, если бы и приняли отъ кого жалобу, можно было сдѣлать по ней?...

Такъ, напримѣръ, тетенька сама своей властью разводила, то-есть расторгала бракъ, брала жену отъ мужа, если она два года подъ-рядъ не имѣла дѣтей, и отдавала ее другому для сожительства, а мужу этой женщины давала «для хозяйства» какую нибудь вдову изъ новопривезенныхъ, и тоже «для опыту», на два года...

Ужасныя я помню подробности!...

VII.

Илья Игнатьевичъ изъ этой поѣздки своей по тетенькинымъ дѣламъ вернулся очень скоро, исполнивъ всѣ ихъ самымъ наилучшимъ образомъ. Онъ явился на этотъ разъ утромъ, когда мы собирались ѣхать къ обѣднѣ: былъ какой-то праздникъ.

— А! ужъ ты вернулся!—увидавъ его, воскликнула тетенька:— скоро... скоро... Ну, что, все устроилъ?

— Все, матушка-сударыня, — съ поклономъ отвѣчалъ Илья Игнатьевичъ.

— Ну, да я знала... свое дѣло, не мое... — загадочно какъ-то сказала тетенька, но сейчасъ же благодушно заговорила съ нимъ.

Это все происходило въ передней; лошади, чтобы ѣхать въ церковь, были поданы; мы стояли всѣ ужъ одѣтые и дожидались, когда тетенька кончитъ говорить съ Ильей Игнатьевичемъ.

— Ну, я съ тобой послѣ обѣдни поговорю... Ты поѣдешь къ обѣднѣ?—спросила тетенька.

Илья Игнатьевичъ сказалъ, что поѣдетъ.

Къ обѣднѣ мы поѣхали въ двухъ экипажахъ. Илью Игнатье-

вича, вышедшаго вмѣстѣ съ лакеями провожать насъ на крыльцо, посадили на козлы одного изъ экипажей, рядомъ съ кучеромъ, и мы тронулись.

Я опять сидѣлъ вмѣстѣ съ тетенькой и матушкой. Нашъ экипажъ ѣхалъ впереди.

— Каковъ?—кивая матушкѣ головой на слѣдовавшій за нами экипажъ, гдѣ на козлахъ сидѣлъ Илья Игнатьевичъ, начала тетенька.—Для своей крали какъ постарался... Въ пять дней все повернулъ...

Матушка ничего ей не отвѣчала.

Тетенька тоже замолчала и сидѣла, какъ бы обдумывая что̀, и улыбалась.

Въ церкви тетенька, по обыкновенію, стоя на колѣняхъ на вышитомъ коврикѣ, молилась, какъ ни въ чемъ не бывало; я стоялъ позади ея и, помню, упорно все время смотрѣлъ на нее, стараясь уяснить себѣ, что же это, наконецъ, за человѣкъ...

Отошла обѣдня, священникъ выслалъ намъ всѣмъ просвиры съ дьякономъ, въ томъ числѣ и тетенькѣ, конечно. Тѣмъ же порядкомъ мы поѣхали домой, и опять на козлахъ сидѣлъ Илья Игнатьевичъ.

Съ просвиркой въ рукахъ, покачиваясь на толчкахъ, тетенька всю дорогу сидѣла улыбающаяся, какъ бы по поводу какой-то мысли, пріятной, веселой, занимавшей ее и доставлявшей ей полное удовольствіе.

Въ домѣ у насъ, въ залѣ, былъ уже готовъ чайный столъ, блестящій самоваръ кипѣлъ, булочки, крендельки, сливки, все ужъ стояло на столѣ, и, не переодѣваясь, всѣ какъ были въ церкви, въ праздничныхъ платьяхъ усѣлись пить чай. Позвали сюда же и Илью Игнатьевича. Онъ, по обыкновенію, остановился у дверей, у притолоки, и начался обычный разговоръ съ нимъ о новостяхъ, о городскихъ слухахъ.

Когда кончился, наконецъ, и чай, тетенька въ самомъ мирномъ и пріятномъ настроеніи встала, взяла со стола свою просвиру, подождала окончанія какого-то разсказа Ильи Игнатьевича и, направляясь къ себѣ въ комнату, сказала:

— Илья Игнатьевичъ, какъ кончишь тутъ, отпустятъ тебя, зайди ко мнѣ.

Илья Игнатьевичъ пошелъ вслѣдъ за ней.

— Что она, все время, какая-то странная?—провожая глазами тетеньку, спросилъ я у матушки и отца.

— Кажется, ничего.

— Нѣтъ, что-то такое есть... Ужъ я вижу.

— Ничего. Да что-жъ такое можетъ быть?

— Не знаю, но есть что нибудь...

Съ Ильей Игнатьевичемъ тетенька на этотъ разъ бесѣдовала,

къ удивленію всѣхъ, очень мало; еще никто не уходилъ отъ стола, какъ она вошла уже съ нимъ, и еще болѣе веселая, прямо даже смѣясь, подошла къ намъ съ слѣдовавшимъ за нею Ильей Игнатьевичемъ и, покачиваясь на цыпочкахъ, со смѣхомъ сказала:

— А! Каковъ Илья Игнатьевичъ-то... Все ужъ устроилъ, обладилъ... Проситъ, чтобы я завтра въ городъ ѣхала купчую съ Астафьевымъ совершать...

Всѣ молчали.

— Ну, что-жъ, Богъ съ нимъ. Надо для него сдѣлать, онъ самъ для меня хлопоталъ не мало... Братецъ,—обратилась она къ отцу:— у васъ завтра лошади свободны мнѣ въ городъ съѣздить?..

— Свободны, къ вашимъ услугамъ,—отвѣтилъ отецъ.

— Ну, такъ завтра я поѣду,—сказала она, взглядывая на Илью Игнатьевича, стоявшаго тутъ въ нѣсколько какъ бы неловкомъ положеніи, и вдругъ опять сказала:

— А! Каковъ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь сто рублей за дѣвку-то заплатилъ. Сто рублей... Ты, смотри, цѣну мнѣ не испорти. Вѣдь она не знаетъ, что это ты для себя, подумаетъ, что это я за эту дрянь такія деньги плачу, — и обернулась къ Ильѣ Игнатьевичу.

Онъ стоялъ и неловко глуповато улыбался, чтò такъ непривычно намъ было видѣть на его постоянно серьезномъ, строгомъ лицѣ.

Тетенька посмотрѣла, посмотрѣла на него и такъ и фыркнула... А онъ стоялъ и улыбался все тою же улыбкою...

Наконецъ, она его отпустила пить чай въ переднюю, а сама присѣла къ столу:

— Старый дуракъ... Мошенникъ...—проговорила она, когда онъ ушелъ.—Притворщикъ!... А на это у него деньги есть...

Тетенька, не получивъ ни отъ кого отвѣта или замѣчанія и возраженія, развернула бывшую у нея въ рукахъ бумагу, задаточную росписку Астафьева и стала ее еще разъ перечитывать.

Отецъ ушелъ, а матушка спросила ее.

— Клавдинька, ты сколько же купила?

— Двѣ семьи, девять человѣкъ, да вотъ эту дѣвку отдѣльно...

VIII.

На другой день тетенька рано утромъ уѣхала въ городъ.

Она пробыла тамъ не долго и вернулась въ какомъ-то экстазѣ, радостная, довольная, веселая, чуть не сіяющая, такъ что всѣхъ даже поразило это ея состояніе, и всѣ невольно переглядывались въ ожиданіи разъясненія этого.

Изъ города она обыкновенно привозила намъ, дѣтямъ, всякій разъ леденцовъ, вообще сладостей, но теперь забыла, и какъ вошла только, сейчасъ же объявила намъ объ этомъ, добавивъ, что ужъ

въ слѣдующій разъ она привезетъ намъ вдвое. И, судя по ея веселому, радостному возбужденію, можно было повѣрить и понять даже, что она это забыла не отъ скупости или дурнаго расположенія духа, а именно отъ охватившаго все ея существо радостнаго настроенія, причемъ ей ужъ ни до кого не было дѣла, и она обо всѣхъ и обо всемъ позабыла.

— Ну, что, Клавдинька, все какъ слѣдуетъ устроила?—спросила ее матушка.

— Все, — коротко отвѣтила она.

Она пріѣхала сейчасъ послѣ нашего завтрака, и матушка спросила ее, не хочетъ ли она чего нибудь закусить, такъ какъ все готово, все еще не простыло и ей сейчасъ подадутъ.

Но она даже не отвѣчала на это, точно не слыхала, и начала:

— И сегодня же этотъ дуракъ ее къ себѣ возьметъ. Я сюда поѣхала, а онъ за ней къ Астафьевымъ.

— Ты про кого это?—точно не догадываясь, спросила ее матушка.

— Какъ про кого? Про Илью Игнатьевича... Ахъ, мошенникъ, старый дуракъ... Ну, пускай... Пускай полакомится нѣсколько дней... Пускай его...

— Клавдинька!—воскликнула матушка, догадавшись, что она намѣревается сдѣлать потомъ.

— Что такое?

— Ужасъ какой!

— Какой ужасъ?

И она вся вдругъ перемѣнилась въ лицѣ.

— Какой ужасъ? Въ чемъ ужасъ?

— Ты что это хочешь сдѣлать?...

— Что и онъ со мной сдѣлалъ... Онъ меня обманулъ, прикидываясь, что у него ничего нѣтъ, и что онъ больше трехъ тысячъ за себя не можетъ внести мнѣ. Онъ меня обманулъ, ну, а теперь самъ ко мнѣ попался. Богъ-то справедливъ! Онъ все видитъ и все терпитъ до поры до времени... Вотъ теперь онъ и опять у меня въ рукахъ. Вотъ она,—добавила тетенька, вынимая изъ ридикюля связку бумагъ и выбирая одну изъ нихъ: — вотъ она, купчая-то крѣпость на нее... На его кралю-то эту... Вотъ она!

Тетенька разложила свернутый исписанный листъ гербовой бумаги съ печатями и похлопала по немъ рукой.

— Вотъ она, птичка эта гдѣ, у меня сидитъ. Добудь-ка ее отсюда отъ меня. Добудь-ка!... Да я его... мошенника... притворщика... Шампанскимъ угощаетъ... Любовницъ себѣ покупаетъ...

Не только тогда, но и потомъ, я не видалъ лица, болѣе искаженнаго ненавистью и злобой. Блѣдная, съ побѣлѣвшими совсѣмъ губами, съ горящими, маленькими отъ злости глазами, она едва и то тяжело съ усиліемъ дышала, ловя и какъ-то захватывая ртомъ

воздухъ. По лицу вспыхиваютъ и перебѣгаютъ судороги... Я въ ужасѣ смотрѣлъ на нее, какъ смотритъ кроликъ на змѣю. Меня страхъ обуялъ, и я, не шелохнувшись, сидѣлъ и смотрѣлъ на ея лице, не въ силахъ оторваться отъ него.

— Посмотримъ, посмотримъ, что это за краля... Вотъ ужо онъ привезетъ ее показать мнѣ...—говорила она и сама гладила, положительно любовно гладила, развернутую передъ ней гербовую бумагу, какъ живое какое нибудь существо.—Посмотримъ...

Весь этотъ день я ходилъ, какъ помѣшанный. Вечеромъ съ дѣвичьяго крыльца доложили, что пріѣхалъ Илья Игнатьевъ и привезъ новую, купленную у Астафьевыхъ горничную.

— Сюда ихъ привести?... Или туда хочешь пойдти?—спросила тетенька у матушки.

Та въ перепугѣ ей отвѣтила, что нѣтъ, не нужно сюда, и что она и туда не пойдетъ.

— Ну, какъ хочешь.

И пошла одна.

— Мама, и я пойду! — воскликнулъ я, когда тетенька встала и пошла.

Матушка съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Тебѣ-то зачѣмъ?

— Ну, пожалуйста, ну, ради Бога!

— Да съ тобой тамъ, Богъ знаетъ, что еще случится.

— Ничего не случится.

— Знаю ужъ я.

— Ну, увѣряю же... Ну, ради Бога... Вѣдь не станетъ же она ее тамъ бить.

Матушка пожала плечами, я обнялъ ее, поцѣловалъ и кинулся въ дѣвичью.

Тетенька стояла посреди комнаты, а у входной двери, у обѣихъ притолокъ, стояли — у одной Илья Игнатьевъ въ крайнемъ смущеніи, сконфуженный, почти растерянный, а у другой—дѣвушка лѣтъ восемнадцати, высокаго роста, довольно полная, въ лиловатомъ ситцевомъ платьѣ и красномъ бумажномъ платкѣ на головѣ, изъ-подъ котораго выбивались ей на лобъ и на щеки пряди волосъ, и онѣ казались мокрыми. Она плакала,—теперь перестала плакать уже, но видно, что долго и отчаянно плакала: по лицу протянулись полосы отъ слезъ и пыли; глаза красные, совсѣмъ распухшіе. Нельзя было даже понять, какое у нея въ обыкновенномъ видѣ лицо. По стѣнкамъ стояли наши горничныя и женщины. Тишина была мертвая. Въ отворенныя окна виднѣлся садъ и, какъ сейчасъ вижу, прямо кусты сирени всѣ въ цвѣту...

Тетенька говорила:

— Ну, какъ тебя...

— Вѣра Антонова,—глухо проговорилъ Илья Игнатьевичъ.

— Послужи... послужи...—не обращая вниманія на его слова, говорила тетенька...—Отдаю я тебя ему въ услуженіе за его вѣрную мнѣ службу... За то, что онъ вѣрный мнѣ человѣкъ былъ всегда, не воръ... не обманщикъ... говорилъ всегда правду... не притворщикъ... отъ госпожи своей никогда ничего не скрывалъ... А если скрывалъ, то думалъ, что я никогда ничего не узнаю...

И она нервно вдругъ расхохоталась.

Но сейчасъ же она опять оправилась и продолжала:

— Послужи ему... Служба у него навѣрное не трудная тебѣ будетъ... Онъ хорошій, у него домъ что полная чаша... Онъ намъ недавно показывалъ все свое хозяйство. Чего у него только нѣтъ... И мѣховъ, и серебра... все, чего хочешь, есть... Послужи... А что онъ старичекъ-то, такъ это ничего... Старики скорѣй изъ ума выживаютъ, съ нимъ что хочешь будешь дѣлать... Да... Послужи... Барыней будешь жить... Старички вѣдь до этого охотники... они на это слабы... Лучше твоихъ первыхъ господъ, Астафьевыхъ-то этихъ, будешь жить... А ты что-жъ дура дурой стоишь?—вдругъ, перемѣняя тонъ, почти вскрикнула тетенька: — барыня твоя тебѣ добра желаетъ, счастья, а ты и поклониться ей не хочешь. Отсохла у тебя что ли шея-то?..

— Кланяйся, кланяйся... благодари,—обращаясь къ дѣвушкѣ, сказалъ Илья Игнатьевичъ.

Дѣвушка медленно поклонилась.

— А ты, милая, какъ слѣдуетъ кланяйся-ка... Мнѣ твои поклоны ни на что не нужны, наплевать мнѣ и на тебя-то, а ужъ если кланяться, такъ, какъ слѣдуетъ.

— Ниже, ниже поклонись,—подсказалъ дѣвушкѣ Илья Игнатьевичъ.

Она поклонилась въ поясъ.

— Ты ее ужъ выучи, а то, что-жъ, она барынѣ, какъ ровнѣ своей, кланяется.

Илья Игнатьевичъ молчалъ. Онъ ужъ все понялъ и видимо былъ подавленъ этимъ.

— Это вотъ когда она вольная если бы была, ну, тогда другое дѣло, тогда могла бы хоть совсѣмъ не кланяться, а то теперь у нея еще барыня есть... Ну, ступайте съ Богомъ...—вдругъ, опять перемѣняя тонъ, сказала тетенька: — живите себѣ, не ссорьтесь... Повинуйся, служи ему, онъ теперь какъ бы господинъ тебѣ... Слышишь?.. А не будешь его слушаться, не будешь исполнять его волю, онъ пожалуется мнѣ... А я вѣдь строгая, у! какая строгая. Ты вѣдь небось слыхала обо мнѣ? Тебѣ разсказывали вѣдь? Живыхъ людей ѣмъ, кровь изъ нихъ пью... Слыхала?.. Ну, то-то... Смотри...

Потомъ она обратилась къ Ильѣ Игнатьевичу:

— Ну, ступай, полакомься, старикъ...

И вдругъ — ха, ха, ха!..

Повернулась и пошла изъ дѣвичьей.

— Пойдемъ же, что-жъ тутъ тебѣ оставаться?—обратилась она ко мнѣ.

Я, опустивъ голову, вышелъ тоже...

IX.

Отца ужасно возмутила эта исторія, когда онъ узналъ объ ней: его не было дома, онъ вернулся, и матушка разсказала ему.

— Ты, пожалуйста, скажи ей отъ меня: жить она тутъ можетъ, но чтобы этихъ представленій она тутъ не давала. И что ей нужно? Что она живетъ тутъ? У нея свое есть имѣніе. Что она контору скупки людей что ли сдѣлала изъ нашего дома? Шляется къ ней эта всякая дрянь сюда — Мутовкины разныя... кричалъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней ему надо было ѣхать по дѣламъ на недѣлю или на двѣ въ нашъ губернскій городъ, и онъ уѣхалъ, не простившись даже съ тетенькой.

Это, впрочемъ, очень мало ее огорчило, такъ какъ безъ него она чувствовала себя у насъ гораздо свободнѣе, благодаря необыкновенной къ ней снисходительности матушки и вообще крайне доброму и мягкому ея характеру.

Съ отъѣздомъ отца тетенька просто даже процвѣла. Пріѣхала Мутовкина, и она съ ней сидѣла цѣлыми часами, цѣлыми днями, отпуская ее въ село, за двѣ версты отъ насъ, только ночевать.

И все время одинъ разговоръ—Илья Игнатьевичъ, его «краля», и ни о чемъ другомъ.

Тетенька ужъ нѣсколько дней поджидала къ себѣ изъ Саратова старосту своего, но онъ почему-то опоздалъ, не ѣхалъ, и это теперь раздражало ее.

— Что онъ не ѣдетъ, что онъ сидитъ тамъ? Ужъ не завелъ ли и онъ тамъ себѣ юбки какой?—разсуждала она съ досадой.

— Пріѣдетъ,—утѣшали ее и матушка, и Мутовкина.

— Да когда же! Мнѣ надо людей отправлять. У меня тутъ болтается человѣкъ сорокъ. Рабочая пора скоро, а они тутъ баклуши бьютъ, у старыхъ господъ своихъ живутъ, на нихъ работаютъ... Вѣдь я не щепки, — деньги за нихъ платила. Что онъ, дуракъ, не знаетъ что ли этого? Кажется, я ему толкомъ писала...

Наконецъ, вечеромъ какъ-то явился этотъ староста. Это было дня черезъ три или четыре послѣ сцены въ дѣвичьей. Тетенька разспросила его про саратовское имѣніе, какъ тамъ идетъ, все ли въ порядкѣ, и сказала:

— Ну, а надняхъ тебѣ надо ѣхать народъ собирать.

— Много, матушка-барыня, изволили накупить?

Тетенька сказала.

— Всѣхъ разомъ двинемъ?

— Да что же? За одно ужъ.

— Извѣстно ужъ за одно.

— Ну, а ужъ какую ты тутъ, можетъ быть, одну кралю повезешь... въ тарантасѣ поѣдетъ...—загадочно сказала тетенька.

Староста смотрѣлъ на нее, ничего не понимая.

— Особенно какъ везти, матушка, прикажете?

— Это ужъ какъ ея обожатель захочетъ... Это ужъ его дѣло. Для меня она все равно, такая же хамка, какъ и другія всѣ.

Тетенька помолчала и добавила:

— А Илья Игнатьевичъ, кажется, успокоился, сидитъ у своей юбки и не думаетъ являться, и глазъ ко мнѣ не кажетъ... Ты завтра раненько утречкомъ-то съѣзди къ нему, ничего, не бѣда, если почиваютъ, побезпокой ихъ, скажи, молъ, такъ и эдакъ, барыня приказала дѣвокъ собирать, везти ихъ въ Саратовъ, у тебя, молъ, тоже одна наша проживаетъ... Съѣзди къ нему, скажи-ка... Ахъ, какъ скоро народъ зазнается...

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ староста.—Прикажете взять отъ него ее?

— Нѣтъ, брать пока не нужно, такъ скажи ему только.

— Слушаю-съ.

Матушка смотрѣла на тетеньку и покачивала головой. Мутовкина сидѣла съ потнымъ лицомъ, долженствовавшимъ выражать удивленіе и негодованіе по случаю такой неблагодарности и забывчивости Ильи Игнатьевича.

— Спѣшить къ чему же. Можетъ, еще вспомнитъ... пріѣдетъ... Можетъ, выкупить ее захочетъ... — говорила тетенька. — Спѣшить къ чему же...

Староста, только что явившись изъ Саратова, прямо съ дороги, еще не посвященный во всю эту исторію, ничего не понималъ и странно вопросительно посматривалъ на тетеньку и на всѣхъ насъ.

Наконецъ, тетенька его отпустила.

На утро, мы только что собрались къ чаю, доложили, что пріѣхалъ Илья Игнатьевичъ.

Тетенька обвела всѣхъ хитрымъ, довольнымъ взглядомъ.

— Можно его сюда позвать?—спросила она матушку.

— Да, что-жъ...

— Позови,—сказала она лакею, откашлялась, потерла руками и, зажмурившись отъ смѣха, весело покачала головой.

Вошелъ Илья Игнатьевичъ, блѣдный, осунувшійся, на нѣсколько лѣтъ, казалось, постарѣвшій за эти дни. По обыкновенію, онъ подошелъ къ тетенькѣ къ ручкѣ. Поцѣловалъ ручку и сталъ у дверей, у притолоки.

Прошло съ полминуты томительнаго молчанія. Какъ ни перемѣнился за эти дни Илья Игнатьевичъ, но лицо у него выражало все же рѣшимость.

Тетенька первая прервала молчаніе. Она, зорко глядѣвшая на него, кажется, смутилась было отъ этого его рѣшительнаго выраженія въ лицѣ. Ей, можетъ быть, пришло въ голову, что, а ну, какъ онъ скажетъ ей: берите, ну, что-жъ такое?.. Что она тогда сдѣлаетъ съ этой дѣвкой? Она воспользуется только тѣмъ, что онъ заплатилъ за нее... Ему надо будетъ тогда еще возвратить за нее сто рублей — за дѣвку, которой красная цѣна тридцать... Но онъ свободный человѣкъ, сытый, независимый, его ей не достать, его не укусишь... А между тѣмъ она его ужъ навѣки и навѣрно для себя потеряетъ, — его, этого полезнаго, почти необходимаго ей въ нѣкоторыхъ случаяхъ для себя человѣка...

— Ну, что?—проговорила, наконецъ, глотая слюну, чтобы смочить пересохшее горло, тетенька.

— Пріѣхалъ-съ,—коротко отвѣчалъ Илья Игнатьевичъ.

— Вижу... Да не самъ пріѣхалъ... Евстигнѣй былъ у тебя?

— Самому мнѣ не было надобности пріѣзжать. Такъ не смѣлъ безпокоить, а приказа отъ васъ явиться тоже не было,—отвѣчалъ Илья Игнатьевичъ.

— Самому дѣла не было?—повторила тетенька.

— Да какое же дѣло-съ?

— Никакого?

— Я не знаю-съ.

— Ты не знаешь?..

— Не знаю-съ.

— Гм... Вотъ какъ нынче ужъ...

И сохрани онъ этотъ спокойный, холодный тонъ, онъ побѣдилъ бы ее, она ужъ повторила вопросы, не знала, что ей спросить, путалась въ мысляхъ... Но онъ заговорилъ, началъ самъ, заговорилъ о своей службѣ ей, о своей преданности, обратился къ тѣмъ ея сторонамъ, которыя у нея были недоступны ни совѣсти, ни жалости, никакому чувству, и проигралъ.

— Ахъ, служба! Скажите на милость! Точно мнѣ никто не служитъ, отроду никто не служилъ. Я, кажется, награждаю за службу... За саратовскую купчую я, кажется, тебѣ же цѣлую тысячу заплатила. Служба! Ахъ, ха, ха, ха... Не все ли равно, я всѣмъ плачу, я и Мутовкиной плачу, и она мнѣ тоже за деньги служитъ... Только Мутовкина меня никогда не обманывала, не притворялась никогда... И я ей такого благодѣянія не дѣлала никогда, какъ тебѣ... Мало тебѣ что ли, что я съ тебя за вольную всего только три тысячи взяла, повѣрила, что ты больше не можешь, что больше нѣтъ у тебя...

— Ахъ, матушка-сударыня, какъ вы это говорите! — слезливо воскликнулъ Илья Игнатьевичъ.—Да что-жъ у меня было! Что же у меня и теперь-то есть! Вѣдь всю жизнь вѣрой и правдой слу-

жилъ. Уголъ свой на старости лѣтъ только вѣдь и заслужилъ, только и есть.

— Уголокъ хорошій, я видѣла,—торжествующимъ ужъ тономъ, побѣдоносно отвѣчала тетенька.— Какъ же, была у тебя, помню, сама была, своими глазами видѣла...

Затѣмъ она, ужъ совсѣмъ спокойная, овладѣвшая положеніемъ, знавшая уже, что и какъ ей говорить, сама повела рѣчь о выкупѣ «крали».

— Что-жъ, никакого зла я тебѣ не желаю, а хочу только, при случаѣ, добрать то, чего не дополучила тогда, повѣривъ тебѣ, что у тебя больше нѣтъ и ты не можешь больше за себя внести.

Послѣ разныхъ увѣреній, что дѣйствительно онъ тогда не могъ больше ей заплатить, что у него и теперь если и есть, то сущіе пустяки, послѣ напоминанія опять о томъ, что онъ ей вѣрой и правдой служилъ, что и отецъ его и мать и дѣдъ и прадѣдъ служили родителямъ и прародителямъ тетеньки,—онъ, наконецъ, спросилъ, сколько же она хочетъ еще съ него за «дѣвку».

— Три тысячи,—хладнокровно и совершенно невозмутимо сказала тетенька.

— Матушка! Да откуда же я ихъ возьму?

Тетенька расхохоталась.

— Ну, да почемъ же я знаю, откуда ты ихъ возмешь! Я у тебя по сундукамъ не лазила, гдѣ онѣ у тебя лежатъ, я не знаю.

— У меня лежатъ? Три тысячи?!.

— Ну, не лежатъ, въ дѣлѣ, значитъ, въ оборотахъ...

— У меня обороты? Да какіе же у меня обороты?

— Ну, я не знаю... Ну, достанешь гдѣ нибудь.

— Да гдѣ я достану-то? Кто же мнѣ дастъ?

— Не знаю, я ничего не знаю и знать не хочу, это не мое вовсе дѣло, откуда ты возмешь... А не достанешь, Евстигнѣюшка вотъ поѣдетъ и ее съ собою возьметъ.

— Воля ваша! Я не могу... У меня нѣтъ...—отчаянно рѣшительнымъ тономъ сказалъ Илья Игнатьевичъ, но именно потому, что онъ сказалъ такимъ, а не спокойнымъ тономъ и сказалъ взволнованный, ему тетенька не повѣрила.

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ, не могу же я тебя заставить ее выкупить,—сказала она.

— Не могу-съ, воля ваша, не могу-съ, — повторилъ Илья Игнатьевичъ.

— Ну, и не нужно. Господи! Съ сумой не пойду, если и не получу ихъ.

— Матушка-сударыня! Явите божескую милость, — опускаясь на колѣни, заговорилъ Илья Игнатьевичъ.—Скажите, что меньше возьмете. Если могу, заплачу. Тысячу рублей заплачу. Все распродамъ, заплачу.

— Ха, ха, ха... Лакомый какой, понравилась? А?—ужаснымъ смѣхомъ расхохоталась тетенька.

Матушка, сидѣвшая все время молча, въ ужасѣ поднялась.

— Клавдинька! Что̀ ты дѣлаешь, что̀ ты такое говоришь! — воскликнула она.—Что эти три тысячи, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ такъ необходимы! Онъ же вѣдь служилъ тебѣ...

— Тебѣ жаль его? Да? А, можетъ, она мнѣ еще спасибо скажетъ, если онъ ее не выкупитъ? Ты думаешь ей весело, легко будетъ жить съ нимъ, съ старымъ хрычемъ такимъ. Можетъ, она тамъ отъ меня въ Саратовѣ за молодаго еще попадетъ,—отвѣтила ей тетенька.

Матушка остановилась.

— Да. А ты какъ думала. Ты подумай-ка хорошенько,—продолжала тетенька.

Матушка тихо отвела отъ нея глаза и вынула платокъ, чтобы утереть ихъ; она плакала, повторяя:

— Что за ужасъ... Ахъ, какія дѣла ты, Клавдинька, дѣлаешь! Накажетъ тебя Богъ за это... Не пройдетъ это тебѣ даромъ.

— Да что такое? Что такое я дѣлаю? За свою дѣвку хочу выкупъ получить...

— Не надо было тебѣ путаться въ это...

— Отчего?

— Ужасъ... грязь одна...

— Никакого ужаса, никакой грязи... Заплатитъ, выкупитъ ее, оставлю ему, а нѣтъ—отправлю ее въ Саратовъ, велю выдать за молодого какого, будетъ работать и очень еще довольна будетъ...

Это все очень легко, можетъ быть, выходитъ въ разсказѣ теперь, но что тогда я чувствовалъ, присутствуя при этой сценѣ, этого я никогда не забуду, хотя у меня и нѣтъ словъ разсказать это...

Они что-то долго еще торговались, но, всетаки, кончили. Тетенька изъ трехъ тысячъ ничего ему не уступила, но разсрочила уплату ихъ. Тысячу рублей онъ долженъ былъ ей сейчасъ уплатить, тысячу послѣ и тысячу къ будущей веснѣ.

Илья Игнатьевичъ поцѣловалъ у тетеньки ручку и отправился домой за деньгами.

— Ну, что?—быстро-быстро, потирая отъ удовольствія ручки, сказала тетенька, обращаясь ко всѣмъ.—Ну, что, не говорила ли я, что у него есть деньги?..

X.

Илья Игнатьевичъ пріѣхалъ опять вечеромъ въ тотъ же день, и они съ тетенькой ужъ совершенно мирно, какъ ни въ чемъ не бывало, отправились въ ея комнату толковать «о дѣлахъ», то-есть расчитываться—онъ платить ей деньги, а она писать ему рос-

писку въ полученіи ихъ, такъ какъ у нихъ утромъ было условлено, что тетенька, получивъ тысячу рублей съ него въ задатокъ, выдастъ ему росписку въ томъ, что, по уплатѣ въ срокъ ей остальныхъ двухъ тысячъ, должна будетъ выдать отпускную, или, какъ тогда обыкновенно говорили, вольную его «дѣвкѣ».

Когда тетенька вышла оттуда, она даже очень милостиво предложила ему, чтобы онъ напился чаю въ передней. Онъ отказался, отговариваясь какимъ-то дѣломъ, а тетенька еще подшучивала:

— Къ своей, къ возлюбленной, спѣшишь? Ахъ, чудакъ ты! Ну, ужъ ступай, ступай, обрадуй ее...

Тетенька была весь этотъ вечеръ въ отличномъ расположеніи духа,— не казалась только, не притворялась, а дѣйствительно въ отличномъ, совсѣмъ покойномъ расположеніи духа, какъ можетъ быть человѣкъ, сознающій, что онъ исполнилъ сегодня долгъ свой и ничего рѣшительно не чувствуетъ за собой, совѣсть его чиста и спокойна.

Я помню, кто-то еще былъ — пріѣхалъ — у насъ, мы пили вечерній чай на балконѣ, былъ лунный вечеръ, въ саду свистѣлъ соловей, мы долго ходили по темнымъ дорожкамъ сада, любовались на освѣщенныя луною поляны и куртины; очень долго гуляли, наслаждаясь прелестнымъ, тихимъ, сухимъ теплымъ вечеромъ, и поздно пришли въ домъ ужинать. Кто именно былъ у насъ тогда, я не помню теперь, но мы и за ужиномъ засидѣлись долго, такъ что матушка отправила и меня и сестру спать раньше, чѣмъ всѣ разошлись и разъѣхались.

Утромъ, какъ только мы встали, я услыхалъ ужасное извѣстіе: несчастная дѣвушка Ильи Игнатьевича въ эту ночь утопилась въ рѣкѣ. Когда онъ пріѣхалъ отъ насъ вчера поздно вечеромъ, она была уже мертва, ее вытащили, и она лежала на берегу. Ее откачивали, что-то еще съ нею дѣлали, но ничто ужъ не помогло.

Когда я пришелъ на террасу пить чай, матушка, сидѣвшая тамъ, я помню, все крестилась, выслушавъ разсказъ объ этой страшной вѣсти. Тетеньки еще не было. Она вставала позже насъ и не выходила еще изъ своей комнаты.

— Надо послать кого нибудь,—говорила матушка.—Никифора надо послать, чтобы онъ все разузналъ, какъ это было. Ахъ, Господи, страсть какая. Ахъ...

— Ермилъ, кучеръ, поскакалъ ужъ туда. Сѣлъ на неосѣдланную лошадь и поскакалъ. Вѣдь онъ Ильѣ-то Игнатьевичу какъ-то еще съ родни приходится,—отвѣтилъ кто-то изъ женщинъ матушкѣ.

— Ахъ, Господи, грѣхъ какой... Ахъ, страхъ какой, — все повторяла она.

Наконецъ, явилась и тетенька.

Она молча выслушала страшную вѣсть, сдѣлала маленькій

крестикъ рукою у себя на томъ мѣстѣ, что называется подложечкой, и, тихо опускаясь на стулъ, проговорила:

— Ну, что? Не права я развѣ? Вотъ и лучше бы было, когда бы я на его предложеніе не согласилась. Сразу онъ не могъ бы трехъ тысячъ за нее заплатить, ее и увезли бы. Развѣ ей легко было оставаться съ нимъ, съ эдакимъ старикомъ, вотъ она и кончила...

И минуты не прошло, какъ она добавила:

— Ну, значитъ, на одной тысячѣ я и отъѣхала... вотъ остальныя денежки теперь мои за нимъ и улыбнулись...

Ужасная эта исторія разнеслась по всему уѣзду, всѣ, даже и тѣ, что̀ сами продавали тетенькѣ людей, были въ ужасѣ отъ нея и осуждали тетеньку. Всѣ были смущены; пріѣзжалъ исправникъ и что-то долго толковалъ съ отцемъ въ кабинетѣ; боялись «голубого», то-есть жандармскаго полковника, какъ ихъ тогда называли, боялись слѣдствія по этому поводу, всѣ были смущены или боялись, но не тетенька. Она одна держала высокій тонъ и ничѣмъ не смущалась.

— Ахъ, Боже мой, что-жъ тутъ такого! Ну, не хотятъ, чтобы покупали людей, пускай запретятъ ихъ продавать. А то законъ существуетъ на это, не запрещено это—такъ что-жъ тогда кричать-то объ этомъ, пугать-то чѣмъ? Что я беззаконіе что ли какое учинила? Кажется, честныя, не фальшивыя денежки плачу, не крадучись какъ,—въ присутственномъ мѣстѣ купчую совершаю, пошлину въ казну вношу...

— Такъ-то такъ, но, всетаки, знаете, это непріятная исторія,—возражали ей.

— Да чѣмъ? Я-то при чемъ тутъ? Что я одна что ли покупаю людей?

— Ну, всетаки, знаете...

— Не понимаю. Дѣвкѣ какой-то пришла въ голову дурь ни съ того, ни съ сего утопиться—я виновата. Да развѣ мало у кого люди вѣшаются и топятся, что-жъ и они виноваты? Да развѣ можно за это отвѣчать?...

Тетенкѣ, разумѣется, ничего не было, суда и слѣдствія по этому дѣлу тоже никакого не было, «голубой» не узналъ, или если, можетъ быть, и узналъ, то не счелъ нужнымъ обращать вниманія на такую пустую исторію.

Но на Ильѣ Игнатьичѣ это дѣло отозвалось. Ему оно не сошло даромъ. Тѣ двѣ тысячи, которыя онъ не доплатилъ, разумѣется, тетенькѣ, онъ чуть ли не съ лихвой заплатилъ чиновникамъ. Чуть не цѣлый годъ къ нему все «заѣзжали»: то становой, то исправникъ, то стряпчій и еще какіе-то судейскіе изъ города, и онъ ихъ угощалъ. Они жили у него по нѣскольку дней, ѣли, пили, надру-

гались надъ нимъ, издѣвались, онъ просилъ у нихъ прощенія, становился на колѣни, ползалъ. Они брали съ него деньги и уѣзжали.

И долго эта исторія не забывалась и послѣ, когда все уже было кончено, всѣ успокоились. Она, всетаки, отразилась до извѣстной степени и на тетенькѣ: она съ годъ, пожалуй, а то и больше, не покупала людей, какія выгодныя условія для покупки ни предлагала ей Мутовкина.

Чтобы дать забыться всему и чтобы избѣгнуть непріятныхъ всякихъ взглядовъ и разспросовъ, тетенька уѣзжала на время въ Саратовъ, хотя раньше этого вовсе и не думала туда собираться.

Илью Игнатьевича, сильно измѣнившагося послѣ этой исторіи, я видѣлъ, пріѣзжая изъ гимназіи, куда меня вскорѣ опредѣлили, раза два всего, или три. Франтоватый видъ его, когда онъ бывало являлся по праздникамъ въ церковь, или пріѣзжалъ къ намъ, совсѣмъ исчезъ. Послѣдній разъ я видѣлъ его у насъ въ передней, въ полушубкѣ и въ валенкахъ, пріѣзжавшимъ просить о чемъ-то. Матеріальное благосостояніе его сильно пошатнулось, и ужъ онъ не могъ потомъ оправиться, послѣ нашествія тогда на него судейскихъ и чиновниковъ. Упалъ и авторитетъ его, какъ дѣльца. Онъ сдѣлался какъ-то робокъ и застѣнчивъ послѣ этой передряги. Она, несомнѣнно, сильно повліяла на него и потрясла.

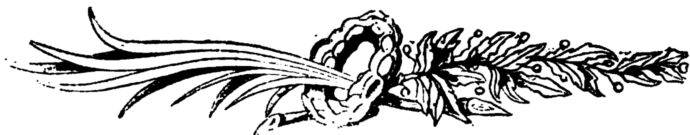
Онъ умеръ какой-то странной смертью. Племянникъ его, жившій съ нимъ и зачѣмъ-то уѣзжавшій въ городъ, возвратившись, нашелъ его умершимъ, въ сидячемъ положеніи, склонившимся надъ столомъ. Племянникъ его былъ въ отлучкѣ три дня, а потому никто не зналъ даже, когда именно онъ умеръ, такъ какъ никакой прислуги, кромѣ работниковъ, онъ не держалъ, а они говорили, что въ комнату къ нему ни разу не входили.

Послѣ его смерти все его имущество досталось этому его племяннику, который открылъ при постояломъ дворѣ кабакъ и лавку. Онъ впослѣдствіи очень разжился отъ обозовъ, которые заѣзжали къ нему во дворъ и останавливались у него. Репутаціи онъ былъ не честной.

Вскорѣ скончалась и тетенька Клавдія Васильевна.

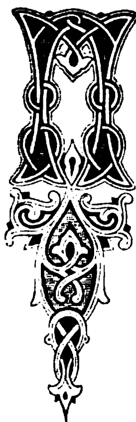
С. Терпигоревъ.

ДВА ПЕДАГОГА.

(Изъ школьныхъ воспоминаній).

О ШКОЛЬНОМУ воспитанію моему я принадлежу двумъ петербургскимъ гимназіямъ: четвертой (Ларинской) и пятой. Въ первую я поступилъ въ 1852 году во 2-й классъ и пробылъ въ ней четыре съ половиною года. Нигдѣ не засиживаясь въ классахъ и постоянно переходя изъ класса въ классъ съ похвальными листами, я благополучно добрался до шестаго класса; но именно въ этомъ классѣ (въ январѣ 1856 года), когда я былъ уже почти семнадцатилѣтнимъ юношей, со мной случился довольно непріятный эпизодъ, причинившій мнѣ не мало горя и вынудившій меня къ переходу изъ Ларинской гимназіи въ пятую, въ тотъ же шестой классъ [1]).

Большая часть моего гимназическаго воспитанія относится, слѣдовательно, къ тому Николаевскому времени, о которомъ у насъ привыкли судить вообще довольно пристрастно, въ особенности, когда рѣчь заходитъ о школьномъ воспитаніи и

[1]) Этотъ эпизодъ былъ нѣкогда описанъ мною въ фельетонѣ «Петерб. Вѣдомостей» (іюнь, 1864 г.) подъ заглавіемъ «Изъ недавняго педагогическаго прошлаго». Суть эпизода заключалась въ слѣдующемъ. По какому-то особому и весьма немудрому рѣшенію учебнаго начальства рождественскіе каникулы намъ были сокращены; мы должны были прійти въ классы не 7-го января, а 2-го. Вслѣдствіе совпаденія праздниковъ съ воскреснымъ днемъ приходилось такъ: прійти въ субботу, потомъ во вторникъ, а въ среду было Крещенье. Мы и согласились во вторникъ не приходить. Двое изъ товарищей, Д. и З., измѣнили общему уговору и пришли. На вопросъ начальства, почему не пришли другіе, они прямо отвѣчали, что «Полевой уговорилъ не приходить». Директоръ гимназіи, высокоумный нѣмецкій педагогъ, предложилъ мнѣ «или принять розги, или выйти изъ гимназіи». Я, конечно, розогъ не принялъ (мнѣ былъ 17-й годъ) и перешелъ въ пятую гимназію.

обученіи того времени. Но я, по моимъ воспоминаніямъ и по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ близкаго знакомства съ двумя гимназіями, рѣшительно не вижу никакой разницы между тогдашними гимназіями и нынѣшними. Въ современномъ гимназическомъ воспитаніи и образованіи вижу также не мало недостатковъ и пробѣловъ, какъ и въ прежнемъ, вижу также много темныхъ сторонъ и— увы!—не вижу очень многихъ прекрасныхъ сторонъ прежняго гимназическаго быта. Въ нынѣшнихъ гимназіяхъ встрѣчаемъ болѣе внѣшняго, формальнаго порядка, болѣе усовершенствованные педагогическіе пріемы, болѣе систематическое распредѣленіе преподаванія по классамъ; но не видимъ прежнихъ педагоговъ, не видимъ типа прежнихъ учителей, которые сживались со своими учениками,ороднились съ ними, вступали въ самыя тѣсныя связи и, съ любовью относясь къ своему дѣлу преподаванія, съ самымъ искреннимъ участіемъ слѣдили за успѣхами своихъ учениковъ. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что прежде учителя въ гимназіяхъ были лучше нынѣшнихъ: и въ прежнее время, точно также, какъ и теперь, были между учителями и хорошіе, и дурные... Я даже готовъ допустить, что теперь составъ учителей ровнѣе, что въ общемъ среднемъ выводѣ (мы живемъ въ вѣкъ пристрастія къ статистическимъ выводамъ!) теперь, въ кругу гимназическихъ учителей, наберется болѣе изрядныхъ и даже недурныхъ преподавателей и менѣе положительно дурныхъ и ни на что не пригодныхъ. Но зато въ той же средѣ мы видимъ теперь болѣе педагоговъ-ремесленниковъ и менѣе педагоговъ по призванію: видимъ несомнѣнно менѣе превосходныхъ учителей, способныхъ вложить всю душу въ преподаваніе и посвятить всю жизнь свою скромной педагогической дѣятельности. Изъ массы учителей, промелькнувшихъ передъ моими глазами втеченіе шестилѣтняго пребыванія въ Ларинской и въ пятой гимназіи, изъ массы характеровъ и типовъ, живо и рельефно врѣзавшихся мнѣ въ память, особенно ярко выступаютъ, особенно ясно и опредѣленно представляются мнѣ два типа учителей-педагоговъ, о которыхъ я вспоминаю съ величайшею признательностью и къ памяти которыхъ отношусь съ глубочайшимъ уваженіемъ. То были: Николай Павловичъ Корелкинъ и Александръ Николаевичъ Бѣляевъ. Съ Н. П. Корелкинымъ я близко сошелся въ Ларинской гимназіи, гдѣ онъ былъ преподавателемъ русской словесности; съ А. Н. Бѣляевымъ судьба столкнула меня въ 5-й гимназіи, гдѣ онъ въ 1856 г. былъ уже инспекторомъ.

I.

Н. П. Корелкинъ преподавалъ въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназіи, поэтому я и не могъ попасть въ число учениковъ его ранѣе перехода въ IV классъ, въ которомъ мѣнялся весь со-

ставъ учителей. Можетъ быть, поэтому именно IV классъ считался у насъ очень труднымъ, и даже существовала такая традиція, что ужъ кто «пройдетъ IV классъ благополучно, тотъ непремѣнно гимназію окончитъ». Не знаю, какъ подѣйствовалъ переходъ въ этотъ классъ на другихъ моихъ товарищей, но на меня онъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что меня изъ темнаго, душнаго и сыраго подвала перемѣстили въ просторную, чистую и свѣтлую квартиру... До такой степени успѣли мнѣ надоѣсть за послѣдніе два года учителя младшихъ классовъ—народъ, большею частью, безличный, сѣренькій, пополняемый какими-то педагогическими неудачниками или иноземцами весьма сомнительнаго качества. Напротивъ того, при переходѣ въ IV классъ, я сразу столкнулся съ цѣлымъ рядомъ новыхъ личностей, изъ которыхъ многіе производили самое пріятное, даже отрадное впечатлѣніе. Дѣйствительно, составъ учителей въ этомъ классѣ могъ бы назваться образцовымъ, если бы въ число ихъ, благодаря нѣмецкому начальству гимназіи [1]), не замѣшался нѣкій Порешъ (преподаватель нѣмецкаго языка), человѣкъ глупый, неспособный, почти постоянно пьяный, и потому служившій цѣлью нескончаемыхъ насмѣшекъ и весьма неприличныхъ выходокъ со стороны учениковъ. Но этотъ жалкій Пôрешъ совершенно стушевывался и казался почти непримѣтнымъ среди такихъ почтенныхъ преподавателей, какъ священникъ Березинъ, какъ французъ Тами (отличный лингвистъ), какъ латинистъ Базъ; притомъ, хорошій старый составъ учителей былъ незадолго до 1854 года обновленъ и пополненъ новыми, молодыми силами: въ Ларинскую гимназію вступили преподавателями: Н. П. Корелкинъ, М. М. Стасюлевичъ и И. Ѳ. Петрушевскій, только что окончившіе курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Помню, что Стасюлевичъ, преподававшій древнюю исторію, привлекъ меня на нѣкоторое время щеголеватою фразою и гладкою формою своего изложенія; помню, что Петрушевскій поразилъ меня необычайною ясностью и простотою объясненія геометрическихъ теоремъ и безусловною справедливостью оцѣнки нашихъ знаній; но болѣе всѣхъ очаровалъ меня Корелкинъ...

Какъ только онъ вошелъ къ намъ въ классъ и обвелъ насъ своимъ добрымъ взглядомъ, желая бѣгло ознакомиться съ общимъ составомъ класса,—такъ ужъ многіе почувствовали, съ кѣмъ мы будемъ имѣть дѣло... Мягкія черты его лица, не отличавшагося красотою, его чрезвычайно добродушная улыбка и очень пріятный грудной голосъ,—все это было для насъ въ высшей степени симпатично. Притомъ въ манерахъ его, въ обращеніи съ учени-

---

[1]) Директоромъ гимназіи былъ нѣкто Фишеръ, профессоръ философіи и педагогики при С.-Петербургскомъ университетѣ.

ками, въ изложеніи предмета, въ чтеніи и во всѣхъ пріемахъ преподаванія, не было замѣтно ни тѣни той противной учительской рутины, которая такъ ужасно надоѣла намъ въ младшихъ классахъ. Корелкинъ (въ противоположность большинству учителей младшихъ классовъ) поразилъ насъ своею необыкновенною вѣжливостью и даже нѣкоторою застѣнчивостью въ обращеніи съ нами; никому онъ не говорилъ «ты», а непремѣнно «вы», а если сердился, то даже и «вы-съ»... Эта утонченная вѣжливость дѣйствовала на насъ прекрасно, вызывая и насъ къ подражанію и возбуждая въ насъ чувство глубокаго уваженія къ молодому преподавателю. Мы ясно видѣли, что этотъ преподаватель смотритъ на насъ не какъ на сплошную массу, не какъ на стадо, не какъ на матеріалъ для педагогическихъ опытовъ: мы понимали, что въ каждомъ изъ насъ онъ видитъ человѣка съ опредѣленною нравственною физіономіею, съ опредѣленнымъ запасомъ силъ и способностей, и каждому изъ насъ въ одинаковой степени старается помочь въ достиженіи опредѣленнаго уровня свѣдѣній... Мы видѣли, что онъ къ намъ присматривается, что онъ насъ наблюдаетъ, что онъ умѣетъ каждаго оцѣнить и понять какимъ-то удивительно-тонкимъ чутьемъ и что онъ ни къ кому не предъявляетъ никакихъ чрезмѣрныхъ, непосильныхъ требованій. Это въ высшей степени важное условіе преподаванія подѣйствовало благотворно даже на самыхъ закоренѣлыхъ лѣнтяевъ; они сначала попробовали было и у Корелкина лѣниться и не готовить уроковъ, но онъ ихъ поразилъ неожиданностью. Вмѣсто того, чтобы поставить обычный нуль или единицу и отпустить на мѣсто,—такъ сказать: «подписано, и съ рукъ долой»,—Корелкинъ задерживалъ лѣнтяя на нѣсколько минутъ у каѳедры для довольно непріятнаго объясненія:

— А вѣдь вы-съ ничего не знаете-съ!—говорилъ онъ просто и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сожалѣнія.

Лѣнтяй, конечно, молчалъ, ожидая постановки дурнаго балла.

— А вѣдь это-съ очень жаль-съ!.. Потому вы и сами теряете время, и меня заставляете терять... И вотъ я вамъ сегодня ничего поставить не могу-съ! Извольте мнѣ къ слѣдующему разу приготовиться: я васъ непремѣнно вызову-съ!

Лѣнтяй, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ единицы и рутинныхъ укоровъ, уходилъ отъ каѳедры, словно ошпаренный. Ему и въ голову не приходило окинуть насъ торжествующимъ и пренебрежительнымъ взглядомъ, въ которомъ ясно выражалось: «вотъ какой я молодецъ—еще получилъ единицу! Да развѣ меня этимъ проймешь: мнѣ это все наплевать!». Напротивъ того, ему какъ-то совѣстно было смотрѣть на товарищей, которые явно были имъ недовольны за то, что онъ разсердилъ кроткаго и незлобиваго Корелкина... И что же? На другой урокъ тотъ же лѣнтяй или самъ

вызывался отвѣчать, или, вызванный Корелкинымъ, оказывался знающимъ урокъ. Болѣе всего мы были поражены тѣмъ, что Корелкинъ заставилъ учиться даже такого закоренѣлаго лѣнтяя, какъ Эк.—, который не учился ничему еще съ третьяго класса, собираясь покинуть гимназію и поступить въ юнкера... Бывало, онъ страшно надоѣдалъ намъ своею обычною пѣснею, которую горланилъ во всѣ перемѣны между уроками:

«Прощайте, стѣны голубыя!
Готова сѣрая шинель»...

И вдругъ, Эк.—, два-три раза пристыженный Корелкинымъ, взялся за умъ и началъ заниматься изученіемъ церковно-славянскихъ склоненій и спряженій!.. И это чудо совершилось на нашихъ глазахъ не при помощи записыванія въ журналъ, оставленія въ въ классѣ, дурныхъ балловъ и всякаго рода взысканій, а при посредствѣ простаго воззванія къ тѣмъ добрымъ и хорошимъ сторонамъ человѣческой души, которыя никогда не глохнутъ совершенно, даже и подъ самою грубою внѣшнею оболочкою. И я до сихъ поръ отлично помню, какъ совершилось это чудесное обращеніе Эк—а, на котораго давно уже махнули рукою всѣ остальные учителя.

Первое увѣщаніе на Эк—а не подѣйствовало. Онъ и на слѣдующій разъ явился, не приготовивъ урока. Передъ приходомъ Корелкина въ классъ Эк—ъ даже хвалился этимъ и прибавлялъ, обращаясь къ намъ:

— Стану я ему готовить! Пусть ставитъ нуль и чортъ съ нимъ... Надоѣстъ и отстанетъ...

Явился Корелкинъ и тотчасъ вызвалъ Эк—а къ каѳедрѣ.

— Ну-те-съ! Отвѣчайте!

Молчаніе и сумрачный взглядъ, упорно устремленный въ стѣну.

— Вы опять не приготовились-съ?.. Не захотѣли труда приложить... А дѣло совсѣмъ пустое: каждый ребенокъ въ полчаса выучитъ... А вы вѣдь ужъ взрослый юноша, и не безъ способностей. Я это вижу и понимаю...

Эк. былъ дѣйствительно старше всѣхъ въ классѣ и сразу покраснѣлъ отъ напоминанія о его великовозрастности.

— Я не хочу учиться: я хочу въ военную службу идти,— грубо буркнулъ онъ Корелкину, отворачиваясь отъ него въ сторону.

— Позвольте-съ... Кто же вамъ мѣшаетъ идти въ военную службу? Прекрасная служба—лучше многихъ другихъ. Но зачѣмъ же вы думаете, что въ военную службу должны поступать одни только неучи? Это ужъ совсѣмъ неправильно... невѣрно-съ!

И пошелъ, и пошелъ на эту тему... Потомъ вдругъ оборвалъ на полусловѣ и, обращаясь къ Эк—у, спросилъ его совершенно неожиданно и серьезно:

— А живы ли у васъ родители?

— Мать жива,—какъ-то нерѣшительно отвѣчалъ озадаченный этимъ вопросомъ Эк—ъ.

— Такъ вотъ что я вамъ скажу: если вы мнѣ не станете готовить уроковъ, если будете продолжать лѣниться, я напишу объ этомъ вашей матушкѣ... Думаю, что это очень ее опечалитъ... Садитесь.

Эк—ъ, не ожидавшій этого заключенія, вернулся на мѣсто совсѣмъ растерянный. Куда дѣвалась вся его прежняя самоувѣренность и молодечество?! Онъ былъ до такой степени смущенъ, что просидѣлъ всю слѣдующую перемѣну на мѣстѣ, не шевелясь, а потомъ, сославшись на головную боль, былъ отпущенъ домой.

Въ слѣдующій урокъ Корелкинъ вызвалъ Эк—та еще разъ и спросилъ его изъ всего пройденнаго. И, къ удивленію всѣхъ, Эк—ъ отвѣчалъ довольно изрядно...

Корелкинъ похвалилъ его и сказалъ:

— Вы, кажется, образумились и принялись за дѣло... Дай Богъ! Отъ души этого желаю. И до тѣхъ поръ буду васъ безпокоить каждый урокъ, пока не увижу, что вы сами готовитесь... Тогда вамъ на слово буду вѣрить...

И что же? Эк—ъ сталъ у Корелкина учиться, а затѣмъ, понемножку, сталъ заниматься у другихъ учителей и благополучно перевалилъ изъ четвертаго класса въ пятый.

Благодаря этому необычайному умѣнью Корелкина обращаться съ учениками и угадывать ихъ характеры, благодаря его живому отношенію даже къ такой мертвечинѣ, какъ юсы, какъ дательный самостоятельный и двойственное число,—мы всѣ рѣшили, что у Корелкина «очень легко учиться», и дѣйствительно въ короткое время одолѣли руководство къ церковно-славянской грамматикѣ Перевлѣсскаго и стали даже съ нѣкоторымъ интересомъ разбирать собранныя въ его хрестоматіи тексты Остромірова Евангелія... При этомъ Корелкинъ сдѣлался общимъ любимцемъ всего класса: у него всѣ учились ровно, и въ классѣ сидѣли такъ тихо, такъ внимательно слѣдили за каждымъ его словомъ, за каждымъ замѣчаніемъ, что любо-дорого было со стороны посмотрѣть...

Мое знакомство съ Корелкинымъ началось съ первыхъ же уроковъ. На одномъ изъ нихъ онъ вызвалъ меня и прежде всего спросилъ, не родственникъ ли я «извѣстному литератору Николаю Алексѣевичу Полевому». Я отвѣчалъ, что я его младшій сынъ... Корелкинъ добродушно привѣтствовалъ меня, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о томъ, какъ онъ въ юности зачитывался произведеніями моего отца, съ какимъ восторгомъ видѣлъ на сценѣ «Парашу Сибирячку»; потомъ спросилъ у меня урокъ.

— Прекрасно-съ! Очень хорошо-съ!—и добавилъ еще нѣсколько словъ о моемъ отцѣ.

Когда потомъ пришлось подавать ему классныя сочиненія, онъ

всегда пользовался случаемъ, чтобы поговорить со мною и разспросить меня о томъ, что̀ я читаю, разузнать, съ какими писателями я знакомъ, къ какому предмету имѣю болѣе пристрастія и т. д. Узнавъ о томъ, что я читалъ вообще очень много, но безъ всякаго разбора и все, что попадалось мнѣ подъ руку, Корелкинъ, видимо, заинтересовался мною, сталъ и внѣ классовъ вступать со мною въ бесѣды и наконецъ сказалъ однажды, какъ бы вскользь:

— А вы бы, Полевой, побывали у меня какъ нибудь... Я буду очень радъ-съ... У меня по пятницамъ кое-кто собираются... Хорошіе люди... Вамъ небезполезно будетъ... Если не соскучитесь, и бывайте.

Само собою разумѣется, что я принялъ это лестное приглашеніе съ восторгомъ и явился въ первый же назначенный день къ Корелкину раньше всѣхъ его гостей. Онъ жилъ въ крошечной квартиркѣ изъ двухъ комнатъ съ прихожей и кухней, на углу 8-й линіи и Средняго проспекта, въ томъ самомъ домѣ, который нынѣ занимаетъ типографія Безобразова. Милаго хозяина я засталъ въ какомъ-то простенькомъ, сѣренькомъ домашнемъ сюртучкѣ, съ обычною его привѣтливою улыбочкою на устахъ. Онъ усадилъ меня около себя, разспросилъ о моей семьѣ, о матери, заставилъ расказать все, что я помнилъ объ отцѣ, а самъ разсказалъ, что онъ уроженецъ одной изъ сѣверныхъ губерній (Олонецкой или Вологодской, не помню), что у него никого изъ родныхъ въ Питерѣ нѣтъ; да и вообще всей родни за нимъ числится, кажется, только одна старушка мать, проживающая чуть ли не въ Петрозаводскѣ... Затѣмъ стали собираться обычные завсегдатаи Корелкинскаго салона, преимущественно учительствующая братія, студенты послѣднихъ курсовъ университета, воспитанники старшихъ классовъ различныхъ учебныхъ заведеній. За стаканомъ чаю завязалась оживленная бесѣда, потомъ поднялись горячіе споры о какихъ-то общихъ вопросахъ въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ самъ хозяинъ, и полилась тихая, дѣльная бесѣда между отдѣльными лицами, по уголкамъ. Синеватыя облака Жукова и Востанжогло наполнили всю квартирку Корелкина, и говоръ, шумъ, смѣхъ не прекращались до самой полуночи, когда гости взялись за шапки и стали прощаться съ милымъ хозяиномъ, который всѣхъ ихъ около себя собиралъ, никого не стѣсняя. Стоило провести два-три часа среди этаго маленькаго салона, стоило взглянуть на общую, истинно-товарищескую непринужденность, съ которою всѣ въ кружкѣ Корелкина относились другъ къ другу, чтобы полюбить и кружокъ, и того, кто былъ его живымъ центромъ. Тонкій умъ, непринужденная веселость, неисчерпаемое добродушіе и удивительная мягкость, съ которою Корелкинъ относился ко всѣмъ, здѣсь проявлялись во всей своей красѣ и въ полномъ своемъ обаяніи. Къ тому же и приманокъ въ салонѣ не было никакихъ, кромѣ

единственной и главной—самого хозяина; не было ни картъ, ни закуски, ни ужина, ничего, кромѣ только чая съ сухарями изъ сосѣдней нѣмецкой булочной и трубки Жукова, или только что входившихъ тогда въ употребленіе папиросъ... А между тѣмъ салонъ былъ всегда полнешенекъ гостями; иногда не доставало мѣста въ общей комнатѣ, и часть гостей перебиралась даже въ крошечный сосѣдній кабинетикъ, заваленный бумагами и книгами и служившій хозяину спальнею. Здѣсь, въ этомъ именно кабинетикѣ, я услыхалъ впервые съ восторгомъ произнесенныя имена Нестора, Ѳеодосія Печерскаго, Сильвестра, Іосифа Волоцкаго и воспринялъ въ душу свою первыя сѣмена любви къ родной старинѣ и народности. Помнится мнѣ въ особенности споръ между Корелкинымъ и еще двоими какими-то завсегдатаями его салона по поводу выхода въ свѣтъ «Областнаго словаря», изданнаго академіею наукъ... Этотъ споръ, въ которомъ всѣ участники обнаружили недюжинное знаніе народнаго говора различныхъ мѣстностей Россіи, заставилъ меня впервые задуматься надъ особенностями народнаго языка и наглядно понять его отличія отъ книжнаго... Помню еще и другой весьма продолжительный споръ по поводу тогда только что явившейся литературной новинки—второй части «Мертвыхъ душъ» Гоголя,—споръ, который натолкнулъ меня на пониманіе значенія критики и незамѣтно, при помощи Корелкина, перевелъ къ чтенію Бѣлинскаго... Я бы, вѣроятно, долго не кончилъ перечисленія всѣхъ тѣхъ хорошихъ началъ и задатковъ будущаго, которые я вынесъ изъ тѣснаго сближенія съ моимъ дорогимъ учителемъ и его милымъ салономъ, если бы сталъ все припоминать здѣсь, въ этой краткой замѣткѣ... Скажу короче: Корелкинъ заставилъ меня впервые задуматься относительно пути, которой мнѣ предстояло избрать въ будущемъ, а нѣкоторые изъ завсегдатаевъ его салона окончательно утвердили меня въ намѣреніи поступить по окончаніи гимназіи именно на филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Особенно много способствовалъ этому милѣйшій К. І. Люгебиль, тогда еще только что окончившій курсъ университета и добивавшійся учительскаго мѣста въ Петербургѣ. Проговоривъ со мною въ одну изъ Корелкинскихъ пятницъ цѣлый вечеръ, онъ предложилъ мнѣ «даромъ» давать уроки греческаго языка, для того, чтобы я могъ быть впослѣдствіи студентомъ-филологомъ [1]). Здѣсь же встрѣтился я впервые со многими тогда еще очень молодыми людьми, а впослѣдствіи весьма почтенными литературными, учеными и общественными дѣяте-

---

[1]) Въ то доброе старое время греческому языку обучали только въ 3-й гимназіи; въ остальныхъ даже латынь начиналась съ IV-го класса; тѣмъ не менѣе и Цицерона, и Горація читали въ старшихъ классахъ не хуже нынѣшняго.

П. П.

лями, которые тогда уже бесѣдовали со мною какъ со взрослымъ и многое внесли въ мое сознаніе изъ того, что, можетъ быть, только уже гораздо позднѣе было бы пріобрѣтено, если бы судьба не свела меня съ достойнымъ Корелкинымъ и его милымъ кружкомъ.

Никогда не забуду того участія, съ какимъ относился ко мнѣ мой учитель, стараясь удовлетворить по возможности той ненасытимой жаждѣ чтенія, которою я положительно страдалъ въ тотъ ранній періодъ моего развитія. Корелкинъ и давалъ мнѣ книги, и указывалъ на книги, которыя слѣдовало бы прочесть, по его мнѣнію, и говорилъ со мною о книгахъ, объ авторахъ, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, объ отдѣльныхъ вопросахъ, возбуждавшихся чтеніемъ... И какъ онъ умѣлъ чудесно поощрять меня къ работѣ умственной, къ выработкѣ слога, къ обогащенію запаса памяти живыми образами, которые незамѣтно, но тѣсно, были связаны съ знаніемъ мертвыхъ фактовъ. Какъ онъ умѣлъ приласкать словомъ поощренія, а иногда подбодрить мое юношеское, очень чуткое самолюбіе, или указать мысли въ опредѣленномъ направленіи къ намѣченной имъ цѣли! И какъ искренно радовался, когда его педагогическій маневръ вполнѣ удавался и приносилъ ему новое доказательство правильности его системы и его наблюденій.

Такъ длились наши отношенія втеченіе почти полутора года; я бывалъ у Корелкина и на его пятницахъ, не пропуская ни одной, и еще ухитрялся забѣгать къ нему раза два въ недѣлю, подъ разными предлогами, но главнымъ образомъ потому, что чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ этому доброму, милому, сердечному человѣку, который отличался и еще однимъ въ то время весьма дорогимъ для меня качествомъ... Онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ, выросшій въ простой русской провинціальной средѣ, далекой отъ всякой иноземщины[1]) и того внѣшняго европеизма, которымъ такъ блисталъ и хвалился въ то время Петербургъ. Все, что Корелкинъ говорилъ и думалъ, было у него собственное, свое, не вычитанное изъ книжекъ, не принятое на вѣру съ чужаго голоса, не выкроенное по мѣркѣ модныхъ философскихъ ученій и теорій. Онъ составлялъ въ то время довольно еще рѣдкое явленіе, представляя своею нравственною личностью русскаго кореннаго человѣка, который во всѣхъ вопросахъ науки и жизни прежде думалъ о Россіи и русскихъ, а Европу и все европейское отодвигалъ на почтительное разстояніе... Дорожа въ себѣ и въ другихъ болѣе всего этою русскою основою, Корелкинъ именно и во мнѣ способствовалъ ея развитію въ весьма значительной степени, хотя въ ту пору, увлеченный знакомствомъ съ произведеніями великихъ западныхъ писателей, я весьма естественно преклонялся

---

[1]) Не знаю даже, былъ ли Корелкинъ знакомъ съ какими нибудь новѣйшими иностранными языками. П. П.

передъ Европой и былъ еще очень мало способенъ оцѣнить значеніе Россіи.

Когда я былъ уже въ V классѣ гимназіи, Корелкинъ какъ-то простудился и вдругъ сталъ хворать. Къ нему вернулись припадки прежней болѣзни, которая на нѣкоторое время, года на два или даже болѣе, совсѣмъ было поотдала и не напоминала ему о себѣ... Отъ его ближайшихъ пріятелей я услышалъ съ величайшею грустью, что Корелкинъ — человѣкъ обреченный, и что недугъ его не что иное, какъ злѣйшая чахотка...

— Дай Богъ, чтобы дотянулъ до весны, — говорили между собою, по секрету, многіе изъ постоянныхъ пятничныхъ посѣтителей.

Дѣйствительно, Корелкинъ сталъ манкировать въ классы, часто удерживаемый дома болѣзнью; сталъ какъ-то страшно кашлять, задыхаясь и хватаясь за грудь... Его мягкій, пріятный голосъ сталъ тихимъ и хриплымъ; его обычная веселость смѣнилась уныніемъ, которое, видимо, овладѣвало имъ болѣе и болѣе... Даже пятницы его пошатнулись и какъ-то расклеились. Очень часто случалось, что, заходя къ нему по вечерамъ, чтобы узнать о его здоровьѣ, я не могъ его видѣть и просиживалъ нѣсколько минутъ съ его сожителемъ (кажется, землякомъ, съ которымъ онъ нанималъ пополамъ свою квартирку), слышалъ съ содроганіемъ, какъ мучительно кашлялъ онъ въ своемъ крошечномъ кабинетикѣ, надрываясь и прерывая періоды кашля невольно вырывавшимся стономъ.

Къ веснѣ чахотка обратилась въ скоротечную и быстро совладала со своею давно намѣченною жертвою... Корелкина не стало (въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1855 года), и вѣсть о его смерти, быстро распространившаяся по всѣмъ классамъ гимназіи, страшно поразила всѣхъ учениковъ дорогаго, незабвеннаго Николая Павловича... Еще болѣе, впрочемъ, поразило насъ то, что самъ директоръ нашъ, сухой, чопорный и важный нѣмецъ-педагогъ, Адамъ Адамычъ Фишеръ, не только выразилъ предъ всѣми нами сожалѣніе о «прекрасномъ» учителѣ, котораго мы лишились, но даже затѣялъ устроить ему торжественныя похороны.... Явленіе, по тому времени, необычайное! Въ день, назначенный для похоронъ, всѣ старшіе классы гимназіи были освобождены отъ уроковъ и вмѣстѣ со всѣми учителями и начальствомъ гимназіи, in corpore, въ чинномъ и строгомъ порядкѣ, послѣдовали за скромными дрогами, на которыя былъ поставленъ гробъ Корелкина. Въ то время, когда дроги выѣзжали изъ-подъ воротъ дома на улицу, какая-то пожилая женщина, очень просто одѣтая, въ темномъ платкѣ на головѣ, подъѣхала къ дому, сошла съ извозчика и, узнавъ, кого хоронятъ, съ воплемъ кинулась на гробъ... Пріѣзжая оказалась матушкой Николая Павловича... Ее слишкомъ поздно извѣстили о томъ, что онъ очень плохъ, и она не успѣла пріѣхать ранѣе къ своему умирающему сыну... Сцена была раздиратель-

ная и страшная, и на всѣхъ насъ произвела очень тягостное впечатлѣніе... Глубоко смущенные и вполнѣ искренно опечаленные, мы проводили скромный гробъ нашего любимаго учителя на Смоленское кладбище и опустили его тамъ въ могилу, надъ которою впослѣдствіи его друзья и пріятели поставили въ складчину скромный памятникъ. Миръ твоему праху, дорогой наставникъ и руководитель первыхъ разумныхъ шаговъ моей юности! Почти сорокъ лѣтъ прошло съ твоей смерти, а ты все еще живъ и крѣпокъ въ воспоминаніи твоихъ признательныхъ учениковъ... Награда, рѣдко выпадающая на долю педагоговъ!

II.

Въ кружкѣ Н. П. Корелкина я часто встрѣчалъ Александра Николаевича Бѣляева, человѣка на видъ лѣтъ 35-ти, небольшаго роста, плотно и крѣпко сложеннаго, съ очень энергическимъ и выразительнымъ, но чрезвычайно простымъ, вполнѣ русскимъ лицемъ. Такія лица часто встрѣчаются въ народѣ между крестьянами и въ средѣ людей, выходящихъ изъ духовнаго званія. Высокій лобъ, нѣсколько горбатый, правильный носъ, тонкія губы и очень острые, сѣровато-голубые глаза, которые всегда смотрѣли серьезно и прямо, изъ-подъ нѣсколько насупленныхъ бровей—вотъ что бросалось съ перваго раза въ глаза въ лицѣ А. Н. Бѣляева. Вглядываясь въ это лицо пристально, наблюдая его нѣкоторое время, можно было замѣтить еще двѣ особенности, двѣ характерныя черты лица: морщинку на лбу, надъ лѣвымъ глазомъ, и какую-то особенную горечь въ улыбкѣ его тонкихъ губъ. Видно было, что этотъ человѣкъ много испыталъ въ жизни и самъ пробилъ себѣ дорогу тяжелымъ трудомъ! Прислушиваясь со стороны къ его разговору, вы убѣждались въ томъ, что это человѣкъ математическаго склада ума — строгій, точный, логически-послѣдовательный въ своихъ выводахъ... Говорилъ онъ мало и коротко, но всегда опредѣленно и чрезвычайно ясно; вступая съ кѣмъ нибудь въ споръ, всегда высказывалъ спокойно свои положенія, но тотчасъ же вскипалъ, когда въ отвѣтъ на эти положенія слышалъ туманныя общія фразы... Морщинка рѣзко обозначалась на лбу его, брови сдвигались сурово, онъ краснѣлъ и тотчасъ переходилъ къ рѣзкому тону. Но если ему не удавалось рѣзкостью образумить своего противника и заставить его перейти къ логически-правильной постановкѣ вопроса; если противникъ продолжалъ «молоть» свое и попрежнему расплывался въ общихъ фразахъ, тогда А. Н. Бѣляевъ нервно пожималъ плечами, смолкалъ и на устахъ его мелькала очень характерная, горькая улыбочка, довольно ясно говорившая:

— Ну его къ чорту! Стоитъ ли съ дуракомъ спорить!

Вообще говоря, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка умнаго, съ

твердымъ, сильнымъ характеромъ, человѣка неколебимыхъ убѣжденій, котораго не обойдешь и не проведешь, и ни за что не заставишь измѣнить его взглядамъ и мнѣніямъ, пока онъ самъ отъ нихъ не откажется, признавъ ихъ неправильными. По складу ума и характера, это былъ человѣкъ совершенно противоположнаго съ Корелкинымъ типа; но это не мѣшало имъ быть очень дружными, тѣмъ болѣе, что они, кажется, были даже земляками и были близки съ юности... Встрѣчаясь съ Бѣляевымъ у Корелкина, я зналъ о немъ только то, что это былъ учитель математики въ которой-то изъ петербургскихъ гимназій; но вступать съ нимъ въ бесѣду мнѣ никогда не случалось. Признаться сказать, я его даже нѣсколько побаивался...

Когда, будучи въ VI классѣ, я вынужденъ былъ въ половинѣ года перейти изъ Ларинской въ пятую гимназію, одинъ изъ первыхъ людей, встрѣтившихся мнѣ при этомъ переходѣ, былъ А. Н. Бѣляевъ. Въ то время, когда я, представивъ бумаги въ пятую гимназію, явился рано утромъ на квартиру директора гимназіи, всѣмъ извѣстнаго педагога, А. А. Воронова, я увидѣлъ А. Н. Бѣляева въ кабинетѣ директора. Но я такъ былъ взволнованъ представленіемъ новому начальству, что даже не поклонился Бѣляеву, который, какъ оказалось, въ то время уже исправлялъ должность инспектора гимназіи; ему и поручилъ Вороновъ отвести меня въ гимназію и посадить въ шестой классъ. И какъ же я обрадовался, когда, выйдя со мною на улицу, Бѣляевъ взглянулъ на меня искоса и сказалъ мнѣ:

— Я, кажется, встрѣчалъ васъ у покойнаго Николая Павловича Корелкина?..

— Какъ же, какъ же!—поспѣшилъ я отозваться, и затѣмъ, на вопросъ Бѣляева, совершенно откровенно изложилъ ему всю исторію, изъ-за которой я вынужденъ былъ къ переходу въ V гимназію.

Съ первыхъ же дней послѣ перехода обстоятельства сложились для меня какъ-то особенно благопріятно, такъ что я даже успѣлъ на первыхъ порахъ отличиться [1]) и обратить на себя особое вниманіе начальства. Притомъ и кружокъ товарищей оказался весьма подходящимъ для меня, и я очень скоро освоился въ новомъ для меня заведеніи. Но, какъ на зло, въ средѣ учителей пятой гимназіи нашелся одинъ совсѣмъ еще юный преподаватель, только что занявшій каѳедру математики и физики, которому я почему-то не понравился... Это былъ весьма извѣстный впослѣдствіи Кр., человѣкъ не безталанный, весьма неглупый, но мелочно-самолюбивый, и, не смотря на свои молодыя лѣта, раздражительный и желчный.

---

[1]) Отличился я знаніемъ русской исторіи во время посѣщенія гимназіи грознымъ попечителемъ, Мусинымъ-Пушкинымъ... Оказалось, что изъ всего класса я одинъ могъ отвѣтить на всѣ его вопросы.

Преподаватель онъ былъ несомнѣнно-хорошій, можно даже сказать казовый, блестящій; онъ превосходно умѣлъ показать лицомъ весь товаръ своихъ знаній, но въ то же время онъ былъ педагогъ весьма неглубокій, несерьезный, поверхностный. Легко схватывая и усвоивая мелочи, онъ въ то же время неспособенъ былъ углубляться въ самую суть научныхъ теорій, неспособенъ былъ проникаться широкими научными воззрѣніями или сводить отдѣльные, дробные факты къ положительнымъ и яснымъ выводамъ... При такомъ складѣ ума и при весьма непріятномъ характерѣ, Кр. принадлежалъ къ числу тѣхъ рьяныхъ учителей, которые во всемъ кругѣ преподаванія видятъ только свой предметъ, и потому предъявляютъ къ ученикамъ требованія, не всегда удобоисполнимыя. Новымъ товарищамъ моимъ было очень легко заниматься у Кр., потому что въ III, IV и V классахъ они были учениками гораздо болѣе серьезнаго педагога—Бѣляева, который, по общему ихъ отзыву, былъ учителемъ превосходнымъ, невольно вынуждалъ каждаго ученика къ занятію математикой, доводилъ его постепенно до убѣжденія, что «это молъ очень легко, сущіе пустяки: стòитъ только научиться думать...». Но мнѣ курсъ математики и физики въ VI классѣ доставался вообще очень трудно, потому что у меня не хватало прочной математической основы. Въ Ларинской гимназіи, въ младшихъ классахъ, учителя математики были крайне плохи; въ IV классѣ втеченіе года преподавалъ математику Петрушевскій, о которомъ я упоминалъ выше, и я было принялся за нее довольно рьяно. Но въ V классѣ преподавателемъ этого предмета явился нѣкій Гр., человѣкъ глупый, глубоко-невѣжественный и, притомъ, крайне недобросовѣстный; во время классовъ онъ разсказывалъ намъ различные анекдоты изъ провинціальной жизни, и на экзаменахъ даже передергивалъ и подкладывалъ намъ билеты... Само собою разумѣется, что никто у него ничему не учился, да и учиться-то было невозможно, потому что онъ и самъ не зналъ того, что поставленъ былъ намъ преподавать!... За то, по переходѣ въ VI классъ, когда пришлось приняться за тригонометрію и высшую физику, я очутился какъ въ лѣсу: каждая формула была для меня загадкой, надъ которою я долженъ былъ трудиться, чтобы сознательно усвоить ея смыслъ и сознательно пріурочить ее къ рѣшенію извѣстнаго вопроса. Но такъ какъ во всѣхъ остальныхъ предметахъ я учился очень хорошо и баллы были у меня прекрасные, то и въ математикѣ мнѣ ставили съ грѣхомъ пополамъ средніе баллы. И вдругъ я вынужденъ перейти въ другую гимназію, и прямо попадаюсь въ руки Кр—у, который, по самому складу своего характера, неспособенъ былъ ни къ какому снисхожденію.

Какъ теперь помню нашу первую встрѣчу съ Кр. Онъ вошелъ въ классъ, красивый, свѣжій, щеголевато и даже изящно одѣтый,

Въ концѣ концовъ, отъ этого усиленнаго, спѣшнаго и слишкомъ рьянаго занятія однимъ и тѣмъ же предметомъ втеченіе трехъ дней, безъ всякаго роздыха и отвлеченія въ сторону, у меня въ головѣ образовался какой-то невѣроятный сумбуръ, въ которомъ мнѣ самому было очень трудно разобраться...

Всѣ мои знанія представлялись мнѣ какою-то трясиной, по которой я самъ еще могъ кое-какъ перебраться, перепрыгивая съ кочки на кочку; но стоило только остановить меня или сбить въ отвѣтѣ какимъ нибудь стороннимъ, нечего не значащимъ вопросомъ, и я долженъ былъ неминуемо провалиться и завязнуть въ моей трясинѣ... Вполнѣ сознавая это, я пришелъ на экзаменъ, конечно, въ самомъ мрачномъ настроеніи.

Не мѣшаетъ замѣтить, кстати, что экзаменъ Кр—а былъ поставленъ однимъ изъ послѣднихъ; за нимъ слѣдовали еще два-три пустяшныхъ экзамена, кажется, изъ новѣйшихъ языковъ, и актъ. На всѣхъ предшествующихъ экзаменахъ я получилъ полные баллы и выслушалъ очень лестные отзывы отъ учителей; два послѣдніе экзамена нисколько не страшили меня, потому что съ языками иностранными я былъ хорошо и основательно знакомъ... Слѣдовательно, экзаменъ Кр—а былъ для меня рѣшающимъ мою участь: если бы я получилъ на немъ, въ среднемъ выводѣ, хотя бы 2, я бы могъ еще съ грѣхомъ пополамъ надѣяться на переводъ, при помощи конференціи, въ которой, конечно, большинство голосовъ сложилось бы въ мою пользу...

— Ну, а если Кр. мнѣ и **двухъ** балловъ не поставитъ?—думалъ я съ замираніемъ сердца.

Экзаменъ начался съ того, что Кр. вызвалъ меня къ столу, съ обычною своей приторною любезностью, предложилъ мнѣ взять три билета—изъ физики, алгебры и тригонометріи, и добавилъ:

— Вотъ вамъ доска. Подумайте, сообразите, пожалуйста, хорошенько то, что вамъ придется отвѣчать; а я покамѣстъ вызову другихъ вашихъ товарищей къ другимъ doскамъ.

Всѣ три билета были «изъ легкихъ», по моему убѣжденію: я могъ на нихъ отвѣтить вполнѣ удовлетворительно... Притомъ же, Кр. за столомъ сидѣлъ не одинъ: около него на креслѣ помѣщался, въ качествѣ ассистента, учитель Захаржевскій, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ и А. Н. Бѣляевъ, который, какъ инспекторъ, присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ старшихъ классовъ.

Минутъ десять спустя, Кр. обратился ко мнѣ, съ улыбочкой и потирая руки:

— Ну-съ, не угодно ли вамъ отвѣтить на ваши билеты!

Я началъ отвѣчать, но сейчасъ же былъ сбитъ стороннимъ вопросомъ; затѣмъ другимъ, третьимъ... Отъ меня потребованы были доказательства каждаго слова, провѣрки, толкованія. На все, что я говорилъ, Кр. только улыбался или пожималъ плечами, и чуть только

я начиналъ оправляться отъ смущенія и подходить къ правильному рѣшенію задачи, онъ опять сбивалъ меня въ сторону какимъ нибудь неожиданнымъ вопросомъ или возраженіемъ...

Это истязаніе (я не могу иначе назвать подобную форму экзамена) длилось ровно полтора часа! Захаржевскій не вступался въ экзаменъ и сидѣлъ молча; Бѣляевъ морщилъ лобъ, грызъ карандашъ и тоже молчалъ... Въ концѣ концовъ, Кр. еще разъ пожалъ плечами, скорчилъ физіономію въ какое-то подобіе улыбки и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Довольно-съ!

Прежде, чѣмъ я успѣлъ отойти отъ доски, онъ весьма отчетливо и ясно выставилъ въ трехъ графахъ три балла: 0—1—2... Я увидѣлъ эти баллы и вернулся на скамью ни живъ, ни мертвъ...

Блѣдный, измученный, обливаясь холоднымъ потомъ, я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ такомъ состояніи, которое было близко къ самому мрачному отчаянію...

— Все пропало! — думалъ я.— Я долженъ буду остаться въ классѣ... Стыдъ и срамъ! И годъ потеряю!.. И изъ-за чего?!. Бился, работалъ, и все напрасно... Нѣтъ, ни за что не останусь!.. Лучше все брошу, и пойду въ юнкера! А потомъ мнѣ приходила на память мать и всѣ домашніе... Я думалъ, какъ меня встрѣтятъ дома, когда я вернусь съ экзамена и принесу извѣстіе о томъ, что я такъ торжественно провалился! Я зналъ заранѣе, что ко мнѣ будутъ несправедливы самые близкіе ко мнѣ люди, что они не повѣрятъ моимъ трудамъ и усиліямъ, что они станутъ упрекать меня незаслуженными укорами, отъ которыхъ уже заранѣе страдало мое уязвленное юношеское самолюбіе...

— «Нѣтъ! я не вернусь домой! Я разомъ порѣшу... Я...»

Но дальнѣйшее, весьма нелѣпое и ужъ совершенно нелогическое теченіе моей мысли было прервано тѣмъ, что около моей скамейки вдругъ почему-то появилась фигура А. Н. Бѣляева.

Попрежнему морща лобъ и грызя карандашъ, онъ, обращаясь ко мнѣ, чуть слышно процѣдилъ сквозь зубы:

— Да не смущается сердце ваше... Зайдите ко мнѣ послѣ экзамена на квартиру! — и, быстро повернувшись, скрылся за дверью.

Эти простыя слова пролили такой лучъ свѣта въ мракъ моей тревожной души, что я въ первую минуту не сразу могъ прійти въ себя. Мнѣ не вѣрилось: точно ли я разслышалъ? не почудилось ли мнѣ? Но нѣтъ! Слова запали мнѣ въ душу, глубоко запали... И чѣмъ болѣе я въ нихъ вдумывался, тѣмъ больше мнѣ уяснялся ихъ смыслъ...

— «Онъ, вѣроятно, наблюдалъ за мною?—думалъ я.—Онъ видѣлъ, что у меня было на душѣ! Этотъ человѣкъ—строгій и суровый, даже сухой на видъ — сумѣлъ заглянуть въ мою душу и

понялъ, что меня нужно утѣшить, ободрить, поддержать—спасти отъ отчаянія».

И хотя слезы признательности невольно туманили мнѣ очи, однако же я могъ уже спокойно досидѣть до конца экзамена и затѣмъ поднялся на квартиру инспектора, которая находилась тутъ же, въ зданіи гимназіи, въ верхнемъ этажѣ.

Мнѣ пришлось немного подождать и походить по маленькой пріемной, такъ какъ А. И. Бѣляевъ еще былъ занятъ какими-то хлопотами внизу, въ классахъ. Наконецъ, онъ явился, подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ серьезно:

— Вы, Полевой, должны мнѣ дать честное слово, что въ будущемъ году займетесь добросовѣстно повтореніемъ всего курса математики... Подъ этимъ условіемъ мы васъ всею конференціею отстоимъ и переведемъ въ VII классъ...

Я былъ такъ смущенъ, такъ взволнованъ, такъ пораженъ всѣмъ, что мнѣ пришлось въ тотъ день съ утра пережить и вынести, что даже не могъ отвѣчать порядкомъ на слова Александра Николаевича, а только поклонился ему молча...

— Ну, а теперь ступайте домой и успокойтесь! — добавилъ онъ съ доброй улыбкой. Я поклонился ему еще разъ и опрометью бросился бѣжать домой, обрадованный, оживленный, спасенный отъ отчаянья, которое, пожалуй, могло бы довести меня до какой нибудь весьма крупной глупости...

Слово, данное А. М. Бѣляеву, я сдержалъ. Все лѣто, живя на дачѣ, я занимался повтореніемъ ариѳметики, геометріи и алгебры; Захаржевскій, преподававшій математику въ VII классѣ, былъ учитель весьма спокойный и толковый, охотно отзывавшійся на всѣ вопросы мои, и, при повтореніи математическихъ наукъ, сумѣлъ закрѣпить у меня въ головѣ мои шаткія математическія свѣдѣнія. Благодаря ему, я кое-какъ справился и съ тригонометріей и на выходномъ экзаменѣ получилъ уже удовлетворительные баллы по всѣмъ математическимъ предметамъ, и даже по физикѣ, у Кр., который экзаменовалъ меня очень долго, старался сбить и запутать, но не сбилъ.

Получивъ аттестатъ, я поступилъ въ тотъ же годъ (1857) въ универтитетъ, по историко-филологическому факультету. Втеченіе всего четырехъ-лѣтняго курса я ни разу не встрѣчался съ А.Н. Бѣляевымъ. Тотчасъ послѣ университета, женившись и поступивъ на службу въ провинцію, я бывалъ въ Петербургѣ рѣдко, проѣздомъ и на короткое время. Только ужъ во время лѣта 1870 года, поселившись въ Павловскѣ на дачѣ и часто ѣздя въ Петербургъ по дѣламъ, я какъ-то разъ столкнулся въ вагонѣ съ А. Н. Бѣляевымъ, котораго, слѣдовательно, не видалъ лѣтъ 12 слишкомъ. Онъ былъ неузнаваемъ: худой, желтый, болѣзненный, со впалыми, потухшими гла-

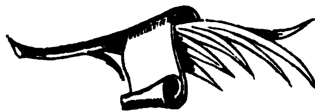
зами — онъ на себя не былъ похожъ... Я подошелъ къ нему Мы разговорились. Я узналъ, что онъ, оканчивая службу, принялъ мѣсто директора въ новой царскосельской гимназіи и жилъ постоянно въ Царскомъ Селѣ, гдѣ чувствовалъ себя нѣсколько лучше, чѣмъ въ душномъ и сумрачномъ Петербургѣ. Мало-по-малу разговоръ перешелъ къ самому жгучему изъ современныхъ педагогическихъ вопросовъ—къ классицизму, который тогда вносился очень рьяно въ наши гимназіи и доводился до весьма курьезныхъ крайностей.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, оставьте этотъ разговоръ!—желчно и рѣзко сказалъ Александръ Николаевичъ.—Я и такъ чувствую, что меня въ гробъ сведетъ этотъ классицизмъ проклятый!

Поѣздъ, между тѣмъ, подошелъ къ Царско-сельской станціи, и мы разстались очень дружелюбно. Съ тѣхъ поръ мы и не видались съ А. Н. Бѣляевымъ. Мелькомъ слышалъ я о томъ, что у него по службѣ было много всякихъ непріятныхъ передрягъ и борьбы, что его понемножку оттерли, стараясь избавиться отъ него, какъ отъ человѣка «безпокойнаго», и выпустили въ отставку съ пенсіономъ. Вскорѣ послѣ того онъ и скончался въ Царскомъ Селѣ.

6-го октября 1891 года кружкомъ учениковъ и почитателей памяти покойнаго А. Н. Бѣляева, его портретъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, былъ повѣшенъ въ актовой залѣ V гимназіи. Я узналъ объ этомъ изъ газетнаго объявленія, присутствовалъ съ удовольствіемъ на этомъ скромномъ торжествѣ — и еще разъ съ глубокимъ чувствомъ признательности вспомнилъ то, что было нѣкогда для меня сдѣлано этимъ добрымъ человѣкомъ и прекраснымъ педагогомъ... Миръ его праху!

П. Полевой.

РАЗСКАЗЫ О ГОГОЛѢ И КУКОЛЬНИКѢ.

СО СЛОВЪ покойнаго Василія Игнатьевича Любича-Романовича я записалъ нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній его о Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ и Несторѣ Васильевичѣ Кукольникѣ. Разумѣется, Любичъ могъ бы дать о нихъ и о многихъ другихъ литераторахъ прежняго времени много интересныхъ свѣдѣній, но престарѣлые годы не позволяли ему заняться составленіемъ воспоминаній, а кому либо поручить ихъ разработку онъ не хотѣлъ по той причинѣ, что при диктовкѣ онъ сбивался и хронологически былъ бы не правъ. Но два нижеприведенные отрывка онъ разсказывалъ мнѣ, какъ отдѣльные эпизоды, или анекдоты, и я, съ его разрѣшенія, тогда же внесъ ихъ въ свою памятную книжку.

Прежде чѣмъ начать разсказъ, считаю необходимымъ привести краткія біографическія свѣдѣнія о Любичѣ-Романовичѣ, нынѣ всѣми забытомъ, но когда-то очень извѣстномъ всему литературному міру. Василій Игнатьевичъ извѣстенъ, какъ первый переводчикъ поэмы Байрона «Донъ-Жуанъ» и поэмъ Мицкевича «Корчма въ Упитѣ», и «Гражана». Онъ былъ хорошо знакомъ съ А. С. Пушкинымъ, который поощрялъ его на литературные труды и много помогалъ ему своими совѣтами. Съ Гоголемъ и Кукольникомъ Любичъ былъ однокашникомъ. Онъ родился въ Петербургѣ 27-го апрѣля 1805 года; воспитаніе получилъ въ Нѣжинскомъ князя Безбородко лицеѣ. По выходѣ изъ лицея поселился въ Петербургѣ, въ которомъ и прожилъ безвыѣздно до самой смерти, случившейся 29-го февраля 1888 года. Василій Игнатьевичъ въ молодости писалъ и оригинальные стихи, печатавшіеся въ лучшихъ журналахъ того времени.

Про Гоголя Любичъ-Романовичъ разсказывалъ слѣдующее, относящееся къ его юношескимъ годамъ.

«Въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко (какъ въ то время назывался Нѣжинскій лицей) Гоголь былъ привезенъ родными, обходившимися съ нимъ какъ-то особенно нѣжно и жалостливо, точно съ ребенкомъ, страдающимъ какою-то тяжкою неизлечимою болѣзнью. Онъ былъ не только закутанъ въ различныя свитки, шубы и одѣяла, но просто-напросто закупоренъ. Когда его стали разоблачать, то долго не могли докопаться до тщедушнаго, крайне некрасиваго и обезображеннаго золотухой Николая Васильевича. Мы чуть ли не всей гимназіей вышли въ пріемную взглянуть на это «чудовище», какъ быстро окрестили его всегда насмѣшливые школьники.

«Глаза его были обрамлены краснымъ, золотушнымъ ободкомъ, щеки и весь носъ покрытъ красными же пятнами, а изъ ушей вытекала каплями матерія. Поэтому уши его были крѣпко завязаны пестрымъ, цвѣтнымъ платкомъ, придававшимъ его дряблой фигурѣ потѣшный видъ.

«Во все время моего пребыванія въ стѣнахъ гимназіи, Гоголь шелъ ниже меня двумя классами. Учился онъ очень плохо, всегда и во всемъ былъ неопрятенъ и грязенъ, за что особенно не жаловали его преподаватели и репетиторы, на которыхъ, впрочемъ, онъ обращалъ мало вниманія.

«Гоголь окончилъ курсъ на два года позже меня и вышелъ вмѣстѣ съ Несторомъ Кукольникомъ и Прокоповичемъ, съ которымъ былъ очень друженъ и которому обязанъ литературными совѣтами. Всѣмъ было извѣстно, что первыя сочиненія Гоголя проходили подъ строгой редакціей Прокоповича, человѣка очень талантливаго, но крайне лѣниваго и не предпріимчиваго. Прокоповичъ вообще имѣлъ большой литературный вкусъ и совершенно справедливо считался знатокомъ изящныхъ искусствъ.

«Нашъ товарищъ П. Г. Рѣдкинъ имѣлъ комнату у профессора Бѣлоусова. По субботамъ, вечеромъ, у него собирались нѣкоторые изъ пріятелей, пописывавшіе стишки. Постоянными посѣтителями этихъ литературныхъ вечеровъ были — Гоголь, Кукольникъ, Константинъ Базили, Прокоповичъ, Гребенка, я и другіе. Происходило чтеніе нашихъ произведеній, критическій разборъ ихъ и рѣшенія, годятся ли они для помѣщенія въ издававшемся нами рукописномъ журналѣ «Навозъ Парнасскій», или для блага автора должны быть преданы торжественному уничтоженію. Нѣкоторыя изъ стихотвореній Гоголя, въ пріятельской передѣлкѣ Прокоповича, были помѣщены въ этомъ журналѣ, чему всегда радовался безгранично Николай Васильевичъ. И тѣ изъ бойкихъ стихослагателей, которые въ стѣнахъ гимназіи трунили надъ его неудачными литературными попытками, съ какою недоумѣвающею завистью смотрѣли впослѣдствіи на славу талантливаго сатирика!

«Первая прозаическая вещь Гоголя была написана въ гимназіи и прочитана публично на вечерѣ Рѣдкина. Называлась она «Братья Твердославичи, славянская повѣсть».

«Нашъ кружокъ разнесъ ее безпощадно и рѣшилъ тотчасъ же предать уничтоженію. Гоголь не противился и не возражалъ. Онъ совершенно спокойно разорвалъ свою рукопись на мелкіе клочки и бросилъ въ топившуюся печь.

— «Въ стихахъ упражняйся, — дружески посовѣтывалъ ему тогда Базили: — а прозой не пиши, очень ужъ глупо выходитъ у тебя. Беллетристъ изъ тебя не вытанцуется: это сейчасъ видно...

«Но безъ пріятельской поддержки Прокоповича и стихи Гоголя были бы не годны, такъ какъ онъ никогда не могъ совладать съ размѣромъ, съ гармоніей, а гоняясь за риѳмами такъ обезображивалъ всегда смыслъ своихъ твореній, что даже всегда сдержанный Прокоповичъ приходилъ въ ужасъ.

«Такимъ образомъ, начало его литературной дѣятельности было слишкомъ печально и въ будущемъ не предвѣщало ничего хорошаго, однако ожиданія всѣхъ насъ жестоко обманули, и мы были счастливыми свидѣтелями апогея его славы.

«По выходѣ изъ гимназіи, какъ извѣстно, Гоголь хотѣлъ поступить въ актеры и даже добился дебюта на сценѣ Александринскаго театра, но дебютъ этотъ не состоялся вслѣдствіе того, что на первой же репетиціи театральное начальство нашло его совершенно неспособнымъ и признало за благо не выпускать его на явный провалъ.

«Не повтореніе ли это его литературной попытки? Вѣдь впослѣдствіи всѣмъ рѣзко бросалась въ глаза его актерская манера превосходно подражать, передразнивать и, наконецъ, онъ былъ выдающимся чтецомъ, что̀ то же говоритъ въ пользу его сценическаго дарованія.

«У насъ, въ гимназіи, какъ-то на рождественскихъ праздникахъ былъ устроенъ спектакль, наибольшее участіе въ которомъ принималъ Николай Васильевичъ. Онъ расписывалъ роли, рисовалъ декораціи, сооружалъ подмостки, дѣлалъ бутафорскія вещи и даже шилъ костюмы. Сцена устроена была на чердакѣ, который ко дню представленія былъ приведенъ въ порядокъ и изображалъ изъ себя очень порядочный залъ. Шла трагедія «Эдипъ въ Аѳинахъ». Гоголь игралъ Креона, я — Эдипа, остальныхъ дѣйствующихъ лицъ не помню. Многочисленные зрители состояли исключительно изъ товарищей, не уѣхавшихъ на праздники къ родителямъ, профессоровъ и ихъ семействъ. Спектакль сошелъ хорошо, и Гоголя очень много хвалили...

«Въ заключеніе приведу анекдотъ, характеризующій одного изъ добродушнѣйшихъ нашихъ профессоровъ Н. П. Никольскаго, и имѣющій отношеніе къ Николаю Васильевичу.

«Никольскій заставлялъ учениковъ сочинять: это была его слабость,— и не только сочинять что нибудь прозой, но даже и стихами.

«На одномъ урокѣ Гоголь подаетъ ему стихотвореніе Пушкина, кажется, «Пророкъ» и съ спокойною совѣстью ожидаетъ профессорской резолюціи, которая, по расчету Николая Васильевича, должна была быть благопріятной.

«Никольскій прочелъ это чудное стихотвореніе, поморщился и, по привычкѣ своей, началъ его передѣлывать.

«Когда Пушкинскій стихъ профессоромъ былъ въ конецъ изуродованъ и возвращенъ обратно мнимому автору съ внушеніемъ, что такъ плохо писать стыдно, Гоголь не выдержалъ публичнаго посрамленія за чужое произведеніе и сказалъ:

— «Да вѣдь это не мои стихи-то...

— «А чьи?

— «Пушкина. Я нарочно вамъ ихъ подсунулъ, потому что никакъ и ничѣмъ вамъ не угодить... А вы вонъ даже и его передѣлали...

— «Ну, что ты понимаешь!—воскликнулъ профессоръ.—Да развѣ Пушкинъ-то безграмотно не можетъ писать? Вотъ тебѣ явное доказательство... Вникни-ка, у кого лучше вышло»...

Вотъ все, что мнѣ удалось записать про Гоголя изъ разсказовъ его покойнаго товарища.

Про первую поэму Нестора Васильевича Кукольника Любичъ-Романовичъ передавалъ такой эпизодъ, который я привожу дословно.

«По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Кукольникъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поступить куда нибудь на службу. Не ради чиновъ и славы добивался онъ короннаго мѣста, а ради насущнаго хлѣба, такъ какъ денегъ онъ не имѣлъ никакихъ, да и родственниковъ у него не было состоятельныхъ.

«Живя въ Петербургѣ пока не у дѣлъ, онъ продолжалъ и исправлялъ свою знаменитую поэму «Торквато Тассо», которую началъ еще въ лицеѣ при мнѣ. Однако, не взирая на похвалы отъ лицъ, слышавшихъ ея отрывки, онъ до конца ее не довелъ. Однажды, перечитывая рукопись, ему показалось, что произведеніе слишкомъ слабо, и онъ разорвалъ всѣ тетради. На другой день онъ снова принялся за «Торквато Тассо», работалъ надъ поэмой долго и усердно, но и снова не докончилъ ее. Она тоже не удовлетворяла его авторскаго самолюбія, и снова тетради были уничтожены. Наконецъ, Несторъ Васильевичъ принялся за поэму въ третій разъ и на этотъ разъ благополучно ее окончилъ.

«Между тѣмъ время шло, а подходящаго мѣста не предвидѣлось; матеріальное положеніе его становилось съ каждымъ днемъ тяжелѣе и тяжелѣе. Хотя поэма и была окончена, но безполезно валялась въ портфелѣ. Пристроить ее куда либо Кукольникъ не рѣшался, благодаря недовѣрію своему дарованію.

«Является онъ однажды ко мнѣ и прямо заявляетъ:

— «Я долженъ утопиться или умереть отъ голодной смерти.

«Въ это время у меня находился издатель «Литературнаго Альманаха» Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, М. Л. Неваховичъ, впослѣдствіи издатель перваго юмористическаго журнала «Ералашъ», и баронъ Розенъ, авторъ либретто «Жизнь за царя».

«Я напомнилъ Нестору Васильевичу объ его поэмѣ, отрывки изъ которой онъ читалъ незадолго передъ тѣмъ своимъ пріятелямъ.

— «Ее бы продать...

— «Никто не купитъ,—скромно замѣтилъ Кукольникъ.

— «Почему?

— «И потому, что велика, и потому, что меня никто не знаетъ... Нѣтъ, нѣтъ, никому она не нужна, никто ее не купитъ...

— «Какъ никто? А Смирдинъ?

— «Ой, что вы! что вы!

— «У васъ поэма, вѣроятно, дома? — спросилъ Карлгофъ Кукольника.

— «Дома.

— «Сейчасъ же отправляйтесь за ней и привезите ее сюда, мы быстро все это дѣло оборудуемъ.

«Кукольникъ поѣхалъ домой и черезъ полчаса возвратился съ поэмой. Карлгофъ и Розенъ взяли эту объемистую рукопись и поѣхали къ Смирдину.

— «Вотъ у меня есть новая поэма молодаго талантливаго автора, — сказалъ Карлгофъ, вручая книгопродавцу тетрадь. — Вещь превосходная.

— «Называется какъ?

— «Торквато Тассо.

«Смирдинъ поморщился.

— «Натощакъ не выговоришь.

«Потомъ взвѣсилъ на рукѣ тетрадь и спросилъ:

— «А какъ авторъ прозывается?

— «Кукольникъ!

— «Кукольникъ?... Хе-хе-хе... Кукольникъ... Очень забавная фамилія... Читатель его за какого нибудь кукольнаго мастера приметъ...

— «Что за вздоръ!

— «А дорого ли онъ хочетъ за свое произведеніе?

— «Сущіе пустяки... Рублей пятьсотъ...

— «Пятьсотъ рублей сумма солидная... Это не пустяки!... Вотъ если бы это Александра Сергѣевича (Пушкина) было, я бы и пяти тысячъ не пожалѣлъ, а Кукольнику не дамъ...

«Карлгофъ и Розенъ долго убѣждали Смирдина, но напрасно. Отъ издательства этого перваго произведенія Кукольника онъ наотрѣзъ отказался.

«Пришлось возвратиться ни съ чѣмъ.

«Кукольникъ былъ въ отчаяніи...

«Стали судить да рядить, какъ бы пособить Нестору Васильевичу, и порѣшили такъ: Неваховичъ и Карлгофъ сложились по 250 рублей и вручили эти деньги тутъ же, въ моей квартирѣ, Кукольнику, а поэму оставили себѣ для изданія.

«Въ скоромъ времени «Торквато Тассо» былъ ими изданъ, и они, само собою разумѣется, съ излишкомъ вернули свои затраты по печатанію и авторскій гонораръ.

«Такова судьба первой поэмы Нестора Васильевича.

«Впослѣдствіи эту же вещь издалъ и Смирдинъ, но автора не называлъ уже кукольнымъ мастеромъ, а относился къ нему съ полнымъ уваженіемъ».

М. Шевляковъ.

ЭКСКУРСІЯ ВЪ ЭПОХУ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

СМУТНАЯ эпоха одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Событія ея рѣзко прерываютъ установившійся ходъ народно-государственной жизни и носятъ на себѣ оригинальный и яркій колоритъ. Одни изъ нихъ представляются особенно замѣчательными по сопоставленію съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ историческої жизни, другія же по ихъ загадочности и таинственности, которыхъ до сихъ поръ не можетъ разоблачить исторія. Въ то же время эта эпоха привлекаетъ вниманіе глубокимъ драматизмомъ событій и трагическимъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, представляя много благодарныхъ сюжетовъ и для поэта, и для художника. Эти именно стороны ея мы желали оттѣнить въ настоящей замѣткѣ.

I.

Прекращеніе царскаго рода Рюриковичей составляетъ центральное событіе смутной эпохи, вокругъ котораго группируются всѣ остальныя. Почти одно столѣтіе прошло отъ установленія на Руси единодержавія до этой эпохи, и только четыре государя дѣйствительно царствовали, а не княжили, въ Москвѣ, однако идея царской власти сдѣлала за это время громадные успѣхи въ дѣлѣ привлеченія народныхъ симпатій. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что предпослѣдній изъ этихъ государей былъ суровый деспотъ, дѣлавшій, повидимому, все возможное, чтобы оттолкнуть отъ себя любовь народа; память о немъ, какъ о грозномъ царѣ, осталась не только въ писанной исторіи, но и въ народной памяти—въ былинахъ и пѣсняхъ того времени. Сынъ же его, послѣдній предста-

витель династіи, былъ совершеннымъ ничтожествомъ и по уму, и по характеру. Не замѣчательно ли въ виду этого, что русскій народъ весь приходитъ въ движеніе при одной смутной вѣсти, что другой сынъ этого тирана спасся отъ смерти, ополчается на его защиту, низпровергаетъ царя изъ другаго рода и задушевно привѣтствуетъ мнимый отпрыскъ Грознаго? Чѣмъ объясняется эта стихійная, но горячая симпатія народныхъ массъ къ представителю угасшаго царскаго рода?

Бросимъ взглядъ назадъ. Нашъ удѣльно-вѣчевой укладъ несомнѣнно имѣлъ въ свое время очень хорошія стороны, но къ концу XIV вѣка онъ совершенно изжилъ самого себя. Безконечное развѣтвленіе княжескаго рода раздробило Русь на множество отдѣльныхъ княжествъ-вотчинъ: дошло до того, что почти въ каждой волости явился свой князь [1]). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, удѣльный укладъ создалъ многочисленный контингентъ князей-помѣщиковъ, не слушавшихся великаго князя, постоянно ссорившихся между собою и несомнѣнно угнетавшихъ народъ. Народное достояніе, потъ и кровь смердовъ-крестьянъ, уходили на княжескія забавы, пиры и охоты; княжескія усобицы разоряли землю; не было охраны ни отъ татаръ, ни отъ своихъ «злыхъ и лихихъ» людей. Князья измельчали, давно забыли завѣты своихъ великихъ предковъ «блюсти Русскую землю» и, сидя по удѣламъ, преслѣдовали лишь свои мелкіе, эгоистическіе интересы. Положеніе народа было тяжкое, мало чѣмъ разнившееся отъ крѣпостнаго права XVIII вѣка. Такъ шло дѣло полтора, почти два столѣтія, и княжеское ярмо глубоко врѣзалось въ народную выю. Но вотъ возвысился московскій князь и наложилъ свою тяжелую руку на князей-помѣщиковъ: исподоволь, но твердо и неуклонно, онъ освобождалъ отъ нихъ Русскую землю; наконецъ ихъ не стало, и народъ вздохнулъ свободно [2]). Это было своего рода 19-е февраля, хотя совершившееся не вдругъ, но возбудившее прочную и глубокую симпатію народа къ московскому государю, великому князю.

---

[1]) Напримѣръ, въ нашемъ Вологодскомъ краѣ были князья Вогтюжскіе и Кубенскіе, изъ которыхъ первые владѣли волостью Вогтюгой, а вторые Кубенской волостью въ Вологодскомъ уѣздѣ. («Глушицкій монастырь», Н. Суворова, стр. 63 и примѣч.).

[2]) Воспоминаніе объ этой освободительной эпохѣ надолго осталось въ народной памяти. Въ послѣдніе годы передъ крестьянской реформой, автору, въ годы юношества, привелось не одинъ разъ слышать отъ крестьянъ выраженіе надежды на скорое освобожденіе въ характерныхъ словахъ: «скоро мы будемъ всѣ государевы, однодержавные». Народъ какъ бы отождествлялъ свое тогдашнее положеніе съ тѣмъ, какое имѣло мѣсто въ княжескую эпоху. Такая аналогія дѣйствительно имѣетъ основаніе, такъ какъ развитіе крѣпостнаго права привело почти къ тѣмъ же результатамъ относительно положенія народа, какъ и развитіе удѣльно-княжескаго владѣнія. «Екатерининскіе полицеймейстеры» въ общемъ похожи на «князей-вотчинниковъ».

Усилившись, этотъ государь-князь скоро сбросилъ и татарскую неволю: народу стало еще легче. Прошло еще немного времени, и московскій государь покорилъ татарскія царства Казанское и Астраханское, загубилъ въ корнѣ давнихъ народныхъ недруговъ и лиходѣевъ. Народу вздохнулось еще легче, стало еще привольнѣе. Онъ созналъ свою силу и понялъ, что она расходуется теперь не попусту, а уходитъ на великое дѣло. Какъ же было народу не преклоняться передъ родомъ московскаго царя-государя? Что значилъ для него деспотизмъ Грознаго въ сравненіи съ мелкимъ тиранствомъ бывшихъ князей-помѣщиковъ? Онъ былъ для народа лишь отголоскомъ далекой грозы, поражавшей преимущественно князей и бояръ, тогда какъ прежній, княжескій гнетъ онъ чуялъ непосредственно на своемъ худородномъ тѣлѣ. Потому-то народъ не попомнилъ худаго за Грознымъ [1]) и такъ ревниво и настойчиво гонялся за призракомъ его сына, маленькаго Димитрія. Въ этомъ выразилась трогательная признательность народа къ угасшему царскому роду за труды его представителей на общенародную пользу.

II.

Смерть царевича Димитрія, обусловившая прекращеніе царскаго рода, является важнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочнымъ событіемъ нашей исторіи. Было ли это политическое убійство, или самоубійство по неосторожности и роковой случайности? Если допустить первое, то кто же былъ убійцей, или, вѣрнѣе, руководителемъ убійцы? Не смотря на многія изслѣдованія, посвященныя въ послѣднее время этимъ вопросамъ, угличское событіе все еще представляется изъ своей исторической дали темнымъ и таинственнымъ. Большинство историковъ смутной эпохи утверждаютъ, что оно было дѣломъ Бориса Годунова, стремившагося захватить престолъ по смерти Өеодора. Находясь во всеоружіи власти, говорятъ они, Годуновъ могъ безнаказанно отдѣлаться отъ царевича, стоявшаго ему на пути; онъ—прямо или косвенно—намекнулъ объ этомъ своимъ приставамъ, и тѣ исполнили его желаніе. Ставъ на эту точку зрѣнія, было бы весьма естественно ожидать, что Борисъ не остановится затѣмъ на полдорогѣ. Что̀ мѣшало ему, при его безграничномъ вліяніи на Өеодора, устроить свое наслѣдіе самымъ прочнымъ и прямымъ путемъ, т. е. объявиться завѣдомымъ преемникомъ державы царя-родственника? Вѣдь Өеодоръ былъ самодер-

---

[1]) Отношеніе Грознаго къ простому народу, между прочимъ, ярко оттѣнено въ статьѣ г. Безобразова («Историч. Вѣстн.», 1889 г., кн. V, стр. 321), гдѣ онъ говоритъ, что отъ жестокостей этого царя «страдали только бояре, народу же жилось не хуже, чѣмъ при прежнихъ и слѣдующихъ царяхъ».

жавный государь и, не имѣя собственныхъ дѣтей, несомнѣнно могъ избрать себѣ наслѣдника; это тѣмъ естественнѣе, что царь былъ всегда хилъ и болѣзненъ и постоянно думалъ о смерти. Подъ вліяніемъ царицы и Годунова, онъ могъ сдѣлать завѣщаніе въ его пользу, на случай своей бездѣтной кончины, затѣмъ предъявить его земскому собору и оповѣстить во всенародное извѣстіе. Такимъ образомъ переходъ власти къ Борису былъ бы вполнѣ легаленъ и, такъ сказать, освященъ въ глазахъ народа царскою волею. Однако, Годуновъ этого не сдѣлалъ. Стоило ли тогда прибѣгать къ преступленію, чтобы, очистивъ имъ путь къ престолу, подвергаться выжиданію и риску всенароднаго избранія [1])? Не могъ же онъ не сознавать, что со смертію Θеодора его личное обаяніе умалится, начнутся боярскія козни, могутъ подняться толки объ угличскомъ дѣлѣ и загородятъ ему дорогу къ трону? Историки называютъ Годунова человѣкомъ въ высшей степени осторожнымъ; и вотъ оказывается, что въ такомъ важномъ для него дѣлѣ онъ какъ бы утратилъ свое обычное качество и пошелъ на рискъ. Это простое соображеніе является весьма вѣскимъ и болѣе всего оправдываетъ Годунова.

Но тогда... кто же былъ убійцей Димитрія?

Въ наличности нѣтъ историческихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы приписать это дѣло кому либо изъ современниковъ Годунова [2]), и, оправдывая его, мы должны допустить, что въ Угличѣ имѣло мѣсто не убійство, а самоубійство. По слѣдствію, произведенному княземъ В. Шуйскимъ съ товарищами, оказалось, что царевичъ въ припадкѣ падучей болѣзни наткнулся на ножъ и умеръ. Наши историки, за немногими исключеніями [3]), не вѣрятъ слѣдственному дѣлу, потому что считаютъ Годунова убійцей. Нѣкоторые изъ нихъ мотивируютъ свое недовѣріе также физической невозможностью для 9-ти-лѣтняго ребенка совершить самоубійство, но этотъ мотивъ стоитъ уже на второмъ планѣ; главную же роль, всетаки, играетъ предвзятая мысль о виновности Бориса. Отвергая слѣдственное дѣло и обращаясь къ противорѣчащимъ другъ другу сказаніямъ современниковъ объ угличскомъ убійствѣ [4]),

---

[1]) Земскій соборъ, избравшій Годунова, состоялъ изъ 512 выборныхъ, въ составѣ которыхъ «нельзя подмѣтить какой нибудь подтасовки членовъ». В. О. Ключевскій: «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» («Русск. Мысль», кн. I за 1891 г., стр. 146).

[2]) Г. Вл. Б...скій въ своей статьѣ «Кто убилъ царевича Димитрія?» («Историческій Вѣстн.» за 1891 г., кн. V) указываетъ на князя В. Шуйскаго, какъ на убійцу царевича. Дѣйствительно, Шуйскаго, по его низкой натурѣ, можно подозрѣвать болѣе Годунова, однако до сихъ поръ нѣтъ никакихъ данныхъ обвинять въ этомъ дѣлѣ и Шуйскаго.

[3]) Мы можемъ указать только на Конст. Аксакова («Русск. Бесѣда» за 1858 г., т. II, стр. 24) и на И. Бѣлова (Журн. М. Н. Пр. за 1873 г.).

[4]) Они сводятся къ четыремъ главнымъ редакціямъ («Древнерусск. сказанія и повѣсти о смутномъ времени», С. Θ. Платонова).

мы рискуемъ запутаться въ мелочныхъ подробностяхъ безъ пользы для дѣла, ибо въ виду ихъ противорѣчія невозможно съ полною достовѣрностью возстановить это событіе. Единственный достовѣрный выводъ, который можно сдѣлать по сличеніи ихъ, состоитъ въ томъ, что никто не видѣлъ, какъ произошло убійство [1]), а это— плохое доказательство въ пользу того, что оно дѣйствительно было. Непремѣнно нужна руководящая идея для освѣщенія подобныхъ событій съ болѣе общей точки зрѣнія, со стороны психологической правды. Она же убѣждаетъ насъ, что Годуновъ не былъ убійцей, слѣдовательно нѣтъ причины не вѣрить слѣдственному дѣлу. И въ самомъ дѣлѣ, неужели такъ трудно допустить, что хилый [2]) мальчикъ, страдавшій эпилепсіей, могъ случайно поранить себѣ горло (напримѣръ, проколоть сонную артерію), подвергшись припадку съ ножемъ въ рукѣ? Роковая случайность, и ничего болѣе. Самое трудное для объясненія, какъ извѣстно, иногда бываетъ въ сущности самымъ простымъ. Затѣмъ, что удивительнаго въ томъ, что обезумѣвшая отъ страха кормилица, опасаясь потери живота за свое несмотрѣніе, завопила объ убійствѣ, а разсвирѣпѣвшая царица-мать тотчасъ же повѣрила этому и указала народу на своихъ личныхъ недруговъ [3]), какъ на убійцъ? Не даромъ же впослѣдствіи заговорила въ ней совѣсть, и она покаялась Сарскому митрополиту, что это было съ ея стороны—«грѣшное дѣло» [4]).

Мы допускаемъ, что наши доводы о возможности самоубійства Димитрія могутъ показаться недостаточно вѣскими... Но развѣ доказательства въ пользу убійства болѣе убѣдительны? Возьмемъ сказанія современниковъ. Прежде всего, мы поражаемся ихъ разнообразіемъ: одни изъ нихъ передаютъ это извѣстіе такъ, другіе совсѣмъ иначе. Откуда это разнорѣчіе? Оно было бы вполнѣ понятно, если бы угличское дѣло совершилось глубокою ночью, въ стѣнахъ дворца; но, какъ извѣстно, смерть царевича приключилась среди бѣлаго дня, на улицѣ: отчего же никто изъ современниковъ не знаетъ доподлинно, при какихъ обстоятельствахъ совершилось убійство?

Мы уже упоминали, что профессоръ Платоновъ группируетъ эти сказанія въ четыре категоріи или редакціи. Первая и вторая изъ нихъ не разнятся между собою въ описаніи убійства. По этому типу сказаній всѣ мы въ юности знакомились съ угличскимъ дѣ-

---

[1]) Н. И. Костомаровъ: «Русск. исторія въ жизнеоп.», т. I, стр. 584.

[2]) Замѣчательно, что именно въ день смерти царевичъ чувствовалъ себя особенно нездоровымъ: «восталъ дряхлъ съ постели своей и глава у него съ плечъ покатилася» («Чт. въ Общ. истор. и древн.» за 1864 г., кн. IV, въ смѣси).

[3]) «Царица и ея братья, Нагіе, безпрестанно ссорились съ приставами» (Костомаровъ: «Русск. исторія въ жизнеоп.», т. I, стр. 582).

[4]) Заявленіе митрополита на соборѣ, слушавшемъ «углицкій обыскъ» (Никон. лѣт., VII, стр. 19; Нов. лѣт., 35).

ломъ. Данило Битяговскій, Никита Качаловъ и Данило Волоховъ сговорились съ мамкой Василисой Волоховой. Она вывела Димитрія на дворцовый дворъ, гдѣ его ждали убійцы. Подойдя къ царевичу, Волоховъ сказалъ: «сіе у тебя, государь, новое ожерельице?». И когда тотъ поднялъ голову, говоря: «сіе есть старое», тогда Волоховъ «ужали жаломъ-ножемъ праведнаго по шеѣ». (Кстати, замѣтимъ: что̀ сдѣлалъ бы Волоховъ, если бы Димитрій не приподнялъ головы?..) Однако, ударъ былъ неудаченъ. Увидя это, кормилица, какъ видно, бывшая тутъ же, закричала; тогда Битяговскій и Качаловъ ударили ее и докончили съ Димитріемъ. По третьей редакціи сказаній, царевичъ пошелъ гулять съ кормилицей Ориной Ждановой. Близь церкви царя Константина и Елены имъ встрѣтились Битяговскій и Качаловъ; они сначала ударили кормилицу палкой, такъ что она упала на землю безъ памяти, затѣмъ бросились на Димитрія и перерѣзали ему горло, а сами закричали. По четвертой редакціи выходитъ такъ, что съ убійцами условилась кормилица Дарья и вывела царевича на дворцовую лѣстницу, подъ которой притаились убійцы. Когда Димитрій спустился до середины ея, выскочилъ Михайло Битяговскій и схватилъ его за ноги, сынъ же его, Данило, за голову, а Никита Качаловъ перерѣзалъ ему горло.

Обращаясь къ внутренней оцѣнкѣ сказаній, мы находимъ, что первая и вторая редакціи ихъ отличаются такой наивностью, такъ похожи на апокрифическій мартирологъ, что ихъ выдуманность или сочиненіе по книжному складу того времени вполнѣ очевидны. Третья редакція представляется на первый взглядъ обстоятельнѣе другихъ, но профессоръ Платоновъ не довѣряетъ ей, признавая ее, «полнымъ отраженіемъ взглядовъ царя Шуйскаго съ его правительствомъ, пристрастнымъ голосомъ одной политической партіи», въ интересѣ которой было свалить вину убійства на Годунова. Иначе говоря, это сказаніе написано просто по наказу Шуйскаго. Четвертую редакцію сказаній тотъ же изслѣдователь прямо называетъ легендарной. Такимъ образомъ, съ одной стороны разнообразіе сказаній о фактической сторонѣ угличскаго убійства, а съ другой — превосходная критическая оцѣнка ихъ исторической достовѣрности (или лучше сказать: недостовѣрности), сдѣланная г. Платоновымъ, убѣждаютъ насъ, что до сихъ поръ мы не знаемъ, какъ произошло угличское убійство. Если въ виду этого мы отвергнемъ данныя слѣдственнаго дѣла о смерти Димитрія, то окажемся въ полномъ невѣдѣніи относительно обстоятельствъ, при которыхъ она послѣдовала.

Благодаря блистательной критикѣ г. Платонова», «сказанія», представлявшія главную основу для обвиненія Годунова въ убійствѣ Димитрія, утратили свое значеніе, и потому намъ предстоитъ теперь альтернатива: или открыть, помимо Годунова, другаго, еще

невѣдомаго убійцу Димитрія, или признать, что «углицкій обыскъ» есть не миѳъ, а историческій документъ, пренебрегать которымъ нѣтъ достаточныхъ основаній.

III.

Историческій туманъ, застилающій угличское событіе, еще болѣе сгущается надъ личностью, принявшею имя умершаго Димитрія. Что это былъ за человѣкъ? Полякъ или русскій? Сознательный обманщикъ или человѣкъ, подготовленный съ дѣтства къ этой роли, и потому вѣрившій въ свое царское происхожденіе? Чьимъ орудіемъ онъ былъ: польскихъ пановъ, или русскихъ бояръ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Вотъ вопросы, на которые исторія все еще не можетъ дать строго обоснованные отвѣты. Между тѣмъ эти вопросы имѣютъ большое значеніе для характеристики взаимныхъ отношеній народовъ польскаго и русскаго, и правильное рѣшеніе ихъ могло бы выяснить многое въ исторіи того и другаго, что теперь является только гадательнымъ. Вопросъ о національности перваго самозванца тѣсно связанъ съ другимъ: гдѣ возникла самая идея самозванства—въ Польшѣ или въ Москвѣ? Если онъ былъ русскій, то несомнѣнно, что его измыслили бояре для сверженія Годунова, а поляки только воспользовались имъ для заведенія смуты на Руси. Если же полякъ, тогда ясно, что самозванецъ былъ выдуманъ въ Польшѣ для осуществленія извѣстныхъ, спеціально-польскихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели король и паны, а также іезуиты, могли довѣриться въ своемъ дѣлѣ русскому, каковъ бы онъ ни былъ? Такой близорукости не возможно допустить.

Какъ ни разнорѣчивы сказанія современниковъ о первомъ самозванцѣ [1]), но въ обрисовкѣ его личнаго характера они отличаются замѣчательнымъ сходствомъ. Чрезвычайно легкомысленный, легко увлекающійся, но несомнѣнно храбрый и отважный, съ порывами великодушія, ловкій танцоръ и лихой наѣздникъ, поклонникъ женщинъ и любитель шумныхъ забавъ и увеселеній, онъ былъ истый представитель тогдашняго польскаго рыцарства. Въ пріемахъ внутренняго управленія, въ его отрицательномъ отношеніи къ русскимъ порядкамъ, въ широкихъ завоевательныхъ планахъ и мечтахъ объ изгнаніи турокъ, сказывался человѣкъ, знакомый съ западною культурою. Это—тоже польская черта. Его незнакомство съ русскими завѣтными обычаями, освященными религіею и давностію, было просто поразительно. Какъ на самый характерный примѣръ въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ указать на его вѣнчаніе съ Мариною 8-го мая, наканунѣ Николина дня, при-

---

[1]) См. «Сказанія соврем. о Дмитріи Самозванцѣ», «Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени», «Русск. ист. въ жизнеоп.», т. I; «Первый Лжедимитрій». Иловайскаго («Истор. Вѣстн.», 1891 г., кн. 12).

ходившагося притомъ въ пятницу. Никакой русскій человѣкъ той эпохи не позволилъ бы себѣ такой профанаціи особенно чтимаго на Руси святаго: вѣрующій—по убѣжденію въ грѣховности подобнаго дѣянія, невѣрующій, если бы такой нашелся въ русской средѣ того времени, изъ опасенія возбудить противъ себя негодованіе. По всѣмъ этимъ даннымъ, представляется несомнѣннымъ, что первый Лжедимитрій былъ не русскаго происхожденія и скорѣе полякъ, чѣмъ человѣкъ какой либо другой національности. Дальнѣйшія соображенія и догадки о его происхожденіи не имѣютъ особаго историческаго значенія [1]). Важно лишь то, что Польша вскормила это дитя безъ рода и племени и выдвинула на историческую сцену въ позорной роли обманщика. Повидимому, онъ съ дѣтства получилъ соотвѣтственную воспитательную подготовку и былъ увѣренъ въ своемъ высокомъ происхожденіи. Эта увѣренность поддерживала его энергію при первыхъ военныхъ неудачахъ и сообщала его рѣчамъ и поступкамъ тотъ властный характеръ, который такъ обаятельно дѣйствовалъ на русскихъ выходцевъ и на русское порубежное населеніе. Позднѣе, при торжественномъ шествіи отъ Тулы къ Москвѣ, онъ являлъ себя настоящимъ, прирожденнымъ властелиномъ, земскимъ царемъ всея Россіи, которому народная хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ дороже серебра и золота, подносимаго боярами и именитыми людьми. Затѣмъ, сидя уже на тронѣ, въ шапкѣ Мономаха, онъ приходилъ въ ярость отъ неосторожныхъ словъ польскаго посла и весь горѣлъ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Эти яркія черты не идутъ къ сознательному обманщику и проводятъ рѣзкую грань между характерами перваго и втораго самозванца. Этотъ послѣдній, какъ завѣдомый воръ чужаго имени, вѣчно колебался, мучился подозрѣніями и былъ лишь жалкимъ орудіемъ окружавшаго его сброда.

Чьимъ же орудіемъ былъ первый Лжедимитрій, этотъ обманщикъ по неволѣ? Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступле-

---

[1]) Однако слѣдуетъ упомянуть, что одна изъ этихъ догадокъ, высказанная современникомъ (Буссовъ), именно, что онъ былъ побочный сынъ Стефана Баторія, имѣетъ значительную долю вѣроятія. Годы сиротства начались для Димитрія и сына Баторія почти одновременно (1584—1586); по смерти отцовъ, для смѣнившихъ ихъ правителей, оба они являлись лишними. Подозрительный Сигизмундъ III могъ провидѣть въ потомкѣ храбраго короля конкурента своимъ сыновьямъ на польскую корону. Но, что всего важнѣе, сынъ Баторія, вѣроятно, росъ въ неизвѣстности о своемъ происхожденіи, и потому было очень удобно привить ему убѣжденіе, что онъ сынъ московскаго царя. Предположеніе, что самозванецъ былъ сынъ Баторія, косвенно подтверждается также и тѣмъ, что Сигизмундъ былъ не прочь выдать за него свою сестру, когда онъ сталъ царемъ въ Москвѣ. Если бы онъ былъ проходимцемъ низкаго происхожденія, то, вѣроятно, Сигизмундъ удержался бы отъ этого плана по чувству брезгливости столь понятной въ такомъ гордомъ государѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ смотрѣть на это дѣло съ точки зрѣнія какого нибудь Мнишка.

ніе. Извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Грозный велъ неудачную войну съ Польшею и, стѣсненный Баторіемъ, долженъ былъ заключить унизительный Запольскій миръ. Пораженіе Россіи возбудило въ полякахъ преувеличенныя надежды. По воцареніи слабаго Θеодора, въ Польшѣ думали, что при такомъ царѣ будетъ очень легко отвоевывать у Москвы городъ за городомъ, область за областью. Сапѣга, видѣвшій новаго царя, говорилъ объ этомъ во всеуслышаніе. Когда же Годуновъ выступилъ въ роли правителя, стало ясно, что эти надежды не такъ легко осуществить, какъ казалось. Отсюда пошла польская злоба на Годунова, тутъ ея корень а ядро—въ партіи Льва Сапѣги. Мы съ большой вѣроятностью можемъ допустить, что при вѣсти объ угличскомъ событіи именно въ кружкѣ «сапѣжинцевъ» возникла мысль воспользоваться загадочной смертью Димитрія и выставить самозванца на погибель Годунова. Въ этомъ убѣждаютъ насъ тѣ таинственные переговоры, которые велъ Сапѣга съ боярами, врагами Годунова, живя въ Москвѣ съ посольствомъ въ 1601—1602 годахъ. Дѣло дошло до того, что Борису стали явны боярскія козни; онъ догадался, что есть какая-то связь между враждебными ему боярами и польскимъ посломъ, поторопился выпроводить его изъ Москвы и принялся за подозрительныхъ бояръ. Удалось ли ему напасть на слѣдъ заводившейся противъ него интриги? По всей вѣроятности, такъ какъ съ этого времени Борисъ измѣняется, становится подозрителенъ и жестокъ; именно тогда заползъ въ его душу червь, котораго задушить онъ не могъ до своей смерти. Проживая въ Москвѣ, Сапѣга имѣлъ время присмотрѣться здѣсь къ положенію дѣлъ и убѣдиться въ существованіи боярской партіи, ненавидѣвшей Годунова, Весьма естественно, что онъ не могъ пренебрегать такими союзниками и намекнулъ имъ о появленіи въ Польшѣ Димитрія. Конечно, ему хотѣлось зондировать почву и узнать, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ замыселъ на русскихъ. Убѣдившись въ сочувствіи бояръ, Сапѣга, вѣроятно, посвятилъ ихъ въ нѣкоторыя подробности этой затѣи и просилъ возможнаго содѣйствія. Напримѣръ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ желалъ имѣть людей, способныхъ подготовить будущаго претендента съ религіозной и обрядово-бытовой стороны; разумѣется, онъ понималъ, что это дѣло не маловажное и требуетъ опытнаго руководителя. Быть можетъ, онъ тогда же подробно ознакомился съ примѣтами умершаго царевича и получилъ какія нибудь вещи, имѣвшія значеніе по воспоминаніямъ о немъ, напримѣръ, тотъ золотой, тѣльный крестъ, который носилъ первый Лжедимитрій, выдавая его за подарокъ своего крестнаго отца, князя Мстиславскаго. Какъ бы то ни было, только вслѣдъ за отъѣздомъ посольства Сапѣги, въ Москвѣ пошли смутные слухи, что царевичъ Димитрій спасся въ Угличѣ отъ смерти и живетъ за польскимъ рубежомъ. Объ этомъ, между прочимъ, проговорился

въ пьяной компаніи крестовый дьякъ патріарха Іова, Григорій Отрепьевъ, вхожій въ враждебные Годунову боярскіе домы. Донесли Борису, и онъ приказалъ заточить болтуна въ Соловки. Однако это царское повелѣніе не было исполнено. Отрепьеву очевидно мирволили; онъ тайно ушелъ изъ Москвы, скоро объявился въ Польшѣ, у Димитрія, и сталъ какъ бы связью между «сапѣжинцами» и кружкомъ враждебнаго Борису боярства. По своему прошлому и по своимъ личнымъ качествамъ, Отрепьевъ былъ способенъ для такой роли. Человѣкъ книжный, вышедшій изъ низшаго служилаго сословія, онъ провелъ свою молодость въ Москвѣ, живя по разнымъ боярскимъ дворамъ; затѣмъ постригся въ монахи и, благодаря своимъ способностямъ, сдѣлался лично извѣстенъ патріарху. Какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ русскими обычаями во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества, онъ былъ полезенъ для подготовки претендента и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ сообщать въ Москву своимъ покровителямъ все то, что ихъ интересовало относительно самозванца. Это предположеніе находитъ вѣское подтвержденіе въ томъ фактѣ, что Отрепьевъ несомнѣнно игралъ въ дѣлѣ перваго самозванца замѣтную роль; это сознавало и правительство Годунова, но ошиблось, выдавая его самого за самозванца. Эта ошибка, быть можетъ, и умышленная [1]), была внесена въ лѣтописи и долго считалась историческимъ фактомъ. Теперь она достаточно выяснена, и Отрепьевъ можетъ занять при названномъ Димитріи вполнѣ подходящее мѣсто. Разъясненіе его истинной роли служитъ подтвержденіемъ того обстоятельства, что перваго самозванца выдвинули польскіе паны при участіи и сочувствіи враждебныхъ Годунову бояръ.

IV.

Дорого обошлось народу увлеченіе призракомъ Димитрія. Много было слезъ и горя во время «лихолѣтья»; Русская земля замутилась, обезлюдѣла, запустѣла; казалось, что она сдѣлается провинціей королевства Польскаго. Но вотъ народъ какъ бы опомнился, одумался и уразумѣлъ свою ошибку. Царевича Димитрія нѣтъ въ живыхъ, это стало наконецъ ясно народу. Его обманывали и морочили разные плуты проходимцы, мутили бояре, били и грабили поляки. Это сознаніе электрическимъ токомъ пробѣжало по разлагавшемуся народному тѣлу, сплотило и оживило его. Волга и тогда была уже главной артеріей народнаго организма; весьма естественно,

---

[1]) Правительство Годунова было поставлено въ необходимость назвать народу личность, принявшую имя Димитрія; не зная точно, что это за человѣкъ, оно рѣшилось выдать его за Отрепьева, бѣжавшаго изъ Москвы, такъ какъ имѣло полное основаніе предполагать, что послѣдній замѣшанъ въ это дѣло. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго.

что здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ либо, обнаружилась живая самодѣятельность народа, его стремленіе постоять за свою землю. Послышались отголоски древняго, вѣчеваго уклада: каждый городъ, каждый уѣздъ начинаетъ вѣчевать, причемъ думаетъ не о себѣ только, а о нестроеніи и невзгодѣ всей земли, о спасеніи общей религіозной святыни въ Москвѣ и о возстановленіи царской власти. Люди всякаго чина и званія сходятся на городскихъ и сельскихъ площадяхъ; судятъ про общее дѣло, собираютъ жертвы; выслушиваютъ гонцовъ отъ сосѣднихъ городовъ и уѣздовъ, сами пишутъ отвѣтныя грамоты; снаряжаютъ ратниковъ и принимаютъ мѣры къ самооборонѣ. Въ сопоставленіи съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ нашей исторіи, это явленіе весьма замѣчательно. Послѣ упраздненія вѣчевыхъ порядковъ и собранія Руси въ одно государственное тѣло подъ властью царя, народу представилась теперь возможность свободно высказаться относительно того и другаго уклада жизни. Мы видимъ, что въ то время онъ еще не забылъ старыхъ формъ своего государственнаго быта и, будучи предоставленъ самъ себѣ, сейчасъ же воспользовался ими для выраженія своихъ завѣтныхъ желаній: спасти, во что бы то ни стало, Русскую землю и выбрать царя. Въ единодушіи этого пожеланія не возможно сомнѣваться. До какой степени оно было присуще тогдашнимъ русскимъ людямъ, мы между прочимъ имѣли возможность убѣдиться, читая подлинныя поручныя записи крестьянъ Устьсысольскаго края, помѣченныя концомъ 1612 года. Въ каждой изъ нихъ говорится: «а пеня (за неисполненіе договора) на насъ, на поручикахъ; а пени, что̀ государь укажетъ, когда Богъ дастъ намъ государя» [1]). Такимъ образомъ народъ ясно выказалъ свое предпочтеніе формамъ государственной жизни, установившимся въ царскій періодъ, и не пожелалъ вернуться къ удѣльно-вѣчевымъ. Потому-то эти послѣднія окончательно исчезаютъ изъ народной жизни, которая смутно искала для себя уже новыхъ путей и ждала обновленія не отъ возврата къ старинѣ. Это была историческая необходимость и историческая логика того времени.

V.

Смутная эпоха—это глубокая драма, въ прологѣ которой происходитъ угличское событіе, а въ эпилогѣ всенародный постъ Русской земли и избраніе царя изъ дома Романовыхъ.

---

[1]) Въ нашемъ собраніи старыхъ бумагъ и актовъ: поручныя записи разныхъ лицъ, данныя крестьянамъ «Сезвбицкой волости и всея Сысольскія землицы», въ исправной доставкѣ государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ на Верхотурье. Эти документы перешли къ намъ отъ покойнаго устьсысольскаго протоіерея, отца Бонифатія Кокшарова.

Въ первомъ актѣ этой драмы происходятъ трагическія перипетіи въ семьѣ Годуновыхъ. Глава ея, мудрый, просвѣщенный и народолюбивый Борисъ, царь по всенародному избранію, съ честью правитъ Русью на зависть сосѣдямъ. Онъ твердъ и остороженъ. Отъ татаръ и степныхъ хищниковъ защищаетъ себя крѣпостями и засѣками, отъ притязаній поляковъ и шведовъ ловкостью своей дипломатіи; чуткимъ умомъ онъ понимаетъ могущество просвѣщенія и симпатизируетъ западу. Его внутреннюю царственную дѣятельность такъ удачно характеризуетъ Тимоѳеевъ, авторъ «Временника», что мы не находимъ лучшихъ словъ для ея освѣщенія. «Требующимъ—даватель неоскуденъ; въ мірови въ мольбахъ о всякой вещи—преклонитель кротостенъ; въ отвѣтахъ всѣмъ—сладокъ; на обидящихъ просящимъ, безпомощнымъ и вдовицамъ—отмститель скоръ; о правленіи земли—прилежаніемъ премногъ; правосудія безъ мзды — любитель; неправдѣ всякой — искоренитель нелестенъ» [1]). Такимъ является предъ нами Годуновъ, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ правителей до-Петровской Руси. Но онъ человѣкъ незнатнаго рода, представитель не родовой, а служилой знати, и возвышеніе его невыносимо для московскаго придворнаго боярства, потомковъ Рюрика и Гедимина, родовитую спѣсь которыхъ погнулъ, но не сломилъ даже Грозный царь. Не даромъ же они по смерти Ѳеодора предлагали народу присягнуть боярской думѣ. Производя себя «отъ корене-скипетродержащихъ», они находили это вполнѣ естественнымъ, но народъ далъ имъ почувствовать свою волю: «не знаемъ ни князей, ни бояръ», сказалъ онъ дьяку Щелкалову и избралъ на царство Бориса Ѳедоровича. Пришлось имъ смириться и на время притихнуть... И вотъ снаружи они холопы предъ Годуновымъ, но внутри таятъ ненависть и строятъ козни. Сосѣдская зависть и внутренняя ненависть соединяются и выдвигаютъ противъ Бориса призракъ угличскаго Димитрія, въ расчетѣ на преданность народа къ угасшему царскому роду. Расчетъ былъ вѣренъ; Годуновъ первый понялъ это, и предъ нимъ сразу раскрылась пропасть, въ которую должно было обрушиться его личное высокое положеніе и счастье любимой семьи. Стоя на краю этой пропасти, ожесточенный низостью и коварствомъ крамолы, онъ прожилъ почти три года, но это была не жизнь, а одно безконечное томленіе. Наконецъ, онъ изнемогъ и скончался, оставивъ престолъ и семью въ роковую для нихъ минуту.

Къ опустѣвшему трону робкими шагами приблизился его сынъ, красивый шестнадцати-лѣтній юноша, уже напуганный надвигавшеюся грозою. Обязанность наслѣдія призывала его къ правленію царствомъ, но онъ видѣлъ, что это царство отъ него отпадаетъ. Онъ могъ еще оставаться въ Кремлевскихъ палатахъ, рядиться въ

---

[1]) «Древнерусск. сказ. и пов.», С. Ѳ. Платонова, стр. 151, примѣчаніе 2.

царскія одежды и брать въ руки скипетръ и державное яблоко, но власти у него уже не было. Царское войско перешло на сторону названнаго Димитрія, и въ Москвѣ становилось все тревожнѣе и тревожнѣе. Это были истинно трагическія минуты для семьи Годуновыхъ. Но вотъ насталъ и роковой моментъ. Въ столицу явились посланцы Димитрія и прочли народу на площади его привѣтную грамоту, а князь В. Шуйскій завѣрилъ, что царевичъ Димитрій спасся въ Угличѣ отъ убійцъ Годунова, и вмѣсто его тамъ похороненъ поповъ сынъ. Тогда-то зашумѣла волна несправедливаго народнаго негодованія, поднялась во дворецъ, дошла до подножія престола и смыла съ него царя-отрока. Проходитъ еще нѣсколько ужасныхъ, томительныхъ дней, которые поруганная и униженная царская семья провела за крѣпкимъ карауломъ въ боярскомъ домѣ Годунова. Правда, первый грозный ударъ прогремѣлъ и оставилъ имъ жизнь, но они чувствуютъ, что стали уже совершенно лишними въ своей столицѣ, въ своемъ собственномъ, предковскомъ домѣ. О они не ошибались. Скоро явились въ Москву князья Голицынъ и Масальскій, посланные Димитріемъ съ приказаніемъ устранить всѣхъ его враговъ. Во главѣ ихъ стояла семья бывшаго царя, и скоро юный Ѳеодоръ былъ варварски убитъ вмѣстѣ съ матерью, а красавица Ксенія осталась въ живыхъ только для того, чтобы оплакивать свой позоръ подъ ряской монахини. Это одна изъ многострадальныхъ русскихъ женщинъ, глубоко скорбный и симпатичный образъ которой достоинъ памяти потомства.

Наступаетъ второй актъ драмы, и мы видимъ на московскомъ престолѣ невѣдомаго юношу, властительнаго, пылкаго, съ широкими замыслами, убѣжденнаго въ своемъ высокомъ происхожденіи, но крайне легкомысленнаго. Онъ не сознаетъ, что вызванъ на сцену темными силами только для сверженія Годунова, а затѣмъ окажется лишнимъ и послѣдуетъ за своимъ предшественникомъ. Въ этомъ трагизмъ его положенія. Онъ веселится на вулканѣ и спѣшитъ, какъ истый рыцарь, предложить руку и корону дамѣ своего сердца. Противъ него возникаетъ заговоръ Шуйскаго, онъ прощаетъ виновника; не хочетъ самъ наказать возмутившихся стрѣльцовъ и отдаетъ ихъ на народную расправу. Онъ поступаетъ такъ въ полномъ сознаніи своей царственной силы и въ упоеніи любви. Но часъ его близокъ. Раздается набатъ, и подъ звуки его около дворца поднимается волна боярской ярости, снова возбужденная помилованнымъ Шуйскимъ [1]). Невѣдомый юноша отрезвляется

[1]) Народъ на столько любилъ названнаго Димитрія, что не поднялся бы на него. Въ день возстанія, въѣхавъ на Красную площадь, Шуйскій закричалъ народу, сбѣгавшемуся на набатъ: «Литва хочетъ убить царя и бояръ: идите бить

спѣшитъ укрыться отъ нея въ средѣ народа, но въ рѣшительную минуту счастье покидаетъ его, и онъ погибаетъ.

Въ третьемъ и послѣднемъ актѣ мы видимъ на русскомъ тронѣ старика, уже тронутаго сѣдиною, съ впалыми, вдумчивыми глазами. Этотъ старикъ—родовитый князь Шуйскій, потомокъ св. Владиміра и Александра Невскаго. Московскій престолъ онъ считаетъ своимъ естественнымъ достояніемъ, прямымъ наслѣдіемъ предковъ, и потому не нуждается во всенародномъ избраніи. Это типичный представитель старо-русскаго жизненнаго уклада: непредпріимчивый, боязливый, покорный предъ силой, но терпѣливый и стойкій. Пройдя суровую школу жизни, онъ сталъ завистливъ и подозрителенъ; не смотря на свою осторожность, не разъ подвергался опасности, потому что не умѣлъ ее предотвращать; не разъ кривилъ душой въ угоду обстоятельствъ и проявлялъ коварство и хитрость. Въ немъ не было хорошихъ сторонъ Годунова. Уже цитированный нами авторъ «Временника» относится къ нему сурово: «нечестивъ бо всяко и скотолѣпенъ, царствова во блудѣ и пролитіи неповинныхъ кровей, къ симъ же и во враждбахъ богомерзкихъ, ими же мня ся во царствіи утвердити» [1]). Объ этомъ царствѣ онъ сталъ мечтать со смерти Грознаго и не переставалъ стремиться къ престолу. И вотъ его завѣтная мечта исполнилась; теперь онъ хочетъ насладиться еще неизвѣданнымъ семейнымъ счастьемъ и наконецъ успокоиться. Но народъ не знаетъ ни его родовитости, ни его правъ на престолъ, и продолжаетъ гоняться за тѣнью Димитрія. Въ этомъ трагизмъ положенія Шуйскаго. Сознавая собственное безсиліе совладѣть со смутою, онъ ищетъ иноземной помощи. Не столько она, сколько храбрость и талантливость его молодаго родича, князя Михаила Скопина-Шуйскаго, на время склоняютъ дѣла въ пользу царя Василія. Народъ полюбилъ симпатичнаго князя Михаила и оказывалъ ему свое расположеніе и преданность. Этого было достаточно, чтобы возбудить противъ него зависть, и молодой герой неожиданно скончался. Народная молва приписала его смерть отравѣ, которую будто бы поднесла Скопину невѣстка царя Василія, «кума крестная, змѣя подколодная», по выраженію народной пѣсни [2]). Съ нимъ исчезла послѣдняя опора

литву!». Когда народъ отхлынулъ и разсыпался по Москвѣ, Шуйскій съ толпою заговорщиковъ въѣхалъ въ Кремль и могъ безъ помѣхи раздѣлаться съ Лжедимитріемъ. («Русск. исторія въ жизнеопис.», Н. И. Костомарова, томъ I, стр. 525—527).

[1]) «Древнерусск. сказ. и пов.», Платонова, стр. 156.

[2]) Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій заболѣлъ послѣ крестиннаго пира у князя Воротынскаго, свояка царя Василія, принявъ отъ купели его ребенка вмѣстѣ съ Катериной Григорьевной Шуйской, женой царскаго брата Димитрія. Ее-то и обвиняетъ народная пѣсня.

Шуйскаго, и онъ былъ сведенъ съ престола, разлученъ съ женой и насильно постриженъ въ монахи. Его сдвинула не волна народнаго негодованія, какъ Годуновыхъ, и не волна боярской ярости, какъ названнаго Димитрія, а лишь грубая свалка горсти мятежниковъ. Но не кончилось этимъ его униженіе. Жолкѣвскій взялъ его съ собою въ Польшу и, съ тріумфомъ вступая въ Варшаву, провезъ за своей побѣдной колесницей по улицамъ польской столицы. А затѣмъ ворота Гостынскаго замка навсегда отдѣлили царя Василія отъ русскаго народа, отъ свободы и жизни.

А. Мерцаловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА[1].

X.

Манифестъ 15-го мая 1864 года. — Перемѣна настроенія среди помѣщиковъ.— Польскій помѣщикъ въ роли русскаго миссіонера.—Моя присяга русскому правительству.—Прокламація Жонда.—По этапу на родину. — Воспитанникъ ксендзовъ-патріотовъ.—Знакомство въ лазаретѣ. — Тюрьма. — Допросъ.—Одиночное заключеніе.—Письменное показаніе.—Ночь.—Новый допросъ.

ВЪ ЭТО ВРЕМЯ вышелъ манифестъ 15-го мая 1864 года. Въ отвѣтъ ему появились прокламаціи отъ Жонда, гдѣ говорилось, чтобы ни въ какомъ случаѣ не увлекаться ласками, дѣлаемыми москалями, что освобожденіе отчизны рѣшается, чтобы не теряли надежды и крѣпились.

Многіе дѣйствительно крѣпились, но многіе со злобою читали эти прокламаціи. Въ первый разъ можно было видѣть всю злобу на Жондъ и на тѣхъ, которые выдумали революцію. Манифестъ былъ прочитанъ во всѣхъ костелахъ, и многіе поспѣшили чистосердечно присягнуть правительству, другіе же присягали, говоря, что не грѣхъ ложно присягать московскому правительству, и пользовались этимъ случаемъ, какъ единственнымъ выходомъ изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ очутились, благодаря мятежу. Въ это время произошло въ краѣ послѣднее общее движеніе. Помѣщики, видя, что дѣло про-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. L, стр. 413.

играно, удалились изъ своихъ имѣній въ города, чтобы подъ прикрытіемъ правительства спастись отъ своихъ патріотовъ и не быть отвѣтственными за то, что у нихъ дѣлается въ имѣніяхъ, такъ какъ правительство требовало, чтобы безпаспортные и вооруженные люди, появившіеся въ имѣніяхъ, передавались въ руки власти.

Помѣщики старались знакомиться съ военными и передъ каждымъ самымъ малымъ чиновникомъ, которому въ другое время не подали бы руки, потому что онъ чиновникъ, плакались на свои несчастья. Они вездѣ проповѣдывали, что мятежники—это разбойники, которые не щадятъ не только русскихъ, но и помѣщиковъ, что у нихъ нѣтъ ничего святаго, что мятежъ затѣяли портные и сапожники, помѣщики же никогда не сочувствовали мятежу, были вполнѣ довольны русскимъ правительствомъ и, если помогали шайкамъ мятежниковъ, доставляя припасы, то дѣлали это по принужденію, подъ угрозой смерти. Какъ повстанецъ, хорошо знакомый съ этого рода дѣлами, скажу, что намъ никогда не приходилось требовать чего нибудь отъ помѣщиковъ съ пистолетами въ рукахъ. Они охотно сами доставляли все, что нужно было, иной разъ даже безъ всякихъ просьбъ со стороны повстанцевъ. Да иначе и мятежъ былъ бы не возможенъ, если бы пришлось еще своихъ же поляковъ заставлять сочувствовать и помогать съ оружіемъ въ рукахъ. Было, впрочемъ, нѣсколько такихъ случаевъ, но такъ немного, что ссылаться на нихъ невозможно, тѣмъ болѣе, что всѣ они произошли уже подъ конецъ мятежа, когда родовитые поляки поняли, что изъ мятежа ничего хорошаго для нихъ не выйдетъ. Тогда дѣйствительно большинство помѣщиковъ перемѣнило свой образъ мыслей, а соотвѣтственно съ нимъ также и дѣйствій.

Были такіе, которые хотѣли поднести адресъ государю, гдѣ, свидѣтельствуя свои вѣрно-подданническія чувства, предлагали содѣйствовать усмиренію мятежа. Многіе дѣйствительно ѣздили и уговаривали мятежниковъ воспользоваться манифестомъ.

Однажды, когда я, въ качествѣ помощника бургомистра, выдавалъ свидѣтельства, ко мнѣ явился помѣщикъ, мнѣ незнакомый. Это былъ Іосифъ Бѣльскій, какъ онъ самъ отрекомендовался. Не знаю, откуда узналъ онъ обо мнѣ. Разговорившись со мною, онъ убѣждалъ меня воспользоваться манифестомъ.

Заручившись моимъ согласіемъ, онъ отправился въ свое имѣніе, гдѣ стоялъ отрядъ войска и военный начальникъ, чтобы предупредить его о моемъ возвращеніи и покорности. На другой день я дѣйствительно отправился съ тѣмъ, чтобы присягнуть на вѣрность законному правительству.

Прибывъ на мѣсто, я разсказалъ откровенно о своемъ участіи въ мятежѣ, присягнулъ, получилъ билетъ и отправился въ городъ Бялу. Я, однако, сознавалъ въ душѣ, что присяга меня нисколько

не перемѣнила въ отношеніи къ польской справѣ, что я не переставъ быть тѣмъ же мятежникомъ, и если случится второй мятежъ, то я, не смотря на присягу, возстану вмѣстѣ съ другими противъ Россіи.

Мнѣ все казалось, что лишь только я пріѣду въ Бялу, меня арестуютъ и будутъ судить. Я старался увѣрить себя, что только безвыходное положеніе заставило меня присягать москалямъ, и потому я вправѣ не исполнять вынужденныхъ обѣщаній. Такія мысли поддержала во мнѣ вышедшая около этого времени прокламація отъ Жонда Народоваго, въ которой разрѣшалось присягать русскому правительству, но съ тѣмъ, чтобы послѣ съ удвоенной силой возстать вновь противъ тирановъ и варваровъ. Прочитавъ прокамацію, вполнѣ соотвѣтствовавшую моему тогдашнему настроенію, я видѣлъ въ ней узаконеніе моей присяги въ глазахъ всей польской справы.

Такимъ образомъ я довольно спокойно ѣхалъ въ Бялу. По дорогѣ я узналъ кое-что о личности Іосифа Бѣльскаго, благодаря которому произошло все случившееся со мной. Говорили, что въ Карпатскихъ горахъ въ Галиціи онъ предводительствовалъ шайкой разбойниковъ, такъ называемыхъ «Опрытковъ», съ которыми грабилъ проѣзжихъ и этимъ составилъ себѣ значительное состояніе. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ арестованъ и посланъ солдатомъ въ кавказскую армію, гдѣ вскорѣ храбростью и неустрашимостью противъ черкесовъ обратилъ на себя вниманіе, получилъ орденъ Георгія и скоро былъ произведенъ въ офицеры. Прослуживъ десять лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку капитаномъ и купилъ себѣ имѣніе въ царствѣ Польскомъ. Его иначе не называли, какъ графомъ Монтекристо. Какъ бы тамъ ни было, но я ему очень благодаренъ за то, что онъ удержалъ меня отъ эмиграціи за границу.

Итакъ, я поселился въ городѣ Бялѣ, какъ полноправный гражданинъ, но совершенно успокоиться не могъ. Военный начальникъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать на родину, увѣряя, что я тамъ буду жить спокойно, что меня не арестуютъ. Но я не могъ допустить, чтобы М. Н. Муравьевъ оставилъ меня тамъ въ покоѣ. Мнѣ казалось, что хотя бы я являлся добровольно и приносилъ вѣрноподданическую присягу сто разъ, меня, всетаки, арестуютъ, засудятъ и сошлютъ въ Сибирь. Это было общее мнѣніе между всѣми добровольно присягнувшими, которыхъ я видѣлъ во время моего пребыванія въ городѣ Бялѣ.

Другая главная причина, почему я такъ боялся возвратиться въ Россію, состояла въ томъ, что я еще вѣрилъ въ возможность благополучнаго исхода мятежа, такъ какъ носились какіе-то слухи, что Европѣ предстоитъ война, въ которой приметъ участіе и Россія. Такія мечты не меня одного занимали. Всѣ, добровольно при-

сягнувшіе, и жители города, сколько я ихъ ни видѣлъ, всѣ до одного жили этой надеждой, хотя со всѣхъ концовъ царства доходили самые неутѣшительные для возстанія слухи. О шайкахъ было почти не слышно. Это, впрочемъ, объясняли тѣмъ, что Жондъ не желаетъ терять понапрасну силы, сохраняя ихъ до болѣе удобнаго времени, т. е. до начала войны въ Европѣ. И дѣйствительно, въ это время слышно было только про двѣ партіи, про жандармовъ-вѣшателей ксендза Бжуски, который скрывался въ Люблинской губерніи, и про «армію» Боссаки, котораго иначе не называли, какъ генераломъ всѣхъ военныхъ силъ царства Польскаго. Онъ кочевалъ по Радомской губерніи, ближе къ австрійской границѣ. Говорили, что армія его состоитъ изъ 3.000 человѣкъ и называется обсерваціоннымъ корпусомъ. Между тѣмъ эта обсерваціонная армія была не что иное, какъ обыкновенная шайка изъ 400 человѣкъ, желавшихъ только укрыться отъ законнаго преслѣдованія правительства. Военному начальнику было предписано всѣхъ добровольно присягнувшихъ по этапу отправить въ Россію на родину.

Это ряспоряженіе помимо моей воли разрѣшало мои сомнѣнія. Насъ всѣхъ позвали и, прочитавъ распоряженіе намѣстника, нѣкоторыхъ арестовали и заключили до дня отправленія въ тюрьму, а другимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, взявъ росписку, позволили дожидаться этого дня на свободѣ.

Дня черезъ три, въ десять часовъ утра, на тюремной площади, насъ уже ждала конный конвой изъ улановъ и подводы. Повстанцамъ приказано было садиться на подводы, и мы, провожаемые сострадательными взглядами и такими же пожеланіями, наконецъ, выѣхали за городъ по шоссе къ Сѣдлецамъ.

Всѣхъ насъ было пятнадцать человѣкъ, изъ которыхъ лучше другихъ запечатлѣлся въ моей памяти нѣкто Польковскій. Сынъ дворянина Пружанскаго уѣзда, онъ въ дѣтствѣ еще потерялъ отца и остался при одной бѣдной матери, которая, будучи обременена большимъ семействомъ, не была въ силахъ дать приличнаго образованія своимъ дѣтямъ. Приходскій ксендзъ взялъ подъ свое покровительство двухъ младшихъ ея сыновей, чтобы имъ, какъ дѣтямъ православной матери, сильнѣе привить католицизмъ со всѣми польскими добавками. Ксендзы сдѣлали свое дѣло. Польковскій 16 лѣтъ отъ роду былъ уже завзятымъ патріотомъ и поступилъ въ шайку Духинскаго, хотя не умѣлъ ни читать, ни писать. Всѣ отчаянныя командировки онъ исполнялъ неустрашимо и точно. Что бы ни затѣяли довудцы, поджогъ ли, повѣсить ли кого, убить и т. п., отправляли Польковскаго, и тотъ исполнялъ порученіе, вмѣняя себѣ это въ особенную заслугу. При всемъ этомъ, Польковскій, однако, не забывалъ никогда—ни утромъ, ни вечеромъ, отчитать разъ шесть «Отче нашъ», семь «Богородице», два или три

«Вѣрую» и нѣсколько молитвъ за ойчизну. Онъ глубоко вѣрилъ, что за дѣлаемое имъ по приказанію будетъ отвѣчать на судѣ Божіемъ не онъ, а тотъ, кто ему велѣлъ сдѣлать. Глядя на эту креатуру ксендзовъ, я удивлялся, до какой степени низости и безчеловѣчія можетъ дойти ксендзъ, воспитывая въ человѣкѣ такіе нравственные принципы. На другой день мы прибыли въ городъ Сѣдлецъ, гдѣ насъ помѣстили на гауптвахтѣ. Чтобы избавиться отъ непріятнаго общества, въ которомъ мнѣ пришлось бы ночевать, и отъ тяжелаго воздуха гауптвахты, я притворился больнымъ, и меня немедленно отправили въ госпиталь, гдѣ меня принялъ докторъ.

Камера, въ которую меня заключили, была маленькая комната, носившая названіе «отдѣленіе для политическихъ преступниковъ». Я очутился здѣсь въ обществѣ двухъ, мнѣ незнакомыхъ, личностей: одного ксендза и какого-то эмигранта. Оба они, на сколько я могъ узнать отъ фельдшера, были присуждены къ висѣлицѣ. Когда я вошелъ, они недовѣрчиво испытующимъ взглядомъ осмотрѣли меня и, обмѣнявшись нѣсколькими малозначительными фразами, выжидали, пока уйдетъ фельдшеръ. Тогда ксендзъ первый началъ меня разспрашивать, кто я, какъ попалъ въ Сѣдлецкій госпиталь. Когда я сказалъ, что добровольно явился, то ясно увидѣлъ, съ какимъ неудовольствіемъ онъ узналъ объ этомъ. Онъ вдругъ сталъ ко мнѣ холоднѣе, отошелъ къ окну и болѣе не отзывался.

Эмигрантъ сжалился надо мной и спросилъ, нѣтъ ли у меня денегъ, хоть копѣекъ 50. Я вынулъ рубль и передалъ ему. Онъ вышелъ въ корридоръ, и черезъ полъ-часа появилась водка, отъ которой я отказался. Эмигрантъ весь вечеръ разсказывалъ мнѣ о своихъ странствованіяхъ за границей и, между прочимъ, о Руфинѣ Піотровскомъ, о которомъ я уже говорилъ раньше.

Вечеромъ пришелъ докторъ, который, осмотрѣвъ меня, объявилъ, что я завтра могу слѣдовать съ конвоемъ по назначенію. На разсвѣтѣ я, не простившись съ своими новыми знакомыми, одѣлся, потому что они еще спали, отправился за проводникомъ къ ожидавшимъ меня двумъ вооруженнымъ солдатамъ, подъ конвоемъ которыхъ явился опять на гауптвахту, гдѣ меня уже ждала подвода; подъ конвоемъ роты солдатъ мы сейчасъ же отправились дальше до желѣзно-дорожной станціи Лапы, откуда въ товарномъ вагонѣ насъ доставили въ Гродно.

Сопровождаемые конвоемъ, мы пришли на квартиру начальника гродненской тюрьмы. Здѣсь насъ построили въ два ряда и по очереди начали спрашивать имя, фамилію, кѣмъ былъ въ шайкѣ, сколько лѣтъ отъ роду, арестованъ или же явился по манифесту. Все это было записано. Затѣмъ раздалась команда собираться въ дорогу, чего я никакъ не ожидалъ. Я спросилъ начальника, могу

ли я теперь нанять себѣ квартиру. Тотъ отвѣтилъ, что квартира будетъ дана намъ даромъ. Я не понялъ, или лучше сказать не хотѣлъ понять настоящаго значенія его словъ, пока насъ повели къ тюрьмѣ. Ворота заскрипѣли, и мы очутились въ дворикѣ, окруженномъ стѣнами.

Со всѣхъ сторонъ черезъ окна изъ-за желѣзныхъ рѣшетокъ выглядывали головы и старыя и молодыя, съ любопытствомъ посматривавшія на нашу компанію. Я былъ въ большомъ недоумѣніи и уже мало надѣялся на свободу. Послѣ повѣрки, произведенной дежурнымъ офицеромъ, мы бросились въ тѣ камеры, куда изъ-за рѣшеточныхъ оконъ звали насъ наши прежніе знакомые. Здѣсь я встрѣтилъ Дашкевича, взятаго въ Осовкѣ, который, поздоровавшись со мной, сейчасъ же посовѣтовалъ мнѣ—на вопросъ о службѣ мятежу отвѣчать: «не знаю ничего». Вскорѣ потребовали мои вещи для осмотра. Возвратившись въ ту же камеру, мы принялись пить чай. Въ этой камерѣ помѣщалось двадцать человѣкъ, среди которыхъ нашлось много знакомыхъ помѣщиковъ. Они разсказывали мнѣ о тюремныхъ порядкахъ, военномъ судѣ, допросахъ, и совѣтовали сваливать вину на умершихъ и на тѣхъ, которые бѣжали за границу. Скоро наступило время спать, и мы легли на нары, замѣнявшія собой кровати.

Утромъ меня позвали въ слѣдственную комиссію, предсѣдателемъ которой былъ полковникъ Уструговъ. Фамилія его была мнѣ знакома по корпусу, и я былъ нѣсколько смѣлѣе. Отправляясь туда, я далъ денегъ Веновейскому съ просьбой купить мнѣ чаю, сахару и 30 обѣдовъ. Когда я пришелъ въ коммиссію, Уструговъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Ну, господинъ Ягминъ,—вѣжливо сказалъ онъ,—садитесь и разскажите намъ, только чистосердечно, кто вы, гдѣ воспитались, какъ попали въ шайку, чѣмъ тамъ занимались. Только помните—чистосердечно, откровенно. Знайте, что за чистосердечное признаніе васъ освободятъ, и вы вернетесь къ своимъ роднымъ, а въ противномъ случаѣ будетъ плохо.

Въ послѣднихъ словахъ я видѣлъ намекъ на выпытываніе признанія посредствомъ розогъ, о чемъ слышалъ отъ другихъ. Разсказамъ этимъ я вѣрилъ, такъ какъ москаля считалъ варваромъ, способнымъ мучить. Слова «будетъ плохо» покоробили меня не на шутку, и я, приготовивъ заранѣе какое-то оправданіе въ свою пользу, забылъ его на столько, что не могъ связать нѣсколькихъ словъ.

— Я уроженецъ Брестскаго уѣзда, воспитывался немного въ корпусѣ и въ Варшавѣ, откуда отправился въ шайку, и теперь воспользовался манифестомъ, — на сколько могъ увѣреннѣе произнесъ я.

— Не доставляли-ль вы бѣлья, полотна и пороху въ шайки?

Когда я сказалъ, что нѣтъ, полковникъ Уструговъ досталъ какой-то исписанный листъ бумаги, и, показывая мнѣ мелькомъ только подпись, спросилъ, не моя ли это рука. Я попросилъ показать мнѣ число, когда бумага эта была писана; оказалось, что это было въ августѣ 1863 года, въ то именно время, когда я оставилъ шайку и бросался въ разныя стороны, ища себѣ пріюта не только отъ русскихъ, но и отъ поляковъ. Я сказалъ ему объ этомъ и просилъ справиться у мѣстныхъ властей о моемъ исчезновеніи изъ уѣзда.

Внимательно выслушавъ меня, Уструговъ далъ мнѣ нѣсколько листовъ бумаги, карандашъ и попросилъ меня написать свое оправданіе. Ободренный вѣжливостью полковника, я охотно послѣдовалъ за часовымъ въ отдѣльную комнату, надѣясь, что наконецъ-то буду освобожденъ. Но каково было мое изумленіе, когда ключникъ, впустивъ меня въ маленькую келію, не говоря ни слова, заперъ за мной дверь и съ шумомъ засунулъ тяжелый засовъ. Я какъ стоялъ, повернувшись лицемъ къ дверямъ, такъ на мѣстѣ и остался. Грустно и тяжело сдѣлалось мнѣ въ эту минуту. Въ первый разъ пришло мнѣ въ голову, что я арестованъ не на сутки и недѣли, а, можетъ быть, на годы. Я опомнился только тогда, когда внесли мой чемоданъ. Я бросился къ ключнику и къ жандарму, которые внесли вещи, умоляя ихъ сказать, долго ли я буду сидѣть. Однообразный отвѣтъ «не могимъ знать» окончательно взбѣсилъ меня. Затѣмъ ключникъ вытащилъ изъ печки какую-то деревянную посудину, сказавъ о ея назначеніи, повернулся къ дверямъ и, не говоря болѣе ни слова, вышелъ вмѣстѣ съ жандармомъ. Дверь опять заперлась. Я остался одинъ и въ отчаяніи началъ ходить по комнатѣ, пока, наконецъ, не принесли мнѣ ужина, къ которому я не притронулся. Меня выводило изъ себя молчаніе моего ключника, который не хотѣлъ ни слова отвѣчать на мои вопросы. Понемногу я началъ присматриваться къ своей обстановкѣ.

Въ камерѣ, въ которую съ трудомъ пробивались сквозь рѣшетку узкаго окна лучи дневнаго свѣта, стояла кровать, застланная грубымъ шерстянымъ одѣяломъ, столъ и стулъ. Окно находилось подъ самымъ потолкомъ, такъ что смотрѣть чрезъ него было невозможно.

Чтобы хоть нѣсколько развлечься, я началъ развязывать свои вещи. Постлалъ свою кровать, уставилъ зеркало съ его туалетными принадлежностями на столикѣ и послѣ всего этого сѣлъ писать объясненіе для слѣдственной коммиссіи. Но такъ какъ я рѣшилъ возможно больше врать и не признаваться ни въ чемъ болѣе или менѣе важномъ, будучи предупрежденъ объ этомъ моими знакомыми, я рѣшилъ составить сначала черновую и потому досталъ изъ чемодана писчую бумагу, чернила и перья, которыхъ

не замѣтили при обыскѣ, такъ какъ жандармы осматривали вещи при одной сальной свѣчкѣ.

Выдумывать было трудно, и у меня ничего не выходило, а дать чистосердечное признаніе мнѣ не хотѣлось, чтобы не запутать многихъ такихъ, которые еще пользуются свободой, а за это меня назвали бы доносчикомъ и каждый избѣгалъ бы встрѣчи со мной. Тутъ я вспомнилъ всѣ наставленія, полученныя мною съ перваго дня въ острогѣ—не говорить, что въ шайку поступилъ добровольно, а, наоборотъ, говорить, что меня завлекли туда насильно, что служилъ простымъ солдатомъ, носилъ оружіе, повязанное шнурками, и съ радостью принялъ вѣрноподданническую присягу. Я рѣшилъ, что лучше всего сказать половину правды, разумѣется, невинной, а остальное дополнить воображеніемъ.

Началъ я съ воспитанія, какъ и на первомъ своемъ словесномъ показаніи, что же касается до самаго мятежа и моего поступленія въ партію, то, начиная съ первой строки и до послѣдней, все почти было мной вымышлено. Вооруженная шайка,— писалъ я,—на дорогѣ въ царство Польское схватила меня и заставила слѣдовать за собой. Какъ ни тяжело это было для меня, какъ ни велика была моя преданность законному правительству, но я ничего не могъ сдѣлать и долженъ былъ служить простымъ рядовымъ. Попытки бѣжать были неудачны. Спустя нѣкоторое время, я таки ушелъ изъ шайки, но боялся возвратиться домой и потому началъ ходить изъ деревни въ деревню, скрываясь у крестьянъ (я называлъ имена деревень и крестьянъ, чтобы отвлечь подозрѣніе отъ настоящихъ укрывателей). Когда же я рѣшилъ уже явиться къ властямъ, такъ какъ бродячая жизнь мнѣ надоѣла, какъ на зло пришла шайка Крисинскаго и забрала меня съ собой опять рядовымъ (это я добавилъ для приданія моему показанію характера искренности). Отсюда я также убѣжалъ предъ самымъ сраженіемъ, оставивъ имъ данное мнѣ вооруженіе, послѣ чего опять блуждалъ изъ деревни въ деревню, изъ лѣсу въ лѣсъ, пока не узналъ про манифестъ, прощающій тѣхъ изъ добровольно явившихся, которые не были жандармами-вѣшателями и вообще не играли видной роли въ мятежѣ. На этомъ основаніи я поспѣшилъ явиться, съ радостью далъ вѣрноподданническую присягу и не знаю, за что не только попалъ въ острогъ, но еще въ одиночную комнату.

Въ своемъ показаніи я назвалъ фамиліи Стасюкевича, Крисинскаго, какъ довудцевъ, которые не избѣгнули бы висѣлицы, если бы попались, убитаго Станишевскаго и Тыневскаго, про которыхъ сказалъ, что не знаю, гдѣ они теперь находятся, и вспомнилъ князя Мирскаго, которому везъ деньги для передачи моимъ родителямъ въ Дрезно, такъ какъ онъ ѣхалъ за границу. Вспомнилъ же я его потому, что мнѣ нужно было выдумать предлогъ

для поѣздки въ царство Польское, гдѣ меня шайка насильно забрала. Собственно говоря, денегъ я никакихъ не возилъ и князя Мирскаго видѣлъ первый разъ только послѣ моей добровольной явки въ городѣ Бялѣ.

Я кончилъ составлять мое показаніе уже при свѣчкѣ и съ апетитомъ съѣлъ гречневую кашу, такъ какъ сильно проголодался, и улегся спать.

Глубокая тишина ночи нарушалась только однообразными монотонными шагами часоваго, расхаживавшаго по корридору, и наводила какой-то безотчетный страхъ и тоску. Лица, образы, событія изъ недавняго прошлаго живо вставали предъ моими глазами и бросали меня въ холодный потъ. Я не могъ спать и для развлеченія началъ ловить и бить блохъ, которыхъ была такая масса, что у меня устала рука, и потому пришлось прибѣгнуть къ другому роду казни—чрезъ утопленіе въ мискѣ съ водой. Это занятіе отвлекло меня отъ мрачныхъ мыслей, и къ разсвѣту я уснулъ сладкимъ сномъ, который подкрѣпилъ меня для слѣдующаго дня. Ключникъ разбудилъ меня довольно рано. Напившись чаю, который приготовилъ ключникъ, нѣсколько задобренный мною, часовъ около 12, я, забравъ съ собою тетрадку, пошелъ въ коммиссію. Полковникъ встрѣтилъ меня съ своей обыкновенной привѣтливой улыбкой, попросилъ меня садиться и предложилъ папиросу. Пробѣжавъ наскоро поданное мною показаніе, онъ покачалъ головой.

— Я вѣдь просилъ васъ открыть свое прошедшее чистосердечно и откровенно, а вы написали здѣсь то, что сказалъ бы всякій рядовой, взятый изъ шайки, а вы были въ организаціи: объ этомъ у насъ есть положительныя свѣдѣнія.

Я рѣшилъ, что онъ хочетъ выпытать у меня правду и потому я крѣпко держался своего показанія, не отказываясь и не добавляя ни одного слова.

— Смотрите,—сказалъ полковникъ,—послѣ будете жалѣть. Сказали бы правду и были бы спокойны.

— Врядъ ли,— усомнился я.— Вѣдь по манифесту я долженъ быть свободенъ, а меня заперли, да еще въ одиночное заключеніе.

— Вы сами виноваты, такъ какъ не хотите быть откровеннымъ,—сказалъ полковникъ и началъ говорить съ кѣмъ-то другимъ.

Я отправился въ свою камеру. Мое одиночество угнетало меня больше всего. Мнѣ казалось, что я сойду съ ума, если еще хоть нѣсколько дней останусь здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, ни одного живаго слова, ни книгъ, ни газетъ, ровно никакой работы и вмѣстѣ съ тѣмъ масса времени, времени, котораго наполнить нечѣмъ.

Я попробовалъ заглянуть въ окно, поставилъ стулъ на столъ, влѣзъ и началъ смотрѣть, съ удовольствіемъ вдыхая въ себя свѣжій воздухъ. Но видъ свободной жизни дѣлалъ мое положеніе еще

болѣе несноснымъ, и я соскочилъ со стола. Я очень былъ радъ наступившей ночи, раздѣлся и бросился въ постель, но спать не могъ. Скоро ко мнѣ пришелъ полковникъ, убѣждавшій меня сознаться чистосердечно, обѣщая свободу. Мнѣ очень хотѣлось высказаться хоть кому нибудь, но я удержался и продолжалъ стоять на прежнемъ.

Онъ спрашивалъ меня, съ кѣмъ я былъ знакомъ въ Брестѣ, кто бывалъ у моего отца, не знаю ли я Гофмейстра и другихъ, фамиліи которыхъ я въ первый разъ слышалъ. На мои отрицательные отвѣты онъ почти не обращалъ вниманія.

Мнѣ сдѣлалось, наконецъ, досадно, и я сказалъ, что я не намѣренъ себя обвинять, для того только, чтобы доставить удовольствіе слѣдственной коммиссіи. Я не забывалъ коверкать фамиліи, о которыхъ спрашивалъ меня полковникъ, чтобы тѣмъ самымъ его еще больше убѣдить въ томъ, что я ихъ слышу въ первый разъ изъ его устъ.

Просидѣвъ у меня около часу, онъ пожелалъ мнѣ спокойной ночи и оставилъ меня одного.

XI.

Чтеніе «Исторіи православной церкви». — Вопросъ о раздѣленіи церквей. — Кириллъ и Меѳодій.—Pro и contra.—Брестская унія.—Газета «Голосъ».—Собственныя газеты.—«Конфитуры».—Мой переходъ въ «общую» камеру.—Чтеніе конфитуры.—Попытка образовать русскую партію.—Перемѣна мѣста заключенія.—Жизнь въ замкѣ. — Наблюденія надъ ксендзами.— Мысль принять православіе.

Такимъ образомъ прошла недѣля, и я все не видѣлъ конца своихъ страданій. Впрочемъ, я получилъ позволеніе пользоваться своимъ столомъ и чаемъ. Ключникъ сдѣлался болѣе разговорчивъ. Но скука не проходила. Я чувствовалъ, что, при всей моей привычкѣ, мнѣ недостаетъ умственнаго развлеченія, и я попросилъ ключника достать мнѣ какихъ нибудь книгъ. Вскорѣ онъ принесъ мнѣ какую-то старую русскую книгу безъ первыхъ страницъ и заглавія. Это была исторія православной церкви. Хотя книга была русская и православная, я ею очень заинтересовался.

Сначала я думалъ, что все, въ ней изложенное, большею частью выдумка схизматиковъ, написанная для того, чтобы оправдать себя предъ глазами Рима. Отъ нечего дѣлать я, однако, принялся читать и незамѣтно для самого себя очень увлекся.

Особенно заставилъ меня задуматься вопросъ о раздѣленіи церквей. Я началъ сравнивать читаемое мной теперь съ извѣстной мнѣ исторіей церкви западной и невольно началъ чувствовать, что правды больше на сторонѣ православія. Изложеніе всѣхъ фактовъ, предшествовавшихъ раздѣленію церквей, мнѣ показалось на

столько яснымъ, что предполагать здѣсь вымыселъ было невозможно, и у меня явился вопросъ, неужели православіе одно есть неискаженное ученіе Спасителя, а ученіе католической церкви въ такомъ случаѣ схизма.

Долго я думалъ надъ этимъ вопросомъ, но, къ сожалѣнію, никакого положительнаго отвѣта не нашелъ; это мучило меня чрезвычайно. Успокоившись немного, я принялся опять за чтеніе и остановился на Кириллѣ и Меѳодіи, просвѣтителяхъ славянъ. Здѣсь опять пришлось узнать мнѣ совершенно иное, чѣмъ то, что я читалъ въ своей исторіи церкви. Отсюда я въ первый разъ узналъ, что первая вѣра, которую приняли наши предки, была православная, что Литва, Украйна, Волынь, все это были сначала православныя и русскія земли, и только послѣ уже, подчинившись Польшѣ, перемѣнили свою религію, измѣнили національность. Такимъ образомъ, мнѣ приходилось теперь слушать pro и contra. До сихъ поръ я только зналъ одну сторону, и потому-то внутренняя борьба, неизбѣжно явившаяся, когда мнѣ сдѣлались извѣстными основанія противной стороны, была для меня такъ мучительна. Что, въ самомъ дѣлѣ, если край, въ которомъ я родился, за свободу котораго готовъ былъ пролить русскую кровь, окажется чистою Россіей? А Брестская унія? Тихая скорбь о заблудшихся чадахъ, полнѣйшее отсутствіе злобы противъ католиковъ, всепрощающій характеръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясность, съ которыми былъ изложенъ здѣсь этотъ темный въ исторіи католицизма вопросъ, невольно подкупали въ свою пользу; во всякомъ случаѣ, прочитанное мной, если не совершенно уничтожило все то, во что я вѣрилъ, ради чего готовъ былъ на какія угодно жертвы, то, по крайней мѣрѣ, сильно поколебало его авторитетъ.

Я былъ очень радъ, когда мои размышленія неожиданно были прерваны ключникомъ, который принесъ мнѣ двѣ маленькія книжечки, завернутыя въ газету «Голосъ».

Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что это творенія Поль-де-Кока, и рѣшилъ сейчасъ же прочесть, надѣясь, что они разгонятъ мои мучительныя сомнѣнія. «Голосъ», которымъ эти книжки были обвернуты, былъ одинъ изъ послѣднихъ номеровъ.

Вѣроятно, всѣмъ извѣстно, какимъ тономъ пѣлъ «Голосъ» въ шестидесятыхъ годахъ. Мнѣ тогда очень нравилось его направленіе. Помню, что, сколько разъ въ тюрьмѣ онъ мнѣ ни попадался, всегда возбуждалъ надежды на иностранное вмѣшательство въ польскія дѣла. Нужно знать, какъ мы читали русскія газеты. То, что намъ нравилось, было по вкусу, мы читали и дѣлали свои заключенія, а то, что въ газетѣ было направлено противъ насъ, считали простой маской, которую надѣвалъ редакторъ, чтобы скрыть истинное направленіе газеты отъ правительства. Изъ русскихъ газетъ мы больше всего читали и уважали «Голосъ», а всѣ другія

газеты считали односторонними, и уже по тому одному не заслуживающими вѣры и вниманія. Мы на нихъ не обращали никакого вниманія. Одинъ «Голосъ» переходилъ изъ рукъ въ руки и читался отъ доски до доски.

У насъ, впрочемъ, были свои собственныя газеты, носившія названіе «конфитуры». Это были маленькіе свиточки бумаги, на которыхъ мелкимъ почеркомъ писались разнаго рода извѣстія. Каждые три дня мы аккуратно ихъ получали. Когда я былъ переведенъ изъ одиночнаго заключенія въ общую камеру, то видѣлъ, какъ они читались вполголоса передъ собравшейся кучкой любопытныхъ.

Послѣ чтенія слѣдовали обыкновенно горячіе дебаты, такъ какъ среди насъ были такіе, которые не вѣрили этимъ извѣстіямъ и которыхъ поэтому мы считали отсталыми трусами.

Поль-де-Кокъ, однако, не разогналъ моихъ сомнѣній, и я не разъ среди чтенія задавалъ себѣ вопросъ, что если я русскій и всѣ мои дѣйствія до сегодняшняго дня были дѣйствіями измѣнника? Долго останавливаться на этомъ вопросѣ я не хотѣлъ, даже боялся и скоро, измученный пережитыми волненіями, заснулъ.

Утромъ пришли ко мнѣ старшій жандармъ съ ключникомъ и велѣли собираться какъ можно скорѣе.

— Куда?—удивленно спросилъ я.

— Въ общую,—коротко отвѣтилъ жандармъ.

Около одной изъ стѣнъ общей стояли нары, на которыхъ лежали арестанты. Здѣсь меня приняли старые товарищи по мятежу, и я опять могъ говорить, дѣлиться своими мыслями. Общество заставило меня на первыхъ порахъ даже забыть, что я, всетаки, въ тюрьмѣ, а не на свободѣ. Такъ былъ великъ контрастъ между одиночнымъ заключеніемъ и общей. Здѣсь жили, дѣлились новостями, обсуждали разнаго рода вопросы, нравственно поддерживали другъ друга, не то, что въ одиночномъ, гдѣ съ неразговорчивымъ ключникомъ только и можно было сказать нѣсколько самыхъ общихъ фразъ. Какъ я сказалъ уже, въ общей получались конфитуры. Однажды, около 6 часовъ вечера любопытная конфитура собрала насъ всѣхъ.

— «Не унывайте, братья,—говорилось въ ней,—англійскіе и французскіе флоты подплыли подъ Керчь и впродолженіе двухчасоваго боя Керчь взята союзниками». Въ первый разъ я не могъ допустить такой нахальной лжи и думалъ, что ослышался. Поэтому взялъ конфитуру отъ читавшаго, чтобы самому собственными глазами убѣдиться. Но въ конфитурѣ было дѣйствительно такое извѣстіе. Такая низкая уловка опять привела меня къ размышленіямъ, возникшимъ въ одиночномъ заключеніи, и все болѣе и болѣе я начиналъ вѣрить въ правдивость другой стороны. Я думалъ, что, какъ сочинено безъ всякаго стыда извѣстіе о взятіи Керчи,

также точно могли быть выдуманы и тѣ основанія для мятежа, которыя проповѣдывались съ церковныхъ каѳедръ и приводились въ прокламаціяхъ.

Послѣ всего этого я чувствовалъ себя чужимъ въ этой средѣ ярыхъ патріотовъ и перешелъ на сторону болѣе умѣренныхъ, бѣлой партіи. Но и здѣсь было почти то же, и я былъ не менѣе чужимъ, чѣмъ въ партіи красныхъ. Поэтому мнѣ пришла въ голову мысль составить собственную партію, какой еще между здѣшними поляками не существовало, именно русскую. Я началъ зондировать арестантовъ, увлеченныхъ подобно мнѣ. Между ними я сталъ искать друзей, которые бы могли меня понять. Но сдѣлать этого мнѣ не удалось.

Въ это время прибылъ изъ Вильны полковникъ Бушенъ ревизовать тюрьму. Послѣ этого меня и еще нѣкоторыхъ перевели въ замокъ, называвшійся такъ потому, что въ немъ когда-то жилъ польскій король Стефанъ Баторій, а впослѣдствіи и Понятовскій, послѣдній польскій король. Изъ этого замка обыкновенно освобождали или высылали. Поэтому я видѣлъ, что развязка приближается, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что̀ со мной будетъ.

Перемѣнивъ мѣсто, я, однако, не избавился отъ чуждой мнѣ среды, которая окружала меня въ тюрьмѣ.

Каждый изъ арестованныхъ, какъ бы ни былъ виноватъ, все-же надѣялся на благополучный исходъ, и ни одинъ не признавалъ себя виноватымъ. Однажды, когда я высказался передъ товарищами, что я виновенъ, но не понимаю, съ какой стати меня арестовали, когда я подошелъ подъ высочайшій манифестъ, то увидѣлъ на ихъ лицахъ удивленіе и состраданіе. Надежда на возстановленіе Польши въ нихъ была еще такъ сильна, что когда ихъ высылали и переодѣвали, они все еще не вѣрили въ дѣйствительность и говорили, что недѣли черезъ двѣ Польша возьметъ верхъ, и ихъ, какъ вѣрныхъ сыновъ ея, возвратятъ съ дороги.

Внутренняя жизнь наша въ замкѣ хотя не была особенно весела, но не была и скучна. Мы пользовались тамъ большою свободою. Нельзя было только выходить за предѣлы замка. Намъ давали, кромѣ того, книги, журналы и поручали разныя работы. По вечерамъ мы собирались въ кучки и пѣли разныя польско-патріотическія пѣсни, которыя, однако, не могли уже заглушить сомнѣній, поднявшихся въ моей душѣ. Наблюденія надъ ксендзами, которыхъ было среди насъ довольно, удалили меня еще больше отъ прежнихъ идеаловъ. Каждаго изъ нихъ навѣщали любовницы, съ которыми они прятались отъ глазъ товарищей. Они не входили съ ними въ пріемную залу, но отыскали темную комнату подъ лѣстницей и тамъ долго оставались tête-à-tête. Многіе изъ нихъ до того забывались, что отправлялись въ ссылку съ своими содержанками, не обращая никакого вниманія на общественное мнѣніе,

а напротивъ смѣялись надъ нимъ. Въ высшей степени скупые и эгоистичные, они и здѣсь не переставали собирать простой народъ и проповѣдывать, чтобы онъ не щадилъ никого и ничего для ойчизны, что, спасая отечество, онъ служитъ церкви и потому получитъ блаженство въ будущей жизни. Меня возмущалъ такой разладъ между словомъ и дѣломъ, и я разъ высказалъ это ксендзу.

— Не надо дѣлать того, — сказалъ онъ мнѣ, — что дѣлаетъ ксендзъ, а то, что онъ говоритъ.—Здѣсь припомнилось мнѣ мое дѣтство и вся моя жизнь, прошедшая подъ руководствомъ ксендзовъ, начиная съ Шимкевича и кончая ксендзами, стоявшими во главѣ демонстрацій, мятежа и шаекъ съ крестомъ въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой. Я увидѣлъ всю ложь моихъ понятій, внушенныхъ убѣжденными рѣчами неубѣжденныхъ людей, мало того, людей безнравственныхъ, эгоистичныхъ. Для меня теперь было ясно, что мятежъ былъ поднятъ небольшою кучкой людей назвавшей себя народомъ польскимъ, и ксендзами, что настоящій, народъ никогда не сочувствовалъ этому и, если иногда принималъ участіе, то или благодаря ксендзамъ, или же благодаря паникѣ, наведенной жандармами-вѣшателями, среди которыхъ, впрочемъ, нерѣдко попадались и служители алтаря.

Меня какъ будто что-то оттолкнуло отъ моего прошедшаго, отъ среды, въ которой я находился. Мнѣ захотѣлось свободы, чтобы дальнѣйшимъ поведеніемъ искупить преступленія, которыхъ невольнымъ виновникомъ былъ я. Съ этой минуты я не могъ хладнокровно смотрѣть ни на ксендзовъ, ни даже на товарищей заключенія, увлекавшихся прежними идеалами, потому что все это напоминало мнѣ мое прошлое и заставляло краснѣть за себя. Тогда впервые мелькнула у меня мысль принять православіе, представлявшее собой, по моему убѣжденію, единственное неискаженное ученіе Христа, которое притомъ же исповѣдывалъ простой народъ, а раньше и мои предки. Мысль эта крѣпла во мнѣ все больше и больше, и я началъ часто говорить съ крестьянами, стараясь, на сколько могъ, разсѣять туманъ, напущенный ксендзами.

XII.

Переходъ въ прежнюю тюрьму.—Нежданные враги.—Освобожденіе.—Стремленіе осуществить свой планъ.—Противодѣйствіе отца.—Моя тетка графиня Красицкая.—Послѣдняя попытка поколебать меня.—Торжественное присоединеніе къ православію.—Моя государственная служба.— Выходка поляковъ-чиновниковъ.—Отставка.

Вскорѣ насъ перевели опять въ тюрьму, гдѣ я встрѣтилъ одного изъ ревностныхъ защитниковъ ойчизны—Гофмейстера, два раза бывшаго въ каторгѣ. Отъ такого опытнаго и лучше другихъ знав-

шаго дѣла Польши человѣка мнѣ пришлось услышать мнѣніе, сильно врѣзавшееся мнѣ въ памяти: «не полякамъ возстановлять и имѣть ойчизну».

Въ это время я узналъ, что прибыли изъ Бреста нѣкіе Верцинскій и Левицкій, чтобы показывать противъ меня въ слѣдственной коммиссіи. Что я ни дѣлалъ для того, чтобы склонить ихъ на свою сторону, ничего не помогло.

Верцинскій безпощадно обличалъ меня на очныхъ ставкахъ, и я спасся, только благодаря Левицкому, который принялъ мою сторону и доказалъ коммиссіи, что я никогда не былъ, какъ говорилъ Верцинскій, офицеромъ и начальникомъ штаба, а былъ простымъ рядовымъ. Послѣ этого я ждалъ скораго рѣшенія своей участи. Наконецъ, 13-го апрѣля 1865 года, вошелъ комендантъ города и объявилъ мнѣ, что я свободенъ. Я былъ пораженъ неожиданной новостью. Мнѣ хотѣлось отъ радости цѣловать коменданта, товарищей, служителей. Быстро собралъ я свои вещи и буквально выбѣжалъ изъ мѣста, гдѣ провелъ чуть ли не одиннадцать мѣсяцевъ. На первыхъ порахъ я остановился въ гостинницѣ.

Не долго, впрочемъ, я наслаждался свободой, такъ какъ заболѣлъ и нѣсколько дней не могъ выйдти изъ комнаты. Въ это время все, передуманное мною въ тюрьмѣ, опять встало передо мной, и я далъ обѣтъ быть вполнѣ русскимъ. Между тѣмъ, въ польскихъ домахъ принимали меня, какъ мученика за ойчизну, приглашали на вечера и обѣды, такъ что я даже не замѣтилъ, какъ пробѣжали 5 мѣсяцевъ, и я очутился дома въ средѣ родныхъ, которыхъ не видѣлъ столько времени.

Послѣ первыхъ радостныхъ минутъ свиданія отецъ началъ говорить о безсмысленности мятежа и упрекалъ меня за то, что я принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Я, съ своей стороны, оправдывался тѣмъ, что здѣсь виноватъ не я, а виновато воспитаніе, закрывшее мнѣ глаза на очень многое, что въ данномъ случаѣ я ни больше ни меньше, какъ жертва ксендза Шимкевича, сдѣлавшаго изъ меня постепенно орудіе мятежа. Отецъ сначала пробовалъ возражать противъ этого, но, видя справедливость моихъ словъ, скоро замолчалъ. Вскорѣ я началъ обдумывать, какъ бы мнѣ принять православіе. Я зналъ, что, если я сдѣлаю это, то родители проклянутъ меня и бросятъ на произволъ судьбы. Нужно было, значитъ, заблаговременно обезпечить себя чѣмъ нибудь, но до поры до времени я тщательно скрывалъ свое намѣреніе и даже старался казаться патріотомъ. Вскорѣ я началъ просить отца отдать мнѣ одно изъ своихъ имѣній въ аренду. Послѣ усиленныхъ просьбъ, наконецъ, мнѣ было отдано одно изъ имѣній Черне, но не въ аренду, а просто для управленія. Въ качествѣ управляющаго я долженъ былъ дѣлать только то, что приказывалъ отецъ, доходы съ имѣнія отдавать отцу; жалованья я не получалъ никакого. Это

не согласно было съ моими планами. Нужно было выдумать что нибудь другое. Я поѣхалъ въ Гродно съ цѣлью найдти тамъ какое нибудь частное мѣсто у русскихъ, но мнѣ вездѣ отвѣчали, что поляковъ не принимаютъ, и я отправился обратно домой съ твердымъ намѣреніемъ добиться какой нибудь самостоятельности, чтобы привести въ исполненіе свои планы. Всѣ мои старанія не привели ни къ какимъ результатамъ, и я, рѣшивъ, что дольше скрывать нечего, объявилъ обо всемъ отцу и въ тотъ же день выѣхалъ изъ дому, чтобы избавиться отъ упрековъ и на свободѣ еще разъ обдумать рѣшительный шагъ. Но, сколько я ни думалъ, всегда приходилъ къ одному и тому же выводу, что я долженъ принять православіе, которому измѣнили когда-то мои предки, забывшіе теперь свою родную вѣру и національность.

Между тѣмъ отецъ мой началъ дѣйствовать, желая возвратить меня, потеряннаго для польщизны сына. Онъ началъ съ того, что распустилъ компрометирующіе меня слухи, чтобы замарать мое имя; когда же это ни къ чему не привело, онъ подалъ жалобу полицеймейстру, что я укралъ у него серебро и деньги, съ которыми и живу въ городѣ, и просилъ доставить меня съ казаками къ нему на домъ. Полицеймейстеръ Шульгинъ немедленно явился ко мнѣ на квартиру, но, видя, что ничего не можетъ сдѣлать, оставилъ меня. Я обратился къ воинскому начальнику, который принялъ во мнѣ участіе. По моей просьбѣ, отца вызвали въ полицію, гдѣ я хотѣлъ оправдаться отъ взведенныхъ на меня преступленій. Мнѣ оправдываться не пришлось, потому что отецъ самъ свалилъ вину на какого-то лакея. Убѣдившись, что такой образъ дѣйствія его не приведетъ ни къ какимъ хорошимъ результатамъ, онъ прислалъ ко мнѣ двоюроднаго моего брата и своего повѣреннаго, которые убѣждали меня бросить мое намѣреніе, соглашались на какія угодно условія, лишь бы только я возвратился домой, но было уже поздно.

Въ это время у насъ случилась перемѣна исправниковъ. Вновь назначенный исправникъ не могъ такъ скоро пріѣхать и временно исполнялъ его должность исправникъ С. Ѳ. Попроцкій. Въ польскихъ кружкахъ о немъ отзывались не хорошо, и на этомъ основаніи я заключилъ, что это, должно быть, честный, русскій человѣкъ и поспѣшилъ съ нимъ познакомиться. Раньше еще я познакомился съ бывшимъ протоіереемъ Черновицкаго прихода, священникомъ Симеономъ Пашкевичемъ. Отецъ Симеонъ, бывшій уніатскій священникъ, много содѣйствовалъ возсоединенію уніатовъ и былъ искреннимъ русскимъ патріотомъ. Бесѣды съ нимъ и книги, которыми онъ ссужалъ меня, все больше и больше убѣждали меня въ святости и справедливости моихъ намѣреній, такъ что новыя попытки родителей удержать меня отъ этого шага были безуспѣшны.

Въ это время пріѣхала съ Волыни моя тетка, графиня Красицкая, на которую мои родители возлагали большія надежды. Они

хотѣли, чтобы я поговорилъ съ ней. Чувствуя себя твердымъ и непоколебимымъ въ своемъ намѣреніи, я отправился къ ней, чтобы окончательно ихъ разувѣрить въ возможности возврата.

Она мнѣ предлагала свое имѣніе на Волыни, говорила о красивой, богатой невѣстѣ, на которой я могу жениться, однимъ словомъ всѣми силами старалась отклонить меня отъ исполненія моего намѣренія. Когда же я положительно отказался исполнить ея просьбу, она назвала меня сумасшедшимъ и измѣнникомъ. Такимъ образомъ послѣдняя надежда рушилась.

Я написалъ къ гродненскому губернатору Скворцову о моемъ желаніи. Тотъ прислалъ запросы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ пунктовъ; одинъ изъ этихъ пунктовъ еще на нѣкоторое время затормозилъ дѣло. Губернаторъ спрашивалъ, не въ ссорѣ ли я съ родителями и не состою ли я подъ надзоромъ полиціи. Поэтому я написалъ письмо о моемъ истинномъ желаніи присоединиться къ православной церкви къ начальнику края графу Баранову и, не дожидаясь отвѣта, началъ приготовляться къ торжественному принятію покинутой предками вѣры. Будучи сыномъ богатыхъ и вліятельныхъ въ уѣздѣ родителей, а также зная, что до сихъ поръ не было подобнаго примѣра между панами Гродненской губерніи, я желалъ присоединиться торжественно, въ присутствіи всѣхъ помѣщиковъ уѣзда. Съ этой цѣлью полицейское управленіе разослало объявленія не только крестьянамъ, преимущественно тѣхъ деревень, которыя принадлежали моему отцу, но и всѣмъ помѣщикамъ, чтобы на второй день Святой недѣли собрались всѣ въ Черновицкую приходскую церковь для присутствованія при принятіи православія дворяниномъ Юліемъ Ягминымъ.

Назначенный день настал, и я съ Семеномъ Ѳедоровичемъ Попроцкимъ на перекладныхъ отправился въ сказанную церковь, гдѣ отецъ Симеонъ дожидался насъ съ обѣдней. Свидѣтелями были Попроцкій и принявшій православіе ксендзъ Бернацкій. Изъ помѣщиковъ не явился ни одинъ, но зато крестьянъ была такая масса, что церковь не могла вмѣстить и половины.

Послѣ крещенія, въ которомъ я названъ былъ Александромъ, всѣ радостно бросились меня поздравлять, называли своимъ. На другой день я возвратился въ Брестъ, гдѣ никто ни слова не говорилъ обо мнѣ. Фактъ принятія мной православія рѣшили, значитъ, замолчать. Родители мои сейчасъ же уѣхали въ Вильно, гдѣ распустили слухъ, что я принялъ православіе единственно потому, что я захотѣлъ жениться на какой-то распутной православной женщинѣ. Я отправился въ Вильно, гдѣ всѣ были убѣждены, что я женатъ. Съ такимъ фанатизмомъ пришлось мнѣ, и пришлось бы всякому, бороться, кто только пожелалъ бы принять православіе.

Въ Вильнѣ, спустя нѣкоторое время, я получилъ мѣсто въ ковенскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, но

послѣ двухъ мѣсяцевъ службы я вышелъ въ отставку по слѣдующему случаю. Ковенское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе состояло изъ пяти членовъ. Изъ нихъ было 4 русскихъ, а пятый полякъ. Всю остальную канцелярію, кромѣ секретаря, не знаю какими судьбами, составляли поляки. Имъ не надо было много, чтобы узнать про меня, кто я такой, наконецъ, я и самъ не скрывалъ, что я принялъ православіе. Кромѣ того, я требовалъ, чтобы говорили порусски и не принимали въ канцелярію постороннихъ лицъ, такъ какъ это запрещено.

На мои замѣчанія они не только не обращали никакого вниманія, но, напротивъ того, смѣялись надъ ними. Они не ограничились однѣми насмѣшками и пошли дальше.

На четвертой недѣлѣ поста я говѣлъ. Пріобщившись, я зашелъ въ канцелярію и, посидѣвъ тамъ часа два, собрался уходить, но только что я надѣлъ шляпу, какъ изъ нея посыпалась на меня масса сажи. Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и пожаловался членамъ. Тѣ заставили одного изъ писцовъ, устроившаго эту штуку, извиниться передо мной; я простилъ ему его мальчишескую выходку, но служить ужъ здѣсь я больше не могъ и подалъ въ отставку.

А. Ягминъ.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

(1759—1796 гг.).

ИМПЕРАТРИЦА Марія Ѳеодоровна, несомнѣнно, самая популярная изъ русскихъ государынь, не бывшихъ самодержавными. Этою популярностью она обязана не политической своей дѣятельности, хотя, какъ невѣстка Екатерины II, супруга Павла I и мать двухъ императоровъ, царствовавшихъ послѣдовательно одинъ за другимъ, она, по самому своему положенію, не могла не оказывать вліянія на ходъ политическихъ событій; ея имя тѣсно связано съ исторіей женскаго образованія въ Россіи, а также съ исторіей благотворительности вообще и призрѣнія незаконнорожденныхъ, или, по ея любимому выраженію, несчастнорожденныхъ дѣтей, въ особенности. Созданныя или преобразованныя ею воспитательныя и благотворительныя учрежденія образовали собою цѣлое вѣдомство, и до сихъ поръ носящее ея имя—вѣдомство учрежденій императрицы Маріи. Въ настоящее время легко, конечно, указать на недостатки въ ея воспитательно-благотворительной дѣятельности, особенно въ отношеніи женскаго образованія, на узость ея педагогическихъ и соціально-политическихъ воззрѣній; но современное ей образованное общество, даже въ лицѣ его лучшихъ представителей, не замѣчало этихъ недостатковъ, такъ какъ само стояло на уровнѣ ея идеаловъ и только восторгалось ея дѣятельностью. По мнѣнію, напримѣръ, Карамзина, Марія Ѳеодоровна была бы лучшимъ министромъ просвѣщенія въ Россіи. Если Екатерина II, по словамъ поэта, въ

скромной долѣ и не на царскомъ бы престолѣ, была-бъ великою женой, то относительно Маріи Ѳеодоровны можно сказать, что и на престолѣ она сохранила черты скромной женщины, какъ бы созданной для тихой семейной жизни и хозяйственныхъ занятій. Это была любящая дочь, сестра, жена, нѣжная мать и хорошая хозяйка (такою «хозяйкой» является она и въ своей широкой филантропической дѣятельности). Она вызывала единодушныя похвалы своихъ современниковъ кроткимъ характеромъ, «чувствительностію», семейными добродѣтелями и филантропіей.

До сихъ поръ у насъ не было полной біографіи Маріи Ѳеодоровны, и мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ почтенный трудъ г. Шумигорскаго, восполняющій, наконецъ, этотъ существенный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ [1]). По намѣченному авторомъ плану, его сочиненіе будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Вышедшій теперь первый томъ содержитъ въ себѣ разсказъ о жизни Маріи Ѳеодоровны до восшествія на престолъ Павла I и имѣетъ цѣлью «выяснить тѣ условія, при которыхъ создавалась ея нравственная личность въ періодъ времени, предшествовавшій ея самостоятельной политической и благотворительной дѣятельности». Слѣдующіе три тома авторъ намѣренъ посвятить изложенію этой дѣятельности въ связи съ исторіей учрежденій вѣдомства императрицы Маріи и культурнымъ состояніемъ современнаго ей русскаго общества. Задача, поставленная себѣ г. Шумигорскимъ, потребовала отъ него не только тщательнаго изученія печатныхъ матеріаловъ, но и множества рукописныхъ документовъ, хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ, русскихъ и иностранныхъ архивахъ. И онъ прекрасно выполнилъ эту задачу: первый томъ его труда даетъ обильный фактическій матеріалъ для знакомства съ жизнью Маріи Ѳеодоровны, какъ до ея замужества, такъ и особенно по вступленіи ея въ бракъ съ наслѣдникомъ русскаго престола. Этотъ томъ можно поставить на ряду съ извѣстнымъ сочиненіемъ Д. Ѳ. Кобеко «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», по отношенію къ которому онъ является какъ бы дополненіемъ. Пользуясь этимъ матеріаломъ, мы обратимъ вниманіе читателей на главные моменты въ жизни Маріи Ѳеодоровны, какъ великой княгини.

---

[1]) Е. С. Шумигорскій. Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828 гг.). Ея біографія. Томъ первый. С.-Петербургъ, 1892 г. Вошедшія въ этотъ томъ главы появились первоначально въ «Русскомъ Архивѣ» 1889—1892 гг. и напечатаны теперь съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями.

I.

Софія-Доротея-Августа-Луиза, впослѣдствіи русская императрица Марія Өеодоровна, родилась въ Штеттинѣ, 14-го октября 1759 года. Ея мать Фредерика-Софія, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго, приходилась родной племянницей Фридриху Великому, а отецъ, Фридрихъ-Евгеній, былъ третьимъ сыномъ владѣтельнаго герцога виртембергскаго Карла-Александра. Подъ старость Фридрихъ-Евгеній также сдѣлался владѣтельнымъ герцогомъ виртембергскимъ, а въ то время онъ состоялъ въ прусской службѣ (губернаторомъ прусской Помераніи и города Штеттина) и страдалъ отъ раны въ ногу, полученной въ «преславной баталіи» при Кунерсдорфѣ 1-го августа 1759 года. Такимъ образомъ, — говоритъ г. Шумигорскій,—самое начало жизни новорожденной Софіи-Доротеи было тѣсно связано съ именемъ Россіи и русскихъ. Слѣдовавшіе затѣмъ плѣненіе ея отца страшными для нѣмцевъ казаками, захватъ Берлина и завоеваніе Помераніи русскими войсками, отъ которыхъ семья принца могла спастись временно только въ Штеттинѣ, вмѣстѣ съ дрожавшими отъ ужаса обывателями его,—вотъ событія, среди которыхъ протекло младенчество Софіи-Доротеи. Они прославили грозное для пруссаковъ русское имя и, конечно, навсегда должны были остаться памятными для семьи штеттинскаго губернатора и быть предметомъ постоянныхъ толковъ въ ея средѣ. Но вмѣстѣ съ разсказами о страшныхъ русскихъ войскахъ, о необычайной обширности и величіи мало еще вѣдомой въ Европѣ имперіи, подроставшая принцесса не могла, конечно, не слышать и разсказовъ о томъ, что этой необъятной имперіей правитъ теперь государыня, судьба которой 30 лѣтъ тому назадъ была поразительно сходна съ настоящимъ положеніемъ самой маленькой Софіи-Доротеи: она тоже родилась въ Штеттинѣ, тоже была дочерью штеттинскаго прусскаго губернатора и мелкаго германскаго князя и тоже называлась Софіей. Сколько пожеланій и сколько, быть можетъ, тайныхъ надеждъ зарождалось въ то время въ семейномъ кругу виртембергской фамиліи при этомъ дѣйствительно замѣчательномъ совпаденіи, когда въ Штеттинѣ еще были, безъ сомнѣнія, люди, помнившіе Екатерину маленькой дѣвочкой и охотно дѣлившіеся о ней своими воспоминаніями. Суевѣрные люди, которыхъ въ XVIII вѣкѣ было не мало, даже среди образованныхъ людей, могли выводить самыя блестящія заключенія и о будущей участи Софіи-Доротеи. Сама Екатерина II не безъ теплаго чувства относилась къ существу, которое своею жизнью какъ бы воспроизводило ея дѣтство.

По окончаніи Семилѣтней войны, семья принца Фридриха-Евгенія поселилась въ Трептовѣ, недалеко отъ Штеттина, и зажила

здѣсь въ строгомъ уединеніи, изрѣдка прерываемомъ поѣздками въ Берлинъ и въ Шведтъ, для свиданія съ родными. Главное вниманіе принца и его жены было обращено на воспитаніе дѣтей. Кромѣ принцессы Софіи-Доротеи, у нихъ было въ то время еще пять сыновей, изъ которыхъ трое: Фридрихъ-Вильгельмъ, Людвигъ-Евгеній и Евгеній-Фридрихъ были старше сестры, а двое: Вильгельмъ и Фердинандъ младше. Въ Европѣ въ это время широко распространялись новыя педагогическія идеи, главнымъ провозвѣстникомъ которыхъ явился Руссо. Идеи Руссо не прошли безслѣдно и для воспитанія нашей будущей императрицы. Ея мать была жаркой поклонницей женевскаго философа, хотя понимала его ученіе крайне узко и односторонне, особенно увлекаясь сердечнымъ призывомъ Руссо къ «добродѣтели» и любви къ природѣ. «Съ какой глубокой сердечностью,—говоритъ Геттнеръ,—умѣетъ Руссо изображать сладкія прелести тихой счастливой жизни, тѣ сладкія заботы о домѣ и дѣтяхъ, о садѣ и полѣ, которыя даже и не заботы, потому что въ нихъ самихъ заключено уже, какъ вознагражденіе, чувство сердечнаго довольства!». Эта-то сторона въ сочиненіяхъ Руссо и пришлась всего болѣе по душѣ Фредерикѣ-Доротеѣ, и въ этомъ именно смыслѣ «Эмиль» сдѣлался для нея «естестественнымъ евангеліемъ воспитанія», какъ называлъ его Гёте. Въ домашнемъ быту принца господствовали строгій порядокъ и экономія, столь рѣзко отличавшіе родителей Маріи Ѳеодоровны отъ другихъ мелкихъ германскихъ князей, копировавшихъ, въ устройствѣ своихъ дворовъ, Версаль. Вся семья жила чрезвычайно дружно, отношенія между ея членами были всегда самыя ласковыя и теплыя. Все это, образуя дѣтскія впечатлѣнія малолѣтней принцессы Софіи-Доротеи, опредѣляло развитіе добрыхъ свойствъ ея характера; а жизнь среди садовъ и цвѣтниковъ, столь любимыхъ ея матерью, внушала ей съ дѣтства любовь къ природѣ и надѣлила ее крѣпкимъ здоровьемъ.

Къ сожалѣнію, о воспитаніи ея сохранилось очень мало данныхъ, между которыми видное мѣсто принадлежитъ письмамъ, писаннымъ ею къ отцу и матери въ концѣ 1768 и началѣ 1769 годовъ. Въ то время родители ея готовились переселиться въ Монбельяръ, виртембергское владѣніе во французскихъ предѣлахъ, и для этой цѣли должны были ѣздить въ Штутгартъ и Берлинъ. Девятилѣтняя принцесса еженедѣльно писала своимъ родителямъ, давая имъ отчетъ о домѣ и о своихъ занятіяхъ. Въ этихъ письмахъ уже проявляются основныя черты ея характера: нѣжная любовь къ родителямъ, братьямъ и вообще ко всѣмъ окружающимъ, мягкость и «чувствительность», а также любовь къ порядку и аккуратности. Здѣсь уже наивно сказывается будущая экономная хозяйка: такъ, намѣреваясь подарить прислугѣ свое платье, она мотивируетъ свое рѣшеніе тѣмъ, что оно сдѣлалось коротко, или такъ износилось,

Великая княгиня Марія Θеодоровна.

что она сама уже не можетъ его болѣе употреблять. Вообще, это былъ кроткій, послушный ребенокъ, переписывавшій въ книгу наставленія своей гувернантки, «чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ».

Въ 1769 году принцъ Фридрихъ-Евгеній былъ назначенъ намѣстникомъ въ Монбельяръ, гдѣ его ожидало болѣе обезпеченное и независимое положеніе, чѣмъ на прусской службѣ. Принцесса Софія-Доротея изъ холоднаго, равниннаго и скучнаго померанскаго мѣстечка переселилась въ живописный промышленный городъ съ теплымъ, пріятнымъ климатомъ и прекрасной растительностью. Почти постояннымъ жилищемъ княжеской семьи былъ здѣсь дворецъ, построенный въ окрестностяхъ Монбельяра, близь деревни Этюпъ, и окруженный огромными и роскошными садами. Такая обстановка особенно способствовала развитію въ ней любви къ природѣ, вмѣстѣ съ чувствительностью и мечтательностью.

Ученіе Софіи-Доротеи, при ея хорошихъ способностяхъ, шло очень успѣшно, хотя отличалось обычною рутиной, сухостью, механическимъ усвоеніемъ фактовъ. При всѣхъ недостаткахъ этого образованія для будущей русской государыни, его педантизмѣ и дидактическомъ направленіи въ изложеніи нѣкоторыхъ отраслей знаній, оно, по мнѣнію нашего автора, дало принцессѣ тотъ образовательный остовъ, который постоянно пополнялся чтеніемъ литературныхъ произведеній и живой бесѣдою съ умными людьми. Эта живая струя знаній оживляла умственный міръ принцессы и не давала ей остановиться на сухомъ запасѣ знаній, вынесенныхъ ею изъ учебныхъ занятій. Умственный міръ ея не ограничивался занятіями, сообщенными ей въ юности; внимательное серьезное чтеніе было постоянною потребностью принцессы и сдѣлало ее одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Нельзя, однако, не замѣтить, что недостатки первоначальнаго образованія глубоко отразились и на дальнѣйшемъ духовномъ развитіи Маріи Ѳеодоровны: благодаря своему воспитанію, она никогда не понимала философіи своего времени, не возвышалась надъ традиціонными воззрѣніями своей среды и не была въ состояніи понять освободительнаго движенія эпохи.

Извѣстно, что Екатерина II, будучи великой княгиней и находясь въ условіяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, въ которыя была поставлена впослѣдствіи Марія Ѳеодоровна, почти все свое время отдавала чтенію классическихъ произведеній современной ей литературы, знакомству съ философіей вѣка. Марія Ѳеодоровна также посвящаетъ часть своего времени чтенію, но она при этомъ «благоразумно выбираетъ книги», т. е. избѣгаетъ знакомства съ современной философіей, такъ какъ видитъ въ ней выраженіе антирелигіозныхъ и безнравственныхъ началъ. Впрочемъ, мы должны указать здѣсь на нѣкоторую неполноту въ изслѣдованіи г. Шуми-

горскаго: онъ почти ничего не говоритъ о содержаніи прочитанныхъ ею книгъ и о томъ, какъ это чтеніе отразилось на складѣ ея понятій. Между тѣмъ сдѣлать это было тѣмъ удобнѣе, что привычка Маріи Θеодоровны «дѣлать выписки изъ прочитанныхъ сочиненій оставила свои слѣды въ богатомъ собраніи ихъ въ архивѣ Павловскаго дворца». По нашему мнѣнію, біографъ недостаточно выяснилъ внутренній образъ Маріи Θеодоровны, строй ея понятій и отношеніе ея міровоззрѣнія къ господствовавшимъ въ то время умственнымъ теченіямъ, ограничившись общими указаніями на то, что она не интересовалась раціоналистическими и мистическими сочиненіями XVIII вѣка.

II.

Въ 1775 г. принцессѣ Софіи-Доротеѣ исполнилось 16 лѣтъ. По отзыву одной изъ ея современницъ, она въ то время была «хороша, какъ божій день, высокаго роста, стройная, она соединяла съ тонкими правильными чертами лица благородный и величественный видъ. Она рождена была для короны». И не смотря на то, что за нею не было приданнаго, ей уже тогда представлялась вполнѣ приличная, по мнѣнію родителей, партія; она была помолвлена съ Людвигомъ, наслѣднымъ принцемъ гессенъ-дармштадтскимъ, роднымъ братомъ первой супруги Павла Петровича. Когда вопросъ о свадьбѣ былъ уже рѣшенъ, въ Россіи произошло событіе, давшее дѣлу неожиданный оборотъ: 15-го сентября 1776 года умерла великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга Павла Петровича.

Екатерина, уже давно обратившая вниманіе на принцессу Софію-Доротею и только вслѣдствіе ея молодости и происковъ Фридриха II не остановившая на ней своего выбора при первой женитьбѣ сына, въ тотъ же день рѣшила женить на ней овдовѣвшаго цесаревича. 18-го апрѣля она писала г-жѣ Бьельке:

«Я сомнѣваюсь, чтобы онъ (принцъ Людвигъ) женился на принцессѣ виртембергской, не смотря на то, что они уже помолвлены; онъ совсѣмъ не стоитъ ея. Его высочество — это такая скотина (pecore), какихъ никогда не бывало». Вскорѣ было получено чрезъ Фридриха II согласіе принца «уступить свою невѣсту». Фридрихъ же, расчитывавшій на этотъ бракъ, какъ на средство для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, принялъ на себя все, что касалось согласія родителей принцессы и другихъ различныхъ распоряженій, возникавшихъ по этому поводу. Назначено было свиданіе жениха съ невѣстой въ Берлинѣ, куда Павелъ Петровичъ прибылъ 10-го іюля 1776 г. къ ожидавшей его невѣстѣ.

«Я нашелъ свою невѣсту,—писалъ Павелъ Екатеринѣ на другой день послѣ первой встрѣчи съ Софіей-Доротеей,—такову, ка-

кову только желать мысленно себѣ могъ: недурна собой, велика, стройна, незастѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно, и уже извѣстенъ я, что если она сдѣлала дѣйство въ сердцѣ моемъ, то не безъ чувствъ и она съ своей стороны осталась». Дальнѣйшее знакомство укрѣпило это настроеніе цесаревича, и 12-го іюля состоялся сговоръ. Извѣщая объ этомъ Екатерину, Павелъ послѣ восторженныхъ похвалъ внѣшнимъ качествамъ своей невѣсты говоритъ: «что же касается до сердца ея, то имѣетъ она его весьма чувствительное и нѣжное, что я видѣлъ изъ разныхъ сценъ между родными и ею. Не пропускаетъ она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ея къ вашему величеству. Знанія наполнена, и что меня вчера весьма удивило, такъ разговоръ ея со мною о геометріи, отзываясь, что сія наука потребна, чтобы пріучиться разсуждать основательно. Весьма проста въ обращеніи, любитъ быть дома и упражняться чтеніемъ и музыкою, жадничаетъ учиться порусски, зная, сколь сіе нужно и помня примѣръ предмѣстницы ея (первая супруга Павла очень лѣниво училась русскому языку, что̀ вызывало неудовольствіе Екатерины)... Не могу описать ни невѣсты своей, ни удовольствія своего». Не менѣе счастлива была и Софія-Доротея. «Я довольна,—писала она своей пріятельницѣ, г-жѣ Оберкирхъ,—даже болѣе, чѣмъ довольна; я никогда не могла бы быть довольнѣе; великій князь чрезвычайно милъ и обладаетъ всѣми качествами. Льщу себя надеждой, что очень любима своимъ женихомъ; это дѣлаетъ меня очень и очень счастливой».

25-го іюля цесаревичъ оставилъ Берлинъ, гдѣ былъ такъ любезно принятъ Фридрихомъ II, надѣявшимся найти въ немъ будущаго союзника; его невѣста выѣхала оттуда наканунѣ. Они снова встрѣтились въ замкѣ Рейнсбергѣ, у принца Генриха; и затѣмъ, 28-го іюля, Павелъ окончательно простился съ Софіей-Доротеей, а 14-го августа былъ уже въ Царскомъ Селѣ. Софія-Доротея, прогостивъ въ Рейнсбергѣ и Шведтѣ, направилась къ Мемелю, гдѣ она должна была проститься съ сопровождавшими ее родителями и покинуть родину. Изъ соотечественниковъ осталась при ней одна лишь горничная. Здѣсь окружила ее русская свита, состоявшая изъ статсъ-дамы, графини Румянцевой, фрейлинъ Алымовой и Молчановой и ст. сов. Пастухова; послѣдній отправленъ былъ императрицею исключительно затѣмъ, чтобы дорогою до Петербурга обучать принцессу русскому языку. Въ Ямбургѣ она была встрѣчена своимъ женихомъ, а 31-го увидѣла въ Царскомъ Селѣ и Сѣверную Семирамиду, на которую произвела самое выгодное впечатлѣніе. «Сознаюсь вамъ, — писала Екатерина 5-го сентября г-жѣ Бьельке,—я пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ... Она именно такова, какую хотѣла: стройна, какъ нимфа; цвѣтъ лица бѣлый, какъ лилія, съ румянцемъ на подобіе розы;

прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ; высокій ростъ съ соразмѣрною полнотою и легкость поступи. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у ней на лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, и тотъ, кто не полюбитъ ея, будетъ не правъ, такъ какъ она создана для этого и дѣлаетъ все, чтобы быть любимой. Словомъ, моя принцесса представляетъ собою все, что я желала, и вотъ я довольна».

Впрочемъ, отъ наблюдательнаго взора Екатерины не укрылись и недостатки въ ея образованіи, узость ея міровоззрѣнія и наивность сужденій. Уже въ августѣ 1777 года она писала Гримму, что великая княгиня не вѣритъ предсказанію Эйлера о разрушеніи земли въ іюлѣ слѣдующаго года, основанномъ на астрономическихъ наблюденіяхъ, потому что les prophéties de l'Evangile et de l'Apocalypse ne sont point encore remplies, et nommement l'Antichrist n'est pas venu, ni toutes croyances reunies. Je dis (иронически замѣчаетъ она далѣе) á l'un: Dieu vous bénisse, et á l'autre: va te coucher, et je vais mon train...

Въ другомъ письмѣ Екатерины къ тому же корреспонденту находимъ такую характеристику ея невѣстки: «Она держитъ себя прямо, заботится о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣстъ за четверыхъ, благоразумно выбираетъ книги для чтенія; изъ такихъ, какъ она, выходятъ въ концѣ концовъ отличныя гражданки для какой хочешь страны».

Это различіе въ понятіяхъ и во всемъ духовномъ строѣ великой княгини и ея царственной свекрови неизбѣжно должно было повести къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, къ натянутости, чтò дѣйствительно имѣло мѣсто впослѣдствіи. Но теперь ни одно облачко не омрачало молодаго счастья невѣсты великаго князя.

Чрезъ день по пріѣздѣ, 2-го сентября, не успѣвъ еще отдохнуть съ дороги, она занималась уже изученіемъ православной вѣры, подъ руководствомъ московскаго архіепископа Платона; 14-го совершился переходъ ея въ православіе и нареченіе Маріей Θеодоровной. На слѣдующій день было торжественно отпраздновано обрученіе новой великой княгини съ Павломъ Петровичемъ, а 26-го сентября совершено ихъ бракосочетаніе. Повидимому, все обѣщало счастливую жизнь новобрачной. Любимая свекровью, мужемъ и всѣми окружающими, великая княгиня съ своей стороны старалась сдѣлать все возможное, чтобы упрочить за собою это положеніе. Она страстно полюбила своего мужа, а по отношенію къ Екатеринѣ была нѣжной послушной невѣсткой. Только тяжесть разлуки съ роднымъ семействомъ должна была возбуждать въ ней грустное чувство, становившееся, конечно, все менѣе и менѣе интенсивнымъ, по мѣрѣ ея привязанности къ новой семьѣ. Однако,— замѣчаетъ біографъ,—при всѣхъ этихъ видимо благопріятныхъ обстоятельствахъ, скромной этюпской принцессѣ, перенесенной неожиданно къ пышному петербургскому двору, вмѣсто тихихъ удо-

вольствій семейной жизни, пришлось скоро испытать горькое чувство разочарованія и въ то же время увидѣть поруганными лучшія свои привязанности и убѣжденія: августѣйшая свекровь, столь любившая сначала Марію Ѳеодоровну, стала казаться своей невѣсткѣ существомъ почти враждебнымъ и сама стала относиться къ ней холодно и подозрительно. Могучее вліяніе обаятельной личности Екатерины на Марію Ѳеодоровну не могло сгладить постепенно обнаруживавшейся разницы въ ихъ характерѣ и міровоззрѣніи. Возникшее между ними отчужденіе обострялось обстоятельствами, коренившимися и въ семейныхъ отношеніяхъ русской императорской семьи, и въ исторической жизни Россіи того времени.

III.

Зиму великокняжеская чета проводила обыкновенно въ Петербургѣ, гдѣ у нея были великолѣпные апартаменты въ Зимнемъ дворцѣ и собственный дворецъ на Каменномъ островѣ. Здѣсь Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна почти ежедневно видѣлись съ императрицей, участвуя во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и торжествахъ. По внѣшности, они пользовались всѣми почестями, соединенными съ ихъ высокимъ положеніемъ: имѣли свои выходы и пріемы, давали пышные обѣды, вечера и балы, на которые приглашалась вся петербургская знать... Сама Екатерина участвовала въ пріемахъ своего сына и послѣ перваго выхода радушно присоединялась къ обществу, не допуская соблюденія этикета, установленнаго при ея собственномъ дворѣ. Но ненормальное положеніе цесаревича, систематически отстраняемаго отъ государственныхъ дѣлъ и даже оскорбляемаго нѣкоторыми изъ придворныхъ, заставляло его и его супругу смотрѣть на зимнее пребываніе ихъ въ Петербургѣ, какъ на пытку, на Зимній дворецъ—какъ на мѣсто заключенія; а потому, съ наступленіемъ весны, вслѣдъ за Екатериной, они съ удовольствіемъ переѣзжали въ Царское Село, чтобы затѣмъ на свободѣ провести лѣто въ сыромъ Павловскѣ, а осень—въ сухой, здоровой Гатчинѣ.

Въ Павловскѣ и Гатчинѣ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна могли свободно, среди избраннаго ими кружка людей, предаться любимымъ своимъ занятіямъ: Павелъ—военнымъ упражненіямъ, а его жена—занятіямъ искусствами, литературой и хозяйствомъ. По отзывамъ современниковъ, кругъ великокняжеской четы, за исключеніемъ торжественныхъ дней, походилъ болѣе на частное общество, чѣмъ на церемоніальный дворъ. «Никогда семейство частнаго лица,—говоритъ Сегюръ,—не принимало своихъ гостей съ большею любезностью, простотою и непринужденностью; обѣды, балы, спектакли и праздники—все носило на себѣ отпечатокъ

благородства, достоинства и вкуса. Великая княгиня, величавая, ласковая безъ желанія нравиться, непринужденно-любезная, представляла собою прекрасное воплощеніе добродѣтели».

Переселившись въ Россію, Марія Ѳеодоровна не утратила своихъ этюпскихъ привычекъ; даже, напротивъ, любовь къ тихой жизни въ небольшомъ домашнемъ кружкѣ и къ мирнымъ занятіямъ литературой и искусствами еще болѣе развилась у нея подъ вліяніемъ уединенія Павловска и Гатчины. Она погрузилась въ хозяйственныя заботы по устройству этихъ лѣтнихъ резиденцій. Хозяйственныя занятія знакомили ее съ практической будничной жизнью, столь рѣзко отличавшейся отъ жизни двора и великосвѣтскаго общества, сближали съ людьми, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ классамъ, и постоянно выработывали въ ней ту хозяйственную распорядительность, ту привычку къ неустанной дѣятельности, которымъ впослѣдствіи такъ удивлялись современники; каждая смѣта художественныхъ и обойныхъ работъ, каждый счетъ подрядчиковъ, даже проекты архитектурныхъ подробностей въ сооруженіи Павловска, подвергались тщательному просмотру и провѣркѣ Маріи Ѳеодоровны и указываютъ на рѣдкую въ ея положеніи бережливость. Любимымъ дѣтищемъ Маріи Ѳеодоровны былъ Павловскъ, тогда какъ Гатчина была излюбленнымъ мѣстопребываніемъ ея мужа. «Въ этомъ глухомъ, уединенномъ уголку, подъ угрюмымъ сѣвернымъ небомъ, на болотистой скудной почвѣ, задумала Марія Ѳеодоровна воскресить для себя впечатлѣнія красотъ южной этюпской природы. Подъ вліяніемъ сентиментальности, воспринятой ею съ дѣтства, Марія Ѳеодоровна желала, чтобы въ новомъ ея помѣстьѣ, вмѣстѣ съ наслажденіемъ красотою природы, неразрывно были связаны для нея воспоминанія о минувшихъ горестяхъ и радостяхъ, чтобы о каждомъ болѣе или менѣе важномъ для нея событіи сохранилось въ павловскихъ садахъ напоминаніе въ видѣ того или другаго художественнаго сооруженія. Отъ того Павловскъ есть памятникъ сердца Маріи Ѳеодоровны, исторія ея внутренней жизни, начертанная на лонѣ природы». Наряду съ хозяйственными занятіями и чтеніемъ, много времени и труда отдавала Марія Ѳеодоровна рукодѣльямъ и искусствамъ: она тщательно изучила медальерное дѣло, рѣзьбу на твердыхъ камняхъ, по кости и на янтарѣ, живопись, силуеты.

Но внутренняя жизнь Маріи Ѳеодоровны далеко не исчерпывалась этими занятіями; у нея были постоянно другія заботы, другія думы, другія чувства. Прежде всего чуть не съ первыхъ дней своего замужества она должна была заботиться о своей многочисленной монбельярской семьѣ, которая доставила ей впослѣдствіи не мало хлопотъ и непріятностей. «У Маріи Ѳеодоровны, — говоритъ Массонъ, — всегда лежитъ на сердцѣ память о ея многочисленныхъ

родственникахъ». Ея родители, надѣявшіеся поправить свое стѣсненное финансовое положеніе послѣ брака дочери, получили отъ Екатерины ежегодную пенсію спустя лишь полтора года по рожденіи старшаго сына Маріи Ѳеодоровны — Александра Павловича. Уже въ 1777 году Марія Ѳеодоровна просила Фридриха II позаботиться о ея братьяхъ, находившихся въ прусской службѣ. И потомъ ей не разъ приходилось выручать изъ критическихъ финансовыхъ обстоятельствъ какъ родителей, такъ и братьевъ, которые нуждались также въ протекціи своей русской сестры и для служебной карьеры. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ за заботы Маріи Ѳеодоровны платили ей черной неблагодарностью, какъ, напримѣръ, старшій братъ Фридрихъ, впослѣдствіи (по милости Наполеона) первый король виртембергскій. Особенное же вниманіе Маріи Ѳеодоровны привлекала участь двухъ младшихъ сестеръ ея: Фредерики и Елисаветы, изъ которыхъ старшей въ 1778 году исполнилось 13 лѣтъ, а младшей 11. Не безъ значительнаго содѣйствія Маріи Ѳеодоровны онѣ были выданы: первая за принца Петра Голштинскаго, а вторая за эрцгерцога Франца Тосканскаго, будущаго австрійскаго императора. Елисавета, о которой такъ много хлопотала нѣжно любившая ее Марія Ѳеодоровна, внезапно скончалась въ то время, когда предъ нею открывалась широкая будущность. «Мы теперь,—писалъ Лафермьеръ 3-го марта 1790 года,—въ трауръ и уныніи. Бѣдная великая княгиня жестоко поражена непредвидѣнной потерей и дрожитъ за послѣдствія этого ужаснаго событія по отношенію къ своей матери»... Не менѣе горя доставила ей и смерть лучшаго изъ ея братьевъ—Карла, состоявшаго въ русской службѣ и принимавшаго участіе во второй войнѣ Россіи съ Турціей. «Эта смерть,—писала она родителямъ,—нанесла моему сердцу рану, которая никогда не закроется». Едва справляясь съ собственнымъ горемъ, она заботится прежде всего о томъ, чтобы утѣшить своихъ родителей. Вообще мысль о счастьѣ родителей и семейномъ мирѣ постоянно занимала великую княгиню. Ей приходилось иногда употреблять всѣ свои усилія, чтобы устранить причины разлада между родителями и братьями, руководя своими совѣтами отца и мать, и примиряя ихъ съ сыновьями, отличавшимися дурнымъ поведеніемъ и казарменными привычками.

IV.

Между тѣмъ постоянно увеличивавшаяся собственная семья Маріи Ѳеодоровны, наряду съ материнскими радостями, доставляла ей не мало и горя. Цѣлымъ рядомъ придворныхъ празднествъ и народныхъ увеселеній чествовали Екатерина и ея вельможи рожденіе первенца Маріи Ѳеодоровны и выздоровленіе ея послѣ разрѣшенія отъ бремени. Участвуя въ празднествахъ, счастливая су-

пруга и мать не подозрѣвала, конечно, что ей не дано будетъ возможности окружить своими материнскими попеченіями колыбель своего ребенка. Екатерина, принявъ на себя первоначальныя заботы о давно желанномъ внукѣ, и дальнѣйшее его воспитаніе взяла исключительно въ свои руки. Она желала сама руководить воспитаніемъ Александра Павловича, въ надеждѣ видѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе своихъ лучшихъ думъ и стремленій. Вліяніе на Александра Павловича его родителей могло только, по ея мнѣнію, мѣшать этой цѣли. Императрица старалась примѣнять къ воспитанію этого «драгоцѣннаго отпрыска» лучшія идеи вѣка, какъ она понимала ихъ. Второй сынъ Маріи Ѳеодоровны, Константинъ, котораго Екатерина со дня рожденія предназначила въ императоры проектированной ею и ея дипломатами Греческой имперіи, также поступилъ на ближайшее попеченіе бабушки. Молодая мать попрежнему осталась на второмъ планѣ. «Я предвидѣла, мой ангелъ,—утѣшала свою дочь принцесса Доротея,—что императрица будетъ любить вашихъ дѣтей въ качествѣ бабушки. Но пусть это не безпокоитъ васъ; на вашу долю остается также не мало. Удвоенныя и неослабныя заботы загладятъ часы той излишней снисходительности, съ какою императрица относится къ вашему дорогому ребенку. Эта нѣжность въ сущности благопріятна, потому что рано или поздно отзовется на виновникахъ ихъ появленія на свѣтъ». Эти слова принцессы показываютъ, что Екатерина имѣла основаніе опасаться противодѣйствія своей системѣ воспитанія внуковъ со стороны ихъ родителей; очевидно, Марія Ѳеодоровна была недовольна тою близостью, въ которую Екатерина поставила ребенка по отношенію къ себѣ, и опасалась, что онъ будетъ избалованъ. Этимъ, съ другой стороны, объясняется и то неудовольствіе, съ которымъ Екатерина отпускала своихъ внуковъ погостить къ ихъ отцу и матери. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, по ея взгляду, только «портили» дѣтей, стараясь въ это время, быть можетъ, излишнимъ пуризмомъ загладить для дѣтей часы баловливой снисходительности, которые они проводили въ обществѣ бабушки.

Не было принято во вниманіе мнѣніе родителей даже при выборѣ преподавателей для великихъ князей. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что главнымъ наставникомъ дѣтей великаго князя, монархиста до nec plus ultra, религіознаго до мистицизма, былъ приглашенъ Лагарпъ, послѣдователь энциклопедистовъ и убѣжденный республиканецъ. Императрица поставила дѣло такъ, что великокняжеская чета не смѣла и думать о какомъ бы то ни было проявленіи своихъ естественныхъ родительскихъ правъ въ отношеніи сыновей. Марія Ѳеодоровна не имѣла рѣшающаго голоса даже въ воспитаніи своихъ дочерей, хотя на послѣднихъ Екатерина далеко не обращала такого вниманія, какъ на великихъ князей. Изъ писемъ ея къ Плещееву видно, напримѣръ, что назна-

ченіе къ великимъ княжнамъ даже низшихъ должностныхъ лицъ зависѣло исключительно отъ выбора императрицы и отъ указаній ихъ воспитательницы, г-жи Ливенъ; Марія Ѳеодоровна могла осуществлять свои желанія въ этомъ отношеніи не иначе, какъ съ согласія и при посредствѣ «de la générale» (какъ называла она одно время воспитательницу своихъ дочерей). Ливенъ, однако, старалась всячески облегчить щекотливое положеніе матери и, пользуясь полнымъ довѣріемъ Екатерины, въ то же время сумѣла заслужить навсегда благодарность и дружбу Маріи Ѳеодоровны. Естественнымъ слѣдствіемъ такого воспитанія было отчужденіе дѣтей отъ родителей и большая любовь ихъ къ бабушкѣ. «Мы открыли въ Александрѣ,—разсказываетъ Екатерина въ одномъ изъ писемъ къ Гримму,—странное желаніе. Однажды онъ задержалъ въ углу одну изъ моихъ женщинъ, съ которою онъ любитъ возиться, и настойчиво просилъ ее сказать, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала, что, повидимому, у него черты матери». «Это не то,—сказалъ онъ,—о чемъ я спрашиваю; нравомъ и обращеніемъ на кого я похожъ?». Женщина сказала ему: «Этимъ вы, мнѣ кажется, походите скорѣе на бабушку, чѣмъ на кого другаго».—«Ахъ, вотъ это мнѣ и хотѣлось узнать!» — сказалъ онъ, бросился къ ней на плечи и сталъ цѣловать за то, что она ему сказала». Такое горячее чувство къ бабушкѣ и видимое равнодушіе къ матери поддерживалось въ дѣтяхъ тѣмъ, что они почти все время находились при ней, вдали отъ отца и матери; она предоставляла имъ большую свободу, ласкала и баловала ихъ. Между тѣмъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна склонны были къ болѣе суровой системѣ и дѣлали, вѣроятно, все возможное, чтобы, по выраженію принцессы Софіи-Доротеи Монбельярской, «изгладить въ дѣтяхъ часы той излишней снисходительности, которою они пользовались въ обществѣ бабушки». Отсюда естественно чувство скуки, которое дѣти испытывали въ обществѣ отца и матери, чувства недоумѣнія и недовѣрія по отношенію къ родителямъ, неодобрительно относившимся къ тому, что одобрялось и даже поощрялось обожаемой бабушкой. Сама Марія Ѳеодоровна однажды писала Екатеринѣ: «мои дѣти говорятъ: очень скучно безъ васъ».

Вопросъ о воспитаніи дѣтей великокняжеской четы былъ постоянною причиной натянутыхъ отношеній Маріи Ѳеодоровны къ императрицѣ. Не было недостатка и въ другихъ поводахъ къ такимъ отношеніямъ. Воспитанная въ патріархальныхъ понятіяхъ монбельярской семьи, Марія Ѳеодоровна, вскорѣ же по пріѣздѣ въ Россію, была поражена господствовавшимъ при дворѣ фаворитизмомъ. «Вы вполнѣ правы,—писала ей однажды ея мать,—жалуясь на испорченность (égarement) императрицы. Въ природѣ нѣтъ ничего болѣе жестокаго, какъ сердце, которое предалось своимъ страстямъ и въ этомъ самозабвеніи не видитъ ничего кругомъ себя.

Я понимаю страданія, которыя вы должны испытывать, присутствуя при всѣхъ возмутительныхъ сценахъ. Ради Бога, дорогое дитя мое, продолжайте такъ, какъ вы начали, и никогда не позволяйте себѣ такого, что имѣло бы даже видъ порицанія». Марія Өеодоровна слѣдовала совѣту своей матери и вела себя на столько тактично, что Екатерина рѣдко имѣла случай быть недовольною ея поведеніемъ. Какая осторожность и выдержка требовалась ея положеніемъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая. Однажды Мамоновъ, въ присутствіи Маріи Өеодоровны, поднесъ Екатеринѣ купленныя по порученію государыни серьги. Императрица, увидѣвъ, что онѣ понравились Маріи Өеодоровнѣ, подарила ихъ ей. Послѣ этого Марія Өеодоровна пригласила Мамонова къ себѣ на обѣдъ; государыня осталась крайне недовольна этимъ и сказала своему любимцу: «И ты! къ великой княгинѣ? Зачѣмъ? Ни подъ какимъ видомъ! Какъ она смѣла тебя звать?». Затѣмъ, призвавъ графа Мусина-Пушкина, Екатерина приказала ему: «Поди тотчасъ къ великой княгинѣ, скажи, какъ она смѣла звать Александра Матвѣевича къ себѣ? Зачѣмъ? Чтобы впредь этого не было». Гнѣвъ императрицы такъ поразилъ Марію Өеодоровну, что она заболѣла.

Фаворитизмъ былъ тѣмъ болѣе ненавистенъ Маріи Өеодоровнѣ, что, наряду съ нимъ, отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу не отличались особенною искренностью и теплотой. Въ этомъ разладѣ матери съ сыномъ всѣ симпатіи великой княгини были, конечно, на сторонѣ обожаемаго супруга. По своему развитію, она не могла понимать широкихъ политическихъ плановъ императрицы и склонна была смотрѣть на всѣ вещи съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній и ходячей морали. Мелочная критика личной жизни и внѣшней и внутренней политики Екатерины, такъ занимавшая Павла, не могла не нравиться его женѣ, равно какъ не могла она не раздѣлять и прусскихъ симпатій цесаревича (поддерживавшихся въ немъ и главнымъ русскимъ дипломатомъ того времени Панинымъ). Подъ вліяніемъ дѣтскихъ впечатлѣній и семейныхъ привязанностей, она не видѣла противоположности между интересами Пруссіи и своего втораго отечества Россіи, а потому должна была болѣе содѣйствовать тайнымъ дружескимъ отношеніямъ Павла къ «Ироду», какъ называла Екатерина прусскаго короля, чѣмъ удерживать его отъ опасныхъ шаговъ на этомъ ложномъ пути. Извѣстно, что цесаревичъ игралъ иногда некрасивую роль развѣдчика при дворѣ Екатерины, сообщая прусскому королю интересныя для него политическія свѣдѣнія, стараясь такимъ образомъ противодѣйствовать политикѣ своей матери.

V.

Впрочемъ, Марія Ѳеодоровна рѣдко вмѣшивалась въ политику, выражая свои желанія только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось существенныхъ интересовъ ея русской или германской семьи. Въ этихъ случаяхъ она могла даже расходиться въ мнѣніяхъ съ своимъ мужемъ. Такъ, желая выдать свою сестру Елисавету за будущаго австрійскаго императора, она одно время не прочь была предпочесть союзъ Россіи съ Австріей, къ которому стремилась Екатерина, союзу съ Фридрихомъ II. Съ этой же, чисто семейной, точки зрѣнія смотрѣла она и на такое великое событіе конца прошлаго вѣка, какъ французская революція. Въ моментъ, когда по выраженію Гёте, всходила заря новой исторіи, вниманіе великой княгини было занято судьбою близкихъ ей лицъ. Такъ какъ революціонное движеніе захватило и Монбельярское графство, то родители Маріи Ѳеодоровны должны были навсегда уѣхать оттуда. Сочувствіе къ роднымъ, друзьямъ дѣтства и знакомымъ (во время путешествія по Европѣ съ Павломъ Петровичемъ она близко сошлась съ Маріей-Антуанеттой, принцессами Конде и др.), пострадавшимъ въ большей или меньшей степени во время революціи, при традиціонномъ воззрѣніи на политическія и соціальныя отношенія, заставляло Марію Ѳеодоровну видѣть въ этомъ великомъ и обильномъ благодѣтельными послѣдствіями переворотѣ исключительно отрицательныя стороны. Революція еще въ августѣ 1789 года была встрѣчена въ Павловскѣ слѣдующей кантатою, спѣтой хоромъ въ одной разыгранной интермедіи:

«Какая фурія изъ ада
«Зажгла свѣтильникъ блѣдный свой,
«И гдѣ наукъ цвѣла отрада,
«Заразъ низвергла дымъ густой?
«Неужли адъ, прервавши узы,
«Главою пагубной Медузы
«Окаменилъ весь галловъ умъ,
«Къ законамъ оглушивъ вниманье
«Чрезъ буйно—«Вольность»—восклицанье
«Пустилъ обманчивый свой шумъ?
«Вольность обманчивый есть шумъ
«И дымъ пустой!».

Во взглядѣ на причины революціи Марія Ѳеодоровна была вполнѣ солидарна съ цесаревичемъ, который считалъ ее результатомъ вліянія философіи XVIII вѣка и практическаго матеріализма, совершенно не понимая соціально-экономическихъ факторовъ. «Вольнодумство» — вотъ зло, распространеніе котораго въ Европѣ и Россіи не давало ему покоя и бороться съ которымъ онъ считалъ себя призваннымъ. Но пока жива была его мать, онъ ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи и принужденъ былъ сдержи-

вать свои порывы, ограничиваясь только примѣненіемъ своей системы въ тѣсномъ раіонѣ своего помѣстья Гатчины. Подтвержденіе своихъ теорій о необходимости военной дисциплины въ государствѣ онъ находилъ въ разсказахъ эмигрантовъ, крайне односторонне освѣщавшихъ происходившія во Франціи событія. Дурное вліяніе эмигрантовъ на Павла Петровича сознавали даже его приверженцы. Растопчинъ, бывшій тогда камергеромъ при великокняжескомъ дворѣ, писалъ Воронцову: «Вы увидите впослѣдствіи, сколько вреда надѣлало пребываніе Эстергази (агентъ французскихъ принцевъ); онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзною лозой, что государь наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно, что о насиліяхъ и мелочныхъ придиркахъ, которыхъ бы постыдился всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія, и проч.». Вмѣстѣ съ этимъ, все болѣе и болѣе развивались несимпатичныя черты въ характерѣ цесаревича—мелочность, рѣзкость, раздражительность и суровость. Необходимость постоянно сдерживать, насиловать свою пылкую искреннюю натуру, невыгодно отозвалась на его душевномъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что своеобразно имъ понимаемыя обязанности его къ отечеству «находились въ полномъ противорѣчіи съ обязанностями его по отношенію къ матери». Вслѣдствіе всего этого, горечь, накоплявшаяся у него въ душѣ, обнаруживалась въ гнѣвныхъ вспышкахъ и необдуманныхъ поступкахъ, «казавшихся для всѣхъ безпричинными».

Въ первые годы своего супружества Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна представляли собою образецъ счастливой пары. «Нѣжность и любовь между великимъ княземъ и его супругой,—говоритъ князь Θ. Н. Голицынъ, находившійся при ихъ дворѣ съ 1777 года,—были совершенны. Невозможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласнѣе, какъ они долгое время пребывали. Мы не могли на столь счастливое супружество довольно нарадоваться»... Но съ годами, по мѣрѣ развитія дурныхъ свойствъ цесаревича, роль его любящей жены становилась все труднѣе и труднѣе. По своему характеру, она не была въ силахъ морально подчинить себѣ своего болѣзненнаго супруга, давать общее направленіе его поведенію, а потому старалась вліять на него, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, дѣйствуя иногда чрезъ посредство постороннихъ лицъ. Такъ, во время шведской войны она просила графа Пушкина удерживать его отъ опасныхъ проявленій храбрости, что̀ вызвало гнѣвъ Павла. Понятно, что опека жены, ея стараніе оберегать его «наперекоръ ему самому» не могла нравиться Павлу, задѣвала его самолюбіе и имѣла самыя нежелательныя послѣдствія.

Г. Шумигорскій указываетъ слѣдующія психологическія причины семейнаго разлада великокняжеской четы. «Буйный, мечтательный, отчасти мистическій умъ Павла, измученный въ его трудномъ положеніи нравственною борьбою, искалъ средствъ согласить дѣйствительность съ высшими идеальными воззрѣніями; вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь никогда не забывалъ, что онъ будущій русскій самодержецъ, и даже военнымъ своимъ занятіямъ придавалъ серьезный характеръ подготовки къ своимъ обязанностямъ; между тѣмъ Марія Ѳеодоровна, не умѣя владѣть умомъ Павла и обуздывая порывы его раздражительности лишь кротостію и терпѣніемъ, противопоставляла: государственнымъ заботамъ своего супруга—хлопоты предъ Екатериной о дѣлахъ монбельярской своей семьи; его неудовлетвореннымъ стремленіямъ къ высшей правдѣ возможно спокойное отношеніе къ дѣйствительности, способность мириться съ обстоятельствами и примѣняться къ нимъ. Всего менѣе Павелъ Петровичъ могъ успокоиться на сентиментализмѣ Маріи Ѳеодоровны, мало интересовался ея занятіями искусствами и хозяйствомъ и вовсе не находилъ себѣ утѣшенія въ тѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ, литературныхъ чтеніяхъ и невинныхъ играхъ, которыми Марія Ѳеодоровна наполняла свои досуги и которыми думала развлекать своего сумрачнаго, скучавшаго цесаревича. Изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ великокняжескую чету, Марія Ѳеодоровна болѣе всѣхъ привязана была къ г-жѣ Бенкендорфъ и Лафермьеру, тогда какъ Павелъ Петровичъ мало-по-малу сталъ предпочитать всѣмъ прочимъ Е. И. Нелидову и Вадковскаго... Окончательный разладъ между супругами произошелъ, однако, не ранѣе 1790 года; до этого времени жизнь въ Гатчинѣ и Павловскѣ шла всегда обычной однообразной скучной колеею».

VI.

Двѣ женщины играли здѣсь наиболѣе выдающуюся роль—это г-жа Бенкендорфъ и фрейлина Нелидова. Этюпская подруга Маріи Ѳеодоровны, Бенкендорфъ, пользовавшаяся безусловной довѣренностью и горячею привязанностію Маріи Ѳеодоровны, не смотря на свою ловкость и сдержанность, не пріобрѣла расположенія великаго князя. По своему вліянію на Марію Ѳеодоровну она являлась даже виновницею недоразумѣній между ею и цесаревичемъ, когда уже ихъ взаимныя отношенія утратили прежнюю искренность и довѣрчивость.

Что касается Нелидовой, то она, по свидѣтельству современниковъ, была совершенной противоположностью Маріи Ѳеодоровны. «Великая княгиня была очень красива, высока ростомъ, бѣлокура, склонна къ полнотѣ и близорука; обращеніе ея было крайне скромно, до того, что она казалась слишкомъ строгою и степен-

ною (по мнѣнію нѣкоторыхъ, скучною). Нелидова была маленькой брюнеткой, съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицемъ исполненнымъ выразительности; будучи тремя годами старше Маріи Θеодоровны, Нелидова отличалась вмѣстѣ съ тѣмъ некрасивой наружностью; но зато она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостію, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ. Павелъ также исполненъ былъ остроумія, юмора и живости, и потому любилъ бесѣдовать съ Нелидовой». Становясь съ годами и подъ вліяніемъ печальныхъ событій сумрачнѣе, раздражительнѣе, Павелъ Петровичъ, руководимый Плещеевымъ, искалъ утѣшенія въ мистицизмѣ и въ религіозныхъ занятіяхъ... Набожность Павла была мечтательная и связана съ мистицизмомъ; и въ этомъ отношеніи не могъ онъ не цѣнить склоннаго къ вѣрѣ во все таинственное ума Нелидовой.

Все это дѣлало пріятными для Павла бесѣды съ «маленькой», какъ называла Марія Θеодоровна Нелидову, и онъ открыто предпочиталъ ея общество. Согласно установившемуся мнѣнію, нашъ авторъ отрицаетъ въ ихъ отношеніяхъ всякую иную близость. «Великій князь,—говоритъ одинъ изъ современниковъ, — не былъ человѣкомъ безнравственнымъ; онъ былъ добродѣтельнымъ и по убѣжденію, и по намѣренію, онъ ненавидѣлъ распутство, былъ очень привязанъ къ своей супругѣ и не могъ себѣ представить, чтобы когда либо ловкая интригантка могла околдовать его до того, чтобы влюбить его въ себя безъ памяти». Нелидова же старалась пользоваться своимъ вліяніемъ на Павла Петровича для того, чтобы «вносить успокоеніе въ смущенный его умъ, смягчать порывы его раздражительности и суровости». Ей не чуждо было даже убѣжденіе, что самъ Богъ избралъ ее своимъ орудіемъ для достиженія общаго блага. Не такъ думало большинство современниковъ, видѣвшихъ въ лицѣ любимицы великаго князя хитрую интригантку. Этотъ взглядъ раздѣляла и сама Марія Θеодоровна, все болѣе и болѣе убѣждавшаяся въ его справедливости, благодаря безтактному поведенію великаго князя, на ряду съ вниманіемъ къ Нелидовой, выказывавшаго «видъ пренебреженія къ своей супругѣ». Окружающія ее лица старались уронить Нелидову въ глазахъ великой княгини и давали ея поступкамъ самое неблагопріятное толкованіе. Особенно усердно дѣйствовала въ этомъ направленіи г-жа Бенкендорфъ. Видя въ возвышеніи фрейлины униженіе великой княгини, она въ то же время должна была считать приниженною и себя самое: этимъ уничтожалось ея первенствующее положеніе при молодомъ дворѣ. Она интриговала противъ Нелидовой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ великаго князя, то возстановляя противъ нихъ Марію Θеодоровну, то вербуя особую партію—великой княгини. Такое поведеніе Бенкендорфъ вызвало сильное неудовольствіе Павла

и имѣло слѣдствіемъ удаленіе ея отъ двора, что очень огорчило ея царственную подругу.

«Высказывая неудовольствіе Павлу Петровичу и Нелидовой, Марія Ѳеодоровна только ухудшала свое положеніе, потому что великій князь былъ возмущенъ жалобами по поводу того, что онъ считалъ клеветою, и удвоивалъ свое вниманіе къ Нелидовой, думая тѣмъ загладить несправедливость, которую она терпѣла. Недоразумѣнія были постоянны и наносили Маріи Ѳеодоровнѣ ударъ за ударомъ».

Постоянно оскорбляемая въ своихъ лучшихъ чувствахъ, Марія Ѳеодоровна рѣшилась обратиться къ заступничеству своей свекрови. Вмѣсто отвѣта на ея жалобу, Екатерина подвела ее къ зеркалу и сказала: «Посмотри, какая ты красавица, а соперница твоя—petit monstre; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ». Но ни успокоительныя слова императрицы, ни умные совѣты Плещеева, который одинъ изъ всѣхъ придворныхъ объяснялъ ей истинное положеніе дѣла, не могли примирить великую княгиню съ Нелидовой; послѣднюю она искренно считала двуличной и испорченной женщиной, мечтающей занять ея мѣсто, и виновницей удаленія отъ двора ея друзей, особенно Бенкендорфъ. Однажды, въ ожиданіи родовъ, она писала Плещееву: «Вы будете смѣяться надъ моею мыслью, но мнѣ кажется, что при каждыхъ моихъ родахъ Нелидова, зная, какъ они бываютъ у меня трудны и что они могутъ быть для меня гибельны, всякій разъ надѣется, что она сдѣлается вслѣдъ затѣмъ m-me де-Ментенонъ. Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у нея руку и особенно займитесь вашей физіономіей, чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи насмѣшки или злобы». Видя нерасположеніе къ себѣ Маріи Ѳеодоровны, Нелидова рѣшилась оставить дворъ и обратилась (25 іюня 1791 года) къ императрицѣ съ просьбой позволить ей удалиться въ Смольный монастырь. Великая княгиня считала эту просьбу Нелидовой «комедіей», желаніемъ «сдѣлаться болѣе интересной и заставить себя удерживать». Подтвержденіе своего мнѣнія она могла видѣть въ томъ, что Павелъ Петровичъ заставилъ Нелидову отказаться отъ ея намѣренія.

Но обстоятельства складывались такимъ образомъ, что Марія Ѳеодоровна, не смотря на все свое нерасположеніе къ фрейлинѣ, не смотря на свое оскорбленное самолюбіе, вынуждена была сдѣлать «уступку» (выраженіе Растопчина) и сблизиться съ Нелидовой. Она поняла, что при томъ вліяніи на Павла Петровича, которымъ пользовалась Нелидова, содѣйствіе послѣдней ей крайне необходимо для того, чтобы «помогать великому князю, вопреки ему самому». Первымъ поводомъ къ сближенію этихъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ каждая посвоему любила цесаревича, послужило слѣдующее обстоятельство. Великій князь, не любившій сво-

его старшаго сына, отказался присутствовать на его свадебныхъ торжествахъ, намѣреваясь провести это время за городомъ. Марія Θеодоровна, пытавшаяся измѣнить его рѣшеніе, «угрожавшее неслыханнымъ скандаломъ и полнымъ семейнымъ разрывомъ», потерпѣла полную неудачу. Тогда она обратилась къ «маленькой», которой удалось уговорить Павла. И впослѣдствіи Марія Θеодоровна неоднократно пользовалась ея содѣйствіемъ. Такъ, когда цесаревичъ, подъ вліяніемъ какихъ-то подозрѣній, не позволялъ ей видѣться съ ея дѣтьми, она опять обратилась къ Нелидовой, хотя ее-то и считала главной виновницей своего отчужденія отъ дѣтей. Нечего, конечно, говорить о томъ, на сколько тяжела была для нея эта «уступка»; но она рѣшилась на нее, чтобы внести хотя нѣкоторое успокоеніе въ свой семейный бытъ. Марія Θеодоровна встрѣчала Нелидову, удалившуюся потомъ въ Петербургъ и часто пріѣзжавшую въ резиденцію великокняжеской четы, «не только какъ свою гостью, но и какъ свою союзницу». Горькое чувство униженія тѣмъ не менѣе не покидало ее. «Я думаю,—писала она Плещееву,—что мой образъ дѣйствій по отношенію къ маленькой сдѣлаетъ ее надменной и еще болѣе заставитъ ее играть роль первенствующей дамы».

Не мало горя и заботъ доставляли Маріи Θеодоровнѣ также отношенія Павла Петровича къ своему старшему сыну. Воспитаніе, данное послѣднему Екатериной, установило глубокую пропасть между нимъ и его отцомъ. Воспитанникъ Лагарпа, либеральный Александръ, представлялся цесаревичу воплощеніемъ того самаго зла, бороться съ которымъ онъ считалъ своимъ долгомъ. Расходясь съ отцомъ въ политическихъ убѣжденіяхъ, Александръ Павловичъ представлялъ собою прямую противоположность Павлу и по своему характеру, что также приводило къ недоразумѣніямъ: его мягкость «казалась отцу признакомъ изнѣженности, его тактъ и сдержанность—выраженіемъ двоедушія и лицемѣрія». Сверхъ того, Павелъ Петровичъ имѣлъ основанія видѣть въ лицѣ своего старшаго сына своего соперника по престолонаслѣдію. «Вообще, считая сына неспособнымъ царствовать, Екатерина должна была особенно настойчиво заботиться о лишеніи его права престолонаслѣдія послѣ того, какъ взрывъ французской революціи заставилъ ее прозрѣвать опасности, угрожавшія существовавшему въ Европѣ порядку вещей: вступленіе на русской престолъ въ это смутное время такого государя, какъ Павелъ, могло привести Россію къ великимъ затрудненіямъ».

Впрочемъ, императрица не спѣшила приводить въ исполненіе свой планъ объ устраненіи отъ престолонаслѣдія сына и объявленіи Александра Павловича своимъ преемникомъ. Она хотѣла постепенно приготовить къ этому наиболѣе заинтересованныхъ лицъ и съ этой цѣлью обращалась, напримѣръ, къ Лагарпу, чтобы онъ

оказалъ извѣстное вліяніе на своего воспитанника; но этотъ республиканецъ не обнаружилъ желанія участвовать въ заговорѣ противъ цесаревича, бывшаго заклятымъ врагомъ его идей. Не встрѣтилъ этотъ планъ сочувствія и со стороны Маріи Ѳеодоровны, которой (вскорѣ послѣ рожденія Николая Павловича) была доставлена бумага, гдѣ говорилось о томъ, чтобы заставить Павла Петровича отказаться отъ правъ престолонаслѣдія въ пользу старшаго сына. Марія Ѳеодоровна съ негодованіемъ отвергла предложеніе дать письменное согласіе на эту мѣру. Едва ли нравился этотъ планъ и Александру Павловичу, еще при жизни Екатерины называвшему отца «императорскимъ величествомъ», хотя онъ письменно заявилъ свое согласіе. Мягкій, нерѣшительный Александръ, поставленный, такъ сказать, между двухъ огней, не желая раздражать своимъ поведеніемъ ни ту, ни другую сторону, очевидно, дѣйствовалъ безъ твердо намѣченной цѣли, всецѣло полагаясь на случайный ходъ событій.

Г. Шумигорскій полагаетъ, что онъ согласился на предложеніе Екатерины только въ виду ея тяжелаго душевнаго состоянія послѣ неудачнаго сговора Александры Павловны за шведскаго короля. «Тотчасъ по отъѣздѣ Густава, Екатерина, почувствовавъ себя дурно, потребовала отъ Александра согласія на новый порядокъ престолонаслѣдія. Могъ ли онъ рѣшительно воспротивиться бабушкѣ и объяснить ей истинныя свои чувства? Нѣтъ сомнѣнія, что здоровье Екатерины не вынесло бы этого новаго тяжелаго удара. Впрочемъ, дни ея уже были сочтены»... 6-го ноября 1796 года императоромъ сдѣлался Павелъ, прежде чѣмъ мать его успѣла убѣдиться въ неосуществимости своихъ плановъ.

Въ жизни и дѣятельности Маріи Ѳеодоровны начался новый періодъ: изъ жены опальнаго цесаревича она сдѣлалась русской императрицей.

М. Ладвинскій.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА, АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО.

ПОКОЙНЫЙ архіепископъ херсонскій и одесскій Никаноръ, помимо своихъ обширныхъ познаній въ области богословія и философіи, отличался такъ же еще глубокимъ пониманіемъ требованій и условій современной жизни, откуда весьма понятной становится его необыкновенная отзывчивость на всѣ тѣ вопросы, которые такъ или иначе касались духовно-нравственной стороны православнаго народа. Каждая проповѣдь высокопреосвященнаго Никанора, затрогивая самые животрепещущіе «вопросы жизни», составляла настоящую злобу дня не только на югѣ, но нерѣдко заставляла говорить о себѣ во всей Россіи и даже за предѣлами нашего обширнаго отечества. Неудивительно также послѣ этого, что подобный архипастырь представлялъ весьма свѣтлое и отрадное явленіе въ исторіи русской церкви, а потому всякая черта изъ его жизни должна имѣть цѣну въ глазахъ каждаго лица, интересующагося біографіей этого выдающагося духовнаго дѣятеля. Подробное изученіе жизни покойнаго архипастыря необходимо еще потому, что его открытый и рѣшительный характеръ создалъ ему много явныхъ и тайныхъ недоброжелателей, которые старались впослѣдствіи всѣми мѣрами умалить заслуги высокопреосвященнаго и строго осудить тотъ рѣшительный, но справедливый, по отношенію къ мѣстному духовенству, образъ дѣйствій, который являлся лишь неизбѣжной реакціей послѣ такого человѣка, какимъ былъ не менѣе знаменитый предшественникъ высокопреосвященнаго Никанора — архіепи-

скопъ Димитрій, стяжавшій себѣ, между прочимъ, славу идеальнаго миролюбца и начальника «не отъ міра сего»... Предоставляя будущему бытописателю оцѣнить по достоинству плодотворную дѣятельность архіепископа Никанора и отвести этому истинному столпу православія подобающее мѣсто на страницахъ отечественной исторіи, мы желаемъ лишь разсказать здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ, которые могутъ хотя отчасти представить то остроуміе, ту находчивость, а подчасъ даже и рѣзкость, какими отличался покойный архипастырь.

I.

Однажды въ городѣ N. было торжество по случаю освященія какого-то общественнаго зданія, открытія памятника или чего-то другаго въ этомъ родѣ. По окончаніи всѣхъ обычныхъ въ такомъ случаѣ церемоній состоялся роскошный обѣдъ въ домѣ одного изъ высшихъ администраторовъ. Нечего, разумѣется, и говорить, что на этомъ обѣдѣ присутствовалъ почти весь цвѣтъ мѣстнаго общества. Находившійся тутъ же за столомъ высокопреосвященный Никаноръ велъ самую оживленную бесѣду съ нѣкоторыми изъ гостей на приличную данному событію тему. Умная, живая и образная рѣчь владыки скоро обратила на себя всеобщее вниманіе; здѣсь каждый изъ слушателей могъ на дѣлѣ убѣдиться въ томъ, что высокопреосвященный обладалъ поистинѣ изумительной эрудиціей, дававшей ему возможность вести интересную бесѣду о предметахъ, касающихся всевозможныхъ отраслей человѣческаго знанія... Недалеко отъ архіерея сидѣлъ какой-то молоденькій адъютантъ, также внимательно слушавшій духовнаго оратора. Желая услужить высокопреосвященному, или же просто-напросто въ силу извѣстныхъ условій вѣжливости, этотъ офицеръ, увидѣвъ, что владыко, въ пылу разговора, не замѣчаетъ лакея, поднесшаго ему блюдо съ поросенкомъ, прервалъ бесѣду словами:

— Ваше высокопреосвященство, пріимите, ядите!..

Не зналъ ли адъютантъ монастырскихъ уставовъ относительно пищи, сдѣлалъ ли онъ это умышленно или по разсѣянности,— трудно сказать, однако всѣ замѣтили неумѣстную выходку молодаго офицера, и въ залѣ на минуту воцарилось неловкое молчаніе. Владыка посмотрѣлъ на адъютанта строго-пытливымъ взоромъ и произнесъ самымъ спокойнымъ голосомъ:

— Продолжайте!

Офицеръ, сообразившій уже, что сдѣлалъ страшную глупость, сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, не будучи въ состояніи раскрыть рта вслѣдствіе крайняго замѣшательства.

— Продолжайте!—повторилъ болѣе громкимъ и отчетливымъ, но такимъ же ровнымъ голосомъ архіерей.

Адъютантъ попрежнему безмолвствовалъ и, казалось, согласился бы съ величайшимъ удовольствіемъ провалиться сквозь землю. Гости съ большимъ интересомъ ждали, чѣмъ окончится эта курьезная исторія.

— Продолжайте же!—произнесъ въ третій разъ болѣе настойчиво и уже повелительно высокопреосвященный.

Злополучный офицеръ, однако, молчалъ.

— Вы, слѣдовательно, не знаете, какъ надо продолжать? Да?—спросилъ владыка.—Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ самому окончить начатый вами и извѣстный каждому православному христіанину текстъ... Вы должны были говорить далѣе такимъ образомъ: «... сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ»... Не такъ ли?

— Да, — чуть слышно отвѣтилъ адъютантъ, еще болѣе сознавая въ настоящую минуту весь ужасъ и комизмъ своего положенія...

— Прекрасно, — продолжалъ высокопреосвященный. — Итакъ, вамъ надо было сказать: «Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое»,— но согласитесь, молодой человѣкъ, что я вовсе не намѣренъ ѣсть вашего тѣла!..

— Простите, ваше высокопреосвященство! — произнесъ, наконецъ, почти со слезами на глазахъ офицеръ...

— Не у меня вамъ надо просить прощенія, а у Того, Чьи слова вы такъ необдуманно и не кстати рѣшились здѣсь произнести!

Послѣ этого владыка продолжалъ прерванную такъ неожиданно бесѣду...

II.

Объѣзжая свою епархію, высокопреосвященный Никаноръ не ограничивался однимъ лишь посѣщеніемъ храмовъ, напротивъ, онъ почти всегда внимательно относился и ко всему тому, что такъ или иначе касалось церковныхъ дѣлъ и въ особенности быта духовенства; а потому владыка никогда не упускалъ случая осмотрѣть занимаемыя причтомъ помѣщенія, часто и подолгу бесѣдовалъ со священниками и прочими членами церковнаго клира, стараясь по возможности тщательнѣе изучить какъ внутренній, такъ равно и наружный строй жизни нашего сельскаго пастыря. По окончаніи каждой ревизіи высокопреосвященный помѣщалъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ подробное описаніе своего путешествія, причемъ онъ такъ мѣтко и юмористически изображалъ всѣ достоинства и недостатки своихъ подчиненныхъ, что статьями владыки зачитывалось не одно только духовенство; кромѣ того, всѣ эти «замѣтки о путешествіяхъ» имѣли громадное вліяніе на искорененіе тѣхъ пороковъ, которыми страдало подвѣдомственное

Никанору духовенство. Необыкновенный юморъ и сообразительность высокопреосвященнаго во время подобныхъ «поѣздокъ» создали массу интересныхъ анекдотовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и сообщаемый мною ниже случай. Пріѣхавъ однажды въ концѣ мая въ село Д. и посѣтивъ храмъ, а такъ же мѣстное кладбище, высокопреосвященный зашелъ по обыкновенію въ домъ священника. На дворѣ стояла невыносимая жара. Владыка, производившій всегда осмотръ кладбищъ и другихъ мѣстъ въ селѣ пѣшкомъ, былъ повидимому сильно утомленъ. Усѣвшись на небольшомъ диванчикѣ подлѣ стола, архіерей снялъ съ головы клобукъ и, утирая платкомъ вспотѣвшее лицо, попросилъ холодной воды... Въ комнатѣ, кромѣ хозяина дома, находились: мѣстный благочинный, становой приставъ и ключарь каѳедральнаго собора, всегда сопровождавшій высокопреосвященнаго при обозрѣніи послѣднимъ своей епархіи. Выпивъ поданную ему воду, архіерей предложилъ всѣмъ присутствующимъ садиться, а затѣмъ, обратившись къ хозяину, онъ вдругъ произнесъ:

— А разскажи-ка намъ что нибудь о своемъ житьѣ-бытьѣ, отецъ С.!

При этомъ неожиданномъ и своеобразномъ предложеніи владыки, бѣдный священникъ, и безъ того трепетавшій, какъ осиновый листъ, предъ лицомъ грознаго начальства, не только не былъ въ состояніи найти хоть какую нибудь мысль для начала разговора, но даже, какъ казалось, потерялъ всякую возможность выражаться словами; онъ лишь въ крайнемъ замѣшательствѣ завертѣлся на стулѣ и сталъ безпрестанно покашливать въ руку.

— Ну, разсказывай же, разсказывай же намъ что нибудь!— повторилъ свою просьбу высокопреосвященный.

Не смотря, однако, на это, «настоятель» попрежнему продолжалъ какъ-то странно покашливать и вертѣться на стулѣ, подобно человѣку, у котораго во время ѣды засѣла въ дыхательномъ горлѣ какая нибудь крошка. Видя затруднительное положеніе отца С., владыка рѣшилъ, наконецъ, прійти къ нему на помощь и спросилъ его мягкимъ голосомъ:

— Ты, кажется, былъ годъ тому назадъ у меня въ О. съ какою-то просьбою?

— Былъ, ваше высокопреосвященство!—отвѣчалъ пришедшій немного въ себя священникъ.

— И, если память мнѣ не измѣняетъ, даже жаловался на болѣзненное состояніе своей груди?

— Жаловался, ваше высокопреосвященство!—произнесъ уже совсѣмъ храбро о. С., недоумѣвая только, чего ради владыка завелъ объ этомъ рѣчь.

— Такъ, такъ!—продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія архіерей.—Помнится еще, что я тогда уличилъ тебя въ куреніи табаку

и совѣтовалъ немедленно оставить эту гнусную привычку, которая могла тебя довести къ могилѣ гораздо ранѣе опредѣленнаго срока... Кажется? такъ, да?

— Совершенно справедливо!—отвѣчалъ пришедшій въ прежнее замѣшательство смиренный пастырь.

— Гм... а исполнилъ ли ты мой совѣтъ?—спросилъ высокопреосвященный тѣмъ же спокойнымъ голосомъ.

— Я въ тотъ же день бросилъ куреніе табаку,—поспѣшилъ отвѣтить священникъ.

— Ну, а какъ себя теперь чувствуешь?

— Какъ нельзя лучше, ваше высокопреосвященство, и до конца дней своихъ буду благодаренъ вамъ за совѣтъ и отеческое наставленіе...

— Вотъ видишь, по моему вышло,—замѣтилъ владыко:—да иначе оно и быть не могло, такъ какъ извѣстно, что табакъ, помимо матеріальныхъ убытковъ, наноситъ еще непоправимый вредъ нашему организму, заключая въ себѣ одинъ изъ сильнѣйшихъ ядовъ—никотинъ, одной капли котораго достаточно, по мнѣнію ученыхъ, чтобы умертвить собаку. Это-то ядовитое вещество, будучи употребляемо человѣкомъ даже въ самыхъ микроскопическихъ дозахъ, при посредствѣ куренія, отражается гибельнымъ образомъ не только на нервной системѣ, но и на мускулахъ всѣхъ нашихъ внутреннихъ органовъ, а въ особенности на мускулахъ всѣхъ дыхательныхъ путей, ослабляя ихъ дѣятельность, разрушая ихъ ткани и въ конецъ уничтожая въ нихъ жизнеспособность; что же дѣлается внутри дыхательнаго горла каждаго курильщика, объ этомъ нечего и говорить; достаточно представить себѣ внутреннія стѣнки обыкновенной дымовой трубы, чтобы составить приблизительное понятіе о томъ, что находится въ дыхательномъ горлѣ лица, преданнаго куренію табаку. Не забывай, что осаждающаяся на стѣнкахъ этихъ органовъ табачная копоть дѣйствительно производитъ страшныя разрушенія слизистыхъ оболочекъ; да не только на внутреннихъ, но даже и на наружныхъ покровахъ нашего тѣла мы можемъ видѣть гибельное дѣйствіе этого страшнаго яда. Въ справедливости моихъ словъ ты можешь и сейчасъ убѣдиться,—замѣтилъ владыка,—если обратишь вниманіе на указательный и средній пальцы своей правой руки, которая, очевидно, держала нѣсколько минутъ назадъ ту самую папиросу, отъ коей ты отрекся еще въ прошломъ году...

При этихъ словахъ обличенный самимъ архіереемъ во лжи священникъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, не зная со стыда, куда дѣвать свои пожелтѣвшіе отъ частаго знакомства съ папиросой пальцы, ясно свидѣтельствовавшіе о томъ, какъ отнесся «настоятель» къ прошлогоднимъ совѣтамъ архипастыря...

— Полагаю,—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія владыка:—

что ты теперь окончательно убѣдишься въ ядовитыхъ свойствахъ табака и его вредоносномъ вліяніи на человѣческій организмъ и попрежнему будешь слѣдовать моимъ совѣтамъ...

III.

Въ первомъ же году управленія послѣднею своею епархіею высокопреосвященный Никаноръ задался цѣлью «подтянуть» подвѣдомственное ему духовенство, стараясь при каждомъ удобномъ случаѣ показать собственнымъ примѣромъ, каковъ долженъ быть истинный пастырь народа. Для того же, чтобы по возможности вѣрнѣе опредѣлить достоинства и недостатки своихъ подчиненныхъ, покойный владыко нерѣдко прибѣгалъ къ самымъ оригинальнымъ способамъ, къ каковымъ принадлежитъ и сообщаемый мною въ этой главѣ случай. Дѣло было во время рождественскихъ праздниковъ. Хотя по заранѣе составленному самимъ высокопреосвященнымъ «чину» всѣ мѣстные священники должны были совершать богослуженіе на святкахъ поочередно, однако сложное архіерейское служеніе требовало не мало труда отъ каждаго лица, попадавшаго «на очередь», а при строгомъ выполненіи церковныхъ уставовъ самимъ владыкою трудности эти еще болѣе увеличивались. По окончаніи послѣдней литургіи, которая была совершена на второй день Крещенія (Богоявленія), высокопреосвященный обратился вдругъ къ окружающему его духовенству съ слѣдующими словами:

— Ну, братія мои, послѣ столь многотрудныхъ обязанностей, какія намъ пришлось вынести въ послѣднее время, не грѣшно будетъ, я полагаю, и отдохнуть почеловѣчески, а посему прошу васъ всѣхъ пожаловать ко мнѣ въ гости.

Нечего и говорить, что присутствующіе были крайне удивлены подобнымъ приглашеніемъ архіерея, который, какъ извѣстно, не слишкомъ-то баловалъ своихъ подчиненныхъ. Какъ бы тамъ, однако, ни было, но отъ владычняго угощенія отказываться никто не рѣшался, хотя каждый изъ болѣе или менѣе предусмотрительныхъ членовъ «клира», идя въ архіерейскій домъ, думалъ: «ну, здѣсь что-то кроется не ладное; гдѣ же это видно, чтобы послѣ такой строгости, какая царитъ у насъ,—и вдругъ, ни съ того ни съ сего, покорнѣйшая просьба пожаловать въ гости»... Но удивленіе «приглашенныхъ» достигло крайняго предѣла, когда они увидѣли, что у владыки дѣйствительно все было приготовлено для угощенія, и что самъ хозяинъ встрѣтилъ своихъ гостей въ высшей степени радушно. За столомъ высокопреосвященный положительно очаровалъ всѣхъ своею привѣтливостью и любезностью. Послѣ обѣда, по приказанію самого архіерея, были даже разставлены въ гостиной ломберные столы, и къ величайшему изумленію всѣхъ при-

сутствующихъ самъ владыка предложилъ вдругъ своимъ гостямъ позабавиться игрой въ карты... Повторять это приглашеніе не пришлось, такъ какъ немедленно почти всѣ столы были заняты любителями пріятнаго времяпрепровожденія... Не успѣли, однако, играющіе войти, какъ говорится, во вкусъ своей забавы, какъ владыка, поднявшись съ кресла и сдвинувъ грозно брови, произнесъ громкимъ голосомъ:

— Братія, къ величайшему моему прискорбію я теперь вижу собственными глазами то, чему мнѣ даже не хотѣлось вѣрить, но что дѣйствительно существуетъ на самомъ дѣлѣ, какъ объ этомъ мнѣ уже неоднократно доносили...—И пошелъ, и пошелъ, и пошелъ...

Игроки съ ужасомъ оттолкнули отъ себя карты и, поднявшись со своихъ мѣстъ, принуждены были втеченіе цѣлаго часа выслушивать рѣзкую обличительную рѣчь высокопреосвященнаго относительно развращающаго вліянія карточной игры на человѣчество вообще, а на духовенство въ особенности. Долго послѣ этого «мѣстный клиръ» съ содроганіемъ вспоминалъ происшедшій въ архіерейскомъ домѣ случай, и можно съ полной увѣренностью сказать, что значительная часть лицъ, присутствовавшихъ въ то время за столомъ владыки, получила навсегда отвращеніе къ картамъ.

IV.

Какую панику производили ревизіи высокопреосвященнаго Никанора среди духовенства вообще, а сельскихъ священниковъ въ особенности,—это можно видѣть, между прочимъ, изъ нижеслѣдующаго случая. Предполагая совершить обзоръ своей епархіи, владыка составлялъ обыкновенно маршрутъ, который и печатался въ ближайшемъ нумерѣ епархіальныхъ вѣдомостей. Не смотря, однако, на это, высокопреосвященный не всегда придерживался строго составленнаго маршрута и на практикѣ дѣлалъ нерѣдко довольно неожиданныя и крупныя отступленія, одно изъ которыхъ и послужило однажды причиною весьма трагикомической сценки. Подъѣзжая къ заштатному городку N., владыка вздумалъ вдругъ посѣтить лежащее совершенно въ сторонѣ, верстахъ въ 10 отъ почтовой дороги, небольшое село Д. Надобно здѣсь, кстати, замѣтить, что это село не входило даже въ число тѣхъ пунктовъ, которые были помѣщены въ «маршрутѣ», а потому и весьма понятно, что объ архіерейскомъ визитѣ тамъ никто и не помышлялъ, тѣмъ болѣе, что село Д. лежало за рѣкой, чрезъ которую на ту пору не было даже порядочной переправы. Дѣло было наканунѣ какого-то праздника, часовъ около пяти по полудни. Изъ села Д. уже доносился благовѣстъ церковнаго колокола. Очевидно было, что свя-

щенникъ спѣшитъ поскорѣе отслужить вечерню, чтобы поспѣть еще въ сосѣдній городъ посмотрѣть на высокопреосвященнаго; поэтому нечего было удивляться, что когда архіерейская карета остановилась предъ воротами убогаго сельскаго храма, то уже почти половина вечерни отошла. Владыка тихо вошелъ въ церковь и направился къ царскимъ вратамъ, предъ которыми священникъ въ бѣдномъ облаченіи читалъ торопливо слова просительной эктеніи. Присутствующіе въ храмѣ только тогда сообразили, въ чемъ дѣло, когда архіерей, пройдя толпу, взошелъ на амвонъ и, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ позади священника, сталъ осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, держа въ лѣвой рукѣ архіерейскій посохъ... По церкви распространился сдержанный шепотъ, изъ котораго явственно выдѣлялись слова: «владыка!», «владыка!»... Священникъ, полагая, что кто нибудь сообщилъ уже извѣстіе о пріѣздѣ высокопреосвященнаго въ городъ, сталъ еще поспѣшнѣе читать прошенія эктеніи, пропуская не только слова, но даже цѣлыя предложенія. Архіерей, между тѣмъ, продолжалъ стоять молча на томъ же мѣстѣ, устремивъ глаза на висѣвшій въ алтарѣ, позади престола, образъ Саваоѳа... Но вотъ эктенія кончена, и священникъ, не дождавшись даже возгласа: «аминь», быстро повернулся, чтобы идти въ южную дверь, но—о, ужасъ!—очутился лицомъ къ лицу предъ грознымъ владыкой, который даже тамъ, вдали, въ епархіальномъ городѣ, наводилъ на все духовенство какой-то паническій страхъ... Охватившій деревенскаго пастыря ужасъ не поддается никакому описанію. Вмѣсто того, чтобы встрѣтить подобающимъ образомъ высокопреосвященнаго, ошеломленный неожиданнымъ визитомъ священникъ поворачивается вдругъ опять къ алтарю и снова начинаетъ только что оконченную эктенію, а псаломщикъ въ свою очередь сопровождаетъ каждое прошеніе громогласнымъ: «Господи, помилуй»... Удивленный владыка приближается къ священнику и кроткимъ голосомъ замѣчаетъ: «отче, что ты дѣлаешь? остановись!». Но перепуганный пастырь энергичнымъ тономъ замѣчаетъ: «Оставьте меня: я знаю, что дѣлаю!». Тогда высокопреосвященный приближается къ клиросу и обращается съ такими же словами къ псаломщику, но и здѣсь получается тотъ же отвѣтъ. Закусивъ, какъ говорится, удила, дьячекъ быстро и громогласно отчеканивалъ возгласы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присутствовавшаго здѣсь же архіерея.. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ владыка на странныхъ священнослужителей и, махнувъ рукою, произнесъ: «они, кажется, оба рехнулись; оставимъ ихъ въ покоѣ, пока къ нимъ не возвратится прежній разсудокъ!»... И съ этими словами высокопреосвященный вышелъ изъ храма и направился къ своему экипажу. Послѣ этой злополучной ревизіи священникъ, говорятъ, получилъ горячку и пролежалъ болѣе мѣсяца, о чемъ высокопреосвященный много скорбѣлъ и былъ весьма радъ, когда больной выздоровѣлъ.

V.

Въ заключеніе приведу одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что высокопреосвященный Никаноръ никогда не стѣснялся ни мѣстомъ, ни временемъ, ни лицами, разъ дѣло касалось соблюденія въ чистотѣ и неизмѣнности не только основныхъ догматовъ православія, но даже всѣхъ мельчайшихъ постановленій св. отцовъ и церковныхъ обычаевъ. Однажды ему пришлось быть на панихидѣ у кого-то изъ самыхъ крупныхъ аристократовъ города О. По окончаніи панихиды всѣ присутствующіе были приглашены за столъ, на которомъ, не смотря на постный день, разставлены были скоромныя блюда. Когда всѣ уже усѣлись, хозяинъ вдругъ обратился къ высокопреосвященному съ покорнѣйшей просьбой благословить трапезу. Въ отвѣтъ на это владыка тотчасъ же отвѣтилъ:

— Какъ высшій представитель православія, я ни въ какомъ случаѣ не могу благословлять и разрѣшать того, что строго воспрещается уставами нашей церкви; но это можетъ, полагаю, сдѣлать находящійся въ данную минуту среди насъ католическій пасторъ, котораго и попросите объ этомъ...

Слова владыки, какъ громомъ, поразили аристократа хозяина и привели въ крайнее смущеніе остальныхъ присутствующихъ.

Д. В. Ѳ—въ.

В. И. ГРИГОРОВИЧЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ НАУКИ [1].

ЯТЬДЕСЯТЪ лѣтъ назадъ, въ октябрѣ 1842 г. [2]), въ Казанскомъ университетѣ, на словесномъ факультетѣ происходилъ очень интересный магистерскій диспутъ. Магистрантъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, всего 27 лѣтъ отъ роду, но уже не новичекъ въ наукѣ: онъ успѣлъ побывать и поработать за границей [3]); еще въ 1840 г. онъ представилъ обширное кандидатское сочиненіе [4]), которое факультетъ, не смотря на противодѣйствіе одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ своихъ, призналъ не только вполнѣ удовлетворительнымъ, но и достойнымъ печати, а въ слѣдующемъ 1841 году былъ напечатанъ въ «Ученыхъ Запискахъ» университета его трудъ: «Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ». Студенты-филологи, тогда довольно многочисленные, хорошо знали магистранта, такъ какъ онъ съ 1839 года, за отсутствіемъ профессора, преподавалъ имъ одинъ изъ основныхъ предметовъ факультета, греческій языкъ, знали его за человѣка несомнѣнно ученаго, страстно преданнаго наукѣ и ожидали диспута съ большимъ интересомъ. До нихъ дошли слухи, что профессоръ русской исторіи Ивановъ, человѣкъ очень бойкій и само-

---

[1]) Рѣчь, сказанная въ Елисаветградѣ 18-го октября, при открытіи ему памятника.

[2]) 11-го октября, см. Слав. Обозр., 1892 г., іюль—августъ, стр. 246.

[3]) См. Воспоминанія о Григоровичѣ проф. Успенскаго въ Лѣтописи историко-филолог. общ., 1890, стр. 20—21.

[4]) Изслѣдованія о церковно-славянскомъ нарѣчіи, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, и пр.

увѣренный, извѣстный говорунъ и искусный діалектикъ и насмѣшникъ, намѣревается «отдѣлать» магистранта, который, при всей своей учености, отличался крайней ненаходчивостью, застѣнчивостью и робостью, говорилъ плохо и даже не совсѣмъ чисто порусски: онъ родился въ Юго-Западномъ краѣ, и хотя былъ воспитанъ въ православной вѣрѣ, но на польскомъ языкѣ: попольски говорилъ онъ въ семьѣ; исключительно попольски говорилъ онъ въ базиліанской школѣ, гдѣ получилъ среднее образованіе. Профессоръ Ивановъ прекрасно зналъ слабыя стороны магистранта и, безъ сомнѣнія, былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Ивановъ встрѣчался съ нимъ въ Дерптѣ (гдѣ они вмѣстѣ учились) и даже былъ ему обязанъ: будущій магистрантъ, тогда еще дѣйствительный студентъ Харьковскаго университета, перевелъ диссертацію Иванова на латинскій языкъ; это было, можетъ быть, одной изъ причинъ нерасположенія Иванова къ молодому ученому: извѣстно, что самолюбивые люди иногда болѣе оскорбляются услугой, имъ оказанной, чѣмъ непріятностью, имъ сдѣланной. Ивановъ былъ тотъ самый вліятельный членъ факультета, который возсталъ противъ признанія кандидатской диссертаціи молодаго слависта. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, онъ дѣйствовалъ не только изъ личной антипатіи, но также и изъ принципа. Ивановъ принадлежалъ, повидимому, къ числу тѣхъ скептическихъ умовъ, которые не любятъ никакихъ новшествъ въ наукѣ, часто потому, что сами слишкомъ мало работаютъ надъ нею, а молодой ученый выступилъ въ кандидатскомъ сочиненіи именно съ защитой (хотя и не безусловной) новшества: такъ называемой паннонской теоріи; да и самая каѳедра, которую готовился занять онъ, была въ то время тоже новшествомъ въ русскихъ университетахъ, и если она возбуждала особенно теплое сочувствіе въ лучшихъ, передовыхъ людяхъ, тѣмъ болѣе косились на нее люди отсталые и лѣнивые.

Еще болѣе оригинальнаго и новаго было въ той диссертаціи, которую молодой славистъ долженъ былъ защищать въ октябрѣ 1842 года. Она называлась: «Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ». Это было «первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности» [1]), первая попытка «осмыслить отдѣльные факты славянской исторіи и литературы и показать необходимость ихъ и логическую послѣдовательность» [2]). Въ этомъ «опытѣ» не только русская и польская литературы разсматривались параллельно, какъ части одного цѣлаго, но и сопоставлялись литературные факты, принадлежащіе такимъ народностямъ, за которыми до сихъ поръ не признавали никакой литературы. Въ немъ самое по-

---

[1]) Котляревскій, Сочиненія, II, 396.

[2]) Успенскій, l. c., 19.

нятіе литературы опредѣлялось поновому, и авторъ пользовался такимъ матеріаломъ, который до тѣхъ поръ совсѣмъ не считался литературнымъ, а развѣ только палеографическимъ. Понятно, почему проф. Ивановъ, который и мнѣніе Копитара считалъ продерзостнымъ, шелъ на диспутъ съ намѣреніемъ жестоко казнить новатора, а такъ какъ силы для борьбы были далеко неравныя, да и самое положеніе оппонента несравненно выгоднѣе, вполнѣ естественно, что и публика была заранѣе увѣрена въ посрамленіи молодаго слависта.

Но на диспутѣ произошло нѣчто совершенно неожиданное и, надо думать, до тѣхъ поръ не бывалое. Не то, чтобы магистрантъ обрѣлъ внезапно даръ слова и смѣлость; напротивъ, онъ путался и заикался, навѣрно, гораздо больше обыкновеннаго; не то, чтобы проф. Ивановъ проявилъ неожиданную кротость; напротивъ, онъ такъ и осыпалъ своего противника ядовитыми сарказмами... Но Ивановъ показывалъ свою діалектическую ловкость, придирался и острилъ, а магистрантъ говорилъ дѣло, и въ словахъ его была такая сила убѣжденія и въ доводахъ столько знанія и научной добросовѣстности, что, по словамъ очевидца, диспутъ окончился полнымъ торжествомъ магистранта и рѣшительнымъ пораженіемъ Иванова, и молодой славистъ «сразу завоевалъ себѣ уваженіе и симпатію студентовъ» [1]).

Этотъ молодой славистъ былъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Фактъ, мною сейчасъ разсказанный, въ то время внѣ Казани, конечно, не обратилъ на себя ничьего особаго вниманія; важный въ личной жизни Григоровича, котораго удачный диспутъ ободрилъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ томъ же направленіи, этотъ фактъ, отдѣльно взятый, не представляется и теперь крупнымъ историческимъ фактомъ, но, сопоставленный съ другими, онъ оказывается характернымъ признакомъ времени и является показателемъ новой ступени развитія нашего общества, моментомъ закрѣпленія серьезной науки въ русскихъ университетахъ.

Какъ извѣстно, на Руси наука была водворена главнымъ образомъ съ педагогическими цѣлями; были вызваны заграничные ученые, чтобы изъ россійскаго юношества образовать:

Собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ.

Понятно, что на первое время въ нашей некультурной странѣ умѣніе передать небольшое количество свѣдѣній должно было цѣниться выше, нежели обладаніе большими знаніями безъ умѣнія передать ихъ.

Исключительно съ педагогическими цѣлями основаны и первые русскіе университеты; отъ профессоровъ ихъ требовалось, конечно,

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1877 г., № 5, стр. 75, статья А. С.

солидное общее образованіе и достаточная подготовка по своему предмету, но не требовалось особенной глубины учености и упорно всю жизнь продолжающейся работы надъ спеціальностью. Если кто предъявлялъ большое усердіе къ наукѣ, копилъ библіотеку, печаталъ томы трудовъ своихъ, начальство, разумѣется, ничего не имѣло противъ этого и даже поощряло такого труженика наградами; но это вовсе не было обязательно: начальство, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени цѣнило и награждало и такого профессора, который, составивъ при началѣ своей педагогической карьеры «курсъ», читалъ его изъ года въ годъ безъ измѣненія, а свое свободное время употреблялъ на труды чисто литературные или на исполненіе какихъ либо административныхъ обязанностей. Часто профессоръ даже и курса не составлялъ, а прямо или излагалъ, или читалъ на лекціяхъ чужой учебникъ, и это не только никого не шокировало, но считалось самымъ простымъ и обычнымъ дѣломъ: въ XVIII в. и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX-го профессора Московскаго университета обязаны были сообщать начальству, по какимъ именно руководствамъ читаютъ они свои предметы.

При такомъ положеніи дѣлъ нечего и удивляться, что одинъ и тотъ же профессоръ могъ преподавать русскую словесность, и высшую математику, и латинскій языкъ, и это было вполнѣ естественно, когда въ университетъ въ большинствѣ случаевъ поступали почти мальчики, которымъ о серьезной наукѣ нечего было и думать. Припомнимъ, что Григоровичъ окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ 18 лѣтъ отъ роду, то-есть въ томъ возростѣ, который теперь считается среднимъ для ученика послѣдняго класса гимназіи.

Но вотъ въ 30-хъ годахъ наши четырехклассныя гимназіи преобразовываются въ семиклассныя, курсъ преподаванія въ нихъ значительно расширяется. Студенты теперь въ состояніи работать болѣе самостоятельно, и хотя очень немногіе пользуются этою возможностью, а большинство довольствуется исполненіемъ минимума своихъ обязанностей, т. е. усвоеніемъ профессорскихъ лекцій, все же въ общемъ замѣчается значительный прогрессъ. Этотъ прогрессъ прежде всего сказывается въ томъ, что студенты начинаютъ критически относиться къ формѣ преподаванія, и ихъ критика далеко не безразлична и для самихъ профессоровъ. Никто ужъ не читаетъ по учебнику, и всякій, кто дорожитъ вниманіемъ и расположеніемъ слушателя, считаетъ нужнымъ обдумывать и обдѣлывать свои лекціи и придавать имъ цѣльность и, по возможности, изящество.

Краснорѣчиваго профессора, читающаго живо, картинно, охотно слушаютъ студенты всѣхъ факультетовъ и курсовъ, а если онъ затрогиваетъ жизненные общіе вопросы и разрѣшаетъ ихъ въ духѣ

передовыхъ идей, его любятъ, имъ гордятся и объ его лекціяхъ всѣ вспоминаютъ впослѣдствіи съ глубокой благодарностью, какъ о лучшихъ минутахъ золотой поры своей жизни, своего студенчества.

Но студенты въ общемъ были недостаточно подготовлены, слишкомъ мало и поверхностно работали въ университетѣ для того, чтобы судить, съ какимъ количествомъ научнаго багажа является профессоръ, на сколько самостоятельны и оригинальны его лекціи, на сколько силенъ онъ, какъ критикъ и изыскатель истины. Можетъ быть, весь ученый аппаратъ его курса состоитъ изъ двухъ-трехъ скорѣе бойкихъ, чѣмъ серьезныхъ книгъ; можетъ быть, красивыя картины, имъ воспроизводимыя, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, факты, имъ сообщаемые,—только пикантные анекдоты, обобщенія—произвольны, тирады о міровыхъ вопросахъ взяты имъ на прокатъ; можетъ быть, его сближенія съ современностью именно свидѣтельствуютъ о полномъ непониманіи имъ отдаленнаго прошлаго. Что кому за дѣло?! Все это красиво и привлекательно, а, стало быть, и сильно дѣйствуетъ на слушателей; они съ восторгомъ поглощаютъ это легкое и пріятное кушанье, а на кухню не заглядываютъ и не желаютъ знать, изъ какого матеріала оно приготовлено. Красота формы и общія идеи—вотъ что было единственнымъ критеріумомъ достоинства профессора не только для студентовъ, но и для общества, которое именно въ это время все больше и больше интересуется университетомъ. Да и могло ли быть иначе? Это былъ періодъ эстетики и общихъ идей; это былъ періодъ, когда философская мысль, оказавшая такъ много услугъ цивилизаціи, но теперь готовившаяся уступить свое мѣсто положительной наукѣ, ярко блеснула въ послѣдній разъ; это былъ періодъ, когда всякій молодой ученый, ѣхавшій за границу, хотя бы съ цѣлію заниматься полицейскимъ правомъ, финикійскими древностями или токсикологіей, направлялся прежде всего въ Берлинъ послушать Гегеля. И кто скажетъ, что школа Гегеля была совсѣмъ таки безполезна для этихъ токсикологовъ и полицеистовъ?

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что, при такомъ взглядѣ на дѣло, серьезной наукѣ не было надлежащаго мѣста въ русскихъ университетахъ; а между тѣмъ лучшіе умы чувствовали въ ней потребность, работали надъ ней и только поневолѣ мирились съ тѣмъ, какъ къ ней относились студенты и общество. Если честный и усердный работникъ случайно соединялъ съ глубокимъ знаніемъ и страстью къ истинѣ талантъ изложенія, ему прощали за этотъ талантъ серьезность его лекцій, но только прощали; большинство же истинныхъ «ученыхъ» не пользовалось популярностью и работало исключительно въ тиши своихъ кабинетовъ не для современниковъ, а для потомства.

Конечно, это должно было измѣниться, и случай, разсказанный мною, диспутъ, съ котораго начинается самостоятельно науч-

ная карьера Григоровича, есть одинъ изъ характерныхъ фактовъ, можетъ быть, самый характерный, указывающій на этотъ поворотъ въ жизни нашихъ университетовъ; положимъ, университетская молодежь и въ тридцатыхъ годахъ, и прежде нихъ, всегда имѣла инстинктъ, который давалъ ей возможность отличать истинное зна-

В. И. Григоровичъ.

ніе и любовь къ наукѣ отъ фразерства и остроумія; положимъ, и прежде пользовались ея уваженіемъ и сочувствіемъ нѣкоторые труженики науки, но, во-первыхъ, то было въ Москвѣ, въ Петербургѣ, и, во-вторыхъ, эти труженики должны были имѣть и какія либо внѣшнія достоинства, и уваженія достигали они постепенно, послѣ нѣсколькихъ лѣть преподаванія; часто студенты оцѣнивали ихъ

только впослѣдствіи, по окончаніи курса; къ молодымъ студентамъ, начинающимъ, это уваженіе переходило по традиціи. Здѣсь же мы видимъ не то: Григоровичъ еще слишкомъ молодъ для того, чтобы выказать преподавательскія способности на немногихъ лекціяхъ, имъ прочитанныхъ, да еще по чужому предмету; внѣшнія условія у него самыя неблагопріятныя: робость, заиканіе, плохая русская рѣчь; предметъ диссертаціи мало понятенъ даже членамъ факультета; противникъ опытенъ, находчивъ, остроуменъ, пользуется большою извѣстностью, преподаетъ популярный, модный предметъ—русскую исторію; дѣло происходитъ въ отдаленной Казани, гдѣ студенты, конечно, хуже подготовлены и менѣе развиты, чѣмъ въ столицахъ. И при всѣхъ этихъ условіяхъ «диспутъ закончился полнымъ торжествомъ Григоровича». Научная правда, истинное знаніе, смѣлость мысли и въ отдаленной Казани побѣдили фразерство и остроуміе. Конечно, въ этой побѣдѣ многое нужно отнести на счетъ времени, на счетъ наступающей зрѣлости университетскаго общества, но, чтобы эта зрѣлось могла проявиться, «Григоровичу надо было быть ученымъ изъ ряду вонъ».

Что зрѣлость общества только наступала, видно изъ словъ того же очевидца, который разсказалъ намъ о диспутѣ. Магистръ Григоровичъ сейчасъ же открылъ курсъ по славянскимъ нарѣчіямъ. Слушателей у него было немного, дѣйствительно занимающихся между ними и того меньше, хотя молодой профессоръ дѣлалъ все съ своей стороны, чтобъ заохотить ихъ къ дѣлу: онъ втеченіе одного года познакомилъ ихъ и съ этнографіей, и съ исторіей славянскихъ племенъ, и съ главными особенностями важнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій; онъ переводилъ съ ними отрывки изъ народной поэзіи и охотно снабжалъ ихъ книгами изъ своей библіотеки.

Что Григоровичъ былъ ученый, выдающійся и по страстной любви къ наукѣ, и по энергіи, и по таланту, видно изъ всей его послѣдующей дѣятельности. Магистерская степень въ то время давала право на полученіе всѣхъ высшихъ университетскихъ почестей, такъ какъ докторство было обставлено такими условіями, что его искали весьма немногіе, а большинство числилось исправляющими должность ординарныхъ профессоровъ вплоть до самой отставки. Магистръ Григоровичъ имѣлъ полную возможность опочить на лаврахъ, получить ординатуру, жестоко отомстить своему бывшему противнику и, если угодно, съѣздить на годъ, на два, въ Берлинъ, въ Вѣну, въ Парижъ, отдохнуть и посмотрѣть Европу. Извѣстно, что Григоровичъ поступилъ не такъ; онъ, правда, усиленно хлопочетъ о заграничной командировкѣ и скоро на два съ половиной года покидаетъ Казань, но не для отдыха и не для наслажденія Европой, а для ученаго мученичества, которое мало чѣмъ легче и безопаснѣе путешествія во внутренность Африки. Вы слышали сегодня на могилѣ Григоровича, какіе богатые ре-

зультаты для излюбленной имъ научной области принесъ этотъ подвигъ. Вы знаете, что съ Балканскаго полуострова вернулся Григоровичъ съ массой свѣдѣній и массой документовъ, добытыхъ изъ первыхъ рукъ, и вернулся не для того, чтобы отдыхать, а для того, чтобы работать изъ всѣхъ силъ и работать не только для науки, но и для своихъ слушателей. Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ съ ними этотъ теперь уже извѣстный ученый, уважаемый Шафарикомъ и другими звѣздами славяновѣдѣнія, мы узнаемъ изъ разсказа того же его казанскаго слушателя, который сообщилъ намъ объ его диспутѣ: «Григоровичъ,—говоритъ онъ [1]),—привлекалъ къ себѣ студентовъ необыкновенной въ то время простотой обращенія съ ними, чисто товарищеской близостью къ нимъ. Это рѣзко отличало его отъ другихъ тогдашнихъ профессоровъ, которые большею частію держали себя по отношенію къ студентамъ чисто поначальнически. Въ опредѣленные дни мы собирались у него запросто. Онъ принималъ всякаго приходящаго къ нему студента радушно, снабжалъ его книгами, давалъ совѣты въ занятіяхъ, съ полною готовностью дѣлалъ для него все, что могъ сдѣлать».

Почти двадцать пять лѣтъ проработалъ Григоровичъ въ Казани: въ университетѣ, въ духовной академіи и въ обществѣ любителей словесности, и образовалъ тамъ цѣлую школу ученыхъ; на сколько помнитъ его Казань до сихъ поръ, черезъ 27 лѣтъ послѣ его выѣзда оттуда, вы знаете: вы сейчасъ слышали, какое горячее участіе принимала она въ устройствѣ ему памятника.

Въ 1865 г. съ открытіемъ Новороссійскаго университета Григоровичъ является работать къ намъ на югъ. Ему уже 50 лѣтъ, но энергія у него та же, что и при началѣ его карьеры, та же беззавѣтная любовь къ наукѣ и та же умственная свѣжесть; на новой землѣ онъ самъ дѣлается новымъ человѣкомъ, измѣняетъ направленіе своихъ занятій: изъ филолога становится географомъ, этнографомъ и археологомъ.

Между вами, господа, есть нѣсколько непосредственныхъ учениковъ Григоровича и еще большее число лицъ, которыя хорошо помнятъ его; вы и сейчасъ услышите о немъ, какъ о профессорѣ, живое слово отъ одного изъ его благодарныхъ слушателей. Я же только позволю себѣ выразить то общее впечатлѣніе, какое производятъ устные и печатные «разсказы очевидцевъ» на насъ, новыхъ членовъ, той все еще молодой университетской семьи, для подъема и упроченія которой такъ много сдѣлалъ Григоровичъ.

Говорятъ, что подъ земною корою есть такіе пласты, въ которыхъ органическое тѣло сохраняетъ всѣ краски, всю свѣжесть свою, хотя бы оно пролежало тамъ цѣлыя столѣтія. Для истинныхъ своихъ адептовъ, всецѣло себя ей отдающихъ, наука есть

[1]) «Древняя и Новая Россія», l. c., стр. 76.

именно такой пластъ, сохраняющій человѣку вѣчную юность, и нравственный обликъ Григоровича, какъ онъ рисуется въ разсказахъ его студентовъ, чрезвычайно яркое тому доказательство. Съ юношеской энергіей носится почти 60-ти-лѣтній старикъ по степямъ и балкамъ Новороссіи, пристаетъ съ разспросами къ мѣстнымъ жителямъ, роется въ архивахъ и сидитъ мѣсяцами надъ такими рукописями, о научномъ значеніи которыхъ не подозрѣвалъ никто другой, не подозрѣвалъ и онъ самъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Какъ совсѣмъ юный доцентъ, чуть не вчера соскочившій съ университетской скамьи, добытыми открытіями онъ дѣлится прежде всего со своими студентами, не взирая на то, на сколько они подготовлены къ такимъ откровеніямъ; онъ всегда готовъ бесѣдовать съ своими студентами до глубокой ночи (не смотря на свою привычку рано ложиться спать), готовъ раздать имъ чуть не всю свою библіотеку; въ каждомъ студентѣ, который что называется ударилъ палецъ объ палецъ, онъ видитъ «молодаго спеціалиста», «молодаго ученаго», гордится его крохотными успѣхами, будто невѣсть какими открытіями. Студенты—семья его; у него нѣтъ другой; съ ними дѣлится онъ и горемъ и радостью; имъ сообщаетъ онъ самыя интимныя мысли свои и намѣренія; съ ними и на лекціи говоритъ онъ просто, ясно и живо. Онъ совсѣмъ другой человѣкъ, когда выходитъ къ «чужимъ», въ публику; только тамъ у него напускной паѳосъ, возвышенная темнота слога, неестественный голосъ съ повышеніями и пониженіями и до смѣшнаго театральные жесты; только тамъ у него это «смиреніе паче гордости», тамъ вѣчное подчеркиваніе своего чернорабочаго ничтожества, тамъ у него наивное, полудѣтское лицемѣріе и чинопочитаніе, основы котораго, вѣроятно, были вынесены имъ изъ католической монашеской школы и укрѣплены суровыми испытаніями конца сороковыхъ годовъ.

Чисто поюношески мечтаетъ Григоровичъ о задачахъ румыно-византійскаго славяновѣдѣнія въ Одессѣ въ 1860 г., мечтаетъ объединить изъ нашей красавицы юга весь юговосточный уголъ христіанской Европы, создать литературно-ученый органъ [1]), чисто поюношески же онъ приходитъ въ отчаяніе отъ первыхъ неудачъ въ пшеничной коммерческой Одессѣ отъ недостатка солидарности между болгарскими и сербскими купцами Одессы.

Но молодость тѣмъ и хороша, что ея огорченія проходятъ скоро и скоро замѣняются новыми восторгами. Такъ и Григоровичъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ переходитъ отъ одного восторга къ другому: не удался журналъ, онъ восторгается славянскимъ обществомъ, своими этнографическими и археологическими изысканіями, архивомъ генеральнаго штаба, своими лекціями и «молодыми учеными», ихъ слушающими, восторгается постоянно и непрерывно.

[1]) Успенскій, l. c., 36.

Прослуживъ 10 лѣтъ, Григоровичъ разстался съ университетомъ и студентами, разстался и съ значительной частью своихъ рукописей, которыя онъ любилъ почти также, какъ и студентовъ, онъ удрученъ и угнетенъ до послѣдней возможности, и жизнь, повидимому, теряетъ всякій смыслъ для него. Но вотъ въ немъ крѣпнетъ идея переселиться въ Елисаветградъ, центральный въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи пунктъ Новороссіи и при этомъ истинно русскій городъ, свободный отъ пшеничнаго коммерческаго духа полуиностранной Одессы. Здѣсь, освободившись отъ служебныхъ обязанностей и мелочныхъ заботъ, будетъ онъ подводить итоги своимъ почти 40-лѣтнимъ трудамъ; отсюда будетъ онъ дѣлать экскурсіи во всѣ концы южной Россіи, рыться и въ землѣ и въ архивахъ и въ памяти человѣческой и собирать новый матеріалъ, тесать новые крѣпкіе камни для великаго зданія. Но здѣсь неожиданно для всѣхъ смерть скосила этого старца-юношу.

Нынѣшній день—яркое, безусловно убѣдительное доказательство того, какое огромное значеніе имѣлъ Григоровичъ для научной культуры всего нашего края. Одесскому университету, центру этой культуры, въ первый періодъ его дѣятельности нужны были съ одной стороны юныя, свѣжія силы, съ другой—крупныя имена, крупныя ученыя заслуги, выдающіяся знанія для того, чтобы на первое время поставить дѣло, какъ слѣдуетъ, пріобрѣсти довѣріе общества; нужны были профессора, которые, не гордясь передъ студентами, могли вести ихъ впередъ, какъ старшіе товарищи, могли работать вмѣстѣ съ ними, возбуждать въ нихъ любовь къ дѣлу черезъ дружбу къ себѣ; съ другой стороны, нужны были профессора съ громкими именами, съ большею опытностью, съ развитымъ, испытаннымъ методомъ, съ великими идеями, наконецъ. Григоровичъ былъ и тѣмъ и другимъ въ одно время, оттого-то и легъ онъ, какъ краеугольный камень, въ основаніи Новороссійскаго университета и для этого юнаго учрежденія создалъ славное прошлое.

Но Григоровичъ, написавшій такъ мало, что всѣ его статьи легко помѣстятся въ два небольшіе тома, всю жизнь только собиравшійся «подвести итоги», создать большой трудъ, не есть мѣстная казанско-одесская знаменитость. Онъ имѣетъ огромное значеніе и во всероссійской наукѣ.

Уроженецъ Московской округи, воспитанникъ Московскаго университета 60-хъ годовъ, я никогда въ глаза не видалъ Григоровича, но я слышу объ немъ чуть не съ перваго дня поступленія въ университетъ. Незабвенные учителя наши Буслаевъ и Тихонравовъ говорятъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей не только какъ о знаменитомъ славистѣ, но и какъ объ одномъ изъ первыхъ знатоковъ древне-русской письменности и народной поэзіи; старшіе товарищи разсказываютъ намъ чудеса о томъ, какъ Григоровичъ собиралъ свою коллекцію рукописей; въ этихъ полу-

миѳическихъ разсказахъ Григоровичъ до поразительности напоминаетъ намъ тѣхъ гуманистовъ XV вѣка, которые изъ глубины монастырскихъ подваловъ извлекали на божій свѣтъ забытыхъ классиковъ, не останавливаясь для этой благородной цѣли ни передъ какими трудами и лишеніями, ни даже передъ благочестивымъ обманомъ невѣжественныхъ владѣльцевъ-губителей этихъ сокровищъ.

Стали мы, что называется, подниматься въ научномъ отношеніи на ноги, то-есть стремиться дополнять лекціи своей работой,—одна изъ первыхъ книгъ, которую рекомендуютъ намъ для серьезнаго чтенія: «Очеркъ путешествія по Европейской Турціи», того же Григоровича»; изъ нея прежде всего знакомимся мы со смысломъ такихъ страшныхъ словъ, какъ хрисовулъ, идіоритмъ, типикарница и пр.; изъ нея узнаемъ мы, какія новыя америки для изслѣдователей старины скрываются на Балканскомъ полуостровѣ и какъ много можетъ сдѣлать даже одинокій хорошо подготовленный и энергичный путешественникъ; сквозь сжатый до лаконизма слогъ «Очерка», напоминающій слогъ древнихъ сказаній, намъ рисуется могучій образъ этого піонера науки, и мы мечтаемъ идти толпою по его слѣдамъ. Когда мы въ концѣ курса готовимся работать по рукописямъ, мы постоянно слышимъ о четвероевангеліи Григоровича, о листкахъ Григоровича, о Паремейникѣ Григоровича, и мы, московскіе студенты, которымъ открыты коллекціи графа Румянцева и Синодальной библіотеки, завидуемъ казанцамъ и одесситамъ...

Не многочисленны и не обширны научные труды Григоровича, но они всѣ безъ исключенія безусловно самостоятельны и глубоко проникнуты единствомъ оригинальнаго, научнаго міровоззрѣнія. Скромный провинціальный профессоръ яснѣе, чѣмъ большинство его столичныхъ собратьевъ и академиковъ, сознаетъ особыя задачи русской науки: въ то время, какъ одни изъ нихъ расширяютъ до безконечности ея предѣлы, сливая ее съ наукой европейской, гдѣ она, безъ сомнѣнія, затеряется по своей молодости, другіе слишкомъ суживаютъ ее, заставляя работать только надъ своимъ, туземнымъ, и тѣмъ лишая ее главнаго орудія для добыванія истины, сравненія,—Григоровичъ въ изученіи Византіи и славянства указываетъ ей обширное и плодотворное поле, предоставленное ей если не въ исключительное, то въ преимущественное пользованіе самой исторіей, и всякимъ ударомъ своей искусной руки въ эту почти дѣвственную почву открываетъ для наслѣдниковъ цѣлыя скрытыя сокровища. Григоровичъ вмѣстѣ съ Буслаевымъ и другими лучшими умами своего времени есть основатель научнаго, историческаго славянофильства въ противоположность московскому славянофильству полуфилософскому, полупоэтическому.

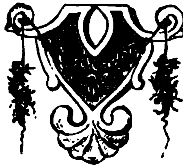
Григоровичъ любилъ называть себя чернорабочимъ науки;

онъ былъ дѣйствительно чернорабочимъ въ противоположность бѣлоручкамъ, которые сами не умѣютъ или не хотятъ добывать факты, а умѣютъ только краснорѣчиво излагать и обобщать добытые другими. Онъ чернорабочій въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть названъ чернорабочимъ всякій истинный мастеръ, который умѣетъ самъ и матеріалъ приготовить, самъ и планъ составить, самъ и исполнить его. Такъ и Григоровичъ умѣлъ самъ и найдти фактъ и оцѣнить его и указать ему мѣсто въ общей схемѣ, имъ же созданной. Короче сказать: онъ чернорабочій въ томъ смыслѣ, въ какомъ долженъ быть чернорабочимъ всякій великій ученый.

Площади и сады большихъ городовъ Запада украшены памятниками знаменитыхъ ученыхъ всевозможныхъ спеціальностей; тѣмъ же способомъ чтимъ и мы память своихъ законодателей, государственныхъ людей, полководцевъ. Послѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, послѣ похоронъ Достоевскаго, Тургенева, никто не назоветъ насъ неблагодарными къ памяти нашихъ великихъ поэтовъ. Но общественныхъ памятниковъ ученымъ, которые не были въ то же время извѣстными писателями или основателями благодѣтельныхъ учрежденій, у насъ, сколько знаю, еще нѣтъ. Это первый случай и, смѣло можемъ надѣяться, далеко не послѣдній.

Честь и слава Григоровичу, который и изъ-за гроба поднимаетъ наше самосознаніе! Честь и слава жертвователямъ! Честь и слава городу, который кладетъ первый камень для пантеона русской науки.

А. Кирпичниковъ.

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ НАЗАРЬЕВИЧА КАРАЗИНА.

ОЯБРЯ четвертаго, въ городѣ Николаевѣ состоялось освященіе часовни, воздвигнутой главнымъ образомъ на средства Харьковскаго университета, надъ прахомъ Василія Назарьевича Каразина, умершаго 4-го ноября 1842 года. Это событіе даетъ намъ поводъ напомнить читателемъ объ одномъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ людей.

Имя В. Н. Каразина долго оставалось въ забвеніи, и лишь въ самое послѣднее время начали появляться отрывочные матеріалы, касающіеся его общественной дѣятельности, и напечатанъ краткій очеркъ жизни этого замѣчательнаго человѣка, по своимъ знаніямъ и стремленіямъ стоявшаго неизмѣримо выше большинства современниковъ, безкорыстно преданнаго благу родины и служившаго ей до самой смерти, не смотря на всѣ гоненія и превратности судьбы, съ необычайной энергіей и самоотверженіемъ.

Общественная дѣятельность Каразина началась при обстоятельствахъ довольно необычайныхъ. Вскорѣ послѣ смерти императора Павла, 11-го марта 1801 года, молодой Каразинъ, служившій въ канцеляріи Д. П. Трощинскаго, воспользовался суматохой, царившей въ эти дни въ Зимнемъ дворцѣ, и положилъ на письменный столъ молодаго государя анонимное письмо, излагавшее тѣ надежды и ожиданія, которыя онъ возлагалъ на новое царствованіе.

Государь-мечтатель, вступившій на престолъ съ страстнымъ желаніемъ облагодѣтельствовать свой народъ и возвести его «на верхъ славы и блаженства», не только не наказалъ смѣлаго подданнаго за этотъ сумасбродный поступокъ, но пожелалъ поближе съ нимъ познакомиться и лично выслушать отъ него совѣты, внушенные

одною лишь горячею любовью къ родинѣ. Трогательно было первое свиданіе между Александромъ и Каразинымъ. Когда Трощинскій ввелъ во дворецъ Каразина, государь пригласилъ послѣдняго къ себѣ въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его:

— Ты написалъ эту бумагу?

— Я, государь!—отвѣчалъ Каразинъ.

— Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ!

Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ, растроганный, бросался къ его ногамъ со словами: «клянусь, что буду всегда говорить правду». Александръ поднялъ его, указалъ на стулъ у своего письменнаго стола и сказалъ:

— Садитесь, мнѣ нужно побесѣдовать съ вами: вы коснулись въ вашей бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать, съ чего начать работу.

— Конечно, съ образованія народнаго,—отвѣчалъ Каразинъ.

При такихъ обстоятельствахъ впервые высказана была мысль о необходимости особаго центральнаго учрежденія для завѣдыванія народнымъ образованіемъ.

Планы Каразина относительно предѣловъ вѣдѣнія этого центральнаго учрежденія были потомъ на дѣлѣ выполнены лишь отчасти. «Произнося слова «народное просвѣщеніе», — писалъ Каразинъ,—я воображаю себѣ отрасль государственнаго, отеческаго управленія, обнимающую все, что только можетъ относиться къ образованію добрыхъ гражданъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, какого бы пола и возроста ни были. Произнося слова «министръ народнаго просвѣщенія», я представляю себѣ просвѣщеннаго начальника, вполнѣ распоряжающагося тою отраслью управленія, дающаго отчетъ о ней только верховной власти. Министерство народнаго просвѣщенія должно быть независимо отъ другихъ вѣдомствъ, которыя отнюдь не должны вмѣшиваться въ сферу его дѣятельности. Оно должно вѣдать образованіе во всей его совокупности, какъ общее, такъ и спеціальное».

Министерство народнаго просвѣщенія, учрежденное вмѣстѣ съ другими въ 1802 году, какъ извѣстно, не совсѣмъ осуществило эти предположенія, но и въ такой, независимыми обстоятельствами суженной, сферѣ Каразинъ въ дѣлѣ упорядоченія и расширенія дѣятельности новаго министерства выказалъ себя неутомимымъ работникомъ, искренно преданнымъ идеѣ, охватившей все его существо. Онъ составлялъ проекты новыхъ образовательныхъ учрежденій, писалъ правила для академій и университетовъ, ходатайствовалъ объ устройствѣ приходскихъ училищъ для крестьянъ,

и при всей этой кипучей дѣятельности находилъ еще время для вмѣшательства въ дѣла, лежавшія внѣ сферы народнаго просвѣщенія: онъ былъ вѣрнымъ стражемъ государственныхъ интересовъ вездѣ, гдѣ видѣлъ неправильности или злоупотребленія въ веденіи дѣлъ.

Въ самый разгаръ своей дѣятельности онъ поѣхалъ на свою родину, въ Украйну. Положеніе ея заставило его глубоко страдать.

Часовня надъ могилой В. Н. Каразина.

«Мнѣ больно было видѣть ее,—писалъ онъ,—богатую дарами природы и талантами ея обитателей, въ поруганіи и презрѣніи, и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобы уничтожить преграды, поставленныя къ ея успѣхамъ». Находя, что главная немощь страны—недостатокъ образованія, онъ началъ пропагандировать мысль объ открытіи на Украйнѣ, а именно въ Харьковѣ, разсадника высшаго образованія.

Затѣмъ послѣдовали горячія предстательства, ходатайства, искательство сочувствія среди дворянъ и горожанъ, созывы особыхъ собраній, рѣчи, притомъ вездѣ борьба съ недостаткомъ пониманія, глухой и открытой оппозиціею, нежеланіемъ жертвовать чѣмъ либо для общественныхъ интересовъ. Дѣло двигалось впередъ туго. Тогда Каразинъ началъ тратить свои собственныя средства, входилъ въ долги для покрытія расходовъ по постройкѣ университета, терпѣлъ ради дорогой ему идеи всякія непріятности отъ сослуживцевъ по министерству и наконецъ, въ виду близкаго благополучнаго окончанія дѣла, въ августѣ 1804 года вышелъ въ отставку. 17-го января 1805 года послѣдовало торжественное открытіе Харьковскаго университета. Разсказываютъ, что когда государь хотѣлъ наградить Каразина за хлопоты, послѣдній отвѣчалъ: «Я становился, государь, на колѣни передъ дворянами и купцами, я вымаливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я сдѣлалъ все это изъ желанія получить награду».

Еще цѣлыхъ тридцать восемь лѣтъ послѣ отставки продолжалась разносторонняя общественная дѣятельность Василія Назарьевича, хотя онъ уже былъ лишенъ возможности лично, своими силами, внести какое либо исправленіе въ государственный механизмъ Россіи. Мы не входимъ въ разсмотрѣніе его частной жизни, не останавливаемся на причинахъ охлажденія къ нему Александра, на отношеніяхъ его къ Николаю Павловичу и т. д., все это, какъ и обзоръ его научныхъ работъ, его дѣятельности по крестьянскому вопросу и по мѣстному просвѣщенію, еще ждетъ своего изслѣдователя. Обстоятельная біографія Василія Назарьевича, для написанія которой пока еще не пришло время, будетъ достойнымъ и лучшимъ ему памятникомъ.

Когда 17-го января 1865 года Харьковскій университетъ праздновалъ свое шестидесятилѣтіе, впервые зашла рѣчь о необходимости почтить чѣмъ либо память доблестнаго поборника просвѣщенія: рѣшено было позаботиться о постановкѣ ему памятника въ Харьковѣ на площадкѣ университетской горки и объявить премію за написаніе его біографіи. Однако лишь въ 1873 году при исполненіи ста лѣтъ со дня рожденія Каразина Харьковскій университетъ рѣшилъ открыть подписку для полученія необходимыхъ средствъ. Высочайше разрѣшенная 11-го апрѣля 1875 года подписка сначала пошла было успѣшно, но вскорѣ прекратилась, очевидно, вслѣдствіе малой извѣстности среди общества какъ существованія самой подписки, такъ и заслугъ того лица, которое послужило ея виновникомъ. Въ виду этого, 31-го мая 1888 года, на засѣданіи совѣта университета рѣшено было основать особый комитетъ для сбора пожертвованій и предварительныхъ сношеній и распоряженій по сооруженію памятника В. Н. Каразину. Въ настоящее время собрано уже 12.500 рублей. Кромѣ того, Харьковская дума, въ засѣ-

данія 5-го ноября нынѣшняго года, постановила: назвать одну изъ новыхъ улицъ и второе городское училище именемъ Каразина и собрать путемъ подписки капиталъ на стипендіи въ университетѣ и въ городскихъ училищахъ.

Въ этой книжкѣ нашего журнала читатель найдетъ видъ часовни, воздвигнутой надъ могилой Каразина, и портретъ, изображающій его на семидесятомъ году жизни. Сынъ Василія Назарьевича, Филадельфъ Васильевичъ, передалъ его Николаю Алексѣевичу Лавровскому, нынѣ попечителю Дерптскаго учебнаго округа, а этотъ послѣдній профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю, отъ имени Каразинскаго комитета предоставившему его въ наше распоряженіе.

А. М. Л.

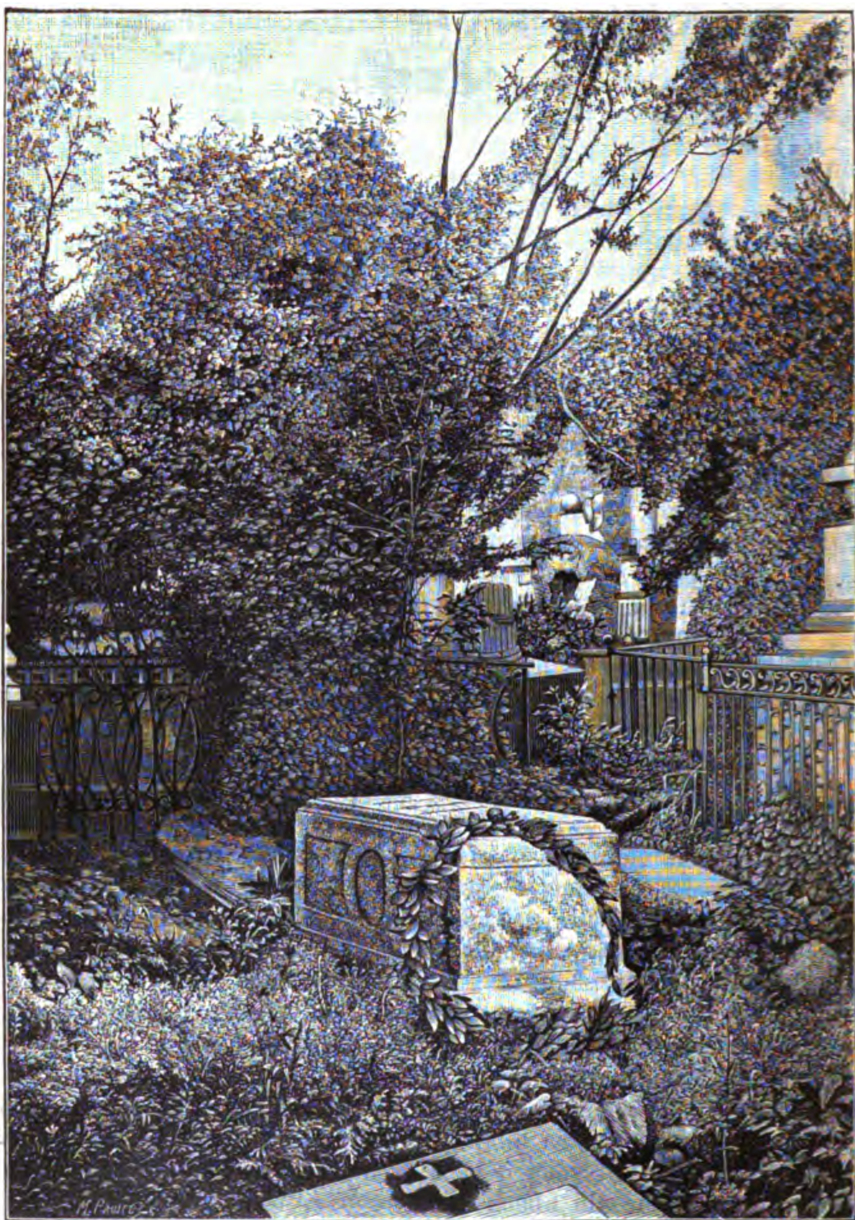

МОГИЛА Д. И. ФОНВИЗИНА.

ЕРВАГО ДЕКАБРЯ исполнилось сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ опустили въ могилу прахъ автора «Бригадира» и «Недоросля», и могила эта своимъ теперешнимъ видомъ наводитъ на самыя грустныя размышленія о благодарности потомства, нѣсколько поколѣній котораго училось и учится на произведеніяхъ похороненнаго въ ней Дениса Ивановича Фонвизина. Время давно уже наложило свою печать на эту историческую могилу: она вростаетъ въ землю, доска на ней такъ растрескалась, что лишь съ трудомъ можно прочесть надпись и, не смотря на это, никому до сихъ поръ не пришло въ голову реставрировать ее. Мало того: никто изъ обитателей Александро-Невской лавры не можетъ указать ее. На разспросы отвѣчаютъ, что она, вѣроятно, находится на Лазаревскомъ кладбищѣ, потому что оно—самое старое изъ всѣхъ кладбищъ лавры. Лазаревское кладбище дѣйствительно древнѣйшее по времени; въ немъ много историческихъ монументовъ, но всѣ они въ такомъ забросѣ и въ такомъ пренебреженіи, отъ которыхъ должно стать стыдно современникамъ.

Могила Фонвизина лежитъ въ далекомъ уголкѣ и окружена вросшими уже въ землю плитами. Добраться до нея можно только лѣтомъ. Зимою она едва видна изъ-подъ снѣга, а осенью и весною окружена болотами стоячей воды. Теперь на ней лежитъ перержавѣвшій металлическій вѣнокъ, или вѣрнѣе—остатки вѣнка, потому что половина желѣзныхъ листьевъ его давно уже отвалилась. Чьей рукою положенъ этотъ «неувядаемый» вѣнокъ, неизвѣстно. На растрескавшейся плитѣ, въ щеляхъ которой ростетъ густо мохъ, съ трудомъ можно прочесть слѣдующую надпись:

Видъ могилы Фонвизина.

Подъ симъ камнемъ
погребено тѣло ста-
тскаго советника Де-
ниса Ивановича фонъ-
Визина родился въ 1745
году апреля 3 дня пре
ставился въ 1792 году
декабря 1 дня Житія
его было 45 летъ 7 ме
сяцовъ и 28 дней.

Надпись заканчивается грубо высѣченной могильной эмблемой—черепомъ и двумя перекрещивающимися костями. Вотъ все, что осталось отъ могилы Д. И. Фонвизина. Но и это малое сохранить отъ окончательнаго разрушенія мы не заботимся вовсе. Быть можетъ, по поводу столѣтняго юбилея этой могилы ее обнесутъ хотя рѣшеткой. Нашлись же люди и средства для возобновленія памятниковъ Ломоносову и Волынскому,—быть можетъ, найдутся и теперь.

Мы не будемъ говорить здѣсь о литературныхъ трудахъ Фонвизина—значеніе ихъ въ русской литературѣ опредѣлено уже настолько ясно, что распространяться объ этомъ мы считаемъ излишнимъ; мы напомнимъ лишь читателямъ о послѣднихъ минутахъ его жизни.

Фонвизинъ умеръ, переживъ свою литературную славу и въ немилости у императрицы Екатерины Второй. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ былъ разбитъ параличемъ, сильно страдалъ и доживалъ свой вѣкъ уже получеловѣкомъ. Это уже не былъ тотъ вольнодумецъ и далеко не убѣжденный атеистъ, который пѣлъ въ своемъ «Посланіи къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ»:

Создатель твари всей, себѣ на похвалу,
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иныя рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другія морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ такъ вертится свѣтъ, а для чего онъ такъ, —
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ.

Такъ смотрѣлъ онъ на жизнь и на міръ въ то еще время, когда послѣ «Бригадира», выдвинувшаго его впередъ, и «Недоросля», доставившаго ему славу, онъ попалъ въ милость къ императрицѣ, особенно послѣ чтенія ей въ Петергофѣ, въ интимномъ кружкѣ, своего произведенія. У него явились и деньги, и чины, и слава. По поводу «Бригадира» графъ Н. И. Панинъ высказался такъ: «Я вижу, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ—или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу», а по поводу «Недоросля» у Потемкина вырвалась извѣстная фраза: «Умри, Денисъ, лучше не напишешь»... Но счастье не бываетъ долговѣчно. Въ августѣ 1785 года, когда онъ только возвратился послѣ путешествія по Италіи въ

Москву, его постигъ ударъ паралича, отнявшій у него руку и ногу и повліявшій на рѣчь: говорить онъ сталъ съ трудомъ. Весною онъ снова уѣхалъ за границу, но на этотъ разъ уже не путешествовать, а лечиться, но поѣздка эта пользы ему не принесла: здоровье ухудшалось.

Къ этому начали одно за другимъ прибавляться нравственныя потрясенія. Графъ Панинъ поручилъ ему написать статью, предназначавшуюся для великаго князя. Статья эта затрогивала тогдашній государственный строй. Прочтя ее, императрица отозвалась словами: «Плохо мнѣ приходится жить: ужъ и господинъ Фонвизинъ хочетъ учить меня царствовать». Эти рѣзкія слова сильно повліяли на Фонвизина и еще болѣе ухудшили его здоровье.

Затѣмъ послѣдовалъ еще одинъ и притомъ неожиданный ударъ. За четыре года до смерти онъ задумалъ издавать сатирическій журналъ «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ». Сначала журналъ былъ разрѣшенъ. Начались приготовленія къ изданію, хлопоты по типографіи и по заготовкѣ статей. Уже было заготовлено и объявленіе о скоромъ выходѣ его въ свѣтъ. Но тутъ неожиданно получилось извѣщеніе отъ полиціи о томъ, что журналъ не разрѣшается. Это надломило его окончательно. Потери послѣднихъ милостей императрицы онъ перенести не могъ.

И. И. Дмитріевъ видѣлъ Фонвизина за день до его смерти и такъ описываетъ его. Встрѣча произошла 30-го ноября 1792 года въ кабинетѣ Державина.

«Въ шесть часовъ по полудни пріѣхалъ Фонвизинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ поражены были параличемъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ былъ уже въ гробѣ».

Въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ онъ имѣлъ уже такъ мало значенія и своей сатирой нажилъ себѣ стольких врагов, что въ газетахъ того времени нѣтъ ни некролога, ни описанія его похоронъ. Похоронили не писателя и не поэта, а разбитаго параличемъ статскаго совѣтника Фонвизина.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ Хлоповой и вмѣстѣ съ его смертью изсякъ и его прямой родъ: дѣтей онъ послѣ себя не оставилъ.

Всѣхъ полныхъ изданій его сочиненій было девять. Первое вышло въ 1829 году и послѣднее (Ефремовское) въ 1866 году.

Ал. Чеховъ.

ПАМЯТНИКЪ А. В. КОЛЬЦОВУ ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Въ НАСТОЯЩЕМЪ году 29-го октября исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины поэта А. В. Кольцова. Судьба, относившаяся къ нему при его жизни не очень благосклонно и давшая ему на долю значительно болѣе горя и страданій, нежели радостей и счастья, не оставила его и послѣ смерти: потомки забыли день его кончины, и въ результатѣ получилась путаница. Біографы утверждали, что Кольцовъ умеръ 19-го октября 1842 года, а цифры, поставленныя на не существующемъ нынѣ памятникѣ на его могилѣ, заставляли сомнѣваться въ этомъ и предполагать опечатку въ біографіяхъ. Вопросъ этотъ поднялъ А. С. Суворинъ, и по его почину удалось выяснить, что день смерти поэта не 19-е, а 29-е октября. До этого же времени, опечатка, вкравшаяся на страницы «Отечественныхъ Записокъ» еще въ 1843 году и успѣвшая пріобрѣсти право гражданства, цѣлыя 49 лѣтъ принималась за истину. Вслѣдствіе этого не только Петербургъ отпраздновалъ полувѣковой юбилей Кольцова десятью днями раньше, но даже и Воронежъ, гдѣ находится его могила.

Памятникъ, который своей надписью возбудилъ весь этотъ вопросъ, нынѣ не существуетъ, и извѣстія о немъ дошли до насъ только потому, что кто-то въ 1853 году напечаталъ его описаніе въ «Москвитянинѣ». Описаніе это было перепечатано въ томъ же году на родинѣ поэта въ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 46 и затѣмъ въ «Живописной Библіотекѣ» за 1858 въ № 39. Памятникъ этотъ былъ скромный, чугунный, на

каменной плитѣ, покрытый черной краскою. При подножіи памятникъ имѣлъ форму четырехгранной призмы, шириною въ $^3/_4$ аршина; на этомъ четырехгранникѣ лежалъ другой, немного меньше нижняго, а на немъ круглая тумба, изъ которой выдавался небольшой четырехгранникъ, съ надгробной надписью поэту; тумба кончалась въ видѣ небольшой урны, изъ которой возвышался чугунный вызолоченный крестъ. Вся вышина памятника отъ основанія 2 аршина 3 четверти. Памятникъ былъ обнесенъ чугунною черною рѣшеткою. Вотъ и самая надпись, которую передаемъ съ самымъ точнымъ и строгимъ соблюденіемъ оригинальнаго ея текста:

1) съ западной стороны:

1842 г. Ноября 3 подсимъ
Паметникомъ
Погребено тело
мещанина Алексея
васильевича Колцова
сочинителя и поэта
Воронежскаго.

2) съ южной:

Просвещеноы безнаукъ
Природою награжденъ
Монаршою миластию
скончался 33 годовъ
и 26 дней въ 12 часу
брака неимелъ.

3) съ восточной:

Рожденъ отродителей
василья петрова и
Прасковии Ивановои
Калцовои жителей
воронежскихъ.

4) съ сѣверной:

Покоися любезныи сынъ
стенящии родители
Приклонноя старости
молимъ всещедрова
Упокоитъ душу твою
внедрахъ авраамовыхъ.

Когда и кѣмъ былъ поставленъ этотъ памятникъ, неизвѣстно. Судя по тексту, его воздвигъ на могилѣ поэта-сына его отецъ. Точно также неизвѣстно, когда онъ былъ уничтоженъ. На его мѣстѣ, на могилѣ, поставленъ теперь другой памятникъ, сооруженный, какъ надо полагать, сестрою поэта г-жею Андроновой.

Кромѣ этихъ двухъ смѣнившихъ другъ друга намогильныхъ памятниковъ, въ Воронежѣ существуетъ еще и третій, которымъ благодарное потомство увѣковѣчило память Кольцова. Памятникъ этотъ поставленъ въ городѣ, въ скверѣ, и представляетъ собою мраморный бюстъ на пьедесталѣ.

Исторія возникновенія и постановки этого памятника на столько любопытна, что остановиться на ней болѣе подробно въ виду вниманія, выказаннаго русскимъ обществомъ къ памяти Кольцова въ день пятидесятилѣтія его кончины,—будетъ не лишне. Мысль поставить памятникъ Кольцову назрѣла какъ-то сама собою. Это было въ началѣ 60-хъ годовъ послѣ освободительной реформы, когда встрепенулась сразу и общественная мысль и печать. До этого времени, какъ увидимъ изъ документовъ, приводимыхъ ниже, постановкѣ этого памятника мѣшали какія-то, независящія отъ денежныхъ средствъ, обстоятельства. Мѣстные органы печати высказывали опасеніе, что

Памятникъ Кольцову въ Воронежѣ.

тропа къ могилѣ Кольцова можетъ зарости травою, и что памятникъ ему поставитъ «будущее, новое, молодое поколѣніе, другіе люди, съ иными взглядами, съ иными интересами»... Есть основаніе предполагать, что высказывать мысль о памятникѣ дореформенное воронежское общество находило неудобнымъ, а, можетъ быть, даже побаивалось. Но послѣ 1861 года, когда явилась возможность говорить болѣе или менѣе свободно, память о Кольцовѣ, какъ о поэтѣ, выплыла сама собою. Общество встрепенулось и сразу заговорило о Кольцовѣ на всѣ лады. На мѣстной воронежской сценѣ заѣзжіе артисты читали стихотворенія Кольцова и ставили въ живыхъ картинахъ его памятникъ. Публика и печать привѣтствовали это явленіе. Мысль о постановкѣ памятника назрѣла на столько, что въ хлопотахъ по подпискѣ на него принялъ участіе и при томъ довольно горячее самъ губернаторъ. Разговоры въ обществѣ объ увѣковѣченіи памяти поэта достигли такого единодушія, что сестра его, г-жа Андронова, нашла необходимымъ напечатать въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объяснительное письмо и положить отъ себя первый денежный фондъ. Письмо это, адресованное на имя редактора, относится къ 2-му марта 1863 года. Оно такъ характерно, что мы приводимъ его дословно.

«М. г. Воронежъ и родные Кольцова давно укоряются всѣми въ равнодушіи къ его памяти и въ жалкомъ памятникѣ, который стоитъ надъ его могилой. Не имѣя права ни обвинять, ни оправдывать въ этомъ равнодушіи моихъ согражданъ, я, какъ сестра покойнаго Алексѣя Васильевича, не могу не сказать нѣсколько словъ противъ обвиненія, касающагося насъ, родныхъ его. За двадцать лѣтъ, какъ умеръ незабвенный братъ мой, много воды утекло и многое измѣнилось въ нашей фамиліи, въ судьбѣ и положеніи лицъ, ее составляющихъ. При всей родственной любви къ покойному брату, именемъ котораго мы вправѣ гордиться, и чего никто никогда изъ насъ не забывалъ, были разнаго рода обстоятельства, которыя мѣшали роднымъ Кольцова публично заявить объ этой любви къ нему. Жалкій нынѣ памятникъ назадъ тому двадцать лѣтъ не казался такимъ не только роднымъ А. В. Кольцова, но и жителямъ Воронежа. Наконецъ, несомнѣнное сочувствіе къ покойному моему брату стало высказываться въ Воронежѣ только въ послѣднее время.

«Позволяя себѣ выразить мою глубокую, сердечную благодарность воронежскому обществу за его сочувствіе къ памяти дорогаго брата моего, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, напечатать это письмо въ «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» вмѣстѣ съ симъ извѣщеніемъ, что я жертвую на памятникъ Алексѣю Васильевичу Кольцову шестьсотъ рублей серебромъ, предоставляя обществу избрать мѣсто для него внутри города. Деньги эти я тотчасъ же внесу въ комитетъ или другое учрежденіе, которое будетъ распоряжаться этимъ дѣломъ. Примите увѣреніе и пр.

«А. Андронова.

«Воронежъ. 24-го февраля 1863 года».

На приведенное выше письмо сестры поэта г-жи Андроновой тотчасъ откликнулась мѣстная пресса, и редакторъ «Губернскихъ

Вѣдомостей», М. Ѳ. Де-Пуле, напечаталъ въ томъ же номерѣ передовую статью за полною своею подписью. Вотъ текстъ этой статьи:

«Читатель пойметъ, съ какимъ удовольствіемъ мы печатаемъ письмо госпожи Андроновой. Кто дорожитъ родной литературой и народной славой, тотъ порадуется вмѣстѣ съ нами, что, наконецъ, и Кольцову готовится достойный его монументъ, то-есть, что мысль о немъ созрѣла и готова перейти въ дѣло. Что касается до насъ лично, то мы особенно рады тому, что мысль эта возникла среди нашего общества, что первая значительная жертва на памятникъ Кольцову идетъ отъ родныхъ его [1]). Такимъ образомъ родные Кольцова слагаютъ съ себя тяжкое бремя многолѣтнихъ укоровъ въ равнодушіи къ памяти поэта, дорогаго для всей Россіи. Родные Кольцова вправѣ ожидать теперь особеннаго сочувствія со стороны именно тѣхъ лицъ, отъ которыхъ слышались самые горькіе упреки; въ сочувствіи всего образованнаго русскаго общества не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

«Но, заявляя о предпріятіи, которое готовится перейти въ дѣло, мы считаемъ нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Сооружаемый надгробный памятникъ Никитину возбудилъ въ нашемъ обществѣ мысль и о памятникѣ Кольцову. О Кольцовѣ заговорили даже тѣ, которые не интересуются литературой. Начали проводить параллель между нимъ и Никитинымъ. Въ эпоху разнообразныхъ тольковъ о мѣстныхъ своихъ интересахъ по поводу составленія и дѣйствій разныхъ комитетовъ послышались небывалыя восклицанія: Кольцовъ нашъ гражданинъ! Мы должны имъ гордиться! Только въ одномъ Воронежѣ и было такихъ два мѣщанина, какъ Кольцовъ и Никитинъ! Если одному ставятъ памятникъ, стыдно не поставить другому! и т. д. Такимъ образомъ сама собою пришла пора для публичной оцѣнки Кольцова его согражданами, и обстоятельства сложились такъ благопріятно, что мы не имѣемъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло это не ограничится одними словами, что сочувствіе къ нему не остынетъ. Въ дѣлѣ сооруженія памятника Кольцову принимаетъ самое живое участіе М. И. Чертковъ, начальникъ Воронежской губерніи. Кто знакомъ съ жизнію нашихъ провинціальныхъ городовъ, страдающихъ отсутствіемъ людей свободныхъ, то-есть не занятыхъ службою, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ образованныхъ и достаточно обезпеченныхъ (отъ отсутствія ихъ происходитъ много и печальныхъ и комическихъ явленій въ провинціальной жизни), тотъ, конечно, пойметъ то значеніе, которое мы придаемъ губернаторской иниціативѣ во всякомъ общественномъ предпріятіи: пока наше провинціальное общество не привыкло къ самодѣятельности и оказывается крайне безсильнымъ при всякомъ зачинѣ. Но независимо отъ этого печальнаго факта, участію г. губернатора въ дѣлѣ сооруженія памятника Кольцову мы придаемъ особенное значеніе потому, что М. И. Чертковъ относится къ этому дѣлу отнюдь не офиціально, а вполнѣ живо, какъ человѣкъ, раздѣляющій общія симпатіи къ незабвенному поэту, какъ человѣкъ, для котораго и по семейнымъ воспоминаніямъ и по владѣльческимъ отношеніямъ ничто воронежское не можетъ быть чуждымъ, а тѣмъ болѣе такая крупная мѣстная знаменитость, какъ Кольцовъ. По полученіи надлежащаго законнаго дозволенія на постановку памятника, конечно, будетъ составленъ комитетъ изъ нѣсколькихъ лицъ, способныхъ повести это дѣло, какъ слѣдуетъ, а затѣмъ должна открыться подписка. Мы пока съ

---

[1]) «Александра Васильевна Андронова единственная теперь (1863 г.) оставшаяся въ живыхъ сестра покойнаго Кольцова. Примѣч. ред.».

особеннымъ удовольствіемъ принимаемъ на страницы нашей газеты всякое заявленіе о пожертвованіи на памятникъ Кольцову. Памятникъ, само собою разумѣется, будетъ поставленъ на публичномъ мѣстѣ, какъ и желаетъ сестра Кольцова, а не на могилѣ, гдѣ уже имѣется, хотя и убогій монументъ, но поставленный родителями покойнаго Алексѣя Васильевича, который г-жа Андронова отнюдь не желаетъ трогать. Безъ всякаго сомнѣнія, размѣръ, стоимость и фигура памятника будутъ зависѣть отъ количества собранной суммы. Но это— дѣло будущаго, а подробности—имѣющаго быть комитета. Теперь пока надобно желать одного, чтобы это дѣло, о которомъ не разъ думали лучшіе люди изъ нашихъ гражданъ, какъ Придорогинъ, Никитинъ, Зиновьевъ и друг., въ возможно скорѣйшемъ времени осуществилось. М. де-Пуле».

Начало было положено, и затѣмъ мѣстному органу оставалось только поддерживать въ обществѣ его настроеніе. Онъ такъ и поступилъ.

Начальство съ своей стороны принялось хлопотать также очень энергично. Въ февралѣ былъ поднятъ вопросъ о памятникѣ и напечатано письмо г-жи Андроновой, а въ мартѣ ходатайство уже послано въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ оно было утверждено, и 4-го мая мѣстный органъ напечаталъ слѣдующую высочайшую резолюцію:

«Вслѣдствіе ходатайства г. начальника Воронежской губерніи М. И. Черткова, поводомъ которому послужили неоднократныя заявленія воронежской и вообще русской образованной публики о желаніи соорудить въ городѣ Воронежѣ памятникъ поэту Кольцову, государю императору благоугодно было въ пятый день апрѣля сего года высочайше разрѣшить подписку на сей предметъ съ тѣмъ, чтобы она была открыта въ городѣ Воронежѣ».

Вслѣдъ за этимъ было напечатано объявленіе о томъ, что подписка принимается въ редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей», и анонсъ этотъ сопровождался просьбой перепечатать его въ другихъ изданіяхъ. Подписка пошла бойко. Въ каждомъ почти слѣдующемъ номерѣ газеты печатались имена и фамиліи жертвователей. Однимъ изъ первыхъ жертвователей былъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ, который соизволилъ пожертвовать на сооруженіе памятника сто рублей серебромъ. Въ редакцію мѣстной газеты стали поступать денежные пакеты и письма изъ разныхъ городовъ Воронежской губерніи, поощряющія и другіе города къ пожертвованіямъ. Какъ примѣръ такого письма, приводимъ письмо изъ Богучара:

«Богучарскій городничій г. Боровскій въ кругу своихъ знакомыхъ предложилъ подписку на памятникъ Кольцову. Къ счастью, лица, которымъ была предложена подписка, всѣ были почитатели таланта Кольцова, а потому вслѣдъ за городничимъ охотно подписалось еще нѣсколько человѣкъ, и такимъ образомъ въ одинъ день собрано около 100 рублей серебромъ. Мнѣ извѣстны имена жертвователей, но не называю ихъ потому, что, я увѣренъ, они не нуждаются въ этомъ. Дай Богъ только, чтобы жители другихъ городовъ не отстали въ этомъ отношеніи и чтобы начало, сдѣланное г. Боровскимъ, нашло продолжа-

телей и въ болѣе многолюдныхъ городахъ Воронежской губерніи. Вообще Кольцовъ любимъ нашей публикой. Въ городѣ и въ уѣздѣ его давно почитаютъ, какъ народнаго поэта и какъ поэта-земляка. Что нѣтъ Кольцову приличнаго памятника, въ этомъ, разумѣется, первое виновато воронежское общество, но вмѣстѣ съ нимъ не права и вся губернія. Теперь пусть же воронежское общество взглянетъ на югъ: Богучаръ первый дѣлаетъ вызовъ Воронежу въ заявленіи своего желанія почтить память Кольцова».

Начались концерты и любительскіе спектакли. Въ іюлѣ 1863 года проживавшіе въ Воронежѣ на каникулахъ студенты Московскаго университета дали спектакль и выручили 432 рубля 8 копѣекъ и деньги послали въ редакцію «Губернскихъ Вѣдомостей». Имена этихъ студентовъ, быть можетъ, нынѣ еще здравствующихъ—П. Некрасовъ, И. Бабичевъ, М. Поповъ, И. Турбинъ и Л. Павленковъ.

Затѣмъ дѣло о подпискѣ на памятникъ совершенно затихаетъ. На сцену выступаютъ иные вопросы, и въ мѣстной прессѣ прекращается печатаніе отчетовъ о поступленіи пожертвованій. Сколько собрано денегъ, остается неизвѣстнымъ до декабря 1866 года. Въ это время добровольный казначей добраго дѣла редакторъ «Вѣдомостей» М. Ѳ. де-Пуле, уѣзжая въ Вильно, передалъ въ воронежскую думу 1.104 рубля 8 копѣекъ и напечаталъ въ «Вѣдомостяхъ» письмо, въ которомъ высказался за употребленіе этихъ «общественныхъ», какъ онъ выразился, денегъ на постановку памятника не на могилѣ поэта, а непремѣнно въ городѣ на площади. Съ этихъ поръ ходъ подписки и распоряженія городской думы начинаютъ вестись безъ опубликованія результатовъ, почти подъ секретомъ, и воронежское общество остается въ полномъ невѣдѣніи

Въ 1867 году въ «Вѣдомостяхъ» появляется замѣтка, въ которой глухо говорится о томъ, что мраморный бюстъ Кольцова заказанъ въ Италіи, но о томъ, кто его заказывалъ, кѣмъ онъ изготовляется и сколько стоитъ, не упоминается ни слова. Сообщается только, что изъ Италіи прислана фотографія этого бюста, и что судьи нашли въ ней мало сходства съ покойнымъ Кольцовымъ и отправили назадъ съ нужными исправленіями. Точно также неизвѣстно, когда былъ привезенъ памятникъ въ Воронежъ. Въ одной изъ корреспонденцій изъ Воронежа въ Петербургъ говорится съ увѣренностью, что бюстъ простоялъ нѣсколько мѣсяцевъ въ квартирѣ князя Трубецкаго. Корреспондентъ пишетъ:

«Самый памятникъ вышелъ весьма жалокъ: высокій пьедесталъ, котораго наружныя мраморныя доски уже полопались и поломались въ куски, а на немъ маленькій мраморный же бюстикъ, не имѣющій почти никакого сходства съ Кольцовымъ: такъ нашли мы, сравнивая его съ портретомъ, за сходство котораго ручается Бѣлинскій, такъ нашли и старожилы, знавшіе Кольцова лично; «только морщины на лбу и похожи», выразился одинъ изъ нихъ. Одинъ разъ какіе-то шалуны (еще до открытія) повернули бюстъ

въ другую сторону; говорятъ, что его безъ всякаго затрудненія можно и совсѣмъ унести».

Затѣмъ болѣе чѣмъ черезъ полгода мѣстный «Листокъ» въ маѣ 1868 года сообщаетъ извѣстіе о халатности, съ которой строители относятся къ дѣлу, которымъ заинтересованъ весь Воронежъ.

«Работы по устройству въ Воронежѣ памятника А. В. Кольцову уже начались,—пишетъ онъ.—На Кольцовскомъ скверѣ, въ центрѣ, на круглой площадкѣ уже кладется бутъ для вывода фундамента и пьедестала. Работы идутъ довольно медленно, и до сихъ поръ еще опредѣленно неизвѣстно, когда работы должны быть окончены и какъ предполагаютъ праздновать самое открытіе памятника. Замѣчательно, что иниціатива памятника Кольцову всецѣло принадлежитъ мѣстнымъ литературнымъ органамъ, но имъ-то, послѣ того какъ мысль созрѣла до возможности ея осуществленія, теперь всего менѣе и стало извѣстно о настоящемъ ходѣ этого дѣла. Мы положительно не знаемъ, кто завѣдуетъ этимъ дѣломъ и есть ли въ числѣ завѣдующихъ хоть одно лицо изъ представителей нашего мѣстнаго ученаго сословія. Носится слухъ, что открытіе памятника будетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, но мы передаемъ это, какъ слухъ, требующій подтвержденія. Лучше бы, конечно, было, если бы день открытія памятника совпадалъ съ днемъ рожденія поэта, со 2-мъ октября. Кольцовъ, какъ извѣстно, родился 2-го октября 1809 года и умеръ 19-го октября 1842 года на 32-мъ году отъ рожденія».

Совѣтъ этотъ не былъ принятъ во вниманіе. Памятникъ былъ открытъ по неизвѣстнымъ причинамъ не въ эти дни, а 27-го октября 1868 года. При этомъ нужно замѣтить, что составъ комитета по постройкѣ памятника остался неизвѣстнымъ, точно такъ же, какъ и стоимость сооруженія. Извѣстно только, что строители сдѣлали долгъ, для уплаты котораго въ дворянскомъ собраніи въ день открытія памятника была открыта новая подписка. Отчетовъ не было опубликовано нигдѣ никакихъ.

Самое торжество открытія сопровождалось довольно загадочнымъ поведеніемъ распорядителей, на которое потомъ очень горько жаловалось мѣстное общество. Корреспондентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» пишетъ въ столицу слѣдующій горькій и, повидимому, справедливый упрекъ:

«Подъ вліяніемъ грустныхъ впечатлѣній приходится намъ писать это письмо. И это грустное впечатлѣніе принадлежитъ не только намъ лично, но и большинству воронежскаго общества, возмущеннаго поразительнымъ неуваженіемъ къ его народному чувству, къ его народной гордости. Кольцовымъ гордится вся Россія, а тѣмъ болѣе Воронежъ, мѣсто родины великаго поэта; постановка памятника ему была дѣломъ общественнымъ, слѣдствіемъ глубокаго уваженія къ его таланту. Еще съ весны прошелъ слухъ, что памятникъ, устроенный на общественныя средства, готовъ, что скоро послѣдуетъ его открытіе, которое будетъ народнымъ торжествомъ. Дѣйствительно, мраморный бюстъ Кольцова скоро появился... въ залѣ князя Трубецкого и нѣсколько мѣсяцевъ служилъ украшеніемъ его квартиры. Наконецъ, осенью появляется онъ въ Кольцовскомъ скверѣ, около базара и красуется то прикрытый какими-то грязными тряпками, то открытый; начинаютъ толковать, что торжество будетъ 2-го октября — въ день рожденія

поэта, но 2-е октября прошло; говорятъ, что торжество отложено до 19-го, то-есть дня смерти Кольцова, и 19-е прошло. Только въ двадцатыхъ числахъ появляется извѣщеніе, что открытіе памятника будетъ происходить 27-го октября въ часъ по полудни, а подробности празднованія будутъ объявлены особо. Проходятъ дни, наступаетъ 26-е, 27-е, никакого объявленія о подробностяхъ нѣтъ. Въ скверѣ собирается публика, являются чины, духовенство, служатъ молебенъ... Тутъ по секрету нѣкоторымъ лицамъ сообщаютъ: «Пожалуйте, молъ, въ дворянское собраніе, тамъ будетъ настоящій праздникъ въ честь народнаго поэта». Мы имѣли счастіе быть въ числѣ приглашенныхъ; обращаемся къ своимъ знакомымъ: «Отправитесь вы на торжество въ дворянское собраніе?»—«Какое торжество? Я ничего не слыхалъ?» — «Да тамъ будетъ чтеніе». Оказывается, что число приглашенныхъ очень не велико, что не извѣщены даже учебныя заведенія. Входимъ въ залъ дворянскаго собранія: дѣйствительно, залъ поражаетъ своею пустынностью, собралось человѣкъ пятьдесятъ. Надобно замѣтить, что Воронежъ вовсе не отличается холодностью къ литературнымъ чтеніямъ: на крыловскомъ юбилеѣ, 2-го февраля, залъ военной гимназіи былъ безъ преувеличенія биткомъ набитъ; въ тотъ же день вечеромъ праздновался юбилей въ гражданской гимназіи, и залъ опять таки былъ полонъ. Ясно, что праздникъ въ честь Кольцова не удался не по недостатку общественнаго сочувствія къ народному поэту, а потому единственно, что распорядители постарались обставить его какимъ-то секретомъ. Всѣ, кому дороги народные интересы, возмущены этой насмѣшкой надъ общимъ ожиданіемъ. Не думаемъ, чтобъ и приглашенныя на праздникъ лица хорошо чувствовали себя въ пустынной залѣ; намъ, по крайней мѣрѣ, было положительно горько, и невольно вспомнился юбилей Шиллера, къ которому готовилась и который праздновала безъ всякаго секрета дружно и весело не только вся Германія, но отчасти и Россія».

Такой же точно отзывъ напечатанъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ немъ прямо говорится, что учебныя заведенія на торжество приглашены не были, и что общество, «ожидавшее съ нетерпѣніемъ и гордостью Кольцовскаго праздника еще съ весны», пришло въ негодованіе. Мѣстный «Листокъ» отозвался при описаніи праздника тоже съ ноткой грусти. Но «Губернскія Вѣдомости» взглянули на дѣло иначе. По ихъ словамъ, все шло прекрасно. Вотъ ихъ отзывъ:

«27-го октября 1868 года происходило открытіе памятника нашему воронежскому поэту А. В. Кольцову. Въ часъ по полудни на площади, гдѣ за нѣсколько времени передъ этимъ былъ поставленъ на мраморномъ пьедесталѣ таковой же бюстъ поэта, преосвященнѣйшимъ Серафимомъ, епископомъ воронежскимъ и задонскимъ, совершено было, въ присутствіи многочисленной публики, молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему царствующему дому. Затѣмъ, по произнесеніи вѣчной памяти покойному поэту и окропленіи святой водой памятника Кольцову, почитатели его таланта отправились въ залъ дворянскаго собранія для слушанія приготовленныхъ къ этому дню рѣчей. Къ сожалѣнію, немногимъ было извѣстно о назначенномъ въ залѣ дворянскаго собранія литературномъ чтеніи по случаю открытія памятника А. В. Кольцову, и потому публики въ собраніи было весьма мало. Въ числѣ посѣтителей были: попечитель Харьковскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ А. А. Воскресенскій, посѣтившій въ это время губернскую гимназію, и консулъ

Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Е. Шейлеръ, проживший въ г. Воронежѣ лишнюю недѣлю для того, чтобы присутствовать при открытіи памятника Кольцову. Въ залѣ собранія произнесены были три рѣчи; всѣ онѣ имѣли предметомъ жизнь и поэзію Кольцова. Въ первой рѣчи В. А. Никитинъ представилъ отрадныя и тяжелыя минуты въ жизни Кольцова, какъ онѣ выразились въ пѣсняхъ и думахъ. Рѣчь эта отличалась особеннымъ сочувствіемъ къ поэту. Во второй рѣчи Н. П. Рощункинъ показалъ различіе между художникомъ-геніемъ и творческимъ талантомъ, относя А. В. Кольцова къ числу послѣднихъ. Затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію содержанія поэзіи Кольцова, которое, по его мнѣнію, выражается въ 3-хъ отдѣлахъ стихотвореній: къ первому онъ относитъ тѣ произведенія, въ которыхъ Кольцовъ является чистымъ лирикомъ и выражаетъ свою исполинскую личность, отличительная черта которой заключается въ стремленіи къ жизни, къ дѣятельности, соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполненной черезъ край безконечно разнообразными и вопіющими потребностями—символами могучей жизненности. Ко второму отдѣлу относитъ онъ тѣ произведенія, въ которыхъ Кольцовъ выполнилъ задачу гуманизированія русскаго крестьянскаго быта. Къ 3-му отдѣлу относитъ думы, какъ особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный А. В. Кольцовымъ, въ которыхъ силился онъ выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его пытливомъ умѣ. Въ третьей рѣчи И. А. Ингеницкій высказалъ ту мысль, что поэзія А. В. Кольцова есть поэзія удальства и казачества и самая жизнь его есть жизнь бобыля-казака. А. В. Кольцовъ, по мнѣнію И. А. Ингеницкаго, по своей жизни и поэзіи былъ представителемъ казачества».

Корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» объ этихъ рѣчахъ въ собраніи далъ далеко не сочувственный отзывъ:

«Въ собраніи были прочитаны три рѣчи, изъ которыхъ только одна была, какъ видно, написана не наканунѣ и содержала оригинальную, но парадоксальную мысль (г. Ингеницкаго), что поэзія Кольцова—казацкая поэзія и главный мотивъ ея—казацкая удаль. Изъ остальныхъ одна (г. Рощункина) представляла сколокъ со статей Бѣлинскаго и Водовозова, другая (г. Никитина)—какой-то винигретъ изъ стиховъ, восклицаній и пустыхъ фразъ, заключенный анекдотомъ, какъ грекъ пѣлъ о журавлѣ и плакалъ, а иностранецъ не могъ понять, о чемъ плачетъ грекъ. Замѣчательно, что ораторы не сговорились и безпрестанно противорѣчили другъ другу: одинъ говорилъ, что Кольцову душно было въ Воронежѣ и онъ рвался къ свѣту въ Москву, хотѣлъ учиться, тосковалъ по наукѣ; другой, что Кольцовъ напрасно рвался въ Москву, что душно было ему отъ внутренняго разлада, что онъ просто зазнался, а не искалъ ни знаній, ни свѣта; одинъ говорилъ, что въ поэзіи Кольцова выражается казацкая удаль, а другой видитъ въ ней идеализацію земледѣльческаго труда. Видно, что все это сшито на живую нитку, одно съ другимъ не согласовано, не обработано. Вотъ какъ праздновалъ Воронежъ открытіе памятника народному поэту и земляку. Грустно».

Современные воронежцы, какъ мы уже сказали выше, отпраздновали юбилей также ошибочно, десятью днями раньше, то-есть 19-го октября, но зато отпраздновали торжественно и достойно почтили па-

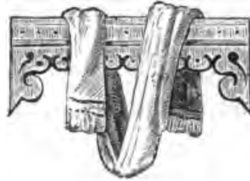
мять поэта. День 19-го октября былъ прекрасный, ясный, теплый. Кольцовскій скверъ, въ которомъ находится памятникъ-бюстъ поэта, назначенный сборнымъ пунктомъ для желающихъ участвовать въ шествіи во Всесвятское Ново-Митрофаньевское кладбище, гдѣ погребенъ поэтъ,—еще съ утра принялъ праздничный нарядный видъ: дорожки сквера были подметены и усыпаны пескомъ, рѣшетка вокругъ памятника и сквера убрана флагами. Къ двумъ часамъ дня скверъ сталъ наполняться публикою и представителями разныхъ мѣстныхъ учрежденій. Масса вѣнковъ была разставлена вокругъ памятника. Собравшаяся публика около 2-хъ часовъ отправилась на кладбище процессіей; впереди несли вѣнки, и шли городской голова Воронежа В. И. Титовъ, члены управы, гласные, представители мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ и другихъ учрежденій, воспитанники воронежскаго желѣзнодорожнаго техническаго училища, земской фельдшерской школы и проч. Шествіе это сопровождала громадная масса народа. По прибытіи на кладбище, всѣ вѣнки были возложены на могилу, и затѣмъ въ церкви кладбища была отслужена преосвященнымъ Владиміромъ панихида и на самой могилѣ литія.

Послѣ литіи вѣнки были сняты съ памятника, и процессія снова направилась обратно къ Кольцовскому скверу. Здѣсь вѣнки были возложены на мраморный бюстъ поэта, а спустя немного времени— перенесены въ залъ городской думы къ предстоявшему литературно-музыкальному вечеру. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, происходили чтенія о Кольцовѣ.

По поводу юбилея мѣстныя воронежскія газеты стали собирать всѣ возможныя свѣдѣнія о Кольцовѣ. Оказалось, что въ Воронежѣ еще жива старушка Епифанова, которая въ молодости своей служила у родителей Кольцова и помнитъ не только поэта, но и его вещи. По ея словамъ (какъ сообщаетъ «Воронежскій Телеграфъ»), мать поэта, Прасковья Ивановна, хранила въ кладовой, на память, его поддѣвку, въ которой онъ ѣздилъ на хуторъ, находящійся въ 25-ти верстахъ отъ города, по задонской дорогѣ (неподалеку отъ с. Животиннаго), извѣстный и теперь еще въ народѣ подъ названіемъ «Кольцовскихъ двориковъ»; кромѣ поддѣвки, хранились еще: ременный поясъ, сапоги съ длинными голенищами, кинжалъ въ кожаномъ футлярѣ, «гуртовская плеть для управы со скотомъ» и пять небольшихъ сундуковъ съ книгами, сложенными изъ шкафа поэта въ кладовую. Поясъ, плеть, сапоги и кинжалъ Прасковья Ивановна подарила одному изъ своихъ приказчиковъ, а поддѣвка сохранялась до тѣхъ поръ, пока ее не съѣла моль, и она сама собою уничтожилась. Книги въ сундукахъ, какъ разсказываетъ Епифанова, на другой годъ послѣ смерти поэта были, по порученію отца его, Василія Петровича, разобраны и разсмотрѣны какимъ-то архитекторомъ Потеряхинымъ, часто бывавшимъ въ домѣ

Кольцовыхъ. Разобравши книги, Потеряхинъ нѣкоторыя изъ нихъ сбылъ въ книжную лавку Кашкина, а другія продалъ на базаръ, за исключеніемъ книгъ въ двухъ сундукахъ, почему ихъ, «до поры до времени», поставили въ той же кладовой. Спустя года два после того, въ книгахъ завелась моль, и потому онѣ сожжены были въ печи, по распоряженію Василія Петровича, находившаго, что отъ книгъ и бумагъ заводится пыль и всякая нечистота, а отъ послѣднихъ—«моль, блохи и клопы!».

А. Сѣдовъ.

ТЕАТРЪ ВЪ ПЕРСІИ.

I.

Выродившись изъ формъ языческаго культа, театральныя представленія древности носили на себѣ отпечатокъ своего религіознаго происхожденія, являясь не чѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе наивной иллюстраціей народныхъ вѣрованій и священныхъ легендъ. Такъ мы видимъ въ Греціи знаменитыя элевзинскія мистеріи въ Аттикѣ — священныя миѳологическія представленія съ примѣсью таинственности, въ которую они облекались, не будучи доступными всѣмъ безъ исключенія, а лишь посвященнымъ, и налагая на участниковъ печать безусловнаго молчанія. Ближе другихъ, по древности, стояли къ намъ самоѳракійскія мистеріи, центромъ которыхъ былъ своеобразный финикійскій культъ съ примѣсью пеласгическихъ и фригійскихъ религіозныхъ элементовъ.

Съ появленіемъ христіанства эти религіозныя представленія, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, вакханаліи и перешедшія въ Италію изъ Египта празднества Изиды, усвоили себѣ нечистый характеръ пировъ грубой чувственности,—мало-по-малу измѣнили свою первоначальную форму. Средніе вѣка создали свои мистеріи: духовныя драмы, воспроизводившія сцены изъ священной исторіи, въ особенности же изъ жизни и страданій Спасителя.

Въ тѣ времена, когда священное писаніе, не переведенное еще на народные языки, было доступно лишь немногимъ, мистеріи были сильнымъ орудіемъ христіанской проповѣди и пользовались покровительствомъ церкви. Вотъ почему сначала онѣ разыгрывались

лишь въ церквахъ клериками и затѣмъ уже, когда къ нимъ стали примѣшиваться свѣтскіе и комическіе элементы, которые могли уронить святость христіанскаго храма и возвышенное значеніе религіозныхъ представленій, онѣ перешли на улицы и площади, гдѣ исполнялись сперва гражданами, а впослѣдствіи особыми обществами, профессіональными актерами.

Средневѣковыя мистеріи, или представленія божественныхъ тайнъ, слѣды которыхъ мы находимъ уже въ XI столѣтіи, давались обыкновенно на Пасху и въ Троицынъ день, рядомъ съ miracles, то-есть сценами изъ жизни святыхъ, и moralities, moralités, moral-play, или нравственно-поучительными представленіями аллегорическаго характера изъ библейской исторіи. Въ XIV столѣтіи мы видимъ въ Парижѣ цѣлое Confrèrie de la passion, исключительно разыгрывавшее мистеріи. Въ Германіи представленія страданій Іисуса Христа даются и въ послѣднее время, а въ Италіи подобныя зрѣлища устроиваются обыкновенно на страстной недѣлѣ съ большой торжественностью. Въ Англіи, еще во время юности Шекспира, мистеріи упорно держались, не смотря на новыя формы драмы, которыя появлялись въ свою очередь. Мистеріи разыгрывались и въ Россіи въ началѣ минувшаго столѣтія, представляя въ лицахъ событія изъ священной исторіи, причемъ старательно избѣгался комическій элементъ. Начало ихъ было положено въ Кіевѣ.

Но не одинъ Западъ имѣетъ свои мистеріи. Ихъ имѣетъ точно также и Востокъ. Въ Персіи и у шіитовъ Индіи ежегодно, при своеобразной обстановкѣ, разыгрываются, въ первые десять дней мѣсяца мухаррема, оригинальныя мистеріи, представленія религіознаго характера, посвященныя воспоминанію трагической кончины халифа Али и его потомства. Такъ же, какъ и средневѣковыя мистеріи, онѣ служатъ средствомъ поддержанія въ массѣ религіознаго чувства и потому одобряются духовенствомъ и находятся подъ покровительствомъ государства. Въ то время, когда въ Европѣ мистеріи уже отжили или отживаютъ свой вѣкъ [1]), онѣ процвѣтаютъ въ полной силѣ на Востокѣ, консервативно преданномъ старинѣ и не легко съ нею разстающемся.

Персіяне имѣютъ большой репертуаръ своихъ мистерій, или теазіэ на языкѣ сыновъ Ирана. Къ сожалѣнію, онѣ совсѣмъ почти неизвѣстны публикѣ, а между тѣмъ представляютъ несомнѣнный интересъ по своей оригинальности, безъискусственной наивности и непосредственному поэтическому одушевленію, которымъ онѣ проникнуты. Но если о персидскихъ мистеріяхъ мы, всетаки, имѣемъ

---

[1]) По настоящее время мистеріи, въ полной средневѣковой обстановкѣ, разыгрываются еще въ Оберамергау, куда стекаются отовсюду смотрѣть на эти любопытныя зрѣлища, переносящія насъ въ отдаленную эпоху сѣдой старины.

нѣкоторое понятіе, хотя бы изъ сочиненія C-te de Gobineau: «La religion et les philosophies dans l'Asie Centrale», и книги L. Pelly: «Miracle Play of Hasan and Husain», то публика вообще, а русская въ особенности, навѣрно, имѣетъ слабое понятіе о комическихъ пьесахъ персіянъ, ихъ фарсахъ, которыхъ у нихъ также не мало. Мы не предполагали даже о ихъ существованіи, а путешественники по Востоку, къ удивленію, ничего, или почти ничего, намъ о нихъ не говорили. Въ единственномъ въ своемъ родѣ сборникѣ весьма интересныхъ персидскихъ мистерій во французскомъ переводѣ А. Ходзько (A. Chodzko), профессора въ Collège de France, подъ названіемъ «Théâtre persan», въ которомъ авторъ даетъ намъ прекрасный переводъ нѣсколькихъ наиболѣе интересныхъ теазіэ, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія и о своеобразныхъ комическихъ представленіяхъ персіянъ, совершенно, какъ мы сказали, незнакомыхъ европейской публикѣ. Ниже мы предлагаемъ вниманію нашихъ читателей, въ русскомъ переводѣ, одну изъ помѣщенныхъ въ книгѣ Ходзько теазіэ, а именно «Смерть халифа Али» (Le Martyre d'Aly), съ сокращеніемъ, разумѣется, вредящихъ общему впечатлѣнію длиннотъ пьесы и утомительныхъ для читателя повтореній однихъ и тѣхъ же словъ и выраженій,—повтореній, свойственныхъ литературнымъ произведеніямъ этого рода. Мы поговоримъ объ этой пьесѣ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, такъ же какъ и о той интересной обстановкѣ, при которой подобныя пьесы разыгрываются въ Персіи, а теперь познакомимъ читателя съ персидской комедіей, или, точнѣе сказать, фарсомъ.

II.

Персидскіе фарсы играются обыкновенно такъ называемыми лути, что-то вродѣ жонглеровъ или паяцовъ. Это единственные танцоры и музыканты по профессіи, которыхъ можно встрѣтить въ Персіи. Они переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто въ сопровожденіи танцовщицъ-баядерокъ, ученыхъ обезьянъ и дрессированныхъ медвѣдей. То тамъ, то тутъ устроиваютъ они импровизированныя тамашà, то-есть комедіи и фарсы, и играютъ ихъ передъ толпой, подъ открытымъ небомъ, при помощи своихъ лицедѣевъ и животныхъ. Къ сожалѣнію, никто не записалъ этихъ импровизированныхъ фарсовъ восточныхъ комедіантовъ, а они и жизненны и оригинальны. Пьесы лути, если позволительно придавать ихъ фарсамъ или, пожалуй, водевилямъ такое названіе, пестрятъ нескончаемыми остротами, смѣшною игрою словъ, забавными прибаутками, мѣстными намеками, хитрыми двусмысленностями и непремѣнно сопровождаются уморительными жестикуляціями и тѣлодвиженіями и забавной гримировкой актеровъ, густо намазываю-

щихъ себѣ лицо, какъ клоуны цирка, мукою, смѣшанной съ яичнымъ желткомъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ мѣсто дѣйствія фарса—деревня.

Вотъ сюжетъ одного изъ такихъ фарсовъ подъ названіемъ «Садоводы», видѣннаго и записаннаго авторомъ вышеупомянутаго сборника персидскихъ мистерій. Сцена (въ воображеніи невзыскательныхъ зрителей, конечно) представляетъ собою садъ. Время года—лѣто. На сцену выходятъ два садовода въ костюмахъ, весьма напоминающихъ собою райскія одежды прародителей, то-есть лишь съ кусками бараньей шкуры по серединѣ тѣла. Постарше, по имени Бахиръ, богатъ и имѣетъ красивую дочь, которую, конечно, ревниво оберегаетъ въ тиши гарема. Помоложе, Неджефъ, бѣденъ, но предпріимчивъ и энергиченъ и, главное, хитеръ, какъ истый иранецъ. Сосѣди начинаютъ разсуждать о превосходствѣ фруктовъ своихъ садовъ. «Внутренность такихъ-то плодовъ заставляетъ блѣднѣть отъ зависти самый бѣлый сахарный тростникъ!»—увѣряетъ одинъ. «Тонкая кожица такихъ-то, — хвалится другой, — такъ же нѣжна на ощупь, какъ пушокъ, покрывающій щеки юной красавицы!» и т. д., и т. д., въ родѣ споровъ пастуховъ ѳеокритовскихъ идиллій. Слово за слово завязывается ссора, которая мало-по-малу доходитъ до драки, сперва при помощи кулаковъ, а потомъ заступовъ, сопровождаемая громкими взрывами смѣха зрителей. Наконецъ, Бахиръ лежитъ на землѣ навзничь и волей-неволей признаетъ себя побѣжденнымъ. Противники мирятся и Бахиръ предлагаетъ сосѣду «окунуть тетиву ссоры въ ту жидкость, которую злые шутники считаютъ запрещенной пророкомъ» (то-есть вино, запрещенное кораномъ).

Они весело смѣются при этомъ надъ приходскимъ муллой и примѣняютъ къ нему четверостишіе:

«Ты пьешь сосѣдей кровь, а я
«Сокъ сладкій винограда:
«Скажи-жъ по правдѣ, кто изъ насъ
«Двоихъ достойнѣй ада?»

Бахиръ развязываетъ кошелекъ и даетъ Неджефу денегъ, чтобы тотъ купилъ все нужное для пирушки. Тутъ происходитъ очень комичная сцена. Неджефъ уходитъ за виномъ, но Бахиръ ворочаетъ его, прося не забыть купить жареной баранины. Неджефъ уходитъ, но Бахиръ кричитъ ему, чтобы онъ вернулся, и проситъ купить разныхъ сластей. Когда тотъ уходитъ, Бахиръ опять кричитъ ему вслѣдъ, опять зоветъ его и опять что-то поручаетъ купить. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока Неджефъ не падаетъ на землю отъ утомленія и не рѣшается бѣжать отъ своего амфитріона, заткнувши уши пальцами. Въ концѣ концовъ, онъ уходитъ за покупками, а Бахиръ остается одинъ и готовится къ предстоящему завтраку, какъ истый мусульманинъ. Съ комической важностью

совершаетъ онъ предписанное кораномъ омовеніе и уморительно пародируетъ муллу, приступающаго къ ѣдѣ.

Возвращается Неджефъ, и начинается пирушка, во время которой Неджефъ играетъ на мѣстной гитарѣ. Сосѣди весело болтаютъ и съ наслажденіемъ ѣдятъ и пьютъ, причемъ, однако, гораздо больше пьютъ, чѣмъ ѣдятъ. Весь интересъ этой сцены состоитъ въ точномъ воспроизведеніи актерами постепеннаго опьяненія пирующихъ. Въ Персіи, гдѣ, какъ и вездѣ на Востокѣ, народъ, въ силу религіи и обычая, весьма трезвъ, подобная сцена заключаетъ въ себѣ, несомнѣнно, много пикантнаго и производитъ необыкновенный фуроръ. Наконецъ, Бахиръ окончательно пьянѣетъ и валится на-бокъ, а Неджефъ, хмель котораго, какъ теперь оказывается, былъ лишь хитростью влюбленнаго, бѣжитъ на свиданіе съ своей зазнобой, дочерью Бахира. Этимъ заканчивается пьеса.

Гораздо забавнѣе, чѣмъ тамашà, или фарсъ, является карагезъ (черный глазъ), то-есть театръ маріонетокъ. Представленія этого рода были извѣстны въ Персіи съ глубокой древности, куда, какъ показываетъ и самое названіе ихъ, они перешли изъ Турціи. Они особенно распространены поэтому у кочевниковъ турецкаго происхожденія.

Европейскіе ученые уже не разъ дѣлали попытки создать сравнительную исторію народной драмы. Было установлено, что герои маріонетокъ у разныхъ народовъ вѣрно изображаютъ собою отличительныя черты національнаго народнаго типа. Эти герои имѣютъ между собою не мало сходства, конечно, въ общемъ. Всѣ они, вопервыхъ, люди лишь на половину, такъ какъ животные инстинкты играютъ въ нихъ едва ли не первенствующую роль. Во-вторыхъ, всѣ они, въ силу этого обстоятельства, охотники до всевозможныхъ благъ жизни, причемъ больше всего на свѣтѣ любятъ свою собственную особу. Обжоры, пьяницы и кутилы, они обыкновенно весьма добродушны, исключая, правда, премьера англійскихъ маріонетокъ—Пунча, холоднаго и жестокаго бродяги, злорадно убивающаго одного за другимъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, начиная съ собственной жены и кончая чортомъ. Но это, кажется, единственное исключеніе, — герои всѣхъ остальныхъ маріонетокъ добрые ребята, безпечные шутники и повѣсы.

Народный герой персидскихъ маріонетокъ носитъ смѣшное имя кечель пехлеванъ, то-есть лысый молодецъ. Онъ не имѣетъ особаго костюма и отличительную особенность его составляетъ лысина, подобно тому, какъ горбъ является неизбѣжнымъ признакомъ полишинеля. Что касается характера кечель пехлевана, то онъ весьма похожъ на характеръ пульчинелло Неаполя. Но у него есть и свой особый, весьма характерный признакъ, отличающій его отъ неаполитанскаго пульчинелло, римскаго манатакко, болонскаго арлекина и французскаго полишинеля: это его наруж-

ная глубокая набожность, соединенная съ самымъ тонкимъ и хитро скрываемымъ лицемѣріемъ. Кечель пехлеванъ очень начитанъ и образованъ, онъ даже поэтъ, какъ, впрочемъ, болѣе или менѣе, конечно, и всякій персіянинъ. Его любимое занятіе дурачить простодушныхъ муллъ и волочиться за хорошенькими женщинами и мальчиками.

Вотъ образчикъ его продѣлокъ.

Кечель пехлеванъ приходитъ къ ахуну (главѣ мусульманскаго прихода). Уже самая манера и мимика, съ какой онъ является къ нему, возбуждаетъ неудержимый смѣхъ зрителей. Если бы не лысина, которая выдаетъ его, никто не узналъ бы въ немъ кечель пехлевана: такой имѣетъ онъ набожный и смиренный видъ. Онъ все вздыхаетъ, возводитъ очи горѣ и приводитъ наизусть стихи корана, которые произноситъ съ изяществомъ и знаніемъ арабскаго языка, дѣлающимъ честь любому арабисту страны. Ахунъ очарованъ своимъ гостемъ, одно произношеніе котораго арабскаго текста корана уже, несомнѣнно, обнаруживаетъ въ немъ опытнаго богослова. Они вмѣстѣ читаютъ молитвы и коранъ и молятся съ одушевленіемъ. Кечель пехлеванъ говоритъ о богословіи, онъ отлично знаетъ сочиненія выдающихся мусульманскихъ теологовъ и преданіе (хадисъ); при этомъ онъ краснорѣчивъ, онъ приводитъ различныя священныя легенды и съ особеннымъ усердіемъ выхваляетъ седакàтъ, — обязательный поборъ съ имущества въ пользу неимущихъ,—и доброхотныя пожертвованія. Ахунъ приходитъ въ совершенное восхищеніе отъ своего собесѣдника, который мало-по-малу мѣняетъ тонъ и незамѣтно переходитъ къ нескромнымъ описаніямъ всѣхъ тѣхъ блаженствъ, которыя уготованы за гробомъ мусульманскимъ праведникамъ. Онъ воспѣваетъ рай съ его яствами, винами и, самое главное, гуріями «съ глазами антилопы». Ахунъ млѣетъ отъ этихъ краснорѣчивыхъ описаній... Постепенно наши праведники забываютъ свои роли, они уже предвкушаютъ всѣ прелести рая и приходятъ въ самое веселое настроеніе духа. Они роняютъ на землю сначала чотки, а потомъ туда же летитъ и коранъ. Появляется вино и гитара,—оказывается, что и то и другое какъ-то невзначай попало въ уголокъ комнаты ахуна,—наши богословы пьютъ за здоровье другъ друга, играютъ на гитарѣ и весело подплясываютъ при оглушительномъ хохотѣ зрителей. Для того, кто имѣетъ понятіе о восточныхъ нравахъ, эта сцена между мусульманскими тартюфами представляетъ неисчерпаемый источникъ комизма!

Кечель пехлеванъ—воспроизведеніе всего персидскаго народа, наиболѣе развитаго и оригинальнаго на всемъ Востокѣ и притомъ, волею судебъ, безпрерывно, почти всю свою жизнь, побѣждаемаго, тѣснимаго, порабащаемаго иноплеменниками. Народъ-невольникъ чувствуетъ, однако, свое безконечное нравственное превосходство

надъ властелиномъ и борется съ нимъ внутренними, подпольными средствами, порождающими двуличность и лицемѣріе. Терпѣньемъ, ловкостью и хитростью, чарами своего дивнаго языка и несравненной поэзіи этотъ народъ, какъ кечель пехлеванъ, окончательно покоряетъ себѣ своихъ побѣдителей. И арабы и татарскіе ханы сдѣлались персіянами, говорятъ ихъ языкомъ и восхищаются ихъ литературой. Племена завоевателей слились съ побѣжденнымъ народомъ; теперь они и молятся, и поютъ, и пьютъ вмѣстѣ, и кечель пехлеванъ торжествуетъ побѣду.

III.

Полная превратностей жизнь Хусейна, младшаго сына Али, зятя и двоюроднаго брата Мухаммеда, его неудачная борьба за власть съ калифомъ Езидомъ, его горячая приверженность шіизму и безвременная трагическая кончина въ знойной пустынѣ Кербела—сдѣлали изъ него, въ глазахъ шіитовъ, страстныхъ поклонниковъ Али и его потомства, и святаго незабвеннаго мученика и любимаго народнаго героя, придавъ его личности мистическій ореолъ недосягаемаго миѳа. Его мученическая эпопея, получивъ въ народномъ воображеніи персіянъ неизбѣжное въ такихъ случаяхъ преувеличеніе и освѣщеніе, придавшія ей легендарный характеръ героической саги, послужила богатой темой для цѣлаго ряда трагедій, или теазіѐ, то-есть грустныхъ, печальныхъ зрѣлищъ (отъ арабскаго глагола àза — оплакивать чью либо смерть, печалиться, носить трауръ), вполнѣ соотвѣтствующихъ, какъ мы уже сказали, средневѣковымъ мистеріямъ.

Эти теазіѐ играются втеченіе первыхъ десяти дней мѣсяца мухаррема въ воспоминаніе несчастной исторіи злополучнаго имама, случившейся именно въ началѣ этого мѣсяца, и притомъ на каждый изъ этихъ дней назначается особое, соотвѣтствующее этому дню, представленіе. Послѣдній же, десятый день, называемый рузи-катль, то-есть день убійства, ознаменовывается особенно торжественнымъ представленіемъ и процессіей въ присутствіи шаха, на одной изъ обширныхъ городскихъ площадей.

Уже съ первыхъ дней мухаррема религіозныя страсти шіитовъ начинаютъ подогрѣваться и проповѣдями муллъ и сильно дѣйствующими на нервы теазіѐ и доходятъ въ послѣдніе дни ашуры, то-есть этого десятиднева, посвященнаго воспоминанію гибели Али и его семейства, до чудовищныхъ размѣровъ. Цѣлыя процессіи ходятъ изъ улицы въ улицу съ воплями отчаянія о гибели святого имама и страшными проклятіями его врагамъ. Но этого мало: наиболѣе воспріимчивые и набожные шіиты сами наносятъ себѣ ножами тяжкія раны по всему тѣлу и, обагряемые кровью, съ зіяющими ранами, махая окровавленными кинжалами, бѣгаютъ въ ди-

комъ изступленіи по улицамъ и площадямъ, дыша местью и какъ бы ища жертвы! Религіозный фанатизмъ ихъ достигаетъ въ эти дни высочайшихъ предѣловъ, и горе гяуру, который, по несчастью, попадется имъ въ это время подъ руку: онъ мгновенно будетъ зарубленъ съ величайшимъ злорадствомъ.

Откуда взялся этотъ дикій обычай нанесенія себѣ ранъ и не есть ли онъ отголосокъ подобныхъ же изувѣрствъ жрецовъ Ваала, упоминаемыхъ въ Библіи (1 кн. Ц. XVIII, 28; Іерем. XVI, 5, 6 и 7), и самоистязаній, употребляемыхъ евреями и запрещенныхъ Моисеемъ (Лев. XIX, 28; Второзак. XIV, 1)?

Изображеніе руки Хусейна.

Уже за нѣсколько дней до наступленія мухаррема повсюду дѣлаются приготовленія къ предстоящимъ печальнымъ торжествамъ. На улицахъ и площадяхъ раскидываются обширныя палатки, называемыя тэкіэ или табутъ, представляющія собою могилу Хусейна, обтянутыя черной матеріей и украшенныя всевозможными эмблематическими изображеніями, соотвѣтствующими траурному характеру наступающихъ дней. Тэкіэ эти устроиваются или на общій счетъ населенія той или другой мѣстности, или же частными лицами, какъ богоугодное дѣло. Издержки на тэкіэ заключаются главнымъ образомъ въ приглашеніи муллы, говорящаго проповѣди и читающаго народу исторію воспоминаемыхъ печальныхъ событій, наймѣ актеровъ для теазіэ, приготовленіи имъ костюмовъ и расходахъ на освѣщеніе. При этомъ всѣ присутствующіе получаютъ даровое угощеніе отъ устроителя тэкіэ.

Тэкіэ устроивается обыкновенно частными лицами или какъ выполненіе даннаго обѣта, или для замаливанія грѣховъ, или въ видѣ благодарности Аллаху. Дать теазіэ для народа считается вѣрнымъ дѣломъ спасенія души: этимъ готовишь себѣ мѣсто въ раю.

Но, кромѣ этихъ чисто религіозныхъ побужденій, весьма часто устроиваются частными лицами тэкіэ и для совершенно иныхъ цѣлей, вполнѣ свѣтскаго характера: богатые и высокостоящіе люди пользуются этимъ способомъ для привлеченія на свою сторону народныхъ симпатій и пріобрѣтенія такимъ образомъ политическаго могущества, подобно тому, какъ римскіе преторы и эдилы раздавали народу munus, чтобы при помощи народа добиться консульства.

Наконецъ, въ устройствѣ этихъ своеобразныхъ мистерій играетъ не малую роль и честолюбіе. Дѣлая у себя теазіэ, хозяинъ

дома имѣетъ полную возможность похвастаться передъ гостями и народомъ своимъ добромъ, своими коврами, шалями, посудой и т. п.

Во время знаменитаго теазіэ, тянувшагося 14 дней, даннаго въ Тегеранѣ, въ 1833 году, мирзой Аб-ул-Хасанъ-ханомъ, въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, можно было, по истинѣ, удивляться восточной роскоши «Тысячи и одной ночи»: передъ глазами зрителей пестрѣли безъ конца драгоцѣннѣйшія кашемировыя шали несказанной тонины и блистали самоцвѣтные каменья, въ числѣ которыхъ были цѣною въ 3 милліона франковъ!

Открытое мѣсто, чаще всего площадь, гдѣ разыгрывается теазіэ, защищается обыкновенно полотняными навѣсами то отъ непогоды, то отъ палящихъ лучей солнца, такъ какъ мѣсяцъ мухарремъ приходится на разное время года. Галлереи и окна, выходящія на сцену, предназначаются для избраннаго общества и для гостей, въ числѣ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить иностранцевъ и членовъ дипломатическаго корпуса. Персіяне отнюдь не стѣсняются приглашать на свои мистеріи европейцевъ. Христіанскій посолъ (френгѝ) является даже дѣйствующимъ лицомъ въ одной изъ теазіэ, поддерживая права Хусейна на халифатъ. Въ особо отведенномъ мѣстѣ передъ сценой помѣщаются женщины. Остальная часть пространства отдается мужскому населенію, которое размѣщается на землѣ повосточному, т. е. со скрещенными, поджатыми подъ себя ногами, представляя очень живописныя группы.

Вотъ проходятъ въ толпѣ секкà, разносчики воды, съ кожаными мѣхами свѣжей воды за спиною и съ ковшикомъ въ рукахъ; они предлагаютъ присутствующимъ напиться въ воспоминаніе мучительной жажды, томившей въ знойной пустынѣ Хусейна и окружавшихъ его, которымъ безпощадные враги отказали въ утоленіи мучившей ихъ жажды, не смотря на близость Ефрата. Разноска воды въ данномъ случаѣ считается весьма богоугоднымъ дѣломъ. Поэтому родители слабыхъ дѣтей очень часто даютъ обѣты сдѣлать изъ нихъ секкà на одинъ или нѣсколько сезоновъ ашуры̀, если они доживутъ до такихъ-то или такихъ-то лѣтъ. Одѣтые попраздничному, съ бровями и вѣками, окрашенными въ темносиній цвѣтъ, съ кудрями, падающими по плечамъ, и въ кашемировыхъ шапочкахъ, часто украшенныхъ драгоцѣнными камнями, они чрезвычайно живописно пестрѣютъ въ толпѣ, разнося воду и шербетъ.

Кромѣ секкà, тутъ ходятъ еще въ народѣ продавцы уже совсѣмъ готовыхъ для куренья трубокъ и торговцы особаго рода пастилками, сдѣланными изъ земли пустыни Кербела (гдѣ погибъ Хусейнъ) и надушенными мускусомъ. Пастилки эти шіиты и мужчины, и женщины равнымъ образомъ подкладываютъ обыкновенно себѣ подъ лобъ во время земныхъ поклоновъ на молитвѣ. Здѣсь же можно встрѣтить пирожниковъ и разносчиковъ съ незатѣйли-

выми народными лакомствами: поджареннымъ горохомъ, дынными и грушевыми семечками и просомъ, которое употребляется въ данномъ случаѣ особенно охотно, такъ какъ, по убѣжденію персіянъ, оно имѣетъ удивительную способность вызывать слезы. Мастика, приготовляемая изъ смолы фисташковаго дерева, также раскупается очень бойко: ее безпрерывно жуютъ и мужчины и женщины; по мѣстнымъ понятіямъ, она освѣжаетъ дыханье, придаетъ бѣлизну зубамъ и имѣетъ много другихъ прекрасныхъ качествъ. Все это происходитъ внизу, среди простаго народа. Избранная же публика, сидя у оконъ, пьетъ, въ ожиданіи начала теазіэ, черный кофе, обязательный при грустныхъ церемоніяхъ напитокъ, и куритъ кальянъ. Таковъ своеобразный партеръ и ложи.

Что касается сцены, то она представляетъ собою болѣе или менѣе обширное пространство, впереди партера, старательно выметенное и политое водою. Конечно, не всегда сцена бываетъ такъ примитивна: устроиваются нерѣдко и подмостки. Непремѣннымъ условіемъ всякаго теазіэ является возвышеніе, изукрашенное коврами, съ высоты котораго рузеханъ, поэтъ-сказитель, читаетъ народу о гибели имамовъ. Если нѣтъ рузехана, то это дѣлается муллой. Хорошо обставленная теазіэ не можетъ обойтись безъ рузехана, обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы приготовить зрителей къ предстоящему грустному представленію мистеріи. Онъ читаетъ то въ прозѣ, то въ стихахъ часто нараспѣвъ и вноситъ много своего собственнаго, импровизаторскаго таланта, говоря собственно на тему о страданіяхъ чествуемыхъ святыхъ и нерѣдко отдаляясь отъ этой темы въ весьма значительной степени.

Послѣ такого чтенія являются актеры, и начинается теазіэ, соотвѣтствующая извѣстному дню.

Халифъ Али, послѣ четырехлѣтняго только управленія халифатомъ, палъ отъ руки убійцы на порогѣ куфской мечети, на тринадцатомъ году со дня смерти Мухаммеда. Его наслѣдники не были счастливѣе. Старшій сынъ его Хасанъ, человѣкъ мягкаго и слабаго характера, неспособный вести борьбу со всевозможными претендентами на халифатъ, отказался отъ своихъ правъ на власть въ пользу Моавіи, вождя враждебной партіи, который назначилъ ему за его отказъ ежегодную субсидію и женилъ его на одной изъ своихъ дочерей. На 40 году гиджры Хасанъ окончилъ дни свои въ Мединѣ, отравленный, какъ говорятъ, этой женщиной. Младшему сыну халифа, Хусейну, было уже 37 лѣтъ, когда отецъ его погибъ насильственной смертью. Его предпріимчивый характеръ и богато одаренная натура подавали бо́льшую надежду на успѣхъ въ борьбѣ съ врагами, чѣмъ безграничная набожность Хасана. Отказавшись признать Езида, сына Моавіи, законнымъ халифомъ, онъ принужденъ былъ покинуть Медину и отправиться въ Мекку, откуда онъ съ большимъ удобствомъ могъ имѣть сношенія съ многочислен-

ными сторонниками, которыхъ его несчастный отецъ оставилъ въ Куфѣ. Эти послѣдніе не замедлили объявить Езида узурпаторомъ. Тогда Хусейнъ со всѣмъ своимъ семействомъ, въ сопровожденіи семидесяти всадниковъ, поспѣшилъ на соединеніе со своими приверженцами, но среди чахлой, песчаной пустыни между Меккой и Куфой онъ и его свита были окружены воинами Езида. Несчастный имамъ былъ убитъ со своими путниками, а женщины и дѣти были взяты въ плѣнъ, претерпѣвъ всевозможныя оскорбленія отъ враговъ, отказавшихъ несчастнымъ даже въ утоленіи мучившей ихъ жажды, не смотря на близость рѣки!

Это было 10-го числа мѣсяца мухаррема, — самый грустный день въ религіозной жизни шіитовъ, ежегодно съ того времени чествуемый соотвѣтствующими теазіэ и печально-торжественными церемоніями. Воткнутая на копье голова Хусейна была послана, какъ военный трофей, Езиду, который, вдоволь надъ ней наиздѣвавшись, согласился, наконецъ, позволить похоронить ее въ Дамаскѣ.

Здѣсь не лишне будетъ замѣтить, что, подвергаясь преслѣдованіямъ изъ поколѣнья въ поколѣнье, алиды принуждены были покинуть Аравію и переселиться въ Персію, гдѣ встрѣтили сочувствіе и гостепріимство, особенно въ Хорасанѣ, гдѣ преданность къ Али и алидамъ послужила основаніемъ возникновенія цѣлой секты Али-Иллаги, обоготворившей Али, какъ воплощеніе божества.

Таковы событія, которыя исключительно вдохновляютъ собою неизвѣстныхъ авторовъ теазіэ, которыя получили, однако, свое распространеніе, какъ непремѣнная принадлежность культа Али, лишь съ XVI вѣка, то-есть съ эпохи династіи Суфи, потомковъ Мухаммеда чрезъ Али и Фатиму.

Теазіэ, написанныя всегда стихами, весьма многочисленны, и есть множество сборниковъ ихъ, изъ которыхъ наиболѣе полный принадлежитъ вышеупомянутому А. Ходзько. Въ немъ помѣщено тридцать три мистеріи. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: «Смерть Пророка», «Смерть Фатимы», «Смерть Али» (переводъ которой читатели найдутъ ниже), «Гибель имама Хасана», «Отъѣздъ имама Хусейна изъ Мекки», «Имамъ Хусейнъ въ пустынѣ», «Гибель имама Хусейна», «Тѣни пророковъ у трупа Хусейна», «Сироты Хусейна на его могилѣ» и друг.

Мистерія десятаго, послѣдняго, дня ашуры сопровождается весьма любопытными религіозными церемоніями, аллегорически воспроизводящими печальныя событія траурнаго мѣсяца шіитовъ.

Вотъ какъ описываетъ эти священныя церемоніи мухаремма въ Испагани сэръ Моріеръ въ своей интересной книгѣ о Персіи «Second journey through Persia».

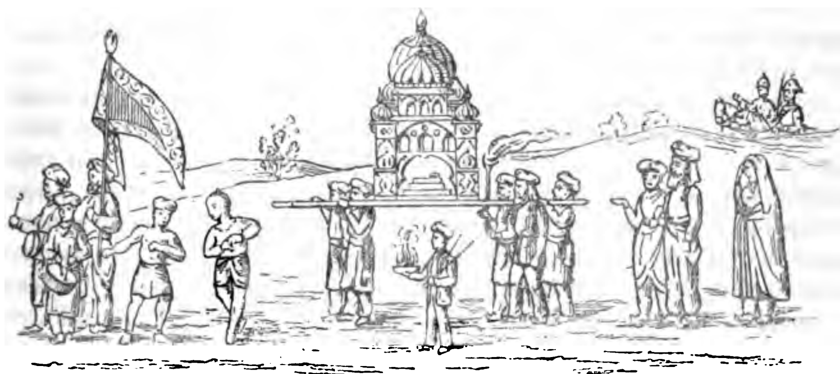
Въ домѣ нашего сосѣда Махмудъ-Хана,—разсказываетъ онъ,— было устроено тэкіэ, куда стекались массы народа. Во время этихъ

сборищъ до насъ доносился звукъ барабановъ, трубъ и кимваловъ. Кромѣ тэкіэ, разбросанныхъ по всему городу, мы замѣтили еще множество деревянныхъ подмостковъ на площадяхъ и улицахъ, откуда муллы проповѣдывали народу, стекавшемуся во множествѣ вокругъ нихъ... На восьмой день мухаррема великій визирь пригласилъ всѣхъ членовъ посольства къ себѣ на тэкіэ. Когда мы вошли,— продолжаетъ авторъ,— мы застали уже многочисленное общество персіянъ въ темныхъ одеждахъ, въ темныхъ же тюрбанахъ и шапкахъ, безъ оружія и какихъ бы то ни было украшеній. У всѣхъ у нихъ былъ до такой степени печальный видъ, что ихъ можно было принять за людей, съ которыми только что случилось какое нибудь ужасное несчастіе. Мулла высшаго ранга сидѣлъ рядомъ съ визиремъ и о чемъ-то съ нимъ чинно бесѣдовалъ, въ то время какъ остальные присутствовавшіе разговаривали другъ съ другомъ шепотомъ. Мы присоединились къ обществу и просидѣли такъ нѣкоторое время. Затѣмъ вскорѣ сквозь настежъ отворенныя окна увидѣли мы муллу на высотѣ каѳедры, подъ сѣнью палатки, окруженной толпой народа. Былъ вечеръ, и все это зрѣлище эффектно освѣщалось множествомъ фонарей, свѣчей и факеловъ. Мулла началъ съ того, что напомнилъ народу, какъ полезно для спасенія души каждаго проливать горькія слезы о гибели имама Хусейна, которыя искупаютъ собою дурные поступки прежней жизни. Затѣмъ онъ торжественно провозгласилъ, что тотъ, чья душа не опечалена въ эти дни, достоинъ быть убитымъ среди народа. Послѣ этого онъ сталъ читать по книгѣ въ носъ и нараспѣвъ ту часть трагической исторіи Хусейна, которая приходилась на этотъ день. Чтеніе страданій обожаемаго во всей Персіи святого не замедлило произвести фанатизирующее дѣйствіе на толпу, чему немало способствовало и то, что черезъ каждые почти три листа мулла, качая головой изъ стороны въ сторону, жалобнымъ голосомъ пронзительно завывалъ: вахи! вахи! — обычное восклицаніе печали у персіянъ. Присутствовавшіе также покачивали при этомъ головами и, вторя муллѣ, громко выкрикивали: вахи! вахи! Чтеніе продолжалось около часа и все болѣе и болѣе наэлектризовывало суевѣрную и впечатлительную толпу. Въ одномъ мѣстѣ чтенія всѣ сидѣвшіе вмѣстѣ съ нами въ комнатѣ вдругъ поднялись на ноги, и я увидѣлъ, какъ визирь быстро вертѣлся у стѣны съ распростертыми въ молитвенномъ экстазѣ руками. Послѣ того, какъ мулла окончилъ чтеніе, появились актеры, и началось теазіэ. Нѣкоторые изъ актеровъ были одѣты поженски. Они взошли на подмостки и стали читать свои роли по листкамъ бумаги, которые держали въ рукахъ. Ихъ чтеніе, на манеръ речитатива, было очень недурно и производило пріятное впечатлѣніе даже на европейское ухо. Въ трагическихъ молитвахъ мистеріи многіе изъ актеровъ, казалось, испускали неподдѣльные вопли отчаянья, и я замѣтилъ, что

визирь и мулла, снова сѣвшій рядомъ съ нимъ по окончаніи проповѣди, проливали искреннія слезы горести.

При подобныхъ сборищахъ мухаррема часто практикуется весьма оригинальный обычай, а именно: мулла собираетъ слезы присутствующихъ на кусокъ полотна, изъ котораго потомъ онѣ старательно выжимаются въ бутылку, оберегаемую со всевозможными предосторожностями. Персіяне глубоко вѣрятъ, что во время предсмертной агоніи, когда всѣ медицинскія средства оказались уже безполезными, одной капли собранныхъ такимъ образомъ слезъ, влитой въ уста умирающаго, достаточно, чтобы вернуть ему жизнь.

Въ десятый день мухаррема, такъ называемый рузъ-и-катль, то-есть день убіенія Хусейна, англійское посольство,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—было приглашено шахомъ (Фатхъ-Али) на ин-

Процессія мѣсяца мухаррема.

ココтересную церемонію мухаррема, посвященную грустному воспоминанію гибели Хусейна.

Мы помѣстились въ небольшой палаткѣ, спеціально для насъ приготовленной подъ одной изъ арокъ дворца, вблизи покоя, изъ окна котораго его иранское величество долженъ былъ смотрѣть на предстоявшую церемонію. Передъ глазами нашими разстилался обширный скверъ, расположенный передъ шахскимъ дворцомъ. Часть сквера была обнесена оградой, которая должна была представлять Кербелу, гдѣ былъ убитъ Хусейнъ. Рядомъ съ этимъ огороженнымъ мѣстомъ были раскинуты двѣ небольшія палатки, изображавшія собою лагерь несчастнаго имама въ знойной пустынѣ, отдѣляющей Мекку отъ Куфы. Деревянные подмостки для актеровъ, покрытые коврами, дополняли собою общій видъ сквера. Вскорѣ послѣ того, какъ мы заняли мѣста, въ народѣ произошло движеніе: всѣ поднялись на ноги, а оберегавшіе входъ въ скверъ

офицеры почтительно преклонились; мы заключили изъ этого, что въ окнѣ дворца появился шахъ, хотя и не могли его видѣть. Немедленно вслѣдъ за появленіемъ шаха началась процессія въ слѣдующемъ порядкѣ.

Впереди выступалъ плотный человѣкъ, обнаженный до поясницы, держа на своемъ поясѣ шестъ около трехъ футовъ вышины, украшенный орнаментами, составленными изъ хитро переплетенныхъ другъ съ другомъ изреченій корана. За нимъ шелъ другой, такъ же какъ и первый, съ обнаженной верхней частью тѣла, держа на поясѣ также украшенную своеобразными узорами палку, только значительно толще, тяжелѣе и ниже, на верху которой, упершись ногами въ поясъ несшаго, сидѣлъ молодой дервишъ, распѣвая громкимъ голосомъ стихи въ честь шаха. За ними слѣдовалъ нѣсколько болѣе ихъ обнаженный силачъ, съ перекинутымъ за спину мѣхомъ съ водою. Это лице, какъ мы слышали, эмблематически представляло жажду, которою томились въ пустынѣ Хусейнъ и его приверженцы.

Но вотъ появился богато разукрашенный катафалкъ—Кабр-и-Хусейнъ, то-есть могила Хусейна, на носилкахъ, которыя несли на плечахъ восемь человѣкъ. На лицевой сторонѣ его блистали украшенія изъ самоцвѣтныхъ камней, а надъ нимъ, на верху, ярко сіяла бриллiантовая звѣзда. Катафалкъ опустили на землю и возлѣ него поставили свѣтильники, изукрашенные также драгоцѣнными каменьями. Верхъ и бока его были убраны великолѣпными шалями, а поверхъ красовался тюрбанъ, эмблема халифата. Съ каждой стороны шли по два человѣка, держа высокіе шесты, съ которыхъ ниспадали разнообразныя шали, пестрѣя своеобразными оттѣнками рисунковъ и цвѣтовъ. На верху каждой изъ этихъ двухъ мѣстныхъ хоругвей было выставлено по изображенію руки Хусейна, обдѣланному каменьями.

Затѣмъ провели четырехъ лошадей въ драгоцѣнной блестящей сбруѣ. Ихъ челки были украшены золотыми бляхами, сплошь покрытыми крупными бриллiантами, испускавшими тысячи разноцвѣтныхъ лучей. Кони были покрыты дорогими шалями и тяжелой золотой парчей. На сѣдлахъ ихъ лежали различныя эмблемы смерти Хусейна. Лошади были установлены въ рядъ предъ аппартаментами шаха.

Послѣ короткаго перерыва мы увидѣли людей со свирѣпыми лицами, почти совсѣмъ обнаженныхъ, прикрытыхъ лишь небольшими кусками бѣлой матеріи. Всѣ они были въ крови. Они грозно размахивали мечами и распѣвали какой-то дикій гимнъ. Они изображали собою такъ называемыхъ **шестьдесятъ два мученика**, сопровождавшихъ Хусейна, воиновъ, погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ. За ними вели бѣлую лошадь съ искусственно воспроизведенными ранами, покрытую чернымъ: она представляла собою ту самую лошадь, на которой Хусейнъ сидѣлъ въ моментъ смерти.

Эта любопытная процессія завершалась группой людей приблизительно въ пятьдесятъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый несъ въ рукахъ по два деревянныхъ бруска. Они выстроились передъ окномъ шаха и затѣмъ, приведенные въ порядокъ своимъ старшимъ, чѣмъ-то въ родѣ балетмейстера, стоявшимъ посрединѣ, исполнили очень характерный танецъ. Въ это время старшій пѣлъ что-то речитативомъ, а танцующіе подхватывали отъ времени до времени мотивъ громкимъ голосомъ, причемъ постукивали въ тактъ деревянными брусками, которые они держали въ рукахъ.

Затѣмъ на сцену вышли актеры, и началась очень длинная и довольно монотонная теазіѐ, съ постоянными повтореніями и жалобными восклицаніями. Но вотъ, наконецъ, наступилъ трагическій моментъ: Хусейнъ лежалъ убитымъ, распростертый на землѣ. Негодованіе зрителей достигло высшихъ предѣловъ и жаждало вырваться наружу: градъ камней, сопровождаемый бранью и проклятіями, полетѣлъ въ лицедѣевъ, изображавшихъ сторонниковъ Езида: многіе попадали на землю и, конечно, получили болѣе или менѣе значительные ушибы. Охотниковъ исполнять роли убійцъ Хусейна въ этомъ послѣднемъ теазіѐ всегда бываетъ очень трудно найти, такъ какъ никто не хочетъ, конечно, подвергаться ярости возбужденной толпы и получать увѣчья, а тѣ, которые и соглашаются брать на себя эти неблагодарныя роли, со всѣхъ ногъ бѣгутъ со сцены, какъ только Хусейнъ падаетъ мертвымъ, скрываясь какъ и гдѣ могутъ отъ нападенія разсвирѣпѣвшихъ зрителей.

Теазіѐ эффектно завершается пожаромъ Кербелы. Тростникъ, которымъ было обложено вышеупомянутое нами огороженное мѣсто, вскорѣ былъ подожженъ, и Кербела запылала и быстро исчезла. Могилу Хусейна, то-есть упомянутый нами роскошный катафалкъ, окутали чернымъ покрываломъ, и внутри ея сѣлъ человѣкъ, покрытый тигровой шкурой, долженствовавшій изображать собою того легендарнаго льва, который, по преданію, оберегалъ останки имама.

Но самое любопытное и изъ ряда выходящее вонъ зрѣлище представляла собою смерть спутниковъ Хусейна, вмѣстѣ съ нимъ погибшихъ «мучениковъ», участвовавшихъ, какъ помнятъ читатели, въ процессіи. Мы увидѣли на аренѣ цѣлый длинный рядъ обезглавленныхъ труповъ, головы которыхъ лежали тутъ же на землѣ рядомъ!... Поражающій эффектъ этого зрѣлища достигается такимъ образомъ: многіе набожные персіяне закапываютъ себя съ этой цѣлью въ землю, такъ что только одна голова остается на поверхности, а другіе, наоборотъ, зарываютъ въ землю голову, оставляя на землѣ туловище; при этомъ означенная операція производится такимъ образомъ, чтобы туловище одного приходилось близъ головы другаго, вслѣдствіе чего и получается вышеописанная изумительная картина обезглавленныхъ труповъ и тутъ же лежащихъ головъ. Это добровольное самоистязаніе дѣлается съ цѣлью покаянія.

Часто, однако, особенно во время жаровъ, эти религіозные порывы оканчиваются смертью.

Все закончилось, наконецъ, худбой, или проповѣдью муллы въ честь Хусейна.

IV.

Приведенное въ предыдущей главѣ описаніе траурныхъ церемоній мухаррема, которое мы находимъ у сэра Моріера, хотя и относится къ довольно отдаленному, сравнительно, времени, а именно къ 1812—1815 годамъ, но въ общемъ не измѣнилось, конечно, и донынѣ, такъ какъ теазіѐ съ ихъ тэкіѐ, процессіями, проповѣдями и проч. стали существенною частью религіознаго культа мусульманъ-шіитовъ, строго ими оберегаемаго. Тѣмъ не менѣе, однако, читателямъ будетъ небезъинтересно прочесть современное описаніе торжествъ мухаррема, помѣщенное въ недавно вышедшей въ свѣтъ любопытной книгѣ о Персіи доктора Уильса, которой имѣется и русскій переводъ [1]).

Вотъ что мы читаемъ у доктора Уильса.

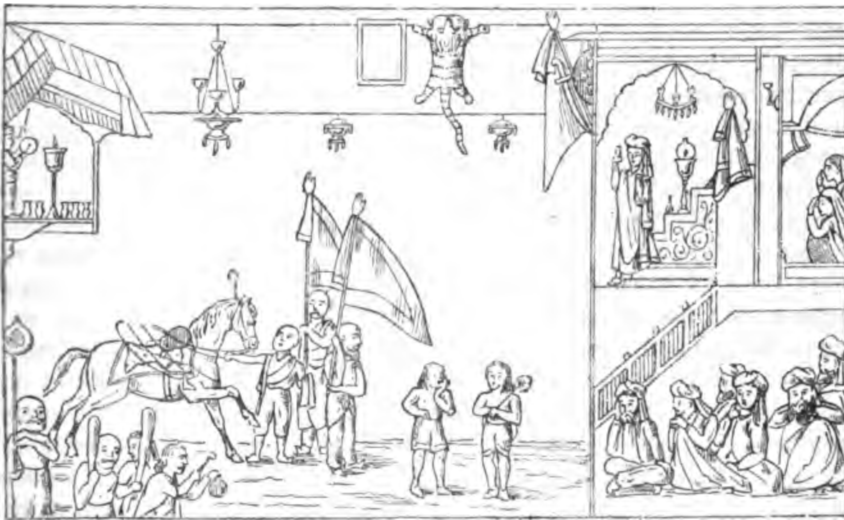
Цѣлый полкъ солдатъ втеченіе недѣли занимался установленіемъ передъ дворцомъ Зилль-ус-Султана [2]) гигантской палатки, которая должна защищать зрителей и актеровъ отъ солнечныхъ лучей и непогоды. Три мачты, болѣе семидесяти футовъ вышины, поддерживаютъ палатку, прикрѣпленную внизу къ каменнымъ столбамъ и деревьямъ. Во время устройства этого походнаго театра произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ, повторяющихся ежегодно. Съ трехъ сторонъ края палатки приподняты, четвертую сторону образуетъ дворцовая стѣна. Окна этой стѣны выходятъ прямо на арену и съ успѣхомъ замѣняютъ ложи. Сценою служитъ большая платформа, возвышающаяся на шесть футовъ надъ землею и покрытая коврами. Въ углу сцены поставленъ мембаръ, или каѳедра, вышина которой достигаетъ 10 футовъ. Лѣвая половина зрительной арены, огороженная веревками, предназначена для женщинъ, которыя занимаютъ свои мѣста по знаку принца-губернатора. Вокругъ самой арены оставлено довольно широкое пространство для прохода участвующихъ въ игрѣ многочисленныхъ процессій мужчинъ, женщинъ, ангеловъ, чертей, пророковъ, солдатъ, однимъ словомъ всей тысячи актеровъ сенсаціонной драмы, продолжающейся иногда больше недѣли. Представленій бываетъ ежедневно два: одно утреннее, другое послѣполуденное, длящіяся каждое по два часа.

Всѣ приготовленія къ представленію сдѣланы, юный принцъ даетъ приказаніе открыть двери и впустить женщинъ, а самъ са-

[1]) Современная Персія, картинки современной персидской жизни и характера, доктора Уильса, перевелъ съ англійскаго И. Коростовцевъ, Спб., 1887 г.

[2]) Губернаторъ Испагани, любимый сынъ теперешняго шаха Насръ-ед-дина.

дится въ покойной позѣ у окна. Отворяются двери, тысячная толпа женщинъ устремляется на арену и спѣшитъ занять мѣста поудобнѣе; впрочемъ, самыя предусмотрительныя и богатыя между ними заранѣе позаботились послать своихъ слугъ для занятія мѣста. Слышатся крики и споры, но порядокъ быстро возстановляютъ добродушные фарраши принца, вооруженные большими палками. Женщины располагаются потурецки симметричными рядами, образуя сплошную темносинюю массу, на которой ярко оттѣняются бѣлыя чадры. Ихъ собралось здѣсь отъ пяти до шести тысячъ. Но вотъ открывается другая дверь, и все пространство направо впереди арены и передъ сценою наполняется жужжащей толпой

Церемоніи въ текіэ, или имамбара.

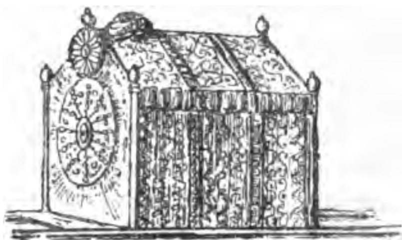
мужчинъ. Они всѣ остаются на ногахъ и въ такомъ огромномъ числѣ набиваются въ небольшое пространство, что съ трудомъ удается оставить свободнымъ небольшой промежутокъ вокругъ сцены. Въ этомъ обширномъ собраніи господствуютъ порядокъ и веселость. Между тѣмъ у оконъ дворца собрались друзья и гости принца. Раздается пушечный выстрѣлъ, и начинается прологъ драмы. На платформѣ появляется нѣсколько духовныхъ лицъ; одно изъ нихъ поднимается на каѳедру, остальные становятся вокругъ него или садятся на ступеняхъ. Царитъ мертвая тишина, нарушаемая только ржаніемъ лошадей, участвующихъ въ процессіи актеровъ. Внезапно раздается звонкій голосъ муллы: «Во имя милостиваго милосердаго Бога!»...; затѣмъ слѣдуетъ краткій перечень страданій Хусейна. При первомъ произнесеніи имени мученика

въ толпѣ слышатся вздохи и повторенія этого имени. «О, Хусейнъ! будемъ скорбѣть о Хусейнѣ!»—восклицаетъ мулла. «Хусейнъ, Хасанъ!»—вскрикиваетъ мулла, потрясая руками и ударяя кулаками въ обнаженную грудь; мужская половина собранія подражаетъ этимъ манипуляціямъ, выкрикивая хоромъ: «Хасанъ! Хусейнъ!». Крики, удары въ грудь, визгъ женщинъ — все это въ нѣсколько минутъ доводитъ толпу до состоянія бѣшенаго неистовства. Толпа достаточно наэлектризована, чтобы видѣть трагедію. Муллы уходятъ со сцены, а оркестръ принца начинаетъ играть невообразимо дикую и оглушительную какофонію. Послѣ нѣкотораго ожиданія показывается процессія актеровъ, которые должны принять участіе въ драмѣ. Впереди идутъ водоносы шаха съ бычачьими кожами, наполненными водою. Водоносы возбуждаютъ въ толпѣ различныя замѣчанія. «Ахъ, что далъ бы Хусейнъ за одну каплю воды! О, бѣдный Хусейнъ!». За водоносами идетъ группа дервишей; они несутъ двойныя тяжелыя цѣпи, которыми бьютъ себя по обнаженной спинѣ, приговаривая: «Хасанъ! Хусейнъ!». За ними слѣдуетъ нѣсколько избранныхъ, давшихъ обѣтъ пролить свою кровь въ честь мученика. Каждый изъ нихъ одѣтъ (подобно мученику, когда онъ шелъ на смерть) въ бѣлый саванъ. Эти люди держатъ въ рукахъ сабли, которыми на ходу разрѣзаютъ свои лбы; кровь ручьями течетъ съ ихъ лицъ и окрашиваетъ въ яркій цвѣтъ бѣлыя одежды. Нѣкоторые изъ этихъ фанатиковъ падаютъ отъ потери крови; ихъ видъ и страданія возбуждаютъ всеобщее сочувствіе и состраданіе.

Во время шествія гремитъ музыка, звучатъ трубы, стучатъ барабаны, но весь этотъ шумъ покрывается ревомъ десятитысячной толпы и криками «Хасанъ! Хусейнъ!». Наконецъ, показываются актеры: дикіе арабы въ короткихъ туникахъ, вооруженные мечами и пиками; Езидъ, царь невѣрныхъ; Шемръ, изображающій убійцу Хусейна, окруженный дворомъ и свитою. Онъ въ шлемѣ и бронѣ, потрясая саблею, гарцуетъ на любимомъ конѣ губернатора. При проѣздѣ Шемра, мужчины посылаютъ ему вслѣдъ проклятія, а женщины отплевываются. Сзади Шемра сѣменитъ мелкими шажками ангелъ Гавріилъ, Божій посланецъ: его изображаетъ бородатый мужчина съ покрываломъ на лицѣ и въ перчаткахъ. Играющіе ангеловъ, пророковъ, святыхъ и женщинъ являются всѣ съ закрытыми лицами. Затѣмъ проѣзжаютъ нѣкоторыя второстепенныя лица пьесы, также верхами; за ними толпа солдатъ; еще нѣсколько всадниковъ; оркестръ музыки, свирѣпо наигрывающій ужасный мотивъ. Затѣмъ слѣдуетъ стадо верблюдовъ, на которыхъ въ корзинкахъ сидятъ жены, дѣти и внуки мученика. За ними на красивомъ конѣ—Казимъ, молодой племянникъ Хусейна; при его появленіи въ толпѣ раздается плачъ и вздохи сожалѣнія по поводу его близкой смерти. Хасанъ, братъ мученика, слѣдуетъ за Казимомъ. Въ это время раздается громкій звукъ трубы, и послѣднимъ показывается

на великолѣпномъ конѣ главное лице трагедіи въ тюрбанѣ и въ халатѣ темнозеленаго цвѣта (священный цвѣтъ пророка и его потомковъ). Присутствующіе, при его появленіи, бьютъ себя въ грудь кулаками и начинаютъ кричать: «Хусейнъ! О, Хусейнъ! Несчастный Хусейнъ!». Вся процессія трижды обходитъ сцену при возгласахъ и крикахъ симпатіи и сожалѣнія толпы, доведенной до фанатическаго экстаза и слившейся въ густую траурную массу для того, чтобы взирать на многочисленныя дѣйствія и интермедіи священной драмы или мистеріи.

Въ драмѣ нѣтъ никакихъ претензій на сценичность, но персіяне умѣютъ передавать древнія событія съ чрезвычайнымъ реализмомъ формы. Плѣнные, напримѣръ, закованы въ цѣпи или колодки, наглядно показывающія ихъ несчастное положеніе. Свадьба злополучнаго Казима совершается съ должной торжественностью. Битвы и схватки производятъ впечатлѣніе полнѣйшей иллюзіи, причемъ арабы изображаютъ воиновъ Езида. На сценѣ ставится огромная палатка Хусейна, а его гаремъ, жены и дѣти, пріѣзжаютъ на верблюдахъ. Стихи пьесы произносятся вообще съ большимъ толкомъ и чувствомъ, а иногда съ неподражаемымъ талантомъ. Самое обширное поле для декламаціи предоставлено актерамъ, играющимъ роли «тирановъ», каковы Шемръ и Езидъ. Описаніе Шемромъ смерти Хусейна и укоры его совѣсти производятъ сильное впечатлѣніе. Понимая языкъ и зная грустное содержаніе пьесы, почти невозможно бываетъ избѣжать возбужденія, которое овладѣваетъ всѣми зрителями.

Табутъ.

Мѣсяцъ мухарремъ чествуется также и у шіитовъ Индіи, причемъ не безъинтересно отмѣтить слѣдующія оригинальныя черты празднованія ашуры въ Индіи. Въ домѣ каждаго состоятельнаго шіита въ Индіи непремѣнно есть особое отдѣленіе, называемое имамбара, гдѣ помѣщается вышеописанная нами катафалкъ-палатка, долженствующая изображать могилу Хусейна и называемая въ Индіи табутъ. Этотъ табутъ разукрашивается по мѣрѣ состоянія владѣльца. Кромѣ всего того, что происходитъ во время ашуры въ Персіи, и что уже извѣстно нашимъ читателямъ, въ Индіи передъ табутами, впродолженіе всей ашуры, поддерживается огонь, причемъ обычай этотъ является здѣсь главнѣйшимъ условіемъ празднованій мухаррема. «Мухарремовы огни» чтутся и персіянами, и индусами, какъ нѣчто священное, и пользуются бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ даже самые табуты. Постоянно у этихъ костровъ толпится народъ, даетъ передъ ними обѣты, пляшетъ во-

кругъ нихъ и прыгаетъ черезъ нихъ. Откуда взялся этотъ обычай, опредѣлить трудно. Л. Пелли (The Miracle Play of Hasan and Husain) предполагаетъ, что мухарремовы огни есть воспоминаніе костровъ Хусейнова лагеря. Очень можетъ быть также, что это отдаленное эхо древнихъ огней Ваала. Почитаніе огня въ древности у славянъ-язычниковъ, сохранившееся и понынѣ въ народныхъ обычаяхъ ночи Ивана Купалы, не показываетъ ли намъ общее распространеніе культа огня въ древности, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ?

V.

Предлагаемая нами читателямъ, впервые появляющаяся на русскомъ языкѣ, персидская мистерія, теазіэ «Смерть халифа Али», взятая изъ вышеназваннаго сборника г. Ходзько, представляетъ собою начало трагической судьбы всего семейства Али, вкратцѣ изложенной нами выше, первою жертвой которой былъ онъ самъ. Пьеса эта играется въ одинъ изъ первыхъ дней ашуры и, по нашему мнѣнію, не смотря на дѣтскія наивности неизвѣстнаго ея автора (напримѣръ, главныя дѣйствующія лица видятъ одинъ и тотъ же вѣщій сонъ), написана довольно живо, полна искренняго увлеченія и составлена довольно сценично, а появленіе въ концѣ ея тѣни Али производитъ несомнѣнный эффектъ, напоминая нѣсколько пьесы европейскаго репертуара.

Въ уста героя пьесы, Али, вложено выраженіе самаго полнаго подчиненія предопредѣленію, судьбѣ, предначертанной Аллахомъ, но въ то же время рядомъ съ этимъ сохраняется и языческое вѣрованіе въ господство звѣздъ надъ человѣческой жизнью, которое мы слышимъ изъ устъ того же Али. Отличительною же чертою пьесы является пламенное желаніе Али умереть и тѣмъ соединиться съ божествомъ и пророкомъ,—особенная, исключительная, мистическая любовь къ божеству, характеризующая шіизмъ вообще и расцвѣтшій на его почвѣ суфизмъ, восточный пантеизмъ, въ частности, придавшій этой любви совершенно своеобразный аллегорическій оттѣнокъ страданій и томленій любящаго по любимому существу,—оттѣнокъ, которымъ проникнуты произведенія лучшихъ поэтовъ Персіи—Саади, Хафиза, Джами, Ферид-ед-дин-Аттара и др.

Теазіэ не дѣлятся на акты, какъ современныя пьесы, и играются сразу по нѣскольку часовъ безъ перерыва.

Въ виду отсутствія кулисъ въ персидскомъ театрѣ, всѣ участвующія въ пьесѣ лица находятся сразу, всѣ вмѣстѣ, на сценѣ. Тѣ, которыя въ данный моментъ дѣйствуютъ, стоятъ на первомъ планѣ, тѣ же, которымъ въ это время не должно быть на глазахъ публики, стоятъ такъ же тутъ, только поодаль.

Европеизмъ, однако, проникаетъ и на неподвижный Востокъ, и, по словамъ доктора Уильса, въ 1886—1887 годахъ въ Тегеранѣ заѣзжимъ французомъ, кто бы могъ ожидать этого, устроивались спектакли вполнѣ на современный манеръ. Въ Персіи,—говоритъ докторъ Уильсъ,—нашлась даже и актриса, правда, не персіянка, а дочь нѣмецкаго часовщика, ни слова не говорящая поперсидски. Она выучила свою роль наизусть, вполнѣ механически. Была дана пьеса Скриба «L'ourse et le pacha», передѣланная на персидскій ладъ. Актеры играли отвратительно, но такъ какъ женскія роли до тѣхъ поръ исполнялись мальчиками, то помянутая дама произвела не малое впечатлѣніе. Все представленіе длилось 45 минутъ. Сборъ долженъ былъ поступить въ пользу бѣдныхъ Тегерана. Между тѣмъ собрали,—продолжаетъ докторъ Уильсъ,—только 100 фунтовъ стерлинговъ, а расходы по устройству спектакля обошлись въ 280 фунтовъ, такъ что французу антрепренеру пришлось приплатить изъ собственнаго кармана, а бѣдные ничего не получили. Шахъ присутствовалъ при второмъ представленіи, сидя у окна, и съ трескомъ разбилъ стекло, чтобы лучше видѣть и слышать...

СМЕРТЬ ХАЛИФА АЛИ.

(Мистерія).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Али, зять Мухамеда.
Хасанъ, **Хусейнъ**, **Аббасъ** — сыновья его.
Зайнабъ, **Гюлсумъ** — дочери его.
Неаманъ, докторъ.
Ибнъ-Мельджемъ, убійца Али.
Ханифа, **Амберъ** — ближайшіе пособники и друзья Али.
Белаль, муэззинъ.
1, **2**, **3**, **4** — изъ народа.
Тѣнь Али.
Слуги и народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Куфѣ, въ 13-й годъ смерти Мухаммеда. Ночь.

Али (на молитвѣ). О, милосердый Алла, владыка вселенной, съ тѣхъ поръ, какъ ты призвалъ къ себѣ Мухаммеда, горе терзаетъ меня! Ничто не можетъ наполнить пустоту, которую производитъ на землѣ отсутствіе твоего избранника! Нигдѣ не нахожу я покоя, а жестокое время смѣется надъ

моимъ горемъ, и я спрашиваю у себя, что дѣлать, такъ какъ нѣтъ болѣе его, покровителя человѣчества [1])!

Мнѣ только что дано знать, что въ эту ночь я долженъ умереть. Алла, да будетъ такъ, какъ тобою предназначено! Въ эту ночь мои дѣти останутся сиротами, они не будутъ имѣть болѣе друга, покровителя и добраго совѣтника въ жизни...

О, ты, небесный сводъ, котораго звѣзды направляютъ по своему произволу жизнь людей, то опредѣляя имъ радости, то горе, чего ты хочешь отъ меня, жестокій?! Зачѣмъ назначилъ ты умереть ранѣе меня Фатимѣ, дочери пророка [2]), лучшей изъ женщинъ? Ея кончину и смерть послѣдняго изъ пророковъ не могу я достаточно оплакать! До сихъ поръ не могутъ высохнуть на глазахъ моихъ слезы!

А моя бѣдная мать! И ея также не стало... Вудь, что будетъ! Я не думаю уже болѣе о себѣ. О, Алла, будь милостивъ къ моимъ сиротамъ! Мысль, что послѣ меня у нихъ никого не остается на свѣтѣ, не даетъ мнѣ покоя...

Гюлсумъ. Зайнабъ, уже полночь, а я слышу, что ты плачешь въ постели. Что съ тобой, моя дорогая? Если ты страдаешь, отчего не подѣлишься горемъ съ твоей Гюлсумъ? Скажи же мнѣ, что съ тобою?

Зайнабъ. Благодарю тебя, моя добрая Гюлсумъ. О, я огорчаюсь не напрасно! Я только что видѣла страшный сонъ. Мнѣ пригрезилась наша добрая мать. Блѣдная, въ растерзанной одеждѣ, подошла она ко мнѣ и, схвативъ меня за сорочку, разорвала ее сверху до низу... Отнынѣ ты обвѣнчаешься съ горемъ, сказала она, оно не будетъ никогда покидать тебя!..

Гюлсумъ. Какъ это странно! Я тоже только что видѣла сонъ, похожій на твой! Я видѣла тебя грустную, горько плачущую. Много женщинъ въ траурѣ сидѣло около тебя и причитали, какъ это дѣлаютъ плакальщицы на похоронахъ. Когда я увидѣла тебя, дорогая Зайнабъ, при такой ужасной обстановкѣ, я въ ужасѣ проснулась!

Али. Я слышу, что вы говорите о чемъ-то грустномъ, мои дорогія. Отчего сонъ бѣжитъ вашихъ вѣждъ, не смотря на поздній часъ?

Зайнабъ. Не говори мнѣ, дорогой отецъ, о снѣ и покоѣ, я испытываю тревогу и вся въ жару... Также хорошо, какъ я теперь тебя вижу передъ собою, я видѣла сейчасъ во снѣ нашу мать Фатиму: она приходила сюда въ сопровожденіи женщинъ, испускавшихъ вопли грусти! Она сорвала съ меня покрывало, собственными руками одѣла меня въ трауръ и разорвала на мнѣ одежду, какъ если бы я должна была оплакивать смерть родного... Что означаетъ этотъ сонъ, это ужасное видѣнье?

Али. Твой сонъ говоритъ правду, дорогая Зайнабъ... Знай, что настаетъ часъ, когда ты надѣнешь трауръ по мнѣ. Приготовьтесь одѣться въ черное, мои бѣдныя сироты, такъ какъ мой смертный часъ близокъ. Ты старшая въ семьѣ, Зайнабъ, свѣтъ очей моихъ, и какъ скоро я уйду изъ этого міра неправды и нечестія, вокругъ тебя сядутъ и будутъ меня оплакивать.

Хусейнъ. Сюда, на помощь, дорогой братъ!.. Что-то ужасное готовитъ намъ судьба! Я только что видѣлъ страшный сонъ, что насъ съ тобой будто постигло какое-то горе. Мы бросались другъ другу въ объятія, и въ это время приходитъ Зайнабъ. Она поетъ похоронныя пѣсни и бьетъ себя въ

---

[1]) То-есть Мухаммеда.

[2]) Жена Али.

грудь. Она срываетъ съ насъ тюрбаны и вотъ съ непокрытыми головами идемъ мы по какой-то дорогѣ, а сзади насъ... несутъ покойника!..

Хасанъ. О, мой дорогой Хусейнъ, свѣтъ очей моихъ, я уже давно не сплю. Меня преслѣдуютъ грустныя мысли. Я видѣлъ точно такой же сонъ, какъ и ты, и отъ него я проснулся!

Али. Знай, мой Хусейнъ, что въ розовомъ цвѣтникѣ моей жизни пора весны миновала и приближается осень. Похороны и плачущія женщины, которыя ты видѣлъ во снѣ, предвѣщаютъ смерть вашего несчастнаго отца: это меня вы будете оплакивать.

Хусейнъ. О, не говори этого! Твои слова раздираютъ мое сердце! О, Боже, пошли лучше смерть намъ обоимъ! Грустна жизнь дѣтей безъ отца!

Али (смотритъ на дѣтей съ нѣжностью). Какъ ты хорошъ, мой Хасанъ! Кипарисъ менѣе строенъ и легокъ, чѣмъ ты! Когда я смотрю на васъ, мои глаза блестятъ и мое сердце преисполнено радостью. Еще такъ недавно, въ началѣ этого мѣсяца, вы всѣ были подлѣ меня, сіяя молодостью, и я не завидовалъ у неба его ясной лазури! Я былъ такъ счастливъ съ вами... И вотъ надвигается туча, которая раздѣлитъ насъ другъ отъ друга, и ея ледяное дыханье я уже чувствую...

Хасанъ. О, корона главы моей, возлюбленный отецъ, чтобы осушить слезы твоихъ очей, Хасанъ охотно пожертвуетъ своей жизнью!

Али. И тебѣ, Хусейнъ, блескъ очей моихъ, и тебѣ опредѣлено погибнуть! Скажи мнѣ, возлюбленный сынъ, сколько дней осталось въ этомъ мѣсяцѣ?

Хусейнъ. Двѣнадцать.

Али. Зачѣмъ мнѣ скрывать отъ васъ истину, дѣти мои? Посланникъ Божій (то-есть Мухаммедъ) предсказалъ мнѣ, что въ эту именно ночь, на разсвѣтѣ, я буду убитъ... Ибнъ-Мельджемъ, гнусный отступникъ, обагритъ мое лицо кровью. (Къ Зайнабъ:) Ты будешь мнѣ больше, чѣмъ дочь; Зайнабъ, послѣ моей смерти ты замѣнишь, какъ старшая, мать моимъ сиротамъ. Да, приближается часъ, когда я долженъ васъ покинуть. Я уже болѣе не отъ міра сего! Порывъ божественной любви, неодолимая сила влечетъ меня къ раю! Я уже вижу тамъ нашего славнаго пророка и вашу мать, Фатиму. Я ихъ вижу, они зовутъ меня насладиться блаженствомъ избранниковъ, днями небесныхъ радостей и ночами мистическихъ наслажденій!..

Зайнабъ. Покидай насъ, если такъ нужно, покидай, но помни, что ты растерзаешь этимъ наши сердца. Мы уже и такъ испытали много горя послѣ смерти пророка и нашей матери.

Али. Нельзя избѣжать того, что предопредѣлено человѣку. Теперь слушайте, мои милыя дѣти, отдохните немного, а я долженъ идти въ мечеть на утреннюю молитву.

Хасанъ. О, сынъ дяди пророка, пріявшій чудесное дыханіе Мухаммеда, не ходи одинъ въ мечеть при такихъ обстоятельствахъ! Дорогой отецъ, позволь Хасану и Хусейну сопровождать тебя. Я не боюсь ножа убійцы! Я приму его ударъ въ мою голову, словно надѣну корону.

Али. Имѣй терпѣнье, дитя мое! Время твоей жертвы еще не пришло. Ядъ, который окончитъ твои дни, еще не влитъ въ чашу. Нечестивый Моавія, этотъ волкъ, жадный до нашей крови, еще только обдумываетъ, какъ

лишить тебя жизни... Ты останешься дома съ сестрами. Поди къ нимъ, успокой ихъ бѣдняжекъ!

Хусейнъ. О, отецъ, посмотри на меня, Хусейна, твоего младшаго сына, и не огорчай меня. О, пусть лучше пески всѣхъ пустынь міра засыплютъ меня живымъ, чѣмъ мнѣ лишиться отца!

Али. Довольно говорить, дѣти, довольно жалобъ на судьбу, не смущайте меня болѣе криками отчаянія! И вы также, въ вашу очередь, будете мучениками!.. Скорѣй въ мечеть, чтобы въ послѣдній разъ совершить намазъ. (Уходитъ).

Али (на порогѣ мечети). О, ночь злодѣянія, что сталось съ твоей зарей? Отчего не слышно голоса муэззина, запоздавшаго, какъ и ты? Зачѣмъ удерживаешь ты утренній вѣтерокъ? Будетъ ли тебѣ стыдно опять прійдти на землю послѣ преступленія, которое готовится подъ покровомъ твоего мрака? Не огорчайся, ночь, это не твоя вина! Такъ предначерталъ творецъ времени и вселенной!

Хусейнъ. Какъ безконечно тянется эта ночь! Можно подумать, что пѣтухъ потерялъ голосъ или что онъ не хочетъ пѣть въ ту ночь, когда будетъ убитъ Али... (Къ муэззину:) Наконецъ, свѣтаетъ! Спѣши, муэззинъ, возглашать азанъ!

Муэззинъ (съ высоты минарета). Аллахъ великъ! Аллахъ великъ! Аллахъ великъ! Аллахъ великъ! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Мухаммедъ пророкъ его! Идите на молитву! Идите къ спасенью!

Али (посреди мечети, впереди народа). О, горожане и пришельцы, народъ Мухаммеда, друзья, приступите къ молитвѣ! На востокѣ показывается день, возстань съ ложа, врагъ Аллаха, часъ намаза насталъ! Торопись, несущій гибель! О, владыка вселенной, творецъ всего сущаго, цѣпь смиреннаго подчиненія твоимъ предначертаніямъ упала на мою выю. О, милосердый, будь свидѣтель, что Али, имамъ, вѣрно служилъ тебѣ и до послѣдняго дыханья исполнялъ твои завѣты. Душа моя стремится соединиться съ посланникомъ Божіимъ! Призываю имя Аллаха и простираюсь предъ его всемогуществомъ. (Падаетъ ницъ. Въ это время изъ толпы показывается Ибнъ-Мельджемъ, ранитъ его въ темя и быстро скрывается). О!.. Благодарю тебя, Алла, творецъ Каабы! Тюрбанъ мученичества божественной любви обагрился моей кровью! Моя душа горитъ огнемъ желанья соединиться съ пророкомъ! Хвала Богу!..

Первый изъ народа. О, ужасъ!.. Ударъ раздробилъ позвоночный столбъ славнаго пророка, увы! Али убитъ подлымъ злодѣемъ, увы!

Второй изъ народа. Потомокъ пророка заслужилъ славу мученика! Нашъ халифъ палъ, обагренный кровью, къ подножію мембера (соотвѣтствуетъ алтарю)!

Третій изъ народа. Вселенная посыпаетъ главу пепломъ и надѣваетъ трауръ по Али! Нашъ халифъ, защитникъ вѣры, упалъ подъ ударомъ ножа гнуснаго убійцы, Ибнъ-Мельджема. Стыдъ намъ! Посыплемъ пепломъ наши виноватыя головы! Сынъ дяди пророка палъ мученикомъ!

Четвертый изъ народа. Лучшій изъ наѣздниковъ, нашъ вождь, который насъ водилъ на славныя побѣды при Бедрѣ и Гонейнѣ [1]), палъ му-

[1]) О побѣдахъ при Бедрѣ и Гонейнѣ см. коранъ, суры, III, 117, 118, 120; VII, 5 и сл., 42, 43; IX, 25.

ченикомъ! Некому уже болѣе поучать народъ въ мечети, нашъ имамъ лежитъ, сраженный убійцей!

Зайнабъ. Увы! ужасная вѣсть достигла до меня! Вставай, Хусейнъ! Проснись, Хасанъ! Страшное несчастіе обрушилось на наши головы, а вы спите!

Хасанъ. Что съ тобой, сестра? Ты вся въ слезахъ!

Хусейнъ. Что случилось? Почему ты безъ покрывала?

Зайнабъ. Бѣгите въ мечеть: посмотрите, что сталось съ отцомъ!

Хусейнъ (входя въ мечеть). Что я вижу?! Ужасная рана! Кто презрѣнный убійца, котораго не устрашаютъ проклятія сиротъ?

Али. О, сынъ мой, свѣтъ моихъ очей, судьба только что нанесла мнѣ благословенный ударъ... Я страдаю лишь отъ мысли, что я покидаю васъ сиротами, юныхъ, неопытныхъ. Я не страдаю отъ своей раны, это рана мученика, она украшаетъ мое чело. Вѣрный завѣтамъ любви, я умираю мученикомъ и иду по дорогѣ, которая ведетъ къ Богу... Отнесите меня домой... Мнѣ не долго осталось жить и я хочу быть дома съ дѣтьми...

(Хусейнъ и Хасанъ берутъ его на руки и уносятъ. Зайнабъ встрѣчаетъ ихъ на порогѣ дома, они кладутъ Али на ложе).

Хасанъ. Никакой надежды, Зайнабъ! Позови всѣхъ, будемъ горевать вмѣстѣ!

(Входятъ слуги и въ горѣ окружаютъ умирающаго).

Зайнабъ. Милые братья! Бѣгите за докторомъ, скажите ему, что отцу все хуже! Просите его прійти перевязать отцу рану... Онъ опытенъ, можетъ быть, онъ поможетъ... Торопитесь же! (Хусейнъ уходитъ).

Неаманъ (входя съ Хусейномъ). Благородная семья посланника Аллаха, привѣтствую тебя! Священный разсадникъ садовъ ислама, погубленный смертоноснымъ дыханьемъ осенняго урагана, Али, привѣтъ тебѣ!

Зайнабъ. Да будетъ благословенъ твой приходъ! Приблизься! Да, смертельный ураганъ уничтожилъ жатву истинной вѣры и сдѣлалъ насъ сиротами...

Неаманъ. Какой ужасъ! Твои волосы въ безпорядкѣ, платье разорвано, повсюду крики отчаянья, Али блѣдный на постели, весь въ крови!..

Зайнабъ. О, Неаманъ, иди, положи повязку на голову славнаго мученика! Посмотри, не можешь ли ты закрыть рану? Вѣдь, ты ее излечишь, Неаманъ, да?.. О, возврати намъ отца, и да вдохновитъ тебя Аллахъ!

Неаманъ (смотритъ рану Али). Увы, нѣтъ снадобья, которое могло бы заживить рану Али! Кинжалъ, нанесшій ее, былъ напитанъ ядомъ! Это одна изъ тѣхъ ранъ, которыя не поддаются усиліямъ опытнѣйшихъ врачей. Знанія Неамана безполезны.

Зайнабъ. Вотъ золото, возьми его, Неаманъ! Спаси намъ отца!..

Неаманъ. Возьмите мою жизнь, если она нужна вамъ, но не просите меня сдѣлать то, что не въ моей власти! Ядъ, которымъ былъ пропитанъ кинжалъ, уже проникъ въ кровь раненаго. Одинъ Аллахъ можетъ спасти Али, а человѣческія усилія здѣсь безполезны. (Уходитъ).

Али. Не огорчайтесь напрасно, друзья мои и вѣрные слуги и помощники. Неаманъ поступилъ, какъ честный человѣкъ... Моя смерть соединитъ меня съ пророкомъ, онъ уже ожидаетъ меня и онъ одинъ исцѣлитъ мои раны... Нужно подчиниться судьбѣ: то, что случилось со мною, было мнѣ предназначено съ перваго дня сотворенія міра.

Аббасъ. Батюшка, когда тебя не станетъ, что со мною будетъ?

Али. Благословенна женщина, давшая тебѣ жизнь! Не страшись будущаго, ты погибнешь славной смертью мученика рядомъ съ братомъ... Будетъ время, ты увидишь Хусейна въ рукахъ враговъ... покинутаго... въ пустынѣ, измученнаго жаждой... а его соратниковъ, усѣявшихъ поле... подойди къ нему тогда и скажи: отецъ предсказалъ намъ все это, онъ и мать ждутъ насъ... А потомъ ступай и сразись, какъ герой...

Ханифа[1]. О, вождь, кому я отнынѣ долженъ повиноваться? Укажи мнѣ моего будущаго вождя и скажи ему за меня доброе слово.

Али. Не огорчайся, мой вѣрный Ханифа, я скажу о тебѣ Хусейну.

Зайнабъ. Отецъ, Амберъ стоитъ у порога и проситъ позволенія войдти. Можно ли впустить его?

Али. Пусть войдетъ: Амберъ, мой вѣрный и преданный слуга...

Амберъ (входя). Привѣтъ тебѣ, владыка, чтимый мною наравнѣ съ ангелами седьмаго неба! О, имамъ міра сего, скажи твоему преданному Амберу, кто покусился на тебя!? Ты весь въ крови!..

Али. Ибнъ-Мельджемъ нанесъ мнѣ рану, но не огорчайся... такъ предназначено Аллахомъ.

Амберъ. О, Боже! Бывало, сидя на бравомъ конѣ, ты ослѣплялъ нашихъ враговъ солнцемъ побѣдъ, блиставшимъ на златѣ твоего стремени! Я всюду слѣдовалъ за тобою, гордясь твоимъ величіемъ! Ничтожный Амберъ купался въ лучахъ твоей славы!.. А теперь какъ могу я смотрѣть на твою саблю? О, эмиръ, хватитъ ли у меня силы взглянуть на твоего коня?! Увы, что станется съ Амберомъ!

Али. Мой конь не будетъ забытъ, также какъ и ты, вѣрный слуга. Подойдите сюда, Хасанъ и Хусейнъ, поручаю вашему попеченію Амбера: онъ преданно служилъ мнѣ и пользовался моимъ полнымъ довѣріемъ... А ты, Амберъ, прости мнѣ за всѣ труды и испытанія, которые тебѣ пришлось вынести изъ-за меня...

Белаль (на порогѣ). Пустите меня войти! Я—Белаль, муэззинъ главной мечети, я долженъ говорить съ Али, моимъ духовнымъ вождемъ и владыкой. (Входя). Привѣтъ тебѣ, другъ Аллаха! Часъ втораго намаза (молитвы) приближается, народъ собрался въ мечети и въ тревогѣ всѣ ждутъ извѣстій о тебѣ! О, эмиръ, не можешь ли ты, хотя на одно только мгновенье, показаться въ мечети, помолиться вмѣстѣ съ народомъ?

Али. Мой добрый Белаль, я не въ силахъ подняться!.. Скажи это правовѣрнымъ шіитамъ... Передай имъ также мой завѣтъ, скажи имъ, что эмиръ назначаетъ имъ имамомъ своего старшаго сына и наслѣдника, Хасана... Онъ будетъ вождемъ ихъ.

(Белаль низко кланяется и уходитъ).

Прощайте вы всѣ, племя пророка! Когда меня не станетъ, любите Хусейна, какъ вы любили меня... Прощайте, мои бѣдные друзья! Оставьте теперь меня одного. Уйдите всѣ, кромѣ Хусейна... пусть онъ останется возлѣ меня...

(Всѣ уходятъ, кромѣ Хусейна).

Али (молится). О, великій Алла, владыка людей и духовъ, прости врагамъ моимъ, вычеркни ихъ грѣхи, смилосердись надъ людьми, да будетъ

---

[1] Мухаммедъ Ханифа—одинъ изъ арабскихъ старшинъ.

милость твоя надъ всѣми!.. Я улетаю изъ этого міра, подъятый порывомъ желанія соединиться съ пророкомъ и возглашаю: нѣтъ Бога, кромѣ Бога...

(Умираетъ).

(Всеобщая печаль. Дѣти Али плачутъ. Домашніе окружаютъ умершаго и дѣлаютъ приготовленія къ погребенію).

Амберъ. О, мусульмане, счастливъ изъ васъ тотъ, кто можетъ плакать! У Амбера нѣтъ слезъ! Плачьте о главѣ нашей вѣры, халифѣ, славномъ героѣ, злодѣйски умерщвленномъ...

Хусейнъ. Хасану и Хусейну осталось теперь горько стенать до смертнаго часа! Вздохи, скорбь, слезы, вотъ теперь нашъ удѣлъ! О, отецъ, посмотри па насъ, что съ нами сталось!..

(Раздаются похоронныя пѣсни. Въ это время вдругъ появляется тѣнь человѣка, плотно, съ головой, закутаннаго въ плащъ).

Тѣнь. Привѣтъ вамъ, смертные, убитые горемъ! Я пришелъ на вашъ зовъ. О, Хасанъ и Хусейнъ, возлюбленные Аллахомъ, радость сердца незабвеннаго пророка, я пришелъ за священнымъ прахомъ отца паслѣдниковъ Мухаммеда! Поступайте по завѣтамъ Али и удалитесь отсюда, вы исполнили свои обязанности, мнѣ же довѣрьте тѣло вашего отца, я отнесу его въ могилу. Прощай, семья, убитая горемъ!..

Хасанъ. Кто ты, пришлецъ, сострадательный къ сиротамъ? Заклинаю тебя Аллахомъ, сними покрывало и дай намъ увидѣть твое лице!

(Тѣнь раскрываетъ плащъ, и всѣ узнаютъ Али).

Всѣ вмѣстѣ. О, чудо! Ты, отецъ Хасана и Хусейна, являешься намъ среди бѣла дня, когда тѣло твое покоится на смертномъ одрѣ, а наши глаза льютъ безконечныя слезы! О, чудо!

Тѣнь. Хасанъ и Хусейнъ, свѣтъ очей моихъ, проливающіе слезы, я—Али отецъ вашъ! Беру въ свидѣтели всѣхъ живущихъ на землѣ, что точно также приду я ко гробу каждаго правовѣрнаго, чтущаго память о несправедливости, нанесенной семейству пророка. Невидимый, я буду заботиться о его сиротахъ. Какъ глава истинно вѣрующихъ, я не могъ не быть свидѣтелемъ вашего искренняго горя, о вѣрные мои шіиты, и мой духъ принялъ человѣческій образъ. Теперь же, по волѣ Аллаха, я долженъ самъ схоронить свои бренные останки!..

(Тѣнь исчезаетъ, всѣ уходятъ).

С. Уманецъ.

МИЛОСЕРДІЕ ИНКВИЗИЦІИ.

Историческій разсказъ Артура Пэджа.

УЛИЦЫ Севильи были почти пусты; тамъ и сямъ одиночная человѣческая фигура спѣшила домой, такъ какъ душная вечерняя жара предсказывала скорую грозу. Только докторъ Карлъ Рейхенбергъ не чувствовалъ ни пустоты улицъ, ни приближенія непогоды; его глаза сверкали дикимъ огнемъ, шелъ онъ то тихо, то скоро, невѣрной, нерѣшительной поступью.

Наука для ея адептовъ дороже всего на свѣтѣ, и они посвящаютъ себя ей всецѣло, не смотря на то, что она часто приводитъ къ полному разочарованію всѣ ихъ долговременные труды. Однако по временамъ она награждаетъ своихъ неутомимыхъ тружениковъ, и докторъ Карлъ Рейхенбергъ, послѣ долгихъ безсонныхъ ночей и безконечнаго ряда опытовъ, доставившихъ ему отъ сосѣдей прозвище колдуна, увидалъ наконецъ проблескъ славнаго открытія среди столь долго окружавшаго его мрака. Сердце его было переполнено гордой радостью, мысли его кружились въ водоворотѣ неожиданнаго торжества; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и ноги едва поддерживали его. Дѣйствительно, этотъ бѣдный нѣмецкій еврей, чужестранецъ въ домѣ богатаго испанца, презиравшаго и вмѣстѣ боявшагося его, теперь могъ достигнуть славы во всемъ свѣтѣ и увѣковѣчить свое доселѣ невѣдомое имя.

Неожиданно чья-то рука тяжело опустилась на его плечо, и глухой могильный голосъ промолвилъ: «Тебя требуетъ святая церковь». Оглянувшись, онъ увидалъ двѣ мрачныя фигуры, въ черныхъ длинныхъ одѣяніяхъ, которыя скрывали ихъ совершенно отъ головы до ногъ, за исключеніемъ глазъ, сверкавшихъ изъ-за ма-

ленькихъ отверстій. Несчастный вздрогнулъ, узнавъ въ этихъ грозныхъ фигурахъ исполнителей роковыхъ предписаній священной инквизиціи. Языкъ прильнулъ къ его гортани, и по знаку одного изъ нихъ онъ молча, безпрекословно, послѣдовалъ за ними, шатаясь и едва не падая на каждомъ шагу. Вокругъ угрюмо возвышались высокія стѣны домовъ, и ни въ одномъ окнѣ не видно было свѣта; надъ головами тяжело нависли черныя тучи, а вдали слышались глухіе раскаты грома. Замаскированныя фигуры беззвучно скользили, какъ тѣни, по мостовой, и только тяжелые шаги увлекаемаго ими бѣдняка раздавались въ воздухѣ. Но вотъ въ концѣ улицы послышался топотъ многочисленныхъ ногъ и громкіе разговоры: это былъ ночной патруль. Еще минута, и показался свѣтъ ручнаго фонаря; безумная надежда спасенія мелькнула въ головѣ Рейхенберга, и онъ рѣшился позвать солдатъ и обѣщать имъ много денегъ, все, что онъ имѣлъ, за освобожденіе отъ своихъ мучителей. Но патруль прошелъ мимо его, и онъ слышалъ грубыя шутки солдатъ, но языкъ его не повертывался, и онъ не могъ произнесть ни слова. Спустя мгновеніе, патруль исчезъ въ боковой улицѣ, и снова наступила безмолвная тишина.

Они продолжали свой путь въ окружавшемъ ихъ мракѣ, и несчастному стало казаться, что они такъ шли съ начала временъ и будутъ такъ идти до скончанія вѣка. Однако, они наконецъ остановились передъ маленькой калиткой въ громадной стѣнѣ, почти возвышавшейся до облаковъ. На стукъ одной изъ сопровождавшихъ его таинственныхъ фигуръ калитка отворилась и шумно захлопнулась, когда они вошли въ длинный темный корридоръ, въ которомъ слабо мерцалъ висѣвшій на стѣнѣ фонарь. Пройдя этотъ корридоръ во всю его длину, грозные спутники Рейхенберга спустились внизъ по лѣстницѣ въ подземелье, по стѣнамъ котораго струилась леденистая сырость, и остановились передъ маленькой дверью. Она отворилась, несчастнаго толкнули въ невѣдомый для него мракъ, и дверь глухо захлопнулась. Безсознательно слышалъ онъ, какъ задернутъ былъ тяжелый засовъ, и какъ медленно удалялись шаги въ безмолвной тишинѣ. Тутъ неожиданно возвратились къ нему и силы и голосъ; онъ бросился на дверь и сталъ бить кулаками и кричать съ пѣной у рта. Болѣе часа онъ бѣсновался, а потомъ въ изнеможеніи упалъ на холодныя каменныя плиты.

Прошли часы, дни, мѣсяцы; онъ потерялъ всякое сознаніе о времени, такъ какъ ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ чрезъ окружавшія его мрачныя стѣны. Только по временамъ раздавались извнѣ тяжелые шаги, открывалось отверстіе, огражденное желѣзными перекладинами, на подоконникъ ставились кружка воды и краюшка хлѣба, а затѣмъ шаги снова удалялись. Иногда онъ тревожно засыпалъ, и ему снилось о безоблачномъ небѣ, о зе-

леныхъ лугахъ; однажды онъ увидѣлъ во снѣ свое славное открытіе и очнулся съ крупными каплями холоднаго пота на лбу. Въ началѣ онъ часто подвергался безумнымъ вспышкамъ отчаянія и дико метался по своей келіи, безнадежно ударяя кулаками по холоднымъ стѣнамъ. Но мало-по-малу эти припадки стали рѣже; день отодня онъ становился слабѣе, языкъ его пересталъ поворачиваться и онъ ежеминутно ждалъ смерти.

Однажды послышались болѣе многочисленные шаги. Они приблизились и остановились у двери. Эту дверь отворили, и желтый свѣтъ фонаря освѣтилъ келью. Рейхенбергъ не двинулся и только поднялъ свои померкшіе глаза.

— Сынъ мой, твое присутствіе необходимо въ другомъ мѣстѣ,— произнесъ тихій, мягкій голосъ:—встань и слѣдуй за мною.

Несчастный съ трудомъ поднялся, и двѣ таинственныя фигуры повели его, нѣжно поддерживая, по безконечнымъ корридорамъ и лѣстницамъ. Впереди шелъ незнакомецъ, говорившій съ нимъ въ келіи, и когда они остановились передъ высокой дверью, то снова раздался его мягкій голосъ:

— Успокойся, мой сынъ, твои испытанія почти кончились.

Спустя минуту, старикъ очутился въ обширной залѣ со сводами, слабо освѣщенной тремя серебряными лампадами. За столомъ, помѣщавшимся на противоположномъ концѣ залы сидѣли

два человѣка въ черной одеждѣ инквизиторовъ; посреди ихъ возвышалось пустое кресло, на подобіе трона. На столѣ лежали большія рукописныя книги, а въ темномъ углу залы виднѣлась жаровня съ горящими углями. Подлѣ нея стояла, наклонившись, человѣческая фигура въ чудовищной маскѣ и повертывала въ огнѣ какіе-то странные стальные инструменты. Своды этой залы, казалось, были наполнены стонами послѣдней жертвы.

Незнакомецъ, говорившій съ Рейхенбергомъ такимъ мягкимъ голосомъ, занялъ мѣсто на тронѣ за чернымъ столомъ и взглянулъ на него большими карими глазами, полными печали и состраданія.

Несчастный понялъ, что передъ нимъ генералъ инквизиторъ донъ Филиппо-дель-Альгарецъ и отъ страха едва не упалъ.

— Досточтимый докторъ Карлъ Рейхенбергъ,—произнесъ донъ Филиппо прежнимъ мягкимъ, плавнымъ голосомъ: — ты еврей и нѣмецкій еретикъ, не такъ ли?

Старикъ хотѣлъ отвѣтить, но не могъ и только кивнулъ головой.

— Ты имѣлъ дѣло съ дьяволомъ въ различныхъ мѣстахъ, — продолжалъ инквизиторъ:—и готовъ былъ продать ему свое тѣло и душу. Но святая церковь не дозволяетъ своимъ сынамъ губить ихъ безсмертныя души и потому она подвергнула тяжелому испытанію твое грѣшное тѣло, чтобъ спасти отъ гибели твою душу. Дьяволъ желалъ обладать тобою, мой сынъ, но страданія, которыя ты перенесъ хотя впродолженіе и недолгаго времени, вырвали тебя изъ его когтей, и ты теперь свободенъ.

При этомъ на лицѣ дона Филиппо мелькнула нѣжная улыбка.

Рейхенбергъ слушалъ его безсознательно, но при словахъ: «ты теперь свободенъ», онъ вздрогнулъ и быстро направился къ двери. Инквизиторъ, однако, поднялъ правую руку и знакомъ остановилъ его.

— Еще одно слово,—сказалъ онъ:—за великое милосердіе къ тебѣ святой церкви она требуетъ отъ тебя небольшую услугу, прежде чѣмъ ты выйдешь отсюда; конечно, ты не откажешься возблагодарить Небо за твое спасеніе. Слѣдуй за мною.

Онъ медленно всталъ и вышелъ изъ залы. Старикъ послѣдовалъ за нимъ, и глаза его сіяли безумной радостью.

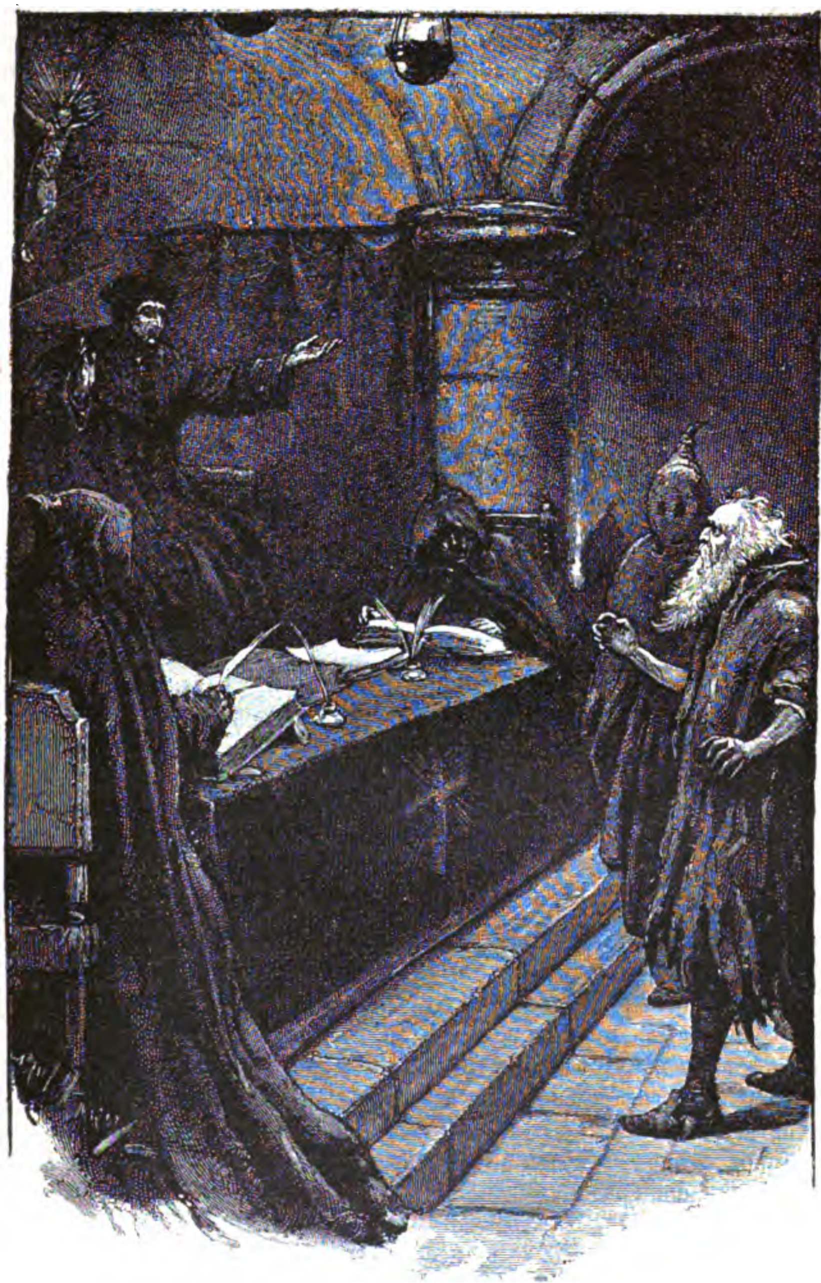
Пройдя нѣсколько темныхъ корридоровъ, они достигли большой, съ высокимъ куполомъ часовни, чрезъ цвѣтныя окна которой виднѣлся лучезарный дневной свѣтъ. Узникъ свободно вздохнулъ: это былъ живой міръ, къ которому онъ наконецъ возвращался изъ мрачной могилы.

Въ часовнѣ толпились монахи и патеры, ожидавшіе начала службы. Инквизиторъ взялъ Рейхенберга за руку и, подведя его къ органу, сказалъ прежнимъ печальнымъ, нѣжнымъ тономъ:

— Сынъ мой, ты долженъ исполнить простую механическую работу, но этимъ ты докажешь свою благодарность Небу: на тебя возлагается легкій трудъ приводить въ движеніе мѣха органа, но,— прибавилъ онъ, вводя старика въ маленькое пустое пространство, освѣщенное лампадой, и указывая на черную массу, висѣвшую подъ потолкомъ:—ты обязанъ постоянно поддерживать воздухъ въ мѣхахъ, а то громадный камень опустится на твою голову и раздавитъ тебя въ прахъ. Не бойся, сынъ мой, эта работа не трудная, и ты вскорѣ будешь свободенъ.

Съ этими словами донъ Филиппо ушелъ и затворилъ за собой тяжелую дверь. Оставшись одинъ, Рейхенбергъ схватился обѣими руками за деревянный рычагъ мѣховъ и съ лихорадочной энергіей началъ опускать и подымать его. Извнѣ послышалось мелодичное пѣніе монаховъ, а затѣмъ всѣ присутствовавшіе въ часовнѣ присоединили свои голоса къ торжественному славословію: «Gloria in excelsis». Но мало-по-малу Рейхенбергъ къ своему ужасу сталъ сознавать, что его физическія силы, никогда не отличавшіяся особой мощью, совершенно истощились отъ долгаго заточенія, и что онъ едва ли въ состояніи поддерживать маленькій кожаный регуляторъ подъ той чертой, которая показывала, что въ мѣхахъ нѣтъ болѣе воздуха. Глаза его помутились, и ему казалось, что его окружаетъ толпа чертей, поднимавшихъ регуляторъ до роковой черты и насмѣшливо указывавшихъ на висѣвшій надъ нимъ тяжелый камень; каждый изъ этихъ чертей имѣлъ одно и то же лице, серьезное, печальное, съ нѣжной улыбкой—лице великаго инквизитора.

Въ мрачномъ отчаяніи старикъ упалъ на каменную плиту и

нѣсколько мгновеній лежалъ почти безъ чувствъ; но онъ машинально слѣдилъ за поднимавшимся регуляторомъ, и когда тотъ почти достигъ роковой черты, Рейхенбергъ вскочилъ, снова схватилъ дрожащими руками рычагъ, и мѣха наполнились воздухомъ. Торжествующіе звуки славословія теперь замѣнились нѣжнымъ пѣніемъ «Nunc dimittis»; кожаный регуляторъ сталъ медленно двигаться по стѣнѣ, и Рейхенбергъ понялъ, что его испытаніе почти окончилось. Но неожиданно рычагъ показался ему тяжелѣе прежняго, и онъ едва могъ приводить его въ движеніе; черезъ минуту

его ослабѣвшія руки совершенно отказались отъ работы, и онъ грохнулся на землю. Глаза его дико смотрѣли на регуляторъ, а въ сосѣдней часовнѣ продолжалось нѣжное мелодичное пѣніе. Наконецъ регуляторъ поднялся до верха. Старикъ съ усиліемъ приподнялся, но снова упалъ; послѣднія ноты церковнаго пѣнія покрылись отчаяннымъ воплемъ и шумнымъ трескомъ отъ паденія тяжелой массы.

Дверь отворилась, и вошелъ инквизиторъ съ четырьмя замаскированными фигурами.

— Рабъ Божій Карлъ кончилъ свою работу и теперь свободенъ, — произнесъ онъ: — вынесете его отсюда и похороните въ освященной землѣ, потому что святая церковь милосердно спасла его душу.

И донъ Филиппо медленно удалился.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. С. Іонинъ. По Южной Америкѣ. Спб. 1892.

НЕДАВНО вышедшая книга А. С. Іонина «По Южной Америкѣ» описываетъ мало извѣстныя намъ страны и читается не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою. Отдѣльныя главы этой книги печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ послѣдніе два года и тогда уже обратили на себя вниманіе. Авторъ—талантливый и наблюдательный человѣкъ, а служебное положеніе позволило ему видѣть многое. Онъ былъ посланникомъ въ Ріо-Жанейро и при южно-американскихъ республикахъ. Въ нашей литературѣ мало книгъ и о Сѣверной Америкѣ, и совсѣмъ ничего нѣтъ объ ея южномъ континентѣ. Между тѣмъ, намъ необходимо знакомиться съ такою своеобразною частью свѣта, какъ Южная Америка, имѣющею нѣкоторый спеціальный для насъ интересъ; ближайшее знакомство съ нею заставляетъ подумать о нѣкоторыхъ экономическихъ сторонахъ и въ нашемъ отечествѣ.

Свое описаніе Южной Америки г. Іонинъ начинаетъ съ указанія вліянія строенія ея материка на общій складъ ея жизни, даетъ ея исторію и общую картину ея состоянія. Исторія государствъ Южной Америки нѣсколько однообразна уже и потому, что политическая жизнь ихъ складывалась одинаково, за исключеніемъ развѣ Бразиліи. Тѣмъ не менѣе познакомиться съ ея ходомъ необходимо, такъ какъ для русскаго читателя она совершенно невѣдома. Важнѣе всего—экономическая сторона жизни этихъ государствъ. Огромный материкъ Южной Америки, заключающій въ себѣ нѣсколько государствъ, но въ сущности одинъ и тотъ же политическій организмъ, только недавно пробудился для серьезной экономической жизни, однако и теперь уже замѣтно оказываетъ вліяніе на Европу, выражаю-

щееся прежде всего въ привлеченіи изъ нея большаго числа трудолюбивыхъ и способныхъ рабочихъ элементовъ. Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ европейская колонизація широкимъ потокомъ хлынула туда и преимущественно въ Аргентину, потому что это государство наиболѣе свободно отъ всякихъ стѣсненій, существующихъ, напримѣръ, въ Бразиліи съ ея арміей чиновниковъ. Впрочемъ европейцамъ трудно приноровиться къ жаркому, часто губительному климату этой страны.

Живы еще въ памяти всѣхъ страданія крестьянъ, переселившихся въ послѣдніе два года изъ Привислянскаго края. Наоборотъ, климатъ, учрежденія и самые нравы Аргентины благопріятны для европейскихъ поселенцевъ. Населеніе тамъ уже давно болѣе или менѣе смѣшано съ европейцами и быстро переработываетъ пришельцевъ въ гражданъ новой страны.

Выше замѣчено о начинающейся на экономической почвѣ борьбѣ Аргентины съ Европою. Аргентинцы дѣлаютъ не мало усилій занять мѣсто на всемірныхъ рынкахъ. Они не жалѣютъ затратъ на желѣзныя дороги, порты, устройство судоходства, дорогъ внутри края и проч. Не смотря на крахи, они находятъ деньги не только для производительныхъ расходовъ, но даже на постройку второй столицы. Читая объ этой столицѣ, можно думать, что это фантастическій разсказъ изъ «Тысячи и одной ночи», и вѣришь всему сказочному и даже нелѣпому только потому, что это пишетъ г. Іонинъ. А еще удивительнѣе, что вмѣстѣ съ постройкой новой столицы аргентинцы жертвуетъ 180 милл. на улучшеніе порта въ покидаемой ими столицѣ Буэносъ-Айресѣ.

Въ какія выгодныя географическія и экономическія условія поставлена Аргентинская республика, показываетъ простой фактъ, что населеніе города Монтевидео въ самое короткое время, не смотря на постоянныя революціи и безпорядки, возросло до 200 т. человѣкъ. Достиженію ею политической свободы способствовали не мало итальянскіе карбонаріи, съ Гарибальди во главѣ, явившіеся въ страну въ сороковыхъ годахъ. Вся Европа удивлялась защитѣ Монтевидео, онъ сдѣлался колыбелью славы Гарибальди.

Размѣръ настоящей замѣтки не позволяетъ намъ подробно слѣдить за содержаніемъ книги г. Іонина. Здѣсь замѣтимъ только, что одинъ изъ лучшихъ колонизаторскихъ элементовъ доставила Аргентинской республикѣ Россія, хотя и косвенно, въ лицѣ менонитовъ, переселившихся на берега Параны, этой далекой Волги (какъ ее называетъ г. Іонинъ) Новаго Свѣта. «Мы говоримъ понѣмецки,—заявляли они г. Іонину,—но мы, всетаки, русскіе и очень любимъ Россію, она наше отечество». Какъ жаль, что нѣмецкіе колонисты, захватывающіе все больше и больше Русской земли, не держатъ подобныхъ рѣчей здѣсь, а приходится ихъ слышать въ Южной Америкѣ! Г. Іонинъ заканчиваетъ свою книгу интереснѣйшей главой о старой исторіи іезуитскихъ поселеній въ Парагваѣ и въ бассейнѣ Ла-Платы. Исторія, сама по себѣ весьма поучительная, прекрасно изложена авторомъ, почему позволимъ себѣ привести ее въ краткомъ изложеніи. Іезуиты пришли съ португальцами въ 1549 г. Іезуитъ Пайва основалъ городъ Санъ-Паоло и первую миссіонерскую станцію среди индѣйскаго населенія, изъ которой проповѣдь и вліяніе ордена проникли во внутрь континента. Іезуиты задались мыслію обратить новооткрытые народы въ христіанство, спасти ихъ отъ истребленія и пріобщить къ семьѣ человѣчества. Напротивъ, нахлынувшіе авантюристы-полуразбойники набросились какъ звѣри на мѣстныхъ

обитателей, обращая ихъ въ рабовъ, что сразу вызвало столкновенія между церковью и свѣтской властью. Монахи возстали противъ рабства и вызвали революцію во имя свободы, ради которой современная Европа уничтожаетъ монастыри, якобы притоны обскурантизма. Монахи побѣдили въ этой борьбѣ, обезпечили существованіе туземцевъ, но тѣмъ вызвали рабство въ Африкѣ, откуда европейцы стали привозить негровъ для обработки своихъ плантацій.

Укрѣпившись въ Санъ-Паоло, іезуиты вступили въ область племени гварани, занимавшаго бассейнъ рѣки Параны и отчасти Амазонки. Племя это не было абсолютно дикимъ, а достигло извѣстной цивилизаціи и составляло ядро государственной жизни, около котораго групировались покоренныя ими другія племена. Іезуиты обладали энергіею, они проникали въ дальнія трущобы и образовали на громадныхъ пространствахъ государственную жизнь съ главнымъ городомъ Санъ-Игнасіо. Іезуиты нашли желѣзныя руды, научили гварани добывать желѣзо и даже лить пушки. Одновременно съ запада шли испанцы тоже съ іезуитами и, встрѣтившись съ первыми, вмѣстѣ направились въ бассейнъ Ла-Платы. Но іезуитовъ и испанцевъ недолго оставили въ покоѣ португальцы, осѣвшіе въ Бразиліи. Возгорѣлась борьба за обладаніе южно-американскимъ материкомъ, доведшая даже до разрыва между Лисабономъ и Мадритомъ. Сначала военное счастье было на сторонѣ іезуитовъ, но въ 1630 г. португальцы начали одолѣвать. Провинція Ла-Гвайра была опустошена самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, такъ что и до сего времени остается пустынной. Въ этой борьбѣ іезуиты брались сами за оружіе, предводительствуя индійцами; особенно отличался воинскими талантами нѣкій патеръ Ромеро, но въ концѣ концовъ іезуиты, всетаки, отодвинулись болѣе на югъ. Болѣе 100 лѣтъ оставались іезуиты на новыхъ мѣстахъ въ покоѣ, но борьба португальцевъ и испанцевъ продолжалась въ болѣе сѣверныхъ провинціяхъ. Въ эти 100 лѣтъ гварани развивались, у нихъ явились настоящіе города, развилась промышленность, явилась своеобразная цивилизація. Государство іезуитовъ служило убѣжищемъ отъ порабощенія европейскихъ авантюристовъ для туземныхъ племенъ. Въ этомъ государствѣ царствовалъ христіанскій коммунизмъ. Трудно сказать, іезуиты ли ввели коммунизмъ, какъ удобную почву для абсолютной власти, или же они нашли его установившимся у гварани; могло случиться то и другое. Кажется, что у гварани въ общинномъ владѣніи находились не только земля, но все имущество вообще, даже и женщины: это тоже поучительный эпизодъ для европейскаго коммунизма.

Португальцы, сдѣлавшись плантаторами, для обработки полей обращали туземцевъ въ рабовъ. Гоняясь за ними и отыскивая внутри материка хлѣбородныя области, они разоряли поселенія гварани, а затѣмъ поселенія устья испанской Ла-Платы, изъ-за чего возгорѣлась война, кончившаяся въ 1750 г. Испанцы за фортъ Del Sacramento (противъ Буэносъ-Айреса) уступали португальцамъ земли по всѣмъ притокамъ Ла-Платы, то-есть именно іезуитское государство. Но гварани не соглашались на такой миръ: подъ предводительстомъ іезуитовъ они дрались отчаянно, разбитые не сдавались, а вели войну гверильясовъ. Португальское правительство, считая своимъ главнымъ врагомъ въ Южной Америкѣ іезуитовъ, издало указъ объ ихъ изгнаніи изъ всѣхъ своихъ владѣній; испанское—желая завладѣть ихъ богатою страною, тоже прибѣгло къ этой мѣрѣ. Губернаторы испанской Ла-

Платы стали гнать іезуитовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожать созданное ими государство Гварани, чего и достигли.

Вслѣдъ за французской революціею возгорѣлась война между Испаніею и Португаліею, и бразильцы возобновили свои притязанія на Монтевидео и земли между Уругваемъ и Параною. Гварани опять взялись за оружіе, но бразильцы были сильнѣе ихъ. Они совершенно уничтожили ихъ поселенія, жители которыхъ разбѣжались, все еще продолжая партизанскую войну слишкомъ 50 лѣтъ. Гварани даже чуть было не удалось вновь образовать собственное государство, подъ предводительствомъ своего соплеменника Артигла, полуметиса происхожденіемъ. Но онъ попалъ въ плѣнъ, а съ нимъ исчезла послѣдняя тѣнь независимости гварани и послѣдніе слѣды государства іезуитовъ. Судьба видимо рѣшила, что этотъ народъ будетъ, всетаки, окончательно уничтоженъ европейцами.

Съ сожалѣніемъ разстаемся съ прекрасной книгой г. Іонина: столько поучительнаго и интереснаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ новаго она заключаетъ. Надѣемся, что третій томъ, посвященный Чили и Перу, не долго заставитъ себя ждать.

В. Г. Яроцкій. Обезпеченіе народнаго продовольствія въ связи съ хлѣбной промышленностью. Спб. 1892.

Неурожай, постигшій въ минувшемъ году наше отечество, вызвалъ цѣлую спеціальную литературу, которая стремится обсудить это печальное явленіе со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Къ этой же литературѣ относится и брошюра г. Яроцкаго. «Бѣдствіе народное вызываетъ усиленную работу мысли»,—говоритъ авторъ. И дѣйствительно, съ одной стороны предлагаются разныя практическія средства къ ослабленію гибельныхъ послѣдствій неурожая, съ другой—является критика на принимаемыя правительствомъ и обществомъ мѣры.

По мнѣнію автора, если наше отечество и пострадало отъ неурожая, то послѣдствія его въ Россіи, какъ въ странѣ земледѣльческой, которая вообще была на столько богата хлѣбомъ, что имѣла возможность вывозить его въ другія страны, не должны быть тяжелы и бѣдственны. Если же они таковы, то коренная причина этого лежитъ въ недостаткахъ нашей системы народнаго продовольствія, а также и въ томъ, что при современной организаціи хлѣбной торговли и промышленности у насъ вывозятся за границу не только свободные излишки, но и необходимые для страны запасы. Авторъ выступаетъ защитникомъ государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную дѣятельность вообще и торговлю хлѣбомъ въ частности. Противниковъ этого положенія авторъ встрѣчаетъ какъ въ наукѣ, такъ и на практикѣ; нѣкоторые русскіе дѣятели отрицали и въ литературѣ, и въ собраніяхъ разныхъ ученыхъ обществъ цѣлесообразность правительственныхъ распоряженій о запрещеніи вывоза хлѣба за границу, какъ якобы стѣсненіе свободы частной иниціативы въ хозяйственной жизни. Однако авторъ доказываетъ несостоятельность этой частной иниціативы на основаніи экономическихъ понятій, которыя онъ при этомъ и анализируетъ. Изъ этого анализа яснымъ становится, какъ сплошь и рядомъ интересы частный и общественный не только не совпадаютъ, но являются прямо противоположными. Напримѣръ, понятіе дохода слѣдуетъ разсматривать съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Съ частной

точки зрѣнія доходъ есть лишь извѣстное поступленіе въ карманъ отдѣльнаго человѣка, по большей части въ денежной формѣ, а съ народной точки зрѣнія доходъ есть сумма вновь произведенныхъ реальныхъ цѣнностей. «Возможны случаи,—говоритъ авторъ,—что торговцы хлѣбомъ, напримѣръ, могутъ выигрывать, то-есть получать большой доходъ, въ годину неурожая, выручая въ маломъ количествѣ имѣющагося хлѣба больше выгодъ, чѣмъ на большомъ его количествѣ въ годъ хорошихъ урожаевъ». Тутъ частный интересъ развивается прямо въ ущербъ общественному, и разумѣется, три такихъ вредныхъ благосостоянію народа явленіяхъ, необходимо устраненіе ихъ причинъ, необходимо вмѣшательство государственной власти въ хозяйственную дѣятельность страны. Урегулированіе хлѣбной торговли представляется настоятельнымъ именно у насъ, въ Россіи, такъ какъ наша страна, при своей односторонней, земледѣльческой только, промышленности, при невозможности удовлетворять всѣмъ своимъ экономическимъ потребностямъ, волей-неволей должна вывозить хлѣбъ, и она вывозитъ его, но крайне безпорядочно, лишая себя необходимыхъ запасовъ для собственнаго продовольствія.

Приступая къ спеціальному разсмотрѣнію своего заглавнаго вопроса, авторъ предпосылаетъ ему краткій историческій очеркъ системы продовольственнаго обезпеченія народа. До 1834 года правительство заботилось объ обезпеченіи хлѣбомъ только большихъ городовъ; села же и деревни оставались предоставленными въ этомъ дѣлѣ самимъ себѣ; онѣ жили хлѣбомъ собственнаго производства, не запасая его на черные годы, и потому даже при незначительныхъ неурожаяхъ терпѣли бѣдствія. И только съ 1834 года, когда былъ изданъ уставъ, положившій начало дѣйствующей системѣ, заботы правительства направились на продовольствіе главнымъ образомъ крестьянъ и мѣщанъ. Тогда единовременно и устроиваются общественные склады натуральныхъ запасовъ, и составляются продовольственные капиталы. Но, съ переходомъ продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, послѣднія, увлекаясь денежной системой хозяйства, замѣнили натуральные запасы денежными капиталами. И въ этомъ была ихъ ошибка, которая особенно сказалась въ минувшемъ году, когда при отсутствіи общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ приходилось покупать хлѣбъ, а купить его было негдѣ. Изъ того, что Россія производитъ хлѣбъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ требуется ей, еще нельзя, по мнѣнію автора, заключить, что она не имѣетъ надобности въ натуральныхъ запасахъ. Авторъ, подводя итогъ своимъ разсужденіямъ, предлагаетъ нѣкоторыя практическія мѣропріятія, которыя послужили бы на пользу не только народнаго продовольствія, но и всей нашей хлѣбной промышленности. Во-первыхъ, онъ вообще считаетъ необходимымъ возстановленіе правила о засыпкѣ въ натурѣ хлѣбныхъ крестьянскихъ магазиновъ для образованія коренныхъ продовольственныхъ запасовъ. Во-вторыхъ, именно земства, кромѣ мелкихъ запасныхъ магазиновъ, должны сами устроивать болѣе крупные, уѣздные или губернскіе складочные магазины, по возможности, съ элеваторами. Такимъ образомъ земства будутъ имѣть возможность оказывать существенную помощь крестьянамъ и явятся полными распорядителями въ установленіи хлѣбныхъ цѣнъ. На послѣднихъ страницахъ брошюры авторъ разъясняетъ цѣлесообразность и способы осуществленія рекомендуемыхъ имъ мѣропріятій.

Брошюра профессора Яроцкаго, въ виду важности вопроса, затрогивае-

маго ею, заслуживаетъ вниманія читателей. Нельзя только не замѣтить, что изложеніе страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностью выраженій и недостаткомъ необходимой точности въ языкѣ, которая всего болѣе желательна при обсужденіи запутанныхъ и сложныхъ экономическихъ вопросовъ.

Н. О.

Джустинъ Уинсоръ. Христофоръ Колумбъ и открытіе Америки. Иллюстрированное историко-критическое изслѣдованіе. (Christopher Columbus and how he received and imparted the spirit of discovery, by Justin Winsor). Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Ѳ. И. Булгакова. Изданіе Г. Ф. Пантелеева. Спб. 1893.

Юбилейная литература о Колумбѣ, вызванная четырехсотлѣтіемъ открытія Америки, дала наряду съ массою всевозможныхъ компиляцій и нѣкоторые дѣйствительно цѣнные вклады въ науку. Къ разряду послѣднихъ мы должны отнести и недавно появившуюся въ русскомъ переводѣ книгу американскаго ученаго Уинсора, заглавіе которой приведено выше. Авторъ, уже давно посвятившій себя изученію ранней исторіи Америки, даетъ намъ трудъ замѣчательный въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ основанъ на солидномъ, вполнѣ самостоятельномъ знакомствѣ съ первоисточниками, во-вторыхъ, проводитъ оригинальный взглядъ на личность знаменитаго открывателя, характеръ котораго и до сихъ поръ еще не выясненъ окончательно.

Разбору первоисточниковъ, помимо частыхъ указаній въ самомъ изложеніи, посвящена первая глава изслѣдованія Уинсора,—единственная почти, которую можно назвать сухою во всей этой написанной въ общемъ живо и интересно книгѣ. Здѣсь перечисляются и разсматриваются прежде всего писанія самого Колумба, затѣмъ другіе документы, имѣющіе отношеніе къ данному времени, и въ концѣ концовъ говорится о тѣхъ архивахъ и другихъ учрежденіяхъ, въ которыхъ въ настоящее время сохраняются важнѣйшіе источники нашихъ свѣдѣній о Колумбѣ. Къ сожалѣнію, не смотря на истекшія уже четыреста лѣтъ, все еще, какъ можно предполагать, многія бумаги находятся подъ спудомъ, и будущее, можетъ быть, поэтому многое измѣнитъ въ нашихъ представленіяхъ о знаменитомъ открывателѣ. Въ разборѣ и критикѣ источниковъ автору, понятно, во многомъ приходится слѣдовать Гарриссу, такъ какъ извѣстныя обстоятельныя изслѣдованія этого ученаго оставили мало простору для послѣдующихъ.

Наибольшій интересъ приковываетъ къ себѣ взглядъ автора на самого Колумба. Въ характеристикѣ послѣдняго представителями двухъ противоположныхъ направленій являются французъ Ровелли-де-Лоргъ и американецъ Ааронъ Гудрихъ. Первый изъ нихъ можетъ служить примѣромъ того, какъ особенно въ наше столѣтіе старались канонизировать Колумба. Въ объемистой книгѣ своей, написанной по порученію папы Пія IX, онъ прямо называетъ Колумба святымъ, героемъ церкви, говоритъ о его божественной миссіи и о предвѣчномъ предопредѣленіи его для этой роли и т. д. Книга эта въ свое время въ католическихъ странахъ имѣла большой успѣхъ, и канонизація Колумба едва не состоялась на самомъ дѣлѣ. Въ совершенно противоположномъ свѣтѣ Колумбъ выставляется въ изданной въ 1874 г. въ Нью-Іоркѣ книгѣ Гудриха. Изслѣдованіе это, вышедшее

подъ заглавіемъ: «Жизнь и подвиги такъ называемаго Христофора Колумба», имѣетъ цѣлью выставить открывателя отъявленнымъ мошенникомъ, по нелѣпой случайности попавшимъ въ герои. Уинсоръ справедливо осуждаетъ и ту и другую точку зрѣнія, находя, что и здѣсь и тамъ эти изслѣдователи «въ своихъ хитросплетеніяхъ искажаютъ и раздуваютъ каждую черту и каждое обстоятельство ради своихъ цѣлей». Въ своей собственной характеристикѣ знаменитаго открывателя Уинсоръ отдаетъ должное тому хорошему, что дѣйствительно было совершено Колумбомъ, но находитъ, что за очень многое, не смотря на все снисхожденіе, потомство не можетъ простить его. Онъ не былъ истинно передовымъ человѣкомъ своего времени, не былъ истинно великимъ человѣкомъ. Выписываемъ заключительныя фразы блестящей характеристики, сдѣланной Уинсоромъ: «Едва ли въ исторіи найдется еще другое болѣе величественное имя. Едва ли въ лѣтописяхъ міра встрѣтится другая личность, сдѣлавшая такъ мало при такихъ обстоятельствахъ. Открытіе его оказалось промахомъ; его промахъ оказался Новымъ Свѣтомъ; Новый Свѣтъ есть его памятникъ. Открыватель могъ сдѣлаться отцомъ этого Новаго Свѣта; онъ сталъ его грабителемъ. Онъ могъ дать юнымъ днямъ этого Новаго Свѣта столько добра, сколько міръ обыкновенно соединяетъ съ идеей Творца; онъ сдѣлалъ его наслѣдіемъ разрушенія и преступленія. Онъ могъ быть безкорыстнымъ двигателемъ географической науки; онъ оказался свирѣпымъ искателемъ золота и вицекоролевскаго достоинства. Онъ могъ благостью своего духа обратить языческія души ко Христу; онъ снискалъ проклятіе добрыхъ ангеловъ. Подобно Ласказасу, онъ могъ явиться порицателемъ дьявольской злобы своихъ современниковъ; онъ далъ имъ примѣръ превратно понятой вѣры... Жалкаго человѣка постигла жалкая смерть...».

Жизнеописаніемъ Колумба не ограничивается содержаніе книги Уинсора. Мы имѣемъ въ ней еще интересную главу о наслѣдникахъ почестей Колумба (съ родословной ихъ таблицею) и въ приложеніи цѣлое изслѣдованіе о географическихъ результатахъ открытія Америки съ массою картъ, факсимиле и портретовъ. Иллюстраціи, вообще, имѣются почти на каждой страницѣ книги Уинсора, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ снимки съ весьма рѣдкихъ изданій. А. Л.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1892.

Кіевское историческое общество Нестора лѣтописца, состоящее изъ 20 почетныхъ и 104 дѣйствительныхъ членовъ, очень дѣятельно занимается разработкой мѣстной исторіи, исторіи литературы, права, археологіи и т. д. Судить объ этихъ занятіяхъ можно по рефератамъ, изъ которыхъ болѣе важные напечатаны цѣликомъ въ настоящемъ томѣ, другіе же переданы въ сокращеніи. Рефераты эти читались въ засѣданіяхъ общества и всесторонне обсуждались. Рефератъ профессора Соболевскаго «Археологическія замѣтки», въ которомъ авторъ затронулъ вопросъ о происхожденіи слова «Русь», а вмѣстѣ съ тѣмъ и народа, носившаго это имя, вызвалъ даже другой рефератъ г. Завитневича. Ни тотъ ни другой рефератъ, однако, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не рѣшили не только окончательно, но даже

приблизительно. Профессоръ Соболевскій доказывалъ, что слово «Русь» есть имя собирательное и происходитъ отъ слова русый, точно также, какъ современное чернь, погань, молодь, отъ черный, поганый, молодой и т. д., что славяне, бывшіе «столѣтій 10 назадъ всѣ и на сѣверѣ и на западѣ болѣе брюнетами, чѣмъ теперь», назвали такъ русыхъ скандинавовъ. Еще Ломоносовъ считалъ это мнѣніе несостоятельнымъ, и потому нисколько не удивительно, если не повѣрили ему и въ настоящее время. Г. Завитневичъ доказывалъ, что слово «Русь» извѣстно было еще задолго до призванія варяговъ на югѣ Россіи и что начало свое получило въ Греціи; а профессоръ Малышевскій заявилъ, что греческое ῥούσιος, латинское russus, означаетъ собственно не свѣтлорусый, а красный, въ примѣненіи же къ волосамъ значитъ ярко-рыжій, какими могли быть скандинавы. Славяне же, по мнѣнію профессора Малышевскаго, были русыми, даже свѣтлорусыми. Такимъ образомъ, дѣло сводится къ рѣшенію вопроса, были ли славяне брюнетами, или же блондинами. Такъ какъ мнѣніе и того и другаго профессора чисто субъективно, не потверждается никакими точными данными, то остается только или повѣрить профессору Соболевскому и принять его гипотезу, или же профессору Малышевскому и тогда ее опровергнуть. Безъ вѣры же въ этомъ вопросѣ разобраться невозможно. Гораздо точнѣе остальныя замѣтки профессора Соболевскаго относительно именъ: хроваты, обезы, Олегъ [1]), Жидята и царь. Любопытно, что послѣднее, то-есть царь, начало употребляться по отношенію къ русскимъ князьямъ еще въ началѣ XII вѣка, причемъ съ нимъ совершенно не связывалось понятія о православномъ государѣ, какъ это думалъ, между прочимъ, Дьяконовъ, предполагавшій, что впервые былъ названъ царемъ Василій Темный, какъ единственный представитель православія (Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей», Спб., 1889 г.).

Интересенъ также рефератъ профессора Лучицкаго: «Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью». Прочитанъ этотъ рефератъ былъ по поводу Дрогичинскихъ древностей. Подъ такимъ именемъ извѣстны, между прочимъ, свинцовыя пломбы разнообразной величины съ самыми различными рельефными значками. Пломбы эти были выкопаны на берегу рѣки Буга, подлѣ города Дрогичина, и сразу причисленныя археологами къ числу «загадочныхъ и таинственныхъ по значенію», вызвали цѣлую массу всевозможныхъ гипотезъ, теорій. Одни считали ихъ «висячими печатями ятвяжскихъ грамотъ» и говорили о высокой культурѣ ятвяговъ, другіе принимали ихъ за «домашнія божества, складывавшіяся куда нибудь (sic!) на жертву», за талисманы и т. д. Мнѣніе англійскихъ ученыхъ, признавшихъ Дрогичинскія древности клеймами, привѣшиваемыми къ товарамъ, тогда не было принято, но вполнѣ подтверждается настоящимъ изслѣдованіемъ профессора Лучицкаго, который видитъ въ этихъ пломбахъ торговые Hausmarken, употреблявшіяся уже несомнѣнно въ XIII вѣкѣ. Мнѣніе свое онъ основываетъ на сличеніи изображеній Дрогичинскихъ древностей съ образцами знаковъ, которые находятся на печатяхъ, рукописяхъ и т. д. западно-европейскихъ, главнымъ образомъ германскихъ. Поразительное

---

[1]) Профессоръ Соболевскій это имя считаетъ славяно-русскимъ, но не отвергаетъ того, что Олегъ могъ быть по происхожденію и скандинавомъ: его скандинавское имя Helgi могло быть замѣнено народнымъ, близкимъ къ нему по звукамъ, «Олегъ».

сходство, даже полное тождество методовъ въ начертаніи знаковъ, а также обстоятельство, что Дрогичинъ былъ пунктомъ остановки для судовъ, шедшихъ по Бугу, и мѣстомъ перегрузки товаровъ, направлявшихся къ Нареву и къ Ломжѣ, дѣлаютъ справедливость мнѣнія автора несомнѣнной.

Рефераты профессоровъ Владимірова и Н. П. Дашкевича вызваны прошлогоднимъ юбилеемъ М. Ю. Лермонтова и однородны по своему содержанію: профессоръ Владиміровъ разсматриваетъ «историческіе и народно-бытовые сюжеты» въ поэзіи М. Ю. Лермонтова, а профессоръ Дашкевичъ «мотивы міровой поэзіи». Изъ этихъ другъ друга взаимно дополняющихъ рефератовъ видно, что Лермонтовъ, во-первыхъ, «отъ подражательныхъ опытовъ, отъ неяснаго представленія о русскомъ народномъ стилѣ, о народномъ бытѣ и исторіи, перешелъ къ замѣчательному воспроизведенію историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ, отчасти путемъ изученія русской народной поэзіи и исторіи, отчасти путемъ сближенія съ народной жизнью» (стр. 229), и, вовторыхъ, что начатки нѣкоторыхъ идей и поэтическихъ замысловъ нужно искать и въ западной литературѣ—у Шекспира, Байрона, Руссо, А. де-Мюссе и др. (стр. 251). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что какъ тотъ, такъ и другой авторъ изслѣдовали поставленные себѣ вопросы далеко не обстоятельно, и многое еще не выяснено. Профессоръ Владиміровъ, напримѣръ, мало обратилъ вниманія на этнографическій матеріалъ, положенный въ основу своихъ произведеній Лермонтовымъ, профессоръ Дашкевичъ оставилъ безъ вниманія вопросъ о вліяніи, которое оказалъ на поэта Шиллеръ, внушивъ ему, по словамъ автора, своеобразный идеализмъ, сочетавшійся въ немъ съ демонизмомъ. Въ рефератѣ: «Вторая археологическая экскурсія въ Припетское полѣсье», г. Завитневичъ очень подробно описываетъ свою экскурсію, раскопки, вырытые предметы и все подобное. При раскопкахъ онъ, между прочимъ, обнаружилъ любопытный фактъ трупосожженія на западѣ отъ Днѣпра, гдѣ, какъ доказали раскопки проф. В. Б. Антоновича, Гамченки и г. Завитневича, господствовалъ обрядъ зарыванія покойниковъ въ землю. Объясняется этотъ фактъ колонизаціей племенъ, жившихъ на востокъ отъ Днѣпра, гдѣ господствовалъ обрядъ трупосожиганія. Въ «Историческомъ очеркѣ Батурина» г. Лазаревскій опровергаетъ распространенное мнѣніе, по которому городъ основанъ былъ Стефаномъ Баторіемъ, и доказываетъ, что онъ могъ возникнуть не раньше XVII вѣка. Статья В. И. Щербины «Кіевскіе воеводы, губернаторы, и генералъ-губернаторы отъ 1654 по 1775 годъ» посвящена мало изслѣдованной исторіи кіевской администраціи до 1775 и представляетъ собой общій очеркъ административнаго устройства Кіева въ разсматриваемую эпоху. Кромѣ этихъ рефератовъ, здѣсь напечатаны еще сообщенія г. Оглоблина: «Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго», обстоятельства жизни котораго въ Сибири до сихъ поръ были мало извѣстны, А. А. Андріевскаго: «Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ», и А. І. Степовича: «Поминка по Л. К. Лазаревичѣ, сербскомъ писателѣ».

Весь третій отдѣлъ книжки занятъ матеріалами. Здѣсь напечатаны: «Святаго Кирілла, ексарха александрійскаго, игумена, наука о противной уніи»,—памятникъ до сихъ поръ неизвѣстный въ печати: это—полемическое сочиненіе объ уніи и представляетъ интересъ, лишь какъ памятникъ литературный,—«Росписной списокъ г. Кіева 1700 г.», по характеру напоминающій обыкновенныя писцовыя книги, «Записки Іосафа Горленка, епископа

Бѣлгородскаго», составленныя почти во время окончательнаго закрѣпощенія малороссійскихъ крестьянъ и обособленія дворянства, «Бранъ честнихъ седми добродѣтелей з седми хрѣхами смертными» и замѣтка проф. Иконникова «О разборѣ архива графа П. А. Румянцева-Задунайскаго». Въ приложеніи напечатанъ «Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры», сообщенный С. Т. Голубевымъ, снабдившимъ его предисловіемъ. Какъ историческій источникъ, помянникъ имѣетъ сравнительно очень небольшое значеніе, и то лишь тѣми случайными замѣчаніями, которыя, собственно говоря, не должны были бы вноситься въ него, какъ, напримѣръ, годъ и обстоятельства смерти того или другаго лица, записи о событіяхъ, въ родѣ мора, саранчи и т. д., ничего общаго съ памянникомъ не имѣющихъ, и т. д. Голыя же имена, хотя и пріурочиваются иной разъ къ опредѣленнымъ фамиліямъ, но прослѣдить по нимъ генеалогію этихъ фамилій, во-первыхъ, почти невозможно, а, во-вторыхъ, очень рискованно. В. Б.

Отчетъ о дѣятельности православнаго Свято-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, состоящаго подъ покровительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. За 1888, 1889, 1890 и 1891 г. Петроградъ. 1892.

Отчетъ Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета и учрежденнаго имъ церковно-историческаго древнехранилища за 1891 годъ. Каменецъ-Подольскъ. 1892.

Въ печати не разъ уже было говорено о томъ, какъ мало обращается у насъ вниманія на памятники родной старины, имѣющіе громадное значеніе для народнаго сомосознанія, какъ варварски обращаются съ ними люди, не понимающіе ихъ важности, при обновленія, напримѣръ, старинныхъ зданій, и какъ безцеремонно расхищаютъ древнія рукописи и другіе предметы разные любители, почти безъ всякихъ средствъ составляющіе замѣчательные частные музеи и библіотеки... Лучшимъ способомъ къ охраненію древнихъ памятниковъ является образованіе обществъ, посвященныхъ спеціально этой задачѣ. Къ числу такихъ, къ сожалѣнію, еще крайне немногочисленныхъ обществъ относятся существующіе на нашей юго-западной окраинѣ—«Православное Свято-Владимірское братство» въ г. Владимірѣ-Волынскомъ и «Подольскій епархіальный историко-статистическій комитетъ».

Въ маѣ настоящаго года исполнилось 900 лѣтъ со времени основанія Волынской епархіи. Ко дню празднованія этого юбилея вышелъ первый отчетъ Свято-Владимірскаго братства за 1888—1881 гг. Названное братство существуетъ съ 1-го января 1888 года. Ближайшимъ поводомъ къ его учрежденію послужило открытіе въ 1886 году въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, по распоряженію епархіальнаго архіерея и гражданскаго начальства, комитета для подготовительныхъ работъ къ обновленію бывшаго каѳедральнаго собора владиміро-волынскихъ епископовъ, построеннаго въ 1160 году великимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. По очисткѣ развалинъ этого храма отъ мусора и другихъ наслоеній, было обнаружено, что низы стѣнъ и столбищъ его на половину разрушены и грозятъ паденіемъ. Для изысканія средствъ къ охраненію этого памятника православной старины отъ дальнѣйшаго

разрушенія, а также для уясненія историческаго значенія этой главной святыни древняго Волынско-Галицкаго княжества, мѣстнымъ православнымъ обществомъ и было учреждено Свято-Владимірское братство, принятое впослѣдствіи подъ свое покровительство Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ. Не смотря на кратковременность своего существованія, братство успѣло развить уже значительную дѣятельность. Не ограничившись первоначальною своею задачею, оно занялось приведеніемъ въ извѣстность, изслѣдованіемъ и охраненіемъ и другихъ церковныхъ памятниковъ западной окраины, Волыни, какъ-то: древнихъ церковныхъ строеній и ихъ принадлежностей, книгъ и пр. Наконецъ, не удовлетворяясь церковно-археологическими цѣлями, братство нашло нужнымъ «направить свою помощь на дѣла народнаго образованія въ духѣ православной вѣры и содѣйствовать по мѣрѣ своихъ средствъ учрежденіямъ, на этотъ предметъ установленнымъ».

Для достиженія указанныхъ цѣлей, братствомъ устроены древлехранилище и библіотека. Первое заключаетъ въ себѣ старинные кресты, иконы, рукописныя и старопечатныя книги и т. п., а также рисунки и фотографическіе снимки древнихъ церковныхъ зданій и другихъ предметовъ. Въ библіотекѣ имѣется уже до 300 книгъ и брошюръ, посвященныхъ исторіи православія и русской народности въ этомъ краѣ. Кромѣ того, братство занимается издательской дѣятельностью (которая проявилась изданіемъ фотографическаго альбома церковныхъ древностей Волыни и брошюры предсѣдателя совѣта Е. Н. Двернищкаго «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ», иллюстрированной изображеніями этихъ памятникивъ), оказываетъ вспомоществованіе церковнымъ хорамъ, принимаетъ участіе въ церковныхъ торжествахъ, устроиваетъ народныя чтенія съ туманными картинами и т. п. Денежныя дѣла братства представляются въ слѣдующемъ видѣ: съ 1-го января 1888 г. по 1-е января 1892 г. на приходъ записано 9.566 р. 43 к., а израсходовано за тотъ же періодъ времени 7.029 р. 68 к.

Подольскій епархіальный историко-статистическій комитетъ въ отчетномъ (1891) году вступилъ уже во второе двадцатипятилѣтіе со времени своего открытія Леонтіемъ, бывшимъ архіепископомъ подольскимъ, нынѣ митрополитомъ московскимъ. Онъ имѣетъ своею задачею изданіе и первоначальную обработку матеріаловъ по исторіи Подольской епархіи, т. е. преимущественно изслѣдованіе религіозной жизни кореннаго русскаго населенія Подоліи. Но, по тѣсной связи религіозной жизни съ этнографіей и политической исторіей края, комитетъ не исключаетъ изъ круга своихъ интересовъ и современной духовной жизни народныхъ массъ и ихъ историческихъ судебъ. И мы съ удовольствіемъ можемъ констатировать, что четверть-вѣковая дѣятельность комитета въ этомъ направленіи обратила на себя вниманіе людей, занятыхъ научной разработкой исторіи Юго-Западнаго края. Къ прежнимъ изданіямъ комитета, вызвавшимъ самые лестные отзывы такихъ спеціалистовъ, какъ профессора В. С. Иконниковъ и П. Любовичъ, прибавился въ прошедшемъ году пятый выпускъ «Трудовъ Комитета», содержащій въ себѣ 1) «Матеріалы къ исторіи уніи въ бывшемъ Брацлавскомъ воеводствѣ, 1779—1780 гг.», С. Ветрженовскаго, и 2) «Матеріалы по исторіи монастырей Подольской епархіи», свящ. Сѣцинскаго. Кромѣ того, въ отчетномъ году велись подготовительныя работы по изданію описанія Подольской епархіи къ столѣтнему юбилею присоединенія Подоліи къ Россіи; члены комитета напечатали нѣ-

сколько своихъ статей по мѣстной исторіи въ періодическихъ изданіяхъ. Что касается учрежденнаго въ 1890 году древнехранилища, то «въ немъ уже собрано достаточно предметовъ древности; правда, не всѣ они одинаковой цѣнности, но между ними попадаются экземпляры, интересные для науки». Въ кассу комитета втеченіе 1891 года поступило 1.601 р. 84 к., изъ которыхъ списано въ расходъ 1.457 р. 67 к. М. Л.

Маріуполь и его окрестности. Отчетъ объ экскурсіяхъ Маріупольской Александровской гимназіи. Маріуполь. 1892.

«Учимъ ли мы такъ, чтобы у насъ хотѣли учиться?»—спрашивалъ Погодинъ у педагоговъ своего времени и отвѣчалъ: «нѣтъ». Такъ же точно пришлось бы отвѣтить на этотъ вопросъ и въ настоящее время. У насъ много говорилось, да и теперь еще говорится о воспитаніи, переутомленіи, сокращаются курсы, уменьшается число уроковъ, но никто не дѣлаетъ ничего для того, чтобы оживить преподаваніе, поставить дѣло такъ, чтобы дѣти дѣйствительно интересовались предметомъ, «хотѣли учиться», а не учились только изъ-за двоекъ, пятерокъ и похвальныхъ листовъ. Мало того, что у насъ ничего не дѣлается въ этомъ направленіи, въ послѣднее время начали дѣйствовать даже въ противоположномъ. Въ гимназіяхъ вводятъ шагистику, военныя прогулки съ музыкой, деревянными ружьями и учителемъ гимнастики верхомъ на лошади въ качествѣ полководца, ученики только и думаютъ о томъ, какъ бы не отстать отъ обыкновенныхъ солдатъ въ военной выправкѣ, какъ бы поступить въ военную службу, и ужъ во всякомъ случаѣ не «хотятъ учиться». Картина, нарисованная нами, была бы слишкомъ безотрадной, если бы дѣйствительно всѣ гимназіи жили такой жизнью. Къ счастью, бываютъ исключенія, правда, не очень частыя, но тѣмъ болѣе пріятныя. Какъ на одно изъ такихъ исключеній укажемъ на занятія учениковъ Маріупольской гимназіи. Въ чемъ состояли эти занятія, можно видѣть изъ книги, заглавіе которой мы привели въ началѣ. Это сборникъ цѣлаго ряда рефератовъ, прочитанныхъ учителями Маріупольской гимназіи во время прогулокъ, предпринятыхъ для ознакомленія учениковъ съ мѣстной исторіей и достопримѣчательностями. Предметомъ этихъ рефератовъ были какъ исторія самого города, мало кому извѣстная, не смотря на столѣтнее его существованіе, такъ и ознакомленіе съ отдѣльными фактами и сторонами маріупольской жизни и быта. Сборникъ начинается статьей директора гимназіи г. Тимошевскаго: «Переселеніе православныхъ христіанъ изъ Крыма въ Маріупольскій уѣздъ Азовской, нынѣ Екатеринославской губерніи». Исторію переселенія грековъ изъ Крыма авторъ прослѣдилъ до самаго послѣдняго времени и сообщилъ нѣкоторыя данныя, показывающія процентное отношеніе между различными народностями мѣстнаго населенія. По свѣдѣніямъ 1884 г., все населеніе составляло 161.044 души обоего пола; изъ нихъ русскихъ крестьянъ—50%, грековъ—34%, нѣмцевъ—13% и евреевъ—3% Между тѣмъ, по ревизіи 1857 года, числилось всѣхъ 107.626 душъ, то-есть населеніе увеличилось втеченіе 27 лѣтъ на 32%. Любопытно, что увеличилось главнымъ образомъ число нѣмцевъ, именно на 68%, затѣмъ грековъ—52%, русскихъ—28% и евреевъ—24% (стр. 41). Что касается до причинъ переселенія грековъ изъ Крыма въ XVIII в., то авторомъ онѣ выяснены нѣсколько неточно. Съ одной стороны, можно думать, что греки чувствовали гнетъ та-

таръ, хотѣли избавиться отъ него и воспользовались покровительствомъ Россіи, нуждавшейся тогда въ людяхъ для заселенія Новороссійскихъ степей; съ другой стороны, самъ же авторъ приводитъ факты, показывающіе, что греки переселялись очень неохотно, почти насильно. По нашему мнѣнію, на это переселеніе нужно смотрѣть, какъ на дѣло политики Россіи, которой необходимо было заселить Новороссійскія степи, ослабить переселеніемъ значительнаго числа людей Крымъ, и митрополита Игнатія, стоявшаго во главѣ крымскихъ грековъ и враждебно относившагося къ татарамъ. Интересы Россіи совпали съ интересами митрополита Игнатія, и переселеніе состоялось. «Митрополитъ и полководецъ,—говоря словами г. Тимошевскаго,—достигли того, что сначала въ городахъ, а потомъ и въ деревняхъ христіане рѣшили оставить Крымъ и навсегда переселиться въ Россію» (стр. 23). Что это было дѣломъ отдѣльныхъ личностей, доказывается, между прочимъ, также еще тѣмъ, что «надежда и обѣщаніе митрополита Игнатія, что и остальные греки-христіане и, можетъ быть, магометане, увидѣвъ необыкновенныя царскія милости къ переселенцамъ, оставятъ Крымъ и присоединятся къ вышедшимъ, не оправдались» (стр. 41). Въ тѣсной связи съ этимъ рефератомъ стоятъ другіе рефераты историческаго характера: г. Тимошевскаго—«Основаніе г. Маріуполя», «Духовное и гражданское самоуправленіе», рефератъ г. Маркова:—«Замѣтки о бытѣ грековъ г. Маріуполя», въ которомъ собраны очень интересныя этнографическія свѣдѣнія объ общественныхъ праздникахъ, религіозныхъ обычаяхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ, приводятся пѣсни (положенныя на ноты г. Грековымъ), разсказы, пословицы, поговорки и т. д., «Замѣтки о битвѣ на р. Калкѣ»—г. Ѳедорова, подтверждающія гипотезу Н. М. Карамзина о мѣстѣ битвы между рр. Калміусомъ и Кальчикомъ, историко-географическій очеркъ г. Клюева: «Азовское побережье», и др. Помимо исторіи, учениковъ знакомили также и съ современнымъ состояніемъ города. Г. Вавиловъ прочелъ рефератъ: «О топографіи и климатѣ г. Маріуполя», г. Вержбицкій — «О флорѣ окрестностей города Маріуполя». Оба реферата составлены на столько, повидимому, научно, что могутъ представить нѣкоторый интересъ и для спеціалистовъ географовъ и ботаниковъ; А. Ѳ. Петрашевскій прочелъ цѣлый рядъ рефератовъ о маріупольскихъ учебныхъ заведеніяхъ, католической и еврейской общинахъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ, клубахъ, типографіяхъ, театрѣ и т. д. Г. Кустовскій очень обстоятельно характеризовалъ фабричную и заводскую дѣятельность, а г. Хараджаевъ сообщилъ много интереснаго о торговлѣ и торговыхъ учрежденіяхъ города Маріуполя.

Нужно при томъ же замѣтить, что ученики не только слушали, но принимали сами активное участіе въ этихъ экскурсіяхъ. Такъ, напримѣръ, очень полный и обстоятельный статистическій очеркъ города Маріуполя составленъ на основаніи работъ гимназистовъ, которые подъ руководствомъ г. Квитницкаго произвели перепись и сдѣлали это по всѣмъ правиламъ статистики. Жаль только, что незначительное количество счетчиковъ не позволило произвести перепись въ одинъ день. Втеченіе всѣхъ экскурсій ученики дѣлали самостоятельныя замѣтки, вели дневники. Все это не только прививаетъ дѣтямъ любовь къ наукѣ, интересъ къ научнымъ занятіямъ, но пріучаетъ также къ самостоятельной работѣ. Нельзя поэтому не поблагодарить г. Тимошевскаго за иниціативу въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ. Дай Богъ, чтобы Маріупольская гимназія не переставала дѣйствовать въ такомъ же направленіи, а другія гимназіи послѣдовали ея примѣру.

Книга иллюстрирована снимками съ маріупольскихъ мѣстностей и зданій. Рисунки сдѣланы преподавателемъ Завьяловымъ и ученикомъ Ханакадопуло. В. Б.

Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. Общій обзоръ земской статитистики крестьянскаго хозяйства. А. Фортунатова. Крестьянская община. В. В. Москва. 1892.

Если когда либо, то особенно въ настоящее время, въ годину бѣдствія, переживаемаго значительною частью нашего отечества, выяснилась вся важность статистики народнаго хозяйства: для борьбы какъ съ острыми, такъ и съ хроническими нуждами крестьянскаго населенія Россіи прежде всего необходимо основательное знакомство съ его экономическимъ бытомъ. Изученіе послѣдняго, осуществленное по инициативѣ земскихъ учрежденій, «составляетъ, быть можетъ,—говоритъ г. Чупровъ,—самое важное, что сдѣлано у насъ для познанія страны и народа. Произведенное спеціальными агентами, при помощи непосредственнаго опроса на мѣстахъ, большею частью кропотливымъ путемъ подворной описи, земско-статистическое изслѣдованіе обнимаетъ важнѣйшіе элементы нашей народной экономіи, частновладѣльческое и крестьянское хозяйство, съ столькихъ сторонъ и съ такими подробностями, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ какихъ либо иныхъ статистическихъ изданіяхъ не только у насъ, но и за границей... Громадная работа, выполненная массой тружениковъ, которые съ рѣдкою энергіею и самоотверженіемъ втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ переходили изъ одного селенія въ другое, предлагая каждому домохозяину одни и тѣ же вопросы, еще не достаточно оцѣнена въ нашей наукѣ и литературѣ; но какъ скоро придетъ надобность серьезно вникнуть въ хозяйственныя условія русскаго крестьянскаго хозяйства, тогда отдадутъ должное произведенному изслѣдованію».

Но такъ какъ эти изслѣдованія разбросаны въ громадной массѣ мѣстныхъ изданій, опубликованныхъ различными земскими учрежденіями, въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ томовъ и выпусковъ, наполненныхъ множествомъ цифровыхъ данныхъ, то пользованіе ими соединено съ немалыми трудностями, и потому они мало утилизируются не только большою публикою, но и спеціалистами. Настоящее изданіе, предпринятое нѣсколькими членами статистическаго отдѣленія Московскаго юридическаго общества, имѣетъ цѣлью «въ нѣкоторой степени замѣнить собою изученіе земско-статистическихъ сборниковъ»: предположено по важнѣйшимъ отдѣламъ, обнимаемымъ программою земскихъ изслѣдованій, выбрать изъ нихъ всѣ существенные факты, размѣстить ихъ въ систематическомъ порядкѣ и, «по мѣрѣ возможности, осмыслить и объяснить ихъ». Въ началѣ разсматриваемаго тома помѣщена статья г. Фортунатова, посвященная общему обзору земской статистики крестьянскаго хозяйства. Помимо обязательныхъ статистическихъ работъ, земствами предпринимались особыя хозяйственно-статистическія изслѣдованія въ 28 губерніяхъ, въ 258 уѣздахъ. Однѣ изъ этихъ работъ не были напечатаны, но другія, и большая часть, имѣли своимъ результатомъ статистическіе сборники. До 1891 года вышло въ свѣтъ около 320 отдѣльныхъ изданій по основной хозяйственной статистикѣ и около 130 — по текущей.

Г. Фортунатовъ говоритъ далѣе о распредѣленіи работъ по городамъ (съ 1870 г.) и по временамъ года, формахъ и способахъ наблюденія, о матеріалахъ для сужденія о точности крестьянскихъ показаній и о значеніи земской статистики въ связи съ ея задачами.

Изслѣдованіе В. В. о крестьянской общинѣ представляетъ собою объемистый трудъ—въ 38 листовъ. Авторъ имѣлъ въ виду двойную цѣль: 1) составленіе возможно полнаго свода матеріаловъ, собранныхъ земской статистикой по вопросу объ общинной формѣ владѣнія землей, и 2) представленіе предмета въ такой формѣ, при которой книга была бы доступна обыкновенному читателю, интересующемуся даннымъ вопросомъ. Находя, что эти задачи «не вполнѣ соотвѣтствуютъ одна другой, такъ какъ для первой изъ нихъ желательно совершенно объективное отношеніе автора къ предмету, между тѣмъ какъ вторая требуетъ освѣщенія частныхъ фактовъ общей идеей, выбора точки зрѣнія, т. е. внесенія въ изслѣдованіе субъективнаго элемента», и признавая невозможнымъ обойтись безъ этого послѣдняго, авторъ старался только, «чтобы это внесеніе не отразилось на полнотѣ сводной части работы, и чтобы факты, противорѣчащіе его обобщеніямъ заняли свое мѣсто на ряду съ имъ противоположными». «Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—лица, смотрящія съ иной точки зрѣнія на предметъ, найдутъ для себя въ нашемъ трудѣ фактическій матеріалъ, надъ которымъ и могутъ оперировать по произволу». Этотъ «субъективный элементъ», т. е. воззрѣнія на общину г. В. В., извѣстны лицамъ, интересующимся этимъ вопросомъ, по прежнимъ произведеніямъ автора, и потому, не останавливаясь на изложеніи содержанія разсматриваемаго труда, ограничимся замѣчаніемъ, что жизнь общины разсматривается здѣсь (въ 10 главахъ) со всѣхъ сторонъ.

Второй томъ «Итоговъ», имѣющій скоро выйдти, будетъ имѣть предметомъ крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Слѣдующіе томы будутъ посвящены работамъ по распредѣленію крестьянскаго землевладѣнія, по составу крестьянскихъ дворовъ, по крестьянскому земледѣлію и скотоводству и т. п. Каждый томъ составитъ самостоятельную монографію, связанную съ остальными томами лишь общностью предмета. Мы желаемъ полнаго успѣха этому предпріятію и вмѣстѣ съ г. Фортунатовымъ надѣемся, что эта «коллективная работа, задуманная нѣсколькими любителями земской статистики, принесетъ свою долю пользы земскому дѣлу, нуждамъ государственной администраціи и людямъ науки, а, кромѣ того, поможетъ образованной публикѣ ознакомиться съ важнѣйшими результатами изслѣдованій, разбросанныхъ по многочисленнымъ мѣстнымъ изданіямъ». С—скій.

Сибирскій лѣтописецъ. Лѣтопись конца XVII и начала XVIII столѣтій(,) веденная въ Тобольскѣ. Съ предисловіемъ Е. В. Кузнецова. Тобольскъ. 1892.

Вотъ и еще одна брошюра, изданная Е. В. Кузнецовымъ, и изданная совершенно напрасно. Дѣло въ томъ, что этотъ «Сибирскій лѣтописецъ» былъ уже разъ напечатанъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1826 годъ. Положимъ, тогда на него не обратили никакого вниманія, но за послѣднее время онъ, очевидно, былъ замѣченъ людьми, работающими надъ изученіемъ Сибири: по крайней мѣрѣ, про него говоритъ А. Н. Пыпинъ въ своихъ статьяхъ по сибирской исторіографіи и въ IV-мъ томѣ «Исторіи русской этнографіи».

Слѣдовательно, переиздавать лѣтописецъ, съ цѣлью напомнить о его существованіи, было не къ чему. Съ другой стороны, г. Кузнецовъ не даетъ и болѣе тщательнаго изданія, чѣмъ «Сѣверный Архивъ», да оно и понятно: г. Кузнецовъ самой рукописи лѣтописца не видалъ, а просто перепечатываетъ буква въ букву текстъ, данный въ 1826 году; это видно изъ того, что мѣста, не разобранныя тогда Берхомъ, пропущены и обозначены точками и въ настоящемъ изданіи. Думали мы найти оправданіе появленію брошюры г. Кузнецова въ хорошемъ предисловіи къ лѣтописцу, но и тутъ обманулись; предисловіе не даетъ хорошаго изслѣдованія о происхожденіи, составѣ, источникахъ и значеніи издаваемаго памятника, такъ какъ повторять на вѣру ни на чемъ не основанныя фразы Берха не значитъ правильно оцѣнить достоинства лѣтописца. Да, наконецъ, помимо всѣхъ предъидущихъ соображеній, самый памятникъ вовсе не на столько важенъ, чтобы его стоило издавать два раза: это просто перечень тобольскихъ главныхъ чиновниковъ за періодъ 1590—1715 гг., сопровождаемый иногда мелкими замѣтками о подобныхъ же фактахъ въ сосѣднихъ городахъ, да разсказами про городскіе пожары. Всѣ эти свѣдѣнія отчасти есть въ другихъ уже извѣстныхъ источникахъ, отчасти же имѣютъ самое ничтожное научное значеніе. Единственное исключеніе представляетъ фактъ, сообщенный подъ 1677 г.: въ этомъ году произошелъ пожаръ, во время котораго «на соборной колокольнѣ большой колоколъ... и колоколъ литейной... и колоколъ благовѣстной... и колоколъ часобитной Углицкой, все раздалось и растопилось безъ остатку» (стр. 25).

С. А—въ.

Елизавета Тюдоръ, королева англійская. Профессора Московской духовной академіи В. А. Соколова. Сергіевъ Посадъ. 1892.

Небольшая брошюра проф. Соколова (оттискъ изъ №№ 2 и 5 «Богословскаго Вѣстника» за 1892 г.) представляетъ собою переработку актовой рѣчи по каѳедрѣ «новой гражданской исторіи», произнесенной на торжественномъ собраніи 1-го октября. Авторъ, спеціально, главнымъ образомъ по первоисточникамъ, познакомившійся съ сорокапятилѣтнимъ періодомъ царствованія королевы Елизаветы, въ брошюрѣ своей даетъ краткую біографію и характеристику этой королевы, благодаря которой, по словамъ Гладстона, «Англія есть теперь то, что она есть, и ея церковь есть именно то, что она есть». Выборъ темы своей В. А. Соколовъ объясняетъ слѣдующими словами: «уже не одинъ годъ,—пишетъ онъ,—мнѣ приходится останавливать свое вниманіе на спеціальномъ изученіи исторіи англійской церковной реформаціи и въ особенности сорокапятилѣтняго періода царствованія королевы Елизаветы [1]). Думаю, что за этотъ выборъ не посѣтуютъ на меня историки, ибо, сколько бы ни спорили по вопросу о значеніи личности въ исторіи, фактъ этого значенія всегда былъ и остается фактомъ; а въ длинномъ спискѣ англійскихъ политическихъ дѣятелей, стяжавшихъ себѣ извѣстность, не много найдется такихъ именъ, которыя имѣли бы столько же права на вниманіе, какъ королева Елизавета. Не могутъ осудить и богословы, если я съ академической

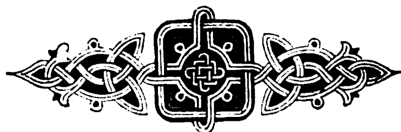

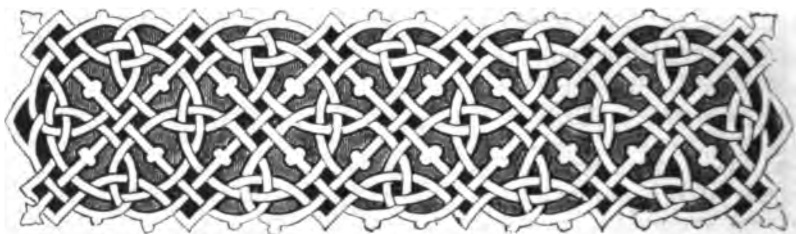
[1]) Въ 1881 г. вышла книга того же автора: «Реформація въ Англіи (Генрихъ VIII и Эдуардъ VI)».

каѳедры стану говорить о той, чье имя неразрывно связано съ утвержденіемъ англиканской епископальной церкви и чье личное вліяніе прошло для этой церкви далеко не безслѣднымъ». Достоинство очерка В. А. Соколова— замѣчательная легкость, литературность изложенія, въ послѣднее время что-то очень рѣдко встрѣчающаяся у нашихъ патентованныхъ ученыхъ. Что касается взгляда автора на характеръ королевы Елизаветы, онъ для насъ наиболѣе интересенъ, какъ выраженіе самостоятельныхъ воззрѣній, выведенныхъ авторомъ изъ личнаго ознакомленія съ данными лѣтописными, актовыми и другими первоисточниками. Въ характеристикѣ своей онъ придерживается болѣе направленія примирительнаго; защищаетъ, напримѣръ, Елизавету отъ обвиненій Маколея въ ничѣмъ не мотивированной жестокости, но въ то же время признаетъ, что она являлась гонительницею потому, что «должнымъ образомъ и понять не могла ни силы религіознаго возбужденія, ни законныхъ требованій религіозной свободы». Внѣшнюю политику Елизаветы В. А. Соколовъ признаетъ находившеюся въ сильной зависимости отъ чисто личныхъ причинъ, отъ «той внутренней разладицы, которая царила въ душѣ Елизаветы, между влеченіями сердца и соображеніями разсудка». Нѣсколько страницъ посвящены подкрѣпленію этого замѣчанія фактами, которые не трудно найти на всемъ протяженіи многолѣтняго царствованія Елизаветы. Послѣдняя часть брошюры занята разложеніемъ характера Елизаветы на три главныя начала: страсть къ повелѣванію, страсть къ господству и соединенная съ ними инстинктивная расчетливость и благоразуміе.

Живой, яркій очеркъ проф. Соколова выставляетъ королеву Елизавету передъ читателемъ не какъ историческаго дѣятеля, а какъ индивидуальную личность со всѣми ея слабостями, недостатками и достоинствами. Конечно, выясненія значенія Елизаветы для данной эпохи, связи ея внѣшней и внутренней политики съ предшествующимъ и послѣдующимъ и вообще всего, прямо не связаннаго съ личнымъ характеромъ королевы, мы въ брошюрѣ В. А. Соколова не найдемъ.

А. Л—нъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Записки англійскаго шпіона.—Прусскіе генералы въ Парижѣ въ 1815 году.—Новый отвѣтъ на старую загадку.— Интересныя находки.— Какъ вавилонскій архидіаконъ нашелъ ковчегъ Ноевъ.

ЗАПИСКИ англійскаго шпіона. Втеченіе послѣднихъ десятилѣтій ничто такъ не обращало на себя вниманія общества и правительства въ Англіи, какъ существованіе громаднѣйшаго заговора, вѣтви котораго широко раскинулись по Европѣ и Америкѣ и члены котораго для достиженія своей цѣли считали себѣ дозволенными всевозможныя средства: открытое возстаніе и тайныя убійства, агитацію среди населенія и динамитные взрывы. Мы говоримъ о знаменитомъ заговорѣ феніевъ, этихъ борцовъ за свободу Ирландіи, «дѣло» которыхъ въ настоящую пору оказывается лишеннымъ своей цѣли: вопросъ ирландскаго самоуправленія перенесенъ прямо на парламентскую почву, и рѣшеніе его близко. Феніи, однако, и по настоящую пору продолжаютъ существовать, и поэтому не малую сенсацію произвела въ Англіи вышедшая въ октябрѣ текущаго года подъ слѣдующимъ заглавіемъ книга: «Twenty-five years in the Secret Service: the Recollections of a Spy. By Major Henri Le Caron». (Двадцать пять лѣтъ на секретной службѣ: воспоминанія шпіона. Сочиненіе маіора Генри Лекарона). Втеченіе цѣлой четверти вѣка дѣломъ автора этой книги было собирать и сохранять всевозможныя свѣдѣнія о послѣдовательномъ ростѣ и развитіи гибельнаго для Англіи заговора. Безстрашный и вѣчно бдительный, съ рѣдкимъ даромъ наблюденія и съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго характера, этотъ человѣкъ сумѣлъ заслужить полнѣйшее довѣріе главарей феніевъ. Онъ сумѣлъ повести дѣло такъ, что они раскрывали передъ нимъ всѣ свои секреты и даже предоставили второе мѣсто въ организаціи своего общества. Онъ посѣщалъ ихъ собранія, правильно получалъ самые важные ихъ документы и жилъ съ ними на самую интимную дружескую ногу. По-

нятенъ поэтому тотъ интересъ, который должны возбудить къ себѣ записки этого шпіона.

Жизнь Лекарона уже съ дѣтства была полна всевозможныхъ приключеній. Три раза бѣжалъ онъ изъ дому; былъ потомъ въ ученіи у нѣкоего комерсанта, который вскорѣ же прогналъ его съ мѣста; получалъ потомъ занятія то въ Лондонѣ, то въ Батѣ, Бристолѣ и, наконецъ, въ своемъ родномъ городѣ Кольчестерѣ, но нигдѣ не уживался по своей «приверженности къ разнообразію». Онъ направился въ Парижъ и по счастливой случайности получилъ здѣсь мѣсто, когда у него уже не оставалось ни гроша. Здѣсь онъ пробылъ до начала американской междоусобицы. Ему стало «скучно» въ Парижѣ, и въ августѣ 1861 года онъ поступилъ въ ряды федеральной арміи въ качествѣ француза Анри Лекарона. Здѣсь у него повышеніе пошло за повышеніемъ, и онъ оставилъ армію съ чиномъ маіора. Во время одной изъ своихъ кампаній онъ, благодаря одной дѣвушкѣ изъ Тенесси, спасся отъ неминуемой смерти и въ благодарность за это женился на ней по окончаніи войны. Жена играла потомъ немаловажную роль въ его карьерѣ шпіона, принявъ на себя и успѣшно исполняя тѣ же обязанности.

Въ 1867 году Лекаронъ посѣтилъ Англію и принялъ сдѣланное ему правительствомъ предложеніе «войти въ составъ фенійской организаціи и играть роль шпіона въ рядахъ революціонеровъ». Возвратившись въ Америку, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги «дѣлу» черезъ О'Нейлля и безпрепятственно былъ принятъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній къ концу года былъ выбранъ президентомъ «Братства феніевъ». Лекаронъ самъ организовалъ особый кружокъ феніевъ, сдѣлался его «центромъ» и въ то же время набралъ цѣлую роту для «ирландскаго республиканскаго войска». Его стали высоко почитать въ рядахъ феніевъ, и главари потребовали его въ Нью-Іоркъ, какъ «маіора и военнаго организатора ирландскаго войска». Въ своихъ «Запискахъ» онъ съ ироніей вспоминаетъ о бывшемъ здѣсь критическомъ моментѣ его жизни: онъ долженъ былъ говорить на общихъ собраніяхъ рѣчи, а между тѣмъ ничего не зналъ объ Ирландіи, въ которую съ дѣтства не ступалъ ногою, о дѣлахъ же и цѣляхъ «патріотовъ» еще менѣе. Первый опытъ, однако, прошелъ благополучно, а потомъ Лекаронъ такъ набилъ руки въ этомъ дѣлѣ, что не разъ вызывалъ шумные апплодисменты со стороны своихъ, кстати будь замѣчено, обыкновенно одурманенныхъ виски и джиномъ, слушателей. Былъ на него даже доносъ въ это время, но никто этому доносу не повѣрилъ. Главари даже упрашивали его не покидать изъ-за этихъ недостойныхъ подозрѣній «службы», на которой онъ можетъ принести столько пользы. Вліяніе его, благодаря этому инциденту, еще окрѣпло, а черезъ ссуду самому президенту 70 фунтовъ стерлинговъ въ день контроля «братской» кассы онъ въ это время имѣлъ въ рукахъ своихъ весь заговоръ.

Въ апрѣлѣ 1870 года произошло второе «нашествіе» на Канаду. Въ это время всѣхъ феніевъ числилось въ Америкѣ до полумилліона, но лишь 500 человѣкъ съ О'Нейллемъ во главѣ переправилось на тотъ берегъ. Маіоръ въ качествѣ генералъ-адъютанта сопровождалъ отрядъ, о которомъ онъ всѣ подробности успѣлъ уже передать канадскому правительству. Теперь ему лишь интересно было знать, что изъ всего этого выйдетъ. Вышло слѣдующее. Не успѣли феніи пройти немногихъ шаговъ по канадской почвѣ, какъ ихъ встрѣтилъ залпъ егерей, скрытыхъ по сторонамъ дороги. Сдѣлавъ тщетную попытку наступленія, патріоты побросали оружіе и опрометью броси-

лись бѣжать на американскую территорію. О'Нейлль былъ арестованъ, но вскорѣ опять выпущенъ на волю. Онъ предпринималъ еще одну экспедицію, она не удалась, и онъ запилъ, какъ настоящій ирландецъ: отъ запоя же и умеръ онъ вскорѣ, погубивъ вмѣстѣ съ своею жизнью и жизнь жены, сестры милосердія, для его «дѣла» оставившей свой орденъ. На нѣкоторое время «дѣло» затихло. Но вотъ въ 1873 году образуется и крѣпнетъ знаменитый кружокъ Кланъ-на-Галь, сплотившій феніевъ сильнѣе и притомъ на немного подновленныхъ основахъ. Рѣшено было бросить ту связь съ католическими священниками, которой пока многіе придерживались: «нельзя входить въ борьбу за свободу, имѣя на шеѣ тяжелое ярмо церкви». Рѣшено было также открытую борьбу оставить и тѣмъ болѣе вниманія обратить на тайную. Были составлены планы убійствъ королевы, захвата принца Уэльскаго и нѣсколько подобныхъ.

Начало восьмидесятыхъ годовъ было временемъ, когда феніи особенно разгулялись, и въ это время Лекаронъ еле успѣвалъ предупреждать подвиги ирландскихъ динамитчиковъ, но, конечно, здѣсь намъ по недостатку мѣста о подробностяхъ придется умолчать. Часто въ то же время шпіонъ засѣдалъ въ такъ называемомъ ирландскомъ парламентѣ, собиравшемся въ Чикаго, юмористическія описанія котораго онъ даетъ въ своихъ «Запискахъ». Составъ этого парламента, собственно говоря, былъ очень «приличный». Тутъ засѣдало 40 адвокатовъ, восемь докторовъ, двое судей, священники католическіе и англиканскіе, купцы, промышленники и рабочій людъ. Однако дѣла здѣсь велись весьма, всетаки, поирландски. «Это былъ странный народецъ,— разсказываетъ Лекаронъ,—какъ они сидѣли тамъ, упершись руками въ бока и заложивъ большіе пальцы въ карманы жилета, съ ногами закинутыми на спинки стульевъ, ради комфорта наклоненныя на 40, 50 градусовъ, и дымили изъ своихъ сигаръ... Это удобное положеніе повременамъ они мѣняли, но лишь затѣмъ, чтобы придвинуться къ батареѣ умильно смотрѣвшихъ на нихъ черныхъ бутылей, или чтобы скинуть съ себя сюртукъ, либо жилетъ, для освѣженія своего слишкомъ разгоряченнаго настроенія... Въ пылу спора иные вскакивали, опрокидывая стулья, схватывались другъ съ другомъ, посылали проклятія предсѣдателю... Но вскорѣ опять все успокоивалось, и выступали на сцену тѣ же черныя бутыли съ виски»... Однако при всемъ этомъ эти «пожиратели виски» владѣли громадными средствами, и одни запасы динамита, найденные у арестованныхъ, просто неимовѣрны. Количество захваченнаго у феніевъ нитроглицерина, по свидѣтельству экспертовъ, въ общей сложности вполнѣ достаточно, чтобы взорвать всѣ дома и улицы Лондона съ одного конца до другаго. «Пріятное открытіе,—замѣчаетъ Лекаронъ,— для обыкновеннаго британскаго гражданина, который смѣется надъ динамитомъ и иронизируетъ надъ необходимостью увеличенія и упорядоченія секретной службы». Собственная служба Лекарона кончилась съ настоящимъ годомъ вслѣдствіе открытаго судебнаго разбирательства «дѣла» феніевъ.

— **Прусскіе генералы въ Парижѣ въ 1815 году.** Скончавшійся вскорѣ послѣ Ренана знаменитый французскій путешественникъ и ученый Ксавье-Мармье незадолго передъ смертью успѣлъ подготовить къ печати небольшой томъ разнородныхъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Diverses curiosités». Заимствуемъ оттуда нѣкоторыя свѣдѣнія о посѣтителяхъ парижскаго «Пале-Рояля» въ 1815 году, основаніемъ которымъ послужилъ разсказъ Веллингтонова адъютанта капитана Гронова. Въ описываемую

эпоху «Пале-Рояль» съ своими галереями, садами и салонами, построенными Ришелье и Мазариномъ и передѣланными потомъ Филиппомъ Эгалите, считался центромъ веселой Франціи. Здѣсь каждый вечеръ, начиная съ семи часовъ, можно было видѣть фланирующими массу англичанъ, русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ, офицеровъ всѣхъ союзныхъ армій, и среди нихъ самого короля прусскаго съ братомъ, великихъ герцоговъ Баденскаго и Нассаускаго и цѣлый рядъ князей и князьковъ всѣхъ государствъ Европы. Коронованныя особы не гнушались принимать участіе въ удовольствіяхъ простыхъ смертныхъ, инкогнито обѣдали и пили въ ресторанахъ и до поздней ночи мелькали среди пестрой наполнявшей «Пале-Рояль» публики. Наибольшимъ успѣхомъ среди посѣтителей пользовался роскошный залъ, гдѣ производилась игра Rouge et Noire.

Прусскій герой Белль-Альянса съ самаго своего прибытія въ Парижъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ каждый вечеръ посѣщалъ салонъ Rouge et Noire и велъ тамъ большую игру. Проигрывая, онъ каждый разъ извергалъ ужаснѣйшія проклятія противъ всего, что на свѣтѣ есть французскаго, и кидалъ свирѣпые взгляды на крупье. Многіе просто изъ любопытства ходили смотрѣть на него. Блюхеръ входилъ, высоко поднявъ голову, съ карманами, туго набитыми торчавшими изъ нихъ свертками золота, а за нимъ шелъ лакей съ резервнымъ фондомъ и садился ждать въ передней. Усѣвшись, фельдмаршалъ поспѣшно вынималъ изъ своего объемистаго кармана нѣсколько свертковъ луидоровъ и ставилъ ихъ на одинъ изъ цвѣтовъ. Выигрывая, онъ все оставлялъ на столѣ, ожидая вторичнаго удвоенія ставки. Если крупье дѣлалъ ему замѣчаніе, что больше десяти тысячъ франковъ за разъ ставить нельзя, онъ свирѣпѣлъ и рычалъ, какъ левъ, на всю залу.

Проигрывалъ онъ обыкновенно все, что было съ нимъ, а заодно и резервный фондъ лакея. Для пополненія убыли онъ вытребовалъ у французскаго банка значительную дань, и это вымогательство вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими актами своеволія заставило короля прусскаго, наконецъ, удалить его изъ Парижа.

Съ самаго вступленія союзныхъ армій въ Парижъ, Блюхеръ во всемъ рѣшительно шелъ въ разрѣзъ съ лордомъ Веллингтономъ. Послѣдній, чтобы не показаться слишкомъ требовательнымъ, заставилъ свою армію расположиться въ Булонскомъ лѣсу, въ Вилеттъ и въ Сенъ-Дени.

Блюхеръ, напротивъ, захотѣлъ, чтобы большая часть его войскъ была помѣщена въ домахъ горожанъ. Капитанъ Гроновъ самъ видѣлъ приказъ, въ которомъ прусскій фельдмаршалъ опредѣляетъ, что нужно дать каждому солдату: хорошую постель съ матрасомъ, набитымъ шерстью, съ двумя простынями, двумя одѣялами и подушкою, а на пропитаніе ежедневно: два фунта хорошаго хлѣба, фунтъ мяса, четверть фунта масла, рису, бутылку вина, стаканъ водки и табакъ. Для помѣщенія кавалеріи была еще особая инструкція: ежедневно горожанинъ долженъ былъ доставлять каждой лошади десять фунтовъ овса и по шести фунтовъ сѣна и соломы.

Прусскіе генералы расположились въ лучшихъ домахъ С.-Жерменскаго предмѣстья. Тильманъ занялъ дворецъ маршала Нея и безпощадно распоряжался его серебромъ, лошадьми и экипажами.

Генералъ Муффлингъ приказалъ арестовать префекта Сены и сорвалъ съ него за освобожденіе значительную контрибуцію.

Блюхеръ грозилъ, что приберетъ къ рукамъ французскій государственный банкъ и нѣсколько другихъ учрежденій.

Ничего подобнаго не ставили въ упрекъ англичанамъ.

— Новый отвѣтъ на старую загадку. Немного недѣль тому назадъ вышла небольшая книга г-жи Елизаветы Эвансъ «Исторія Каспара Гаузера», снова поднимающая вопросъ о загадочной личности, въ настоящее время почти всѣми уже забытой. Достаточно немногихъ словъ, чтобы напомнить читателямъ судьбу этой личности, въ свое время надѣлавшей шуму на всю Европу. 23-го мая 1828 года нѣкій нюрнбергскій сапожникъ встрѣтилъ въ одной изъ частей города молодаго человѣка лѣтъ шестнадцати, восемнадцати. Какъ объ этой встрѣчѣ, такъ и о важнѣйшихъ событіяхъ слѣдующихъ шести недѣль, свидѣтели даютъ показанія, въ высшей степени противорѣчивыя. По однѣмъ версіямъ, молодой человѣкъ, Каспаръ Гаузеръ, поступалъ сознательно, говорилъ плавно и хорошо и ходилъ не хуже любаго изъ сосѣдей, по другимъ—онъ еле могъ ходить и говорить и поступалъ, какъ слабоумный. Съ собою онъ принесъ письмо къ капитану кавалеріи въ Нюрнбергѣ. Онъ говорилъ много о лошадяхъ и, кажется, хотѣлъ сдѣлаться наѣздникомъ. Когда ему предложили перо и бумагу, онъ написалъ довольно хорошимъ почеркомъ: «Каспаръ Гаузеръ». Письмо, принесенное имъ, было плохо написано и шло отъ рабочаго, который требовалъ либо принять, либо повѣсить мальчика.

Нѣсколько мѣсяцевъ Каспара держали въ тюрьмѣ, но обходились съ нимъ ласково. Его прежде всего обмыли, такъ какъ онъ былъ страшно грязенъ: «казалось, что никогда его раньше не мыли». Быстро онъ перересталъ быть идіотомъ, такъ быстро, что черезъ шесть недѣль мальчикъ, бывшій въ состояніи выражаться лишь безсвязными фразами, могъ разсказать длинную и странную исторію о своемъ прошломъ, хотя въ началѣ «онъ не зналъ словъ, кромѣ весьма немногихъ, которыя повторялъ при всѣхъ рѣшительно обстоятельствахъ». Его память говорила ему лишь о темной каморѣ, семь футовъ въ длину и пять футовъ вышиною. Тамъ онъ лежалъ на соломѣ, въ кожаныхъ брюкахъ и въ чистой и бѣлой рубашкѣ, которая мало соотвѣтствовала соломѣ и кожанымъ брюкамъ. Онъ питался хлѣбомъ и водою. Какой-то мужчина смотрѣлъ за нимъ и научилъ его писать «Каспаръ Гаузеръ» и говорить: «я хочу быть солдатомъ, какимъ былъ мой отецъ». Его привезли въ Нюрнбергъ и перемѣнили его платье, прежде чѣмъ онъ вошелъ въ городъ. Вотъ все, что онъ могъ сказать. Въ августѣ 1828 года онъ во снѣ видѣлъ зáмокъ, библіотеку, греческія книги, которыя онъ могъ читать, и т. д. Онъ жалѣлъ, когда проснулся, что уже не можетъ читать погречески, но потомъ опять выражалъ мало склонности къ классическому образованію. Онъ переходилъ отъ учителя къ учителю, тѣлесныя и душевныя особенности его были безчисленны, таинственнымъ «мужчиною» онъ былъ раненъ въ октябрѣ 1829 года, но рана была легка, во всякомъ случаѣ «не опасна». Пять дней спустя, посѣтилъ его лордъ Стэнгопъ, имя котораго потомъ стало называться въ связи съ Каспаромъ Гаузеромъ, и въ 1831 году взялъ его къ себѣ, надавалъ ему подарковъ и вообще какъ-то странно отнесся къ нему. Въ концѣ концовъ онъ взялъ Каспара въ Анспахъ, но потомъ ему парень надоѣлъ, такъ какъ оказался лживымъ и буйнымъ. Временами онъ грозилъ самоубійствомъ, а 14-го декабря 1833 года онъ явился съ раною въ боку и разсказомъ, что его ударилъ ножемъ «мужчина».

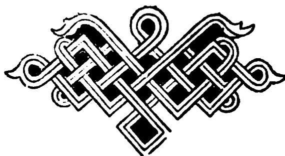
Онъ умеръ отъ этой раны, а убійца остался неизвѣстнымъ. По свидѣтельству медиковъ, были основанія предполагать самоубійство. Лордъ Стэнгопъ въ своей книгѣ «Materialen zur Geshichte Kasper Hauser's» склоняется на теоріи обмана и самоубійства.

Миссъ Эвансъ въ своей книгѣ даетъ разъясненіе этой таинственной исторіи, на сколько достовѣрное, другой вопросъ. 15-го октября 1812 года морганатическая супруга покойнаго великаго герцога Баденскаго и любовница его сына, переодѣтая «Бѣлой дамою» (королевскій домашній призракъ), украла малютку наслѣдника тогдашняго великаго герцога и положила умирающее крестьянское дитя на его мѣсто. Украденное дитя, наслѣдникъ Баденскаго герцогства, это — Каспаръ Гаузеръ. Достовѣрность всего этого основывается на «книгѣ, долженствовавшей содержать часть мемуаровъ Геннегофера (агентъ этого заговора), матеріалъ къ которымъ былъ похищенъ его частнымъ секретаремъ», то-есть достовѣрность опирается лишь на свидѣтельство сознавшагося вора. Затѣмъ, въ 1872 году, кто-то сказалъ, что въ 1848 году кто-то говорилъ ему, будто Геннегоферъ послалъ свои документы куда-то въ Швейцарію. Потомъ есть еще «факсимиле письма», показанное какому-то безъименному принцу. Наконецъ, длинный и подробный отчетъ о засѣданіи тайнаго совѣта въ Баденѣ, «оффиціальный протоколъ котораго исчезъ куда-то». «Факсимиле письма» было опубликовано въ Цюрихскомъ памфлетѣ въ 1892 году, и вотъ на основаніи этого свидѣтельства мы узнаемъ о предсмертной исповѣди анонимнаго министра анонимному принцу, анонимный сынъ котораго передалъ факсимиле автору памфлета. На основаніи этихъ немногихъ образчиковъ читатель самъ можетъ судить о степени достовѣрности «изслѣдованія» миссъ Эвансъ, пытающейся дать отвѣтъ на старую загадку.

— Интересныя находки. При производствѣ раскопокъ французскими археологами въ Элатеѣ, городѣ средней Греціи, наткнулись на интересную реликвію. Раскапывали какъ разъ развалины близь построенной еще въ средніе вѣка часовни Божіей Матери Панагіи и при этомъ наткнулись на заложенную на очень видномъ мѣстѣ въ фундаментъ плиту съ слѣдующею надписью на византійско-греческомъ языкѣ: «Это камень Каны Галилейской, гдѣ Господь воду претворилъ въ вино». Въ Канѣ,—знаемъ мы изъ другихъ источниковъ,—еще въ шестомъ столѣтіи послѣ Р. Х. показывали каменную плиту, знаменитое застольное ложе, на которомъ, по преданію, при совершеніи чуда возлежалъ по древнему обычаю Іисусъ Христосъ. Пилигримъ Антонинъ де-Плезансъ, въ концѣ VI столѣтія посѣтившій Кану, говоритъ объ этомъ: «Мы расположились на самомъ ложѣ, и на немъ я, недостойный, начерталъ имена своихъ родителей». Французскій ученый, ведшій раскопки въ Элатеѣ, утверждаетъ, что дѣйствительно на камнѣ тонкими чертами выведены слова: «и мою, Антонина, мать». Согласно этому, очевидно, плита та же, которую Антонинъ видѣлъ въ Канѣ. Какъ она попала въ Элатею, рѣшить трудно.

Это—находка вполнѣ достовѣрная. Послѣднее, однако, трудно сказать о другой, о которой оповѣщаетъ своихъ читателей французская газета «Univers». Дѣло здѣсь идетъ объ открытіи, сдѣланномъ почтеннымъ Жозефомъ Нури, докторомъ богословія и каноническихъ правъ, архидіакономъ вавилонскимъ и малабарскимъ делегатомъ его святѣйшества папы. Этотъ послѣдній прислалъ въ редакцію «Univers» подробное описаніе своей научной

экспедиціи, и парижская газета напечатала его, прибавивъ еще по адресу читателей, что ея корреспондентъ человѣкъ очень ученый и притомъ весьма энергичный. Дѣло идетъ прежде всего о поднятіи на гору Араратъ, причемъ г. Нури перечисляетъ всѣ подробности пути, всѣхъ соучастниковъ экспедиціи и, наконецъ, даетъ рисунокъ мѣстоположенія горы и мѣста находки. Дѣло было 25-го апрѣля сего года, въ 2 часа по полудни. Снѣгъ частью уже успѣлъ оттаять, и ученый докторъ богословія находился приблизительно еще на разстояніи 1.000 фут. отъ вершины горы, когда онъ вдругъ невооруженнымъ глазомъ открылъ особаго цвѣта пятно, рѣзко выдѣлявшееся на чистой снѣжной полянѣ. Не опредѣляя ближе этого «особеннаго» цвѣта, разсказчикъ продолжаетъ: «изумленный неожиданнымъ явленіемъ, я вооружился лорнетомъ, прошелъ еще 200—300 футовъ, направился къ сѣверу и все свое вниманіе обратилъ на это темное пятно. Я рѣшилъ, что мнѣ пришлось стать лицомъ къ лицу съ ковчегомъ Ноевымъ, большимъ судномъ, часть котораго выступала изъ снѣга и была ясно видна. Я обошелъ гору и успѣлъ разсмотрѣть его на всемъ его протяженіи. Судно это длиною въ 300 футовъ, а высотою въ 100 футовъ; по срединѣ своеобразная башня и по бокамъ отверстія въ родѣ оконъ. Навѣсъ надъ нимъ въ срединѣ продавленъ снѣгомъ, но съ обоихъ концовъ еще видны остатки его». Архидіаконъ описываетъ свое душевное настроеніе во время этого открытія. Онъ находился «въ неописуемомъ состояніи изумленія» и долго стоялъ «погруженный въ нѣмое созерцаніе»; однако, въ то же время онъ не преминулъ «снять мѣру съ судна и твердо запомнить его форму». Онъ заявляетъ при этомъ, что и самъ онъ и спутники его были «въ здравомъ умѣ и твердой памяти, зрѣніе ихъ ничѣмъ не было ослаблено, и они вполнѣ могутъ положиться на свидѣтельство своихъ глазъ». Интересно знать, существуетъ ли на свѣтѣ хоть самъ достоуважаемый Жозефъ Нури; о ковчегѣ мы ужъ не говоримъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Обученіе русскому языку во Франціи.—Шесть нѣмецкихъ брошюръ о франко-русскомъ сближеніи. — Научныя русскія сочиненія въ оцѣнкѣ англійской критики.— Ахенскій миръ.— Фридрихъ II и Карлъ-Эдуардъ Стюартъ.—Дипломатическія воспоминанія лорда Лофтуса.—Берлинскій дворъ въ тридцатыхъ годахъ.— Фридрихъ-Вильгельмъ III.—Бисмаркъ и Мольтке.—Попытка обѣленія Христины, королевы шведской.

РАНКО-РУССКОЕ сближеніе повело къ тому, что въ двухъ парижскихъ лицеяхъ положено открыть курсы русскаго языка. Мѣру эту, возбудившую толки въ печати, разбираетъ Гальперинъ-Каминскій, русскій еврей, родившійся въ Кіевской губерніи, но съ 1880 года натурализировавшійся въ Парижѣ, гдѣ работалъ сначала въ ученыхъ журналахъ, былъ секретаремъ въ «Science populaire», «Médecine populaire», «Science pour tous», потомъ занялся переводомъ на французскій языкъ русскихъ писателей и въ четыре года (1886—1889) издалъ болѣе 30-ти томовъ, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Салтыкова, Гаршина и др., кромѣ множества статей объ нихъ въ фельетонахъ журналовъ (лучшій трудъ его, впрочемъ, біографія и оцѣнка Карла Маркса въ «Revue socialiste» 1889 г.). Гальперинъ начинаетъ свой этюдъ (L'enseignement de la langue russe en France) съ опроверженія двухъ возраженій противъ введенія курса русскаго языка въ среднихъ школахъ: програма ихъ и безъ того такъ велика, что едва успѣваютъ дать въ нихъ основныя понятія о теоріи французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка, а тутъ еще прибавляется русскій, польза котораго для Франціи не доказана. Первое возраженіе чисто техническаго свойства и исчезнетъ само собою, когда откроется польза ознакомленія французовъ

съ языкомъ ихъ естественныхъ союзниковъ. И авторъ является ревностнымъ поборникомъ этого знакомства, подтверждая свои выводы основательными аргументами. Всякое нововведеніе поднимаетъ всегда противъ себя массу противниковъ. Въ 1840 году, когда открывалась каѳедра славянскихъ языковъ во французской коллегіи, нашлись люди, не признававшіе даже существованія этихъ литературъ. Въ 1868 году къ этимъ каѳедрамъ вздумали прибавить курсъ малайскаго, японскаго и другихъ восточныхъ языковъ вмѣстѣ съ русскимъ. Луи Леже, защищавшій эту мѣру, писалъ: «говорятъ, что знаніе русскаго языка для насъ безполезно съ точки зрѣнія политической и торговой и незачѣмъ изучать языкъ народа, объясняющагося съ нами на нашемъ языкѣ. Но вѣдь если этотъ народъ говоритъ пофранцузски, онъ думаетъ порусски, и его печать находитъ отголосокъ въ восьмидесятимилліонномъ населеніи. Полагаю, что всякій разсудительный человѣкъ согласится съ пользою изученія русскаго языка, по крайней мѣрѣ, на ряду съ малайскимъ и японскимъ». О политическомъ значеніи этого изученія авторъ не распространяется, но замѣчаетъ, что современная дипломатія измѣнила свое назначеніе: изъ охранительницы династическихъ интересовъ сдѣлавшись защитницею національныхъ правъ, теперь она заботится о доставленіи своему народу экономическихъ выгодъ, ищетъ новыхъ рынковъ для его промышленности и обращаетъ все свое вниманіе на торговые трактаты. Не находя въ своей средѣ сбыта своимъ товарамъ, Европа въ 1890 году подѣлила Африку между цивилизованными державами. Продавать дикарямъ, щеголяющимъ въ первобытномъ костюмѣ, коленкоръ въ обмѣнъ на слоновую кость и каучукъ очень выгодно, но вѣдь этотъ товаръ можно сбыть и славянамъ, а сырой матеріалъ, доставляемый Россіею, не менѣе цѣнный, чѣмъ тропическіе продукты. Одна Германія ввозитъ въ Россію на милліоны обработанныхъ товаровъ, очень часто подъ фирмою французскаго производства,—отчего же Франціи не войти въ прямыя сношенія со своею союзницею по торговлѣ этими предметами? Пятьдесятъ лѣтъ назадъ чешскій поэтъ Колларъ предсказывалъ, что черезъ столѣтіе языкъ славянъ будутъ изучать всѣ народы и на Эльбѣ и Сенѣ будутъ господствовать нравы, пѣсни и даже нарядъ славянъ. Осуществится ли его пророчество? На послѣднемъ антропологическомъ конгресѣ въ Москвѣ такіе професора, какъ Мильн-Эдвардсъ, Кольманъ, удивлялись успѣхамъ, сдѣланнымъ въ послѣднее время Россіею въ области науки, искуствъ, литературы. Редакторъ журнала «Славянскіе архивы біологіи» перечисляетъ труды русскихъ ученыхъ на этомъ поприщѣ. Вогюэ говоритъ, что странно было бы распространяться о пользѣ изученія русскаго языка: безъ него будетъ не полно знакомство съ неисчерпаемыми природными богатствами великой имперіи. Уже и теперь нѣтъ такого штаба войскъ, гдѣ бы не изучались русскія военныя сочиненія. Вогюэ утверждаетъ даже, что въ Россіи даже дѣти въ высшемъ обществѣ не говорятъ иначе, какъ порусски, и такія высокопоставленныя лица, какъ Лорисъ-Меликовъ и градоначальникъ Грессеръ, очень плохо говорили пофранцузски. Леруа Болье пишетъ, что въ наше время образованный человѣкъ долженъ знать четыре языка: французскій, англійскій, нѣмецкій и русскій, да не мѣшаетъ къ нимъ прибавить хоть немного итальянскаго и испанскаго. Онъ не хочетъ, однако, чтобы для живыхъ языковъ оставили мертвые и, соглашаясь ввести въ нѣкоторыя колегіи преподаваніе русскаго языка, совѣтуетъ сосредоточить изученіе его въ университетахъ и военныхъ

заведеніяхъ. Знаніе языковъ не наука, а только ключъ къ наукѣ. Хорошо, у кого цѣлая связка такихъ ключей, но необходимо, чтобы они не ржавѣли безъ употребленія. Русскіе оттого полиглоты, что пріучаются съ дѣтства говорить на нѣсколькихъ языкахъ, въ другихъ странахъ нѣтъ этого обыкновенія. Самъ Гальперинъ говоритъ, что недостаточно переводить русскихъ писателей пофранцузски, надо изучать ихъ въ подлинникѣ, чтобы узнать особенности языка и духа народа, а этого не передаютъ переводы всегда невѣрные. (Онъ могъ бы привести въ примѣръ многіе изъ собственныхъ трудовъ). Статья оканчивается весьма поверхностнымъ обзоромъ направленія русской литературы и русскаго общества отъ Евгенія Онѣгина до Позднышева «Крейцеровой сонаты». Значеніе нигилизма очерчено весьма слабо.

— Франко-русское сближеніе занимаетъ въ печати менѣе всего тѣхъ, кого оно ближе касается. Русскіе и французы, высказавъ другъ другу свои симпатіи, не коментируютъ ихъ значенія, а въ публицистикѣ рѣдко встрѣчаются статьи и брошюры по этому вопросу. Зато нѣмцы, пораженные совершенно неожиданно для всѣхъ возникшимъ двойнымъ союзомъ, хотя и не облеченнымъ въ форменный договоръ, но направленнымъ въ отпоръ воинственнымъ замысламъ ихъ тройной лиги, такъ и сыплютъ памфлетами и пасквилями и все противъ Россіи, оставивъ въ покоѣ Францію. Мы скажемъ нѣсколько словъ только о самыхъ выдающихся брошюрахъ, обратившихъ на себя вниманіе публики. Одна изъ нихъ отличается сенсаціоннымъ заглавіемъ: «Святая Русь, проснись!» (Heiliges Russland erwache!). Это проникнутый гнусною клеветою сентиментальный разсказъ уроженца балтійскихъ провинцій о страшныхъ страданіяхъ и несправедливостяхъ, перенесенныхъ имъ во время службы его въ литовскихъ таможняхъ, гдѣ всѣ честные люди и хорошіе чиновники нѣмцы, а всѣ русскіе варвары и взяточники. Какое отношеніе имѣетъ эта таможенная фантастическая исторія къ пробужденію Россіи, неизвѣстно, и, очевидно, авторъ во снѣ сочинялъ похожденія балтійца, когда у него подъ рукой былъ богатый матеріалъ недавно окончившагося въ Буковинѣ процеса цѣлаго таможеннаго вѣдомства, только австрійскаго, въ которомъ начальникъ округа купно съ президентомъ провинціи и всѣми чиновниками втеченіе многихъ лѣтъ обкрадывалъ на миліоны казну, допуская контрабандою въ Австрію румынскій хлѣбъ, запрещенный къ ввозу закономъ. Другой пасквиль носитъ также громкое названіе: «Смертные грѣхи Россіи; картины изъ области холеры» (Die Todsünden Russlands, Bilder aus dem Choleragebiet). Авторъ не постыдился выставить свое имя подъ грязной брошюрой: это нашъ братъ славянинъ, Роскошный, занимавшійся кропаніемъ книженокъ о разныхъ славянскихъ племенахъ, благо теперь это въ ходу, и, какъ всѣ ренегаты, относится къ намъ съ большею злобою и ненавистью, чѣмъ сами нѣмцы. Подъ фирмой какого-то врача, вѣроятно, изъ тѣхъ, которые получаютъ въ Дерптскомъ университетѣ дипломы доктора медицины за ученическія дисертаціи, переполненныя абсурдами, авторъ описываетъ ужасное гигіеническое состояніе русскихъ городовъ и взваливаетъ на администрацію вину распространенія эпидеміи. Это одинъ изъ смертныхъ грѣховъ Россіи передъ Европою, но самый главный грѣхъ—союзъ съ Франціею. Визиты въ Кронштадтъ и въ Нанси выводятъ изъ себя негодующаго автора, который не находитъ достаточно словъ противъ этихъ преступленій. Соціализмъ, антисемитизмъ,

борьба между старымъ и новымъ канцлеромъ и даже законъ о новыхъ вооруженіяхъ отодвинуты на второй планъ, и теперь вся нѣмецкая публицистика занята преимущественно Россіей и ея отношеніями къ Франціи. Четыре брошюры произвели на публику болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ газетныя статьи, и читаются на расхватъ: «Господинъ Каприви и кронштадтское братанье» (Herr von Caprivi und die Kronstädtes Verbrüderung), памфлетъ въ бисмарковскомъ духѣ, представляющій посредствомъ газетныхъ цитатъ исторію отношеній Россіи къ Германіи, начиная съ 1879 г. Исторія эта не полна, отрывочна, такъ какъ на 63 страницахъ нельзя изложить дипломатическія событія четырнадцати лѣтъ съ объясняющими ихъ документами, но не смотря на то, что вся вина натянутости отношеній между двумя сосѣдними имперіями возлагается на Россію, тонъ брошюры достаточно приличенъ, и она не наполнена бранью. Гораздо замѣчательнѣе памфлетъ: «Берлинъ-Вѣна-Римъ. Соображенія о новомъ курсѣ и новомъ европейскомъ положеніи» (Berlin-Wien-Rom. Betrachtungen über den neuen Kurs und die neue europäische Lage); это уже цѣлая книга въ 273 страницы (60 страницъ, впрочемъ, заняты въ дополненіи изложеніемъ греко-болгарской церковной распри). Вышла она изъ канцеляріи Каприви, написана въ консервативномъ духѣ, наполнена комплиментами партіи центра въ рейхстагѣ. Авторъ весьма симпатично относится къ Англіи, очень доволенъ политикой Германіи, о Россіи отзывается въ дипломатическихъ выраженіяхъ недружелюбно, съ инсинуаціями, а ея политикѣ приписываетъ совершенно ложные виды. Въ отвѣтъ ей явилась брошюра «Вильгельмъ II и Александръ III» (Wilhelm II und Alexander III), написанная чрезвычайно рѣзко противъ правительства и даже германскаго императора. Эти 32 страницы въ двѣ недѣли вышли въ четырехъ изданіяхъ. Авторъ руссофилъ, англофобъ и антисемитъ. Вотъ его заключительныя слова: «Богъ исполнилъ свой долгъ въ отношеніи Германіи, сохранивъ ей Бисмарка. Сила Гогенцоллерновъ состоитъ въ томъ, что они сопротивляются Божьей волѣ. Богъ и Россія—антисемиты и мудрая политика должна оставаться съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ». Менѣе успѣха имѣла политическая брошюра въ 55 стр. «Князь Бисмаркъ и восточная политика Россіи, сочиненіе дипломата, расположеннаго къ тройственному союзу» (Fürst Bismarck und Russlands Orientpolitik von einen dreibund-freundlichen Diplomaten). Авторъ цитируетъ слова самого Бисмарка въ доказательство того, что разрывъ съ Россіей имѣетъ роковое значеніе. Вторая половина брошюры посвящена исторіи русской политики на востокѣ, начиная съ Петра I. Тонъ приличенъ, выводы и взгляды ошибочны. Но бисмарковцы и капривисты всѣхъ брошюръ сходятся въ одномъ: что Французская республика нанесла оскорбленіе Европѣ, ища дружбы Россіи. Французы принесли въ жертву интересы цивилизаціи желанію возвратить себѣ Эльзасъ-Лотарингію и за это потеряли преобладаніе въ Западной Европѣ надъ латинскими племенами. (Это же проповѣдовалъ и соціалистъ Либкнехтъ въ Марсели, сходясь въ этомъ мнѣніи со своимъ правительствомъ). Въ этомъ случаѣ Германія выставляетъ себя поборницей европейской цивилизаціи, забывъ, что она первая уничтожила Польшу, стража этой цивилизаціи въ славянскомъ мірѣ. Бисмарковскія брошюры видятъ въ исторіи не народныя симпатіи и стремленія, а отношенія лицъ и династій. Вильгельмъ II, не нашедшій во время перваго визита въ Россію того, что ожидалъ, возоб-

новилъ лигу мира и, чтобы пріобрѣсти расположеніе Англіи, сдѣлалъ ей огромныя уступки въ Африкѣ. Отвѣтомъ ему были кронштадтскія торжества. Бисмаркъ, съ 1879 года обманывавшій русскихъ, не могъ же продолжать вѣчно свою комедію, держа въ одной рукѣ три меча, а другую дружелюбно протягивая Россіи. Уже въ рейхстагѣ 1888 года онъ сознавался, что она плохо вѣритъ его миролюбивымъ фразамъ. 1890 годъ создалъ совершенно новое политическое положеніе: Франція, которую тройной союзъ напрасно старался изолировать, оказалась совершенно готовой къ отпору и еще тѣснѣе соединилась съ Россіей. Возобновленной лигѣ мира Германія принуждена была сдѣлать большія уступки въ торговыхъ договорахъ, чтобы крѣпче привязать къ себѣ Австрію и Италію, хотя международными экономическими выгодами, такъ какъ онѣ разорялись на непосильныя вооруженія. Брошюры сознаются, однако, что эти вооруженія и самая лига мира могли казаться угрожающими другимъ державамъ, но утверждаютъ, что Россія соединилась съ Франціей не столько изъ чувства симпатіи другъ къ другу, сколько изъ общей антипатіи къ нѣмцамъ. Какъ бы то ни было, но самый переполохъ, произведенный въ Германіи сближеніемъ двухъ народовъ, такъ часто бывшихъ врагами, доказываетъ его важное политическое значеніе и надежнѣе всякихъ тройственныхъ союзовъ обезпечиваетъ Европѣ блага мира.

— Какъ необходимо знаніе русскаго языка не только для французовъ, но и для англичанъ, доказываютъ разборы научныхъ русскихъ книгъ, появляющіеся въ критическихъ англійскихъ журналахъ. Имъ приходится на слово вѣрить оцѣнкѣ критиковъ, такъ какъ подлинныя сочиненія недоступны для лондонскихъ редакцій, и какъ ни странно видѣть въ періодическихъ органахъ заглавія, непонятныя для массы читателей: «Snoshenia Rossii s' Kavkazom» или «Gramati, i drugie dokumenti, otnosiastchiesia k'Gruzii»,—но самое появленіе подобныхъ рецензій въ серьезныхъ журналахъ доказываетъ, какое значеніе придаютъ имъ англичане. Эти двѣ книги, изданныя въ Петербургѣ профессоромъ Цагарелли, подробно разбираетъ извѣстный знатокъ Россіи Морфиль въ «Academy» и отдаетъ полную справедливость изслѣдованіямъ нашего ученаго. Критикъ говоритъ, что на англійскомъ языкѣ есть только путешествія по Грузіи, но некасающіеся ни ея исторіи, ни литературы, ни лингвистики, а потому онъ знакомитъ съ ними британскую публику. Вторая книга г. Цагарелли передаетъ разсказъ о сношеніяхъ Россіи съ Грузіей при Екатеринѣ II, приводитъ ея переписку со своими генералами и, между прочимъ, съ «безпринципнымъ нѣмцемъ» (unprinciped German) Тотлебеномъ, вступившимъ въ русскую службу во время семилѣтней войны и отличавшимся жестокостями и лихоимствомъ, отъ которыхъ Фридрихъ II приходилъ въ ужасъ. Генерала принуждены были даже отдать подъ судъ и выслать изъ Россіи, хотя судъ приговорилъ его къ смертной казни. Какими-то темными путями онъ успѣлъ получить разрѣшеніе возвратиться и былъ отправленъ въ Грузію, гдѣ вмѣстѣ съ другимъ генераломъ уже русскимъ, Сухотинымъ, занялся такъ усердно грабежемъ, что былъ отозванъ отъ арміи. Вообще книги професора представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для сужденія объ исторіи Грузіи.

— Герцогъ Брольи, попавъ въ академики, потерялъ повидимому надежду попасть снова не только въ министры, но въ депутаты или сенаторы,

а потому онъ теперь занимается изслѣдованіями и издаетъ книги, не лишенныя интереса. Недавно вышелъ послѣдній четвертый томъ его обширнаго труда, посвященнаго исторіи войны за австрійское наслѣдство. Первые три тома носятъ названіе: Фридрихъ II и Людовикъ XV, Фридрихъ и Марія-Терезія, императрица Марія-Терезія; нынѣ появившійся томъ называется «Ахенскій миръ» и заканчиваетъ исторію этой войны, а начинается съ призванія Маріею-Терезіею тридцатитысячнаго корпуса князя Репнина, обѣщаннаго ей императрицею Елисаветою. Австрійская монархиня не довѣряла своимъ союзникамъ Голандіи и Англіи и торопилась остановить успѣхи Морица Саксонскаго въ Голандіи. Извѣстіе о появленіи «русскихъ варваровъ» приводило въ страхъ государства священной Римской имперіи, и они обвиняли Фридриха II за то, что, не смотря на союзъ съ Франціею, онъ пропустилъ эту армію черезъ свои владѣнія. Правда, онъ въ то же время послалъ Морицу Саксонскому подробный планъ укрѣпленій Маэстриха, облегчившій французамъ взятіе этого города. Прусскій король обманывалъ такимъ образомъ всѣхъ, и дядя его, англійскій король Георгъ II, имѣлъ основаніе говорить: «это плутъ, съ которымъ я не хочу имѣть никакого дѣла; онъ настоящій татарскій ханъ». Впрочемъ, въ ту эпоху искуство дипломатіи состояло въ умѣньѣ обманывать. Австрія и Англія, заключивъ союзъ противъ Франціи и воюя съ ней, вели въ то же время съ нею переговоры тайно другъ отъ друга. Англія первая заключила вдругъ миръ, и Австрія должна была послѣдовать ея примѣру. Правда, онѣ ничего не теряли при этомъ, а напротивъ король Франціи возвращалъ всѣ свои завоеванія и, выигравъ столько сраженій, подчинялся послѣднему требованію — изгнать изъ королевства героическаго Карла-Эдуарда Стюарта. Изгнаніе это было тѣмъ болѣе унизительно для Франціи, что сопровождалось большимъ скандаломъ. Версальскій дворъ хотѣлъ, чтобы претендентъ покинулъ Францію добровольно; его упрашивали, принуждали уѣхать, угрожали ему, но онъ не хотѣлъ повиноваться. Напрасно отецъ писалъ ему изъ Рима, чтобы онъ исполнилъ желаніе Людовика XV. Тогда, говоритъ герцогъ Брольи, отыскавшій этотъ фактъ въ мемуарахъ того времени, придумали порвать нѣжные узы, приковавшіе Карла-Эдуарда къ Парижу. У него была любовница принцеса Тальмонъ, и ей запретили принимать у себя претендента. Она должна была подчиниться этому дикому распоряженію, и онъ, явившись однажды къ принцесѣ, нашелъ ея дверь запертой. Онъ началъ ломиться въ дверь, но былъ схваченъ полиціей и взятъ подъ стражу. Когда и эта мѣра не подѣйствовала, упрямаго англичанина захватили въ оперномъ маскарадѣ, связали ему руки и ноги—шелковымъ снуркомъ изъ уваженія къ его королевскому званію, и отнесли въ карету, которая повезла его за границу. И это насильственное выдвореніе бывшаго наслѣдника англійскаго престола занимало гораздо болѣе французовъ, чѣмъ уступка почти всей Голандіи. Брольи описываетъ подробно, какъ изъ Ахенскаго мира возникла въ 1756 году новая комбинація союзовъ—Франціи, Австріи и Россіи противъ Пруссіи и Англіи. Въ книгѣ его много интересныхъ подробностей, но написана она тяжелымъ языкомъ, не смотря на то, что авторъ академикъ.

— Вышли любопытныя дипломатическія воспоминанія лорда Лофтуса отъ 1837 по 1862 годъ. (The diplomatic reminiscences of Lord Augu-

stus Loftus). Лофтусъ почти втеченіе столѣтія игралъ выдающуюся роль въ англійскомъ правительствѣ и въ международныхъ сношеніяхъ, а его мемуары, полные интересныхъ замѣтокъ и фактовъ, во многомъ объясняютъ современныя событія. Лофтусъ принадлежалъ къ лучшимъ аристократическимъ фамиліямъ Англіи и съ молодыхъ лѣтъ находился при дворѣ. Однажды Вильгельмъ IV на обѣдѣ спросилъ 18-ти-лѣтняго юношу, какую карьеру избираетъ онъ для себя въ жизни, и тотъ отвѣчалъ: дипломатическую. И она началась съ царствованія Викторіи, при посольствѣ въ Берлинъ, который въ 1837 году «былъ совершенной деревней». «Народъ жилъ тихо и любилъ удовольствія. Высшее общество состояло изъ придворныхъ чиновниковъ, генераловъ и было очень немногочисленно, семей 300, но почти въ каждой изъ нихъ въ извѣстные дни послѣ театра давались вечера съ танцами и ужиномъ, весьма скромнымъ. Король обѣдалъ въ часъ, а ужиналъ въ восемь. Всякій день, въ какую бы то ни было погоду, онъ ѣздилъ послѣ обѣда съ дежурнымъ адъютантомъ кататься въ Шарлотенбургъ. Ни пріемовъ, ни парадныхъ обѣдовъ при дворѣ не было: праздники и обѣды давали наслѣдный принцъ Вильгельмъ, будущій императоръ, принцы Карлъ, Альбертъ, Августъ. Разъ въ году король давалъ dejeuner dansant дипломатическому корпусу, обѣдали въ часъ, въ 6 расходились, а король отправлялся обыкновенно вечеромъ въ какой нибудь театръ». Такъ описываетъ авторъ жизнь и при другихъ дворахъ, гдѣ онъ былъ посланикомъ. По случаю смерти Фридриха-Вильгельма III, Лофтусъ подтверждаетъ странную исторію о томъ, что во время пребыванія короля въ Парижѣ въ 1815 году извѣстная гадальщица Ленорманъ предсказала ему, что онъ умретъ въ 1840 году, основываясь, можетъ быть, на томъ, что предокъ его великій электоръ умеръ въ 1640 году, а Фридрихъ-Вильгельмъ II въ 1740. Вся Пруссія вѣрила въ это пророчество, сильно озабочивавшее короля, и Лофтусъ разсказываетъ, что однажды десятилѣтній внукъ короля, будущій императоръ Фридрихъ III, сидя у него на колѣняхъ сказалъ: какъ жаль дѣдушка, что ты долженъ умереть въ этомъ году! И онъ умеръ, какъ было предсказано, 70-ти лѣтъ, не истощенный никакими излишествами, какъ его сынъ и наслѣдникъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, не оставившій дѣтей и умершій въ помѣшательствѣ. Извѣстно, что Наполеонъ, отнявшій у своего противника чуть не всю Пруссію, высказалъ о королѣ очень рѣзкое мнѣніе, называя его, Донъ-Кихотомъ «le plus grand sot de la terre, безъ всякаго образованія, неспособнымъ поддерживать никакого разговора впродолженіе пяти минутъ». Въ 1844 году Лофтуса перевели въ званіи аташе въ Штуттардтъ, въ 1848 году онъ состоялъ при Стратфордѣ Каннингѣ, и разсказываетъ, въ какой священный ужасъ пришелъ этотъ дипломатъ-консерваторъ, получивъ циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Французской республики Ламартина. «Я эмигрирую въ Австралію, въ Канаду,—кричалъ Стратфордъ,—но не хочу жить съ соціалистами делегатами, красными комунистами!» а въ слащавомъ циркулярѣ не было ровно никакого комунизма.

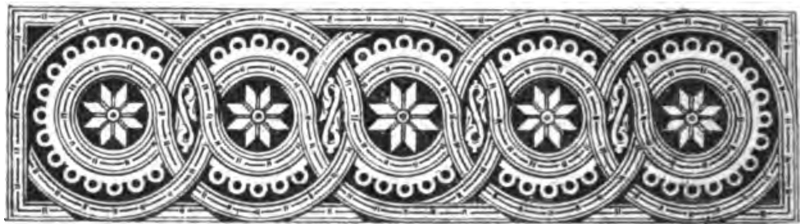
Въ Крымскую войну Лофтусъ не игралъ выдающейся роли, въ 1858 году отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Австрію, а въ 1860 въ Берлинъ и былъ свидѣтелемъ борьбы Бисмарка съ Наполеономъ. Дипломатъ приводитъ разсказъ о бесѣдѣ Бисмарка съ Дизраели, бывшимъ тогда главою опозиціи. Бесѣда происходила въ Лондонѣ въ 1861 году, на обѣдѣ, данномъ

барономъ Брунновымъ герцогу Саксенъ-Веймарскому. Бисмаркъ, бывшій въ числѣ гостей, говорилъ будущему министру, что онъ занимается реорганизаціей Пруссіи и особенно арміи, а потомъ воспользуется первымъ предлогомъ, чтобы объявить войну Австріи, уничтожить мелкія нѣмецкія государства и объединить Германію подъ главенствомъ Пруссіи. «Я объявилъ уже объ этомъ министрамъ королевы», прибавилъ Бисмаркъ. Дизраели, пораженный такою откровенною програмою, предупредилъ потомъ министровъ: «смотрите, этотъ человѣкъ непремѣнно сдѣлаетъ то, о чемъ говоритъ». «Онъ высказывалъ прямо свои мнѣнія, прибавляетъ Лофтусъ, былъ рѣзокъ и высокомѣренъ, злопамятенъ, ненавидѣлъ своихъ противниковъ, не любилъ Англію за ея богатство, флотъ, торговлю, моральную власть надъ міромъ, но Германія обязана ему своимъ возрожденіемъ». Лофтусъ говоритъ о Мольтке: «это первый стратегъ въ Европѣ; я зналъ его лѣтъ пятьдесятъ, со времени возвращенія его изъ Турціи, гдѣ онъ организовалъ армію султана. Это былъ удивительный организаторъ, но простой, добродушный человѣкъ, даже когда достигъ высшихъ почестей. Всегда спокойный, онъ говорилъ мало, но всѣ слова его были ясны и дѣльны. Женатый на англичанкѣ, онъ любилъ читать англійскіе романы, зналъ пять языковъ и умѣлъ молчать на нихъ. Религіозный и гуманный, онъ во время войны съ Франціей удерживалъ порывы жестокости Бисмарка, и когда тотъ приказалъ растрѣливать воздухоплавателей, улетавшихъ на шарахъ изъ осажденнаго Парижа, воспротивился этому распоряженію, замѣтивъ, что оно зависитъ только отъ начальника главнаго штаба». Лофтусъ передаетъ по этому случаю анекдотъ: когда на одномъ изъ воздушныхъ шаровъ, попавшемъ къ пруссакамъ, взятъ былъ Вортъ, извѣстный портныхъ дѣлъ мастеръ, вздумавшій пуститься если не въ политику, то въ облачное пространство, его отправили военноплѣннымъ въ Кельнъ. Братъ его ворвался въ одиннадцатомъ часу ночи въ Берлинѣ къ Лофтусу, бывшему тогда посланникомъ въ Пруссіи, и, испуганный угрозами Бисмарка, просилъ объ освобожденіи брата. Лофтусъ успокоилъ его, замѣтивъ, что на обязанности англійскаго посла при германскомъ дворѣ не лежитъ охраненіе французскихъ подданныхъ. Подобными анекдотами, перемѣшанными съ серьезными политическими фактами, наполнена вся первая часть любопытной книги Лофтуса.

— Бэнъ издалъ біографію Христины, королевы шведской (Christina queen of Sweden). Эта загадочная женщина не нашла еще безпристрастнаго историка. Фриксель и Гейеръ, какъ мстительные лютеране, клевещутъ на нее за ея обращеніе въ католичество, Ранке не понялъ ее, католикъ Жефруа выказалъ въ сужденіяхъ о ней, по словамъ Бэна, «невѣжество или нѣчто хуже» (or something worse). Но правъ ли и самъ Бэнъ, обѣляя ее отъ всѣхъ обвиненій? Въ безпокойномъ характерѣ королевы онъ видитъ побудительную причину всѣхъ ея поступковъ. Мистицизмъ ея развился отъ уединенія и моральной заброшенности, въ которой прошла ея молодость, отъ ея болѣзненной и нервной натуры. Получивъ мужское воспитаніе, она осталась все-таки женщиной и легко подчинялась тѣмъ, кто умѣлъ дѣйствовать на ея умъ и сердце, какъ Декартъ и докторъ ея Бурдело. Видя, что надоѣвшія ей политическія дѣла запутываются, что ее ненавидитъ духовенство и народъ, боясь за свою жизнь, она отреклась отъ престола, называя это отреченіе театральнымъ эфектомъ. Она любила драматическія выходки и, рѣшившись на

убійство Мональдески, долго обдумывала и готовила это преступленіе. Бэнъ доказываетъ, что она имѣла на это законное право: актъ отреченія предоставлялъ ей судъ и юрисдикцію надъ своими служителями. Многіе изъ ея современниковъ, и между ними даже Лейбницъ, раздѣляли это мнѣніе. Но вѣдь Бэнъ живетъ не въ эпоху Христины и вмѣсто того, чтобы оцѣнить моральное значеніе этого убійства, оправдываетъ его словами Тацита: habet aliquid ex iniquo omne magnum exemplum. Хорошъ «великій примѣръ!» Такое оправданіе очень нецеремонно, or something worse, какъ говоритъ самъ Бэнъ. Составляя «оправдательный актъ» королевы, онъ потратилъ много труда, привелъ много интересныхъ данныхъ, но не уничтожилъ легенды, которая будетъ жить дольше, чѣмъ самая достовѣрная исторія этой странной женщины.

СМѢСЬ.

РИСУЖДЕНІЕ Пушкинской преміи и чествованіе памяти кн. Вяземскаго и Плетнева. Восьмое присужденіе пушкинскихъ премій академія наукъ соединила съ воспоминаніями о столѣтней годовщинѣ рожденія кн. Вяземскаго и о трудахъ Плетнева. Поощрительная премія въ 300 рублей присуждена Л. И. Поливанову за его стихотворный переводъ трагедіи Расина «Гоѳолія». Объ этомъ трудѣ професоръ Стороженко далъ слѣдующій отзывъ. Трагедія Расина, избранная г. Поливановымъ для перевода на русскій языкъ, считается перломъ его драматическаго творчества. Переводчикъ руководился, по его собственнымъ словамъ, слѣдующими основаніями: «переводъ долженъ быть близокъ къ подлиннику, на сколько это возможно въ риѳмованномъ произведеніи. При этомъ желательно сохранить не только мысли подлинника и его образы, но и движеніе рѣчи (теченіе періода, переходы къ отрывистой рѣчи, паралелизмъ двустишій). Такъ какъ Расинъ писалъ свою библейскую трагедію, во многихъ мѣстахъ намѣренно приближаясь къ языку библіи, то русскій переводчикъ долженъ отразить въ языкѣ русскаго перевода этихъ мѣстъ языкъ библіи славянской». Въ общемъ переводъ за немногими исключеніями весьма близокъ къ подлиннику, сдѣланъ хорошимъ стихомъ и удачно воспроизводитъ поэтическую манеру и библейскій колоритъ подлинника. Если иногда плавный, сильный стихъ Расина утрачиваетъ свой букетъ въ русской передачѣ, то нельзя строго винить за это переводчика. Нужно имѣть талантъ Пушкина или Лермонтова, чтобы успѣшно состязаться съ такимъ виртуозомъ формы, какъ Расинъ. Если принять въ расчетъ требованіе риѳмы и трудность справляться съ французскими александринскими стихами, то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что нѣкоторыя сравнительно немногочисленныя погрѣшности съ избыткомъ вознаграждаются положительными достоинствами перевода. Особенно удачны: пѣснь хора изъ перваго акта и сонъ Аталіи. Но, кромѣ значенія литературнаго, переводъ Аталіи, сдѣланный г. Поливановымъ, имѣетъ значеніе педагогическое и можетъ

служить прекраснымъ пособіемъ для преподавателей русской литературы, когда имъ приходится дѣлать характеристику французской ложноклассической трагедіи. На основаніи всего этого и принимая въ расчетъ большія трудности при переводѣ размѣромъ подлинника, академія присудила премію г. Поливанову, наградивъ въ то же время золотыми пушкинскими медалями рецензентовъ: Я. П. Полонскаго и професора Н. И. Стороженко.

Затѣмъ началось чествованіе памяти столѣтія со дня рожденія князя П. А. Вяземскаго. На каѳедру взошелъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и началъ чтеніе словами самого Вяземскаго: «я никогда и не думалъ сдѣлаться писателемъ: я писалъ потому, что писалось, потому, что во мнѣ искрилось нѣчто такое, что требовало улетучиванія, просилось на волю и наружу». Гоголь называлъ произведенія кн. Вяземскаго импровизаціями. Эпоха, въ которую выросъ и возмужалъ онъ и преданіямъ которой онъ остался вѣренъ всю свою жизнь,—первыя тридцать лѣтъ настоящаго столѣтія. Она озарилась славою 1812 года и въ литературѣ выразилась Карамзинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ и Пушкинымъ съ одной стороны, съ другой отмѣтилась въ исторіи преобразованіями начала царствованія Александра I и «вольнолюбивыми» мечтами первой четверти вѣка. Вяземскій создалъ вмѣстѣ съ Полевымъ «Московскій Телеграфъ» и его разрывъ съ Полевымъ произошелъ вслѣдствіе нападеній Полевого на литературныя преданія. Та же причина положила преграду между представителями литературныхъ мнѣвій двадцатыхъ годовъ и Бѣлинскимъ. Вяземскій являлся ревностнымъ поборникомъ преданій старой русской литературы. Онъ умѣлъ наслаждаться не только Державинымъ и Фонвизинымъ, но и Петровымъ; умѣлъ находить хорошія стороны и въ Сумароковѣ; еще строже относился онъ къ порицанію Карамзина и Дмитріева. Въ послѣднемъ онъ цѣнилъ его старосвѣтскую вѣжливость и остроуміе. Въ то же время онъ нисколько не былъ врагомъ движенія впередъ: издавна онъ желалъ освобожденія крестьянъ и привѣтствовалъ совершившійся фактъ; всю свою жизнь онъ стоялъ за смягченіе цензуры и ясно понималъ значеніе развитія. Ввести жизнь въ литературу и литературу въ жизнь было его желанною задачей, и его литературная дѣятельность является осуществленіемъ этого желанія. Его очерки—живые эскизы лицъ и отношеній, его стихотворенія—выраженіе различныхъ его настроеній и событій жизни и его критическіе опыты, полемика и эпиграмы вводятъ литературу въ жизнь. Въ полемикѣ Вяземскій блеститъ остроуміемъ и поражаетъ знакомствомъ съ различными литературами и вообще во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ отличался значительною наблюдательностью, тонкимъ остроуміемъ, обширною начитанностью и способностью схватывать мысль.

Бестужева-Рюмина смѣнилъ на каѳедрѣ академикъ Л. Н. Майковъ, посвятившій свою рѣчь чествованію памяти П. А. Плетнева. Изложивъ кратко его біографію, Л. Н. Майковъ приступилъ къ его характеристикѣ. Личность Плетнева не поражаетъ блескомъ необыкновенныхъ дарованій: онъ не былъ вдохновеннымъ поэтомъ, а въ наукѣ не проложилъ новыхъ путей глубокомысленными изысканіями. Онъ просто былъ человѣкъ яснаго и трезваго ума, обладавшій хорошимъ образованіемъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Образованіе онъ пріобрѣлъ не столько на школьной скамьѣ, сколько постояннымъ и разностороннимъ чтеніемъ; вкусъ свой онъ развилъ главнымъ образомъ среди тѣхъ даровитыхъ писателей, которыхъ былъ современникомъ. Критика его не служила оправданіемъ извѣстнаго эстетическаго ученія и вообще не опиралась на философскую основу. Критика эта служила только отраженіемъ тѣхъ непосредственныхъ впечатлѣній, которыя воспринималъ онъ при изученіи творческихъ созданій. Эта живая чуткость его къ произведеніямъ поэзіи имѣла особую цѣну въ глазахъ художниковъ слова, и они дорожили спокойными, мѣткими сужденіями Плетнева. «У

васъ,—писалъ ему Гоголь,—много внутренняго, глубоко эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства». Искренняя, глубокая любовь къ литературѣ соединялась у Плетнева съ благодушіемъ и ровностью личнаго характера, съ дружественною простотой его обращенія. Очень рано сблизился онъ съ лучшими представителями русской литературы своего времени и былъ оцѣненъ въ ихъ средѣ по достоинству. Онъ зналъ Карамзина въ послѣдніе годы его жизни, пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ Крылова и Вяземскаго, а къ Гнѣдичу, Дельвигу и Баратынскому находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Жуковскому, Пушкину и Гоголю онъ былъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, всегда готовымъ на одолженіе и помощь. Въ своемъ университетскомъ преподаваніи Плетневъ съ особымъ вниманіемъ останавливался на обзорѣ словесности текущаго вѣка. Живя, подъ конецъ своей дѣятельности, въ воспоминаніяхъ прошлаго и перерабатывая ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, Плетневъ и въ позднѣйшіе годы жизни не терялъ изъ виду новыхъ явленій въ области изящной словесности. Съ своей стороны, и новое литературное поколѣніе всегда съ уваженіемъ относилось къ этому достойному представителю минувшей славной эпохи. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ молодежью по своимъ обязанностямъ професора и ректора университета, Плетневъ любилъ угадывать среди нея будущихъ писателей. Еще на страницахъ своего «Современника» онъ назвалъ имена двухъ даровитыхъ питомцевъ Петербургскаго университета. Одинъ изъ нихъ—знаменитый впослѣдствіи авторъ «Дворянскаго Гнѣзда», другой — поэтъ «Двухъ міровъ». Оба они сохранили въ своихъ сочиненіяхъ свѣтлую память о своемъ наставникѣ. Романистъ разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ и въ теплыхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его личность. Поэтъ изобразилъ Плетнева въ стихахъ.

Археологическое общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Русскаго археологическаго общества, предсѣдатель баронъ В. Р. Розенъ открылъ собраніе чтеніемъ некролога члена общества Августа Мюллера, замѣчательнѣйшаго въ Германіи оріенталиста, автора «Исторіи ислама на Востокѣ и Западѣ» (въ изданіи Онкена), арабской и турецкой граматики и редактора «Восточной библіографіи», издаваемой берлинскимъ обществомъ оріенталистовъ. Мюллеръ, живо интересуясь работами русскихъ оріенталистовъ, изучилъ русскій языкъ, писалъ рецензіи о русскихъ книгахъ и умеръ на 44-мъ году. Собраніе почтило память усопшаго вставаніемъ. Въ томъ же засѣданіи прочтены сообщенія Н. Ѳ. Петровскаго (изъ Кашгара) и А. Г. Туманскаго (изъ Асхабада). Сообщеніе Н. Ѳ. Петровскаго даетъ совершенно новыя свѣдѣнія «о буддійскомъ памятникѣ въ Кашгарѣ», извѣстномъ подъ именемъ «Трехъ пещеръ» и представляющемъ буддійскій храмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Петровскій доставилъ новую серію фрагментовъ стариннаго санскритскаго письма, въ количествѣ двѣнадцати листовъ; письмо это оказывается тождественнымъ съ извѣстной рукописью на березовой корѣ, найденной англійскимъ изслѣдователемъ Бауэромъ. Г. Туманскій въ своемъ сообщеніи говоритъ о послѣдовавшей 16-го мая текущаго года смерти главы бабидовъ Беха-Уллы и собраніи бабидовъ по этому случаю въ Асхабадѣ. Какъ сообщаетъ г. Туманскій, въ Асхабадѣ бабидамъ принадлежитъ, на Мервскомъ проспектѣ, небольшой кварталъ, среди котораго возвышаются каменныя стѣны еще недоконченнаго ихъ молитвеннаго дома. Передъ этимъ зданіемъ устроенъ довольно обширный басейнъ и разбитъ пока еще молодой и малотѣнистый садъ. Здѣсь и происходило собраніе бабидовъ, посвященное памяти ихъ умершаго главы, причемъ читалось завѣщаніе Беха Уллы, текстъ котораго также доставленъ г. Туманскимъ, и элегія, написанная по этому случаю особо почитаемымъ среди бабидовъ поэтомъ Андалибомъ. Главою бабидовъ объявленъ теперь Гусне-Авемъ, старшій сынъ умершаго Беха-Уллы.

В. Д. Смирновъ прочиталъ рефератъ «о турецкихъ лубочныхъ картинахъ». Докладчикъ представилъ собранію колекцію этого рода картинъ, собранныхъ имъ во время путешествія по Турціи, и характеризовалъ сюжеты илюстрированной литературы самобытныхъ турокъ, у которыхъ печатное дѣло возникло лишь съ половины прошлаго столѣтія, и вкусы ихъ удовлетворяются грубой работы литографированными эстампами. Сюжеты этихъ произведеній оказываются заимствованными изъ персидской литературы, равно какъ изъ Персіи идетъ и стремленіе къ илюстраціи, которую, въ сущности, не допускаетъ правовѣрный исламъ. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе о ходѣ работъ своихъ по чтенію санскритскихъ рукописей, доставляемымъ изъ Кашгара Н. Ѳ. Петровскимъ, приславшимъ новую колекцію въ количествѣ до 100 листовъ того же письма, въ томъ числѣ фрагменты на березовой корѣ и на кожѣ.

Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности И. Е. Забѣлина. 1-го ноября въ торжественномъ засѣданіи императорскаго Московскаго археологическаго общества происходило чествованіе почетнаго члена его, товарища августѣйшаго предсѣдателя историческаго музея, Ивана Егоровича Забѣлина, по поводу исполнившагося 50-ти-лѣтія его научной дѣятельности. Библіотечная зала историческаго музея, въ которой состоялось засѣданіе, была обставлена тропическими растеніями и къ 1 часу дня наполнилась многочисленными депутаціями отъ различныхъ обществъ и учрежденій. Предсѣдательствовалъ заслуженный профессоръ Московскаго университета А. С. Павловъ. Когда почтенный юбиляръ вступилъ въ залу, раздались дружныя и долго несмолкавшія рукоплесканія. И. Е. Забѣлинъ отвѣчалъ на привѣтствія низкими поклонами и занялъ мѣсто за столомъ. Професоръ А. С. Павловъ открылъ засѣданіе краткою рѣчью, въ которой указалъ на выдающіяся заслуги юбиляра въ области исторіи и археологіи, на разработку научныхъ вопросовъ, которымъ онъ посвятилъ свою полувѣковую научную дѣятельность.

Затѣмъ началось чтеніе адресовъ, писемъ и телеграмъ отъ разныхъ лицъ, обществъ и учрежденій, изъ которыхъ императорская академія наукъ избрала юбиляра своимъ почетнымъ членомъ.

Прежде всего было прочитано письмо августѣйшаго президента академіи художествъ, великаго князя Владиміра Александровича, и телеграмы: предсѣдателя историческаго музея, великаго князя Сергѣя Александровича, и ея высочества принцесы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской.

На каждое привѣтствіе юбиляръ отвѣчалъ низкимъ поклономъ; когда закончилось чтеніе адресовъ и телеграмъ, И. Е. Забѣлинъ благодарилъ всѣхъ и, между прочимъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ высказалъ приблизительно слѣдующее:

«Не имѣю словъ, чтобы высказать мою отъ всего сердца глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, оказавшимъ мнѣ свое вниманіе. Никогда я не могъ думать, чтобы мои труды, положимъ, усердные, но, всетаки, недостаточные, заслужили такой высокой степени сочувствія и одобренія. Нѣтъ выше похвалы для ученаго, какъ доброе привѣтственное и сочувственное слово, что его труды приняты и принимаются съ одобреніемъ авторитетными знатоками древности, что его работы цѣнятся; въ этомъ словѣ заключается истинное удовлетвореніе и истинное счастье, и это истинное счастье я испытываю въ данную минуту и приношу глубочайшую и безпредѣльную благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя почтили меня такимъ сердечнымъ и неоцѣненнымъ вниманіемъ».

Въ отвѣтъ на эти слова раздались продолжительные аплодисменты; юбиляръ, растроганный до слезъ выраженнымъ ему сочувствіемъ всего русскаго ученаго міра, продолжалъ благодарить, раскланиваясь на всѣ стороны. Когда замолкли аплодисменты, предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Вечеромъ въ гостиницѣ «Эрмитажъ» въ честь юбиляра былъ данъ обѣдъ членами ученыхъ обществъ, въ которомъ приняли участіе 34 лица.

Двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности П. В. Засодимскаго. Въ текущемъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности Павла Владиміровича Засодимскаго. Онъ родился въ дворянской семьѣ 1-го ноября 1843 г. въ Великомъ Устюгѣ, Вологодской губерніи. Дѣтство провелъ въ деревнѣ и, пользуясь съ раннихъ лѣтъ библіотекой отца, привыкъ къ чтенію и полюбилъ его. Впослѣдствіи, это чтеніе разнообразныхъ книгъ стало попреимуществу его школой для образованія. Въ 1856 году онъ поступилъ въ вологодскую гимназію и, кончивъ въ ней курсъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и въ 1863 г. записался вольнослушателемъ на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. За неимѣніемъ средствъ, онъ оставилъ университетъ въ 1865 году и нѣкоторое время жилъ уроками. Въ первый разъ онъ выступилъ на литературное поприще въ 1867 году съ воззваніемъ въ газетѣ «Голосъ» къ русскому обществу противъ турецкихъ звѣрствъ надъ болгарами. Съ тѣхъ поръ онъ всецѣло отдался литературѣ и живетъ исключительно литературнымъ заработкомъ. За 25 лѣтъ своей дѣятельности имъ написано множество произведеній, изъ которыхъ укажемъ на слѣдующіе романы и разсказы: въ журналѣ «Дѣло»—«Грѣшница», «Волчиха», «А ей весело—она смѣется», «Темныя силы», «Старый домъ»; въ «Отечественныхъ Запискахъ»—«Хроника села Смурина»; въ «Словѣ»—«Кто во что гораздъ», «Пастыри и овцы»; въ «Русскомъ Богатствѣ»—«Степныя тайны»; въ «Наблюдателѣ»—«По градамъ и весямъ», «Отъ сохи къ ружью», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»—«Передъ потухшимъ камелькомъ» и т. д. Кромѣ того, г. Засодимскій много писалъ для дѣтей и въ журналахъ («Дѣтское чтеніе», «Педагогическій листокъ», «Игрушечка», «Родникъ») и отдѣльными изданіями: «Задушевные разсказы»; «Бывальщина и сказки»; «Добрыя души» и т. д. Не обладая выдающимся литературнымъ дарованіемъ, Засодимскій старался правдиво описывать русскую жизнь и успѣлъ пріобрѣсти себѣ много горячихъ почитателей.

Памятникъ В. И. Григоровичу. Памятникъ, воздвигнутый надъ могилой Григоровича, изваянъ скульпторомъ Эдуардсомъ изъ дикаго карарскаго мрамора въ формѣ четырехгранной пирамиды, на вершинѣ которой расположено три тома сочиненій Григоровича, а надъ ними—бюстъ. На лицевой сторонѣ пирамиды выгравировано: «Искый правды мьчетьнаіего свѣта. Македонія. Византія. Южная Русь. Во имя славянства», а на цоколѣ: «Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Отъ учениковъ и почитателей». На правой сторонѣ пирамиды: «скончался 1876», на лѣвой—«родился 1815». Надпись лицевой стороны помѣщена на развернутомъ листѣ пергамента. Все выдержано въ строгомъ старо-славянскомъ стилѣ. Главный интересъ памятника сосредоточенъ въ статуѣ покойнаго В. И., мастерски воспроизведенной художникомъ. Нѣсколько суровый, глубокомысленный взглядъ, гордо приподнятая голова—схвачены чрезвычайно живо. Вокругъ памятника на гранитномъ фундаментѣ возведена красивая чугунная ограда.

Памятникъ Е. Н. Андрееву. 4-го октября на кладбищѣ Новодѣвичьяго Воскресенскаго монастыря состоялось открытіе и освященіе памятника Евгенію Николаевичу Андрееву, скончавшемуся въ Парижѣ, во время всемірной выставки въ 1889 г. Памятникъ, сооруженный техническимъ обществомъ, представляетъ четырехъ-гранный обелискъ изъ сѣраго карарскаго мрамора, поставленный на цоколѣ изъ красно-сѣраго сердобольскаго гранита. На лицевой сторонѣ памятника высѣченный на бѣломъ мраморѣ въ формѣ медальона портретъ покойнаго, окруженный лаврами. Внизу надпись: «Евгенію Николаевичу Андрееву, родился 4-го октября 1829 г., скончался 12-го іюня 1889 года». Съ боковъ надписи: «Учредителю И. Р. Т. Общества, комисіи по техническому образованію и многихъ школъ Общества, энергичному и

плодотворному дѣятелю по упорядоченію кустарныхъ промысловъ и положенія малолѣтнихъ рабочихъ въ Россіи и члену многихъ ученыхъ обществъ» и другая «Homo—homini amicus».

Археологическій институтъ. 24-го октября отслужилъ панихиду по бывшемъ директорѣ института Н. В. Калачевѣ, со дня смерти котораго прошло семь лѣтъ. Память покойнаго собрались почтить почти всѣ археологи, находящіеся въ настоящее время въ Петербургѣ. Кромѣ того, присутствовали на панихидѣ педагогическій совѣтъ и слушатели института съ директоромъ А. Н. Труворовымъ. По окончаніи панихиды взошелъ на каѳедру В. А. Вильбасовъ и произнесъ рѣчь «о появленіи русскихъ на исторической сценѣ». Ораторъ примѣрами, документами и множествомъ сравненій доказывалъ самостоятельное происхожденіе русскихъ и необходимость углубиться въ старину для лучшаго пониманія современныхъ явленій. Историческій народъ порождается вѣками и, какъ каждый изъ насъ, не помнитъ своей колыбели. О времени, когда русскій народъ закладывалъ свои первыя селенія по Днѣпру, Волхову, Дону и другимъ рѣкамъ, не осталось никакого слѣда. Единственнымъ свѣточемъ, опредѣляющимъ жизненность русскихъ, является языкознаніе въ связи съ археологіей. Русскихъ нѣтъ въ лѣтописи Нестора: онъ, перечисляя разныя народности (полянъ, древлянъ, радимичей и другихъ), не называетъ русскихъ. Между тѣмъ, они самостоятельно существовали ранѣе Нестора и въ VII вѣкѣ вошли въ сношеніе съ хазарами. Въ 835 году хазарскій коганъ обращается къ греческому императору съ просьбою прислать мастеровъ для постройки крѣпости, чтобы обороняться отъ руссовъ. Одновременно пріѣзжаютъ послы и отъ русскихъ и оставляютъ о своемъ пребываніи въ Цареградѣ письменныя свидѣтельства. Греческій монахъ характеризуетъ письменно ихъ нравы и внѣшность. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ существованія русскихъ, какъ самостоятельнаго народа, являются сохранившіяся проповѣди патріарха Фотія. Эти проповѣди произнесены были въ половинѣ IX вѣка, до призванія варяговъ. Русскіе, какъ видно изъ проповѣдей Фотія, осаждали Византію. Они появились массою на ладьяхъ и подводили подкопы подъ стѣны Византіи. Письменныя свидѣтельства рисуютъ русскихъ вооруженными ножомъ, лукомъ и мечомъ. Исторія подтверждаетъ, что иными они и быть не могли, такъ какъ имъ приходилось обороняться отъ готовъ, гунновъ, хазаръ, варяговъ. Они были до того сильны, что страшатъ хазаръ и прогоняютъ варяговъ-норманновъ, наводившихъ въ то время ужасъ на германскія племена. Но, не смотря на свою воинственность, русскіе привязаны къ землѣ: обработываютъ поля, расчищаютъ лѣса, строятъ городища. Въ настоящее время извѣстно, благодаря археологическимъ изысканіямъ и разборамъ древнихъ рукописей, многое, характеризующее древнихъ русскихъ съ внѣшней стороны, но до сихъ поръ не выясненъ ихъ нравственный складъ. Между тѣмъ опредѣленіе нравственнаго облика нашихъ предковъ важно для болѣе яснаго взгляда на нравственный строй современныхъ русскихъ. Въ этомъ отношеніи единственнымъ памятникомъ являются былины. Говоря о былинѣ: «Илья Муромецъ», лекторъ отмѣтилъ физическую силу, выносливость, добродушіе и готовность оказать помощь другимъ, какъ общія качества древнихъ русскихъ. Эти качества составляютъ отличіе и современныхъ русскихъ отъ другихъ народностей. Затѣмъ русская женщина въ древнее время рисуется самоотверженной помощницей своего мужа. Въ настоящее время она остается такою же, и примѣры самоотверженія ради мужа Натальи Борисовны Долгорукой или П. В. Муравьевой, урожденной Шереметевой, служатъ яркою иллюстраціей.

Рѣчь В. А. Вильбасова была покрыта аплодисментами присутствовавшихъ.

Памяти М. Л. Фалѣева. 11-го ноября этого года исполнилось 100 лѣтъ со дня кончины одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ князя Потемкина, брига-

дира Михаила Леонтьевича Фалѣева, имя котораго неразрывно связано съ воспоминаніями о началѣ нашего славнаго черноморскаго флота и объ основаніи города Николаева. Извѣстно, въ какихъ широкихъ размѣрахъ задуманы были Потемкинымъ оба упомянутыя дѣла; но неожиданная смерть прервала намѣреніе князя Таврическаго, а черезъ годъ съ небольшимъ сошелъ въ могилу и его ближайшій и довѣренный помощникъ въ этихъ предпріятіяхъ. Преданіе говоритъ, что одною изъ главныхъ причинъ также преждевременной кончины М. Л. Фалѣева была глубокая печаль по знаменитомъ своемъ благодѣтелѣ.

Біографическихъ свѣдѣній о Фалѣевѣ сохранилось немного. По преданію онъ происходилъ изъ курскихъ купцовъ; но неизвѣстны подробности, при какихъ обстоятельствахъ онъ сдѣлался извѣстенъ Потемкину, который, съ свойственною ему проницательностью въ выборѣ людей, скоро оцѣнилъ по достоинству способности и дѣятельный характеръ Фалѣева. Изъ сохранившихся документовъ видно, что карьера Фалѣева началась съ того времени, когда онъ былъ пожалованъ изъ подполковниковъ Кинбурнскаго драгунскаго полка въ полковники съ назначеніемъ «наблюдать за пропускомъ судовъ черезъ Днѣпровскіе пороги». Вскорѣ послѣ того Потемкинъ поручилъ Фалѣеву также наблюденіе за постройкою гребного флота, а также отысканіе мѣста, близкаго къ днѣпровскому лиману и удобнаго для устройства военной верфи. Собственноручнымъ ордеромъ отъ 24-го іюня 1788 г. Потемкинъ предписалъ Фалѣеву «въ деревушкѣ Витовкѣ, что нынѣ Богоявленскъ, устроить казармы и госпиталь», а ордеромъ отъ 21-го іюля того же года приказывалъ заготовить лѣса для двухъ 56-ти пушечныхъ кораблей и начать постройку военной верфи на р. Ингулѣ. Этими ордерами князя Потемкина положено было основаніе городу Николаеву, строеніемъ котораго ревностно занимался Фалѣевъ до конца своей жизни. Въ томъ же 1788 г., іюля 23-го, Потемкинъ собственноручнымъ письмомъ изъ лагеря подъ Очаковымъ поздравилъ Фалѣева съ пожалованіемъ ему ордена св. Владиміра 4 степени, причемъ князь такъ отозвался о трудахъ Фалѣева: «Охота, съ какою вы приняли произведеніе работъ въ построеніи лодокъ канонирскихъ и протчихъ мореходныхъ судовъ, и усердные труды, кои вы прилагали къ столь поспѣшному окончанію, учинили васъ достойнымъ къ полученію монаршей милости». Въ 1790 г., 15-го сентября Потемкинъ увѣдомилъ Фалѣева, что государыня утвердила учрежденіе адмиралтейства и верфи въ новосозидавшемся г. Николаевѣ и при этомъ поздравилъ Фалѣева съ званіемъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара флота. Около того же времени Фалѣевъ получилъ чинъ бригадира [1]) и орденъ св. Владиміра 3 ст. Неизвѣстно, было ли у Фалѣева состояніе, но достовѣрно извѣстно, что скончался онъ (18-го ноября 1792 г.) въ собственномъ домѣ въ Николаевѣ, гдѣ и былъ погребенъ въ оградѣ за церковью св. Григорія, епископа Великой Арменіи. На могилѣ его поставленъ былъ памятникъ въ видѣ пирамиды, но почему-то безъ надписи: памятникъ этотъ былъ цѣлъ еще не очень давно. Кромѣ того, извѣстно, что Фалѣевъ владѣлъ деревнями.

Вскорѣ послѣ кончины М. Л. Фалѣева черноморское адмиралтейское правленіе написало въ аттестатѣ его, внесенномъ въ журналъ этого правленія, слѣдующее: «Возлагаемыя на него (то-есть Фалѣева) порученія его свѣтлостью покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ, великимъ гетманомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при самомъ начатіи нынѣшней войны, исполняя не только усердно, но и оказалъ важнѣйшую услугу отечеству въ заведеніи

[1]) Хотя М. Л. Фалѣевъ называется обыкновенно бригадиромъ, но почему-то въ повелѣніи кн. Потемкина съ инструкціею о строеніи г. Николаева, отъ 29-го апрѣля 1790 г., онъ названъ «статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ».

гребнаго флота, по неусыпному его попеченію, въ короткое время построеннаго въ верху Днѣпра и благовременно доставленнаго на службу, въ знатномъ количествѣ судовъ, дѣйствовавшихъ на Очаковскихъ водахъ съ отличнымъ успѣхомъ и извѣстнымъ пораженіемъ непріятеля; потомъ усугубилъ онъ отличіе своихъ трудовъ въ поспѣшнѣйшей передѣлкѣ фрегатовъ на батареи, подъ большія орудія, для отраженія оными непріятельскаго флота, воспомоществовавшаго тогда Очакову; и наконецъ, въ строеніи новыхъ кораблей въ Николаевѣ, въ заведенной имъ тамъ верфи и портѣ; и при всѣхъ безпрерывныхъ его трудахъ и успѣхахъ, и по другимъ частямъ многихъ дѣлъ, отъ покойнаго свѣтлѣйшаго князя ему порученныхъ, не менѣе онъ, г. Фалѣевъ, оказалъ услуги и истинное усердіе къ пользамъ отечества, въ доставленіи адмиралтейству знатнаго пособія изъ собственныхъ своихъ деревень лѣсами, въ такое нужное время, когда адмиралтейство, въ самомъ началѣ войны, вдругъ открытой, имѣя въ нихъ крайнѣйшую нужду, ни за какія суммы не могло отыскать. Такое служеніе его, г. Фалѣева, и поднятые имъ труды, ознаменовавшіе ревность его къ службѣ, усердіе къ пользамъ ея и истинную приверженность къ повелѣніямъ высшаго начальства, обратили вниманіе и привлекли отличіе къ нему его свѣтлости. Почему адмиралтейское правленіе справедливымъ долгомъ поставляетъ съ уваженіемъ тѣхъ заслугъ г. оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара и кавалера Фалѣева свидѣтельствовать симъ объ оныхъ, за подписаніемъ и печатью. Декабря 21-го дня 1791 года».

Князь Потемкинъ велъ съ Фалѣевымъ обширную переписку; большая часть ея носитъ дружескій характеръ и касается даже самыхъ мелочныхъ предметовъ по устройству флота и города Николаева. Часть этой переписки напечатана одесскимъ обществомъ исторіи и древностей въ его «Запискахъ»; многія извлеченія изъ этой переписки приведены въ статьяхъ А. Соколова въ «Морскомъ Сборникѣ» 1855 г. (№ 9).

Портретъ М. Л. Фалѣева сохраняется въ музеѣ одесскаго общества исторіи и древностей. Кромѣ того, при № 9 «Морскаго Сборника» 1855 г. приложенъ былъ другой портретъ Фалѣева, снятый съ оригинала, писаннаго масляными красками и по преданію очень сходнаго; этотъ портретъ въ 1850-хъ годахъ хранился у покойнаго директора Ришельевскаго лицея (въ Одессѣ) Н. Н. Мурзакевича, бывшаго впослѣдствіи вице-президентомъ вышеупомянутаго общества.

† 4-го октября, въ Харьковѣ, 87-ми-лѣтъ, сенаторъ **Николай Петровичъ Синельниковъ**. Имя его въ теченіе пятидесяти лѣтъ его административной дѣятельности было не только извѣстно Россіи, но и популярно въ ней. Онъ управлялъ четырьмя губерніями и оставилъ въ нихъ память. Въ Воронежѣ онъ вымостилъ городъ, построилъ ряды, перекинулъ мостъ черезъ рѣку Ворону, создалъ памятникъ Петру Великому, основалъ общественный садъ и театръ. Житоміръ также обязанъ ему своимъ благоустройствомъ. Владиміръ, въ теченіе десятимѣсячнаго губернаторства Синельникова, сдѣлался неузнаваемымъ. Въ немъ появились замощенныя площади и прекрасныя базарныя лавки. Состоя только три года генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, онъ построилъ въ Иркутскѣ воспитательный домъ, благородное собраніе, обратилъ интендантскій садъ въ общественный, основалъ театръ, оградилъ городъ отъ наводненій рѣки Ангары громаднымъ валомъ, тянущимся почти на двѣ версты, и украсилъ его бульваромъ. Этотъ неутомимый человѣкъ энергично искоренялъ всюду взяточничество, расширялъ область хлѣбной запашки въ сибирскихъ губерніяхъ, заботился о развитіи сельскихъ школъ въ отдаленныхъ округахъ Сибири и упоминалъ неоднократно о нихъ съ сердечной теплотою въ своихъ, когда-то всѣмъ извѣстныхъ, но нынѣ забытыхъ циркулярахъ. Николай Петровичъ, первый изъ сибирскихъ правителей, разрѣшилъ посылать лучшихъ изъ ссыльно-каторжниковъ на частные пріиски

на правахъ вольныхъ рабочихъ. Вслѣдствіе такого гуманнаго мѣропріятія, многіе изъ отверженцевъ общества, по отбытіи срока наказанія, сдѣлались не только людьми обезпеченными, но и хорошими гражданами, увидѣвшими новую зарю въ своей жизни. Разумная, экономическая дѣятельность сенатора Синельникова въ званіи генералъ-интенданта въ Польшѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, также не можетъ забыться. Въ исторіи сохранился слѣдующій знаменательный фактъ. Синельниковъ ѣхалъ изъ Варшавы въ Брестъ-Литовскъ, имѣя при себѣ 250.000 рублей казенныхъ денегъ. Въ это время шайки повстанцевъ бродили уже по всему царству Польскому. Была темная ночь. Черезъ густой, дубовый лѣсъ генералъ приближался къ предпослѣдней станціи подъ Брестомъ. И вдругъ онъ былъ остановленъ и окруженъ тысячной бандой Шимановскаго. Старикъ перекрестился и вышелъ изъ кареты, мысленно простясь со всѣмъ дорогимъ на свѣтѣ. Когда предводитель повстанцевъ узналъ фамилію проѣзжаго, то обратился къ русскому сановнику съ необыкновенными словами:

— Ваше имя произносится въ нашемъ царствѣ съ величайшимъ уваженіемъ, какъ имя честнаго русскаго генерала. Мы просимъ, ваше превосходительство, доложить государю императору, что дерущіеся за отчизну умѣютъ цѣнить его истинно вѣрныхъ слугъ.

Синельникову данъ былъ отъ банды конвой, который и сопровождалъ его почти до самаго Бреста. За спасеніе своей жизни Николай Петровичъ впослѣдствіи великодушно отблагодарилъ поляковъ. Въ бытность свою главнымъ начальникомъ тюремъ въ Россіи, онъ испросилъ разрѣшеніе употреблять на работы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ польскую молодежъ, пойманную въ шайкахъ и осужденную на ссылку въ Сибирь. Александръ II изъявилъ согласіе на это ходатайство. Позднѣе вся такая молодежь, благодаря хлопотамъ неугомоннаго генерала, была окончательно прощена и возвращена на родину. Синельниковъ самъ о себѣ еще напомнитъ русскому обществу своими обширными записками, совсѣмъ готовыми къ опубликованію. Онъ ничего не нажилъ и ничего послѣ себя не оставилъ, кромѣ добраго имени. Николай Петровичъ былъ почетнымъ гражданиномъ городовъ Воронежа и Иркутска. Въ Житомірѣ одна изъ главныхъ улицъ названа въ честь его Синельниковскою. Онъ до конца жизни числился неприсутствующимъ сенаторомъ, что̀ составляетъ рѣдкую награду, даруемую за особыя заслуги.

† 7-го октября, въ больницѣ Троицкой Общины **Алексѣй Петровичъ Петровъ**, писавшій во многихъ петербургскихъ газетахъ и юмористическихъ журналахъ подъ нѣсколькими псевдонимами (Точка, Шутъ, Фигаро и др.). Покойный писалъ преимущественно сценки и юмористическіе фельетоны по текущимъ вопросамъ петербургской жизни. Большая часть его замѣтокъ печаталась въ юмористическомъ журналѣ «Шутъ», въ «Петербургскомъ Листкѣ», «Новостяхъ» и «Русской Жизни». Въ первый разъ онъ началъ работать подъ руководствомъ г. Василевскаго въ «Стрекозѣ». Лѣтомъ нынѣшняго года онъ былъ неофиціальнымъ редакторомъ журнала «Петербургская Жизнь». Умеръ онъ на 29 году.

† Въ новгородскихъ Селищенскихъ казармахъ по рѣкѣ Волхову, на 69 году, мѣстный археологъ и писатель, протоіерей **Николай Гавриловичъ Богословскій**. Продолжительное служеніе его въ селѣ Грузинѣ, главномъ помѣстьѣ Аракчеева, дало ему возможность ознакомиться съ домашнимъ архивомъ Аракчеева, а разсказы мѣстныхъ старожиловъ, лично знавшихъ частную жизнь временщика и порядки въ устроенныхъ имъ военныхъ поселеніяхъ, дали ему матеріалъ для многочисленныхъ очерковъ и разсказовъ, посвященныхъ описанію устройства и быта военныхъ поселеній. Разсказы его: «Шумскій», «Экономка», «Естьянская шумра» и другіе, печатались въ журналахъ подъ псевдонимомъ «Словскаго» и вновь изданы подъ заглавіемъ «Аракчеев-

щина» (1882 г.). Эти разсказы и повѣсти свидѣтельствуютъ о большой наблюдательности автора, близкомъ знакомствѣ его съ тогдашнею жизнью и носятъ отпечатокъ несомнѣннаго литературнаго таланта. Служба Богословскаго въ должности секретаря статистическаго комитета характеризуетъ его, какъ общественнаго дѣятеля и мѣстнаго археолога. По должности секретаря онъ объѣхалъ всѣ уѣзды Новгородской губерніи и лично изучалъ выдающіеся пункты мѣстной производительности, кустарнаго и фабричнаго производства и памятники народной жизни и исторической старины. Плодомъ этихъ работъ были изданные подъ его редакціею статистическимъ комитетомъ въ 1865 году пять выпусковъ «Новгородскаго сборника», куда вошли и обработанные матеріалы для исторіи Аракчеева и военныхъ поселеній. По иниціативѣ покойнаго и при главномъ его участіи, при статистическомъ комитетѣ возникла публичная библіотека и музей. Въ послѣдніе годы по болѣзни Николай Гавриловичъ велъ уединенную жизнь съ своею многочисленною семьею.

† 9-го октября, скоропостижно въ Михайловскомъ театрѣ, во время представленія комедіи Островскаго «Шутники», **Павелъ Матвѣевичъ Вольфъ**, извѣстный по сценѣ и въ литературѣ подъ псевдонимомъ **Свободина**. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ талантливыхъ артистовъ нашей драматической труппы, родился въ 1850 году, воспитывался въ петербургскомъ театральномъ училищѣ и съ молодыхъ лѣтъ проявилъ дарованіе. Онъ выступилъ на сценѣ, еще воспитанникомъ училища, подъ псевдонимомъ своей матери Ковіенко, въ роли мальчика Гриши въ «Гувернерѣ» Дьяченки, и уже тогда обратилъ на себя вниманіе публики своею бойкостью и умѣньемъ держаться на сценѣ. По выходѣ изъ театральнаго училища П. М. долженъ былъ уѣхать въ провинцію, такъ какъ тогдашній заправила Александринскаго театра П. С. Ѳедоровъ не призналъ въ немъ дарованія и со свойственнымъ ему апломбомъ называлъ талантливаго юношу бездарнымъ. Свободинъ, играя на провинціальныхъ сценахъ, быстро усвоилъ себѣ технику и усовершенствовалъ дикцію. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ, и когда онъ появился на сценѣ московскаго частнаго театра Корша, москвичи встрѣтили его, какъ одного изъ талантливыхъ артистовъ. Только въ 1884 году удалось Свободину поступить на сцену Александринскаго театра. Играя здѣсь въ продолженіе 8 лѣтъ, онъ сдѣлался любимцемъ публики, цѣнившей въ немъ даровитаго исполнителя многихъ отвѣтственныхъ ролей. Репертуаръ его былъ обширенъ, но болѣе всего онъ выдѣлялся въ роляхъ Любима Торцова, Зоненштейна («Татьяна Рѣпина»), Счастливцева («Лѣсъ»), Никона («Горькая судьбина»), Оргонта («Тартюфъ»), Муромскаго («Свадьба Кречинскаго»). Онъ былъ также и писателемъ, ему принадлежитъ нѣсколько литературныхъ произведеній, въ прозѣ и стихахъ, появлявшихся въ журналахъ «Артистъ», «Живописное Обозрѣніе», «Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ» и др.; въ «Артистѣ напечатаны его театральные очерки «Лицедѣи». Его лирическія стихотворныя произведенія («Ночь», «Послѣдній сонъ», «На чужбинѣ» и др.) обнаруживаютъ въ авторѣ безусловную талантливость. Смерть его была странная и неожиданная. До конца третьяго акта спектакль шелъ вполнѣ благополучно, хотя замѣчалось, что Свободинъ играетъ не совсѣмъ нормально, точно подъ давленіемъ какого-то нервнаго состоянія. Въ концѣ акта, когда артистъ, по пьесѣ, узнаетъ, что онъ обмануть шутниками,—Свободинъ прочиталъ свой заключительный монологъ въ такомъ напряженно нервномъ состояніи, что не выговаривалъ даже нѣкоторыхъ словъ. Изумительная реальность игры произвела впечатлѣніе на публику и его вызвали два раза... Актъ кончился. Свободинъ отправился къ себѣ въ уборную и, войдя въ нее, попросилъ, чтобы ему принесли чаю. Не успѣлъ посланный спуститься внизъ, какъ изъ комнаты послышался сдавленный крикъ. Нѣсколько человѣкъ бросились въ уборную и застали Свободина блѣднымъ, съ

закрытыми глазами, цѣпляющимся за столъ, чтобъ не упасть. Артиста посадили на стулъ. Онъ вздохнулъ разъ, другой, въ груди послышалось какое-то клокотанье, голова откинулась назадъ, и все кончилось. Доктору оставалось только одно—констатировать моментальную смерть отъ разрыва сердца. П. М. Свободинъ умеръ въ костюмѣ, загримированный, умеръ служа своему дорогому, горячо-любимому искусству... Вѣсть о его смерти съ быстротой молніи облетѣла сцену, уборныя и проникла въ публику, которая, какъ одинъ человѣкъ, запротестовала противъ дальнѣйшаго хода спектакля и потребовала его окончанія, что̀ и было исполнено...

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Отвѣтъ г. Михайловскому.

Вернувшись недавно изъ деревни, я то̀лько теперь познакомился съ помѣщеннымъ въ «Русской Мысли» возраженіемъ г. Михайловскаго на мою статью «Шестидесятые годы и современная беллетристика» («Историческій Вѣстникъ», апрѣль, 1892 г.). Возраженіе г. Михайловскаго очень длинно; отвѣчать же я буду кратко, потому что почтенный мой опонентъ говоритъ въ своемъ возраженіи о чемъ угодно, но только не о вопросѣ, затронутомъ въ моей статьѣ. Я выяснилъ въ ней, что современная беллетристика не довольствуется идеалами шестидесятыхъ годовъ, а создаетъ новые, составляющіе дальнѣйшую, неизбѣжную ступень въ развитіи нашего общественнаго самосознанія и служенія русской интелигенціи народному дѣлу. Г. Михайловскій мнѣ отвѣчаетъ, что онъ лично, или, точнѣе говоря, «Отечественныя Записки», дѣятельность которыхъ онъ, повидимому, отождествляетъ съ своею собственною (хотя такое отождествленіе требовало бы отсутствующихъ въ его возраженіи доказательствъ), всегда служилъ народному дѣлу. Я этого нисколько не оспаривалъ: я указывалъ только на *способы* служенія народному дѣлу и утверждалъ, что ни *прежняя наша беллетристика*, въ лицѣ ея корифеевъ, ни *современная*, въ лицѣ наиболѣе извѣстныхъ ея представителей, *не сочувствуетъ* тому служенію народу, которое воплотилось въ *такъ называемомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ*. Вотъ этотъ-то тезисъ и слѣдовало опровергнуть; но такъ какъ г. Михайловскій противъ него не возражаетъ, то, надо думать, онъ съ нимъ соглашается, и слѣдовательно намъ съ г. Михайловскимъ спорить болѣе нечего. Р. Сементковскій.

II.

О времени нахожденія Н. С. Мартынова на Кавказѣ.

Одинъ изъ біографовъ М. Ю. Лермонтова, бесѣдуя со мной по поводу напечатанныхъ мною въ ноябрской книжкѣ (этого года) «Историческаго Вѣстника» «Новыхъ свѣдѣній о М. Ю. Лермонтовѣ», сдѣлалъ опросъ: «А былъ ли Николай Соломоновичъ Мартыновъ въ 1837 году на Кавказѣ, такъ какъ онъ переведенъ изъ Кавалергардскаго полка въ Гребенской казачій полкъ въ сентябрѣ 1839 года?».

Въ разъясненіе сего обстоятельства, считаю нужнымъ привести выписку изъ взятой мною въ Московскомъ архивѣ главнаго штаба копіи съ формулярнаго списка Мартынова, гдѣ о прохожденіи его службы показано слѣдующее: «поступилъ въ Кавалергардскій полкъ унтеръ-офицеромъ 1832 года октября 17-го дня. Переименованъ въ юнкера 1832 года ноября 11-го дня. Произведенъ въ корнеты, имѣя отъ роду 19 лѣтъ, 1835 года декабря 6, со старшинствомъ съ 1-го іюля того года. Произведенъ въ поручики 1836 года, декабря 6-го дня. Въ 1837 году командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, куда отправился 11-го марта того года и находился подъ начальствомъ командовавшаго тогда войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова, въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи по восточному берегу Чернаго моря. Возвратился къ полку 25-го апрѣля 1838 года. Назначенъ состоять по кавалеріи, съ прикомандированіемъ къ Гребенскому казачьему полку 27-го сентября 1839 года. Исключенъ изъ полка 4-го октября того года».

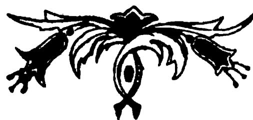
По мѣсячнымъ отчетамъ Гребенскаго казачьяго полка за 1840 годъ онъ показывался: въ январѣ и февралѣ—не прибывшимъ къ полку, съ марта по іюль—на лицо, съ августа по октябрь—въ отрядѣ за рѣкой Терекомъ, а за ноябрь и декабрь—больнымъ при полку.

Выпись эта самымъ положительнымъ образомъ удостовѣряетъ, что письмо Мартынова о полученіи отъ Лермонтова денегъ и утратѣ имъ конверта, помѣченное имъ 5-мъ числомъ октября, но безъ означенія года, относится къ 1837 году, такъ какъ они оба въ этомъ году были на Кавказѣ, оба возвратились въ 1838 году и оба вернулись на Кавказъ въ 1840 году. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1839 года оба находились въ Петербургѣ.

П. Мартьяновъ.

Замѣчена опечатка, вкравшаяся въ статью «Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ».

Напечатано (стр. 373, строк. 6 и 7).	Слѣдуетъ читать:
При первомъ появленіи у него не было въ головѣ такой мысли. Владыка преисподней расправился бы съ нимъ посвойски...	При первомъ появленіи у него въ головѣ такой мысли, владыка преисподней расправился бы съ нимъ посвойски...

ОТЧЕТЪ

ПРАВЛЕНІЯ КАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ

при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («Литературномъ фондѣ»).

Съ 5-го мая 1891 г. по 1-е января 1892 г.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

На основаніи § 42 устава кассы взаимопомощи, правленіе имѣетъ честь представить общему собранію отчетъ о положеніи дѣлъ кассы, съ 5-го мая 1891 г. (день учрежденія кассы) по 1-е января 1892 года.

Учрежденіе кассы послѣдовало въ удовлетвореніе потребности, много лѣтъ ощущавшейся въ литературной средѣ,—по почину общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («Литературнаго фонда»), при которомъ касса и состоитъ въ настоящее время въ качествѣ близкаго ему, но автономнаго установленія.

Въ видѣ исторической справки для будущихъ членовъ кассы, въ первомъ отчетѣ о дѣятельности ея полезно воспроизвести слѣдующую выдержку изъ отчета комитета «Литературнаго фонда» за 1890—1891 г.

«Проектъ учрежденія кассы, составленный Г. К. Градовскимъ, былъ переданъ общимъ собраніемъ 22-го октября 1889 г. на разсмотрѣніе особой коммиссіи [1]; послѣдняя выработала проектъ устава и въ февралѣ 1890 г. передала его комитету вмѣстѣ съ составленной Г. К. Градовскимъ объяснительной запиской. 22-го апрѣля проектъ былъ внесенъ на обсужденіе общаго собранія, которое единогласно приняло его и поручило комитету исходатайствовать утвержденіе его, уполномочивъ Г. К. Градовскаго представлять,

---

[1]) Въ составѣ этой коммиссіи находились слѣдующіе члены «Литературнаго фонда»: В. И. Сергѣевичъ (предсѣдатель), Г. К. Градовскій (дѣлопроизводитель), В. Л. Беренштамъ, Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, П. А. Гайдебуровъ, А. А. Исаевъ и В. Г. Котельниковъ. (Всѣ эти лица, за исключеніемъ Ѳ. Ѳ. Воропонова, вошли и въ составъ учредителей кассы).

гдѣ слѣдуетъ, надлежащія по этому предмету объясненія. Въ исполненіе этого постановленія общаго собранія, предсѣдатель комитета въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ представилъ уставъ на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія. Высочайше утвержденнымъ 9-го ноября 1890 г. положеніемъ комитета министровъ, распубликованнымъ въ № 124 «Собранія узаконеній» за 1890 г., министру народнаго просвѣщенія предоставлено утвердить означенный уставъ, что̀ и воспослѣдовало 22-го ноября 1890 года».

Комитетъ «Литературнаго фонда», въ качествѣ учредителя кассы, принялъ слѣдующія мѣры къ открытію ея дѣйствій. Въ декабрѣ 1890 г. сдѣланы были публикаціи и напечатанъ уставъ кассы какъ въ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ изданіяхъ, съ приглашеніемъ литераторовъ и ученыхъ заявить комитету о желаніи своемъ принять участіе въ кассѣ. Къ концу апрѣля 1891 г. такія заявленія поступили отъ 107 лицъ, и комитетъ на основаніи § 51 устава созвалъ 5-го мая 1891 года собраніе учредителей для открытія дѣйствій кассы.

Общія собранія.

Въ отчетномъ періодѣ было два общихъ собранія: учредительное—5-го мая и обыкновенное—27-го октября 1891 г.

Какъ уже сказано, число лицъ, заявившихъ о своемъ желаніи участвовать въ учрежденіи кассы, равнялось 107; въ самомъ собраніи къ нимъ присоединились еще 4 лица.

Всего, слѣдовательно, было 111 учредителей. Изъ нихъ къ 5-му мая (включительно) внесли свои вступные взносы (полностью или частью)—37 лицъ, а въ собраніи участвовало 35 лицъ.

Въ этомъ собраніи образовался первый составъ правленія кассы. Значительнымъ большинствомъ голосовъ избраны: И. Ѳ. Василевскій, Г. К. Градовскій, Д. Л. Мордовцевъ, О. К. Нотовичъ, А. И. Поповицкій, А. М. Скабичевскій, А. А. Тихоновъ, А. К. Шеллеръ и С. Н. Шубинскій.

Съ своей стороны, на основаніи § 33 устава, правленіе избрало: Г. К. Градовскаго—предсѣдателемъ, А. А. Тихонова—секретаремъ и И. Ѳ Василевскаго—казначеемъ.

Октябрьское общее собраніе было посвящено ознакомленію съ положеніемъ кассы и дѣйствіями правленія и избранію 64 новыхъ членовъ и ревизіонной коммиссіи для провѣрки отчета и дѣятельности кассы по 1-е января 1891 г.

Въ составъ ревизіонной коммиссіи избраны: К. К. Арсеньевъ, А. А. Исаевъ, В. А. Латышевъ, М. Л. Песковскій и П. М. Свободинъ, а кандидатами къ нимъ: Я. Г. Гуревичъ, В. Н. Никитинъ и В. П. Острогорскій.

Дѣятельность правленія.

Какъ уже было подробно доложено въ общемъ собраніи 27-го октября 1891 г., дѣятельность правленія сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ задачахъ:

1) На оповѣщеніи всѣхъ членовъ-учредителей о состоявшемся открытіи дѣйствій кассы и на полученіи причитающихся съ нихъ вступныхъ взносовъ;

2) На составленіи и разсылкѣ формы заявленій, требуемыхъ § 10 устава;

3) На распространеніи свѣдѣній о кассѣ и пріемѣ новыхъ членовъ;

4) На выработкѣ формъ счетоводства, дѣлопроизводства и отчетности.

О степени выполненія первыхъ трехъ задачъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже данныя и настоящее положеніе кассы. Что же касается четвертой задачи, то въ этомъ отношеніи достаточно указать, что правленіе старалось, по возможности, держаться традицій, выработанныхъ «Литературнымъ фондомъ». Тѣмъ не менѣе, соотвѣтственно особенностямъ кассы и

новѣйшимъ усовершенствованіямъ въ бухгалтеріи, правленіе признало необходимымъ принять иныя, нежели въ «Литературномъ фондѣ», формы счетоводства.

Въ настоящее время въ кассѣ заведены слѣдующія книги:

А) казначейскія: а) приходная, б) расходная, в) книга % бумагъ и г) квитанціонная.

Б) секретарскія: а) ордера приходные, б) ордера расходные, в) книга личныхъ счетовъ и г) адресная книга.

Сверхъ того, ведутся поразрядные и общіе списки членовъ и предполагается выработать форму особой книги для занесенія заявленій, требуемыхъ § 10 устава. Кромѣ того, въ конторы газетъ «Новости» и «Новое Время» правленіемъ выданы книги для пріема взносовъ отъ пребывающихъ въ Петербургѣ членовъ кассы [1]).

Наконецъ, положено начало и для веденія статистическихъ данныхъ по кассѣ, которыя и теперь полезны, но въ особенности окажутся необходимыми впослѣдствіи, при опредѣленіи размѣровъ страховаго риска членовъ, при выборѣ разрядовъ платежей, при измѣненіи правилъ нормировки, при установленіи старшаго предѣльнаго возроста, освобожденіи отъ обязательныхъ платежей и назначеніи пенсій.

Засѣданія правленія созывались въ случаяхъ, указанныхъ уставомъ, для разсмотрѣнія вопросовъ и дѣлъ, требующихъ коллегіальнаго разрѣшенія; вся же исполнительная часть велась должностными лицами правленія. Не считая частныхъ совѣщаній и соглашеній должностныхъ лицъ правленія, общихъ засѣданій его въ отчетномъ періодѣ было четыре: 5-го мая, 17-го мая, 15-го октября и 27-го октября.

О предметахъ занятій и постановленіяхъ правленія составлены надлежащіе журналы, а объ общихъ собраніяхъ и рѣшеніяхъ ихъ—протоколы.

На будущій (1892) годъ, согласно примѣчанія къ § 31 устава, по произведенному жребію, изъ состава правленія выходятъ: А. И. Поповицкій, А. А. Тихоновъ, А. К. Шеллеръ. Для замѣщенія ихъ въ общемъ собраніи будутъ предложены шесть кандидатовъ.

Члены кассы.

Какъ уже сказано, касса открыла свои дѣйствія при 111 членахъ-учредителяхъ. Изъ нихъ, однако, только 95 лицъ сдѣлали вступные взносы и образовали первый контингентъ участниковъ кассы. Одинъ изъ участниковъ кассы (Э. К. Ватсонъ) скончался нѣсколько дней спустя по открытіи дѣйствій кассы; новыхъ членовъ избрано—64. Такимъ образомъ, въ 1892 году въ кассѣ будетъ 158 членовъ.

По разрядамъ платежей участники кассы распредѣляются такъ:

Разрядъ.		1891 г. Число член.	1892 г. Число член.
I	50 рубл.	2	3
II	25 »	—	—
III	20 »	1	2
IV	15 »	3	4
V	10 »	20	25
VI	5 »	20	35
VII	3 »	23	41
VIII	1 »	26	41
		95	154 [2])

[1]) Въ Москвѣ съ 1892 г. пріемъ взносовъ производится въ конторѣ «Русскихъ Вѣдомостей».

[2]) Четыре члена, изъ числа новыхъ, еще не избрали разрядовъ своихъ платежей

Распредѣленіе участниковъ кассы по возростамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Возросты.	1891 г. Число	1892 г. лицъ.
Отъ 25 до 30 лѣтъ	11	21
» 30 » 35 »	10	22
» 35 » 40 »	18	31
» 40 » 45 »	14	23
» 45 » 50 »	10	16
» 50 » 55 »	12	13
» 55 » 60 »	5	4
» 60 » 65 »	2	5
» 65 » 70 »	1	1

Средній возростъ въ 1891 году составлялъ 41,43 года, а за 1892 годъ— 39,84 года.

Размѣръ выдачъ.

Въ 1891 году никакихъ выдачъ изъ кассы не было. Хотя одинъ изъ участниковъ кассы и скончался, но онъ успѣлъ сдѣлать только одинъ взносъ и не пожелалъ оставить требуемаго § 10 устава заявленія о томъ, кому надлежитъ выдать причитающуюся ему сумму.

Размѣры суммъ, подлежавшихъ выдачѣ изъ кассы въ 1891 году и подлежащихъ выдачѣ въ 1892 году, выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1891 г.	1892 г.
Для членовъ 50 рубл. разряда	510 рубл.	800 рубл.
» » 25 » »	— »	— »
» » 20 » »	480 »	740 »
» » 15 » »	470 »	720 »
» » 10 » »	445 »	680 »
» » 5 » »	320 »	515 »
» » 3 » »	230 »	379 »
» » 1 » »	94 »	153 » [1]

Общее положеніе кассы.

Изъ изложенныхъ данныхъ видно, что на 1892 годъ число членовъ увеличилось болѣе, нежели на 65%; средній размѣръ суммъ, подлежащихъ выдачѣ членамъ, возросъ съ 364 до 569 рублей, а средній возростъ членовъ уменьшился съ 41,43 до 39,84 года (болѣе нежели на 1½ года).

Другими словами: число участниковъ кассы въ первые же восемь мѣсяцевъ ея существованія и выгоды, обѣщаемыя этимъ учрежденіемъ, значительно возросли, а страховой рискъ участниковъ ея уменьшился, благодаря болѣе молодому составу членовъ.

Средній размѣръ обязательныхъ платежей членовъ опредѣлялся для 1891 года въ 3 рубля 83 коп., а для 1892 года составитъ—3 рубля 69 коп. Если бы участники кассы приняли во вниманіе всѣ эти весьма успокоительныя данныя и возвысили разряды своихъ платежей, то выгоды участія въ кассѣ быстро увеличились бы.

Суммы кассы.

Изъ отчета казначея видно, что за восемь мѣсяцевъ 1891 года балансъ денежныхъ оборотовъ кассы равняется 3.467 рубл. 87 коп.

---

[1]) При этомъ не приняты въ расчетъ платежи 4-хъ членовъ, разряды которыхъ еще неизвѣстны.

Изъ нихъ: дѣйствительнаго прихода было 1.969 рублей 75 коп., а дѣйствительнаго расхода—34 рубля 55 коп.

Въ 1892 году касса вступаетъ, слѣдовательно, съ капиталомъ въ 1.935 рублей 20 коп.

Не смотря на то, что касса находится еще въ зачаточномъ періодѣ своего существованія, всѣ положенные по уставу капиталы получили уже въ ней свое начало. Къ 1-му января 1892 года расходный капиталъ равнялся 1.693 рублямъ (не считая 30 рублей, поступившихъ отъ новыхъ членовъ), запасный капиталъ—206 рублей 20 коп. и пенсіонный—6 рублей.

Изъ этого числа подлежатъ перечисленію въ 1892 году: изъ расходнаго капитала въ запасный—60 рублей и изъ запаснаго въ пенсіонный—200 рублей.

Содѣйствіе, оказанное кассѣ.

Содѣйствіе кассѣ выразилось, прежде всего, въ пожертвованіи его императорскаго величества великаго князя Константина Константиновича въ размѣрѣ 200 рублей. Сумму эту правленіе предлагаетъ общему собранію перечислить въ пенсіонный капиталъ.

Многія періодическія изданія въ Петербургѣ (журналы: «Вѣстникъ Европы», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ» и газеты: «Новости», «Новое Время», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Русская Жизнь», «Петербургская Газета», «Петербургскій Листокъ»), въ Москвѣ («Русскія Вѣдомости»), въ Кіевѣ, Одессѣ, Казани, Саратовѣ, Самарѣ и др. городахъ напечатали уставъ кассы и давали мѣсто публикаціямъ и отчетамъ о дѣятельности ея.

Нѣкоторые литераторы напечатали рядъ статей и замѣтокъ, направленныхъ къ разъясненію устава и задачъ кассы. Особенно цѣнною представляется въ этомъ отношеніи статья профессора И. И. Янжула (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»), который оцѣнилъ кассу съ научной точки зрѣнія и указалъ на пользу развитія подобныхъ учрежденій въ Россіи. Статья эта оказала большое вліяніе на приливъ въ кассу новыхъ участниковъ.

Членъ кассы А. М. Вольфъ оказалъ правленію содѣйствіе при выработкѣ формъ счетоводства.

Въ конторахъ газетъ «Новости» и «Новое Время» принимались взносы членовъ кассы, а типографія «Новостей» безвозмездно выполняла всѣ необходимыя для кассы работы. Такое же содѣйствіе обѣщали оказывать кассѣ и типографіи «Новаго Времени» и И. Н. Скороходова.

Всѣ расходы почтовые, канцелярскіе и т. п. были приняты въ 1891 году членами правленія на свой счетъ.

Предсѣдатель правленія Гр. Градовскій.

20-го января 1891 года. Спб.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1892 г.[1])

А.

---

[1]) Въ „Указатель" не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и въ приложеніяхъ къ „Историческому Вѣстнику".

Б.

Г.

Е.

Ж.

І.

К.

М.

Н.

П.

Р.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

1892 г.

Портреты:

Абдулъ-Ахатъ-ханъ, эмиръ бухарскій, т. XLIX, 129.

Алексѣевъ, Александръ Алексѣевичъ, артистъ императорскихъ театровъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLIX, 489.

Астанакулъ, бухарскій сановникъ, т. XLVIII, 473.

Байронъ, Георгъ-Ноэль-Гордонъ, англійскій лордъ, поэтъ, т. XLVIII, 783.

Багратіонъ, князь, Петръ Ив., генер.-отъ-инф., съ гравированнаго портрета Чеккаго *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLVIII, 585.

Безакъ, Александръ Павл., генералъ-отъ артиллеріи, кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, т. XLVII, 548.

Вяземскій, кн. Петръ Андреев., поэтъ, т. XLIX, 445.

Гавріилъ (Банулеско-Бодони), кишиневскій митрополитъ, т. L, 179.

Гладстонъ, Вильямъ-Эвартъ, англійскій государственный человѣкъ, т. L:
— *(на отдѣльномъ листѣ)*, 5.
— У входа въ Гаварденскую церковь, 22.
— На молитвѣ, 229.
— На избирательномъ собраніи въ Лондонѣ 1 іюня 1892 г., 245.
— Гладстонъ-дровосѣкъ, 249.

Глинка, Мих. Ив., композиторъ:
— съ парижской литографіи *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLVII, 609.
— съ акварельнаго портрета Теребенева *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. L, 281.

Григоровичъ, В. И., профессоръ Одесскаго университета, т. L, 769.

Дивьеръ, гр. Антонъ Мануил., петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ 1870 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLVIII, 313.

Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири, т. XLVIII, 223.

Забѣлинъ, Ив. Егор., историкъ и археологъ, т. XLVIII, 749.

Колумбъ, Христофоръ, открывшій Америку, т. XLIX, 669.

Конашевичъ-Сагайдачный, Петръ, малороссійскій гетманъ, т. XLVII, 539.

Куракинъ, кн. Александръ Борис., съ обожженными руками и головой послѣ пожара, случившагося во время бала у князя Шварценберга въ августѣ 1810 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLVII, 7.

Копіи съ картинъ:

Виды городовъ, мѣстностей и зданій:

Бытовыя и другія изображенія:

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ НОЯБРѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Алексѣевъ, А. С., проф. Русское государственное право. Конспектъ лекцій. М. 1892 г. Ц. 3 р.

Альбомъ портретовъ и афтографовъ выдающихся дѣятелей науки, искусства, литературы и политики всего свѣта. Изданіе княгини Е. С. Урусовой. Ц. 15 р.

Андреевъ, К. А. Сборникъ упражненій по аналитической геометріи. Харьковъ. 1892 г. Ц. 1. р 30 к.

Анненская, А. Н. Дѣтство и юность Веніамина Франклина. Спб. Ц. 60 к.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакц. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. X и XI. Тифлисъ. 1892 г. Ц. вып. 20 к.

Боголюбовъ, М., д-ръ. Практическая фармакологія по рецептамъ современныхъ клиницистовъ. Издан. 2-е, дополн. М. Ц. 3 р.

Ботаническія Записки, издаваемыя при Ботаническомъ садѣ Имп. С.-Петерб. университета проф. А. Бекетовымъ и Хр. Гоби. Т. III, вып. 3-й. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Брандтъ, Романъ. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I. Фонетика. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Бѣлоусовъ, И. А. Малыши. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Съ рисунками. Спб. Ц. 25 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстриров. романы въ сокращенн. переводѣ Л. Шелгуновой: Карлъ Смѣлый.—Певериль Пикъ.—Пресвитеріане.—Пертская красавица.—Монастырь. Спб. Ц. каждой кн. 40 к.

Вильерсъ, А. На велосипедахъ. Фантастическое путешествіе черезъ Африку. Съ рисунками. 1892 г. Ц. 1 р.

Висковатовъ, П. А., проф. Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы съ библіографическими примѣчаніями. Дерптъ. Ц. 60 к.

Владиміровъ, Л. Е. Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи. М. 1892 г. Ц. 3 р.

Волжинъ, В. А. Изъ воспоминаній судебнаго слѣдователя. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. Вторая книжка разсказовъ. Изданіе 4-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Германъ, В. Горизонтальный вѣтряный двигатель. Спб. Ц. 60 к.

Гершельманъ, Э. Ф. Историческій очеркъ внутреннихъ водяныхъ сообщеній. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. М. Ц. 1 р.

Горяиновъ, С. М. Уставы о воинской повинности. Дополн. всѣми позднѣйшими узакон. по 1-е октября 1892 г. 2 т. Изд. 6-е. Спб. Ц. за 2 т. 5 р.

Гурбанъ-Ваянскій, Свѣтозаръ. Иродъ. Со славянскаго В. И. Кривошъ. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Джаншіевъ, Гр. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки, 3-е вновь дополненное изданіе. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дженъ-Ки-Тонгъ, генералъ. Романъ Желтаго Человѣка. (Изъ китайской жизни). М. 1892 г. Ц. 1 р.

Друммондъ, Г., проф. Высшее благо. Перев. съ 19-го англійскаго издан. М. Ц. 50 к.

Езерскій, Ѳ. В. О правильной постановкѣ преподаванія счетоводства. Спб. Ц. 2 р.

— Капитальная книга расчетливаго человѣка съ календаремъ счетоводъ на 1893 г. Спб. Ц. 60 к.

Еремѣевъ, М. Загородный двухъ-этажный деревянный домъ. Спб. Ц. 1 р.

Еремѣевъ, М. Проектъ скотнаго и коннаго двора. Спб. Ц. 1 р.

Есиповъ, Вл. Превышеніе и бездѣйствіе власти по русскому праву. Спб. 1892 г. Ц. 70 к.

Загоровскій, А., проф. Очерки гражданскаго судопроизводства въ новыхъ административно - судебныхъ учрежденіяхъ. Одесса. 1892 г. Ц. 3 р.

Зерновъ, Д. Руководство описательной анатоміи человѣка. Ч. III. Издан. 4-е. М. Ц. 2 р. 75 к.

Изданіе Спб. Комитета Грамотности. № 38. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Состав. Н. Рубакинъ. Спб. Ц. 20 к.

Иконниковъ, В. С., проф. Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. 1-я и 2-я. Кіевъ. Ц. за двѣ кн. 12 р.

Иллюстрированная естественно-научная библіотека. IV. Пещерные люди. Сост. Д. А. Коропчевскій. Съ рис. Спб. Ц. 40 к.

Карышевъ, Дм. Совѣсть. Этюдъ. 1892 г. Ц. 75 к.

Карѣевъ, Н. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. I. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Кирѣевъ, А. А. О папской непогрѣшимости. Изъ переписки католическаго ученаго съ русскимъ генераломъ. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Кичуновъ, Н. И. Культура розы въ открытомъ грунту и подъ стеклами. Съ рисунками. Спб. Ц. 75 к.

*) **Кольцовъ, А. В.** Стихотворенія. Съ портретомъ автора („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 10 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. VII. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Коровяковъ, Д. Искусство выразительнаго чтенія. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Короленко, С. А. Сельскохозяйственныя и статистическія свѣдѣнія по матеріаламъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. V. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Крыловъ, Викторъ (Александровъ). Драматическія сочиненія. Т. VI. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Кулеша, Елена. Сборникъ полезныхъ рецептовъ. Одесса. Ц. 1 р.

Ламанскій. Е. Индія. I. О неурожаяхъ въ Индіи. II. Современная Индія. Съ картою жел. дор. въ Индіи. Экономическій этюдъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Латкинъ, Н. В. Енисейская губернія, ея прошлое и настоящее. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Ледерле, М. М. Стасина библіотечка. Разсказы, стихотворенія, пословицы. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Лейкинъ, Н. А. Гдѣ апельсины зрѣютъ. Юмористическое описаніе путешествія супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ по Ривьерѣ и Италіи. Спб. Ц. 1 р.

Lesser, Ed., d-r. Руководство къ венерическимъ болѣзнямъ. Спб. Ц. 2 р.

Л. З. По садамъ, полямъ и огородамъ. Спб. Ц. 30 к.

Любимовъ, Н. М., проф. Чахотка, ея причины и предосторожности противъ нея. Публичная лекція. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Казань. Ц. 30 к.

— О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Публичн. лекція. Казань. Ц. 30 к.

— Способы распространенія заразныхъ болѣзней. Публичная лекція. Казань. Ц. 30 к.

Лори. Генеопатическая домашняя медицина. Переводъ подъ редакц. и съ предисловіемъ д-ра Л. Е. Бразоля. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. въ перепл. 6 р.

Маленнъ, А. I. Начала библіографіи въ Греціи и „Таблицы" Каллимаха. Спб. Ц. 40 к.

Малюга, И. Естественные строительные камни. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Манасеина, М. М. Сонъ, какъ треть жизни человѣка, или физіологія, патологія, гигіена и психологія сна. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Мар—ва, Т. И. Мысли и соображенія изъ математическихъ наукъ и географіи. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Мечниковъ, Ил. Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Миллеръ, Георгій. Десять заповѣдей. Разсказы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Modrich, G. Russia. Note et Ricordi di viaggio. Pr. 3 r.

Нейгебауэръ, Э., д-ръ. Очищеніе воды для промышленныхъ цѣлей и въ особенности воды для паровыхъ котловъ. Варшава. 1892 г. Ц. 75 к.

Ниточка (псевдонимъ) Семья. Дѣтская повѣсть. Сочинен. 8-ми-лѣтней дѣвочки. Рязань. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оржешко, Е. Приключеніе Яся. Съ польскаго. Разсказъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. Ц. 20 к.

Осокинъ, Н. А. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изд. 2-е. Казань. 1892 г. Ц. 75 к.

Павловская, Е. А. (Осипова). Семейная драма. Романъ. Спб. Ц. 1 р.

Павловскій, С. Систематическій курсъ рисованія для слѣпыхъ по квадратной рельефной сѣткѣ. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Павловскій, А. А. Значеніе и успѣхи классической археологіи. Вступительная лекція. Одесса. 1892 г. Ц. 25 к.

Пантюховъ, И. И. Населеніе Кутаисской губерніи. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Петри, Е. Ю. Методы и принципы географіи. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

*) **Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. IV, вып. 3-й. Лизандръ и Сулла. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Полный карманный путеводитель по Россіи. Зима и весна 1892—93 г. Спб Ц. 50 к.

Полѣнова, М. А. Лѣто въ Царскомъ Селѣ. Для дѣтей младшаго возроста. 4-е изд., дополн. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Постановленія о сборѣ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

Постниковъ, А. П. Основанія электротехники. Ч. II. М. Ц. 1 р. 25 к.

Потапенко, И. Н. Повѣсти и разсказы. Т. VI. Спб. Ц. 1 р.

Потебня, А. Мысль и языкъ. Изданіе 2-е. Съ портретомъ автора. Харьковъ. 1892 г. Ц. 2 р.

Привольевъ, И. Халдей. Повѣсть изъ новгородскаго быта XV вѣка. Спб. Ц. 80 к.

Пѣшехоновъ, А. Сборникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 25 к.

Раевскій, В. А. Записки по предмету начальныхъ основаній и краткой исторіи философіи. I. Издан. 2-е. Ц. 80 к.

— **М. Н.** Плодовая школа и плодовый садъ. Изд. 4-е, съ 153 рисунк. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Риттеръ-фонъ, А. А. „Отзвуки минувшаго“. Очерки, разсказы и воспоминанія. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Риттихъ, А. Русскій военный бытъ въ дѣйствительности и мечтахъ. Спб. Ц. 2 р.

Rosenbach, O., проф. О психическомъ леченіи внутреннихъ болѣзней. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Саліасъ, Е., гр. Тьма. (Исторія маленькаго человѣка). М. Ц. 1 р.

— Бригадирская внучка. Московская быль. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сафоновъ, С. А. „Нѣмецкій прибой“. („Drang nach Osten“). Романъ изъ современной русской жизни. Спб. Ц. 2 р.

Сервантесъ. Донъ-Кихотъ. Сокращенный переводъ для юношества. Съ рисунками. Спб. Ц. 50 к.

Случевскій, В. Уголовно-процессуальная казуистика. Спб. Ц. 1 р.

Собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями. Софоклъ. Вып. 1-й. Аяктъ. Ц. 50 к.—Софоклъ. Вып. 2-й. Электра. Ц. 50 к.—Софоклъ. Вып. 3-й. Эдипъ-царь. Ц. 50 к.—Публій Вергилій Маронъ. Вып. 1-й. 1-я кн. Энеиды. Ц. 30 к.—Гай Саллюстій Криспъ. Вып. 1-й. О заговорѣ Катилины. Ц. 50 к.

Софоклъ. Антигона. Лирическія партіи трагедіи съ метрическими дѣленіями, музыкою и иллюстраціями. Царское Село. 1892 г. Ц. 3 р.

Степановъ, П. Двухъ-этажная комнатная печь. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Стоюнинъ, Вл. Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ. Изд. 3-е. Спб. Ц. 80 к.

Страховъ, Н. Воспоминанія и отрывки. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Сушка овощей, зелени, плодовъ и выгоды ихъ потребленія. Спб. Ц. 5 к.

Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакц. П. Адріанова. Т. I. Кн. I—V. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тихомировъ, Левъ. Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. М. 1892 г. Ц. 10 к.

Трудъ и капиталъ. (Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи). Переводъ съ польскаго В. Свидерскаго. Спб. Ц. 20 коп.

Тумскій, К. И. Противозаразныя средства и дезинфекція. М. Ц. 50 к.

— 1892 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. 1-й. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Т. II. Статьи по археологіи. Подъ редакц. проф. В. Ключевскаго. М. 1892 г. Ц. 3 р.

Утинъ, Н. Кранцъ. Повѣсть. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Учебное изданіе римскихъ классиковъ. I. М. Т. Цицеронъ. Вып. 1-й. Рѣчь за С. Росція Америнца. Спб. Ц. 50 к.

Фарраръ, Ф. В. На зарѣ христіанства, или сцены изъ временъ Нерона. Историческій разсказъ. Перев. А. П. Лопухина. Спб. Ц. 3 р.

Фотогравюры съ картинъ В. Е. Маковскаго. Вып. 1-й Ц. 6 р.

Хитрово, М. Святой благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій. Съ рисунками, планами и картами. М. Ц. 2 р.

Хмѣльницкій, И. Сборникъ законовъ по уголовному праву и процессу. Одесса. 1892 г. Ц. 75 к.

Cséri, J., д-ръ. Клиническіе способы изслѣдованія болѣзней желудка въ ру-

кахъ врача-практика. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Циммерманъ, Эд. Открытіе Америки. Для русскаго юношества. М. Ц. 50 к.

*) **Черный, А. Н.** Море и моряки (морскіе очерки). Изд. 2-е, дополн. Спб. Ц. 1 р.

*) **Чеховъ, Александръ.** Химическій словарь фотографа Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Чичинадзе, Д. В. Уставъ о гербовомъ сборѣ. Издан. 2-е, исправл. и дополн. Спб. Ц. 1 р.

Шекспиръ, В. Гамлетъ, принцъ датскій. Трагедія въ 5-ти актахъ. Переводъ П. П. Гнѣдича. Съ сокращеніями, согласно требованіямъ сцены. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шимановскій, М. В. Городовое Положеніе 1892 г. Ц. 1 р.

— и **Хмѣльницкій, И. А.** Новѣйшія узаконенія, относящіяся къ преобразованію мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ Имперіи. Одесса. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шиммельбушъ, К., д-ръ. Руководство къ асептическому пользованію ранъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

*) **Шопенгауэръ, А.** Афоризмы и максимы. Переводъ Ф. В. Черниговца. Т. I. Издан. 4-е. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Шпехтъ, К. Устройства для предупрежденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ при обработкѣ металловъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Щегловъ, В. Г., проф. Государственный Совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе императора Александра I. Т. I. Ярославль. 1892 г. Ц. 5 р.

Щербатова, О. А., княгиня. По Индіи и Цейлону. Мои путевыя замѣтки. 1890—91 гг. Краткій обзоръ исторіи и современнаго положенія Индіи. Князя А. Г. Щербатова. Съ рисунками. М.1892 г. Ц. 7 р.

Энциклопедическій словарь. Подъ редакц. К. К. Арсеньева и Θ. Θ. Петрушевскаго. Вып. 14-й. Спб. Ц. въ перепл. 3 р.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этногр. Отд. Имп. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этногр. № 2—3. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

3 2044 022 659 486

